НАРОДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

I

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НАРОДЫ МИРА

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛЕНА – КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
С. П. ТОЛСТОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1962

НАРОДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

I

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
С.П.ТОЛСТОВА, Т.А.ЖДАНКО,
С.М.АБРАМЗОНА, Н.А.КИСЛЯКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1962

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том серии «Народы Мира» представляет собой обобщающий труд по этнографии многонационального населения Узбекской, Таджикской, Туркменской, Киргизской и Казахской Советских Социалистических Республик, освещающий историческое прошлое и современную жизнь народов всех этих республик, их хозяйство в прошлом и настоящем, семейно-бытовой уклад, материальную и духовную культуру и искусство. Всестороннее описание этой крупной историко-этнографической области нашей страны, народы которой, миновав капиталистическую стадию развития, за годы Советской власти преодолели свою отсталость, унаследованную от дореволюционного прошлого, и в результате осуществления ленинской национальной политики совершили переход от феодализма к социализму, до недавнего времени было еще неосуществимой задачей вследствие недостаточной изученности этнографии Средней Азии; в особенности мало было исследовано современное состояние культуры и быта разных национальностей и происходящие в их среде в условиях социализма этнографические процессы. Однако в конце 1940-х и в 1950-х годах многолетними этнографическими и комплексными археолого-этнографическими экспедициями Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР и академий наук республик Средней Азии и Казахстана был собран обширный полевой материал как историко-этнографический, так и по этнографии советского периода. В значительной степени этот материал был за указанный период обработан, изучен и опубликован в ряде изданий АН СССР и на местах. Новый полевой материал, собранный в разных районах и у разных групп населения Средней Азии и Казахстана, широко использован в настоящем издании. В период подготовки тома Институт этнографии АН СССР организовал специальные научные командировки для изучения современного состояния некоторых мелких народностей и этнографических групп (среднеазиатских цыган, среднеазиатских евреев, белуджей, ферганских каракалпаков, ирани и др.), что помогло восполнить пробелы в накопленном экспедициями материале.

В главе «Основные этапы этнической истории народов Средней Азии и Казахстана» использованы новейшие данные археологических исследований, проводившихся на территории этих республик.

Авторы тома приложили все усилия к тому, чтобы по возможности полнее осветить современную трактовку главных научных проблем этнографии народов Средней Азии и Казахстана. К числу этих важнейших проблем следует отнести: проблему этногенеза народов Средней Азии и Казахстана; проблему экономических, политических и культурных связей и взаимоотношений степных племен с земледельческим населением

оазисов Средней Азии на разных исторических этапах; вопрос об исторической роли полуоседлого населения Средней Азии и Казахстана; проблему пережитков родоплеменной организации и конкретных форм их влияния на общественную жизнь народов в прошлом, а также тесно связанный с этой проблемой вопрос о сущности патриархально-феодальных отношений, явившийся темой дискуссии на одной из научных сессий историков и этнографов в Ташкенте (1954 г.); ряд этнографических проблем, связанных с трактовкой значения культурного наследия народов Средней Азии и т. д. Не менее велик и важен круг освещенных в томе проблем этнографии советского периода, связанных с процессом социалистического преобразования культуры и быта крестьянства и рабочего класса и осуществлением ленинской национальной политики в Средней Азии и Казахстане. Программа Коммунистической партии и решения XXII съезда КПСС выдвигают перед этнографами целый ряд новых важнейших теоретических проблем, возникающих на современном этапе развития национальных отношений в СССР. Как отметил в своем докладе на историческом съезде Н. С. Хрущев, в условиях социализма действуют две взаимосвязанные прогрессивные тенденции в национальном вопросе: происходит бурное и всестороннее развитие каждой нации, расширяются права союзных и автономных республик и в то же время под знаменем пролетарского интернационализма идет все большее сближение социалистических наций, усиливается их взаимовлияние и взаимообогащение[1].

В условиях развернутого коммунистического строительства происходит дальнейшее сближение наций. «Строительство материально-технической базы коммунизма ведет к еще более тесному объединению советских народов... Стирание граней между классами и развитие коммунистических общественных отношений усиливают социальную однородность наций, способствуют развитию общих коммунистических черт культуры, морали и быта, дальнейшему укреплению взаимного доверия и дружбы между ними»[2].

Возникает задача исследования этих процессов, происходящих в среде народов СССР, в частности и у народов Средней Азии и Казахстана; на этнографическом материале разрабатываются такие вопросы (частично нашедшие отражение уже и в настоящей книге), как современное развитие социалистических наций; проблема всестороннего экономического и культурного сотрудничества и сближения народов Средней Азии и Казахстана со всеми братскими народами нашей страны; пути развития национальной культуры и формирование элементов общесоветской культуры (материальной и духовной) у народов Средней Азии и Казахстана; проблема национальных традиций — прогрессивных, способствующих развитию современных форм жизни, и консервативных, тормозящих это развитие, не отвечающих условиям жизни и потребностям людей нашего времени; тесно связанный с этой проблемой вопрос о реакционной роли ислама и мусульманского духовенства в современной жизни.

Том «Народы Средней Азии и Казахстана» содержит введение и 20 глав и делится на два полутома.

В первый полутом включены: «Введение», в котором даны общие сведения о численности и этно-лингвистическом составе населения республик Средней Азии и Казахстана; пять вводных глав, относящихся ко всему тому: «Географический очерк Средней Азии и Казахстана», «Основные этапы этнической истории народов Средней Азии и Казахстана», «Тюркские языки народов Средней Азии и Казахстана», «Иранские языки народов Средней Азии», «Антропологический состав населения Средней Азии и Казахстана», а также главы, посвященные отдельным народам Средней Азии: «Узбеки», «Каракалпаки», «Таджики». Особый раздел, «Припамир-

[1] Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961, стр. 190.
[2] Там же, стр. 405—406.

ские таджики», посвящен характеристике мелких народностей Памира, постепенно сливающихся с таджикской социалистической нацией.

Второй полутом посвящен описанию остальных крупных народов Средней Азии и Казахстана, а также мелких народностей и нацменьшинств. Он содержит следующие главы: «Туркмены», «Киргизы», «Казахи», «Уйгуры», «Дунгане», «Корейцы», «Среднеазиатские арабы», «Среднеазиатские цыгане», «Среднеазиатские евреи», «Белуджи», «Курды», а также «Русское и украинское население Средней Азии и Казахстана».

Том подготовлен научными сотрудниками сектора Средней Азии и Казахстана Института этнографии АН СССР совместно с этнографами академий наук союзных республик Средней Азии и Казахстана. План коллективной работы по созданию тома «Народы Средней Азии и Казахстана» обсуждался на втором среднеазиатском совещании археологов и этнографов в Душанбе, в октябре 1956 г., в результате чего подготовка глав и материалов к тому была включена в планы научно-исследовательских работ ряда институтов союзных академий.

Некоторые главы полностью или почти полностью подготовлены авторскими коллективами ученых союзных академий, другие написаны совместно научными сотрудниками Института этнографии и этнографами академий наук союзных республик или с использованием их материалов в отдельных разделах.

Авторская работа над отдельными главами первого полутома была распределена следующим образом:

«Географический очерк Средней Азии и Казахстана» — Э. М. Мурзаев; раздел «Хозяйственно-культурные типы» — Б. В. Андрианов;

«Основные этапы этнической истории народов Средней Азии и Казахстана» — С. П. Толстов, Т. А. Жданко (с участием М. А. Итиной и Ю. А. Рапопорта. Для некоторых разделов использованы предоставленные АН Узбекской ССР материалы И. М. Муминова и М. Г. Вахабова);

«Тюркские языки народов Средней Азии и Казахстана» — Н. А. Баскаков;

«Иранские языки народов Средней Азии» — В. А. Лившиц;

«Антропологический состав населения Средней Азии и Казахстана» — В. В. Гинзбург;

«Узбеки» — коллектив Института истории и археологии АН Узбекской ССР под руководством О. А. Сухаревой (для раздела «Исторические сведения» использованы материалы К. Акилова, М. Г. Вахабова, Ш. И. Иногамова, К. Л. Задыхиной, Б. Х. Кармышевой, а также новейшие исследования А. М. Аминова, В. Е. Непомнина и др. Для раздела «Основные занятия» использованы материалы К. Акилова, Ф. А. Аршова, Я. Г. Гулямова, Б. А. Десятчикова, Б. Х. Кармышевой, Н. В. Маленина, О. А. Сухаревой, Р. Я. Рассудовой. Раздел «Города и селения» написан О. А. Сухаревой, «Транспорт» — И. М. Джаббаровым, «Жилище» — В. Л. Ворониной и А. К. Писарчик, «Одежда» — М. А. Бикжановой, К. Л. Задыхиной и О. А. Сухаревой, «Пища» — А. К. Писарчик, «Общественный и семейный быт»— М. А. Бикжановой, К. Л. Задыхиной и О. А. Сухаревой, «Здравоохранение» — А. А. Кадыровым, «Физкультура и спорт» — И. М. Джаббаровым, «Просвещение» — Н. П. Архангельским. Для раздела «Наука» использованы труды и материалы Х. М. Абдуллаева. Раздел «Фольклор» написан И. М. Джаббаровым, «Литература» — С. Касымовым и О. Шарафутдиновым, «Театр» — В. П. Дьяченко, «Музыка» — Т. Е. Вызго, «Изобразительное искусство» — Л. И. Ремпелем и М. К. Рахимовым);

«Каракалпаки» — Т. А. Жданко (для некоторых разделов использованы материалы сотрудников Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР Р. К. Косбергенова, У. Х. Шалекенова, С. К. Камалова, Б. Исмаилова);

«Таджики» — Н. А. Кисляков (для раздела «Жилище» использованы материалы В. Л. Ворониной; раздел «Фольклор» написан Р. Амоновым, «Музыка» — О. Л. Данскер, «Театр» — Н. Х. Нурджановым, «Литература» — М. Ш. Шукуровым, «Изобразительное искусство» — Н. А. Белинской, «Припамирские таджики» — А. К. Писарчик).

Общее редактирование тома осуществлено редколлегией в составе чл.-корр. АН СССР, почетного академика АН УзССР С. П. Толстова (главный редактор), Т. А. Жданко (заместитель главного редактора), С. М. Абрамзона и Н. А. Кислякова. К редактированию отдельных глав и разделов привлекались научные сотрудники Института этнографии Б. Х. Кармышева, Г. П. Снесарев. В редактировании главы «Узбеки» принимала участие редакционная группа АН Узбекской ССР в составе О. А. Сухаревой, И. М. Джаббарова и К. Шаниязова.

В редактировании тома и подготовке его к печати участвовала Б. Г. Гершкович.

Рецензировали первый полутом А. А. Валитова и Б. О. Долгих.

Для научной консультации и рецензирования некоторых разделов привлекались искусствоведы Г. Л. Чепелевецкая, Н. В. Черкасова, музыковед В. С. Виноградов и другие специалисты.

Схематические карты к главе «Основные этапы этнической истории народов Средней Азии и Казахстана» подготовлены Т. А. Жданко, Ю. А. Рапопортом и М. А. Итиной. Карта хозяйственных типов Средней Азии и Казахстана составлена Б. В. Андриановым. Карта плотности населения и все этнографические карты к тому составлены Я. Р. Винниковым. Рисунки и таблицы выполнены художниками Т. В. Полетикой, Т. Л. Юзепчук и В. А. Гиппиус.

Большая часть фотографий подобрана из собраний Музея антропологии и этнографии и научных архивов экспедиций Института этнографии АН СССР (фотографы Среднеазиатской и Хорезмской экспедиций Ю. А. Аргиропуло и Г. А. Павлиди); использованы также фотоматериалы Выставки достижений народного хозяйства, фотохроники ТАСС, Узбекского телеграфного агентства; часть фотографий подобрана и прислана отделами этнографии академий наук союзных республик Средней Азии.

В подборе и подготовке иллюстраций принимали участие Н. П. Лобачева, С. П. Русяйкина, Л. Ф. Моногарова, Е. П. Николаичева.

В составлении списков литературы принимала участие Т. Н. Томина. Глоссарий редактировала Б. Х. Кармышева с участием Н. Н. Ершова.

Указатель составили Г. П. Снесарев, Н. Г. Борозна, М. А. Синеглазова, Ф. Д. Люшкевич, Л. А. Фирштейн.

Статистические сведения о численности населения во всех главах тома основаны на данных Всесоюзной переписи населения 1959 г.; в тех случаях, когда использованы другие данные, в подстрочных примечаниях сделаны ссылки на источник. Статистический материал переписи 1959 г. разработали и подготовили сотрудники лаборатории этнической статистики и картографии Института этнографии АН СССР.

В настоящем томе местные термины даются в тексте первый раз курсивом, на литературном языке описываемого народа. При дальнейшем повторении термины даются в русском написании, с максимальным приближением к произношению на языке данного народа; исключение составляют широко известные слова народов Средней Азии и Казахстана, вошедшие в русский язык (чигирь, джигит, медресе, мечеть, мулла и др.), которые даются в написании, принятом для них в русской литературе.

ВВЕДЕНИЕ

Союзные среднеазиатские республики — Узбекская с входящей в ее состав Кара-Калпакской АССР, Таджикская с Горно-Бадахшанской автономной областью, Туркменская и Киргизская занимают обширную территорию в 1238,4 тыс. кв. км на юго-западе Азиатской части СССР. К северу от них на пространстве в 2756 тыс. кв. км располагается Казахская ССР, крупнейшая из союзных республик после РСФСР по размерам своей территории; южная и юго-восточная части Казахстана по природно-географическим условиям относятся географами также к Средней Азии. Западная граница Средней Азии является естественной — она примыкает к Каспийскому морю; на востоке и юге среднеазиатских республик проходит государственная граница СССР с Китаем, Афганистаном и Ираном. Протяженность ее от горного узла Хан-Тенгри на стыке Киргизской и Казахской республик и Китая до сел. Гасан-Кули на восточном побережье Каспийского моря — около 4 тыс. км. К юго-востоку от Таджикистана, отделенные от него лишь узкой полосой гор и долин афганской территории — так называемым Афганским коридором, ширина которого местами не превышает 15 км, проходят государственные границы Индии и Пакистана. На востоке Казахская ССР граничит с Китайской Народной Республикой.

По данным переписи 1959 г. общая численность населения среднеазиатских республик составляет 13 668 тыс. человек, Казахстана — 9310 тыс. Средняя плотность населения Средней Азии — 12 человек на 1 кв. км, по республикам же она сильно варьирует, значительно падая в Туркмении и Кара-Калпакии, где преобладающую часть территории составляют пустынные пространства, а также в Горно-Бадахшанской автономной области (табл. 1). Некоторые же области Узбекистана по плотности населения приближаются к центральным промышленным районам РСФСР и Украины; так, например, в Андижанской области она составляет 182 человека на 1 кв. км, а в Ферганской области — 96 человек. Неравномерно распределяется население и в Казахстане.

Средняя Азия и Казахстан представляют собой крупный экономико-географический район, занимающий важное место в народном хозяйстве Советского Союза. Климатические условия, богатейшие природные ресурсы, производственные навыки населения обусловливают направление хозяйственной специализации и развития экономики этого восточного района нашей страны. Средняя Азия является основной хлопковой базой СССР; помимо хлопководства, специфику сельского хозяйства среднеазиатских республик составляют настбищное животноводство, шелководство, виноградарство и садоводство. Все эти виды хозяйственной деятельности

Таблица 1

Территория, численность и плотность населения республик Средней Азии и Казахстана (на 1960 г.) *

Республика	Площадь тыс. кв. км	Численность населения тыс. чел.	Число жителей на 1 кв. км
Узбекская ССР	408,9	8105,6	20
В том числе Кара-Калпакская АССР	165,6	510,1	3
Таджикская ССР	143,0	1980,0	14
В том числе Горно-Бадахшанская автономная область	63,7	73,0	1
Туркменская ССР	488,0	1516,4	3
Киргизская ССР	198,5	2065,8	11
Всего в Средней Азии	1238,4	13667,8	12
Казахская ССР	2756,0	9309,8	3
Всего	3994,4	22977,6	6

* См. «СССР. Административно-территориальное деление союзных республик», М., 1960 г.

являются традиционными для местного населения, накопившего многовековой трудовой опыт земледельческого и скотоводческого хозяйства; в настоящее время они гармонично развиваются на новой, мощной технической и научной базе социалистического сельского хозяйства.

Казахстан с его Целинным краем стал за последние годы одним из главных поставщиков зерна в Советском Союзе и крупнейшим районом животноводства. Однако ведущую роль в экономике среднеазиатских республик и Казахстана играет созданная за годы Советской власти индустрия: тяжелая промышленность — цветная и черная металлургия, горнодобывающая, машиностроительная, химическая, развивающаяся газовая промышленность, легкая, пищевая и другие, а также энергетическая; широко используются неиссякаемые запасы мощной силы течения среднеазиатских рек для строительства гидроэлектростанций.

Средняя Азия является одним из древнейших мировых центров цивилизации. В южных ее районах, как и в странах древневосточной цивилизации Передней Азии, более пяти тысячелетий назад появилось орошаемое земледелие. Население степных областей было знакомо с ирригацией уже в эпоху бронзы — во II тысячелетии до н. э. В середине I тысячелетия до н. э. в Средней Азии существовали могущественные государства.

На протяжении своей многовековой истории народы Средней Азии и Казахстана создали богатую и самобытную культуру, истоки и пути развития которой все более определенно выявляются в результате исследований советских археологов, историков и этнографов. Средняя Азия и Казахстан, население которых имеет много общих черт в своей материальной и духовной культуре, возникших вследствие общности исторических судеб и большой этнической близости, составляют единую историко-этнографическую область. В итоге длительного процесса этнического развития, осложнявшегося частыми передвижениями населения и переселением в Среднюю Азию на разных исторических этапах более или менее значительных групп народов соседних стран и областей, здесь образовались крупные народности, часть которых до революции уже стала на путь формирования буржуазных наций; в условиях советского строя сформировались шесть социалистических наций: узбекская, казахская, таджикская, киргизская, туркменская и каракалпакская.

Кроме этих основных народов в Средней Азии и Казахстане живут значительные группы представителей других национальностей, основная масса которых находится в зарубежных странах Востока (дунгане, корейцы, уйгуры, арабы, белуджи, курды, ирани и др.), а также в разных областях на востоке европейской части СССР (татары, башкиры, мордва и др.) и на Кавказе (армяне, азербайджанцы, балкарцы, чеченцы и др.).Значительную часть населения составляют русские, украинцы, белорусы (табл. 2).

Таблица 2

Численность основных национальностей в республиках Средней Азии и Казахстане по данным Всесоюзной переписи 1959 г. (в тыс. чел.)

Национальность	Узбекская ССР	Таджикская ССР	Туркменская ССР	Киргизская ССР	Казахская ССР	Всего в Средней Азии и Казахстане	Всего в СССР
Всего населения	8106	1980	1516	2066	9310	22978	208827
В том числе:							
Узбеки . . .	5038	454	125	219	137	5973	6015
Казахи . . .	335	13	70	20	2795	3233	3622
Таджики . .	311	1051	—	15	—	1377	1397
Туркмены .	55	—	924	—	—	979	1002
Киргизы . .	93	26	—	837	—	956	969
Каракалпаки	168	—	—	—	—	168	173
Уйгуры . .	—	—	—	14	60	74	95
Дунгане . .	—	—	—	—	10	10	22
Корейцы . .	138	—	—	—	74	212	314
Татары . . .	445	57	30	56	192	780	4968
Русские . .	1091	263	263	624	3974	6215	114114
Украинцы .	88	27	21	137	762	1035	37253
Белорусы .	—	—	—	—	107	107	7913

Республики Средней Азии многонациональны, но в них численно преобладает основная национальность. Многонациональна и Казахская ССР, где основная национальность — казахи составляет 29,6 % всего населения, хотя абсолютная численность казахов, как и других народов Средней Азии, существенно возросла за последние 20 лет (с 3101 тыс. человек в 1939 г. до 3622 тыс. в 1959 г.). Значительный приток русских, украинцев и представителей других национальностей в Казахскую ССР, происшедший в основном в 1940-е — 1950-е годы, был связан отчасти с перебазированием на восток многих промышленных предприятий из центральных районов страны в годы Великой Отечественной войны, но главным образом вызван бурными темпами нового промышленного строительства в Казахстане, а также охватившим весь Советский Союз движением за освоение целинных земель.

За пределами СССР, в Китайской Народной Республике, Афганистане, Иране и некоторых других странах зарубежного Востока, имеются более или менее многочисленные группы народов, основная масса которых живет в советских республиках Средней Азии и Казахстане. Так, 1,2 млн. узбеков и более 2,6 млн. таджиков живут в Афганистане; около 650 тыс. туркмен имеется в Иране, Афганистане, Ираке и других странах Передней Азии[1]. Среди населения КНР, преимущественно в Синьцзяне, живет 509 тыс. казахов, 71 тыс. киргизов, 14 тыс. узбеков. На юго-западе Синьцзяна, в

[1] С. И. Брук. Население земного шара. Приложение к карте «Народы мира». М., 1961, стр. 67, 77, 96, 97.

горных местностях, живет 14 тыс. припамирских таджиков, говорящих на сарыкольском и других диалектах шугнано-рушанской группы языков [2].

За рубежом, в КНР, живет основная масса уйгуров и дунган, составляющих группы нацменьшинств в Средней Азии и Казахстане. В Афганистане, Иране и Пакистане находятся центры расселения белуджей, а корейцы, живущие в нашей стране, составляют лишь небольшую группу тридцатипяти миллионного корейского народа.

Многонациональное население республик Средней Азии и Казахстана говорит на языках разных лингвистических семей и групп. Наибольшее число народов относится по своей лингвистической принадлежности к тюркской группе алтайской семьи языков. В эту группу входят государственные языки социалистических наций — узбеков, казахов, киргизов, каракалпаков, туркмен, а также уйгуров, татар и некоторых других национальных групп. Тюркоязычные народы составляют около 55% населения республик Средней Азии и Казахстана. В этих республиках сосредоточено более половины всего тюркоязычного населения СССР.

Среди языковых групп, относящихся к индоевропейской семье, главное место в Средней Азии занимает иранская. В лингвистическом отношении к иранской группе (западная ветвь) относятся таджики. Таджикский является вторым языком у постепенно забывающих свой родной древний язык небольшой группы ягнобцев, насчитывающей 2,5 тыс. человек, и припамирских таджиков, постепенно сливающихся с таджикской нацией. Собственный язык ягнобцев и не менее древние языки припамирских таджиков (шугнанцев, рушанцев, ваханцев, бартангцев, язгулямцев, ишкашимцев, баджуйцев), общая численность которых составляет немного более 42 тыс. человек, также относятся к иранской группе индоевропейских языков, но к восточной ее ветви.

На таджикском языке говорят и некоторые небольшие по численности народности и этнографические группы: среднеазиатские («бухарские») евреи, живущие главным образом в Бухаре, Самарканде и в городах Ферганской долины (всего около 23 тыс. человек); среднеазиатские цыгане (в Ферганской долине, в Самаркандской области и других районах, всего около 5 тыс. человек); небольшое число белуджей, живущих в южных районах Таджикской ССР и утративших (в отличие от белуджей Туркменской ССР) родной язык.

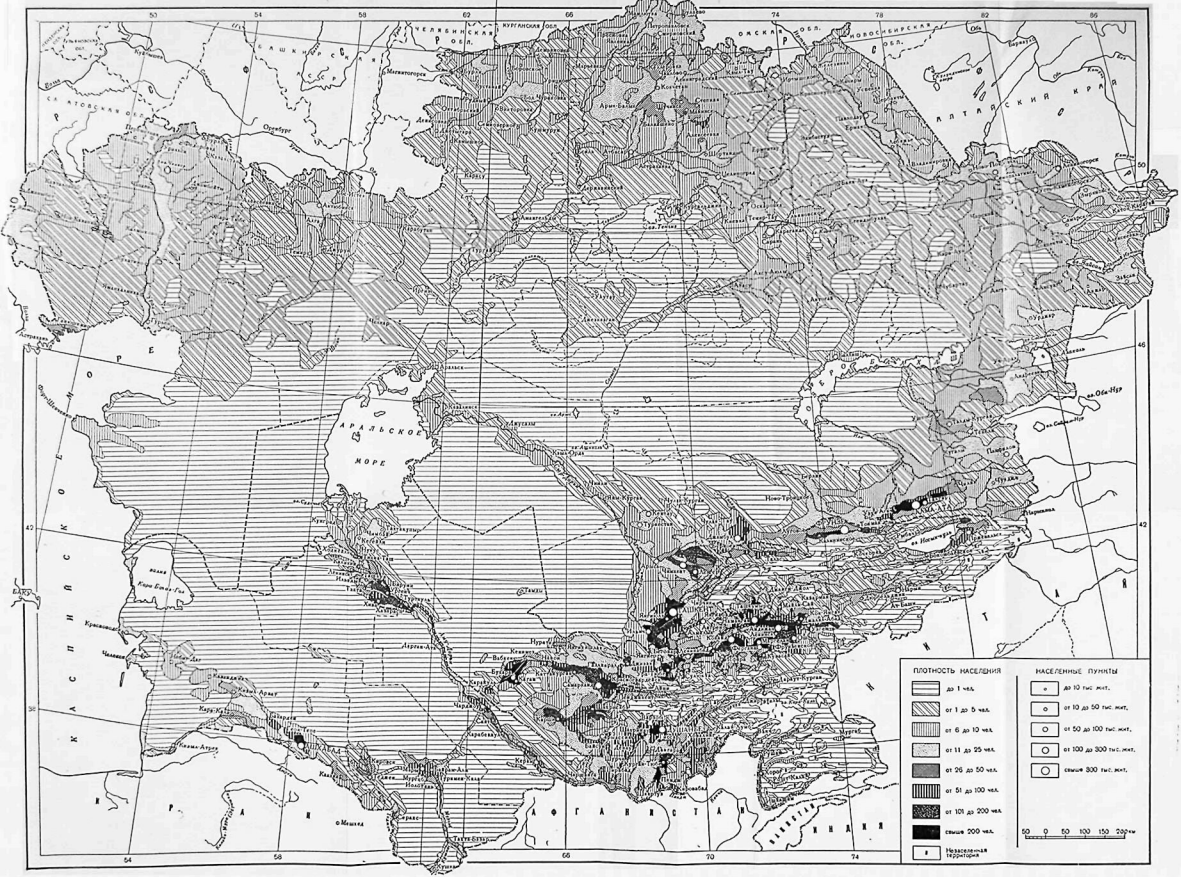
Из других языков иранской группы, распространенных у национальных меньшинств, проживающих в Средней Азии, следует отметить белуджский, курдский и персидский. Белуджи, живущие в Туркмении, говорят на хорасанском диалекте белуджского языка, отличающемся от диалекта белуджей Пакистана. Курды, из которых наиболее древние пришельцы в Среднюю Азию живут в небольшом числе в пределах Туркмении, в Ашхабадской и Марыйской областях, являются выходцами из Хорасана и говорят на наречии курманджи. Небольшая группа персов-ирани (называемая также фарси), живущая в Бухаре, Самарканде и в сельских местностях близ этих городов, представляет собой потомков переселившихся в разное время в Среднюю Азию уроженцев Ирана. Бухарские ирани ираноязычны, самаркандские в большинстве тюркоязычны, они говорят на узбекском языке. Ирани, живущие в сельских местностях Бухарской области, в большей степени, чем городские, сохраняют свои этнические и языковые особенности; в их говоре много элементов персидского языка.

Помимо языков иранской группы, на территории Средней Азии и Казахстана имеют большое распространение языки славянской группы индоевропейской лингвистической семьи — русский, украинский, белорусский и др. Следует отметить, что русский язык в республиках

---

[2] С. И. Брук. Население Китая, МНР и Кореи. Пояснительная записка к карте народов. М., 1959 стр. 15, 16,34.

КАРТА ПЛОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА



Средней Азии и в Казахстане, как и в других национальных республиках нашей страны, все более прочно входит в быт и культуру всех коренных национальностей в качестве второго языка; процесс этот происходит параллельно с развитием национальных языков. Русский язык играет важную роль в укреплении связей между разными национальностями, облегчает их ознакомление с сокровищами русской и мировой науки, литературы, техники. С другой стороны, благодаря русскому языку достижения каждой национальности в области экономики, культуры и искусства становятся достоянием всех народов.

Из народов, говорящих на других индоевропейских языках, в Средней Азии и Казахстане имеются представители армянской группы (армяне), германской (немцы), романской (молдаване), греческой (греки). В меньшей степени распространены языки кавказской и уральской лингвистических семей. Корейцы Средней Азии, сохраняя свой родной язык, говорят также на узбекском, казахском и других местных языках, большинство из них владеет и русским. Дунгане Средней Азии сохраняют свой родной язык, относящийся к китайской группе китайско-тибетской языковой семьи. Своеобразна группа среднеазиатских арабов, говорящих на узбекском или таджикском языках; утрачивая свои этнографические особенности и родной язык, они сливаются с узбекской и таджикской нациями, хотя часть из них продолжает еще считать своим родным языком арабский. Из общего числа около 8 тыс. среднеазиатских арабов при переписи 1959 г. назвали своим родным языком: арабский — 2,5 тыс., узбекский — 2,2 тыс., таджикский — 2,8 тыс. человек.

* * *

За 20 лет, истекших со времени переписи населения 1939 г. до Всесоюзной переписи 1959 г., численность населения республик Средней Азии и Казахстана сильно возросла. При общем увеличении численности населения в целом по СССР на 9,5%, в республиках Средней Азии и в Казахстане население увеличилось на 38,1%, в том числе в Узбекской ССР — на 28%, в Таджикской ССР — на 33%, в Туркменской ССР — на 21%, в Киргизской ССР — на 42%, в Казахской ССР — на 53%.

Такие высокие темпы роста численности населения этих республик были обусловлены значительным естественным приростом, а также, в еще большей степени, притоком населения из других союзных и автономных республик Советского Союза. Это связано с крупными сдвигами, происшедшими за указанный период в размещении производительных сил, с ускоренным развитием экономики республик Средней Азии и Казахстана, как и других ранее отсталых восточных районов страны, созданием там новых промышленных центров, освоением новых земель, открытием и разработкой природных богатств и другими явлениями экономической жизни, вызвавшими существенные передвижения и приток населения. С этими же факторами связаны крупные изменения, происшедшие в соотношении численности городского и сельского населения в республиках Средней Азии и в Казахстане. Так, удельный вес городского населения по отношению ко всему населению республики возрос в Узбекской ССР с 23% в 1939 г. до 34% в 1959 г.; в Таджикской ССР — с 33% до 46%, в Киргизской ССР — с 19% до 34%, в Казахской ССР — с 28% до 44%. Это увеличение произошло отчасти за счет естественного прироста городского населения, но в основном за счет перехода значительного числа сельских жителей на работу в города и рабочие поселки и притока населения в новые промышленные центры Средней Азии и Казахстана из других районов страны.

В среде многонационального населения Средней Азии и Казахстана в условиях социалистического строя происходят интенсивные этнические

процессы; с одной стороны, развиваются и становятся все более монолитными крупные нации, в составе которых прежние мелкие локальные и родоплеменные группы теряют следы своей былой замкнутости и обособленности; с другой стороны, сближаются с местным коренным населением и вкрапленные в разные районы группы национальных меньшинств, давно усвоившие язык окружающих их узбеков, таджиков или другого местного населения и ставшие двуязычными. Некоторые мелкие группы, с давних пор поселившиеся в Средней Азии и Казахстане и частично уже утратившие свои прежние языки, восприняв вместо них в качестве родного язык узбеков или таджиков (среднеазиатские цыгане, среднеазиатские арабы, ирани и др.), постепенно сливаются с этими нациями.

Экономическое и культурное сотрудничество, братская дружба, растущие интернациональные связи способствуют все большему сближению наций и народностей Средней Азии и Казахстана между собой и с другими народами Советского Союза; продолжая развивать свою национальную культуру, достигшую небывалого расцвета за годы Советской власти, они наравне со всеми крупными и малыми народами нашей страны участвуют в создании новых форм общесоветской социалистической культуры и быта.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Пять советских социалистических республик — Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия и Туркмения занимают обширную территорию, протянувшуюся от Западной Сибири на севере до Афганистана и Ирана на юге, от берегов Волги и Каспийского моря на западе и до Китая на востоке.

Расположены Средняя Азия и Казахстан в умеренных и южных широтах Советского Союза, между 55 и 35° с. ш., а четыре собственно среднеазиатские республики — между 45 и 35° с. ш., т. е. в самых южных широтах СССР, в полосе перехода от умеренного климата к субтропическому.

На территории Средней Азии и Казахстана, составляющей 4 млн. кв. км, природные условия очень разнообразны. На западе и севере простираются обширные равнины, различные по рельефу и составу слагающих их поверхностных отложений. На востоке и юге значительная площадь занята горными хребтами, которые уходят за пределы СССР, образуя единый великий горный пояс, обрамляющий с юга западную и центральную части азиатского материка.

Обширные равнины Казахстана и запада Средней Азии лежат на разных уровнях, но большей частью в пределах 200—500 м над уровнем океана, а в больших межгорных котловинах поднимаются до 1000 м. Глубочайшие сухие впадины нашей страны находятся в Средней Азии: Сарыкамышская котловина (дно высохшего озера) в самом глубоком месте на 45 м ниже уровня океана, а впадина Ахчакая (северо-западная часть Каракумов) — на 92 м; близ Каспия лежит впадина Карагие, где отмечена самая низкая точка на суше СССР — минус 132 м.

Горы Средней Азии начинаются на юго-западе небольшими возвышениями и хребтами Балхан, далее на восток переходящими в невысокий, но довольно широкий горный хребет Копет-Даг. Восточная часть Средней Азии занята двумя высокими горными системами — Памирской и Тянь-Шанской, каждая из которых состоит из большого количества горных хребтов, в основном широтного направления. Отроги Тянь-Шанской системы тянутся далеко на запад и северо-запад, однако наибольшей мощности и высоты они достигают на востоке. Это самые высокие горы СССР, многие хребты имеют высоту 4000—5000 м, а отдельные вершины достигают и даже превышают 7000 м. К северу от Тянь-Шаня, в центральной части

Казахстана, простирается Казахский мелкосопочник, а на северо-востоке территория Казахстана захватывает западную часть Алтая.

Географическое положение Казахстана и Средней Азии в сравнительно низких широтах определяет и климат края, умеренно теплый на севере и жаркий в южных его частях, с устойчивым сухим и знойным летом. Средняя Азия и Казахстан расположены внутри самого большого материка мира — Евразии, вдали от океанов, вследствие чего климат их резко континентальный; он отличается большими амплитудами колебания температур как суточных, так и годовых и крайне ничтожным количеством осадков, минимальным для СССР (на Памире 20—30 мм в год). Значительное влияние на смену климатических поясов с севера на юг оказывает рельеф, дополняющий широтную зональность вертикальной.

В высоких горах круглый год лежит снег, а в долине Аму-Дарьи, в Термезе находится полюс жары Советского Союза, здесь летом температура в тени поднимается до +50°. По своим природно-климатическим особенностям высокие горные долины и плато напоминают северную тундру. На сыртах центрального Тянь-Шаня средняя июльская температура достигает всего +5°, на Памире +14°, а морозы здесь доходят до 47°. Мерзлые грунты, пятна снега, мелкие холодные озерки, низкие подушкообразные жесткие кусты — таков суровый высокогорный пейзаж. Внизу, в песчаных пустынях, солнце печет невыносимо. На солончаках и в каменистых пустынях часто даже неприхотливый верблюд не найдет пищи, а на орошенных подгорных равнинах зеленеют сады и произрастают субтропические культуры.

Снега и ледники гор Средней Азии являются колоссальными и неисчерпаемыми источниками воды, питающими как крупные, так и второстепенные реки, несущие жизнь среднеазиатским оазисам. Главные реки Средней Азии — Аму-Дарья, берущая свое начало в горах Памира, и Сыр-Дарья, питаемая от ледников и снегов Тянь-Шаня. Среди других рек Средней Азии, орошающих плодородные оазисы, наиболее значительны Зеравшан, Чу, а также низовья Мургаба, Теджена и Атрека. По территории Казахстана протекают Иртыш, Или, Урал и Ишим. Наиболее крупными озерами являются Аральское море, питаемое водами Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, оз. Балхаш, в которое впадают Или, Тобол, Иссык-Куль и Зайсан.

Высокие снежные горы и безжизненные пустыни не стали препятствием для развития хозяйства и культуры населения Средней Азии. С глубокой древности развивалось здесь орошаемое земледелие и существовала высокая цивилизация. Благоприятные природные условия страны — продолжительное теплое лето, плодородные лёссовые почвы, возможность искусственного орошения обширных районов, многочисленные равнинные и горные пастбища и изобилие полезных ископаемых — способствовали развитию на протяжении многих веков разнообразных форм хозяйственной деятельности, сложению разных культурнохозяйственных типов у населения Средней Азии и Казахстана. Живущие на этой территории большие и малые народы связаны общностью исторических судеб и близостью многих черт культуры и быта.

Географическое положение Средней Азии и Казахстана определило и их торговое значение; в далеком прошлом, еще до открытия морских дорог, основные пути сообщения, связывающие Восточную и Центральную Азию с Восточной Европой и странами Ближнего Востока и Средиземноморья, проходили через описываемую территорию.

В наше время через Среднюю Азию и Казахстан проложены наземные и воздушные транспортные линии, связывающие Советский Союз с Ираном, Афганистаном, Индией и Китаем.

Казахстан и среднеазиатские республики ныне выделяются развитой промышленностью, особенно базирующейся на добыче и переработке

полезных ископаемых: угля, нефти, газа, железных руд, цветных металлов, фосфоритов, различных солей. Открытие и разведка газовых месторождений в Кызылкумах позволили использовать экономичное топливо не только для снабжения городов этих республик, но и строить гигантский газопровод через всю территорию Казахстана далеко на север — до Урала.

ПРИРОДНЫЕ ЗОНЫ И ЛАНДШАФТЫ

Среднеазиатские республики и Казахстан расположены в зонах степи, полупустыни и пустыни.

Степная зона занимает север Казахской ССР; ее южная граница проходит по 50—51° с. ш. В нее входит Рудный Алтай, часть Западно-Сибирской низменности, северная часть Казахского мелкосопочника и южные отроги Урала.

Степи, полупустыни и пустыни

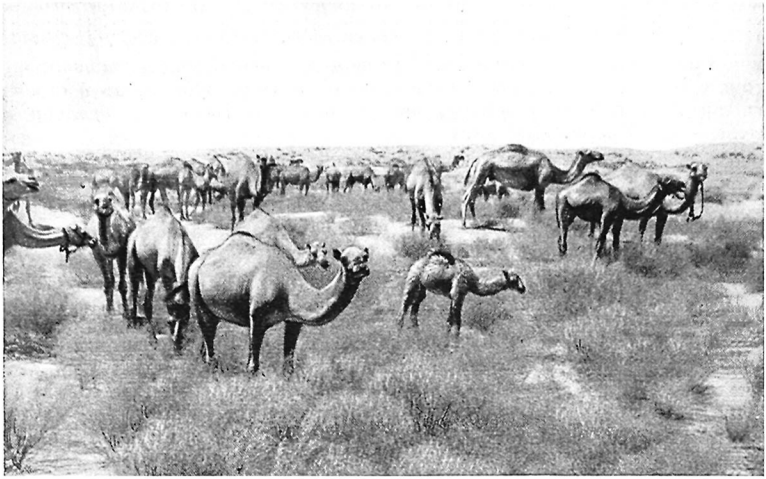
Зима здесь холодная, лето умеренно жаркое, средние температуры января ниже, чем, например, в Москве, и колеблются от —13 до —20°, июльские — от +16 до +21°, годовые—от 0° до +5°. Осадки распределяются в течение года неравномерно, наибольшее их количество выпадает в теплый период — с мая по октябрь. При среднем количестве годовых осадков 150—350 мм случаются годы сухие и, наоборот, с повышенной влажностью. В северной полосе зоны в пределах республики на фоне разнотравно-злаковой растительности выделяются березовые колки, что позволяет говорить о колковой лесостепи. Однако и здесь растительность преобладает степная, изменение которой связано с рельефом, увеличением континентальности и сухости с запада на восток. Широко известны также сосновые леса на боровых и гранитных дресвяных почвах, местами окруженные целинными ковыльными степями; живописными борами славится район курорта Борового в массиве Кокчетау.

В то время как на севере зоны господствуют черноземы, на юге их место занимают темно-каштановые почвы с местными признаками засоления.

В прошлом степная зона отличалась малой распаханностью и часто представляла собой обширные массивы с нетронутой ковыльной растительностью.

Однако в настоящее время, в результате успешного освоения целинных и залежных земель, степная зона республики выделяется высоко развитой земледельческой культурой и является крупнейшим в стране поставщиком яровой пшеницы.

Зона полупустынь на равнинах Казахстана занимает обширную территорию. В Советском Союзе наибольшая площадь полупустынь приходится на Казахскую ССР. На востоке они охватывают южную часть Казахского мелкосопочника, на западе — Приаральскую и Прикаспийскую низменности. Южная граница зоны проходит по 45—46° с. ш. Температурный режим полупустыни немного отличается от показателей, обычных для степи. Зима почти такая же холодная — средние температуры января колеблются от —11 до —18°, но зато малая мощность снежного покрова и сильные холодные ветры создают более тяжелые климатические условия и вызывают глубокое промерзание почвы. Однако лето здесь жаркое: средняя температура июля колеблется от +20 до +24°; дни, когда температура в тени поднимается до +30, +32°, не являются исключением в течение всех летних месяцев. Годовые температуры всюду положительные — от +2 до +4,5°. Характерно, что по увлажненности полупустыня Казахстана мало отличается от степной зоны. В среднем осадков выпадает на 35 мм меньше, чем в степи, и их количество колеблется от 120 до 270 мм. Но осадки распределяются более равномерно по сезонам года; лето



Верблюды на пастбище в песках Каракум

уже не выделяется как относительно влажное время. Заметна только наибольшая сухость в первые три месяца года (январь — март). Такое распределение осадков приводит к ряду важных последствий. В летнее время ощущается недостаток влаги для выращивания земледельческих культур, что особенно существенно, если учесть нарастание температур с севера на юг. Но зато малое количество снега позволяет пользоваться зимними пастбищами и подножными кормами для отгонного животноводства.

При господстве злаково-полынной растительности на светло-каштановых почвах, бедных органическими остатками, для полупустыни характерно очень пестрое, комплексное распределение растительности в зависимости от условий микрорельефа, состава материнских пород, наличия песчаного субстрата, увлажнения, засоления. Последний фактор приобретает большое значение, как создающий очаги пустыни среди пустынной степи. Поэтому говорят и пишут о пятнистой полупустыне, что характерно для некоторых районов Центрального Казахстана.

Неполивное земледелие в зоне полупустынь может развиваться для ограниченного ассортимента культур. В прошлом эта часть Казахстана являлась зоной кочевого скотоводства, опыт которого учитывается и современной системой отгонного животноводства. Использование кормовых ресурсов полупустыни при умелом сочетании сезонных пастбищ имеет большие перспективы. Распространенные солянково-полынные пастбища могут быть использованы для пастьбы в холодное время года. Злаковые полупустыни и участки степной растительности являются базой весенних и отчасти летних пастбищ. Это приводит к необходимости организации отгонного животноводства с перегоном стад на небольшие расстояния.

Зона пустынь охватывает большие пространства Казахской ССР, а также часть территории среднеазиатских республик. По площади ей принадлежит первое место.

Пустыни обладают значительными природными богатствами, требующими, правда, для их использования упорной работы и капиталовложений. Однако при искусственном орошении и надлежащей агротехнике на

лёссовых сероземных почвах дают прекрасные урожаи такие ценные культуры, которые в других местах Советского Союза мало где произрастают. Именно в зоне пустынь хорошо развиваются хлопчатник, рис, джугара (сорго), виноград, гранатник, многие садовые, эфиромасличные культуры.

Зона пустынь в природном отношении не однообразна. Здесь выделяются три подзоны: северная (казахстанская), средняя (туранская) и южная (субтропическая). Кроме того, весьма важным фактором, резко меняющим почвы, растительность и животный мир, служит состав поверхностных отложений: пески, лёсс, глинистые отложения, коренные породы. Такие изменения хорошо заметны при сравнении граничащих районов подгорных лёссовых равнин с песками в районе Голодной степи или устюртских останцов с глинистым субстратом с песками Каракумов или солончаками в западной части Туркмении.

Сравнение климатических показателей по трем подзонам говорит о значительном нарастании средних температур с севера на юг и увеличении длительности безморозного периода. Заметно также некоторое различие в характере выпадения осадков. В северной, казахстанской, подзоне весьма сказывается влияние полярных и арктических воздушных масс. В средней, туранской, подзоне преобладают массы среднеазиатского формирования в сочетании с воздушными массами западного переноса. Зимой нередки вторжения сибирского антициклонального холодного воздуха, проникающего даже в южную подзону, отчего здесь бывают дни с низкими зимними температурами. Южную часть Средней Азии (к югу от параллели 43°) климатологи выделяют в особый иранский субтропический район, в котором обычны массы южного тропического воздуха в сочетании с местными и северными. Вообще зимняя погода южной подзоны весьма неустойчива, но отличается более высокими температурами, чем в туранской подзоне.

Эти три подзоны отличаются также радиационными и температурными показателями: растет количество месяцев со средними температурами свыше 20° — с трех месяцев на севере пустыни до пяти на юге.

В северной подзоне зима весьма сурова (в январе средняя температура —10° и ниже), в средней подзоне январские температуры тоже почти всюду отрицательны; это весьма отличает их от южной подзоны, где январская температура всюду положительная.

Заметна разница также между годовыми температурами: в северной подзоне она составляет +5°, в средней подзоне она поднимается до +15°, а в южной на равнинах — до +17,4°. Любопытно сравнение этих подзон по количеству месяцев в году со средними положительными температурами: в северной подзоне их 7—8, в средней — 8—11, в южной — 11—12. Безморозный период в северной подзоне продолжается 150—190 дней, в южной подзоне, в Кара-кале — 236 дней, в Термезе — 234, в Байрам-Али — 212. Вегетационный период (со средними температурами свыше 10°) имеет на севере сумму температур в 3500—4000°, а на юге достигает 5800° (в среднем 4500—5000°).

Характер выпадения осадков позволяет более определенно подчеркнуть природу пустынь северной подзоны как пустынь умеренного пояса, средней зоны — как переходной, наконец, южной — как субтропической. В то время как в казахстанских пустынях осадки выпадают равномерно в течение года, со слабо выраженным весенним максимумом, в пустынях переходной подзоны весенний максимум и летний минимум выражены весьма отчетливо. В субтропической подзоне в летние месяцы, как правило, осадков нет совершенно, основная масса их выпадает в виде дождя в течение декабря — апреля, т. е. в холодное время года. Это говорит о средиземноморском ритме осадков и тем самым о субтропической природе южной подзоны. Таким образом, климатические условия позволяют легко

выделить ее в самостоятельную единицу. Длительный безморозный период и большое количество месяцев со средними температурами свыше 20° обусловливают продолжительный вегетационный период с температурами, позволяющими культивировать тонковолокнистые сорта хлопчатника, для нормального развития которого необходимы среднемесячные температуры не менее +15°. Не случайно, что северная граница тонковолокнистого хлопчатника совпадает с северной границей субтропической подзоны; позднесозревающие сорта хлопчатника распространены в южной части Таджикистана, в Мургабском оазисе и в оазисах Копет-Дага Туркмении и в Сурхандарьинской области Узбекистана.

Ограничение произрастания и плодоношения многолетних субтропических культур в южной подзоне предопределяется почти повсеместно возможными резкими снижениями зимних температур, в отдельные годы до —20, 30°. Исключение представляет районы юго-западной Туркмении (бассейн Сумбара), характеризующиеся относительно мягкими зимами, где сказывается влияние южной, наиболее теплой и глубокой части Каспийского моря и защитного действия Копет-Дага, прикрывающего с севера эти места. В результате этого в Кара-кале средняя температура января равна + 4,2°— величина, нигде не повторяющаяся в пределах советской Средней Азии.

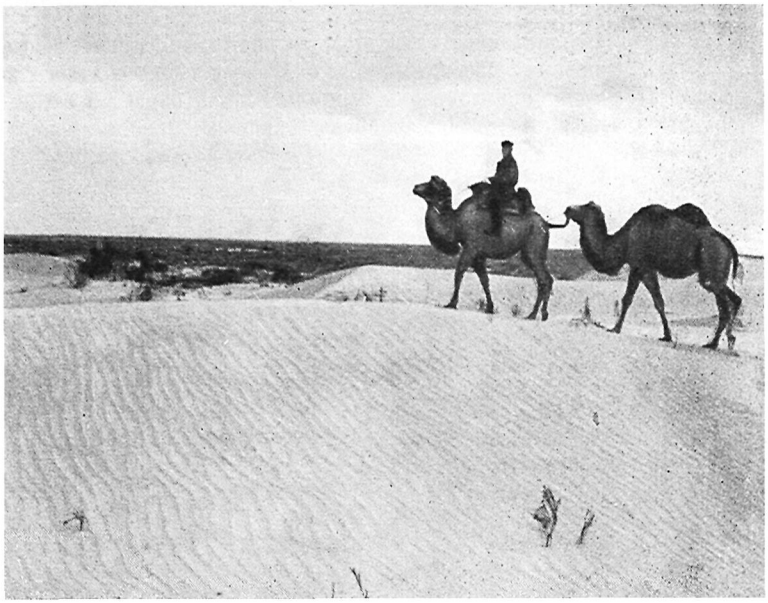
Северная граница хлопководства вообще, так же как и разведения грецкого ореха, примерно совпадает с северной границей туранской подзоны. В казахстанской подзоне хлопчатник почти не культивируется, его производство здесь нерентабельно из-за неподходящих климатических условий. На поливных землях в северной подзоне пустыни выращивают рис, сахарную свеклу, клещевину.

Казахстанская подзона характеризуется преобладанием пустынных серобурых почв с сильным проявлением солончаковатости и солонцеватости при отсутствии лёссовидных пород и лёссовых почв. На Устюрте весьма развиты структурные сероземы и гипсоносные почвы, иногда создающие гипсовую кору выветривания, известную под местным названием *бозынген*. Обычными компонентами растительного ландшафта в условиях северной подзоны являются многолетние полукустарники ряда полыней и солянок, которые растут мозаичными группировками в зависимости от микрорельефа. Современные и древние аллювиальные равнины выделяются наличием песчаных массивов, гладких, твердых глинистых пространств — *такыр*— с растрескавшейся, лишенной растительности поверхностью, солончаков и луговых почв с комплексом эфемероидов[1], полыней и солянок. Впрочем, эфемеровая и эфемероидная растительность мало характерна для северных пустынь, что связано с отсутствием выраженного дождливого периода, а отсюда и отсутствием запасов влаги в почве.

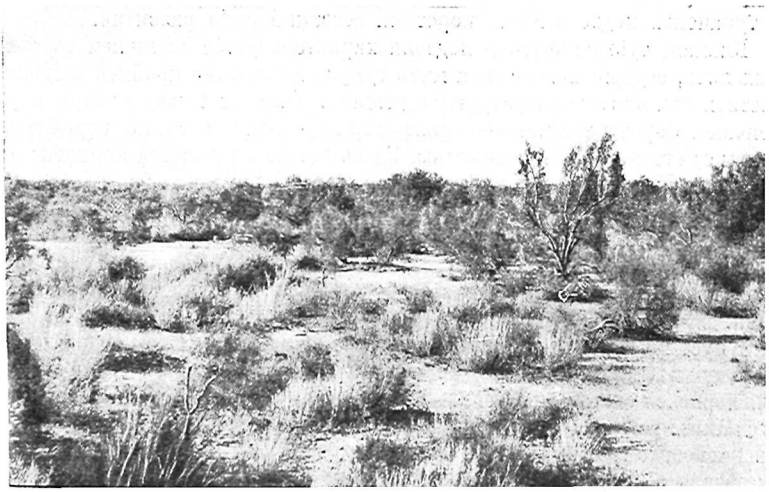
В туранской подзоне, наоборот, весенний максимум осадков вызывает обильный, но кратковременный расцвет эфемеров и эфемероидов на песках и подгорных равнинах, где зональный тип почв — сероземы обладают весьма малым содержанием гумуса, но высокой карбонатностью, чем объясняется их плодородие. Растительность туранской подзоны, помимо эфемеров и эфемероидов, характерна наличием крупных кустарников. Типичный эфемероид представляет собой осока *илак* — важное кормовое растение. На подгорных равнинах весной расстилается густой и пестрый ковер цветущих трав, главным образом луковичного мятлика и узколистой осоки.

В подгорных равнинах, сложенных новейшими рыхлыми отложениями, выделяется комплекс полусаванн, или субтропических степей,

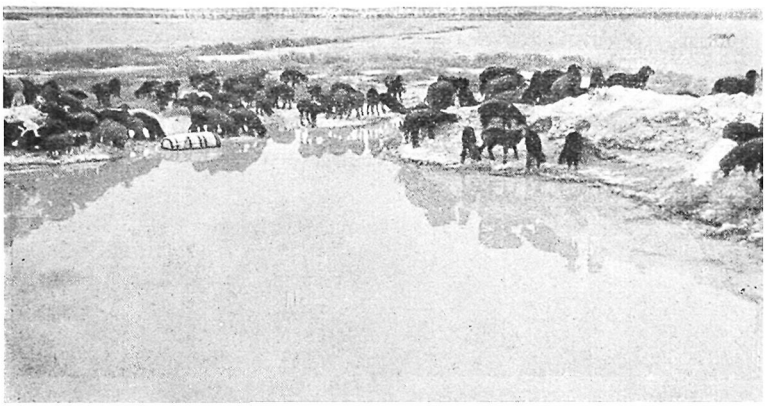
[1] Эфемероиды — группа многолетних растений, быстро заканчивающих цикл вегетации в течение весеннего влажного периода. Эфемеры — однолетние растения с очень коротким жизненным циклом.



Пески Матайкум в Приаралье



Заросли саксаула на центральном Устюрте



Водоем на такырах подгорной равнины Копет-Дага

отсутствующих в казахстанской подзоне. Растительность этих полусаванн в туранской подзоне имеет короткий весенний цикл развития.

Южная, субтропическая подзона характеризуется наличием сероземных почв, содержащих весьма мало гумуса вследствие крайней засушливости и высокого температурного режима. Обычны также такыры и солончаки. Сероземы в нижнем поясе гор переходят в сухие коричневые почвы со степной растительностью. Здесь также выделяется комплекс полусаванн, но в отличие от туранской подзоны, вследствие того, что средние температуры января равны нулю или положительны, вегетация захватывает холодную половину года и весну; летом, в период засух и высоких температур, развитие травяной растительности прекращается. Такой ритм развития растительности характерен, как известно, для тропических саванн.

В пустынной зоне обширные площади заняты песками Сары-Ишик отрау, Каракум и Кызылкум. Пески хорошо сохраняют влагу, они более доступны для корневой системы растений, чем твердые глинистые грунты. Поэтому песчаные пустыни богаче других растительностью и издавна использовались человеком для выпаса скота, особенно овец, коз и верблюдов, находящих здесь для себя прекрасный корм из осок, ветвей кустарников. В Каракумах и Кызылкумах пастбища используются в течение круглого года. Зимой в песчаных котловинах сравнительно тепло, здесь не страшны зимние ветры, снега обычно бывают очень мало и подножный корм всегда доступен животным. В последние годы на песчаных пастбищах развилось каракулеводство, которым особенно славится Бухарская область.

В песчаных пустынях наиболее характерны невысокие заросли (в 2—4 м высоты) белого саксаула с примесью многих полукустарников. Из-за чрезмерного выпаса скота и истребления крупных кустов на топливо происходит разрушение и уничтожение осокового покрова; в таких случаях

песок начинает передуваться ветрами, образуя барханы, и сохраняются только те растения, которые приспособлены к жизни на подвижном песке. Они никогда не образуют густой заросли, так что издали пески кажутся совсем безжизненными. Но большая часть наших песчаных пустынь в Средней Азии и Казахстане покрыта растительностью; на голые барханы приходится не более нескольких процентов общей площади пустынь.

Богат и разнообразен животный мир пустынной зоны. На обширных равнинах живет джайран, антилопа-сайга. Наиболее распространенными хищниками являются волк, лисица, дикий кот (барханный кот), пустынная рысь, или каракал, хорек, дикобраз. В пустыне обитает несметное количество тушканчиков, сусликов, песчанок; пресмыкающиеся представлены различными видами ящериц, среди которых есть и крупные — агамы и вараны, а также черепахи; встречается множество змей, в том числе ядовитых. Очень разнообразен мир птиц. Здесь водятся жаворонок, чекан, пустынная славка, саксаульская сойка, дрофа, саджа, беркут, филин и др. Встречается множество различных насекомых, паукообразных, в том числе фаланга и ядовитые каракурт и скорпион.

Типичными домашними животными являются верблюд, осел, лошадь, крупный рогатый скот, овца, коза.

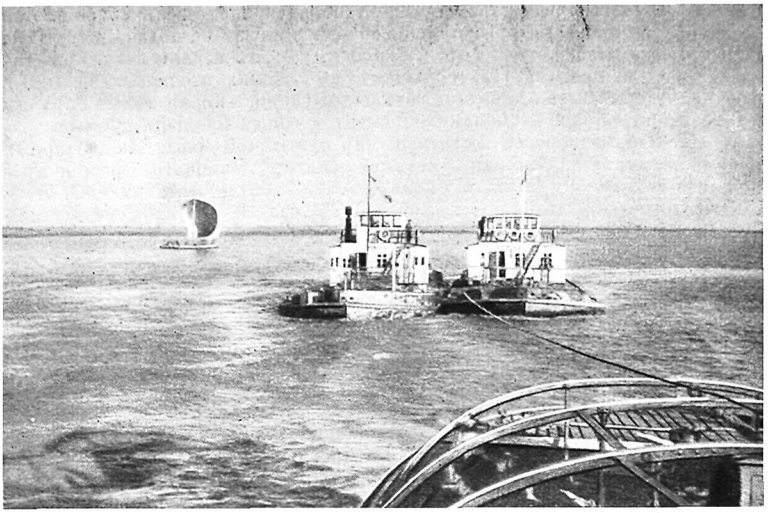
Оазисы в долинах и дельтах рек

Реки Средней Азии и Южного Казахстана зарождаются в горах и многие из них исчезают по выходе на пустынные равнины. Речная вода фильтруется в рыхлых отложениях подгорных равнин, ее разбирает человек для орошения богатых оазисов Ферганы, Мургаба, Зеравшана, известность которых теряется в глубине веков.

Реки пустынной зоны, их водные запасы служат для человека важным средством, при помощи которого он побеждает пустыню. Это особенно ярко видно на примере Сыр-Дарьи и ее бассейна. Достаточно сказать, что Ферганская долина, орошаемая Сыр-Дарьей и ее многочисленными притоками,— важнейший экономический район. Когда-то в Сыр-Дарью в пределах Ферганы впадало много полноводных рек, берущих начало в высоких горах Чаткальского, Ферганского, Алайского и Туркестанского хребтов. В наше время эти реки почти ничего не отдают Сыр-Дарье. Их воды человек использовал для орошения земель, создав современные ландшафты Ферганы — тенистые сады, изумрудные поля, серебристые каналы. Возникло Ферганское кольцо оазисов, больших, плодоносных. Тысячелетиями боролся человек за воду и постепенно использовал запасы почти всех притоков Сыр-Дарьи: р. Сох со сложной и разветвленной ирригационной системой, рек Исфара, Исфайрам, Шахимардан, Акбура, Кассан, Гава и многих других. Использовать воду притоков было легче, чем подчинить большую реку. Вот почему жители Ферганы строили оросительные системы на сравнительно небольших реках, и только в нашу эпоху люди смогли создать такие гидротехнические сооружения, которые заставили работать и многоводную Сыр-Дарью.

Еще до революции началось строительство голодностепской системы орошения. Строительство Фархадской гидростанции недалеко от г. Бегават позволило увеличить мощность этой системы и освоить новые земли. Ныне осуществлена постройка Кайракумской гидростанции близ Ленинабада, которая является крупнейшей в Средней Азии. Комплекс сооружений на Сыр-Дарье и ее притоках — каналы, гидростанции, водохранилища — постепенно изменяют режим реки.

Другой яркий пример воздействия человека на природу — долина Зеравшана, в особенности Бухарский и Самаркандский оазисы. Когда-то Зеравшан впадал в Аму-Дарью чуть ниже г. Чарджоу, ныне ни одна его капля не достигает Аму-Дарьи. Советские люди бережно используют водные запасы Зеравшана. В его долине колхозники Самаркандской и Бухарской областей построили громадное Катта-Курганское водохранилище, ко-



На Аму-Дарье

торое питается водами реки во время половодья и отдает их на орошение при низком уровне. Узбеки называют это водохранилище «Узбекским морем».

Узбекистан занимает первое место по орошаемой площади, 40% орошаемого земледелия в СССР приходится на эту республику.

В дельте Аму-Дарьи расстилаются поля, виноградники, сады знаменитого Хорезмского оазиса, издавна славившегося своим земледелием и искусством орошения.

Аллювиальная низменность Аму-Дарьи (Хорезмская) наклонена от реки к периферии. Однообразие этой низменности нарушают частые русла, как естественные, так и искусственные каналы, да редкие невысокие столообразные останцы, сложенные коренными породами. В других местах нельзя встретить выходы материнских пород, погребенных под мощным слоем аллювиальных отложений Аму-Дарьи.

Хорезмский оазис сложен речными осадками. Ежегодно Аму-Дарья выносит до 200 млн. тонн взвешенного материала, или, другими словами, 0,2 куб. км. На каждый квадратный метр орошаемой земли здесь река ежегодно откладывает почти два с половиной килограмма земли.

Подсчитано, что уровень поливных земель Хорезмского оазиса ежегодно в среднем повышается от 1 до 7 мм. Аму-Дарья много осадков оставляет в древней и современной дельтах, на поливных землях, в тростниковых зарослях, разливах. Чем ближе к Аральскому морю, тем светлее вода, тем меньше в ней мути. В своей современной дельте (вниз от Нукуса) река оставляет 80—85% груза, и только 15—20% твердых частиц попадают в Аральское море. Они идут на строительство подводной дельты.

Многочисленные русла, ныне сухие протоки древней дельты, пересекающие западную часть Хорезмской низменности, сбрасывают оставшиеся после орошения воды в Каракумы; но в прошлом бывали периоды, когда по ним текла амударьинская вода, достигавшая Сарыкамыша. Через Сарыкамышские озера, имевшие глубину около 100 м, и далее через старо-

речье Узбой Аму-Дарья временами имела частичный сток в Каспийское море. Но в основном в последние столетия Аму Дарья подмывает правый берег, отходит на восток. Правда. были «броски» неудержимой реки на запад, но кратковременные. Перемещение реки на восток привело к тому, что многие западные рукава отчленились от нее, лишились питания, высохли. Население Хорезма должно было прилагать громадные усилия к поддержанию водоносности оросительных каналов.

В наши годы река иногда как бы «вспоминает» свой древний покинутый путь. Во время особенно большого паводка она прорывает берега, устремляется по старым руслам, орошая сухую, растрескавшуюся глину равнин, и порою доносит воду по руслу Кунядарья (что по-туркменски значит старая река) до самого Сарыкамыша.

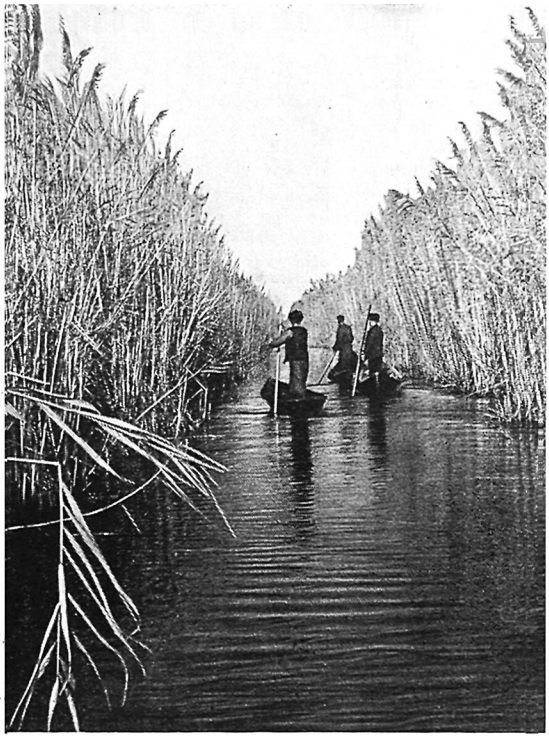
Берег Аму-Дарьи, разрушаемый дейгишем

В настоящее время считается бесспорным, что Узбой — действительно хорошо сохранившееся русло большой реки, некогда пересекавшей закаспийские пустыни, и что эта река и Аму-Дарья — не одно и то же. Аму-Дарья не могла в узбойском русле вместить и половины своих вод. Узбой представлял собой самостоятельную реку, бравшую начало в Сарыкамышских озерах. Она впадала в Балханский залив Каспийского моря; Сарыкамышские же озера питались частью вод Аму-Дарьи. Таким образом, Узбой можно сравнить с Волховом или Свирью, т. е. реками-протоками между озерами. От того, сколько воды сбрасывала Аму-Дарья в Сарыкамыш, зависела жизнь Узбоя. Когда уровень озера падал, «умирала» р. Узбой; уровень поднимался — река вновь текла к Каспию.

Реки Казахстана, за исключением южных тяньшанских, меньше используются для орошения, но зато в наши годы растет их значение в водообеспечении промышленных центров и в выработке гидроэнергии. Так на Иртыше работают Усть-Каменогорская и Бухтарминская ГЭС. Построен каскад станции на р. Алмаатинке. Предполагается построить пятьсоткилометровый канал из Иртыша до города Караганды для снабжения его предприятий. Судоходство развито относительно слабо на рр. Иртыш, Или, Урал, а также на озере Балхаш и на Аральском море.

По запасу гидроэнергии выделяются Таджикская и Киргизская республики. Строительство Нурекской ГЭС на р. Вахш и гидростанции на р. Нарын резко изменит энергообеспеченность всех четырех среднеазиатских республик.

С реками, их долинами и дельтами связана своеобразная тугайная растительность. Тугаи — это лес, заросли кустарников, тростников, растущих в условиях избытка влаги. Тугаи напоминают джунгли, они обиль-



«Тропа» в амударьинских плавнях

но орошаются паводковыми водами. Когда реки разливаются на много километров, затопляя низкие террасы, только кроны деревьев выступают из воды. Реки приносят много ила, тем самым обновляя почвы тугаев и обогащая их питательными продуктами. Когда же сходит вода, верхний слой почвы подсыхает и покрывается чуть заметной белесоватой пылью солей. Но близкие грунтовые воды бесперебойно питают растительность. Даже в самое жаркое лето растения живут в условиях избытка влаги.

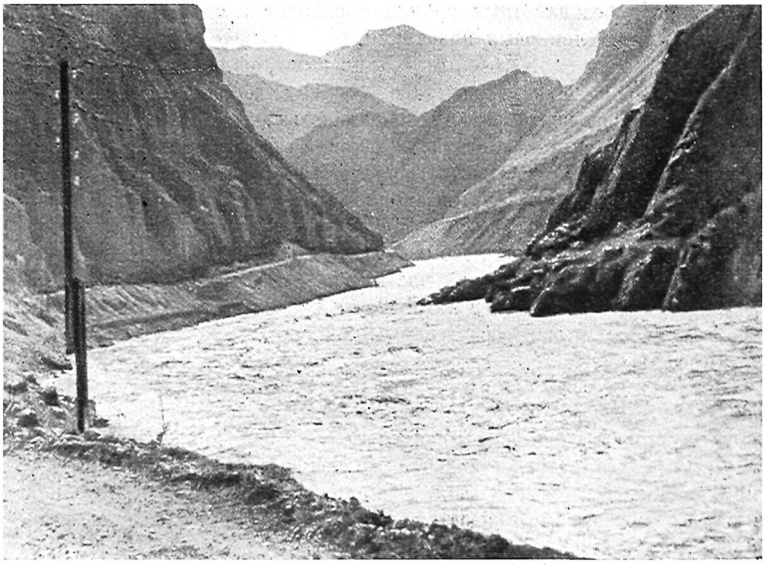
Тугайный лес состоит в основном из тополей; тополь *туранга* или *пет-тэ* достигает 7—8 м высоты, листья у него округлые, толстые, негнущиеся и легко ломающиеся. Другой тополь — разнолистный, с узкими и длинными, как у ивы, листьями на молодых побегах и сердцевидными — на взрослых. Деревья оплетены лианами. В тугаях растет также кустарник лох или, как его здесь называют, *джида*.

Туган — кочующий ландшафт. Река, меняющая русло, может смыть тугайные берега или уйти от них в сторону за 10—15 км, и тогда только жалкие сухолюбивые кустарники остаются от бывших пышных зарослей.

Типичными представителями животного мира тугаев являются кабан, камышовый кот, на юге — бухарский олень; из птиц характерны кукушка, сорока, кулик, болотный лунь, болотная сова, фазан.

Совсем особый ландшафт характерен для оазисов с их богатейшей культурной растительностью. Резко выделяясь зелеными красками на

Долина р. Чу перед входом в Боомское ущелье. Тянь-Шань



Верховья р. Зеравшан

фоне серовато-желтых пустынь, оазисы говорят о победе человека, отнявшего у пустыни сухие территории и превратившего их в цветущие места. Борьба за расширение оазисов продолжается и теперь. Каждый год, со вступлением в строй новых оросительных сооружений, территории, вчера безжизненные, зацветают веселой гаммой красок полей и садов.

В наши дни осуществляются большие ирригационные работы в зоне Каракумского канала, в долине Сурхан-Дарьи, в Фергане и во многих районах Средней Азии. Особенно следует отметить ирригационные работы в Голодной степи; здесь на месте пустынь возникают оазисы, все расширяющие свои границы, создаются города и поселки новоселов, побеждающих пустыню.

В оазисах культурная растительность очень разнообразна. Важное место принадлежит сейчас хлопчатнику — это ведущая и определяющая культура сельского хозяйства республик Средней Азии. Многообразны хлебные злаки: пшеница, ячмень, рис, просо, кукуруза, джугара; из бобовых — горох, маш, фасоль, бобы, люцерна и др. Очень много в оазисах плодовых деревьев. Больше всего здесь абрикосов, персиков, груш, яблок, граната, слив, айвы, миндаля, черешни, а также винограда; Семиречье славится своими яблоками; на юге Средней Азии культивируется сахарный тростник. Типичные для городов декоративные деревья — пирамидальный и серебристый тополь, орех, платан (чинар), карагач, шелковица, клен, каштан, ива, белая акация.

Богатая растительность придает селениям и городам очень своеобразный облик. Новые проспекты и старые переулки окаймлены прекрасными аллеями высоких и тенистых деревьев, под которыми журчат воды арыков. Часто за оградами городских домов сажают виноград, разбивают фруктовые сады, цветники и огороды. Для большинства городов среднеазиатских республик и Южного Казахстана применимо определение «город — сад». Города без заметных границ переходят в окружающие их сады, виноградники, хлопковые плантации.

Горы

Как было указано выше, наличие в Средней Азии и Казахстане высоких гор дополняет широтную зональность еще вертикальной зональностью.

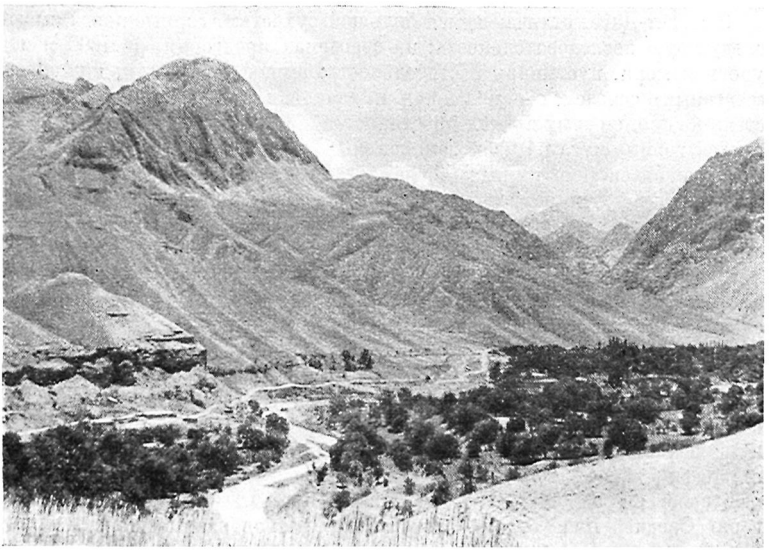
На Алтае горные разнотравно-злаковые степи с кустарниками поднимаются в казахстанской части гор до 350—400 м. Лиственные породы — береза, тополь, осина — встречаются у подножия или по склонам гор, в долинах рек. Часто береза сопутствует сосне. Некоторые авторы поэтому пишут о поясе березовой лесостепи, сменяющемся царством хвойных лесов, состоящих из сибирской лиственницы, пихты, ели, кедра, сосны. Выше других произрастает кедр. Почти все эти виды деревьев говорят о сибирском характере растительности.

Леса перемежаются лугами с высоким разнотравием. Выше 2000—2500 м над уровнем моря уже преобладают луга, образующие хорошо развитый альпийский пояс.

В полупустынной зоне Казахского мелкосопочника горные массивы Улутау и Чингистау достигают и даже превышают 1000 м над уровнем моря. В них резко выделяется степной пояс со злаковой растительностью и даже с березняками в долинах, дно которых покрыто лугами на плодородных почвах.

Тянь-Шань обладает большой гаммой вертикальных поясов. Нижний пояс Тянь-Шаня составляют пустыни на сероземах — *адыр*, для которых характерно обильное развитие весной многих эфемеров и эфемероидов. В это время года растительность данного пояса сходна с луговой; летом эфемеры сменяются развивающимися и сохраняющимися во время жары засухоустойчивыми пустынными полукустарничками, главным образом полынями и солянками. По мере подъема в горы эфемеровые пустыни уступают место пырейной или пырейно-разнотравной

Селение в долине р. Магион в Таджикистане



Селение в горном Таджикистане

полупустыне. Здесь возможно земледелие, но без орошения не всегда обеспечен урожай.

Выше появляются сухие ковыльно-типчаковые степи, в которых главные растения — злаки: ковыли, типчак, пырей, бородач. Этот пояс особенно широко распространен в Средней Азии.

Следующий пояс в горах — пояс луговых степей, зарослей кустарников и лиственных лесов. Начинается он на высотах 1200—1500 м. Здесь произрастает разнообразная растительность: много злаков, зонтичных, сложноцветных и др. Из кустарников преобладают шиповник, таволга, жимолость, боярышник, барбарис. В лиственных лесах, располагающихся отдельными островами, встречаются клен, карагач, грецкий орех, алыча, яблоня, груша, но здесь нет ни дуба, ни липы, ни бука.

В горах Ферганского и Чаткальского хребтов широколиственные леса занимают определенный пояс на высоте 1100—1900 м над уровнем моря. Ниже — очень сухо, выше — холодно и теплолюбивые породы деревьев вымерзают. Крайний верхний предел распространения лиственных лесов в Таджикистане — 2800 м, а в северной Киргизии — 1700 м.

Субальпийские луга, степи и хвойные леса располагаются в области высокогорий. В Ферганском хребте они появляются на высоте 2500—2700 м. Это пояс летних пастбищ — *джайляу*, куда отгоняют колхозные и совхозные стада на откормку. Особенно славятся джайляу Сусамыра и Алайской долины в Киргизии.

В этом же поясе, преимущественно в глубине ущелий, на их северных склонах, встречаются хвойные леса из тяньшанской ели, поднимающиеся до высоты 2800 м. Еловые леса сменяются арчевыми зарослями.

Самый высокий пояс — альпийские луга. Здесь господствуют низкорослые осоки, кобрезии, некоторые злаки, из кустарников — стелющаяся арча.

На Памире растительность развита слабо. Почвы здесь песчано-щебнистые, глинистые, каменистые, часты солончаки; здесь растут кустики солянки-терескена, полыни, некоторые злаки.

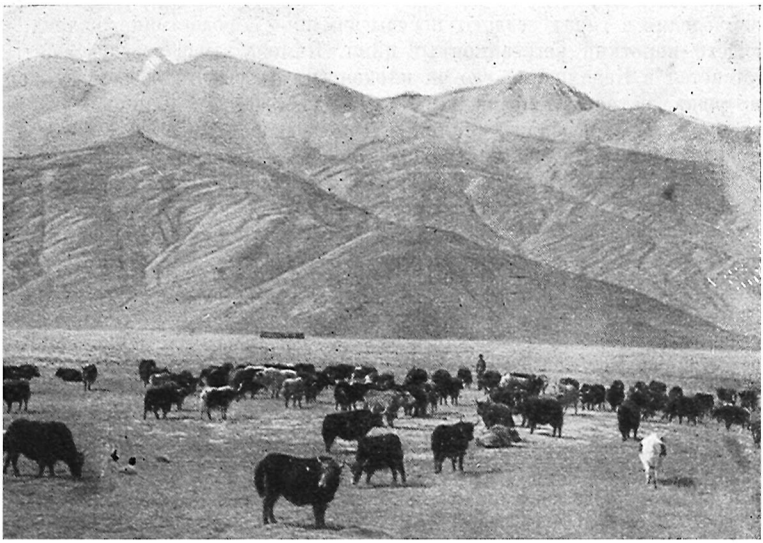
В Копет-Даге, отличающемся большой сухостью, горные пояса имеют следующую последовательность: на сероземах предгорий, до 1000 м над уровнем моря, пустынная растительность; выше, до 1800 м, на темных «северных» сероземах — полынная и злаковая степь; горная злаковая степь на темно-серых почвах простирается до 2400 м; еще выше располагаются горные луга на черноземновидных почвах и скалистые вершины.

Сложная система горных географических поясов с их неповторяющимися ландшафтами дифференцированно используется человеком в хозяйственных целях; одни из них являются летними пастбищами, другие — весенними или осенними.

Горы богаты диким зверем. Охотники в высокогорьях промышляют барса-ирбиса, горных барана и козла, сурка. В лесах водятся медведи, олени и косули; в более низких поясах — различные грызуны, волки, лисицы. Горная охота издавна давала человеку больше мяса и шкур, чем охота на равнинах Средней Азии и Казахстана.

Фауна Памира и Копет-Дага несколько отличается от фауны других горных областей. На Памире водится баран Марко Поло, памирский медведь; из домашних животных разводится як. В Копет-Даге встречается гепард, пантера, б зоаровый козел, копет-дагский баран, а также самый опасный хищник — леопард, ядовитые змеи — гюрза и кобра. В горах Средней Азии богато представлены разнообразные породы птиц, большинство которых связано с различными растительными зонами.

Земледельцы в течение веков выработали систему культур, приспособленных к вегетации и плодоношению в разных горных поясах, на разных высотах в условиях сурового климата. Чем выше, тем меньше возделываемых культур. Сначала народный опыт, а затем наука позволили



Стадо яков на высокогорном пастбище Памира

Дорога на Хорог в горах

развивать земледелие в климатических условиях Средней Азии на таких высотах, на которых в других горных районах Советского Союза и Западной Европы уже ничего не сеют. Крайний верхний предел земледелия в горах создают посевы ячменя—морозостойкого злака, имеющего короткий вегетационный цикл. Ячмень выше всего в горы поднимается в Бадахшане, где он плодоносит на высоте 3860 м. Пшеница и рожь встречаются на высотах 3300—3400 м, абрикос — 3000 м, грецкий орех на южных склонах гор зеленеет на высоте 2800 м, виноград дает плоды на уровне 2200 м. Хлопчатник, как известно, относится к одной из самых требовательных к теплу культур. В южном Таджикистане его разводят в горах до высоты 1500 м, в Ферганской долине до 800 м, в южном Казахстане еще на более низких уровнях. Хлопчатник может произрастать и выше, но при этом резко снижается его урожай, что приводит к убыточности производства.

Горный рельеф в прошлом во многом затруднял культурное и хозяйственное общение населения. Связь между отдельными областями Средней Азии и восточной части Казахстана осуществлялась подчас исключительно через перевальные тропы, доступные только летом. Такая изоляция способствовала сохранению самобытности в хозяйстве, материальной культуре и языке, сохранению этнографических особенностей, наблюдавшихся еще недавно. До сих пор это заметно в Бадахшане, где отдельные районы обладают значительной этнографической спецификой.

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ

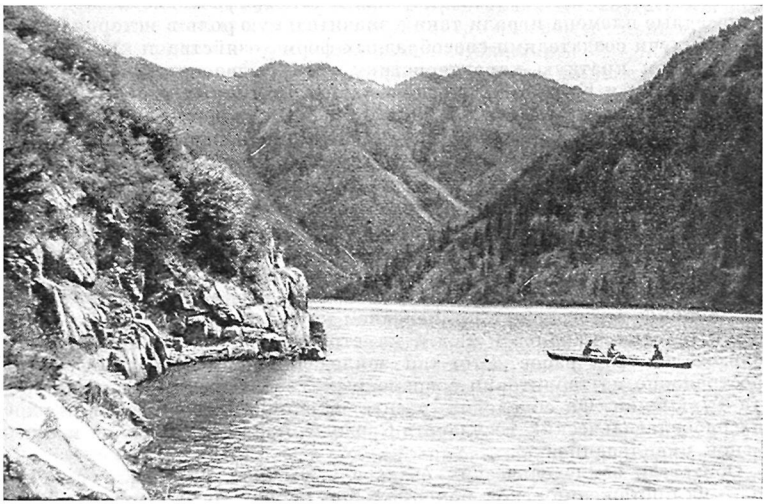
Издавна Средняя Азия и Казахстан выделялись пестротой этнического состава и большим разнообразием хозяйственно-культурных особенностей отдельных районов, различие между которыми было обусловлено описанными выше резкими контрастами природных условий — сочетанием обширных песчаных и глинистых пустынь, пригодных для скотоводства, и мощных горных систем, где в предгорьях и главным образом на подгорных равнинах, а также в долинах и дельтах рек возникали древнейшие очаги земледельческой культуры, где наряду с земледелием было развито скотоводство и рыболовство. Отдельные местности отличались одна от другой особенностями исторически сложившихся взаимосвязей между хозяйственной деятельностью населения и географической средой, что в свою очередь определяло образ жизни, характер материальной культуры—видов поселений и жилища, средств передвижения, пищи и т. п.

Этнографическая наука выработала принцип классификации населения по так называемым хозяйственно-культурным типам; хозяйственно-культурные типы — это исторически сложившиеся комплексы взаимосвязанных особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, находящихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития и живущих в сходных естественно-географических условиях.

Этнографы выделяют на территории Средней Азии и Казахстана конца XIX—начала XX в. три главных хозяйственно-культурных типа: 1) оседлых жителей оазисов, ведущих интенсивное земледельческое хозяйство с применением искусственного орошения; 2) полуоседлое население, сочетающее скотоводство с земледелием; 3) кочевников-скотоводов. В шести из пятнадцати выделенных географами на территории Средней Азии и Казахстана природно-хозяйственных зон[1] в дореволюционный период, судя по историко-этнографическим материалам, преобладал хозяйственно-культурный тип оседлых земледельцев, ведущих свое хозяйство на

[1] Ю. Г. Саушкин. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. М., 1947, стр. 15, 16.

Шоссе Душанбе — Самарканд



Горное озеро Иссык. Казахская ССР

искусственно орошаемых землях и межгорных долинах и на равнинных предгорьях; в трех зонах — хозяйственно-культурный тип кочевников-скотоводов, значительная часть которых занималась также нерегулярным земледелием на своих зимовках и у временных источников и родников пустынной зоны; в четырех — хозяйственно-культурный тип полуоседлых земледельцев и скотоводов, для которых было характерно занятие нерегулярным поливным и каирным земледелием на окраинах земледельческих оазисов и в низовьях рек, иногда сочетавшееся с рыболовством. Несколько иной вариант этого же хозяйственно-культурного типа мы видим в горных районах, где горнопастбищное и отгонное скотоводство иногда сочеталось с богарным, неполивным (*богара* — посевы под весенние дожди) и мелкооазисным поливным земледелием.

Для каждого из крупных народов Средней Азии и Казахстана один из этих трех хозяйственно-культурных типов был основным, традиционным и преобладающим, но вместе с тем нередко отдельные этнографические или локальные группы в среде одного и того же народа относились к различным хозяйственно-культурным типам (см. карту, стр. 36—37).

Большинство населения Средней Азии и Казахстана в конце XIX и начале XX в. занималось оседлым земледелием на искусственно орошаемых землях и кочевым скотоводством. Оседлые земледельческие и степные скотоводческие народы никогда не существовали изолированно друг от друга. Они всегда находились в тесных экономических взаимоотношениях, обмениваясь продукцией своего хозяйства; сильны были всегда также политические и культурные связи между ними. Эти многовековые связи между оседлым населением и степными племенами определили чрезвычайно много своеобразных черт истории, образа жизни и особенностей материальной и духовной культуры народов Средней Азии и Казахстана. Как показывают новейшие археологические и этнографические исследования, полуоседлые племена играли также значительную роль в истории Средней Азии, будучи создателями своеобразных форм хозяйства и культуры.

Приведем краткую характеристику трех выделенных на территории Средней Азии и Казахстана хозяйственно-культурных типов.

1. Оседлые земледельцы. Они существовали в Средней Азии и Казахстане с древних времен. На плодородных берегах речных систем Востока, к которым следует отнести и ряд среднеазиатских рек (Аму-Дарью, Сыр-Дарью, Мургаб и др.), там, где природные условия обеспечивали возможность орошения, на основе плужного ирригационного земледелия сложились древнейшие государственные объединения, классовые общества и был заложен фундамент современной цивилизации.

Еще в рабовладельческую эпоху получило распространение интенсивное поливное земледелие с применением крупных ирригационных сооружений (плотин, каналов и т. д.), на строительстве которых широко использовался труд рабов. Этот тип земледелия получил наибольшее распространение на территории современных Узбекистана, Таджикистана и юга Туркмении. Он обусловил расцвет экономики могущественных древних рабовладельческих государств Средней Азии с их высокой и своеобразной цивилизацией.

Обитатели земледельческих оазисов — узбеки, таджики, туркмены и др. — на протяжении веков накопили богатейший опыт в ирригационном земледелии, в строительстве мощных оросительных сооружений, в способах орошения полей.

Земледельцы выработали ряд способов восстановления плодородия почв и агротехнических приемов по улучшению их физических и химических свойств: мелиорацию пескованием, разрушением такырной корочки, удобрение илистыми наносами оросительных вод, отбросами, землей с разрушенных глиняных построек и береговых отвалов заброшенных ка-

налов, отличающихся высоким содержанием калийных солей; они применяли полив и промывку почв с целью избавиться от вредных солей в верхнем слое и т. п.

Районы поливного земледелия в долинах рек, межгорных котловинах и в предгорьях Средней Азии выделяются как ареалы с исключительно густым сельскохозяйственным населением. В начале XX в. в отдельных частях Бухарского и Самаркандского оазисов по Зеравшану и в Ферганской долине средняя плотность населения превышала 150—200 человек на 1 кв. км; в Хорезмском оазисе — 80—100 человек на 1 кв. км. Плотность населения уменьшалась к периферии оазисов. В большинстве случаев густонаселенные земледельческие орошаемые территории резко отграничивались от соседних малозаселенных пустынных или заболоченных (в дельтах рек) территорий, используемых под скотоводство. Поселения земледельцев в орошаемой зоне были приурочены к оросительным системам и располагались по соседству с обрабатываемыми участками.

В низовьях больших рек — на Аму-Дарье, Сыр-Дарье, Зеравшане — преобладал рассредоточенный («хуторской») тип поселения: отдельные усадьбы земледельцев были разбросаны сравнительно далеко одна от другой (например, в Хорезме — на 400—500 м); они образовывали широкую (от 2 до 5 км) полосу вдоль главных магистральных каналов. Расположение усадеб зависело от направления каналов и разветвления их на более мелкие.

Характер оросительной сети в значительной степени определял расселение земледельцев и в межгорных котловинах (Фергана, бассейны рек Зеравшана, Таласа, Асы и др.), где на обширных аллювиальных конусах выноса образовалась сеть крупных кишлаков, вытянувшихся по веерообразно расходящимся каналам, а также в предгорьях Копет-Дага и Тянь-Шаня на границе между пустыней и горами, где массивы поливных земель окружены пустынными и горно-степными пастбищами.

Горные селения располагались чаще всего на дне широких долин и в их боковых ответвлениях. Для посевов использовался каждый клочок аллювиальных наносов горных рек.

За зоной поливных земель начиналась зона богарных земель, расположенных по склонам и вверх по долинам горных рек. Обитатели горных районов Памиро-Алая и Тянь-Шаня — таджики, узбеки, киргизы — разработали разнообразные приемы полеводства в горах, на горных покатых склонах, на терассах и на конусах выноса горных рек и т. п.; ими были созданы формы интенсивного террасного земледелия.

На подгорных равнинах Копет-Дага и Нуратинских гор применялось «кяризное» орошение (*кяриз* — сооружение для использования подземных вод); устройство его требовало колоссальных затрат человеческого труда и глубоких знаний рельефа местности, строения и уклонов подстилающих грунтов. Как поливное, так и богарное земледелие среди узбеков, таджиков, киргизов, туркмен Копет-Дага сочетались с горно-пастбищным скотоводством. Поливное земледелие в сочетании со стойловым и пустынным отгонным скотоводством было развито среди узбеков, каракалпаков и туркмен Хорезмского оазиса, среди узбеков и таджиков Бухарского оазиса, в Ташкентском (среди узбеков), Мургабском и Тедженском оазисах (среди туркмен), в Ферганской долине и др.

2. Полуоседлое население. Оно сочетало в своем хозяйстве скотоводство, земледелие, а иногда и рыболовство.

У многих народов Средней Азии и Казахстана вплоть до начала XX в. сохранялись традиции нерегулярного полуоседлого экстенсивного кашрного и лиманного земледелия, восходящие еще к эпохе энеолита и бронзы. Как известно, лиманный способ орошения, заключавшийся в том, что отдельные участки речных разливов и озер изолировались, осушались и засевались, — прототип всей современной ирригации. На лиманных

участках и каирных землях, окаймлявших речные протоки и озера, широко практиковались посевы бахчевых культур, проса, джугары и риса. Полеводство на лиманах и каирах очень сильно зависело от стихийных природных условий и отличалось большой неустойчивостью и нерегулярностью.

Полуоседлые земледельцы и скотоводы в конце XIX и начале XX в. были расселены преимущественно на окраинах больших земледельческих оазисов, в низовьях многих рек, а также на естественно орошаемых участках предгорий и северо-казахстанских степей (см. карту, стр. 36 — 37). Этот тип был распространен у обитателей дельтовых районов Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи — каракалпаков, туркмен и северно-хорезмских узбеков; в Бухарском оазисе — у туркмен, узбеков и казахов; в Ферганском — у части киргизов и каракалпаков. В горных районах Средней Азии к этому типу относились также часть таджиков (в Байсунских и Кугистанских горах южного Узбекистана), киргизов (в Иссык-кульской котловине) и узбеков, для которых было характерно богарное земледелие в сочетании с горно-пастбищным скотоводством. Полуоседлое земледельческое хозяйство вели и туркмены, с давних пор сочетавшие скотоводство с земледелием. В северных районах Казахстана полуоседлое земледельческое хозяйство (богарное земледелие) вели казахи (в бассейнах Иргиза, Тургая, Эмбы и др.).

Полуоседлое население Средней Азии и Казахстана можно подразделить на две большие группы: первую составляли недавно осевшие в культурной полосе оазисов и пограничных областях переселившиеся из степей кочевники-скотоводы (казахи, некоторые группы узбеков), вторую — этнографические группы народов, которые на протяжении всей истории своего формирования вели полуоседлый образ жизни (значительная часть каракалпаков, узбеков-аралов, а также часть туркмен и присырдарьинских казахов). Это потомки племен и народов, у которых комплексный тип хозяйства преобладал в древности, раннем и позднем средневековье. Обитатели обширных дельтовых областей, приозерных и приречных районов, они унаследовали архаические традиции комплексного земледельческо-скотоводческо-рыболовного хозяйства, по всей видимости, еще от обитавших в этих областях племен эпохи бронзы.

3. *Кочевники-скотоводы. Они занимали обширные пространства* степей, гор и пустынь Средней Азии и Казахстана.

Кочевое скотоводство различалось в зависимости от районов. Казахи, обитавшие в обширных степях, в недавнем прошлом (до начала XX в.) кочевали преимущественно на большие расстояния в меридиональном направлении, передвигаясь летом далеко на север, а зимой — далеко на юг. Территории и маршруты их перекочевок были строго определены, традиционны и передавались из поколения в поколение.

Для казахского кочевого скотоводства характерна ведущая роль овцеводства и коневодства.

У туркмен маршруты кочевок в пустыне были обусловлены расположением колодцев и сезонным использованием пастбищ. Часть населения постоянно жила в оазисах, а другая выходила со стадами в пески, передвигаясь по определенным урочищам, расположенным недалеко от колодцев или построенных в пустыне на такырах водосборных сооружений *кяк*, также служивших водопоями для стада. В составе стада преобладали овцы, козы и верблюды. Последние имели особенно важное значение как транспортное животное на обширных песчаных и безводных пространствах великих среднеазиатских пустынь.

У киргизов, занимавших горные плато и долины Тянь-Шаня, кочевание имело преимущественно вертикальный характер, будучи связанным с изменением растительного покрова на пастбищах. Летние пастбища были расположены высоко в горах, на альпийских лугах, а зимовки — в глубоких, защищенных от холодных ветров и метелей долинах.

Значительное место среди различных пород скота в высокогорных районах Памиро-Алая и Тянь-Шаня занимали горные яки.

Кочевое и отчасти отгонное животноводство было главным, но не единственным занятием кочевников; многие из них занимались на своих зимних стоянках и земледелием, имевшим подсобное значение. Кочевники в горах с давних времен использовали для полеводства родниковые воды и временные сезонные потоки и выработали навыки так называемого булачного (на родниках—*булак)* и лиманного земледелия. В степях и пустынях они научились собирать воду на такырах после дождя и отводить ее в низины; низины эти засевали различными культурами. В Туркмении местами использовали падины (*ойтак*) для устройства в них бахчей и посева зерновых культур.

* * *

Хозяйственно-культурные типы Средней Азии и Казахстана, отражая исторически сложившиеся взаимосвязи между хозяйственной деятельностью населения и географической средой и являясь таким образом исторической категорией, претерпели изменения в процессе развития экономики и культуры среднеазиатских народов. Эти изменения стали особенно значительны в Средней Азии и Казахстане в наши дни, когда в социалистическом сельском хозяйстве совершенно по-новому используются исторически сложившиеся трудовые навыки населения. Наиболее древний тип полуоседлого комплексного хозяйства исчез вместе с экстенсивными формами натурального хозяйства и пережитками патриархально-родового быта. Исчезло как особый хозяйственно-культурный тип кочевое скотоводство.

Изменился общий характер животноводства. В большинстве колхозов и совхозов распространена отгонно-пастбищная форма животноводства. Обводнение значительных территорий степей Казахстана, песчаных пустынь Каракум и Кызылкум в результате ирригационного строительства и широкого распространения артезианских колодцев улучшило кормовую базу, расширило площадь пастбищ, облегчило труд пастухов-скотоводов. Изменился и состав стада. Все большее значение приобретают ценные и высокопродуктивные мясошерстные и каракульские породы мелкого рогатого скота, мясо-молочные породы крупного рогатого скота; в связи с развитием новых транспортных средств сократилось верблюдоводство и коневодство.

Наибольший расцвет получило базирующееся на современной агротехнике поливное земледелие, производящее высокотоварные ценные сельскохозяйственные культуры, в первую очередь хлопок.

В настоящее время республики Средней Азии и Казахстан превратились в мощные индустриально-аграрные страны, где все большую роль в народном хозяйстве играет созданная в годы Советской власти промышленность.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

На территории Средней Азии и Казахстана советские археологи обнаружили и изучили к настоящему времени значительное число памятников, позволяющих осветить отдельные этапы истории древнейшего населения этой территории в эпоху первобытнообщинного строя.

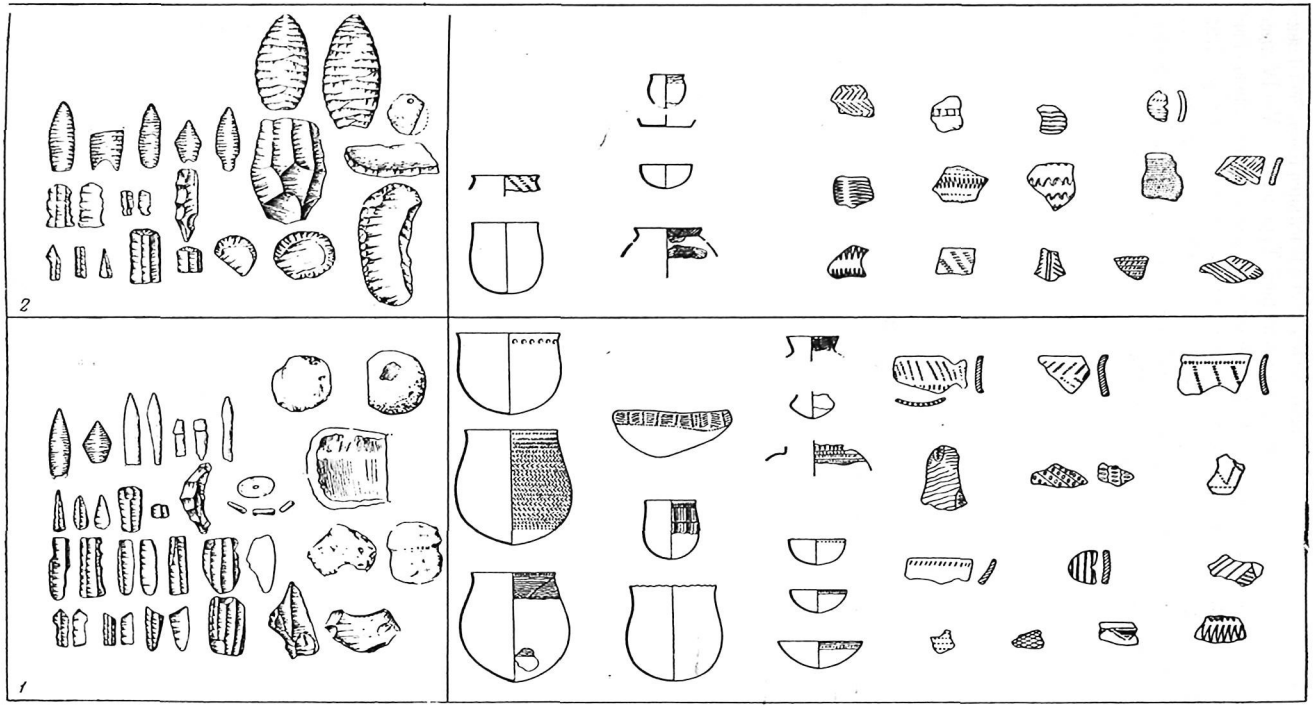
Наиболее ранние из этих памятников относятся к нижнему палеолиту. Это стоянки позднеашельского или ашельско-мустьерского времени на юге Казахстана (хребет Малый Каратау, Таласский район Джамбульской области и др.). Более широко распространены памятники мустьерского времени. Среди них следует назвать в первую очередь раскопанную А. П. Окладниковым пещерную стоянку в гроте Тешик-Таш в горах Байсунтау в южном Узбекистане, где, помимо типично мустьерского комплекса каменных орудий и характерной для этого времени фауны, было найдено детское погребение, причем похороненный в нем ребенок принадлежал к неандертальскому типу. К мустьерскому времени относится также стоянка в гроте Аман-Кутан близ Самарканда.

Население эпохи первобытнообщинного строя

Находки мустьерского времени и особенно находка тешик-ташского человека позволяют предполагать, что южная часть Средней Азии, наряду с Южной Азией и Средиземноморьем, явилась областью расселения человека неандертальского типа и формирования антропологического типа, непосредственно предшествующего современному.

В южных районах Средней Азии мы находим и следующие по времени стоянки верхнепалеолитического возраста, такие, как стоянка в Мачайской пещере в Сурхан-Дарьинской области, стоянка того же времени на территории г. Самарканда, верхнепалеолитическая стоянка под Ташкентом. К концу верхнего палеолита относятся стоянки на р. Бухтарме (Восточный Казахстан).

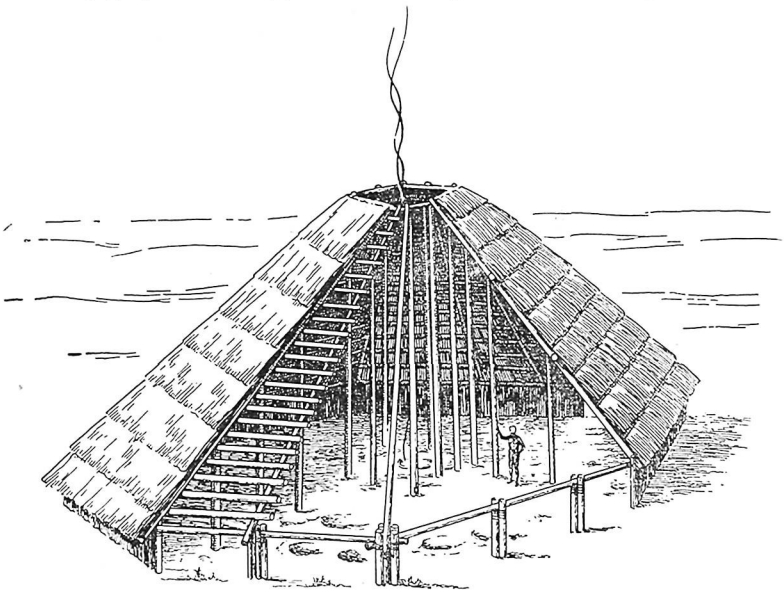
Мезолит и ранний неолит Средней Азии представлены нижними слоями пещеры Джебел (Туркмения), где налицо уже характерный комплекс каменных орудий с изделиями на ножевидных пластинах; здесь все еще представлены орудия геометрических форм мезолитического облика, но уже появляются первые находки керамики. Многочисленные находки костей джейрана и рыбьих костей говорят о том, что люди, жившие в VI—V тысячелетиях до н. э. в пещере Джебел, занимались охотой и рыболовством.



Кельтеминарская культура. Сводная таблица керамики и изделий из камня

1 — конец IV — первая половина III тысячелетия до н. э.; *2* — вторая половина III — начало II тысячелетия до н. э.

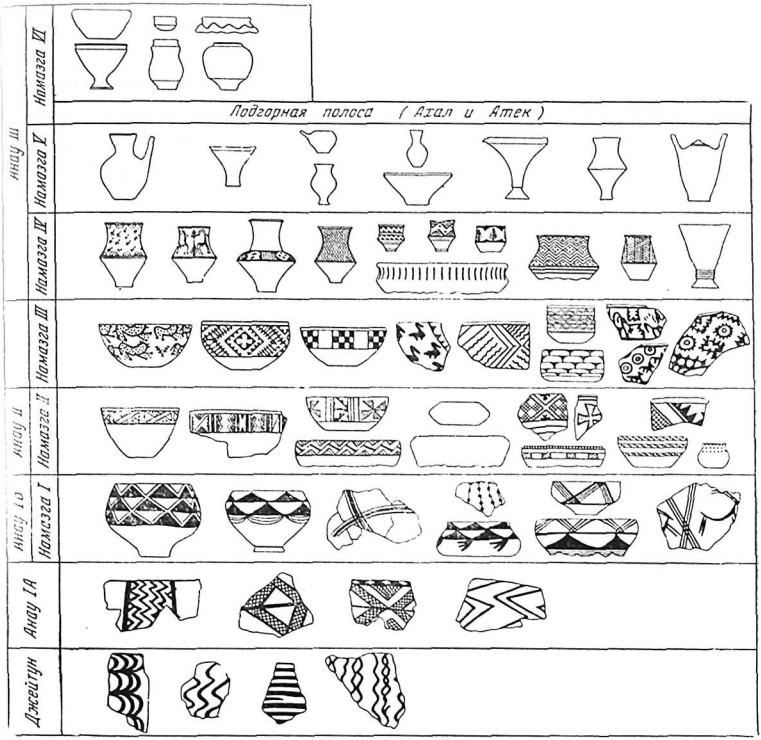
Уже, видимо, с V тысячелетия до н.э. Средняя Азия делится на две историко-культурные области: южную — область древнейших земледельческих культур и северную, степную — область неолитических охотников и рыболовов, а позднее скотоводов и земледельцев бронзового века. Интересно, что на территории юго-западной Туркмении в V—IV тысячелетиях до н. э. охотники и рыболовы сосуществовали с древнейшими земледельцами. Так, кремневый инвентарь 5—4 слоев пещеры Джебел характеризует культуру охотников и рыболовов с типичной микролитоидной индустрией, характерной для эпохи неолита. В то же время в предгорьях Копет-Дага возникает древнейшая культура оседлых



Кельтеминарская стоянка Джанбас-кала 4. Шалаш (реконструкция)

земледельцев и скотоводов. Лучше других исследовано поселение этого времени Джейтун, где было вскрыто около 30 многокомнатных домов, сложенных из глиняных «булок» — предшественников сырцового кирпича. Жители пользовались каменными орудиями на ножевидных пластинах и изготовляли лепную керамику, поверхность которой покрывалась геометрическим расписным узором. Земледелие было здесь основано на лиманном типе орошения, с использованием для посевов заболоченных дельт горных ручьев.

Неолит и энеолит северных областей Средней Азии и Казахстана имел иной облик. Он лучше всего изучен на памятниках кельтеминарской культуры нижнего и среднего течения Аму-Дарьи, верхнего и среднего Узбоя, на стоянках Западного Казахстана. Ранний, классический этап кельтеминарской культуры, датируемый концом IV — серединой III тысячелетия до н. э., хорошо известен по раскопкам стоянки Джанбас 4 в Хорезме. Археологами раскопано жилище древних охотников и рыболовов, найдены многочисленные орудия из кремня и кварцита и лепная керамика с резным геометрическим орнаментом, покрывающим все ту-

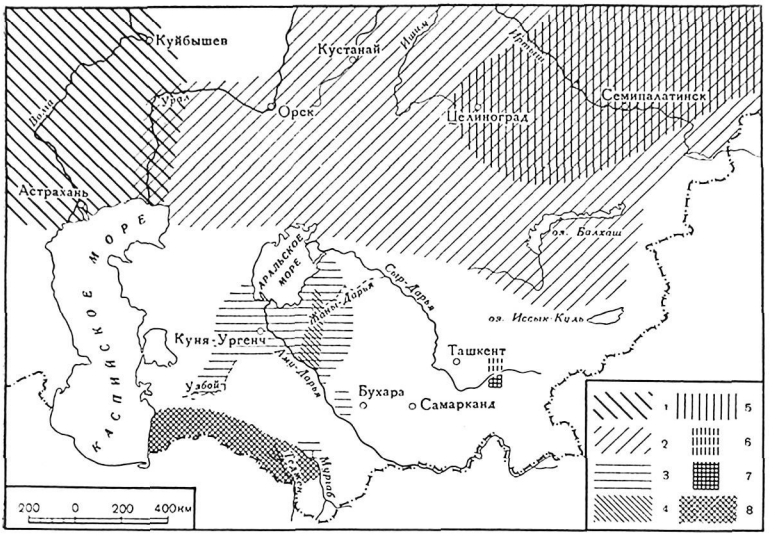


Керамика неолита, энеолита и бронзового века южной Туркмении

лово сосуда. Одной из особенностей кельтеминарской керамики является окраска ее поверхности в красный или желтый цвет, прием, связывающий эту культуру с южными областями Средней Азии. Надо сказать, что материал со стоянки Джанбас 4 походит на находки из четвертого слоя пещеры Джебел.

Второй, поздний этап кельтеминарской культуры известен по стоянкам Кара-Калпакии (Кават 7 и др.) и Западного Казахстана (Саксаульская и др.). В каменном инвентаре появляются наконечники стрел с двусторонней обработкой поверхности отжимной ретушью, нередко уже встречается плоскодонная керамика. В хозяйстве начинает играть известную роль скотоводство. Неолитическая верхнеузбойская культура является локальным вариантом кельтеминарской, причем, если стоянки южного Приаралья теснились к водам заболоченной тогда южной дельты Акча-Дарьи (древнейшая из северных дельт Аму-Дарьи), то жители верхнеузбойских стоянок пользовались водами Узбоя, который в IV—III тысячелетии до н. э. нес воды Аму-Дарьи в Каспий. Неолитические и энеолитические стоянки Восточного Казахстана (Усть-Нарым и др.) также характеризуются микролитоидной каменной индустрией, но отличной от кельтеминарской.

Контакты между Югом, с его древними земледельческими традициями и более высокой культурой, и Севером, областью расселения охотников и рыболовов — своеобразной варварской периферией Юга, начали проявляться очень рано. Так, обнаруженная на Нижнем Узбое нижнеузбой-



Распространение культур эпохи бронзы в Средней Азии и Казахстане

1 — срубная культура; *2* — андроновская культура; *3* — тазабагъябская культура; *4* — суярганская культура; *5* — карасукская культура; *6* — чустская культура; *7* — кайраккумская бронза; *8* — земледельческие культуры с крашеной керамикой юга Туркмении

ская неолитическая культура уводит нас в круг ранненеолитических культур Ирана. Суярганская культура Хорезма, ранний этап которой датируется началом II тысячелетия до н. э., может быть связана с каким-то новым этническим элементом, исторически связанным с Югом, с областями Иранского нагорья и прилежащих стран. С другой стороны, мы уже отмечали проникновение кельтеминарских племен на юг, в частности, по Узбою. Очень интересными памятниками, в материале которых проявляются отдельные черты, свойственные обеим культурно-историческим областям, являются могильник Заман-Баба I, поселения на оз. Лявлякан и у колодца Беш-Булак (Бухарская область), датируемые концом III — началом II тысячелетия до н. э.

Древние земледельческие культуры южных областей Средней Азии в энеолите и бронзовом веке входили в ареал переднеазиатских культур «крашеной керамики», являясь как бы их северо-восточным форпостом. Для этих культур, бытовавших у нас на территории юго-западной Туркмении и в Фергане, характерно земледелие, основанное на искусственном орошении, раннее применение металла для изготовления орудий при сохранении орудий из камня, постройка домов из сырцового кирпича, изготовление посуды с росписью; уже в начале II тысячелетия до н. э. такая посуда изготовлялась на гончарном круге. Насколько большую роль в жизни населения играло поливное земледелие, можно судить хотя бы по тому, что обширный Геоксюрский оазис на рубеже IV и III тысячелетий до н. э. прекратил свое существование в связи с перемещением русла Теджена к западу. Успехи в поливном земледелии в значительной степени обусловливали характер расселения племен. Так, если древнейшие поселения, такие как Анау (Северный холм), Кара-тепе и даже Намазга-тепе, концентрируются в зоне горных речек и ручьев, сбегающих с Копет-Дага,

то во II тысячелетии до н. э. наблюдается постепенное расширение зоны, осваиваемой земледельцами, в конце этого периода происходит освоение дельты Мургаба, невозможное без умения создавать уже довольно сложную ирригационную сеть. Более высокий уровень производительных сил, чем на Севере, привел на Юге к раннему выделению ремесел из системы хозяйства и, вероятно, к более раннему, чем на Севере, появлению элементов государственности.

Могильник Кочка 3. Парное захоронение

В то же время, во II—начале I тысячелетия до н. э., северные степные районы Средней Азии и Казахстана, как и юго-западная Сибирь, южное Приуралье и степи юга Европейской части СССР, были заселены племенами — носителями культур степной бронзы. Так, в Поволжье и южном Приуралье была распространена срубная культура, тесно соприкасавшаяся в Оренбургских степях с андроновской культурой; последняя широко была распространена в южной и юго-западной Сибири и Казахстане и являлась, видимо, не единой, а целой серией культур степного типа. Основой хозяйства носителей этих культур было оседлое пастушеское скотоводство, сочетавшееся с мотыжным земледелием; населению была известна металлургия меди и бронзы. Люди жили в землянках и полуземлянках и изготовляли лепную плоскодонную посуду с резным геометрическим орнаментом. На территории Казахстана культура степной бронзы известна в основном по материалам погребальных памятников, в то время как в Средней Азии изучены главным образом поселения. Появившаяся в середине II тысячелетия до н. э. в низовьях Аму-Дарьи тазабагъябская культура сформировалась, очевидно, где-то в степях южного Приуралья, в зоне контакта между срубной и андроновской (в ее западно-казахстанском варианте) культурами и проникла в Хорезм через северо-восточное Приаралье. Тазабагъябская культура некоторое время сосуществовала с суярганской, проникшей в Хорезм из более южных областей (см. выше), но к XI в. до н. э. была ассимилирована последней. Тазабагъябская культура известна в Хорезме по материалам многочисленных поселений, среди которых два, Ангка 5 и Кават 3, раскопаны. К эпохе господства тазабагъябской культуры относится возникновение в Хорезме древнейшей ирригации. Особый интерес вызывает также раскопанный могильник тазабагъябской культуры Кочка 3, археологические и антропологические материалы которого подтверждают участие в формировании тазабагъябской культуры андроновцев и племен срубной культуры. Краниологические материалы могильника свидетельствуют о наличии в Хорезме в это

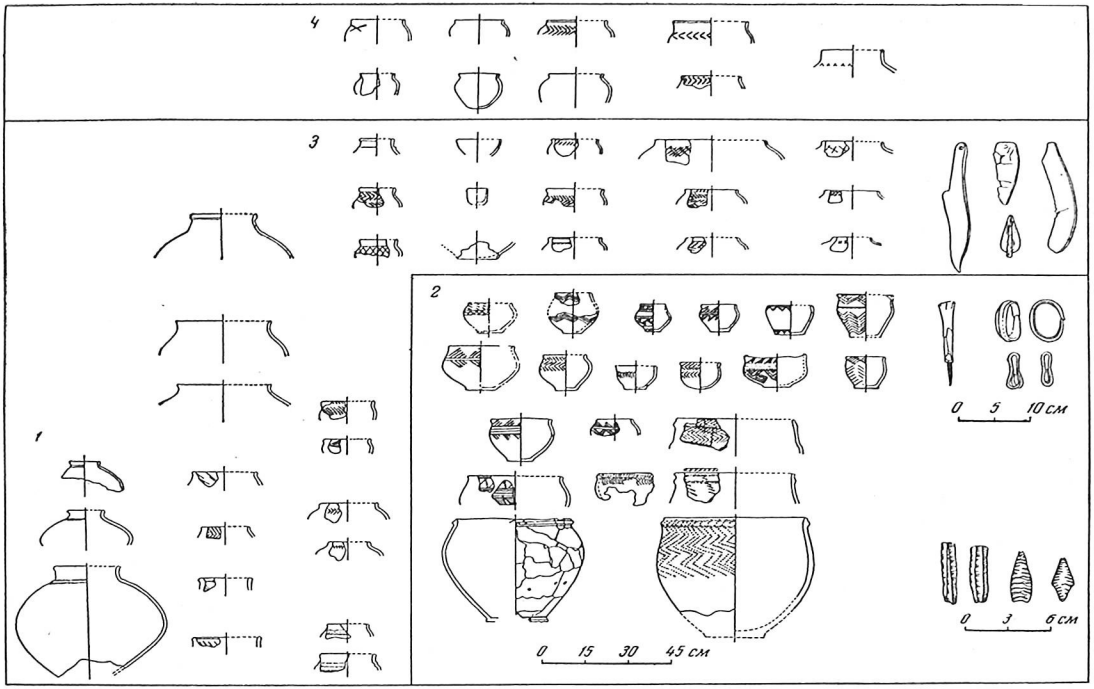
Могильник Кокча 3. Реконструкция по черепу

время еще одного, индодравидоидного антропологического типа, появление которого здесь может быть связано с приходом с юга суярганских племен; возможно, что посредниками здесь явились еще древние кельтеминарцы, антропологический тип которых нам, к сожалению, пока неизвестен. Появление в Хорезме в середине II тысячелетия до н. э. племен—носителей тазабагъябской культуры, видимо. связано с первой значительной волной индоевропейских, индоиранских или иранских племен, проникших в Хорезм с северо-запада. За последнее время в южных областях Средней Азии был сделан ряд находок, которые могут быть отнесены к тазабагъябской культуре. Они, видимо, отражают крупные передвижения степных племен, происходившие в середине II тысячелетия до н. э. (наиболее ранние материалы восходят к XV в. до н. э.) на территории Средней Азии. Еще более мощным стало это движение в южном, юго-западном и юго-восточном направлениях в конце II — начале I тысячелетия до н. э. В нем участвовали и суярганские племена — носители суярганской культуры на позднем («каундинском») этапе ее развития (XI—IX вв. до н. э.). Археологические материалы позволяют зафиксировать продвижение этих скотоводческих племен по руслам таких рек, как Узбой, Атрек, Теджен, Мургаб, Аму-Дарья и Сыр-Дарья.

Большие изменения произошли и в южной подгорной полосе Средней Азии. Население этих областей начало осваивать для земледелия новые районы, используя при этом более совершенные методы искусственного орошения. С этими процессами, вероятно, связано появление в южной Фергане культуры крашеной керамики чустского типа (названа по Чустскому поселению), которая датируется концом II — началом I тысячелетия до н. э. Культура эта сосуществует в Фергане с культурой степной бронзы, представленной стоянками в Кайраккумах (на Сыр-Дарье) и Вуадильским могильником.

На территории Центрального и Южного Казахстана были распространены культуры андроновского типа, причем удалось проследить продвижение племен — носителей этой культуры в южном направлении вплоть до Тянь-Шаня, где в урочище Арпа обнаружены андроновские погребения.

Для воссоздания истории степных племен эпохи поздней бронзы большой интерес представляет амирабадская культура Хорезма (IX—VIII вв. до



Археологические культуры эпохи бронзы в южном Приаралье

1 — суярганская культура. Ранний этап (первая половина II тысячелетия до н.э.); *2* — тазабагъябская культура (XV—XI вв. до н. э.); *3* — суярганская культура. Поздний этап (XI—IX вв. до н. э.); *4* — амирабадская культура (IX—VIII вв. до н. э.)

н. э.), представленная, в частности, большим поселением Якке-Парсан 2, состоящим примерно из 20 домов-полуземлянок. Население занималось земледелием, основанным на искусственном орошении (каналы выводились непосредственно из дельтовых протоков), скотоводством, изготовлением орудий из бронзы. Генетически амирабадская культура тесно связана с позднесуярганской, и тем интереснее некоторые аналогии амирабадской посуде в культуре поздней бронзы на Мургабе. Быть может, в формировании раннеантичной культуры Хорезма и Мургабского оазиса (VII—V вв. до н. э.) участвовали какие-то родственные племена, контакты между которыми наиболее широко проявлялись именно в конце II — начале I тысячелетия до н. э.

Население земледельческих оазисов и степные племена в эпоху античности

В начале I тысячелетия до н. э. развитие производительных сил у племен, заселявших аллювиальные долины среднеазиатских рек, достигло уже такого уровня, при котором применение труда рабов становится экономически выгодным.

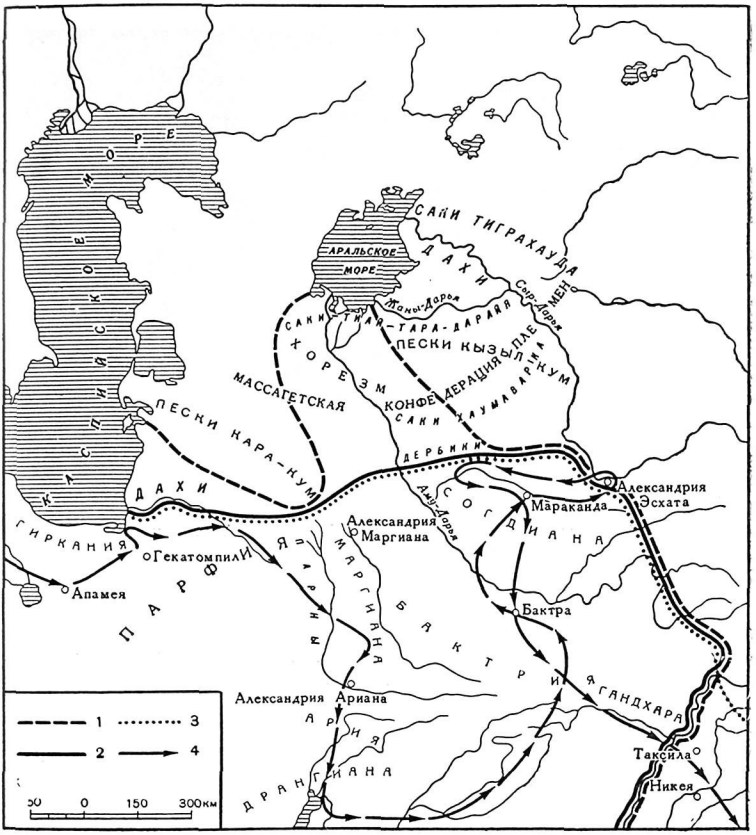
Для того чтобы от примитивных систем орошения, использовавших воды горных ручьев или затухающих дельтовых протоков, можно было перейти к обработке крупных земельных массивов, необходимо было создать большую сеть каналов. Эту чрезвычайно трудоемкую работу провести силами одних только свободных общинников было невозможно, что неопровержимо доказывается сопоставлением приблизительной численности земледельческого населения того или иного орошаемого массива и необходимой для создания ирригационной сети затраты труда. Вот почему можно утверждать, что уже при создании крупных архаических каналов использовался труд рабов, а это свидетельствует о начале сложения классового, рабовладельческого общества. Добавим, что необходимым условием для широкого освоения земель в Средней Азии было применение железных сельскохозяйственных орудий, так как здесь естественно-географические условия не были столь благоприятны, как в Египте или Двуречье, где орошаемое земледелие смогло развиваться еще в эпоху меди и бронзы. Археологические данные показывают, что металлургия железа стала известна в Средней Азии именно в первых веках I тысячелетия до н. э.

Таким образом, уже в этот период на территории Средней Азии складывались условия для возникновения древних рабовладельческих государственных образований.

Вопрос о существовании в Средней Азии рабовладельческой формации разрешен сравнительно недавно. Еще в 1930-х годах проблема общественного строя среднеазиатских народов в период, предшествующий арабскому завоеванию (VIII в. н. э.), считалась дискуссионной. Специальные археологические исследования, проведенные рядом крупных экспедиций, помогли разрешить эту проблему; теперь установлено, что Средняя Азия прошла через рабовладельческую стадию развития, хронологически охватывающую здесь период от VIII—VII вв. до н. э. до середины I тысячелетия н. э., когда здесь начали складываться элементы феодального общества.

Анализ материалов, содержащихся в древних персидских надписях (VI в. до н. э.), и синхронных им или немного более поздних показаний греческих авторов позволили ученым придти к выводу, что еще до формирования Мидийского государства (VII—VI вв. до н. э.) и персидской империи Ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.), в состав которой вошла большая часть среднеазиатских областей, на территории Средней Азии существовало два крупных рабовладельческих государства — Бактрия и Хорезм. В отношении Хорезма это подтверждается и археологическими материалами.

Те же источники, а также рельефы, украшающие гробницы ахеменидских царей и дворец в Персеполе, где сохранились изображения всех под-

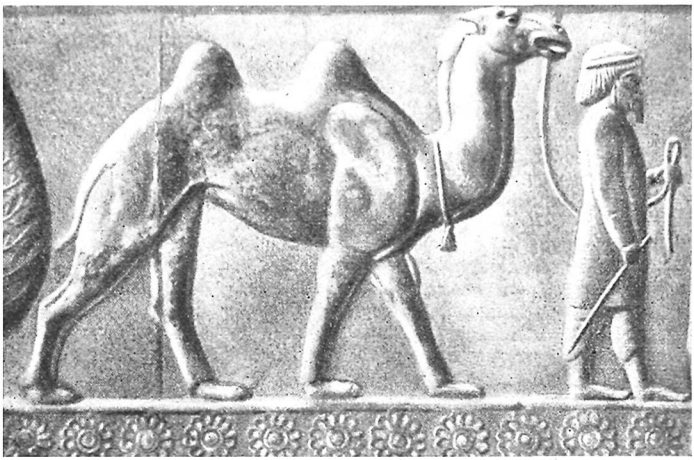


Средняя Азия в середине I тысячелетия до н. э.

1 — границы владений Ахеменидов в начале V в. до н. э.; *2* — границы владений Ахеменидов в середине IV в. до н. э.; *3* — границы государства Александра Македонского; *4* — направления походов Александра Македонского

чиненных Ирану народов, впервые осветили этнический состав населения Средней Азии, дали возможность восстановить имена отдельных народов и племен, их внешний облик и основные районы расселения. Важные дополнительные материалы для установления расселения этих племен дали также новейшие археологические исследования.

Значительную часть населения Средней Азии составляли жители степей — скифы греческих авторов, в персидских источниках — саки. Саки заселяли *огромную территорию. Центром наиболее густо заселенных* саками областей была территория древней дельты Сыр-Дарьи, примыкающие к ней области пустыни Кызылкум, а также расположенные на запад от Хорезма области пустыни Каракум до восточного побережья Каспийского моря. Саки были распространены также на обширном пространстве расположенных к северу и востоку от этих областей степей Казахстана, на Тянь-Шане и прилегающих к нему территориях, доходя на юге до Памира.



Рельефы ахеменидского дворца в Персеполе. V в. до н. э.
Изображение среднеазиатских данников. Бактриец

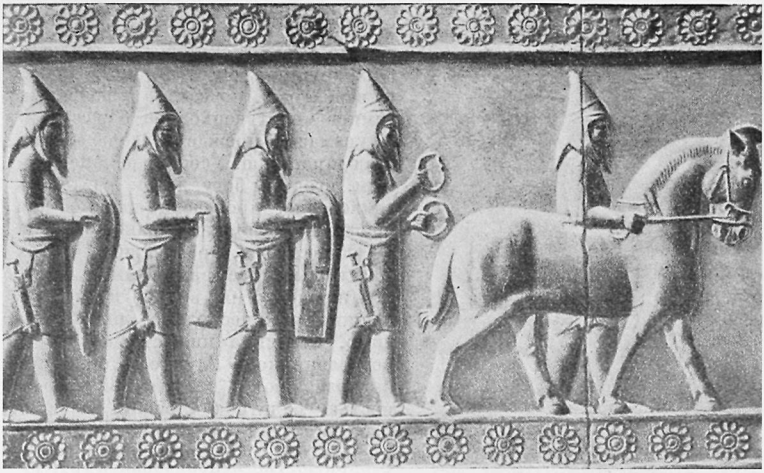
Западная группа этих племен, включавшая племена восточного побережья Аральского моря, объединяется древнейшими источниками, в частности Гекатеем Милетским (VI в. до н. э.), дошедшим до нас в изложении Страбона, и Геродотом (V в. до н. э.), под названием массагетов. По предположению некоторых исследователей, этот термин связан с именем фракийских гетов и указывает на древнее родство массагетских племен с фрако-киммерийскими племенами степей Восточной Европы[1].

К массагетским племенам причислялись: апасиаки («массагеты болот и островов» Гекатея-Страбона или «заречные саки» древнеперсидских надписей), жившие в древней дельте Сыр-Дарьи, на восточных протоках древней дельты Аму-Дарьи (Акча-Дарья) и на западной окраине этой дельты, в пустыне Каракум; дахи-тохары, заселявшие берега древнего русла Куван-Дарьи и распространявшиеся далее к востоку, вплоть до среднего течения Сыр-Дарьи; аугасии, жившие близ Аральского моря, в районе современной дельты Сыр-Дарьи; дербики, обитавшие предположительно в области нижнего Зеравшана и среднего течения Аму-Дарьи. Видимо, в состав массагетской конфедерации на заре античного периода входили также и хорасмии — обитатели Хорезмского оазиса, одной из древнейших культурных областей Средней Азии; сакараваки («сака хаумаварга» древнеперсидских надписей), обитавшие в южных Кызылкумах и, вероятно, в районе Нуратинских гор, к северу от Согда; ассианы (усуни древнекитайских авторов), заселявшие область на восток от среднего течения Сыр-Дарьи до Тянь-Шаня.

В более поздних греко-римских источниках, относящихся ко времени, следующему за походами Александра Македонского, все эти племена объединяются под общим именем саков, что, видимо, является косвенным указанием на то, что к концу I тысячелетия до н. э. у большинства из них возобладали сакские (или скифские) языки, относимые современными лингвистами к восточной ветви иранских языков (см. стр. 140).

Обитателями земледельческих оазисов были хорасмии в верхней дель-

[1] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 243, примечание 1.



Рельефы ахеменидского дворца в Персеполе. V в. до н. э.
Изображение среднеазиатских данников. Саки

те Аму-Дарьи, гирканцы в бассейне р. Гюргена, население прикопетдагских областей, известное позднее под собирательным именем парфян; жители бассейна Мургаба — маргианцы, согдийцы, занимавшие долины Зеравшана, Кашка-Дарьи и Сурхан-Дарьи, ферганцы (парикании древних авторов) и бактрийцы, обитавшие в бассейне верхней Аму-Дарьи, по обоим ее берегам; область их расселения была ограничена с юга горами Гиндукуша, а с севера Гиссарским хребтом[1].

По данным греческих и персидских источников, в этот период не существовало сколько-нибудь резкой этнической или культурной обособленности между народами оазисов и скотоводческими племенами окружающих степей. Страбон прямо указывает, что хорезмийцы входили в состав массагетов и саков, что согдийцы и бактрийцы в древности мало отличались от кочевников по образу жизни и нравам. Изображения хорезмийцев, бактрийцев и согдийцев, как найденные в их странах, так и представленные на рельефах Ирана, показывают, что одежда их, головные уборы, оружие почти ничем не отличались от сакских. Говорили они на близких языках — у жителей оазисов, как и у саков, языки относились главным образом к восточной ветви иранских языков.

В древнейший период не существовало резкой грани между ними и в хозяйственном отношении. Так, священная книга зороастрийской религии Авеста, возникшая в Средней Азии и в древнейшей своей части связанная

[1] В литературе, особенно западной, прочно утвердилось представление, что северной границей Бактрии было верхнее течение Аму-Дарьи. Это представление объясняется ошибкой античных авторов времени похода Александра Македонского, связанной с неправильным пониманием как древними писателями, так и некоторыми авторами нового времени значения рек, не разделявших народы, а их объединявших, но являвшихся с точки зрения завоевателей очень важными военными рубежами. Археологические исследования в южном Таджикистане и на крайнем юго-западе Узбекистана показали единство культуры левобережной и правобережной Бактрии и позволили окончательно опровергнуть ошибочное представление о ее границах, порочность которого была советскими исследователями вскрыта еще раньше на основании анализа памятников письменности.

Изображение сака на золотой пластинке из Амударьинского клада. IV — III вв. до н. э.

с территорией Хорезма этого времени (VIII—VII в. до н. э.)[1], рисует общество оседлых скотоводов, разводящих крупный рогатый скот, коней и *верблюдов*. Создатель священных гимнов молит верховное божество— Ахурамазду прежде всего об обилии стад и пастбищ. Усердно рекомендуемым, угодным богу делом считалось земледелие, проведение каналов для орошения бесплодных ранее земель.

Общество в древнейших частях Авесты выступает разделенным на касты жрецов огня, воинов и рядовых общинников; несколько позже, видимо, возникла нижестоящая каста ремесленников. Глухие упоминания не позволяют с достаточной уверенностью судить о степени развития рабства в этом обществе, однако несомненно, что в хозяйстве военной аристократии уже использовался труд рабов, по крайней мере в тех же масштабах, в каких применялся он у причерноморских скифов. Вместе с тем полностью сохранялась родоплеменная организация. Основой общества был род (вис), несколько родов составляли племя (занту), несколько племен в свою очередь образовали союз племен (дахью), занимавший определенную область.

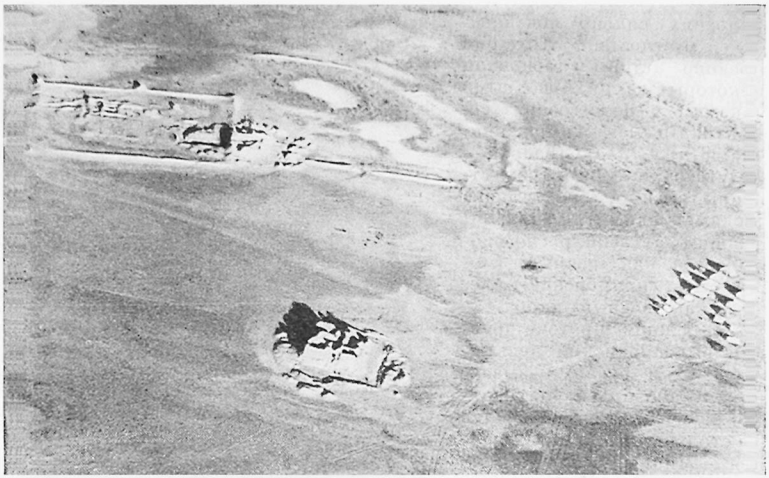
Археологические исследования в северных Кызылкумах, на территории древних, смыкавшихся в то время дельт Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, открыли множество исторических памятников, характеризующих ареалы расселения, хозяйственно-бытовой уклад и культуру ряда сакских племен — апасиаков, аугасиев, тохаров и сакараваков. Памятники других сакских племен исследовались археологами в Семиречье, в Чуйской долине, на Иссык-Куле, на Тянь-Шане, Памире и в других районах Средней Азии и Казахстана. Наиболее детально в настоящее время изучена культура апасиаков, прослеженная с раннего ее этапа, VII—VI вв. до н. э. (так называемая кокчатенгизская культура, возникшая на базе культуры приаральских племен бронзового века), до II в. до н. э. У апасиаков, населявших дельтовую область Приаралья, пересеченную густой сетью речных протоков, *постоянно меняющих свои русла*, сложился своеобразный уклад «полукочевых земледельцев»; они вели комплексное хозяйство, в котором сочеталось неустойчивое в этих природных условиях орошаемое земледелие со скотоводством, рыболовством и занятием ремеслами. Этот же хозяйственно-бытовой уклад был типичен для тохаров, аугасиев и, очевидно, других сакских племен, живших в сходных природно-географических

[1] В пользу этого широко распространенного мнения свидетельствуют, в частности, климатические и географические особенности той страны (Аэран-вэж), которую Авеста считает родиной Заратуштры — легендарного создателя этой религии, ее священным центром.

условиях сильно обводненных местностей. Недаром древние авторы именовали некоторых из них «водными саками», о чем говорит семантика их этнонимов: апасиаки (*apa-š'aка*) Страбона — водные саки; с ними тождественны, видимо, «скифы-абии» (водные скифы) Арриана; этноним аугасии расшифровывается как «речные» (может быть, «приморские») т. е. тоже как «водный» народ.

На южном протоке древней сырдарьинской дельты, ныне сухом русле, называемом Жанадарьей, находятся величественные развалины столицы апасиакских племен — Чирик-Рабат — огромное овальное укрепление, обнесенное двумя рядами мощных стен. Внутри укрепления — цитадель, высокие курганы апасиакских верховных вождей или царей и другие погребальные сооружения в виде больших зданий из сырцового кирпича; расположенные между ними жилые кварталы этого большого скифского города были густо заселены. В 40 км к северу от Чирик-Рабата обнаружен другой комплекс апасиакских памятников — Бабиш-мулла; это — район обширных сельских поселений, расположенных по берегам ирригационных каналов, с небольшим центром-городком, хорошо укрепленным стенами с бойницами и башнями. Близ него также находится погребальное сооружение— живописное здание в виде усеченной ступенчатой пирамиды; видимо, это мавзолей апасиакских правителей Бабиш-муллинской сельской округи. К юго-востоку от Чирик-Рабата, в урочище Баланды, находится еще одна группа апасиакских памятников, также состоящая из крепости с расположенными вокруг нее на каналах деревнями и чрезвычайно интересным круглым в плане погребальным зданием, имеющем уникальное для этого исторического периода как для Средней Азии и соседних стран Востока, так и для Европы купольное перекрытие. Все апасиакские памятники, раскопанные археологами, датируются V—II вв. до н. э. Богатый материал по апасиакской фортификации и зодчеству, по земледелию, ремеслу, жилищу и погребальным обычаям, ценные находки предметов вооружения (железный доспех воина-катафрактария, меч, множество стрел и др.) — позволяют прийти к заключению, что апасиаки были народом, с которым никак не вяжется традиционное представление о варварах-кочевниках: жители раскопанных городищ были не только скотоводами, но в первую очередь ирригаторами, ремесленниками и градостроителями, творцами больших культурных ценностей и к тому же, по всей вероятности, создателями чрезвычайно высокого для своего времени военного искусства, основой стратегии и тактики

Скульптура из Гяур-калы. Хорезм, II в. н. э.



Памятник апасиакской культуры Бабиш-мулла (вид с самолета)

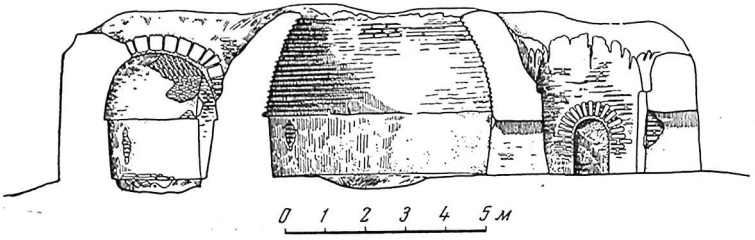
которого было войско катафрактариев, защищенных тяжелыми железными доспехами.

В планировке апасиакских городов выступают местные традиции, но в конструкциях и строительных приемах их фортификации чрезвычайно сильно влияние Хорезма, которое иногда принимает форму прямого подражания (стреловидные бойницы и характер их расположения, тип башен и т. п.). Вместе с тем здесь наблюдаются архитектурные особенности, появляющиеся в Хорезме значительно позже и несомненно под влиянием культуры степных племен: это комбинированная глинобитно-кирпичная кладка, своеобразная архитектура одного из зданий комплекса Бабиш-муллы, предвосхищающая «жилые башни» — донжоны раннесредневекового Хорезма и, наконец, древнейшее купольное перекрытие мавзолея Баланды. В Хорезме подобного типа ложные купола из сырцового кирпича появляются, как и «жилые башни», лишь в VII—VIII в. н. э. Характерные черты культурного взаимовлияния выступают в керамическом материале, часть которого воспроизводит в более грубых формах ремесленную керамику античного Хорезма, другая же часть, лепная, находит больше параллелей в скифо-сарматской керамике Юго-Восточной Европы и северо-западного Казахстана. Разнообразны типы погребальных сооружений и обрядов.

Весьма своеобразны памятники и других древних сакских племен: укрепленные общинные дома тохаров в урочище Джеты-асар на сухом русле Кувандарья, имевшие характерную спиралевидную планировку, напоминающую огромную улитку, и насыщенные всевозможным бытовым материалом; городища аугасиев на нижней Сыр-Дарье и у берега Арала; поселения сакараваков на русле Инкардарьи с сопровождающими их типичными для этой культуры курганами, опоясанными у основания кольцом крупных глыб гончарного шлака, явно изготовленного специально для этой цели. Внутри этого кольца располагалось погребение с трупосожжением.

Памятники сакской культуры в других районах Средней Азии и Казахстана представлены преимущественно погребальными комплексами.

Среди них большой интерес представляют могильники усуней и саков Тянь-Шаня. Многие находки связаны с культом огня, характерным для всех древних народов и племен восточноиранской группы, как оседлых, так и кочевых. Так, в Семиречье обнаружены сакские светильники и жертвенники с ножками в виде лап хищных животных, а также ритуальные котлы для изготовления культовой пищи. Светильники и жертвенники, на которых поддерживался священный огонь, украшены бронзовыми статуэтками животных, выполненных с большим реализмом и художественным мастерством.



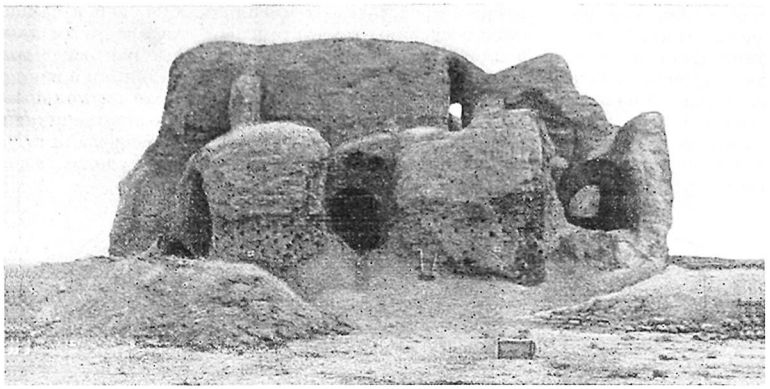
Памятник апасиакской культуры Баланды 2. Погребальное сооружение с купольным перекрытием (разрез)

Саки Тянь-Шаня и других горных районов были преимущественно пастухами-скотоводами, другие же, например ферганские и присырдарьинские, знали земледелие; культура их находилась под сильным воздействием древней культуры Ферганы.

Таким образом, мы видим, что, как и в более раннюю эпоху, история земледельческих оазисов — центров цивилизации Средней Азии в рабовладельческий период тесно переплетена с историей степных племен; в особенности это касается Хорезма, одного из форпостов среднеазиатской цивилизации, выдвинувшегося далеко на север, вглубь мира сначала скифских, а потом тюркских степных племен. Вряд ли случаен установленный археологическими исследованиями факт, что после II в. до н. э. жизнь на апасиакских городищах и сакараваккских поселениях прекратилась. Во II в. началось наступательное движение сакских племен на юг, против Греко-Бактрийского царства; поддерживая борьбу оседлых жителей оазисов против македонских правителей, саки проникают в Бактрию, Сеистан [1] и в северную Индию. По данным Птолемея, в этом движении участвовали асии (асианы-усуни), пасианы (апасиаки), тохары и сакараваки.

Однако далеко не все население степей восточного Приаралья ушло в этот поход. О том, что тохары, аугасии и асианы лишь частично приняли участие в этом движении, говорят историко-археологические материалы, свидетельствующие, что на местах их древнего расселения жизнь не прерывалась на протяжении всего периода античности и раннего средневековья. Апасиаки также, видимо, не полностью ушли с Жанадарьи; здесь, правда, запустели земледельческие поселения, и находки в окружающих песках говорят о переходе оставшихся апасиаков преимущественно к скотоводческому образу жизни, но часть апасиакских племен переселилась на запад, к устью Аму-Дарьи, где впоследствии (в IV—V вв. н. э.) возник интересный памятник Барак-там (см. стр. 70), в котором явственно прослеживается преемственная связь с апасиакской культурой.

[1] Само название Сеистан (Сакастан), означающее «страна саков», восходит ко времени этого движения.



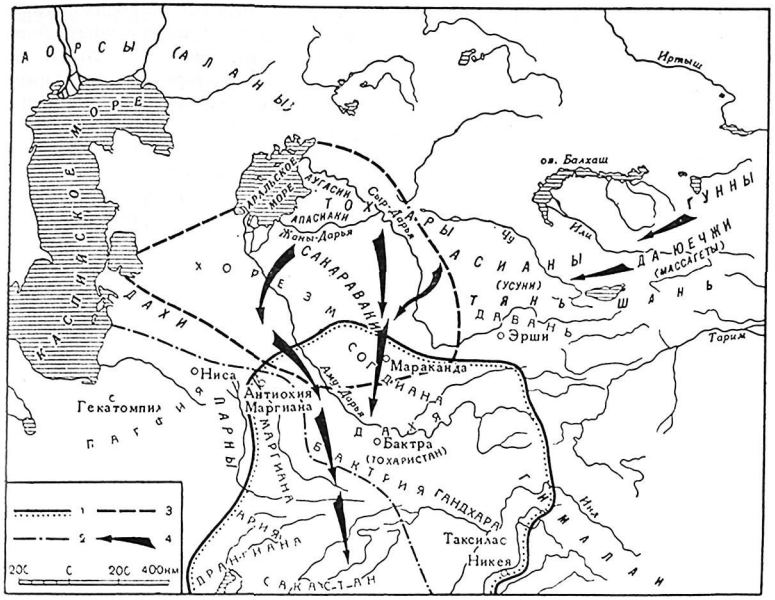
Барак-там (общий вид). IV—V в. н. э.

Полуоседлые племена Приаралья приняли участие в формировании многих народов Средней Азии, составив древнейшие пласты этногенеза каракалпаков, большей части туркменских племен и многих этнографических групп узбеков и казахов.

Во II—I вв. до н. э. в степи, простиравшиеся к северу от областей Средней Азии, нахлынули гунны, передвигавшиеся из Монголии на Запад. Часть их осела и ассимилировалась местными сако-массагетскими племенами, также сыграв большую роль в процессах этногенеза народов Средней Азии и Казахстана, что прослеживается, в частности, на палеоантропологическом материале из сакских могильников (черты монголоидности).

Исторические памятники оседлых земледельческих народов Средней Азии освещают их быт и культуру, начиная с ранних этапов рабовладельческой эпохи, когда здесь впервые возникли крупные поселения и городские центры. К VII—VI вв. до н. э. относятся древнейшие слои, вскрытые археологическими раскопками в Мерве (городище Гяур-кала), Бактрии (городище Калаи Мир, Кобадианский оазис в низовьях Кафирнигана), Фергане (Эйлатанское городище) и Хорезме. Очень интересно городище Кюзели-гыр в левобережном Хорезме. Это огромное поселение, располагавшееся на вершине останцевой возвышенности, обнесенное прорезанной бойницами стеной с башнями; основное население обитало в коридорах этой стены и примыкавших к ней помещениях. Основная часть внутреннего пространства крепости не была застроена и служила загоном для стад — главного богатства жителей. Наличие каналов близ крепости, найденные при раскопках сельскохозяйственные орудия и остатки металлургического производства свидетельствуют о достаточно развитом земледелии и ремесле. В центре городища обнаружены развалины здания с мощными стенами, ограничивающими большие помещения; это, очевидно, была постройка общественного назначения.

Материальная культура всех упомянутых выше городищ имеет много общего: всюду для строительства используется крупный сырцовый кирпич, преобладают плоские перекрытия, повсеместно распространены бронзовые наконечники стрел скифского типа. Очень характерна керамика: это сосуды с цилиндрическим туловом и резким, ребровидным переходом к нижней конической части. Поверхность их имеет беловатый или светло-



Средняя Азия во II — I вв. до н. э.

1 — Греко-Бактрийское царство в 195—182 гг. до н. э.; *2* — Парфянское царство в конце I в. до н. э.; *3* — Кангюй - Хорезм во II—I вв. до н. э.; *4* — движения сако-массагетских племен

желтый цвет. Изготовлены сосуды на гончарном круге и являются продуктом уже не домашнего, а ремесленного производства.

Сведения о политической истории народов Средней Азии до VI в. до н. э. крайне немногочисленны и носят по большей части легендарный характер. Есть основания полагать, что в VIII—VII вв. до н. э. часть Средней Азии входила в более раннее политическое образование с центром в западном Иране — Мидийское царство, однако это не было результатом мидийского завоевания — скорее всего это был военный союз государств и племен, направленный против древних государств Передней Азии, в связи с чем центр его и лежал в самом западном государстве — Мидии. Вместе с тем есть сведения о борьбе среднеазиатских народов с Мидией на стороне Ассирии; после падения последней Мидия стала сильнейшим государством в Азии.

Как выше упоминалось, анализ различных источников дает основание полагать, что в VIII—VI вв. до н. э. на территории Средней Азии сложились значительные государственные объединения, возглавлявшиеся Бактрией и Хорезмом. В состав последнего, помимо соседних сако-массагетских племен, вероятно, входили также Согд, Ариана, Парфия и Гиркания. Можно полагать, что борьба за обладание двумя последними пограничными областями и являлась причиной столкновений с Мидией.

В середине VI в. до н. э. персидская династия Ахеменидов положила конец господству Мидии. Возникло могучее деспотическое государство, строившее свои отношения с окружавшими народами на жестоких принципах порабощения и организованного ограбления. Совершенно особое, привилегированное положение в этой империи занимали персы, которые

считались народом, господствующим над всеми другими народами империи, в том числе и близкими им по происхождению ираноязычными племенами. Основатель династии Ахеменидов — Кир, очевидно, лишь использовал связи, установившиеся у Мидийского государства с соседними странами и народами, и таким путем приобрел господство над Бактрией и частью сакских племен; во всяком случае нет никаких данных о военном захвате им восточных областей. Существует единственное сообщение о походе Кира против массагетов в Прикаспийские степи, который кончился для него трагически: после некоторых успехов персов зашедшее в глубь степей войско Кира было разгромлено, а сам он убит. Геродот, основываясь на местных эпических сказаниях, рассказывает, что возглавившая борьбу с Киром царица массагетов Томирис [1] велела погрузить голову персидского царя в мех, наполненный кровью, чтобы «напоить ненасытного».

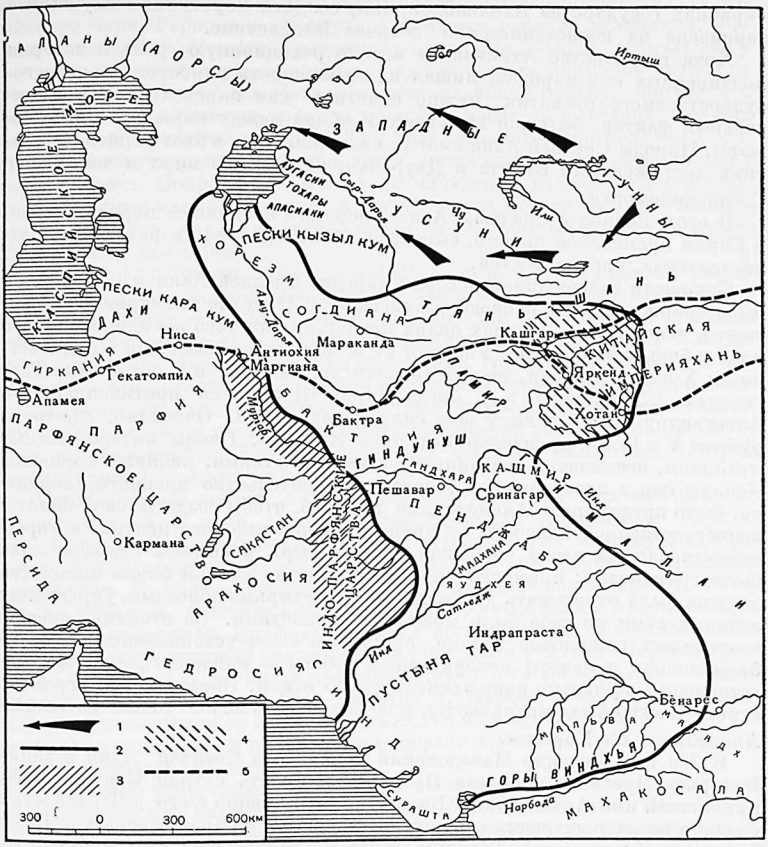
Основатель младшей династии Ахеменидов Дарий I пришел к власти в 521 г. в момент, когда империя была на грани катастрофы. Первые годы его правления — это история сплошных восстаний, карательных походов и следующих за ними новых восстаний. Особенно упорный характер носило восстание в Мерве, которое возглавлял выдвинутый массами вождь Фрада. Громадное число убитых повстанцев (по персидским данным, 55 тыс.) свидетельствует о размахе движения и о жестоком терроре завоевателей.

Надпись Дария и греческие источники сохранили также сведения о походе Дария против племен массагетской конфедерации, очевидно в глубь степей между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей. Во время этого похода персы, как и при Кире, оказались на краю гибели в безводной пустыне и лишь случайно прошедший дождь спас их. Эпос сохранил имя героя сака Ширака, который изувечил себя для того, чтобы заслужить доверие персов и завести их в пустыню. Тем не менее неоднократные походы Ахеменидов в известной мере стабилизировали положение на границах скифского мира, и все земледельческие оазисы Средней Азии ко времени правления Ксеркса оказались под властью Персидской империи. Их территория была, как и все владения государства Ахеменидов, разделена на административные единицы-сатрапии. Границы этих сатрапий совпадали с пределами исторически сложившихся до Ахеменидов стран и государств. Для каждой сатрапии была установлена определенная сумма ежегодного налога в серебре или золоте. В Средней Азии (согласно списку, приводимому Геродотом) были образованы следующие податные округа: XII округ — «земли от бактрийцев до эглов» (выплачивали 360 талантов[2]); XV округ — саки и каспии (вносили 250 талантов); XVI округ — парфяне, хорезмийцы, согды и ареи (платили 300 талантов). Среди восточных сатрапий особое место занимала Бактрия. Сатрапами ее, начиная с брата преемника Кира Камбиза—Бардии и кончая последним представителем династии Ахеменидов Бессом (см. ниже), являлись, как правило, видные представители царского дома. Имеются данные, что все среднеазиатские владения рассматривались как находящиеся в сфере полномочий карана (старшего сатрапа) Бактрии. В административном отношении с Бактрией обычно была связана Маргиана.

Такое высокое положение Бактрии объяснялось не только тем, что как крайняя на востоке область она требовала особого внимания, но и тем, что в культурном и языковом отношении бактрийцы, видимо, были

[1] Следует заметить, что исторические предания неоднократно сообщают о высоком положении женщин среднеазиатских племен; нередко женщины являются правительницами и военачальницами (Зарина и Спаретра у саков, Томирис у массагетов); эти сведения отражают, несомненно, элементы матриархальных отношений у этих племен.

[2] Талант серебра равен приблизительно 30 кг.



Средняя Азия во II в. н. э.

1 — направления передвижений гуннов; *2* — границы Кушанского царства около 106 г. н. э.; *3* — сфера влияния Кушанского царства; *4* — земли, завоеванные Канишкой у Китая; *5* — «Великий шелковый путь»

ближе к персам, чем другие народы Средней Азии. Уместно заметить, что мифы и эпические сказания, вошедшие в Авесту и первоначально связанные с архаическим Хорезмом, были, очевидно, восприняты и в значительной мере переработаны в V—IV вв. до н. э. бактрийскими жрецами огня (атраван), что и объясняет выдающуюся роль Бактрии в истории зороастризма.

Помимо денежных податей, народы Средней Азии были обязаны участвовать в строительных мероприятиях Ахеменидов, а также выставлять определенные войсковые контингенты во время их походов. Сохранились свидетельства об участии многих народов Средней Азии в походах Дария и Ксеркса против Греции (V в. до н. э.). Любопытно, что значительное число саков входило в состав экипажа многих персидских боевых кораблей. Уроженцы Средней Азии иногда оказывались на весьма отдаленных

окраинах государства Ахеменидов; так, солдаты хорезмийцы служили в гарнизоне на южноегипетском острове Элефантине.

Хотя государство Ахеменидов играло реакционную роль в истории подчиненных ему народов, лишая их возможности самостоятельного государственного развития, нужно отметить как определенный положительный фактор большой культурный обмен между народами этой державы. Народы Средней Азии смогли познакомиться в этот период со многими достижениями Египта и Двуречья, эллинского мира и восточного Средиземноморья.

В этот период в Среднюю Азию проникло возникшее первоначально в Сирии арамейское письмо, сыгравшее большую роль в развитии среднеазиатских письменностей.

Основным содержанием истории народов Средней Азии в этот период была упорная борьба за свою независимость. Нередко эти стремления пытались использовать в своих целях представители того же ахеменидского дома в борьбе за престол. Уже для IV в. до н. э. нет сведений о подвластности Хорезма Персии, не участвовали хорезмийцы и в битве при Гавгамелах (321 г. до н. э.), когда Дарий III пытался противопоставить Александру Македонскому всю силу своих армий. Очевидно, где-то на рубеже V и IV вв. произошло отделение Хорезма. Очень интересным памятником, несомненно связанным с этими событиями, является городище Калалы-гыр в левобережном Хорезме. Строительство крепости, вероятно, было предпринято Ахеменидами для того, чтобы создать свой оплот в непосредственной близости от крупного хорезмийского центра, который существовал на месте городища Кюзели-гыр. Масштабы строительства были грандиозны; прямоугольное пространство длиной около километра должна была охватывать двойная стена с четырьмя воротами, укрепления которых сами по себе были мощными крепостями. За стенами спешно возводилось дворцовое здание, здесь уже были установлены каменные базы колонн и начаты декоративные работы — найдены формы для изготовления скульптур явно ахеменидского стиля. Внезапно это огромное строительство было прекращено, и объяснить это можно только изгнанием Ахеменидов из Хорезма.

В 329 г. Александр Македонский появился в Средней Азии и занял Бактрию. Преемником Дария III попытался стать сатрап Бактрии Бесс, принявший имя Артаксеркса. Возможно, что именно с его деятельностью связано незавершившееся сооружение крепости на правом берегу р. Вахш (городище Кухна-кала) в Таджикистане[1]. Местное население не было заинтересовано в укреплении власти нового Ахеменида и выдало его Александру, в котором на первых порах видело освободителя от персидского ига. Заняв Мараканду (ныне городище Афрасиаб на окраине Самарканда), Александр направился к Сыр-Дарье. По дороге македоняне встретились с сопротивлением местных жителей и перебили более 20 тыс. человек, укрепившихся в горах. Жестокая расправа раскрыла глаза согдийцам на подлинное лицо завоевателя, и они ответили восстанием, во главе которого встал смелый согдийский военачальник Спитамен. Против Александра на Сыр-Дарье выступили сакские отряды. Весьма интересным является сообщение Арриана, историка походов Александра, о том, что в этой схватке участвовал закованный в доспехи сакский воин, который был сбит с лошади стрелой осадной машины. Напомним, что тяжелые доспехи такого типа и того же времени были недавно найдены при раскопках мавзолея на городище Чирик-Рабат.

Преследуя Спитамена, Александр двинулся вдоль Зеравшана; при этом, как сообщают историки, он опустошил страну и перебил более 120 тыс.

---

[1] Руководитель раскопок Кухна-калы Б. А. Литвинский полагает, что этот памятник относится к более позднему периоду.

жителей. Зимой 329/28 г. в стан Александра прибыло посольство хорезмийского царя Фарасмана с полуторатысячным отрядом всадников. Фарасман предложил Александру союз для похода на племена, обитавшие у побережья Черного моря, возможно, с целью отвлечь внимание греков от Средней Азии. Между тем Спитамен активизировал борьбу, появился в Бактрии, затем с сакским войском произвел набег на Согдиану, но был разгромлен и предательски убит. Три года упорно сопротивлялся Согд, и успеха Александр добился лишь тогда, когда склонил на свою сторону местную знать. Сопротивление натиску македонян далеко не полностью исчерпало силы народов Средней Азии. Остались независимыми и некоторые государства, как например Хорезм, и это обстоятельство сыграло впоследствии свою роль.

Вскоре после смерти Александра (323 г. до н. э.) его империя распалась. Один из его полководцев, Селевк, создал государство с центром в Вавилонии, которое до 250 г. до н. э. включало ряд областей Средней Азии. Следует отметить, что Селевк и его преемники порвали с политикой Александра, направленной на сближение греческой и восточных цивилизаций. Они усиленно насаждали греческие колонии, стремясь к внедрению греческой культуры. Владения Селевкидов на Востоке ни этнически, ни политически не были связаны с центром их государства. В 250 г. до н. э. образовалось Греко-Бактрийское царство: наместник Бактрии Диодот принял царский титул.

В это же время, около 250 г., в бассейне Теджена восстали сакские племена парнов и даев, возглавленные братьями Аршаком и Тиридатом. Греческий селевкидский правитель Парфии был свергнут, и образовалось независимое Парфянское государство во главе с династией Аршакидов. В противоположность Греко-Бактрийскому царству, где у власти осталась македонская династия, продолжавшая традиционную политику Селевкидов, Парфянское государство Аршакидов возглавлялось местной среднеазиатской династией. Значительное усиление Парфии произошло во II в. до н. э., когда при Митридате I в ее состав вошли Мидия, Фарс, Вавилон, а на востоке — Маргиана. Парфия стала мировой державой, в дальнейшем ее центр переместился из Средней Азии на запад, а история ее протекала в непрерывной борьбе с Римом за области, расположенные между их владениями.

Решающий удар греко-македонским завоевателям, положивший конец их господству над народами Средней Азии, был нанесен около 140—130 гг. до н. э. племенами сако-массагетской конфедерации, которые китайские источники называют «большими юечжи». Греко-латинские источники называют, как уже упоминалось, и отдельные племена этого союза: асиев, пасианов (апасиаков), тохаров и сакараваков. По-видимому, центральный участок наступавших занимали двинувшиеся с низовьев Сыр-Дарьи тохары, которые осели на основной бактрийской территории, получившей впоследствии наименование Тохаристан (Дахя, а позднее Тухоло китайских авторов). Западнее шли апасиаки и сакараваки, продвинувшиеся в Ариану и Сеистан. Лишь на южных границах Греко-Бактрийского государства сохранились слабые греко-индийские государства, да и они несколько позже были сметены при создании среднеазиатско-индийской Кушанской империи.

Из сообщения китайского посла и путешественника II в. до н. э. Чжан Цяня известно о существовании на территории Средней Азии сильного государства Кангюй. Государство Кангха упоминается также в Авесте и индийском эпосе Махабхарата. Во II в. до н. э. в состав Кангхи входили Бухара, Шахрисябз, Кушания (район Катта-Кургана), район Ташкента и северный Хорезм с Ургенчем. На востоке это государство граничило с Ферганой, на юге — с Парфией и Бактрией. Совпадающая граница древнего Хорезмийского государства с границами государства Кангюй и

ряд других соображений заставляют предполагать, что центром этого государства был Хорезм.

Следует отметить, что в начале 1 в. н. э., согласно данным китайских летописей, власть Кангюя распространялась на страну аланов, лежавшую между Аральским и Азовским морями, а также на племена лесного Приуралья, платившие ему дань пушниной.

Основой военной силы Кангюя являлись отряды всадников, закованных в железные доспехи на защищенных бронею конях. Эти воины для дальнего боя использовали луки, для атаки и обороны — копья. Подобный тип вооружения, начавший складываться еще в древней массагетской среде, в сочетании с тактикой, позволявшей наиболее целесообразно его использовать, был самым передовым для своего времени и впоследствии был заимствован восточными и западными соседями Кангюя.

На территории современной Ферганской долины располагалось третье существовавшее в Средней Азии самостоятельное государство, называемое в китайских источниках Давань. В конце II в. до н. э. китайские войска предприняли сюда два похода, однако им не удалось завладеть столицей Давани.

В связи с происшедшей в этот период реформой войска в Китае и заменой боевых колесниц тяжело вооруженной конницей китайские полководцы были особенно заинтересованы в приобретении боевых коней и в результате походов на Давань, по сведениям источников, удовольствовались получением в качестве контрибуции нескольких десятков высоко ценимых коней местной «небесной породы» и 3 тыс. других лошадей.

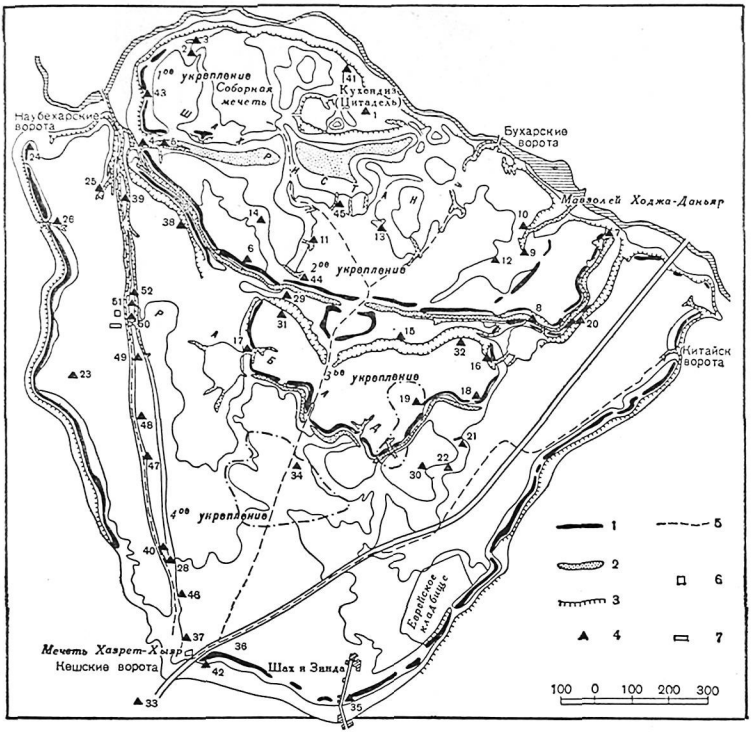
Китайские путешественники отмечают высокое развитие земледелия в Давани. Из Давани Китай получил первые семена люцерны и винограда, а по данным некоторых китайских авторов также граната, огурца и других культур.

Во второй половине 1 тысячелетия до н. э. основная часть населения оазисов Средней Азии продолжала говорить на различных наречиях иранской языковой группы.

Древнейший образец письменности, начертанный буквами алфавита, возникшего на арамейской основе, и относящийся к IV—III в. до н. э., был найден при раскопках городища Кой-Крылган-кала в Хорезме. Того же типа алфавит использовался в Парфии, где при раскопках в Нисе был обнаружен хозяйственный архив, относящийся в основном к I в. до н. э. Эта же письменность продолжала использоваться и позднее: арамейскими знаками написаны документы на коже и дереве, найденные во дворце царей Хорезма (III — начало IV в. н. э.) на городище Топрак-кала. К IV в. н. э. относятся так называемые согдийские «старые письма» (см. стр. 136). Арамейский алфавит просуществовал в Средней Азии до арабского завоевания, о чем свидетельствуют документы архива согдийского правителя Девештича, найденные в развалинах его замка на горе Муг (см. ниже).

Довольно широкое распространение получил греческий алфавит, который употреблялся главным образом на территории Бактрии. Греческие буквы использовались и для передачи слов тохарского языка. Хорезмийские медальеры, успешно воспроизводившие общий облик греко-бактрийских монет, передают греческие надписи монет, служивших им образцом, весьма приблизительно.

На территории Средней Азии этого времени существовало довольно значительное число религиозных систем и культов, но господствовала дуалистическая религия (т. е. предполагающая извечную борьбу доброго и злого начала) зороастрийская или, как ее иногда предпочитают называть в отличие от ортодоксальной религии сасанидского Ирана, маздеистская. Помимо верховного божества Ахурамазды, величайшим почитанием пользовались божества зороастрийского пантеона — Анахита —



План городища Афрасиаб

1 — стены укреплений; *2* — рвы; *3* — овраги; *4* — места археологических находок; *5* — направления древних улиц; *6* — здание с куполом; *7* — здание с алебастровыми панелями

богиня плодородия, олицетворявшая также благодатные воды Аму-Дарьи, и солнечное божество Митра. Широко был распространен культ умирающего и воскресающего божества растительности Сиявуша, обожествленного мифического героя, сказания о котором вошли в поэму Фирдоуси «Шахнаме». Можно полагать, что культ этого хтонического божества был тесно связан с культом умерших предков, также имевшим весьма глубокие корни в Средней Азии. Широкой известностью в южных областях Средней Азии пользовались образы греческих богов (Зевс, Посейдон, Аполлон, Артемида, Геракл, Дионис), но они по большей части лишь «эллинизировали» внешний облик соответствующих местных божеств. Несколько позже в Среднюю Азию, главным образом в ее юго-восточные области, проник буддизм. В III в. н. э., главным образом в городской среде, получило распространение зороастрийское сектантское течение манихейство.

Материальная культура эпохи среднеазиатской античности представлена в ряде исторических памятников, открытых и исследованных советскими археологами.

На территории Бактрии были проведены раскопки на городище Кейкабад-шах в южном Таджикистане, возникшем в III—II вв. до н. э. Крепость имеет прямоугольную планировку, столь характерную для форти-

Изображения богини Анахиты. Городище Афрасиаб

фикации того времени (отклонения вызывались обычно лишь стремлением использовать выгодный рельеф местности).

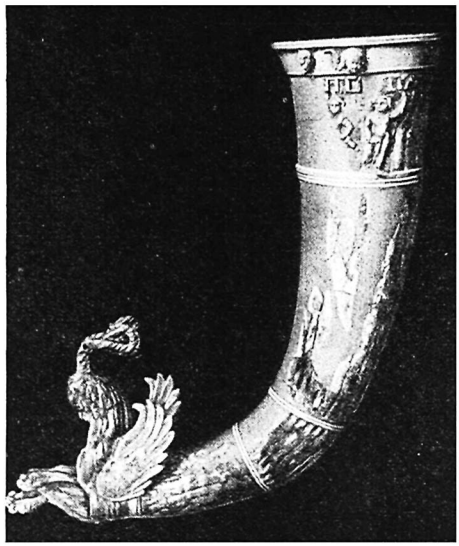
В Согде раскопки слоев этого времени производились на городище Афрасиаб. Здесь, как и на других памятниках, обнаружено много керамики очень высокого качества. Большую известность получила серия терракотовых статуэток с Афрасиаба, изображающих местные и эллинистические божества.

Наиболее изученными памятниками древней Парфии являются городища Новая Ниса и Старая Ниса близ Ашхабада. Здесь была одна из резиденций парфянских царей и располагались царские гробницы. Остатки некрополя были открыты на городище Новая Ниса. Крупный архитектурный ансамбль с центральным квадратным залом, с раскрашенными глиняными статуями был раскопан на городище Старая Ниса. При раскопках дома в северной части городища были найдены ритоны из слоновой кости — сосуды в форме рога, украшенные изображениями мифических животных и многофигурными композициями. Поблизости были обнаружены обломки сосудов с парфянскими надписями — остатки упомянутого выше архива.

В Хорезме, где классическую культуру античности принято называть кангюйской, известен ряд памятников IV—I вв. до н. э. Своими масштабами выделяется громадное городище Базар-кала в правобережном Хорезме. Особый интерес представляет великолепный культовый памятник, развалины которого называются сейчас Кой-Крылган-кала.

В своей основе это гробница хорезмийских царей IV в. до н. э., связанная по принципам планировки с некоторыми недавно открытыми мавзолеями присырдарьинских саков. Центром комплекса является массивная круглая башня диаметром свыше 40 м при высоте около 8 м. Внутри нее расположено восемь сводчатых помещений, составляющих две изолированные одна от другой аналогичные группы; четыре лестницы ведут из них в стрелковую галерею, увенчивающую башню. В 15 м от башни проходит кольцо внешних крепостных стен. Пространство между центральной башней и внешними стенами занимали многочисленные многократно

перестраивавшиеся помещения, где располагались хранилища, обитали рабы и слуги храмового хозяйства. Этот храмовый комплекс существовал пять веков как центр династического культа обожествленных предков. Основной погребальный комплекс оказался разграбленным. Однако найденные при раскопках предметы чрезвычайно интересны. Следует отметить замечательные рельефы на огромных глиняных флягах, представляющие различные мифологические и бытовые, а также орнаментальные композиции. Найдено множество керамики, в том числе ритоны, украшенные изображениями животных, и кувшины с изображениями львов на ручках. Здесь же обнаружены остатки настенной живописи, древнейшей в Средней Азии. Множество терракотовых статуэток богини Анахиты свидетельствует о том, что этот памятник был как-то связан с ее культом. Среди множества других изображений следует отметить статуэтки из верхних слоев, несущие следы индо-буддийского искусства. На самом памятнике и в его окрестностях найдены обломки глиняных астоданов (оссуариев) — гробиков, куда, согласно зороастрийскому обряду, складывали кости умерших после того, как трупы, положенные на возвышенные места — дахмы — истлевали. Койкрылганские астоданы, наиболее древние из всех известных, вылеплены в виде скульптур, изображающих, очевидно, умерших, воплощенных в образах хтонических божеств. Древний культовый центр — нынешние развалины Кой-Крылган-кала — прекратил свое существование с установлением в Хорезме власти кушанов.



Ритон из Старой Нисы

Кушанский период истории Средней Азии назван так в связи со вхождением ее в I—IV вв. н. э. в состав государства, Кушанов, основанного правящим сако-тохарским родом кушанов, выдвинувшимся из среды завоевателей Греко-Бактрии. Первые кушанские цари подчинили себе бассейн р. Кабул и область Кашмира, а также южную часть Кангюя, ослабленного в это время борьбой с гуннами. Затем был завоеван Индостан вплоть до Бенареса. Наивысшего расцвета Кушанская империя достигает при Канишке, пришедшем к власти в 78 г. н. э., что ознаменовало возникновение так называемой «эры Шака» — одного из наиболее устойчивых летоисчислений Индии.

При нем к Кушанской империи были присоединены Восточный Туркестан, Фергана и Хорезм, расширены владения в Индии и сюда же, в г. Пешавер, перенесена столица. Канишка вел войны с Китаем, успешно налаживая в то же время дипломатические и торговые связи с Римом. Со смертью Канишки начинается упадок империи. Его преемники постепенно теряют связи со Средней Азией и становятся царями Индостана.

Статуя II в. н. э. Старая Нисa

В III в. н. э. ряд областей Средней Азии, видимо, возвращает себе самостоятельность. Интересно отметить, что в Хорезме, как показали недавние нумизматические изыскания, какое-то время правила самостоятельная династия, индийская по своему происхождению.

Большой интерес представляет религиозная политика Кушанов и прежде всего Канишки. Ему приписывается созыв буддийского собора (около 100 г. н. э.), положившего начало развитию догматики северного буддизма, так называемого «учения Большой колесницы» («Магаяна»), получившего распространение в Монголии, а также в Тибете и других районах Китая. Эта разновидность буддизма, как известно, отличается значительным синкретизмом, первоначально отразившим религиозный синкретизм империи Канишки: на монетах последнего встречаются изображения Будды, индийского Шивы, греческих Гелиоса и Селены (божества солнца и луны), зороастрийского Митры, семитической богини плодородия Нанайи и др.

Не случайно, что именно в I—II вв. н. э. во всех крупных державах античного мира распространяются великие «имперские религии» — религии, которые призваны были укрепить централизованную государственную власть в условиях начавшегося кризиса рабовладения. К этому оказались не способны древние религии локальных городских царств, племенные и кастовые культы.

Стремлением создать синкретические системы, освящающие религиозным авторитетом имперские объединения, характеризуется и реформа зороастризма в Парфии, сопровождавшаяся кодификацией Авесты при Вологезе I, и христианство — реформированный синкретический юдаизм Римской империи, и реформированный буддизм в Кушанской империи и Китае. Следует заметить, что верования, создававшиеся на протяжении веков в Средней Азии, не только легли в основу реформированного зороастризма, но и вошли в какой-то мере и в буддизм и в христианство (например, представление о рае и аде). Могущественным соперником христианства в Римской империи какое-то время был митраизм, культ среднеазиатского солнечного божества.

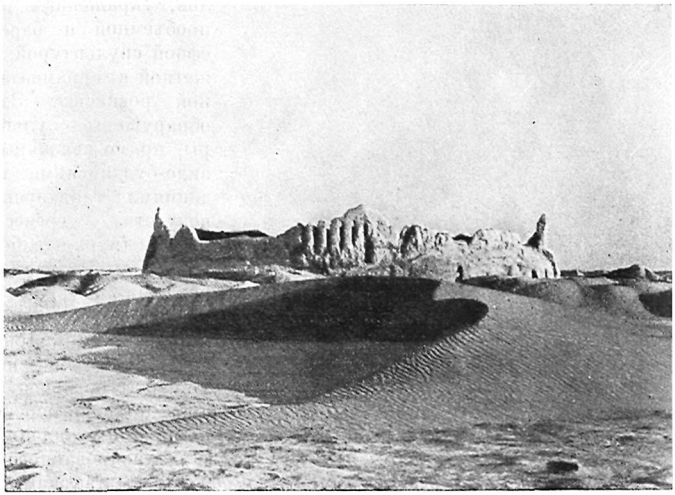
Значительный синкретизм наблюдается и в искусстве кушанского времени. Основной особенностью этого искусства, называемого по месту основных находок гандхарским, является синтез классических греческих и местных индийских и среднеазиатских форм. В изображениях, носящих по большей части буддийский характер, достигнут высокохудожественный синтез исходных школ. Примером такой скульптуры служит найденный близ Термеза так называемый Айртамский фриз.

Большой интерес для характеристики искусства кушанского времени в Средней Азии имеет материал, полученный при раскопках дворца царей Хорезма (III — начало IV в. н. э.) на городище Топрак-кала. На огромной искусственной платформе, достигающей высоты четырехэтаж-

Настенная роспись замка Балалык-тепе

Женский портрет. Настенная роспись из дворца Топрак-кала

Настенная роспись замка Балалык-тепе



1

2

Кой-Крылган-кала

1 — общий вид; *2* — памятник после раскопок (аэрофото)

Горло кувшина с львиноголовой ручкой. Кой-Крылган-кала.

ного дома, располагался комплекс комнат и залов, украшенных полнообъемной и барельефной скульптурой, сюжетной и орнаментальной росписью. Здесь обнаружены скульптуры, прямо связанные с индо-буддийскими традициями гандхарского искусства, греческие мотивы (парящая богиня победы Никэ), изображения зверей (Зал оленей), уводящие в мир древнего скифского искусства, и, наконец, элементы росписей, непосредственно перекликающиеся с живописью сарматизированного Боспора. В изображениях хорезмийских царей и божеств мы находим прямую связь с предшествующей культовой (в том числе и погребальной) коропластикой. Однако в своей основе искусство Хорезма глубоко самобытно.

Археологические исследования показали, что кушанский период являлся для Средней Азии также временем значительного хозяйственного подъема. Максимального развития достигла античная ирригация. Она опиралась на крупные магистральные каналы, подобные Гавхорэ и Чермен-ябу в Хорезме, Гау-Китфару в Бухаре, Даргому в Согде. В кушанский период получили распространение жернова, быстро сменившие зернотерки. Очень высокого уровня достигло гончарство. Самое широкое распространение получило денежное обращение. Большой подъем переживала городская жизнь. Некоторые города занимали огромные по тому времени пространства: Мерв до 350 га, Самарканд до 100 га. Однако основная масса сельского населения жила в отдельных домах-усадьбах, реже в небольших сельских поселениях. В отличие от городов, сельские поселения, как правило, не были укреплены, находясь под защитой крепостей, построенных центральным правительством на границах империи [1].

И в то же время в недрах развитого рабовладельческого общества зрели противоречия, которые вскоре привели к его гибели.

В III в. Кушанская империя вступает в полосу глубокого кризиса и начинает распадаться. От нее обособляется ряд индийских владений, Фергана и Хорезм, цари которого возобновляют чеканку своей монеты. Постепенно она теряет значение мировой державы и становится объектом экспансии Ирана, где в это время возникает новая персидская династия — Сасанидов. Одновременно с падением Кушанской империи рушится и государство Аршакидов в Парфии. Середина III в. и последующее столетие было временем политических потрясений на всем Среднем Востоке, связанных с общим кризисом рабовладельческого строя. На это же столетие падает крушение античного Китая, связанное с так называемым периодом троецарствия.

[1] Правда, античные источники и археологические разведки указывают на то, что в эту пору существовали длинные стены, окружающие оазисы (например, стена Антиоха в Мервском оазисе). Но данных о широком распространении таких сооружений в античную эпоху нет.

Терракоты с Кой-Крылган-калы и крепости Кырк-кыз

1 — женщина в нарядной одежде (высота — 12 см); *2* — богиня с бокалом (высота — 19,7 см); *3* — богиня с чашей и амфоровидным сосудом (высота — 11,5 см); *4* — мужчина в кафтане (высота — 8,5 см); *5* — мужчина в высокой шапке (высота — 10 см); *6* — голова мужчины в трехрогой шапке (высота — 6,5 см).

Фигура арфистки.
Фрагмент Айртамского фриза

В связи с отсутствием сильной централизованной власти, которая могла бы противостоять экспансии Сасанидов, ослабевшие среднеазиатские государства снова пытаются опереться в борьбе за свою независимость на степные племена. Степь приходит в движение, в борьбу с Ираном втягиваются не только племена, живущие в непосредственном соседстве с оазисами, но и в более отдаленных областях. Главную роль в IV—V вв. играют в Средней Азии степные варварские племена, объединяемые под именем хионитов и «белых гуннов» или эфталитов.

По-видимому, первоначальным очагом эфталитского объединения были северо-восточные окраины Хорезма — уже упоминавшийся район древней общей дельты Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Здесь в начале IV в. жили племена хионитов, близко родственные издавна проникавшим сюда с востока гуннским племенам. Гунны, образовавшие большой союз племен в степях Центральной Азии и на северо-западных границах Китая, уже во II—I вв. до н. э. проникали в Семиречье и присырдарьинские степи. Об этом говорят не только китайские хроники, но и результаты раскопок погребальных памятников, указывающие на появление в Средней Азии монголоидного типа, принесенного из Центральной Азии. Раскопки могильников свидетельствуют также о смешении пришельцев с местными сако-массагетскими племенами европеоидного антропологического типа.

В начале IV в., по данным китайской «Истории северных Дворов», локализуемая большинством исследователей в северо-восточном Приаралье страна Яньцай, или Судэ, была завоевана гуннами.

Первым этническим образованием, возникшим в Приаралье в результате длительного процесса слияния сако-массагетских племен с гуннами и явились, очевидно, хиониты; они образовали большой военно-племенной союз, опиравшийся в своих военных походах не только на сородичей-степняков, но и на военные силы среднеазиатских государств: Хорезм, Согд, Чач (область Ташкента), Паркан (Фергана), государство дахов-тохаров (Дахя китайских авторов — на территории древней Бактрии) и др. Несколько позднее возник еще один племенной союз — кидариты, политическая история которого связана с эфталитским движением. Вопрос о первоначальной локализации кидаритов остается спорным; существует гипотеза, что кидариты — лишь иное название хионитского объединения. Существует мнение о связи названия «кидариты» с местностью Кердер — так называли еще в X и даже в XIII в. северо-восточную приаральскую окра-

ину Хорезма. Другие исследователи вслед за китайскими источниками связывают название «кидариты» с именем царя Кидара, правившего в V в. в центральной области распавшейся Кушанской империи. Выступавшие в IV в. под именем хионитов, а позже кидаритов племена в V в. уже повсеместно стали известны под названием эфталитов или «белых гуннов». Существует несколько вариантов анализа этнонима «эфталит»; некоторые исследователи, в частности, полагают, что это искаженная тюркизированная форма имени массагетов (Gweta äli — народ Гвета), что указывает на их сако-массагетское происхождение.

Широкое движение эфталитов в начале V в. пресекло сасанидскую экспансию в Среднюю Азию и поставило под серьезную угрозу само государство Сасанидов.

Женщина с лютневым инструментом. Фрагмент Айртамского фриза

Первое вторжение эфталитов в Хорасан произошло в 427 г. Против них вели упорную борьбу Варахран V и Ездегерд II. Варахран V разбил наголову эфталитов около Мерва, убил их царя и украсил его короной храм огня в Азербайджане. Ездегерду II также еще удавалось сдерживать напор эфталитов и сохранять владения Сасанидов в восточном Хорасане и Тохаристане. Однако после его смерти в 457 г. эфталиты во главе со своим царем Акшунваром захватили Чаганиан, Бадахшан, Балх, Тохаристан и Гарджистан. Выступления преемника Ездегерда, Пероза, против эфталитов в 459 и 479 гг. были неудачны. В 479 г. иранское войско потерпело решительное поражение; в 484 г. войско Сасанидов окончательно было разбито эфталитами, а сам Пероз убит. Иранское правительство стало платить эфталитам дань.

Эфталиты основали в Средней Азии обширное государство. К началу VI в. твердо устанавливаются его границы с Ираном и сасанидскими владениями по р. Гюргену и между Мервердудом и Талаканом. Помимо Средней Азии в Эфталитское государство вошли Балх, Тохаристан, Гарджистан, Багдис, Герат, т. е. вся территория нынешнего Афганистана. В середине V в. эфталиты захватили некоторые области в Индии.

Китайские хроники говорят о значительном расширении эфталитских владений также и на восток. Вытеснив из Восточного Туркестана господствовавшее там объединение кочевых племен, сформировавшееся в процессе кризиса рабовладельческого строя Китайской империи на ее северных и западных окраинах и известное под именем жуань-жуаней,

Оссуарий из окрестностей Кой-Крылган-калы

или аваров, они захватили там Кашгар, Хотан и ряд других областей.

Резиденция верховных правителей эфталитов, как полагают некоторые исследователи, находилась в г. Пейкенде, близ Бухары.

Эфталиты почти полностью восстановили прежнюю территорию Кушанской империи, местами их владения даже вышли за ее пределы. В настоящее время уже исследован ряд археологических памятников племен хионито-эфталитского круга как на территории юго-восточного Приаралья, так и далеко за пределами этой области, в завоеванных ими странах Средней Азии.

К памятникам хионитов относятся Игды-кала, верхние слои Куня-Уаза и Канга-калы, датируемые IV в. н. э., и более позднее поселение Барак-там в северо-западных Кызылкумах. Игды-кала — сильно укрепленная каменная крепость, воздвигнутая на почти неприступном обрыве Узбоя, — была, видимо, опорным пунктом хионитов в период их борьбы с сасанидами. Комплекс развалин Барак-там — остатки жилищ полуоседлого степного населения; раскопки этого памятника позволили выявить следы социальной дифференциации. Замок племенного вождя довлеет над рядовыми постройками населения, резко выделяясь своими размерами и архитектурой. В культуре племен, оставивших эти памятники, прослеживается влияние более высокой хорезмийской цивилизации. С другой стороны, в формировании раннесредневековой афригидской культуры большую роль сыграли степные племена хионито-эфталитского круга. Так называемые «Болотные городища» на восточном берегу Аральского моря имеют несколько более поздние слои, чем вышеописанные хионитские памятники. Они относятся ко времени эфталитов и тюрков. Площади этих огромных городищ, отличающихся неправильностью планировки, достигают нескольких десятков гектаров. Их обитатели сохраняли очень консервативный бытовой уклад с сильными пережитками общинно-родовых отношений. В культуре населения чувствуются различные этнические напластования.

В современной дельте Аму-Дарьи расположены памятники этого же исторического периода Куюк-кала (в горах Кушканатау) и Ток-кала; к эфталитскому времени относятся верхние слои общинных домов урочища Джеты-Асар и многие из находящихся в этом же урочище курганов. Ве-

Раскопки дворца Топрак-кала

ликолепным памятником искусства эфталитского времени является замок Балалык-Тепе в Сурхан-Дарьинской области Узбекистана с многокрасочными настенными росписями.

Эфталитский период роднит с кушанским культурно-идеологическая политика эфталитских правителей. Китайские источники и художественные памятники Афганистана и Мавераннахра позволяют говорить о возрождении и укреплении в эфталитских владениях буддийской религии. По сведениям Китайской хроники Бэйши, в резиденции эфталитских царей «множество храмов и обелисков буддийских, и все украшены золотом» [1].

Анализ материала «Болотных городищ» и других памятников IV — V вв. северного и северо-восточного Хорезма приводит к выводу, что они были созданы народом, по происхождению тесно связанным с сармато-аланскими и массагетскими племенами, однако около IV — V вв. н. э. подвергшимся сильному влиянию восточных племен тюрко-монгольского круга (гуннов). Это был народ, характеризующийся комплексным скотоводческо-рыболовческо-земледельческим хозяйством, с ведущей ролью скотоводства, не имеющего, однако, кочевого характера и сочетающегося с оседлым или по меньшей мере полуоседлым бытом, с обитанием в укрепленных общинных поселениях — «городах» (о «городском» быте эфталитов упорно говорят византийские авторы — Прокопий Кесарийский и Менандр).

Характер планировки хионито-эфталитских городищ говорит о живых общинно-родовых традициях. Это подтверждается и письменными памятниками. Так, в частности, китайские хроники сообщают о многомужестве у эфталитов. Несомненно, это пережиток группового брака.

Об архаическом, варварском укладе, оживляющем в нашей памяти древние скифо-массагетские традиции, говорит сообщаемый Прокопием

[1] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М. — Л., 1950, стр. 268.

Скульптура из дворца Топрак-кала

Кесарийским эфталитский обычай, согласно которому эфталитские вожди окружали себя так называемыми «соумирающими» людьми — людьми, которые были их сотоварищами по трапезе, в быту, в сражении и которые после смерти вождя должны были сопровождать его в загробный мир.

Завоевание Средней Азии степными племенами эфталитов замедлило процесс ее феодализации, временно укрепив общинно-родовые и военно-рабовладельческие традиции. В то же время широкое расселение племен хионито-эфталитского круга, нахлынувших из степей, несомненно отразилось на ее этнической истории и развитии культуры.

Краниологический материал этого периода, собранный за последние годы (при раскопках городищ Канга-калы, Куня-Уаза, Джеты-Асара), говорит уже о далеко зашедшем процессе смешения местного населения с монголоидным этническим элементом восточного и северо-восточного происхождения. В Приаралье эти племена составили значительный пласт в этногенезе каракалпаков и туркмен, а отчасти и узбеков. Роль их своеобразной культуры была чрезвычайно велика в Средней Азии; это особенно хорошо прослеживается на становлении раннесредневековой афригидской культуры Хорезма.

В 60-х годах VI в. на политическую арену выступают тюркские племена Алтая. Объединившись с соседними племенами территории Монголии и тюрками других районов, они образовали новую могущественную варварскую державу, разгромившую Жуань-Жуанский каганат и развернувшую широкую экспансию как на восток, против переживавшего глубокий социально-политический кризис Китая, так и на запад, в Восточный Туркестан и Семиречье. Под ударом тюрков пала и Эфталитская империя.

Формирование народностей Средней Азии и Казахстана в эпоху средневековья

В Тюркский каганат вошли различные племена и народы Алтая, Семиречья и Центральной Азии.

Слово «тюрк» первоначально не являлось этническим термином. В древних рунических надписях, на скалах и надгробиях долин Орхона и Енисея, а также в других раннесредневековых письменных источниках словом «тюрк» обозначалось лишь политическое объединение разнородных племен Тюркского каганата. В VI —VIII вв. в результате слияния различных этнических элементов, составлявших ядро этого государства, образовалась группа племен, говоривших на близких языках и наречиях, получившая общее наименование «тюрки» и сыгравшая впоследствии столь важную роль в этногенезе тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана.

В обществе степных скотоводческих и тюркских племен развивались уже социальные противоречия. Выделилась родоплеменная знать — «беги». Основной ячейкой была большая патриархальная семья, в состав

Живопись Пенджикента: деталь росписи на стене в одной из комнат жилого комплекса

Варахша. Фрагмент росписи на стенах дворца бухархудата

которой входили клиенты и рабы (последние добывались во время военных набегов).

Тюркские каганы, завоевав Среднюю Азию, стали блокироваться с феодализирующейся аристократией местных государств (в частности, Согда) и опираться на нее в борьбе против демократических движений, все чаще возникавших в самом каганате. Такая политика особенно ярко раскрывается в событиях, происходивших в 80-х годах VI в., когда в Бухару бежал во главе с группой восставших тюркских воинов их вождь Абруй (Або китайских источников). Здесь, в западной части Тюркского каганата повстанцы объединились с угнетенным населением Бухарского оазиса и, захватив на время власть, вынудили аристократию Бухары — дихканов и богатых купцов — эмигрировать под защиту кагана в Семиречье, где находилась его резиденция. Однако правитель каганата Кара-Чурин оказался не в силах подавить объединенное движение тюркской и согдийской бедноты и вынужден был призвать для этого своих недавних врагов — китайцев. Тюркско-китайская армия, окружив г. Пейкенд, где укрепился Абруй, подавила восстание, вождь его был подвергнут жестокой казни. После подавления восстания каган Кара-Чурин возобновил завоевательную политику, вступив при поддержке Византии и хазар в борьбу с Ираном, но был разбит и погиб в бою с сасанидскими войсками.

Политический упадок каганата привел к его разделу на восточную и западную части. Границы Западного каганата, в состав которого входили среднеазиатские области, в VII в. достигали берегов Инда. Это был период установления тесных связей кочевников-тюрков с подчиненными им земледельческими областями Средней Азии, время образования согдийской колонии в Семиречье и Восточном Туркестане, роста городов и установления оживленных торговых связей с Китаем и Ираном. Основной торговый путь шел через города Мерв, Чарджоу, Бухару, Самарканд, Чач, Исфиджаб, Талас, Суяб и дальше — в оазисы Восточного Туркестана.

Период владычества Тюркского каганата несомненно сыграл большую роль в этнической истории Средней Азии и Казахстана, обусловив приход сюда больших групп тюркских этнических элементов, их сближение и частичное слияние с местным оседлым ираноязычным населением. Однако нельзя считать, что тюркизация ираноязычного населения оазисов и степей Средней Азии впервые началась лишь в этот период: проникновение этнических элементов из Центральной Азии восходит к весьма отдаленным временам. Об этом говорят относящиеся еще к эпохе бронзы элементы карасукской культуры в археологических материалах Средней Азии. Палеоантропологические материалы свидетельствуют о наличии монголоидной примеси у апасиаков, т. е. в IV в. до н. э. Большую роль в этом сыграл, очевидно, и приход гуннов, нахлынувших в степи Средней Азии во II в. до н. э.; вопрос об их языке, правда, до сих пор еще остается спорным; большая часть исследователей считает его тюркским, меньшая связывает его с древними монгольскими или тунгусо-маньчжурскими языками. Но во всяком случае есть основания считать, что он принадлежал к древней «алтайской» языковой общности, которая существовала в ту отдаленную эпоху, когда тюркские языки еще не обособились окончательно ни от монгольских, ни от тунгусо-маньчжурских. Можно полагать, что этнической основой этой языковой общности было множество племен, из которых только некоторые известны по письменным источникам или дожили до нашего времени в этнонимах и этнографических группах своих потомков.

Лингвистический анализ словарного материала хионитско-эфталитского происхождения привел к противоречивым результатам; некоторые исследователи пришли к выводам о близости его к иранским корням, другие — к тюркским. Разногласия эти естественны. Они вызваны тем, что основу эфталитского языка составляют языки сако-массагетских племен, подвергавшихся на протяжении веков влиянию просачивавшихся алтай-

ских этнических элементов, среди которых все большую роль играли тюркские.

В период владычества Тюркского каганата в Средней Азии развивался процесс феодализации; отдельные владения, княжества, возглавлялись, как и в эфталитский период, правителями из местных династий. Часть этих владений (например Хорезм, где в это время правила сильная династия Афригидов) продолжала сохранять свой суверенитет. Государства того времени представляли собой город с его округой, порою окруженный кольцом «длинных стен». Иногда эти владения объединялись в небольшие и неустойчивые конфедерации, тяготеющие к какому-нибудь крупному центру.

Тохаристан—древняя Бактрия— распался на ряд мелких княжеств; на верхней Аму-Дарье это были Балх и Чаганиан, Термезское владение, княжества Вашгирд, Кувадиан и Хутталян (между Пянджем и Вахшем); выше по Пянджу, в горах,— Керран, Шахинан (Шугнан) и Вахан, а в верховьях Вахша — Рашт и Кумед (нынешний Каратегин). В верховьях Зеравшана было княжество Буттам; Согд распался на три конфедерации городских княжеств: в долине Зеравшана —Самарканд, западнее — Бухара; в долине Кашка-Дарьи — Кеш. Из мелких городских княжеств, видимо, самостоятельны были Маймург близ Самарканда, а ниже по Зеравшану — Иштихан и Кушания, Вардана и др. В Ферганской долине самостоятелен был округ Ходжента, область Усрушана (Уструшана) в районе Ура-Тюбе.

Аналогичные черты раздробленности наблюдаются и в Хорезме. В период арабского завоевания северную часть дельты Аму-Дарьи занимал Кердер, население которого, по словам арабских авторов, говорило на особом языке — не хорезмском и не тюркском. Есть серьезное основание предполагать, что разделение Хорезма на юго-восточный и северо-западный, с центром первого в Кяте, а второго в Ургенче, зафиксированное источниками после арабского завоевания, также восходит к домусульманскому времени.

Раскопки памятников этого исторического периода, предшествующего арабскому завоеванию, позволяют восстановить многие черты социально-бытового уклада, культуры, искусства населения Средней Азии. В Чаче близ Ташкента раскопан замок Ак-тепе с жилой башней — *кёшк* и двором, обнесенным стенами. Множество укрепленных усадеб рядовых сельских жителей и имеющих с ними сходную планировку более крупных замков земельной аристократии раскопано в феодализирующемся афригидском Хорезме; главный комплекс этих памятников находится в пустыне Кызылкум (Беркут-калинский оазис), где ныне вновь освоены земли древнего орошения и между развалинами замков раскинулись колхозные поля. Продолжаются начатые еще до революции раскопки Афрасиаба — городища древнего Самарканда, где обнаружены богатые находками раннесредневековые слои. Проведены раскопки Тали-Барзу в центре области Ривдад — к югу от Самарканда. В Бухарском оазисе обнаружено и раскопано городище Варахша, где находился дворец местного правителя; стены дворца были украшены живописью и прекрасной резьбой по штуку (алебастру). Стенные росписи изображают шествие зверей и сцены охоты, где всадники на слонах борются с фантастическими животными; в других помещениях оказались многофигурные композиции—царь на троне, окруженный свитой, всадники в панцирях и шлемах и др. На алебастровой облицовке обнаружены рельефы фигур людей, животных, птиц, рыб, деревьев и фантастических существ. Дворец Варахша — прекрасный памятник согдийского искусства VII в., в котором отражаются связи с искусством Индии и Ирана. Не менее блестящие образцы согдийского искусства найдены при раскопках древнего Пенджикента в развалинах домов и храмов. Настенные росписи одного из храмов изображают фра-

Замок Якке-Парсан в пустыне Кызылкум (вид с самолета)

гменты сцен ритуального шествия, культовой трапезы, танцев, жреца, стоящего на коленях перед алтарем. Во втором храме центральной темой росписей является сцена оплакивания покойника. Не вызывает сомнения трактовка другой росписи, где показан в полном соответствии с известным эпическим образом полубожественный герой Рустем, борющийся с демонами.

В нишах храмов помещались глиняные скульптуры, от которых сохранилось, однако, лишь немного фрагментов. Большой интерес представляет оформление стен одного из айванов скульптурными изображениями людей, морских чудовищ, змей и рыб на фоне выполненных из глины в низком рельефе волн, окрашенных синим цветом. Все эти прекрасные произведения искусства имеют, помимо культурно-исторического значения, также и большую научную ценность первоклассного историко-этнографического источника, дающего образное представление об этническом облике, материальной и духовной культуре населения Средней Азии VII — начала VIII в. Судя по росписям и скульптуре, среди местного населения в это время было много тюрков, эфталитов, встречаются изображения китайцев.

Большую научную ценность представляют находки в развалинах замка на горе Муг; здесь в 1932 г. пастух таджик нашел случайно корзину с древними рукописями. Последовавшие затем раскопки выявили много бытовых предметов, в частности, деревянный обтянутый кожей щит с изображением согдийского воина, видимо принадлежавший владельцу замка, пенджикентскому князю Деваштичу, а также архив, содержащий около 80 документов на арабском, китайском, тюркском и согдийском языках, представляющий деловую переписку и хозяйственные записи Деваштича. Как показали исследования, между древнейшим тюркским письмом и древними письменностями Средней Азии — согдийской, усрушанской, бухарской, хорезмийской и другими — имеется сходство, объясняемое их общим источником — арамейским письмом. Китайский путешественник Сюань Цзян сообщает ряд сведений о характере согдийского письма, которые подтверждаются анализом согдийских документов, найденных на

горе Муг, и обнаруженных ранее в Восточном Туркестане памятников религиозной (буддийской, христианской, манихейской) литературы на согдийском языке, относящихся преимущественно к раннему средневековью. Среди согдийских текстов оказались отрывки песен о Рустеме, бытовавших еще в эпических сказаниях саков и влившихся в X в. в «Шахнаме» (см. стр. 136, 140).

Хорезмийские документы VIII в. впервые обнаружены в 1959 г. при раскопках одного из афригидских замков — Якке-Парсан.

В отличие от Ирана, где грамотность была распространена главным образом среди чиновников и жрецов, в Средней Азии письменность была в этот период распространена значительно шире.

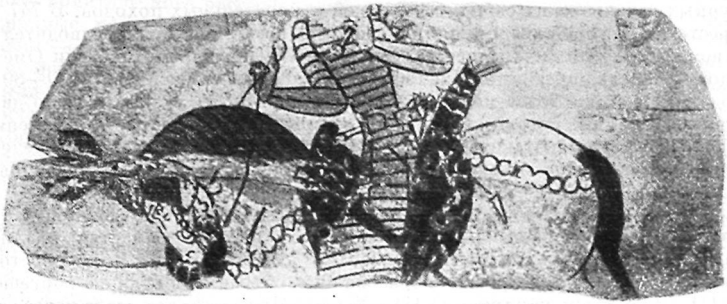
Исторические источники говорят о тесных связях в VI—VIII вв. между тюркским и древним ираноязычным земледельческим населением, совместно развивавшим разностороннюю и богатую культуру. Известно, что тюрки-кочевники жили в VII — начале VIII в. в районе Чача (Ташкента); в Семиречье, в долинах Таласа и Чу, кочевали тюрки-тюргеши; в Фергане и Тохаристане — тюрки-карлуки. Немало тюрков поселилось также в Бухарском и Самаркандском оазисах. Новые археологические материалы очень убедительно свидетельствуют о взаимовлиянии культур степных и земледельческих племен Средней Азии в VI—VIII вв. В частности, степные племена оказали большое влияние на формирование афригидской культуры в Хорезме (архитектура, керамика и др.). Новые археологические открытия показывают также, что основные черты средневековой культуры народов Средней Азии сложились уже в VI—VII вв., перед вторжением арабов. Это говорит о несостоятельности попыток, делавшихся не раз в прошлом историками, объяснить различия между так называемой «мусульманской» и «домусульманской» культурой в Средней Азии лишь вторжением нового этнического элемента — арабов.

Уже в 50-х годах VII в. в Хорасане и на границах Средней Азии, под стенами Мерва, Герата и Балха появляются войска Арабского халифата. Однако сын Ездегерда III, царя Сасанидского Ирана, Пероз ценою принятия вассальной зависимости от Китая добился его помощи в борьбе с арабами и освободил от них Хорасан. Сам Пероз оказался в роли префекта китайского императора во вновь созданной китайской провинции Босы (Персия). Но вскоре арабы вновь начали наступление и, изгнав Пероза, закончившего свою жизнь в Китае в качестве «генерала гвардии правого крыла» китайского императора, прочно закрепились в Хорасане.

В начале VIII в., при наместнике Хорасана Кутейбе ибн-Муслиме, арабы вторглись в Среднюю Азию. Большая часть сокровищ культуры, созданных в этот период народами Средней Азии, была истреблена в огне арабского нашествия. Именно в эти годы жестокой борьбы был сожжен замок на горе Муг, погибли пенджикентские храмы и многие другие великолепные памятники. Истребление арабами культурных ценностей Хорезма красочно описывает известный среднеазиатский ученый XI в. ал-Бируни. По его словам, арабский полководец Кутейба «подверг всяким терзаниям»[1] и уничтожил всех ученых, которые хорошо знали хорезмийскую письменность и хранили исторические предания, так что нельзя уже узнать в точности, что было известно из их истории во время пришествия к ним ислама.

Арабское завоевание происходило в обстановке жестокой войны. Местное население, объединившись с тюрками, встретило завоевателей упорным сопротивлением продолжавшимся до середины VIII в. около 50 лет, в то время как завоевание могущественного Сасанидского Ирана отняло

[1] Абурейхан Бируни. Памятники минувших поколений. Избранные произведения, т. 1. Ташкент, 1957, стр. 48.



Деревянный щит, обтянутый кожей, с изображением согдийского всадника. Замок на горе Муг

у них всего 15—16 лет. Жители Мавераннахра отстаивали каждую пядь своей земли. Когда согдийский царь Тархун в 710 г., предав свой народ, заключил тайно мир с арабами, согдийцы свергли его, и он покончил жизнь самоубийством. Лишь измена землевладельческой знати, переходившей на сторону арабов, помогла им сломить сопротивление народов Средней Азии. В 751 г. Китай сделал последнюю из многочисленных попыток противопоставить себя арабам и захватить власть в Средней Азии и Иране; однако битва на Таласе между войсками полководцев Гао Сянь-чжи и Зияда ибн-Салиха окончательно решила спор в пользу Арабского халифата.

Арабы обложили население земельным налогом (*харадж*) и подушной податью (*джизье*), при сборе которых применялись насильственные и унижающие человеческое достоинство меры. Очень тяжелы были также натуральные повинности. В то же время земельная аристократия, знатные дехкане, пользовались многими привилегиями. Развитие феодальных отношений, начавшееся в Средней Азии еще до арабского завоевания, продолжалось под властью халифата, превратившего в государственную собственность значительную часть земельного фонда, принадлежавшего ранее свободным сельским общинам. Часть этих земель перешла к арабской знати, а часть, в виде пожалований,— к местной среднеазиатской аристократии. Земледельцы-общинники постепенно становятся феодально зависимыми крестьянами.

Насильственно распространяли арабы также свою религию — ислам, в котором они видели большую силу, способную объединить с ними покоренное население единым мировоззрением, установлением определенных норм поведения. Кроме того, ислам узаконивал военные грабежи под видом законной добычи, нормы распределения которой разработаны в Коране («Сура о добыче»). Вместе с исламом распространялся арабский язык, становившийся постепенно языком государственных канцелярий, науки и литературы. Однако народные массы продолжали говорить на местных (иранских, тюркских и др.) языках и диалектах.

Не оказали арабы существенного влияния и на этнический состав населения Средней Азии. Живущие здесь поныне группы арабов — потомки переселенцев, пришедших значительно позже, во времена владычества Тимура. В то время как исламизация высших слоев общества и части городского населения (купечества) осуществлялась довольно быстро, сельское население сильно противилось новой религии, связывая ее со всей системой эксплуатации, введенной арабами, и продолжало придерживаться зороастризма и других доисламских религий.

На протяжении всего VIII в. история арабского владычества полна бурных исторических событий, мятежей и карательных походов. В 747 г. крестьяне и горожане приняли участие в восстании под предводительством Абу-Муслима, которое закончилось низвержением династии Омейядов и переходом власти в халифате к династии Аббасидов. В 70—80-х годах VIII в. наиболее мощным из восстаний против халифата было движение Муканны. Это восстание, как и многие предыдущие выступления жителей Среднеазиатского междуречья против иноземных завоевателей, широко поддержали тюркские племена, пришедшие из степей на помощь восставшим.

Власть арабов простиралась лишь на незначительную южную часть территории нынешнего Казахстана. В его степных областях различные тюркоязычные племена оставались независимыми. В юго-восточном Казахстане (Семиречье) образовались объединения тюрок-тюргешей (VIII в.), а затем карлуков (VIII—X вв.). При карлуках сюда переселилось из Восточного Туркестана много уйгуров. Западнее, в низовьях Сыр-Дарьи, находилось владение крупного союза тюркских племен — огузов, так же как и карлуки, сочетавших скотоводство с земледелием и имевших свои торговые центры — города. Центром огузов был г. Янгикент в низовьях Сыр-Дарьи, одно из гунно-тюркских городищ древней дельты этой реки, заново укрепленное и перестроенное в раннем средневековье.

Культура огузов изучена на большом археологическом материале в низовьях Сыр-Дарьи, где расположены развалины множества их поселений и городов; эта культура имеет глубокие местные корни; наблюдается преемственность ее развития, непосредственные связи с предшествующей ей культурой эфталито-хионитской и с еще более ранними культурами местных сако-массагетских племен. В то же время в ней прослеживается сильное влияние культуры степных гунно-тюркских племен, внедрившихся в Приаралье из Центральной Азии и приалтайских областей.

По всем данным огузы — потомки тюркизированных в VI—VII вв. эфталитов. Кроме основного эфталито-тюркского этнического элемента, в составе огузов VIII—X вв. имелась значительная прослойка индоевропейских элементов в лице племен тохаров (огузское племя дюкер) и ясов-алан (языр-язгыр). Огузские племенные названия кайы, баят и баяндер свидетельствуют о проникновении в среду огузов монгольских элементов еще за пять столетий до монгольского завоевания; участие их в этногенезе огузов объясняет и отмеченную выше струю центральноазиатского влияния, явственно различаемого в культуре огузов.

Потомками древнего населения Приаралья были и племена печенегов, союз которых формировался одновременно и в непосредственном соседстве с огузами. Этнической базой их также являлись древние племена сако-массагетского и сармато-аланского происхождения, подвергшиеся затем тюркизации; согласно Махмуду Кашгарскому, печенежский язык был близок булгарскому и суварскому. По-видимому, в этногенезе печенегов большую, чем у огузов, роль играли протоугорские элементы; в частности, в нем могли участвовать йирки, упомянутые Геродотом как жители районов Приуралья, тюркизированные потомки которых вошли одним из компонентов в состав башкир.

Весьма интересен анализ этнонимов огузов и печенегов, подтверждающий этногенетические связи этих средневековых народностей с местными древними сако-массагетскими племенами; в результате этого анализа оказывается, что имя «огуз» восходит первоначально к имени массагетского племени «аугасии», жившему в древней дельте Сыр-Дарьи, а этноним — «печенег» генетически связан с именем «апасиаки» — «пасики» Птолемея [1].

[1] С. П. Толстов. Огузы, печенеги, море Даукара (заметки по исторической топонимике восточного Приаралья). «Советская этнография», 1950, № 4, стр. 50.

На протяжении IX—X вв. на восточных окраинах вступившего в полосу политического распада халифата возникают сменяющие друг друга крупные раннефеодальные объединения восточного Ирана и Средней Азии — государства Тахиридов, Саффаридов и Саманидов. Возглавляемое местной династией сильное государство Саманидов, центром которого была Бухара, существовало с 874 по 999 г. и сыграло большую роль в этнической и культурной истории страны. Оно объединяло Мавераннахр, Хорезм, присырдарьинские области, часть Туркмении и значительные области Афганистана и Ирана. В эти годы выросли средневековые города Средней Азии (Самарканд, Бухара и др.) с многочисленным ремесленным и торговым населением. Особенно высокого развития достигли в этот период художественные ремесла (в частности, керамическое), искусство, литература, наука. Широко распространился таджикско-персидский язык. На нем создавали свои прекрасные произведения поэт Абу-Абдаллах Рудаки и великий творец «Шахнаме» Фирдоуси. На арабском языке (ставшем языком науки) писали выдающиеся труды среднеазиатские ученые.

Уже к концу VIII — началу IX в. относится жизнь и деятельность признанного основателя «арабской» математики и математической географии — хорезмийца Мухаммеда ибн-Муса ал-Хорезми, искажением имени которого является математический термин «алгорифм» (общее решение любой математической задачи), а от одного из слов заглавия его произведения «ал-Джабр» произошло название алгебры. Ал-Хорезми не только математик, но и астроном, географ и историк. Общепризнано, что в его трудах осуществился тот синтез индийской алгебры и греческой геометрии, который лежит у истоков математической науки. Ал-Хорезми опирался на многовековую традицию хорезмийской математики, выросшей на почве практических потребностей ирригации, путешествий, строительства и торговли, впитавшей в себя и творчески переработавшей лучшие традиции греческой и индийской культур. С этой зрелой математической наукой познакомил ал-Хорезми арабов, а затем, в европейских переводах, и европейский ученый мир. Как географ ал-Хорезми принимал участие в посольстве аббасидского халифа ал-Мамуна в Хазарию. Есть основания полагать, что именно им заложен тот основной костяк географии и этнографии Восточной Европы, который впоследствии выступает в качестве неизменно повторяемого архетипа во всех позднейших арабских географических трудах. Его «Ал-Китаб Сурат ал-Ард», книга «Картины мира» по авторитетному признанию В. В. Бартольда, положила начало арабской географической науке.

С именем Абу-Насра ал-Фараби (ум. в 950 г.) связаны высшие достижения восточной философии того времени. Фараби написал комментарии к сочинениям Аристотеля, к трактатам Птолемея и других греческих философов и ученых. В своих произведениях Фараби неоднократно высказывал мысли, отражавшие его материалистические воззрения, за что он подвергался преследованиям духовенства. Прогрессивные взгляды этого среднеазиатского философа, которого справедливо называли Аристотелем Востока, составили важнейший идейный источник мировоззрения прославленного ученого Абу-Али ибн-Сины (Авиценны, 980—1037 гг.), автора замечательных работ в области медицины и философии. Уточняя и развивая идею о вечности и несотворенности реального мира, ибн-Сина отмечает, что материя существует вечно и проявляется в многообразных формах. При помощи органов чувств, по словам ибн-Сины, человек воспринимает воздействие внешних, реально существующих тел и закрепляет результаты этого воздействия в своей памяти. Ибн-Сина писал: «Познание всякой вещи, если она возникает, достигается и бывает совершенным через познание ее причин...»

В числе медицинских трактатов ибн-Сины известны: «Канон врачебной науки», «Книга о болезнях сердца», «Книга о пульсах», «Правила исполь-

зования лекарств», «Лихорадки и опухоли», «Нервные болезни и параличи» и др.

«Канон врачебной науки» является величайшим творением. На нем воспитывались врачи в течение почти 600 лет как на Востоке, так и на Западе. Еще в XII в. он был переведен на латинский язык. «Канон» был почти единственным учебным пособием в средневековых университетах и оказал заметное влияние на все последующее развитие научной медицины. Ибн-Сина дает замечательное определение понятия медицины и ее задач. Он пишет: «Я утверждаю: медицина есть наука, познающая состояние человеческого тела как здорового, так и больного, чтобы уметь сохранять здоровье и восстановить, если оно утрачено». В «Каноне» приводятся подробные данные по анатомии и физиологии человека. Есть основание полагать, что ибн-Сина сам занимался вскрытием трупов и на основании собственных наблюдений описывал строение органов.

За много веков до развития микробиологии ибн-Сина предугадал роль загрязненной воды и воздуха в возникновении и передаче некоторых заболеваний.

Ибн-Сина был вершиной медицинской мысли Средней Азии феодальной эпохи. Он создал целую школу врачей Среднего Востока. Все последующие врачи Средней Азии в той или иной степени считали себя учениками великого Шейх-ур-раиса (старшины врачей), т. е. ибн-Сины.

Богатая, развитая культура Хорезма, имеющая замечательные древние традиции, дала такую титаническую фигуру как Абу-Рейхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни (973—1048 гг.) — современник ибн-Сины, родившийся на территории современной Кара-Калпакии в древнем г. Кят (окрестности нынешнего районного центра Бируни). В его лице выступает перед нами великий энциклопедист средневекового Востока, астроном, географ, минеролог, этнограф, историк и поэт.

Его перу принадлежит ряд капитальных трактатов по разным отраслям науки, и во всех он проявляет себя как выдающийся эрудит и самостоятельный мыслитель, прокладывающий новые пути в науке. Его историко-геологические теории по истории ландшафта Северо-Индийской низменности и по истории изменения течения Аму-Дарьи далеко опережают взгляды тогдашней науки, приближаясь к современным научным концепциям. Труд Бируни «Ал-Асар ал-Бакия...» — «Памятники минувших поколений», трактат о летоисчислениях народов мира, является настоящим кладезем сведений по истории культуры, философии, астрономии, религии разных народов. Ценнейшие историко-географические сведения заключены в его трактате «Ал-Канун ал-Мас'уди» и геодезическом труде «Тахдид Нихайат ал-амакин...»

Замечательная «История Индии» Бируни является образцом историко-этнографической монографии, не имеющей себе равных в средневековой литературе. Трудом первостепенного научного значения была и дошедшая до нас лишь в отрывках «История Хорезма», в которой заключались сведения о роли Хорезма в событиях на Руси, предшествовавших принятию христианства. Благодаря Бируни, знакомившему страны мусульманского Востока с географией и этнографией Восточной Европы, арабам стали впервые известны варяги-норманны и народы «страны мрака» — население европейской и азиатской Арктики.

Страстный патриот, Бируни гневно клеймил завоевателей, истреблявших культуру Средней Азии; в своих знаменитых «Памятниках минувших поколений» он с уважением отзывался об обычаях, верованиях, культуре, быте, науке других народов (римлян, персов, согдийцев, хорезмийцев, евреев, арабов), историю которых он великолепно знал.

Его рационалистические идеи в таких областях знания, как астрономия, геология, гидростатика, география, во многом предвосхитили взгляды Коперника, Леонардо да Винчи и др.

Опытное, эмпирическое знание, занявшее важное место в творческой деятельности Бируни, определяло в целом стихийно материалистический характер его воззрений на явления природы. Признавая существование природы вне и независимо от сознания человека, Бируни возвышает человеческий разум, обладающий способностью познать явления и закономерности реального мира.

Однако научные достижения и передовые материалистические элементы мировоззрения ибн-Сины и Бируни были заглушены господствовавшей в стране реакционно-клерикальной идеологией.

В XI—XII вв. в Мавераннахре в обстановке бесконечных феодальных смут и нашествий завоевателей широко распространяется зародившееся еще в IX в. в Ираке мистическое учение суфизм, оказавшее реакционное влияние на всю последующую культурную историю народов Средней Азии.

Для суфизма характерен крайний синкретизм, сочетание самых различных по генезису элементов — от ортодоксального ислама до элементов древних культов.

Философскую основу суфизма составляет пантеизм —представление о том, что божественная сущность разлита во всей вселенной и человек может полностью слиться с божеством.

Путь к этому, по учению суфиев, имеет ряд ступеней, прохождение которых есть постепенное приближение к этой конечной цели. Принятие в качестве первой ступени суфийского пути норм официальной религии открыло возможность сосуществования суфизма с исламом. Однако на второй ступени совершенствования суфизм признавал свободу от догм официальной религии, что создавало условия для развития самых различных направлений философской мысли, иной раз весьма далеких от ислама.

Под покровом пантеизма в суфизме проявлялся протест против официальной религии, отказ от ее обрядности.

С другой стороны, в том же суфизме развивались направления наиболее реакционные, знаменовавшие собой господство самого откровенного мракобесия, основанные на отрицании главенствующей роли разума, полном отказе от собственной воли. Прохождение суфийских ступеней совершенствования по учению суфиев должно было осуществляться под руководством наставника (*муршид*, *пир*), которому вступающий в орден предавал себя в полную власть, становясь его послушником — мюридом, символизируя это обрядом «вручения руки». Требование полного подчинения муршиду, в руках которого, по широко распространенному в суфийской среде выражению, мюрид «должен быть подобен трупу в руках обмывателя мертвых», было одним из самых реакционных положений, когда-либо предъявлявшихся религией к своим адептам.

* * *

С X—XI вв. в Средней Азии феодальные отношения стали господствующими, хотя при этом сохранялись пережитки рабовладельческого и первобытнообщинного строя. Особенно большое значение последние сохраняли в кочевых и полукочевых районах, где у тюркских племен устойчиво продолжали существовать родоплеменные группы и древние патриархальные обычаи. Социальный строй здесь принял форму патриархально-феодального, с ведущей ролью феодальных отношений. Патриархально-феодальные отношения преобладали и в некоторых отдаленных и изолированных оседло-земледельческих районах.

В этнической истории Средней Азии с эпохи феодализма наступил новый этап развития — начиналось формирование современных народностей. Ранее других завершился процесс сложения таджикской народ-

ности, древними предками которой были бактрийцы и согдийцы. Уже на грани IX и X вв. в пределах государства Саманидов завершился процесс оформления таджикской народности и таджикского языка.

На смежной с таджиками территории формировался узбекский народ. Древнейшими предками узбеков также были местные, среднеазиатские народы и племена: хорезмийцы, согдийцы, массагеты и саки. Смешиваясь с тюркскими племенами, уже на ранних этапах истории переселявшимися из степей в долину Зеравшана, Фергану, Чач, Хорезм и другие области Мавераннахра, местное земледельческое ираноязычное население перенимало их язык, в свою очередь передавая им свои хозяйственные и культурные навыки. Процесс этнического смешения и тюркизации был особенно активным в XI—XII вв.; именно в это время на территории Среднеазиатского междуречья формировалось основное ядро тюркоязычной народности, принявшей впоследствии этническое наименование узбеков.

В конце X в. империя Саманидов переживала последний этап своего существования. Далеко зашедший процесс феодального распада привел к обособлению наместников провинций, не считавшихся с властью последних Саманидов. Глубокий социальный кризис лишил Саманидов какой бы то ни было внутренней поддержки — крестьянство страдало от усиливавшегося с каждым годом налогового гнета, землевладельческая аристократия не мирилась с централизаторскими тенденциями саманидских правителей, тюркская гвардия рабов-гулямов была ненадежным войском и часто принимала участие в мятежах, направленных против Саманидов.

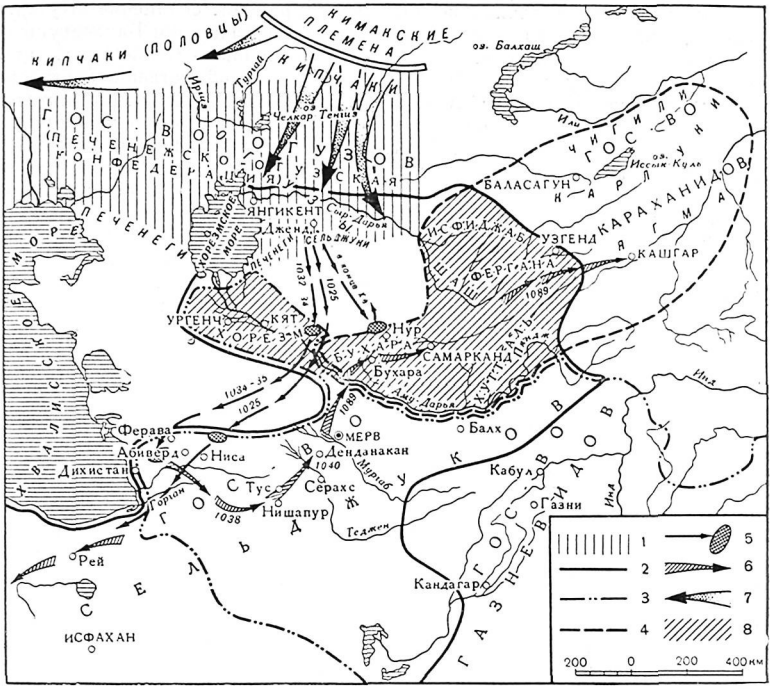
Еще в 862 г. саманидский военачальник из гулямов тюркской гвардии Алп-тегин захватил на время власть в Газне, попытавшись создать в этой крупной, граничившей с Индией, провинции независимое княжество, а в 977 г. этот план осуществил бывший раб Алп-тегина тюрк Себук-тегин; он положил начало династии Газневидов, которая стала править в отторгнутой от саманидских владений Газне.

К 90-м годам X в. на смежной с Саманидским государством территории Кашгара и Семиречья образовалось еще одно крупное государство, возглавляемое тюркской династией Караханидов. С именем первого хана этой восточно-туркестанской династии, Богра-хана, связано начало завоевания Мавераннахра Караханидами. В 999 г. власть Караханидов здесь уже прочно установилась, и в 1001 г. сын Себук-тегина, могущественный Махмуд Газневи, договорился с преемником Богра-хана караханидским ханом Насром о разделе владений павшего саманидского государства. Пограничной линией стала Аму-Дарья; караханидские владения протянулись к ней от Кашгара, включая часть Восточного Туркестана, Семиречье, Чач, Фергану и территорию древнего Согда. Газневидское государство охватывало территорию от северной Индии до южного побережья Каспия, включая нынешний Афганистан и северо-восточный Иран.

Период пребывания в составе Караханидского государства имел большое значение для этнической и культурной истории Средней Азии и Казахстана. Происходило объединение этнических групп и культурное взаимовлияние населения Восточного Туркестана и Средней Азии.

Основной массив тюркских народностей и племен располагался в этот период в Семиречье и по Сыр-Дарье, в областях, граничащих с областью Чача Одним из самых крупных племен были карлуки, занимавшие большое пространство от долины Таласа до р. Тарим в Восточном Туркестане. По описаниям безымянного автора «Худуд-ал-алем» это был культурный народ, занимавшийся скотоводством, земледелием и охотой, живший в селениях и городах, из которых самыми крупными были Кулан (ныне ст. Луговая) и Мерке.

Второе большое тюркское племя, чигили, расселилось в районе Тараза и главным образом к северо-востоку от оз. Иссык-Куль. Историки опи-



Средняя Азия в XI в.

1 — территория огузского государства (печенежско-огузской конфедерации); *2* — границы Сельджукского государства в конце XI в. (со включением вассальных владений); *3* — границы владений Газневидов до 1040 г.; *4* — границы владений Караханидов в начале 80-х годов XI в.; *5* — направления откочевок сельджуков из Джанда в конце X — начале XI в. и места их поселений; *6* — главные направления завоевательных походов Сельджуков; *7* — движение кыпчаков в Среднюю Азию и Восточную Европу; *8* — вассальные владения Сельджуков в Средней Азии — Хорезм и Мавераннахр (с 1089 г.— в двойном подчинении Караханидам и Сельджукам)

сывают его как народ богатый, владевший большими стадами крупного рогатого скота, лошадей и баранов, имеющий, как и карлуки, города и селения.

К югу от оз. Иссык-Куль и далее к Кашгару в Восточном Туркестане жило тюркское племя ягма, у которого наименее развито было земледелие. преобладали охота и скотоводство — разведение лошадей и баранов. Ягма отличались своей воинственностью.

На юго-западе Семиречья жили тухси, аргу — племена тюргешей, государство которых, возникшее в начале VIII в., в 766 г. было завоевано карлуками. Тюргешские племена находились в очень тесных культурных связях с населением Мавераннахра; их тюркский язык был смешан с согдийским.

Само собой разумеется, что в период политического объединения всего этого тюркского населения с народами Средней Азии в рамках Караханидского государства происходило очень интенсивное взаимовлияние, усилилось экономическое, культурное и этническое сближение жителей Среднеазиатского междуречья, Семиречья и Восточного Туркестана.

Замечательный источник истории этого времени, сочинение «Кутадгу билик», написанное в начале XI в. Юсуфом хас-хаджибом Баласагуни — уроженцем среднеазиатской столицы Караханидов — Баласагуна, ярко освещает политику караханидских ханов и новые общественные отношения, сложившиеся в Средней Азии в условиях тесного сближения жителей культурной земледельческой полосы с пришлыми кочевыми и полукочевыми тюркскими племенами. Приток тюркских этнических элементов в среднеазиатские оазисы в этот период очень усилился. Тюркоязычное население уже не представляло отдельные островки среди таджикоязычного, а составляло значительные массивы, причем окружающее местное население постепенно воспринимало его язык, тюркизировалось. На территории современного Узбекистана в этот период пришлое тюркское и тюркоязычное местное население стало преобладающим.

Исследование одного из ценнейших источников истории тюркских языков, написанного на арабском языке словаря «Диван лугат ат-тюрк», автором которого был караханидский тюрк, ученый-лингвист Махмуд Кашгарский, свидетельствует о том, что процесс формирования узбекского языка в XI в. достиг уже большой интенсивности.

В то время как для этногенеза узбекского народа особенное значение имели события, происходившие в пределах Караханидского государства, для этнической истории туркмен, каракалпаков и казахов решающую роль сыграли в этот же период крупные передвижения степных племен и народов Приаралья.

Этногенез туркмен восходит к племенным союзам автохтонного населения арало-каспийских степей (дахов и массагетов), тюркизация которого происходила еще в древности; но главным этническим элементом в их составе были огузские племена, часть которых, по свидетельству Тахира Мервези, еще в конце X в. стала именоваться туркменами.

В XI в. в борьбу с Караханидами вступило возникшее у нижнесырдарьинских огузов государство Сельджукидов, завоевавшее не только владения Караханидов и примыкавшее к ним с юга государство Газневидов, но и значительную часть Передней Азии. Центром владений сельджуков был г. Мары.

Передвижение сельджукских тюрков-огузов из присырдарьинских областей на территории нынешней Туркмении и смешение их с местным населением привело к завершению в основных чертах формирования туркменской народности. В родоплеменных названиях туркмен до начала XX в. сохранялись имена как древних среднеазиатских, так и ряда огузских племен. Сельджукское движение в известной степени отразилось и на этногенезе узбеков: оно значительно повлияло на тюркизацию населения Хорезма и некоторых областей Бухары. В Самаркандской области, в горах Нуратау, до настоящего времени живет этнографическая группа «туркмен», представляющая собой слившихся с узбеками потомков огузов-туркмен, переселившихся в XI в. с Сыр-Дарьи.

Передвижение в тот же исторический период другой части огузов («узов» или «торков» русских источников) вслед за печенегами в направлении южнорусских степей и приход с Иртыша в Приаралье кыпчаков («половцев» русских источников) имели большое значение в начавшемся процессе формирования каракалпакской народности.

Наиболее ранние предки каракалпаков — племена Приаралья («массагеты болот и островов» греческих авторов), в том числе предшественники печенегов — апасиаки. В средние века после ухода на запад части печенегов и огузов оставшиеся в Приаралье группы этих племен сблизились. Дальнейшее становление каракалпакской народности происходило в этой огузско-печенежской среде. Завоевание областей Приаралья кыпчаками (западная ветвь живших на берегах Иртыша тюркоязычных племен кимаков) в XI в. и включение населения этих областей в состав кыпчак-

ского союза было очень важным этапом в этногенезе каракалпаков; следствием этого было принятие каракалпаками языка пришельцев. С XII в. уже известен этноним «каракалпаки» («черные клобуки» русских летописей).

Этногенез казахов начался преимущественно на основе степных племен саков и усуней; в нем играли значительную роль и гуннские этнические элементы. Большое значение в процессе этногенеза казахов имели Тюркский каганат и раннесредневековые государства юга Казахстана, возглавленные тюркскими династиями (государство тюргешей, государство карлуков и др.). Однако узловым этапом сложения казахской народности явилась консолидация средневековых степных тюркских племен в составе кыпчакских (половецких) племенных союзов.

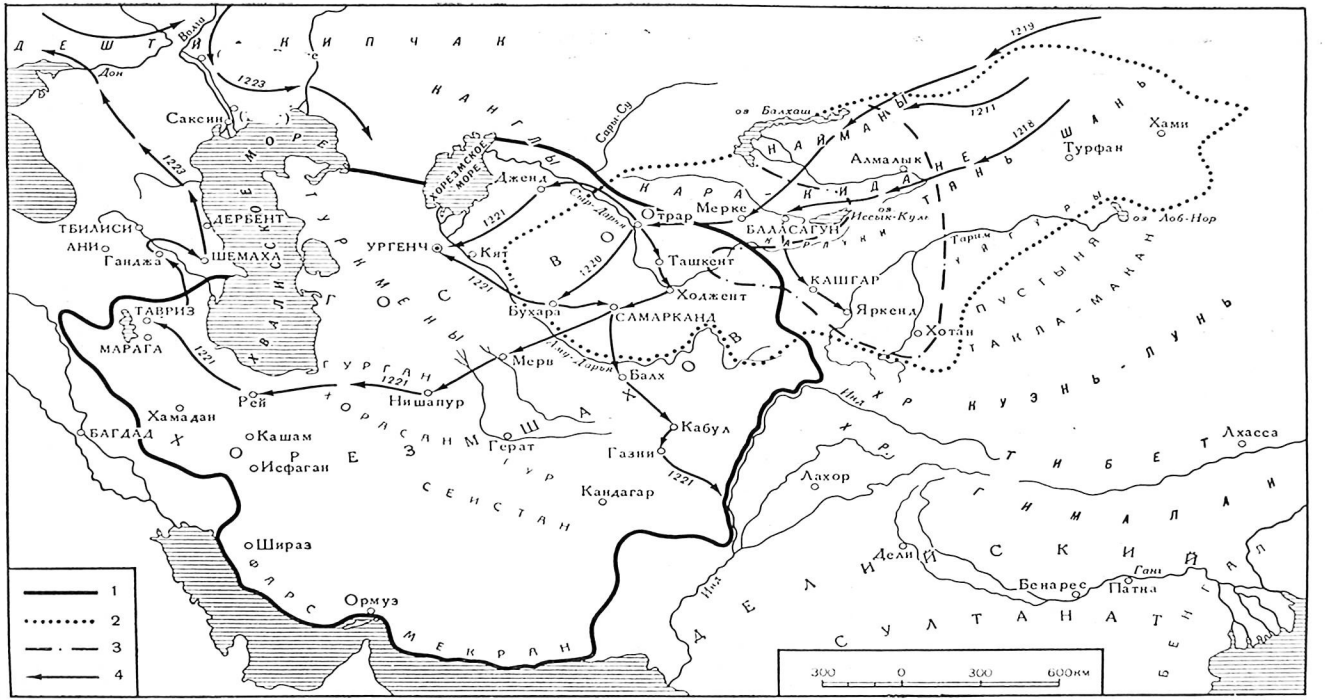
Кыпчаки образовали несколько племенных союзов в Западном и Центральном Казахстане еще в X—XI вв.; в XII в. их господство распространилось от Иртыша до Днепра. Степи Казахстана и Южнорусские степи стали называться Дешти-Кыпчак. Кочевники-скотоводы кыпчаки на окраинах своих владений, смежных с Русью, Хорезмом и другими земледельческими районами, переходили к оседлости. Земледельческая культура существовала у них и в некоторых местностях самого Дешти-Кыпчака, близ гор Улутау, по рекам Сарысу и Ишиму.

Вхождение тюркских племен всего обширного пространства степей нынешнего Казахстана в кыпчакский союз, смешение их с кыпчаками, языковые процессы, происходившие при этом и закончившиеся подчинением местных языков господствующему кыпчакскому,— все это чрезвычайно способствовало сложению казахской народности. Кыпчакские племена входили также в состав других формирующихся тюркских народностей — узбеков, киргизов, каракалпаков, ногайцев, башкир и др. В родоплеменном составе у всех этих народов сохранились подразделения «кыпчак».

Формирование киргизов началось вне территории Средней Азии, по-видимому, в среде тюркских племен области восточного Тянь-Шаня. В IX—X вв. у киргизов существовало государство в верховьях Енисея, игравшее большую роль в политической истории Центральной Азии, но вопрос о генетическом родстве между енисейскими и тянь-шаньскими киргизами является спорным. В связи с начавшимися со времени монгольского завоевания, а возможно и еще раньше, передвижениями киргизских племен Тянь-Шаня на нынешнюю территорию Киргизии, шел процесс смешения их с коренным населением Средней Азии. Новейшие антропологические, археологические, исторические и этнографические исследования говорят о взаимодействии в этногенезе киргизов центральноазиатского и среднеазиатского этнических элементов. В культуре среднеазиатских киргизов отражается влияние культуры народов Алтая, Прииртышья, Монголии, Синьцзяна; вместе с тем, некоторые черты материальной культуры киргизов сложились уже в Средней Азии, в обстановке длительного хозяйственного и культурного общения с местным населением.

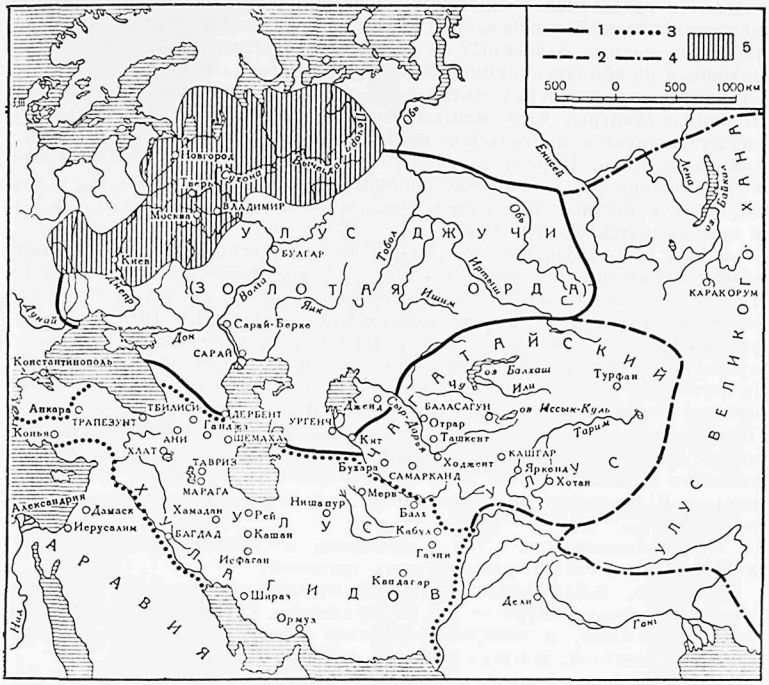
Судьба «енисейских кыргызов» сложилась иначе. В XVII в. с ними столкнулись русские в Сибири, тщетно пытавшиеся покорить киргизские владения. В 1703 г. ойратские владетели переселили большую часть «енисейских кыргызов» в Джунгарию. Отдельные группы енисейских киргизов смешались с хакасами и тувинцами, о чем свидетельствуют названия некоторых родоплеменных групп у этих народов; ныне их потомки входят в состав населения Хакасской и Тувинской автономных областей[1].

[1] В этой связи интересно происхождение названия «хакасы». До Октябрьской революции нынешние хакасы не имели общего названия и были раздроблены на ряд племен. После Октябрьской революции эти племена консолидировались в единую народность, присвоив себе имя древних киргизов в его китайской транскрипции «хакас».



Средняя Азия в XII — начале XIII в.

1 — границы государства Хорезмшахов к 1219 г.; *2* — примерные границы владений кара-китаев, (киданей); *3* — государство найманов (1210—1219 гг.); *4* — завоевательные походы Чингис-хана, его сыновей и полководцев



Средняя Азия под властью монголов в XIII в

1 — улус Джучи (Золотая Орда); *2* — чагатайский улус; *3* — улус Хулагидов (Ильханов); *4* — улус великого хана; *5* — территория Руси, подвластная Золотой Орде

В XII в. в Семиречье образовалось государство кочевников киданей или кара-китаев, народа, переселившегося с Дальнего Востока. Вскоре кара-китаи подчинили себе и Мавераннахр. Пребывание в Средней Азии кара-китаев отразилось на этническом составе ее населения. Очевидно, часть их поселилась среди тюркских племен и восприняла их язык. С этим связывают распространение у узбеков, каракалпаков, казахов и киргизов родовых и племенных названий «ктай».

Кара-китаи господствовали в Средней Азии недолго — уже в конце XII в. стало расти политическое могущество Хорезма, его правители разгромили сельджуков и создали грандиозную феодальную монархию Великих хорезмшахов, объединившую в начале XIII в. всю Среднюю Азию, территорию современного Афганистана, Иран и Азербайджан. Это — эпоха наибольшего развития феодализма, роста городов, торговли, ремесел и культуры.

Государство Хорезмшахов погибло в результате монгольского нашествия. Полчища Чингис-хана наводнили Среднюю Азию в 1219—1221 гг. и подвергли жестокому разгрому города и селения, разрушая ирригационные сооружения, массами истребляя и угоняя в рабство население. Монгольское завоевание было одной из главных причин той экономической и культурной отсталости Средней Азии, от которой она не могла избавиться на протяжении многих веков. В результате мон-

гольского завоевания в Среднюю Азию проникло значительное число монголов; однако большая часть их войск состояла из кыпчакских и других тюркских племен, зависимых от своих монгольских военачальников — нойонов и по обычаю принимавших их племенные названия. Таким образом, распространенность у узбеков, каракалпаков и казахов монгольских этнонимов (кунград, кият, мангыт, баяут, багрин и др.) далеко не всегда свидетельствует о монгольском происхождении родов с перечисленными наименованиями. Наряду с этим и собственно монголы, в особенности в Чагатайском улусе, частично переходили к оседлости и легко ассимилировались местным населением, воспринимали тюркский язык, ислам и среднеазиатскую культуру.

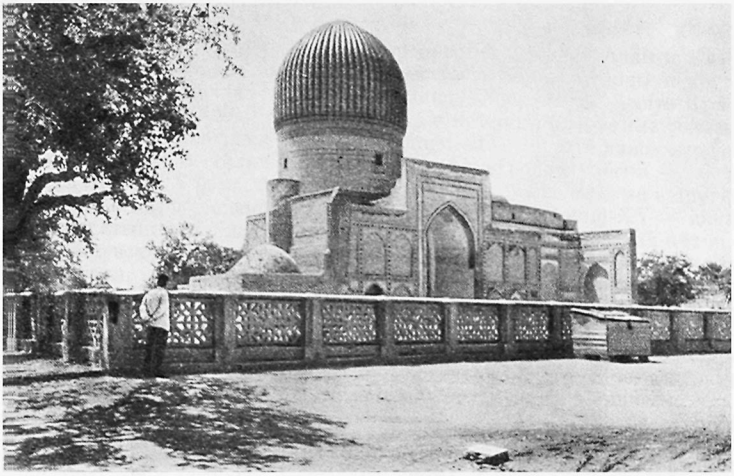
В XIV в. из среды тюркизированного монгольского рода барлас выдвинулся знаменитый завоеватель Тимур. В результате военных походов Тимура, длившихся 38 лет подряд, под его властью оказалось огромное государство, границы которого простирались от Инда до Волги и от Сирии до Китая. Полчища Тимура разгромили и уничтожили множество культурных центров, в том числе и крупные города в Средней Азии (в частности, Ургенч). Из завоеванных областей Средней Азии и порабощенных стран Востока — Месопотамии, Сирии, Индии, Ирана и др.— Тимур привозил в свою столицу Самарканд пленных рабов — ремесленников, зодчих, художников. Руками рабов были воздвигнуты величественные здания — мечеть Биби-ханым, мавзолей Гур-эмир, дворец Тимура в Шахрисябзе, представляющие собой шедевры среднеазиатского зодчества.

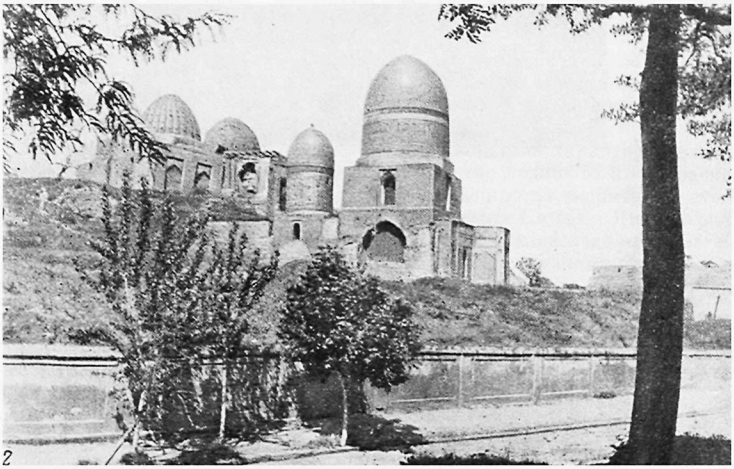
Как среднеазиатские, так и иноземные мастера-зодчие придерживались обычно местных архитектурных традиций.

В XV в. наблюдается временный культурный подъем, связанный с именами внука Тимура — Мирза Мухаммеда Тарагая, известного под именем Улугбека, и плеяды знаменитых ученых, литераторов и общественных деятелей, живших в Герате и Самарканде.

При Улугбеке в медресе преподавались светские науки, читались лекции по астрономии и была возведена в Самарканде знаменитая обсерватория, которую современники по праву считали лучшей в мире. В Средней Азии трудились тогда виднейшие астрономы Казы-заде Руми, Гиясуддин Джемшид, «Птолемей своей эпохи» Али Кушчи. Улугбек прославился своими астрономическими таблицами, над которыми он работал вплоть до самой смерти. Отличаясь высокой степенью точности, будучи лучшими среди подобных таблиц того времени, они оказали большое влияние на развитие мировой астрономической науки.

Во второй половине XV в. центром государства Тимуридов стал Герат. В это время здесь жил и писал свои бессмертные произведения Алишер Навои. Староузбекский язык его поэмы был доведен до высокого совершенства. Алишер Навои является выразителем самых передовых идей своей эпохи. Его «Чар диван» (четыре лирических сборника), «Хамса» и другие произведения представляют собой ценнейший вклад в сокровищницу среднеазиатской и мировой культуры (см. стр. 363). В противовес мистикам-суфиям Навои рассматривал природу как неисчерпаемую сокровищницу ценностей, изучение которой, по его убеждению, делает человека счастливым. Он призывал ценить и любить земную жизнь и ее блага, вел борьбу за светские знания, за просвещение, за счастливую жизнь человека и клеймил презрением и ненавистью тунеядцев, невежественных служителей культа и жестоких феодальных владык. Ему принадлежит изречение: «Если ты человек, не называй человеком того, кто не заботится о народе». Навои прославлял труд пахаря и каменщика, музыканта и художника, творчество поэта и ученого, приносящих пользу стране, обществу, людям. Он неустанно призывал учиться, утверждая, что знание и мудрость — украшение человека.



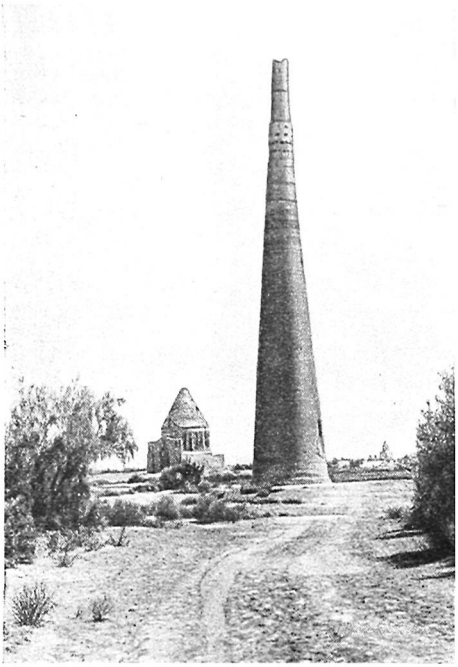


Памятники Самарканда XIV в.

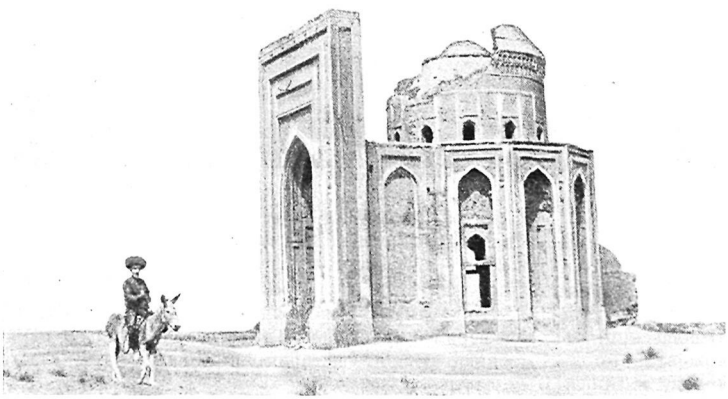
1 — мавзолей Тимура Гур-Эмир; *2* — группа мавзолеев Шах-и Зинда

При этом, однако, его взгляды на историю были идеалистическими и утопическими. Так, он верил в чудотворную силу «справедливого царя», который, по его мнению, творит историю и может дать счастье народу.

Современниками Алишера Навои были такие крупные историки, как Хафизи Абру, Абдурразак Самарканди, Мирхонд, Хондемир, оставившие ценные труды по политической истории, экономике и культуре Средней Азии и других государств.



1



2

Памятники XIV в. в Куня-Ургенче

1 — мавзолей Текеша и минарет; *2* — мавзолей Тюрабек-ханум

* * *

В этнической истории развития народностей Средней Азии и Казахстана большое значение имел период распада Золотой Орды и других монгольских улусов, начавшийся в конце XIV в. В Дешти-Кыпчаке в связи с этим в XV в. возникали новые крупные племенные союзы.

Один из них находился на территории Белой Орды в нижнесырдарьинских областях. В состав этого объединения входили узбеки — так называлась еще с XIV в. часть племен с тюркскими, монгольскими и другими наименованиями, кочевавших в Дешти-Кыпчаке. В конце XV — начале XVI в. эти степные племена во главе с Шейбани-ханом завоевали находившееся уже в состоянии распада государство Тимуридов. Многочисленные узбекские племена, переселившиеся в Среднюю Азию вслед за войсками Шейбани-хана, обосновались здесь и постепенно сливались с местным тюркским и таджикским населением; термин «узбек» стал применяться не только к пришельцам, но и к этому исконному, жившему здесь с древнейших времен населению, составившему основу этногенеза нынешнего узбекского народа. Включением такого существенного этнического элемента, как дештикыпчакские тюркские племена, завершается этногенез узбекской народности.

В середине XV в., еще до передвижения дештикыпчакских узбеков в Среднюю Азию, в результате феодальных распрей, начавшихся в узбекском племенном союзе, в бассейне р. Чу образовалось новое обособленное владение, постепенно разраставшееся и в XVI в. получившее название Казахского ханства. В среде местного населения, вошедшего в состав ханства, в этот период завершался процесс формирования казахской народности. Называвшиеся сперва узбеками-казахами жители ханства впоследствии стали именоваться просто казахами.

Послемонгольский этап этногенеза каракалпаков характеризуется их тесной связью с ногайцами. Ногайское ханство возникло после распада Золотой Орды и занимало в XIV—XV вв. обширную территорию степей Восточной Европы, охватывая бассейны Волги (до Камы) и Яика (Урала). Близость к ногайцам, вместе с которыми каракалпаки жили в бассейне Урала, сказалась на их родоплеменном составе, языке и культуре. Включением ногайского этнического элемента завершается процесс этногенеза каракалпаков.

К XV—XVI вв. в итоге длительного исторического процесса, в условиях развитого феодализма, уже окончательно сформировались все основные народности Средней Азии и Казахстана.

На протяжении многовекового процесса своей этнической истории народы Средней Азии создали яркую и своеобразную цивилизацию. Их достижения в области ирригации и сельского хозяйства, зодчества, ремесел, военного дела, точных наук, литературы, искусства могут соперничать с достижениями наиболее культурных народов древности и средневековья. Восприняв и творчески переработав взятое от цивилизации соседних стран — Индии, Китая, Месопотамии, Ирана,— население Средней Азии в свою очередь оказало большое культурное влияние на развитие этих стран. Китай заимствовал из Средней Азии культуры винограда и люцерны, выведенную древними ферганцами породу боевых коней, искусство выделки стекла. Среднеазиатское искусство влияло на развитие средневекового китайского искусства. Орхонские тюрки, монголы, маньчжуры переняли у согдийцев письменность, следы которой и доныне сохранились в монгольском и маньчжурском алфавитах. Все народы Европы и Азии заимствовали из Средней Азии военную тактику тяжеловооруженной конницы. Через Среднюю Азию проникло в Европу из Китая искусство изготовления бумаги и шелка. Основы арабской математической и астрономической науки, воспринятой затем средневековой Европой, были раз-

работаны учеными Средней Азии. Древняя архитектура Средней Азии оказала сильное влияние на развитие средневековой архитектуры сопредельных стран.

Исследование сложной истории формирования народностей Средней Азии показывает, что ни одна из них не восходит непосредственно к какой бы то ни было из этнических групп древности. Согдийцы вошли в состав узбеков и таджиков, саки и массагеты — в состав туркмен, каракалпаков, казахов, узбеков, частично и таджиков; древнетюркские племена приняли участие в этногенезе большинства народов Средней Азии, не только тюркоязычных, но отчасти и ираноязычных; позднее кыпчаки вошли в состав узбеков, казахов, частично каракалпаков и т. д. Таким образом, народы Средней Азии и Казахстана связаны между собой древними узами этнического родства; это одна из причин общности ряда явлений их хозяйства, быта и культуры. В то же время исторические судьбы этих народов, входивших в течение продолжительных, иногда длящихся веками, периодов в пределы одних и тех же крупных государств древности и средневековья, и их совместная борьба против иноземных завоевателей привели к постоянному общению и тесной культурной связи между ними.

По мере формирования народностей наряду с общими чертами слагались и все более определенные черты культуры каждой из них, накапливались признаки, характеризующие ее будущее национальное своеобразие и специфику. Этот процесс искажается реакционными и антинаучными буржуазными «теориями» паниранизма, пантюркизма. Концепция паниранистов отрицает самобытное развитие культуры народов Средней Азии, приписывая ее исключительно влиянию Ирана. Все культурные традиции считаются заимствованными из ахеменидского или сасанидского Ирана, все памятники материальной культуры, архитектуры и искусства рассматриваются как памятники иранской культуры. Фальсифицируя исторические и этнографические факты, паниранисты лишают народы Средней Азии их культурного наследия. Ничего общего с действительностью не имеет и концепция пантюркизма, произвольно объединяющая разнообразные тюркоязычные народы и их культуры общими, неимеющими реальной основы понятиями «тюркский народ», «тюркская культура», отрицающая факт самостоятельного исторического развития и национальных различий в культуре многочисленных тюркоязычных народностей и наций зарубежного и советского Востока. Все эти по существу космополитические «теории» имеют прямое служебное назначение: они используются силами международной реакции для борьбы против национального суверенитета народов Востока.

Народы Средней Азии и Казахстана в XVI—XIX вв.

Около трех столетий, с XVI в. до присоединения Средней Азии к России во второй половине XIX в., а частично и после этого народы Средней Азии находились под властью ханов узбекских династий; во всех трех среднеазиатских ханствах — Бухарском, Хивинском и образовавшемся в первой половине XVIII в. Кокандском — господствовал строй феодальных монархий.

На территории нынешнего Казахстана в конце XVI в. образовались три казахских феодальных владения — Старший, Средний и Младший жузы (в старой русской литературе — орды)[1], управлявшиеся ханами и султанами, принадлежавшими по своим генеалогическим преданиям к потомкам Чингис-хана.

Ни в среднеазиатских ханствах XVI—XIX вв., ни в Казахских жузах не было благоприятной обстановки для дальнейшего национального разви-

[1] Казахские жузы, искавшие защиты от постоянных нападений сильных соседей — джунгар, присоединились к России раньше, чем Средняя Азия, в XVIII— середине XIX в.

тия и консолидации народностей, хотя элементы национальной общности (общность языка, культуры, отчасти и национальное самосознание) проявлялись в это время уже достаточно четко. В этот период Средняя Азия резко отставала в социально-экономическом и политическом развитии, что объясняется ее историческими судьбами со времен монгольского завоевания, прервавшего прогрессивный процесс роста крупного централизованного государства хорезмшахов. Установленное еще со времени монгольского владычества дробление государства на уделы играло весьма отрицательную роль.

До самого присоединения к России между среднеазиатскими ханствами шли непрерывные войны, подрывавшие экономику края. Крупные и богатые области Ходжента, Ура-Тюбе, Мерва, Джизака особенно часто переходили из рук в руки и были постоянной ареной военных столкновений соперничавших между собой бухарских, кокандских и хивинских ханов. В Бухарском ханстве области Гиссара, Шахрисябза, верховьев Зеравшана и другие были независимыми владениями, не всегда признававшими даже номинальную вассальную зависимость от Бухары. Не было полным и объединение земель Хивинского ханства, где возникали обособленные владения узбеков-аральцев, каракалпаков и не прекращали борьбу с центральной ханской властью непокорные туркменские племена. Непрочна была власть и кокандских ханов над казахами и киргизами в тех областях Семиречья, средней и нижней Сыр-Дарьи, которые они упорно стремились подчинить.

Несмотря на централизаторские тенденции среднеазиатских ханов, развивавшиеся с особой силой в первой половине XIX в., феодальная раздробленность здесь не была преодолена. Ханства по существу не имели устойчивых границ и лишь в основных областях своих владений ханам удавалось достигнуть ценою крови бесчисленных казненных соперников и мятежников централизации государственной власти.

Низкий уровень развития производительных сил, застой в технике сельского хозяйства и ремесла также препятствовали развитию народностей Средней Азии. Феодальная собственность на землю и воду в период XVI—XVIII вв. оставалась основой социально-экономического строя, но дальнейший рост частного землевладения привел к усилению эксплуатации крестьян-земледельцев и скотоводов. Ханы нередко раздавали государственные земли (*амляк*, *мамляка*, *падшалык*) вместе с жившими на них крестьянами сановникам-феодалам в качестве вознаграждения за службу, или уступали им на время право взимания с крестьян налогов; такие поместья назывались *танхо*. Распространены были также сделки феодалов с ханами по обелению — освобождению от налогов находившихся в их пользовании государственных земель. Обеленные угодья (*мульки-хурри-халис*) превращались в частные имения. Уже в XVI—XVII вв. были многочисленными случаи прямой купли и продажи земельных участков. Зависимость крестьян от феодалов, владевших землей и водой, в этих условиях часто принимала формы настоящего крепостничества. Хотя крепостная зависимость крестьян юридически не оформлялась, но она фактически существовала; так, феодалы широко практиковали продажу целых селений со всеми жителями, орошенными угодьями и каналами. Опутанные долгами, связанные кабальными формами издольной аренды, крестьяне не могли перейти от одного владельца к другому. Внеэкономическое принуждение выражалось в разного рода установлениях и запретах, закреплявших крестьян за феодалом. Практиковались также насильственные переселения крестьян по предписанию ханов и ханской администрации.

Крестьяне обрабатывали поля и сады своих хозяев, копали каналы, работали на постройке их усадеб и дворцов; барщина была распространена повсеместно; кроме того, крестьяне выполняли для феодалов бесконечное множество натуральных повинностей.

При орошаемом земледелии зависимость крестьян от феодалов была особенно велика — последние имели возможность по любому поводу лишить крестьянские поля воды и обречь их посевы на гибель.

Влияние феодалов на распределение воды оросительных каналов составляло своеобразную черту аграрных отношений в Средней Азии и было важным фактором закабаления крестьян. Рост частной собственности на землю и полукрепостническая зависимость крестьян от феодалов были явлением, характерным не только для населения оседлой земледельческой полосы, но и для кочевых и полукочевых племен степей Казахстана, предгорий и гор Среднеазиатского междуречья. Пережитки родового строя, большое значение в общественном устройстве кочевников родоплеменной организации способствовали сохранению у них власти и влияния старейшин родов — аксакалов и других представителей феодально-родовой знати; последняя широко пользовалась своими традиционными привилегиями и обычным правом для узурпации лучших пастбищных угодий и водопоев и для беззастенчивой эксплуатации сородичей-бедняков в качестве пастухов и на всевозможной работе в своем хозяйстве. Феодальная эксплуатация зависимых крестьян в скотоводческих районах, в отличие от земледельческих областей, не носила открытой формы, маскируясь древними обычаями родовой взаимопомощи, почитания старших в роде и т. д. Таким образом, в кочевых и полукочевых районах Средней Азии у казахов, киргизов, туркмен, каракалпаков и части узбеков господствовали еще более отсталые, патриархально-феодальные отношения, обусловившие соответственно еще большую косность и застой общественного развития и тяжелые условия существования трудящихся масс.

Наконец, и в среднеазиатских ханствах, и в Казахстане до присоединения к России существовало, как известно, рабство. Шире всего труд рабов использовался в Хивинском и Бухарском ханствах; здесь рабство не ограничивалось домашними формами: рабы (преимущественно персы) обрабатывали землю и участвовали в ирригационных работах.

Архаические пережитки рабства и родовых отношений играли глубоко реакционную роль в истории Средней Азии и Казахстана XVI—XIX вв., задерживая их социально-экономическое развитие.

Положение осложнялось многоплеменностью населения ханств и создавшейся «чересполосицей» расселения этнических групп.

Узбекские ханства — Бухарское, Хивинское и Кокандское — были государствами, неоднородными по своему этническому составу. Хивинское ханство включало узбеков, туркмен, каракалпаков, казахов; узбеки там еще резко разделялись на сартов — потомков древнего местного населения и потомков дештикыпчакских узбеков, сохранявших свое родоплеменное деление. Туркмены и каракалпаки были на положении угнетенных народов; хивинские ханы расселяли их на неудобных землях окраин оазиса и в дельте Аму-Дарьи, облагали непосильными налогами, трудовыми и военными повинностями и жестоко подавляли часто вспыхивавшие восстания. В Бухарском ханстве на положении угнетенного народа были таджики, притеснявшиеся привилегированной узбекской феодальной знатью; кроме того, здесь было также немало туркмен, казахов, каракалпаков и отдельных мелких групп арабов, евреев, персов и др. Не менее пестрым по этническому составу было Кокандское ханство: помимо узбеков там было много таджиков, казахов, киргизов, а также некоторое количество каракалпаков, уйгуров, арабов.

Внутри каждого из ханств преобладала узбекская народность, но и она, несмотря на доминирующее положение, далеко еще не консолидировалась, распадаясь на племенные и локальные группы, многие из которых даже формально не причисляли себя к узбекскому народу (так называемые «сарты» во многих городах и сельских местностях Хорезма, в Ташкенте, Ферганской долине; кыпчаки в Ферганской долине; так называе-

мые курама в районе Ташкента; «тюрк» и др.). При этом внутренняя административная система ханств закрепляла эти деления. Например, в Хивинском ханстве «сарты» управлялись назначенными ханом чиновниками — *хакима*, в то время как «узбеки» в узком смысле слова — родоплеменными старейшинами.

Отдельные народы Средней Азии оказались в пределах различных ханств, а внутри последних были еще более раздроблены, находясь во враждующих между собой мелких феодальных владениях; иногда это усугублялось принадлежностью к замкнутым и враждующим между собой родоплеменным объединениям. Так, история Хорезма в XVII—XVIIIвв. наполнена кровавой борьбой между узбекскими племенами уйгур, дурмен, кунграт и другими, причем некоторые из них в процессе усобиц были почти полностью уничтожены.

Русские исследователи первой половины XIX в. отмечали разноплеменность и сложность этнического состава ханств. Так, Н. Ханыков писал в 1843 г., что народы Бухарского ханства «составляют смесь самых разнородных частей»; они «живут каждый своей отдельной жизнью... и нет надежды, чтобы слияние их в одно целое произошло в скором времени или даже когда-нибудь при настоящем порядке вещей»[1].

В условиях кровопролитных войн и феодальных междоусобиц, сопровождавшихся опустошениями целых районов и гибелью мирного населения, усиливается влияние духовенства, расцветают мистика и пессимизм, почти замирает светская литература, зажатая в тиски религиозного мракобесия и косности. В среднеазиатских ханствах XVI—XVIII вв. занятия естествознанием считаются делом богохульным и грешным, зато в чести схоласты-богословы; забыты блестящие достижения средневековых астрономов, математиков и медиков, зато в изобилии распространены гадатели по звездам и шарлатаны-знахари.

Ислам был официальной государственной религией Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств, и мусульманское духовенство оказывало большое реакционное влияние на их политическую жизнь и идеологию населения. Разделяя политическую власть с ханами и крупными феодалами, духовенство было также и экономически мощным сословием. В его распоряжении находились так называемые вакуфные земли, составлявшие огромную долю (в Хивинском ханстве до 40%) орошаемых земель. Доходы с вакуфов навечно жертвовались в пользу религиозных учреждений. Работавшие на этих землях крестьяне эксплуатировались так же, как и прочие, а в некоторых случаях были даже более закабалены; так, в Хиве их прикрепляли к вакуфным землям особыми письменными обязательствами.

Ислам подчинял себе все стороны жизни мусульман, и духовенство, связанное с ортодоксальным исламом, было поэтому особенно многочисленным.

В каждой мечети как в городе, так и в кишлаке имелся имам, на котором лежала обязанность руководить молящимися во время намазов и совершать различные требы: читать молитвы при заключении браков (*никох*), при панихидах (*джанооза*) и т. д. Помощники имама (*суфи*, *азанчи*, или *муадзин*) следили за порядком в мечети и совершали призывы на молитву (*азан*). Имамы приходских мечетей приглашались прихожанами. В крупные богатые мечети с большими вакуфами имамы назначались иногда эмиром или ханом.

К духовенству причислялись также лица, занимавшиеся разбором дел в шариатских судах, опираясь либо непосредственно на коран, либо на сунны — предания о Мухаммеде. Правовые нормы мусульманского права (шариат) считались установленными через Мухаммеда самим Аллахом.

[1] Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 53, 75.

волю которого должны были выполнять законоведы и судьи. На обязанности законоведов (*муфти*) лежало отыскание в «священных книгах» таких положений, которые можно было бы применить в том или ином конкретном случае. Ссылаясь на эти положения, муфтии писали свои заключения (*ривоят*), которыми должен был руководствоваться судья (*казий, козы*).

К духовенству принадлежали учителя низших школ и преподаватели медресе. Особую категорию среди духовенства составляли многочисленные шейхи — хранители мазаров, обычно выдававшие себя за потомков «святого», с именем которого связан мазар.

Помимо служителей ислама было много служителей древних пережиточных культов — различных колдунов, прорицателей, шаманов, знахарей. Их было не меньше, если не больше, чем представителей официальной религии.

Многочисленно было и суфийское духовенство — ишаны и хальфа.

Руководители суфийских орденов и составлявших их суфийских общин добивались не только духовной власти над мюридами. «Вручивший руку» ишану принимал на себя обязанность ежегодно отдавать в его пользу и часть своих доходов. Обычно осенью, после сбора урожая, ишаны отправлялись в районы, где проживали их мюриды, и привозили оттуда мешки зерна, дыни, фрукты, пригоняли скот. Эти поездки ишанов народ иронически называл «охотой за мюридами».

По сравнению с раннесредневековым суфизмом, представлявшим собой значительное философско-религиозное течение, которое противопоставляло ортодоксальному исламу свои теоретические доктрины, суфизм, или дервишизм, XVIII—XIX вв. в среднеазиатских ханствах и степях Казахстана сильно изменил свой облик. Существовавшая в нем и ранее реакционная струя стала преобладающей. Алчность, погоня за наживой, бесконечные поборы и вымогательства у рабски подчиненной им паствы, стремление к обогащению путем эксплуатации крестьян в своих поместьях и даже путем участия в крупных торговых и финансовых операциях — вот основные черты среднеазиатских ишанов и дервишских шейхов этого периода, главное направление их деятельности.

Суфизм в своих примитивных формах был распространен и в женской среде, где радениями (*зикр*) руководили особые наставницы, обычно жены имамов.

В Средней Азии наиболее распространенным из суфийских орденов был орден Накшбандия, основание которого приписывается бухарскому суфию Бахауддину Накшбанду. Орден Накшбандия относится к тем, которые практикуют молчаливый зикр (*хуфия*). Значительное количество приверженцев, в особенности в Ферганской долине, имел древнейший в Средней Азии орден Кадырия, основанный в XII в. Абдулкадыром Гиляни. Орден Кубравия, названный по имени его основателя Наджмеддина Кубра (XII в.), получил особенное распространение в Хорезме. Популярен был также орден Ясевия, основанный жившим в XII в. Ахмедом Ясеви. В этих орденах применялся громкий зикр (*джахр*).

Принадлежность к суфийским орденам не требовала от их последователей ухода от мира, изменения положения в обществе и профессии. Лишь в ордене каляндаров — нищенствующих дервишей — принадлежность к ордену накладывала на его членов ряд специфических обязанностей. В городах Средней Азии дервиши селились около «каландар-хона», служивших местом жительства главы ордена и помещением для молитвенных собраний. Нищенство у каляндаров представляло собой профессию. По мере достижения молодым каляндаром профессиональных качеств дервиша ему выдавали отдельные части каляндарской одежды: сначала пояс, потом шапку. Получение халата знаменовало собой полное вхождение в общину и орден. В среде каляндаров широко была распростра-

нена наркомания в различных видах, получившая особое сакральное значение.

Духовенство и наиболее фанатические круги общества крайне отрицательно относились ко всем изменениям в привычных, традиционных формах жизни, считая всякое нарушение старых обычаев ересью (*бид'ат*).

Мусульманская религия, охватывавшая своими догмами не только мораль, но и бытовой и правовой уклад своих последователей, обусловливала застойность общественной мысли народов Средней Азии. Это сказывалось, в частности, и на развитии национального самосознания, которое задерживалось под влиянием пропаганды, внушавшей в первую очередь самосознание религиозное — средневековое представление о единстве всех мусульман, впоследствии широко используемое панисламизмом.

Но даже и тогда, в мрачную и жестокую эпоху самого невыносимого социального гнета и застоя духовной жизни, творческий гений народов выдвигал блестящих поэтов и прогрессивных мыслителей, которые, не принадлежа к кругам придворных поэтов-панегиристов, восставали против насилия и несправедливостей, стремились вырваться из-под влияния родоплеменных традиций и феодально-религиозной идеологии.

Так, замечательный узбекский поэт Турды (конец XVII — начало XVIII в.), живший в Бухарском ханстве и писавший под псевдонимом Фароги, не только призывал народ к борьбе с угнетателями, но и сам с оружием в руках активно участвовал в борьбе против бухарского деспота Субханкули-хана. В этой борьбе Турды хотел видеть объединенными все узбекские племена, так как в разобщенности узбеков он находил причину народных бедствий. Турды сумел подняться до уровня осознания национального единства узбекского народа и призывал своих соотечественников к объединению.

В одном из своих произведений Турды писал:

Хоть народ наш разобщен, но ведь это все узбеки
девяноста двух племен.
Называемся мы разно,— кровь у всех одна —
Мы один народ, и должен быть у нас один закон.
Полы, рукава и ворот — это все — один халат,
Так един народ узбекский, да пребудет в мире он[1].

Подобным же образом призывал туркменские племена к объединению для национально-освободительной борьбы с Надиршахом поэт и великий мыслитель XVIII в. Махтум-кули:

Теке, йомут, гоклен, языр и алили —
Отныне мы должны единой стать семьею[2].

Несмотря на исключительно неблагоприятные для национального развития условия, уже в этот период у каждой из народностей Средней Азии оформилось своеобразие языка, быта и культуры. Однако росту и развитию у них всех проявлений этнической общности, зарождавшегося национального самосознания и стремлений к сплочению, к национально-освободительной борьбе мешала экономическая, политическая и культурная отсталость феодальных ханств. Она тормозила прогрессивное развитие Средней Азии и переход ее к новой, капиталистической формации. Зародившиеся еще в позднем средневековье, но очень слабые элементы капитализма, обусловливающего развитие буржуазных наций, начали развиваться в Средней Азии и Казахстане лишь после включения последних в состав России.

[1] Турды. Избранные произведения. Ташкент, 1951, стр. 33.
[2] Махтум-кули. Стихотворения. Л., 1949, стр. 6.

Процессы национальной консолидации после присоединения Средней Азии и Казахстана к России (XIX — начало XX в.)

Присоединение к России во второй половине XIX в. положило начало новому этапу в истории народов Средней Азии. Это событие было подготовлено всей предшествующей историей как русского, так и среднеазиатских народов — многовековым развитием их экономических, политических и культурных связей. Со времени образования русского централизованного государства и среднеазиатских ханств торговые и дипломатические связи между ними становятся регулярными. Уже во второй половине XVI в. в Россию было направлено восемь посольств из Средней Азии; в XVII в. Россию посетили 12 хивинских и 13 бухарских посольств; ответные русские посольства, помимо выполнения своей дипломатической миссии, привезли из Средней Азии сведения, до сих пор не потерявшие научной ценности.

Однако связи России со Средней Азией не ограничивались обменом посольств и торговых караванов. Новейшие исследования архивных документов свидетельствуют, что уже в XVII в. в Сибири существовали поселения добровольно переселившихся туда узбеков («бухарцев», «ташкентцев» и др.). Среди переселенцев было много представителей купечества, но значительная часть сибирских «бухарцев» занималась земледелием и ремеслом. Русское правительство предоставляло переселенцам ряд налоговых льгот, привилегий в торговых операциях и права на приобретение земельных участков. Приток переселенцев продолжался и позднее, частично за счет выкупленных сибирскими «бухарцами» у калмыков среднеазиатских рабов. Помимо окрестностей Тобольска, Тары и Тюмени, поселения «бухарцев» (называвшихся также сартами) имелись в Оренбургской и Астраханской губерниях и в Башкирии, где были две бухарские волости.

Особенно усилились связи с Россией в XVIII в. В это же время, в ответ на обращение Младшего и Среднего казахских жузов к российскому правительству о принятии их в подданство, фактически была присоединена к России большая часть Казахстана.

В значительной мере благодаря усилению торговли с Россией выросли в крупные центры города Ташкент и Коканд; в условиях быстрого экономического роста верхнесырдарьинских районов сложилось в XVIII в. Кокандское ханство.

В XIX в. экономические связи между Россией и Средней Азией приобретают особое значение. Если в начале века ежегодный вывоз из России в Среднюю Азию определялся суммой около 1 млн. руб., то в 1825 г. он возрос до 4 млн. руб., а в середине XIX доходил уже до 15 млн. р. Соответственно возрастал и ввоз товаров из Средней Азии в Россию, стоимость которых повысилась за этот период с 2 млн. до 10 млн. руб. Лишь за 10 лет (1840—1850 гг.) товарооборот России со Средней Азией увеличился на 60% [1].

Во второй половине XIX в. в России происходят серьезные экономические изменения. После отмены крепостного права стал быстро развиваться капитализм, хотя остатки крепостничества и сильно тормозили его развитие. Растет значение Средней Азии для России как рынка сбыта промышленной продукции и источника сырья. В своей работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин, указывая на значение окраин для развития капитализма, писал: «капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых

[1] С. Раджабов. Присоединение Средней Азии к России. «Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Доклады», Ташкент, 1959, стр. 13.

стран в водоворот мирового хозяйства. И это свойство капитализма с громадной силой проявлялось и продолжает проявляться в пореформенной России»[1].

Далее В. И. Ленин отмечал, что «процесс образования рынка для капитализма представляет две стороны, именно: развитие капитализма вглубь, т. е. дальнейший рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности в данной, определенной и замкнутой территории,— и развитие капитализма вширь, т. е. распространение сферы господства капитализма на новые территории»[2].

Именно эта тенденция развития русского капитализма вширь явилась одной из важнейших причин, которые обусловили активизацию колониальной политики царизма в послереформенный период.

Заинтересованность промышленных кругов России в присоединении Средней Азии особенно возросла в связи с войной в США, из-за которой сократился ввоз из Америки хлопка, служившего сырьем для текстильной промышленности России. Неотложной задачей присоединение Средней Азии стало и для господствующего класса помещиков. Царизм рассчитывал ослабить недовольство широких слоев крестьянства, страдающего от малоземелья, путем переселения части его на окраины страны. Помимо этого, царизм хотел присоединением Средней Азии умалить значение катастрофического поражения России в Крымской войне; наконец, у российского правительства вызывала большую тревогу активная экспансия Англии, направленная в сторону Туркестана.

Прикрываясь необходимостью обеспечить безопасность русских границ от набегов кочевников, необходимостью создать условия для развития торговли и т. д., царизм завершил присоединение Казахстана к России и в 60-х годах XIX в. начал завоевание среднеазиатских ханств. Уже в 1867 г. из земель, захваченных в Казахстане, в Кокандском и Бухарском ханствах, было образовано Туркестанское генерал-губернаторство с центром в г. Ташкенте. Пределы его постепенно расширялись, особенно после покорения в 1873 г. Хивы, а в 80-х годах — Туркмении. Бухарское и Хивинское ханства, со значительно измененными территориями в результате установления Россией новых границ, были признаны государствами, находящимися под протекторатом России. Им запрещалось вступать в сношения с иностранными государствами, иметь вооруженные силы и т. д., но во внутренних делах ханы оставались самостоятельными; население «вассальных» ханств продолжало терпеть неограниченный произвол и безудержную эксплуатацию, издавна установленные средневековым феодально-деспотическим режимом в ханствах. Телесные наказания палками, пожизненное заключение в подземных тюрьмах (*зиндан*), смертная казнь по ханскому велению продолжали оставаться широко распространенными мерами наказания крестьян-бедняков и ремесленников за различные проступки, неповиновение власти, за неподчинение правилам шариата.

В период завоевания население многих городов и кишлаков, недовольное тяжелым гнетом кокандского, хивинского ханов и бухарского эмира, своих владетелей-феодалов, беков, хакимов, манапов и духовенства, не оказывало никакого сопротивления русским войскам, а в отдельных случаях и добровольно изъявляло желание перейти в русское подданство.

В целом присоединение отсталых феодальных среднеазиатских ханств к стоявшей на более высоком уровне развития России сыграло прогрессивную историческую роль. Прекратились феодальные войны. Экономика Средней Азии с проникновением капиталистических отношений постепенно освобождалась от феодального застоя. Рост торговли, строительство железных дорог, развитие производства товарных сельскохозяй-

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 522.
[2] Там же.

ственных культур, в первую очередь хлопка, втягивали эту далекую и замкнутую окраину Российской империи в сферу мирового рынка. По словам В. И. Ленина, Закаспийская железная дорога стала «открывать» для капитала Среднюю Азию[1]. Появление значительного внутреннего рынка, рост экономических связей, углубление классовой дифференциации приводили к разрушению патриархальных порядков, к распаду сельских общин, ремесленных цехов, к росту классового самосознания у широких масс городского и сельского населения. Рабочий класс, зарождавшийся в Средней Азии, включался в революционную борьбу русского пролетариата[2].

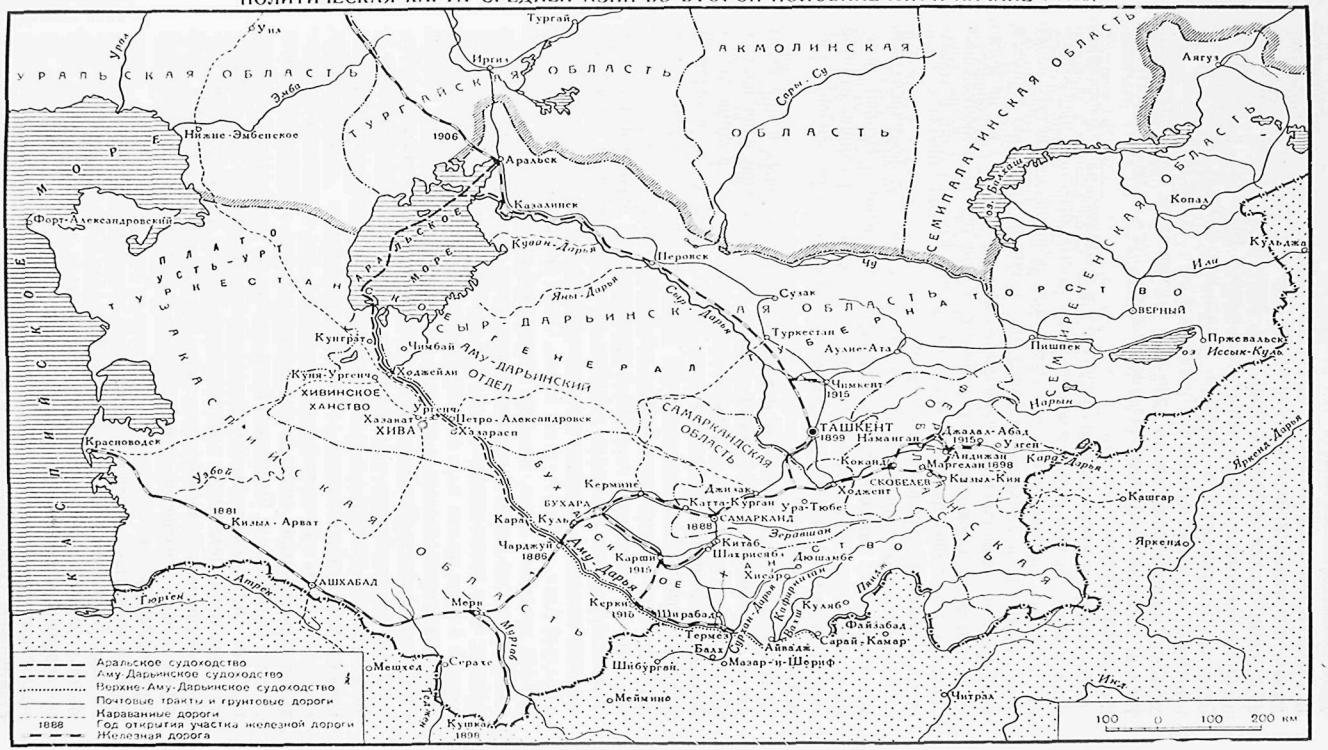
В этих условиях народности Средней Азии стали на путь консолидации в буржуазные нации. Однако в условиях царского режима этот процесс не мог быть полностью завершен даже в среде наиболее экономически развитых народностей. Административное устройство русских владений в Средней Азии меньше всего преследовало цель содействовать национальной консолидации населявших ее народов. Наоборот, разорванность и чересполосность их расселения была еще более усилена. Узбеки оказались разделенными между Бухарой, Хивой и Туркестанским генерал-губернаторством, таджики — между Бухарой и русским Туркестаном, туркмены — между Бухарой, Хивой и Аму-Дарьинским отделом Сыр-Дарьинской области. Кроме того, значительные массивы туркменского, узбекского и таджикского населения при империалистическом дележе «сфер влияния» между Россией и Англией были оставлены за пределами границ туркестанских владений России и переданы в состав Ирана и Афганистана. Поэтому, хотя присоединение к России покончило с феодальными войнами, междоусобицами и установило твердые административные границы, оно не повлекло за собой сложения территориальных общностей у народов Средней Азии и Казахстана. Они по-прежнему были разобщены и жили в различных государствах и ханствах. Система управления Средней Азией была подчинена целям колониальной эксплуатации ее народов. Здесь был создан режим, покоящийся на политическом бесправии народных масс, игнорирующий национальные и экономические интересы местного населения, соответствующий задачам русского военно-феодального империализма. И несмотря на то, что в силу объективных законов развития исторической действительности в этой отсталой колониальной окраине развивались элементы капитализма, зарождающийся в XIX — начале XX в. процесс национальной консолидации народностей Средней Азии в таких тяжелых условиях жизни, естественно, не мог успешно завершиться.

Торговые связи между отдельными районами Средней Азии и Казахстана существовали много веков; но эта торговля базировалась на феодальной основе, обслуживала феодальное хозяйство, и разделение труда между отдельными районами возникало главным образом из-за различия природных условий (например, торговые связи степных племен с населением оазисов). Для сложения единого внутреннего национального рынка необходимо было территориальное разделение труда другого, капиталистического типа: возникновение сельскохозяйственных районов и промышленных, перерабатывающих продукцию сельского хозяйства. Правда, зачатки капиталистического разделения труда уже появились в колониальном Туркестане: так, Ферганская область, специализировавшаяся на хлопководстве, вынуждена была ввозить хлеб; за счет привозного хлеба жили и хлопководческие районы Бухарского ханства. Однако недостаток

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 5, стр. 74.

[2] Подробные сведения о положении народов Средней Азии и Казахстана в дореволюционный период см. во вводных исторических разделах глав о каждом из народов.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА СРЕДНЕЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX И НАЧАЛЕ XXвв.



хлеба компенсировался лишь в небольшой степени привозом его из соседних областей, в основном же зерно ввозилось из России. То же происходило и с другими продуктами сельского хозяйства — шелком, шерстью, каракулем, сухими фруктами и др.: они лишь в небольшом количестве были предметами торговли между отдельными районами и областями Средней Азии; основная же масса их в виде полуфабрикатов вывозилась в центральные районы России. Промышленность Туркестана также развивалась не самостоятельно, а однобоко, как придаток промышленности России; основная часть промышленных товаров привозилась из центральных районов России.

Втягивание местных рынков Средней Азии и Казахстана в общероссийский и даже мировой рынок, имевшее само по себе огромное прогрессивное значение, поскольку оно способствовало разрушению натуральных форм хозяйства и замкнутости отдельных районов, усилению торговли и товарности хозяйства и росту элементов капитализма, все же не могло стать фактором сложения экономических общностей на колониальных окраинах. Оно лишь превращало местные рынки Средней Азии и Казахстана в придатки общероссийского рынка.

Таким образом, в условиях Туркестана хотя и начала формироваться, но не сложилась такая общность экономической жизни, в которой переплетались бы экономические интересы всех частей территории, занятой тем или другим народом, и цементировались бы в одно целое основные элементы буржуазной нации.

В тесной связи с проблемой формирования буржуазных наций стоит вопрос о национальной буржуазии, обычно возглавляющей национально-освободительную борьбу и играющей прогрессивную роль в ломке устоев феодальной формации. В Средней Азии XIX и начала XX в., в условиях колониального режима, национальная буржуазия и буржуазная интеллигенция не возглавили этой борьбы; наоборот, сомкнувшись в своих узкоклассовых интересах с торговой и промышленной буржуазией России, местная буржуазия предавала интересы своего собственного народа. Достаточно вспомнить буржуазно-националистическое движение джадидов в Средней Азии, чтобы убедиться в этом. Среди джадидов была чрезвычайно мала прослойка демократически настроенной интеллигенции. Джадиды выступали не столько под национальными, сколько под религиозными лозунгами, и во время массовых вспышек народной национально-освободительной борьбы против царизма или бухарского и хивинского ханов, становясь на сторону подавлявших эти восстания колониальных властей, играли отнюдь не революционную, а реакционную, предательскую роль.

Национальная буржуазия была в этот период совершенно оторвана от трудящихся масс, она была против революционного рабочего движения и национально-освободительного движения трудящихся своего народа: она искала союза с империализмом. Характерно, что таджикские буржуазные «националисты» — жители смешанных узбекско-таджикских районов долины Зеравшана и Ферганы — были настолько безразличны к национальным интересам своего народа, что выступали обычно под знаменем не только панисламизма, но и пантюркизма. Вообще же переплетение буржуазно-националистической идеологии с феодально-клерикальной и связь с реакционной идеологией пантюркизма и панисламизма были типичной чертой джадидизма.

В то же время у народов Средней Азии крепли и развивались элементы демократической культуры. Важным фактором создания духовной общности у народностей Средней Азии, общности их культуры, языка было проникновение передовых демократических идей русского общества, направленных против национального гнета и защищавших права и достоинства народов Туркестана. Русские прогрессивные ученые, писатели, художники занимались исследованием истории и этнографии народов Сред-

ней Азии и Казахстана, истории их культуры и языка, что несомненно оказывало влияние на рост национального самосознания и развитие национальной культуры, в частности на появление демократического направления в литературе узбеков, таджиков, казахов, каракалпаков и др.

Выразителями демократических идей в дореволюционном Туркестане были талантливые узбекские поэты Мукими, Фуркат, Аваз Отар, Завки, Хамза Хаким-заде; таджикские — Ахмед Дониш и его последователи: поэт-сатирик Савдо, поэт Шохин; казахские ученые-просветители Чокан Валиханов, Ибрагим Алтынсарин, поэт Абай Кунанбаев, киргизский акын Токтогул Сатылганов и др. Произведения этих поэтов и ученых, помимо глубоко прогрессивного влияния на идеологию народов Средней Азии, способствовали формированию национальных литературных языков, сближению последних с разговорной народной речью.

Важнейшим фактором национального развития народов Средней Азии в дореволюционное время было зарождение национальных кадров рабочего класса, тесно связавших свои судьбы с русским пролетариатом. С ростом революционного движения в среду формирующегося в Туркестане рабочего класса проникали идеи пролетарского интернационализма.

Таким образом, до Октябрьской революции народности Средней Азии и Казахстана не были в состоянии полной этнической раздробленности. Процесс национальной консолидации и образования буржуазных наций в связи с развитием капиталистических отношений начался, но не был завершен, его тормозила политика российского военно-феодального империализма и колониальный гнет царизма. Несмотря на рост и углубление классовой дифференциации в среде народностей Средней Азии, В. И. Ленин относил Туркестан к числу тех отсталых стран, где господствовали еще докапиталистические отношения[1]; у многих среднеазиатских народностей в конце XIX — начале XX в. сохранялись патриархально-феодальные отношения. Не исчезло сложившееся на протяжении веков обилие родоплеменных и других этнографических групп; по-прежнему широко были распространены и локальные группы с самоназваниями по местности. Уровень культурного развития широких масс населения оставался очень низким.

Из-за этого тяжелого наследия прошлых веков особенно трудными и сложными оказались задачи Коммунистической партии и Советского правительства при практическом разрешении национального вопроса в Средней Азии и Казахстане.

Формирование социалистических наций в Средней Азии и Казахстане в годы Советской власти

Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла народам Средней Азии и Казахстана путь к свободному национальному развитию. Принципы национальной политики Коммунистической партии нашли отражение в одном из первых декретов — обнародованной в ноябре 1917 г. «Декларации прав народов России», провозгласившей политику добровольного союза народов России, их равенство и суверенность, право на свободное самоопределение и образование самостоятельных государств, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, живущих в России, и отменившей все и всякие национальные и национально-религиозные привилегии и ограничения. В 1918 г. началось национальное советское государственное строительство в Средней Азии. 5-й съезд Советов Туркестанского края провозгласил советскую автономию Туркестана; в составе РСФСР была образована Туркестанская АССР. В 1920 г. на территории Казахстана по постановлению ВЦИК и СНК РСФСР была образована Киргизская АССР (переименованная в 1925 г. в Казахскую АССР). В том же году, после свержения ханской власти трудящимися массами Бухарского и

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 218.

Хивинского ханств, образовались Хорезмская и Бухарская Советские Народные республики.

В период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.), когда Туркестан был окружен кольцом вражеских фронтов и на длительное время оторван от Советской России, трудящиеся местных национальностей под руководством большевиков стали создавать национальные части и с оружием в руках, вместе с частями Красной Армии, вступили в борьбу за Советскую власть. Привлечение в Красную Армию представителей местных коренных национальностей, которых царизм не призывал в армию, не доверяя им оружия, имело огромное моральное и политическое значение. Особенно велика была роль национальных частей Красной Армии в борьбе с басмачеством. В районах, охваченных басмачеством (Ферганская долина и др.), помимо национальных конных отрядов регулярной армии, формировались из местных жителей добровольческие отряды милиции, прославившиеся своим мужеством и отвагой при разгроме басмаческих банд.

К осени 1920 г. в Туркестане были ликвидированы основные фронты гражданской войны.

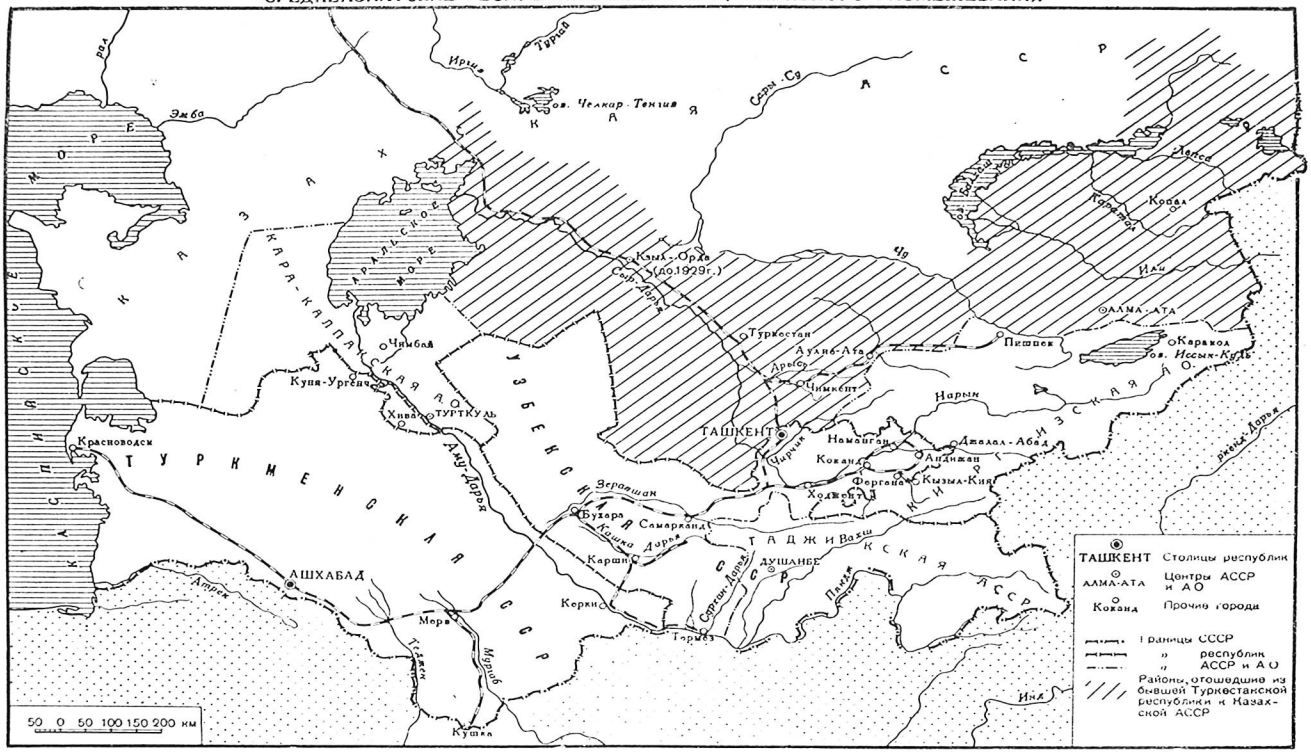
В 1922 г. I Всесоюзный съезд Советов принял решение о вхождении Туркестанской республики в состав Союза Советских Социалистических Республик. Бухарская и Хорезмская Советские Народные республики продолжали оставаться лишь в договорных отношениях с СССР.

В течение восстановительного периода при постоянной и деятельной помощи русского народа и союзного правительства в Туркестанской республике была ликвидирована разруха, вызванная иностранной интервенцией, гражданской войной, басмачеством и контрреволюционными выступлениями буржуазных националистов и панисламистов, пытавшихся использовать идеологию ислама для борьбы с Советской властью. В окрепших советских республиках Средней Азии назрел вопрос о национальном размежевании, воссоединении их народов в национальные государства.

В сентябре 1924 г. 3-я Чрезвычайная сессия ТурЦИКа приняла постановление о национальном размежевании Туркестанской республики. Состоявшиеся в Бухарской и Хорезмской Советских Народных республиках курултаи приняли решение о преобразовании этих республик в социалистические, после чего они вошли в состав СССР. В декабре 1924 г. были образованы Узбекская и Туркменская Советские Социалистические Республики. В состав Узбекской ССР вошли основные территории Средней Азии, населенные узбеками, в том числе большая часть бывших Бухарского и Хивинского ханств и бывшей Ферганской области. Таджики были объединены в Таджикскую АССР, вошедшую в состав Узбекистана. Каракалпаки, разделенные до революции между Хивинским ханством и Аму-Дарьинским отделом Туркестанского генерал-губернаторства, образовали Кара-Калпакскую автономную область, включенную в состав Казахской АССР. В Туркменской ССР воссоединилось туркменское население бывшей Закаспийской области Туркестанского генерал-губернаторства, Бухарского и Хивинского ханств. Наконец, была образована Кара-Киргизская автономная область, вошедшая в состав РСФСР (в 1926 г. она была преобразована в Киргизскую АССР).

Национально-государственному размежеванию предшествовала большая работа и организованное Советским правительством детальное изучение этнического состава и этнографических особенностей народов Средней Азии. Центральный Комитет РКП(б) и лично В. И. Ленин придавали первостепенное политическое значение правильному решению национального вопроса в Туркестане. В. И. Ленин еще в 1920 г. внимательно изучил и одобрил проект туркестанских коммунистов и Туркомиссии, возглавляемой В. В. Куйбышевым и М. В. Фрунзе, о дальнейшем развитии советской государственности народов Туркестанской республики

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ РЕСПУБЛИКИ ПОСЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗМЕЖЕВАНИЯ



путем проведения национального размежевания. В своих замечаниях по этому проекту В. И. Ленин предложил:

«1. Поручить составить карту (этнографическую и пр.) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению. 2. Детальнее выяснить условия слияния или разделения этих 3 частей» [1].

Тогда же В. И. Ленин отверг националистический проект Рыскулова о создании так называемой «Тюркской республики».

Еще до национального размежевания начали осуществляться меры по развитию национальной советской государственности: так, в Бухарской Республике были образованы Таджикская и Туркменская области, в Туркестанской АССР — Туркменская область, в Хорезмской республике также было произведено разделение территории по национальному признаку на три административных области: Казахско-Каракалпакскую, Ташаузскую (с преобладанием туркмен), Новоургенчскую (с преобладанием узбеков) и один район — Хивинский (также с узбекским населением).

Впервые в истории подверглись детальному изучению путем специального экспедиционного обследования этнический и племенной состав населения бывших Бухарского и Хивинского ханств. При обследовании сложных по этническому составу или географическому положению районов учитывались пожелания местного населения о включении в ту или другую республику. Учет всех этнографических данных обеспечил правильное, научно обоснованное установление границ новых национальных государственных образований — Советских Социалистических Республик Средней Азии. Со вступлением в Советский Союз перед ними открылся путь к социализму, к невиданно быстрому расцвету хозяйства и культуры, к гармоничному развитию экономической, политической и духовной общности, присущих социалистическим нациям.

В свете подлинных исторических фактов, обусловивших успешные результаты национально-государственного размежевания, нелепыми и смехотворными представляются клеветнические измышления буржуазных псевдоученых «историков» (Пайпс, Уилер), пытающихся представить национальное размежевание как действие Советского правительства, направленное на искусственное разобщение народов Средней Азии и замаскированное продолжение угнетательской политики царизма [2].

Воссоединение среднеазиатских народностей в суверенных советских национальных республиках было одним из величайших исторических актов ленинской национальной политики Коммунистической партии, способствовавших прогрессивному национальному развитию народов Средней Азии. Образование первых национальных государств, созданных на советской основе, стало важной предпосылкой процесса формирования социалистических наций в Средней Азии и Казахстане.

По мере дальнейшего развития национальных республик и областей изменялись и переходили на высшие ступени формы их национальной государственности. Так, в 1925 г. в составе Таджикской АССР была образована Горно-Бадахшанская автономная область. В 1929 г. Таджикская республика была преобразована из автономной в союзную. В 1936 г., в соответствии с новой Конституцией СССР, были преобразованы в союзные республики Казахская и Киргизская АССР. Кара-Калпакия в 1932 г. была преобразована в АССР и включена в РСФСР; в 1936 г. она вошла в состав Узбекской ССР.

[1] Ленинский сборник, т. XXXIV. М., 1942, стр. 326.

[2] К. Новоселов и В. Мелькумов. К вопросу о национально-государственном размежевании Средней Азии (рецензия на статью G. Wheeler, The Russians in Central Asia, «History to-day», London, 1956, March). «Коммунист Туркменистана», Ашхабад, 1957, № 6, стр. 67—72; Т. А. Жданко. Демагогические измышления и историческая правда (По поводу статьи американского историка Ричарда Пайпса «Мусульмане Советской Средней Азии: тенденции и перспективы»). «Советская этнография», 1958, № 4, стр. 134—141.

* * *

С первых же дней установления Советской власти в Туркестане Коммунистическая партия и Советское государство оказывали ему всестороннюю помощь. Еще в 1918 г. В. И. Ленин подписал декрет об ассигновании 50 млн. руб. на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ. В том же 1918 г. была осуществлена национализация крупных и средних промышленных предприятий и банков. В 1920 г. были приняты меры по восстановлению хлопководства и других отраслей народного хозяйства.

На X съезде РКП(б), в 1921 г., был намечен путь перехода народов Средней Азии, Казахстана и других отсталых восточных окраин к социализму, минуя стадию капитализма. С учетом всех особенностей экономического состояния, исторического прошлого, быта и культуры этих народов были определены широкие мероприятия по ликвидации их фактического неравенства, унаследованного от старого строя, патриархально-феодальных и буржуазных отношений в экономике и быту, по созданию и развитию в восточных республиках промышленности, в частности тяжелой, преобразованию сельского хозяйства на социалистической основе, осуществлению культурной революции, подготовке национальных кадров рабочего класса и интеллигенции.

Для ускорения промышленного развития национальных республик и создания первых промышленных очагов сюда был переведен ряд фабрик и заводов из центра России. Кроме того, в распоряжение Туркестанской АССР были переданы крупные фабрики Московской области — «Заря Востока» и «Красный Восток», производившие ткани национального ассортимента и готовившие кадры текстильщиков из местных национальностей. Создание промышленных очагов шло также по линии строительства новых промышленных предприятий; постепенно развертывались работы по строительству электростанций: уже в 1923 г. вступила в строй Ферганская электростанция, в том же году по ленинскому плану ГОЭЛРО близ Ташкента началось строительство Боссуйской ГЭС. Индустриализация национальных республик Средней Азии проходила в более высоких темпах по сравнению с общесоюзными темпами. Так, за годы первой пятилетки объем промышленной продукции в центральных районах страны вырос в 2 раза, в республиках же Средней Азии — в 3—4 раза, а в некоторых республиках (Киргизия, Таджикистан) еще больше. Это диктовалось целями быстрейшей ликвидации экономического неравенства национальных республик и поднятия их экономики до уровня центральных районов страны. Высокие темпы индустриализации обеспечивались громадными капиталовложениями союзного правительства в народное хозяйство национальных республик.

Промышленность развивалась здесь многосторонне — создавались собственная топливная база, энергетика, машиностроение и другие отрасли, определяющие экономический профиль каждой республики. Например, в Узбекистане — главной хлопковой базе Советского Союза — значительное развитие получило машиностроение, обслуживающее хлопководство, химическая промышленность, обеспечивающая производство удобрений, текстильная промышленность и др.

Важной предпосылкой социалистической реконструкции сельского хозяйства Средней Азии были проведенные в 1921—1929 гг. земельно-водные реформы, которые ликвидировали крупное землевладение, феодально-родовые пережитки в земле- и водопользовании. В дальнейшем, в процессе коллективизации, десятки тысяч дехканских хозяйств объединились в колхозы, что означало окончательную ликвидацию кулачества и байства, полный переход сельского хозяйства на путь социалистической экономики.

Успехи, достигнутые в промышленности и сельском хозяйстве за годы социалистического строительства, обусловили повышение жизненного уровня народов Средней Азии. Улучшилось культурно-бытовое обслуживание населения, благоустраивались города, кишлаки и аулы; с каждым годом росло число школ, техникумов, вузов, научно-исследовательских учреждений, расширялась и улучшалась сеть медицинских учреждений.

За годы пятилеток социалистическая экономика республик Советского Востока поднялась до высокого уровня индустриально-аграрных стран; небывалых успехов достигла их культура. Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Туркмения, Таджикистан — все братские республики Средней Азии — стали убедительным примером для порабощенных империализмом зарубежных стран Востока, наглядно свидетельствующим о прогрессивности социалистического строя и достижениях ленинской национальной политики Коммунистической партии.

Н. С. Хрущев, выступая на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, ярко и убедительно показал, как в результате Великой Октябрьской социалистической революции в семье равноправных советских республик народы бывших окраин царской России, в том числе Средней Азии, получили полную свободу, быстро подняли свою экономику, культуру и благосостояние.

За период с 1913 по 1960 г. включительно в республиках Средней Азии продукция крупной промышленности возросла в 60 с лишним раз. На территории Средней Азии и Казахстана производилось до революции лишь 7 млн. квт-ч электроэнергии — в 300 раз меньше, чем во всей Российской империи, а сейчас там годовая выработка электроэнергии составит 19 млрд. квт-ч, что в 9 раз превышает производство электроэнергии во всей дореволюционной России. Уже сейчас среднеазиатские республики производят электроэнергии на душу населения около 800 квт-ч в год, т. е. значительно больше, чем, например, в любой из латиноамериканских республик.

Советские среднеазиатские республики и Казахстан производят во много раз больше электроэнергии, чем такие соседние с ними государства, как, например, Турция, производящая 95 квт-ч на душу населения, Иран — 36 квт-ч, Пакистан — 11 квт-ч.

Еще более разительны успехи в развитии культуры. Известно, например, что до революции народы Казахстана и республик Средней Азии были почти сплошь неграмотными. Людей со средним и высшим образованием здесь почти не было. Советская власть открыла всем народам широкий доступ к источникам просвещения и культуры. Неграмотность населения в Казахстане и республиках Средней Азии, как и в остальных республиках Советского Союза, ликвидирована, и они стали республиками сплошной грамотности.

До революции в нынешних Казахстане, Узбекистане, Киргизии, Таджикистане и Туркмении не было высших учебных заведений, в Киргизии же, Таджикистане и Туркмении — даже средних, а в 1959/60 учебном году в этих республиках обучалось 211 тыс. студентов высших учебных заведений и 176 тыс. учащихся техникумов и других средних специальных учебных заведений. На каждые 10 тыс. жителей этих республик приходится в среднем 88 студентов высших учебных заведений и 73 учащихся техникумов, не считая большого количества молодежи, уехавшей учиться за пределы своих республик — в Москву, Ленинград, Киев, Харьков, Саратов, Новосибирск, Томск и другие культурные центры.

Напомним, что во Франции на каждые 10 тыс. жителей приходится лишь 40 студентов высших учебных заведений, в Италии — 34, а в Западной Германии — 31, т. е. почти в 3 раза меньше, чем в Советской Средней Азии.

Встреча делегатов Первой советской конференции солидарности народов Азии и Африки со студентами вузов Таджикистана. 1960 г. Душанбе

Одним из решающих условий, обеспечивших успешное развитие хозяйства и культуры национальных республик, является рост квалифицированных кадров рабочих и интеллигенции.

«Мы гордимся тем,— сказал в своем выступлении на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН Н. С. Хрущев,— что на опыте бывших окраин России доказана полная возможность для стран Востока в течение жизни одного поколения покончить с отсталостью, с нищетой, болезнями, невежеством и подняться до уровня экономически передовых стран»[1].

Современные этнические процессы и перспективы дальнейшего развития социалистических наций Средней Азии и Казахстана

Коммунистическая партия и Советское правительство претворили в жизнь ленинскую национальную политику. В процессе ее реализации народы Средней Азии и Казахстана прошли большой путь национального развития и консолидировались в социалистические нации, которые представляют собой новый тип наций, состоящих из дружественных классов рабочих и крестьян. Отличительную черту духовного облика советских наций составляет идеология пролетарского интернационализма, идеология дружбы между нациями.

Вместо стихийного, мучительного, тянущегося многие века процесса консолидации буржуазных наций, сопровождающегося обычно жестокими войнами, насильственной ассимиляцией национальных меньшинств, разжиганием буржуазного национализма и шовинизма, в рамках Советского государства происходил процесс совсем иного типа, процесс консолидации социалистических наций.

Этот процесс лишен элементов стихийности. Его основу составляют научно познанные, освещенные марксистско-ленинской теорией тенденции

[1] Н. С. Хрущев. Свободу и независимость всем колониальным народам, решить проблему всеобщего разоружения! Госполитиздат, 1960, стр. 29.

прогрессивного развития народов; реализация этих тенденций осуществляется под руководством партии и базируется на подлинно интернационалистических принципах братской помощи ушедших вперед народов не по своей вине отставшим в прошлом братьям. Последовательно продолжая проведение ленинской национальной политики, партия и правительство осуществили решения XX съезда КПСС по дальнейшему расширению прав союзных республик в руководстве промышленностью и строительством, в области юстиции, просвещения, науки, культуры, финансов и др. Это способствовало еще большему экономическому и культурному расцвету, росту взаимного доверия, развитию суверенности союзных республик Средней Азии и Казахстана.

В годы Советской власти, по мере развития и консолидации социалистических наций Средней Азии, изживалась былая обособленность многочисленных родоплеменных и локальных этнографических групп. Преобладавшее прежде над национальным самосознанием сознание принадлежности к определенной родоплеменной группе, к числу жителей определенного города, местности или историко-культурной области (Фергана, Бухара, Хорезм) в основном изжито. Итоги Всесоюзной переписи 1959 г. показали значительно меньшее, чем предыдущие переписи, число мелких этнографических групп в составе каждого народа Средней Азии, показали большую этническую монолитность социалистических наций Средней Азии.

Прогрессивный процесс национального развития, ведущий к укреплению интернационалистических уз, продолжается. Даже вполне сложившаяся социалистическая нация не прекращает своего внутреннего развития. С ней постепенно сливаются близкие ей этнически или территориально мелкие народности и группы национальных меньшинств, вкрапленные в ее среду. Этот процесс дальнейшего этнического развития социалистических наций не имеет ничего общего с насильственной ассимиляцией, как это пытаются представить буржуазные историки; он проходит естественным путем, на добровольных началах, без какого-либо давления извне, со стороны той крупной нации, с которой сливаются мелкие народности и группы. Наряду с дальнейшим расцветом каждой из социалистических наций Средней Азии и Казахстана усиливается столь характерный для современного исторического этапа процесс все более тесного их сближения в условиях развернутого строительства коммунистического общества.

Коммунистические черты интернационализма во взаимоотношениях между социалистическими нациями проявлялись уже на ранних этапах их становления и развития. Братское сотрудничество, бескорыстная помощь более развитых наций (русской, украинской и др.) народам, отставшим вследствие ряда исторических причин в своем экономическом и культурном развитии — яркий пример коммунистического содружества. В обращении узбекского народа к русским и украинцам в связи с 300-летием воссоединения Украины с Россией ярко отражается вся глубина и бескорыстие их братской помощи узбекскому народу в период строительства социализма: «Это сталевары Урала и Запорожья плавили в Узбекистане первую сталь, обучая профессии сталевара своего брата-узбека. Это шахтеры Кузбасса и Донбасса снимали первые слои угля в Ангренском угольном бассейне, передавая свой опыт своему брату-узбеку. Это нефтяники Баку и Эмбы вместе с первыми узбекскими нефтяниками бурили первые скважины в Ферганской долине. Это харьковские машинисты повели вместе с узбеками тепловозы по Ташкентской магистрали. Это ивановские текстильщицы обучали женщин-узбечек работе на сложных ткацких агрегатах...»[1].

[1] «Правда Востока», 29 мая 1954 г.

Другим примером содружества народов и коммунистического труда могут быть величественные народные ирригационные стройки, проводившиеся колхозниками в довоенные годы и в годы войны, в частности строительство Большого Ферганского канала. Эта стройка, как и последовавшее за ней строительство других каналов, обширного Катта-Курганского водохранилища, Фархадской ГЭС и, наконец, строительство в пустыне Каракум железнодорожной линии Чарджоу — Кунград свидетельствует не только о силе и торжестве созидательного коммунистического труда, но и о дружбе народов. Так, строить Большой Ферганский канал пришли вместе с сотнями тысяч колхозников Узбекистана киргизские и таджикские колхозники, а в постройке Большого Гиссарского канала в Таджикистане участвовали труженики Южного Узбекистана. Группа опытных строителей Большого Ферганского канала впоследствии приняла участие в работе по обводнению полей азербайджанских колхозников, передав им свой опыт народных ирригационных строек.

В том же аспекте следует рассматривать народное движение за освоение целинных земель и пустынь. На освоении целины в Казахстане и Южной Сибири, на освоении Голодной степи, на освоении мертвых песчаных пустынь Кызылкум и Каракум работают и проявляют беспримерный героизм наряду с другими национальностями труженики всех республик Средней Азии и Казахстана, включившиеся во всенародное движение энтузиастов-освоителей.

В наши дни новая, высшая коммунистическая ступень содружества народов СССР все ярче проявляется в области экономики, культуры, духовной жизни социалистических наций. Осуществляя грандиозную программу строительства коммунизма, руководствуясь при этом ленинской национальной политикой, Коммунистическая партия признала необходимым в целях обеспечения подъема экономики всех союзных республик осуществить правильное размещение производительных сил на территории страны. Задания, предусматриваемые контрольными цифрами семилетнего плана, утвержденного XXI съездом КПСС обеспечивают дальнейшую специализацию и комплексное развитие хозяйства Средней Азии, как и других крупных экономико-географических районов; при этом планируется наиболее ускоренное развитие экономики восточных районов, в том числе республик Средней Азии и Казахстана.

В принятой на XXII съезде КПСС Программе Коммунистической партии Советского Союза намечены величественные перспективы развития народного хозяйства страны, построения в течение двух десятилетий в СССР материально-технической базы коммунизма. Выполнение этой главной экономической задачи обеспечит народам Советского Союза самый высокий в мире жизненный уровень, создаст условия для достижения изобилия материальных и культурных благ.

В плане развития народного хозяйства на 20 лет предусматривается дальнейшее улучшение в размещении производительных сил; при этом среднеазиатские республики и Казахстан, как и другие восточные районы страны, занимают важное место в общесоюзном разделении труда.

Намечается превращение Средней Азии в важнейший район размещения энергетических производств на базе использования огромных ресурсов газа и гидроэнергии. Большую роль будет играть Средняя Азия в осуществлении ленинской идеи сплошной электрификации всей страны. Здесь бу ут построены крупные гидроэлектростанции, имеющие комплексное значение как для развития электрификации, так и для ирригации. Среди них — Нурекская и Рагунская электростанции на р. Вахш, Токтогульская и Тогузтороуская на р. Нарын. В Казахстане будет также построен ряд крупных электростанций, в том числе Иртышская энергетическая группа. В этой же республике создается одна из пяти мощных общесоюзных металлургических баз. В Средней Азии, как в одном из глав-

ных в Советском Союзе районов концентрации дешевых природных и нефтяных газов, намечается организация крупных комплексов химической и нефтеперерабатывающей промышленности. В Центральном Казахстане, Целинном крае и Средней Азии планируются крупные работы по водообеспечению — строительство регулирующих водохранилищ, развитие в больших масштабах ирригационного и мелиоративного земледелия. Среднеазиатские республики будут и впредь основной хлопковой базой страны. Имеется в виду создать новый крупный район хлопководства в бассейне Сыр-Дарьи, где по предварительным расчетам можно оросить 800—850 тыс. га земель Голодной степи на территории Узбекской, Казахской и Таджикской республик; использовать энергию Нурекской гидроэлектростанции с тем, чтобы оросить под хлопок, рис и другие культуры до 1,2 млн. га земель в Узбекской и Таджикской ССР; развернуть орошение и освоение земель в Туркмении на базе Каракумского канала на площади 600 тыс. га для развития хлопководства; создать новые районы рисосеяния в низовьях Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи с площадью орошаемых земель около 900 тыс. га[1]. Осуществив программу ирригационного строительства, республики Средней Азии и Казахстан смогут производить дополнительно миллионы тонн хлопка, кукурузы, люцерны, риса и других культур, а также продуктов животноводства. Социалистическое сельское хозяйство этих республик займет почетное место в борьбе за рост сельскохозяйственной продукции, внесет свой вклад в осуществление коммунистической программы создания изобилия материальных и культурных благ.

Новый, высший этап экономического сотрудничества получает отражение также и в характере хозяйственных связей между республиками Средней Азии и Казахстаном. Двумя республиками — Узбекистаном и Таджикистаном — построена в Ферганской долине Кайраккумская ГЭС, заслуженно названная «Дружба народов»; вместе с Киргизией строит Узбекистан Уч-Курганскую ГЭС; совместными усилиями нескольких республик планируется постройка Чардаринского водохранилища на Сыр-Дарье. Три республики — Узбекистан, Таджикистан и Казахстан — объединяют свои усилия в освоении Голодной степи.

В Средней Азии и Казахстане, как и в других районах страны, бурное экономическое развитие, рост городов и улучшение транспортных связей влекут за собой усиление подвижности населения и способствуют взаимному общению наций. Увеличивается приток жителей из соседних республик, приезжающих для работы на новых крупных промышленных предприятиях, на вновь освоенных целинных землях. В республиках Средней Азии и Казахстане на заводах, в колхозах и совхозах, в учебных заведениях вместе, плечом к плечу, трудятся и учатся представители десятков национальностей.

Н. С. Хрущев, выступая 7 марта 1959 г. на общегерманской рабочей конференции в Лейпциге, один из разделов своей речи посвятил развитию содружества между народами в наше время и в этой связи остановился на вопросе о границах между социалистическими странами и о постепенном отмирании значения границ в социалистических странах на пути перехода к коммунизму. Постепенную утрату прежнего значения границ в пределах нашего социалистического государства Н. С. Хрущев объясняет тем, что у нас «все нации и народности равноправны, жизнь строится на единой социалистической основе, в одинаковой степени удовлетворяются материальные и духовные запросы каждого народа, каждой национальности»[2].

[1] «Материалы XXII съезда КПСС», Госполитиздат. М., 1961, стр. 148, 151, 164.

[2] Н. С. Хрущев. Речь на девятой Общегерманской рабочей конференции в Лейпциге 7 марта 1959 г. Н. С. Хрущев. Мир без оружия — мир без войн, т. I. Госполитиздат, 1960, стр. 181.

Этим прогрессивным процессом укрепления братских связей между республиками нашей страны можно объяснить и такие замечательные явления в жизни народов Средней Азии, как добровольную передачу отдельных районов другой республике. Так, в 1956 г. Казахстан передал Узбекистану часть земель Голодной степи и Бостандыкский район. Узбекский народ, выражая свою благодарность дружественной казахской социалистической нации за этот благородный акт, писал: «... Это благородное великодушие казахского народа по отношению к узбекскому народу является ярким выражением дружбы между нашими народами. Узбекский и казахский народы с давних времен жили в добром соседстве: пили воду из одной реки, охотились в одной степи, жили и трудились на одном и том же поле, под одним знаменем воевали против общего врага...»[1]. Примеру Казахстана последовал Узбекистан, в свою очередь передавший таджикскому народу 50,5 тыс. га Голодной степи.

Однако процесс сближения социалистических наций не ограничивается экономической жизнью; происходит сближение и национальных культур, развиваются новые традиции, общие для всех народов советской страны. «У советских людей разных национальностей сложились общие черты духовного облика, порожденные новым типом общественных отношений и воплотившие в себе лучшие традиции народов СССР»[2]. Национальные формы культуры видоизменяются, совершенствуются и сближаются между собой, освобождаясь от всего устарелого, противоречащего новым условиям жизни. Это сближение наблюдается и в культурной жизни республик Средней Азии и Казахстана.

Не говоря уже о переводе лучших произведений литературы, поэзии на языки других народов, все чаще и чаще деятели культуры одной республики обращаются в своих произведениях к темам из жизни другой республики, представители художественной интеллигенции знакомят со своим искусством трудящихся другой республики. Национальные культуры, различные по языку, по своеобразию художественных приемов изображения действительности, в нашей стране развиваются не изолированно, а во взаимодействии друг с другом; тесное содружество между нашими народами в области культуры сближает трудящихся разных национальностей, помогает воспитанию высоких эстетических вкусов, делает талантливые творения художников одной нации значимыми в общечеловеческом масштабе.

Все эти явления, наблюдаемые в культурной жизни народов Средней Азии, как и других социалистических наций нашей страны, и есть социалистический интернационализм в действии, одна из важнейших черт социалистических наций, развивающихся по пути к коммунизму. К этому же ряду явлений относится и еще одна область жизни народов Средней Азии. Это рост их дружественных связей с народами зарубежных стран. О растущем значении этих связей может свидетельствовать хотя бы пример Узбекистана, давно уже ставшего местом важнейших международных встреч. Недаром именно здесь зародился «дух Ташкента», ставший символом борьбы против реакции, фашизма, расистского изуверства.

* * *

Исследование основных этапов этнической истории народов Средней Азии и Казахстана позволяет проследить, как на протяжении столетий происходил процесс постепенного становления характерных для них черт этнической общности. Однако лишь в годы Советской власти были соз-

[1] «Правда Востока», 25 января 1956 г.

[2] Программа и Устав Коммунистической партии Советского Союза. М., 1962, стр. 190.

даны условия, способствовавшие формированию наций и созданию суверенных социалистических государств — национальных республик Средней Азии и Казахстана, достигших небывалого экономического и культурного расцвета в условиях социализма. На современном историческом этапе развернутого коммунистического строительства осуществляется прогрессивный процесс все большего роста тесных взаимосвязей и сотрудничества между этими нациями, интенсивного обмена материальными и духовными богатствами, все большего их сближения между собой и с другими нациями нашей страны. Эти новые, прогрессивные явления ярко свидетельствуют об огромной творческой теоретической и практической работе Коммунистической партии в области осуществления ленинской национальной политики, преодолевшей все исторически сложившиеся трудности разрешения национального вопроса в бывших Туркестане, Бухаре и Хиве — некогда отсталых, бесправных окраинах России.

На себе испытавшие ярмо социального и национального гнета, сами прошедшие тяжелый путь борьбы за преодоление вековой отсталости, советские люди республик Средней Азии и Казахстана хорошо понимают и полностью разделяют чаяния народов, пробудившихся к самостоятельной жизни, рвущих цепи ненавистного колониализма. Как бы ни злобствовали империалисты, ничто не может предотвратить крах обреченного историей колониального режима, На примере процветающих советских республик Востока ясно видно, что самостоятельное историческое творчество не является достоянием «избранных» наций, как лживо утверждают колонизаторы и буржуазные фальсификаторы истории, а доступно всем народам, независимо от цвета кожи, национальных, расовых и религиозных различий.

ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

К тюркским языкам народов Средней Азии и Казахстана относятся современные государственные языки: Туркменской ССР — туркменский язык; Казахской ССР — казахский язык; Киргизской ССР — киргизский язык; Узбекской ССР — узбекский язык, Кара-Калпакской АССР — каракалпакский язык и язык уйгуров, живущих в Казахской ССР, Киргизской ССР и Узбекской ССР, а также в основной своей массе в Синьцзяне (КНР).

В генетическом отношении все шесть языков имеют различное происхождение внутри данной группы языков и различные связи между собою и с языками других групп. Тюркские языки народов Средней Азии разделяются по существующей классификации на четыре группы. Так, туркменский язык относится вместе с азербайджанским и другими к юго-западной, или огузской, группе тюркских языков, киргизский, казахский и каракалпакский языки вместе с другими — к северо-западной, или кыпчакской, группе, узбекский и уйгурский — к юго-восточной, или чагатайской, группе.

Следует, однако, отметить, что в существующей классификации тюркских языков критериями разделения их являются отдельные, иногда случайные, фонетические и отчасти морфологические признаки. Классификация не учитывает исторических условий формирования и сложных взаимодействий данных народов и языков, не говоря уже об учете при классификации всего строя языков в единстве их фонетических, лексических, морфологических и синтаксических признаков, и, таким образом, является в некоторой мере условной.

Тюркские народы и языки в современном своем составе являются результатом длительного исторического процесса последовательного развития отдельных родоплеменных и феодальных союзов, объединений и государств, которые возникали на территории Восточной Европы, Средней и Центральной Азии. Эти союзы и объединения племен с древнейших времен до консолидации в национальные государства включали в процессе формирования наций в свой состав множество различных разрозненных тюркских, славянских, угро-финских, иранских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и прочих племен.

Различные этнические элементы, вошедшие в состав тюркских народов, в большей или меньшей степени повлияли и на формирование языков, составляющих ныне по доминирующим признакам одну группу тюркских языков. Например, современные узбекский и уйгурский языки, а также их предшественники староузбекский и так называемый классический ново-

уйгурский язык (язык уйгуров XVII—XIX вв.), которые прежде были известны под общим термином чагатайского литературного языка, являются результатом соединения или скрещения языков тюркских племен, пришедших на территорию Средней Азии в основном в VI—VIII вв., с языками праноязычных народов, более древних аборигенов Средней Азии.

Языки тюркских народов Средней Азии имеют не только общие черты, но и значительные расхождения, обусловленные различным их происхождением и различными историческими связями.

Исторические сведения о тюркских народах и материалы по древним и современным тюркским языкам указывают на весьма давнее разделение тюркских народов на две части — восточные тюркские племена и западные тюркские племена. Это разделение происходило дважды: в первых веках нашей эры, когда одна группа племен примкнула к западным, а другая к восточным гуннам, и в VII—VIII вв., когда тюркские племена были разобщены в связи с падением Тюркского каганата, а затем уйгурского государства.

Формирование всех народов и языков Средней Азии, за исключением разве только киргизского языка, совершилось относительно позднее в составе позднейших западных тюркских племенных союзов, хотя каждый народ и язык были генетически связаны и с более ранними восточными союзами племен.

Так, формирование туркменского языка в основном произошло в среде западноогузских племен при участии народов, вошедших позже в сельджукский союз племен. Хронологически образование туркменского языка, таким образом, относится к VIII—XI вв., хотя генетически туркменский язык был связан через огузов и с более древним языком орхонских надписей Тюркского каганата VI—VII вв., а также с языком древних праноязычных аборигенов Хорезма.

Языки каракалпакский и отчасти казахский, по-видимому, сформировались сравнительно поздно в составе Большой ногайской орды; до этого они были генетически связаны с языками кыпчаков-половцев, а в более ранний период с языком печенегов и отчасти булгар, с одной стороны, и праноязычными аборигенами Средней Азии — древними хорезмийцами, согдийцами и саками с другой. Генезис этих народов и языков связан в основном с западными союзами тюркских племен, хотя через кыпчаков-половцев народы эти генетически были связаны также и с восточными племенными союзами тюрков. На формирование этих языков безусловно повлияли как угро-финские племена (через булгар, хазар и печенегов), так и древние праноязычные народности Средней Азии.

Язык киргизский в современном своем составе относительно новый язык, сформировавшийся в кыпчакской среде, хотя субстратом его являлись древние диалекты енисейских киргизов, смешанных по своему этническому составу. Интереснейшим памятником языка енисейских киргизов являются древние енисейские надписи. Длительное пребывание киргизов на востоке и в частности непосредственное соседство с монгольскими племенами, носителями языка более новой формации, отразилось и на языках восточных тюркских племен и не только в лексическом, но и в фонетическом и фонетико-морфологическом отношениях (ср. например, вторичные долгие гласные, менее характерные для западных тюркских языков).

Наконец, узбекский и новоуйгурский языки, как уже отмечалось выше, представляют собой результат взаимодействия тюркских языков с языками хорезмийцев, согдийцев, бактрийцев, саков и прочих иранских народностей — аборигенов Средней Азии. Вместе с тем эти языки сохранили также и непосредственную связь с древними тюркскими языками и в первую очередь со староузбекским или так называемым чагатайским языком, а затем с языком Караханидского государства, в основе которого лежали

карлукские и еще более древние тюргешские диалекты; носители их генетически были связаны с древними уйгурами и орхонскими тюрками.

Таким образом, уточняя существующую ныне классификацию, все современные тюркские языки следует разбить на две большие группы или ветви: западную и восточную, которые в основных своих чертах совпадают и с географическими границами современного расселения тюркских народов на территории Европы и Азии.

1. Западная ветвь тюркских народов исторически сложилась из тюркских племен, продвинувшихся на запад и с древнейших времен входивших в западногуннский племенной союз, а отчасти и в западнотюркский каганат, в процессе распада которых выделились крупные родоплеменные объединения и языки: 1) булгары и булгарская группа языков; 2) огузы и огузская группа языков; 3) карлуки и карлукская группа языков и 4) кыпчаки и кыпчакская группа языков. Характерными особенностями тюркских языков западной ветви, отличающими эти языки от языков восточной ветви, являются: а) отсутствие вторичных долгих гласных в закрытых слогах (за исключением гагаузского) и замещение их либо сочетаниями гласного и согласных *г*, *р*, например, *өгрен* 'учиться', *таг* 'гора', либо дифтонгами, например, *үйрен* 'учиться', *тау* 'гора'; б) замещение древних *з*, *с*, *д*, *т* > *й*, например, *айақ* 'нога'; в) большая степень дифференциации глухих и звонких согласных: *б* — *п*, *к* — *г*, *с* — *з*, *д* — *т*; г) наличие дифференцированных согласных фонем *х*, *в*, *ҳ*, и др.; д) наличие значительного количества заимствованной лексики из языков арабского и иранского и относительно меньшее количество заимствований из монгольского языка; е) более развитая структура сложного предложения и наличие большего количества союзов, в том числе заимствованных из других языков; ж) меньшее количество стяженных сочетаний слов, выступающих в качестве имен и глагольных форм и др. Перечисленные здесь основные признаки отличают все тюркские языки западной ветви от тюркских языков восточной ветви. Однако кроме этих общих признаков каждая группа языков, входящая в западную ветвь, имеет свои более конкретные, частные признаки, отличающие каждую группу внутри данной ветви языков.

1. Булгарская группа языков, к которой относятся древние булгарский и хазарский языки и современный чувашский язык, образовалась в среде древнейшего населения Поволжья — болгар, или булгар (VI—XIV вв.) и хазар (VI—X вв.), непосредственных преемников племен, входивших в состав западных гуннов, современными потомками которых являются сохранившие древний строй языка чуваши. Характерными признаками языков булгарской группы, по которым они отличаются от языков других групп, входящих в западную ветвь, являются: а) наличие особой системы вокализма, в том числе двух негубных и двух губных гласных неполного образования; б) замещение некоторых гласных в начале слов дифтонгами и дифтонгоидными сочетаниями, например, *йерт* 'водить' (вм. *ерт*), *йӗкев* 'подпилок' (вм. *егев*), *йӗр* 'след' (вм. *из*), *вут* 'огонь' (вм. *от*), *вырăн* 'место' (вм. *орын*); в) замещение согласного *з* других языков согласным *р*, например *çăвар* (вместо *ағыз*, *авыз*) 'рот', *пăр* (вм. буз) 'лед', *хӗр* (вм. *қыз*), *кӗр* (вм. *күз*) 'осень'; г) наличие характерной согласной фонемы *ç*, замещающейся в других языках фонемами *й*, *ж*, *дь*, *ч*; д) наличие в известных позициях вариантов согласных фонем, занимающих среднее положение между глухими и звонкими согласными в других языках; е) замещение чередующихся по языкам согласных *д* — *т* — с — *з* — *й* согласным *р*, например *ура* (вм. *адақ*, *азақ*, *айақ* и др.) 'нога'; ж) наличие в лексике значительной группы слов, общих по происхождению с славянскими словами, и лексики, общей по происхождению с угрофинскими словами; з) своеобразие морфологии, в значительной степени отличающейся от морфологии языков других групп.

2. Огузская группа языков, к которой относится несколько подгрупп языков: 1) огузо-туркменская подгруппа, объединяющая древний язык огузов, зарегистрированный Махмудом Кашгарским, и современные языки: туркменский и язык туркмен Северного Кавказа; 2) огузо-сельджукская подгруппа, к которой принадлежат турецкий и азербайджанский языки; 3) огузо-булгарская подгруппа, к которой относятся древний печенежский язык и современный гагаузский, имеющие, впрочем, различные субстраты.

Огузская группа языков образовалась в среде огузов (VIII—XIII вв.) и сельджуков (XI—XII вв.), ведущих свое происхождение от западных и отчасти восточных тюркских племен. Прямые потомки этих племен, сохранившие древнеогузские черты языка,— туркмены и более поздние смешанные племена, из которых образовались современные азербайджанцы, гагаузы и турки. Все эти народы имеют в своем составе различные этнические элементы, а, следовательно, и различные языковые напластования. Так, туркменский язык, кроме огузской основы, в процессе формирования впитал элементы кыпчакских языков, древнехорезмийского языка и др.; азербайджанский язык, кроме огузских черт, имеет сельджукские и кыпчакские элементы; гагаузский язык в значительной мере имеет элементы кыпчакских, булгарских языков и др. Характерными чертами языков огузской группы являются: а) наличие восьми гласных фонем, в отличие от других языков, имеющих от шести до девяти фонем (например, языки кыпчакские или карлукские), и менее выраженные вторичные долготы гласных (исключение в этом отношении составляет туркменский язык, имеющий первичные долгие гласные); б) наличие узких губных гласных в аффиксах, например *йарұң* (вм. *йарық*) 'свет', блеск; в) сохранение конечных *г* и *ғ* в словах типа *бег* 'бек', господин, *дағ* 'гора' и выпадение их в некоторых аффиксах, например *гелен* (вм. *келген*) 'пришедший', *алан* (вм. *алған*) 'взявший' и др.; г) озвончение начальных согласных *т* и *к*/*ң*, например *гөр* 'видеть' (вм. *көр*), *дил* 'язык' (вм. *тил*); д) выпадение начального *б*/*п* в основе *ол* 'быть' (вм. *бол*, *пол*, *пул*); е) выпадение *й* перед и после узких гласных в некоторых словах, например *ир* 'песня' (вм. *йыр*), *ит* (вм. *ийт*)' собака'; ж) фонетически редуцированный формант родительного падежа *-ын*/*-ин* наряду с полной формой *-ның*/*-нің*; з) фонетически редуцированный формант направительного падежа в позиции после согласного, например, *а:дама* 'человеку'; и) форма желательного вида на *-асы*/*-еси* вм. формы на *-ғу*/*-гу*, например *келеси* (вм. *келгу*).

3. Карлукская группа языков, к которой относятся древние языки Караханидского государства X—XI вв., староузбекский язык и современные языки: узбекский и уйгурский. Эта группа языков образовалась последовательно в составе племенных объединений тюргешей, чигилей и карлуков (тесно связанных с тюркскими и уйгурскими племенами), создавших позже Караханидское государство; затем огузо-кыпчаков, образовавших государство Сельджукидов и участвовавших в создании государства Хорезмшахов, и, наконец, в Чагатайском и позже Тимуридском узбекском государстве. Ныне она представлена языками прямых потомков народов, входивших в эти племенные союзы и государства: 1) уйгурским — языком основной массы уйгуров Синьцзяна; 2) диалектами узбеков Хорезма, сохранившими огузские и кыпчакские черты; 3) узбекским — языком населения большинства районов, входящих в состав Узбекской ССР. Все эти народы и языки имеют, как было уже отмечено выше, этнические и лингвистические связи с аборигенами Средней Азии, а также и с восточными тюркскими племенами через тюргешей, чигилей и карлуков. К характерным признакам этой группы языков относятся следующие: а) изменение состава гласных фонем не только для каждого языка, но и внутри языков по диалектам с колебаниями от 6 до 9 и более фонем; б) конвергенция *и* — *ы*>*и* индиферентный; в) раз-

личные степени палатализации согласного *к*; г) отсутствие озвончения согласных *п*, *т*, *ҟ*/*к* в интервокальной позиции; *д*) сохранение согласных *г*, *ғ* или переход их в конце слов в *ҟ*/*к*, например *сарығ* (*сарық*) 'желтый'; *тирик* 'живой', *өлүк* 'мертвый'; е) широкое распространение причастной формы на *-ған*/*-ген*, в отличие, например, от огузских языков, где данный аффикс заменяется либо редуцированной формой *-ан*/*-ен*, либо формой на *-дық*/*-дик*; ж) полная форма родительного падежа *-ның*/*-нің* и отсутствие вариантов по согласному; 3) полная форма винительного падежа при именах с аффиксом принадлежности 3-го лица, например *ҟызыны* вм. *ҟызын* 'его дочь'.

4. Кыпчакская группа языков, к которой относится несколько подгрупп языков: 1) кыпчакско-булгарская подгруппа, объединяющая современные татарский и башкирский языки; 2) кыпчакско-огузская, или половецкая, объединяющая древний половецкий язык и современные караимский, кумыкский и карачаево-балкарский языки; 3) кыпчакско-ногайская подгруппа, объединяющая современные ногайский, каракалпакский, казахский языки и некоторые диалекты узбекского языка.

Кыпчакская группа языков с тремя исторически последовательно возникшими подгруппами образовалась в среде многочисленных кыпчакских племен, появившихся в Восточной Европе и Западной Азии сначала вместе с печенегами (IX—XI вв.), а затем с кыпчаками-половцами или куманами (XI—XIII вв.) и затем составивших основное ядро населения Золотой Орды (XIII—XV вв.). Позже это ядро распределилось между Астраханским, Казанским и Крымским ханствами, а частично вошло в Большую ногайскую орду; из нее в свою очередь выделились группы племен, вошедшие в Узбекский, Казахский и Каракалпакский союзы. Из состава кыпчаков, ассимилированных частично по языку булгарами и вошедших в состав сначала Золотой Орды, а затем Казанского и Астраханского ханств, сформировались современные татары и башкиры, язык которых имеет общие элементы с языками булгарской группы и с языками кыпчакской группы, а потому и отнесен к смешанной кыпчакско-булгарской подгруппе. Кыпчакско-огузскую, или половецкую, подгруппу составляют древний половецкий, или куманский, язык, основным памятником которого является латино-персидско-кыпчакский словарь XIII века «Codex Cumanicus», современные языки: караимский язык литовских караимов, обладающий также булгарскими чертами, кумыкский и карачаево-балкарский; носители этих языков являются, по-видимому, прямыми потомками половцев. Наконец, самую позднюю подгруппу кыпчакских языков составляют кыпчакско-ногайские языки, сформировавшиеся в XIV—XV вв., к которым относятся ногайский, каракалпакский, некоторые диалекты узбекского языка и казахский язык. Основными особенностями кыпчакских языков являются: а) наличие восьми-девяти гласных, внутри которых своеобразную окраску звуков неполного образования имеют узкие гласные *ы*, *и*, *у*, *ү*; б) отсутствие, как правило, лабиализации узких гласных в аффиксах (ср., например, *йаруҟ* в огузских или карлукско-чагатайских языках); в) слабая губная гармония гласных и только в отношении узких гласных; г) отсутствие долгих гласных; д) соответствие более древним сочетаниям гласного и согласного *ar* > *аў*, *er* > *ий*, *өг* > *үй* и др., например, в словах *тар* > *таў* 'гора', *тег* > *тий* 'касаться', *өгрен*〉*үйрен* 'учиться'; е) наличие, как правило, в начале слов звонкого *б*, но глухих *т* и *ҟ*/*к*, например *балта* 'топор', но *тил* 'язык' и *кел* 'приходить' (вм. огузских *дил* 'язык', *гел* 'приходить' и др.); ж) неустойчивость в начальной позиции звуков *й*/*ж*/*дж*, з) спирантизация *п*/*б* > *ў* и *ҟ*/*к* > *г*/*г* в интервокальной позиции и т. д., а также некоторые характерные черты морфологии и лексики кыпчакских языков.

11. Восточная ветвь тюркских языков и народов исторически сложилась главным образом из тюркских племен, входивших последовательно в во-

сточногуннский племенной союз, восточнотюркский каганат и древнеуйгурское государство; таким образом и сложились основные родоплеменные объединения и группы языков: 1) орхонские тюрки и орхонотюркская группа языков; 2) древние уйгуры и древнеуйгурская группа языков и 3) киргизы и киргизско-кыпчакская группа языков.

Восточная ветвь языков характеризуется признаками, противоположными западной ветви тюркских языков: а) наличием в большинстве языков восточной ветви, кроме древних языков енисейско-орхонского и древнеуйгурского, вторичных долгот, характерных также и для живых монгольских наречий; б) наличием чередующихся по отдельным языкам согласных *з*, *с*, *д*, *т*, вместо *й* западной ветви тюркских языков, например в слове *адаӈ//азаӈ* вместо *айаӈ* 'нога'; в) слабой дифференциацией или отсутствием дифференциации между глухими и звонкими согласными: *д — т*, *б — п*, *к/ӄ — г/ғ*, *с — з*, каждая пара этих согласных рассматривается в языках восточной ветви как варианты одной и той же фонемы; г) отсутствием согласных фонем *ҳ* и *в*, которые, как правило, имеются в языках западной ветви; д) наличием значительного количества лексики, заимствованной из монгольских языков, в отличие от языков западной группы, в которых преобладают арабо-иранские лексические заимствования; е) менее развитой структурой сложных предложений и в связи с этим меньшим количеством союзов; ж) чрезвычайно развитыми стяженными формами сочетаний имен и глагольных форм. Выше перечислены только основные различия языков восточной ветви от западной, так как каждая группа в свою очередь имеет специфические признаки, по которым они отличаются между собой.

1. Орхоно-тюркская группа языков, к которой относится только один— древний язык орхонских надписей. Носители этого языка—господствующее племя в Тюркском каганате V1—V111 вв; с ними генетически связаны позднейшие союзы огузов и карлуков, от которых и сохранились современные их потомки, входящие в состав огузской и карлукской групп западной ветви тюркских народов и языков. Непосредственных наследников, носителей языка, генетически восходящего к орхоно-тюркскому, среди современных народов, говорящих на языках тюркской семьи, нет. Основными признаками, характеризующими орхоно-тюркский язык являются следующие: а) наличие согласного *д* вместо чередующихся по языкам *з*, *й*, например *адаӈ* вм. *айаӈ* 'нога', *адырылмаз* вм. *айырылмаз* 'неразделяющийся', *эдгү* вместо *ийги* 'добрый', б) диссимиляция согласных, например *кӧрти* вм. *кӧрди* 'он видел', *ӧлти* вм. *ӧлди* он умер, *алты* вм. *алды* 'он взял'; в) наличие формы винительного падежа на *-ыг/-иг*; г) наличие древних форм условной модальности, например, *барығсар* 'если он пойдет < он хочет пойти', *саӈынсар сен* 'если ты предполагаешь'; д) преобладание употребления формы на *-ур/-үр* и *-ыр/-ир* вместо *-ар/-ер* в значении причастия будущего времени и др. Орхоно-тюркский язык отличается от современных языков также архаической лексикой и значительными заимствованиями из языков китайского, санскритского и др.

2. Древнеуйгурская или уйгурская группа языков, к которой относятся древнеуйгурский язык и современные языки: сары-уйгурский и саларский диалекты современного новоуйгурского языка, северные диалекты алтайского языка (туба, кумандинский и чалканский), хакасский, тувинский, карагасский (или тофаларский) и в известной мере якутский языки. Все языки, относящиеся к этой группе, генетически связаны с древним уйгурским языком, носителями которого были уйгуры V111 — 1X вв.. Древние уйгуры вошли также в этнический состав карлуков, а по языку сохранили некоторые отдаленные связи с крайними западными племенами и языками — булгарами и современными чувашами, а отчасти с кыпчаками и огузами. Характерными признаками этой группы языков являются: а) количество гласных —

8 нормальных + 8 долгих гласных, за исключением древнеуйгурского языка, в котором процесс превращения сочетаний некоторых согласных с гласными в долгие гласные не завершился; б) отсутствие губной гармонии, за исключением якутского; в) слабое развитие согласных фонем и неразличение глухих и звонких согласных; г) наличие в начале слов только глухих согласных; д) озвончение глухих согласных в интервокальной позиции; е) сохранение звонких согласных *-г/-ғ* в конце слова; ж) наличие *-д//-з* вм. *й* в середине слова: *адақ/азақ* вм. *айақ*, 'нога' и др.; з) наличие фонемы *ч* в позиции начального йота в других тюркских языках, например *чол* 'путь', 'дорога' в шорском, хакасском и других языках и фонемы *с* в некоторых словах якутского языка, например *суол* 'путь', 'дорога'.

3. Киргизско-кыпчакская группа языков представлена одним древним киргизским языком енисейских надписей и двумя живыми современными языками: киргизским и алтайским. Языки этой группы имеют своим субстратом диалекты древних киргизских племен, образцы языка которых дошли до нас в енисейских надписях. Однако современный состав этих языков, а именно киргизского и алтайского, показывает, что они в значительной степени трансформировались и представляют собой уже языки более поздней формации, образование которых произошло в другой, кыпчакской, среде и в близком общении и взаимодействии с языками монгольских племен. Особенно это относится к алтайскому языку, носители которого, алтайцы, долгое время находились в составе Монгольского государства. Характерными особенностями языков этой группы являются: а) гласные полного образования: восемь нормальных и шесть-восемь долгих гласных; б) наиболее полно выражена губная гармония гласных; в) слабое по диалектам различение глухих и звонких согласных; г) наличие шипящих согласных *ч — ш* в отличие от кыпчакско-ногайской группы языков, где этим согласным соответствуют *ш — с*: *қач* 'убегать' и *баш* 'голова' (вм. *қаш* и *бас*); д) наличие в начале слов преимущественно глухих согласных, в особенности это касается алтайского языка; е) озвончение глухих согласных в интервокальной позиции, в особенности в алтайском языке, в языке же киргизском этот признак не характерен, хотя в ряде диалектов это явление выражено последовательно и т. д.

Таким образом, рассматривая языки тюркских народов Средней Азии и Казахстана в общей системе классификации всех тюркских языков в связи с их историей, мы не только устанавливаем происхождение каждого отдельного языка, но и уясняем общую перспективу развития всех тюркских языков в их взаимодействии.

Ниже при характеристике отдельных языков тюркских народов Средней Азии (см. стр. 122 сл.) мы будем определять место каждого языка не только внутри всей системы тюркских языков, но и внутри каждой ее группы, отмечая специфические особенности, характеризующие данный язык и отличающие его от других языков данной группы.

В заключение следует остановиться на составе лексики современных тюркских языков Средней Азии, которая по существу имеет черты и слои, общие для всех групп языков.

Кроме основного фонда лексики, содержащего в зависимости от происхождения данного языка некоторые своеобразные черты, характерные для каждой языковой группы, лексика тюркских языков Средней Азии характеризуется следующими общими пластами:

1. Пласт лексики, отражающий главный образом древнюю сельскохозяйственную терминологию и терминологию городских ремесел, который, по-видимому, представляет собой наследство от древних праноязычных аборигенов Средней Азии и прочих племен. В тюркских языках Восточной Европы этому пласту соответствует по времени древний слой

лексики, восходящей к древним скифским, славянским и угро-финским заимствованиям.

2. Арабо-иранский пласт лексики, проникший в языки Средней Азии вместе с исламом. В языках тюркских народов Сибири, которым был чужд ислам, арабо-иранские слова почти отсутствуют, а их место обычно замещает заимствованная монгольская лексика.

3. Слой русской и советской интернациональной лексики, проникший в тюркские языки Средней Азии и Казахстана главным образом в эпоху после Великой Октябрьской социалистической революции. Осуществление ленинской национальной политики и дружба народов Советского Союза способствуют необычайному расцвету языков и культуры народов Средней Азии, которые в настоящее время благодаря тесным связям с русским народом обогатили свои языки современной научной и общественно-политической терминологией, позволяющей делать переводы с других языков и создавать свою художественную, научную и общественнополитическую литературу.

ТУРКМЕНСКИЙ ЯЗЫК

Туркменский язык является государственным языком Туркменской Советской Социалистической Республики.

Современный туркменский язык представлен, с одной стороны, литературным письменным языком, который сложился только после Великой Октябрьской социалистической революции на основе консолидации туркменских диалектов, а с другой — живым разговорным народным языком, распадающимся на множество диалектов. Диалекты туркменского языка сохранились в современном народном языке и ныне, по классификации А. П. Поцелуевского, представлены в виде двух неравных между собою групп.

Первая группа объединяет диалекты йомутский (западные районы Туркмении и большая часть Ташаузской области), текинский (центральная часть Туркменской ССР от Кызыл-Арвата до Байрам-Али), гокленский (Каракалинский район), салырский (Серахский район и северная часть Чарджоуской области), сарыкский (Йолатанский и Тахтабазарский районы) и эрсаринский (восточные районы Туркменской ССР в пределах Чарджоуской области, Чарджоуский и Керкинский районы).

Вторую группу составляют пограничные с Ираном и Узбекистаном туркменские диалекты нохурли, эйнаули, хасарли, нерезим и др. Характерными чертами, отличающими эти диалекты от основных диалектов первой группы, являются: а) замещение конечных смычных согласных *г/ғ* > *ғ*,/*к*; б) замещение междузубных *с*, *з* обычными зубными *с*, *з*; в) нарушение сингармонизма и др.

Туркменский народный разговорный язык во всем многообразии своих диалектов сформировался в среде западных огузских племенных языков тех древних огузских племен, которые в VIII в. жили в районе Приаралья. Имея в основе диалекты огузских племен, туркменский язык впитал в себя и элементы языков более древних аборигенов Средней Азии и Приаралья — сако-массагетов, хорезмийцев, а также близкой, но более поздней системы огузо-сельджукских диалектов, на основе которых в X—XII вв. образовались азербайджанский и турецкий языки. Значительное влияние на туркменский язык оказал также литературный язык Караханидского государства, относящийся примерно к X—XI вв. и сформировавшийся на основе уйгурских, тюргешских, чигильских и карлукских диалектов, которые легли позже в основу староузбекского (чагатайского) языка.

В XII—XV вв. туркменский язык приобрел некоторые черты кыпчакских языков через смешанные говоры хорезмских узбеков, появившиеся

в результате развития тех племенных диалектов, на основе которых вырос в XII в. среднеазиатский литературный язык домонгольской эпохи; в образовании этого языка участвовали уже сами туркмены. Одним из памятников этого языка являются произведения Ходжи Ахмеда Ясави.

В XV—XVII вв. решающую роль в формировании старого туркменского литературного письменного языка, а отчасти и разговорного языка играл тогдашний литературный язык Средней Азии — староузбекский (чагатайский) язык.

Наконец, с конца XIX в. и в особенности после Великой Октябрьской социалистической революции значительное и благотворное влияние на туркменский язык оказал русский язык. В результате проведения ленинской национальной политики наряду с общим невиданным ранее культурным подъемом туркменского народа происходит и необычайно быстрое развитие туркменского литературного языка, на котором ныне создается своя художественная и научная литература и на который переводятся лучшие произведения мировой художественной литературы, классиков марксизма-ленинизма и сложные научные работы.

Уточняя место туркменского языка в системе тюркских языков, следует отнести его к западной ветви тюркских языков, к огузской группе и к наиболее древней огузо-туркменской подгруппе, формирование языков которой было, впрочем, тесно связано также и с другими подгруппами огузских языков, а именно огузо-сельджукской и огузо-булгарской

Обладая общими признаками, характеризующими все огузские языки, туркменский язык имеет и свои специфические особенности, выделяющие его из других тюркских языков огузской группы, к которым относятся: а) наличие первичных долгих гласных, что является рефлексом древнего происхождения туркменского языка и его связей с восточными тюркскими языками (ср. также первичные долготы в тувинском и якутском языках); б) губная гармония в отношении широких гласных *болон-болгон*, что также является отзвуком генетических связей туркменского языка с восточными тюркскими языками; в) наличие междузубных звуков *ç*, *ʒ* (общих с теми же звуками в башкирском языке); г) наличие параллельных вариантов основы *бол-* и *ол-* 'быть, стать'; д) наличие звонкого, заднемягконебного взрывного *ƶ*, например в слове *ƶыйз* 'девушка'; е) наличие варианта отрицательной формы причастия будущего времени на *-мар/-мер*, кроме общей на *-маз/-мез* в других огузских языках; ж) преимущественное использование формы на *-ган/-ген*, *-ан/-ен* вместо формы на *-дыҟ/-дик* в других огузских языках и т. д.

После Великой Октябрьской социалистической революции туркменский литературный письменный язык пользовался сначала арабской реформированной графикой, которая в 1928 г. была заменена латинизированным алфавитом. Латинский алфавит не только не обеспечил должного размаха в развитии литературного туркменского языка, но и оказался помехой для установления необходимых связей с русским народом и языком, в силу чего произошел переход туркменской письменности на основу русского алфавита. На современном туркменском языке печатается обширная литература, издается множество газет и проводится преподавание в начальной, средней и высшей школе.

КИРГИЗСКИЙ ЯЗЫК

Киргизский язык — язык основного населения Киргизской ССР. Наряду с литературным письменным языком киргизский язык представлен двумя группами народных диалектов, а именно: северной группой диалектов и южной группой смешанных диалектов, являющихся результатом взаимодействия киргизского и узбекского языков. Эти две

группы характеризуются противопоставляющимися друг другу признаками: а) начальным *дж* в северных диалектах вместо *дж/й* — в южных; б)наличием долгих гласных в северных диалектах и замещением их дифтонгами в южных; в) отсутствием гласного *э* в северных и наличием его в южных диалектах и т. д.

Образование киргизского языка с современной его структурой относится к сравнительно позднему периоду, хотя субстратом его и являются языки древних киргизских племен, живших в первые века нашей эры на Енисее. Судя по типологии и основным особенностям, киргизский язык в более позднее время подвергся ассимиляции кыпчакскими языками, вместе с тем на его формирование в известной мере оказали влияние также языки других систем, в частности, монгольский язык.

Своеобразные особенности, которыми киргизский язык отличается от других кыпчакских языков (например, вторичные долготы гласных, встречающиеся по диалектам явления оглушения конечных согласных и их озвончение в интервокальной позиции) сближают его с группой алтайских языков (алтайских в географическом смысле), в частности, с собственно алтайским языком. Алтайский же язык вместе с киргизским, а также языки хакасский, шорский, тувинский, якутский и некоторые другие прошли значительный период своего развития по соседству и вместе с языками монгольскими и отчасти тунгусскими, маньчжурскими и палеоазиатскими.

Таким образом все эти тюркские языки приобрели общие черты, отличающие их от других языков тюркской системы.

По специфическим особенностям, отличающим его, киргизский язык, а вместе с ним и другие близкие к нему языки, например алтайский язык, могут быть отнесены к *восточной* ветви тюркских языков, которая объединяет все тюркские языки, получившие свое развитие в среде тюркских племен, расположенных на востоке в непосредственной близости с монгольскими, тунгусскими, маньчжурскими, палеоазиатскими и др. В составе же восточной ветви тюркских языков киргизский и алтайский языки составляют особую киргизо-кыпчакскую группу.

В то время как вся восточная ветвь тюркских языков характеризуется некоторыми особенностями, отличающими эти языки от языков западной ветви, например, наличием вторичных долгих гласных, слабой дифференциацией глухих и звонких согласных, отсутствием звонкого согласного в конце слов, озвончением глухих согласных в интервокальной позиции, киргизско-кыпчакская группа внутри восточной ветви тюркских языков характеризуется следующими дополнительными признаками: а) отсутствием в составе звуков незаимствованной лексики фонемы *х* и фонемы *ў* (*w*); б) последовательной губной гармонией гласных за исключением влияния узких губных гласных *у* и *ү* на широкие негубные гласные *а* и *е* второго слога; в) тенденцией к превращению полных личных аффиксов в сокращенные редуцированные аффиксы, совпадающие по форме, но дифференцированные по значению с аффиксами принадлежности[1].

Наконец к признакам, различающим киргизский и алтайский язык между собой, относятся: а) наличие в киргизском шести, а в алтайском языке восьми долгих (вторичных) фонем (6 фонем + долгие *ии*, *ыы*); б) наличие в киргизском фонемы *дж* и замещение ее в алтайском *дь-ть*; в) большая степень дифференциации глухих и звонких согласных фонем в киргизском и отсутствие этой дифференциации в алтайском языке; г) формант родительного падежа *-ныи/-нии*, *-дыи/-дии*, *-тыи/-тии* и ис-

[1] Различное содержание аффиксов подчеркивается также отсутствием в системе личных редуцированных аффиксов — аффиксов третьего лица; личной же форме третьего лица соответствует нулевая форма спрягаемого причастия, в то время как в системе аффиксов принадлежности имеется специальная форма аффикса принадлежности третьего лица.

ходного *-дан/-ден*, *-тан/-тен*, *-нан/-нен* в киргизском и *-ның/-нің*, *-дың/-дің*, *-тың/-тің* и исходного *-дың/-ден*, *-тың/-тең*, *-ның/-нең* в алтайском языке.

Лексика киргизского языка, как языка восточной ветви тюркских языков, также отличается по своему составу от лексики языков западной ветви бо́льшим количеством монголизмов и меньшим количеством слов, заимствованных из арабского и иранского языков, которые, впрочем, имеются в большем количестве в киргизском, чем в алтайском языке.

В настоящее время киргизский язык, как народный разговорный, так и в особенности литературный письменный, обладает хорошо разработанной терминологией во всех отраслях знания, которая выросла в нем, главным образом, за счет советских, русских и интернациональных терминов.

На киргизском языке, имеющем ныне графику на русской основе, печатается обширная художественная, научная и общественно-политическая литература и ведется преподавание в начальной, средней и высшей школе. На киргизском языке издаются переводы классиков марксизма-ленинизма и лучших произведений русских и советских писателей.

КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК

Казахский язык является языком основного населения Казахской ССР и по существующей классификации относится к северо-западной, или кыпчакской, группе тюркских языков.

Казахский язык на обширной территории, занимаемой Казахской ССР, имеет весьма незначительные диалектные расхождения, которые, впрочем, по классификации С. Аманжолова, позволяют установить наличие трех основных диалектов: северо-восточного, южного и западного.

Северо-восточный диалект происходит исторически из языка объединения племен аргын, найман, кирей, кыпчак, конграт и лежит в основе современного казахского литературного языка. На этом диалекте говорили и писали основоположники казахского литературного языка Абай Кунанбаев (1845—1904 гг.), Ибрай Алтынсарин (1843—1889 гг.) и др. Таким образом, данный диалект характеризуется общими признаками с современным литературным языком.

Южный диалект исторически происходит из языка племен уйсун, жаланр, канглы, дулат и других и характеризуется следующими, отличающими его от литературного языка, особенностями: а) переходом спорадически глухого *к* > *г* в начале слов, например *гүріш* вместо *күріш* 'рис'; б) переходом *ж* > *й* в начале слов, например *йақ* вм. *жақ*' сторона'; в) отсутствием ассимиляции *л/д/т*, например, *маңлай* вм. *маңдай* 'лоб'; г) переходом *с* > *ш*, например, *мышық*, вм. *мысық* 'кошка'; д) наличием формы повелительно-желательного наклонения 1-го лица множественного числа на *-алы/-елі*, например, *баралы* вм. *барайық* 'пойдем-ка мы'; е) более полная форма послелога *мынан* вм. *мен* и др.

Западный диалект исторически происходит из языка Алшынского племенного союза. Этот диалект характеризуется в основном теми же признаками, что и южный диалект, отличаясь от него следующими частными особенностями: а) переходом широкого *о* > *у*, например, *қул* вм. *қол* 'рука'; б) *й* > *и* в вопросительном местоимении *қанда* вм. *қайда* 'где'; в) сокращенной формой притяжательных местоимений 1-го лица множественного числа, например, *бізің* вм. *біздің* 'наш'; г) параллельным употреблением форм в значении глагола прошедшего времени *барды/баруўлы* и др.

Казахский народный разговорный язык прошел длительный путь развития, подвергаясь взаимодействию с другими, как тюркскими, так и

иносистемными языками, и сформировался окончательно вместе с узбекским и каракалпакским языками в XV в., когда все народы, говорящие на этих языках, выделились в отдельные союзы.

История народного разговорного казахского языка, точно так же как и история других тюркских языков западной ветви, была связана, с одной стороны, с формированием Половецкого племенного союза, государства Золотой Орды и, наконец, Большой ногайской орды, часть которой позже вошла в Казахский союз, а с другой — с союзами племен и государствами, развивавшимися на Востоке, в частности, с государствами, возникавшими в Средней Азии и оказавшими значительное влияние на формирование казахского языка, в состав которого вошли также и элементы иранских языков.

Таким образом, казахский язык может быть отнесен также к кыпчакско-ногайской подгруппе кыпчакских языков. Что касается характерных особенностей самого казахского языка, отличающих его внутри кыпчакско-ногайской подгруппы языков, то к ним относятся следующие: а) последовательная прогрессивная ассимиляция последующего звука *л/д/т* под влиянием предыдущего, например, *қыздар* 'девушки', *аттар* 'лошади', *тастар* 'камни' вм. *қызлар*, *атлар* и *таслар* в других языках данной подгруппы; б) преимущественное *ж* в начале слова из чередующихся по языкам *й/дж/ж/дь/ть/ч* и других, например, *жол* 'дорога' вм. *йол*, *джол*, *чол*, *дьол*; *жыл* 'год' вм. *йыл*, *джыл*, *чыл*, *дьыл*, а также значительные особенности его в морфологии, ср., например, формант-*атын/-етін*, *-йтын/-йтін* причастия настоящее-будущего времени вм. *-атугун/-етугун* в каракалпакском или *-атаган/-етаган* в ногайском; отсутствие формы причастия будущего времени на *-аджақ/-еджақ* или *-айақ/-ейең*, которая имеется в каракалпакском и ногайском языках, и т. д.

Казахские литературный язык и письменность на арабском алфавите возникли во второй половине XIX в. и оформились в конце того же века. Этому способствовала деятельность крупнейших казахских просветителей Абая Кунанбаева и Ибрая Алтынсарина. Однако полный расцвет казахского литературного языка и казахской литературы наступил после Великой Октябрьской социалистической революции, когда язык и литература стали достоянием всего народа.

Казахская письменность, пользовавшаяся в 1929—1938 гг. латинизированным алфавитом, в 1938 г. перешла на русскую графику. Русский алфавит оказался не только более соответствующим по составу знаков для гласных и согласных казахского языка, переход на этот алфавит, кроме того, облегчил для казахов изучение русского языка.

Современный казахский язык, как литературный разговорный, так и литературный письменный, благодаря новым, социалистическим условиям и благотворному влиянию русского языка имеет хорошо развитую терминологию для всех отраслей науки и является языком, на котором печатается пресса и обширная художественная, научная и общественно-политическая литература.

КАРАКАЛПАКСКИЙ ЯЗЫК

Каракалпакский язык является языком основного населения Кара-Калпакской АССР.

Народный разговорный каракалпакский язык представлен двумя основными диалектами: северо-восточным и юго-западным. На северо-восточном диалекте говорит каракалпакское население Тахта-купырского и Муйнакского районов. К этому же диалекту относятся также смешанные говоры Тахта-купырского района, развившиеся на основе взаимодействия казахского и каракалпакского языков. На юго-западном диалекте

говорит население остальных районов Кара-Калпакии. Этот диалект имеет также несколько говоров, из которых отметим ходжейлинский и некоторые турткульские смешанные говоры, развившиеся на основе взаимодействия каракалпакского и туркменского языков, а также смешанные говоры Кунградского, Кипчакского, Бируниского и Турткульского районов, развившиеся на основе взаимодействия каракалпакского и узбекского языков.

Характерными, противопоставляющимися признаками северо-восточного и юго-западного диалектов являются следующие: а) отсутствие, как правило, в северо-восточном диалекте фонемы *ə* при наличии ее в юго-западном диалекте; б) менее выраженная губная гармония гласных в северо-восточном диалекте; в) наличие негубных узких гласных в северо-восточном диалекте при соответствии им губных в юго-западном, например, *бызаў—бузаў* 'тел нок', *мылтық — мултұқ* 'ружье'; г) характерное для северо-восточного диалекта «жокание» при начальном *дж* в юго-западном; д) преимущественное наличие в начале слов звонкого *б* в северо-восточном диалекте при *б/п* в юго-западном, например, *буў—пуў* 'пар', *бақыр — пақыр* 'кричать'; е) преимущественное наличие в северо-восточном диалекте в начале слова глухих *т* и *к* при обычных звонких в юго-западном, например *туз — дуз* 'соль', *тизгин — дизгин* 'вожжи', *күз—гүз* 'осень'; ж) как правило, отсутствие в северо-восточном диалекте фонемы *h* при весьма частой ее встречаемости в юго-западном; з) противопоставление типов ассимиляции согласных, например, *лл* < *нл* в юго-западном диалекте и *нн* < *нл* в северо-западном, например *күллер* ~ *күннер* ~ *күнлер* 'дни'.

Каракалпакский народный разговорный язык сформировался в среде племен, которые последовательно входили в Печенежский (X—XI вв.) и в Половецкий (XI—XIII вв.) племенные союзы, в государство Золотой Орды (XIII—XV вв.), в состав Большой ногайской орды вплоть до XV в., когда составляющие ее племена и роды вошли частично в Узбекский, Казахский, а позже и в Каракалпакский союзы (см. стр. 119). В более ранний период своей истории те племенные языки, которые легли в основу современного каракалпакского литературного и каракалпакского народного разговорного языка, подверглись значительному воздействию, с одной стороны, булгарского языка, что выразилось в наличии некоторых общих черт (дифтонгизация начальных широких губных гласных, отсутствие согласной фонемы *ч* и др.), а с другой,— огузских языков, что выразилось в наличии звонких согласных *г* и *д* в начальной позиции, например в словах *дүз-* 'выравнивать', *дизе* 'колено', *гүз* 'осень', а также значительному влиянию языка древних аборигенов Средней Азии, главным образом, хорезмийцев.

Следовательно, в аспекте историко-лингвистических связей с другими народами и языками каракалпакский язык следует отнести к кыпчакско-ногайской подгруппе кыпчакских языков, входящих в западную ветвь тюркских языков. Формирование кыпчакско-ногайской подгруппы кыпчакских языков, к которой относятся языки ногайский, каракалпакский, казахский и некоторые другие, как это мы отмечали уже, было связано также и с другими подгруппами, в частности, с языками кыпчакско-булгарской подгруппы, влияние которой заметно в современном каракалпакском языке, и кыпчакско-половецкой подгруппы, связь с которой ощущается еще в большей степени.

Таким образом, каракалпакский язык не только обладает общими признаками, характеризующими всю кыпчакскую группу тюркских языков, но имеет также признаки, выделяющие из кыпчакской группы подгруппу кыпчакско-ногайскую, а также еще более специфические признаки, отличающие каракалпакский язык внутри кыпчакско-ногайской подгруппы от ногайского, казахского и др.

Кыпчакско-ногайская подгруппа языков отличается от кыпчакско-булгарской и кыпчакско-половецкой подгрупп, т. е. подгрупп исторически более древних следующими характерными признаками: а) отсутствием фонемы *ч* и заменой этого звука звуком *ш*, а звука *ш* звуком *с*, например *қаш-* 'убегать' < *қач-*, *қыс* 'зима' < *қыш*; б) наличием чередования в зависимости от соседних согласных звуков *м/б/п*; в) наличием чередования также в зависимости от позиции согласных *л/д/т* и др.

Каракалпакский же язык внутри кыпчакско-ногайских языков вместе с ногайским отличается от казахского и других языков этой подгруппы следующими признаками: а) отсутствием чередования звуков *л/д/т* в зависимости от соседнего предыдущего согласного, которое характерно для казахского языка (ср., например, в каракалпакском и ногайском *таслар* вместо казахского *тастар* 'камни'); б) морфологическими признаками, в частности наличием формы причастия будущего времени на *-аджақ/-еджақ*, которая отсутствует в казахском языке, и т. д.

В настоящее время на каракалпакском языке издана значительная оригинальная и переводная литература, в том числе переводы произведений классиков марксизма-ленинизма, составлены учебники для начальной и средней школы; на нем ведется преподавание в средней школе и частично в Учительском и Педагогическом институтах, осуществляются постановки в национальном театре и ведутся радиопередачи.

УЗБЕКСКИЙ ЯЗЫК

Узбекский язык — язык основного населения Узбекской ССР.

Современный народный разговорный язык представлен множеством диалектов и говоров, которые, по классификации А. К. Боровкова, разделяются на две группы:

1. Среднеузбекские, или «окающие» диалекты, к которым принадлежат говоры городских центров и прилегающих к ним районов (Ташкент, Самарканд, Бухара, Катта-Курган, Карши, Джизак, Андижан, Коканд, Маргелан, Наманган и др.). Эта группа диалектов характеризуется следующими основными признаками: а) наличием только шести гласных фонем (*и, ў, э, у, о, а*) вместо девяти в других диалектах, б) наличием лабиализованного гласного *â* — орфографически *о* — замещающего *а* других диалектов, в) отсутствием сингармонизма.

2. «Акающие» диалекты и говоры, характеризующиеся противоположными по отношению к «окающей» группе признаками: а) наличием от восьми до десяти гласных, б) гласным *а* вместо *â*(*о*), в) наличием сингармонизма. Эта группа распадается на две подгруппы: а) «йокающую», или северо-западную подгруппу (южно-хорезмские говоры и южно-казахстанские говоры Туркестана, Чимкента, Кара-Булака, Манкента и др.), которая, кроме общих признаков, характеризуется наличием начального согласного *й*, например, в словах *йол* 'дорога', *йан* 'бок'; б) «джокающую», или южную подгруппу (говоры долины Кашка-Дарьи, Самаркандской области, отдельных районов Узбекистана), которая характеризуется начальным согласным *дж* вм. *й*, например, *джол* 'дорога', *джан* 'бок' и др.

Формирование народного узбекского языка следует отнести к XV в. К этому же времени относится и образование литературного староузбекского (чагатайского) языка, в основе которого лежали литературный язык Караханидского государства и огузо-кыпчакский литературный язык, возникший в XII в. на Сыр-Дарье. Создателем староузбекского литературного языка был великий узбекский поэт Алишер Навои (1441—1501 гг.). Узбекский же разговорный язык сформировался также, с одной стороны, на основе языков древних уйгурских, тюргешских, чигильских и карлукских племен, а с другой — на основе языка огузов и кыпчаков,

главным же образом кыпчаков, входивших частично в состав улуса Чагатая и в состав Большой ногайской орды. Кроме того, немалую роль в создании народного разговорного, а также письменного языка сыграли древние аборигены Средней Азии, ираноязычные племена. Следовательно, многодиалектность узбекского языка, резкие различия диалектов между собой и значительные расхождения между узбекским языком, с одной стороны, и другими тюркскими языками — с другой, объясняются главным образом пестрым составом этнических групп, участвовавших в этногенезе узбеков.

Итак, уточняя место узбекского языка в системе тюркских языков, мы должны отнести его к особой карлукской группе западной ветви языков тюркской системы, объединяющей три последовательно возникших древних литературных языка: 1) язык Караханидского государства (уйгуро-карлукский), относящийся к X—XI вв.; 2) язык на огузо-кыпчакской основе, который представлен в произведениях Ходжи Ахмета Ясави (XII в.); 3) староузбекский язык XV в. и два современных живых языка — узбекский и новоуйгурский.

Кроме общих признаков, характеризующих тюркские языки карлукской группы западной ветви тюркских языков, узбекский язык имеет специфические черты, выделяющие его внутри данной группы, т. е. отличающие его от второго языка этой группы — уйгурского, а именно: а) наличие шести гласных фонем вместо восьми-девяти в уйгурском; б) наличие в большинстве диалектов лабиализованного *â* вместо *а* в уйгурском; в) отсутствие сингармонизма в большинстве городских говоров узбекского языка в отличие от уйгурского языка, где сингармонизм сохранился; г) конвергенция $Л_1$, $Л_2 > l$ и все другие расхождения (см. уйгурский язык).

После Великой Октябрьской социалистической революции узбекский язык на первых шагах своего развития в новых условиях автономного социалистического государства пользовался арабским реформированным письмом, которое было вскоре заменено латинизированным, а затем алфавитом на русской основе. Новая русская графика способствует успешному развитию узбекского языка, опирающегося на прогрессивные говоры городского населения. На основе узбекского литературного языка выросла большая художественная, научная и общественно-политическая литература.

УЙГУРСКИЙ ЯЗЫК

Современный уйгурский язык представлен двумя литературными языками: 1) литературным языком советских уйгуров, в основе которого лежат северные диалекты уйгурского народного языка; данный литературный язык имеет с 1946 г. письменность на основе русской графики и 2) литературным языком уйгуров Синьцзяна, который основан, главным образом, на южных диалектах, хотя окончательная его стабилизация ещё не закончилась; этот язык пользуется старой арабской письменностью. Кроме того, народный разговорный язык представлен множеством диалектов, которые в основном распадаются на четыре группы.

Первую группу, южных диалектов составляют кашгаро-яркендский диалект с янги-хисарским говором, хотано-керийский диалект с черченским говором, аксуйский диалект. Общими основными признаками этой группы диалектов являются: а) отсутствие полной дифференциации между гласными *и* и *ы*; б) переходы сочетаний: *ир* > *иж*, *ийт* > *ишт*; в) палатализация и переход *т* > *ч*, например *түш* > *чүш* ‘падать’, *тиш* > *чиш* ‘зуб’, т. е. перед узкими губными и негубными гласными, находящимися в позиции перед шипящими; г) переход *с* > *ч* перед узкими гласными: *сизик* > *чизик*; д) устойчивость *ғ*/*к* в интервокальной позиции и др.

Вторую группу, северных диалектов составляют: куча-турфанский диалект (Карашар, Куча, Турфан, Комул или Хами и др.); таранчинский, или кульджинский диалект, на котором также говорят и уйгуры Советского Союза. Основными общими признаками этой группы диалектов являются: а) наличие двух фонем *и* и *ы*; б) озвончение *қ* и *к* между гласными; в) переход в некоторых говорах *ӳ* > *г*: *әггел* вм. *әӳӳел* (турф.).

Третью группу диалектов уйгурского языка составляет один лобнорский диалект, который характеризуется: а) чередованием *л/д/т/з* в аффиксах и основах в зависимости от соседнего согласного, ср., например, *қызззар* < *кызлар* 'девушки', *таштап* < *ташлап* 'бросив'; б) чередованием *м/б/п*, *баспады* < *басмады* 'не надавил' и др.; в) регрессивной ассимиляцией *тс* > *сс*, *унусса* < *унутса* 'если он забудет' и др.

Четвертую группу представляют два ганьсуйских диалекта: саларский и сары-уйгурский. Оба эти диалекта резко отличаются от других уйгурских диалектов и говоров и относятся по существу к другой классификационной группе, а именно: к северо-восточной, или уйгурской группе тюркских языков. Основными характеризующими их признаками являются: а) отсутствие начальных звонких согласных, например, *пас* вм. *баш* 'голова'; б) переход *ш* > *с*, например, *тас* вм. *таш* 'камень'; в) переход *ч* > *ш*, *аш* вм. *ач* 'открывать'; г) переход *й* > *д* в середине слова, например, *адақ* вм. *айақ* 'нога'; д) переход *й* > *дж*: *джыл* вм. *йыл* 'год'.

Процесс формирования уйгурского языка в основных чертах повторяет историю узбекского языка, но характеризуется вместе с тем и некоторыми отличительными особенностями, вытекающими главным образом из особенностей этнического состава уйгурского народа, в частности из меньшего количества кыпчакских элементов и более интенсивного участия в этногенезе уйгуров восточных древнеуйгурских племен.

Обладая общими признаками с узбекским языком, по которым и тот и другой языки могут быть отнесены к карлукской группе тюркских языков, уйгурский язык вместе с тем имеет и специфические черты, отличающие его от узбекского языка. К последним относятся следующие: а) сильная редукция широких гласных *а*, *э*, *е* в безударной позиции в середине слова, например, *балалары* > уйг. *балилири//баллири* 'его дети'; б) закон обратного влияния узких гласных второго слога на широкие гласные первого слога, например, *ал* 'брать, взять'; *елиш* 'взятие' вм. *алиш*, *кәт* 'уходить', *кетиш* 'уход' вм. *кәтиш*; в) выпадение в произношении согласных *р*, реже *л* и *й* в конце слов и перед согласными, например, *қар* > *қа(р)* 'снег', *қарга* > *қа(р)-га* 'ворона', *болса* > *бо(л)са* если он будет': г) палатализация передне- и заднетвердонебных согласных (по диалектам), например, *ким* > *чим* 'кто'. Кроме того, уйгурский язык имеет значительные расхождения с узбекским языком также и в области морфологии.

Уйгурский язык является языком уйгурского населения Узбекской ССР, Казахской ССР и Киргизской ССР, обеспеченного в условиях Советского Союза своим литературным языком и письменностью на основе русской графики. На уйгурском языке издаются газеты, учебники и литература. Уйгурский язык является языком населения Синьцзяна — обширной по площади области Китайской Народной Республики.

ИРАНСКИЕ ЯЗЫКИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Картина современного распространения языков на территории Средней Азии является результатом многовековых процессов взаимодействия различных этнических групп, часть которых бытовала здесь уже в глубокой древности, а другие, распространяясь в этих районах позднее, подвергались влиянию со стороны прежних насельников и сами в свою очередь изменяли этническую и лингвистическую карты этой территории.

Известным нам древним языкам Средней Азии, засвидетельствованным в историческое время и относящимся к иранской семье индоевропейской общности — согдийскому, хорезмийскому, бактрийскому, сакскому, парфянскому, бытовавшим на этой территории уже по крайней мере с начала I тысячелетия до н. э., в более ранний период предшествовали языки других систем, оставившие некоторый след в топонимике этих районов. Точных данных для характеристики этих языков у нас нет; некоторые исследователи склонны признавать их родственными современному вершикскому (буршикскому) языку на территории нынешнего Кашмира. Не лишено, однако, вероятности, что доиндоевропейские языки Средней Азии были связаны с дравидийскими языками — на это может указывать широкое распространение дравидийских языков в соседней северо-западной Индии во II — начале I тысячелетия до н. э., где они оставили заметный след в лексике санскрита, одного из древнеиндийских языков (родственных древнеиранским языкам Средней Азии).

Во II тысячелетии до н. э. иранские и индийские языки были еще весьма близки друг к другу, составляя одну группу индоиранских (иначе — арийских) диалектов. Внутри индоевропейской языковой общности эта группа, на основании ряда изоглосс, относится к восточной ветви, включающей в себя, помимо индоиранских языков, также балтийские, славянские, греческий (во многом к ним примыкают армянский, а также фракийский и фригийский).

Период от I тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия н. э. характеризуется распространением иранских языков на всей территории Средней Азии, как в степных, так и в горных районах,— никаких данных, которые позволяли бы судить о сохранении доиндоевропейских диалектов на этой территории в указанный период, нет. Уже со второй трети I тысячелетия до н. э. устанавливается разделение иранских языков на две большие группы — западные (к западу от Дашти Кавир), являющиеся потомками диалектов иранских племен, переселившихся в начале I тысячелетия до н. э. в западный и юго-западный Иран, и восточные, распро-

страненные к востоку от Дашти Кавир — в Средней Азии и восточном Иране.

Начиная с VI—VII вв. н. э. восточноиранские языки Средней Азии, оказавшие (как, например, согдийский и хорезмийский) большое влияние на языки и культуру соседних народов, стали вытесняться персидско-таджикским и тюркскими языками. Уже в V—VI вв. н. э. парфянский язык был вытеснен из Хорасана, а бактрийский из Тохаристана (по крайней мере из городских центров), и персидско-таджикский язык начал проникать в районы к северу от Аму-Дарьи. После арабского завоевания персидско-таджикский язык довольно быстро сменил в городских центрах (в первую очередь в Самарканде и Бухаре) согдийский и оказывал отсюда влияние на диалекты сельских местностей.

Следует при этом подчеркнуть, что прежние носители восточноиранских языков (согдийцы, бактрийцы и др.) в период распространения персидско-таджикского языка никуда не переселялись, не исчезали бесследно, а оставались в большинстве случаев на своих местах. Не происходило и многочисленного переселения завоевателей — арабов и персов (главным образом хорасанцев), входивших в состав арабских войск и арабской администрации на правах маула (клиентов)[1].

Некоторые перемены в этническом составе завоеванной территории имели место лишь в городах, куда устремились из западных областей халифата купцы и ремесленники.

Тюркоязычные племена проникали на территорию Среднеазиатского междуречья и до VI в. н. э., однако, по-видимому, только с периода господства Тюркского каганата (VI в.) они начинают существенным образом влиять на этническую карту интересующих нас районов. Как можно судить по согдийским источникам, уже в конце VII в. н. э. тюрки играли значительную роль в городской жизни Самаркандского Согда[2]. Для западных и южных районов Средней Азии резкое усиление влияния тюркоязычного населения связано с образованием государств Караханидов (конец X — начало XI в.) и Сельджукидов (с середины XI в.). Значительная часть тюркских кочевников переходила к оседлости и смешивалась с местным ираноязычным населением. На тюркскую речь переходили согдийцы в колониях Семиречья, где они в течение ряда веков были окружены тюркоязычным населением. Распространение тюркских языков шло также в областях Ферганы (уже в VI—VII вв.) и Чача, в долинах Зеравшана и Кашка-Дарьи. На территории Хивинского оазиса в XIV в. совершенно исчезает хорезмийский язык, заменяясь наречием юго-западной (огузской) группы тюркских языков. Интенсивно шел процесс тюркизации районов современной Туркмении.

Начиная с XV в. можно отметить новый этап в тюркизации Средней Азии — широкое проникновение тюркской речи в городские центры, сначала в районах по нижнему течению Сыр-Дарьи, затем в Ферганской долине и долине Зеравшана. Важно отметить, что — как и в случае с распространением таджикского языка — тюркизация ряда областей Средней Азии не сопровождалась решительными изменениями в этническом составе населения.

Приток новых тюркоязычных племен знаменовал собой, как правило, начало или завершение данного процесса, однако физической смены населения не наступало — основную массу складывающихся тюркских народов (например, узбеков, туркмен) составляли местные, ранее ираноязычные народности — согдийцы, хорезмийцы, парфяне и др. В этом

[1] Арабы, живущие в ряде селений на территории Узбекистана и Таджикистана (последние не сохранили арабского языка), являются не потомками арабских завоевателей VII—VIII вв., а позднейшими переселенцами из Сирии и Месопотамии.

[2] По данным мугских документов, в период 693—708 гг. правителем Пенджикента был тюрк по имени Чыкин Чур Бильга.

заключается важнейшая особенность этногенеза как таджикского, так и большинства тюркских народов Средней Азии.

Подобно тому как взаимодействия языков на территории Средней Азии приводили к смене одного языка другим или к их взаимному изменению (независимо от свойственного каждому из них самостоятельного исторического развития), так и взаимодействие говоров в пределах одного и того же языка непрерывно изменяло существующие говоры. В ориентации на языковые нормы городских и административных центров создаются смешанные типы; усиление социально-экономических связей (перекрестные браки, вхождение в одну и ту же административную единицу, новые пути сообщения, возникновение новых экономически объединяющих центров) на территории с различными говорами ведет к нивелированию этих говоров (пример подобного нивелирования — дарвазские говоры таджикского языка).

Развитие культур, национальных по форме и социалистических по содержанию, создало возможности к беспрепятственному развитию языка каждой из наций среднеазиатских республик и уничтожило неравноправие языков, бывшее следствием неравноправия политического и экономического.

Превращение среднеазиатских республик из областей с отсталыми формами сельского хозяйства в индустриально-аграрные и, как следствие этого, усиление межрайонных и межобластных экономических связей и возникновение ряда новых экономических и культурных центров способствовало ликвидации прежней языковой замкнутости отдельных районов. Культурная революция, ликвидация неграмотности, развитие письменности, прессы, радио привело к значительному изменению взаимоотношений говоров и письменных языков. Применительно к иранским языкам Средней Азии это сказалось в новых формах развития таджикского литературного языка в годы Советской власти, в расширении сферы его использования, во все большем его влиянии на другие иранские среднеазиатские языки, а также в обогащении словаря таджикского языка русской и советско-интернациональной лексикой.

Таковы краткие предварительные замечания, которые следует предпослать обзору отдельных иранских языков Средней Азии, как древних (язык Авесты, согдийский, хорезмийский, бактрийский, сакский, парфянский), так и современных (таджикский, ягнобский, памирские, белуджский, курдский).

ДРЕВНИЕ ЯЗЫКИ

Язык Авесты

Язык Авесты, древнейшего из дошедших до нас памятников Средней Азии и восточного Ирана, может быть отнесен к восточной группе иранских языков. Авеста — памятник неоднородный по времени и месту создания отдельных частей. Он дошел до нас как собрание священных текстов зороастризма — религии, возникшей еще в начале 1 тысячелетия до н. э. Старейшие по языку и лучше других сохранившиеся метрические части Авесты — *Гаты* (*gāθā*) принадлежат, по всей вероятности, самому основателю религии — Зороастру (*Zaraθuštra*), деятельность которого следует скорее всего относить к периоду VIII—VII вв. до н. э. и к территории, которую занимала конфедерация восточноиранских племен, руководимая хорезмийцами[1].

Другие части Авесты составлялись в различных областях, многие из них в период, когда авестийский язык был уже мертвым. Среди этих частей особое значение имеют *Яшты* — гимны, посвященные обожествленным силам природы и небесным светилам (солнцу, луне, ветру и др.).

[1] *Airyanəm vaējō* — Эран-веж позднейших источников, область, в которой Зороастр впервые выступил с проповедью своего учения, отождествляется с Хорезмом.

В Яштах, по содержанию во многом перекликающихся с древнеиндийскими Ведами, наиболее четко отразились мифологические и религиозные представления древних скотоводческих племен Средней Азии в период, предшествовавший проповеди Зороастра. Авеста сохранила отрывки ряда эпических сказаний, имевших широкое распространение среди восточноиранских племен; некоторые из этих сказаний мы находим много позднее в гениальной поэме Фирдоуси «Шахнаме» (X в. н. э.). Сохранение образов и сюжетов авестийской мифологии в творчестве народов Средней Азии подтверждается также историческими источниками и данными археологических раскопок. Метрика поэтических частей Авесты близка метрике ряда форм современной таджикской народной поэзии.

Тексты Авесты в течение многих веков сохранялись в устной передаче. Первая запись Авесты была произведена, по-видимому, лишь при парфянском царе Валкаше I (I в. н. э.). В IV в. н. э. в сасанидском Иране тексты Авесты были записаны вновь, причем для этой записи был создан на основе среднеперсидской письменности особый алфавит (так называемый авестийский), с помощью которого были зафиксированы все оттенки традиционного произношения авестийских текстов. Следует иметь в виду, что кодификация и редактирование Авесты производились жрецами, для которых авестийский язык был уже мертвым, что не могло не приводить к искажениям первоначального текста. В сасанидское же время были осуществлены перевод Авесты на среднеперсидский язык (письменно-литературный язык сасанидского Ирана) и составление комментария (*zand*). Старейшие из сохранившихся рукописей Авесты относятся к XIV в. н. э.

Язык Авесты — древнейший из известных иранских языков. По своему грамматическому строю и лексике он весьма близок к древнеиндийским диалектам (особенно к ведическому санскриту). Авестийский язык имеет развитую систему именной и глагольной флексии, многообразие типов именных и глагольных основ. Чередование гласных, как и в других древних индоевропейских языках, выступает как средство выражения грамматических значений. Система склонения имен насчитывает восемь падежей, окончания которых зависят от грамматического рода (мужской, женский, средний), типа основы (основы с исходом на *-ă*, *-ĭ*, *-ŭ*, на согласный и др.) и числа (единственное, двойственное, множественное). В глаголе различаются два залога (активный и средний); пять наклонений; времена настоящее, прошедшее (имперфект и аорист), перфект, давнопрошедшее: *baraiti* 'он несет', *barāt* 'пусть он принесет' (конъюнктив), *barōit* 'да принесет он' (оптатив), *bara* 'неси' (императив), *ǰaini* 'он был ударен' (аорист со значением пассива). Личные глагольные окончания различаются по числам (единственное, двойственное, множественное), а также зависят от типа формы — *особые окончания свойственны настоящему времени*, прошедшему, перфекту и императиву. Некоторые характерные признаки исторической фонетики авестийского присущи и другим иранским языкам, однако по совокупности этих признаков язык Авесты занимает изолированное положение, так что ни один из известных для более позднего времени иранских языков не может рассматриваться как прямой потомок авестийского. Материала для сравнения особенностей грамматического строя почти нет, поскольку другие восточноиранские языки представлены гораздо более поздними памятниками. В лексике авестийских текстов отмечается ряд характерных совпадений с хорезмийским и (в меньшей степени) с согдийским языками[1].

Различия между языком Гат Авесты и языком позднейших ее частей (именуемым часто «младоавестийским»— язык «Младшей Авесты») в значительной степени объясняются различными условиями возникновения,

[1] Наименование языка Авесты «древнебактрийским», частое в литературе конца XIX в., сейчас, после обнаружения памятников бактрийского языка, должно рассматриваться как ошибочное.

передачи и записи авестийских текстов. Архаичность языка Гат сравнительно с другими частями Авесты зависит прежде всего от бережного отношения традиции и редакторов Авесты к Гатам, рассматриваемым как творчество самого Зороастра. Известный отпечаток на язык Гат наложили и особенности поэтического творчества. В то же время ряд признаков, отличающих по языку Гаты от других авестийских текстов, должен быть отнесен к числу древних диалектных различий.

Следующий период в истории среднеазиатских иранских языков, обнимающий свыше десяти столетий (III—II вв. до н. э.—VII—VIII вв. н. э.), представлен письменными памятниками значительно лучше. От этого периода до нас дошли тексты на согдийском, хорезмийском, сакском, бактрийском и парфянском языках. Широкое распространение на территории Средней Азии получают в этот период письменности, возникшие на основе арамейского алфавита.

Согдийский язык

Основная территория распространения согдийского языка в древности — долины Зеравшана и Кашка-Дарьи. На согдийском языке говорили также жители Уструшаны (область между Самаркандом и Ходжентом), часть населения Ферганской долины и Чача (современный Ташкент).

В первые века нашей эры этот язык проник далеко на восток от Согда — в Семиречье и в оазисы Китайского Туркестана, где согдийцы основали ряд торговых колоний на трассе «Великого шелкового пути», соединявшего восточный берег Средиземного моря с Китаем. Распространенный на столь обширной территории, согдийский язык в период IV—X вв. н. э. дробился на ряд диалектов и говоров. Из числа этих диалектов наибольшее значение имел самаркандский, легший в основу письменного согдийского языка и бывший в течение нескольких столетий важнейшим языком литературы, науки, религии и международной торговли на территории Средней и Центральной Азии.

Как и большинство других древних письменностей Ирана, Закавказья и Средней Азии, согдийское письмо возникло из арамейского. Арамейский язык и арамейское письмо, широко употреблявшиеся в странах древнего Переднего Востока, были приняты в качестве официальных и в государстве Ахеменидов, в том числе и в восточных его областях — в восточном Иране, Средней Азии и северо-западной Индии.

После крушения Ахеменидской державы арамейский язык как язык канцелярий в течение двух столетий продолжал еще по традиции употребляться в этих областях, однако постепенно число писцов, знавших арамейский, сокращалось, и во II в. до н. э. он вовсе вышел из канцелярского обихода. К IV—II вв. до н. э. относится возникновение местных письменностей, развившихся на основе арамейской[1]. Введение в письменный обиход местных языков происходило таким образом, что часть слов, в первую очередь наиболее употребительные: предлоги, местоимения, союзы, наречия, а также некоторые существительные, прилагательные и глаголы, продолжали по традиции писаться по-арамейски. Это так называемые идеограммы, чисто графические символы, скрывающие под арамейским написанием реальное звучание слова. Например, в согдийской письменности *ZK* (арамейское указательное местоимение) пишется для обозначения согд. *xō* (именительный падеж мужского рода ед. ч. указательного местоимения и артикля), *ZKw* — для обозначения согд. *awu* (форма винительного падежа этого же местоимения), *RB* — согд. *mazēx* 'великий', *BRY* — согд. *zāte* 'сын', *YWM* — согд. *mēθ* 'день', *HZYH* — согд. *wēnt* 'он видит'.

Старейшие из дошедших до нас памятников согдийской письменности — краткие надписи на монетах — относятся ко II в. н. э. Началом IV в.

[1] В Бактрии местная письменность возникла на основе греческого алфавита (см. стр. 142).

н. э. датируются так называемые «старые письма», найденные в развалинах сторожевой башни к западу от Дунь-Хуана, одной из крупнейших согдийских торговых колоний в Китайском Туркестане. Эти памятники показывают, что к началу IV в. н. э. уже сложились основные нормы согдийского письменного языка, сохранявшиеся по крайней мере до X в. Алфавит, которым написаны «старые письма», еще довольно близок к арамейскому прототипу. К началу VII в. вырабатывается курсивное согдийское самаркандское письмо, характерное для памятников VIII—X вв. Согдийский курсив был заимствован уйгурами, уйгуры передали письменность монголам, последние — маньчжурам.

Наибольшее число согдийских памятников открыто в оазисах Китайского Туркестана. В большинстве своем они относятся к IX—X вв. н. э. Это религиозные тексты, переписывавшиеся в общинах буддистов, манихеев и христиан, а также небольшое число отрывков из произведений светской литературы. На территории самого Согда памятники художественной и научной литературы, написанные согдийским алфавитом, были уничтожены во время арабского завоевания. Фрагменты сказания о Рустеме, несколько отрывков сказочных и поэтических текстов и трактат о чудесных свойствах камней, найденные среди согдийских памятников в Китайском Туркестане,— вот все, что дошло пока до нас от согдийской художественной и научной литературы. Но и эти немногочисленные сохранившиеся памятники свидетельствуют о большой роли согдийцев в сложении эпоса народов Средней Азии и восточного Ирана, о длительной и богатой фольклорной и литературной традиции согдийцев, оказавшей известное влияние и на развитие таджикско-персидской литературы.

На территории Согда большое собрание памятников согдийского языка было открыто в 1932—1933 гг. экспедицией под руководством проф. А. А. Фреймана при раскопках замка на горе Муг (120 км к востоку от Самарканда). Среди этих текстов, относящихся ко второй четверти VIII в. н. э.,— переписка Деваштича, правителя Пенджикента, погибшего в 723 г. в борьбе с арабскими завоевателями; юридические документы (договоры), хозяйственные записи.

Фонетический состав согдийского языка по основным признакам сближает его с другими восточноиранскими языками — отсутствие фарингального *ḥ*, переход древних звонких взрывных *b*, *g*, *d* в звонкие щелевые β, γ, δ, переход сочетаний *-ft-*, *-xt-*, *-st-*, *-fn-* в *-βd-*, *-γd-*, *-zd-*, *-βn-*. К главным особенностям исторической фонетики согдийского языка относятся: неустойчивость *r* в ряде фонетических позиций (например, согд. *pətfəs-* 'читать' из древнего *patiparsa-*); переход древних сочетаний *θr* и *sr* в *š* (*āš* 'огонь' из *āθr-*, *γōš* 'металл' из *gauθra*; *xwaša* 'теща' из *hwasrū-*; *šəšk* 'слеза' из *sraska-*), *δr* в *ž* (*žaw* 'волос' из *draw-*, *žūk* 'крепкий' из *druwaka-*). Специфическим для согдийского является также противопоставление «легких» и «тяжелых» основ, связанное с характером ударения в древнесогдийском: именные и глагольные основы, содержащие один краткий гласный, сохраняют гласный грамматического окончания, тогда как основы, имеющие в своем составе долгий гласный или основы двусложные (два гласных), теряют гласный грамматического окончания. Эта закономерность, установившаяся в согдийском языке примерно в V—VI вв. н. э., во многом определяет характер именной и глагольной флексии.

Имена существительные, прилагательные и некоторые разряды местоимений характеризуются наличием категории рода (мужской — женский) и трех основных падежных форм — именительный, родительно-дательный и винительный, флексия которых различается в зависимости от рода и характера основы. Памятники, не связанные традицией и потому более ясно отражающие согдийскую речь IX—X вв. (манихейские и христианские тексты, написанные разновидностью сирийского письма), показы-

вают, что постепенно трехпадежная система склонения свелась к двухпадежной (прямой и косвенный падежи).

В согдийском языке имелась категория определенного артикля, игравшая важную роль в выражении рода и падежных отношений имен существительных. Для уточнения падежных отношений выступали и многочисленные предлоги и послелоги: *ač*, *čon* 'от, из' (самостоятельно или в сочетании с послелогом *-sa*); *δan*, *δon* 'с'; *ram* 'вместе с' (самостоятельно или с послелогом *parēw*); *at*, *ku* 'к, по направлению', *par*//*paru* 'на, к, в'; *-βēk* 'наружу, от' и др.

Для глагольных форм характерно образование прошедшего времени (имперфекта) от основы настоящего времени: *ϑβaram* 'я даю', *ϑβarē* 'ты даешь', *ϑβarti* 'он дает'—*ϑaβaru* 'я дал', *ϑaβari* 'ты дал', *ϑaβar* 'он дал'. Различались флективные формы изъявительного, сослагательного (*βarān.* 'если я унесу', *kunāt* 'если он сделает'), желательного (*wēnē* 'чтобы я, ты, он видел') и повелительного наклонений (*kuna* 'делай', *nγōš* 'слушай').

Сложные личные глагольные формы образовывались сочетанием причастия прошедшего времени со вспомогательными глаголами: претерит непереходных глаголов (*nižt-im* 'я вышел', где *nižt* — причастие от *niž*, а *im* — глагол-связка 1 лица ед. ч.); пассивный претерит переходных глаголов (*ăžit-im* 'я рожден'); перфект (*nižte im* 'я вошел', *ϑβart δāram* 'я дал', где *δār* — 'иметь', вспомогательный глагол для образования переходного перфекта); потенциальная форма, образованная с помощью вспомогательных глаголов *kun-*, *wan-* 'делать' и *βaw-* 'становиться, быть' (*azu ϑβart na kunam* 'я не могу дать').

По-видимому, уже в VII в. н. э. согдийский язык уступил часть своей территории таджикскому (персидскому) и тюркским языкам. После арабского завоевания процесс поглощения и вытеснения согдийского языка усиливается. Однако в первой четверти VIII в. н. э., как показывают памятники с горы Муг, согдийский был еще основным языком населения долины Зеравшана. Об этом же свидетельствует и историк Наршахи, из сообщений которого видно, что в 713 г. жители г. Бухары говорили по-согдийски. В это же время писцы в Хорасане еще изучают согдийский (наряду с арабским), продолжавший, следовательно, сохранять значение языка международной торговли.

В IX—X вв. большая часть населения городов Средней Азии уже перешла на таджикскую речь. Самарканд и Бухара становятся в X в. важнейшими центрами развития таджикской письменности и литературы. Однако и в это время согдийский язык сохраняется в сельских местностях, в том числе в ближайших к Бухаре и Самарканду селениях. По свидетельству арабского географа Мукаддаси, еще в конце X в. в бухарских рустаках (сельских округах) говорили по-согдийски: «... у согдийцев есть свой язык; на него похожи языки бухарских рустаков; они очень различны. Их там понимают, я видел славного имама Мухаммеда ибн-Фадля, который хорошо говорил на них». О том же сообщает и другой автор X в. — Ахавайни, уроженец Бухары, приводящий рядом слова на языках согдийском (имеется в виду диалект Самарканда), бухарском (согдийский диалект Бухары) и фарси (персидско-таджикский).

В горных областях по верхнему Зеравшану согдийская речь сохранялась и много позднее, по крайней мере до XIII—XIV вв. В труднодоступной долине р. Ягноб один из согдийских диалектов сохранился до наших дней (см. стр. 149).

Длительное сосуществование согдийского языка с таджикским оставило след в лексике таджикского языка. Из согдийского в таджикский вошли такие слова, как *огоз* 'начало', *нагз* 'хороший', *рог* 'равнина, низина', *чагз* 'лягушка', *чуғд*, *чугз* 'сова', *чорхушт* 'пресс для выжимания виноградного сока', *-ғом* 'цвет' (в составе сложных слов) и др. Некоторые согдийские слова проникли в таджикский через тюркское посредство

(например, согд. *xarlare* 'мул', тюрк. *qatir*, *qečir*, тадж. *хачир*). Согдийские названия, в первую очередь сложения с *-канд/-кат* 'город' и *метан*— 'селение', широко представлены в топонимике ряда районов Средней Азии (долина Зеравшана, Фергана, Семиречье).

Тюркизация согдийских поселений в Семиречье и Китайском Туркестане привела к полному исчезновению согдийского языка в этих районах. По свидетельству Махмуда Кашгарского, во второй половине XI в. жители Баласагуна и других городов Семиречья были уже двуязычны («говорят они по-тюркски и по-согдийски»). Заимствования из согдийского в тюркские языки, равно как и из тюркских в согдийский, прослеживаются уже в памятниках VIII в.

Хорезмийский язык

Хорезмийский язык, относящийся, как и согдийский, к восточной группе иранских языков, до VII—VI вв. до н. э., в период существования конфедерации восточноиранских племен, возглавлявшейся хорезмийцами, был распространен, по-видимому, на обширной территории, включавшей в себя не только собственно Хорезм (нижнее течение Аму-Дарьи), но и часть Мервского оазиса (древняя Маргиана), а также прилегающие районы. Хорезмийский язык этого времени распадался на ряд диалектов, существование которых отразилось и в письменных памятниках, относящихся к гораздо более позднему периоду.

Древнейшим образцом письменности, открытым на территории Хорезма, является надпись на фрагменте сосуда, найденном на городище Кой-Крылган-кала. Эта надпись, выполненная письмом арамейского происхождения и датируемая III—II вв. до н. э., является старейшим письменным памятником и для всей территории Средней Азии.

Дальнейшее развитие хорезмийской письменности засвидетельствовано текстами конца III—IV вв. н. э., открытыми при раскопках дворца хорезмшахов в Топрак-кале и публикуемыми проф. С. П. Толстовым. Письмо этих текстов довольно близко к парфянскому письму того же периода. Как и в других среднеазиатских письменностях арамейского происхождения, в хорезмийской употреблялись арамейские идеограммы (например, арамейское написание *MN* для хорезмийского предлога (*h*)*ac* 'из, от', арам. *BŠNT* для хорезм. *sard* 'год').

Памятниками хорезмийской письменности доисламского периода являются и документы VIII в., найденные в самое последнее время Хорезмской экспедицией, а также надписи на монетах (самые поздние — VIII в. н. э.) и серебряных сосудах. Источники сообщают о существовании в Хорезме обширной исторической и научной литературы, а также хорезмийских эпических сказаний.

Арабское завоевание Хорезма и уничтожение памятников древней хорезмийской письменности привели к возникновению уже в X—XI вв. письма на основе арабско-персидского алфавита, приспособленного для передачи хорезмийской фонетики.

До конца XIII в. хорезмийский язык сохранял свое значение не только как разговорный, но и как один из письменных языков (наряду с арабским и таджикским). Двумя столетиями раньше этот язык широко употреблялся при дворе хорезмшахов[1].

Небольшое количество хорезмийских слов и фраз содержится в сочинениях XI—XIV вв., написанных на арабском языке, а также и в более ранних трудах арабских географов. Как можно судить по произведениям

[1] Ср. рассказ ал-Бируни о событиях, предшествовавших завоеванию Хорезма Махмудом Газневидским (1017 г.), сохранившийся в сочинении Бейхаки: «Якуб Дженди... написал записку хорезмшаху на хорезмийском языке, написал много плохих слов об эмире Махмуде и раздувал огонь смуты. К числу редких и удивительных вещей принадлежит то, что после этих трех лет, когда эмир Махмуд взял Хорезм и рассмотрел бумаги дворца, эта записка попала в руки Махмуда. Он велел перевести ее, разгневался и приказал повесить Дженди» («Тарихи Бейхаки», Тегеран, 1954, стр. 817).

ал-Бируни, великий хорезмийский ученый-энциклопедист, писавший свои сочинения на арабском языке, хорошо знал и хорезмийскую письменность, в частности, те ее особенности, которые отличают хорезмийское письмо от персидско-арабского (различия в обозначении ударных и безударных гласных и др.).

Основные источники для изучения хорезмийского языка средневековья относятся к XII—XIII вв. Это хорезмийская версия арабского толкового словаря «Муккадимат ал-адаб», составленного около 1135 г. хорезмийским ученым Махмудом Замахшари, и хорезмийские фразы, имеющиеся в арабском тексте юридического сочинения «Кунйат улмунйа», составленного в XIII в. известным хорезмийским юристом Мухтаром ал-Захиди. Изучение этих источников А. А. Фрейманом и В. Б. Хеннингом позволило установить основные черты грамматического строя хорезмийского языка и определить его место среди восточноиранских языков. Подобно согдийскому и большинству современных восточноиранских языков, в хорезмийском древние *b*, *g*, *d* перешли в спиранты β, γ, δ (ср., например, согд. *wuδ* 'жена', хорезм. *wuδ*; согд. *βāγ* 'сад', хорезм. *βāγik*), сочетания *xt* и *ft* развились соответственно в *γd* и *βd* (хорез. *δuγd* 'дочь', *aβd* 'семь'). Вместе с тем по некоторым историко-фонетическим признакам хорезмийский отличается от согдийского: наличие аффрикат *c* и *dz* (признак, сближающий хорезмийский с сакским и осетинским); подобные парфянскому переходы древних групп *θr* в *hr* (хорезм. *hrišis* 'тринадцать', парф. *hrē* 'три') и *θw* в *f* (хорезм. *cafār* 'четыре', парф. *čafār*, др. *čaθwāra-*, ср. согд. *čtfār*, *tfār*, осет. *cuppar*); переход *š* в *s* (хорез. *nīγōs-* 'слушать', согд. *nīγōš-* из др. *nigauša-*), развитие добавочного *y-* в словах, начинающихся с *ā-* (*yāsm* 'небо' из др. *āsm-*), и др. Характерной особенностью хорезмийского языка является передвижение ударения и, как следствие, удлинение гласного в зависимости от положения слова в предложении, например *zādīk* 'сын' — *zādík* (в конце фразы или в обособленной позиции), *apána* 'одна из жен' — *pană-mi* 'одна из моих (*-mi*) жен', ср. *hāβirda* и *hāβrída* 'он дал'.

Морфология хорезмийского языка по ряду признаков сходна с согдийской: категория грамматического рода у имен (например *urg* 'волк', *urgān* 'волчица'); определенный артикль, развившийся в хорезмийском из древнего относительного местоимения *ya-* (хорезм. *ī* — ед. ч. муж. р. и мн. ч. муж. и жен. р., *yā* — ед. ч. жен. р.); развитая система предлогов и послелогов (*c*, *ca* 'от, из', *pac* 'за, после', *fa* 'в', *par* 'на, над', послелоги *-c*, *-ci* 'от, из', *-θa*, *-θ* 'с', *-bir* 'на', *-da* 'через' и др.); образование форм прошедшего времени от основы настоящего времени (хорезм. *pācγāzinā* 'я принял' от *pacγāz-*; *mikkina* 'я сделал' от *ikk-*, ср. согд. *mančāy* 'он остановился' от *ančāy-*); широкое употребление сочетаний причастий со вспомогательными глаголами для выражения различных временных и модальных значений (сочетания с глаголом *kām* 'желать' для выражения будущего времени; перфект с глаголом *δār* 'иметь' и др.).

В склонении имен существительных в хорезмийском языке XII—XIII вв. различались три основных падежных формы — именительный, родительный и местный: ед. ч. муж. р. имен. *δβar* 'дверь', род. *δβarān*, местный над. *δβara*; ед. ч. жен. р. основ на *-a*: имен. *nāca* 'нос', род. *nāciya*, местн. *nāca*; ед. ч. жен. р. основ на *-k*: имен. *γōk(a)* 'корова', род. *γōca*, местн. *γōk(a)*. Множественное число имен мужского рода образуется в хорезмийском при помощи окончаний *-ina* и *-ci* (последнее употребляется для имен с суффиксом *-ik*: *stārik* 'звезда', мн. ч. *stārci*). Показателя множественного числа *-t*, характерного для согдийского и осетинского, в хорезмийском языке нет.

Из других морфологических особенностей хорезмийского должно быть отмечено наличие глагольного окончания 3-го лица мн. ч. *-r*, известного

для авестийского, сакского и ягнобского, но отсутствующего в письменных памятниках согдийского языка. Для хорезмийского синтаксиса характерно очень широкое употребление безударных местоимений, часто повторяющих упомянутое в предложении имя существительное (например, *hāβirnīdiyā δuγdāmi*, букв. 'я отдал ее тебе дочь мою' - 'я отдал тебе мою дочь'), а также послелогов и послеложных наречий (*wāzaytācī cāγudca ι xərāx* 'меч был извлечен из ножен', букв. 'вышел из ножен меч').

В лексике хорезмийских памятников XII—XIII вв. примечательно сохранение целого слоя слов, засвидетельствованных и в Авесте, а в ряде случаев не отмеченных в других языках, кроме авестийского и хорезмийского: *ūzanīk* 'пригород', авест. *vərəzənya-*; *rγen(d)-* 'звать, приглашать', авест. *grən-*; *wass-* 'говорить', авест. *vaša-*; *uzīra* 'появись', также в авест., *karbun* 'ящерица', авест. *kahrpuna-*, *əspandārmad* 'земля', авест. *spənta ārmaiti* и др. [1]

Основные признаки фонетики, грамматической структуры и лексики хорезмийского языка показывают, что он занимает совершенно особое место в кругу восточноиранских языков — между согдийским и осетинским, с одной стороны, сакским, афганским и памирскими — с другой.

Тюркизация Хорезма, проходившая в течение ряда столетий, привела к постепенному поглощению хорезмийского языка тюркскими среднеазиатскими языками. Процесс этот завершился, по-видимому, в XV в. Тюркские слова и целые выражения, встречающиеся в сочинении ал-Захиди (например, «если хорезмиец скажет по-тюркски: «*эр оглум*»...»), свидетельствуют о том, что население Хорезма (или по крайней мере определенная часть его) уже в XIII в. было двуязычным [2].

Хорезмийский язык оставил след в лексике узбекских говоров Хорезма (ср., например, сохранение хорезмийских терминов орошения *arna* 'большой канал', *yab* 'малый канал, арык' в этих говорах).

Сакские языки

Сакские языки и диалекты, занимавшие в древности очень большую территорию, представлены в настоящее время в Средней Азии памирскими языками (шугнано-рушанская группа, язгулямский, ваханский, ишкашимский, см. стр. 152). Памятников, фиксирующих речь древних среднеазиатских сакских племен, не сохранилось. Источники перечисляют лишь названия некоторых племен и племенных групп («саки с остроконечными шапками», «саки-хаумаварга». «саки, которые за Согдом», массагеты, дахи, со II в. до н. э.— тохары и др.), отдельные имена собственные и географические названия, свидетельствующие о том, что саки говорили на диалектах восточноиранской группы. Можно предполагать, что современные памирские языки являются потомками диалектов саков юго-востока, занимавших ранее и территории Дарваза и Каратегина.

Другая группа древних сакских диалектов была распространена в закаспийских и приаральских степях. Это — массагетские, дахские, позднее также аланские диалекты, близкие, по-видимому, к скифо-сарматским диалектам Причерноморья (о которых мы можем судить по греческим надписям) и к современному осетинскому языку. Античные авторы сохранили в пересказе несколько сакских народных преданий — рассказ о борьбе ахеменидского царя Кира с массагетской царицей Томирис, легенды о происхождении саков, сказание о сакской царице Зарине. Эти предания отразились в таджикском фольклоре — в эпосе и народных сказках. В сакской среде возникли сказания о Рустеме — наиболее популярном герое эпоса народов Средней Азии и восточного Ирана.

Во II в. до н. э. сако-тохарские племена, передвинувшиеся с севера и с востока, обосновались в районе оз. Хамун (область Сакастана, букваль-

[1] W. B. Henning. Zoroaster, Oxford, 1951, стр. 44—45.

[2] Плано Карпини, посетивший Хорезм в 40-х годах XIII в., писал, что в Хорезме говорят «по-команski» (т. е. на одном из тюркских наречий).

но «страна саков», современный Сеистан), в Бактрии и северо-западной Индии. В Бактрии основная масса сако-тохаров, давших свое имя этой области (Тохаристан в арабских и персидских источниках, китайская передача — Ту-хо-ло), была, видимо, довольно быстро ассимилирована местным населением и перешла на бактрийскую речь. О языке этой группы сакских племен можно судить лишь по немногим сакским словам в надписях на индийских языках, а также по заимствованиям из сакского в памятниках бактрийского языка.

Гораздо лучше документирован один из сакских языков для более позднего времени — VII—X вв. н. э. Этим периодом датируются тексты, написанные индийским письмом (брахми), обнаруженные в Синьцзяне в оазисах Хотана (к югу от пустыни Такла-Макан), Тумшука и Муртука. Эти тексты фиксируют язык центральноазиатских саков (так называемый «хотано-сакский» — по месту основных находок памятников), родственных сакским племенам Средней Азии.

Хотано-сакский, подобно современным памирским, афганскому, осетинскому, а также хорезмийскому языку, характеризуется наличием звонких аффрикат *c* и *dz* (ср., например, хотано-сакск. *ceiman*, шугнанский *cēm*, согдийск. *čašm* 'глаз'; хотано-сакск. *cārman-*, авест. *čarəman-*, согд. *čarm* 'шкура, кожа'; хотано-сакск. *dzan-* 'бить' из древнеиранского *jan-*). Древние глухие взрывные *p*, *t*, *k* в хотано-сакском в положении между гласными перешли в звонкие (ср. хотано-сакск. *kava-* 'рыба' из древнего *kapa-*, согд. *kap* 'рыба'; *pidar* 'отец', согд. *pitar*), а древние звонкие, *d*, *g* между гласными в подавляющем большинстве случаев выпали (*rai* 'равнина' из древнего *rāga-*, согд. *rāγ*; *pā* 'нога' из *pāda-*, согд. *pāδe*). В начале слова древние *d*, *g*, как и в других восточноиранских языках, перешли в щелевые: *δār-* 'держать, иметь' (согд. *δār-*), *γarä* 'гора' (согд. *γar-*).

Для грамматического строя хотано-сакского характерно сохранение развитой системы флективных падежей у имен существительных и прилагательных (шесть падежных форм) и категории рода (мужской, женский и средний), опирающейся на различие типов именных основ. С точки зрения морфологии имен существительных, хотано-сакский в гораздо большей степени сохранил черты древней структуры, нежели согдийский или хорезмийский языки. Глагольные формы хотано-сакского языка, напротив, сильнее отошли от древнеиранского типа. Так, в отличие от согдийского и хорезмийского языков хотано-сакский не сохранил форм прошедшего времени, образованных от основы настоящего, заменив их конструкциями с причастиями. При этом в хотано-сакском (как и в некоторых из современных памирских языков) спряжение переходных глаголов в прошедшем времени отличается от спряжения непереходных.

Примечательны лексические схождения между хотано-сакским и памирскими языками, например, *ārra-* 'рука', ваханский *yurm*; *urmazde* 'солнце', ишкашимский *remuzd*.

В Центральной Азии сакский язык существовал по крайней мере до конца X в. Постепенное вытеснение центральноазиатских сакских диалектов тюркскими языками отразилось в лексике хотанских текстов, где имеются тюркские заимствования. На территории северных районов Средней Азии сакские языки были вытеснены, по-видимому, значительно раньше, чем в Центральной Азии.

Длительным и сложным было взаимодействие сакских диалектов и таджикского языка на территории Дарваза и Каратегина. Как можно судить по топонимике, в этих областях в древности обитали сакские племена, близкородственные сакам Памира. Таджикский язык начал распространяться в Каратегине и Дарвазе, по-видимому, уже с X в., однако сакские диалекты в Дарвазе сохранялись вплоть до недавнего времени. В долине Ванча еще в начале нынешнего столетия старики помнили отдельные слова ванчского языка — одного из исчезнувших памирских языков,

оставившего след в лексике современных таджикских говоров Ванча (например, *кир* 'камень', *тауп* 'яблоко'). Совсем недавно исчез с территории Афганского Бадахшана (долина р. Кокча) саргулямский язык, также принадлежавший к памирской группе.

Бактрийский язык

Бактрийский язык, распространенный в древности в областях по верхнему течению Аму-Дарьи (современный северный Афганистан, районы Таджикской ССР к югу от Гиссарского хребта и область Термеза), стал известен совсем недавно — первая большая бактрийская надпись была открыта в 1957 г. при раскопках храма в Сурх-Котале [1].

Бактрийская письменность развилась на основе греческого письма, получившего большое распространение в Бактрии и в соседних областях (в том числе и в Парфии) в III—II вв. до н. э., в период существования Греко-Бактрийского царства. Это письмо широко употреблялось в Бактрии и после падения Греко-Бактрийского царства. Оно было воспринято верхушкой сако-тохарских племен, завоевавших Бактрию во II в. до н. э., и стало официальным письмом в государстве Кушан; позднее (с IV в. н. э.) это письмо было заимствовано эфталитами.

В бактрийском письме 25 знаков — 24 буквы греческого алфавита и одна добавочная, введенная в I в. н. э. для обозначения звука *š*.

Судя по сообщению китайского путешественника Сюань Цзяна, побывавшего в первой половине VII в. н. э. в ряде районов Средней Азии, Бактрии и прилегающих областей, бактрийское письмо было распространено и за пределами собственно Бактрии (Тохаристана). «По языку,— пишет Сюань Цзян,— Тохаристан несколько отличается от других царств. Знаков письма — 25, они сочетаются друг с другом и составляют различные комбинации. Письмо читается по горизонтали, слева направо [2]. Число литературных произведений в стране очень велико — их даже больше, чем в Согде... В Шугнане письменность та же, что в Тохаристане; язык отличен». О существовании бактрийского письма и в более позднее время (в VIII—IX вв.) свидетельствует арабский автор ас-Самʿани, сообщающий, что «в начале ислама» в областях Вашгирд и Кувадиан (совр. Файзабад и Кобадиан, южный Таджикистан) имелся особый алфавит, «которым были написаны книги».

Надпись из Сурх-Коталя, датируемая началом II в. н. э., а также краткие надписи на кушанских монетах, геммах и керамике, дали возможность установить основные особенности бактрийского языка (работы А. Марика, В. Хеннинга). По историко-фонетическим признакам бактрийский язык занимает место между согдийским, хорезмийским и парфянским, с одной стороны, и современным афганским, с другой.

Древние звонкие взрывные *b*, *g* превратились в бактрийском в щелевые *β*, *γ* (*αβ* предлог 'к' из *abi*; *βαγ* 'господин' из *baga-*), как и в других восточноиранских языках; *d* во всех позициях отразилось как *l* (через промежуточный этап *δ*) — признак, сближающий бактрийский с современным афганским [3]: бактр. *mal* 'здесь' из древнего *imada*, ср. согд. *maδə*; *sarl* 'год из *sarda-*, согд. *sarδ*/ *βaγəlāng* 'храм' из *bagadānaka-*, *wilird* 'он установил из *widṛta-*, ср. афг. *walaṛ* 'стоящий'; *lruw* 'крепкий' из *druwa-*. Глухие взрывные *p*, *t*, *k* в положении после гласного перешли в звонкие: *āb* 'вода' из *āp-*; *ēd* 'этот' из *aita-*; *āγad* 'он пришел' из *āgata-*; *iwg* 'один' из *aiwaka-*.

---

[1] Северный Афганистан, район Баглана.

[2] В отличие от Согда, где Сюань Цзян видел письмо, идущее, как и все письменности арамейского происхождения, справа налево.

[3] Переход *d* > *l* наблюдается также в мунджанском языке, на котором в настоящее время говорит около 2,5 тыс. человек в местности Мунджан (юго-восточная часть Афганского Бадахшана) и в долине р. Луткух (южные склоны Гиндукуша). Мунджанский язык по ряду признаков занимает промежуточное положение между афганским и памирскими языками.

Сочетание согласных *-xt-* отразилось, подобно другим восточноиранским языкам, как *-γd-*: *ōsuγd* 'чистый' из *awasuxta-*; *pidəriγd* 'покинут', древнее *patirixta-*.

Группа *θr* в бактрийском, подобно парфянскому и некоторым хорезмийским диалектам, развилась в *hr* (*puhr* 'сын' из *puθra-*; *hirs* 'тридцать' из *θrisat-*). Аффрикаты *č*, *ǰ* перешли соответственно в *c*, *dz* (как и в хорезмийском, хотано-сакском и афганском): *ac* 'от, из' из *hača*; *cād* 'колодец' из *čāta-*, согд. *čāt*. Из других особенностей исторической фонетики бактрийского языка следует отметить также переход *xš* > *š* (*šaw* 'царь' из *xšawan-*; *šahrab* 'сатрап' из *xšaθrapāwan-*); *-xšt-* > *-xt-* (*nəbixt* 'он написал' из *nipixšta-*, ср. согд. *nipaxšt*); *-rt-* > *-rδ-* (*kirδ* 'он сделал' из *kṛta-*).

По своей грамматической структуре бактрийский язык, как об этом можно судить по надписи начала II в. н. э., дальше отошел от древнего типа, нежели другие восточноиранские языки. Имена существительные засвидетельствованы лишь в двух падежных формах — прямой (окончание *-ə*) и косвенной (окончание *-i*). Падежные отношения выражались главным образом посредством предлогов и послелогов. Множественное число имен имеет флексию *-ē* (*βaγ* 'господин' — *βaγē* 'господа'). Форм грамматического рода не отмечено. Подобно хорезмийскому, в бактрийском существовал определенный артикль *i*, развившийся из относительного местоимения.

Бактрийский глагол характеризуется наличием двух основ — основы настоящего времени и основы прошедшего времени (например, наст. *pidərixs*, прош. *pidəriγd* 'оставлять'). В отличие от согдийского и хорезмийского, от основы настоящего времени образуются лишь формы настоящего времени изъявительного и других наклонений (*mā pidərixsēy* 'пусть не будет оставлен'), формы прошедшего времени строятся на базе прошедшей основы, развившейся из древнего причастия: *kirδ* 'он сделал', *āγad* 'он пришел', *cād kand* 'он выкопал колодец'. Спряжение переходных глаголов в прошедшем времени отличалось рядом особенностей: субъект при таких глаголах выступал в форме косвенного падежа, а сама глагольная форма согласовывалась не с субъектом, а с объектом: *wāst-īnd* 'их привели', буквально «они приведенными были» (конструкция, характерная и для ряда современных иранских языков).

Как уже было отмечено выше, сако-тохарские племена, вторгшиеся во II в. до н. э. в Бактрию, были в основной своей массе ассимилированы местным населением и перешли на бактрийскую речь. В бактрийском языке сохранялся, однако, слой сакских по происхождению слов. В дошедших до нас бактрийских памятниках к таким словам принадлежит, например, *xšun* 'год правления, царствования', ср. хотано-сакское *xšūna-*, *xšana-* из древнего *xšaiwana-*. В свою очередь из бактрийского были заимствованы некоторые слова в эфталитский язык (например, бактр. *xwadēw* 'правитель', засвидетельствованное на эфталитских монетах в той же форме, что и в бактрийском — χοαδηο; ср. также *xidēv* в том же значении — заимствование в таджикский из бактрийского).

Распространение таджикского (персидского) языка на территорию северного Тохаристана началось, по-видимому, еще до арабского завоевания. В начале VIII в. н. э. в городских центрах этих районов, прежде всего в Балхе, говорили уже по-таджикски. Старейший из дошедших до нас связных текстов на таджикском языке, трижды приведенный в сочинении арабского историка ат-Табари, относится к Балху. Это — народное четверостишие, распевавшееся балхскими жителями в 725 г. в связи с неудачным походом арабского наместника в Хуттал (область Куляба).

В сельских местностях северного Тохаристана бактрийские говоры сохранялись и позже, по крайней мере до XI в. Бируни приводит ряд слов из диалектов Термеза, Балха и Тохаристана («балхия» и «тухария»). Сельские говоры имели в виду и арабские географы X в., указывавшие,

что в городах говорят только на языке фарси (таджикско-персидский), но что повсюду в Средней Азии и в Тохаристане есть сельские округа, где имеются и другие языки.

Парфянский язык

Парфянский язык, относящийся к западноиранской группе, до V—VI вв. н. э. был основным языком населения юго-западных районов Средней Азии (современная южная Туркмения) и Хорасана. В III в. до н. э. в эти районы проникли сакские племена во главе с парнами (дахская конфедерация). Парны были ассимилированы местным парфянским населением, однако их диалекты (восточноиранские, как и у других сакских племен) оставили след в лексике парфянского языка: *hand* 'слепой', *əskad* 'колючка', *nixrēs-*'порицать', *izγōl-* 'слушать' (*-l-*из-š-, ср. тот же переход в памирском сарыкольском) и ряд других слов являются заимствованиями в парфянский из сакских диалектов парнов[1].

В период существования государства Аршакидов (середина III в. до н. э.— начало III в. н. э.) парфянский — административный язык этого государства — распространялся далеко на запад от территории собственно Парфии и оказывал значительное влияние на языки и диалекты ряда областей. К этому периоду относится, в частности, проникновение парфянской лексики в персидский (среднеперсидский), а также в армянский язык.

Парфянская письменность, возникшая на основе арамейской, характеризуется наличием очень большого числа идеограмм.

Старейшими из известных памятников парфянского языка являются хозяйственные документы (на черепках) I в. до н. э., найденные советскими археологами при раскопках Михрдаткирта — древней столицы аршакидского государства (городище Ниса, неподалеку от Ашхабада).

К I в. н. э. относится парфянский текст делового документа на пергаменте, найденный в Авромане (Иранский Курдистан). Известны также парфянские надписи на монетах, наскальные надписи позднеаршакидского времени (в Сузах, в районе Бирджанда — Южный Хорасан и др.), тексты III в. н. э. на пергаменте и черепках из Дуры-Эвропос (на Евфрате), а также неопубликованные еще надписи на черепках из Мерва (II—III вв. н. э.). На парфянский язык переводились среднеперсидские надписи первых сасанидских царей (III—IV вв. н. э.) — до нас дошли парфянские версии некоторых из этих надписей, довольно значительные по объему (важнейшие — Хаджиабадская и надпись на Ка'бе-и Зардушт царя Шапура I, надпись из Пайкули царя Нарсе). Все эти памятники написаны парфянским письмом (так называемый *пахлавик*)[2], насыщены идеограммами, что затрудняет изучение фонетики, грамматического строя и лексики парфянского языка. Более важны в этом отношении парфянские манихейские тексты (в том числе и метрические), обнаруженные в Китайском Туркестане (Турфан) и написанные без применения идеограмм. Часть этих текстов была создана в III—IV вв. н. э., когда парфянский язык, после прихода к власти Сасанидов, утратил свое значение административного языка, но был еще широко распространен в Хорасане и потому являлся важным средством манихейской пропаганды на Востоке. Для некоторых из парфянских текстов, переписывавшихся в манихейских общинах Китайского Туркестана в течение нескольких веков (вплоть до VIII—IX вв. н. э., когда парфянский уже перестал быть живым языком), можно довольно точно установить время и место составления. Так, сохранились

---

[1] W. B. Henning, Mitteliranisch (Handbuch der Orientalistik, 1. Abt., 4 Bd. Iranistik. 1. Abschnitt: Linguistik. Leiden — Köln, 1958), стр. 93.

[2] Это название (в более поздней форме — *пахлави*) было перенесено и на среднеперсидское письмо и среднеперсидский язык. По форме *пахлавик* — прилагательное от *Пахлав* 'Парфия', др. *Parθava*.

парфянские письма манихейских проповедников, написанные в Мерве в последней четверти III в. н. э.

О парфянских памятниках светской литературы и о парфянской эпической традиции мы можем судить по двум поэтическим текстам —«Спор пальмы с козой» и «Память о Зарере», дошедшим до нас в позднейшей среднеперсидской обработке. Парфянский народный роман лег в основу персидской поэмы «Вис и Рамин» Фахраддина Гургани (XI в.). Важную роль в развитии парфянского фольклора играли народные певцы и певцы-профессионалы — *госан*, упоминания о которых сохранились в письменных источниках[1].

Для исторической фонетики парфянского языка характерны следующие основные особенности сравнительно со среднеперсидским языком, принадлежащим, как и парфянский, к западной группе (парфянский относится к северо-западной подгруппе, среднеперсидский — к юго-западной): отражение др.-ир. *θr* как *hr* (парф. *hrē* 'три', *puhr* 'сын', ср.-перс. *sē*, *pus* из др. *θray-*, *puθra-*); др. -ир. *θw* как *ƒ* (парф. *čaƒār* 'четыре', ср.-перс. *čahār*, др. *čaθwāra-*); др.-ир.-*č* (после гласного) как -*ž* (парф. *rōž* 'день', ср.-перс. *rōz*, др. *raučah-*). Др.-ир. *z* сохраняется в парфянском, в ср.-перс. оно отражается как *d* (парф. *zān-* 'знать', ср.-перс. *dān-*); др.-ир. *s* — парф. *s*, ср.-перс. *h* (парф. *das* 'десять', ср.-перс. *dah* из др.-ир. *dasa-*); др.-ир. *ĵ-* — парф. *ž-*, ср.-перс. *z-* (парф. *žīwandaγ* 'живущий', ср.-перс. *zīndaγ*); др.-ир. поствокальное -*d* — парф. -δ, ср.-перс. -*y* (парф. *bōδ* 'запах', ср.-перс. *bōy*); др.-ир. -*rz-*, -*rd-* — парф. -*rz-*, -*rd-*, ср.-перс. -*l-* (парф. *zird* 'сердце', ср.-перс. *dil*); др.-ир. *dw-* — парф. *b-*, ср.-перс. *d-* (парф. *bar* 'дверь', ср.-перс. *dar* из *dwara-*).

Для грамматического строя парфянского языка III—IV вв. н. э., как можно судить по манихейским текстам, характерны следующие особенности: 1) отсутствие флективных падежных форм у имен (то же и в ср.-перс.); 2) употребление относительного местоимения *čē* в качестве показателя связи определяемого с определением (в ср.-перс. в этой функции выступает относительное местоимение *ī* или *īγ*); 3) суффикс имен абстрактных -*īft* (более старая форма -*īf*, в ср.-перс.— *īh*); 4) наличие большого числа сложных глагольных форм, образованных сочетанием причастий прошедшего времени со вспомогательными глаголами (то же в среднеперсидском); 5) образование вторичных основ прошедшего времени от основы настоящего времени посредством суффикса -*āδ* (*wārāδ-* от *wār-* 'дождить', срав. ср.-перс. *vārīδ-*, суффикс -*īδ*); 6) согласование форм прошедшего времени переходных глаголов не с субъектом, а с прямым объектом (*u-m harwēn brāδarān wēndāδ ahēnd* 'и я увидел всех братьев', где *wēndāδ ahēnd* согласуется с *brāδarān* 'братья', а субъект выражен энклитическим местоимением -*m*; аналогичная конструкция в среднеперсидском).

Как было отмечено выше, парфянский язык исчез с территории южной Туркмении и Хорасана уже в V—VI вв. н. э. Среди современных иранских языков прямых потомков парфянских диалектов не обнаружено. Однако парфянский не исчез бесследно — он сыграл значительную роль в сложении персидско-таджикского языка. Уже в среднеперсидском письменном языке отмечаются многочисленные лексические заимствования из парфянского; заметно влияние парфянских диалектов и в среднеперсидском словообразовании. По мере распространения персидского языка на восток, в Хорасан, воздействие парфянского все усиливалось и привело к образованию целых пластов парфянской лексики в словаре персидского языка (*šahr* 'город', *kalān* 'большой' и сотни других слов). Парфянские говоры Хорасана оказали известное воздействие и на грамматическую структуру персидского языка. В результате диалектная основа

[1] M. Boyce. The Parthian *gōsān* and Iranian Minstrel Tradition. «Journal of the Royal Asiatic Society», 1957, стр. 10—45.

складывающегося уже в VII—VIII вв. так называемого «новоперсидского» языка оказалась в значительной степени измененной: один из юго-западных говоров Фарса, распространяясь на север и северо-восток и сталкиваясь с языками и диалектами северо-западной группы (на севере и в центре Ирана — мидийские диалекты, в Хорасане — парфянский), превратился в конечном счете в койнэ, в котором сосуществуют юго-западные и северо-западные диалектные черты. Это койнэ и легло в основу нового литературного языка — персидско-таджикского, оформившегося в своих основных нормах уже после арабского завоевания.

ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК

На территории Средней Азии таджикский язык (*zabón-i toǰík* или *zabón-i toǰikí*) распространен в Таджикской ССР и некоторых районах Узбекской ССР и Киргизской ССР. Таджикский язык — язык таджикской социалистической нации, государственный язык Таджикской ССР.

Помимо таджиков, на таджикском языке говорят и некоторые небольшие по численности народности и этнографические группы на территории Средней Азии: среднеазиатские («бухарские») евреи, живущие главным образом в Бухаре, Самарканде и в городах Ферганской долины; среднеазиатские цыгане (в Ферганской долине, в Самаркандской области и других районах); часть среднеазиатских арабов (в Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР); небольшое число белуджей, живущих в южных районах Таджикской ССР и утративших (в отличие от белуджей Туркменской ССР) белуджский язык.

Таджикский язык является вторым языком для ягнобцев и памирцев, вливающихся в состав таджикской нации. Таджикским языком владеют наравне с узбекским многие узбеки, особенно в городских центрах — Бухаре, Самарканде, городах Ферганской долины. За рубежом большое количество таджикоязычного населения сосредоточено в Афганистане. Помимо собственно таджиков (*tāǰīk* или *pārsīwān*, букв. «говорящий на фарси», как называют себя афганские таджики)[1] — коренного оседлого населения земледельческих областей Афганистана, на таджикском языке говорит также многочисленная группа полукочевых племен чор-аймак в северном Афганистане — фирюзкухи, джемшиды, хезарейцы (хазара) и таймани, а также кочевые племена теймури (к югу от Герата и вдоль афгано-иранской границы, по обеим ее сторонам).

Некоторое число таджиков имеется также в Пакистане.

Таджикские диалекты представлены и на территории современного иранского Хорасана. Границы их распространения в этой области пока не установлены; не вполне ясны, в частности, районы распространения диалектов переходного типа — от таджикских к современным персидским.

История таджикского языка, вопросы формирования таджикских говоров и сложения форм письменно-литературного языка исследованы еще слабо. Основой современных таджикского и персидского языков явился в конечном счете юго-западный диалект, насыщенный парфянскими заимствованиями и превратившийся, как было отмечено выше, в койнэ, в котором сосуществуют признаки разных диалектных групп. Для лексического состава этого койнэ весьма характерно наличие ряда слов, имеющих различную диалектную окраску, но исторически возникших из одного корня: *bāz//bāž//bāǰ* 'подать'; *dānā — farzānā* 'мудрый' (от др.-ир. *zān-* 'знать'); *zamīn//zamī//damīk* 'земля'; *bālā//vālā* 'верх'; *birinǰ//gurinǰ* 'рис'; *zaxm//žax* 'удар'; *zabān//zufān* 'язык' и др.

[1] Так, таджики долины Пянджшер (к югу от Гиндукуша) говорят: *lafz-i mo porsiwon, xədəmo-toǰik* 'язык наш — фарси, сами мы — таджики' (см. М. С. Андреев. По этнологии Афганистана. Ташкент, 1927, стр. 10).

Уже в период до арабского завоевания это койнэ начинает проникать из Хорасана и, по-видимому, также из Тохаристана (район Балха) на территорию Средней Азии, прежде всего в городские центры. Известную роль в этом процессе сыграли торговые и культурные связи Хорасана (провинция Абаршахр сасанидского государства) со Средней Азией. После арабского завоевания и включения среднеазиатских областей в состав халифата этот процесс значительно усилился и привел к постепенному исчезновению согдийского и других восточноиранских языков сначала из городских центров, а затем и из сельских районов. В то же время на территории Средней Азии (уже в VIII—IX вв.) шел процесс сложения местных диалектов, отличающихся по ряду признаков от персидских диалектов западного Ирана. Как свидетельствуют арабские источники, в IX—X вв. отличия диалектов Мавераннахра (среднеазиатское Междуречье) и Хорасана от западных персидских диалектов были настолько значительными, что ощущалась потребность и в терминологическом различении их — диалекты востока именовались *фарси*, диалекты запада — *аджами*. Только в более позднее время термин «фарси» стал употребляться и для обозначения персидских диалектов запада. Арабские географы отметили и различия, существовавшие уже в X в. между отдельными говорами на территории Средней Азии и Хорасана. Так, например, Мукаддаси указывал на наличие в этих областях, помимо согдийского и хорезмийского языков (и особого языка Чача-Ташкента), диалектов Самарканда, Балха, Герата, Мерва, Нишапура, Туса, Абиверда, Серахса и других, отмечая в ряде случаев их характерные фонетические и морфологические признаки. Некоторые из этих особенностей прослеживаются и в современных таджикских говорах Средней Азии — так, глагольные формы на *-ak*, отмеченные Мукаддаси в диалекте Самарканда (*bikardakam* *'я сделал'*, *biguftakam* *'я сказал'*), характерны для ряда современных таджикских говоров.

Диалекты Средней Азии и Хорасана легли в основу письменного литературного языка, являвшегося в средневековый период общим для таджиков и персов. Основные нормы этого литературного языка, распространившегося позднее на огромной территории (от Багдада до Индии и Китайского Туркестана), были выработаны уже в IX—X вв. Этот язык именовался в IX—XI вв. *pārsi-yi darī* или *darī* (от *dar* *'двор'*), позднее — просто *pārsī* или *fārsī*. Литература на этом языке достигла блестящего расцвета уже в государстве Саманидов (X в.), важнейшим центром которого был г. Бухара. К этому времени относится деятельность Рудаки, родоначальника таджикско-персидской классической поэзии, и целой плеяды других поэтов. В X—XI вв. появляются и крупные прозаические произведения (научные и богословские сочинения, значительное число переводов с арабского).

Язык таджикско-персидской классической литературы X—XV вв.— одной из богатейших мировых литератур, насчитывающей многие сотни имен и среди них таких выдающихся поэтов, как Фирдоуси, Хайям, Саади, Хафиз, Джами,— характеризуется большим единообразием грамматических норм для всей огромной территории его распространения. Это относится прежде всего к языку поэзии. Если не считать отдельных лексических особенностей (отмеченных уже авторами средневековых толковых словарей), в языке поэтических произведений, созданных в разных районах в течение ряда веков, не обнаруживается влияния местных диалектных различий. Несколько иначе обстоит дело с языком ранней прозы. В прозаических произведениях X—XI вв. ощущаются диалектные особенности, в частности различия между диалектами Средней Азии и Хорасана, с одной стороны, и западного Ирана, с другой. Так, например, частица *mar* при прямом объекте и глагольный аффикс-*ēδ* (со значением ирреальности и длительности действия) отмечаются как характерные

признаки языка прозаических текстов, написанных авторами, происходящими из Средней Азии и Хорасана[1]. В языке сочинения Ансари (XI в.), уроженца Герата, можно наблюдать характерные признаки гератского таджикского диалекта, близкие особенностям современных таджикских говоров. Однако в целом по языку письменных памятников X—XV вв. трудно судить о этапах развития живых диалектов в указанный период, в частности о том, как протекало дальнейшее обособление таджикских говоров от персидских говоров западного Ирана. К XVI в. уже сформировались основные грамматические признаки, характеризующие современные таджикские говоры северной группы,— на это указывает изданное в самое последнее время сочинение XVI в. «Маджму'ат-таварих» («Собрание историй»), написанное двумя авторами, уроженцами Ферганской долины[2]. Однако вплоть до начала XX в. в таджикской литературе преобладает ориентация на нормы раннесредневекового письменного языка.

После Октябрьской революции таджикский литературный язык был приближен к живой народной речи (очищение словаря от малоупотребительных и непонятных массам арабизмов; обогащение глагольной системы за счет форм, бытующих в говорах, и др.). Литературный язык был ориентирован на северные таджикские говоры районов Самарканда, Бухары и Ферганской долины. В деле развития современного таджикского литературного языка большую роль сыграл Садриддин Айни, основоположник таджикской советской литературы.

Для современного таджикского языка характерна шестифонемная система вокализма: *a*, *o*, *i*, *e*, *u*, *û*. В отличие от персидского языка, таджикский сохраняет в качестве самостоятельных фонем гласные *e* и *û*, восходящие к древним дифтонгам *ai* и *au* (тадж. *safed*, перс. *safid*, др.-ир. *spaita-* 'белый'; тадж. *bûy*, перс. *buy*, др.-ир. *bauda-* 'запах'). Таджикские гласные делятся на устойчивые и неустойчивые. К группе устойчивых, помимо *e*, *û*, относится также гласный *o*, происходящий из др.-ир. *ā* и соответствующий современному персидскому *â* (тадж. *bod* 'ветер' перс. *bâd*, др.-ир. *wāta-*). Устойчивые гласные не редуцируются и не выпадают. Неустойчивые гласные — *i*, *u*, *a*, причем тадж. *i* соответствует современным персидским *i* и *e* (отражает древние *ī* и *i*: тадж. *did* 'он увидел', перс. *did*, др.-ир. *dīta-*; тадж. *hind*, перс. *hend* 'Индия' из др. *hindu-*), тадж. *u* соответствует перс. *u* и *o* (из древних *ū* и *u*: тадж. *dud* 'дым', перс. *dud* — др.-ир. *dūta-*; тадж. *guft* 'он сказал', перс. *goft*, др.-ир. *gubta-*), тадж. *a* — перс. *ä* (тадж. *man* 'я', перс. *män* из др. *manā*).

Неустойчивые гласные, в зависимости от фонетических условий, способны сильно редуцироваться (*kitob* — *k'tob* — *ktob* 'книга'). Ударение в таджикском языке динамическое, в именах оно падает обычно на последний слог (*xoná* 'дом', *ravšán* 'светлый'); в некоторых глагольных формах ударение может перемещаться с окончания на основу (*óyad*/*toyád* 'пусть он придет'), в формах с префиксами главное ударение приходится на префикс (*méravad* 'он отправляется', *náguft* 'он не сказал'). Для таджикского консонантизма характерно наличие фарингального щелевого *h* (*haft* 'семь'), звонкой аффрикаты *ǰ* (*ǰahon* 'мир'), а также — в отличие от персидского— различение увулярного смычного *q* и увулярного щелевого *γ* (*qadim* 'древний', *γam* 'печаль' — перс. *γädim*, *γäm*).

До 1929 г. таджики пользовались арабской графикой, плохо отражающей вокализм таджикского языка. В 1929 г. был введен алфавит, созданный на основе латинского; с 1940 г. принят русский алфавит с шестью добавочными знаками.

---

[1] G. Lazard. Dialectologie de la langue commune dans les pays iraniens vers les Xme et XIme siécles. (Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве).

[2] «Собрание историй» Маджму'ат-таварих. Л., 1960.

Для грамматического строя современного таджикского языка характерны: 1) отсутствие падежных флективных форм и категории рода у именных частей речи (существительных, прилагательных, местоимений, числительных); 2) отсутствие четких грамматических различий между качественными прилагательными и существительными, а также между прилагательными и наречиями; 3) связи имен с другими словами в предложении выражаются главным образом посредством предлогов, послелогов и так называемой «изафетной конструкции» (определительное словосочетание); 4) наличие весьма развитой системы сложных глагольных форм, образованных сочетанием отглагольных имен со вспомогательными глаголами, в том числе специфические для таджикского языка (отсутствующие в современном персидском) формы так называемых «определенных» времен (*gufta istodaast* 'он говорит сейчас'; *gufta istoda bud* 'он говорил'— об определенном отрезке времени в прошлом), форм предположительного наклонения, развившихся из сочетаний с причастиями на *-gi* (*guftagist* 'он, вероятно, сказал'), сложнодеепричастных глагольных сочетаний, выражающих как лексические, так и грамматические значения (*navišta girift* 'он написал для себя'— *navišta dod* 'он написал для другого'; *xonda mond* 'он прочитал, закончил чтение' и т. д.); 5) широкое распространение инфинитивных и причастных оборотов, часто заменяющих придаточные предложения (некоторые из таких конструкций являются очевидными кальками с узбекского).

Лексика таджикского языка содержит значительный слой арабских слов (часто выступающих в качестве синонимов к собственно таджикским словам), а также многочисленные заимствования из узбекского и русского языков.

Влияние русского языка сказывается и в некоторых процессах таджикского словообразования.

Таджикские говоры по некоторым фонетическим и морфологическим признакам делятся на четыре основные группы[1]: северную (говоры самаркандско-бухарские, ферганские, ура-тюбинские, пенджикентский, каратагский, а также самаркандско-еврейский); центральную (говоры верховьев Зеравшана — Матчи и Фальгара; говоры Риштана и Соха); южную (говоры бадахшанские, кулябские, рогские, каратегинские); юго-восточную (дарвазские говоры). Число признаков (в основном, грамматических), отличающих таджикский язык от современного персидского, убывает по мере продвижения с северо-запада на юг и юго-восток. Наиболее отличны от персидского говоры северной группы и ориентирующийся в основном на эти говоры литературный язык (прозы). Таджикские диалекты Афганистана наиболее близки к говорам южной группы.

ЯГНОБСКИЙ ЯЗЫК

Ягнобский язык (*yaγnōbī̆ zivȏk*), принадлежащий к восточной группе иранских языков, является потомком одного из согдийских диалектов. На ягнобском языке говорят жители высокогорных селений в долине среднего течения р. Ягноб (правый приток р. Фан-Дарьи, бассейн верхнего Зеравшана), от сел. Бидив на западе до сел. Дебалан на востоке (всего 21 селение, входящие в состав Ягнобского и Навабадского сельсоветов района Айни Таджикской ССР). Переселенцы из долины Ягноба, сохраняющие ягнобский язык, живут также по южным склонам Гиссарского хребта, в долине р. Варзоб (пять селений). Ягнобские названия селений

[1] В. С. Расторгуева. Опыт классификации таджикских говоров. (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР). М., 1960.

выходят далеко за пределы современной зоны распространения ягнобского языка[1].

Все говорящее по-ягнобски население (в том числе и дети дошкольного возраста) двуязычно, оно свободно владеет и таджикским языком. Таджикская лексика оказывает сильное влияние на словарь ягнобского языка, особенно на состав имен существительных и прилагательных, где в настоящее время сохранилось очень немного собственно ягнобских (согдийских) слов; меньше заимствований из таджикского в глагольной лексике. Продуктивных словообразовательных суффиксов имен существительных и прилагательных в ягнобском языке почти нет — обозначения новых понятий заимствуются, как правило, из таджикского. Ряд ягнобских слов, зарегистрированных исследователями в конце прошлого века, в настоящее время уже не употребляется. Влияние таджикского языка сказывается и в ягнобском синтаксисе (образование синтаксических конструкций-калек с таджикского).

Для фонетики ягнобского языка характерны: а) восьмифонемная система гласных, сохраняющая противопоставление долгих и кратких,— *a*, *i*, *u*, *ō*, *ī*, *ū*, *ē*, *ǖ*, где *ō* восходит к древнему *ā*, а *ǖ* (огубленный гласный переднего ряда, верхнего подъема) продолжает древнее *ū* в определенных фонетических положениях; б) сохранение среднеиранских (согдийских) спирантов *γ* и *v*, соответствующих древним *g*, *b* (ягн. *γāš*, 'ухо', согд. *γōš* из др.-ир. *gauša-*; ягн. *duγūš-* 'слышать', согд. *patγōš-* из *patigauša-*; ягн. *var-* 'нести', согд. *βar-* из *bara-*; ягн. *viyōra* 'вечер', согд. *β(i)yāre* из **abi-ayāraka-*). Третий звонкий согдийский спирант — *δ*, отражающий древнеиранское *d*, перешел в ягнобском в *d* (возможно, под влиянием таджикского языка): согд. *δār-* 'держать' — ягн. *dōr-*; согд. *pāδe* 'нога' — ягн. *pōda*.

Ударение в собственно ягнобских именах существительных и прилагательных падает на предпоследний или последний слог (*káma* 'шея', *nēma* 'сторона', *xutánna* 'мельница', *dōrkēna* 'деревянный', *siták* 'кость', *γirṙk* 'пыль, грязь'); в именах, заимствованных из таджикского языка, ударение может перемещаться на предпоследний слог (ягн. *darwǒza* 'ворота' из тадж. *darvozá*). В личных глагольных формах место ударения определяется долготой корневого гласного основы и окончания: *vǒwōmišt* 'я иду, приду', *anǒsim* 'я взял', но *tirǒmišt* 'я отправляюсь', *akunǒr* 'они сделали'.

Для грамматического строя ягнобского языка характерны следующие основные признаки: 1) наличие двух падежей — прямого и косвенного у имен существительных и некоторых местоимений; показатель косвенного падежа — безударное *-i*, восходящее к согд. *-ē* (окончание родительно-дательного падежа); 2) развитая система послелогов, служащих для выражения падежных отношений, причем среди послелогов отмечаются как собственно ягнобские (*-rīti* 'перед', согд. *rītē*; *-sa* — послелог, обозначающий направление, согд. *-sar*, *-sa*; *-vēk* 'от, наружу', согд. *-βēk-*,*-čintir* 'внутри', согд. *-čindar*; *-pi* — послелог, служащий для выражения орудийности и совместности, хорезм. *-pi*; *-piyōra* 'для', согд. *-piδār*, и др.), так и заимствованные из таджикского (*-darūni* 'внутрь, в', *-taki* 'под' и др.); предлогов, напротив, сохранилось очень немного — *či* 'из, от' (согд. *ač*, *č*), *par* 'к, на' (согд. *par*), *pu* 'без' (согд. *apu*, *pu*), причем последние два в современном языке уже почти не употребляются; 3) показатель множественного числа *-t* у имен, продолжающий согд. *-t*; 4) среди современных иранских языков ягнобский является единственным, сохранившим древнеиранский тип образования форм прошедшего времени от основы настоящего времени с помощью префикса *a-* (так называемого ауг-

[1] Примечательно, что название Согдианы (Сугд арабских географов) сохранилось не только в названии сел. Сугд около г. Самарканда, но и на территории долины Ягноба, где одно из заброшенных селений и в настоящее время именуется *Сǒгду*.

мента) — ср. др.-ир. *barāmi* 'я несу', *abaram* 'я принес' — ягн. *varōm* '(пусть) я принесу', *avarim* 'я принес'; 5) при нескольких сказуемых, относящихся к одному подлежащему, полные формы с глагольной флексией обычно употребляются только один раз — в первом из сказуемых, а в остальных выступает основа без флексии или с усеченной флексией: *vōwōm*, *nōs* 'я приду, возьму'; *avōwim*, *anōs* 'я пришел, взял'; *nahidōki nīdimišt*, *xʷarīm* 'посидим тут, поедим'; 6) наличие развитой системы глагольных аналитических форм, образованных сочетанием причастия прошедшего времени или инфинитива со вспомогательными глаголами: перфект (для переходных глаголов согласование в лице с объектом: *nahiš tuzuk nipištat-x* 'это ты правильно написал', где *-t* — энклитическое местоимение 2-го лица ед. ч., показатель субъекта, а *-x* — глагол-связка 3-го лица ед. ч. настоящего времени, согласующийся с объектом — *nahiš* 'это', прямой падеж); давнопрошедшее; потенциальные формы (с вспомогательными глаголами *kun-* 'делать', *vu-* 'становиться, быть', ср. согд. *kun-*, *wan-* 'делать' и *βaw-* 'становиться' в потенциальных оборотах); формы так называемых «определенных» времен, обозначающие действие, происходящее в момент речи или в определенный отрезок времени в прошлом (полная или краткая форма инфинитива + глагол-связка, субъект в косв. пад.: *ōlōwi suxsak ast* 'огонь горит'; *γayki-m har kadōmi ōdami mōn ast* 'к моей дочери каждый присылает сватов'; по значению эти формы, отсутствующие в согдийском, близки к таджикским «определенным» формам с глаголом *istodan* и возникли, по-видимому, в ягнобском языке под влиянием таджикского). В целом морфология и особенно синтаксис ягнобского языка представляют весьма любопытный пример взаимодействия исконной, унаследованной от согдийского, системы с новообразованиями, возникающими (в условиях массового двуязычия) как результат сильнейшего влияния таджикского языка.

Ягнобский язык делится на два основных говора — западный (или «теневой» — говор селений, расположенных на склонах левого берега р. Ягноб, обращенных на север) и восточный (или «солнечный» — селения в низовьях Ягноба, расположенные по правому берегу реки) [1]. Важнейшие различия между говорами — фонетические: исходный согдийский глухой спирант θ отразился в западном говоре как *t*, в восточном — как *s* (согд. *mēθ* 'день', *pāθ* 'стрела' — зап.-ягн. *mēt*, *pōt*, вост.-ягн. *mēs*, *pōs*); западно-ягнобскому дифтонгу *ay* в восточном говоре соответствует открытое *ɛ* (зап. *wayš*, вост. *wɛ̄š* 'трава', согд. *wēš*). Отмечаются также некоторые различия в лексике говоров, так, глаголы 'падать', 'посылать' в западном говоре — *tiraš-*, *kusēl-*, в восточном — *diwē-*, *fišōm-*.

Значительный интерес представляет так называемый «секретный язык» ягнобцев — разряд лексики, включающий в себя условные или изобразительные слова, употребляющиеся либо в пределах определенных поло-возрастных групп, либо — в тех случаях, когда ягнобские слова по звучанию близки или совпадают с таджикскими — для затруднения понимания ягнобской речи окрестным таджикоязычным населением (*tōǰīk nafahmōt* 'чтобы не понял таджик'). Среди этой лексики имеется ряд описательных образований, употребляющихся вместо слов повседневного общения и имевших когда-то магическое значение (результат наложения табу на слова повседневного общения). К ним относятся, например, следующие образования, заменяющие в «секретном языке» исконно ягнобские слова, несхожие с таджикскими (и, следовательно, введенные не с целью *tōǰīk nafahmōt*): *wēnna* 'глаз', букв. 'гляделка; то, чем видят' (в повседневном общении *γurda*, в тадж. *čašm*), *taksanka* 'жена', букв. 'нижний жернов' вместо *inč*, ср. тадж. *zan*), *sarsanka* 'муж', букв. 'верхний жернов' (вместо

[1] Исключение составляет правобережное сел. Бидив, относящееся по говору к западной группе.

wir, ср. тадж. *šavhar*), *zimagna* 'девочка', букв. 'сосущая' (вместо *γayk*, ср. тадж. *duxtar*), *jas-* 'убивать' (вместо *tuxōy-*, в повседневном языке *jas-* 'мазать') и др. Примечательно, что в лексике «секретного языка», в отличие от словаря повседневного общения, ощущается известная продуктивность собственно ягнобских словообразовательных элементов [1].

Как уже было отмечено выше (стр. 137), ягнобский язык продолжает один из согдийских диалектов, причем этот диалект имел значительные отличия от согдийского языка, засвидетельствованного в дошедших до нас письменных памятниках. Это обстоятельство имеет большое значение как для реконструкции картины исходного общесогдийского состояния, так и для решения некоторых проблем распространения согдийских диалектов на территории Средней Азии в раннем средневековье.

Если оставить в стороне возможные новообразования, которые могли возникнуть в ягнобском в сравнительно позднее время, то основные отличия согдийско-ягнобского диалекта от диалекта, легшего в основу языка согдийской письменности, сводятся к следующему: 1) древнеиранская группа *θr-* в согдийском перешла в *š*, в ягнобском она отразилась как *tr* (западный говор), *sr* (восточный говор): др.-ир. *θray-* 'три', согд. *šē*, ягн. *tiray* ‖ *saray*; 2) древняя группа *dr* перешла соответственно в согдийском в *ž*, в ягнобском она сохранялась в начале слова и переходила в *-rd-* после гласного: др.-ир. *draw-* 'волос', согд. *žaw-*, ягн. *diraw*; др.-ир. *mudraka-* 'бусина, ожерелье', согд. *məžak*, ягн. *mirda*; 3) тип образования прошедшего времени с аугментом в ягнобском отличается от согдийского: в отличие от согдийского, в ягнобском все глаголы образуют прошедшее время с помощью префикса *a-*, тогда как в согдийском этот префикс выступал только в приставочных глаголах, причем располагался после приставки (ср. согд. *βāw* 'он пришел', ягн. *avδw*; согд. *pāraxs* 'он остался' от *ᵊpraxs-*, ягн. *apiraxs*); 4) флексия 3-го лица мн. ч. *-ōr* сближает ягнобский с авестийским, хорезмийским и хотано-сакским и отличает его от согдийского диалекта письменных памятников; 5) отмечаются определенные лексические различия, например, ягн. *γurda* 'глаз' — согд. *čašm*, *čam*; ягн. *γayk* 'дочь' — согд. *δuγd*, *δγut*; ягн. *pirōnt-* 'продавать' — согд. *parēδ-*; ягн. *rax* 'рот' — согд. *kūč* и др.

Можно предположить, что ягнобский язык является потомком раннесредневековых согдийских диалектов уструшанской группы, так что его отличия от письменного согдийского отражают различия между согдийскими говорами горной Уструшаны и согдийским диалектом Самарканда, легшим в основу письменного согдийского языка.

ПАМИРСКИЕ ЯЗЫКИ

Памирскими (или припамирскими) называют ряд территориально близких восточноиранских языков западного Памира. К памирским языкам относятся:

1) Шугнано-рушанская группа, включающая диалекты: *шугнанский* (с говорами баджуйским и верхнешахдаринским), *рушанский* (с хуфским говором), *бартангский*, *орошорский* (все на территории Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР, шугнанский и рушанский также в сопредельных районах Афганского Бадахшана) и *сарыкольский* (Синьцзян, КНР). Общего языка, объединяющего эти диалекты, как и общего самоназвания их носителей, нет. Наиболее значительным по числу

[1] Подробней о «секретном языке» ягнобцев см.; С. И. Климчицкий. Секретный язык у ягнобцев и язгулемцев. «Труды Таджикистанской базы АН СССР», т. IX. М.— Л., 1940, стр. 104—117; М. Н. Боголюбов. Ягнобский (новосогдийский) язык. Исследование и материалы. Автореф. докторской дисс. Л., 1956, стр. 30.

говорящих не только в шугнано-рушанской группе, но и среди всех памирских языков, является шугнанский. В пределах Горно-Бадахшанской автономной области шугнанский диалект распространен в Шугнанском и Рошткалинском районах — по всей долине р. Гунт, в долине р. Шахдара и по правому берегу р. Пяндж, от сел. Дарморахт до сел. Нижний Хуф (вверх и вниз от г. Хорога). За пределами СССР шугнанский распространен в афганской волости Шугнан, расположенной на левом берегу р. Пяндж. Рушанский диалект бытует в долине р. Пяндж, начиная от сел. Шипат на севере до сел. Нижний Хуф, далее вверх по долине р. Бартанг, а также в долине р. Хуф (хуфский говор). Рушанские кишлаки Афганистана расположены на левом берегу р. Пяндж.

На бартангском диалекте говорят жители селений, расположенных по обоим берегам р. Бартанг (от сел. Дашт до сел. Басид), а также жители сел. Хазудж в долине р. Гунт (переселенцы из Бартанга). Орошорский (или верхнебартангский) диалект распространен по верхнему течению р. Бартанг и его притоков (от сел. Нукбист до селений Гудара и Ирх). На сарыкольском языке говорят жители нескольких селений в районе Ташкургана и в других местностях Синьцзяна.

2) Язгулямский (язгулемский) язык, распространенный в долине р. Язгулям (Ванчский район Горно-Бадахшанской автономной области); им пользуются и переселенцы из Язгуляма в районах Вахшской долины.

3) Ишкашимский язык, представленный в пределах СССР только в селении Рын (Ишкашимский район Горно-Бадахшанской автономной области). На территории Афганистана этот язык распространен в районах Зебака и Санглича (верхнее течение р. Вардудж), а также в сел. Ишкашим (у изгиба Пянджа, на левом берегу). В Сангличе выделяется самостоятельный диалект.

4) Ваханский язык, распространенный в пределах Горно-Бадахшанской автономной области по долине верхнего течения р. Пяндж от сел. Наматгут до сел. Лангар Кишн. На территории Афганистана ваханцы живут в долине р. Вахан-Дарья (левый исток Пянджа). В Кашмире и в Пакистане ваханские селения имеются по течению рек Хунза и Ишкуман и в Читрале (верховья р. Ярхун). Ваханцы живут также в Сарыколе (по верхнему течению р. Ташкурган).

Памирские языки объединяются рядом общих черт в фонетике и морфологии. Общими для памирских языков признаками являются: наличие переднеязычных межзубных δ, θ и особых заднеязычных согласных $\check{x}$ и $\check{\gamma}$ (отсутствуют только в ишкашимском); спирантизация древних звонких смычных согласных (γ-, δ-, *v*- из древних *g*-, *d*-, *b*-); переходы древних групп согласных: $xt > \gamma d$, $xw > x$, $sr > \check{x}$, $šm > žm$; широкое распространение протетических согласных *w*- и *y*- во многих словах, начинающихся с гласных; три ряда указательных местоимений (за исключением язгулямского) и др. Лексика памирских языков содержит значительное число глагольных и именных основ, не сохранившихся в других иранских языках (например, вах. *naγd* 'ночь').

В ряде случаев памирская лексика дает важные указания на весьма древние мифологические и религиозные представления восточноиранских племен (ср., например, ишк. *remůzd*, *remůz*, сангл. *ormōzd* 'солнце' из др.-ир. *Ahuramazdāh-* 'Ормузд').

Наряду с общими для всех памирских языков признаками отдельные языки этой группы по многим фонетическим, морфологическим и лексическим особенностям значительно отличаются друг от друга. Так, например, с точки зрения исторического развития ваханский язык противостоит всем другим памирским языкам по ряду признаков: сохранение древних глухих *-p-*, *-t-*, *-k-*, перешедших в остальных памирских в звонкие (ср., например, вах. *vrət* 'брат', язг. *vəred*, шугн., рушн., хуф., бартанг., орош. *virōd*, др.-ир. *brātā*); переход $sw > š$, неизвестный другим иранским

языкам[1] (*šač* 'собака' из *spaka-*; *yaš* 'лошадь' из *aspa-*); особые формы личных местоимений 1 и 2-го лица мн. ч. Ишкашимский и сарыкольский выделяются развитием *-š-* в *-ḷ-*, *-l-* (ишк. *γůḷ* 'ухо', сарык. *γεwl* из *gauša-*), что не находит аналогий в других памирских языках. Язгулямский по некоторым признакам сближается с согдийским и ягнобским; ср., например, язгул. показатель множественного числа *-ǎϑ*, согд., ягн. *-t*; язг. *mad* 'он стал' — согд. *māt*; язг. *mit* 'он становится' — согд. *wamāti* '(пусть) он станет'.

Наличие такого рода дифференций заставляет предполагать происхождение современных памирских языков от различных сакских диалектов и отказаться от попыток реконструкции древнего общепамирского прототипа.

Припамирцы, говорящие на памирских языках, владеют и таджикским языком, который в условиях Горно-Бадахшанской автономной области служит основным средством межрайонного общения (ваханец не понимает язгулямской речи, ишкашимец — шугнанской и т. д.). Таджикский язык преподается в школах Горно-Бадахшанской автономной области и является важным фактором развития культуры Советского Памира. Припамирский фольклор, весьма разнообразный по формам и играющий большую роль в жизни горцев, развивается под влиянием таджикской литературы. Письменная литература в Бадахшане в течение ряда веков пользуется таджикским языком.

Попытки введения шугнанской письменности (на латинской графике), предпринимавшиеся в конце 20-х — начале 30-х годов, успеха не имели, поскольку это вело к изоляции памирских таджиков, тормозило развитие экономики, просвещения и культуры Горно-Бадахшанской автономной области.

Влияние таджикского языка на памирские весьма значительно. Оно особенно сильно ощущается в лексике как бытовой, повседневной, так и профессиональной. Из таджикского заимствован ряд словообразующих суффиксов, а также модели некоторых синтаксических конструкций.

Шугнано-рушанская группа

Для всех диалектов этой группы (кроме сарыкольского)[2] характерно противопоставление гласных по длительности: шугн. *ā* : *a*; *ī*, *ē*, *ε̄* : *i*; *ū*, *ů̄*, *ō* : *u*; руш. *ā* : *a*; *ī*, *ē* : *i*; *ū*, *ů̄* : *u*; *ō* : *o*; хуф. *ā* : *a*; *ī*, *ē* : *i*, *oe*; *ū*, *ů̄* : *u*; *ō* : *o*; барт. и орош. *ā* : *a*; *ī*, *ē*, *ϑ̄* : *i*; *ū*, *ō* : *u*. С точки зрения соответствий гласных внутри группы должны быть особо отмечены: руш., хуф. *o* — шугн. *ī* (*xor* — *xīr* 'солнце', *poδ* — *pīδ* 'след'); руш., хуф. *ǎw* — шугн. *ů̄* (*wāwn* — *wů̄n* 'шерсть', *sawd*, *sawt* — *sů̄d* 'он идет'); барт., орош. *ϑ̄* — руш., хуф. *o* — шугн. *ī* (*čϑd* : *čod* : *čīd* 'дом', *žϑ̄z* : *žoz* : *žīz* 'дрова'). Ударение, как правило, падает на последний слог. Состав согласных фонем для всех диалектов одинаков: смычные *p*, *b*, *t*, *d*, *k*, *g*, *q*; аффрикаты *c*, *dz*, *č*, *ǰ*; щелевые *f*, *v*, *ϑ*, *δ*, *s*, *z*, *š*, *ž*, *x*, *γ*, *x̌*, *γ̌*; сонанты *w*, *y*, *m*, *n*, *l*, *r*. В отличие от шугнанского, в рушанском, хуфском, бартангском и орошорском *-γ̌* (из др.-ир. *-š*) в исходе слова не встречается, заменяясь *-w*; в сарыкольском ему соответствует *l* или *r*: шугн. *xō*^{w}*γ̌*, руш., хуф. *xů̄w*, барт., орош. *xϑ̄w*, сарык. *xel* 'шесть' (др.-ир. *xšwaš*); шугн. *γů̄γ̌*, руш., хуф. *γōw*, барт., орош. *γϑ̄*, *γūw*, сарык. *γεwl* 'ухо'.

Имена существительные, прилагательные, указательные местоимения, причастия, а также некоторые глагольные формы, происходящие из причастных конструкций, характеризуются наличием категории рода, вы-

---

[1] Помимо ваханского, переход *sw* > *š* отмечается лишь в хотано-сакском.

[2] Т. Н. Пахалина. Сарыкольский диалект и его отношение к другим диалектам шугнано-рушанской языковой группы. (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР). М., 1960.

ражаемой главным образом путем внутренней флексии (изменение гласного основы): *šor*, *šə̄r* 'осел' — *šār* 'ослица'; *tuǯp* 'кислый' — *taǯp* 'кислая'; шугн. *yu* 'тот, он' — *yā* 'та, она'. В отличие от других диалектов, категории рода нет в сарыкольском.

Основной показатель множественного числа существительных в шугн., руш., барт. и хуф. *-ēn*, в орош. *-īf*, в сарык. *-xɛyl*. Падежные формы (прямой и косвенный падежи) во всех диалектах, кроме сарыкольского, имеют только некоторые разряды местоимений. В сарыкольском форма косвенного падежа наличествует также и у множественного числа существительных (*-yef*, *-ef*).

Падежные отношения выражаются с помощью развитой системы предложных и послеложных показателей, часть которых утратила самостоятельное значение и превратилась в падежные аффиксы: показатель принадлежности (родительный пад.) — шугн. *-and*, руш., барт., орош. *-ā*, сарык. *-an*, хуф. *-ōw*; показатель направления (дательный пад.) — шугн. *-ard*, хуф. *-rd*, руш., барт., орош., сарык. *-ri* и др. Другие предлоги и послелоги служат для выражения или уточнения пространственных отношений (*ar* — нахождение внизу; шугн. *-tīr*, руш., хуф. *-ti*, барт., орош. *-tə̄r*, сарык. *-ter* 'сверху, наверху'; шугн., руш., хуф., барт. *-pirō*, орош. *-pirōd*, сарык. *-pərud* 'перед' и др.).

Личные местоимения 1 и 2 лица ед. ч. имеют две падежные формы — прямую и косвенную (шугн. *wuz* 'я', косв. *mu//mo*; *tu* 'ты', косв. *tā*). Указательные местоимения делятся на три основные группы, обозначающие предметы ближайший, средней удаленности и дальний. Они имеют формы рода и косвенного падежа: шугн. *yam* 'этот ближний' (муж. р.), косв. пад. ед. ч. *mi*; *yid* 'этот дальний' (средняя удаленность), косв. *di*; *yu* 'тот', косв. *wi*. Три степени дальности выступают и в наречиях, образованных от местоимений («здесь» — «там близко» — «там» и т. д.).

Для глагола характерно наличие двух основ — настоящего и прошедшего времени, причем прошедшая основа, восходящая к древнему причастию, имеет формы рода. Спряжение переходных глаголов в прошедшем времени в рушанском и бартангском диалектах отличается от спряжения непереходных глаголов. Во всех диалектах имеются причастные образования и глагольные формы и обороты, конструируемые с причастиями.

Язгулямский язык

В язгулямском языке (*yůzdómi zəvég*) восемь гласных, различающихся между собой главным образом по качеству, а не по длительности: *a* : *ā*; *i*, *e*, *ə* (очень краткий гласный), *u*,*ů* , *o*. Для язгулямских согласных характерно наличие огубленных фонем, отсутствующих в других памирских языках,— x^w, γ^w, $\check{x}^w$, k^w, g^w (x^w*orn* 'ворона', ср. шугн., руш. *xūrn*, вах. *x̌un*, старованчское *kərna*; γ^w*ərag* 'клевер'; $\check{x}^w$*ovd* 'молоко', ср. шугн., руш. *x̌ūvd*, сарык. *x̌evd*; k^w*od* 'собака', ср. шугн. *kud*, ишк. *kəd*; g^w*ol* 'цветок'), а также противоположение твердых и мягких *k* — *ḱ*, *g* — *ǵ* (*ḱār* 'работа' — *kār* 'глухой'; *wůg* 'один' — *nuǵ* 'новый'; *wārǵ* 'волк', ср. шугн., руш. *wurǰ*, ишк. *wurk*). Грамматический род выступает в язгулямском только в местоимениях 3-го лица ед. ч. (косв. пад. муж. р. *way*, *day*, жен. р. *im*, *dim*). Основной показатель множественного числа имен существительных — *ăϑ* (*γar* 'камень', мн. ч. *γarāϑ*); реже в этой функции употребляется *-en* (*odamen* 'люди'). Падежных форм две — прямая и косвенная, имеющая окончание *-i* (*vəred* 'брат' — *vəredi δoγd* 'дочь брата') и выступающая в качестве определения. Выражение падежных отношений осуществляется главным образом с помощью предлогов и послелогов, которые, как и в шугнано-рушанской группе, частью превратились в аффиксы (*ma* — показатель косвенного объекта, направления; *-ra* — адресат и объект действия; *ž* — объект, *-ǰe* — направление и местонахождение и др.), частью же сохранили свое лексическое значение (*pəta* 'к, по направлению'; *dəri* 'внутри'; *pəša*

‚позади, вслед'; *pərəd* 'перед, около, возле' и др.). В ряде конструкций имя или местоимение может быть оформлено двумя аффиксами: *na-ž-im* 'из нее' (ср. *ž-im* 'ее').

Широко употребляется неопределенный артикль *wû* 'какой-нибудь', 'некий' (из *wûg* 'один').

Для личных местоимений в язгулямском характерно наличие особых форм, выражающих принадлежность: *âz* 'я', косв. пад. *mûn*, притяжательная форма *ni* 'мой'; *tow* 'ты', косв. пад. *tu*, притяжательная форма *ti* 'твой'. В отличие от шугнано-рушанской группы, указательные местоимения в язгулямском делятся на две группы: *yu*, *yuk* 'этот', *du*, *duk* 'тот'. Среди числительных примечательны формы двадцатиричного счета, широко употребляющиеся в речи женщин: *δow wast* '40', букв. 'два двадцать', *δow wast-a δus* '50', букв. 'два двадцать и десять'.

В спряжении глагола в прошедшем времени и в перфекте в язгулямском языке наблюдается различие между переходными и непереходными глаголами — при переходных глаголах подлежащее, выраженное местоимением, стоит в косвенном пад. Ср.: *az-əm yat* 'я пришел' — *mûn xug* 'я съел'.

Перфект образуется с помощью причастия на *-a* (*šəda* "ушедший", *wənta* 'увидевший', *žada* 'убитый') или на *-ag* (*x̌ʷantag-əm* 'я выучился', 'я грамотный'). Инфинитив (имя действия) имеет аффикс-*aǰ* и выступает в потенциальных оборотах (*moxi zəveg na mit maktab x̌ʷanaǰ* ('наш язык нельзя учить в школе').

Ишкашимский язык

В ишкашимском языке (*iškošmî*, *šikošmî*) имеются гласные *a*, *i*, *e*, *o*, *û*, *u*, *ə*. По составу согласных он отличается от других памирских языков—в нем отсутствуют межзубные *δ*, *ϑ* и заднеязычные *x̌*, *γ̌*; очень редко употребляется аффриката *dz*. Для ишкашимского (как и для ваханского) характерен ряд церебральных звуков — смычные *ṭ*, *ḍ*, щелевые *ṣ̌*, *ẓ̌*, аффриката *č̣*, сонорный *l̩*.

В морфологии ишкашимского языка заметно влияние таджикского: показатель множественного числа у большинства имен *-o* ‖*-yo* (тадж.*-ho*, *-o*), показатель единичности *-i* (тадж. *-e*).

Падежные отношения выражаются предлогами (*pə*, *tar* — местонахождение; *kə* — направление и др.) и послелогами (*-bo* — направление, назначение, цель; *-(y)i* — показатель прямого объекта; *-no* ‖*-noy* — принадлежность и др.). Шире, чем в других памирских языках, употребляются предлоги и послелоги, заимствованные из таджикского (*bayni* 'между', *ba-sari* 'за', *darun* 'внутри' и др.).

Личные местоимения, как и в язгулямском, имеют три формы — прямую, косвенную и притяжательную: *az(i)* 'я', косв. *mak*, притяж. *mə(n)*; *tə* 'ты', косв. *fak*, притяж. *ti*. Указательные местоимения представлены тремя рядами: *am(i)* 'этот ближний', *ad(i)* 'этот дальний', *aw(i)* 'тот'.

Глагольные формы, как и в других памирских языках, образуются от носов настоящего и прошедшего времени, причем различия в спряжении переходных и непереходных глаголов в прошедшем времени не проводится. Лицо и число формы прошедшего времени выражается, как и в других памирских языках, с помощью безударных подвижных личных показателей местоименного происхождения, присоединяющихся, как правило, к первому ударному члену предложения.

Перфект образуется сочетанием основы перфекта (основа прош. вр. + суффикс *-uk*‖ *-ûk*) с личными показателями: *tə-t tûγduk* '(говорят), ты пошел' и т. п.

Санглийский диалект (*sangleči*) отличается от ишкашимского наличием церебрального *ṇ*, а также некоторыми историко-фонетическими и морфологическими признаками: др.-ир. *ϑ* в ряде слов дает в ишк. *s*, в сангл. *t*; др.-ир. *-št-* соответствует в ишк. *-ṭ-*, в сангл. *-t-*; в ишкашимском отсутствует предложный аффикс *va*, оформляющий в санглийском прямое

дополнение; имеются различия в падежных формах личных и указательных местоимений. Сангличский диалект в большей степени, чем ишкашимский, испытывает влияние ваханского языка.

Ваханский язык

В ваханском языке (*x̌ik zik*) имеются гласные *a*, *i*, *e*, *ə*, *u*, *o*. Среди согласных, помимо всех фонем, представленных в шугнано-рушанской группе, имеется ряд церебральных: *ṭ*, *ḍ*, *ṣ̌*, *ẓ̌*, *č̣*, *ǰ̣*. В отличие от других памирских языков, в ваханском *r*, *l*, *y* могут полностью оглушаться в быстрой речи.

Ударение в именах обычно на последнем слоге, однако большинство морфологических показателей (аффиксы множественного числа, падежа и др.) ударения не принимают. В глагольных формах ударение тяготеет к первому слогу основы.

Грамматического рода в ваханском языке нет. Показатель множественного числа имен *-iš* ‖ *-išt*. Различаются формы прямого и косвенного падежей. Как и в других памирских языках, главную роль в выражении падежных отношений играют предлоги и послелоги, частично утратившие самостоятельное значение и превратившиеся в падежные аффиксы (*-ən* — значения творительного падежа, обладания; *cə . . .ən* 'от, из'; *-ər*, *-r*, *-rək* — адресат действия; *də*, *dər*, *tə*, *tər* — направление; *də. . .ən* — совместность; *sə*, *sək* 'на, над' и др.).

Личные местоимения: *(w)uz* 'я', косв. пад. *māẓ̌*, притяжательная форма *žə*; *tu* 'ты', косв. *tāw*, притяж. *ti*. Ваханские формы личных местоимений 1 и 2-го лица мн. ч. резко отличаются от других памирских: вах. *sak* 'мы', *spo* 'наш', шугн., руш., хуф., барт., орош. *māš*, сарык. *maš*, язг. *mox* 'мы', ишк. *məx* (*o*) 'мы', *məš* 'наш'; вах. *šayiš* ‖ *šaš* 'вы', *sav* 'ваш' — шугн. орош., барт. *tamāš*, сарык. *tamaš*, руш., хуф. *tama*, язг. *təmox* 'вы', ишк. *təməx* 'вы, ваш'.

Указательные местоимения: *yət* 'этот ближний', *yət* 'этот дальний', *yaw* ‖ *ya* 'тот'.

Среди числительных представлен ряд форм двадцатиричного счета: *yi bist-ət δas* '30' ('одно двадцать и десять'), *bu bist* '40' ('два двадцать') и т. д.

Ваханский язык проводит различие между спряжением переходных и непереходных глаголов в прошедшем времени. Каузативные (понудительные) глаголы образуются посредством суффикса *-v-*, имеющего аналогию в мунджанском *-ov-*, афганском *-āw-*, но отсутствующего в других памирских языках (ср. суффикс каузатива в шугнано-рушанской группе: шугн., руш., хуф., *-ēn-*, барт. орош. *-ōn-*, сарык. *-on-*).

БЕЛУДЖСКИЙ ЯЗЫК

Белуджский язык относится к северо-западной группе иранских языков. Белуджи, живущие на территории Туркменской ССР, как и белуджи Ирана, говорят на западном (хорасанском) диалекте белуджского языка, отличающемся по ряду признаков от восточного диалекта белуджей Пакистана.

Для звукового состава белуджского языка характерно наличие церебральных *ṭ*, *ḍ*, отсутствие щелевых *f*, *h*. Гласные делятся на долгие (*ā*, *ī*, *ē*, *ū*, *ō*) и краткие (*a*, *i*, *u*).

Имя существительное имеет три падежных формы — именительный падеж (*asp* 'лошадь'), родительный (*aspay*) и винительный (*aspā*). Показатель множественного числа *-ān* (*aspān* 'лошади', родительный пад. *aspānī*, винительный пад. *aspānā*). Прилагательные форм числа и падежа не имеют; употребляясь перед определяемым именем, прилагательные принимают окончание *-ēn* (*spēt* 'белый' — *spētēn asp* 'белая лошадь').

Для личных местоимений характерно наличие инклюзивной формы 1-го лица мн. ч. (*mašmā* 'мы с вами', ср. *amma* 'мы', *šmā* 'вы').

Наиболее употребительные предлоги: *ša* 'из, от'; *bi* 'к'; *pa* 'для'; *gō* 'с, вместе с, посредством'. Широко применяются также послелоги (*padā* 'вслед за'; *čērā* 'под'; *tā* 'внутрь'; *dēmā* 'в сторону' и др.).

Глагол имеет две основы: настояще-будущего и прошедшего времени (*man-a kan-īn* 'я делаю', *kurt-un* 'я сделал').

Повелительное и сослагательное наклонения образуются с помощью префикса *b-* (варианты *p-*, *m-*): *pkanīn* 'если я сделаю', *pkan* 'сделай'.

Исторически белуджский является потомком одного из диалектов мидийского языка. Переселение белуджей из западного Ирана (область Кермана) на восток привело к известной обособленности белуджского языка и способствовало сохранению в белуджской фонетике ряда архаичных черт (ср., например, белудж. *āp* 'вода', тадж. *ob* из др.-ир. *āp-*).

КУРДСКИЙ ЯЗЫК

Курдский язык, относящийся к северо-западной группе иранских языков, разделяется на ряд наречий, основными из которых являются *курманджи* и *курди*. Курды, живущие на территории Туркменской ССР (в районе Фирюзы, к югу от Ашхабада), являются выходцами из Хорасана[1]. Говор курдов Туркмении, относящийся к наречию курманджи, близок к хорасанским курдским говорам. Основные особенности этого говора (сравнительно с говорами курманджи курдов Турции, Ирака, Сирии, северо-западного Ирана и Армении) следующие: а) в фонетике[2]— девять гласных фонем: *a*, *e*, *i*, *ɣ*, *o*, *û*, *u*, *ъ*, *ŏ*; фонемы *ъ* (из древнего *i* или *a*) и *ŏ* (из *u*) противополагаются другим гласным своей редуцированностью; фонема *ɣ является новообразованием* (*соответствует o и u в других говорах* курманджи); среди согласных характерно наличие одной фонемы *r* (в других говорах курманджи отмечается *r* сонорное, близкое к русскому, и *r* слабоударное, приглушенное), наличие фонемы *ḫ* — заднеязычного носового смычного; отсутствие верхнефарингального щелевого *ḥ*, отсутствие фарингализации гласных (ср. туркм.-курд. *aziz* 'дорогой', соответствующее *ə'ziz* у курдов Армении); б) в грамматическом строе[3]— отсутствие особых форм будущего времени и употребление формы настоящего времени в значении будущего 1 других говоров курманджи и формы прошедшего длительного в значении будущего 11; более широкое, чем в других говорах курманджи, использование внутренней флексии как средства образования форм косвенного падежа единственного числа имен существительных мужского рода (*law* 'юноша', косв. пад. *lew*); окончание косвенного падежа множественного числа *-an* (редко *-a*); окончание косвенного падежа единственного числа имен существительных, снабженных неопределенным артиклем,—*-e*, независимо от рода имени; имена существительные, выступающие с определенным артиклем (указательное местоимение *va*), в косвенном падеже единственного числа оканчиваются на *-a*, независимо от рода; изафет (показатель связи определения с определяемым) имен существительных женского рода не только *-a*, но и *-e*, *-i* (*xʷe tьn* 'моя сестра', *xʷayi tьn* 'моя младшая сестра').

---

[1] На территорию северного Хорасана ряд курдских племен был переселен из районов западного Ирана в XVI—XVII вв.

[2] В. С. Соколова. Очерки по фонетике иранских языков, I. М.— Л., 1953, стр. 78—104.

[3] По неопубликованным материалам И. И. Цукермана.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

В антропологическом отношении Средняя Азия представляет собой зону смешения и контакта двух больших рас: европеоидной и монголоидной. Народы Средней Азии обнаруживают существенные различия по всем признакам, по которым обе большие расы различаются между собой: по развитию бороды и волосяного покрова на теле, по выступанию скул и носа, по строению верхнего века.

Комплекс признаков, характеризующих европеоидную большую расу, в наиболее ясном виде выражен у горных таджиков. По этим признакам горные таджики не отличаются от народов Передней Азии, Кавказа и Средиземноморья. Горные таджики могут рассматриваться как характерные, условно говоря, «чистые» представители европеоидной большой расы.

Больше всего отличаются от горных таджиков киргизы. В первую очередь эти различия относятся к тем признакам, по которым монголоидная большая раса в наибольшей степени отличается от европеоидной. У киргизов гораздо слабее развит волосяной покров на теле и на лице (борода), лицо заметно более плоское, нос выступает меньше, а в строении верхнего века гораздо чаще проявляется характерная особенность монголоидной большой расы: так называемая монгольская складка века, или эпикантус. Однако по сравнению с южными алтайцами, тувинцами или бурятами, которые могут считаться наиболее характерными представителями монголоидной расы, все эти особенности у киргизов выражены несколько менее отчетливо. Поэтому киргизы не могут считаться вполне характерными, условно говоря, вполне «чистыми» представителями монголоидной большой расы.

Интересно, что в области непосредственного соседства горных таджиков и киргизов, на Памире и в Алайской долине, границы между обеими большими расами выявляются наиболее резко. Во всех остальных областях Средней Азии мы наблюдаем все ступени перехода между обоими крайними типами.

По мере удаления от горных долин к равнинам среди таджиков начинает проявляться незначительная примесь монголоидного элемента. Она проявляется во всех признаках; в несколько большем выступании скул, в несколько меньшем развитии бороды, в появлении монгольской складки века, которая хотя и редко, только у детей и подростков, но все же встречается.

Этот европеоидный тип с небольшой примесью монголоидного элемента был назван Л. В. Ошаниным типом Среднеазиатского междуречья. Иногда он называется также памиро-ферганским.

Представителями типа Среднеазиатского междуречья являются не только таджики, но и большая часть узбеков. В целом доля монголоидного элемента в составе узбеков несколько выше по сравнению с таджиками, но лишь в отдельных группах монголоидный элемент становится если не господствующим, то по крайней мере численно равнозначным европеоидному. Сюда относятся те этнографические группы, которые можно условно назвать полукочевыми узбеками и которые связаны по происхождению с дештикыпчакскими узбеками XV в. Те группы узбеков, которые сохраняли самоназвание «тюрк», а особенно те, которые по происхождению связаны с так называемыми «сартами» (см. стр. 169), мало отличаются, а местами и совсем не отличаются от таджиков.

Нельзя, таким образом, провести по антропологическим данным резкую грань как между узбеками и таджиками, так и между узбеками и казахами или каракалпаками.

У каракалпаков и казахов, а особенно у киргизов признаки монголоидной расы явно преобладают. Различия между этими тремя народами невелики и улавливаются только на основе статистических данных. Если же сравнивать между собой отдельных индивидуумов, принадлежащих к крайним группам, скажем казахов с горными таджиками, то у них характерные антропологические признаки явственно видны.

Между основными народами Средней Азии по важнейшим антропологическим признакам наблюдается последовательный ряд переходов. Однако антропологическое исследование не ограничивается определением доли участия больших рас (в данном случае монголоидной и европеоидной) в формировании физического типа того или иного народа или области. В составе каждой из больших рас выделяются более мелкие подразделения.

Монголоидный элемент, составивший основу антропологического типа киргизов, казахов и каракалпаков, в наиболее характерном сочетании признаков встречается у бурят, монголов, тувинцев, южных алтайцев. Этот монголоидный тип известен в литературе под названием центральноазиатского.

Характерной особенностью этого типа, помимо тех признаков, которые свойственны всей монголоидной большой расе, являются большие размеры головы и лица, особенно ширины его.

Европеоидный антропологический тип, представленный у горных таджиков, известен под названием памирского. Для него характерны: сильный рост бороды, слабо выступающие скулы, резко выступающий нос, отсутствие монгольской складки века, преобладание черных волос и карих глаз, значительная частота выпуклых форм носа, брахикефалия.

В географической и этнографической литературе конца XIX и начале XX в. часто встречались сообщения о «голубоглазых и белокурых племенах», будто бы живущих в отдаленных ущельях Памира. При проверке эти сообщения не подтвердились. По-видимому, путешественники находились под влиянием широко распространенных в то время представлений о «белокурой расе», характерной для «исконных арийцев». Поэтому они невольно запоминали несколько встреченных ими более или менее светлоглазых людей с русыми волосами и забывали о всех остальных как о «нетипичных». В действительности светлые глаза и русые волосы распространены на Памире в общем не больше, чем в других районах Средней Азии. Однако сохранявшаяся до недавнего прошлого изолированность населения отдельных долин приводила к тому, что по некоторым признакам население этих долин характеризовалось довольно значительными отклонениями от общего типа. Выдающийся советский ботаник и генетик

Н. И. Вавилов именно так объяснял появление несколько большей частоты светлоглазых индивидуумов в некоторых районах Афганистана. Исследования показали резкие различия в процентном отношении разных групп крови у жителей отдельных долин Каратегина и Дарваза. Но изоляция, вызывающая формирование локальных типов, все же нигде не привела к преобладанию светлоглазых индивидуумов, хотя в некоторых малонаселенных долинах число людей с чисто карими глазами падает до 30%, а число светлоглазых подымается до 5%.

Характерный для горных таджиков памирский тип составляет европеоидную основу типа Среднеазиатского междуречья и некоторыми исследователями от него даже не отделяется, что вызывается отсутствием резких границ и невозможностью установить, где же примесь монголоидного элемента становится настолько значительной, что уже можно говорить не о памирском типе, а о типе Среднеазиатского междуречья.

Особое положение в антропологическом отношении занимают туркмены.

Монголоидный элемент в составе туркмен безусловно имеется, но он явно не является преобладающим. По росту бороды, по выступанию скул, по строению верхнего века туркмены в общем близки к узбекам без родовых делений. Но они резко отличаются от них по форме головы. Голова у туркмен не круглая, как у узбеков или таджиков, а длинная. Такой же длинной формой головы (головной указатель около 75) отличаются некоторые соседние народы, у которых, в отличие от туркмен, совсем нет примеси монголоидного элемента. Этот длинноголовый европеоидный тип Л. В. Ошанин назвал хорасанским. Он обнаружен у персов и южных азербайджанцев. Характерный для туркмен тип с небольшой монголоидной примесью именуется, по Л. В. Ошанину, закаспийским. В основе его лежит, по-видимому, тот же хорасанский тип. Этот тип, как и памирский, относится к южной ветви европеоидной расы. Хорасанскому типу свойственно несколько более высокое и более узкое (следовательно, по форме более удлиненное) лицо, несколько более высокий рост. Форма головы служит резким разграничительным признаком между обоими типами, но значение этого признака не следует преувеличивать.

Известно, что форма головы иногда сравнительно быстро изменяется. Население центральной Европы, например, всего 700—800 лет назад характеризовалось длинной формой головы. А уже 400—500 лет назад голова приобрела круглую форму. Такие же явления отмечены в Восточной Европе и во многих других областях. Существенным фактором, влияющим на форму головы, являются условия воспитания. Широко распространенная в Средней Азии колыбель (узб. *бешик*, тадж. *гавора*) приводит к уплощению затылка и, следовательно, к увеличению головного указателя. У туркмен широко распространен обычай особым образом повязывать платком голову ребенка, в результате чего она становится более длинной. Роль этих условий в достаточной мере пока не выявлена. Все же нельзя считать, что различие между памирским и хорасанским типами объясняется исключительно условиями воспитания в раннем детском возрасте. Правильнее предположить, что памирский тип, составивший основу типа Среднеазиатского междуречья, и хорасанский тип, составивший основу закаспийского, близки между собой, но не идентичны.

Значительно сложнее вопрос о европеоидном элементе, вошедшем в состав каракалпаков, казахов и киргизов. У таджиков и узбеков, с одной стороны, и у туркмен, с другой, исследование облегчается, во-первых, тем, что европеоидные элементы у этих народов преобладают, во-вторых, тем, что в непосредственной близости имеются группы, в составе которых совсем нет примеси монголоидного элемента. В состав каракалпаков, казахов и киргизов европеоидный элемент входит, во-первых, в небольшой

доле, во-вторых, он отсутствует «в чистом виде» на такой территории или в таких условиях, которые позволили бы с достаточной уверенностью предполагать, что именно этот тип и вошел в состав киргизов и особенно казахов.

Было замечено, что в цвете глаз у киргизов и казахов хотя и преобладают темные оттенки, но все же не менее чем у одной трети встречаются смешанные оттенки окраски радужины. По цвету глаз казахи мало отличаются, например, от уйгуров. Между тем по другим признакам доля европеоидного элемента проявляется у уйгуров гораздо более отчетливо, чем у казахов и киргизов. Некоторые группы узбеков и даже таджиков характеризуются еще меньшей частотой смешанных оттенков цвета глаз, чем киргизы. Так как очень мало вероятно, что смешанные оттенки глаз в столь значительной доле появились в центральноазиатском монголоидном типе, то было высказано предположение, что европеоидный элемент, вошедший в состав казахов, отличался если и не преобладанием светлых оттенков радужной оболочки, то по крайней мере значительной частотой этих оттенков.

Если бы европеоидный элемент, вошедший в состав казахов, был сходен с тем, который характерен для таджиков, то мы наблюдали бы у казахов по сравнению с бурятами или монголами уменьшение ширины лица, уменьшение размеров головы, так как по этим признакам таджики резко отличаются от бурят. В действительности лицо у казахов нисколько не у́же, чем у бурят, а размеры головы нисколько не меньше. Исходя из этих данных, было высказано предположение, что европеоидный элемент, вошедший в состав казахов, отличался широким лицом и довольно большими размерами головы. Теперь такие типы в составе европеоидной расы встречаются редко, они отмечены только в составе некоторых этнографических групп, живущих по склонам центральной части Большого Кавказского хребта. Но в прошлом, в бронзовом веке, они были широко распространены в степной полосе СССР от Днепра до Енисея. К этой группе широколицых европеоидных типов относился и тип древнего населения Казахстана. По названию той культуры, в могилах которой были найдены черепа этого типа, его называют андроновским типом. Смешавшись с андроновцами, центральноазиатские монголоиды и дали тип современных казахов, получивший название туранского или южносибирского антропологического типа.

Мы указывали выше, что в формировании антропологического состава народов Средней Азии приняли участие в основном европеоидные и монголоидные элементы. Наряду с этим следует учитывать проникновение в древние времена на эту территорию групп иного происхождения, относящихся к третьей большой расе — экваториальной.

В населении южной Туркмении в неолитическую эпоху, а Хорезма в эпоху бронзы хорошо прослеживаются черты этой расы (Т. А. Трофимова). Экваториальные элементы, наличие которых можно предполагать в древнем населении и других районов Средней Азии, в дальнейшем растворились в господствовавшем европеоидном населении.

Из двух основных элементов, европеоидного и монголоидного, первый безусловно является более древним в Средней Азии.

В бронзовом веке нет еще никаких следов монголоидной примеси. Почти по всему Казахстану до самых восточных его границ и далее распространен широколицый андроновский тип с умеренно длинной формой массивного черепа. Европеоидные черты резко выражены и у древнего населения Туркмении. Но здесь, в отличие от андроновцев Казахстана, преобладают черепа тонкого строения с узким лицом и очень длинной формой мозговой коробки. Это древние представители современного хорасанского типа. В Хорезме найдены черепа обоих типов, по-видимому, здесь проходила зона древнего контакта между ними.

Различие между обоими типами является частным случаем более широкой закономерности. По всей степной полосе СССР от Днепра до Енисея в бронзовом веке для населения были характерны антропологические типы, очень близкие к андроновскому, отличавшиеся массивным строением черепа и значительной шириной лица. А более тонкие черепа с узким лицом найдены в бронзовом веке не только в Туркмении, но и в Закавказье и на правобережной Украине. Возможно, что в бронзовом веке на территории СССР эти признаки в какой-то мере отражали различия между древними формами северной и южной ветвей европеоидной расы. Это не более, чем гипотеза, но важно все же отметить, что древнее население Казахстана и Туркмении относилось к двум существенно различным типам, хотя и принадлежащим к одной европеоидной большой расе.

Брахикефальные европеоиды, которых можно было бы считать древней формой памирского типа, в это время еще отсутствуют. Возможно, что их еще и не было, что брахикефалия появилась и распространилась позднее.

Монголоиды впервые появляются в I тысячелетии до н. э. В могилах сакского времени на Иртыше, в низовьях Сыр-Дарьи и в Киргизии примесь монголоидного элемента проявляется вполне отчетливо, но этот элемент нигде еще не составляет большинства. Черепа сакского времени по сравнению с черепами бронзового века более брахикефальны. Возможно, что в этом признаке проявляется примесь монголоидного элемента, но возможно также, что и здесь в европеоидном типе начинают действовать те же процессы, которые наблюдаются в других странах и которые приводят к появлению брахикефальных типов. Однако на южном Памире, где сейчас распространен памирский брахикефальный тип, в сакское время еще преобладают очень долихокранные формы. Здесь не замечается также никаких следов примеси монголоидного типа.

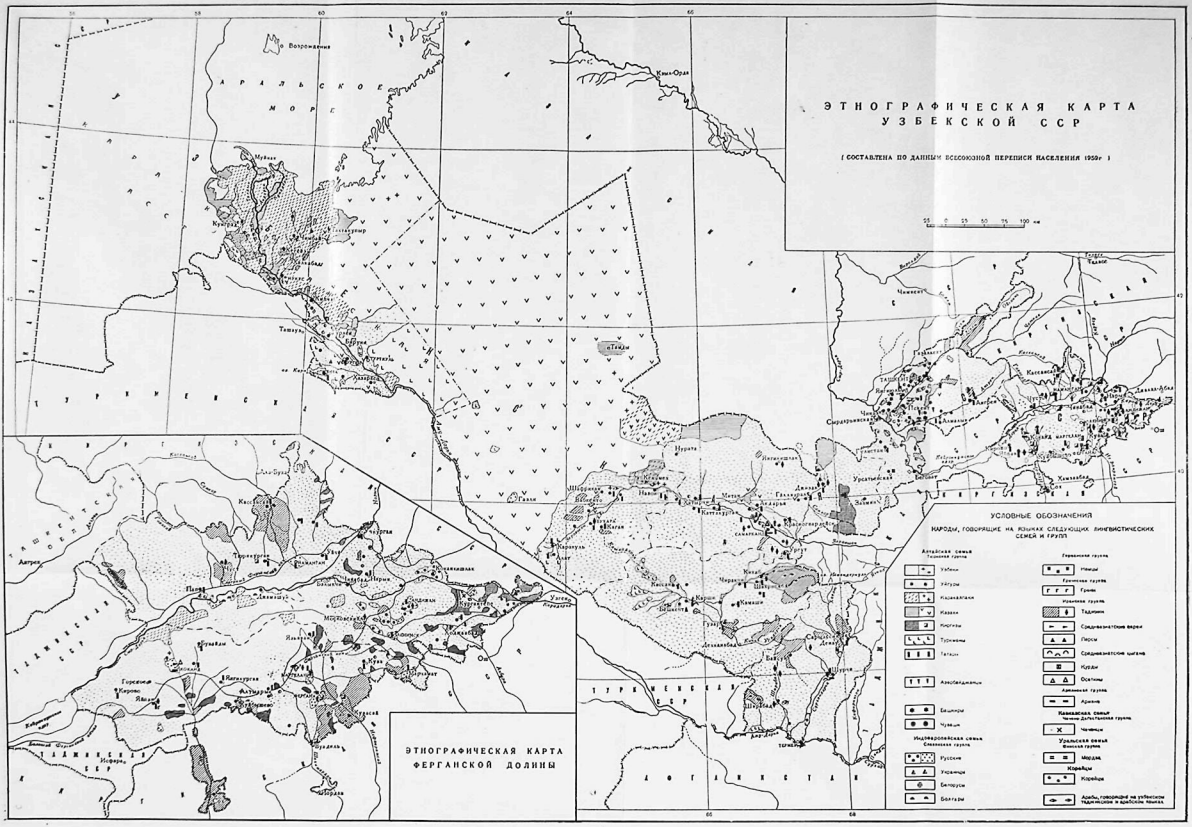
В первых веках нашей эры существенных изменений в антропологическом составе населения Средней Азии и Казахстана отметить пока не удалось. В Казахстане и в Киргизии в могилах, приписываемых усуням, находятся черепа того же смешанного умеренно брахикефального типа с преобладанием признаков европеоидной расы. В могилах с катакомбами, которые иногда приписываются гуннам, черепа большей частью искусственно деформированы и форму их мозговой коробки определить трудно. Судя по строению основания черепа, а также по отдельным недеформированным черепам, мозговая коробка все же скорее была умеренно брахикефальной. В строении лицевого скелета проявляется все то же смешение признаков, но монголоидные черты и здесь не преобладают. В Фергане и в Хорезме примесь монголоидного элемента была незначительной. Однако брахикефальные черепа встречаются здесь уже довольно часто; впервые можно с достаточной долей уверенности говорить о существовании европеоидных вариантов, составивших основу типа Среднеазиатского междуречья. В Туркмении преобладают, как и в настоящее время, черепа длинной формы.

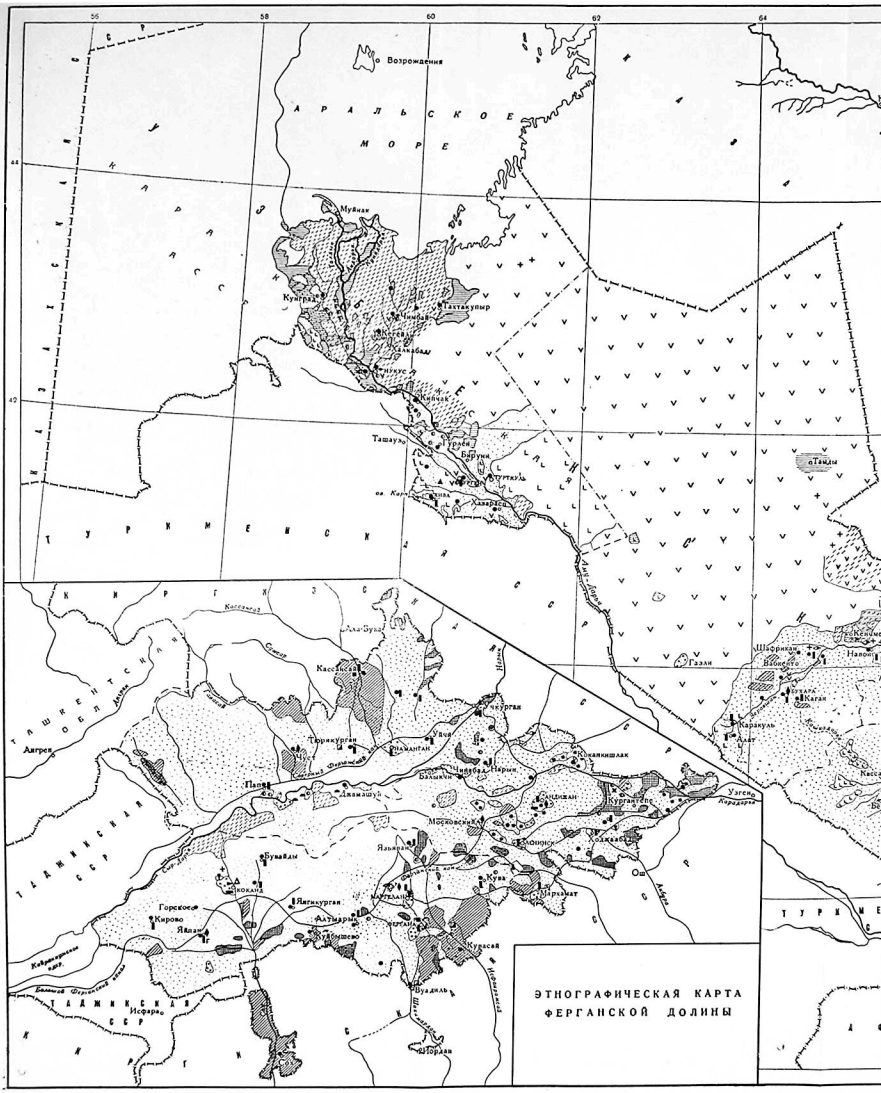
В течение средних веков удельный вес монголоидного элемента в Казахстане и в Киргизии увеличивается, и у древних тюркских кочевников он уже преобладает, но все же не в такой мере, как у современных киргизов. Однако в городских средневековых кладбищах Чуйской долины находят черепа, существенно отличающиеся от черепов кочевников. У городского населения признаки европеоидной расы еще явно преобладали. То же можно сказать и о средневековом населении Хорезма. И в Чуйской долине и в Хорезме преобладают брахикефальные формы черепа.

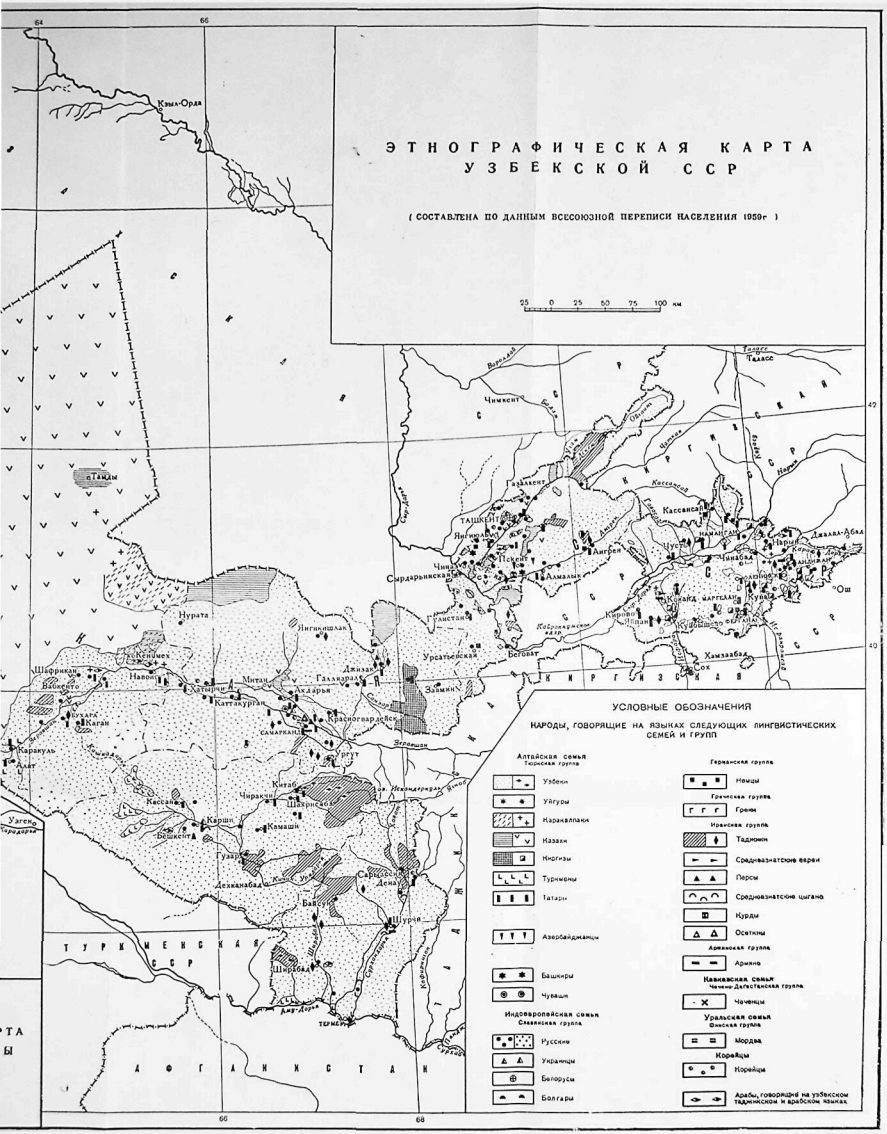
Монгольское завоевание привело к дальнейшему увеличению доли монголоидного элемента. Это явление отмечено не только в Средней Азии, но даже в Туве.

В целом история формирования антропологического состава народов Средней Азии рисуется как многовековый процесс наслоения центральноазиатских монголоидов на андроновских европеоидов и на хорасанско-памирских представителей южной ветви европеоидов. Однако в Среднеазиатском междуречье и Туркмении есть основание предполагать не только центральноазиатский, монголоидный компонент, но и примесь иных монголоидных типов, проникших сюда в более раннее время.

Следы древней европеоидной основы проявляются везде, хотя порой и очень слабо, что же касается монголоидов, то хотя они и распространились почти повсеместно, но в некоторые отдаленные районы Памиро-Алайского горного узла все же не проникли.


ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА
УЗБЕКСКОЙ ССР
(СОСТАВЛЕНА ПО ДАННЫМ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1959г.)
55 0 55 50 75 100 км
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
НАРОДЫ, ГОВОРЯЩИЕ НА ЯЗЫКАХ СЛЕДУЮЩИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СЕМЕЙ И ГРУПП
Алтайская семья
Тюркская группа
Узбеки
Уйгуры
Казахи
Киргизы
Туркмены
Татары
Азербайджанцы
Башкиры
Чуваши
Индоевропейская семья
Славянская группа
Русские
Украинцы
Белорусы
Болгары
Германская группа
Немцы
Финская группа
Коми
Удмурты
Мордва
Эстонцы
Латышская группа
Литовцы
Кавказская семья
Чечено-Ингушская группа
Чеченцы
Уральская семья
Финская группа
Мордва
Марийцы
Корейцы
Корейцы
Арабы, говорящие на узбекском таджикском и арабском языках
ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ
Аральское море
Туркменская ССР
Таджикская ССР
Казахская ССР
Киргизская ССР


ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА
ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ


ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА
УЗБЕКСКОЙ ССР
(СОСТАВЛЕНА ПО ДАННЫМ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1959г)
25 0 25 50 75 100 км
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
НАРОДЫ, ГОВОРЯЩИЕ НА ЯЗЫКАХ СЛЕДУЮЩИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СЕМЕЙ И ГРУПП
Алтайская семья
Тюркская группа
Узбеки
Уйгуры
Каракалпаки
Казахи
Киргизы
Туркмены
Татары
Азербайджанцы
Башкиры
Чуваши
Индоевропейская семья
Славянская группа
Русские
Украинцы
Белорусы
Болгары
Германская группа
Немцы
Греческая группа
Греки
Иранская группа
Таджики
Среднеазиатские евреи
Персы
Среднеазиатские цыгане
Курды
Осетины
Армянская группа
Армяне
Кавказская семья
Чечено-Дагестанская группа
Чеченцы
Уральская семья
Финская группа
Мордва
Корейцы
Корейцы
Арабы, говорящие на узбекском таджикском и арабском языках
Кама-Орда
Ташкент
Самарканд
Бухара
Ургенч
Термез
Нукус
Ферганская
Сырдарьинская
Голодная
Каршинская
Бетпак-Дала
Кызыл-Орда
Чимкент
Джизак
Навои
Шахрисабз
Карши
Китаб
Чарджоу
Байсун
Шурчи
Денау
Кассансай
Ангрен
Чирчик
Янгиюль
Янгиабад
Газалкент
Пскем
Нарын
Джалал-Абад
Ош
Кара-Кульджа
Кара-Суу
Ленинск
Сох
Исфара
Кокпак
Кара-Балта
Кант
Токмак
Фрунзе
Таласс
Аулие-Ата
Сарыагач
Ленинский
Кировский
Ленинградский
Ахангаран
Ахангаран
Ахангаран

УЗБЕКИ

Узбеки (самоназвание *ўзбек*) являются одним из наиболее крупных тюркоязычных народов Средней Азии. Основная масса узбеков расселена в СССР, значительное число их живет в Афганистане. В пределах СССР узбеки образуют социалистическую нацию и имеют свое национальное государство — Узбекскую Советскую Социалистическую Республику (площадь 408,9 тыс. кв. км[1], население 8106 тыс. человек). На севере и северо-западе она граничит с Казахской ССР, на востоке — с Киргизской ССР и Таджикской ССР, на юге и юго-западе — главным образом с Туркменской ССР, а частично граница ее совпадает с государственной границей СССР с Афганистаном. В состав Узбекской ССР входит Кара-Калпакская Автономная Советская Социалистическая Республика. Территория Узбекской ССР, помимо Кара-Калпакии, административно делится на семь областей: Ташкентскую, Андижанскую, Ферганскую, Бухарскую, Самаркандскую, Сурхан-Дарьинскую, и Хорезмскую. Области в свою очередь подразделяются на сельские районы.

Столица республики Ташкент (912 тыс. жителей) — крупнейший город Средней Азии. Кроме него, в республике много больших городов с населением свыше 50 тыс. человек: Наманган, Коканд, Маргелан, Чирчик, Ангрен и ряд областных центров: Андижан, Фергана, Бухара, Самарканд, Термез, Ургенч. Столицей Кара-Калпакской АССР является г. Нукус (39 тыс. жителей).

Узбеков в СССР насчитывается 6015,4 тыс. По численности они занимают четвертое место среди народов Советского Союза.

Основной территорией расселения узбеков является Узбекская ССР, где их живет 5038,3 тыс.; они составляют 62% населения республики. Кроме узбеков, в Узбекской ССР проживают таджики, русские, казахи, каракалпаки, киргизы, туркмены, корейцы, татары, а также небольшое число цыган, уйгуров, армян и представителей других национальностей.

В Узбекистане узбеки живут повсеместно. Области Сурхан-Дарьинская и Хорезмская могут быть охарактеризованы как области почти сплошного узбекского населения. Национальный состав других областей Узбекистана весьма пестрый, но почти везде узбеки численно преобладают.

В Кара-Калпакской АССР они живут преимущественно в южных районах республики — Турткульском, Бируниском и Аму-Дарьинском, а также в Кунградском районе.

[1] СССР. Административно-территориальное деление союзных республик. М., 1960, стр. 353.

Вне пределов Узбекской ССР узбеки живут в Таджикской ССР (454,4 тыс), Киргизской ССР (218,6 тыс.), Казахской ССР (136,6 тыс.), Туркменской ССР (125,2 тыс.), а также за рубежом — в Афганистане и в Китайской Народной Республике.

В Таджикистане узбеки составляют значительную часть населения Гиссарской долины и южного Таджикистана, равнинных и предгорных районов северного Таджикистана; в Киргизии они живут в Ошской области; в Казахской ССР незначительное число узбеков имеется в Южно-Казахстанской и Джамбулской областях; в Туркмении узбеки живут в Чарджоуской и Ташаузской областях.

В Афганистане насчитывается свыше 1 млн. узбеков. Они занимают преимущественно среднюю часть северного Афганистана: Катагано-Бадахшанскую провинцию, Мазари-Шерифскую провинцию и Меймененскую область[1]. В Китайской Народной Республике около 14 тыс. узбеков живет в некоторых городах Синьцзян-уйгурской автономной области и Дунбэя[2].

В антропологическом отношении узбеки, по сравнению с другими народами Средней Азии, наиболее разнородны. Большинство городского населения (та часть его, у которой горожанами являются и предки), а также некоторые группы сельского (в Фергане, в Хорезме, в долине Ангрена и в некоторых других местах) в антропологическом отношении мало отличаются от таджиков. Вместе с таджиками эти группы узбеков, которые в прошлом были известны под именем «сарты», являются характерными представителями типа Среднеазиатского междуречья.

Другая группа узбеков, еще сохранившая память о принадлежности к элеменам, жившим в Узбекистане до XV в., и общее наименование «тюрк», наряду с племенными названиями карлук, кальтатай, барлас и другими (см. ниже), в антропологическом отношении тоже относится к типу Среднеазиатского междуречья и удельный вес монголоидного элемента в ее составе лишь немногим больше, чем в составе узбеков, не имевших в прошлом родового деления.

К третьей группе относятся узбеки, предки которых еще недавно вели кочевой или преимущественно полукочевой образ жизни. Многие племенные названия у них общие с казахами, ногайцами и другими тюркскими народами, живущими в разных районах СССР (кыпчак, кунград, мангыт и др.). Сюда же относятся такие этнографические группы, сложившиеся из различных племен, как курама. В антропологическом отношении эти группы узбеков больше всего отличаются от таджиков и больше всего приближаются к казахам, каракалпакам и киргизам. В формировании их антропологического типа доля европеоидного элемента примерно равна доле монголоидного.

Отдельные индивидуумы, в типе которых преобладают антропологические признаки европеоидной большой расы, могут быть встречены в любой достаточно многочисленной группе узбекского народа. Точно так же в любой группе могут быть встречены люди, характеризующиеся признаками монголоидной расы. Поэтому нельзя определить принадлежность отдельного лица к той или иной этнографической группе по его антропологическим признакам. Антропологические данные отражают связи узбеков не только с таджиками и казахами. У узбеков Хорезма голова имеет несколько более удлиненную форму по сравнению с узбеками других областей. Было высказано предположение, что это свидетельствует о примеси закаспийского типа, распространенного среди туркмен.

Язык узбеков относится к карлукской группе западной ветви тюркских языков (см. стр. 128).

[1] Об узбеках Афганистана см. «Народы Передней Азии» (М., 1957, стр. 154—158).
[2] С. И. Б р у к. Население Китая, МНР и Кореи. Пояснительная записка к карте народов. М., 1959, стр. 15, 27.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

В исторической и этнографической литературе долгое время господствовало ошибочное мнение о прямом происхождении узбекского народа от тех степных племен, которые переселились в Среднюю Азию лишь в начале XVI в., завоевав ее под предводительством Шейбани-хана. Действительно, Шейбани-хан возглавлял крупный племенной союз узбеков — так называлось кочевое население восточной части Золотой Орды со времени правления золотоордынского хана Узбека (1312—1342 гг.). Однако следует отличать историю этнонима «узбек» от истории формирования узбекского народа. Как известно (см. стр. 82сл.), тюркоязычные кочевые и полукочевые племена узбеков, пришедшие в Среднюю Азию в XVI в., застали здесь уже многочисленное тюркское и тюркизированное население, которое сформировалось на протяжении длительного исторического периода. Дештикыпчакские степняки-узбеки включились в это тюркоязычное население, передав ему свое имя, лишь как последнее, наиболее позднее этническое напластование.

Основной процесс формирования современного узбекского народа протекал не на степных пространствах севера Средней Азии и Казахстана, а в земледельческих областях Ферганы, Зеравшанской, Кашка-Дарьинской и Сурхан-Дарьинской долин, а также Хорезмского и Ташкентского оазисов; исконные обитатели указанных областей были древнейшими предками узбеков.

Эти области с давних времен стали территорией тесного соприкосновения двух рас, двух семейств языков и двух укладов хозяйства; здесь на протяжении многих веков происходило смешение пришлых племен монголоидной расы с аборигенным европеоидным населением, ираноязычных народов с представителями тюркоязычных народов, оседлого хозяйства земледельцев и ремесленников с кочевым скотоводческим укладом хозяйства. В результате длительного процесса этнического сближения и культурно-хозяйственных взаимосвязей населения степей и земледельческих оазисов здесь и сформировалась узбекская народность, впитавшая элементы этих двух миров.

Этническая специфика и духовный облик этой народности отражали в основном особенности оседлого земледельческого образа жизни и древней, сложившейся на этой базе культуры.

На протяжении всей истории развитие узбекской народности характеризовалось, с одной стороны, переходом тюркских племен от кочевничества к оседлой жизни, от скотоводства — к орошаемому земледелию, с другой стороны — принятием тюркского языка и некоторых элементов культуры тюркских племен местными ираноязычными народностями.

Смешение представителей этих двух миров происходило в процессе систематического культурно-хозяйственного обмена между жителями степей и оазисов. Войны и завоевания, которые часто вызывали значительные передвижения населения, усиливали этот процесс. О том, что сближение и смешение населения степных и земледельческих областей с давних времен происходило на нынешней территории Узбекистана, говорят многочисленные археологические, палеоантропологические и историко-этнографические данные, а также сообщения исторических источников.

Древнейшие предки узбеков — местные среднеазиатские народы и племена, жившие в середине I тысячелетия до н. э. на территории современного Узбекистана в оазисах и говорившие на языках восточноиранской ветви,— хорезмийцы, согдийцы, население Чача (области Ташкента) и Ферганской долины (древнего Паркана) саки — были этнографически и лингвистически родственны жителям прилегающих к оазисам степей —

полукочевым и кочевым племенам саков и массагетов. В рамках древних среднеазиатских государств, включавших в свой состав, помимо земледельческих оазисов, смежные с ними степные пространства, усиливался процесс этнического сближения этих племен.

Однако уже с середины I тысячелетия до н. э. и на протяжении всего античного периода в Среднюю Азию стали просачиваться с востока, из Центральной Азии, монголоидные по своему расовому типу этнические группы. Советские археологи обнаружили на территории Узбекистана и смежных областей Южного Казахстана много могильников этого периода, палеоантропологические материалы из которых свидетельствуют о начавшемся процессе смешения европеоидов Средней Азии с пришельцами-монголоидами.

Как отмечалось выше (стр. 69), в V в. н. э. территория Узбекистана вошла в состав государства Эфталитов — „белых гуннов", основу которого составили сако-массагетские племена, смешавшиеся с выходцами из Средней Азии — гуннами. В VI в. распространилась до берегов АмуДарьи власть Западного тюркского каганата, что вызвало еще более интенсивное переселение тюркоязычных племен с северо-востока в оазисы Среднеазиатского междуречья.

Автор средневековой «Истории Бухары» Мухаммед Наршахи сообщает, что в далеком прошлом в местность, где стоит г. Бухара, со всех сторон стали прибывать люди и оседать здесь. «Люди, приходившие сюда из Туркестана,— пишет Мухаммед Наршахи, — селились здесь потому, что в этой области было много воды и деревьев, были прекрасные места для охоты; все это очень нравилось переселенцам. Сначала они жили в юртах и палатках, но потом стало собираться все больше и больше людей, и переселенцы стали возводить постройки»[1].

Наршахи сообщает также о проникновении значительного числа тюрков в район Бухары в связи с восстанием тюркского царевича Або (Абруя), ушедшего в 80-х годах VI в. с большой группой своих соотечественников-повстанцев в Мавераннахр; здесь он, объединившись с местным обездоленным крестьянством, повел войско на борьбу с аристократией и захватил г. Пайкенд.

Важным источником, характеризующим проникновение тюрков в Согд и тесное взаимодействие их с местным населением, являются также документы с горы Муг (Таджикистан), датируемые VIII в. (см. стр. 132).

Арабские завоевания в Средней Азии на некоторое время затормозили переселение тюркских групп в глубь страны, но не вытеснили тюрков из тех районов, куда они проникли в предыдущие эпохи. Пребывание их в пределах Арабского халифата и Саманидского государства до начала XI в. еще больше способствовало смешению тюркских племен и народностей с ираноязычным населением Чача, Ферганы, долины Зеравшана, Хорезма и южной части Семиречья. Тюркские племена оторвались от кочевников-скотоводов севера, более тесно сблизились с оседлым населением Среднеазиатского междуречья и, не теряя своего тюркского языка, становились постепенно оседлыми земледельцами.

В государстве Саманидов уже сложились основы двух параллельно развивающихся народностей: ираноязычной — таджиков и тюркоязычной, в которой преобладало местное коренное тюркизированное население; вместе с осевшими здесь еще с давних времен группами тюркских племен оно составило первый, наиболее древний этнический пласт в этногенезе узбеков.

Дальнейший политический подъем тюркских народов и племен севера и образование в Средней Азии государства Караханидов, разгромивше-

[1] Мухаммед Наршахи. История Бухары. Пер. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897, стр. 12.

го Саманидов и захватившего в Мавераннахре политическую власть, снова усилили переселение тюркских племен с востока и севера в Мавераннахр.

Бывшие в составе караханидского войска племена аргу, тухси, карлуки, чигили, ягма и другие, прочно поселившись в земледельческих районах, стали преемниками опыта и традиций населения древних оазисов Средней Азии. За счет оседания тюркоязычных племен в это время значительно выросло оседлое тюркоязычное земледельческое население в Среднеазиатском междуречье. Здесь уже образовались крупные территориальные массивы с тюркоязычным оседлым земледельческим и ремесленным населением.

О тюркизации в этот период согдийского населения Семиречья свидетельствует Махмуд Кашгарский (XI в.). Он сообщает, что там были люди, которые говорили по-тюркски и согдийски, или только по-тюркски, но не было людей, которые говорили бы только по-согдийски[1].

Процесс тюркизации был в это время интенсивным и среди части населения Ферганы, Чача, Согда и у хорезмийцев в низовьях Аму-Дарьи.

В рамках государства Караханидов в основном уже сложилась узбекская народность, однако процесс ее консолидации продолжался и позднее. Так, разгром Караханидов сельджуками в том же XI в. и связанное с этим событием движение огузов с нижней Сыр-Дарьи в Среднюю Азию еще больше усилили тюркские этнические элементы в Хорезме и отчасти в районе Бухары. Не менее сильное влияние на этот процесс оказало последовавшее затем движение кыпчаков, продвинувшихся в Приаралье с берегов Иртыша. Развитию узбекской народности благоприятствовало и образование в XII в. крупного государства Хорезмшахов, объединившего в своих пределах значительную часть степных областей с земледельческими районами.

В этот период формировался словарный состав и грамматический строй нынешнего узбекского языка (см. стр. 128). Основой его было наречие тюркоязычного оседлого земледельческого населения, вобравшее в себя большое количество элементов чигильского, карлукского языков, но значительно изменившееся под воздействием арабского и таджикского языков в период господства Арабского халифата и позже государства Саманидов.

Территориальная и языковая консолидация узбеков послужила основой для формирования у них общности материальной и духовной культуры, развития сходных черт в общественном и домашнем быту.

Однако наряду с развитием все более существенных черт этнической общности в составе узбеков продолжали существовать этнографические группы этой народности, сохранявшие и в более позднее время, иногда вплоть до конца XIX — начала XX в., некоторые своеобразные черты быта и культуры, унаследованные от своих древних или средневековых предков.

Так, среди узбеков, живших в городах и некоторых кишлаках орошаемых районов Узбекистана, до недавнего времени прослеживались группы прямых потомков первоначального, наиболее древнего местного населения. До Октябрьской революции их называли сартами. Для сартов характерны были такие этнографические черты, как исконная оседлость и отсутствие родоплеменного деления.

По поводу слова «сарт» и его значения было высказано много различных мнений. Некоторые авторы считали, что это — название особого народа или этнической группы. Так, например, П. И. Лерх[2] связывал его с древним названием Сыр-Дарьи —«Як-Сарт», у берегов которого, по

[1] См.: История народов Узбекистана, т. I, кн. 1. Ташкент, 1955, стр. 239.
[2] P. L e r c h. Das Russische Turkestan. «Russische Revue», 1872, I. S. 30.

данным Птолемея, жил некогда народ «яксарты». В. П. Наливкин[1] тоже полагал, что «сарт»—название какого-то исчезнувшего рода или племени; в то же время он отмечал, что в Фергане есть сарты как таджики, так и узбеки, что сартами называют там оседлое население в отличие от казахов и других кочевников; но поскольку в пределах Ферганы сарты-узбеки значительно преобладают над таджиками, Наливкин «сартовским» языком называл тюркский, узбекский.

Н. А. Аристов считал сартами то оседлое тюркское и отуреченное аборигенное население, которое утратило родовой быт и связанные с ним родовые деления, и предлагал различать сартов от узбеков не по этнографическому или лингвистическому признакам, а по экономическому и бытовому[2].

В. В. Бартольд неоднократно высказывал свое мнение и о происхождении названия «сарт» и о его значении в разные периоды истории, начиная с раннего средневековья. Бартольд предполагал, что слово «сарт» происходит от санскритского «сартаваха» (предводитель торгового каравана) и распространилось издавна в Средней Азии для обозначения оседлого населения — торгового, ремесленного и земледельческого, как тюркоязычного, так и ираноязычного. Именно в таком значении, как показывает Бартольд, слово «сарт» употреблялось средневековыми авторами — Махмудом Кашгарским, Юсуфом Баласагунским, монгольскими источниками XIII в. и, наконец, узбекскими источниками XVI—XVII вв.[3] Так или иначе сарты у узбеков составляли тот первоначальный пласт, который образовался в результате тюркизации древних оседлых ираноязычных народов и оседания древних тюркоязычных народов в Средней Азии. В XIX—начале XX в. население, именовавшее себя сартами, было сосредоточено в долинах Чирчика и Ангрена, в Ферганской долине, по Кара-Дарье и нижнему течению Нарына, а также в Хорезме, где этот этноним являлся до недавнего времени самоназванием южных групп узбеков. В бассейнах Зеравшана, Кашка-Дарьи и Сурхан-Дарьи термин «сарт» не был распространен: издревле оседлое население, в том числе и тюркоязычное, там чаще называлось «таджиками»; до сих пор в южном Узбекистане встречаются группы тюркоязычных «таджиков»; в долине среднего течения Аму-Дарьи, применительно к оседлому населению, жившему в соседстве с туркменами, преобладало название «тат». При этом местное население строго различало сартов («таджиков», татов) от полукочевников-скотоводов и от горных таджиков.

Второй этнический пласт образовался на следующем этапе узбекского этногенеза, в период, когда территория, на которой формировалась узбекская народность, входила в состав державы Караханидов, а затем Хорезмшахов. Следами происходивших в этот период этнических процессов являются сохранявшиеся до недавнего времени родоплеменные названия *қарлуқ*, *қанғли*, *қипчоқ*, связанные с крупными племенными объединениями, существовавшими в XI—XII вв. в Семиречье, степях Приаралья и в Дешти-Кыпчаке.

Следующий по времени этнический пласт в составе формирующегося узбекского народа был связан с тюркоязычными народами и племенами, нахлынувшими с севера в Среднеазиатское междуречье в период господства династии Чагатаидов. Как известно, с войсками Чингис-хана в Среднюю Азию продвинулось много тюркоязычных и некоторое число монгольских племен, пришедших с востока, из Центральной Азии.

---

[1] В. П. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. стр. 3, 31—34.

[2] Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. «Живая старина». 1896, III—IV, стр. 429.

[3] В. В. Бартольд. Таджики. Сб. «Таджикистан». Ташкент, 1925, стр. 103—105.

Из новых тюркских и тюркизированных монгольских племен этого периода известны *жалаир*, *барлос*, *қаучин*, *орлат* и др. В XIV в. эту группу племен, расселившуюся главным образом на территории монгольского улуса Чагатая, в состав которого входил нынешний Узбекистан (кроме части Хорезма), называли чагатаями. Это были кочевники-скотоводы, среди которых еще сильны были патриархально-родовые отношения; по своему общему социально-экономическому развитию они стояли намного ниже оседлых народов Средней Азии. Постепенно они воспринимали хозяйственно-культурные традиции этих народов. Основная масса вновь пришедших племен очень быстро восприняла язык формирующейся узбекской народности в силу близости его к их собственному языку. Но некоторая часть восприняла таджикский язык,— прежде всего те группы, которые осели в Самарканде, Бухаре, Ходженте, где преобладающим языком оставался таджикский. Чагатайские тюрки играли в XIV—XV вв. большую роль в Средней Азии, в государствах Тимура и тимуридов. Сам Тимур, как известно, происходил из племени барлас.

Таким образом, переселение с войсками монголов новых тюркоязычных племен в Узбекистан не привело ни к задержке процесса сложения узбекской народности, ни к распаду ее, наоборот, оно расширило ее этнические рамки.

В XV в. термин «чагатаи» приобрел более широкий смысл. Он начал применяться не только по отношению к племенам, пришедшим в период монгольского завоевания; так стали именовать все тюркское население Мавераннахра, включая и ранее пришедшие племена (например, карлуков). Из среды чагатайских тюрков выделилась устойчиво сохранявшаяся до недавнего времени этнографическая группа тюрк в составе узбекского народа; так называется группа узбекских племен, живших на территории Узбекистана до XVI в.: карлук (самоназвание *қаллуғ*, *қаллуқ*), собственно *турк*, *барлос*, *калта-той*, *мусо-бозори*, *мўғул*. Полоса расселения тюрков Мавераннахра в XIX — начале XX в. полукольцом огибала высокогорные районы со сплошным таджикским населением, начинаясь в Афганском Бадахшане (бассейн р. Кукчи) и заканчиваясь в восточном углу Ферганской долины.

Последний значительный наплыв тюркоязычных племен и народов в Среднюю Азию был в конце XV и начале XVI в. На этот раз они двигались из Дешти-Кыпчака.

В этот период в Средней Азии политическая и экономическая обстановка сложилась так, что войска Шейбани-хана без особого труда завоевали Среднюю Азию. Последние Тимуриды — правитель Самарканда и Ферганы Бабур и правитель Герата Хусейн Байкара — были вынуждены отступить перед завоевателем. В долинах Зеравшана, Кашка-Дарьи и Сурхан-Дарьи, в Хорезме и других районах нынешнего Узбекистана поселились пришедшие с Шейбани-ханом тюркоязычные племена, известные под общим названием «узбеки».

Первоначальное значение слова «узбек» еще окончательно не выяснено. Впервые это слово встречается в качестве личного имени в арабской литературе, у Усама-ибн-Мункыза (ум. в 1188 г.) в его «Книге назидания»; описывая события, происходившие в Иране при Сельджукидах, автор отмечает, что одним из предводителей войск правителя Хамадана Бурсука в 1115—1116 гг. был «эмир войск» Узбек — правитель Мосула [1]. Позднее слово «узбек» встречается у Рашид-ад-дина как имя одного из военачальников Джалял-ад-дина [2]. Персидский историк и географ Хамдаллах Казвини (XIV в.) в одном из своих трудов называет «узбеками» войско золотоордынского хана Узбека, отправленное последним в 1335 г.

[1] Усама-ибн-Мункыз. Книга назидания. М., 1958, стр. 135.
[2] Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2. М.— Л., 1952, стр. 288

в поход на Азербайджан. В другом месте Казвини и самую Золотую Орду называет «Мамлакати узбеки»—«страной узбеков». С Золотой Ордой связывают этот этноним и историки походов Тимура — Низамуддин Шами и Шарафуддин Йезди.

В конце XV и в XVI в. слово «узбек» было собирательным названием всех племен, объединенных под властью Абулхайр-хана и его внука Шейбани-хана. В период переселения этих новых тюркоязычных племен в Среднюю Азию в XVI в. вся эта масса кочевников не представляла единой народности.

Согласно легендарным преданиям и генеалогиям, существовало 92 узбекских племени, из которых и составилась узбекская народность. Однако списки узбекских племен, зафиксированные источниками и преданиями, в большинстве случаев не совпадают; существенные расхождения доказывают, что традиционное число 92 не соответствует действительному числу основных родоплеменных групп узбеков. Установлено, что племенной и родовой состав кочевых узбеков Дешти-Кыпчака был сложным и в своем историческом развитии претерпел сильные изменения. В процессе междоусобной борьбы тюркомонгольских племен за политическую власть, земельные владения и пастбищные угодья, нередко вокруг того или иного крупного и сильного племени происходило объединение соседних племенных групп, либо частей разных родов и даже племен. Такие присоединившиеся группы обычно принимали имя сильного племени, но в то же время сохраняли и свое первоначальное название, рассматривая себя при этом как часть или отделение главного племени. К числу таких союзов, имеющих разнообразный родоплеменной состав, и относятся узбекские племена *манғит*, *қунғирот*, *қият*, *қипчоқ*, *кытай*, *қанғли*[1], *кенегес*, *дўрман*, *қирк*, *минг*, *юз*, *сарой*, *лоқай*, *қушчи* и другие, этнонимы которых исторически восходят к названиям тюркских или монгольских средневековых племен.

Многие из этих племен вошли частично в состав и других народностей Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Северного Кавказа и отчасти Крыма, поскольку в период продвижения их на юго-восток они распались на отдельные части, осели в разных районах не только целыми родами и племенами, но и частями племен и родов. Свое родоплеменное деление потомки дешти-кыпчакских узбеков, этого последнего крупного этнического пласта, вошедшего в состав узбекского народа, сохраняли вплоть до конца XIX — начала XX в.

Таким образом, узбекский народ по своему этническому составу является весьма сложным. До Октябрьской революции существовавшие в среде узбекской народности различные этнографические группы значительно еще отличались одна от другой. У разных групп тюрков и дешти-кыпчакских узбеков степень оседлости была неодинакова. И в дальнейшем, в процессе слияния их в единую узбекскую народность, в их жизни сохранялось немало черт культуры и быта, обусловленных пережитками кочевого и полукочевого образа жизни и родоплеменного деления.

* * *

В начале XVI в., после завоевания Среднеазиатского междуречья Шейбани-ханом, здесь образовалось крупное феодальное государство во главе с ханами узбекской династии Шейбанидов. Но сплоченность принадлежавшей к ханскому роду феодальной знати была весьма условной. Пережитки патриархально-родового быта способствовали сохранению у узбеков древнего обычая, по которому каждый из членов ханского рода, султанов, имел право претендовать на участие в управлении завоеванной

[1] Племена кыпчаков, кытай и канглы проникали в Среднюю Азию еще в XI—XII вв. (см. выше).

страной. Поэтому ханы раздавали отдельные области в качестве феодального удела — *юрт* — в первую очередь своим сородичам, а затем — биям, возглавлявшим крупнейшие узбекские племена, которые служили их военной опорой и пользовались многими политическими привилегиями. Междоусобия и борьба за лучшие уделы, ставшие в этих условиях постоянным явлением, ослабляли государство Шейбанидов. Только в центральной части его, в долине Зеравшана, была устойчива ханская власть; владельцы же отдельных мелких и крупных областей обычно воевали с ханами за свою самостоятельность и находились лишь в номинальной зависимости от Бухары, которая постепенно становилась центром государства Шейбанидов, оспаривая это место у потерявшей свое прежнее значение знаменитой столицы Тимуридской империи — Самарканда.

Кочевые и полукочевые узбекские племена, поселившиеся во главе со своей привилегированной знатью в завоеванной стране, на некоторый период нарушили установившуюся здесь экономическую жизнь. Местные, издавна жившие в предгорьях и степных районах скотоводы были вытеснены ими с лучших пастбищ и зимовок; иногда они притесняли и земледельческое население, захватывая пашни, сады и бахчи. Однако в исторической литературе, особенно дореволюционной, преувеличивалось отрицательное влияние на экономическую жизнь Средней Азии переселения в этот период сюда значительной массы степных узбекских племен. Многие историки забывали, что уже в период распада империи Тимуридов, во второй половине XV в., в Мавераннахре, Фергане, районе Ташкента царили разруха и реакция. В стране не было единого государства, она была расчленена на мелкие владения, возглавляемые тимуридскими правителями, между которыми шли непрерывные раздоры и войны, тяжело отражавшиеся на жизни сельского населения и на состоянии орошаемого земледелия. В политической и духовной жизни господствующее положение занимали в то время главари реакционного дервишского ордена «накшбандия». Реакционный дервишизм уничтожил высокие культурные достижения предшествующей эпохи. Разгорелась религиозная вражда, не было ни малейшей возможности для развития творческой мысли. Таким образом, упадок хозяйственной и культурной жизни произошел уже накануне шейбанидского завоевания и в значительной степени обусловил и облегчил возможность этого завоевания.

Нарушения сельскохозяйственной жизни страны, связанные с поселением в Среднеазиатском междуречье кочевых и полукочевых племен, коснулись преимущественно отдельных районов; основное земледельческое население осталось на своих местах. В ирригационной системе не было существенных разрушений, и постепенно экономическая жизнь страны восстанавливалась. Главным тормозом в развитии производительных сил Бухарского ханства в период правления династии Шейбанидов, как и при последующих узбекских династиях, было не расселение в сельскохозяйственных районах степных узбекских племен, а те военные распри владетелей-феодалов, от которых одинаково страдало все трудящееся население ханства, как исконные его жители, так и вновь поселившиеся племена.

В XVI в., во время правления Абдуллы-хана (1557—1598 гг.), Бухарское ханство достигло наибольшего экономического и политического подъема. Развитию земледелия, ремесел и торговли в этот период способствовало строительство крупных ирригационных каналов, караван-сараев, колодцев, мостов. При Абдулла-хане начались регулярные торговые сношения Бухарского ханства с Московским государством.

Однако в XVII и первой половине XVIII в., во время правления династии Аштарханидов (1600—1753 гг.), Бухарское ханство снова переживало политический упадок. Деление на уделы между членами ханского рода заменилось в этот период делением на уделы между отдельными племенами;

ханство слагалось теперь из ряда фактически независимых владений крупнейших узбекских племен, главари которых, занимая должности ханских советников (*аталық*), вершили все государственные дела. Распри и войны между ними при этом не прекращались.

Самостоятельное узбекское государство в Хорезме, получившее название Хивинского ханства, возникло одновременно с Бухарским, в начале XVI в., когда власть здесь захватила в свои руки династия Ильбарса и Билбарса, сыновей Берке-султана. Вслед за приходом к власти в Хорезме узбекских правителей началось массовое переселение сюда из степей Приаралья узбекских племен и родов, принимавших деятельное участие в непрерывных междоусобных войнах и завоевательных походах. В пределы ханства, помимо Хорезмского оазиса, входили в XVI в. нынешняя Туркмения и Мангышлак. Однако туркменские племена постоянно вели борьбу с Хивинским ханством, отказываясь подчиняться центральной власти и платить ей налоги.

В течение XVI в. Хивинское ханство периодически подчинялось Бухаре. Во второй половине XVII в. хивинские ханы приблизили к своему двору туркменских племенных вождей и, выдавая им ярлыки на земельные угодья, совместно эксплуатировали трудящиеся массы населения; знаменитую же высокими боевыми качествами туркменскую конницу они использовали в своем войске, в постоянных походах на Хорасан и соседнюю Бухару. Из числа хивинских ханов XVII в. наиболее выдающимся государственным деятелем был Абулгази (1645—1663 гг.), автор ценных исторических трудов —«Родословная тюрков» и «Родословная туркмен». При этом хане началось объединение Хорезма в сильное государство, опиравшееся на новую конфедерацию узбекских племен. Он осуществил административную реформу в ханстве, разделив узбекское население на четыре части (*тӱпа*), в каждую из которых вошло по два племени: уйгурнайман, конграт-кыят, нукуз-мангыт и канглы-кыпчак. При Абулгази были проведены большие ирригационные работы в левобережном Хорезме, построен г. Новый Ургенч и Ургенчский канал, возведены укрепления Вазир к северу от Гурлена, Газават и др. Этот просвещенный правитель Хорезма отказался от кочевых традиций своих предков, усвоив культуру города и земледельческого оазиса. Хивинское ханство, как и Бухарское, в XVI—XVIII вв. вело оживленную торговлю с Московским государством. Главными предметами вывоза были шелковые и хлопчатобумажные ткани. Русские купцы ввозили преимущественно выделанные кожи, меха, деревянную посуду, западноевропейские сукна. Большое место в Хивинском ханстве, как и в Бухарском, занимала работорговля.

XVIII век характеризуется глубоким социально-политическим кризисом в Средней Азии, обусловленным исторической обстановкой, сложившейся здесь со времени монгольского завоевания, прервавшего прогрессивное развитие крупного централизованного феодального государства Хорезмшахов, объединявшего всю страну. Установленная еще в период монгольского владычества система управления путем дробления государства на уделы, доведенная до крайней степени при узбекских ханах, была одной из главных причин экономической отсталости Средней Азии в эпоху позднего средневековья; этому способствовал и упадок ирригации, начавшийся еще со времени монгольского нашествия, после которого она в некоторых местностях так и не была восстановлена. Низкий уровень развития производительных сил, застойная техника земледелия и ремесла, бесконечные феодальные войны, опутанность феодальных отношений пережитками патриархально-родового быта тормозили развитие экономики, препятствовали появлению элементов капитализма и переходу к новой социально-экономической формации.

В первой половине XVIII в. ханства фактически распались на мелкие независимые владения. Наряду с феодальными распрями повсеместно

происходили народные восстания. Острота политической обстановки усугубилась вторжением огромной массы казахов, вытесненных в начале 20-х годов XVIII в. джунгарами со своей территории. В 1740 г. оба ханства в результате походов правителя Ирана Надир-шаха оказались в зависимости от Ирана. Лишь в конце XVIII — начале XIX в. снова более или менее восстанавливается целостность узбекских ханств. В Хивинском ханстве власть закрепилась за династией из племени кунград; его территория и население увеличились в результате подчинения в этот период каракалпаков, поселенных на землях дельты Аму-Дарьи. Бухарское ханство восстановилось во главе с династией из племени мангыт; оно, наоборот, уменьшилось в размерах: на прежней его территории в Ферганской долине выделилось в XVIII в. третье, новое ханство — Кокандское, управлявшееся также узбекской династией — из племени минг.

Население Кокандского ханства, как и первых двух, было пестрым по этническому составу (см. стр. 94). Кокандское ханство активно увеличивало свои пределы, расширяясь на север от Ташкента, в казахские степи и на северо-восток — в пределы Тянь-Шаня, населенного киргизами. Постепенно кокандские ханы присоединили г. Туркестан, нижнесырдарьинские районы, Чуйскую долину, значительную часть Семиречья; везде они возводили укрепления — опорные пункты дальнейшей экспансии. Кокандцы облагали казахов и киргизов тяжелыми податями и в то же время вели с ними оживленную торговлю. Одним из главных городов этого ханства был Ташкент, расположенный на перекрестке караванных путей из разных областей Средней Азии в Россию — на Оренбург, Троицк и Петропавловск.

К середине XIX в. узбекские ханства представляли собой феодальные монархии с типичными чертами восточных деспотий. Бухарский эмир, хивинский и кокандский ханы управляли ханствами, как своими вотчинами; им принадлежало неограниченное право распоряжаться жизнью и смертью всех своих подданных; они лично вершили суд и расправу, пожизненно заточали непокорных в подземные тюрьмы (*зиндон*), выносили смертные приговоры и присутствовали на казнях, совершаемых палачами на площадях столичных городов при огромном стечении народа. В распоряжении эмира и ханов была многочисленная администрация — чиновники разных рангов и степеней, разорявшие различными поборами, взятками и открытым грабежом крестьян и ремесленников. Большое влияние на политическую жизнь оказывало мусульманское духовенство. Представители духовного сословия часто получали должности высших сановников и приближенных советников хана, занимая видное место среди придворной знати.

Эмир Бухары, хивинский и кокандский ханы считались верховными собственниками и распорядителями всей земли; государственные земли (*амлок*, *подшолик*) представлялись во владение и пользование населению при условии уплаты в казну земельного налога, который в этих условиях являлся феодальной рентой. Но фактическим собственником земли был весь класс феодалов. Владея обширными личными поместьями, узбекские эмиры и ханы, так же как правители среднеазиатских государств средневековья, широко практиковали раздачу государственных земель своим приближенным и военачальникам, пополняя тем самым фонд частнособственнических земель (*мулк*); часть мюльков облагалась налогами (*мулки-хирож*, *мулки-ушр* в Бухаре), а часть (*мулки-хурри-холис*) совершенно освобождалась от всякого рода податей и налогов. С XVI в. в Бухарском ханстве распространилась раздача эмиром за службу и различные заслуги ленных пожалований — *танхо*, по существу являвшихся временной передачей частному лицу — феодалу — права на получение налогов с крестьян определенной области или нескольких селений.

Угодья, полученные на правах условного землевладения танхо, нередко, особенно в периоды политических кризисов и слабости центральной власти, превращались постепенно в частную собственность феодала. Так же как и мюльковые земли, их иногда продавали и покупали. Вакуфные земли, отказанные или завещанные их владельцами в качестве постоянного источника дохода в пользу мечетей, мазаров, медресе и разных религиозных корпораций, по закону не подлежали продаже, однако управляющие и распорядители вакуфов — *мутавалли* могли передавать право взимания вакуфных поступлений откупщикам; в связи с этим вакуфный доход, переходивший из рук в руки, стал объектом спекуляции. В некоторых случаях, несмотря на юридический запрет, вакуфные земли и продавались. Одни вакуфные земли освобождались от налога (*вақфи-холис*), а другие облагались им в пользу казны (*вақфи-даҳяк*).

Помимо перечисленных форм земельной собственности, почти повсеместно (в частности, на среднем и нижнем течении Кашка-Дарьи, в бывшем Ширабадском бекстве Бухарского ханства и др.) существовали общинные формы землепользования. Эти земли были амляковыми и находились в совместном пользовании жителей определенного кишлака. Общинное землепользование сохранялось и в некоторых районах Ферганской долины, Ташкентского оазиса. Условия пользования общинной землей в каждой местности были различными.

Сельской общине в районах орошаемого земледелия принадлежали обычно выгоны и неполивные земли, используемые под посевы яровых. Засеваемые общинные участки распределялись по жребию. Право на участок сохранялось до тех пор, пока человек его обрабатывал. Оставленный участок могли использовать другие, с преимуществом соседского права. Общинные земли обычно не продавались, и лишь в начале XX в. это правило в отдельных местах стало нарушаться.

По данным последних исследований государственные амляковые земли в Бухарском ханстве в XIX в. составляли около 65 % всей земельной площади, вакуфные — 24%; остальные земли были под поместьями — мюльк и танхо [1]. В Хивинском ханстве, по данным архивных документов, в этот период наблюдается усиленный процесс перехода к крупному феодальному землевладению. Личные поместья хана и феодальной знати составляли более двух третей всей пахотной земли. Это были самые плодородные, хорошо орошенные угодья. На долю государства и вакуфов приходилась примерно $^1/_7$ общего земельного фонда, а крестьянские владения занимали всего около $^1/_{10}$ обрабатываемых земель [2].

Вместе с тем главная тяжесть налогового бремени лежала на плечах трудового крестьянства. В Хивинском ханстве было до 25 видов налогов; в Бухарском ханстве податная система была еще более тягостной — здесь насчитывалось 55 видов налогов и поборов (постоянных и чрезвычайных).

Основную массу непосредственных производителей составляли крестьяне — земледельцы и скотоводы. Находясь в зависимости от феодалов и чиновников, крестьяне постоянно страдали от недостатка земли и воды. Амляковые и вакуфные земли крестьяне обрабатывали преимущественно на арендных условиях. Распространена была, особенно в Бухарском ханстве, сдача в мелкое арендное пользование также и земель крупных и мелких частных поместий. При этом основной формой феодальной эксплуатации была издольщина — чайрикерство; взимание феодальной ренты осуществлялось в форме присвоения владельцем земли определенной доли урожая крестьян-издольщиков.

---

[1] М. Хикматов. Земельно-водная реформа в Зеравшанской области. Автореферат кандидатской диссертации. Ташкент, 1953.

[2] М. Ю. Юлдашев. К вопросу об особенностях развития феодального землевладения в Хиве в XIX в. «Материалы первой всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте 4—11 июня 1957 г.». Ташкент, 1958, стр. 625.

Крестьяне, работавшие на небольших клочках земли, арендованных на кабальных условиях, были обречены на нищенское существование. Большая часть их имела право на получение лишь $^1/_4$ урожая (*чорак* — одна четверть). Остальной урожай с обработанного участка получал владелец земли. Но даже эту мизерную долю дохода крестьянин получал не сполна: часть зерна присваивали сборщики налога, нагло обманывая земледельца при определении и подсчете собранного урожая «на глазок»; часть приходилось отдавать в пользу мулл, местной мечети, старшине кишлака — аксакалу, в виде разных традиционных пожертвований и т. д. Поэтому большинство крестьян не было в состоянии прокормить свою семью и самостоятельно вести хозяйство. Ежегодно им приходилось обращаться за ссудами к своим хозяевам или другим богатым местным жителям и входить в долговую кабалу. При этом важно было то, что земля в ханствах предоставлялась арендаторам на долгое время, с правом передачи ее по наследству; долги вместе с арендой переходили от отца к сыну, от деда к внуку и таким образом целые поколения попадали в наследственную кабалу. Эта феодальная зависимость крестьянства в узбекских ханствах мало отличалась от крепостничества.

Кроме взимания феодальной ренты продуктами, в ханствах существовала и отработочная рента — многочисленные трудовые повинности, к выполнению которых крестьяне привлекались в порядке внеэкономического принуждения. Эти повинности выражались прежде всего в привлечении населения к строительству и ремонту оросительных каналов и других ирригационных сооружений, а также мостов, плотин и т. д. Работы такого рода находились непосредственно в ведении ханов или крупных сановников. Так, в Хивинском ханстве все трудоемкие работы, связанные с постройкой ирригационных каналов, с сооружением береговых дамб и перемычек, а также с возведением оборонительных сооружений производились крестьянами, собиравшимися на *бегар* — двенадцатидневную ежегодную трудовую повинность, установленную ханами. Бегар считался обязанностью всего земледельческого населения оазиса. Правящая верхушка и вообще власть имущие использовали бегар и для своих личных потребностей — постройки дворцов, крепостей, обработки полей; такие злоупотребления были в ханстве распространенным явлением.

Наряду с издольщиной, в ханствах применялся и наемный труд, получивший распространение главным образом в наиболее экономически развитых районах Кокандского ханства. При широком распространении рабовладения применялся и труд рабов, но к земледельческим работам рабы привлекались преимущественно в Хивинском ханстве. Там число рабов в XIX в. достигало, по данным хивинских историков, 58 500 человек [1].

Распределение воды в ханствах осуществлялось специальной водной администрацией. Мирабы, ведавшие водопользованием отдельных селений, подчинялись чиновникам-мирабам, находившимся в ведении высшей ханской администрации. Алчность, несправедливость, взяточничество и другие злоупотребления мирабов ставили водопользователей в невыносимое положение. Беззащитных бедняков мирабы постоянно лишали воды, обеспечивая за их счет обильный полив земель своих богатых покровителей. Мирабы, как и сборщики налогов, стали в глазах узбекских крестьян олицетворением зла и бедствий.

Крестьяне-скотоводы, кочевые и полукочевые жители предгорных и степных районов, прилегающих к оазисам, так же как и земледельцы, испытывали тяжелый гнет и эксплуатацию, принявшую вследствие устойчивого сохранения многих родоплеменных традиций и патриархальных обычаев форму патриархально-феодальных отношений, сходных по своему характеру с отношениями, существовавшими у казахов, каракалпаков, туркмен и других народов Средней Азии.

[1] М. Ю. Юлдашев. Указ. соч., стр. 626.

Обездоленные узбекские крестьяне не в силах были безропотно выносить ханский гнет. В период, предшествующий присоединению к России, во всех трех ханствах непрерывно вспыхивали восстания, в которых узбекский народ объединялся для совместной борьбы против ненавистных жестоких правителей с другими угнетенными народами — таджиками, туркменами, каракалпаками и др.

Не менее архаичным, чем в узбекском кишлаке и ауле, таким же застойным, проникнутым средневековыми порядками был социально-экономический уклад городского населения среднеазиатских ханств, в особенности ремесленников, составлявших основную часть трудового населения городов. В ремесле процветали феодальные формы организации производства и эксплуатации, сохранялись цеховые корпорации — *касаба* или *улпагар* (Хорезм), сходные с ремесленными цехами средневековой Европы. В корпорации объединялись в основном городские ремесленники и ремесленники пригородных селений, тесно связанных с городом. Имелись цеха и в крупных селениях, где было большое число мастеров одной специальности (Ургут, Риштан). Цеховая корпорация имела двустепенную структуру: ученик—мастер. Полноправными членами цеха были все мастера, прошедшие ученичество и получившие посвящение. Пройдя обряд посвящения, ученик получал звание мастера и мог либо поступить к другому мастеру в качестве его помощника — *халфа*, либо открыть собственную мастерскую — это определялось лишь наличием или отсутствием у него необходимых средств.

Хальфа были лишь в тех производствах, которые выпускали продукцию на широкий рынок (в ткачестве, сапожном деле, меньше — в чугунолитейном, гончарном и др.). Еженедельно хальфа получал сдельную плату за выработанную продукцию. Мастер-предприниматель, заинтересованный в том, чтобы хальфа от него не ушел, стремился закабалить его особым авансом — *бўнак*. По сложившемуся порядку, бунак не удерживался из заработка хальфы; последний должен был вернуть его сразу при уходе от своего хозяина.

Таким образом, хальфа, будучи наемным работником, оказывался в личной зависимости от своего хозяина и превращался фактически в средневекового закупа.

Хальфа не следует отождествлять с подмастерьем. Фигура подмастерья, как второй ступени в структуре корпорации (ученик — подмастерье — мастер), свойственная ремесленным цехам Западной Европы, в ремесле Средней Азии, в том числе и Узбекистана, не выделилась, хотя в некоторых местах это выделение в зачаточной форме уже наметилось. В Бухаре и Фергане подмастерьем можно считать хорошо обученного ученика — *нимкорâ*, которому его хозяин, не давая разрешительной молитвы, необходимой для посвящения, выплачивал половину платы, полагающейся за данную работу мастеру, прошедшему обряд посвящения.

На выборного старшину, главу цеха, называвшегося *бобо* или *оқсоқол* (в Хорезме *калонтар*), возлагалась обязанность представительства корпорации в сношениях с внешним миром. К нему обращались ремесленники в поисках работы или за защитой от произвола хозяина. Обычно у него имелись помощники. В некоторых цехах (например, у ткачей) один помощник старшины ведал организацией сбыта продукции; его место было на базаре — в торговом ряду; он следил за порядком, определял цены на изделия, выступал посредником между ремесленниками и их покупателями. Другой помощник, избиравшийся из людей грамотных, ведал, повидимому, отправлением цехового культа. Такую организацию имела, например, корпорация ткачей.

Женщины у узбеков принимали большое участие в ремесленном производстве. В ткачестве женщины занимались изготовлением пряжи, на-

чиная с прядения хлопка и кончая размоткой пряжи на шульки перед заправкой в станок. Во многих отраслях деревообделочных ремесел женщины занимались расписыванием изделий (седла, колыбели, детские игрушки). Жены и матери ювелиров нередко помогали им, изготовляя самостоятельно простые предметы: кольца, серьги и т. п. Однако как ни велик был вклад женщин в работу ремесленного предприятия, они не входили в цеховые корпорации и не участвовали в цеховом культе.

Среди ремесел и цеховых организаций Узбекистана можно выделить первичные, сложившиеся, вероятно, очень давно, и вторичные, более поздние, отпочковавшиеся от древних корпораций.

В некоторых случаях профессиональные корпорации санкционировали включение в цех новой, не существовавшей раньше профессии, с целью придать ей все свойственные феодальному ремеслу черты, как бы узаконить ее положение в ряду других ремесел. Таким именно следует считать приобщение к цеху кузнецов жестянщиков, выделившихся в особую отрасль после того, как в Среднюю Азию стала завозиться из России жесть.

Сложившаяся на протяжении веков профессиональная этика ремесленников явственно отражает тенденцию защиты интересов высшего слоя цеховой корпорации — мастеров, эксплуатировавших труд хальфы и учеников. Категорические предписания, содержавшиеся в ремесленном уставе — *рисола*, требовали добросовестности и рвения в работе, почтительного отношения к хозяину, «права» которого поддерживались верой в особое покровительство ему духа — патрона ремесла, запрещали покидать хозяина без его согласия и т. д.

Экономические связи с Россией сыграли чрезвычайно важную роль в жизни ханств, способствуя росту товарно-денежных отношений. В их застойной феодальной экономике в XIX в. стали появляться черты некоторого прогресса, углублялось развитие общественного разделения труда: выделяются районы, поставляющие на рынок преимущественно хлопок (Шахрисябз, Коканд), хлопчатобумажные, шелковые ткани (Бухара, Фергана), каракульские смушки (Бухара), кожи и обувь (Ташкент); в районах предгорий полуоседлые узбеки в большом количестве разводят овец, крупный рогатый скот, лошадей. Устанавливаются постоянные связи между отдельными рынками, поставляющими тот или иной вид продукции. Натуральные налоги частично заменяются денежными. Но способ производства и социальный строй остаются в ханствах феодальными. До присоединения к России в них были еще очень незначительны элементы, связанные с вызреванием новых, капиталистических отношений. Не произошло существенных сдвигов и в этническом развитии узбеков за трехвековой период истории (XVI — середина XIX в.).

Сохранявшаяся феодальная раздробленность, постоянные войны и междоусобия усиливали разобщенность узбеков, тормозили их дальнейшее этническое развитие и национальную консолидацию. По-прежнему сохранялись существенные различия в формах хозяйства и культуры вошедших в состав узбеков на разных исторических этапах этнических групп сартов, тюрков, дешти-кыпчакских узбеков и др.

* * *

Во второй половине XIX в. произошли значительные перемены в жизни узбеков, вызванные присоединением Средней Азии к России (см. стр. 99).

Территория Узбекистана, как отмечалось выше, частью вошла в состав Туркестанского генерал-губернаторства, частью — в состав Бухарского и Хивинского ханств, оказавшихся под протекторатом России. Туркестанское генерал-губернаторство в 90-х годах делилось на пять

областей: Семиреченскую, Сыр-Дарьинскую, Ферганскую, Самаркандскую и Закаспийскую. Области делились на уезды, уезды — на волости, волости — на сельские общества — аксакальства или (в уездах с преобладанием кочевого населения) на аульные общества.

Общая численность населения в Туркестанском генерал-губернаторстве, по данным переписи 1897 г., составляла 5 280 983 человека. Узбеков здесь было 35,77% (преимущественно в Ферганской и Самаркандской областях, а также в Ташкентском и Чимкентском уездах Сыр-Дарьинской области), казахов и киргизов — 44,36%, туркмен — 4,98%, таджиков — 6,73%, каракалпаков — 2,26%, русских — 3,75%, прочих — 2,15%. Население Бухарского ханства, по приблизительным подсчетам, составляло около 3 млн. человек, а Хивинского ханства — около 500 тыс. человек [1]. В обоих ханствах узбеки составляли значительную часть населения, но точных данных об их численности не имеется, так как Всероссийской переписи население ханств не подлежало. Таким образом, узбеки оказались разделенными границами Туркестанского генерал-губернаторства, Хивинского и Бухарского ханств. Придерживаясь политики подавления и уничтожения всяких форм государственности у народов своих колониальных окраин, царизм при проведении административных границ, разумеется, не только не учитывал национальных и экономических интересов коренного населения, но и стремился искусственно разъединить, расчленить эти народы, опасаясь их национальной консолидации.

Управление Туркестаном носило военно-административный характер. В отличие от многих губерний и областей России оно было в ведении Военного министерства, а не Министерства внутренних дел. Генерал-губернатор, военные губернаторы областей, уездные начальники соединяли свои административные обязанности с военно-полицейскими функциями. Низшие звенья административного аппарата: волостные управители, аульные старшины, аксакалы и прочие комплектовались из местного населения и представляли собой так называемую выборную туземную администрацию. Наличие избирательного ценза, двухстепенность выборов, обязательность утверждения кандидатов уездными начальниками и губернаторами и, наконец, процветавшее при выборах взяточничество обеспечивали «избрание» администрации из числа ставленников феодально-байской верхушки населения, преданной царизму и соблюдавшей интересы местных властей. В подобных же условиях происходили «выборы» народных судей — казиев и биев, продолжавших вершить суд по нормам шариата и древним архаическим законам обычного права — адата. Так называемый «народный суд» был одним из тех старых феодальных институтов, которые царизм сохранил в полной неприкосновенности или лишь слегка реформировал.

Еще более тягостной для населения была система управления в Бухарском и Хивинском ханствах. По настоянию России там была запрещена работорговля, прекратились также феодальные войны и междоусобия, но вплоть до Октябрьской революции в ханствах консервировались феодально-деспотические порядки, в неприкосновенности сохранялись неограниченная власть ханов в делах внутреннего управления, произвол беков, хакимов и чиновников и грабеж ими совершенно бесправных трудовых масс населения.

Установленное царским самодержавием управление Туркестаном было основано на национальном и колониальном гнете, на полном игнорировании интересов местного населения. Задачей царизма было превращение вновь присоединенного к Российской империи края в колонию, выкачивание из него максимальных прибылей.

---

[1] История Узбекской ССР, т. I, кн. 2. Ташкент, 1956, стр. 101.

На первом этапе господства российского царизма, в период промышленного капитализма (вторая половина XIX в.), Туркестан был главным образом рынком сбыта продукции русской промышленности. Но постепенно он начинает превращаться также и в сырьевой придаток промышленности метрополии. Для периода империализма (конец XIX — начало XXв.) характерно именно это направление политики царизма в Туркестане. Промышленная и финансовая буржуазия начала все более активно вмешиваться в экономическую жизнь края. Это сказалось в первую очередь на развитии хлопководства. Стремясь обеспечить основную отрасль российской промышленности — текстильную — дешевым сырьем, царизм намеревался превратить Туркестан, Бухару и Хиву в монокультурные хлопковые районы. С 80-х годов русские промышленные фирмы начали широко внедрять американские сорта хлопчатника, более урожайные по сравнению с местными сортами. Площади под хлопчатником на территории дореволюционного Узбекистана за 30 лет — с 1885 по 1915 г.— выросли более чем в 13 раз. Важнейшими районами хлопководства стали Ферганская и Самаркандская области, некоторые уезды Ташкентской области. Расширились посевы хлопка также в Бухаре и Хиве [1]. Развитие хлопководства и связанный с этим рост товарно-денежных отношений, широко внедрявшихся в экономическую жизнь узбекского города и кишлака, были важным стимулом развития производительных сил края.

Толчком к этому послужило также железнодорожное строительство. Первая железная дорога была проведена в 1881—1888 гг. от Красноводска до Самарканда (Закаспийская железная дорога). В 1895—1899 гг. была проведена Самаркандско-Андижанская дорога с веткой на Ташкент. В 1899 г. эта дорога была соединена с Закаспийской (Красноводск — Самарканд) и названа Среднеазиатской. В 1906 г. железнодорожная линия связала Ташкент с Оренбургом. В 1914—1915 гг. была построена Бухарская дорога (Каган—Карши—Термез) с веткой от Карши на Китаб.

Железные дороги ускоряли процесс вовлечения народного хозяйства Туркестана в сферу влияния капиталистических отношений. На это указывал В. И. Ленин, писавший о важном значении Закаспийской железной дороги [2]. Главное место в вывозе товаров из Туркестана занимал хлопок. В 1880 г. было вывезено 873 тыс. пудов хлопкового волокна, в 1900 г.— 4960 тыс. пудов, а в 1913 г.— 13 697 тыс. пудов [3].

В связи с развитием хлопководства появилась и начала расти хлопкоочистительная промышленность, перерабатывавшая хлопок-сырец на волокно. Возникли также маслобойные, винно-водочные, кожевенные, коконосушильные и другие заводы по первичной переработке сырья, небольшие угольные шахты, нефтепромыслы и т. д. Но все эти отрасли промышленности по числу предприятий и размерам капиталовложений уступали хлопкоочистительной.

Для финансирования коммерческих операций в больших городах дореволюционного Узбекистана были основаны конторы русских и иностранных торговых фирм, транспортных обществ, отделения коммерческих банков. Накануне первой мировой войны функционировало до 40 отделений 13 русских и иностранных коммерческих банков, а также семь отделений Государственного банка. Но ростки капиталистических отношений были еще очень слабы, так как политика царизма, отражавшая интересы русских капиталистов, тормозила прогрессивное развитие этой окраины России и была направлена на консервацию в Туркестане феодализма, патриархальщины, докапиталистических форм эксплуатации и общей глубокой отсталости, облегчавшей управление обширным краем с

[1] П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II. М., 1948, стр. 541.

[2] См. В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 74.

[3] П. И. Лященко. Указ. соч., стр. 550.

многочисленным и многонациональным населением. Анализируя общественно-политический строй колониальных окраин России, в том числе Туркестана, В. И. Ленин писал, что «важнейшей характерной чертой этих стран является то, что в них господствуют еще докапиталистические отношения» [1].

* * *

Развитие хлопководства, рост хлопковых площадей и урожайности хлопка нисколько не улучшили положение узбекских дехкан-хлопкоробов, живших в безысходной нужде, в условиях двойного гнета — своих эксплуататоров и буржуазии метрополии. Сложившаяся в феодальных ханствах система эксплуатации крестьян изменилась незначительно, сохранив даже в наиболее экономически развитых районах края полуфеодальные формы.

В Бухарском и Хивинском «вассальных» ханствах, где после присоединения к России оставалось прежнее внутреннее устройство, до самой Октябрьской революции продолжали существовать средневековые формы землевладения и землепользования.

На той части территории дореволюционного Узбекистана, которая вошла в так называемый Русский Туркестан, царское правительство провело ряд аграрных законов.

Мюльковые земли крупных феодалов и в первую очередь ханов были изъяты в казну и стали облагаться налогами. Известные ограничения начали применяться и к вакуфным землям: они стали облагаться налогами. Учреждение новых вакуфов допускалось только с разрешения генерал-губернатора.

По «Положению 1886 г.» [2] об управлении Туркестанским краем были осуществлены новые аграрные законы: все земли кочевого населения были признаны принадлежащими казне и лишь передавались населению в общинное пользование. Все виды орошаемых земель (в том числе населенные вакуфы) передавались в наследственное пользование и владение жившему на них сельскому населению, причем разрешалось как общинное, так и подворно-участковое землепользование. Предоставлялось право свободной купли-продажи земельных угодий. Эти мероприятия ликвидировали огромные поместья феодальной аристократии и, лишив ее привилегий, вместе с тем узаконили частную собственность на землю в земледельческих областях, создали предпосылки для возникновения крупного кулацкого землевладения. Богатые полуфеодалы и баи — торговцы и ростовщики стали усиленно скупать землю в хлопководческих районах у зависимых от них крестьян.

Быстрому росту классовой дифференциации способствовала установившаяся система эксплуатации узбекских дехкан-хлопкоробов. Капитал метрополии с 90-х годов XIX в. стал финансировать через местные фирмы операции по заготовке хлопка-сырца. В жизнь дехкан вошел новый тип эксплуататора — скупщики, так называемые *чистачи* или *арбакеши*, выступавшие посредниками между хлопкоробами и промышленниками. Получая ссуду в банке или от заготовительных фирм, они давали хлопкоробам задатки и авансы под ростовщические проценты до будущего урожая, заранее закупая его. Таким образом экспортируемый из России финансовый капитал проходил через руки многочисленных посредников и доходил до непосредственного производителя-хлопкороба уже в виде грабительского, ростовщического кредита. Это отмечали даже правительственные чиновники: «Государственный банк оказывает кредит част-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 218.

[2] Положение об управлении Туркестанского края, 12 июня 1886 г. «Полное собрание законов Российской империи», т. VI, 1886, № 3814. СПб, 1888.

ным банкам и хлопковым фирмам из 5,5%; те от себя раздают задатки посредникам уже из 8—9%, а в конце концов хлопководу кредит обходится в 40 и в 60%»,— писал в своей «Записке» — отчете о поездке в Туркестан в 1912 г. А. В. Кривошеин [1]. Большинство мелких дехкан было так опутано долгами торговым фирмам и скупщикам хлопка, что не могло с ними расплатиться в течение всей своей жизни. Долговая кабала вынуждала их закладывать и продавать землю. Местные баи при помощи разных закладных и векселей получали за бесценок земли разоренных дехкан. По официальным данным, в 1914 г. в Ферганской области в результате продажи и заклада земли 25% всех хозяйств превратилось в безземельные [2]. Накануне Октябрьской революции бедняцкие хозяйства, владевшие участками земли до 1 десятины, составляли в Самаркандской области 35,7%, в Ферганской области — 54,5% всех хозяйств [3].

Крестьяне испытывали двойной гнет: помимо колониально-капиталистической системы эксплуатации, по-прежнему действовала сложившаяся веками феодальная и полуфеодальная зависимость их от местных землевладельцев.

Бедняки вели хозяйство из-за отсутствия или крайней мизерности своего участка на арендованной земле. Аренда носила кабальный характер. Землевладельцы, как и раньше, сдавали землю на издольных началах.

Доля арендатора определялась тем, что он вкладывал в хозяйство, кроме своего труда. Получая от хозяина, кроме земли, также скот, семена, удобрения, а иногда и пищу, издольщик отдавал ему $^3/_4$, $^3/_5$ или $^4/_5$ урожая. Половинщиками (*тенг ўрток, шерик*) могли быть лишь довольно состоятельные крестьяне, имевшие рабочий скот и другие средства производства и арендовавшие только землю. На этих условиях землю арендовали немногие. Аренду земли исполу брали обычно сами баи с целью сдать ее в субаренду. Обеспечив издольщика не только землей, но и другими средствами производства, они получали с него большую часть урожая, чем та, которую должны были отдать хозяину арендованной земли. Доля арендатора зависела, кроме того, от трудоемкости возделываемых культур. Если возделывался хлопчатник, то издольщик получал в одних районах $^1/_3$ урожая, в других —$^2/_5$. При выращивании зерновых доля издольщика составляла по большей части $^1/_4$ урожая. Более состоятельные издольщики на сезон полевых работ покупали рабочий скот; иногда два хозяйства объединяли своих волов для составления парной упряжки — *қўш*. В этом случае землевладелец получал половину урожая за землю, а вторую половину делили между собой товарищи по аренде. Издольщики назывались в разных районах различно (*коранда, чоракор, сеяк, навча*).

В Русском Туркестане налоги были упорядочены вновь введенными твердыми законами и по сравнению с ханствами были менее обременительны для сельского населения. С оседлого населения взимался постоянный денежный налог с земли, исчисленный из расчета 10% среднего дохода. Кочевники платили кибиточную подать — 4 руб. с кибитки в год. Помимо этого, население было обязано платить земские сборы и выполнять разные земские повинности — натуральные и денежные. Однако, как и раньше, издольщик после раздела урожая должен был прежде всего раздать сделанные в течение года долги: отдать аванс (бунак), полученный от землевладельца, возвратить долг ростовщику и др. В результате задолго до нового урожая он снова был вынужден брать новый аванс.

Крупные землевладельцы охотно давали своим издольщикам бунак, так как это был надежный способ удержать постоянных работников.

[1] А. В. Кривошеин. Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. СПб., 1912, стр. 18.

[2] В. И. Непомнин. Исторический опыт строительства социализма в Узбекистане. Ташкент, 1960, стр. 40.

[3] Г. Ризаев. Краткий очерк земельно-водной реформы в Узбекистане. Ташкент, 1947, стр. 8.

Система бунака, наряду с земельной собственностью, являлась основой закабаления бедняков.

Помимо издольщины, в дореволюционном Узбекистане, как уже отмечалось, существовали разные формы найма работников (*мардикор, тиллакор, қарол, етим*). Батрацкая прослойка пополнялась из среды малоземельных и безземельных крестьян или разорившихся ремесленников. Их становилось все больше по мере развития в Туркестане элементов капиталистических отношений. Из форм найма наибольшее распространение, особенно в районах монокультуры хлопка, получила поденщина — мардикорство. Она являлась или основным занятием бедняков или давала приработок. Институт мардикоров существовал издавна. К концу XIX в. мардикорам платили деньгами, но раньше они получали плату натурой. Женщинам, работавшим в основном на сборе хлопка, платили значительно меньше, чем мужчинам.

В хозяйствах крупных баев работали годовые наемные работники-тиллякор, карол, етим. Нанявшись к землевладельцу, они жили и питались в его доме. Оплата была денежная. Нередко они переходили в категорию издольщиков.

В других случаях батрак в поле не работал, его основной обязанностью был уход за хозяйским скотом; он выполнял также различную домашнюю работу. Батрак поступал в байский дом часто мальчиком, и, отрабатывая долги, сделанные еще его отцом, работал на своего хозяина по многу лет.

Несмотря на развитие в сельском хозяйстве капиталистических отношений, выразившееся, в частности, в росте числа наемных работников, ведущую роль в экономике сельского хозяйства Узбекистана играла феодальная аренда, сохранявшаяся фактически до земельно-водной реформы, осуществленной в 1920-х годах. Отношения хозяев с наемными рабочими были обычно опутаны пережитками патриархальщины.

Одной из главных задач царизма в его колониальной политике было поселение в Туркестане русских крестьян-переселенцев. Этим преследовались две цели: смягчение аграрного вопроса в империи путем удаления избыточного крестьянского населения из районов наибольшей «земельной тесноты» в центральной России, постоянно охваченных крестьянскими волнениями, и, с другой стороны, колонизация Туркестанского края «крепкими русскими людьми», т. е. заселение его кулацким элементом, с расчетом на русификацию и создание прочной опоры для колониальных властей на случай народных восстаний местного населения. Главными переселенческими районами были Семиречье и Сыр-Дарьинская область; однако и на территории нынешнего Узбекистана, в Ташкентском уезде, Ферганской долине, в Самаркандской области появились поселки русских крестьян-переселенцев. Правительство стремилось к тому, чтобы переселенцы были более зажиточны, чем местное крестьянское население: им отводились лучшие участки земли, предоставлялся ряд льгот. Однако и в среде русских переселенцев было немало бедноты, самовольно бежавшей из России от голода и нищеты, «неустроенной» правительством и не получившей наделов земли. Она вынуждена была вместе с бедняками-узбеками наниматься в батраки к русским или к местным баям.

Появление русских поселков в сельских районах дореволюционного Узбекистана имело большое значение для дальнейшего развития хозяйства и культуры его населения.

* * *

В Туркестане, в Бухарском и Хивинском вассальных ханствах большое значение сохраняло ремесло. Ремесленники по-прежнему составляли большую прослойку трудового населения. Однако после присоединения

Средней Азии к России условия существования ремесленной промышленности и цеховых корпораций сильно изменились. Приток фабричных товаров вызвал упадок во многих ремеслах, в частности он наблюдался в корпорации металлистов (за исключением ювелиров), ткачей хлопчатобумажных тканей, набоечников и гончаров.

В то же время рост городов и связанное с ним строительство богатых домов, мечетей и европейских зданий способствовали резкому росту и процветанию строительных ремесел, сохранявших свое значение до самой революции.

С проникновением капиталистических отношений изменялся характер производства, положение различных слоев ремесленников.

В конце XIX — начале XX в. в Туркестане появились довольно крупные предприятия типа рассеянной мануфактуры, обслуживаемые рабочими на дому, что характерно для начальных этапов развития капитализма.

Такая организация производства сложилась в тех областях ремесла, продукция которых в наибольшей степени носила товарный характер (ткацкое, сапожное). Меньше она была свойственна набоечному и еще меньше — гончарному производству.

Основой для развития этой формы производства явился процесс расслоения ремесленников, из среды которых выделялись, с одной стороны, крупные мастера-предприниматели (*устакор*), а с другой — работавшие на них наемные мастера-надомники, которые, получая от устакора сырье, перерабатывали его на своих станках, получая за это сдельную заработную плату. В такое положение попадали те мастера, которым в новых условиях было не под силу конкурировать с продукцией предприятий устакоров. Превращение мастеров-одиночек в наемных рабочих с конца XIX в. приняло массовый характер.

Участие устакора в производстве стало ограничиваться организацией закупки сырья и сбыта продукции, а его прежние функции в производстве переходили к кому-нибудь из членов его семьи или к хальфа. Такой устакор все больше превращался в предпринимателя и торговца.

Новая фигура рабочего на дому, порожденная капиталистическими отношениями, не утратила еще черт феодального ремесленника: это был мастер, владевший некоторыми средствами производства, работавший на своем станке, своими орудиями, у себя дома, хотя и закабаленный предпринимателем-капиталистом полученным от него авансом и сырьем.

Обследовавший в 1916 г. промыслы Маргелана М. Никулин отмечал феодальный характер закабаления ремесленников. По его словам, большинство ткачей в Маргелане «из кабалы не выходят», они находятся в такой личной зависимости от своих хозяев и скупщиков, что «принуждены многие годы работать на одних и тех же баев, снабжающих их коконами или другим потребным материалом». Он пишет, что положение ремесленников «несколько напоминает крепостную зависимость» [1].

Переход к капиталистическим отношениям в ремесленной промышленности был в Средней Азии особенно тяжел, так как он происходил в условиях колониального режима. Рост производительности труда — необходимое условие капиталистической системы промышленности — мог достигаться здесь лишь за счет удлинения рабочего дня и ухудшения положения ремесленников.

Тяжесть капиталистической эксплуатации в наибольшей степени испытывали на себе рабочие на дому. Эта новая категория ремесленников, положение которых не было регламентировано цеховой традицией, не пользовалась даже теми минимальными привилегиями, которыми обеспе-

[1] М. Никулин. Из кооперативной жизни Ферганы. «Ферганские областные ведомости», 1916, № 22, 24, 25, 27. Отдельный оттиск, стр. 29—30.

чивали хальфа и учеников правила корпорации и профессиональная этика.

Кроме того, организация производства на дому означала вовлечение в него всех членов семьи работника, что при необычайно низкой тогда оплате женского и детского труда давало семье ремесленника самый незначительный дополнительный доход, в то же время значительно ухудшая условия ее жизни.

Развитие капиталистических отношений в узбекской ремесленной промышленности происходило в тех условиях, при которых, как говорил, ссылаясь на К. Маркса, В. И. Ленин, «вредные стороны капиталистического способа производства... совпадают... с вредом, проистекающим от недостаточного развития капиталистического способа производства» [1]. Окончательно разоряясь, узбекский ремесленник не имел возможности свободно продавать свой труд, искать лучших условий, так как был связан кабальной зависимостью от своего хозяина.

* * *

Появление фабрично-заводской промышленности и проведение железных дорог в дореволюционном Узбекистане привели к новому явлению в его социальном строе — формированию кадров пролетариата, в том числе рабочих из местных национальностей. Промышленные рабочие концентрировались главным образом на хлопкоочистительных, маслобойных, винно-водочных и других заводах по обработке сельскохозяйственного сырья, а также на железной дороге, на предприятиях ташкентского трамвая и электростанции. В трех областях Туркестанского генерал-губернаторства, вошедших впоследствии в Узбекскую ССР, было в начале XX в. около 39 тыс. рабочих, включая рабочих железной дороги, в том числе примерно 17 тыс. рабочих местных национальностей, в большинстве своем узбеков [2]. Среди железнодорожников преобладали русские рабочие. Наиболее квалифицированную работу выполняли русские рабочие, а подсобную — местные. Обычно это были сезонники, после 6—8 месяцев труда на заводах возвращавшиеся к земледелию в своих кишлаках. Однако часть их со временем окончательно отрывалась от сельского хозяйства.

Русские рабочие Туркестана, в большинстве своем потомственные рабочие, прошедшие суровую школу классовой борьбы в центральных районах России, продолжали активно участвовать в революционной борьбе всего русского пролетариата; под их руководством рабочие-узбеки также втягивались в борьбу против колониальной и местной буржуазии.

Положение рабочих Туркестана было чрезвычайно тяжелым. Они были лишены каких бы то ни было прав и подвергались неизмеримо более жестокой эксплуатации и угнетению, чем рабочие Центральной России, и были обречены на более нищенскую жизнь. Продолжительность рабочего дня здесь доходила до 17—18 часов, работать приходилось без выходных дней. В случае малейших нарушений установленных порядков рабочих штрафовали.

Тяжелые условия работы, в частности на хлопкоочистительных заводах, отмечали некоторые дореволюционные авторы:«Работы подносчиков и прессовщиков являются самыми тяжелыми, в особенности в тяжелых условиях приходится работать рабочим по уборке семян из-под линтеров, пыли из пыльников и рабочим, набивающим и уплотняющим волокно в прессах — последнюю операцию рабочие производят, стоя в ящике пресса; сверху же на них бросают пыльное волокно, которое они сталкивают вниз и уминают ногами, поднимаясь мало-помалу вверх, по мере

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 125.
[2] История Узбекской ССР, т. I, кн. 2, стр. 237.

заполнения пресса. Пыль и мельчайшие частицы волокна облепляют лицо, забираются в уши и глаза, дыхательные пути...» [1].

Из-за отсутствия элементарных мер по охране труда особенно трудно приходилось рабочим местных национальностей, так как большинство из них выполняло разнообразные черные работы.

В донесениях царского сенатора Палена было отмечено, что в промышленности Туркестана весьма туго прививаются и такие мероприятия, как страхование рабочих, ограждение машин.

Заработная плата фабрично-заводских рабочих была чрезвычайно низкой и зависела целиком от произвола предпринимателя. Для разъединения рабочих русских и местных национальностей и создания между ними антагонизма, в целях «предохранения» местных рабочих от революционной «заразы» и проникновения в их среду социалистических учений, царское самодержавие всячески старалось поставить русских рабочих в более привилегированное положение, отдавало им предпочтение при приеме на работу, устанавливало несколько повышенную заработную плату и т. п.

Однако, несмотря на это, положение русских рабочих мало отличалось от положения рабочих-узбеков и рабочих из других местных национальностей. Это обнаруживается при сравнении средней заработной платы туркестанского рабочего и рабочего центральной России. По исчислениям Заорской и Александер, среднегодовая заработная плата рабочих в Туркестане в 1914 г. составила 179 р. 69 к., а рабочих центральной России — 288 руб. [2] Иначе говоря, заработок туркестанского пролетариата был примерно на 35% меньше среднего общероссийского уровня заработной платы рабочих. Особенно низко оплачивался труд женщин и подростков; последние, выполняя работу взрослого человека, получали меньше половины заработной платы взрослого мужчины. Кроме того, при расчетах предприниматели нагло обсчитывали рабочих и задерживали выдачу заработной платы. Значительная доля нищенского заработка рабочих уходила на уплату всевозможных «законных» и незаконных поборов.

Одним из методов, увеличивающих эксплуатацию рабочих туркестанской промышленности, являлось широкое применение подрядной формы оплаты труда. Последняя применялась в хлопкоочистительной промышленности на работах по подноске сырца, на отгрузке волокна и семян, на работах по прессованию волокна в кипы; широко практиковалась она также в маслобойной и кирпичной промышленности. Заводчики имели дело с подрядчиками, которые уже от себя нанимали рабочих для выполнения определенной работы. В таких случаях львиная доля заработка рабочих оставалась в карманах подрядчиков. Все большее число рабочих попадало в долговую кабалу к ростовщикам. Крайне тяжелое положение туркестанских рабочих неоднократно отмечала на своих страницах ленинская «Искра».

Около 40% местных рабочих жили при заводах в неблагоустроенных бараках, а сезонники часто и совсем под открытым небом, что, по мнению владельцев предприятий, свободно допускали местные климатические условия.

Администрация не проявляла никакой заботы об улучшении социально-бытовых и культурных условий жизни рабочих. В случае болезни рабочий и его семья оставались без заработка и были обречены на голод. Врачебная помощь отсутствовала. Ни на одном предприятии не предусматривались расходы даже в самом ничтожном размере на просвещение или производственное обучение рабочих.

---

[1] В. В. Заорская и К. А. Александер. Промышленные заведения Туркестанского края, ч. IV. Пг., 1915, стр. 69.

[2] Там же, ч. II, стр. 55

По подсчетам дореволюционных авторов, на нужды одного рабочего администрация затрачивала в России в среднем 13 р. 70 к., а в Туркестане — всего 5 р. 70 к., т. е. в 2,4 раза меньше [1].

Капиталисты и фабриканты в Туркестане располагали неограниченными возможностями эксплуатации рабочих масс. Слова В. И. Ленина о том, что в России рабочий класс страдал не только от капитализма, положение его безмерно ухудшалось вследствие медленности развития капитализма [2], вдвойне применимы к рабочим колониального Туркестана, где развитие промышленности шло еще более замедленно, чем в России, притом в уродливых, колониальных формах, где капиталистическая эксплуатация рабочих переплеталась с мерами внеэкономического принуждения и национальным гнетом.

Революционная борьба рабочих Туркестана против политического бесправия и гнета сливалась с борьбой великого русского народа против царизма. В борьбе против общих классовых врагов исторически складывалась дружба узбекского и русского народов.

Вместе с русским рабочим классом, под руководством Коммунистической партии узбекский рабочий класс участвовал в общероссийском революционном движении и в Великой Октябрьской социалистической революции.

* * *

В конце XIX в. развитие промышленности в Туркестане еще не привело к возникновению сколько-нибудь значительной прослойки национальной буржуазии; большинство заводов и фабрик находилось в руках русских капиталистов, а местный капитал действовал главным образом в области торговли и в сельском хозяйстве.

На этом этапе узбекская буржуазия формировалась преимущественно из среды торговцев, разбогатевших скупщиков хлопка, ростовщиков, богатых землевладельцев-баев, из низовой администрации.

Позднее, с начала XX в., появляется и промышленная национальная буржуазия. Так, в Ферганской и Самаркандской областях две трети хлопкоочистительных заводов принадлежали местным предпринимателям; велика была доля местных капиталистов-промышленников также в Ташкенте и в Бухарском эмирате. Национальная буржуазия была компрадорской, она играла посредническую роль агента русской империалистической буржуазии, связывая промышленные и торговые фирмы метрополии с непосредственными производителями — дехканами. В промышленности роль национальной буржуазии ограничивалась заготовкой полуфабрикатов для предприятий России, в сфере торговли — преимущественно доведением до непосредственных потребителей привозных товаров.

Экономические интересы местной национальной буржуазии настолько тесно переплетались с интересами русской империалистической буржуазии, что она не смогла стать в условиях зарождавшегося капитализма прогрессивной силой. Более того, она играла реакционную роль, поддерживала царизм в борьбе с нараставшим в начале XX в. в Туркестане революционным рабочим и крестьянским движением и всеми средствами стремилась помешать духовному сближению трудящихся масс узбекского и русского народов. Выделившаяся из ее среды немногочисленная прослойка национальной буржуазной интеллигенции в своем большинстве была связана с реакционными течениями панисламизма и пантюркизма. Наиболее активные ее представители были известны под названием джадидов. В среде буржуазной интеллигенции появились и прогрессивные деятели — писатели, поэты-просветители и другие, бывшие сторонниками демократических идей.

[1] В. В. Заорская и К. А. Александер. Указ. соч., ч. II, стр. 59.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 527.

* * *

Изменения, происшедшие в социально-экономическом строе дореволюционного Узбекистана в конце XIX и начале XX в., в значительной мере были результатом втягивания хозяйства Средней Азии в общероссийскую экономическую жизнь, а частично — следствием зарождения капиталистических отношений в недрах самого узбекского общества. В этих условиях зарождалась узбекская буржуазная нация, процесс формирования которой так и не был завершен.

С широким проникновением русского и иностранного капитала хозяйственная замкнутость отдельных районов постепенно разрушалась. Доказательством этого могут служить данные Закаспийской железной дороги о росте местного и внешнего товарооборота за 1900—1912 гг. За эти 12 предвоенных лет общий оборот железной дороги возрос на 399,5%, а грузооборот местного сообщения, т. е. перевозки внутри Узбекистана,— на 263,3% [1].

Но в формировании национального рынка дореволюционного Узбекистана, в разрушении замкнутости отдельных районов первенствующая роль принадлежала проникавшему в них русскому капиталу и усилению торговой связи между Туркестаном и всероссийским рынком.

Сложение единого внутреннего рынка еще не завершилось, и каждый район при сбыте продукции был непосредственно связан через торговые фирмы с центральными районами России.

Замкнутость отдельных районов сравнительно быстро разрушилась в результате товарооборота с Россией, но установление внутренней экономической связи между ними шло замедленно. Характерно, что в экономической жизни народа все еще большую роль играла местная ремесленная промышленность. Колониальная политика царского правительства была направлена на превращение Туркестана в рынок сбыта изделий российской промышленности, но последние не всегда удовлетворяли специфические бытовые потребности населения. Такие изделия, как кетмени, серпы, подковы, продукция деревообделочников (омачи, ярма для волов, двери, сандалы, сундуки), а также готовая одежда, обувь, излюбленные национальные пищевые продукты и другие, по-прежнему производились в каждом районе ремесленниками и продавались на местных базарах. Таким образом, экономика дореволюционного Узбекистана еще не достигла того уровня, на котором зарождаются широкие связи в национальном масштабе и формируется общность экономической жизни. Этот процесс лишь начинался.

После присоединения к России наметились большие сдвиги в части формирования территориальной общности узбеков. Прекратились феодальные междоусобные войны, уменьшилась и политическая раздробленность. Рост товарно-денежных отношений, развитие средств сообщения внутри страны, в особенности появление железной дороги, также способствовали расширению связей между обособленными и замкнутыми прежде этнографическими группами. Шел процесс сплочения узбекских земель в единую национальную территорию.

Однако в дореволюционный период и этот процесс не завершился. Территориальное объединение узбеков тормозило то обстоятельство, что земли, населенные ими, входили в состав трех государственных образований — Туркестана, Бухарского и Хивинского ханств, разделенных политической границей, и рознящихся социально-экономическими отношениями. Конечно, те сдвиги, которые произошли в территориальном сплочении узбеков, имели большое значение, но они были еще недостаточны для образования территориальной общности, свойственной нации.

[1] М. Вахабов. Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент, 1961, стр. 152.

Большие сдвиги произошли также в развитии узбекского языка, хотя этот процесс и задерживался русификаторской политикой царизма и национальным гнетом. Начало формирования узбекского национального языка в этот период выразилось в том, что наречия населения таких городов, как Ташкент, Коканд и Самарканд, превратившихся в крупные торгово-промышленные центры, все более широко распространялись в районах с узбекским населением, хотя и не стали еще преобладающими.

До самой Великой Октябрьской социалистической революции узбекский язык не достиг уровня единого национального языка и процесс языковой консолидации, начавшийся в конце XIX в. среди узбеков Туркестана, не завершился.

Вопреки намерениям и политике царизма, в быту узбеков под влиянием прогрессивной культуры русского народа происходили существенные сдвиги.

С первых же дней присоединения Средней Азии к России рядом с такими древними городами, как Ташкент, Самарканд, Коканд, Андижан, Маргелан, Бухара, стали строиться русские кварталы, возникали и новые русские города (Каган, Петро-Александровск и др.). Эти города были не только центрами колониальной торговли и администрации, но и пунктами сосредоточения русских рабочих и представителей русской прогрессивной интеллигенции. Помимо учреждений военно-полицейского управления, тюрем, церквей в этот период в Туркестане появились первые светские школы, гимназии, библиотеки, типографии, больницы и аптеки. Эти учреждения были рассчитаны главным образом на обслуживание русского населения, но все же в какой-то степени они приобщали к русской культуре и научной медицине местное население. Уже в конце XIX в. в Туркестане возникли и русско-туземные школы. Какими бы субъективными целями ни руководствовалась колониальная администрация при организации этих школ, но объективно они сыграли положительную роль, способствуя ознакомлению местного населения с основами наук.

Важным явлением в культурной жизни было также создание научных обществ и учреждений, издание газет и книг. Это повлияло на рост прогрессивно-демократического течения и в узбекской литературе, представителями которого были поэты и писатели Мукими, Фуркат, Аваз Отар, Завки, Хамза Хаким-заде Ниязи, С. Айни и др. В своих произведениях они разоблачали социальное лицо баев, духовенства, эмирских чиновников и выступали как пропагандисты новых демократических идей, распространители русской культуры среди местного населения.

Все это знаменовало перелом в культурной жизни узбеков, способствовало развитию у них национального самосознания.

Однако это было только началом нового этапа в процессе формирования той общности культуры узбекского народа, основные черты которой сложились на протяжении предыдущих столетий. Пока среди узбеков еще очень значительны были местные локальные особенности быта, духовной жизни, и далеко не завершилось развитие характерного для буржуазных наций единства культуры.

Вступившая на путь формирования буржуазной нации узбекская народность накануне Октябрьской революции этнически не была еще монолитной.

* * *

Социально-экономический строй, утвердившийся в дореволюционном Узбекистане, колониальный режим царизма, национальный гнет и сложная система феодальной, патриархально-феодальной и капиталистической эксплуатации, приведшая к обнищанию народа, вызывали глубокое воз-

мущение и протест трудящихся масс. На территории Туркестана, так же как и в «вассальных» Бухарском и Хивинском ханствах, происходили непрерывные восстания дехкан и городского населения, с трудом подавлявшиеся колониальными властями.

Часть восстаний носила характер национально-освободительных движений и имела прогрессивное значение, другие же, например восстание под руководством Мадали-ишана в 1898 г. («Андижанское восстание»), были феодально-монархическими, реакционными; они были вызваны провокационной деятельностью Турции и других враждебных России государств, стремившихся активизировать в Средней Азии феодально-клерикальные элементы и распространить реакционное течение мюридизма.

В начале XX в. в Узбекистане растет рабочее революционное движение. Русские большевики уже в 1902—1904 гг. распространяли здесь марксистскую литературу: газеты «Искра», «Вперед», а затем «Пролетарий» — центральный орган РСДРП, брошюры со статьями Ленина, «Коммунистический манифест» и другие работы К. Маркса и Ф. Энгельса. С 1904 г. среди рабочих железнодорожников Ташкента, Самарканда, Коканда организуются социал-демократические кружки, поддерживающие связь с центральными организациями РСДРП.

Первая русская революция 1905—1907 гг., распространяясь из центра России на ее окраины, охватила и Узбекистан. Местные большевистские организации имели в Ташкенте подпольную типографию, с 1905 г. печатавшую на гектографе газету «Рабочий» — орган Ташкентской группы РСДРП. Рабочие Ташкентской и Среднеазиатской железных дорог участвовали во Всеобщей октябрьской забастовке 1905 г.; демонстрации, вызванные манифестом 17 октября, разгонялись в Ташкенте при помощи вооруженной силы. Революционное движение охватило и воинские части; выступления солдат в ноябре 1905 г. в Ташкентской крепости вызвало кровавую расправу, в знак протеста против которой рабочие-железнодорожники организовали забастовку. В Ташкенте и других городах возникали стачечные и забастовочные комитеты. Революция активизировала также политическую борьбу дехкан-узбеков. Открытые выступления их происходили в 1905—1906 гг. в Андижанском, Катта-Курганском, Маргеланском и других уездах. Дехкане-бедняки вели борьбу за землю и воду, захватывая участки земель у баев и кулаков-переселенцев. Однако движение дехкан в этот период было неорганизованным, стихийным, не связанным с рабочим движением. После поражения Московского декабрьского восстания во всем Туркестане было введено военное положение. Социал-демократические организации были разгромлены, началась полоса черной реакции. Новая волна массового революционного движения в России после Ленского расстрела 1912 г. получила живейший отклик среди рабочих и солдат Туркестана. В июле 1912 г. произошло крупное революционное восстание саперов в Троицких лагерях под Ташкентом. Многие участники жестоко подавленного восстания были преданы смертной казни, свыше 100 человек было осуждено военным судом на каторгу.

В 1916 г. вспыхнуло массовое национально-освободительное восстание против царизма. В нем участвовали все народы Средней Азии, в том числе и узбеки. Империалистическая война довела до предела колониальную эксплуатацию и ограбление трудящихся Туркестана. Царская администрация реквизировала скот, установила дополнительный военный налог и сбор «пожертвований», сопровождавшийся постоянными злоупотреблениями местных властей. Резко ухудшилось положение дехкан, так как при неизменных ценах на хлопок цены на хлеб и мануфактуру возросли более чем на 200%. Ввоз хлеба из России сократился. К тому же вследствие маловодья первые годы войны были неурожайными. Начались голод и эпидемии. Поводом к вспышке назревшего широкого народного движения против самодержавия и местных эксплуататоров явился приказ цар-

ского правительства от 25 июня 1916 г. о «реквизиции» на тыловые работы мужского «инородческого» населения. Приказ, совпавший с разгаром полевых работ, вызвал волну возмущения, все более усиливавшуюся по мере осуществления его местной администрацией. Байство уклонялось от набора путем подкупов и найма вместо себя других людей; вся тяжесть царского приказа легла на плечи бедняков.

В разных районах Узбекистана начались стихийные выступления дехкан и городской бедноты. Толпы дехкан громили волостные правления, уничтожали списки, убивали аксакалов, волостных управителей и уездных начальников. Это стихийное движение, не имевшее общего для всего края руководства, в подавляющем большинстве районов было направлено против царского самодержавия, колониальных властей и местных феодально-байских элементов; оно имело прогрессивный, национально-освободительный характер, смыкаясь с революционной борьбой русского рабочего класса и крестьянства против царизма. Лишь в отдельных районах феодально-клерикальные элементы, связанные с германо-турецкой агентурой, сумели превратить восстание в антирусское реакционное движение. Такой характер оно приняло, например, в некоторых местностях Джизакского уезда.

Размах, глубина и сила восстания 1916 г. свидетельствовали о назревании революционной обстановки в Туркестане. «Тыловики» — мобилизованные рабочие и дехкане — узбеки, попавшие в Россию, под влиянием большевистских организаций получили боевую закалку, став политическим авангардом узбекского пролетариата и дехканства в период февральской и Великой Октябрьской социалистической революции.

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. не внесла существенных изменений в положение узбекского народа. Временное правительство и его Туркестанский комитет, в состав которого вошли кадеты, меньшевики, эсеры и местные буржуазные националисты, продолжали политику царизма, сохранив старый колониальный аппарат и всю систему национального угнетения и эксплуатации местного населения. Состоявшееся в апреле 1917 г. краевое совещание при Туркестанском комитете высказалось против предоставления Туркестану автономии, заявив, что край должен быть устроен наподобие английских и французских колоний, что в нем должно сохраняться также зависимое положение Бухарского и Хивинского ханств. С русской буржуазией сомкнулись возникшие в это время контрреволюционные организации узбекской буржуазии и реакционного духовенства — «Шуро-Исламия» и «Шуро-Улема».

Антинародная деятельность Временного правительства, продолжение им политики национального гнета революционизировали трудящихся местных национальностей; все больше укреплялись их связи с русским рабочим движением. Туркестан вовлекался в орбиту мощного революционного движения всей страны. Во главе революционных сил Туркестана стояли немногочисленные, но влиятельные большевистские организации, которые повели за собой в решительный бой подавляющую часть туркестанских рабочих, дехканской бедноты и солдат.

28—31 октября 1917 г. в Ташкенте произошло вооруженное восстание рабочих и солдат, в котором участвовало и узбекское население. 1(14) ноября была установлена Советская власть. Созванный после этого III съезд Советов Туркестанского края по предложению большевиков принял решение о создании Советского правительства — Совета Народных Комиссаров.

В апреле 1918 г. была провозглашена Туркестанская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР.

Однако революционные преобразования в Туркестане задержали в то время иностранная интервенция и гражданская война.

Туркестанская Советская Республика оказалась в кольце четырех фронтов: на севере — Оренбургского, на востоке — Семиреченского, на юге — Ферганского, на западе — Закаспийского. Туркестан был отрезан от центральной России. Белогвардейцы, контрреволюционное казачество, местная националистическая буржуазия, образовавшая в Ферганской долине свое правительство (Кокандская автономия), бухарский эмир и хивинский хан, заключившие военные договоры с Дутовым и Колчаком, объединились с иностранными агентами империализма, стремясь задушить революцию в Туркестане и снова надеть ярмо рабства на шею его народов. Только объединенными усилиями красной гвардии Туркестана, дехканских отрядов красных партизан, с помощью революционных войск, направленных на помощь Советскому Туркестану из центральной России, удалось отстоять свободу и независимость республики, отбросить интервентов и защитить завоевания Октября в Туркестане. В этот тяжелый период бедствий и ожесточенной борьбы с мобилизовавшей все черные силы контрреволюцией В. И. Ленин внимательно следил за событиями в Туркестане, неустанно заботясь об оказании помощи войскам Туркестанского фронта и окруженному огненным кольцом врагов населению Туркестанской Республики. 8 октября 1919 г., когда был прорван Оренбургский фронт и установилась связь Туркестана с остальной Советской Россией, постановлением ВЦИК и Совнаркома была назначена комиссия по делам Туркестана, в состав которой входили М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев.

В этом постановлении, подписанном В. И. Лениным, указывалось:

«1. что с победой Красной Армии устанавливается связь Красного Туркестана с остальной Советской Россией — этим очагом мировой революции — и обеспечивается тесный союз трудящихся масс России с народами Туркестана;

2. что этот союз является залогом полного уничтожения в Туркестане всех остатков Российского империализма и оплотом против всяческих попыток иностранных угнетателей;

3. что самоопределение народов Туркестана и уничтожение всяческого национального неравенства и привилегий одной национальной группы за счет другой — составляют основу всей политики Советского Правительства России и служат руководящим началом во всей работе ее органов и что только такой работой можно окончательно преодолеть созданное многолетним господством русского царизма недоверие туземных трудящихся масс Туркестана к рабочим и крестьянам России». Туркомиссии поручалось способствовать проведению в жизнь начал, изложенных в этом постановлении [1].

* * *

После победы Великой Октябрьской социалистической революции основная масса узбекского народа, жившая в Туркестане, вступила на путь социалистического развития. В дальнейшем, после победы в 1920 г. народной революции в Бухаре и Хиве, в социалистическое строительство включилась и остальная часть узбекского населения Средней Азии. Осуществление ленинской национальной политики привело к глубочайшим социалистическим преобразованиям экономики и культуры Узбекистана, сопровождавшимся коренными изменениями социально-политического и морального облика узбекского народа. Под эгидой Советской власти постепенно завершался процесс консолидации узбекской социалистической нации.

[1] В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1960, стр. 455—456.

Условия, в которых происходили изменения социального облика народов Туркестана, только что сбросивших ярмо колониального гнета российского военно-феодального империализма, отличались большой сложностью. Здесь на обширной территории Бухарского и Хивинского ханств вплоть до 1920 г. еще держалась власть феодальных деспотов, а до земельно-водной реформы 1926 г. сохранялись поместья крупных феодалов, которые в центральных районах были ликвидированы непосредственно после Октябрьской революции.

Основную массу городского населения составляли кустари-ремесленники, торговцы всяких категорий, рабочих же было незначительное меньшинство. Состав городского населения, следовательно, в основном был мелкобуржуазным.

Тем не менее в обстановке острой классовой борьбы уже в годы революции и гражданской войны, под влиянием Коммунистической партии, развивалась политическая активность трудящегося узбекского населения.

III съезд Советов Туркестана, проходивший в ноябре 1917 г., постановил объединить существующие Советы трудящихся мусульман с городскими и областными Советами рабочих и солдатских депутатов, а там где их нет, немедленно приступить к их созданию. Разгром в феврале 1918 г. контрреволюционного буржуазно-националистического «правительства» Кокандской автономии, претендовавшего на власть в Туркестане, явился важнейшим фактором в росте политической сознательности местных трудящихся. С этого времени государственная власть в Туркестане полностью перешла в руки Советов рабочих, солдатских и дехканских депутатов.

Уже летом 1918 г., ко времени созыва I съезда Коммунистической партии Туркестана (КПТ), в старом городе Ташкенте существовала небольшая партийная организация местных коммунистов. Ко времени II съезда КПТ, осенью 1918 г., в Ташкенте из 2 тыс. членов партии 900 было из местных национальностей, а в Коканде из 750 коммунистов 250 было из местных национальностей.

Началась полоса массового вступления трудящихся в ряды Коммунистической партии.

В 1924 г. из общего числа 16 289 членов и кандидатов КПТ 10 110 были узбеками и представителями других местных национальностей.

Важную роль в росте политической активности дехкан сыграла организация «Кошчи» — союз дехкан-бедняков. В течение 1920—1925 гг. союзы «Кошчи» действовали как массовые организации трудящихся на селе, занимаясь всеми насущными вопросами переустройства жизни трудового крестьянства. В 1921 г. в союзе «Кошчи» было 90 тыс. человек, которые объединялись в 6 тыс. кишлачных союзов. В дальнейшем число членов союза «Кошчи» непрерывно росло и в 1924 г. превысило уже 260 тыс.

Развивалось среди дехкан кооперативное движение. В 1924 г. в Узбекистане существовало более 500 различных крестьянских кооперативных товариществ, в которых было объединено 142 тыс. хозяйств. Создание кооперативов было крупным шагом вперед на пути к социализму.

Еще быстрее активизировалось городское население. В 1924 г. в городах 73,4% рабочих и служащих были охвачены профсоюзами, ставшими массовой организацией городских трудящихся и интеллигенции.

Одним из показателей успехов КПТ и органов Советской власти в повышении политической активности местных трудящихся служило широкое участие их в работе съездов Советов и исполкомов Советов. Среди 356 делегатов XII съезда Советов Туркестана, проходившего в 1923 г., было 255 представителей местных национальностей, в том числе 118 узбеков. Из 168 членов и кандидатов ТуркЦИКа 108 принадлежали к местным национальностям.

В городах Туркестана стали функционировать специализированные школы и курсы по подготовке и переподготовке советских, партийных, хозяйственных и судебных работников. Был создан Среднеазиатский коммунистический университет, в котором обучалось много узбеков. В Ташкенте, Коканде, Самарканде работали советско-партийные школы.

Таким образом в период существования Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики Коммунистическая партия привлекла местных трудящихся к участию в политической жизни страны, развила их политическую активность, подняла культуру, способствовала сплочению трудовых крестьян в массовые общественные организации, поддерживала среди них кооперативное движение.

В то же время трудящиеся Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республик, укрепляя под руководством Коммунистической партии советский строй, подготовили почву для перехода этих республик к строительству социализма.

Уже в первые годы социалистического строительства были проведены государственные мероприятия, способствовавшие воссоединению разрозненных частей узбекского народа и сложению одного из важных элементов нации — территориальной общности. В этом деле особенно важное значение имело национально-государственное размежевание Средней Азии и образование Узбекской ССР.

Узбекское население накануне национального размежевания имелось в Туркестанской АССР (2 389 940 человек), в Бухарской Народной Советской Республике (975 565 человек) и в Хорезмской Народной Советской Республике (391 800 человек). При такой расчлененности развитие культуры узбекского народа, в особенности языка, было затруднено.

В результате национального размежевания к Узбекской ССР отошла территория размером в 17 071 600 га.

Из 3 757 309 узбеков, расселенных на территории Туркестана, Бухары и Хорезма, только 10% вошли в состав других республик и автономных областей; 90% узбеков объединились в единую социалистическую республику. По материалам переписи 1926 г., население Узбекской ССР составило 4 445 726 человек. Таким образом, узбеки составляли около 75% всего населения республики.

Объединение в результате образования Узбекской ССР всех основных территорий, населенных узбеками, было политическим актом, способствовавшим сложению общности экономической жизни, единого языка, ускорению развития национальной по форме, социалистической по содержанию культуры. Результатом этого явилось этническое сплочение узбеков.

В периоды социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства осуществлялась социалистическая реконструкция народного хозяйства Узбекистана.

Значение промышленного развития в условиях Узбекистана, являвшегося прежде страной крестьянской, было огромно. Именно социалистическая промышленность должна была стать базой для сплочения крестьянских масс вокруг рабочего класса. Она была призвана обеспечить крестьянство всеми необходимыми средствами производства для перестройки сельского хозяйства. Она являлась кузницей кадров промышленных рабочих — носителей социалистической идеологии.

В Узбекистане промышленность приходилось создавать заново. Первый и второй пятилетние планы развития народного хозяйства Узбекистана были подчинены этой задаче. Основные фонды всей промышленности Узбекистана возросли за первую пятилетку с 70 до 245 млн. руб.— на 346%, а валовая продукция — на 288%; стоимость ее достигала в 1932 г. 627 млн. руб. При этом благодаря капитальным вложениям Союзного правительства темпы роста промышленности республики значительно опережали

темпы роста промышленности СССР. Так, за первую пятилетку промышленное производство по СССР в целом выросло на 118%, а по Узбекской ССР — на 188% [1].

Численность рабочих в крупной промышленности Узбекской ССР по сравнению с 1913 г. возросла в 1932 г. на 424%, а к концу второй пятилетки, в 1937 г.,— на 609% [2]. Это было результатом создания промышленных очагов и развития всех отраслей советского социалистического хозяйства в городах и кишлаках. Рабочий класс из самого малочисленного слоя в составе населения Узбекской ССР превратился в самый мощный, организованный и руководящий класс.

В период 1926 — 1929 гг. в Узбекистане проводилась земельно-водная реформа, сопровождавшаяся ликвидацией крупного землевладения; стали быстро расти колхозы, совхозы и МТС. Земельно-водная реформа ликвидировала остатки докапиталистических — феодальных и патриархально-феодальных — отношений в кишлаке. Проводилась она разновременно, в зависимости от степени подготовленности к ней различных районов Узбекистана.

В результате проведения реформы в Ферганской, Самаркандской и Ташкентской областях были ликвидированы крупные феодально-байские хозяйства. Хотя количество их было сравнительно незначительным, но в них были сосредоточены обширные и лучшие по качеству массивы земель.

Реформа значительно ограничивала хозяйства кулаков, баев и торговцев, сочетавших ведение сельского хозяйства с торговлей. В результате сокращения земельных участков кулаков и баев они в известной мере лишились средств для закабаления безземельных и малоземельных крестьян.

Всего в результате ликвидации феодально-ростовщических хозяйств и урезки земли кулаков, баев и духовенства в этих областях было изъято и роздано безземельным и малоземельным крестьянам 248 046 десятин земли. Кроме того, крестьяне получили еще значительные участки земель нового орошения. Было землеустроено 65 979 хозяйств бывших чайрикеров, батраков и малоземельных дехкан [3].

В 1926—1927 гг. реформа была проведена в Зеравшанской области, причем было ликвидировано около 100 крупных поместий чиновников бухарского эмира и свыше 700 хозяйств крупных торговцев. Завершение земельно-водной реформы в Кашка-Дарьинской, Сурхан-Дарьинской и Хорезмской областях происходило уже в период развития колхозного движения. В 1937 г. в колхозы было объединено 95,5% всех крестьянских хозяйств Узбекистана, которые засевали 99,4% всех посевных площадей [4]. Вторая пятилетка была периодом завершения коллективизации.

Переход мелких крестьянских хозяйств в русло социалистического развития стал одним из главных факторов дальнейшего преобразования экономики республики и социального облика узбекского народа.

Параллельно с коллективизацией крестьян продолжалось кооперирование кустарей. В условиях Узбекистана кооперирование кустарей имело немаловажное значение, так как последние, как отмечалось, представляли значительную массу городского населения. Часть из них перешла на работу в промышленные предприятия, но большинство продолжало прежние занятия.

Важным мероприятием, проведенным Коммунистической партией в

---

[1] В. Я. Непомнин. Исторический опыт строительства социализма в Узбекистане. Ташкент, 1960, стр. 273, 274.

[2] Т. С. Мельникова. Формирование промышленных кадров в Узбекистане. Ташкент, 1956, стр. 39 (табл. 8).

[3] Средняя Азия в цифрах. Ташкент, 1931, стр. 101.

[4] В. Я. Непомнин. Указ. соч., стр. 213, 315.

этот период во всех республиках Средней Азии, в том числе и в Узбекистане, было раскрепощение женщин местных национальностей.

Коммунистическая партия Узбекистана расценивала работу среди женщин как один из основных участков партийной работы. В партийных аппаратах районов, округов и ЦК были созданы женотделы, которые вели разностороннюю работу, направленную на улучшение положения работниц и крестьянок: начиная от организации обучения женщин и кончая созданием детских учреждений — яслей, детсадов и т. д.

В короткий срок узбечки заняли значительное место в партийных, советских, хозяйственных органах, а затем и в научно-исследовательских учреждениях.

За годы первой и второй пятилеток в Узбекистане были разрешены первоочередные задачи национальной политики Коммунистической партии, обеспечившие переход трудящихся масс узбекского народа к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Под руководством партии, при помощи союзного правительства и передовых братских народов Советской страны, узбекский народ не только обрел свою национальную государственность, но за короткий исторический срок преодолел унаследованную от старого строя экономическую и культурную отсталость, создал и развил промышленность, преобразовал сельское хозяйство на социалистической основе, осуществил культурную революцию. Из отсталой национальной окраины царской России Узбекистан превратился в высокоразвитую индустриально-колхозную республику.

14 февраля 1937 г. Чрезвычайный 6-й съезд Советов Узбекистана принял новую Конституцию Узбекской ССР, составленную на основе Конституции СССР 1936 г. Вместе со всеми народами советской страны узбекский народ достиг победы социалистического строя.

Узбеки стали социалистической нацией, т. е. нацией, свободной от внутреннего социального и классового антагонизма, свободной от эксплуатации и угнетения. Основой экономической жизни узбекской социалистической нации является социалистический уклад хозяйства, основой духовной жизни — социалистическая идеология рабочего класса.

Подлинный интернационализм, нерушимая дружба народов, братство и взаимопомощь определяют взаимоотношения узбеков с другими нациями и народностями.

В период социализма узбекская социалистическая нация достигла невиданных успехов в развитии экономической и культурной жизни. Вступив на путь строительства коммунистического общества, она стала одной из передовых наций мира. За краткий срок, в три-четыре десятилетия, узбекский народ шагнул от вековой отсталости к величайшему прогрессу. В особенности быстро развивалась экономика Узбекистана в течение последнего десятилетия. Капитальные вложения в народное хозяйство республики за период между XX и XXII съездами КПСС равны капитальным вложениям за все предыдущие годы Советской власти [1]. В Узбекистане сейчас свыше 7 тыс. промышленных предприятий, в числе которых 1300 крупных современных фабрик и заводов, оборудованных новейшими машинами и станками; уровень развития промышленности республики несравнимо выше, чем, например, в Пакистане, где населения в 10 раз больше, однако имеется лишь немногим более 2500 промышленных предприятий, причем только 150 из них фабрично-заводского, а остальные — кустарного типа [2].

В сельском хозяйстве республики, представленном сотнями сельхозартелей и совхозов, значительная часть работ выполняется машинами.

[1] Из речи секретаря ЦК Коммунистической партии Узбекистана Ш. Р. Рашидова на XXII съезде КПСС («Правда», 20 октября 1961 г.).

[2] См. М. Мусаев. Ленинская национальная политика в действии. «Коммунист». 1961, № 6, стр. 30

О том, как далеко ушел Узбекистан по уровню механизации сельского хозяйства по сравнению с зарубежными странами Востока, говорят такие цифры: в Узбекистане один трактор приходится примерно на 50 га посева, а в Пакистане — на 8 тыс., в Индии — на 12 тыс., в Иране — на 17 тыс. га.

Еще более ярко свидетельствуют о расцвете Советского Узбекистана данные, характеризующие развитие его культуры. По числу студентов на каждые 10 тыс. населения республика обогнала почти в 3 раза Францию, в 8 раз Турцию и почти в 17 раз Иран. Соответственное сравнение численности учащихся школ ставит Узбекистан впереди современной Англии, Франции, ФРГ, Италии и других европейских стран. Два университета, свыше 30 высших учебных заведений, крупная Академия наук, объединяющая 25 научно-исследовательских институтов, 10 тыс. ученых, в том числе сотни докторов и кандидатов наук из числа узбеков и других местных национальностей,— все эти культурные достижения поражают людей самых различных политических убеждений, побывавших в составе зарубежных делегаций в Узбекистане. Секретарь Алжирской ассоциации друзей Советского Союза заявил на пресс-конференции после поездки в Узбекистан: «В Алжире около миллиона детей не ходят в школу. Их родной язык считается языком иностранным. Вот почему на меня такое сильное впечатление произвело посещение одной из ташкентских школ, где узбекские дети учатся читать и писать на своем родном языке. Вот почему на меня произвел также сильное впечатление лозунг в стенной газете этой школы: «Ни одного ребенка вне стен школы!»» [1].

Пример Узбекистана, как и других республик нашей страны, разоблачает реакционные бредни о неспособности колониальных народов к самостоятельному развитию, опровергает злонамеренную клевету зарубежных писак, извращающих смысл ленинской национальной политики, пытающихся отрицать ее успехи и поколебать симпатии миллионов простых людей всего мира к Советской стране. Чрезвычайно интересны в этой связи впечатления генерального секретаря цейлонской Ассоциации азиатско-африканской солидарности, доктора Кроссетте Тамбиаха, издавшего после поездки в СССР в 1959 г. брошюру «Узбекистан — бывшая царская колония». Автор пишет: «Я страстно желал осмыслить и понять для самого себя, возможно ли для европейцев и азиатов, народов различных культур, религий и языков, действительно жить, как равные и друзья. Единственным господствующим впечатлением, с которым я покидал Узбекистан, было то, что узбеки являются хозяевами в своей собственной стране и что русские, которые живут и работают здесь — их равноправные товарищи в решении великой задачи построения нового общества в Средней Азии» [2].

Так дружба народов СССР, их сплоченность и единство, социалистический интернационализм не менее чем грандиозный рост экономики и культуры убеждают народы зарубежных стран в преимуществах социалистического строя, в мудрости ленинской национальной политики Коммунистической партии.

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Сельское хозяйство

Узбекистан является одним из крупных промышленных районов СССР с высокоразвитым социалистическим сельским хозяйством, в котором занято 66% населения республики (перепись 1959 г.). По своей интенсивности сельское хозяйство Узбекской ССР занимает одно из первых мест в Советском Союзе. Узбекистан — основная хлопковая база Советского Союза, поставляющая более двух третей всего производимого в СССР хлопка. По валовому сбору хлопка

[1] М. Мусаев. Указ. соч., стр. 33.
[2] Там же, стр. 37.

он занимает третье место в мире после США и Китая. С развитием хлопководства неразрывно связано развитие всех отраслей народного хозяйства республики, подъем культуры и благосостояния узбекского народа.

Узбекистан — крупнейший в СССР производитель шелка, дающий более половины всех шелковичных коконов, производимых в стране; по производству коконов он занимает третье место в мире (после Японии и Китая). За годы Советской власти в республике освоено возделывание лубяных культур — джута и кенафа. Развито садоводство и виноградарство. На поливных землях сосредоточена почти половина посевов риса, производимых в СССР.

Видное место в сельском хозяйстве Узбекистана занимает животноводство. Республика является крупным поставщиком шерсти и основным производителем каракульской смушки. Здесь разводят и мясо-сальные породы овец, в частности крупнейшую в мире гиссарскую породу. В послевоенные годы особое внимание уделяется разведению молочного скота.

Таким образом, сельское хозяйство Узбекистана представляет продовольственную и сырьевую базу всесоюзного значения для легкой и пищевой промышленности. Оно имеет мощную материально-техническую основу: передовую сельскохозяйственную технику, мотороремонтные заводы, высокоразвитое водное хозяйство; химическая промышленность производит для него минеральные удобрения, машиностроительные заводы поставляют сельскохозяйственные машины и экскаваторы, энергетическая и топливная промышленность дают электроэнергию и горючее.

Территория Узбекистана в сельскохозяйственном отношении подразделяется на три зоны: горная и предгорная, зона орошаемого земледелия и пустынно-пастбищная.

Горная и предгорная зона составляет 20,5 % всей территории республики.

В верхней части ее расположены горные арчевые леса, занимающие одну десятую площади всей зоны. В предгорьях, на пологих склонах гор и в горных долинах основным занятием населения является земледелие. Эта зона наиболее обеспечена осадками, и поэтому здесь преобладает богарное земледелие на неорошаемых землях. На богарных землях в основном высеваются пшеница, ячмень и масличные — лен, кунжут и др. Посевы успевают созревать в первой половине лета. Вода горных потоков — саев дает возможность разводить здесь также сады и виноградники на небольших орошаемых участках. Остальная часть горных и предгорных территорий используется в качестве сезонных пастбищ — весенних, осенних и летних.

В большинстве колхозов и совхозов этой зоны богарное земледелие (зерновые культуры) сочетается с животноводством мясошерстного направления.

Зона орошаемого земледелия занимает всего 18% территории Узбекистана; однако, не вся площадь, расположенная в этой зоне, пригодна к орошению, а уже освоенная под поливные посевы и насаждения площадь составляет лишь одну третью часть ее территории. Впрочем, в связи с большими работами по освоению пустынь и степей площадь орошаемых земель в республике с каждым годом расширяется.

Среди горных хребтов и песчаных пустынь, в долинах рек, расположены орошаемые оазисы, где земледельческая культура известна с древнейших времен. Наиболее крупными из них являются Ферганская долина, Чирчик-Ангренская долина, Зеравшанский оазис, Кашка-Дарьинская и Сурхан-Ширабадская долины и Хорезмский оазис. Новым крупным орошаемым оазисом становится Голодная степь.

Поливное земледелие отличается высокой интенсивностью. Главной культурой является хлопчатник, занимающий 60—70% площади всех посевов на поливных землях.

Из других технических культур на поливных землях возделывают джут, кенаф, табак. В этой же зоне сосредоточены посевы риса, кукурузы и джугары, многолетних трав, овощебахчевых культур, насаждения шелковицы. Здесь же находятся основные массивы садов и виноградников, пользующихся с давних пор широкой известностью. Животноводство этой зоны имеет мясо-молочное направление.

Пустынно-пастбищная зона с ее обширными равнинными пространствами занимает большую часть северо-западного Узбекистана —Бухарской и Сурхан-Дарьинской областей, Кара-Калпакии. Пустынные участки имеются еще и в Ферганской долине, где они деятельно осваиваются. Эта зона, занимающая 61,4% всей территории республики, представляет собой сухие и знойные песчаные пустыни и безводные степи.

Пустынно-пастбищная зона республики пока еще наиболее слабо используется в сельскохозяйственном отношении. В юго-восточной ее части, примыкающей к предгорьям, встречаются в небольших размерах богарные посевы зерновых культур. Довольно значительная часть занята пустынно-степными лесонасаждениями. За последние годы все более обширные пространства пустынь и степей, прилегающие к культурной полосе, орошаются и осваиваются под земледелие (см. ниже). Основная же территория их используется под пастбища, главным образом для выпаса каракульских овец. Здесь организованы крупные каракулеводческие совхозы; вместе с ними выпасают свои отары овец на отгонных пастбищах в песках и колхозы, расположенные в орошаемой зоне. Обводнение пустынь и безводных степей путем устройства артезианских скважин создает условия для расширения и улучшения пастбищных угодий.

Узбекистан является одним из древнейших очагов орошаемого земледелия. Оросительные сооружения в Хорезме прослеживаются со времени их зарождения в эпоху бронзы.

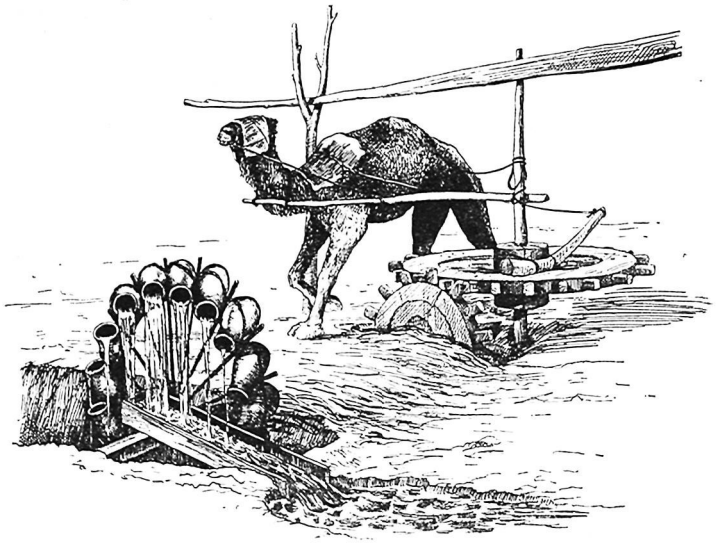
Реки Узбекистана принадлежат к системам Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. К бассейну Аму-Дарьи относятся Зеравшан и Кашка-Дарья, хотя они до Аму-Дарьи не доходят, разбираясь на орошение.

Аму-Дарья и большинство рек ее системы берут начало в наиболее возвышенной части Памиро-Алайской горной системы и являются реками с ледниково-снеговым питанием. Их паводок бывает в июле-августе. Сыр-Дарья и реки ее бассейна берут начало с гор меньшей высоты, поэтому в них больше всего воды бывает в июне. Таким образом, максимум воды реки Узбекистана несут как раз в период наибольшей потребности в орошении полей. Многие небольшие реки Узбекистана имеют снегово-дождевое питание. В зависимости от источника питания население Средней Азии подразделяет все реки на два типа: 1) *оқсу* (белая вода) — реки ледникового питания и 2) *қорасу* (черная вода) — реки подземного питания. К черной воде относят и подземные источники, выведенные на поверхность по вырытым под землей галереям (*кариз*), сообщающимся с поверхностью земли колодцами. На территории Узбекистана кяризы встречаются в предгорьях Нуратинских гор и в Ширабадском районе.

В Фергане для орошения служат воды Нарына, Карадарьи и небольших рек — Соха, Исфары, Исфайрама, Кассансая и др. В Ташкентском оазисе наибольшее количество орошенных земель находится в долинах Чирчика и Ангрена. Культурные земли Самаркандской и Бухарской областей питаются водами Зеравшана. Плодородные степи южного Узбекистана орошаются водами Кашка-Дарьи, Сурхан-Дарьи и других менее значительных рек. Воды величайшей реки Средней Азии — Аму-Дарьи — орошают культурные земли Хорезмского оазиса.

Использование для ирригации больших рек было сопряжено с проведением сложных работ по прорытию каналов и устройству их головных сооружений. В дореволюционный период при низком уровне техники это

представляло большие трудности. Местные мастера путем долгого опыта выработали своеобразные технические приемы ирригационного дела. Для определения уклона местности и выбора направления канала они использовали вместо нивелира чашу с водой или, положив на доску мокрую тряпку, следили, в каком направлении с нее стекает вода. При постройке больших магистралей сначала копали небольшой канал и, только убедившись в правильности выбранного направления, продолжали работы по проведению крупного канала.



Старинное водоподъемное сооружение чигирь. Хорезм

Не менее трудно было определить необходимый для тока воды уклон канала. Если оказывалось, что уклон недостаточен, канал непомерно заиливался, при чрезмерных уклонах русло размывалось слишком быстрым течением. Неудачи, видимо, были нередки, так как в Узбекистане известно много начатых и заброшенных каналов. Для защиты от наводков и для направления в канал необходимого количества воды сооружались дамбы трех типов. Наиболее примитивными были береговые дамбы из тщательно утрамбованной земли (Хорезм). Дамбы второго типа представляли собой огромные треноги (*сепоя*), скрепленные горизонтальной рамой; треногу усганавливали в воду на дно, а раму, как и промежутки между треногами, заполняли хворостом, камышом и камнями. Треноги использовали также для устройства плотин, разделяющих воду рек или каналов по нескольким руслам, для отвода быстрины течения в другом направлении и т. д. Третий тип — это дамба из огромной фашины (*карабура*), сооружаемой из хвороста, камыша, камней. Камыш и хворост стелили на берегу реки, как ковер. На них клали дерн, камни, насыпали землю и закатывали его, начиная с одного конца. Получалось громадное цилиндрическое сооружение в несколько десятков метров длины и несколько метров в диаметре. Его укрепляли обвязками, прикатывали к берегу и опускали в воду. В сооружении и передвижении фашины участвовало до нескольких сот водопользователей. Карабура использовались и для возведения плотин, если нужно было прекратить ток

воды в магистральный канал или в самой реке, или закрыть прорыв. Тогда фашины сооружали на обоих берегах реки или канала и одну за другой опускали в воду.

При примитивной технике в прошлом сооружение плотин, дамб, ремонт крупных отводных каналов было делом очень тяжелым и ответственным. Поэтому в тех случаях, когда повреждение канала, плотины или дамбы грозило бедствием окружающему населению, совершали всевозможные магические обряды. Когда, несмотря на все усилия, прорыв не удавалось остановить, прибегали к последнему «средству» — под плотину закапывали живого человека, носящего имя Туган (плотина) или Турсун (пусть стоит) [1].

Для регулировки воды в каналах возводили своего рода шлюзы из бревенчатых стоек, просветы между которым заполняли хворостом или закрывали досками.

Каналы могли эффективно функционировать лишь при подъеме уровня реки в периоды паводков в летнее время. Зимой при спаде воды в реках каналы пересыхали. Для искусственного подъема уровня воды, чтобы направить ее в канал, приходилось устанавливать плотины и временные подпирающие сооружения из фашин.

Всюду, где уровень воды в арыках не позволял вывести ее на поля самотеком, ставили водоподъемное колесо — *чигирь*. Чигирь представлял собой большое вертикальное колесо, на ободе которого укреплено несколько десятков кувшинов. При вращении колеса в кувшины захватывалась вода и переливалась в желоб, направляющий ее на лежащие выше поля. Колесо приводилось в движение с помощью лошади, верблюда или течением воды. Более всего чигири были распространены в низовьях Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Классической страной чигирей был Хорезм, где до революции их насчитывалось до 80 тыс. Там существовали и более примитивные способы подъема воды: *сепма* — перебрасывание воды с нижнего уровня на вышележащий при помощи ручной деревянной совковидной лопаты; *депма* — то-же, но с лопатой, установленной как рычаг и приводимой в движение ногой; *нова* — подъем воды при помощи подвижно установленного деревянного желоба, черпающий глухой конец которого то опускается в арык, то поднимается вверх, подавая воду на лежащий выше участок.

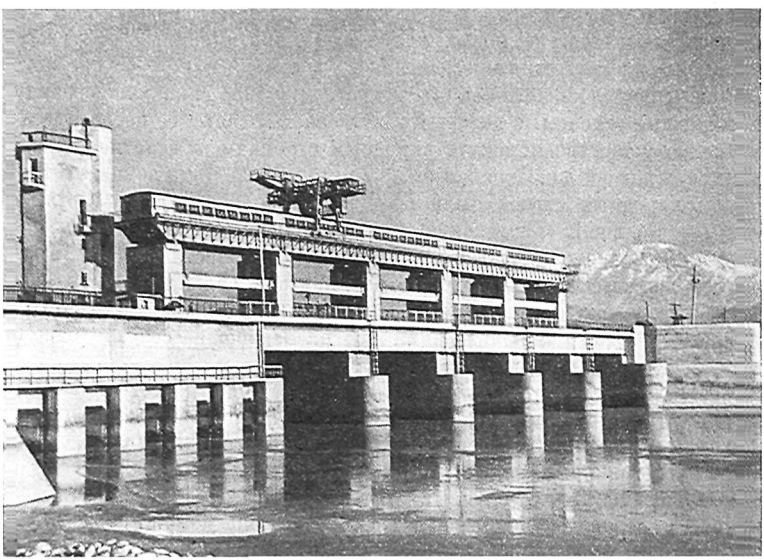
В Средней Азии с древних времен сооружались водохранилища. Однако действующих крупных водохранилищ в дореволюционное время в Узбекистане не было. Жители северных склонов Нуратинского хребта (Фаришский район Самаркандской области) создавали небольшие водохранилища, перегораживая каменной плотиной русла горных ручьев. В плотине оставляли небольшое отверстие, затыкавшееся с внутренней стороны тряпичной пробкой, прикрепленной к концу шеста. Когда в водоеме скоплялось достаточно воды, шест с пробкой выдергивался и вода с большой силой устремлялась в отверстие.

Сооружение дамб, плотин и каналов, ежегодная очистка последних, борьба с эпизодическими водными катастрофами до революции являлась обязанностью населения. Это были общественные работы (*ҳашар*), но в ханствах их организовывало правительство и они носили характер феодальных повинностей. Особенно многочисленны были повинности в Хорезме, где орошение отличалось исключительной трудоемкостью. Дехкане несли несколько повинностей, связанных с орошением: всенародную — по очистке головных участков магистральных каналов (*ҳазув*), местную — по сооружению дамб (*качи*), очистке распределительной сети и др.

Для распределения воды, организации ремонта и постоянного наблюдения за состоянием ирригационной системы существовала многочисленная

[1] Такие имена давали детям в семьях, где дети умирали

Большой Ферганский канал. Ферганская область



Плотина на р. Чирчик. Ташкентская область

администрация, избиравшаяся самим населением и получавшая плату за свой труд от дехкан-водопользователей, в старину — натурой, в виде доли урожая, позже — деньгами. Каждое общество, пользовавшееся водою канала, избирало из своей среды мираба, регулировавшего водопользование. На более крупных оросительных системах, где мирабов было много, избирались главные мирабы (*мироб-боши*, или *ариқ-оқсоқол*). Для наблюдения за плотинами нанимались специальные надзиратели (*тўғончи*). Водная администрация была очень многочисленна: например, на системе Зах-арыка в окрестностях Ташкента было 40 мирабов, возглавляемых одним арык-аксакалом. Ирригационную систему левобережья Чирчика обслуживали 99 мирабов.

Способы распределения воды между водопользователями были основаны на давно установившихся обычаях. Однако эти обычаи, как правило, нарушались в интересах богатых землевладельцев, для которых вода служила дополнительным средством феодальной эксплуатации широких дехканских масс (см. стр. 177). В колониальный период порядок водопользования почти не изменился. У богатых феодалов и баев сохранялись многие прежние привилегии в отношении пользования водой, подтверждаемые старыми ханскими грамотами, нередко поддельными. В этот период появились новые возможности для злоупотреблений, так как главные арык-аксакалы стали назначаться уездными начальниками; поскольку они не выбирались, то были независимы в своих действиях от обслуживаемого ими населения.

В советское время система водопользования была коренным образом изменена в интересах трудового дехканства, а сами ирригационные системы перестроены и усовершенствованы. На это дело уже в первые трудные для Советской власти годы было ассигновано 50 тыс. руб.

Борьба за воду имела решающее значение для подъема всего сельского хозяйства Узбекистана. Были восстановлены водные системы, пришедшие в упадок за годы империалистической и, особенно, гражданской войн, началось строительство новых каналов и ирригационных сооружений. В этом был кровно заинтересован весь узбекский народ. Строительство каналов проводилось не только государством: с 1938 г. начались грандиозные народные стройки, в которых участвовало и сельское население и горожане. Государство помогало народным стройкам, обеспечивая их техническое руководство. Стройки не прекратились и в годы войны. К 1942 г. методом народных строек были сооружены на территории Ферганской долины — Большой Ферганский, Северный Ферганский и Южный Ферганский каналы, канал Ляган, в Ташкентской области — Южный и Северный Ташкентские каналы. В Самаркандской области за десять дней было осуществлено строительство Зеравшанского канала длиной в 45 км. Для рационального использования вод р. Зеравшана создано огромное Катта-Курганское водохранилище.

В Хорезме и Кара-Калпакии была осуществлена перестройка старой нерациональной системы головного питания. Около 30 истоков наводковых каналов было ликвидировано, вместо них построили или перестроили четыре магистральных канала, питание которых обеспечивается через мощные истоки в устойчивых грунтах. Вследствие этого исчезла постоянно грозившая земледельцам Хорезма опасность прорыва реки. Стало возможно регулировать водоток. Поднялся уровень воды в крупных каналах и по всей сети; исчезла чигирная система. Для подъема воды на поля применяются механические насосы. Созданы условия для освоения под орошаемое земледелие новых площадей. Полностью освоена Каракалпакская степь центральной Ферганы, ведется большая работа по освоению Голодной степи, где уже раскинулись обширные хлопковые поля, сады, быстро выросли такие города, как Мирзачуль и Янги-Ер. В низовьях р. Зеравшана построено второе после Катта-Курганского водохра-

Торжественный пуск первой очереди Южного Голодностепского канала, 1960 г.

нилище Кую-Мазар. В верховьях Ангрена строится Тюябугутское водохранилище. Ведется успешная борьба человека со стихией на рубежах великих пустынь Каракум и Кызылкум; год за годом вновь осваиваются земли древнего орошения, которые много веков назад превратились в пустыню.

Идет большая работа по использованию подземных вод. Для того, чтобы жесткую подземную воду смягчить, ее смешивают с проточной водой и в таком виде используют для орошения полей. Особенно важен этот дополнительный источник оросительной воды в периоды маловодья в каналах.

Одновременно с орошением безводных площадей проводится осушение болот, образовавшихся там, где высоко стояли грунтовые воды или собирались сбросовые воды каналов. Еще в начале XIX в. была заболочена центральная часть Ферганской долины; заболачивание и засоление почвы являлись постоянным бичом для населения земледельческого района, расположенного вокруг г. Бухары и других мест в Бухарском ханстве. Сильно заболочены были низовья Аму-Дарьи. Народы Средней Азии издавна выработали средства борьбы с этим злом. Они копали дренажные канавы (*захкаш*), иногда представлявшие собой довольно значительные сооружения, как захкаш Тимура, проходивший с востока на запад около г. Бухары. Однако сооружать крупные дренажные каналы дехканам было не под силу, и в большинстве мест дренажная сеть могла дать лишь незначительный результат.

В Советское время дренажные работы получили большой размах. Построены и реконструированы осушительные каналы, улучшено мелиоративное состояние заболоченных земель.

Огромную роль в развитии сельского хозяйства сыграл переход на новую систему орошения. Были уничтожены постоянные мелкие каналы, которые делили поля на дробные поливные участки в 1,5—3 га и служили помехой для применения сельскохозяйственных машин. Густая арычная сеть занимала в общей сложности громадную площадь, которая таким образом не использовалась под посев. Теперь вместо постоянных приме-

няются временные распределительные каналы. Это позволило укрупнить поливные участки до 10—40 га, дало каждому колхозу дополнительную площадь в сотни гектаров и позволило значительно повысить механизацию сельскохозяйственных работ.

Начал применяться и весьма рациональный, универсальный для всяких участков земли способ орошения при помощи трубопровода, установленного поперек борозд. Вода в борозды течет тонкими струйками из отверстий, имеющихся в трубопроводе.

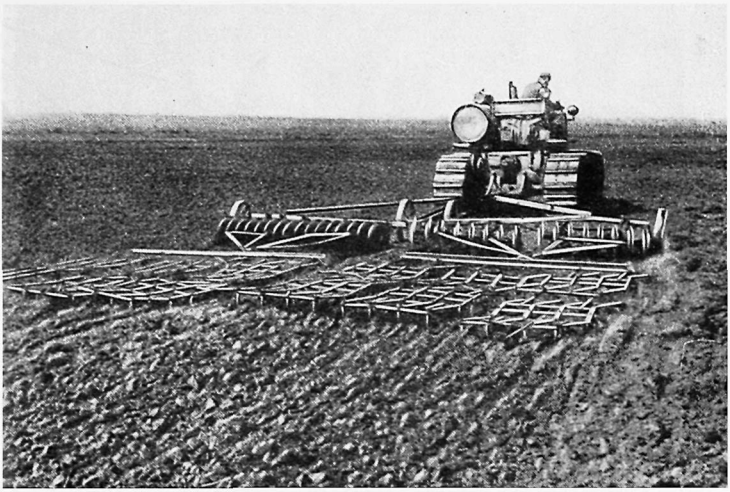
Решения Январского пленума ЦК КПСС (1961 г.) и особенно исторического XXII съезда КПСС начинают новый этап в развитии ирригации Узбекистана. В этих решениях подчеркивается значение ирригации как надежного средства получения гарантированных высоких урожаев, как важного условия обеспечения интенсивного развития сельского хозяйства.

В Узбекистане намечено уже в текущей семилетке ввести в сельскохозяйственный оборот не менее 700 тыс. га новых земель. В Голодной степи намечается освоить более 200 тыс. га, в Ферганской долине — 160 тыс., в Сурхан-Дарьинском и Кашка-Дарьинском бассейнах — 130 тыс., в Зеравшанской долине — 67 тыс., в Чирчик-Ангренском бассейне — более 40 тыс. и около 100 тыс. га — в низовьях Аму-Дарьи. Для обеспечения систематического прироста этих площадей намечена и уже начала осуществляться грандиозная программа строительства крупных, технически усовершенствованных ирригационных сооружений — каналов, водохранилищ, плотин.

Среди наиболее важных объектов — огромное Чарвакское водохранилище на р. Чирчик, емкостью 1,4 млрд. куб. м, строительство Аму-Каракульского канала в Бухарской области, начинающиеся работы по освоению Каршинской степи, где за счет использования вод Аму-Дарьи можно освоить более 1 млн. га новых земель. Здесь намечается строительство машинного канала; электроэнергию для подъема амударьинских вод и машинного орошения дадут газовые электростанции и мощные ГЭС, строительство которых уже ведется. В ближайшие годы начнется также строительство двух мощных плотин — Тахиаташской и Тюямуюнской — в низовьях Аму-Дарьи; эти два крупных гидротехнических узла откроют широкие перспективы для орошения сотен тысяч гектаров новых земель под хлопчатник на территории прилегающих к Хорезмскому оазису песчаных пустынь Каракум и Кызылкум. Партия и правительство заботятся о вооружении работников водного хозяйства самой разнообразной высокопроизводительной техникой — экскаваторами, бульдозерами, скреперами, землесосами. Создается мощная индустриальная база ирригационного строительства — производство сборного железобетона, гончарных труб и др.

История ирригации не знает примеров такого высокого уровня работ по орошению и освоению новых земель, какой был достигнут при освоении Голодной степи, где создается новый крупнейший район хлопководства. Здесь широко применяются индустриальные методы строительства и производятся опыты применения таких прогрессивных приемов орошения, как закрытые трубопроводы с гидрантами, железобетонные лотки, гибкие трубопроводы для поливов, дождевание; заложены опытные участки горизонтального закрытого и вертикального дренажа. Осуществляются опыты автоматизации и телемеханизации управления ирригационной системой.

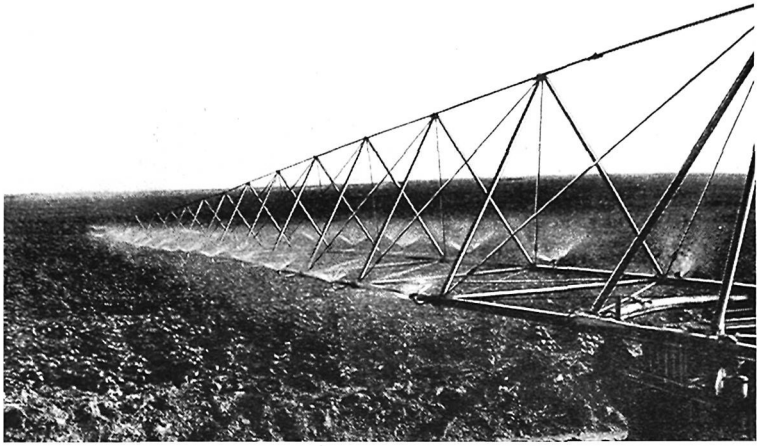
Во всей республике в настоящее время улучшается техника поливов; многие каналы одеваются в бетонные покрытия, что устраняет фильтрацию и потери воды; ведется борьба с засолением земель путем мелиоративных работ, снижающих уровень грунтовых вод. Передовой опыт и новейшие достижения в области водохозяйственного строительства



Освоение заболоченных земель в Ташкентской области

Полив хлопчатника

1 — традиционный способ полива хлопчатника с помощью кетменя; *2* — новый способ полива хлопчатника при помощи гибких шлангов в совхозе им. Пятилетия Узбекской ССР, Ташкентская область.



Полив хлопчатника при помощи дождевального агрегата в совхозе «Малек». Ташкентская область

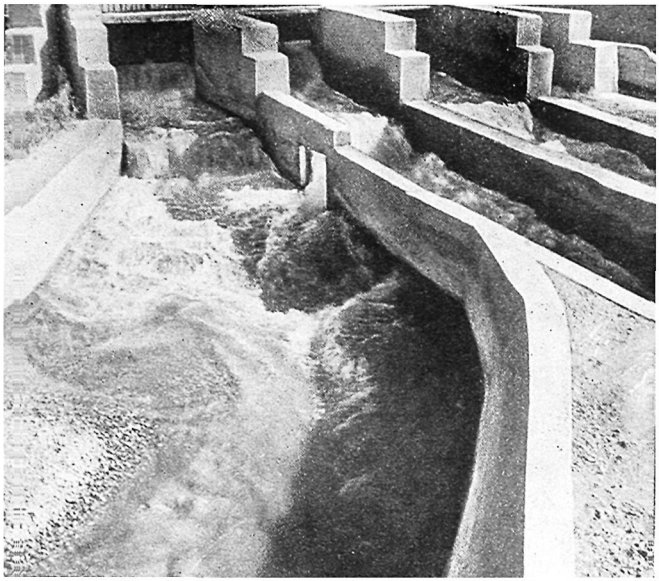
широко распространяются научно-исследовательскими организациями и квалифицированными специалистами-ирригаторами.

Вода так же, как и земля, является собственностью социалистического государства. Техническое регулирование водного хозяйства в республике — государственное дело.

Государству и общественности пришлось проделать громадную работу по урегулированию водопользования. Теперь между колхозами и совхозами воду распределяют специальные водохозяйственные управления отдельных ирригационных систем, а внутри колхозов, где вода распределяется по бригадам, очередность и порядок водопользования устанавливаются правлением.

Земледелие было исконным занятием оседлых узбеков, развиваясь в оазисах, в долинах крупных и мелких рек и источников. Все виды расположенных в оазисах земель (поливные, богарные, пастбища и т. д.) разделялись между кишлаками. Размеры и границы угодий каждого кишлака определялись традицией и были постоянными. Размеры поливных земель обусловливались количеством воды, которое отпускалось данному кишлаку в вегетационный период. Площадь орошенной земли увеличивалась в случае появления новых источников поливной воды (прорытия новых каналов) или осушения заболоченных площадей, что в прошлом производилось редко и обычно в небольших размерах.

Земля дехкан разделялась на полевую, огородную и садовую. Поля обычно находились на различном расстоянии от жилья, нередко это были разбросанные в разных местах карликовые участки, что представляло существенные трудности для ведения хозяйства; только у зажиточной части крестьянства сосредоточивались более крупные массивы земель. Причина чересполосицы была неодинакова для разных мест. В Фергане это происходило вследствие широко практиковавшейся торговли землей, в долине Кашка-Дарьи и некоторых других районах причина чересполосицы коренилась в существовавшем вплоть до Октябрьской революции общинном севообороте, сопровождавшемся переделами земли между жителями каждого кишлака.



Водонапорное сооружение на р. Маргелан-Сай. Ферганская область

До последней четверти XIX в. в хозяйстве узбеков основное место занимали зерновые. Наиболее важным злаком, разводимым оседлыми узбеками на орошенных землях, была пшеница (*буғдой*). Распространен был также ячмень (*арпа*). Обе эти культуры сеяли и на богарных землях. Ячмень созревал раньше пшеницы и убирали его еще недозрелым, так как иначе он осыпался. Просо — обыкновенное (*тариқ*) и итальянское (*қўноқ*) — сеяли на следующий год после озимой пшеницы или ячменя. Его употребляли в пищу и на корм домашней птице. Необходимость из года в год сеять на одной и той же земле требовала от узбеков-земледельцев разработки методов восстановления и повышения ее плодородия. Испокон веков применялись удобрения: помет животных, земля из старых глинобитных построек.

Для посева зерновых на поливных угодьях обработку земли начинали еще осенью. Оставленный с весны под паром участок вспахивали дважды и более вдоль и поперек. Пахали омачем, на быках или лошадях. Омач представлял собой деревянное пахотное орудие с чугунным или железным лемехом без отвала, не перевертывавшим пласт земли, а только разрыхлявшим ее на глубину 10—15 см. Боронование производили обычно омачем, перевернутым на бок, или бороной-волокушей, представлявшей собой либо толстую доску (*мола*), либо деревянную раму, заплетенную хворостом (*шох-мола*). Сев производили руками, вразброс, семена заделывали бороной. Поля, занятые зерновыми культурами, поливали дважды: первый раз — вскоре после появления всходов, второй раз — перед наливанием колосьев. Применялись и зимние поливы; вода, заливавшая поля, замерзала и при постепенном таянии весной хорошо пропитывала почву. К уборке урожая приступали в конце мая — начале июня. Жали серпами (*ўроқ*) своеобразной формы, без зазубрин.

Колхозный водомер-водовыпуск на Маргеланской оросительной системе. Участковый гидротехник распределяет воду между колхозами.

Молотьбу производили при помощи животных (лошадей, волов, ослов), которых гоняли по разложенным на току (*хирмон*) снопам, предварительно освобожденным от перевязки. Постепенно, по мере размельчения соломы (*сомон*) копытами животных, подкладывали новые снопы. Веяли вручную, сначала деревянными вилами, а потом широкой деревянной лопатой. Посевы зерновых на богаре так же, как на орошаемых землях, бывали озимые и яровые. В южных районах, где постоянного снежного покрова почти не бывает, резкого разграничения между сортами пшеницы озимой и яровой не было, одни и те же семена могли высеваться и осенью и весной.

На богарных землях равнинно-предгорной зоны земледелие носило до революции глубоко экстенсивный характер. Удобрения не применялись, а для восстановления плодородия почвы земля оставлялась под перелогами или под черным паром (*шудгор*).

Дехкане были беспомощны перед стихийными бедствиями, самым частым из которых была засуха. Не находя путей для борьбы с неурожаями, дехкане прибегали к различным магическим приемам и обрядам. Для вызывания дождя устраивались жертвоприношения и общественные трапезы. Женщины надевали на палку или лопату женскую одежду и носили это чучело, называемое Сус-Хотин или Су-Хотин, по кишлаку, распевая при этом обрядовые куплеты. Хозяйка каждого дома обливала женщин и чучело водой и давала им продукты. Затем женщины всего кишлака собирались у реки и устраивали трапезу из собранных продуктов. В отдельных районах этот обряд выполняли и мужчины. Много бедствий

Старинный способ сева пшеницы из полы одежды. Район Самарканда. 1894 г.

Молотьба пшеницы способом прогона скота по уложенным на току снопам. Район Самарканда. 1931 г.

приносила дехканам саранча; бороться с этим злом дехкане также не умели. Поливная пшеница почти всегда давала хорошие урожаи — 90—120 пуд. с дес., тогда как богарная — в лучшие годы — не более 30—40, а в неурожайные иногда не возвращала и семян. Качество зерна богарной пшеницы было значительно выше, и она ценилась дороже. Урожайность ячменя составляла 100—140 пуд. с десятины. Он употреблялся на муку для хлеба, а также служил кормом для лошадей.

Зерно мололи на водяных мельницах (*сув тегирмон*) или на мельницах, приводимых в движение силой животных (*харос*). Бытовали также и ручные мельницы (*ёргучок*).

Вследствие необычайно высокой и постоянной урожайности (150—180 пуд. с дес)., в хозяйстве оседлого земледельца большое место занимало сорго — *жўхори*. Это растение давало крестьянам крупу и муку, а высокие стебли его издавна служили прекрасным кормом для скота. Джугара требовала хорошей обработки почвы, удобрения, неоднократных окучек. Головки джугары после созревания срезали большими ножами или серпами и доставляли в мешках на ток. Часть джугары, предназначаемую для семян, оставляли необмолоченной; ее связывали по нескольку головок в пучки и подвешивали к балкам потолка в жилых помещениях.

Кукуруза (*маккажўхори*), сходная с джугарой по возделыванию и употреблению, в дореволюционный период была распространена мало. Часто вместе с джугарой и кукурузой сеяли бобовые — маш, фасоль, которые ценились как питательный продукт; их высевали и на отдельных полях.

Самой ценной из зерновых культур являлся рис. В Узбекистане было известно несколько местных сортов риса. Но разводить рис можно было лишь в тех районах, где имелось обилие воды. Под посевы отводили низины, нередко с выходом на поверхность грунтовых вод. Рис сеялся на одних и тех же землях из года в год. Почва не истощалась, так как был выработан способ удобрения ее стеблями самого растения: при жатве их срезали высоко от корня, и оставшиеся на поле части растения запахивали; сгнивая, они давали хороший перегной.

Культура риса требовала огромного труда. Рисовые поля разделяли на ровные площадки (*пол*), расположенные террасами; каждый пал окружали валиками, в которых по диагонали оставляли два отверстия — для впуска и выпуска воды. После тщательной вспашки и устройства палов, на поле на несколько дней пускали воду. Перед самым посевом почву под водой боронили особой бороной (*дандона*). Она представляла собой доску с деревянными или железными зубьями. Сеяли прямо в воду, которая поддерживалась проточной до созревания риса; по мере роста растений уровень ее не повышали. Не менее тяжелы были и такие работы, как выпалывание сорных трав и камыша, исправление валиков. Их выполняли стоя в воде. Лишь за несколько дней до уборки урожая почву просушивали. Сжатый и связанный в снопы рис отвозили на ток, молотили и провеивали. С десятины получали 120—160 пудов неочищенного риса (*шоли*). Его очищали от шелухи на водяных толчеях-рисорушках, владельцы которых работали из доли, получая шестую или четвертую часть зерна, или за деньги.

Из других культур сеяли на поливных землях люцерну, бахчевые, сажали виноград и плодовые деревья, возделывали также некоторые виды масличных растений: кунжут, лен (*зигир*), мак (*кўкнор*), из настоя головок которого приготовляли наркотический напиток, а из семян получали масло, сафлор (*махсар*), дававший масло и оранжевую краску для шелка.

Узбекские дехкане исстари возделывали и хлопчатник, однако до середины XIX в. он занимал на их полях небольшое место — преобладали зерновые. Местный сорт хлопчатника (*жойдори гўза*) отличался тем,

что при его созревании коробочки не раскрывались. Очистка от коробочек требовала большого дополнительного труда, а на международном рынке среднеазиатский хлопок, поступавший в продажу неочищенным от семян, ценился невысоко. Высокотоварной культурой среднеазиатский хлопок сделался лишь с конца XIX в., когда во всех областях русского Туркестана стали сеять американские высокопроизводительные сорта хлопчатника. С этого времени изменилось все хозяйство узбеков-земледельцев: из зернового полунатурального оно стало хлопководческим, товарным.

Производство хлопка было очень трудоемким, оно отнимало все силы и время крестьянина. При крайне низкой технике один крестьянин мог справиться с обработкой лишь 6 танапов земли, в то время как под зерновыми он мог обработать 10—12 танапов.

Почву для посевов хлопка готовили с осени. Ее вспахивали и хорошо поливали. Весной вспашку повторяли. Сохранялся крайне непроизводительный посев хлопка вразброс по ровному полю. При этом много семян пропадало, так как всходы приходилось сильно прореживать. Более прогрессивным был посев в лунки, на грядках. При первом способе посева полив производился сплошным заливанием поля, что вело к образованию корки, мешавшей растениям развиваться. За сезон окучивали хлопок несколько раз. К сбору хлопка приступали в начале сентября и проводили его в два-три приема. Урожайность хлопка была низкой. Несмотря на возросшую роль хлопководства в экономике Туркестана в конце XIX—начале XX в., агротехника его до революции оставалась очень примитивной. Большую часть собранного на полях хлопка-сырца крестьяне отдавали землевладельцу-баю или скупщикам хлопкоторговых фирм, а часть, оставшуюся для хозяйственных нужд семьи, для изготовления тканей, очищали от семян на деревянном ручном станке (*чигирик*). Крайняя отсталость и застойность сложившейся много веков назад культуры земледелия объясняется историческими условиями XIX — начала XX в. Крестьяне колониального Туркестана, Бухары и Хивы не могли улучшать хозяйство сколько-нибудь существенно. Не располагая средствами даже на пропитание своей семьи, крестьянин-бедняк, работавший на землях бая как издольщик, не мог вкладывать средства в хозяйство, и земледельческая техника у издольщиков, как правило, стояла ниже, чем у дехкан-середняков. Богачи также не вкладывали средств в улучшение хозяйства. Все их старания были направлены лишь на то, чтоб сосредоточить в своих руках как можно больше земли. Она была основой их доходов и положения в обществе, давала им в руки средства извлекать значительные прибыли путем разнообразных форм эксплуатации малоземельных и безземельных крестьян.

Современное земледелие узбеков, осуществляемое в крупных социалистических хозяйствах — колхозах и совхозах — коренным образом отличается от дореволюционного.

Изменилось соотношение культур, достигла высокого уровня агротехника их возделывания, повысилась урожайность, расширились посевные площади. Теперь в колхозах и совхозах орошаемой зоны пшеницы засевают мало. В результате экономического районирования в общесоюзном масштабе Узбекистан снабжают хлебом зерносеющие области. Однако в колхозах и совхозах, расположенных в зоне богарного земледелия, зерновые культуры и поныне составляют важную отрасль хозяйства. Хотя и сейчас остается зависимость урожая от дождей, бороться с неблагоприятными метеорологическими условиями колхозникам легче. Ученые-селекционеры и практики из колхозников и работников совхозов вывели путем улучшения ценных местных сортов специальные засухоустойчивые сорта пшеницы и ячменя для богарного земледелия. Ведется постоянная работа по усовершенствованию агротехники богарных культур. Там, где позволяет

Кукурузное поле колхоза «Политотдел». Ташкентская область

рельеф местности, применяются тракторные плуги и сеялки, а также зерновые комбайны. В связи с тем, что озимые дают значительно более устойчивые и высокие урожаи, чем яровые, за последние годы колхозы и совхозы этой зоны перешли в основном на посев озимых. Располагая сельскохозяйственными машинами, земледельцы могут теперь производить все работы в более короткие сроки, что благоприятно отражается на урожае.

Из зерновых сильно возросло значение кукурузы, джугары и особенно риса. Кукуруза и джугара дают теперь высокий и устойчивый урожай зерна и стебля, которые используются на корм общественному скоту. С этой же целью сеется в небольшом количестве просо; оно также дает зеленый корм и зерно, которое сдают на колхозные птицефермы. В Узбекистане имеются специализированные рисосеющие хозяйства, расположенные по поймам рек, в местах, богатых водными источниками. В хлопководческих колхозах эту ценную культуру также сеют на тех участках, где имеется обилие воды; на засоленных почвах рис входит в севооборот, особенно при освоении новых земель. Его агротехника способствует промывке почвы и после риса здесь уже можно сеять другие культуры, в частности хлопок. В Узбекистане выведены свои местные сорта риса, наилучшим образом приспособленные для узбекской национальной пищи.

Однако основой всего земледельческого хозяйства колхозов и совхозов, расположенных в зоне орошаемого земледелия, является хлопководство. Выращиванием хлопка Узбекистан вносит большой вклад в общесоюзное хозяйство. Успешное развитие хлопководства узбекский народ считает своей национальной гордостью и интернациональным долгом. Вместе с тем хлопок, как чрезвычайно ценная и выгодная культура является основой благосостояния и материальной обеспеченности сельского населения республики. Поэтому хлопчатник пользуется у узбеков особым вниманием и любовью, колхозники не жалеют труда для выращивания этого требовательного, но и щедро вознаграждающего за труд растения.

Хлопководство — самая трудоемкая отрасль сельского хозяйства. Несмотря на то, что именно в хлопководстве больше всего развита механизация, хлопок требует напряженной работы в течение всего года.

Осенью, еще не собрав весь урожай, колхозники приступают к работам по подготовке земли к посеву. За последние годы хлопкоробы стали все чаще применять зимние поливы и зяблевую вспашку. В то время как трактористы распахивают поля под зябь и производится чистка ирригационных каналов, наиболее опытные колхозники планируют поливные карты, поливальщики (*сувчи*) пускают воду на поля, чтобы промыть поч-

ву и насытить ее влагой. В феврале пашут и одновременно вывозят на поля удобрения. Боронуют поля дважды, вдоль и поперек: один раз перед, другой раз после посева. Раньше сеяли в мае, и растения нередко не успевали до осенних холодов дать свой полный урожай. Теперь сев начинают в марте — апреле, исходя из климатических условий микрорайона, и проводят его, благодаря тщательной агротехнической подготовке, в сжатые сроки. В северных районах высевают скороспелые сорта хлопчатника. Сев производится машинами, причем во многих колхозах и совхозах применяются сеялки точного высева.

В течение всего вегетационного периода за хлопчатником ведется тщательный уход. Едва появились всходы, их окучивают и одновременно прореживают. После этого неоднократно проводятся полив, окучки, чеканка, культивация.

Еще недавно культиватором обрабатывали хлопковые поля лишь в продольном направлении, междурядия взрыхляли кетменями. Эта операция поглощала значительную часть труда колхозников, так как окучивание производилось после каждого полива (до 6—7 раз). Осуществляющийся за последние годы переход на посев хлопчатника квадратно-гнездовым способом, при котором растения располагаются продольными и поперечными рядами, позволяет обрабатывать хлопчатник машинами. Это освобождает колхозников от тяжелой и непроизводительной ручной работы, дает им возможность направлять свои силы на лучшую обработку полей.

Целый комплекс мероприятий применяется в колхозах для борьбы с вредителями сельскохозяйственных культур, употребляются разнообразные химикалии, существуют специальные бригады химизаторов; при этом широко используется авиация. Среди колхозников, много лет проработавших в этих бригадах, выросли хорошие специалисты-практики. Работой колхозных химизаторов руководят государственные учреждения, где имеются специалисты-энтомологи и химики.

Хлопок поливается сейчас более часто чем раньше; число поливов доводят до 8 раз. В конце августа раскрываются первые коробочки хлопка, а в сентябре приступают к его сбору, продолжающемуся по мере созревания коробочек. До последних лет хлопок убирали руками; многие колхозники и колхозницы достигали при этом изумительных успехов. Узбекскими хлопкоробами была разработана техника сбора хлопка двумя руками, что давало возможность лучшим сборщикам доводить свой дневной сбор до 200 кг и выше.

За последние годы Партией и Правительством были осуществлены чрезвычайно важные мероприятия, повлиявшие на коренное изменение структуры, системы и методов ведения хлопкового хозяйства, на решение специфических проблем подъема хлопководства. На совещаниях передовиков хлопкосеющих республик, состоявшихся в 1954 и 1956 гг., был нанесен удар не изжитым еще консервативным взглядам на механизацию обработки хлопчатника, открыт путь для внедрения новых, прогрессивных приемов агротехники хлопководства.

В 1958 г. в Москве, в Кремле, состоялся первый в истории Всесоюзный курултай хлопкоробов, на котором был поставлен вопрос о завершении комплексной механизации хлопководства, выдвинута задача заменить кетмень, которым с древнейших времен обрабатывался хлопчатник, современной техникой. Было принято решение о создании и производстве в массовом масштабе хлопкообрабатывающих и хлопкоуборочных машин. Для миллионов хлопкоробов, особенно для женщин, это имело огромное значение, так как означало освобождение их от крайне тяжелого физического труда.

Теперь механизированы все основные процессы возделывания хлопчатника, успешно решается проблема машинной уборки урожая. Вводятся

Прокладка временных оросителей на хлопковых полях с помощью канавокопателей. Андижанская область

в строй новые, усовершенствованные образцы хлопкоуборочных машин, собирающие 12—13 и более тонн сырца в день. Произошел перелом в психологии, в сознании людей, в их отношении к хлопкоуборочной машине. Выросли замечательные кадры механиков-водителей. По почину Героя Социалистического Труда, узбечки Турсуной Ахуновой развернулось широкое патриотическое движение за овладение уборочной техникой. Тысячи девушек по ее примеру сели за штурвал машины.

Соблюдение научно разработанной агротехники, учитывающей многовековой народный опыт, хорошая оснащенность колхозов и совхозов машинами дают узбекским хлопкоробам гарантированный и устойчивый урожай. В среднем по республике он составляет 20—23 ц с га, а отдельные колхозы и бригады получают по 30—40 и более центнеров. На состоявшемся в Ташкенте в 1961 г. совещании работников сельского хозяйства Средней Азии, Азербайджана и южных областей Казахстана было принято решение о том, чтобы в ближайшие годы каждый из хлопкосеющих колхозов и совхозов повысил урожайность хлопка минимум до 25 центнеров с гектара. Это даст по Узбекистану дополнительно 500—600 тыс. тонн хлопка.

Хлопководство представляет собой самую развитую отрасль современного земледелия узбеков. В ней выше всего степень интенсификации, здесь лучше всего проявляется высокая современная агротехническая культура узбекских земледельцев.

Сельскохозяйственная техника, применяющаяся на колхозных полях, состоит из очень разнообразных машин, число которых увеличивается с каждым годом; это тракторы различных систем и с различными прицепными машинами, обыкновенные и квадратно-гнездовые сеялки, обеспечивающие точный высев семян, окучники, культиваторы с приспособлениями для одновременного внесения удобрения, различные аппараты для борьбы с сельскохозяйственными вредителями, хлопкоуборочные и куракоуборочные машины, ворохоочистители и т. д. Особенно повысилось использование этой техники после того, как в 1958 г. она по решению правительства была продана колхозам и перешла в их полную собственность.

Как отмечалось выше, для увеличения плодородия почвы, широко применяются различные удобрения. Поныне сохраняют большое значение естественные удобрения всех видов, но наибольшее значение имеют минеральные искусственные удобрения, производство которых растет на базе созданной в Узбекистане после революции химической промышленности. Такие удобрения вносятся в почву при помощи машин.

В районах орошаемого земледелия развивают также огородничество, которое в прошлом не имело большого товарного значения. Сейчас в колхозах общественное овощеводство стало высокотоварной отраслью хозяйства. В хлопководческих колхозах для огородов выделяются специальные участки. Часто урожай с них продают на колхозном рынке. В пригородных районах овощеводство сделалось основой многих специализированных колхозов. Огороды разводят и на приусадебных участках. В них выращивают, как и раньше, морковь, лук, свеклу, редьку, репу, красный перец. Из бахчевых культур выращивают дыни, арбузы, огурцы, тыкву. Тыквы-горлянки самых различных форм и размеров высушивают теперь, как и прежде, и применяют в качестве посуды, табакерок и т. д. В дополнение к тем овощам, которые возделывались узбеками испокон веков, и тем, которые вошли в быт после присоединения к России (картофель), сейчас большое распространение получили помидоры, капуста, болгарский перец, баклажаны и др.

Междурядная обработка посевов хлопчатника в Хорезмской области

Узбекские сорта дынь, арбузов и тыкв известны своими великолепными вкусовыми качествами, особенно дыни, некоторые сорта которых население умеет сохранять до нового урожая. Многие колхозы получают от продажи дынь и арбузов большой доход.

Издревле в Узбекистане знали культуру люцерны, об этом сообщали еще древние китайские авторы. Люцерна (*йўнғичқа, беда*) употребляется как фураж для скота (главным образом лошадей) в свежем и в сухом видах. Раньше люцерну высевали на небольших участках при дехканских усадьбах, поэтому ее ценное качество — способность повышать плодородие почвы — не использовалось в полной мере. Это свойство люцерны было хорошо известно узбекскому земледельцу, и если земля истощалась, ее засевали люцерной. Люцерна стояла на одном поле шесть-семь лет и больше, давая по три-четыре укоса за сезон. Сейчас люцерна употребляется для нужд общественного животноводства и в то же время восстанавливает плодородие полей, занятых хлопчатником. В хлопководческие колхозы и совхозы внедряется хлопково-люцерно-кукурузный севооборот.

Садоводство — исконное занятие узбеков. В оазисах выращивают плодовые деревья, которые дают населению значительное количество фруктов, потребляемых в свежем и сушеном виде. Из плодовых деревьев распространены абрикос, персик, миндаль, яблоки, инжир и джида. В небольшом количестве разводят различные сорта слив, вишен, черешни.

Уборка хлопка в колхозе им. Карла Маркса. Сурхан-Дарьинская область

Особое место в сельском хозяйстве узбеков занимает виноградарство. Виноград употребляют в свежем и сушеном виде; из него приготовляют вино, уксус, патоку.

Лозы виноградника размножают черенками, прививками и отводками. Уход за виноградниками заключается в удобрении почвы, уничтожении сорняков, обрезании лишних побегов, удалении части листьев, чтобы они не брали от растения лишних соков, не препятствовали притоку свежего воздуха и не затеняли гроздья, не мешали им созревать.

Садоводство и особенно виноградарство составляют важные отрасли колхозного хозяйства и дают ему значительный доход. Садово-виноградные насаждения имеются во всех земледельческих районах, но наиболее распространены в Ташкентской, Самаркандской областях и Ферганской долине.

Пользуются заслуженной славой сорта винограда *оқ-кишмиш*, *қора-кишмиш*, *катта-қурғон*, *султони*. Они занимают свыше 50% всех виноградных насаждений республики. Около 40% винограда принадлежит к ценным столовым сортам — *хусайни*, *нимранг*, *тоифи*, *чарос*. Появились и новые сорта. Среди них замечательный сорт крупного черного винограда, названный «победа», в честь победы Советской страны в Великой Отечественной войне.

Значительный удельный вес имеют на колхозных виноградниках винные промышленные сорта.

Свыше 60% общей площади садовых насаждений современного Узбекистана занимают абрикосы и персики. Абрикосы сосредоточены преимущественно в Ферганской долине, где они составляют 80—90% всех садовых насаждений. Важное место в садоводстве Узбекистана принадлежит яблоне, груше, айве, занимающим в Ташкентской области до 80% всех садовых насаждений. Большую роль играют и такие субтропические культуры, как инжир, гранат, миндаль. Их разводят главным образом в южной части республики — в бассейнах Сурхан-Дарьи и в районах Ферганской долины.

Узбекские сорта фруктов и винограда отличаются высокой сахаристостью (они в полтора-два раза превосходят по сахаристости европейские и американские сорта) и плотной кожицей, что облегчает возможность дальних перевозок.

Урожай с общественных садов и виноградников частью продается заготовительным организациям, консервным и винным заводам, частью реализуется на колхозном рынке и, наконец, часть его распределяется между членами колхоза.

Сборщицы хлопка из совхоза «Талли-Маран». Сурхан-Дарьинская область

Механизированная укладка сырца в бунты на Шахрисябзском хлопкозаготовительном пункте

Уборка помидоров в колхозе Ташкентской области

Сбор дынь в колхозе

Свежие и сушеные фрукты хранят зимой в колхозных амбарах специально для различных праздников, торжественных случаев. Много фруктовых деревьев и виноградников имеется на приусадебных участках колхозников, встречаются они и во дворах горожан.

* * *

Колхозный садовод. Бухарская область

Скотоводство является такой же древней отраслью хозяйства узбеков, как и земледелие. Однако направление и формы скотоводства в прошлом были неодинаковыми у оседлого населения оазисов и у полукочевых групп. Оно было основным занятием у всех групп полукочевых в прошлом узбеков, как тюрков Мавераннахра, так и узбеков дештикыпчакского происхождения. Лучшими мастерами животноводства считались узбеки тюрк, локай, кунграт и карлук. Главное место в их скотоводческом хозяйстве принадлежало овцеводству. Вероятно, под влиянием исторических традиций у узбеков сложилось особое отношение к этому животному. Овцы были почитаемыми животными. Существовало поверие, что они попали на землю из рая; мифическим покровителем овцеводства считался пир Чупан-ата. Занятие овцеводством рассматривалось как наделенное особой благодатью, а пастух-чабан пользовался большим уважением.

Узбеки разводили в основном две породы овец: каракульскую, дающую ценные каракульские смушки, и мясо-сальную курдючную овцу.

Каракульских овец, не требовательных к кормам, неприхотливых к условиям содержания, необычайно выносливых, можно было разводить в степных и пустынных местах. Равнинные пастбища были пригодны для круглогодичного использования. Выпас овец носил отгонный характер. Весной и летом их угоняли на дальние пастбища, где были летовки (*яйлов*); осенью и зимой — держали ближе к кишлакам, где находились зимовки. Там были устроены загоны (*қўтон*).

Одним из ответственнейших моментов в овцеводстве, особенно в каракулеводстве, было ягнение овец. Это был сезон заготовки каракульской смушки. В то же время производилась первая стрижка овец, после чего их перегоняли на далекие летние пастбища.

Среди курдючных овец особенно славилась гиссарская, которую разводили узбеки, жившие в южных районах Узбекистана и Таджикистана. Живой вес наиболее крупных баранов этой породы доходил до 150 кг. Узбеки разводили также курдючных овец породы *жойдори*, несколько уступающих гиссарской по своей продуктивности. Курдючные овцы, после выпаса на весенних равнинных пастбищах, к лету поднимались в горы, где находились до середины осени. За весенний и летний сезоны

они хорошо нагуливались, а осенью постепенно спускались с гор в предгорья и на равнину, где паслись на стерне, оставшейся после снятия богары. По окончании осенней стрижки и случки, курдючных овец перегоняли на зимние пастбища, где имелся небольшой запас заготовленного летом корма.

В условиях экстенсивного хозяйства выпас овец и уход за ними требовал большого, накопленного поколениями опыта. Навыки и уменье передавались от отца к сыну. Были известны отдельные прославленные чабанские семьи, и владельцы крупных стад стремились нанимать чабанов из этих семей. Небогатые скотоводы, объединившись по 10—15 хозяйств, составляли из своих овец одну отару и нанимали опытного чабана, выделяя ему двух-трех помощников из числа своих сыновей. Работой руководил старший чабан. С ним заключался устный договор, срок которого, как и размер платы (он получал определенное число овец), варьировал в зависимости от района.

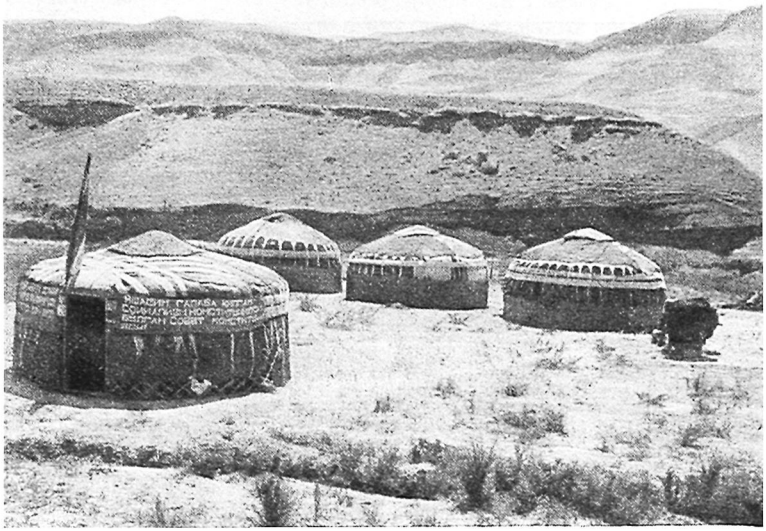
Овцеводство у узбеков издавна имело товарное направление. Каракульские смушки — основной продукт каракулеводства — заготовляли в основном в степных районах, куда для этого выезжали на сезон доверенные лица крупных торговцев. Туши забитых барашков привозили для продажи на городские рынки. Каракульских овец ставили и на откорм — их мясо славилось своим вкусом. Но особенным спросом в городах пользовались курдючные овцы. Их доставляли в города живыми и здесь продавали мясникам. Обычно перегоном овец занимались не скотовладельцы, а скотопромышленники. Закупка овец обычно производилась в марте. Составив гурты по тысяче голов в каждом, скотопромышленники перегоняли овец из Восточной Бухары в Зеравшанскую долину. После произведенной здесь стрижки гурты выпасали на летних пастбищах Зеравшанского и Туркестанского хребтов. Их либо сдавали на определенных условиях на выпас полукочевым узбекам, либо нанимали чабанов. С августа начинали перегонять овец для продажи на городские рынки.

Скотопромышленники Ферганской долины, закупая весной отары овец в горах Киргизии, передавали их там же на выпас киргизам на различных условиях. К зиме отары пригонялись в равнину для продажи. Торговали скотом и баи из богатых землевладельцев, которые владели многочисленными стадами.

Овечья шерсть также шла на рынок. Кроме того, в каждом хозяйстве из овечьей шерсти изготовлялись войлоки, паласы, ковры, мешки и переметные сумы и др. Все эти изделия производились не только для собственных нужд, но частично и на рынок. Из овечьих шкур шились шубы, а также подстилки, бурдюки и прочая домашняя утварь. Овечье молоко употреблялось в пищу; из него приготовляли сухой сыр, запасаемый на зиму.

У полукочевых узбеков было развито и козоводство, особенно среди бедной части населения. Летом предпочитали употреблять в пищу козье мясо, так как оно считалось «охладительным» (см. стр. 312). Шерсть коз употребляли на изготовление веревок и шнуров, столь нужных в хозяйстве полукочевника-скотовода. Козья шкура шла на выделку кожи для обуви, а также на изготовление бурдюков. Местные козы из-за плохих условий кормления, разведения и содержания были мелки и малопродуктивны.

Разведение крупного рогатого скота — основной тягловой силы в земледелии — так же, как и овцеводство, носило у полукочевых узбеков товарный характер. Рабочих волов выращивали для сбыта в районы поливного земледелия, где на них был большой спрос. Говядину употребляли в пищу редко. Однако для общественных трапез обычно закалывали молодых бычков и телок.



Колхозная животноводческая ферма на летнем пастбище. Узбеки-кунград. Сурхан-Дарьинская область

Ветеринарный осмотр колхозной отары овец. Ташкентская область

Автомобиль-лавка сельской потребительской кооперации, обслуживающая животноводов на горных пастбищах

В дореволюционной Средней Азии очень велика была роль лошади как верхового и вьючного животного. Особенно это относится к Восточной Бухаре, где колесного транспорта вообще не существовало. Табунного коневодства в таких широких масштабах, как у казахов и киргизов, у узбеков не было. Исключение составляли лишь некоторые племена Восточной Бухары —локай и марка, где были владельцы табунов, насчитывающих до тысячи голов. В таких хозяйствах коневодство имело товарное направление: лошадей поставляли на рынки Туркестанского края (Ура-Тюбе, Самарканд, Фергана и др.) и русским военным властям.

Разводили в основном карабаирскую и локайскую породу лошадей (локайские лошади — преимущественно горные). И та и другая являются древними местными породами, имеют прекрасные показатели и хорошо приспособлены к местным природным условиям. Узбеками разработаны сложные методы кормления и содержания ездовых лошадей.

Верблюдоводство у узбеков было развито в пустынно-степной зоне, особенно в Бухарской области, в Каршинской степи. Верблюдов использовали в качестве транспортных животных, на них держалась вся караванная торговля. Кроме того, верблюды давали шерсть, молоко и мясо. На юге разводили преимущественно одногорбых верблюдов (дромадеры), а на севере — двухгорбых (бактрианы).

У оседлых узбеков, живущих в районах древнего орошаемого земледелия, вследствие крайней недостаточности кормов скотоводство не получило большого развития. Здесь содержали в небольшом количестве коров, овец, дававших хозяйству молоко и мясо, лошадей. Рабочий скот сосредоточивался у крупных землевладельцев, которые давали его своим издольщикам, взимая за это дополнительную часть урожая. Часть скота оседлых земледельцев пасли специальные пастухи, которых кишлак нанимал сообща; частью скот содержался в стойлах. У баев за ним смотрели работники (карол или етим).

В некоторых местах (Фергана), где своих кормов не было и дер-

жать рабочий скот круглый год оказывалось нерентабельным, его покупали вначале земледельческого сезона и продавали в конце.

Большую роль в качестве транспортных и вьючных животных, особенно у бедной части населения, играли ослы, известные своей неприхотливостью и выносливостью. Они находились на полустойловом содержании.

Сейчас животноводство является важной отраслью общественного сельского хозяйства. Оно играет большую роль в хозяйстве колхозов и совхозов, расположенных в предгорной и пустынно-степной зонах. Здесь в специализированных животноводческих хозяйствах животноводство сочетается с богарным и отчасти поливным земледелием и садоводством. Однако и в хлопководческих районах животноводство играет большую роль. Перед Узбекистаном, как и перед всеми хлопкосеющими республиками, партией и правительством поставлена задача — сочетать рост хлопководства с ростом животноводства, добиться существенного увеличения производства мяса и молока. Это достигается путем создания изобилия кормов за счет правильной структуры посевов в республике и повышения урожайности кормовых культур (кукурузы, люцерны и др.).

В предгорной и горной зоне, где расположены значительные территории субальпийских и альпийских пастбищ, колхозы развивают курдючное овцеводство. В настоящее время проводится большая работа по скрещиванию курдючных овец с овцами полутонкорунных пород. Курдючное овцеводство и сейчас носит отгонный характер — стада выпасаются на сезонных пастбищах. Однако в настоящее время на осенне-зимних пастбищах колхозы производят сенокошение для подкармливания овец зимой.

В обширных пустынных и полупустынных областях Узбекистана ведущей отраслью хозяйства колхозов и совхозов является каракулеводство. Хотя каракульские овцы, как и раньше, круглый год содержатся на подножном корму, условия выпаса теперь иные: проводится расчистка пастбищ, подсев черного саксаула и других дикорастущих растений, чабаны строго следят за правильной очередностью использования выпасов. Проводятся работы по обводнению ранее не использовавшихся пастбищ; путем строительства новых колодцев и артезианских скважин; это открывает дополнительные перспективы для дальнейшего развития каракулеводства. Семилетним планом предусмотрено довести в 1965 г. производство каракульских смушек до 2 млн. штук.

Разведением каракульских овец занимаются несколько крупных специализированных совхозов и многие колхозы Бухарской, Самаркандской, Сурхан-Дарьинской и Хорезмской областей. Теперь каракулеводство в их хозяйстве сочетается не только с производством богарного зерна, но и с хлопководством. Хозяйственные центры таких колхозов обычно расположены в поливных оазисах, а пастбища, как правило, находятся на расстоянии нескольких десятков и даже сотен километров.

Отгонное животноводство практикуется и в колхозах Ферганской долины. Выпасы здесь находятся на горных пастбищах, которые предоставлены Узбекистану в долгосрочное пользование Киргизской, Казахской, Таджикской республиками.

Крупный рогатый скот имеется во всех колхозах и совхозах республики, а также в личной собственности колхозников.

Козоводство распространено во всех областях республики. Оно, как правило, всегда сопутствует овцеводству, но особенного развития достигло в предгорных и горных районах Ферганы, Самаркандской и Сурхан-Дарьинской областей. Разводятся в основном козы местной мясо-молочной породы. В колхозах севера Ферганской долины путем скрещивания местной породы с ангорской выведена новая порода коз, дающая много высокосортной шерсти и пуха.

Основной корм для содержания скота в колхозах и совхозах орошаемой зоны получают от полеводства и различных отходов хозяйства. Введение хлопково-люцерново-кукурузного севооборота позволяет переводить часть скота на стойловое содержание. Другую часть вследствие отсутствия в этой зоне пастбищ и сенокосов большинство колхозов по-прежнему летом отгоняет на далекие степные и горные пастбища. В колхозах районов древнего оседлого поливного земледелия животноводческие бригады обычно состоят из полукочевых в прошлом узбеков или киргизов — искусных скотоводов.

В настоящее время многие трудовые процессы в животноводстве так же, как и в полеводстве, механизируются: в колхозах и особенно совхозах применяются автопоилки и конвейеры для доставки корма и уборки помещений, на молочных фермах — электрические доилки. Большое значение имеет применение машин при заготовке сена, силоса и других кормов.

В общественном животноводстве создаются условия для улучшения породности скота. Этим занимаются восемь государственных племенных рассадников, из них два — выводят лошадей карабаирской породы, два — крупный рогатый скот остфризской и бушуевской породы, два — каракульских и один — гиссарских овец, один — длинношерстных узбекистанских коз. Выведением высокопородного скота занимаются также свыше 300 колхозных племенных ферм.

Племенной скот для колхозов поставляют и специализированные совхозы, которые стали активными распространителями высокой животноводческой культуры.

В республике имеются каракулеводческие совхозы, совхозы племенного крупного рогатого скота бушуевской, швицкой, красностепной и остфризской пород, конный завод карабаирских лошадей.

Ведется работа по улучшению местных пород зебувидного рогатого скота, в частности, так называемой кураминской. Ценные качества кураминских коров заключаются в жирности молока, в устойчивости к кровепаразитарным заболеваниям и в способности к быстрому нагулу мяса. Опыт передовых колхозов показывает, что при хорошем кормлении и содержании коров можно преодолеть недостаток этой породы — низкие надои молока.

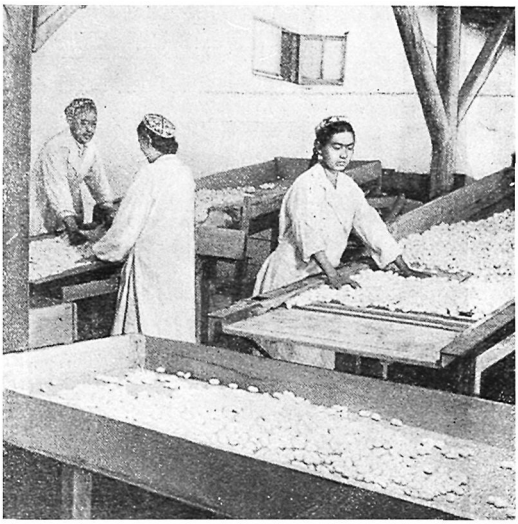
Наряду с традиционными навыками и многовековым народным опытом ведения скотоводческого хозяйства, в настоящее время широко применяются в этой области все достижения науки. В колхозах и совхозах работают многочисленные специалисты — зоотехники и ветеринары, многие из которых местные уроженцы.

* * *

В хозяйстве оседлых узбеков, особенно в Ферганской долине, издавна было распространено шелководство. Оно имело подсобное значение и было почти исключительно занятием женщин. За ними по обычаю признавалось право тратить полученный от продажи коконов доход на собственные нужды.

Техника производства у шелководов находилась на крайне низком уровне. Грена оживлялась теплом человеческого тела — мешочек с греной женщины носили подмышкой. Содержали червей в тесном и грязном помещении, которое не проветривалось, постоянная температура там не поддерживалась. В связи с этим завивка коконов затягивалась, их получалось мало и были они плохого качества.

Организованные частными предпринимателями гренажные заводы давали очень мало продукции; грены не хватало, ее ввозили из Италии и



Обработка коконов на Андижанском гренажном заводе

Турции по очень высоким ценам. Кроме примитивных гренажных заводов, в дореволюционном Туркестане были немногочисленные коконосушильни. Шелкомотальные фабрики совсем отсутствовали и местное население разматывало шелк кустарным способом; основную массу коконов вывозили из Туркестана без первичной обработки, и она поступала на русские и иностранные шелкомотальные фабрики. В 1913 г. на территории Узбекистана было собрано всего 3960 тонн коконов[1], в то время как сейчас республика дает стране свыше 14,5 тыс. тонн[2]; по производству шелковых коконов Узбекистан занимает среди союзных республик первое место, давая более половины всего урожая коконов в СССР.

В наши дни шелководство является важной отраслью хозяйства колхозов, расположенных в районах орошаемого земледелия и имеющих в основном хлопководческое направление.

Шелководство дает колхозам высокий доход за сравнительно короткий период затраты труда (апрель-июнь). В этой отрасли общественного хозяйства колхозов по-прежнему важную роль играют женщины — они производят основную работу, мужчины же лишь подготовляют помещения, помосты для шелкопряда и доставляют для их кормления листья.

Работа колхозников по выращиванию тутового шелкопряда основывается на достижениях современной агробиологической науки. Оживление грены проводят в специальных колхозных инкубаториях. Выкормка гусениц производится колхозницами дома или в приспособленных для этого колхозных помещениях, где поддерживается определенная температура. Гусениц кормят сперва мелко нарезанными тутовыми листьями по

[1] Узбекистан. Экономико-географическая характеристика. Ташкент, 1950, стр. 183.

[2] В 1960 г.— 14 633 т. «СССР в цифрах в 1960 г. Краткий статистический сборник. ЦСУ СССР» М., 1961, стр. 224.

Колхозная звеньевая шелковод Купайсин Базарова.
Ферганская область

12—13 раз в сутки, а когда они вырастают, им подкладывают ветки тутовника. Для завивки коконов на помосты кладут веники из сухой травы. При сборе коконов устраивают, как и прежде, помочь — *хашар*: приглашают соседок, родственниц и даже приятельниц из соседних кишлаков. Собранные коконы сортируют и сдают на организованный в колхозе приемный пункт.

Тутовые деревья, листья которых представляют собой единственный корм для шелковичных червей, являются колхозной собственностью. Все тутовники взяты на учет правлениями колхозов, распределены по бригадам и даже между отдельными колхозницами. Значительная часть деревьев относится к старым посадкам, они растут вдоль дорог, арыков, по краям всех полевых участков. Кроме того, немало в республике также тутовых плантаций, созданных колхозниками за последние годы, в особенности на новых землях. Насаждаются вновь выведенные сорта тутовника с обильной листвой.

В хлопководческих колхозах республики развивается также почти полностью отсутствовавшие до революции птицеводство (куры, гуси, утки, индюшки) и пчеловодство. В отдельных колхозах эти отрасли достигли значительного развития.

* * *

Таким образом, сельское хозяйство узбекского народа в настоящее время сохраняет и развивает сложившееся в нем в течение многих столетий традиционное направление, используя богатый народный опыт, накопленный поколениями.

Вместе с тем за советский период в сельском хозяйстве узбеков произошли коренные перемены. Из отсталого, малопродуктивного занятия, требовавшего огромных затрат тяжелого физического труда крестьянина, оно превратилось сейчас в высокоразвитое крупное социалистическое хозяйство, оснащенное разнообразной техникой и ведущееся на основе новейших достижений агрономической науки. Высоко продуктивное сельское хозяйство обеспечивает сельскому населению гарантированный доход.

Еще большие изменения произошли в организации хозяйства и производственной жизни дехкан.

Декреты, изданные непосредственно после победы Октябрьской революции, о ликвидации нетрудового владения и пользования землей, запрещении продажи и купли земли получили практическое осуществление в узбекских кишлаках не сразу. Первое время здесь оставались в силе старые социальные отношения, сохранялось, вопреки закону, нетрудовое землевладение и на его основе эксплуатация крестьян-бедняков. Переход к коллективному хозяйству был подготовлен объединением дехкан в снабженческо-сбытовую и кредитную кооперации. Крестьяне на основании договора, заключенного между ними и кооперативными организациями, обязывались сдать определенное количество хлопка и других продуктов по определенным ценам и получали от кооператива займы, денежные и натуральные авансы, инвентарь, семена, химические удобрения и различную агротехническую помощь. Крестьяне-бедняки пользовались всевозможными льготами и при установлении договорных норм, и при снабжении, и при налогообложении. Их интересы охраняли общественные организации — союз «Кошчи», комитет батраков, союз молодежи и партийные ячейки, созданные еще в начале 1920-х годов почти во всех кишлаках. Положение крестьян-бедняков и соотношение различных социальных групп стало значительно изменяться с 1925—1926 гг. в результате проведения земельно-водной реформы, когда крестьянская беднота была наделена землей, изъятой у нетрудовых хозяйств.

Земельно-водная реформа изменила социальный облик кишлака, ставшего середняцким, сократила, хотя и не уничтожила, издольную аренду. Однако сохранение распыленных мелких крестьянских хозяйств препятствовало дальнейшему социалистическому преобразованию узбекского кишлака, росту благосостояния крестьян. Это стало возможным лишь после вступления тысяч мелких единоличных хозяйств на путь социалистического кооперирования — добровольного объединения их в колхозы. Наряду с колхозами создавалась сеть совхозов — советских государственных хозяйств, призванных служить образцом передовых методов общественного производства — введения механизации, агротехники и т. д.

Переход к крупному социалистическому хозяйству в корне изменил экономические отношения, условия труда и весь уклад жизни узбекского крестьянства.

Колхозы ведут свое хозяйство на земле, предоставленной им государством в бесплатное и бессрочное пользование, т. е. навечно. Уставы колхозов обеспечивают сочетание общенародных интересов и материальной заинтересованности колхозов и колхозников в результате их труда; соблюдается принцип — за лучшие производственные показатели — более высокую оплату. Подъем экономики, рост доходов колхозов расширяет их общественные фонды (производственные, культурно-бытовые и др.) и повышает жизненный уровень колхозников. Основную часть земли артели составляет общественная, на которой ведется общее хозяйство. Незначительная доля земли отводится под приусадебные участки, находящиеся в пользовании отдельных колхозных семей. Обработка приусадебной земли производится семьями колхозников в свободное от обществен-

На колхозной птицеферме. Ташкентская область

ных работ время. Здесь обычно разводят сады, виноградники и огороды.

Общественные земли колхозов представляют собой обширные массивы орошенной и богарной земли и пастбищных угодий. За последние десятилетия многие колхозы освоили большие площади целины, иногда расположенные на значительном расстоянии от старых земель колхоза. Здесь живут бригады переселившихся колхозников и постепенно организуются новые колхозы и совхозы.

Колхозы стали крупными многоотраслевыми хозяйствами, и теперь размеры их земель исчисляются тысячами гектаров. Животноводческие и птицеводческие хозяйства, которые имеются почти в каждом колхозе организованы как специализированные фермы.

Колхозы делятся на бригады, включающие в себя до нескольких десятков человек и обрабатывающие выделенную им часть колхозной земли. Все члены бригады живут по-соседству друг с другом и поблизости от выделенного им для обработки участка. Обычно они являются жителями одного из вошедших в колхоз кишлаков, а их участок состоит из земель, в прошлом принадлежавших этому кишлаку. В первые годы после организации колхозов издавна сложившиеся между жителями кишлака родственные отношения вели к проявлению многих вредных традиций и к созданию неделовых отношений между членами бригады. Постепенно эти вредные влияния под воздействием общественного труда и общих для всех членов бригады материальных интересов искоренялись; теперь же в связи со строительством крупных новых социалистических поселков и переселением в них колхозников, изменяются и характер расселения и состав бригад.

Бригады в настоящее время являются основной формой организации коллективного труда членов сельскохозяйственных артелей и совхозов. За каждой бригадой хлопкоробов, кроме земли, закрепляются также сельскохозяйственный инвентарь, рабочий скот, некоторые транспортные средства. Бригада имеет хозяйственные постройки в поле, полевой стан (*шипанг*), а в кишлаке — хозяйственный двор.

Всей работой в бригаде руководит бригадир. Он ведает организацией труда и производственного быта, следит за дисциплиной. Каждая хлопководческая бригада делится на пять-шесть звеньев, за которыми закрепляются определенные участки земли. Но теперь, в связи с ростом механизации, постепенно сокращается круг работ, выполняемых каждым звеном отдельно, на своем небольшом участке.

Учет труда членов бригады лежит на обязанности учетчика, который принимает работу и тут же записывает выработку в табель.

В сезоны полевых работ правления колхозов обычно обеспечивают членов бригады общественным питанием. Пищу готовят или в каждой бригаде отдельно специально выделенные повара, или в общеколхозной столовой, откуда ее развозят в бидонах по бригадам.

На период посева и уборки урожая при полевых станах устраиваются временные детские ясли и сады (помимо постоянных общеколхозных).

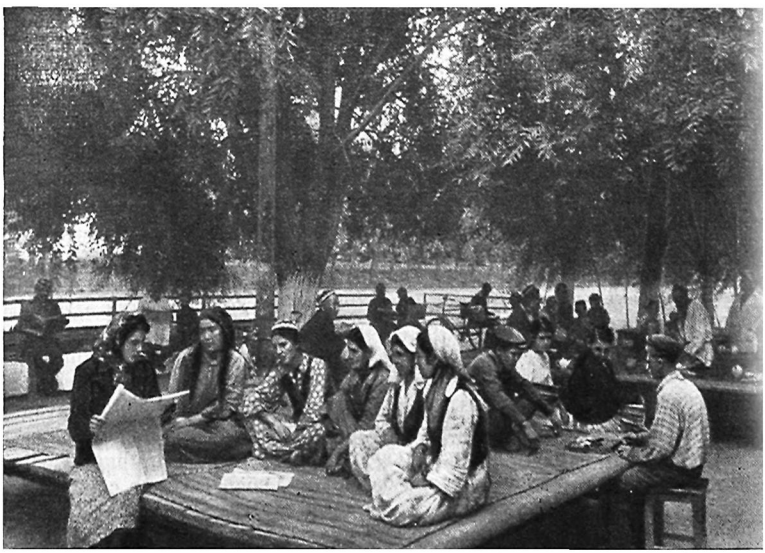
За последние годы в связи с усиленным внедрением новой техники и общим ростом культуры сельскохозяйственного производства происходят существенные изменения в производственной жизни, в условиях труда сельского населения Узбекистана. Особенно большое значение имеет применение техники в производстве хлопчатника, очень трудоемкой и требовательной к уходу культуры. Еще недавно уровень механизации хлопководства был недостаточным: МТС, обслуживая большие группы колхозов, выделяли им технику все же ограниченно, часто в сроки, не вполне совпадавшие с потребностями колхозов, в связи с чем далеко не все процессы обработки хлопчатника могли быть полностью обеспечены механизацией, не говоря уже о других отраслях хозяйства колхозов. На хлопковых полях большую роль играл женский труд; особенно много усилий затрачивали колхозницы в периоды кетменевания и сбора хлопка. Решение Верховного Совета СССР «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС» (1958 г.) сыграло огромную роль в изменении этого положения; приобретение техники колхозами, самостоятельное планирование правлением колхоза и бригадирами использования тракторов и сельскохозяйственных машин весьма благотворно сказались не только на хозяйстве, но и на производственной жизни тружеников хлопководства. В зависимости от потребности колхозного хозяйства тракторы и машины направляются на самые разнообразные работы, не только на хлопковые поля, но и на огороды, бахчи, на рыхление почвы в садах, планировочные работы на целине и залежных землях и др.

В 1960 г. уже 1 млн. 200 тыс. га, т. е. 90% всей посевной площади хлопчатника в республике, обрабатывалось механизмами в двух направлениях (продольно и поперечно). Машинами в 1960 г. было собрано свыше 500 тыс. т. хлопка; совхозы собрали при помощи машин почти одну треть урожая, а некоторые — 80% и больше. Однако, это не уменьшило роль женщин в хлопководстве. Они овладевают техникой — обучаются профессии механиков-водителей хлопкоуборочных машин и др.

В 1960 г. в колхозах и совхозах республики было создано уже около 9 тыс. бригад комплексной механизации, находящихся в авангарде борьбы за прогрессивные агротехнические приемы в хлопководстве. Эти бригады особенно хорошо оснащаются тракторами и машинами, во главе их стоят опытные, квалифицированные механизаторы широкого профиля, среди которых немало женщин. Работают они по детально разработанным технологическим картам, учитывающим технику и рабочую силу бригады: в них тщательно продуманы планы обработки посевов и уборки урожая, организация труда. Бригады используют самые передовые приемы обработки хлопчатника, умело регулируют полив, оберегают от сорняков и вредителей, бережно ухаживают за каждым кустом. Работа кетменем в передовых бригадах — уже изжитое явление.

Новый технический уровень хлопководства обеспечивается ростом общего культурного уровня и специального агротехнического образования колхозников и рабочих совхозов. Учеба на различных курсах по агротехнике и механизации, в заочных сельскохозяйственных техникумах, а иногда и вузах стала теперь неотъемлемой частью производственной жизни узбекских хлопкоробов.

Почтальон раздает в поле газеты подписчикам. Бухарская область



Летняя Красная чайхана. Совхоз «Кзыл-Рабат». Андижанская область

В этих условиях все с большей силой развиваются народная инициатива, сознательное, коммунистическое отношение к труду. Участвуя в социалистическом соревновании, в республиканских и местных совещаниях, колхозы и совхозы, бригады, звенья и отдельные хлопкоробы разных районов, областей и республик поддерживают между собой тесную связь, обмениваются опытом и помогают друг другу ликвидировать трудности и недостатки. Товарищеская взаимопомощь становится нормой жизни тружеников сельского хозяйства. Передовые хозяйства, бригады и новаторы оказывают помощь отстающим. Этому постоянному контакту способствует развитие межколхозных производственных связей — совместное строительство некоторыми группами колхозов электростанций, предприятий по первичной обработке хлопка, культурно-бытовых учреждений, школ-интернатов, больниц, домов отдыха и др.

Ремесло

Истоки ремесла в Узбекистане уходят в глубокую древность. Археологические раскопки свидетельствуют о существовании у народов Среднеазиатского междуречья высокоразвитого ремесла свыше двух тысяч лет назад. Весь длительный период феодализма характеризовался широким развитием ремесла, которое являлось единственной формой промышленной деятельности вплоть до присоединения Средней Азии к России, когда появилась фабрично-заводская промышленность.

На протяжении веков у узбекских ремесленников накапливались специальные навыки и знания. Чрезвычайная дробность специализации вела к овладению немногими, но очень тонко разработанными операциями, к совершенствованию технических приемов и высокому качеству изделий.

Наибольшего развития как в техническом отношении, так и в художественном достигло ремесло крупнейших, в особенности столичных городов. В столицах всех трех ханств изготовляли разнообразные предметы, в том числе и предметы роскоши, употребляемые при дворах правителей, в среде многочисленной феодальной аристократии, в быту состоятельных слоев горожан.

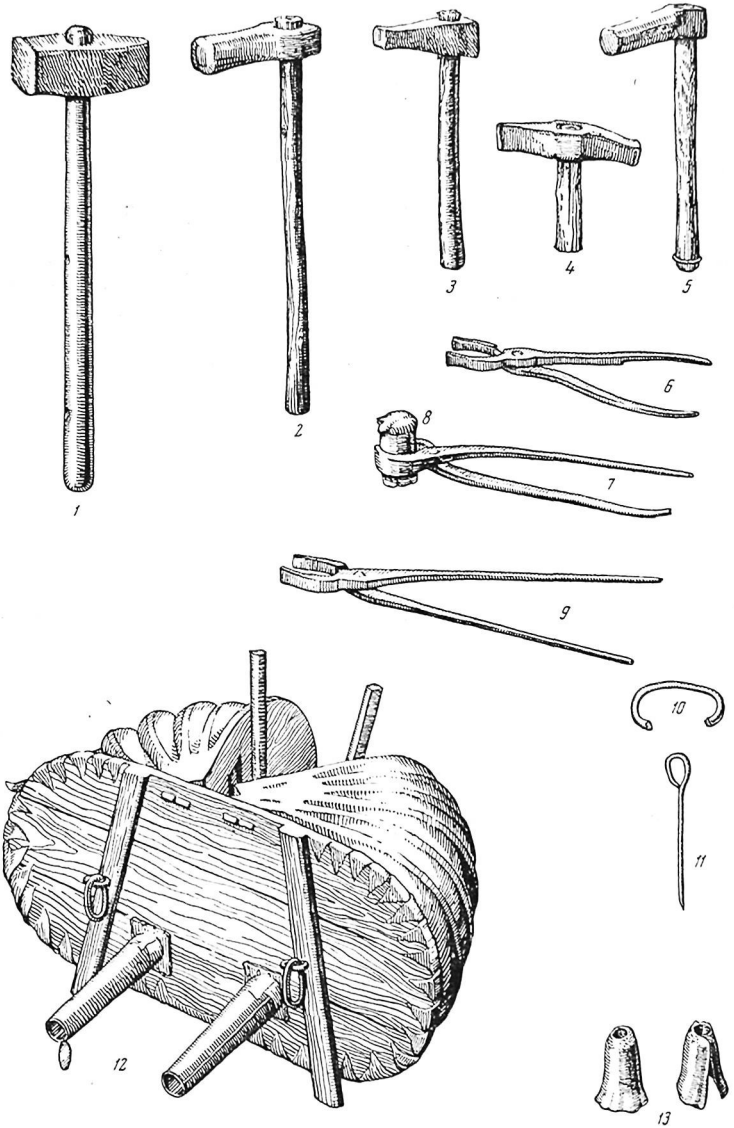
В городах работали также ремесленники разнообразных специальностей, обслуживавшие нужды всех горожан и окрестного сельского населения: кузнецы, деревообделочники, строители, плетельщики циновок, портные, пекари, кондитеры и др.

Многие отрасли находились в руках сельских ремесленников, которые сочетали занятие ремеслом с земледелием и садоводством. Последнему они отдавали значительную часть своего времени, так как реализация продукции садов, виноградников и огородов занимала видное место в их бюджете. Сельские ремесленники вырабатывали большую часть дешевых хлопчатобумажных тканей, простой гончарной посуды.

В сельских районах, вдали от городов, наряду с производством некоторых ремесленных изделий на широкий рынок, ремесленники нередко работали по специальным заказам и даже из материалов заказчика, обслуживая лишь своих односельчан. Такие ремесленники иногда состояли на содержании сельской общины, все члены которой, пользовавшиеся услугами ремесленника, отдавали им за это часть получаемого каждым из них урожая. В таком положении были, например, в отдаленных селениях кузнец, цирюльник, иногда сапожник.

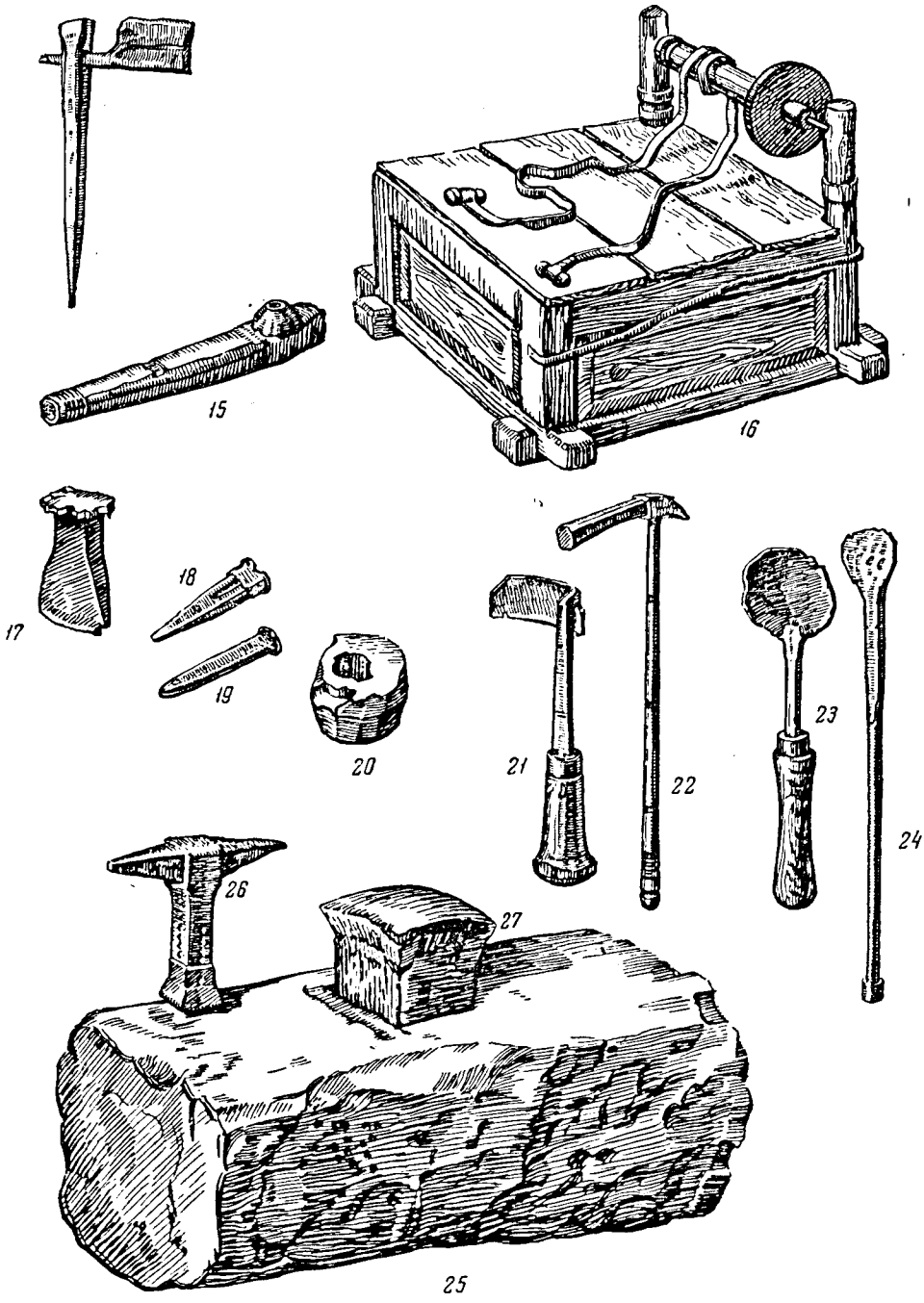
Во многих сельских районах, слабо связанных с торговыми и ремесленными центрами, значительная часть необходимых в хозяйстве предметов изготовлялась в домашних условиях. Так вырабатывались шерстяная ткань для халатов, иногда хлопчатобумажная — для одежды и предметов быта — набойки, вышивки, а также ковры, кошмы. Простые материи для своей семьи ткали и некоторые горожане.

Большая часть домашних промыслов находилась в руках женщин. Уровень техники этих промыслов был очень низок, орудия примитивны.



Орудия кузнечного ремесла. Самарканд, 1931 г.

1 —молот железный «катта болга» фабричной работы; *2*— молот «болга» кустарной работы; *3* — молоток мастера—ручник«дастхоиск»; *4*— молоток «болга» кустарной работы для холодной обработки изделий; *5* — молоток «болга» для ударов по резцу при нанесении рисунка на изделие; *6* — клещи мастера «омбир», употребляемые при выделке кетменей; *7* — клещи «омбир» для обхвата пробойника; *8* — пробойник; *9* — клещи «омбир» для зубила; *10* — скобочка из медной проволоки «халка» для скрепления концов клещей при сварке деталей изделий; *11* — мерка из проволоки для измерения кусков полосового железа и стали; *12* — кузнечный мех «дам»; *13* — железное сопло «блюль», «билюль» — воздуховыводные трубки, вмазываемые в стенку горнового гнезда; *14* — отсечка сталь-



ная, употребляемая при ковке гвоздей; *15* — форма «колиб» для формовки шляпки гвоздей; *16* — точило «чарх»; *17* — стальное зубило для отсечки железа и стали; *18* — стальное зубильце «калам» для нанесения рисунка на кузнечные изделия; *19* — стальной бородок «калам» для нанесения рисунка на кузнечные изделия; *20* — подставка «зерча», употребляемая при пробивании отверстия в кузнечных изделиях; *21* — молоток «болга» для заколачивания гвоздей при подковке животных; *22* — нож для обрезания копыт при подковке животных; *23* — черпак «чумич» для подбрасывания углей в горн; *24* — лопаточка железная «бельча» для перемешивания углей в горне; *25* — основание для наковальни «кунда» из орехового дерева; *26* — наковальня малая «михсандон» для мелких поковок; *27* — наковальня «сандон» для горячей ковки кузнечных изделий

Гравировка медного блюда. Самарканд, начало XX в.

Несмотря на это, многие отрасли узбекского ремесла и домашних промыслов представляли собой различные виды высокоразвитого прикладного искусства (см. стр. 389).

Большое значение у узбеков имело кузнечное ремесло *темирчилик* — выработка различных земледельческих орудий, в особенности кетменей и инструментария. Кетмени (*кетмон*), представлявшие собой род заступа округлой формы, насаженного под углом на длинную рукоятку, применяли для вскапывания земли, окучки, поделки грядок, рытья каналов, на строительных работах. Столь же широко было изготовление *теша* — небольшого топорика с лезвием, насаженным перпендикулярно к короткой рукоятке, являвшегося основным орудием деревообделочников и применявшегося в каждом хозяйстве для разных работ.

В особую отрасль ремесла выделились ножовщики, которые изготовляли ножи, нередко с художественной отделкой; их носили мужчины в кожаных чехлах у пояса. Особенно славились ножовщики Андижана, Чуста, Намангана, Гузара, Карши и Хивы.

Славилась своим оружием Ферганская долина, но производство оружия к концу XIX — началу XX в. совершенно заглохло.

Литье из чугуна (*дегрезлик*) было широко развито еще в середине XIX в. Отливались котлы, кувшины для кипячения воды, светильники и чугунные жаровни для углей, служившие для обогревания комнаты; им придавали красивую форму, украшали ажурным бортиком, на котором укрепляли иногда фигурки птичек. Особенно интересны были изделия, вырабатываемые литейщиками Бухары. Это производство, однако, с течением времени сократилось, не выдержав конкуренции фабричных изделий. Не пострадало от конкуренции лишь производство наконечников для омачей и втулок для арбяных колес. Материалом для литейщиков служил чугунный лом, завозимый из России. Чугун плавили в котлах из огнеупорной глины, литье производили в песочных формах.

Особой специальностью было слесарное дело, в частности, производство замков. Замки местной конструкции имели вывинчивающийся ключ. К началу XX в. продукцию этого ремесла почти полностью вытеснили русские фабричные замки. Местные слесари перешли к новой специальности — выработке самых разнообразных предметов из жести, привозившейся из России. Их продукция имела хороший сбыт — на базарах многих городов жестянщики занимали особые ряды.

Одним из древних ремесел Узбекистана являлась обработка меди и литье бронзы. Особенно развито было ремесло медников, выделывавших разнообразные предметы из листовой меди. Для более грубых вещей — котлов с низкими бортами и слегка выпуклым дном, больших кувшинов для хранения и маленьких — для кипячения воды, употреблялась красная медь.

Более тонкие вещи: кувшинчики различных форм, рукомойники, всевозможные подносы, нередко с чеканным и гравированным орнаментом, выделывали из желтой меди. При изготовлении всех этих предметов отдельные части их выковывали из тонких листов меди на наковальне и затем спаивали между собой. Узоры наносили зубильцем и штихелем (последним делали прямые линии и штриховку). Массивные части некоторых медных сосудов, бронзовые жаровни для углей, чугунные светильники, а также колокольчики различного размера, бубенцы для скороходов и танцовщиц и другие предметы не выковывали, а отливали из бронзы; это составляло особую специальность. Бронзу плавили в котлах из огнеупорной глины и отливали в металлических изложницах, заполняемых песком с примесью клея. Очень распространено в Узбекистане было ремесло ювелиров — *заргарлик*; в древности обработка драгоценных металлов достигла здесь большого совершенства. Серебряные блюда мастеров Согда и Хорезма начала I тысячелетия н. э. отличались высокой художественностью. Арабы, пришедшие в конце VII — начале VIII в., нашли в храмах и дворцах множество золотых и серебряных вещей тонкой работы. В последующие века обработка и употребление драгоценных металлов сократились. Драгоценные ювелирные украшения были только у представителей высших классов. В народе же распространены были украшения из меди или из серебра. Для удешевления изделий, употреблявшихся в народном быту и подражавших массивным украшениям богачей, была выработана особая техника: украшения делали из тонких листиков серебра и заполняли особой застывающей мастикой. Поверхность металла обильно покрывали тонким штампованным орнаментом, удачно маскировавшим мишурность этих крупных украшений. В 80-х годах XIX в. эта техника вышла из употребления.

Филигрань была распространена преимущественно в Бухаре. Некоторые местные изделия этого типа отличались большим изяществом. Бухарские ювелиры умели изготовлять резные ажурные вещи, им была известна и чернь, возможно занесенная сюда кавказскими мастерами. Искусством чернения славились также ювелиры Коканда. Широкое распространение имела зернь, изготовлявшаяся из мелко нарезанных кусочков проволоки, которые либо смешивались с мелко истолченным древесным углем, либо закладывались в просверленные в куске угля отверстия. Когда при нагревании в горне кусочки проволоки расплавлялись, их вытряхивали в сосуд с водой, где они мгновенно застывали в виде шариков правильной формы.

Орудия, которые употребляли ювелиры при изготовлении своей довольно разнообразной продукции, были очень несложны. Щипчики разных калибров с конусообразными концами использовались для изготовления различных предметов из проволоки — серег, цепочек, ячеек для камней и т. п. Пинцеты служили для подхватывания мелких деталей. Ювелир имел в своем распоряжении набор молоточков, штампов, форм для изготовления деталей украшений в виде полушарий или шара (спаиваемого из двух половинок). Небольшая железная наковальня ювелира имела утончающийся в виде клюва отросток, на котором отделывали мелкие круглые вещи: кольца, серьги и т. п. Для плавки металла употребляли маленькие самодельные тигелечки из огнеупорной глины. Небольшой круглый горн изготовляли также сами мастера из обыкновенной глины хорошего качества. Огонь раздували при помощи ручных мехов, а при особо тонких работах применяли медную расширяющуюся к концу трубку, в которую дули, направляя струю воздуха на обрабатываемый предмет.

Производство тканей (*тўқимачилик*) распадалось по виду вырабатывавшейся продукции и по характеру сырья (хлопок, шерсть и др.) на ряд отраслей, существовали и некоторые вспомогательные ремесла (подготовка сырья, отделка тканей). Хлопок для бумажной пряжи очищали от семян на

очень простом, но остроумно сконструированном станочке, который состоял из двух деревянных валиков, приводимых в движение рукояткой. Вращаясь по направлению друг к другу, валики захватывали хлопок, который свободно проходил в узкую щель между ними, в то время как семена задерживались. Женщины пряли хлопковое волокно при помощи ручной прялки (*чарх*), двойное колесо которой вращалось рукояткой. Через бечевку, служившую передачей и проведенную по колесу, передавалось движение веретену.

Размотка коконов была профессией, требовавшей особой выучки и сноровки, и нередко передавалась по наследству. В городах и некоторых селениях — центрах шелкоткачества это дело находилось в руках ремесленников-мужчин. Обработкой шелка славились Фергана и Бухара, где производилось много разнообразных шелковых тканей; там было развито и шелкомотание (*пиллакашлик*). Техническое оборудование профессионального шелкомотания состояло из котла для распаривания коконов, палочки для подхватывания концов нитей, подвешенного над котлом кольца, через которое пропускалась нить до поступления на колесо, вращаемое помощником мастера. В процессе размотки мастер соединял нити с нескольких коконов, и их число определяло собой толщину нити. Мастер наощупь и на глаз определял, когда нужно подхватить новые концы, чтобы вся нить оказалась ровной по толщине. После размотки производили отварку грежи в растворе поташа, куда для отбеливания шелка прибавляли отвар сморчков. Степень готовности пряжи распознавали наощупь. Перед отариванием пряжу крутили, для чего применяли громадное колесо, называемое «чертовым» — *девчарх*.

Окраска бумажной и шелковой пряжи находилась обычно в руках профессионалов красильщиков. Окраску в синий цвет при помощи индиго производили холодным способом особые мастера — синильщики (*кӯкчи*). В остальные цвета окрашивали другие красильщики *бӯёқчи*, *рангрез*, применявшие естественные и синтетические красители.

Ткацкий станок, употребляемый профессионалами-ткачами, был в своей основе единым для всех видов тканей, отличаясь лишь числом ремиз и размерами частей, определявших ширину ткани. Ремизный аппарат состоял из нитяных петель, натянутых между двумя камышинками; он опускался при помощи педалей, число которых соответствовало количеству ремиз. Педали были спущены на дно ямы. Ткач сидел на доске, положенной на края ямы, спустив в яму ноги. Нажимая на педали в определенном порядке, ткач получал нужное переплетение нитей основы. Бердо представляло собой тяжелую деревянную раму. В нее вставляли решетку из обструганных камышинок, в промежутки между которыми продевали нити основы. Бердо, подвешенное над станком, перед ремизами, приводилось в движение левой рукой ткача, плотно прибивавшего нити утка друг к другу. Челноки были роговые, прекрасно отшлифованные. Их изготовляли специальные мастера. Основу, заправленную в станок, пропускали через блоки, имевшие вид больших деревянных катушек, укрепленных под потолком, и оттягивали круглыми грузилами из необожженной глины. Снимали ткань с навоя станка кусками определенной меры: два куска шли на одну одежду и составляли при продаже и расчетах единицу товара. Ткани вырабатывали преимущественно очень узкие — не шире 35—40 см, что объяснялось примитивным устройством станка. Лишь к началу XX в. появились широконавойные станки, на которых начали вырабатывать некоторые новые сорта тканей (кисею, чалмы, шелковые покрывала, ткань типа сарпинки).

Техника тканья была несложна. Больше всего применяли простое миткалевое переплетение нитей, которое получается при использовании двух ремиз. Так ткали все виды хлопчатобумажных и полушелковых тканей и шелк-канаус. Атлас ткали на 4—8 ремизах.

Обматывание неокрашиваемых частей основы для изготовления ткани с рисунком «абр». Маргелан, 1938 г.

Из бумажных тканей вырабатывалась *алача*, которая отличалась сложными полосатыми узорами густых ярких тонов, при темно-синем утке. Готовую ткань выбивали лощильным молотком.

Ткань *қаламы* имела более простой узор из синих и красных полос, идущих по белому фону, при белом же утке.

Наряду с полосатыми бумажными тканями вырабатывались и гладкие, белые и коричневато-рыжие (*мато*, *бўз*). Белая мата высокого качества подвергалась отбеливанию. Это выполнялось специальными ремесленниками. Особой отраслью бумажного ткачества в отдельных районах (Самарканд) являлось изготовление чалм.

В третьей четверти XIX в. еще продолжалось производство тонкой и редкой ткани *хоса*, шедшей больше всего на саваны для покойников как у оседлых, так и у кочевых групп населения Средней Азии, в связи с чем она вырабатывалась в большом количестве для вывоза в степные районы. С началом выработки кисеи и завозом в край дешевых фабричных тканей (коленкора) производство хосы совершенно прекратилось.

Производство шелковых и полушелковых тканей получило развитие в определенных районах.

Беқасаб — двустороннюю полосатую ткань с шелковой основой и бумажным, более толстым утком, вырабатывали в Ферганской долине, в Самарканде, Карши, Бухаре; она представляла собой более ценный вариант алачи и обозначалась этим термином в двух последних городах. *Адрас* — полушелковую ткань, сходную с бекасабом, но имеющую пестрый расплывчатый узор (*абр*), производили в Бухаре, Самарканде, Ходженте (Ленинабаде) и Маргелане. Орнаментация адраса выполнялась сложной техникой перевязки основы перед погружением ее в красящие растворы.

И адрас и бекасаб проходили последующую обработку: их крахмалили особым для каждого вида ткани клеем и затем выбивали деревянным лощильным молотком, отчего на них получался муар.

Производством шелковых и полушелковых атласов, преимущественно с пестрым узором, славилась Ферганская долина, в особенности город Маргелан, откуда эту ткань вывозили в другие районы Узбекистана.

Высоким качеством отличались и хорезмские шелковые ткани. Характерным для ткачества Ферганской долины было также производство чрезвычайно тонких полупрозрачных шелковых платков (*қалғай*), которые ткали из неотваренной грежи и отваривали уже в сотканном виде. После этого ткань орнаментировали. Перевязка готовой ткани давала орнаментацию несложным узором в виде колец и кругов, чаще остававшихся белыми, иногда окрашивавшихся затем в разные цвета. Узбекские мастера знали также батикование — орнаментацию наложением резервирующего раствора, не пропускающего краску при погружении ткани в красящий раствор; так как при нем крашение могло применяться только холодное, употребляли преимущественно синюю краску (индиго). Ткань иногда предварительно окрашивалась в желтый цвет.

Канаус (*шоҳи*), имевший шелковую основу и уток равной толщины, вырабатывался главным образом в Бухаре и Маргелане.

Высшим достижением среднеазиатского ткачества было производство бархата. К концу XIX — началу XX в. бархат, преимущественно пестрый, производился только в Бухаре. В меньшем количестве здесь производился тот гладкий бархат прекрасного малинового тона, которым по свидетельству Бабура в XVI в. славился Самарканд.

Значительное развитие имело в Узбекистане выделившееся в особое ремесло производство набивных бумажных тканей (*читгарлик*). До распространения фабричных ситцев их широко употребляли в быту. Во второй половине XIX в. кустарная набойка была вытеснена фабричными тканями. Однако штучные набивные изделия — одеяла, скатерти и другие, отличавшиеся прекрасно найденной композицией, сложным и богатым узором, прочно сохраняли свое место в быту. Технология изготовления набоек была разработана применительно к бумажным тканям — на шелку набойку не производили.

Узоры наносились деревянным штампом (*қолип*) черной и красной красками, очень прочными, несмывающимися. В старину изготовляли и многоцветную набойку на синем фоне. Ее производство требовало нескольких отдельных операций: сначала обычным путем на ткань наносили черный и красный узор, а потом места, занятые орнаментом, покрывали резервирующим составом, и ткань погружали в раствор индиго. Резерв защищал узор от проникновения синей краски, которая закрашивала только фон. Такую набойку производили в Ферганской долине и Ургуте.

Производство изделий из шерсти не выделилось из домашнего хозяйства и не превратилось в особое ремесло.

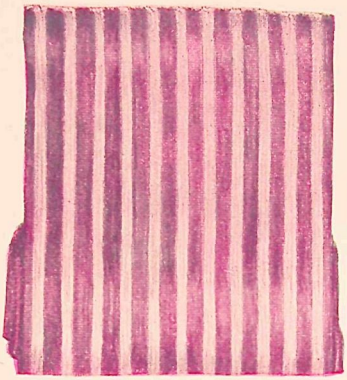
Обработкой шерсти занимались кочевые и полукочевые в прошлом группы узбеков Самаркандской и Сурхан-Дарьинской областей, в хозяйстве которых большую роль занимало овцеводство, узбеки племени туркмен Нуратинского междуречья, кыпчаки и некоторые другие группы населения Ферганской долины. Они вырабатывали ковры, паласы, шерстяную ткань (армячину), кошмы. Эти изделия были широко распространены и у оседлого сельского и городского населения Узбекистана.

Всю обработку шерсти производили женщины, которые сами окрашивали и пряли шерсть и ткали из нее различные изделия. Шерстяную пряжу выпрядали на веретене с каменным или глиняным пряслицем. Ручную самопрялку не употребляли. Шерстяные безворсовые ткани, иногда и ворсовые ковры, ткали на типичных для степных народов Средней Азии примитивных узконавойных станках, а в некоторых районах (Нурата, Фергана) ковры и паласы ткали и на широконавойных станках.

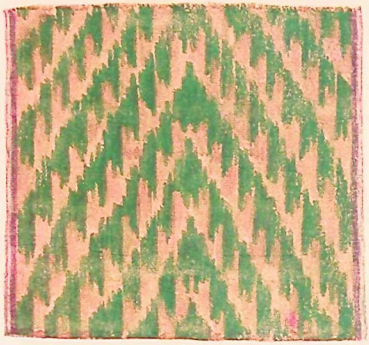
Спрос на ковры после присоединения Средней Азии к России увеличился, что усилило товарность ковроделия; ковры стали выделывать по заказу скупщиков.

Крупнейшей отраслью по обработке дерева было ремесло плотников (*дурадгорлик*). В отдельные профессии выделилось изготовление арб,

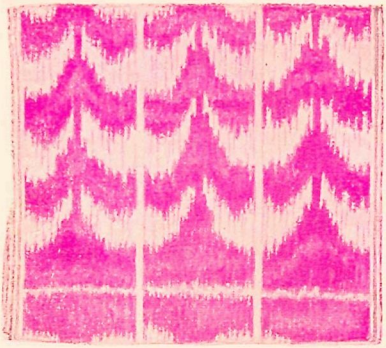
1



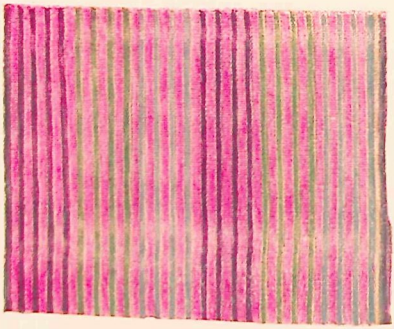
2



3



4

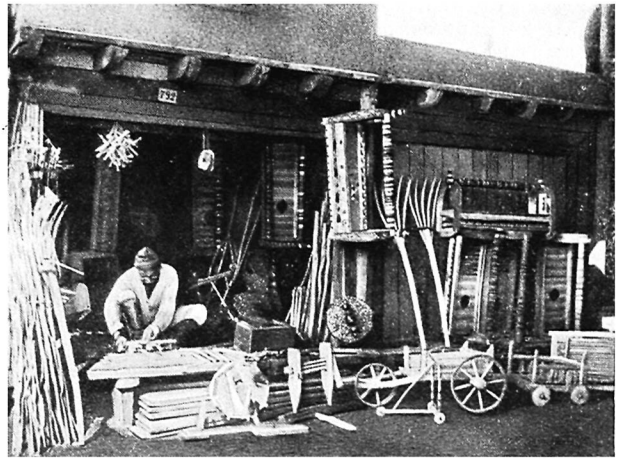


5

6

Образцы тканей узбеков и таджиков

1 — бухарский бархат «бахмал»; *2* — полосатая полушелковая ткань «алача»; *3*, *4* — полушелковая ткань «адрас» с узором «абр». Бухара; *5* — полушелковая ткань «бекасаб». Бухара; *6* — полушелковая полосатая ткань «бекасаб». Ленинабад



Мастерская деревообделочника. Бухара, 1894 г.

дверей и седел, получивших большое распространение в Средней Азии, где верховая езда была одним из основных средств передвижения. В Ташкенте, Самарканде имелись целые кварталы, населенные седельщиками. В Хорезме особой отраслью ремесла деревообделочников была постройка лодок — каюков. В каждом городе было немало токарей, изготовлявших фигурные точеные детали различных деревянных бытовых предметов. Некоторые деревообделочники специализировались на производстве колыбелей (*бешик*) традиционной формы, повсеместно распространенной во всех районах, у всех групп населения Узбекистана. Они же вырабатывали весьма оригинальные деревянные игрушки, которые продавались на праздничных базарах. Отдельные мастера специализировались на выделке деревянных гребней.

В Средней Азии, в том числе и в Узбекистане, издавна получило большое развитие гончарное производство — *кулоллик*, о чем свидетельствуют археологические раскопки. Развитым было это производство и в конце XIX в.

Гончарные изделия производили во всех городах и многих селениях. Однако сложился ряд центров этого ремесла, откуда продукцию, несмотря на неудобства ее транспортировки, вывозили в другие места или откуда выезжали для временной работы прославленные мастера.

Наряду с орнаментированной и покрытой поливой изысканной посудой в быту широко применялась простая, грубая неполивная посуда. Кувшины разнообразной формы и корчаги для воды, различные блюда и чаши, тазы для стирки белья и других надобностей производились во всех районах, в городах и селениях, так как спрос на них был очень большой. Среди неполивных изделий особо следует отметить водопроводные трубы (*қувур*) и особые кувшины (*дигир*) для водоподъемных сооружений — чигирей. Производство дигирей развито было в Хорезме. Особой отраслью гончарного ремесла было производство тандыров (*тандир*) — особых печей для выпечки хлеба, имевших вид большой корчаги без дна. Их лепили вручную из глины с примесью шерсти и высушивали без обжига. Вручную, путем наращивания глиняного жгута, изготовлялись также крупные корчаги для воды (*хум*), достигавшие метра и больше в высоту.

Остальную посуду формовали на гончарном станке (*чарх*). Он состоял из двух деревянных кругов, насаженных на одну ось, укрепленную вертикально. Мастер сидел перед станком, вращая ногами нижний круг, вместе с которым приходил в движение и верхний с лежащим на нем комком глины. Мастер очень ловко руками придавал ему при вращении желаемую форму. Иногда при этом на сосуды наносился палочкой или обломком гребня простенький орнамент. После формовки на гончарном станке лучшую посуду ангобировали. Узор наносили несколькими способами. Особенно распространена была на лучших изделиях роспись кистью (*қалам*). Иногда наряду с кистью употребляли готовые штампы (*босма*), создающие простые узоры: круги, зубцы и т. п.

После окончания формовки сосуд срезали со станка ножом или ловко снимали рукой, хорошо просушивали, затем наносили узор и глазурь, после чего обжигали в специальной гончарной печи (*хумдон*).

Глазурованную посуду изготовляли из хорошей, специально выработанной глины, иногда из смеси различных сортов ее. Хорошо перемесив глину ногами, ей давали вылежаться, прикрыв ее, чтобы она не пересохла, мокрой тряпкой.

Поливу в XIX — начале XX в. употребляли почти исключительно свинцовую, дающую ровную, совершенно прозрачную блестящую поверхность. Поташевую поливу, которая встречается на самых ранних поливных керамических изделиях, в это время почти совершенно не применяли.

Ассортимент изделий, вырабатывавшихся в различных районах и в особенности стиль их украшения, имели свои специфические черты. Известностью пользовались керамические изделия Ферганской долины, особенно кишлака Риштан, где производили высококачественную поливную посуду с тонким и строгим узором в синих тонах. В Бухарском ханстве керамику наиболее высокого качества с темно-коричневым фоном вырабатывали в большом селении Гиждуван. В Ташкенте производили поливную посуду с ярким многоцветным узором по кремовому фону. Своеобразную по форме и отделке посуду выделывали в Хорезме (особенно в селении Мадир). Она отличалась густыми сине-зелеными тонами орнамента и специфическими формами; большие глубокие чаши с вертикальными бортиками и высоким поддоном украшались строгим ритмичным узором.

В особую отрасль керамического производства выделилось производство жженого кирпича. Поливной кирпич в это время почти не производился. Его изготовляли лишь в отдельных случаях и в небольшом количестве.

В Узбекистане большое развитие получила обработка кож. Кожевенники (*кўнчи*, *чармгар*) имелись во всех городах, населяя нередко целые кварталы или даже части города. Они селились где-нибудь на окраинах городов, около болот или арыков, так как вода была им необходима при обработке кож.

Кожевенники разделялись по специальностям. Основной, дававшей наибольшее количество продукции, была выделка подошвенной кожи; из козлиной кожи изготовляли прочные верха обуви черного цвета, из воловьих шкур — кожу, известную под названием *булгори* (булгарская) — черного и красного цвета. Из бараньих кож делали мягкую белую лайку, идущую на шорные изделия и различные бытовые предметы — мешки и кошели. Выделывали также грубую, но очень прочную замшу желтого цвета, идущую на верха обуви, которую носили главным образом бедняки дехкане. Особой отраслью кожевенного производства была выделка шагреневой кожи. Такая кожа, окрашиваемая в зеленый цвет, вырабатывалась из кожи с крупа осла и лошади.

Кожи подвергались обработке в больших золильных ямах котлообразной формы и в меньших дубильных, обложенных досками. Для дубления

Кустарное производство бумаги. Коканд, 1900 г.

небольших партий кож употреблялись глиняные или досчатые чаны (*ём*). Мездра очищалась при помощи примитивных орудий — стругов и лощилок из ребра животного. Особым ножом с двумя рукоятками соскабливали со шкур шерсть.

После присоединения Средней Азии к России кустарные кожевенные мастерские существовали наряду с открытыми русскими предпринимателями кожевенными заводами. На этих заводах производилась преимущественно кожа типа булгори.

Описанными отраслями не ограничивалась деятельность узбекских ремесленников, потребности народного быта вызвали к жизни и множество других специальностей.

Специальные мастера (*сангтарош*) обтесывали камни; среди них выделялись мастера по выделке мельничных жерновов. Особые ремесленники изготовляли ремизы, челноки и станки для ткачей, вырабатывали деревянную посуду, делали деревянные части для юрт, широко распространенных в быту кочевников.

Особыми отраслями ремесла являлись помол муки, изготовление масла и других пищевых продуктов, выпечка хлеба, производство предметов одежды и украшение ее вышивкой.

В дореволюционном Узбекистане, несмотря на возникновение в ремесле новых отношений, связанных с развитием элементов капитализма, по-прежнему сохранялись средневековая цеховая корпорация и традиционная общность между членами цеха.

Пережитки архаической организации производства способствовали консервации древних фантастических представлений о происхождении ремесел, характерных для средневековья обычаев и профессиональных культов.

Каждое ремесло имело своего мифического патрона (*пир*), которому приписывалось основание данного ремесла. Под влиянием ислама в роли пиров выступали по большей части мусульманские или библейские святые, признаваемые исламом. Ной (Нух), по библейскому преданию построивший первый корабль, считался покровителем деревообделочников всех специальностей; пророк Давид (Доуд) — патроном всех металлистов.

Сказания о происхождении каждого ремесла были изложены в так называемых «рисоля», представлявших собой небольшие рукописные книжечки, которые в старину имелись у многих ремесленников, даже если они были неграмотными. Кроме предания о происхождении ремесла, в рисоля содержались различные религиозно-нравственные правила и некоторые технические указания, также облеченные в форму религиозного предписания.

Цеховой культ заключался в поклонении «духу» (*арвох*) патрона ремесла и выражался в различных жертвоприношениях, посвященных ему и имевших форму ритуальных трапез. Время от времени на собранные у членов корпорации средства устраивалось большое коллективное ритуальное пиршество (*арвоҳи-пир*), на котором поминали основателя ремесла и читали рисоля, иногда также коран (*хатми қуръон*). Кроме того, каждый ремесленник выполнял жертвенный обряд, при удаче в делах — благодарил «ниспославшего» эту удачу пира, при неудаче — просил его о помощи. Во время обряда возжигались около рабочего места для пира светильники и устраивалось ритуальное угощение товарищей по цеху, а нередко и старшины цеха. Этот обряд назывался «вознесением запаха» (*ис чиқармоқ*), так как считалось, что дым горящего в светильниках масла и запах готовившегося по этому случаю кушанья служат пищей для духов умерших, в данном случае для духа мифического патрона ремесла.

Цеховой культ проявлялся также в обряде посвящения (*анжуман фотиҳа*, *камарбаста*, *миёнбаста*), который являлся обрядом отдачи нового члена корпорации под покровительство патрона ремесла. Обряд сопровождался угощением членов цеха и одариванием как мастера, обучившего ремеслу, так и цеховой администрации, что делалось на средства получавшего посвящение ученика. Обряд посвящения, связанный с большими расходами, служил барьером, охранявшим профессиональную корпорацию от проникновения в нее посторонних. Для сыновей мастеров он был не обязателен или принимал менее обременительные формы.

Между членами корпорации сохранялись традиционные отношения; они посещали друг друга в дни семейных торжеств и траура, собирались на собрания (*анжуман*), сопровождаемые пиршеством.

* * *

После Великой Октябрьской революции положение ремесла и его роль в хозяйстве Узбекистана, а равно и положение ремесленников, в корне изменились.

На смену старому ремеслу, характеризовавшемуся карликовыми размерами производства, организованного как личное хозяйство ремесленников, пришли крупные предприятия промысловых артелей. Кооперирование ремесленников покончило с отсталыми формами феодального ремесла, с системой феодально-капиталистической эксплуатации. Промысловые артели, объединившие в сплоченный производственный коллектив разобщенных раньше мастеров, превратились в крупные предприятия, располагающие большими возможностями для повышения технической базы, внедрения новых средств производства и новых технических навыков, организации снабжения кустарей — членов артелей — сырьем и сбыта их продукции. Для них характерны новые формы обучения молодежи той или иной профессии.

Постепенно, с ростом технического оснащения и переходом на машины, кустарные артели перерастали в фабрики. Этот процесс начался еще в 30-х годах.

Ярким примером является развитие шелкоткацких артелей. Самаркандские шелкоткачи около середины 1920-х годов были организованы в кустарно-промысловую артель. Сначала каждый работал у себя дома, на

своем станке, получая от артели сырье и сдавая ей продукцию. Затем были организованы общие мастерские, а позже на базе артели создана большая шелкоткацкая фабрика им. 26 бакинских комиссаров, представляющая собой в наши дни образцовое предприятие, оснащенное современной машинной техникой. Шелк ткется на фабричных станках, из фабричной пряжи. Однако для орнаментации тканей на этой фабрике применяется наряду с машинным и старинный ручной способ перевязки основы.

В Узбекистане работает теперь множество ткацких фабрик, преобразованных за последние годы из артелей. Они вырабатывают преимущественно высокосортные шелковые ткани национального ассортимента. Немало ткацких фабрик, еще недавно бывших артелями, имеется в Маргелане, Самарканде, Намангане, Хиве, Ургуте и многих других городах и крупных селениях.

Широкое распространение самых разнообразных навыков, которыми раньше владели узкие, замкнутые группы кустарей какого-нибудь одного района, очень характерно для предприятий местной промышленности. Теперь в них наряду с традиционными местными сортами тканей освоено производство новых сортов. Особенно широко распространилась ферганская техника производства атласов, которые за годы Советской власти сделались излюбленным материалом для национальной праздничной женской одежды. Раньше эта дорогая ткань была доступна только богачам.

В системе местной промышленности работают также гончары, ножовщики, шорники, сапожники и т. д. Особым вниманием пользуются предприятия, успешно развивающие традиции национального узбекского прикладного искусства: ковроткачества, вышивки и др.

На различных предприятиях местной промышленности находят применение выработанные народом в течение многих веков технические приемы, профессиональные навыки и художественные вкусы.

Промышленность

Узбекистан является не только страной с развитым интенсивным сельским хозяйством, но и передовой индустриальной республикой.

В борьбе Коммунистической партии и Советского правительства за индустриальное развитие Узбекистана было много трудностей. Они выражались, помимо общей экономической отсталости страны, в специфических особенностях дореволюционной промышленности, сложившейся в условиях колониального царского режима. Как уже отмечалось выше, появившиеся после присоединения к России первые фабрично-заводские предприятия занимались главным образом первичной обработкой сельскохозяйственного сырья. На долю хлопкоочистительной и маслобойной промышленности приходилось в 1913 г. не менее 85% всей валовой продукции фабрично-заводской промышленности[1].

Тяжелая промышленность была представлена небольшим нефтепромыслом в Ферганской долине и полукустарным нефтеперегонным заводом, шестью мелкими электростанциями, вырабатывавшими в год 3,3 млн. квт, 14 мастерскими, изготовлявшими металлические изделия, и предприятиями по производству строительных материалов. Из всей промышленной продукции на долю тяжелой промышленности приходилось лишь 2%.

Легкая промышленность дореволюционного Узбекистана состояла из 210 хлопкоочистительных заводов, которые работали сезонно, и множества ремесленных мастерских.

Пищевая промышленность была представлена лишь несколькими маслобойными, винодельческими и винокуренными заводами, мельницами и хлебопекарнями.

---

[1] В. Я. Пеномнин. Исторический опыт строительства социализма в Узбекистане. Ташкент, 1960, стр. 42.

Характерной особенностью фабрично-заводской промышленности дореволюционного Узбекистана были небольшие размеры предприятий и их крайне низкий технический уровень, преобладание ручного малопроизводительного труда.

В своем донесении сенатору Палену, производившему ревизию Туркестанского края (1908 г.), комиссия при Туркестанском Обществе сельского хозяйства отметила: «Наше заводское по очистке хлопка производство находится в первобытном состоянии. Устаревшие конструкции машин, ненормальное поглощение ими топлива, первобытные прессы со значительными расходами на рабочую силу, отсутствие элеваторов, пневматических передаточных труб, фактическое отсутствие всякого технического и коммерческого надзора за заводами, малое количество линтерных машин, — приводят к удорожанию стоимости очистки и прессовки...»[1].

Механические двигатели промышленных предприятий были малосильными, в среднем их мощность составляла 40,4 л. с. В Ферганской долине из 25 предприятий 11 работали без механических двигателей, а в таких отраслях производства, как мыловаренная, винокуренная, шерстомоечная и известковая, их совершенно не было. Некоторые предприятия применяли в качестве двигателей силу животных. В главной из отраслей промышленности, хлопкоочистительной, из общей мощности силовых установок в 10 тыс. л. с. на долю электромоторов приходилось всего 92 л. с.

Все это свидетельствует о существовавшей крайней экономической отсталости колониального Туркестана. Географическое размещение фабрично-заводской промышленности дореволюционного Узбекистана было неравномерным. Почти вся промышленность концентрировалась в русском Туркестане, а в ханствах фабрично-заводских предприятий было очень мало. В Бухарском эмирате они имелись главным образом в Кагане, а в Хивинском ханстве — в Ургенче. В Туркестане промышленные предприятия находились главным образом в Ферганской долине, в Ташкенте и Самарканде. Там же размещались основные кадры рабочих (81,6%). В Бухарском ханстве в 1913 г. было всего 606 рабочих, в Хивинском — 373, а в дореволюционной Кара-Калпакии — 50.

Почти все рабочие из местных национальностей нанимались лишь на сезон. «Весь этот рабочий кадр, — писали Заорская и Александер, — нельзя считать исключительно связанным с заводской жизнью, — для него существуют и другие занятия. Множество туркестанских предприятий работает только часть года, в остальное время большинство рабочих освобождается от работы на заводах и фабриках и занимается или сельским хозяйством или каким-нибудь промыслом...»[2].

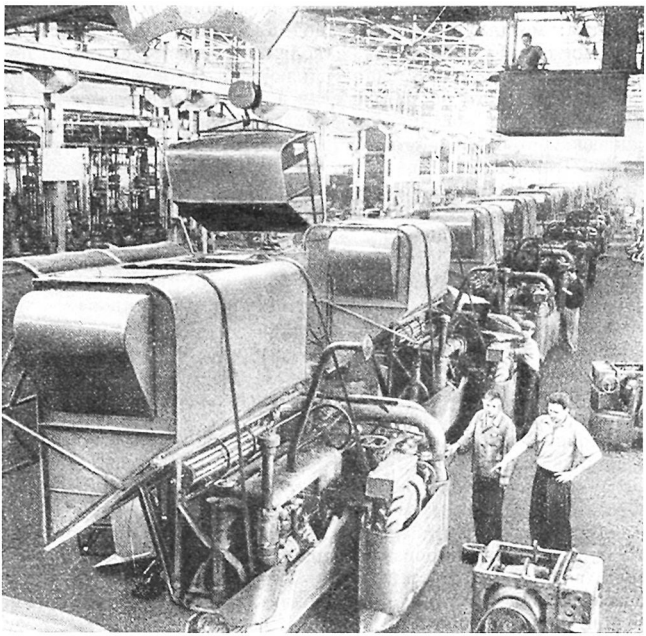
Коренные преобразования произошли в промышленности Узбекистана после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Декретами Советской власти в первые годы революции фабрики и заводы, земли, железные дороги, банки были национализированы и стали всенародным достоянием.

Однако в годы гражданской войны и борьбы с иностранной интервенцией (1918—1920 гг.) и без того слабо развитая промышленность Туркестана пришла в окончательный упадок. Количество ее основного сырья — хлопка резко сократилось вследствие упадка хлопководческого хозяйства. В этот период основную роль в полеводстве стали играть продовольственные культуры. Промышленные предприятия и транспорт из-за нарушения связи с Баку перестали получать топливо (нефть). Выработка угля на среднеазиатских рудниках уменьшилась на 80 %. В полный упадок пришло энергетическое хозяйство.

---

[1] «Туркестанское сельское хозяйство», 1911, № 4, стр. 182.

[2] В. В. Заорская и К. А. Александер. Промышленные заведения Туркестанского края, ч. II. Пг., 1915, стр. 29.



Конвейер общей сборки хлопкоуборочных машин. Завод «Ташсельмаш»

С завершением гражданской войны и переходом к мирному строительству в Узбекистане развернулась борьба Коммунистической партии за индустриализацию. Уже в 1925-26 хозяйственном году валовая продукция промышленности УзССР достигла 79,4% довоенного (1913 г.) уровня. Наряду с восстановлением промышленности в Узбекистане шло строительство новых фабрик и заводов; на базе новейшей техники были реконструированы и расширены ранее существовавшие мелкие предприятия.

К концу первой пятилетки (1931 г.) в Узбекистане действовало уже 55 крупных промышленных предприятий, была создана основа тяжелой индустрии: энергетической, металлообрабатывающей, нефтяной, химической, строительной; построена первая очередь Текстильного комбината в Ташкенте, полностью переоборудована хлопкоочистительная промышленность. В годы следующих пятилеток вступили в строй такие крупные предприятия, как Чирчикский электрохимический комбинат, Чирчикская ГЭС, вторая очередь Ташкентского текстильного комбината, Ферганский текстильный и Маргеланский шелковый комбинаты.

Возросла добыча нефти, цветных и редких металлов; в районе Алмалыка стал строиться медеплавильный комбинат. Выпуск промышленной продукции в 1940 г. по сравнению с 1913 г. увеличился в 7,2 раза, выработка электроэнергии — в 150, добыча нефти — в 11 раз, металлообработка и машиностроение — в 63 раза.

В годы Великой Отечественной войны в предельно сжатый срок промышленность республики была перестроена на военный лад. В Узбекистане было размещено более 90 крупных промышленных предприятий, эвакуированных из прифронтовых районов.

В эти суровые годы в республике появились новые промышленные предприятия: металлургический завод в Беговате, три обогатительных предприятия вольфрамовых руд, завод алюминиевых сплавов, построено шесть гидроэлектростанций, шло грандиозное строительство Фархадской ГЭС, построены шахты по добыче угля и т. д. Были созданы новые отрасли промышленности — станкостроение, тяжелое машиностроение, электротехническая промышленность, цветная и черная металлургия и др. Благодаря этому в отраслевой структуре промышленности УзССР произошли резкие изменения. Удельный вес тяжелой промышленности поднялся до 47,3% в 1945 г. против 13,3% в 1940 г. Значительно выросла численность рабочих и поднялся удельный вес женских кадров, составив почти половину всех работников.

Перебазирование в республику крупных промышленных предприятий оказывало положительное влияние на рост квалифицированных рабочих кадров из узбеков. Прибывшие с эвакуированными предприятиями в Узбекистан высококвалифицированные рабочие и инженерно-технические кадры — русские, украинцы, белорусы и другие — обучали различным индустриальным профессиям узбеков и лиц из других местных национальностей.

Важнейшим источником пополнения промышленных предприятий квалифицированной рабочей силой в годы войны явились школы фабрично-заводского обучения, ремесленные и железнодорожные училища Государственных трудовых резервов, созданные еще в 1940 г. В годы войны школы трудовых резервов республики дали народному хозяйству свыше 70 тыс. квалифицированных рабочих. Кроме того, вузы УзССР в период войны подготовили более 14 тыс. инженеров и других специалистов высшей квалификации, а техникумы более 12 тыс. специалистов со средним образованием.

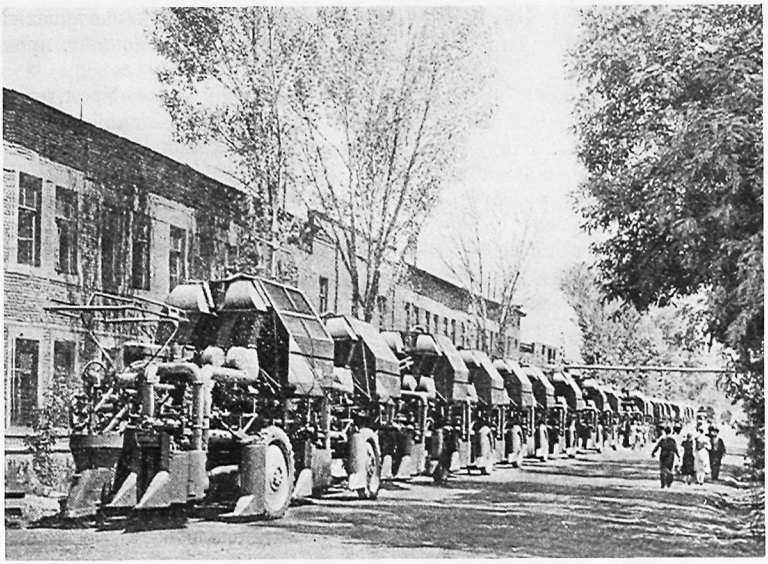
В послевоенные годы продолжался непрерывный рост промышленности Узбекистана. В настоящее время в ведении республиканского совнархоза имеются сотни крупных, средних и мелких промышленных предприятий.

Бурное развитие промышленности изменило весь облик республики. Выросли новые промышленные центры — Беговат, Ангрен, Чирчик, Андижан, Кувасай, Янги-Юль, Алмалык, Мирзачуль и т. д. В настоящее время крупная промышленность имеется во всех областях республики. Тяжелая промышленность дает около половины всей промышленной продукции современного Узбекистана.

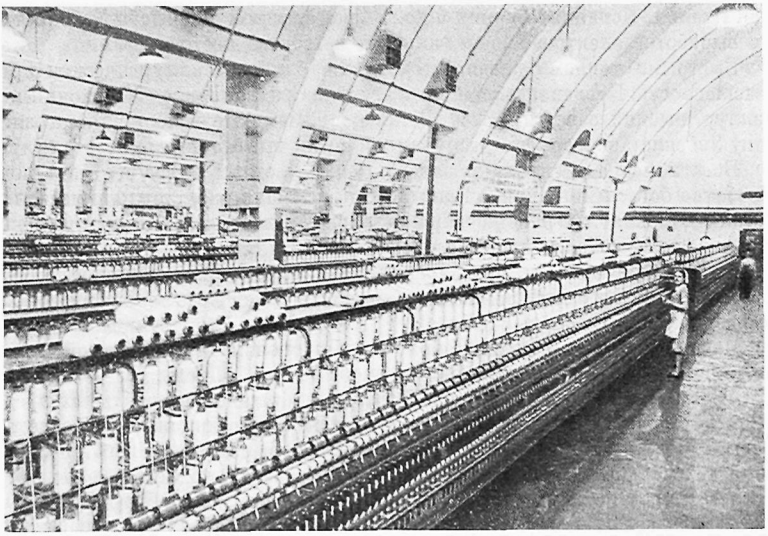
В особенности быстро развиваются такие ведущие отрасли тяжелой индустрии, как энергетика, горнорудная, химическая, машиностроительная, топливная промышленность, а также промышленность строительных материалов.

Узбекистан располагает богатейшими запасами газа, угля и нефти. «Узбекским Донбассом» называют Ангренский угольный бассейн, находящийся в 100 км от Ташкента и являющийся одним из крупнейших в Средней Азии. Второй угольный бассейн республики — Шаргуньский — создан на юге в Сурхан-Дарьинской области. Нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая промышленность в значительной мере удовлетворяет внутрихозяйственные потребности республики. За годы Советской власти в Ферганской долине созданы крупные нефтепромыслы — Андижан, Палванташ, Южный Аламышик, Ходжиабад. Открыты новые нефтяные месторождения в той же долине, а также Бухарский нефтяной район.

Богатейшие запасы природного газа были обнаружены в Бухарско-Хивинском районе, в Сурхан-Дарьинской области, в Ферганской долине и других районах Узбекистана. Наиболее крупным из них является Газлинское месторождение в районе Бухары, которое будет обеспечивать газом не только большую часть Средней Азии и Казахстана, но и



Готовые хлопкоуборочные машины, изготовленные заводом «Ташсельмаш»



Общий вид прядильного цеха Текстильного комбината в Ташкенте

крупнейшие промышленные центры Урала. В 1965 г. в Узбекистане будет добываться до 18,5 млрд. куб. м газа, что составит около 60% топливного баланса республики. Крупнейшим в республике является завершенный в 1960 г. газопровод Джаркак — Бухара — Самарканд — Ташкент, протяженностью 650 км.

Началось сооружение новой газовой магистрали Бухара — Урал, протяженностью свыше 2 тыс. км. В 1963—1965 гг. получат узбекский газ Челябинск и Свердловск. Это укрепит экономические связи Узбекистана с крупными промышленными районами Урала.

На базе топливных ресурсов (особенно гидроэнергоресурсов) в огромных размерах выросло энергетическое хозяйство Узбекистана. Самые крупные энергетические сооружения воздвигнуты на Чирчик-Бозсуйском водном тракте в Ташкентской области, где расположен один из крупнейших гидроэнергетических каскадов страны. В послевоенный период узбекским и таджикским народами на территории Таджикистана построена самая крупная в Средней Азии Кайраккумская ГЭС «Дружба народов», пущены в действие первые агрегаты крупнейшей Ангренской ГРЭС, первая очередь ТЭЦ Ферганского нефтеперерабатывающего завода и др. Выстроены сотни колхозных и межколхозных электростанций. Всего в Узбекистане насчитывается более 1000 электростанций.

К концу семилетия будет завершено строительство Ангренской ГРЭС мощностью 600 тыс. квт., Чарвакской электростанции на р. Чирчик, Тахиа-Ташской ГРЭС, вступят в строй первые очереди Ташкентской и Навоинской теплоэлектростанций, базирующихся на природном газе.

По сравнению с дореволюционным периодом Узбекистан производит электроэнергии больше в 1219 раз. В 1960 г. один только прирост производства электроэнергии в полтора раза превысил всю ее выработку в республике в 1940 г. В настоящее время на душу населения приходится 480 квт.ч электроэнергии. Это значит, что по производству электроэнергии на душу населения республика значительно превосходит такие страны, как Италия, Испания, Турция и др. В общесоюзном масштабе Узбекистан по выработке электроэнергии занимает четвертое место.

Быстрыми темпами развивается в республике металлургическая промышленность. Первенец черной металлургии Средней Азии—Узбекский металлургический завод им. В. И. Ленина в г. Беговате — поставляет хозяйству Узбекистана и другим республикам сотни тысяч тонн стали и проката.

Богаты недра республики запасами руд цветных и редких металлов. Особенно богат ими район Алмалыка, где успешно работает полиметаллический комбинат. В районе Чирчика завершается строительство Средне-Чирчикского плавико-шпатового комбината и Наугарзанского рудника в Ташкентской области. По запасам меди Узбекистан занимает третье место в СССР и к концу семилетки по производству меди, свинца и цинка выйдет на одно из первых мест.

Машиностроение и металлообработка, являющиеся сердцевиной тяжелой промышленности республики, созданы только за годы советской власти. В Узбекистане имеется более 90 крупных машиностроительных предприятий, среди которых особо выделяются «Ташсельмаш», «Узбексельмаш», «Чирчиксельмаш», «Таштекстильмаш»—одно из крупнейших предприятий текстильного машиностроения в Союзе, заводы подъемно-транспортного машиностроения, экскаваторный, горно-шахтного оборудования и более 200 механических заводов и мастерских. Направление развития сельхозмашиностроения определяет хлопководство. Республика производит тракторы и автоприцепы, хлопкоуборочные, куракоуборочные и гузокорчевальные машины, ворохоочистители, хлопковые сеялки, культиваторы, опылители и опрыскиватели, удобрители, сенокосилки, окучники, машины для борьбы с сельхозвредителями, для ирригации и мелиорации, быстроходные прядильные и ровничные машины, а также оборудование

для хлопкоочистительной, шелкообрабатывающей и других отраслей промышленности. В Узбекистане изготовляются 98% всех производимых в СССР машин для посева, обработки и уборки хлопка и значительное количество прядильных.

Детищем Советской власти в республике является химическая промышленность, также связанная с развитием хлопководства. Еще в предвоенные годы появились Кокандский и Каганский тукосмесительные заводы, производящие туковые смеси минеральных удобрений, крупнейший в стране Чирчикский электрохимический комбинат по производству азотных удобрений. Огромное значение в народном хозяйстве УзССР имеют Кувасайский химзавод, Самаркандский суперфосфатный, Андижанский, Ферганский, Янги-Юльский гидролизные заводы, производящие технический спирт из хлопковой шелухи, заводы лакокрасок, химико-фармацевтический, содовый, серный и др. Сооружается химический комбинат в г. Навои. Открытие в республике неисчерпаемых запасов природного газа создает колоссальные возможности для развития «большой химии», для выпуска новых, совершенных и дешевых средств производства и предметов народного потребления.

Кокономотальный автомат. Маргеланская шелкомотальная фабрика

Узбекистан в настоящее время имеет развитую промышленность строительных материалов. Производятся в большом количестве цемент, известь, кирпич, черепица, асбошифер, асбестовые и керамические трубы, оконное стекло, шлакоблоки, гипсоблоки, разные железобетонные конструкции и т. д.

В республике за период Советской власти построено три цементных завода — Хилковский, Ангренский, Кувасайский, входит в строй четвертый — Ахангаранский. Созданы крупные заводы по производству сборных конструкций. В Ташкенте сооружен домостроительный завод мощностью 100 тыс. кв. м жилья в год. В ближайшие годы все области будут иметь предприятия по производству строительных материалов и домостроительные заводы, что позволит значительно повысить темпы сооружения жилых домов.

Успешный рост социалистического сельского хозяйства в республике дает возможность развиваться отраслям легкой и пищевой промышленности. Узбекистану принадлежит первое место в Советском Союзе по производству хлопкового волокна, волокна джута и кенафа, хлопкового масла, а также шелка-сырца. Легкая промышленность насчитывает в настоящее время более 500 предприятий. Ее важнейшие отрасли следующие: хлопкоочистительная, текстильная, шелкообрабатывающая, трикотажная, обувная, кожевенная, лубяная. Наиболее мощные заводы размещены

Делегаты Узбекской ССР
на XII съезде профсоюзов СССР в Кремле

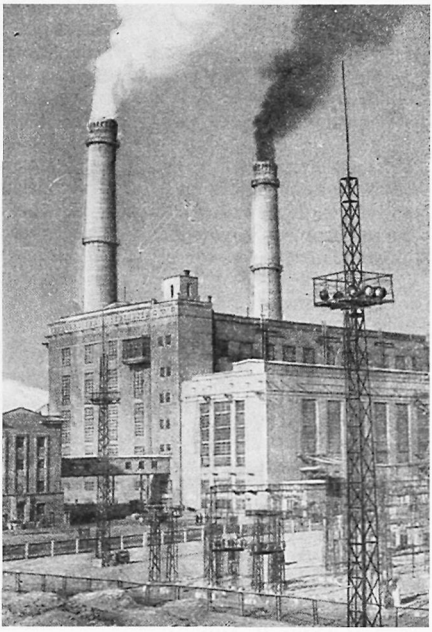
в Ташкентской области и Ферганской долине. Крупнейшие в республике Ташкентский и Ферганский текстильные комбинаты, Маргеланский шелковый комбинат и другие являются гордостью узбекского народа.

В республике насчитывается более 200 маслобойных, мясоперерабатывающих, консервных, фруктоперерабатывающих, винодельческих, рыбных, чаеразвесочных, мукомольно-крупяных, макаронных, кондитерских, хлебопекарных, молочно-маслодельческих, спирто-водочных, пивоваренных, табачных и других предприятий. На базе единственного в Союзе совхоза сахарного тростника в Сурхан-Дарьинской области в 1949 г. было начато производство рома. Предприятия пищевой промышленности Узбекистана вырабатывают продукцию самого широкого ассортимента. Сотни миллионов банок разнообразных консервов — овощных, фруктовых, мясных и рыбных, а также традиционные для узбеков сухие фрукты направляются во все районы страны, на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток. Прославился Узбекистан своими замечательными десертными винами.

Продукция промышленности Узбекистана успешно реализуется не только во многих районах Советского Союза. В настоящее время Узбекистан вывозит изделия своей промышленности (оборудование текстильных предприятий, сельскохозяйственные машины для хлопководства и др.) во многие зарубежные страны, в том числе и в страны Востока.

За годы Советской власти коренные изменения произошли в рабочем классе Узбекистана. В то время как до революции в промышленности Узбекистана занято было всего около 18 тыс. рабочих, в 1960 г. их насчитывалось свыше 300 тыс. Значительная часть рабочих местных национальностей — потомственные. По сравнению с дореволюционным периодом в корне изменился характер участия в производстве рабочих-узбеков; квалифицированные рабочие и инженерно-технический персонал составляют среди них теперь не меньший процент, чем в среде русских. Большинство рабочих имеют семилетнее, среднее и специальное техническое образование. Многие рабочие, окончив высшие учебные заведения, работают мастерами, инженерами и т. п. Процесс повышения культурно-технического уровня рабочего класса Узбекистана наиболее ярко виден на примере одного из крупнейших предприятий республики — Чирчикского электрохимического комбината, где в 1960 г. учился каждый второй рабочий, служащий, инженерно-технический работник. Этому способствует наличие в г.Чирчике школ рабочей молодежи, трех техникумов, ве-

чернего отделения Среднеазиатского политехнического института, заочного отделения Всесоюзного политехнического института. Учеба там одно из обязательных условий соревнования между цехами. Не менее успешно осуществляется охват учебой рабочих на заводах сельхозмашиностроения: в 1959 г. здесь учился каждый третий человек, в том числе около 600 — в техникумах, около 200 — в вузах. Таким образом, тысячи рабочих Узбекистана, сочетая производственную работу с учебой, получают законченное среднее или высшее образование, становятся высококвалифицированными специалистами.



Ангренская ГРЭС

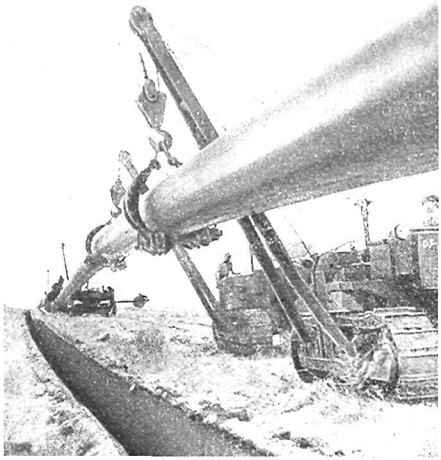
Практикуется по-прежнему и метод индивидуального обучения новичков опытными рабочими. В отличие от первых лет социалистического строительства, когда учителями были преимущественно русские рабочие, теперь нередко кадровые высококвалифицированные рабочие-узбеки передают свой опыт молодым рабочим разных национальностей, в том числе и русским. Некоторые квалифицированные рабочие-узбеки, обучая молодежь индивидуально, работают также преподавателями, инструкторами на курсах по подготовке кадров в технических учебных заведениях, на курсах повышения квалификации и пр.

Вместе с повышением культуры производства, с широким внедрением современной техники и ростом квалификации рабочих-узбеков, развивалась и их творческая инициатива. Замечательных производственных успехов достигли новаторы производства. Среди металлургов, нефтяников, ткачей и других немало героев социалистического труда. Большой вклад в повышение технического уровня производства вносят рабочие-рационализаторы и изобретатели, предложения которых дают экономический эффект, исчисляемый ежегодно десятками миллионов рублей.

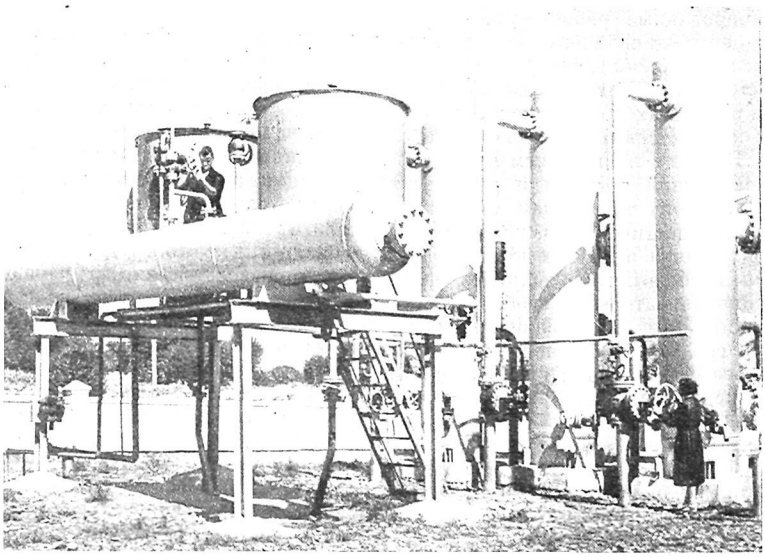
Огромное значение для усовершенствования производственных процессов и повышения производительности труда имеет патриотическое движение современности за коммунистический труд. В 1961 г. в промышленности Узбекистана боролось за звание бригад, смен, участков и цехов коммунистического труда 12 тыс. коллективов. Пяти предприятиям и двум с половиной тысячам бригад и участков было присвоено это почетное звание[1].

Коренным образом изменился и быт узбекских рабочих. Забота Коммунистической партии и Советского правительства об организации

[1] См. доклад первого секретаря ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидова на XVI съезде Коммунистической партии Узбекистана. «Правда Востока», 27 сентября 1961 г.



Прокладка газопровода из Бухары в Ташкент, 1960 г.



Автоматическая газораспределительная станция в Самарканде

производственного и домашнего быта рабочих ярко отражена в жизни промышленных предприятий Узбекистана.

В настоящее время предприятия республики размещены в новых светлых корпусах, оснащены первоклассным оборудованием. Широкое на основе электрификации внедрение механизации и автоматизации технологических процессов уничтожило тяжелые и вредные для здоровья профессии, всемерно улучшило условия труда.

Повсюду на предприятиях организовано общественное питание — общезаводские и цеховые столовые и буфеты. Учитывая национальные вкусы рабочих-узбеков, предприятия имеют также чайханы, как общезаводские, так и в цехах; в состав меню столовых, буфетов и чайхан включаются национальные кушанья узбеков, которые пользуются неменьшим успехом также и среди русских рабочих.

На предприятиях обеспечена медицинская помощь в виде здравпунктов при цехах, общезаводских амбулаторий, поликлиник и больниц, устроены душевые и другие разнообразные учреждения по обслуживанию рабочих. Ежегодно на средства соцстраха лечатся на курортах тысячи рабочих и служащих, занятых в промышленности. На многих фабриках и заводах Узбекистана организованы ночные санатории и профилактории.

Общественность промышленных предприятий уделяет большое внимание не только технической учебе и улучшению условий труда. Систематически ведется и разнообразная политическая и культурно-массовая работа, целью которой является повышение общего культурного уровня рабочих. В заводских клубах читаются лекции, устраиваются тематические выставки, демонстрируются кинофильмы, организуются экскурсии, проводятся вечера художественной самодеятельности, широко развиты другие формы культурной работы и т. д. Клубы на промышленных предприятиях представляют собой своеобразные «цеха культуры». В крупных промышленных районах они перерастают в грандиозные дворцы культуры. Так, для рабочих Чирчикского электрохимического комбината построен замечательный дворец культуры химиков со зрительным залом на 850 мест, с особыми читальным и спортивным залами, библиотекой, специальными помещениями для работы кружков; закончено строительство большого плавательного бассейна и т. д.

Таким образом, промышленность современного Узбекистана в корне отличается от дореволюционной, в структуре которой большую роль играло ремесло, основанное на ручном труде, а имевшая незначительный удельный вес фабрично-заводская промышленность была крайне примитивной и отсталой.

Современная промышленность Узбекистана, представленная всеми отраслями индустрии, оснащена передовой техникой; она организована в форме крупных предприятий и комбинатов, обеспеченных квалифицированными кадрами, и является высоко развитой специализированной социалистической промышленностью.

Транспорт

Узбекистан, как и вся Средняя Азия, с древнейших времен находился на скрещении торговых путей, связывающих Восток с Западом. Вследствие ограниченности водных путей и преобладания обширных пустынных и частично гористых мест здесь в течение многих столетий крупную роль играли грунтовые дороги, вьючный караванный или колесный способ передвижения и переезды верхом. Вплоть до Октябрьской социалистической революции сохранялся караванный способ передвижения; им широко пользовалось местное население для переездов на более или менее значительные расстояния. Караван состоял из нескольких десятков, а иногда и нескольких сот навьюченных различным грузом верблюдов, привязанных друг к другу своими поводьями и образующих длинную вереницу, во главе которой ехал на осле или лошади

карвонбоши (вожак каравана). Караванные пути нередко пролегали через огромные безлюдные и безводные пустыни. На караванных путях находились караван-сараи, в которых останавливались и производили свои торговые операции караванщики. Важнейшим средоточием таких путей на территории Узбекистана были: Хорезмский оазис, откуда расходились дороги на север — в Казалинск, Перовск и Иргиз, на запад — к побережью Каспийского моря и в Астрахань, на юг — в Ашхабад, Мерв и Бухару и на восток — в Ташкент и Джизак; важным центром караванного пути был г. Бухара, к которому с севера подходил кратчайший путь из Казалинска, с запада и востока — колесные дороги из Кара-Куля, Кермине и Самарканда, а с юга — из Карши. В Ташкенте сходились две самые важные во всей Средней Азии караванные дороги, соединявшие ее, с одной стороны, с Оренбургом, а с другой — с Верным (Алма-Ата) и Семипалатинском. Караваны шли и за пределы Средней Азии, в Россию и соседние страны Востока — Иран, Китай, Афганистан.

Все культурные оазисы, особенно такие густонаселенные районы как Ферганская долина и другие, были изрезаны множеством колесных дорог. Они пролегали в большинстве по лёссовым и глинистым почвам, шли через пески, часто пересекались арыками и мелкими канавами без мостов. Дороги эти были узкими, очень пыльными летом и чрезвычайно грязными зимой. Мало чем отличались от них и улицы городов. К таким труднопроходимым дорогам и была приспособлена узбекская двухколесная повозка — арба (*арава*). У среднеазиатской арбы — неподвижные, массивные оглобли, диаметр колес иногда доходит до двух метров. В Узбекистане были известны и сейчас встречаются два основных типа арб. Первый — так называемая хорезмская арба — типичен для Хорезмского оазиса; второй — кокандская арба — широко распространен в центральных районах республики. Судя по археологическим находкам из Аму-Дарьинского клада и по данным древних и средневековых авторов, хорезмский тип арбы является более древним [1]. Она тяжелее кокандской и массивнее, имеет более широкие ободья колес и спицы, причем ободья ее не гнутые, а составлены из скрепленных между собой, закругленных путем обтесывания деревянных брусков. Хорезмский арбакеш сидит не верхом на запряженной лошади, как это принято в центральном Узбекистане, а на передке арбы.

В крупных городах арбакеши раньше объединялись в цеховые организации. Арба, в зависимости от животного, запрягаемого в нее (лошадь или осел), бывает больших или малых размеров. На арбе для перевозки людей, особенно на дальние расстояния, устанавливалось нарядно разукрашенное перекрытие, служившее защитой от палящего солнца.

Теперь арба используется как подсобный транспорт при перевозке некоторых грузов (овощей, дынь и др.), для чего на ней устанавливается высокий решетчатый или круглый плетеный из прутьев короб.

В городах и в сельских местностях очень распространено было передвижение верхом на лошади и осле. Использовали для верховой езды также верблюдов и мулов. Седла делали деревянные, склеенные из множества частей; они отличались высокой передней лукой и широкой приподнятой задней. Часто ленчики седел покрывали художественной росписью и украшали инкрустацией из рога. Уздечку украшали металлическими бляхами.

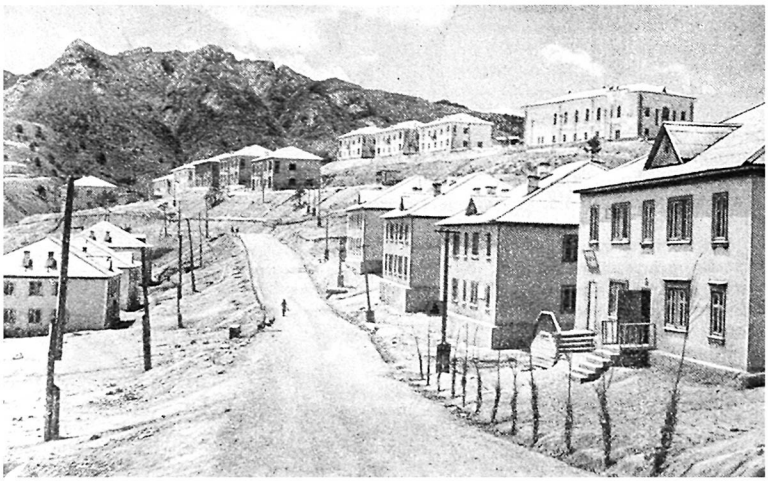
Для езды на верблюдах и ослах применялись мягкие седла из войлока и армячины. При дальних переездах верхом или поездках на базар использовались переметные сумы — *хуржун*, вытканные из шерсти и богато орнаментированные.

К древнему виду транспорта в Узбекистане, судя по археологическим

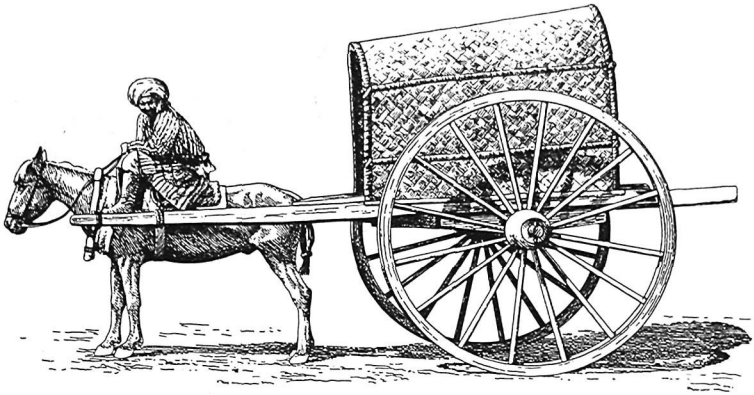
---

[1] В. В. Бартольд. О колесном и верховом движении в Средней Азии, «Записки Ин-та востоковедения АН СССР», т. VI. М—Л, 1937, стр. 6.

Клуб горняков в Ангрене



Рабочий поселок Алтын-Топканского рудоуправления



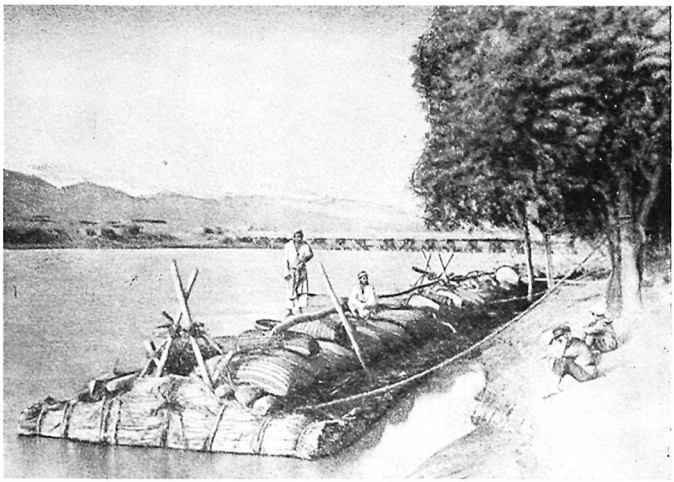
1

2

3

Основные типы арб у народов Средней Азии

1 — узбекская арба кокандского типа; *2* — узбекская арба хорезмского типа; *3* — каракалпакская телеген-арба

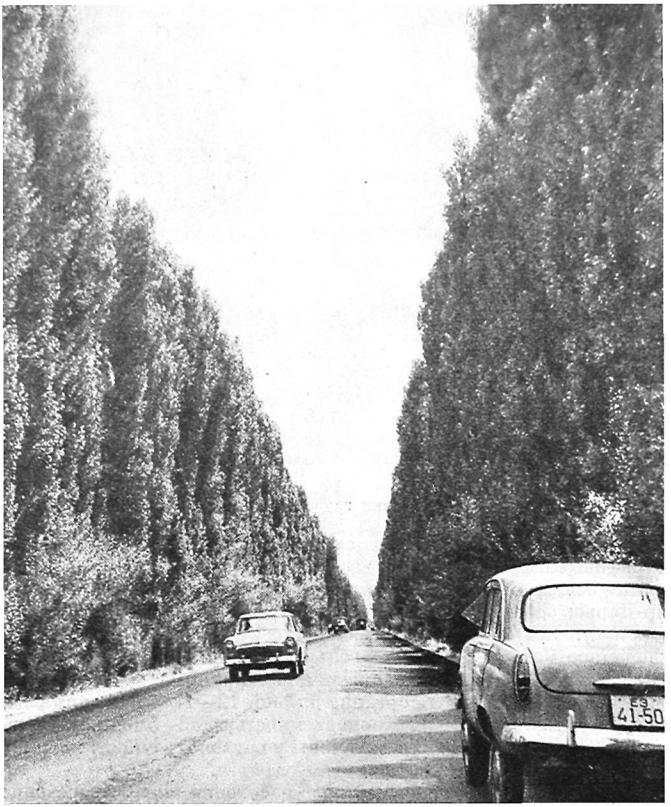


Камышовый плот для перевозки грузов. Ферганская область, 1894 г.

данным, принадлежит водный транспорт, хотя его роль в силу естественно-географических условий была весьма ограниченной. Судоходство было возможно в основном лишь на двух крупных реках — Аму-Дарье и частично Сыр-Дарье; основным транспортным судном был каюк местного типа. Каюк (*ҡайиҡ, кема*) представлял собой плоскодонное беспалубное судно, оборудованное мачтой с четырехугольным большим парусом, веслами и шестами. Каюки бывали разной величины: крупные, длиной до 25 м с грузоподъемностью 50—60 т, средние длиной 12—17 м, поднимавшие до 16 тонн груза, и маленькие—с грузоподъемностью до 3—5 тонн. Численность команды каюка зависела от его величины и грузоподъемности: 4—16 человек во главе с судоводителем, называемым *дарга*.

Огромное значение в жизни местного населения имело проведение железных дорог, построенных после присоединения Средней Азии к России — Закаспийской, а затем Ташкентской. Железнодорожные линии пересекли всю Среднюю Азию, от Красноводска на берегу Каспийского моря до Оренбурга. Железнодорожные ветки образовали кольцо, связав города Ферганской долины; они протянулись от Кагана через территорию южного Узбекистана до Термеза. Большинство прежних караванных путей утратили свое былое значение. Железные дороги, проведенные в глубь края, укрепляли господство царизма, но вместе с тем упрочили связи Туркестана с промышленными районами России. Накануне Октябрьской революции все крупные города Узбекистана уже были соединены железными дорогами, что способствовало развитию производительных сил страны и росту товарооборота. Среднеазиатские железные дороги еще в 1913 г. по использованию подвижного состава для перевозки пассажиров и грузов не уступали передовым европейским странам.

После присоединения Средней Азии к России появляются новые виды городского транспорта. В Ташкенте появился конный трамвай, а позже электрический. По улицам города разъезжали парные и одноконные фаэтоны. Велосипеды также впервые появились здесь еще в дореволюционное время, они получили название у местных жителей *шайтон-арава* (чертова арба). Однако в пользование транспортом колониальные



Автомобильная дорога Ташкент — Коканд

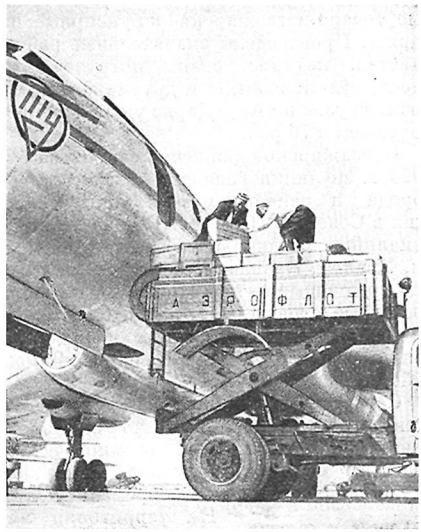
власти ввели правила, свидетельствующие о национальном неравноправии. Местному населению не разрешалось ездить в вагонах первого класса поездов, конок и трамваев.

Рост производительных сил вызвал необходимость учреждения на Аму-Дарье пароходного сообщения. В 1887 г. была создана амударьинская флотилия. В ее распоряжении в 1913 году имелось шесть пароходов, два паровых катера, тринадцать барж-нефтехранилищ, один паровой баркас и два железных каюка. Этот транспорт перевозил людей, казенные и частные грузы. Автомобильного транспорта в дореволюционное время почти не было, во всем Туркестане имелось лишь несколько легковых автомобилей, принадлежавших краевой администрации и частным лицам. Большое значение имело проведение грунтовых дорог. В этот период появляются самаркандский, оренбургский, каршинский и другие почтовые тракты, оборудованные станциями.

В годы Советской власти стали широко развиваться все виды современного транспорта.

Особенно быстро стал развиваться железнодорожный транспорт. Построены новые железнодорожные линии и вторые пути; железные дороги

оснащены современной прогрессивной техникой. Самой крупной и важной из числа построенных за последние годы является линия Чарджоу — Кунград, связавшая Кара-Калпакскую АССР, Хорезмскую и Ташаузскую области с промышленными и административными центрами среднеазиатских и других братских республик. Старые дороги были реконструированы, на линиях стали курсировать мощные локомотивы, тепловозы, благоустроенные цельнометаллические вагоны для пассажиров; тяжелые и трудоемкие работы, связанные со строительством дорог и перевозкой грузов, были механизированы. На таких крупных железнодорожных станциях, как Ташкент, Урсатьевская, Коканд, Андижан, Самарканд и другие, построены благоустроенные вокзалы.



Отправка фруктов самолетом ТУ-104 с Ташкентского аэропорта

Автомобильный транспорт в современных условиях играет решающую роль в народном хозяйстве и жизни населения. В распоряжении каждого колхоза имеются десятки грузовых и легковых автомобилей. Нередко на благоустроенных улицах колхозных селений и городов республики можно встретить легковые машины отечественных марок, находящиеся в личной собственности трудящихся. Мотоциклы и велосипеды стали обычным предметом в быту сельского и городского населения.

Однако все же наряду с автотранспортом в некоторых отдаленных от центра, преимущественно горных, районах продолжает играть немаловажную роль гужевой и вьючный транспорт, используемый главным образом для хозяйственных нужд.

Массовым средством передвижения в Ташкенте, Самарканде и других городах стали трамваи, троллейбусы и комфортабельные автобусы новых марок. Последние курсируют по улицам всех крупных городов. Большим удобством служат для жителей Ташкента, Самарканда, Намангана, Бухары, Ургенча, Термеза и других городов, основные улицы которых покрыты асфальтом, легковые и грузовые такси. Все областные, районные центры и населенные пункты, включая сельские местности, связаны между собой регулярным автобусным сообщением. В каждом городе имеются свои автопарки, автостанции для пассажиров.

Быстрому росту автотранспорта соответствовало и быстрое развитие строительства дорог с твердым покрытием. Только, например, за период 1950—1955 гг. протяженность автодорог с черным и гравийно-промасленным покрытием увеличилась более чем в 11 раз. Значительную роль в улучшении связи между отдельными областями республики сыграли построенные за годы Советской власти Большой узбекский, Ферганский, Зеравшанский, Сурханский и другие тракты.

Коренным образом изменился речной транспорт. Очень редко можно встретить теперь на Аму-Дарье и Сыр-Дарье архаические суда — каюки.

Судоходство полностью реконструировано, введены в эксплуатацию новые товаро-пассажирские и буксирные пароходы, теплоходы и крупные баржи. Произведены значительные работы по улучшению берегового хозяйства, механизированы погрузочно-разгрузочные работы, внедрены электрифицированные и другие автоматические судоходные знаки. Перевозка грузов по Аму-Дарье уже в 1940 г. по сравнению с 1913 г. возросла более чем в 76 раз.

Пассажирское движение самолетов в Узбекистане впервые началось в 1924 г. по линии Ташкент—Алма-Ата. Теперь авиалиниями связаны все города и районы республики. Ташкент стал одним из крупнейших в Советском Союзе узлом воздушных сообщений. Здесь скрещиваются авиалинии, соединяющие республики Средней Азии с Москвой, Поволжьем, Уралом, Кавказом. Через узбекскую столицу пролегают международные воздушные пути в Индию, Афганистан, Бирму, Индонезию и другие восточные страны. В Ташкентском аэропорту имеется прекрасный, облицованный розовым камнем аэровокзал, самый крупный и благоустроенный в Средней Азии. Все шире применяется авиация в сельском хозяйстве.

Серьезное внимание уделяется подготовке кадров для транспорта. В стенах Ташкентского Института железнодорожного транспорта, машиностроительного техникума, в многочисленных автошколах и кружках ДОСААФ молодежь получает специальные знания, необходимые для обслуживания всех видов современного транспорта.

Города и селения

На территории Узбекистана — в стране древней культуры оседлого земледелия, сочетавшегося со скотоводческим хозяйством кочевой степи, — издавна процветали многочисленные города, которые являлись центрами оживленной торговли. Они были расположены главным образом в густонаселенной полосе оазисов или на стыке оазисов со степью. Каждый город представлял собой центр определенного экономического района, тяготевшего к нему.

В наиболее крупных городах осуществлялась широкая торговля между отдельными областями Средней Азии, а также торговля последней с сопредельными странами. В многочисленных городах меньшего значения происходил обмен продукции, вырабатываемой жителями степей и оазисов или населением разных районов, в хозяйстве которых имелись специализированные отрасли, производившие продукцию для рынка.

Многие города уже в средние века превратились в крупнейшие центры торговли, в них появились многочисленные и, как правило, специализированные базары, сложились традиционные формы торговых сделок и организации всего процесса торговли.

Обширны и благоустроены были базары столицы Бухарского ханства. Торговые ряды занимали здесь все улицы центральной части города, захватывая также и многие боковые улицы всего этого района. Каждый ряд состоял из множества лавок, где шла торговля одним видом товаров; нередко ряд занимал целую улицу. На перекрестках были расположены пассажи и лавки со складскими помещениями (*тоқи заргарон*—пассаж ювелиров, *тоқи саррофон* — пассаж менял и др.).

О размахе торговли Ташкента свидетельствуют размеры главного городского базара, где в основном сосредоточивалась торговля промышленными товарами. Согласно спискам налогового обложения торговцев, в 1873 г. здесь имелось 2292 лавки. Базары меньших размеров были разбросаны по другим частям города. Большую роль играла здесь, как и во всех других городах, торговля русскими фабричными тканями, расходившимися отсюда по всей стране — Ташкент превратился в важный перевалочный пункт. Он имел громадное значение для всей Средней Азии как центр транзитной торговли. Это значение Ташкента особенно усилилось после проведения железной дороги.

В Ферганской долине выделялся по величине и по торговым оборотам Кокандский базар. Незадолго до присоединения к России он был полностью перестроен после происшедшего там пожара. Были возведены торговые помещения, некоторые улицы перекрыты легкими крышами. По своему благоустройству и величине Кокандский базар считался вторым после Бухарского.

Обширны были базары и других городов. Даже в таком сравнительно небольшом городе, как Маргелан, который являлся, однако, одним из важных центров торговли шелковыми тканями, лавки помещались сплошными рядами вдоль улиц на протяжении 2,5 км.

На базарах были особые ряды торговцев привозными фабричными и местными тканями, торговцев обувью, причем различные виды обуви продавали в отдельных рядах. Торговля готовой одеждой, головными уборами, медными и ювелирными изделиями, седлами и упряжью также сосредоточивалась в специальных рядах, где производилась нередко и выработка этих предметов. Такие лавки-мастерские были на базаре у кузнецов, ювелиров, подковщиков, замочников, медников и жестянщиков. На базаре же, в специальных рядах располагались обычно лощильщики, выбивавшие кустарные ткани тяжелыми деревянными молотками. Совмещали в своих лавках изготовление и продажу изделий и ремесленники по обработке дерева: плотники, токари, седельщики и др. Постоянное место на базарах занимали торговцы всякого рода шерстяными товарами — непряденной шерстью, кошмами, веревками, шерстяными мешками, паласами. Особые ряды были заняты торговцами всякой мелочью и москательными товарами (*аттор*).

Чаще всего городские ремесленники продавали свои изделия сами. Каждая корпорация, объединявшая ремесленников одной специальности, имела на базаре свое собственное место: либо особый торговый ряд, либо площадь где-нибудь возле приметных зданий — крупной мечети или медресе. Посторонние продавцы туда не допускались.

С ремесленников взималась плата за право торговать своими изделиями в отведенном для того или иного ремесла месте. Эта плата — *таги жой* (Хорезм) или *танга* — была формой обложения ремесленников государственным налогом.

Базары были предметом постоянной заботы городских властей и ремесленных корпораций. В некоторых городах базарные улицы делались крытыми, для защиты покупателей летом от палящих лучей солнца, зимой—от дождя и снега.

Часть лавок, принадлежавшая самым богатым купцам, помещалась в торговых зданиях (*тим*), сложенных из жженого кирпича.

Сельскохозяйственные продукты также продавали в определенном для каждого вида месте: в одном месте — зерно, в другом — хлопок, в третьем — сухие фрукты и т. д.

Торговля зерном, хлопком, сушеными фруктами производилась в особых складах, так называемых *каппон*, которые большей частью находились, так же, как и караван сараи, в частном владении. Хозяин получал обычно натурой определенную долю со всех складываемых и продаваемых там товаров. В *каппоне* имелись весы. Весовщики также взимали за взвешивание более или менее определенную плату. Эти поборы ложились тяжелым бременем на дехкан, привозивших для продажи продукцию своего хозяйства и принужденных платить хозяину склада и весовщику установленный взнос.

На особых базарах, обычно расположенных ближе к окраинам города, шла торговля дровами, древесным углем, строевым лесом, фуражом. В крупных городах имелось по нескольку скотских базаров, на каждом из которых продавался особый вид скота. В торговле скотом главным образом было развито посредничество. Посредники -профессионалы (*даллол*)

играли большую роль в торговых сделках между горожанами и степняками. У последних оформление сделок через посредника вошло в обычай. Пока не вмешивался даллол, степняк не решался ни назвать цену, ни вступить в какие-либо переговоры со своим покупателем. Даллоли очень злоупотребляли неопытностью и беспомощностью своих клиентов в торговых делах.

Также преимущественно в торговле скотом сложился институт «торгового друга» — постоянная личная связь сельчан и степняков из определенного района с каким-нибудь горожанином. У него останавливался деревенский житель, приехавший на базар для продажи своих продуктов и для покупки городских изделий. «Торговый друг» выступал при сделке посредником, получая известное вознаграждение. Нередко такая связь устанавливалась с односельчанами, переселившимися в город и переходила из поколения в поколение.

Кроме рядов, где продавались различные товары, в каждом городе был также «рынок поденщиков» (*мардикор бозори*), где ежедневно с утра собирались все ищущие работу и куда приходили те, кто хотел нанять работника. Здесь нанимались только чернорабочие. Мастера-строители и другие ремесленники нанимались через старшину корпорации.

На базарах крупных городов торговля производилась каждый день, но в обычные дни покупателями были только горожане. В «базарные дни» (один или два дня в неделю) в город съезжались покупатели и продавцы из ближних и нередко отдаленных селений. Улицы города переполнялись народом. Базары служили не только пунктом торговли, но и местом развлечения, и поэтому каждый взрослый мужчина в базарный день считал своим долгом побывать там.

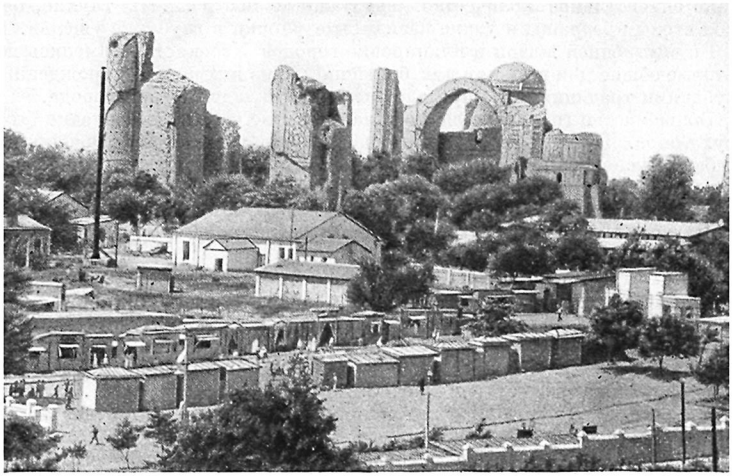
Большую роль в торговле играли караван-сараи, которые были не только складами, но и торговыми помещениями. В крупных городах караван-сараи также были специализированными: в одних шла торговля обувью, в других — коврами, в третьих — красящими веществами, привозимыми из разных стран. В караван-сараях производились как розничная торговля, так и в особенности оптовые операции. Часть помещений крупных караван-сараев использовалась под жилье. Их нанимали у хозяина караван-сарая приезжие, оставшиеся в городе на длительный срок. Многие крупные купцы устраивали себе в караван-сараях постоянные конторы, где происходили их встречи с клиентами.

Торговцы разделялись по специальностям в зависимости от рода продаваемого ими товара, а также по их положению в обществе и благосостоянию. Выделялись крупные купцы-оптовики (*савдогар*), состоятельные владельцы лавок (*дўкондор*); многочисленные мелкие торговцы имели либо облюбованное ими местечко, где они раскладывали свой незатейливый товар прямо на земле, либо торговали им в разнос. Торговцы-разносчики, например, хлебники, обычно торговали не от себя, а от хозяина, в карман которого шла львиная доля их выручки. Были также разъездные торговцы, ездившие на лошади или на осле со своим товаром, умещавшимся нередко в переметной суме—хурджуме.

Города развивались не только как торговые центры. В них сосредоточивалось высокоразвитое специализированное ремесло, большей частью уже отделенное от сельского хозяйства.

Города были центрами феодальной культуры. Здесь развивалась мусульманская образованность, концентрировались высшие конфессиональные учебные заведения — медресе, учащиеся которых составляли заметную прослойку в населении многих крупных городов, в особенности Бухары.

До революции главными городами, расположенными на территории современного Узбекистана, не утратившими своего важного значения и поныне, были Ташкент (и тогда уже крупный город в долине Чирчика), Самарканд и Бухара (долина Зеравшана), Коканд, Андижан, Маргелан и



Самарканд. Вид города близ мечети Биби-Ханум

Наманган (Ферганская долина), Хива и Ургенч (Хорезмский оазис), Карши, Шахрисябз (долина Кашка-Дарьи). Кроме них, было много городов меньшего значения, таких как Джизак, Катта-Курган и др.

Горожане составляли значительный процент общего количества населения Узбекистана. Статистические обследования, производившиеся на территории Туркестанского края, показали, что в конце XIX в. горожан в Сыр-Дарьинской области было 13,9%, в Самаркандской — 15,71%. в Ферганской — 18,09% [1].

После присоединения Средней Азии к России, в результате товаризации хозяйства и развития зачатков капитализма города быстро росли. Уже к концу XIX в. число горожан заметно увеличилось; рост городского населения значительно усилился к началу XX в. В Ташкенте, где к моменту присоединения было не больше 100 тыс. человек, по переписи 1897 г. было учтено 155 673 человека, а в 1910 г. число жителей этого города уже составляло 201 191 человек. Население Коканда выросло с 81 354 человек в 1897 г. до 113 636 человек в 1910 г., Самарканда соответственно с 55 128 до 89 693 человек. Население Туркестанского края в целом за этот период увеличилось на 22,6%, а население указанных городов за этот же период выросло больше чем на 100% [2].

Росли города и в ханствах. Однако их развитие было значительно более медленным. Точное число их жителей оставалось неизвестным. По приблизительным подсчетам в Бухаре было около 75—80 тыс. жителей, в Карши приблизительно около 20 тыс., в Шахрисябзе—не более 18 тыс. [3] Столицы ханств сохраняли свои старинные крепостные стены с зубцами и полубашенками. Наличие стен не только придавало этим городам облик феодального средневекового города, но и влияло на его внутреннюю жизнь, на городскую застройку. Лишенный возможности расширяться территориально, город начинал расти вверх, типичным для его архитектуры

[1] История Узбекской ССР, т. I, кн. 2. Ташкент, 1956, стр. 126.
[2] Там же, стр. 238.
[3] О. А. Сухарева. К истории городов Бухарского ханства. Ташкент, 1958, стр. 117, 118, 131.

стало значительное количество двухэтажных построек. Их глухие, без окон стены превращали узкие извилистые улочки в глубокие ущелья.

Во внутренней жизни и планировке городов Узбекистана имелись некоторые общие для всех или для большинства из них черты, порожденные глубокими традициями и определенные всем складом жизни города.

Большинство городов членилось на крупные части. Это деление было двух типов. Древний тип, унаследованный еще от античных городов, где он был обусловлен пережитками еще более древних форм строения общества (фратриальное деление), выражался в членении территории города относительно прямыми линиями-улицами на две или чаще на четыре части. На четыре части (*даҳа, ҷитъа*) делились Ташкент и Самарканд, на две — северную и южную — делился г. Шахрисябз.

В некоторых старинных городах сохранялись следы средневековой структуры города, проявлявшиеся в делении на концентрические участки, располагавшиеся обычно неправильными кольцами. Так, по данным письменных источников, в Бухаре в средние века различалась центральная часть — «древняя крепость» (*ҳисори қадим*) и охватывавшая ее кольцом территория «вне старой крепости» (*беруни ҳисори қадим*). В конце XIX — начале XX в. в Бухаре сохранялись следы как древней, так и средневековой традиции деления городской территории; горожане делились на шахристанцев — жителей древней части города, регистанцев — первого кольца пригородов-рабадов, калободцев—кольца рабадов, вошедших в город до XVI в., и джуйбарцев—самой молодой части города, включенной в него во второй половине XVI в.

В г. Карши центральная часть города представляла собой почти правильный квадрат, окруженный стенами и рвом; там жили преимущественно чиновники и купцы. Вокруг него были расположены части города, сохранявшие полусельский облик, где концентрировались ремесленники; среди их жителей было немало и крестьян. Эта структура отражала пути развития средневекового города, рост которого происходил за счет развития расположенных кольцеобразно вокруг него ремесленно-торговых и земледельческих рабадов.

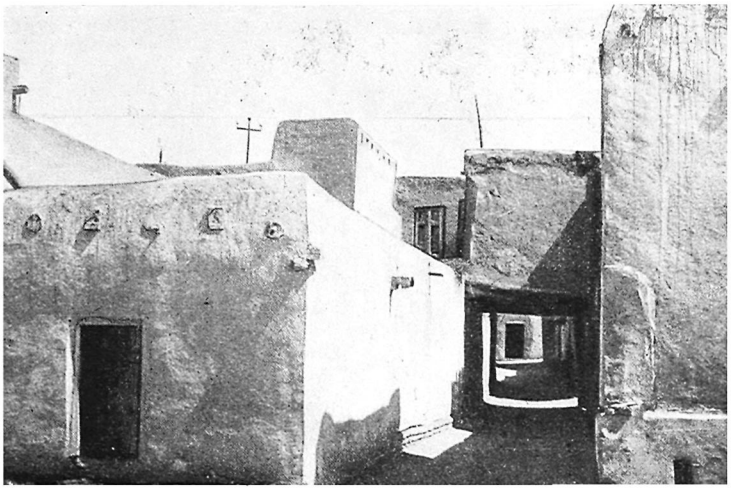
Части города были не только территориальными, но и административными единицами. Каждая даха Ташкента, например, управлялась в прошлом особым лицом — *минбоши* (тысяцким) и имела своего судью (*ҳози*).

Однако в практической жизни горожан более реальное значение имело разделение городов, так же, как и крупных селений, на жилые кварталы — *маҳалла* (Ташкент, города Ферганской долины) или *гузар* (Самарканд, Бухара, Карши, Шахрисябз).

Наличие в городах жилых кварталов засвидетельствовано источниками, относящимися к самому началу феодальной эпохи; кварталы представляли собой территориальную, социальную и административную единицу, повсеместно распространенную систему организации внутренней жизни средневекового города .

Квартал старого среднеазиатского города представлял собой улицу (или ее отрезок) вместе с прилегающими к ней переулками и тупиками. На эту улицу и переулки были обращены входами все дома жителей данного квартала. К соседним кварталам все постройки выходили своими глухими стенами; границы квартала обычно были точно определены. Улица на участке близ границы квартала в старину нередко перегораживалась большими воротами (в Бухаре — *дарвозайи калон*), которые запирали на ночь, превращая квартал в крепость. Это устройство кварталов, кое-где (Бухара) сохранявшееся еще во второй половине XIX в., объяснялось необходимостью защищаться от врагов во время частых военных набегов на города.

Жилые кварталы, как правило, совпадали с приходами мечетей и были обычно невелики (в среднем 30—60 домов). Мечеть должна была находить-



Улица в старой Бухаре

ся поблизости от дома каждого из прихожан, так как все взрослые мужчины обязаны были присутствовать ежедневно на первой молитве, читаемой на рассвете. За этим обычно строго следили имамы, а в Бухарском ханстве — раисы; поэтому, если квартал разрастался, строилась вторая мечеть, вокруг которой образовывался новый квартал-приход. Квартальные мечети нередко в качестве «богоугодного» дела строили на свои средства богачи или знать, которые стремились таким образом поднять среди народа свой авторитет, создать себе покорное окружение в лице прихожан мечети.

Во все более дробном членении и увеличении числа жилых кварталов проявлялся исторический процесс развития города. Больше всего была расчленена Бухара — один из древнейших городов Средней Азии, в отличие от других в течение веков развивавшийся на одном и том же месте. Несмотря на небольшую площадь города (окружность его составляла, по данным дореволюционной литературы, 8 верст) и на то, что границы Бухары были определены возведенной еще в XVI в. и с тех пор не перестраивавшейся стеной, в ходе длительного исторического развития город стал делиться на 220 кварталов. Ташкент, раскинувшийся на огромной территории, включавшей в себя обширные участки садов, огородов и пахотных земель, состоял из 206 кварталов. В Самарканде насчитывалось около сотни кварталов. В Шахрисябзе их было 52. На 20 больших кварталов (*илот*) делилась Хива.

Кварталы некоторых городов, в отличие от обычного типа квартала-прихода, составляли несколько приходов. Жители квартала-махалля объединялись в своеобразные общины (см. стр. 314).

Состав населения кварталов в национальном отношении часто был неоднороден. В одном квартале могли жить мусульмане всех толков, принадлежавшие к разным народностям. Так, в Бухаре, Самарканде и других городах имевшиеся среди их населения шииты-иранцы (*форс*) селились часто вперемежку с узбеками и таджиками, лишь в отдельных кварталах составляя основное население. Однако в Самарканде большая

Базар в Гиждуване

часть ирани (тюркоязычных) составляла компактную группу Богишамальской части города. Кое-где в городах, населенных узбеками, таджики жили в особых кварталах; там,где большинство составляли таджики (Самарканд), отдельные кварталы населяли узбеки. Такое расселение наблюдалось в тех случаях, когда эти еще не слившиеся с остальными горожанами довольно крупные группы единовременно переселились в город. Таково узбекское население самаркандских кварталов Йомини и Зомини, являвшееся потомками жителей селений Йом и Заамин, переселенных сюда в конце XVIII в. тогдашним правителем Самарканда; в это же время были переселены в Бухару узбеки — жители квартала Буйробофон.

Особые кварталы-слободы старых городов населяли немусульмане. Еврейские слободы имелись во многих среднеазиатских городах, образовавшись несколько веков назад. Индийцы, жившие в Средней Азии временно, селились в специальных караван-сараях. Большой караван-сарай индийцев имелся в Бухаре, два караван-сарая — в Андижане; были такие караван-сараи и в Ташкенте.

Традиционные формы городского быта сохранялись и в начале XX в., несмотря на то, что после присоединения Средней Азии к России весь облик городов, а отчасти и состав их населения, претерпел значительные изменения.

Города Туркестанского края вскоре после присоединения Средней Азии к России начали терять отличавшие их раньше черты феодального города. Окружавшие их высокие стены с запиравшимися на ночь воротами, ввиду прекращения войн и феодальных междоусобий, потеряли всякое практическое значение. Они не ремонтировались и постепенно разрушались. Произошли большие социальные изменения. Начала быстро расти прослойка торговцев, появились крупные купцы-миллионеры. Процент ремесленников в составе жителей городов понизился, зато здесь появились рабочие промышленных предприятий. Развитие торговли и отчасти промышленности привлекало в города массу нового населения, и городская застройка очень скоро вышла далеко за пределы городских стен. Рядом со старыми городами, где жило местное население, появились новые —

«русские», строившиеся по плану, с широкими прямыми улицами, по обеим сторонам которых были проведены арыки и посажены деревья. В новых частях городов жили представители русской интеллигенции и чиновничества. Находясь на службе в колониальных государственных учреждениях, некоторые из них, однако, дружески общались с местным населением-жителями «старого» города, наблюдали его жизнь, изучали местные языки, состав населения и народные обычаи.

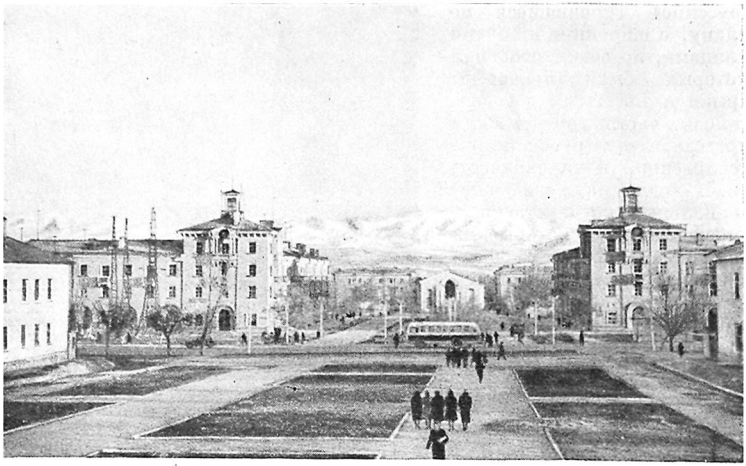
Хотя заботы колониальных властей о благоустройстве касались главным образом русских городов, кое-какие мероприятия были предприняты и в старых городах: на их территории появились местами замощенные улицы, старые кладбища, расположенные внутри города, были вынесены за город.

Водонос, наполняющий бурдюк водой. Бухара, 1907 г.

Процветание городской торговой буржуазии очень заметно сказывалось в размахе городского строительства, стиле архитектуры. Богачи начали возводить большие дома полуевропейского типа, с остекленными окнами; изменилась и отделка помещений. Состоятельные горожане соперничали друг с другом в возведении новых больших домов, строили новые квартальные мечети, украшенные росписью, резьбой по алебастру, колоннами. Кирпичные здания торговых фирм и банков появлялись не только в городах Туркестанского края, но и в столицах ханств.

Однако экономический подъем в крае и развитие капиталистических отношений, благоприятно отражаясь на жизни среднеазиатских городов, в то же время были сопряжены с дальнейшим классовым расслоением, обнищанием народных масс. Все более углублялись различия в быту и культуре богатых и бедных слоев горожан. Рядом с новыми красивыми домами стояли убогие глинобитные жилища без окон и печей, с земляными полами. В них жило подавляющее большинство населения старых городов.

Почти все улицы старых среднеазиатских городов по-прежнему были покрыты слоем пыли, которая в дождливую погоду превращалась в жидкую грязь. На улицах, как правило, не было никакой растительности; лишь кое-где около мечетей и чайхан, вокруг городских водоемов — хаузов росли группы деревьев. Очень редко вдоль улицы протекал арык. Оросительная сеть проходила по дворам, из домовладения в домовладение. Каждый хозяин поливал водой из арыка небольшой огородик или посаженные во дворе цветы. Из того же арыка брали воду для питья и на различные бытовые нужды, нередко сливая ополоски обратно в арык. По мусульманскому закону, тщательно отделявшему ритуально-чистое от



Город Чирчик, построенный в годы Советской власти

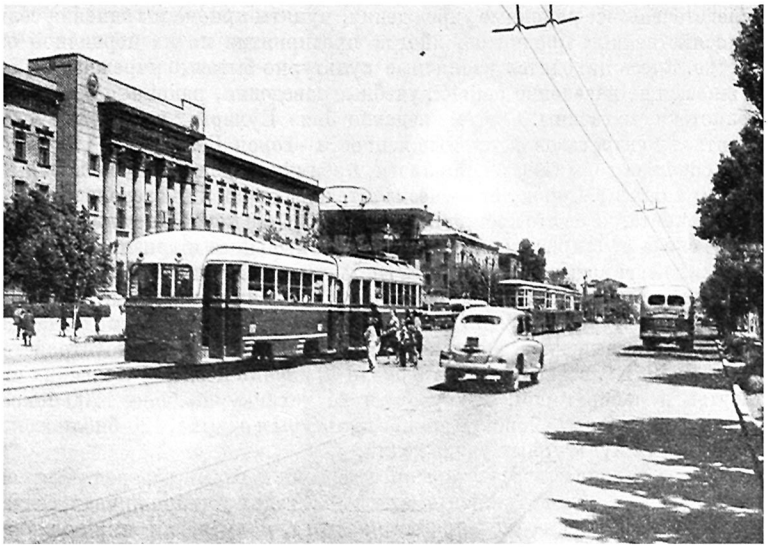
нечистого, считалось, что проточная вода постепенно очищается от осквернения во время течения в арыке или реке.

После Великой Октябрьской революции резко изменились судьба городов и жизнь городского населения.

Большое развитие получил процесс вовлечения в городскую жизнь сельского населения. Промышленное развитие Узбекистана в советское время естественно повлекло за собой увеличение числа городского населения. Если в 1913 г. оно составляло 945 тыс., то в 1939 г., т. е. через 26 лет, выросло до 1470 тыс. человек. К 1959 г. городское население Узбекистана увеличилось до 2720 тыс. человек. Особенно выросла столица республики — население Ташкента приближается к 1 млн. человек.

Коренным образом изменился состав городского населения. Индустриализация страны привела к резкому увеличению среди горожан числа рабочих и инженерно-технических работников фабрично-заводских предприятий; рост культуры способствовал увеличению процента интеллигенции и учащихся. Развитие органов Советской власти, коммунального хозяйства, общественных учреждений, торговых предприятий привело к росту в городах прослойки служащих. К новым занятиям постепенно переходила часть прежнего населения городов, кадры работников пополнялись и пополняются также за счет переселяющихся в город сельских жителей.

Весьма значительно пополняется также население городов Узбекистана за счет притока жителей из других республик. На территории Узбекистана появились новые города и рабочие поселки. В безлюдной раньше степи вырос Чирчик — центр энергетической, химической и машиностроительной промышленности. Еще в 30-х годах на его месте было небольшое селение. К 1959 г. в Чирчике, преобразованном в город, насчитывалось 65 тыс. жителей. Выросли промышленные города — Ангрен, центр угольной промышленности Узбекистана, Беговат — центр металлургии и промышленности строительных материалов. В крупный промышленный центр превратился г. Янги-Юль. Здесь развиваются пищевая, текстильная и хлопкоочистительная промышленность. Растут города Алмалык, Кувасай, а также Ленинск, образовавшийся на месте старого кишлака Ассаке в Ферганской долине. В Голодной степи возник новый город Янги-Ер.



Ташкент. Улица Алишера Навои

Ташкент. Театральная площадь

Появился новый вид городского поселения — районный центр, где сосредоточены все районные учреждения, пункты приема и хранения сельскохозяйственных продуктов, иногда предприятия по их первичной обработке. Здесь находятся различные культурно-бытовые учреждения, обслуживающие население района, учебные заведения, районные больницы, библиотеки, магазины. Совсем недавно близ Бухары, в пустыне стал строиться центр газовой промышленности—город Газли.

Расцвел за годы Советской власти, преимущественно в послевоенный период, Ташкент. Сорок лет — незначительный срок в многовековой истории Ташкента, но за это время он стал совершенно неузнаваемым. Не осталось и следа от старого дореволюционного пыльного и грязного города с забитым, неграмотным и тяжело угнетаемым населением. Современный Ташкент — это крупнейший политический, административный, экономический и культурный центр Советского Востока. Улучшены водоснабжение, электроосвещение, городской транспорт и внешнее благоустройство города. В 1961 г. в Ташкенте было около 70 научно-исследовательских институтов и лабораторий, 16 вузов и 24 техникума, более 200 школ, 6 театров, 89 киноустановок, 9 парков культуры и отдыха, 120 библиотек и много других культурных учреждений.

Исчезла разница между старыми и новыми частями городов. Одна из старогородских улиц Ташкента, еще в 30-х годах узкая и кривая, сейчас превратилась в красивый, широкий проспект, получивший имя великого узбекского поэта Навои. По обеим сторонам ее высятся прекрасные многоэтажные дома с учреждениями и магазинами. Вдоль тротуаров течет по арыкам вода, растут в несколько рядов тенистые деревья. По улице проходят трамвайные, троллейбусные и автобусные маршруты Продолжением этого проспекта служит улица, ведущая к былой окраине города. Теперь в этом районе, связанном с центром города трамваями и автобусами, ведется усиленное жилищное строительство. Здесь многие горожане, получив безвозмездно от города участки, выстроили себе дома-особняки. Такой же район расположен на северо-восточной окраине города — Тахтапуле. Много новых жилых зданий строится на месте низких, тесных и темных глинобитных домов и в других частях старого города.

На территориях, примыкающих к фабрично-заводским предприятиям, часто за пределами города, размещаются рабочие городки. В них живет основная масса рабочих. Рабочие городки благоустроены. На всем протяжении улиц вдоль арыков посажены декоративные и фруктовые деревья. Дороги и тротуары заасфальтированы. Дома в рабочих городках двухэтажные и одноэтажные, типа коттеджей. У каждого такого дома небольшой земельный участок, на котором разведен огород, разбиты цветочные клумбы и посажены фруктовые деревья.

В рабочих городках имеются обычно зимние клубы, где демонстрируются фильмы, читаются лекции, работают библиотеки, функционируют кружки художественной самодеятельности, проводятся занятия спортивных секций. Во многих заводских городках есть парки-сады с летними кинотеатрами, павильонами, красными уголками при чайханах, расположенных в живописных уголках сада. В городках строятся ясли и детские сады для детей рабочих. Здесь же имеются школы десятилетки, школы рабочей молодежи, филиалы техникумов и институтов, а также продовольственные и промтоварные магазины, ларьки, столовые,базары. Городки обычно имеют свой комбинат бытового обслуживания — парикмахерские, ателье и т. д. В киосках можно приобрести книги, газеты, журналы. С центром городки соединяются автобусными и трамвайными линиями.

В такие же обособленные массивы выделяются в крупных городах новые районы, застраивающиеся по мере роста города. В Ташкенте, например, район Чиланзар, расположенный в южной части города, превратился в одну из его наиболее благоустроенных частей. Здесь в многоэтажных

домах живет 100 тыс. человек; многочисленные культурные, медицинские и другие учреждения обслуживают их нужды.

В составе многих городов имеются и районы сельского облика. Они обычно расположены на самых окраинах и незаметно сливаются с окружающими город селениями.

В быт жителей всех городов Узбекистана вошли электричество, радио. В ближайшие годы завершится газификация.

В городах имеется разветвленная сеть медицинских учреждений — поликлиники, диспансеры, врачебные консультации, больницы. Большую роль в жизни горожан играют кино и театры. У касс кинематографов, драматических и оперных театров, филармоний всегда много желающих получить билеты на очередной сеанс или спектакль. Посещение кино и театра стало насущной потребностью. В крупных городах находится обычно несколько театров, которые посещают не только горожане, но и жители окрестных сельских местностей. Нередко группы колхозников приезжают на спектакли на автомашинах.

На книжном базаре в Самарканде во время Всесоюзного месячника детской книги, 1960 г.

При значительном росте новых элементов городской жизни сохраняются и некоторые старые, традиционные ее формы. Наряду с современным административным делением городов на районы, участки и домоуправления сохраняется и деление старых городов на махалля, которые иногда совпадают с домоуправлениями.

* * *

Основная масса населения дореволюционного Узбекистана жила в селениях (*қишлоқ*), размеры которых, тип поселения, хозяйственный и культурный облик были весьма различны. Среди них можно выделить: кишлаки-пригороды, где было развито ремесло, кишлаки с земледельческим населением, расположенные на поливных землях древнего орошения, кишлаки маловодных районов с богарным земледелием. Особо выделяется хуторской тип поселения, характерный для Хорезма.

Вокруг городов, иногда на несколько километров, были расположены тесно связанные с ними всей своей экономикой пригородные кишлаки, еще в начале XX в. сохранявшие характер рабадов феодального города. В прошлом они были окружены вместе с городом стеной и считались его продолжением. Внутри стен Маргелана, например, заключалась значительная площадь в 2163 га, занятая не только ремесленными пригородами, но

и садами, огородами и даже пашней. Стены протяженностью в 40 км. охватывали Самарканд и его ремесленно-земледельческую округу. Они были известны в народе под названием «Девори кыёмат» (стены дня страшного суда). Историки относят их возведение к доарабскому времени. К концу XIX в. эти стены сохранились в виде высоких оплывших валов.

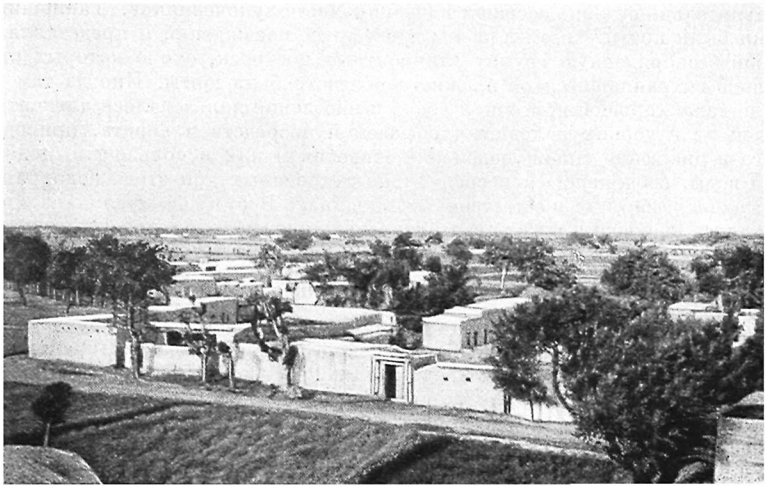
Население пригородных кишлаков совмещало занятия сельским хозяйством и ремеслами. В Самарканде — одном из важных центров выработки бумажных тканей — большая часть ткачей жила в пригородных кишлаках. Различными отраслями ремесла занимались также жители многих кишлаков вокруг Бухары. В одном из них — Муголони-кари — сосредоточивалось литейное производство. В Карши ремеслом занималось население пригородных кварталов, сохранявших сельский характер.

Помимо постоянного населения, в пригородных кишлаках летом жило много горожан, выезжавших туда со своими семьями на четыре-пять жарких месяца. Продукция собственного сада, огорода, а иногда и поля, засеянного пшеницей, составляла важную часть питания многих городских жителей и помогала им сводить концы с концами. Состоятельные горожане имели в окрестностях города обширные сады, обеспечивавшие их овощами, сушеными фруктами и пр. на зиму.

Особый тип сельских поселений представляли собой крупные ремесленные и торговые селения, которые соединяли в себе черты города и кишлака. Обширные по площади, они имели значительное население, занятое разнообразными ремеслами, земледелием и садоводством. Жилища, группируясь в кварталы, были окружены садами и огородами. Между отдельными частями селения были расположены пахотные земли и участки садов. Таким был находившийся в 45 км от Самарканда большой кишлак Ургут, населенный узбеками и таджиками. Таджики составляли большинство населения шести центральных кварталов, а узбеки жили в семи окраинных кварталах кишлака. Большинство населения Ургута занималось ткачеством, вырабатывая бумажные ткани. Было здесь развито также набоечное и другие ремесла. В садах жители выращивали всевозможные фрукты, овощи, на неполивных землях сеяли пшеницу, ячмень и табак. Зерно Ургута славилось исключительно высокими качествами и ввозилось в г. Самарканд. Раз в неделю в Ургуте происходили большие базары, привлекавшие массу народа не только из окрестных, но и из дальних кишлаков, а также из Самарканда. Торговля шла изделиями местных ремесленников, зерном и скотом, поставляемыми населением сельскохозяйственной округи. Городские торговцы привозили фабричные товары.

Соединение ремесла с сельским хозяйством было вообще характерно для Узбекистана. Не только в таком крупном кишлаке, как Ургут, но и во многих средних и даже мелких кишлаках было много ремесленников, производивших товарную продукцию. Таковы были многие кишлаки нынешней Бухарской области: Вобкент, где вырабатывались полосатые бумажные ткани, Гиждуван, славившийся производством керамической посуды, Читгарон, где производились набойки и другие. В Ферганской долине широкой известностью пользовались гончарные изделия кишлака Риштан (см. стр. 394). В Хивинском ханстве славилось шелкоткачеством сел. Дургадык. В кишлаках исключительно земледельческого направления изготовлением предметов домашнего обихода, в том числе и тканей, занимались преимущественно женщины, их продукция на базар попадала лишь случайно. В некоторых из таких кишлаков раз в неделю происходили базары, где основными товарами были зерно и скот.

Селения описываемых типов, расположенные в древних земледельческих районах и образовавшиеся на месте старых поселений (от которых нередко здесь даже сохранялись развалины городища), тонули в садах.



Общий вид кишлака Тосмачи. Самаркандская область

Улица горного кишлака Кутчи в верховьях Кашка-Дарьи

чередовавшихся с прекрасно обработанными полями. Всем своим обликом они резко отличались от бедных, убогих кишлаков, расположенных в маловодных богарных районах, которые были нередко заселены семьями сравнительно недавно осевших кочевников и полукочевников. Такие кишлаки были почти совсем лишены древесных насаждений и представляли собой беспорядочную группу глинобитных построек, около которых ставились сохранившиеся от прежнего кочевого быта юрты. Иногда там не было даже хорошей проточной воды, и население пользовалось для питья водой из глубоких колодцев (добываемой посредством ворота, приводимого в движение силой людей или животных) или использовало дождевые воды, собиравшиеся в специально устроенных для этого водохранилищах (*сардоба*) или в естественных впадинах. В отдельных случаях приходилось временами возить воду из источников, находившихся в нескольких километрах от селения. Такими были кишлаки, расположенные в степи, тянувшейся от Самарканда до Пенджикента, а также кишлаки вокруг Джизака, Заамина и др.

Наряду с наиболее распространенным в большей части районов Узбекистана расселением по кишлакам, в Хорезме преобладал хуторской тип поселений. Хутора (*ҳовли*), представлявшие собой обнесенную высокой стеной усадьбу, где жила одна большая неразделенная семья, были расположены на некотором расстоянии друг от друга и окружены пахотными землями. Хутора (*ққўрғонча*), сходные с хорезмскими, встречались также в пригородных садоводческих районах Самарканда и в некоторых других местах (Бухарская область). Иногда (например, в Ферганской долине) хуторами селились переходившие к оседлости кипчаки, курама, каракалпаки, киргизы.

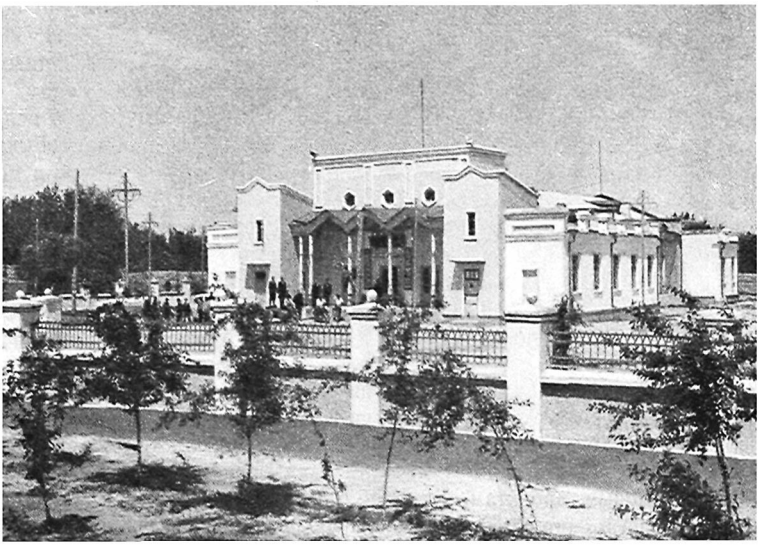
Кишлаки объединялись в сельские общества (*жамоа*), во главе которых стояли старосты — *амин* или *истарчин* (от русского «старшина»); сельские общества — в волости, возглавляемые волостными правителями, сохранявшими старое название *мингбоши*. Центрами волостей нередко бывали большие кишлаки, которые раньше являлись резиденцией беков. Остатки их крепостей, садов и жилищ сохранялись и в конце XIX — начале XX в. и использовались иногда колониальными властями Туркестанского генерал-губернаторства. В таких кишлаках нередко имелись медресе и более богатые, чем обычно, соборные мечети.

Крупные кишлаки, как и города, делились на кварталы (махалля, гузар), которые часто соответствовали приходам мечетей, хотя могли включать в себя и по нескольку приходов. Так, каждый квартал Ургута состоял из двух-трех приходов, так же, как и кварталы кишлака Айкыран, в свою очередь составлявшего одну из частей крупного селения Чартак. В Хорезме в приходы объединялись группы хуторов, составляя так называемое *мачит-қавм*.

Жизнь сельского населения до конца XIX в. отличалась замкнутостью. Большинство мужчин, не говоря о женщинах, не бывало дальше ближайшего базара, в лучшем случае — ближайшего города. Даже производя товарную продукцию, сельские жители, в том числе и ремесленники, не вывозили ее за пределы своего базара — она скупалась на месте многочисленными торговцами, переправлявшими ее дальше, в потребляющие сельские районы и города.

После Октябрьской революции преобразились не только города Узбекистана, но и селения. Отошли в прошлое «глухие углы», почти не связанные раньше с остальной страной. Многие окраинные районы республики стали районами высокопродуктивного хлопководческого хозяйства колхозов-миллионеров, производственные успехи которых сопровождаются небывалым развитием культуры.

Сложился новый тип селения — колхозный поселок, который все более утрачивает черты прежнего кишлака.



Колхозный клуб. Андижанская область

Новые дома в колхозном поселке

Каждый колхоз благоустраивает из года в год свой поселок, соревнуясь в этом со своими соседями. Стало правилом прокладывать хотя бы одну широкую, обсаженную деревьями улицу, по обеим сторонам которой проходят арыки. При въезде в колхоз обычно устанавливается арка. Улица застроена благоустроенными домами нового типа, обычно с окнами, выходящими на улицу. В центре колхоза помещаются здания правления, магазины, клуб, ясли, иногда больница. Школы, которых в колхозе бывает несколько, обычно расположены в разных частях поселка для удобства обучающихся в них учеников. В некоторых колхозах разбиты парки культуры и отдыха, выстроены удобные гостиницы; иногда имеются свои стадионы. Эти новые части колхозного селения, свидетельствующие о новом быте, о возросшей культуре сельского населения, определяют весь облик современного узбекского колхозного поселка; они заслоняют собой оставшиеся от прежнего кишлака узкие, кривые, пыльные улицы, дома старой архитектуры.

Для современных кишлаков характерно сочетание новых и старых черт архитектуры. В одних селениях черты нового явно преобладают, в других преобразования только развертываются, но строительство происходит всюду. Многие колхозы уже реализовали планы реконструкции своих поселков по типовым проектам, которые предусматривают концентрацию жилых массивов в одном месте, так как разбросанное расселение колхозников по отдельным кишлакам, вошедшим в колхоз, затрудняет удовлетворение возросших культурных и бытовых потребностей современного узбекского сельского населения.

Большое внимание уделяется озеленению поселков, созданию в них садов и водоемов. Размещение всевозможных хозяйственных построек (хлевов, мастерских, гаражей) производится с учетом направления ветров и течения воды, которая не должна загрязняться.

Подобные же поселки социалистического типа строят многочисленные совхозы республики.

Осуществление планов строительства сельских поселков, рассчитанных на ближайшие годы, должно приблизить условия жизни в сельской местности к городским. В тех изменениях, которые преображают на наших глазах облик узбекских кишлаков, проявляется свойственный современной эпохе процесс сближения условий труда, культуры и быта города и деревни.

Жилище

Районы Узбекской ССР различаются по своим природно-климатическим условиям. Кроме того, в каждой историко-этнографической области с древних времен складывались собственные культурные традиции. Воздействие исторических и природно-климатических условий вызвало развитие локальных школ народного зодчества. Основными, наиболее самостоятельными и своеобразными, нужно признать ферганскую, бухарскую и хивинскую, а также шахрисябзскую школы, особенности которых выражались в конструкции, строительных приемах, планировке и т. д. Так, например, в Ферганской долине, подверженной разрушительным землетрясениям, распространены устойчивые конструкции стен с двухрядным каркасом; в Хиве, где сейсмическая бальность незначительна, издавна применялся однорядный каркас. Значительное количество годовых осадков в Ферганской долине вызвало необходимость устройства кровли до 40 см толщины; в Хиве, где количество осадков ничтожно, толщина кровли обычно не превышала 10—15 см.

Однако, несмотря на локальные различия, архитектура жилища узбеков имела единый тип. Это был замкнутый архитектурный комплекс, ограниченный глухими стенами от улицы и соседних владений. Все жилые

Здание правления колхоза. Андижанская область

и хозяйственные постройки окнами и дверями были обращены во двор. Дом и усадьба состоятельного владельца делились на две половины: внутреннюю — женскую (*ичкари*) и внешнюю — мужскую (*ташқари*). В первой проходила вся жизнь семьи, вторая, с парадной комнатой (*меҳмонхона*), служила для приема гостей. У ремесленников в ташкари находилась мастерская, там же жили наемные работники. В менее зажиточных семьях для приема гостей-мужчин выделялась только комната с изолированным входом, в бедных же городских домах, а особенно в кишлаках, внешней половины не было совсем. Когда в дом приходил посторонний мужчина, женщины на время его посещения прятались или уходили к соседям.

Во внутреннем дворе были расположены жилые помещения, кухня, кладовые для дров и провианта. Санитарные устройства были на каждом дворе или помещались в проходе между дворами. Основная жилая ячейка состояла из комнаты (*уй*), передней (*даҳлиз*) и террасы (*айвон*); число жилых помещений определялось составом семьи. Если у хозяина было несколько жен или женатые сыновья, то для них отводились отдельные жилые комнаты.

В условиях городской скученности многие дома имели всего один двор, и в этом случае мехманхана помещалась во втором этаже, над воротами. В Бухаре двух- и трехэтажные постройки были обычны. Скученность застройки отражалась также на составе и характере помещений. На просторных городских участках, а также в пригородах, число их было невелико, домашние работы выполнялись на свежем воздухе, в тени деревьев. На участках с ограниченной площадью было множество небольших подсобных помещений (Бухара). Процент застройки участка в городах бывал очень высок: в Ташкенте и Бухаре встречаются старые усадьбы с застройкой до 80—90% (и даже 100%) площади участка. В Хорезме распространены дома с крытым двором. Каждый метр площади использовался очень целесообразно, поэтому скученность не столь отражалась на удобствах дома, как можно было бы ожидать.

Более типичными для большинства городов были дома с двором, который использовался для разведения виноградника, создававшего сплошной зеленый навес. Давая прохладу, он в то же время приносил обильный

урожай плодов. Если позволяли размеры владения, при доме разводили сад или устраивали хозяйственный двор, где размещались хлев и конюшня.

Конструкции узбекского жилища были просты и выполнялись из местных строительных материалов. Таким материалом является в первую очередь лёссовая глина (*пахса*), из которой возводили глинобитные стены, изготовляли сырцовый кирпич (*гишт*) квадратной или прямоугольной формы, овальные комья *гувала*. Жженый кирпич квадратной формы, обжигаемый в печах *хумдон*, применялся почти исключительно в монументальном строительстве (медресе, бани). Из древесных пород на конструкцию стен и кровли шел главным образом тополь. Раствором служила глина; штукатурили глиной с саманом. Для архитектурной отделки помещений в богатых домах употребляли алебастр (*ганч*).

Дома ставили обычно без фундамента — подготовка грунта сводилась к выравниванию и трамбовке строительной площадки. До середины XIX в. цоколь в домах либо отсутствовал, либо делался очень низким; под стены укладывали ряд булыжника или один-два ряда жженого кирпича. Лишь кое-где наличие грунтовых вод и почвенных солей заставляло повышать цоколь и употреблять изоляцию в виде камышовой прокладки. Со второй половины XIX в. в городах крупные торговцы начали строить дома с невысоким цокольным этажом, который использовался в качестве складского помещения. В Бухаре в полуподвальных помещениях, где летом прохладно, а зимой тепло, иногда жили или устраивали здесь мастерскую.

Пол дома приходился почти вровень с землей. Обычно он был земляной, хорошо утрамбованный, иногда обмазанный глиной; в городских домах состоятельных людей его выстилали жженым кирпичом.

Наиболее распространенной конструкцией стен жилища был каркас, состоящий из верхней и нижней обвязки, между которыми укреплялись стойки и подкосы с жердями. Различался каркас однорядный (*якка-синч*) и двухрядный (*ққуш-синч*). Каркас заполняли кладкой из сырца или гуваля. Кладка стен из сырца на территории Узбекистана встречается преимущественно в Фергане. Из гуваля стены возводили тоже главным образом в Фергане (притом в восточных ее районах), отчасти в долине Кашка-Дарьи (Гузор). Пахсовая кладка стен применялась в сельских усадьбах.

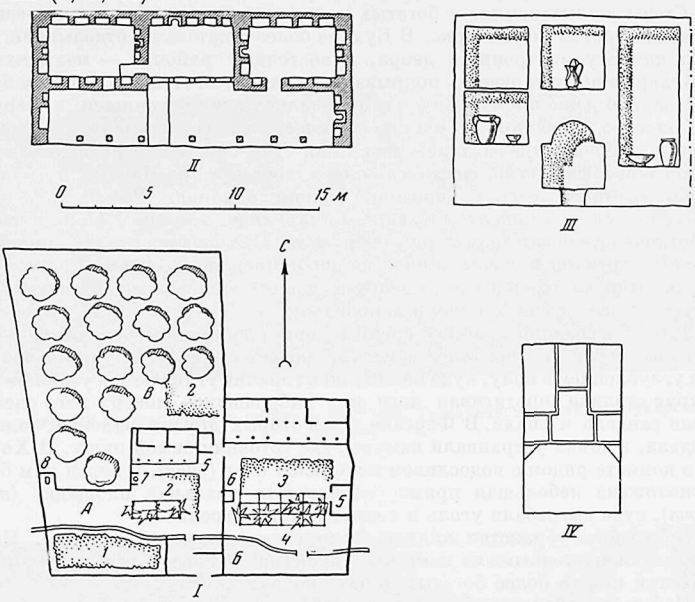
Плоская крыша покоилась на деревянных балках (*устун*, *болор*), поверх которых укладывали мелкие горбыльки (*васса*); те и другие образовывали открытый ребристый потолок. Поверх васа настилали камышовую плетенку (*бўйра*), затем делали земляную засыпку, довершаемую глиносаманной обмазкой. Вода с крыши отводилась деревянными желобами или керамическими трубами. Саманную обмазку кровли приходилось ежегодно обновлять, что доставляло много забот и требовало немалых расходов.

Скупая внешняя архитектура дома оживлялась воротами, лоджией второго этажа, а иногда возвышающимся над домом затейливым надочажным колпаком с ажурными стенками. Входные ворота в домах крупных городов обычно располагались в нише, иногда с парой стоек и глинобитными скамьями по обе стороны. На ворота бухарских и хивинских домов навешивали бронзовые и железные молотки или кольца.

Жилое помещение — уй — узбекского дома старинного типа имело по фасаду два-три оконных проема и двери (*эшик*), выходящие в переднюю или на айван. Сходные по форме и размеру двери и ставни (*дарча*) начинались от пола; различие между ними заключалось в том, что ставни отворялись наружу, а дверь — внутрь. Оконный проем снизу закрывали иногда решеткой или доской; над проемом оставляли фрамугу (*тобадон*), через которую проникал свет при закрытых ставнях. Тобадон закрывала вделанная наглухо деревянная или алебастровая решетка.

У входа в помещение устраивали прямоугольное углубление (*пойгак*), куда ставили обувь: по обычаю ее снимали, заходя в комнату. В углу помещался водослив (*обрез*, *адан*, *ташнав*). В Бухаре и Самарканде его покрывали мраморной плитой, в Хиве делали специальные керамические покрышки для водосливов.

Пропорции комнат обычно представляли наиболее простое и удобное отношение 2×3. Размер их определялся числом балок потолка, всегда нечетным (7, 9, 11).



Планировка узбекской усадьбы и дома в сел. Вуадиль. Ферганская долина

I — план усадьбы; *А* — ташкари; *Б* — ичкари; *В* — сад; *1* — кукуруза; *2* — огород; *3* — цветник; *4* — виноградник; *5* — скотник; *6* — курятник; *7* — хлебная печь; *8* — уборная; *II* — план жилого дома; *III*— часть стены внутреннего айвана с нишами и камином; IV — ниша с деревянными полочками в комнате

По условиям климата в узбекском жилище издавна видную роль играл *айвон* (крытая терраса). Иногда его заменяла открытая площадка *супа* — возвышение из кирпича и глины. В зависимости от сложившейся в каждой области старой традиции айван располагали либо в одну линию с комнатой, либо под углом к ней.

Характерной чертой планировки усадеб больших городов — Ташкента, Бухары и Хивы, где дворы были очень малы или вовсе отсутствовали, было наличие различно ориентированных жилых помещений, которые использовались в соответствии с временем года. Обращенные к северу летние комнаты были выше, вместительнее и богаче отделаны. На противоположной стороне двора ставили зимние помещения, фасадом на юг.

Чрезвычайно декоративно убранство жилища, тесно связанное с его конструкцией. Отделке комнат всегда уделяли особое внимание. В домах с двухрядным каркасом вдоль всех стен были устроены прямоугольные или стрельчатые ниши (*тахмон*, *токча*), в которых размещали предметы домашнего обихода. Стены отделывались в зависимости от средств хозяина

дома. Бедняки ограничивались глиносаманной штукатуркой стен; в домах людей среднего достатка стены покрывали грубой ганчевой штукатуркой; у богачей их затирали чистым мелкоотсеянным ганчем, который давал широкие возможности для тончайшей художественной декорации. Затейливые ячейки стенных ниш оформляли тонкой ганчевой дощечкой с фестончатым прорезом, решеткой или пластинкой с ажурным рисунком в форме кувшинчика. Иногда ниши и камины богатых домов завершались сталактитовым полукуполом (Маргелан, Коканд).

Стены жилых комнат в богатых домах украшали росписью и резьбой по алебастровой штукатурке. В Бухаре более тщательно отделывали жилую комнату внутреннего двора, в восточных районах — мехманхану. В Бухаре в первую очередь покрывали орнаментом стены, а потолки большей частью даже в богатых домах оставались неукрашенными; в Фергане и Ташкенте, наоборот, потолкам уделялось особое внимание, и они в первую очередь отделывались росписью. Для богатых ферганских домов характерны фигурные, часто сложного профиля, расписные потолки и пышные сталактитовые капители колонн айванов. Резьба и роспись применялись в Ташкенте, Бухаре, Самарканде; в конце XIX в. техника их отличалась богатством и разнообразием. В Хорезме, где жилище было курным, потолки и стены комнат не декорировались совсем. Там все старания были направлены на отделку художественной резьбой деревянных частей дома — дверей, колонн и подбалок.

Для обогревания в зимнее время в дореволюционном Узбекистане почти повсеместно употреблялся *сандал* — низенький столик, установленный над углублением в полу, куда насыпались горячие угли. Семья усаживалась вокруг столика, протягивая ноги под наброшенное поверх него одеяло; возле сандала и спали. В Фергане и некоторых других районах, помимо сандала, в домах устраивали камины, где готовили зимой пищу. В Хорезме в комнате рядом с водосливом находился очаг (*ўчоқ*), а перед ним была расположена небольшая прямоугольная или овальная площадка (*тандирча*), куда выгребали уголь и вокруг которой грелись.

Внутреннее убранство жилища было своеобразно декоративно. Полы покрывали плетеными из камыша циновками, а поверх них — кошмами, паласами или (в более богатых домах) коврами.

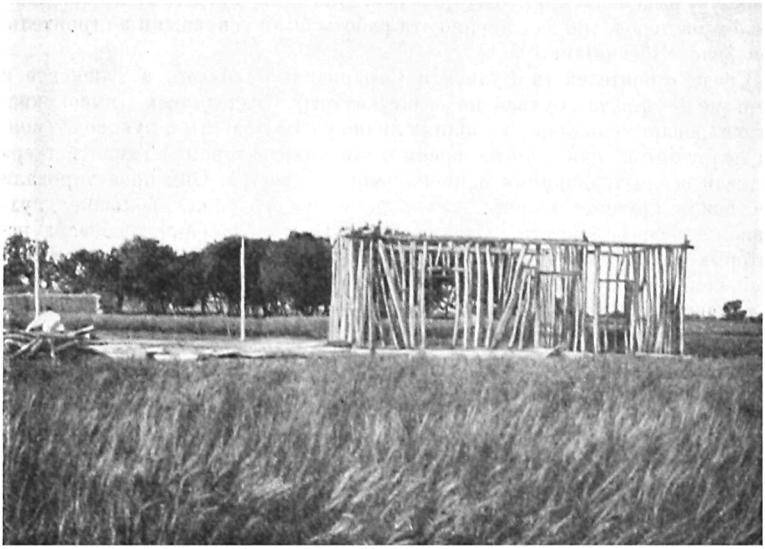
Мебель в узбекских домах в старину отсутствовала. Обитатели дома сидели на полу, на постланных вдоль стен узких тюфячках (*кўрпача*); во время еды на полу обычно расстилали скатерти. Лишь зимой ели за сандалом; в Ташкенте и Бухаре имел некоторое распространение низенький столик. В большие ниши (тахмон), которые устраивали обычно в передней стене против входа на уровне пола, ставили сундук и на него укладывали сложенные на день постели. Во многих местах одеяла и тюфяки перекладывали плоскими подушками с красивыми вышитыми краями, виднеющимися между одеял. Иногда постель закрывали вышитым покрывалом — *сўзани*.

В нишах меньшего размера, которые в богатых домах разделялись на отделения разной формы и размера — *майда токча*, *реза токча*, *косамон*, расставляли мелкую посуду — пиалы, чайники и пр. Большие нижние полки были предназначены для деревянных ларцев, подносов, блюд, кувшинов, иногда самовара. Оформленные с большим художественным вкусом, такие ниши представляли собой очень красивое зрелище.

По стенам комнаты на колышках и протянутых веревках и жердях развешивали одежду, мелкие вышивки и разную домашнюю мелочь.

Наиболее почетным местом в комнате считалось то, которое находилось в самой удаленной от входа части. Здесь сидели гости, а в отсутствии гостей — хозяин дома.

Постройкой и отделкой дома занимались мастера различных специальностей, объединенные в цеха. Общее название мастеров-строителей —



Деревянный каркас дома в кишлаке Сохтари. Гиждуванский район, Бухарская область

Дом в кишлаке Муминабад. Шахрисябзский район, Сурхан-Дарьинская область

бинокор. Работы, связанные с глиной, — кладка глинобитных и кирпичных зданий, возведение куполов, оштукатуривание разнообразных построек — выделялись в особое ремесло. Оно было представлено большим числом мастеров, так как именно эти работы были основными в строительном деле Узбекистана.

Среди строителей (в Бухаре и Самарканде — *гилкор*, в Ташкенте и Фергане — *сувоқчи*, буквально — штукатуры) выделялись высококвалифицированные мастера; выполняя лично разные работы и руководя своими подручными, они в то же время были архитекторами. Такие мастера владели всеми традициями национального зодчества. Они проектировали и строили крупные здания: жилые дома любого типа, большие двухэтажные медресе, мечети, а также бани. Постройка бани требовала некоторых специальных навыков, поэтому возведение бань было профессией немногих лучших мастеров.

Лучшие гилькоры ремонтировали и восстанавливали древние сооружения, причем это восстановление нередко заключалось в полной их перекладке. Так, известный бухарский зодчий — специалист по купольным перекрытиям — Усто Маджит Салихов (ум. в 1950 г.), в конце XIX в., во времена эмирата, разобрал один из бухарских купольных пассажей (Тим Саррофон) и затем с большим мастерством снова возвел все здание с его сложными купольными сводами.

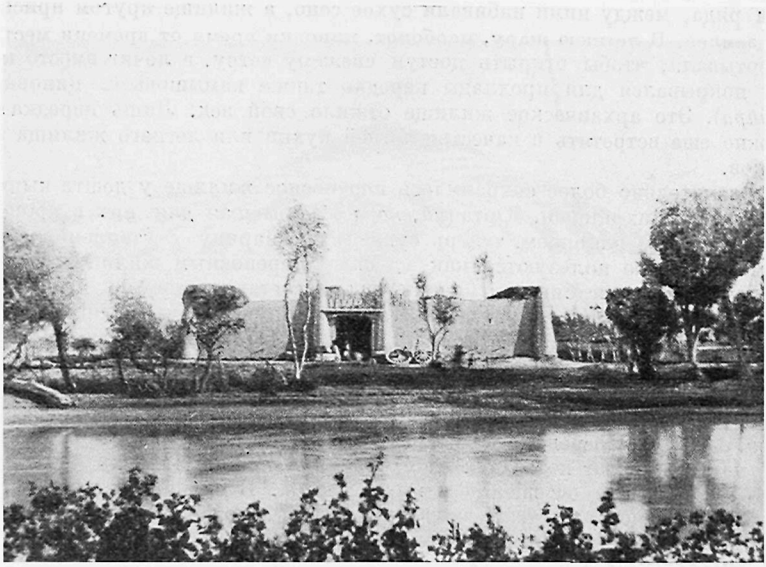
Очень тонкой, требующей специальных навыков и большого искусства, была профессия штукатуров и резчиков по алебастру (*ганчкор*). Они считались мастерами самой высокой квалификации, занимались простым оштукатуриванием и выполнением художественных панно, резьбой по ганчу и отливкой узорных ганчевых решеток. Хорошая штукатурка ценилась очень высоко — среди мастеров Бухары ходил рассказ о соревновании двух ганчкоров, отделывавших две половины одной комнаты. Выиграл не резчик, а штукатур, так отполировавший стены своей половины комнаты, что в них, как в зеркале, отразилась резьба, которой его соперник украсил стены второй половины комнаты.

Большую роль в строительстве играли плотники (*дурадгор*). При возведении каркасных зданий они руководили всей работой, планировали здание и определяли его архитектуру. На плотниках лежало также устройство балочных перекрытий и подготовка их частей: они обтесывали, а иногда и украшали несложной резьбой балки, вытесывали фигурные консоли и т. п. Они же делали сложные потолки из досок и деревянные карнизы, иногда в виде сталактитов.

У этнографических групп узбеков, которые в недалеком прошлом были полукочевыми, вместе с переходом к оседлости и занятию земледелием, также появилось стационарное жилище, однако, не у всех групп в одно и то же время. До конца XIX в. основным жилищем племен группы тюрков была юрта. Лишь у племени муса-базари, которое зимовало высоко в горах, где зимы были суровые, существовало издавна глинобитное примитивное жилище. Остальные племена этой группы — карлук, барлас и другие — начали строить глинобитные зимние жилища только в конце XIX — начале XX в., а карлуки, живущие в пределах Таджикистана, — лишь после коллективизации. И при наличии стационарного жилища у всех этих племен не утратило своего значения древнее переносное жилище типа юрты или шалаша.

У тюрков оно имело своеобразную конструкцию, значительно отличавшуюся от конструкции юрты, бытующей у узбеков дешти-кыпчакской группы племен. Юрта у племен группы тюрков, называвшаяся *лочин*, или *капа*, имела полусферический каркас (диаметром от 4—5 до 15 м) из перекрещивающихся деревянных дуг. Концы дуг втыкали в землю. Стены и купол, в отличие от юрты дешти-кипчакских узбеков, представляли одно целое. Для получения дуги большого размера она составлялась из

Уголок двора в кишлаке Сохтари. Гиждуванский район, Бухарская область



Дом хивинского узбека — «хаули». Окрестности Хивы, 1922 г.

Дом в кишлаке Гус. Ургутский район, Самаркандская область

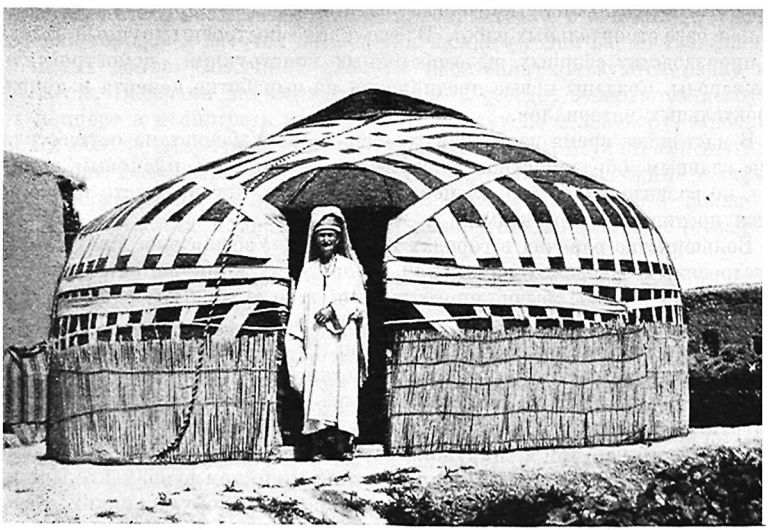
нескольких слегка согнутых жердей, связанных в местах соединения. При разборе остов юрты распадался на множество согнутых жердей. Купол лочига покрывали, как и юрты кочевых узбеков, кошмами, а стенки забирали циновками (*чий*, *чиг*), у которых стебли скреплялись в узор цветными шерстяными нитками. На зимний период циновки ставили в два-три ряда, между ними набивали сухое сено, а жилище кругом присыпали землей. В летнюю жару, наоборот, циновки время от времени местами свертывали, чтобы открыть доступ свежему ветру, а лочиг вместо кошмы покрывался для прохлады нередко также камышовыми циновками (*бўйра*). Это архаическое жилище отжило свой век. Лишь изредка его можно еще встретить в качестве летней кухни или летнего жилища стариков.

Значительно более сохранилось переносное жилище у дешти-кыпчакских узбекских племен. Юрта (*уй*, *қора-уй*), бывшая для них в прошлом единственным жилищем, теперь существует наряду с утепленным зимним домом; ею пользуются как удобным переносным жилищем чабаны на отгонных пастбищах. Стенки юрты составляются из нескольких звеньев решетки (*керага*). Сферическую крышу образуют длинные жерди (*ўўқ*), нижний конец которых, имеющий сгиб, привязывают к стенке юрты, а верхний конец вставляют в отверстие большого деревянного круга, увенчивающего купол юрты. Циновку и кошму прикрепляют к остову юрты широкими, иногда ковровыми, дорожками разной ширины (*боу*, *бошқур*). Посредине юрты разводят костер, над ним, на треножнике, устанавливают котел для приготовления пищи. Наверху оставляется отверстие для освещения и выхода дыма. В сильные холода, после прогорания костра, отверстие вверху юрты плотно закрывают куском кошмы для сохранения в юрте тепла.

Внутреннее убранство юрты состояло главным образом из различных шерстяных мешков, торб, сумок, обычно украшенных орнаментом. Нередко лицевая часть этой своеобразной мебели кочевника бывала ковровой. В качестве подстилок широко использовались обработанные бараньи и козлиные шкуры (*пўстак*).

Как и в стационарном жилище, наиболее почетным местом в юрте считалось место против входа. Левая от входа часть юрты представляла

На летовке узбеков-карлуков. Касанский район, Сурхан-Дарьинская область



Юрта узбеков-кунград. Камашинский район, Сурхан-Дарьинская область

собой мужскую половину, правая — женскую. Здесь сосредоточивалась хозяйственная жизнь женщин, помещалась посуда и хозяйственная утварь.

Даже при полном переходе к оседлой жизни у некоторых узбекских племен (кунград, сарай) в силу традиций, связанных с кочеванием и скотоводческим хозяйством, сохранялась наряду со стационарным жилищем и юрта. Ее ставили во дворе усадьбы или на огороде, в саду. В Хорезме в тесном, нередко крытом дворе делали иногда специальное круглое возвышение — площадку для юрты.

Беднота за неимением юрты, которая была жилищем дорогим, строила примитивные шалаши (*капа*), прямоугольные или круглые в плане. В этих шалашах проводили и зиму. Для утепления стенки шалаша иногда обмазывали изнутри глиной (локайцы). По мере оседания и перехода к хлебопашеству как к основному занятию, у этих слоев населения появились глинобитные дома (*чубтора*), которые также делали и прямоугольными и круглыми, в чем следует видеть сохранение традиционной формы юрты. Чубтора представляли собой невысокие глинобитные сооружения с двухскатной крышей из камыша и травы. В крыше делали отверстие для выхода дыма; такое жилище отапливали при помощи помещавшегося в середине очага, врытого в землю; топливом служил сухой помет домашних животных. Кое-где в быт входил сандал, заимствованный у оседлого населения. В глинобитных домах жили обычно только в течение трех зимних месяцев. С наступлением весны переселялись в юрты или шалаши.

Хотя с присоединением края к России в узбекское жилище проникли кое-какие новшества (начали применять кирпич заводского обжига, кровельное железо, остекление окон), но все эти усовершенствования главным образом происходили в богатых городских домах. Реорганизация строительной техники, тесно связанная с перестройкой быта и культуры, началась только после Великой Октябрьской революции.

Жилищное строительство росло в Узбекистане быстрыми темпами, особенно в годы семилетки, когда значительно расширилась индустриальная база строительных работ. В республике построены крупные заводы по производству сборных железобетонных конструкций, домостроительные заводы. Созданы новые предприятия по выработке цемента и других строительных материалов.

В настоящее время застройка городов и сел Узбекистана осуществляется главным образом строительными организациями плановым порядком, но развито и индивидуальное строительство, которое часто также ведется по типовым проектам.

Большинство рабочих в городах и поселках Узбекистана живут в благоустроенных заводских домах или в городских коммунальных квартирах. Заводские дома, обычно многоэтажные, иногда типа коттеджей, состоят из секций-квартир, каждая из которых имеет одну, две, иногда три комнаты, коридор, террасу или балкон. Часто заводы выделяют рабочим для индивидуальных застроек участки вблизи предприятия.

Индивидуальные дома, рассчитанные на одну-две семьи, расположены на границе участка и обращены к улице окнами фасадов. Они тщательно оштукатурены изнутри и снаружи. Строятся дома из сырцового, реже из жженого кирпича, на бетонном или булыжно-глиняном фундаменте. Цоколь возводится из жженого кирпича, иногда из бетона с булыжником. Завод обычно обеспечивает рабочих строительными материалами, на многих заводах для застройщиков изготовляются комплекты дверей, окон, металлических оконных решеток. По народной традиции нередко застройщику в городе, как и в кишлаке, оказывают общественную помощь товарищи по работе, родственники и соседи по махалля.

Большинство домов имеет две или три комнаты, переднюю, открытый

Внутренний вид дома узбеков-карлуков. Шурчинский район, Сурхан-Дарьинская область

или застекленный айван. Комнаты высокие, светлые, с большими окнами; полы в них деревянные; потолки либо оштукатуривают ганчем, либо подбивают фанерой и окрашивают масляной краской светлых тонов.

Зимой квартиры отапливают печами-голландками, плитами или чугунными печами. Иногда, по старой традиции, в них имеется и сандал.

Электричество, различные электроприборы стали обычными в быту населения городов и рабочих поселков. С каждым годом растет газификация жилых домов. Особенной любовью населения пользуются радио и телевизоры. Вечерами вся семья, а иногда и соседи, собираются послушать концерт и посмотреть интересную передачу по телевизору. Прочно вошла в обиход фабричная мебель — кровати, столы, стулья. Во многих домах стоят шифоньеры, посудные шкафы, этажерки, книжные шкафы и письменные столы. Большинство хозяек приобрели швейные машины. Украшением многих комнат являются декоративные вышивки (сузани) и настенные зеркала.

Несмотря на наличие мебели, в обстановке городских домов, в том числе и домов рабочих, следует отметить сохранение национальных форм убранства. Часто выделяются отдельные комнаты или в одной из комнат отводится угол, где на полу расстилают ковры, кошмы, тюфячки и кладут подушки. Тут же стоит маленький квадратный столик на низеньких ножках. Зимой нередко его заменяют сандалом. Эта часть дома занята обычно стариками и обставлена по их вкусу; но и очень пожилые люди зачастую предпочитают спать на кроватях, а не на полу. Особенностью убранства почти всех жилищ являются нарядные, сложенные высокой стопкой на сундуках, стоящих в нишах, разноцветные одеяла для гостей.

Посуду еще часто хранят не в шкафах, а в нишах. Полы обязательно застилают коврами, паласами, кошмами или дорожками.

Наряду с домами нового типа, выстроенными по архитектурным проектам, среди узбекских рабочих бытует и старое жилище. Обычно это дом, доставшийся по наследству. Как правило, он уже не удовлетворяет потребностей семьи и подвергается перестройкам, иногда весьма

значительным: делают пристройки, настилают деревянные полы, обновляют в современном стиле отделку, дом электрифицируют, приобретают городскую мебель.

Современное узбекское жилище сельских местностей, сохраняя некоторые локальные различия, по своей конструкции и благоустройству все больше приближается к городскому. Особенно ярко виден этот прогрессивный процесс в новых совхозах Голодной степи, где в широком масштабе ведется строительство индустриальными методами двухэтажных благоустроенных жилых домов для целинников. Строительство совхозных поселков Голодной степи обслуживает Джизакский завод, вырабатывающий силикальцит; из легких и прочных силикальцитных блоков собраны уже сотни новых домов.

В других областях Узбекистана дома сельского населения тоже совершенно изменили свой облик. Типичные черты современного сельского дома хорошо отражены в жилище колхозников Ферганской долины. Дома выходят на улицу фасадом с окнами. Они окружены приусадебными участками, огороженными глинобитными дувалами, участки засажены в большинстве случаев фруктовыми деревьями.

При возведении новых домов сохраняются некоторые национальные особенности архитектуры. Обычно к ним со стороны двора пристроены традиционные айваны, необходимые в условиях жаркого климата. Сохранились и плоские земляные крыши без карнизов. Но наряду с этим широко применяется для крыш шифер, кровельное железо. Новые дома выстроены на прочном кирпичном фундаменте и сложены из сырцового кирпича.

В домах, рассчитанных на большие семьи, прямоугольный корпус дома разделен обычно на четыре равные по площади помещения: три жилых комнаты и кухню, в которой зимой семья готовит пищу, обедает и нередко проводит около традиционного для Ферганы камина свободное время. Две комнаты выходят своими большими окнами на улицу, третья комната и кухня — на открытую веранду, которая тянется вдоль стены дома. Дом спланирован таким образом, чтобы в нем могли жить и две отдельные родственные семьи; он разделен на две не сообщающиеся между собой половины; каждая из них имеет отдельный выход на айван и включает по одной парадной комнате, выходящей окнами на улицу. Дома небольших семей состоят из двух комнат с окнами на улицу и большой кухни с окном во двор. Рядом с ней находится открытый айван. Вход в дом устроен со двора, с айвана. Разделение на отдельные несообщающиеся половины сохраняется и в этих домах: одну половину образует комната с кухней, другую — комната с айваном.

Встречаются в Ферганской долине новые дома, в которых сохраняется местная традиционная, очень удачная, планировка: между двумя комнатами находится закрытый с трех сторон айван. В некоторых домах его превращают в переднюю — открытая сторона закладывается стеной с дверью, ведущей во двор. Эти дома отличаются от старых строений кирпичным фундаментом, большими застекленными окнами, выходящими на улицу, и деревянными полами.

Значительную часть жилого фонда в колхозных поселках составляют старые дома, принадлежавшие раньше дехканам среднего достатка; выстроенные в дореволюционное время они, так же, как и старые городские дома, перестали удовлетворять новым, более высоким потребностям населения. Их перестраивают, ставят печи, белят, иногда украшают трафаретом и росписью. Расписывают стены домов обычно специально приглашенные профессионалы-мастера (*наққош*). Нередко рядом со старым домом строят новый, а прежнее жилище используют в качестве кухни или кладовой.

Использование жилых комнат и их распределение отражают как старые, традиционные формы семейной жизни, так и происходящий сейчас

В семье колхозника. Колхоз «Октябрь», Бухарская область

процесс складывания нового быта и новой семьи. Функциональное разделение комнат еще не успело развиться. В большинстве семей, даже при наличии нескольких комнат, нет отдельных столовых, спален, детских. Обычно одна и та же наиболее теплая и удобная комната служит и спальней и столовой. Зимой семья проводит в ней и свой досуг. Нередко здесь же отводится уголок, соответственно оборудованный (стол, стул, этажерка с книгами) для занятий школьников. При наличии нескольких комнат школьникам отводится для приготовления уроков отдельная комната; это отражает заботливое отношение колхозников к обучению детей, свидетельствует о начавшемся функциональном разделении жилища. Одна из комнат нередко служит также для приема гостей, являясь своего рода гостиной. Однако это не мехманхана старого типа, которая строилась изолированно от всего жилого комплекса, с отдельным ходом, а иногда и отдельным двором. Сейчас комната для приема гостей, как мужчин, так и женщин, не отделяется от жилища семьи.

В устройстве дома обычно сочетаются элементы современной культуры с традиционным своеобразием национального узбекского быта. Характерной чертой новых колхозных домов, а также многих перестроенных старых, являются герметические печи и плиты. Несмотря на их наличие, часть колхозных семей, по традиции, продолжает пользоваться вредным для здоровья сандалом. В Ферганской долине во всех домах как новых, так и старых, имеются очаги-камины.

По сложившейся на протяжении веков традиции, семья живет в комнатах только в холодное время года; с наступлением тепла и до самых холодов основным местом пребывания становится айван или двор. Размеры дворов колхозников неодинаковы, но все они благоустроены, содержатся, как и жилые помещения, в большом порядке и чистоте. Во многих дворах выращены прекрасные виноградники или фруктовые деревья. Развесистые деревья или густой виноградник, который высоко поднимается на деревянные подставки (*сўри*), создают тень и прохладу даже в самое жаркое время дня. В наиболее тенистом месте двора или на веранде стоит обычно большая деревянная тахта. Во многих дворах имеется земляная суфа. В некоторых дворах выстроены удобные красивые беседки (*шипанг*), иногда приподнятые над уровнем земли. В них спят,

там же — основное место пребывания семьи по вечерам. Новый облик дворам придает электричество, ярко освещающее по вечерам открытый айван, надворные постройки, беседку. Радиоприемники или радиолы с переходом семьи на летнее время во двор переносятся на айван или в беседку.

Элементы новой материальной культуры занимают все большее место и в домашней обстановке, и в хозяйственной утвари колхозников. Наблюдается тенденция к замене предметов старого типа новыми, фабричными вещами. Это особенно относится к передовым в бытовом отношении колхозным семьям из местной советской интеллигенции и семьям руководящих работников колхоза; но широко еще распространены и специфически национальные предметы. В одних семьях они бытуют наравне с новыми, в других — превалируют. Из национальных предметов убранства почти во всех семьях имеются ковры, паласы, кошмы, которые обычно расстилают на полу. В каждой семье, помимо комплектов постельных принадлежностей для членов семьи, имеются специально приготовленные для гостей новые нарядные одеяла, тюфячки, подушки. Одеяла шьют из яркого сатина или разноцветных дорогих тканей (шелка, полушелка, бархата). Умело сложенные стопкой на один или два сундука, эти вещи служат украшением комнаты. Сундуки, украшенные узором из цветных металлических полосок, ставят у передней стены или задвигают в большие ниши. Ниши в стенах, открытые и незащищенные от пыли, в большей части новых домов превращены в застекленные удобные и красивые шкафы.

Непременной частью национального убранства комнаты является хорошая посуда. Множество фарфоровых чайников, пиал, чаш больших размеров (*коса*), блюд, тарелок расставляют в неглубоких нишах или в стенных шкафчиках и буфетах.

В национальном стиле убирают комнаты молодоженов. Характерной особенностью такого убранства являются различные ручной работы большие декоративные вышивки, развешиваемые на стенах.

В убранстве многих колхозных домов теперь видное место занимают картины, карты, фотографии членов семьи, родственников и знакомых, иногда большие портреты руководителей партии и правительства; но еще недавно среди узбекского населения имел большую силу запрет ислама держать в доме изображения людей и вообще живых существ.

Современное жилище узбеков свидетельствует о значительном культурном росте и повышении материального благосостояния узбекского народа.

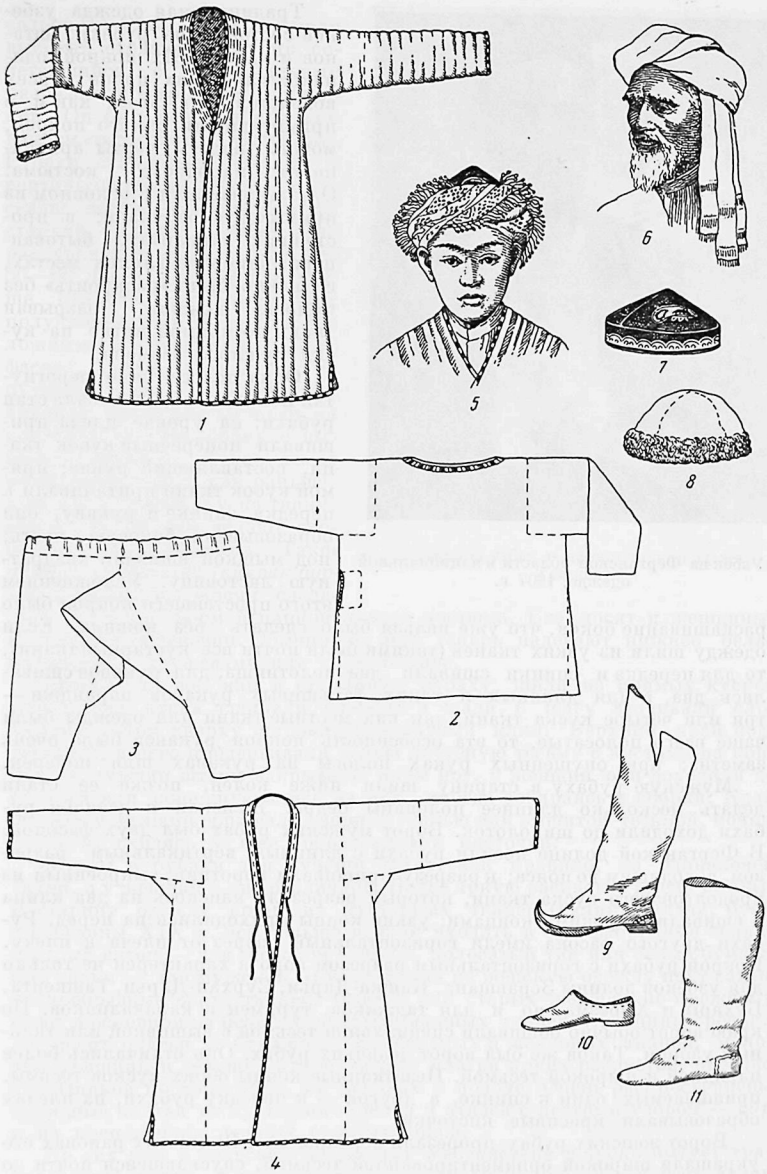
Одежда

Традиционные черты одежды народов Средней Азии формировались на протяжении многих веков. Несмотря на наличие национальных и местных особенностей, старый народный костюм у всех народов Средней Азии имеет одну общую основу. Это свидетельствует о том, что среднеазиатский костюм длительное время развивался в условиях культурного взаимовлияния всех народностей и этнических групп Средней Азии и соседних с нею территорий.

Изображение одежды народов Средней Азии на миниатюрах XVI в. показывает, что к этому времени уже сложился тип узбекской одежды, распространенный в последующие столетия.

Заметные изменения в устойчивом традиционном покрое одежды узбеков начались лишь после присоединения Средней Азии к России. Однако процесс трансформации старинных форм народной одежды развивался преимущественно в городах.

В настоящее время, освободившись от рутины старых предрассудков, влиявших на форму и некоторые детали одежды, узбекский народ развивает ее, заимствуя некоторые черты костюма у городского русского населения. Оба эти вида одежды теперь нередко сочетаются друг с другом: национальную одежду дополняют предметы одежды городского типа, а последняя имеет черты национального костюма.



Национальная мужская одежда узбеков XIX — начала XX в.

1—халат «чапан». Андижан; *2*—рубаха «куйнек». Хорезмская область; *3*—штаны «иштон». Хорезмская область; *4*— легкий нательный халат «ялтак». Ферганская область; *5*—головной убор молодожена—тюбетейка, повязанная вышитым платком. Сел. Тосмачи Самаркандской области; *6* — головной убор пожилого мужчины —«салла»; *7* — чустская тюбетейка «гус-дуппи»; *8* — узбекский головной убор «топы». Кунградский район, Каракалпакская АССР; *9* — сапог «етик»; *10*—кожаные калоши «кауш»; *11*— мягкие сапоги «маси».

Узбек из Ферганской области в национальной одежде, 1907 г.

Традиционная одежда узбеков состояла из рубахи, штанов и халата. Их покрой одинаков для обоих полов и всех возрастов, и в этом, как и в примитивности самого покроя, можно видеть черты архаичности народного костюма. Одежду сшивали в основном из прямых кусков ткани; в простейших вариантах, бытовавших в наиболее глухих местах, ее можно было «раскроить» без помощи ножниц, разрывая ткань по прямой нитке на куски нужного размера.

Одна полоса ткани, перегнутая пополам, образовывала стан рубахи; на уровне плеча пришивали поперечный кусок ткани, составлявший рукав; прямой кусок ткани притачивали к передку, спинке и рукаву, они образовывали боковую часть; под мышкой вшивали квадратную ластовицу. Усложнением этого простейшего покроя было раскашивание боков, что уже нельзя было сделать без ножниц. Если одежду шили из узких тканей (такими были почти все кустарные ткани), то для передка и спинки сшивали два полотнища; для рукавов сшивались два, а для длинных и узких фальшивых рукавов паранджи — три или четыре куска ткани; так как местные ткани для одежды были чаще всего полосатые, то эта особенность покроя рукавов была очень заметна: при опущенных руках полосы на рукавах шли поперек.

Мужскую рубаху в старину шили ниже колен, позже ее стали делать несколько длиннее половины бедра. Женская и девичья рубахи доходили до щиколоток. Ворот мужских рубах был двух фасонов. В Ферганской долине носили рубахи с длинным вертикальным разрезом, доходящим до пояса; к разрезу пришивали воротник, выкроенный из продолговатого куска ткани, который разрезали наискось на два клина и сшивали широкими концами; узкие концы приходились на перед. Рубахи другого фасона имели горизонтальный разрез от плеча к плечу. Покрой рубахи с горизонтальным разрезом ворота характерен не только для узбеков долины Зеравшана, Кашка-Дарьи, Сурхан-Дарьи, Ташкента, Бухары и Хорезма, но и для таджиков, туркмен и каракалпаков. По краю ворот обычно обшивали специальной тесьмой с вышивкой или тканным узором. Таков же был ворот девичьих рубах. Они отличались более нарядной и широкой тесьмой. Незатканные концы обоих кусков тесьмы, пришиваемых один к спинке, а другой — к передку рубахи, на плечах образовывали красивые кисточки.

Ворот женских рубах прорезали вертикально. Во многих районах его украшали широкой орнаментированной тесьмой, спускавшейся почти до колен. В Шахрисябзе, Карши, на Сурхан-Дарье тесьму вышивали крестом шелковыми нитками; в Бухаре для богатых нарядных рубах изготовляли золотошвейную тесьму. Пожилые женщины обшивали ворот скромной тесьмой, шерстяным шнуром или полоской ткани темного цвета. К концу XIX — началу XX в. рубахи с таким воротом сохранялись лишь в отдельных районах. В Туркестанском крае (сначала в городах, а потом и

селениях) стал входить в моду высокий стоячий воротник, сочетавшийся с вертикальным разрезом, прикрываемым планкой. Он был известен под названием «татарского» (*нўгай-ёка*). Рубахи старинного покроя с вертикальным разрезом ворота сейчас носят преимущественно старухи. Стоячий воротник характерен для одежды женщин 50—60 лет, а в городах и старше. Широкое распространение получили теперь платья с отложными воротниками разного фасона, застегивающиеся на пуговицу или закалываемые брошью; такие платья шьют на кокетке в густую сборку с вырезной проймой. Рукав шьют не из поперечного, как раньше, а из продольного куска ткани, внизу его обычно делают свободным, без манжета. Такое платье на кокетке (*кўкрак-бурма*) в настоящее время сделалось основной формой национального костюма. Его носят и женщины, и девушки, и девочки. Обычно под него теперь надевают нижнее белье из тканей с кружевами или трикотажное.

Пожилой узбек в национальной одежде. Ташкент

Штаны так же, как и старинную рубаху, шили из прямых кусков ткани; два куска сшивали спереди и сзади, в шагу втачивали сложенный углом кверху широкий квадратный клин. Верхний край подшивался, в него продергивали белую плетеную тесьму с кистями на концах. У мужчин штаны закрывали икры ног, у женщин они доходили до ступней или даже спускались на них, иногда собираясь в сборки. Край штанин у женщин обшивали узорной тканью или вышитой тесьмой, концы которой, сходясь у шва, образовывали кисточки.

Штаны и рубахи для мужчин шили, как правило, из одинаковой ткани, а у женщин — из различной. Более яркую расцветку имели штаны. В старину одежду шили из кустарных тканей (калями, алача, буз); с середины XIX в. все больше начали входить в быт фабричные ткани: пестрый ситец — для женской одежды, полосатый тик или белые бумажные ткани — для мужской. В наше время на женскую одежду идут самые разнообразные сорта тканей. Платья для старых женщин по-прежнему шьют в основном из белых хлопчатобумажных тканей. Женщины средних лет носят платья из бумажных, штапельных и шелковых тканей; молодые женщины и девушки предпочитают платья ярких расцветок, нередко *с вышивкой по воротнику, на рукавах и подоле. Очень распространены* нарядные платья из кустарного шелка и атласа с пестрым узором — *абр* и из креп-дешина нежных светлых тонов.

До сих пор в сельских местностях Узбекистана широко бытует традиционный халат. Халат по покрою близок к рубахе. У всех видов халата воротник того же покроя, что и на ферганских рубахах. Его узкие концы сходят на-нет на линии груди, смыкаясь с узкой стороной клиньев, пришиваемых к краям разреза, и образующих запàх халата. Рукава халата, в отличие от рубах, делали вверху более широкими, книзу сужающимися. На боках внизу халат имел разрезы, удобные при сиде-

Колхозник из Гузарского района Сурхан-Дарьинской области

нии на полу. Застежки не было: шнурочки, прикрепленные у нижнего конца воротника, завязывали, чтобы скрепить полы, лишь при совершении молитвы. В холодное время года халат носили, запахивая полу за полу и спустив его длинные рукава Зимние халаты были преимущественно стеганые, на вате. Стежка шла в вертикальном направлении. В некоторых местах (Хорезм) она делалась очень мелкой, от чего халат становился настолько твердым, что стоял колом. Халат на вате, с подкладкой, повсеместно носят и сейчас и не только зимой, но и летом. В Наманганской области на полевых работах принято носить короткие легкие стеганые халаты белого цвета, хорошо защищающие от солнечных лучей.

Но более употребителен летом халат из легких тканей, без стежки, обычно на подкладке (*яхтак*). В Сурхан-Дарьинской области и у полукочевых в прошлом узбеков, расселившихся на берегу Зеравшана, распространены короткие до колен или немного ниже халаты без подкладки. Их носят и поверх рубахи, а на работе надевают прямо на тело. Халаты в различных районах отличаются цветом ткани, длиной, шириной; их носят по-разному.

В Бухаре, в долинах Кашка-Дарьи, Сурхан-Дарьи и Зеравшана носят халаты широкие, довольно длинные с длинными, сужающимися книзу рукавами. Обычно их шьют из кустарных тканей, бумажных или полушелковых, ярких расцветок, часто в широкие разноцветные полосы. В Фергане и Ташкенте носят халаты более темной расцветки: зеленые или сине-зеленые. К началуXX в. наибольшее распространение здесь получил халат из черного сатина, который носят сейчас и в других местах. Среди молодежи, в качестве праздничного, популярен халат, сшитый из яркого бекасаба кустарной выделки с широкими полосами. Во многих местах, особенно сельских, он обязателен в комплексе одежды, которую дарят жениху родители невесты. По покрою ферганский халат узкий, облегающий, с узкими рукавами. Узкий и сравнительно короткий хорезмский халат делают из кустарной ткани алача, лощенной до глянца, с узором в узкую полоску.

В Ферганской долине принято носить халат подпоясанным, в других районах пояс (сложенный по диагонали квадратный платок, длинный из куска ткани кушак, а теперь — ременный пояс) надевают на рубаху, а халат носят свободно со свободно висящими, обычно распахнутыми полами.

Халат такого же покроя, как мужской, носили и женщины, надевая его в рукава или накидывая на голову, чтобы скрыть лицо от мужчин (в сельских районах). Специфически женской верхней одеждой был халат *мурсак*, отличавшийся тем, что сбоку под рукавами ткань собирали в

мелкие складочки. Внизу полы расширялись за счет пришиваемых к ним клиньев и находили одна на другую; как и на халатах, по бокам мурсака делали разрезы. Мурсак шили на подкладке и простегивали. Зимний мурсак при этом прокладывали тонким слоем ваты.

Мурсак имел локальные особенности: в Самарканде и Ташкенте его узкие внизу рукава доходили до кистей рук; в Бухаре, на Кашка-Дарье и в Хорезме отличительной чертой мурсака были широкие рукава ниже локтя, из-под которых выставлялись нарядные рукава рубахи. В Хорезме мурсак только рукавами и отличался от обычного халата.

Хивинские узбеки. 1873 г.

В старину мурсак был обычной выходной женской одеждой; к началу XX в. его стали носить, подпоясывая кушаком только в качестве специальной траурной одежды (его надевали во время оплакивания покойника). Однако многие женщины старшего поколения надевали мурсак (без кушака) также идя на свадьбу или в гости (Самарканд). В Ташкенте уже с начала XX в. мурсак перестали носить, но иметь его должна была каждая женщина, потому что он играл определенную роль в погребальном ритуале: мурсаком прикрывали умершую. Для этой цели он употребляется иногда в Ташкенте и сейчас.

Разновидностью халата была и особая (городская) одежда, надеваемая на голову,— *паранжи*; она, как и другие накидки, бытовавшие во многих сельских районах, отражала закрепощение и неравноправие женщин. В отличие от обычного халата паранджу в рукава не носили. Очень длинные и узкие рукава ее закидывали за спину и скрепляли вместе. Но шили рукава паранджи так же, как и у обычного халата; сохранялась характерная черта покроя рукавов местной традиционной формы: их делали из поперечных кусков ткани, что было очень заметно, так как обычно для паранджи употребляли различные сорта кустарной полосатой ткани. Паранджа почти во всех районах была очень длинная, почти до земли. Исключение представлял Ташкент, где носили паранджу более короткую, немного ниже колен. Накидки, подобные паранджe, есть и у других народов Средней Азии; вопрос об их происхождении еще не решен.

С паранджой носили продолговатую прямоугольной формы черную сетку—*чачван*, сплетенную из конского волоса. Концы одной из коротких сторон, скрепленные вместе, образовывали петлю, которую накидывали на голову. Сетка закрывала лицо, спускаясь до пояса. Выходя из дома, сетку несли в руках и надевали только за воротами; к ее мрачному черному цвету относились с суеверным страхом, считая, что если сетку надеть в доме, то это может навлечь на его обитателей несчастье.

В сельских районах паранджу носили редко. Если ее имели, то надевали лишь при торжественных выходах или далеких выездах.

В повседневном быту сельчанки, выходя из дома, набрасывали на голову детский халатик.

В тех районах, где паранджу не носили, в качестве выходной одежды бытовали различные более простые халаты-накидки, нередко белого цвета. В Шахрисябзе и районах Самаркандской области, населенных полукочевыми узбекскими племенами дешти-кыпчакского происхождения, носили халаты из полосатой кустарной ткани (*желак*). Белый халат-накидка (*жегде*) женщин Хорезма отличался очень длинными и узкими ложными рукавами, которые забрасывали за спину, а при работе обматывали вокруг шеи.

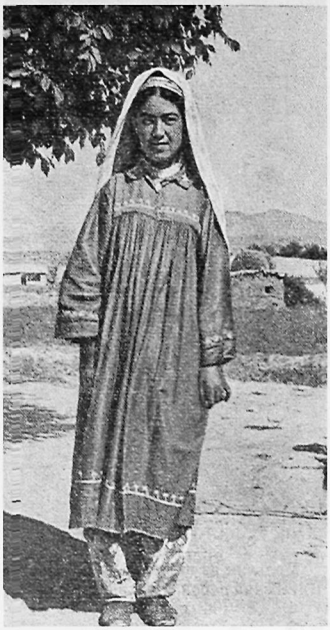
Все виды халатов-накидок, начиная с паранджи, постепенно уходят из быта. Иногда паранджу еще можно увидеть на улицах Ташкента или ферганских городов: ее надевают женщины, идущие на свадьбу или похороны; обычно же они ходят без паранджи. Таким образом, эта одежда, отражавшая закрепощение узбечки, доживает свой век, все больше превращаясь в ритуальную. Такую же роль играет в Хорезме и джегде, встречающееся изредка в качестве ритуальной одежды у старух. Но в сельских местностях Сурхан-Дарьинской и Самаркандской областей джеляк еще носят.

После присоединения к России в Среднюю Азию стали проникать новые формы одежды. В конце XIX — начале XX в. появился камзол (*камзур*, *камзул*), характерные черты которого — вшивные в вырезную пройму рукава, прорезные, горизонтальные карманы на боках. Камзолы носили и мужчины и женщины. Мужской камзол был с высоким стоячим воротником, длиной до колен или несколько ниже. Женский — шили в талию с раскошенными полами. Длинный камзол, заменявший теплый халат, имел выкройной шалевый воротник. Камзолы чаще всего делали из черной плотной ткани, а для молодых женщин — из яркого полосатого бекасаба или из цветного бархата и плюша. В тот же период по всему Узбекистану распространилась короткая безрукавка; ее носили и под камзол, и просто на платье. Мужчины носили кое-где безрукавку как жилет. В настоящее время безрукавка, преимущественно из темного бархата или плюша, сделалась непременной принадлежностью национального женского костюма.

Мужские камзолы носят сейчас немногие горожане старшего возраста, но женские бытуют очень широко, служа обычной верхней одеждой. Их делают преимущественно из темного, чаще — черного плюша, который хорошо сочетается с платьями из яркого пестрого шелка национального узора. Покрой камзола изменился. Раньше изменения касались деталей— длины, формы воротника и т. п., теперь эта одежда все более приближается к городскому пальто — прямому, двухбортному, с отворотами и прорезными карманами. Эту форму камзол приобрел в результате эволюции национальной одежды за советское время, когда начали входить в быт различные формы городской одежды.

Широкое распространение получил костюмный жакет английского типа—*кастим*. Жакеты шьются и из дорогих шерстяных тканей в ателье лучшими портными, и из простых тканей домашними портнихами (*чевар*). Распространены летние жакеты из плотной бумажной ткани белого цвета (Андижанская область), которые носят и в рукава и накидывают на голову при выходе на улицу. Очевидно здесь жакет унаследовал роль набрасывавшихся на голову халатиков, которые, как мы видели, во многих местах делали белого цвета.

Входят в быт, особенно у мужчин, европейские костюмы и пальто. Обычно их покупают готовыми, в магазинах, иногда заказывают в ателье. Среди интеллигенции получили широкое распространение легкие пальто (макинтош) из светлых дорогих тканей. Узбечки, особенно в городах, также носят пальто, придерживаясь модных фасонов и расцветок



Девушка из кишлака Карлук.
Сурхан-Дарьинская область

Женщина в повседневном костюме.
Узбеки-сарай. Камашинский район,
Сурхан-Дарьинская область

Женщина в национальном головном
уборе. Узбеки-кунград. Ширабадский
район, Сурхан-Дарьинская область

Головной убор невесты у узбеков-карлуков.
Касанский район, Сурхан-Дарьинская
область

Мальчик из кишлака Карлук. Сурхан-Дарьинская область

Мальчик из кишлака Ташкалак. Китабский район, Сурхан-Дарьинская область

В сельских районах пальто чаще всего можно видеть на представительницах интеллигенции (учительницах, врачах и др.).

В качестве теплой рабочей одежды общеприняты как в рабочей среде, так и у колхозников, стеганые телогрейки; мужчины носят и стеганые брюки, заправленные в сапоги.

Различные национальные головные уборы мужчин, а также женщин имели в основе одну форму: у мужчин — шапочка-тюбетейка, у женщин — платок. И та и другая форма имели множество разновидностей, а различные детали во многих случаях создавали настолько своеобразный внешний вид, что имеющаяся у них общая основа совершенно терялась.

В Узбекистане существуют традиционные приемы шитья тюбетейки (*тўппи, дўппи*); наиболее распространен следующий способ ее изготовления: отдельно выкраивают донышко и пришивают к нему околыш. Для нее характерно наличие подкладки, орнаментация вышивкой, узорной тесьмой, бисером; иногда ее изготовляют из дорогих тканей. В прежнее время форма, цвет и орнамент тюбетейки были специфичны для каждой этнической и локальной группы узбекского населения. Конические тюбетейки, имеющие покрой донышка с вырезанным сектором, раньше были распространены в районах Ташкента, Самарканда, Шахрисябза. Сейчас они бытуют лишь в последнем (ковровая тюбетейка). В других районах распространилась тюбетейка, у которой коническая форма достигается особой выработкой донышка (в стежку вставляется скрученная бумага). Плоская тюбетейка была распространена в Ферганской долине, но теперь ее делают и носят также и в других областях Узбекистана. Ее донышко выкраивается не круглым, а квадратным, вследствие чего на тюбетейке образуются четыре ребра. По орнаменту тюбетейки различны. Повсеместно распространены *тустўппи* из Чуста (Ферганская долина) с характерным узором, известным под названием «миндаль», или «перец», вышитым белым шелком на черном фоне, а также ходжентско-уратюбинская тюбетейка с

многокрасочным вышитым узором в виде цветущего кустика или розеток на сплошь зашитом поле. В настоящее время они широко распространены по всему Узбекистану, став общенациональным головным убором.

Мужской головной убор–шапочка *кулох*—отличался своим покроем, хотя внешне в некоторых вариантах был сходен с тюбетейкой. Кулох не имел околыша, его сшивали из четырех треугольников. От пропорций и контуров треугольников зависел и вид кулоха: если они были вытянутые, высокие — получался конусообразный колпак (такую форму он принимал в специфическом уборе дервишей). Треугольники с закругленными боковыми сторонами придавали убору яйцевидную форму (таковы теплые кулохи, которые носили зимой пожилые люди в Бухаре. Такие уборы мы видим на некоторых средневековых миниатюрах). Низкая, приземистая форма треугольников создавала шапочку, почти не отличимую от тюбетейки. Кулох носили в основном духовенство и набожные старики.

Девочка из кишлака Беш-капа. Шахрисябзский район, Сурхан-Дарьинская область

Разновидностью этого убора были зимние меховые шапки (*телпак*). В Самарканде и Бухаре они представляли собой сравнительно высокие, конусообразные уборы, сделанные из меха с невысоким ворсом. В Ферганской долине и Ташкентской области сама шапка, имеющая описанный покрой, была из ткани (бархата или сукна), а опушка — из меха лисы, куницы (Фергана) или барашка (Ташкент).

Таков же был покрой войлочных колпакообразных шапок (*қалпоқ*), которые носили степняки. Нижняя сторона треугольных долек делалась широкой и образовывала поля. С двух сторон оставляли разрезы, приходившиеся спереди и сзади, иногда—по бокам; для защиты от солнца поля спереди опускались. Такие шапки делали из белого войлока, поля подбивались черной тканью. Носят их и теперь. Этот убор распространен у казахов и киргизов. Мы встречаем его изображение на средневековых миниатюрах.

Для узбеков Хорезма, как и для каракалпаков, типична большая шапка кругло-уплощенной формы (*чугурма*) из шкуры барашка с длинной волнистой шерстью. Под мехом чугурма имеет каркас в виде круглой войлочной шапочки.

Поверх небольших шапочек — тюбетейки и кулоха — надевали чалму; она была обязательна в качестве выходного убора во всех районах, кроме некоторых районов Ферганы, где ходили в одной шапочке, и Хорезма, где носили меховые шапки.

Чалму в настоящее время носят редко. Немногие носят сейчас и меховые шапки национального фасона: их вытеснила заимствованная у русских шапка-ушанка. Часто встречаются щегольские шапки этого типа с опушкой из светлого каракуля различных оттенков.

Тюбетейки же бытуют очень широко. Их носят и мужчины, и женщины с национальным и с городским костюмами. У молодежи это основной головной убор.

Женщины раньше обычно вместо тюбетеек носили шапочки, поверх которых повязывали платки или чалму. Женская шапочка (*култа, кийгич*) была с высоким мягким околышем, плотно облегавшим голову; с макушкой, вместо которой на старых экземплярах оставлено круглое незашитое отверстие, и накосником в виде длинного прямоугольного куска ткани, который у многих групп узбечек сшивался, образуя мешочек с отверстием, через которое пропускали косы. Девичья шапочка, давно вышедшая из употребления, отличалась от женской отсутствием накосника.

Чалма была, по-видимому, древним женским убором, и в течение последнего столетия происходил процесс постепенного ее изживания. В Самарканде чалму женщины перестали носить еще в середине XIX в., а в Ташкенте и Андижанской области — с последней четверти прошлого столетия. У полукочевых в прошлом узбекских племен она сохраняется местами в измененной форме и поныне. Форма женской чалмы несколько различалась у разных групп узбеков. Большинство женщин ее носили поверх специального убора (*лачак*). Лячак плотно облегал лицо и прикрывал грудь. У некоторых групп узбеков, в частности в дельте Аму-Дарьи лячак сзади имел ромбовидную форму, углом ниспадая на спину; спереди в нем был овальный вырез для лица. Таков же в старину был и покрой ташкентского лячака. В Самарканде лячак сшивали из продолговатого куска ткани. В Южном Хорезме лячака не носили; там при навертывании чалмы одну петлю спускали на грудь и проводили под подбородком, так что она обрамляла лицо.

Обычно при выходе из дома поверх чалмы набрасывали либо описанный выше короткий халатик, либо покрывало (*чорчи*), сшитое в виде большой треугольной косынки из бумажной ткани красного или белого цветов.

В старину чалма была убором женщины-матери: ее надевали после рождения первого ребенка. Первое повязывание чалмы сопровождалось обрядами. Позже чалму стали впервые надевать после рождения первого внука. Чалма и особенно лячак имеют весьма древнее происхождение, о чем свидетельствует распространение их в разных районах Узбекистана у различных народов. Убор, аналогичный лячаку, называемый *кимешек* имеется у казахов и каракалпаков. Изображения подобных ему женских головных уборов мы видим на миниатюрах XIV—XVII вв. Изменение старинного женского убора происходило постепенно. Чалма заменялась налобной повязкой из платка; шапочку же в большинстве районов Узбекистана, особенно за последние десятилетия, заменила тюбетейка.

В настоящее время большинство узбечек уже не носит старых головных уборов. Преобладают платки из различного материала, разного цвета и величины. Иными стали и способы повязывания платков, не отражающие как прежде семейное и общественное положение женщины. Платок повязывают так, чтобы было удобно и красиво. Обычно небольшой платок, сложенный углом, накидывают на голову, а концы его завязывают сзади. Иногда, перекрещивая концы сзади, завязывают платок спереди над лбом красивым узлом. Выходя из дома, поверх малого платка или тюбетейки повязывают большие цветные шелковые, шерстяные или вязаные пуховые платки. У женщин старшего поколения сохраняются платки из белой кисеи (*дока*), которые они носят, перекрещивая под подбородком и забросив концы платка на плечи.

В старину девичьи и женские прически строго различались. Девушки и молодухи (до рождения ребенка) носили мелкие косы, число которых достигало сорока, женщины — две косы, пропускаемые в отверстие накосника. Женские головные уборы отражали порожденное когда-то магическими представлениями стремление скрыть волосы. До наших дней прическа с множеством мелких косичек еще широко бытует не только у девушек, но и у многих молодых женщин даже при наличии нескольких

Молодежь в современной одежде. Камашинский район, Сурхан-Дарьинская область

детей. Но одновременно с этим также широко принято среди женщин различных возрастов носить волосы заплетенными в две косы, спущенные за спину. Иногда девушки и молодые женщины укладывают косы вокруг тюбетейки в виде короны.

Многие узбечки носят в сочетании с городским костюмом шляпы модных фасонов или ходят с открытой головой.

Старинному женскому костюму соответствовали и украшения. Разнообразными ювелирными изделиями особенно обильно украшали головные уборы молодух. С изменением одежды и головных уборов старинные ювелирные изделия вышли из моды, их почти не носят. Перестали носить носовые серьги, старинные тяжелые налобные и нагрудные украшения. Современный покрой национальной женской одежды в сельских районах по-прежнему сочетается с красочными нарядными украшениями в виде ожерелий из разноцветного бисера. В сельских районах Сурхан-Дарьинской области распространены нагрудные украшения, также искусно нанизанные из цветного бисера. Повсеместно носят ниточки кораллов, а в Ташкенте — бусы из мелкого жемчуга, бисерные и стеклянные серьги, браслеты, кольца. Ворот платья нередко закалывают покупными брошками. Сейчас носят много золотых украшений, раньше широким массам населения недоступных. Очень широко распространены ручные часы с браслетом. В то же время на ребятишках и сейчас иной раз можно видеть широко распространенные раньше браслетики из черных с белыми точками бус «от сглаза».

Национальная детская одежда сходна с одеждой взрослых. Очень распространена как в городах, так и в сельских местностях готовая детская одежда современных фасонов, особенно шерстяные трикотажные костюмчики, обувь. Капоры и тюбетейки до сих пор украшают иногда талисманами в виде красивого пучка перьев филина, укрепленного на макушке.

Обувь национального типа как мужская, так и женская — выворотные с мягкой подошвой сапожки (*маҳси*). Прежде их носили со старинными кожаными галошами — *кавуш*. Но уже с конца XIX в. стали носить

Молодежь в семье колхозника. Октябрьский район, Ташкентская область

резиновые, так называемые азиатские галоши с острым носком. Редко встречаются теперь и старинного фасона сапоги на мягкой подошве из сыромятной кожи с загнутым кверху носом (*мукки*). Наиболее распространены высокие кожаные сапоги типа русских (*этик*), которые носят с портянками. Национальную обувь все более вытесняют фабричные туфли, ботинки самых разнообразных фасонов. В сельских местностях распространенной обувью стали кожаные сапоги на низком каблуке, праздничные женские сапожки из лакированной кожи. В некоторых районах (Фергана) носят сапожки, орнаментированные строчкой из цветных ниток, и туфли на низком каблуке из черной кожи или лакированные, также иногда орнаментированные.

Раньше изготовлением каждого вида обуви занимались разные ремесленники: одни шили выворотные сапожки на тонкой мягкой подошве — махсы, другие — сапоги на твердой подошве, третьи — сапоги из сыромятной кожи. Отдельные специалисты занимались производством кожаных галош, которые носили поверх махсы. Сейчас в Узбекистане развита обувная промышленность, имеется много обувных фабрик, производящих различные виды национальной и европейской обуви.

Пища

На питании населения Узбекистана — традиционном пищевом режиме и характере национальных блюд — отразились, с одной стороны, природные особенности страны и ее хозяйства, а с другой — культура различных этнических компонентов, вошедших в состав узбекского народа. Значительны различия в пище узбекского населения древних районов орошаемого земледелия и полукочевых в прошлом скотоводов степей и пустынь. Особенно сложен ассортимент кушаний жителей городов и древних крупных селений. Их кухня включает в себя блюда, имеющие самое различное происхождение: одни из них созданы земледельческим народом с древней оседлой культурой, другие — принесены слившимися с ним степняками, третьи — иноземного происхождения. На ассортименте и способах приготовления некоторых

блюд в городах западной части Узбекистана сказывается влияние персидской кухни, в городах восточной части — кашгарской (уйгурской).

За годы Советской власти узбекская кухня обогатилась блюдами, заимствованными у русских, а также за счет широкого употребления разнообразных новых продуктов, мало распространенных раньше видов овощей (картофель, помидоры, капуста), и фабричных изделий (макароны, вермишель, кондитерские изделия, консервы и др.).

Важное место в питании узбеков занимает хлеб (*нон*). Хлеб делают в виде круглых лепешек разного размера и сорта. Выпекают их в особой печи (танур, тандыр), которая представляет собой специальную корчагу без дна из необожженной глины, поставленную вертикально или укрепленную на боку, на глиняном же постаменте. Внутри печи разводят высокий огонь, после прогорания которого к раскаленным стенкам печи прилепляются хлебные лепешки.

В южных районах Узбекистана и Таджикистана среди тех групп узбеков, которые в дореволюционное время вели еще полукочевой образ жизни, сохранился другой, более примитивный способ выпечки хлеба — в котле или на раскаленном плоском камне, который ставят на очаг, имеющий вид ямы, вырытой в земле. Чабаны и табунщики на отдаленных пастбищах пекут хлеб в котле, на сковородах или в горячей золе.

Хлеб в домашних условиях выпекают исключительно из пшеничной муки, которая в прошлом беднякам была недоступна. Их обычную и нередко единственную пищу составляли лепешки из ячменной, джугаровой (сорго) или просяной муки, которые теперь вышли из употребления.

Тесто чаще всего употребляют кислое. Закваской служит кусок сырого кислого теста, оставленный от хлеба предыдущей выпечки. Пекут лепешки и из пресного теста (*патир*). Обычно оно делается слегка сдобным: в него примешивают шкварки или молоко, иногда прибавляют мелко искрошенный лук или тыкву, которые сильно перчат красным перцем. Лакомым блюдом считаются жирные слоеные лепешки (*қатлама*), поджаренные в котле.

С давних времен во всех городах и крупных селениях Узбекистана было развито промышленное приготовление хлеба в специальных хлебопекарнях (*новвойхона*). Среди владельцев пекарен были крупные предприниматели, державшие по нескольку мастеров-хлебопеков и подсобных рабочих. Они торговали прямо из пекарни и вразнос. Промышленной выпечкой хлеба занимались мужчины. Они обучались хлебопекарному делу, специально проходя долгую выучку. Хлеб выпекали для продажи и во многих домах; в этих случаях выпечкой занимались женщины, мужчины же ведали доставкой муки и продажей продукции. Этим промышляли многие семьи горожан.

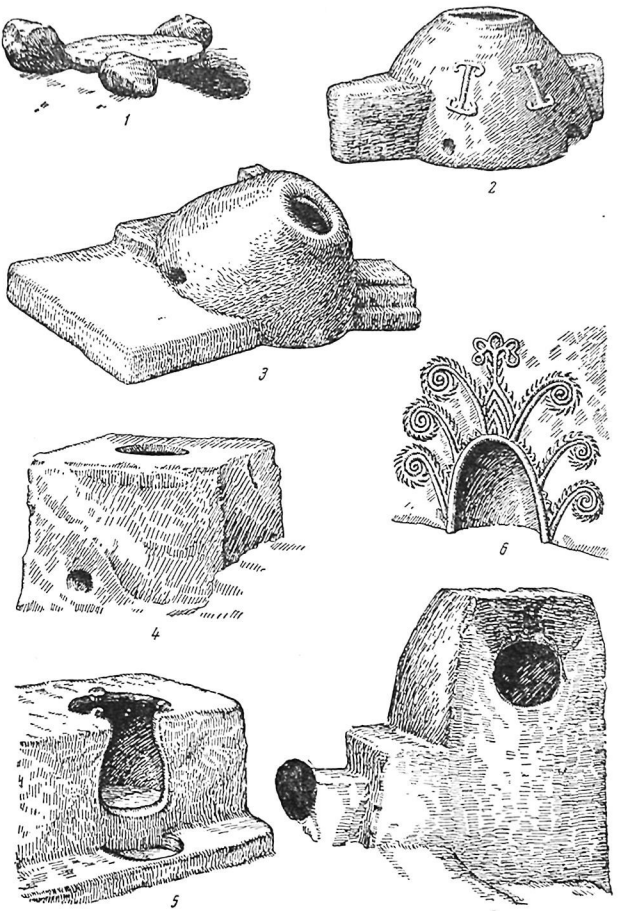
Форма и качество хлеба неодинаковы в разных районах. Традиции, выработанные многими поколениями пекарей в городах и крупных селениях, в наши дни продолжают мастера в государственных и колхозных пекарнях.

В связи с большим ростом за годы Советской власти городского населения Узбекистана и вовлечением женщин в работу в промышленности, сельском хозяйстве и других областях общественного производства возросла во много раз потребность населения в покупном печеном хлебе. Поэтому во всех городах, рабочих поселках и крупных селениях построены пекарни для выпечки хлеба местных сортов, а также механизированные хлебозаводы, которые выпекают широко употребляющиеся узбеками хлебные изделия промышленного типа.

Узбеки сохранили чрезвычайно почтительное отношение к хлебу. Дети с малых лет приучаются тщательно подбирать каждую упавшую на землю крошку, «чтобы хлеб не был осквернен». В доме хлеб хранится

в передней, почетной части комнаты. За едой разломить хлеб (лепешки не режут) является обязанностью и правом старшего в доме.

Кухня узбеков разнообразна и богата, в ней находят применение различные местные и привозные продукты. Среди них важную роль



Типы хлебных печей у народов Средней Азии

1 — у узбеков-карлуков. Яванский район, Таджикская ССР; *2* — у туркмен. Ташауэская область; *3* — у южнохорезмских узбеков. Хорезмская область; *4* — у киргизов. Иссыккульская область; *5* — очаг для печения хлеба и варки пищи у горных таджиков. Каратегин; *6* — у горных таджиков. Район Ховалинга *7* — у горных таджиков. Пенджикент

играет мясо. По традиции предпочитается баранина, говядину употребляют мало, еще меньше конину, которая идет лишь на некоторые кушанья (вареная колбаса и др.). Специального забоя лошадей на мясо узбеки не практикуют. Свинину, запрещенную исламом, многие узбеки не едят и

сейчас в силу привитого с детства отвращения. Однако некоторые изделия, в которые входит свиное сало и мясо (фабричная колбаса), большинство узбеков молодого поколения охотно употребляют.

Забой скота, разделка туш и продажа мяса считались особым ремеслом, требующим специальных навыков. Мясники (*қассоб*) составляли довольно значительную прослойку среди ремесленников-пищевиков. Их лавки помещались на главном базаре каждого города в специальном ряду, имелись они и на всех второстепенных базарах и во многих кварталах, так как мясникам для обеспечения сбыта своей скоропортящейся продукции была важна близость к покупателям. После революции потребление мяса среди узбеков сильно возросло.

Раньше узбеки ели мясо сравнительно редко, для большинства населения мясная пища была слишком дорогой; в кишлаках мясо появлялось несколько чаще летом: со времени поспевания хлеба и до осени зерно выменивали у мясника на мясо и сало.

Население городов сейчас снабжается мясом через государственные магазины и колхозные рынки. В ресторанах, столовых (*ошхона*), закусочных и чайханах, имеющихся в большом количестве не только в городах, но и сельских местностях, приготовляются различные мясные блюда. В столовых промышленных предприятий и на полевых станах колхозов также готовят преимущественно мясную пищу.

По старой традиции во многих семьях, особенно в районах отгонного животноводства среди полукочевых в прошлом узбеков, откармливают на зиму и режут по мере надобности баранов. Мясо это жарится кусками и заливается салом. Подобная консервация заменяет копчение мяса, которого узбеки не знают. Мясо хранят в бурдюках и желудках забитых животных или в глиняных корчагах. Лепешки, залитые бульоном из этого мяса, составляют повседневную традиционную пищу узбеков полукочевых в прошлом групп. У этой части узбеков сохранился обычай резать в честь почетного и желанного гостя барана или козла. Здесь порядок свежевания и разделывания туши знает каждый мужчина. Зарезав животное, гостю подают зажаренное кусками мясо, печень, почки и легкие. Поздно вечером готовится плов, а утром — бульон и вареное мясо. У некоторых дешти-кыпчакских узбеков сохранялся древний обычай подавать гостю вареную голову, ножки, требуху, в то время как у других групп узбеков «почетными» считались другие части туши животного.

Рыбу местное население употребляет мало, в домашних условиях ее приготовляют редко. На базарах специальные повара жарят рыбу в растительном масле. Любители покупают ее и тут же едят за столиком или на суфе. Только у рыбаков на побережье рек из рыбы приготовляют разнообразные кушания.

Узбеки употребляют самые разнообразные овощи: морковь, тыкву, картофель, помидоры, репу и др. Картофель, капуста, помидоры, баклажаны начали культивироваться местными жителями только с конца XIX в. и сейчас эти овощи выращивают и употребляют в пищу повсеместно. Широко используются различные травы — как культурные, так и дикорастущие. Такие приправы, как кореандр, мята, базилик и другие равы и пряности, особенно красный перец, добавляются в кушанья в совершенно необычных для европейской кухни дозах.

Основу большей части блюд узбекской кухни составляют мука и зерно.

Раньше употребляли в основном льняное и кунжутное масло, с конца XIX в. стали применять и хлопковое. Животный жир, главным образом любимое населением баранье сало, в прошлом был доступен далеко не всем; ежедневно его употребляли только зажиточные люди.

Большое количество кушаний из муки, разнообразных и часто весьма сложно приготовляемых, свидетельствует о глубоких традициях, сложив-

шихся в среде древних земледельцев. Полукочевые в прошлом узбеки теста с начинкой совсем не готовили.

Распространены в Узбекистане различные виды лапши. Ее варят в виде супа (*кескан-ош*, *суюқ-ош*) с приправой из кислого молока и хорошо перетопленного масла, в которое кладут сухой укроп. Два сходных блюда — *норин* и *лагмон* представляют собой разновидности откинутой лапши с приправой. Для норина лапшу режут из отваренных в воде или мясном бульоне кусочков тонко раскатанного теста; лапшу приправляют вареным мясом и заливают крепким мясным бульоном. Норин — излюбленное блюдо казахов, от которых оно и было заимствовано узбеками. В Ташкенте оно считалось почетным блюдом и подавалось обычно в тех случаях, когда собирались одни мужчины. Лягмон представляет собой отваренную в воде лапшу, которая делается очень длинной; ее вытягивают, перебирая в руках. Заправляется лягмон соусом из мяса с большим количеством овощей. Это кушанье, по-видимому, было заимствовано из уйгурской кухни.

Во всех районах, где живет исконно оседлое население, очень распространены пельмени разного вида. Мелкие пельмени с рубленым мясом и луком (*чучвара*) варят в воде; на пару, в особых решетах, готовят крупные пельмени (*манти*). Сейчас пельмени на пару часто готовят, особенно в городах, не только в узбекских, но и в русских семьях.

Для узбекской кухни весьма характерны также различного вида пирожки (*сомса*). Их чаще всего готовят с сырым мясом, которое мелко рубят, смешивают с большим количеством нарезанного лука и сильно перчат; очень распространены пирожки с тыквой, также сильно сдобренной перцем. Ранней весной пекут пирожки с начинкой из дикорастущих трав, а к новому году — с горохом (Самарканд). Пирожки, как и лепешки, пекут в тануре, прилепляя их к раскаленным стенкам печки. У горожан готовят также слоеные пирожки с начинкой из пережаренного мяса; их жарят в котле, на масле.

У узбеков широко распространены всевозможные похлебки и каши: рисовая похлебка *мастава* и похлебка из маша (род бобового растения) — *мошхўрда* — и др. Основной пищей кочевых узбеков в прошлом была жидкая каша из дробленого ячменя или джугары — *кўча-ош*, заправленная кислым молоком, ее нередко готовили впрок и употребляли в забродившем виде. В настоящее время куча-ош приготовляют редко. Повсеместно употребляют густые каши из риса с мясом — *шавла*, из маша — *мошкичири*, а также рисовую кашу на молоке *шир-гуруч*.

Одной из разновидностей каш является традиционное и самое любимое у узбеков блюдо — плов (*палов*).

В дореволюционное время в богатых домах плов готовился чуть ли не каждый день, а в средних по зажиточности семьях его делали раз в неделю, вечером, в канун пятницы. Но бедняки отведывали его лишь на обрядовых пиршествах (*тўй*) своих более состоятельных соседей. На тоях плов подавали обязательно, а обычай требовал, чтобы к угощению приглашали всех соседей по кварталу или всех жителей кишлака, от богача до последнего бедняка. Сейчас плов доступен каждой семье. На многих улицах городов можно видеть летом громадные котлы, в которых плов варится для продажи. Его готовят также во всех столовых и ресторанах. Приготовлением плова, этого любимого национального блюда, чаще занимаются мужчины.

Плов приготовляют из риса, кое-где из риса с машем (Бухара) в сочетании с мясом, луком и морковью, в него кладут много жира, растительного или животного (баранье сало). Существует несколько сортов плова, в зависимости от мяса (баранье, козье, лошадиное, птица домашняя и дикая) и способа приготовления. Наиболее широко известен узбекский плов, когда мясо, овощи и рис варятся в одном котле. В Бухаре распрост-

Завтрак в летнее время в семье колхозника. Калининский район, Ташкентская область

ранен у узбеков переднеазиатский способ приготовления плова, называемый бухарцами «кабульским». При этом способе вся приправа приготовляется в одном котле, а рис варится в другом.

Во многих узбекских семьях, особенно у горожан, сейчас готовят и русские блюда: котлеты, фаршированные овощи, голубцы, жаркое и др.

Молоко узбеки употребляют главным образом в заквашенном виде (*қатиқ*); пресное молоко дают только детям. Молочные продукты широко применяют для заправки кушаний. Масло сбивают из кислого или пресного молока в высоких узких сосудах при помощи палки с крестовиной на конце. В городах применялся в прошлом способ изготовления масла из сметаны. Сливочное масло стали употреблять только в советское время. В прошлом его обычно перетапливали и использовали при изготовлении различных праздничных блюд. Кроме масла, заготовляли и заготовляют впрок заквашенное молоко и пахтанье, остающееся после сбивания масла из кислого молока. И то и другое откидывают и либо сушат в виде небольших шариков, либо хранят засоленными в мешках или бурдюках. Кумыс готовят лишь некоторые кочевые в прошлом узбеки (локайцы, марка), а также проживающие в пограничных с Казахстаном районах (в частности под Ташкентом). Большинство же узбеков делать кумыс не умеют.

Летом большую роль в питании узбеков играют свежие фрукты: абрикосы, тут, виноград и особенно дыни, которые служат одним из основных продуктов питания. Зимой и весной повседневно употребляют сушеные фрукты, особенно изюм и урюк. Гостям подают сушеные фрукты с грецкими орехами, косточками урюка, фисташками и миндалем. Виноград, гранаты, яблоки и айва, а также некоторые сорта дынь сохраняют в свежем виде до весны.

Ассортимент национальных кондитерских изделий у узбеков очень разнообразен. И в прошлом изготовление сладостей носило промышленный характер. В семье сладости не приготовлялись — их покупали в готовом виде у торговцев, которые обычно сами же были и мастерами-кондитерами (*халвогар*). Особенно славились кондитеры г. Бухары. Халвогары изготовляли халву, конфеты, варили на продажу варенье, делали леденцы. Особенно разнообразны были сорта халвы. Ее употребляли сравнительно много. По обычаю семья жениха посылала халву невесте и ее подругам вместе с праздничными предсвадебными подарками. Еще большим спросом пользовался кристаллический сахар (*новвот*), который считался лечебным средством от слабости. Его давали, например, роженицам в первые дни после родов. В дни поста месяца Рамазана (*рўза*) традиционным было изготовление так называемой *ишмолда* — пенистой массы из сахара и белков яиц, сбиваемых с отваром мыльного корня. Специальные мастера приготовляли лакомства из фруктов и зерен. Большой популярностью пользовались вываренные в соленом растворе урюковые косточки и жареный горох, который смешивался с кишмишем. Их также готовили специалисты. Среди кондитеров так же, как и среди пекарей, были владельцы крупных мастерских, мастера, славившиеся особым искусством. В столицах ханств некоторые из них становились поставщиками эмирского или ханского двора. Все эти сладости в повседневном быту широкие слои населения употребляли мало, так как они были дороги. Их покупали преимущественно к семейным празднествам — к сговору, свадьбе, обрезанию, окончанию траура.

Традиции приготовления местных кондитерских изделий сохраняются поныне. Приготовление некоторых видов сладостей освоено и кондитерскими фабриками. Но помимо местных сладостей, сейчас широко употребляют разнообразные виды фабричных кондитерских изделий. Их, как и сахар, подают теперь в домах не только для гостей, они заняли прочное место и в повседневном быту.

Чай вошел в широкий обиход даже в самых бедных домах во второй половине XIX в. Обычно пьют зеленый чай, хорошо утоляющий жажду в жаркое время года. Но в Ташкентской области предпочитают черный чай. Распространено приготовление чая в виде так называемого *шир-чой*, или *оқ-чой*; такой чай с молоком, солью и пряностями во многих районах является неотъемлемой частью зимнего утреннего завтрака.

Опьяняющим напитком, главным образом у полукочевых узбеков пограничных с Казахстаном районов, была буза, приготовленная из проса. Во многих местах, где культивировали виноград, несмотря на строгий запрет мусульманам употреблять опьяняющие напитки, делали и пили виноградное вино (*мусаллас*). Еще китайские источники II в. до н.э. сообщали о приготовлении и потреблении вина в Фергане, которое местные жители любили так, как их кони любят люцерну[1]. После принятия народами Узбекистана мусульманства изготовление и потребление вина сильно сократилось, но не исчезло совсем, хотя его уже не могли пить открыто.

Однако, как свидетельствуют путешественники, в разное время побывавшие в Средней Азии, а также письменные источники, в придворных кругах вино потреблялось в больших количествах; тайные попойки устраивали и студенты медресе.

В наши дни вина Узбекистана широко известны за пределами республики. Во время семейных праздников, когда приглашают большое количество гостей, во многих узбекских семьях дастархан для пьющих вино накрывают обычно в отдельном помещении.

---

[1] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, II. М.— Л., 1950, стр. 161.

Обед хлопководческой бригады в поле. Андижанская область

У узбеков прежде было довольно широко распространено употребление наркотиков: курение табака при помощи специального прибора (*чилим*), в котором табачный дым пропускали через воду; закладывание очень сильного, специально приготовленного табака под язык; курение анаши, приготовленной из конопли; опий употреблялся в виде настоя из высушенных головок опийного мака (*кўкнор*).

Сейчас распространено курение фабричных папирос; не исчезло из быта и закладывание табака под язык. Употребление остальных наркотиков запрещено законом.

Хозяйственная утварь в прошлом была немногочисленной. Пищу готовили почти всегда в чугунном котле, на очаге. Утварь состояла из металлической шумовки, ножа и нескольких мисок, большей частью глиняных, а в кишлаках иногда и деревянных. Для жидкостей употребляли различные крынки и кувшины. Зерно хранили в ямах, закромах или глиняных корчагах; тесто замешивали в больших глиняных мисках (*тогора*), а разделывали на бараньих кожах (*супра*). У каждой хозяйки были скалка и доска для раскатывания теста; на ней же резали овощи и лапшу.

В настоящее время как горожане, так и сельское население широко используют фабричную посуду: алюминиевую, эмалированную, фарфоровую, стеклянную и пластмассовую.

Климатические условия и образ жизни узбеков привели к сложению определенного пищевого режима дня. Основной прием пищи, когда готовят наиболее питательные блюда, приходится на вечер — время, когда в летние месяцы спадает дневной жар и когда работающие члены семьи возвращаются домой. Утром семья ест также вместе. Часто завтрак ограничивается чаем, к которому иногда подаются сливки или пенки, снятые с кипяченого молока. Последнее особенно распространено в Бухаре. В течение дня лишь слегка закусывают: пьют чай с хлебом, летом едят фрукты, салат из помидоров. Работающие члены семьи едят днем горячую пищу

в столовых и на полевых станах. Дома горячая пища днем большей частью готовится лишь в случае прихода гостей, которые по обычаю остаются на целый день, с утра до вечера, а иногда и ночуют.

Пищу в семье готовят женщины, на общественных же угощениях — главным образом мужчины. Каждый считает обязательным для себя уметь хорошо сварить плов, и это искусство служит нередко предметом гордости и соревнования. У узбеков очень ценится умение красиво, со вкусом подать на дастархан угощение. Теперь часто практикуются передачи по телевидению, в которых даются советы, как убрать стол, как подавать различные кушанья. В новых обычаях сочетаются и современные культурные навыки и традиционный национальный этикет, который был детально разработан и широко распространен во всех кругах населения. Этот этикет соблюдался за едой как в присутствии гостей, так и в кругу своей семьи.

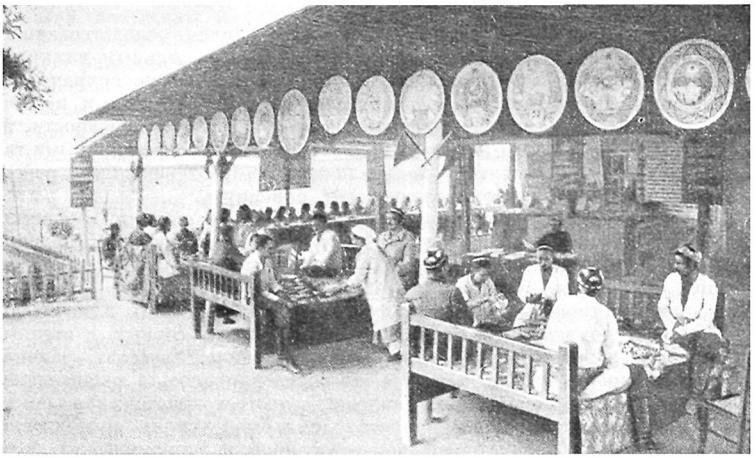
Вся семья садится вокруг скатерти, расстеленной на полу, на глиняном возвышении или на деревянной тахте, стоящей где-нибудь в саду. Все большее распространение получает низкий столик, за которым едят, сидя на полу. При еде и работе в среде интеллигенции вошли в обиход столы и стулья. Жидкую пищу подают в чашках, отдельно каждому, в сельских местностях иногда — одну чашку на двух человек. Густую пищу в настоящее время раскладывают по тарелкам, но и сейчас не изжит еще обычай есть с общего блюда. Пищу берут ложкой или руками, очень искусно, не теряя ни крошки. Руки перед едой и после еды обязательно моют. Во время приемов гостей участников трапезы обносят водой для мытья рук.

Местная диететика, знатоков которой было немало в самых широких кругах населения, основывалась на представлении о делении пищи на холодную (холодящую) и горячую (горячащую). Этому старому, известному еще в классическом мире, делению соответствовало деление людей по темпераменту (*мизож*) на холодных и горячих. Обычно люди не обращали внимания на состав пищи, но в случае заболевания соблюдению соответствующей диеты придавали большое значение. Считалось, что человеку с холодным темпераментом полезна «горячая» пища и наоборот.

Все сладости считались «горячими». Из жиров «горячими» считали, например, баранье и конское сало, ореховое масло, холодными — говяжий жир, растительное масло; из злаков к «горячим» относились озимая пшеница, маш, кукуруза; к холодным — яровая пшеница, джугара; из овощей «горячими» были тыква, морковь, свекла, холодными — репа, лук; из фруктов горячими — дыни, груши, гранаты, винные ягоды, холодными — персики, яблоки, абрикосы. Большинство молочных продуктов считалось «холодными», поэтому кушанья, приготовленные с молочными заправками, считались «холодными», а с животными жирами — «горячими». Этим «свойствам» пищи придавалось настолько большое значение, что при отправлении на поминки женщины несли с собой в дар хозяевам дома «холодящие» блюда, чтобы остудить разгоряченные горем сердца; идя же на свадьбу, наоборот, стремились принести самые «горячие» блюда, так как во время свадьбы все усилия были направлены на то, чтобы повысить сердечный жар жениха и невесты.

Отражением магических воззрений было перенесение на пищу свойств употреблявших ее людей. Поэтому считалось, что остатки пищи ученых или ишанов при съедении их, например, детьми, могли бы способствовать усвоению ими учености от первого или благодати от второго. Так как гость рассматривался в старом быту как лицо священное, как «дар бога», то и остатки пищи гостя считались обладающими благодатью и охотно съедались.

Существовали некоторые обрядовые кушанья. Поминальными блюдами, посвященными духам умерших, считались сладкий мучной кисель на сале (*ҳалвойтар*) и куски пресного теста, жаренные на растительном масле



Чайхана. Колхоз им. Нариманова. Пахтаабадский район, Андижанская область

(*бўғирсок*). Вероятно, очень древним кушаньем был мучной кисель с солодом (соком пророщенной пшеницы) — *сумалак*. Сумалак варили весной, в этом участвовали только женщины. Его приготовление носило общественный и ритуальный характер: продукты доставляли все участницы обряда, нередко по обету; кисель раздавался всем жителям квартала или селения. Котел кипел всю ночь. Приготовление сумалака сопровождалось молитвами, обрядами и весельем. Значение жертвенного кушанья имели приготовлявшиеся в честь «святой Биби-Сешанба» клецки (*умоч-ош*); в посвященном ей обряде участвовали также только женщины. Мужчины готовили обычно в мечети жидкую пшеничную кашу (*холиса*) с мясом, которое должно было совершенно развариться и смешаться с пшеницей; это кушанье приготовляли в качестве умилостивительной жертвы (*худойи*) в случае каких-нибудь повальных болезней и т. п. Холиса обычно готовили в складчину и раздавали всем жителям квартала или селения.

Широко распространен у узбеков обычай гостеприимства. Хорошо принять гостя, раскрыть скатерть с хлебом перед каждым пришедшим в дом, или хотя бы угостить его чаем — считалось обязательным. Где бы и когда бы человек не ел, он всегда был обязан поделиться пищей с окружающими. Это правило соблюдалось настолько широко, что существовал даже особый термин «доля глаза» (*кўз ҳақи*). Им обозначалась небольшая доля, претендовать на которую имел законное право каждый, на чьих глазах приготовлялась пища или даже закалывалось животное. При приготовлении в доме вкусной пищи, в особенности праздничной или обрядовой, обязательно посылали хотя бы самое малое количество ее ближайшим соседям и родным. Таким же образом поступали и с тем, что приносилось женщинами в виде подарка с праздничных пиршеств или из гостей. Первыми фруктами из своего сада и теперь обязательно делятся с соседями, приносят их на работу, чтобы угостить товарищей.

Многие из этих обычаев гостеприимства сделались национальной традицией, обязательным требованием народной этики.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

Общественный быт

В XIX — начале XX вв. быт узбеков определялся господствовавшим в то время феодальным общественным строем и сильным влиянием ислама. Однако во всем укладе их жизни и в идеологии сохранялись пережитки более ранних форм общественного строя, обрядов и верований, восходивших подчас к глубокой древности, но тем не менее уживавшихся как с феодальными, так и с начавшими складываться капиталистическими отношениями, еще не успевшими к этому времени развиться и окрепнуть.

К ним относились упоминавшиеся выше пережитки: общинные порядки, бытование большой семьи, а у части узбеков, не изживших традиции кочевого быта, родоплеменная организация и широкое распространение древних обычаев и культов.

Общинные отношения, имевшие форму соседской общины, в значительной степени сохранялись не только в отдаленных горных и степных районах, но и более экономически развитых земледельческих районах дореволюционного Узбекистана, где это обусловливалось в значительной степени спецификой орошаемого земледельческого хозяйства; для обеспечения искусственного орошения необходимо было усилие организованного коллектива. Община оказалась устойчивой в экономических условиях феодальной Средней Азии. Царизм также сохранял обычаи общины и общинного водопользования.

В городе принадлежность к общине-махалля определялась проживанием на территории квартала. Продажа дома в квартале контролировалась общиной. Соседское право на покупку дома, признаваемое шариатом за непосредственными соседями, распространялось на всех членов квартальной общины. Члены общины совместно пользовались общественными зданиями. В общем пользовании была мечеть, помещение для омовений, где зимой нанятый общиной человек согревал воду. Жители квартала сообща несли расходы по содержанию и ремонту этих помещений, сообща пользовались инвентарем, необходимым для совершения обрядов: большим котлом для варки плова на семейных и общественных пиршествах и поминках, носилками для умерших. Все эти вещи либо приобретались вскладчину, либо жертвовались в вакф квартальной мечети состоятельными членами общины для общего пользования. Жители кварталов сообща следили за арыками, протекавшими на их территории, иногда общими силами копали бассейны-хаузы (обычно около мечети), в городах сообща нанимали подметальщика, на обязанности которого было следить за чистотой улиц, а летом их поливать. Жителей кварталов связывало также обязательное участие в семейных обрядах друг у друга (свадьба, похороны и т. д.), которые, по традиции, сохранившейся от родовой общины, носили общественный характер. Взаимно участвуя в этих обрядах, помогая в их организации и подготовке, каждая семья пользовалась правом присутствовать на пиршестве, происходившем в квартале, получить свою долю угощения, раздававшегося в таких случаях на вынос. В некоторых городах (Ташкент) каждый квартал имел также свое определенное место на городском кладбище.

Общину возглавлял выборный старшина (*оқсоқол*, *элликбоши*), имевший помощников: мужчину (*пойкор*) и женщин (*кайвони*, *ходим*).

В квартальной общине происходил процесс глубокого социального расслоения. Рядом с представителями знати жили и бедняки. Первым принадлежало обычно решающее слово в делах общины, хотя по традиции считалось, что всем вершат «седобородые» (*оқсоқол*, *мўйсафид*). В сельских местностях общинные отношения более чем в городах были связаны с хозяйственной деятельностью населения — землепользованием, водопользованием, скотоводством и др.

У тех групп узбеков, которые сохраняли родоплеменное деление, были явственны и следы патриархальных родоплеменных отношений. Принадлежавшие к одному роду и племени осознавали свою родственную близость и сохраняли связи со своими сородичами, даже территориально отделившимися от них несколько поколений назад. В свою очередь потомки переселившейся группы хорошо помнили свою генеалогию и если даже постоянная связь между ними утрачивалась, то при необходимости они считали себя обязанными оказывать друг другу помощь. Бывали случаи, когда родство признавалось потомками разделившихся родовых групп более чем десятого поколения.

Племена делились на роды, крупные и мелкие родовые подразделения. Фактически родом считалась разросшаяся семья, все члены которой возводили свое происхождение к одному предку. В отличие от каракалпаков, казахов и других народов Средней Азии узбекские роды не были экзогамными, у них широко практиковались кузенные браки различного вида, особенно браки между детьми братьев (*амакивачча*). Это доказывает, что узбекский род в конце XIX — начале XX в. находился на стадии глубокого разложения. Утратив одну из характернейших черт родового общества — родовую экзогамию,— узбеки устойчиво сохраняли и некоторые другие пережитки родового быта.

Если в основе рода лежали легко прослеживаемые кровно-родственные связи, то в основе племени и колена такие связи, вероятно, исчезли уже очень давно. В состав каждого племени вошло множество иноплеменных, а иногда и инонациональных элементов. Когда исторические условия вызывали необходимость их объединения, они принимали выработанную и широко бытовавшую форму племени. Таков состав, например, шахрисябзских кенегесов, вобравших в себя местное «сартское» и таджикское население.

Остатки родоплеменного деления и родового быта, авторитет феодально-родовой знати в административной системе узбекских ханств поддерживались государственной властью в целях сохранения патриархально-феодальных форм эксплуатации крестьян. Хотя деление на племена и роды имело у полукочевых узбеков значительно меньшее влияние на семейно-брачные отношения и общественный быт, чем, например, у каракалпаков, киргизов, туркмен, оно все же способствовало сохранению многих очень древних пережитков; так, в среде родоплеменных узбекских групп сохранялись следы фратриальной организации; к этой традиции, возможно, восходит наблюдавшаяся парность племен: парными считались племена кият и кунград, канглы и канджигалы (в Хорезме), китай и кипчак (в Хорезме и на Зеравшане). В некоторых случаях в отношениях между «парными» племенами наблюдалась традиция предпочтительных браков: так, постоянно обменивались девушками племенные группы дурман и катаган, живущие в Чиназском районе Ташкентской области.

К пережиткам древней фратриальной (дуальной) организации относится и институт традиционного соперничества между общинами, который можно проследить по раннесредневековым письменным источникам; он сохранялся во многих городах и крупных селениях еще в начале XX в.

Институт традиционного соперничества имеет те же истоки, что и упомянутая выше традиция членения древних поселений на две-четыре части.

В Шахрисябзе «соперничали» жители северной и южной частей города, в Карши — жители пригородов, образовывавших два эля — Чаримгар и Бузрукобод. В Ташкенте соперничали главным образом две части города: Шейхентаурская и Бешагачская. Состязания происходили на площади, называвшейся Джангох. В народном быту Бухары в связи с институтом ритуального соперничества, который бытовал преимущественно в среде

ремесленной молодежи, жило представление о делении города на четыре соперничавших части. По названию этих частей именовались и соперничавшие между собой в различных состязаниях группы жителей.

В Бухаре весной молодежь собиралась двумя противостоящими друг другу группами за городской стеной; сначала каждая группа выпускала на круг бойцовых птиц — петухов или перепелов, а иногда баранов, и победа или поражение птиц и животных рассматривались как победа или поражение выставившей их группы. Поэтому исход борьбы глубоко волновал каждого участника, поражение вызывало насмешки; заканчивалась борьба состязанием между людьми. Каждая сторона выставляла для этого по одному человеку. Это было состязание на выдержку и терпение: по уговору, один из бойцов начинал первым наносить удары; его противник должен был устоять на ногах, выдержать, не просить пощады. Когда наступала очередь второго, первый также должен был проявить выдержку. Выдержка и бесстрашие, умение наносить и принимать удары приобретались долгими тренировками.

В Карши одним из основных поводов к соперничеству был обычай изготовлять к свадьбе или к обрезанию букет, или, вернее, деревцо искусственных цветов, игравшее известную роль в ритуале. Цветы готовила молодежь того или другого эля по очереди. В день торжества их переносили в ритуальном шествии, сопровождаемом забавами и зрелищами, изобретаемыми для потехи гостей теми же, кто изготовлял цветы. Каждый эль старался при этом превзойти другой. Громогласно превознося искусство своего эля и насмехаясь над цветами и зрелищами, которые были подготовлены при другом празднестве соперниками, состязались в остроумии и находчивости, в умении сразить противника насмешками.

К пережиткам древнейших институтов можно отнести существование у узбеков специфического разделения на возрастные группы или ступени — детство, юношество, зрелость и старость. Это деление было особенно живо у узбеков Хорезма. Его следы обнаруживаются и сейчас. Как мужчины, так и женщины делились на четыре основные возрастные группы сверстников, называвшиеся в разных районах *қатор*, *тенгу*, *тенгқур*. Каждый круг объединял людей приблизительно одного возраста. Переход из одной возрастной группы в другую был связан с определенными обрядами. Каждая возрастная группа имела свои отличительные особенности, выражавшиеся в одежде, украшениях, прическе, а также общественных обязанностях и нормах поведения.

Так, кое-где (Бухара) существовал обряд первого надевания девочкой халата (типа мурсак-кальтача), который считался специфически женской одеждой. После рождения ребенка женщина переходила в группу «матерей», что отражалось иногда и на ее костюме, на ее общественном положении — с этого времени она получала право ходить на празднества своих соседей, членов сельской или городской квартальной общины.

Среди мужчин различие возрастных групп проявлялось при образовании компаний (*жўра*) для зимних пирушек, в которых участвовали все мужчины и юноши селения или квартала. Особенное развитие получил этот обычай в селениях, но существовал он и в городах. В одну компанию входили люди одного возраста. Пожилые, экономически самостоятельные люди собирались вечерами по очереди то у одного, то у другого члена компании, который должен был приготовить угощение на свой счет. Такие пирушки назывались *гап*. Юноши, не располагавшие большими средствами, устраивали пирушки вскладчину (*тўкма*). Они собирались в каком-нибудь доме, где была просторная мехманхана, которую хозяин дома был обязан по обычаю предоставить своим молодым односельчанам безвозмездно. Многие из юношей здесь и спали. Главой такой компании был старшина *жўралар боши*. Пирушки начинались обычно осенью и

происходили всю зиму. Характер собраний зависел от возраста участников этих мужских товариществ, генетически восходящих, по-видимому, к первобытным мужским союзам. В рассматриваемое время они представляли собой пережиточное явление, имеющее много локальных отличий.

Деление на возрастные категории отразилось и на некоторых терминах родства: особые термины употребляются для обозначения одной и той же категории родственников в зависимости от возраста говорящего. Он называет старших братьев — *ака*; младших братьев — *ука*; старших сестер — *апа*; младших сестер — *сингли*; жен старших братьев — *янга*; жен младших братьев — *келин*; мужей старших сестер — *почча*, *язна*; мужей своих младших сестер и дочерей — *кўёв* и т. д.

В номенклатуре родства и свойства у узбеков сохранялось различие родственников со стороны матери и со стороны отца. Брата матери говорящее лицо называет *тога*, а брата отца — *амаки*.

В Хорезме форма обращения к дяде, брату отца, зависела от того старше он отца или моложе. Если старше, то его называют *бобо* (дед) если младше отца, но старше говорящего— ака; если же младше говорящего — ука. Сестру матери называют *хола*, а сестру отца — *амма*; сына сестры — *жиян*, а сына брата (в зависимости от возраста) — ака или ука.

В быту узбеков сохранялись некоторые явления, свидетельствующие о наличии пережитков материнского рода. К числу их относилось представление об особой близости родственников по материнской линии и, как отголосок авункулата,— особая роль дяди по матери. Последний считался наиболее близким и уважаемым родственником и был обязан опекать своих племянников (*жиян*). Он давал официальное согласие на замужество племянницы, а в случае ее смерти должен был положить ее в могилу. Широко бытовала поговорка «дядя по матери стоит семи отцов».

Все эти древние институты начали разрушаться и видоизменяться еще в дооктябрьский период, но их следы, в той или иной мере, сохраняются в быту узбеков. Не всегда их влияние вредно. Так, жители квартала, как и селения или его части, и теперь сохраняют друг с другом близкие связи, принимают участие в жизни каждой семьи: помогают ей при несчастье, принимают участие в семейных праздниках. Пожилые, почтенные жители квартала или селения, в силу традиционного уважения к старшим, оказывают влияние на жизнь своих соседей, удерживают жителей квартала от ссор или неблаговидных поступков, помогают дружному участию в работах по благоустройству своей территории, в проведении каких-либо общественных или государственных мероприятий. В то же время сохранение старых общинных традиций приводит часто к тому, что пожилые члены коллектива, пользующиеся по своему возрасту особым влиянием среди соседей, насаждают и укрепляют отсталые взгляды, религиозные обычаи и обряды, устаревшие нормы поведения.

В современном селении и городском квартале все больше изживаются вредные пережитки и прочно сохраняются хорошие народные традиции, получающие новый смысл.

Существующие в городах и поселках Узбекистана махаллинские комитеты становятся центрами общественной жизни квартала. Они организуют художественную самодеятельность, лектории, встречи с учеными, писателями, артистами, художественные выставки и экскурсии, общие собрания, ведут большую политическую и культурно-просветительную работу. Велико влияние на жизнь махалля также и агитпунктов. Райкомы партии и комсомола и местные советы депутатов трудящихся тесно связаны с махаллинскими комитетами. Во многих махалля созданы женские советы, привлекающие жительниц квартала к активной общественно-политической жизни.

Быт жителей селений и городских кварталов находится теперь под сильным влиянием норм общественной жизни, складывающихся на предприятиях, в колхозах и совхозах, в учреждениях; исчезла прежняя замкнутость общины — махалля. Разрушение устоев старого уклада обусловливается участием в общественном труде, воспитательной работой партийных и комсомольских организаций и широким вовлечением населения в выборные органы советского государства — советы, народные суды и др. С повышением культурного уровня расширяется кругозор, растут политические интересы, выходящие далеко за рамки обывательской жизни, ограниченной одним махалля, кишлаком или городом.

В общественной жизни населения узбекских городов и кишлаков все ярче проявляются черты социалистического интернационализма; крестьяне, рабочие, интеллигенция живут общей жизнью со всей советской страной, принимают непосредственное участие в республиканских и общесоюзных событиях — съездах, совещаниях, конференциях и пр.; все более широкими становятся и международные связи — выезды в зарубежные страны и дружественные приемы гостей из этих стран.

Религиозные пережитки в общественной жизни и быту и их преодоление

Узбеки, как и большинство народов Средней Азии, исповедовали ислам суннитского толка. Ислам регламентировал все стороны жизни: мировоззрение, быт, правовые институты, семейные нормы узбеков, оказывал большое влияние на весь уклад жизни, на всю их культуру. Вместе с тем, он впитал в себя многие элементы древних верований и приобрел в Узбекистане своеобразные формы. Даже в исполнении известных пяти основных предписаний мусульманской религии (*фарз*), вошедших в обычай разных народов Средней Азии, у узбеков имелись местные особенности.

Пятикратная молитва выполнялась в дореволюционном Узбекистане повсеместно. Наступление времени очередного намаза объявлялось специальными лицами (*азончи*, *муаззин*) с крыши мечети или с минарета. Посещение мечети особенно строго вменялось в обязанность мусульманина в городах Бухарского ханства, где несоблюдение этого предписания каралось властями. Требование это относилось в первую очередь к утренней молитве, которую горожанин должен был совершать обязательно в приходской мечети. Специальный чиновник — *раис* утром объезжал городские мечети, проверяя, все ли прихожане совершают намаз; уклонившихся от молитвы без уважительной причины ждало строгое внушение или даже наказание плетью. В той части Узбекистана, которая вошла в состав Туркестанского генерал-губернаторства, посещение мечети не контролировалось, но обычай этот поддерживался влиянием общественного мнения. Большинство верующих молилось там, где заставал их час намаза: дома, в лавке, на базаре или где-нибудь у дороги. Для молитвы расстилался поясной платок, халат или специальный молитвенный коврик. Женщины в мечетях намаз не совершали. Они могли молиться только дома, но большинство из них вовсе не совершало этого обряда, так как не знало молитв.

Из предписаний ислама наиболее регулярно соблюдался пост (*рўза*). Он длился целый месяц (рамазан), в течение которого верующие должны были от рассвета и до темноты воздерживаться от пищи, питья и курения.

В течение этого месяца в городах происходили ночные базары и гулянья, на которых выступали острословы, музыканты, мальчики-танцоры (*бачча*), продавались всевозможные лакомства и горячие блюда. Во многих семьях хотя бы один раз за весь месяц устраивали торжественное разговение, на которое приглашались гости — родственники и знакомые, что считалось «богоугодным делом».

Поститься должны были все взрослые. Девочки соблюдали пост с 9 лет, мальчики — с 12, так как с этого возраста они считались совершеннолет-

ними. Пост был мучителен, в особенности если он приходился на летнее жаркое время[1] и приводил к серьезным заболеваниям и истощению организма.

Трудно осуществимо для среднеазиатских мусульман было обязательное паломничество к святым местам в Мекку (*хаж*). Большинство верующих из-за недостатка средств, а иногда из-за отсутствия религиозного рвения воздерживалось от паломничества в Мекку несмотря на то, что оно давало почетное звание хаджи и поднимало авторитет. Богачи нередко нанимали за себя бедняков, которые совершали хадж от их имени. У большинства среднеазиатских мусульман паломничество в Мекку заменялось посещением местных святынь — мазаров, что санкционировалось духовенством, материально заинтересованным в процветании мазаров. Многие мазары были раньше местами старых доисламских культов. Иногда в их почитании ясно прослеживаются следы поклонения силам природы. Ислам связал эти мазары с именами мусульманских, иногда библейских, святых и пророков. В числе последних были Сулейман (Соломон), Аюб (Иов), Дауд (Давид), Данияр (Даниил) и др. Очень много мазаров было связано с именем Али, зятя Мухаммеда. Мазарами были не только почитаемые могилы, но и всякое место, куда, по легенде, ступила нога святого. Легенды о святых, с которыми связано почитание мазаров, представляют собой сложный конгломерат мусульманских и доисламских мифов, причудливо переплетающихся между собой. Примером может служить находящийся в Самарканде мазар Шах-и-Зинда (Живой царь). Предание связывает его с именем Куссама-ибн-Аббаса, двоюродного брата Мухаммеда. В мазаре его находится прекрасное майоликовое надгробие, датируемое XIV в. Народная легенда гласит, что в этом месте Куссам-ибн-Аббас, будучи в войсках арабов, после боя с защитниками Самарканда скрылся в колодец, неся в руках свою отрубленную голову. По-видимому, в почитании Шах-и-Зинда сохранились пережитки древнего культа умирающего и воскресающего бога; о существовании этого культа в Средней Азии свидетельствуют древние китайские хроники. Другим отдаленным отголоском этого повсеместно распространенного культа в мусульманстве был культ Хусейна и посвященные ему траурные обряды.

Мазарами становились могилы многих исторических лиц, например, бухарского правителя Исмаила Самани (X в.), мистика Ходжа Ахрора (XV в.) и др. Считалось, что паломничество к некоторым из мазаров излечивает от болезней. Так, могила Бурханеддина Маргинани, (Фергана), автора свода законов шариата,—книги Хидоя считалась излечивающей от коклюша; мазар известного реакционного суфия Имама Мухаммеда Газоли (Бухара) — излечивающим от головной боли и т. д.

Новыми мазарами становились нередко могилы умерших известных ишанов. Их потомки, прекрасно учитывая всю выгоду обладания мазаром, всячески старались сделать такую могилу местом культа. Почитание мазаров прочно вошло в среднеазиатский ислам, поддерживалось официальным духовенством и особенно ишанами. Мусульманское духовенство получало от мазаров большие доходы за счет приношений многочисленных паломников.

Уплата налога «в пользу бедных» (закот) давно утратила в узбекских ханствах религиозный характер. Закот, составлявший одну сороковую часть имущества, сделался государственным налогом на скот и на товары. Сборщики этого налога (*закотчи*) были чиновниками, подчиненными финансовому ведомству. Налог шел в государственную казну, и уплата его уже никем не рассматривалась как религиозная обязанность. Взамен

[1] Так как в исламе был принят не солнечный, а лунный год, месяцы начинались каждый год на 11 дней раньше предыдущего года и передвигались постепенно с одного времени года на другое.

этого у узбеков, как и у других народов Средней Азии (например у таджиков), вошло в обычай отчислять некоторую часть дохода на «богоугодные дела» (*савоб*). Эти отчисления составляли доход духовенства.

Кроме обрядов и повинностей общеобязательных —фарз, для мусульманской религии характерны обряды, относимые к разряду рекомендуемых. Однако в быту некоторые из них превратились в более обязательные, чем фарз. К таким обрядам относится обрезание. Зародившись у многих народов еще в первобытном обществе, оно сохранилось в виде пережитка у семитических народов Передней Азии, каковыми являлись и арабы. Воспринятый исламом, этот обряд был занесен арабами в Среднюю Азию, где, по свидетельству исторических источников X в. (ат-Табари), внедрялся в быт насильственным путем, получив значение приобщения к мусульманству.

Обрезание совершалось над мальчиками 3—9 лет, в исключительных случаях и позже, до 12 лет,— возраста совершеннолетия мальчика. Той, связанный с обрезанием, требовал больших расходов, разорительных для бедноты и людей среднего достатка. Во время праздника было принято устраивать разного рода состязания (*пойга, кўкбури, кўпкари*), на которых победителям выдавались призы; приглашались музыканты и танцоры

Операция обрезания, проводимая без соблюдения требований санитарии, обычно имела своим последствием более или менее продолжительную болезнь ребенка, а иногда его гибель.

Важным моментом в обрядовой жизни мусульман Узбекистана, как и всей Средней Азии, были религиозные праздники. Еженедельный праздничный день — пятница — отмечался общим намазом в соборной мечети. Годовыми были праздники окончания поста — *рамазон ҳайит* и праздник жертвоприношений — *қурбон ҳайит*. Оба отмечались богослужениями в городах и крупных селениях, совершавшимися в специальных мечетях (*намозгох*) и пиршествами, разорительными для большинства верующих. В праздник курбан-хайит полагалось резать скот. Из мяса приготовляли праздничную еду, а часть его раздавали соседям и родным. Шкуры жертвенных животных получало духовенство. Извлекая материальные выгоды от жертвоприношений, духовенство поддерживало старинное поверие, что жертвенное животное помогает душе жертвователя после смерти переправиться через мост Сират, тонкий, как волос, и острый, как сабля.

В дни праздников происходили гуляния на праздничных базарах, во время которых торговцы и ремесленники сбывали свои наиболее ходовые товары. В эти же дни женщины по обычаю совершали на кладбищах поминки по умершим. Над могилами близких читали молитвы, оплакивали умерших и оделяли принесенными с собой лепешками нищих и чтецов корана. В Самарканде существовал обычай устраивать при этом траурные радения — танцы (*садр*). В них принимали участие женщины, в семьях которых за истекший год были случаи смерти.

Третьим годовым праздником был новый год (*наврўз*), сохранявший в своем ритуале явные черты древнего зароастрийского празднества нового года.

В некоторых местах (особенно в Ташкенте) в месяц раби-уль-авваль праздновался и день рождения Мухаммеда—*мавлюд*.

Мифология ислама включила в себя самые разнообразные элементы: мусульманские легенды о Мухаммеде, его семье и сподвижниках; библейские мифы, заимствованные исламом от иудаизма и христианства, древние верования арабов и покоренных ими народов, воспринятые официальной религией.

Несмотря на всемерную пропаганду культа Мухаммеда, в народе этот образ носил отвлеченный, официальный характер. Значительно большей известностью пользовались опоэтизированные, эмоционально насыщенные,

тесно связанные с местной эпической традицией и мифологией образы Али, Хасана и Хусейна.

Культ Али, особенно развитый в шиизме и исмаилизме, в котором почитание Али доходит до прямого обожествления, в прошлом был очень широко распространен и у суннитов в Средней Азии. Али представлялся богатырем. Ему были присвоены прозвища Шохи-мардон — «царь мужей» (витязей), Хайдар или Шери худо — «божий лев». Он считался покровителем профессий, связанных с опасностью для жизни (например, воинов, канатоходцев). Культ Хусейна — сына Али, столь характерный для шиизма с его массовыми самоистязаниями участников траурного обряда «Шахсей Вахсей», в несколько иных формах существовал и у узбеков. Ему были посвящены траурные дни месяца муххарама (*ашур*). В эти дни, главным образом среди женщин, читались стихотворные рассказы о гибели Хусейна в битве при Кербеле, происходили ритуальные плачи и трапезы.

Популярностью пользовался также образ матери Хусейна — Фатимы, дочери Мухаммеда. Под влиянием ислама ее образ занял место древних божеств — покровительниц рожениц и новорожденных, а также патронессы прях. Культ Фатимы (Биби Фатима) приобрел характер типичного женского культа.

Библейские пророки и патриархи, культ которых был канонизирован исламом, почитались как патроны определенных профессий. Адам считался первым земледельцем и патроном дехкан. Его образ под влиянием ислама заменил доисламское представление о «Деде-земледельце» (Бобо-и-дехкан), в честь которого совершался цикл земледельческих обрядов (первой пахоты и др.). Ной (Нух) был патроном плотников, Давид (Дауд)— кузнецов и медников и т. д. К пережиткам древних верований в исламе относится культ скрытно живущих среди людей сорока праведников — *чильтон*, которые якобы влияют на ход событий и отвращают от людей несчастья. Сильно исламизированы были культы женских божеств, превращенных в «святых»,— Биби-Сешамбе («Госпожа-Вторник») и Биби-Мушкилькушо («Госпожа-разрешительница затруднений»). В их честь устраивали женские сборища, сопровождавшиеся чтением сказаний (рисоля) и приготовлением особых ритуальных кушаний. Господство религиозной идеологии открывало простор для сохранения древних анимистических представлений. Для неграмотных, темных людей весь мир казался населенным всевозможными духами, действиями которых они объясняли многие явления и события жизни. Сохранились представления о Бабке-громовнице, ее именем (Момо-Кульдурок) называли гром. Реки и водоемы населялись особыми водяными духами. Психические болезни объяснялись действием джиннов и дэвов; для изгнания их из тела больного совершались различные обряды.

Особое место в системе пережиточных анимистических верований занимали представления о духах *пари*, которые якобы вступают с людьми в интимные отношения и заставляют их становиться шаманами. Чаще всего пари являются мужчинам в виде красавицы, женщинам — в виде молодого красивого мужчины. Шаманы якобы с помощью пари и подчиненных им духов занимались изгнанием враждебных сил, вселявшихся в тело больного. Камлание — обряд изгнания злого духа — сопровождался принесением в жертву животного или птицы и приготовлением ритуального угощения. Характерной чертой шаманского культа являлось экстатическое состояние, в которое шаман и участники обрядов приходили при совершении камлания. Экстаз достигался ритуальной пляской — хождением по кругу,— сопровождаемой игрой на бубне, пением и выкриками. Считалось, что в этом состоянии шаман способен видеть то, что недоступно взорам других. Большинство шаманов представляли собой людей с больной психикой. Многие из них начинали свою деятельность с действительно

болезненных явлений, галлюцинаций и видений, а впоследствии становились профессионалами и, получая от своего «дара» неплохой доход, привыкали имитировать экстаз и сочинять рассказы о подробностях своей связи с миром духов.

Наряду с верой в духов широко были распространены магические представления — вера в колдовство, сглаз, привораживание. Пережитки древних культов были сильно исламизированы; так, в шаманские призывания включались упоминания имен Аллаха, мусульманских пророков и святых и произнесение символа веры.

Уже после присоединения к России, в результате хозяйственного и культурного развития Узбекистана, жизнь народа вопреки стараниям фанатично настроенных кругов духовенства сохранить застойный, старый быт, освященный религией, начала быстро меняться.

Эти изменения в быту знаменовали собой начало изживания всеобъемлющего влияния ислама на жизнь узбекского народа.

После Великого Октября революционные преобразования во всех областях экономики, быта и культуры народов Средней Азии обусловили отход трудящихся масс от религии. Проведение в жизнь одного из первых декретов Советской власти — об отделении церкви от государства — лишало ислам, как и другие религии, былого политического значения. Земельно-водная реформа с изъятием вакуфных владений подорвала экономическую основу мусульманских религиозных организаций. Отделение школы от церкви закрыло религии один из путей воздействия на подрастающее поколение.

Мусульманские религиозные организации в Узбекистане на первых этапах делали попытки бороться со всем новым, прогрессивным, но потерпели в этой борьбе поражение. Позднее, по мере укрепления нового мировоззрения и бытового уклада у местного населения, мусульманские религиозные организации изменили тактику и стали, как и большинство других религиозных организаций в Советском Союзе, на путь формального признания и поддержки мероприятий Советской власти. Однако в силу самого характера этих организаций они продолжают попытки сохранить отжившие явления народного быта, в особенности религиозной идеологии.

В процессе строительства коммунистического общества в Узбекистане, в ходе борьбы за полное уничтожение остатков патриархально-феодальных и буржуазных взглядов и пережитков религиозной идеологии, все большее распространение получает современное научное мировоззрение. В наши дни оно становится идеологией широчайших народных масс. Сейчас происходит процесс роста атеизма в среде всех слоев населения Узбекистана, свидетельствующий о коренном изменении духовного облика народа. Широкое внедрение во все отрасли производства научных знаний и техники разрушает былую слепую веру в сверхъестественную силу, якобы господствующую в природе и обществе, и расчищает путь атеистическому мировоззрению. Если у старшего поколения еще сохраняются представления о догматике, мифологии и обрядах ислама, то в среднем поколении остались лишь весьма смутные представления о религиозном вероучении. Молодежь, как правило, учения ислама не знает, не понимает смысла обрядов и не умеет молиться. Да и прежде знание мусульманского вероучения, богослужения, молитв предполагало знание арабского языка, языка богословия, который всегда был чужд и непонятен народу.

Более живуча обрядовая сторона религии. Еще отмечаются такие праздники, как курбан-хайт и рамазан-хайт. Верующие люди, в большинстве пожилые, соблюдают пост—уразу. Ими же совершаются паломничества к мазарам. Соблюдаются, как отмечалось выше, обряды обрезания, религиозного бракосочетания, традиционные формы погребаль-

ных и поминальных обрядов; однако соблюдение большинства из них не носит уже массового характера. Ортодоксальный ислам, влияние духовенства быстро уходят из быта.

Духовенство пытается задержать этот прогрессивный процесс путем некоторой модернизации культа (допущение в мечеть женщин, признание необязательности соблюдения предписаний о посте и молитвах) и стремления «очистить» ислам от всевозможных обрядов, особенно резко противоречащих сознанию современного человека. Однако и эти попытки не могут остановить роста атеизма.

Постепенно изживаются и многочисленные пережитки доисламских верований, более или менее исламизированных, уходящих корнями иногда в глубокую древность: анимистические представления, магия, культ предков и природы. Эти пережитки коренились в недрах семейного быта, сохраняясь в древних семейных обрядах, особенно брачных обычаях, знахарских приемах. В значительной своей части такие пережитки были характерны для женской среды, и их живучесть в известной степени объясняется тем, что полностью еще не ликвидированы остатки феодально-байского отношения к женщине и, как следствие этого, некоторая замкнутость быта женщины.

Причинами живучести религиозных пережитков является отставание сознания людей от их бытия, а также недостатки в культурно-воспитательной работе, активность той или иной религиозной организации. Особую роль в сохранении различных суеверий играет так называемое «общественное» мнение, создаваемое стариками, обычно еще религиозным поколением, апеллирующим к старым дедовским традициям.

В сохранении религиозной идеологии ислама играют роль и те мусульманские организации, которые имеются в Узбекистане и возглавляются духовным управлением с центром в Ташкенте. В ведении духовного управления находятся медресе в Бухаре и Ташкенте, готовящие кадры мусульманского духовенства и приходские мечети. У некоторой части верующих сохранили еще авторитет и влияние ишаны.

Однако, несмотря на бытование этих пережитков ислама, в среде узбекского народа религиозное мировоззрение неуклонно изживается под влиянием распространения современной образованности и научного материалистического мировоззрения.

Семейный быт

Хотя религия узбеков — ислам — разрешала многоженство, преобладающей формой брака у узбеков была моногамия. Многоженство бытовало только у господствующей верхушки узбекского общества — феодальной аристократии (с гаремами у ханов и эмиров) и у зажиточных слоев населения.

Во второй половине XIX в. при господстве моногамного брака не только среди старого земледельческого населения, но и у полукочевых узбеков, широко бытовала большая неразделенная семья, являющаяся пережиточной формой древней патриархальной семейной общины и сложившаяся в результате распада последней. По сравнению с древней формой состав неразделенной большой семьи сузился. В большой патриархальной семье объединялось несколько поколений родственников, разделы не допускались; во второй половине XIX в. такие семьи у узбеков уже составляли исключения. Разложение большой семьи началось в далеком прошлом, но протекало медленно, и процесс этот к началу XX в. не был завершен.

После присоединения Средней Азии к России, под влиянием развития товарных отношений и элементов капитализма, процесс разложения больших неразделенных семей ускорился. Дольше всего бытовала неразделенная семья в богатой среде, где делению семьи препятствовали экономические интересы. У широких кругов узбеков к этому времени обычными стали разделы братьев после смерти отца; бывало, что сыновья

выделялись еще и при жизни отца. Отделение женатых сыновей начиналось с выдела старшего сына; это осуществлялось обычно при женитьбе его старшего сына, т. е. первого внука главы неразделенной семьи. Таким образом, выделяющаяся семья с самого начала была сложной — она состояла из двух брачных пар разных поколений: отца и его женатого сына. Иногда, если жилище становилось слишком тесным, выделялись при женитьбе своих сыновей и другие братья. Младший сын по обычаю оставался с отцом и после его смерти наследовал дом и хозяйство.

Если выделившаяся семья состояла из одной супружеской пары и ее малолетних детей, то впоследствии, когда подрастали и женились дети, она снова превращалась в сложную неразделенную семью. Выделение обычно было неполным: отделялись только жилище и «котел». Основная собственность семьи — земля, промышленное или торговое предприятие — оставались в руках отца, и отделившийся сын продолжал работать в хозяйстве отца, оставаясь в экономической зависимости от него. Чаще сыновья уходили от своих отцов в среде бедняков, которым приходилось посылать детей на заработки в другие районы, где иногда они и оседали.

И малая, и большая неразделенная дореволюционная узбекская семья несла в себе многие консервативные особенности старого патриархального быта. Под властью главы семьи объединялось несколько поколений кровных родственников, ведущих происхождение от одного лица. Большая неразделенная семья отличалась замкнутостью, патриархальностью быта, с господствующим положением мужчин, приниженным положением женщин и подчиненностью младших членов семьи старшим. Старший в семье, преимущественно в среде зажиточного населения, имел одновременно две-четыре, а иногда и больше жен, и в таких случаях число членов семьи достигало порой нескольких десятков человек. Кроме главы семьи со своими женами, часто его братьев с женами, в нее обычно входили женатые сыновья и внуки. Экономической основой патриархальной неразделенной семьи являлась общая собственность на землю, скот и другие средства производства, находившиеся, однако, в распоряжении главы семьи. Общими являлись также продовольственные запасы семьи, питались «из одного котла» (*бир қозон*). Общим было и жилище неразделенной семьи. В условиях Хорезма, например, усадьба (хаули) сохраняла характер жилища патриархальной большой семьи. В усадьбах старого типа наряду с общим большим помещением имелось несколько жилых комнат для отдельных супружеских пар с их потомством.

Внутренний строй такой семьи держался на авторитете старшего, ее главы, имевшего неограниченную власть. Остальные члены семьи, сколько бы ни вкладывали труда в хозяйство, доходами не распоряжались и были обязаны беспрекословно подчиняться главе семьи. Все женщины семьи подчинялись старшей в семье, она же распределяла между женщинами домашнюю работу.

Типичной чертой такой семьи было бесправие и затворничество женщин, которое приводило к их полному обособлению от общественной жизни и общественного производства. И хотя в малоимущих крестьянских семьях, особенно среди кочевого населения, а также в семьях мелких ремесленников женщина занималась, кроме домашнего хозяйства, разведением шелкопряда, прядением, сбором хлопка, очисткой курака, оказывая значительную экономическую помощь семье, она все же по законам шариата не имела ни правового, ни имущественного равенства с мужчиной, и лишь приобретала в доме некоторую самостоятельность. Неравноправное положение женщин ярко выражалось при разделе наследства. По шариату доля сына равнялась доле двух дочерей, а доля жены — лишь одной восьмой части имущества, оставшегося от мужа.

Обязательным условием брака у узбеков еще в начале XX в. являлась выплата семьей жениха калыма (*қалин*). Размеры калыма определялись имущественным положением семей жениха и невесты. У тех групп узбеков, в хозяйстве которых большую роль играло животноводство, калым выплачивался главным образом скотом и был особенно велик. В земледельческих районах, особенно в городах, калым состоял из одежды, расходов по устройству свадьбы и угощению гостей; часть его выплачивалась наличными деньгами. Маломощные семьи должны были в течение многих лет копить средства на калым и свадебные расходы. Поэтому мужчины из таких семей могли жениться нередко только в 30—40 лет.

До революции, как правило, заключались очень ранние браки, обычным был возраст вступающих в брак 13—14 лет для девушек и 15—16 лет для юношей. Бывали случаи выдачи замуж девочек 9—11 лет.

Судьбой детей распоряжался отец. Он, по своему усмотрению и выбору, женил сыновей, выдавал замуж дочерей. Мать имела лишь совещательный голос. Жених и невеста о предстоящем браке нередко узнавали последними, их согласия на брак даже не спрашивали. Обязательное требование выплаты калыма часто превращало брак детей в экономическую сделку родителей. В некоторых случаях практиковался обмен девушками между семьями. Это облегчало расходы, так как в таких случаях калым не выплачивался, а лишь устраивался свадебный той. Довольно распространенным был обычай сговора детей в младенческом возрасте. Бытовали обычаи сорората — женитьбы на младшей сестре (*болдиз*) умершей жены или невесты — и левирата, когда в случае смерти жениха или мужа невесту или вдову, не считаясь с ее волей, имел право и был обязан взять в жены младший брат умершего.

Брачные обряды отличались некоторыми особенностями в разных районах и у разных этнографических групп узбеков. Они начинались со сватовства. При успешном его завершении совершалось обрядовое «преломление хлеба». После договоренности о размерах калыма, сроках уплаты его и о свадебных расходах происходила помолвка, сопровождавшаяся угощением. После окончательной выплаты калыма устраивали «большой пир», т. е. свадьбу. В это время совершался и мусульманский обряд бракосочетания (*«никоҳ»*).

Свадебная обрядность, унаследованная от далекого прошлого, носила характер магических действий. Чтобы охранить молодую от сглаза и злых духов, совершалось ее очищение огнем: невесту перевозили через пылающий костер (у узбеков Ферганской долины), обводили вокруг него во дворе или подводили к огню, держа над ее головой большое вышитое покрывало (Ташкентская область). Особые обряды должны были обеспечить молодой чете благосостояние (молодых осыпали сладостями, серебряными монетами), светлую жизнь (их заставляли смотреться в зеркало), многочисленное потомство (молодых усаживали на шкуру барана, к ним на колени сажали ребятишек, угощали молодую чету вареными яйцами). Свадебные обряды совершались вечером. После их окончания в большинстве районов молодую (*келин*) перевозили в дом мужа; на другой день совершался обряд «открытия лица»— показ молодой новой родне и соседкам.

У некоторых узбекских племен молодая чета начинала свою жизнь в доме невесты. Жена более или менее долгое время оставалась у родителей, а муж приходил к ней украдкой, по ночам. Его встречала и провожала к жене ее близкая родственница — жена ее брата (*янга*). Случалось, что молодая переезжала к мужу, имея уже детей. Во время раздельной жизни молодые выполняли обычай «избегания»: они не должны были показываться близким родственникам друг друга. В этой форме брака, существовавшей у узбеков, нельзя не видеть пережитков матрилокального брака, сохранявшихся до начала XX в. под влиянием тех трудностей,

Невеста в свадебном наряде. Паст-Даргомский район, Самаркандская область

которые представляли выплата калыма и подготовка к свадьбе с ее громадными расходами.

Особое покровительство жениху в доме невесты оказывала янга и другие родственники невесты, а в доме молодого одна из его старших родственниц назначалась «посаженной матерью» молодой четы (*мурундук-ене* в Хорезме, *она* в южном Узбекистане). Эта женщина приобщала молодую — келин — к новому дому, вводила ее в круг женщин новой родни; она считалась для молодой и ее мужа второй матерью, а муж ее считался их вторым отцом. Молодые оказывали своей «она» уважение как матери, а к ее детям относились как к кровным братьям и сестрам. Больше того, если у мурундук-ене была дочь, а у молодой — брат, то и они считались братом и сестрой (Хорезм).

Современные брачные и семейные отношения у узбеков являются одним из ярких показателей глубоких прогрессивных изменений, совершившихся в узбекском обществе в результате Октябрьской революции. Новые советские законы о ликвидации вредных и консервативных патриархально-феодальных обычаев прошлого обеспечили преобразование семейно-брачных отношений. Главнейшими из них были решения об установлении общественно-правового и экономического равенства мужчин и женщин, а также запрещение унизительных обычаев калыма, насильственной выдачи замуж, многоженства, брака малолетних — всего того, в чем проявлялось в прошлом бесправное и угнетенное положение женщин-узбечек. Советский закон признает единственной формой брака моногамию, запрещает браки несовершеннолетних, устанавливает минимальный брачный возраст в 18 лет.

Борясь за фактическое осуществление полученных прав, многие женщины уже в первые годы после революции стали сбрасывать паранджу — символ закрепощения. Первые активистки узбечки, работницы женотделов, созданных при центральных и районных организациях коммунистической партии, вовлекали женщин в кустарно-промысловые и батрацкие сельскохозяйственные артели, женские клубы, женские кооперативные магазины. В 1927 г. в борьбе со старым бытом был выдвинут лозунг «худжум» — «наступление», призывавший к решительному отказу женщин от паранджи, к активному искоренению феодально-байских пережитков и привлечению женщин к общественному производству. Это движе-

ние, несмотря на яростное сопротивление реакционного духовенства и байства, приняло массовый характер; многие узбечки на многолюдных митингах публично сбрасывали паранджи, кидали их в пылающие костры.

Переустройство всей жизни и мировоззрения узбекского народа, коренные изменения экономического, правового и общественного положения узбечек вызвали глубокие изменения в семейных отношениях и во всем бытовом укладе семьи.

Как в промышленности, так и в сельском хозяйстве женщинам созданы благоприятные условия для работы. Повсюду обеспечена равная оплата мужского и женского труда. Всеобщее обязательное образование детей школьного возраста явилось базой для повышения общего культурного уровня женщин, расширило их кругозор и открыло перед ними широкие возможности приобщения к различным видам высококвалифицированного труда. Многие узбечки, получившие высшее образование, стали учеными, врачами, педагогами; многие стали общественно-политическими деятелями, избраны депутатами в высшие партийные и советские органы и принимают непосредственное участие в управлении страной.

Старинный городской костюм невесты. Самарканд, начало XX в.

Процесс развития новых форм социалистического быта, преодоления вредных привычек религиозных и патриархальных пережитков происходил постепенно. В первые десятилетия Советской власти в массе населения брак совершался с выполнением почти всех свадебных обрядов, в соответствии со старыми нормами, вплоть до выплаты калыма, правда, после его запрещения, уже в скрытой форме. Еще в 1920—1930-х годах были обычными браки в раннем возрасте, часто практиковались родственные браки, заключаемые по желанию родителей.

В настоящее время браки в Узбекистане заключаются по взаимной склонности молодых. Юноши и девушки, работая в одной организации, в учреждении, на заводах, на колхозном поле, встречаясь на учебе, на досуге в кино, театрах, в клубе, имеют возможность лично общаться друг с другом. Быстро искореняются многие старые пережитки, идет активный отход от всех условностей и ограничений, связанных со старым бытом. Часто браки заключаются между представителями разных национальностей.

В некоторых семьях, где родители еще соблюдают старые обряды, они пытаются иногда устроить брак детей по своему усмотрению, но в большинстве случаев их роль теперь ограничивается только советом. От воли их взрослых детей зависит, согласиться или отказаться. В тех же случаях, когда родители стараются принудить своих детей к браку или категорически отказывают в своем согласии на брак по любви, молодежь действует решительно и отстаивает свои права, опираясь на советские законы.

Наряду с признанием обязательности регистрации гражданского брака часть узбекского населения, кроме того, совершает и мусульманский брак (никох). В устройстве свадьбы бытуют и старый свадебный ритуал (*эски тўй*), и новый (*янги тўй*), возникший в советское время. Свадьба по старому традиционному обычаю справляется еще некоторой частью колхозного крестьянства. Однако обряды, сопровождающие ее, переосмысливаются, упрощаются, а совершенно устаревшие — не совершаются.

Молодежь, за редким исключением, отрицательно относится к обрядам старой свадьбы и соглашается их выполнять лишь в угоду родителям, старшим, не желая конфликтов с ними.

Новая свадьба, бытующая преимущественно в среде рабочих, служащих, интеллигенции, в том числе и сельской, с каждым годом получает все большее распространение. Твердо установившихся новых свадебных обычаев пока не существует, они варьируют по усмотрению и желанию устроителей свадьбы. Современный свадебный той по существу уже представляет собой простое празднество с угощением, на котором все веселятся, отмечая радостное событие в жизни молодых. Свадьба сопровождается музыкой, пением, танцами. Нередко выступают профессиональные певцы и музыканты. На свадьбу, кроме родственников, приглашаются ближайшие соседи и товарищи по работе не только жениха и невесты, но и их семей. Гости одаривают молодых. Обычно они вручают подарки родителям жениха тотчас по приходе, как это полагалось по традиции. Новым является торжественное преподношение подарков во время тоя молодой чете от товарищей по работе.

И в настоящее время свадьба сопряжена с большими расходами на свадебное угощение, на подарки, которыми сторона жениха одаривает невесту, ее родителей, ближайших родственников. Несет значительные, хотя и меньшие, расходы и семья невесты, посылающая ответные подарки жениху и его родне. Много расходует семья невесты и на приданое. Обычно его основную часть составляют одежда, вышивки и ковры, но теперь, особенно в городах, вместе с ними (а иногда вместо них) в приданое включают предметы обстановки: шкаф, шифоньер, стол, стулья, кровать и т. п.

Получив равные права с мужчиной во всем, в том числе и на расторжение брака, многие узбекские женщины, выданные замуж до революции против своей воли, использовали свои права и по своей инициативе разошлись с мужьями. В настоящее время узбекская женщина не терпит дурного обращения ни со стороны мужа, ни со стороны его родственников и, в случае невозможности ужиться с ними осуществляет свое право на развод.

Сложившиеся в советское время новые общественные навыки переносятся и в семейную жизнь. Современная узбекская семья построена на равноправии взрослых ее членов, занятых общественным трудом, на дружбе и уважении их друг к другу. Жена наравне с мужем является хозяйкой дома, вместе с ним решает все семейные вопросы и хозяйственные дела семьи. Она воспитывает детей, участвует в решении вопросов, связанных с их будущим — учебой, женитьбой, замужеством. Во многих семьях жена, а не муж, как это было раньше, стала хранительницей и распорядительницей денег. Одной из самых характерных черт современ-

ной узбекской семьи является установление между супругами небывалых прежде товарищеских отношений. Нередко, работая вместе с женой на производстве, муж берет на себя и часть домашних дел, ранее лежавших исключительно на женщине.

Изменились взаимоотношения не только супругов, но и родителей с детьми, старших с младшими. Сейчас все дети в семье обычно получают образование, им стараются создать хорошие условия для учебы. Образованные дети пользуются в семье большим авторитетом и уважением. Ими гордятся, старшие обращаются к ним за советом, прислушиваются к их мнению.

До Октябрьской революции обязанность содержать стариков родителей лежала исключительно на сыновьях, теперь она в равной степени относится и к дочерям.

В настоящее время женщина, зарабатывая и самостоятельно распоряжаясь своим заработком, в состоянии не хуже, чем мужчина, обеспечить своих престарелых родителей.

Советские и партийные организации, комсомол и школа, передовая общественность активно реагируют на отношения между членами семьи. Если в семье ущемляются права и интересы кого-либо из них, советская общественность осуждает эти случаи нарушения семейной этики и помогает пресечь и устранить конфликт.

Потеряв мужа, главою семьи обычно становится жена, в отличие от старого положения, когда женщина, овдовев, по обычаю левирата, обязана была выйти замуж за брата мужа, либо попадала под опеку деверя, сына или какого-нибудь родственника.

В процессе развития новых форм жизни складываются не только новые отношения в семье, но изменяется весь строй домашнего быта, идет глубокий процесс ломки старых семейных отношений и оформления новых.

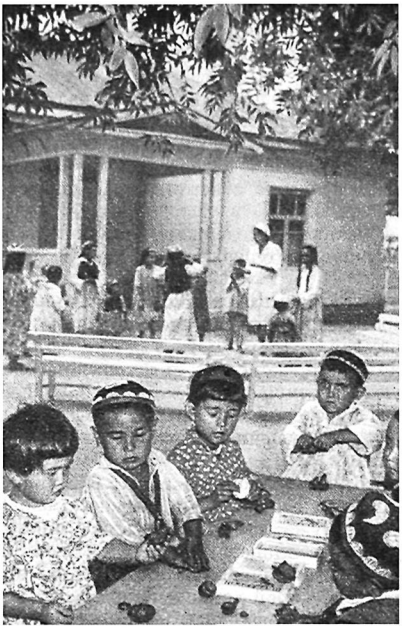
Изменения коснулись и самой структуры семьи. Уже в канун революции, как указывалось выше, начался процесс разложения большесемейного уклада, что выражалось в участившихся разделах семьи. В настоящее время основной формой стала малая семья. Исчезла экономическая зависимость взрослых детей от отца; у молодежи есть полная возможность самостоятельного существования. Участвуя в общественном труде, каждый имеет свой определенный заработок — самостоятельный бюджет — и может обеспечить свою семью.

Уже стало необязательным проживание женатых сыновей с родителями, хотя в сельских местностях еще бытуют такие неразделенные семьи.

В повседневной семейной жизни возникают и развиваются новые традиции и обычаи, которые соответствуют современному образу жизни узбеков.

Кроме тоя по случаю брака сына или дочери, теперь, как и раньше, устраивается семейное торжество по случаю рождения первенца. Этот праздник, издавна называющийся *бешик-тўй*,— праздник колыбели,— изменился по своему содержанию. В прошлом бешик-тый, связанный с рядом магических обрядов, был праздником специфически женским — мужчины в нем не участвовали. По традиции колыбель и приданое новорожденному полагалось готовить бабушке по материнской линии. В условленный день она вместе с родственницами и соседками (всего человек 20—30) в торжественной процессии шла в дом дочери, неся нарядно украшенный бешик со всеми его атрибутами и детскую одежду. Бабушка одаривала и родителей новорожденного, она же доставляла и все необходимые для угощения продукты. Те, кто приходил с ней, приносил лепешки, жареные пельмени, пирожки. Вечером, после ухода гостей, совершали обряд положения новорожденного в бешик.

Немало женщин и сейчас, по старым правилам, на свои средства устраивает первому ребенку своей дочери бешик-той. Но многие, особенно в



Колхозный детский сад.
Колхоз им. Нариманова. Пахтаабадский район, Андижанская область

городах, не совершают старых обрядов, а вместо бешика дарят детскую кроватку или коляску.

Очень часто, помимо бешик-тоя, устраиваемого бабушкой, сами родители отмечают рождение первенца семейным торжеством, приглашая близких друзей, хороших знакомых, сослуживцев. Мужчины и женщины пируют все вместе. Нередко родители торжественно отмечают рождение не только первого ребенка, но и последующих детей.

Новым в семейной жизни является ежегодное празднование дня рождения детей (*туғилган куни*).

Исключительно важным событием в семье узбека являлось раньше совершение обряда обрезания (*суннат*). Его выполнение было сопряжено с большими материальными затратами на обязательный многолюдный той, после которого многие семьи годами не могли расплатиться с долгами. Из старых религиозных обрядов больше других удерживается обряд обрезания. Однако все больше укрепляется отрицательное отношение к этому обряду.

Сохраняются еще и традиционные мусульманские и некоторые домусульманские погребальные обряды. Часть узбеков до сего времени соблюдает мусульманский обычай захоронения — умершего заворачивают в белый саван и хоронят без гроба, укладывая покойника в специальную камеру *лаҳад*, чтобы на него не попадала земля. Все реже соблюдается обычай траурного радения (*садр*), во время которого родственницы, громко плача и причитая, рвали на себе волосы, царапали лицо, приходили в исступление, иногда теряя сознание. Все еще выполняется, хотя и в упрощенной форме, обряд *давра*—очищения умершего от грехов путем символической продажи их имаму мечети или могильщику. Уменьшились расходы на погребальную тризну и поминки. Бывают гражданские похороны—в гробу, с музыкой, венками, с проведением гражданской панихиды. В похоронах и проводах тела на кладбище, вопреки мусульманской традиции, иногда участвуют и женщины, родственницы умершего.

Нередко в семье соблюдаются и старые и новые обычаи.

В современных советских условиях, помимо узкосемейных, широко отмечаются события, связанные с учебой, с успехами в работе членов семьи, а также советские праздники. Устраиваются вечеринки по поводу окончания школы или вуза, получения членом семьи правительственной награды или почетного звания. Вместо празднования Науруза входит

Бригадный полевой стан во время обеденного перерыва.
Колхоз им. Свердлова. Мархаматский район, Андижанская область

в обычай встреча Нового года в ночь на первое января, хотя еще недавно празднование Нового года носило в основном общественный характер и проводилось лишь в коллективах, по месту учебы или работы.

В городских и в некоторых сельских школах стало входить в обычай устраивать в школе елку. Теперь значительная часть узбекской интеллигенции, рабочие и служащие перенесли этот обычай и в свои семьи.

Несмотря на сохранение в народном быту, как общественном, так и семейном, многих традиционных черт, этот быт претерпел за годы Советской власти коренные изменения. В нем находят свое выражение новые отношения, складываются новые традиции. Сохраняя национальный колорит, современный бытовой уклад узбекского народа проникся моральными устоями социалистического общества.

Здравоохранение

В Узбекистане медицина появилась еще в глубокой древности. В X—XI вв. н. э. в государстве Саманидов она достигла сравнительно высокого уровня развития. Среди плеяды ученых этого времени было много выдающихся врачей. Наиболее прославленным из них был Абу-Али ибн-Сина, известный на Западе под именем Авиценны (см. стр. 79).

Следующий период расцвета медицины в Узбекистане приходится на XIV—XV столетия — эпоху Тимура и тимуридов. Среди многочисленных прекрасных сооружений, выстроенных в это время, были больницы, бани, хаузы (водохранилища), водопроводы и т. п. При Алишере Навои в Герате была выстроена ханака Шифайя (лечебница), в которой студенты

изучали медицину под руководством крупного ученого того времени Гияситдина Мухаммеда.

Позднее в связи с усилением междоусобных войн и общим застоем экономики и культуры научная медицина переживает упадок. Последний госпиталь был открыт в Бухаре в конце XVII в. при Субханкулихане; при госпитале существовали медицинская школа и специальная библиотека. В дальнейшем врачи (*табиб*) приобретали свои знания из старых медицинских книг, а часто они вообще не имели никакого медицинского образования. Врачебная профессия приобрела ремесленный характер. Постепенно грани между медициной профессиональной и народной стирались. Последняя в XIX—начале XX в. в жизни народа имела даже бо́льшее значение.

Табибская медицина была оплетена магией, способы лечения нередко отражали суеверия и предрассудки, разделяемые и врачами, и пациентами. Однако, некоторые методы лечения народной медицины были рациональны. Основываясь на чисто практическом опыте, табибы в ряде случаев правильно ставили диагноз. Они могли распознавать скарлатину, свинку, ангину, ному, дифтерию, стоматит, диспепсию, воспаление легких. Знали они болезни мочеполовой системы и венерические. Узбекским табибам были знакомы некоторые острозаразные заболевания — оспа, тифы, холера, чума и особенно местные болезни — малярия, кожный лейшманиоз и др.

Табибы пользовались главным образом симптоматическими способами лечения. В большинстве случаев лекарства изготовлялись самим табибом. Состав их зачастую был очень сложный и держался в тайне.

Известно около 250 лекарственных препаратов, применяемых узбекскими табибами. Их изготовляли из плодов, кореньев, семян, трав, листьев, цветов, грибов, коры, минералов и др. Значительное количество этих средств, как, например, ртуть, сера, серная и азотная кислота, эфирные масла, спирт, мышьяк, ревень, мак и другие, применяется и в практике современной научной медицины.

В связи с повсеместным в прошлом распространением в крае малярии особый интерес представляет способ ее лечения. Основными противомалярийными средствами считались золототысячник и отвар гранатовой корки. При кожных заболеваниях табибы употребляли различные мази, главной составной частью которых были сера и ртуть. При лечении фурункулов и нарывов они на пораженное место прибинтовывали сырое баранье сало, достигая этим самовскрытия. При венерических заболеваниях табибы, как и все восточные врачи, применяли препараты ртути. Сибирскую язву лечили прижиганием при помощи раскаленного докрасна железа, отсюда и название этой болезни *кўйдирги*, что означает «обжигаемый», «калимый». При заболеваниях полости рта (стоматиты, гингвиты и т. д.) применялось полоскание раствором медного купороса.

Хирургией табибы почти не занимались. Операции выполняли главным образом цирюльники; они занимались удалением зубов, обрезанием, кровопусканием, ставили пиявки, но существовали и особые специалисты по кровопусканию: в Бухаре имелась целая улица Шуллюкчи (квартал Мурдашуен), населенная ими. Были специалисты и по лечению других заболеваний: костоправы, массажисты, извлекатели ришты, специалисты по нарывам и язвам, а также повивальные бабки. Костоправы при переломе применяли метод иммобилизации двумя досками.

Массажисты (*силақчи*) лечили растяжения связок и вывихи, специалисты по нарывам и язвам — кожные заболевания. Повивальные бабки при трудных родах надавливали на живот, встряхивали роженицу и т. п. Бесплодие повивальные бабки лечили массажами и тепловыми процедурами. Ришту удаляли путем медленного вытягивания и наматывания ее на какой-нибудь предмет (палочку, кусок металла и др.).

Узбекской народной медицине были известны и некоторые способы борьбы с заразными болезнями. Например, больные проказой строго изолировались. Для них были отведены специальные селения. В Узбекистане, как и в других странах Востока, с давних времен был известен метод оспопрививания.

В основе местной медицины лежало широко распространенное не только среди табибов, но и в широких кругах населения учение о «стихиях» или «темпераментах» (*мизож*) — представление о делении людей, болезней и лекарств на «холодные» (*совуқ*) и «горячие» (*иссиқ*). При «горячих» болезнях назначали лекарственные средства, имеющие «холодное» начало, и наоборот.

К средствам, имеющим горячащие свойства, относились главным образом лекарства сильнодействующие, ядовитые и раздражающие (вызывающие гиперемию кожи), а к лекарствам, имеющим холодное начало,— в основном жаропонижающие и слабительные средства.

Считалось, что одним из решающих моментов в лечении болезней является соответствующая каждой болезни и «темпераменту» больного диета. Все виды пищи, как уже отмечалось выше (стр. 312), также делились на имеющие «горячие» и «холодные» свойства.

Причинами, приводящими к «горячим» болезням, считалось полнокровие, порча крови или какой-нибудь другой жидкости организма. В особенности большое значение придавалось желчи (*сафро*). Первым действием почти всех табибов при всякой болезни являлось назначение слабительных средств; если они не помогали больному, производили кровопускание. Нередко кровопускание считалось как бы профилактическим средством, и табибы зачастую злоупотребляли им

В Узбекистане население в результате многовекового опыта выработало ряд рациональных гигиенических навыков. Так, с малых лет детей заставляли мыть руки обязательно до и после еды. Эта привычка закреплялась у людей на всю жизнь. Мытье в бане издавна считалось одним из решающих условий сохранения здоровья, массаж — одним из важных приемов укрепления его.

Удобной и гигиеничной, соответствующей жаркому климату Узбекистана, была национальная одежда узбеков.

В среде узбекского населения важные гигиенические навыки укоренились настолько глубоко, что нарушение их считалось грехом. Некоторые гигиенические навыки были включены в число обязательных обрядов, например разного рода омовения. Однако было и немало различных привычек, вредных с точки зрения санитарии и гигиены. Таковы, например, обычаи класть ребенка в бешик, ношения паранджи, питья и еды из общей посуды и др.

Эмпирический народный опыт в медицине и гигиене переплетался у узбеков с религиозно-мистическими предрассудками, в основе которых лежали представления о болезни как о наказании за грехи, сглазе, порче и т. п. Нередко поэтому для установления «диагноза» и «лечения» обращались к шаманам и гадалкам. В таких случаях основным методом «лечения» было изгнание или умилостивление духов при помощи различных обрядов, жертвоприношений, обращения к муллам и ишанам. При некоторых заболеваниях молитвы и заклинания писали на пораженных участках кожи, при лечении внутренних заболеваний — на внутренней поверхности какой-нибудь фарфоровой посуды, которую больной должен был ополоснуть водой, а затем выпить ее.

«Лечебной» практикой занимались и шаманы, которые пользовались приемами, основанными на приведении больного и других присутствующих в экстатическое состояние (см. стр. 321). Такое воздействие на психику больного оказывало в отдельных случаях целебное действие, особенно при нервно-психическом расстройстве; гораздо чаще оно

Здание поликлиники в Ташкенте

расстраивало нервную систему не только пациентов, но и остальных участников обряда, создавая предрасположение к истерии, галлюцинациям и пр. Совершение подобного обряда над тяжело больным приводило к ухудшению его состояния, а часто и к смерти.

Современная научная медицина начала проникать в Узбекистан в начале второй половины XIX в., когда край был присоединен к России.

В пунктах, где были расквартированы русские войсковые части и жили переселенцы, было открыто несколько лечебных учреждений: в 1868 г. в Ташкенте был основан военный лазарет, на базе его в 1870 г. был создан военный госпиталь. Лазареты и амбулатории были открыты в Джизаке, Самарканде, Катта-Кургане и в других пунктах. В дальнейшем появились амбулатории и больницы и для гражданского населения. Так в Ташкенте была открыта бесплатная лечебница для местного населения, которую русские врачи безвозмездно обслуживали. Была создана лечебница также в Бухаре. Ее посещали и женщины, так как весь обслуживающий персонал, в том числе и врач, были женщинами.

Но все же медицинская помощь населению тогда была совершенно недостаточной. За 50 лет существования колониального режима в Туркестанском крае было открыто всего лишь 65 амбулаторий и 33 аптеки. Все они обслуживали главным образом русские войсковые части и русское население Туркестана.

Высока была смертность населения от всевозможных заразных заболеваний, особенно среди детей раннего возраста. Так, по далеко не полным данным, из 100 родившихся детей на первом году жизни умирало 30. Заболеваемость малярией в крае доходила до 80%, а в некоторых местностях ею болело все население. В Бухаре риштой было поражено более 20% населения города и окрестностей. Одним из бедствий местного населения была трахома. В дореволюционном Туркестане почти на каждом шагу можно было видеть жертв этой болезни — беспомощных слепых. Ежегодно целые деревни опустошала оспа. Распространены были лейшманиоз, пендинская язва, бруцеллез, зоб, парша, разные глистные и грибковые заболевания.

Научная медицина стала широко развиваться в Узбекистане лишь после победы Октябрьской социалистической революции, когда государство взяло в свои руки дело оказания медицинской помощи. К периоду национального размежевания (1924 г.) на территории Узбекистана уже имелось 145 амбулаторно-поликлинических учреждений. Количество больничных коек увеличилось вдвое. Впервые были организованы учреждения охраны

материнства и младенчества, а также туберкулезные диспансеры, кожновенерологические учреждения, станции по борьбе с малярией и другими паразитарными болезнями, бактериологические лаборатории, пастеровские станции, дома санитарной культуры.

Особое внимание было уделено подготовке медицинских кадров из среды местного населения. В организованном в Ташкенте Государственном университете был открыт медицинский факультет. На базе этого факультета в 1931 г. был создан медицинский институт, подготовивший за время своего существования несколько тысяч высококвалифицированных врачей, среди которых значительное количество — представители местных национальностей.

В хирургической клинике Ташкентского медицинского института

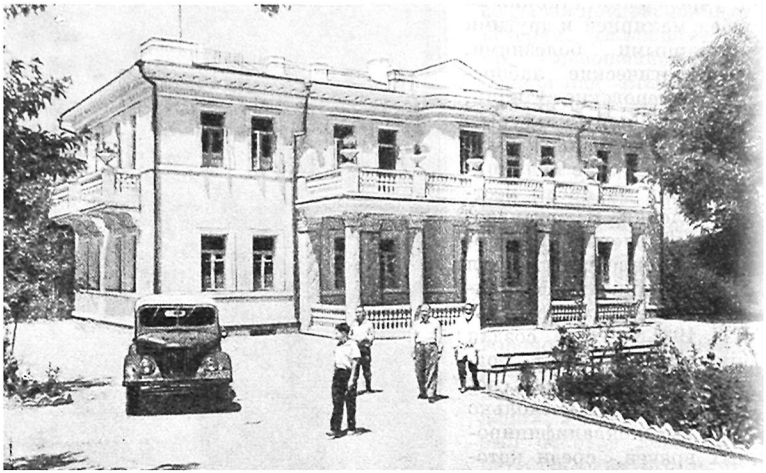
В настоящее время в республике имеется несколько высших медицинских учебных заведений: Ташкентский, Самаркандский и Андижанский медицинские институты, Ташкентский институт усовершенствования врачей, Ташкентский фармацевтический институт. Кроме того, имеется около двух десятков средних медицинских учебных заведений.

С 1913 по 1960 г. число врачей в Узбекистане выросло более чем в 100 раз, число больничных коек — более чем в 70 раз. Число врачей в в расчете на 10 тыс. человек достигало в 1960 г. в Узбекистане 13 человек, т. е. более чем в США и в Англии, не говоря уже о таких странах зарубежного Востока, как Турция, Пакистан и Иран, где численность врачей не достигает и трех на 10 тыс. человек[1].

Здравоохранение в Узбекистане развивается не только по линии увеличения количества лечебных и санитарных учреждений и роста кадров, но и по линии углубленной разработки научных медицинских проблем. В Узбекской ССР существуют Институт вакцин и сывороток, Институт физических методов лечения, Институт малярии и медицинской паразитологии, кожно-венерологический институт, санитарный институт, Институт эпидемиологии, микробиологии и инфекционных болезней, Институт радиологии и рентгенологии, туберкулезный институт, Институт переливания крови и др. Эти институты сыграли большую роль в изучении местных болезней и выработке научных методов борьбы с ними.

Лечебно-профилактические учреждения Узбекистана оснащены рентгеноустановками, клинико-диагностическими лабораториями, оборудованными современной медицинской аппаратурой и инвентарем.

[1] СССР в цифрах в 1960 году. Краткий статистический сборник. Госстатиздат ЦСУ СССР. М., 1961, стр. 356—357.

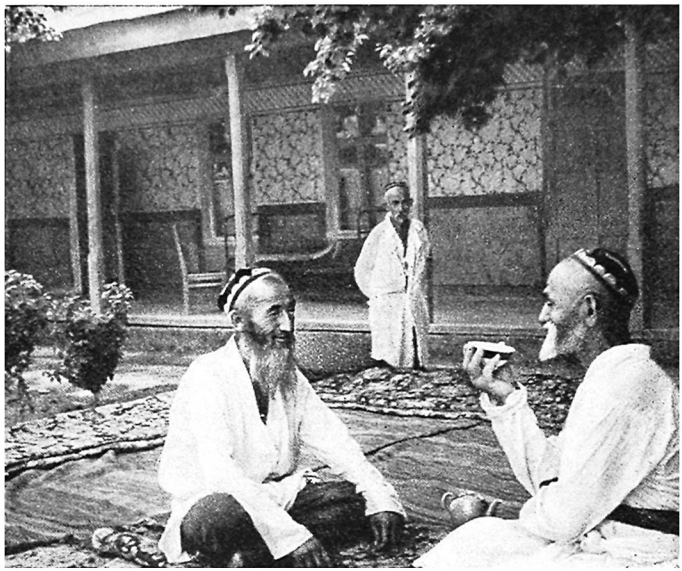


Колхозный дом отдыха. Наманганский район, Андижанская область

Колхозная гостиница и комбинат бытового обслуживания. Андижанская область

Магазин в кишлаке Заркент. Андижанская область

Торговля без продавца в магазине кишлака Заркент



В доме отдыха колхозных пенсионеров. Колхоз им. Ленина. Андижанская область

В результате широких оздоровительных и санитарных мер в Узбекистане уже давно полностью и окончательно ликвидированы ришта, оспа; малярия не только перестала быть массовым явлением, но в большинстве районов ликвидирована полностью. Из года в год увеличиваются рождаемость и средняя продолжительность жизни. Особенно большие успехи достигнуты в снижении детской смертности на первом году жизни. По сравнению с 1913 г. она уменьшилась в семь раз.

В Узбекистане так же, как во всем Советском Союзе, уделяется большое внимание созданию самых благоприятных условий для отдыха и лечения трудящихся в домах отдыха и санаториях. В годы Советской власти на территории Узбекской ССР создано несколько климатических и бальнеологических курортов, как, например, Шахимардан, Чимган, Чартак, Ташминводы и др. Ежегодно в домах отдыха и санаториях республики и на центральных курортах отдыхают и лечатся тысячи трудящихся Советского Узбекистана.

Одной из важных задач является полная ликвидация всех местных (эндемических) болезней. В настоящее время усилия ученых Узбекистана направлены на решение этой первоочередной задачи. С целью лучшей организации изучения краевой патологии в 1957 г. при Академии наук УзССР организован Институт краевой медицины, который сосредоточивает в своих руках всю работу по изучению местных болезней. Это — начало нового этапа в истории медицины Узбекистана.

Народные игры. Физкультура и спорт

У узбеков издревле были широко распространены различные физические упражнения и игры, призванные воспитывать в молодежи смелость, ловкость и стойкость.

Дети обоего пола до шести-семи лет играли совместно; с этого возраста характер игр у мальчиков и девочек становился различным. В детских

играх отражались основные занятия населения — сельское хозяйство, ремесло — с детских лет молодому поколению прививались навыки трудовой деятельности. Поэтому и игрушки воспроизводили сельскохозяйственные и ремесленные орудия, предметы домашнего обихода (например: фигурки различных домашних животных, повозки, лопатки, различные деревянные и глиняные сосуды и т. д.).

Особенной популярностью пользовались различные подвижные игры. Мальчики постарше зимой играли в снежки, а также катались по льду; коньки при этом не употреблялись. Играли «в лошадки». Подростки в играх имитировали *улоқ* (козлодрание).

Весной и осенью распространены были различные игры в кости *ошиқ ўйин*; в них играли не только дети, но и взрослые (у последних игра принимала азартный характер). Кости использовали овечьи и козьи; реже — коровьи и верблюжьи астрагалы. Их собирали, тщательно очищали от жил и обтачивали таким образом, чтобы при броске они легко могли становиться в положения, дающие преимущества или выигрыш. Игры эти требовали большой ловкости и хорошего глазомера.

Девушки и девочки в это время года качались на качелях (*ҳайинчак*, или *аргимчоқ*), подвешивая их на деревьях в садах, и пели при этом особые песни. Играли также в камешки — подбрасывали их в воздух и ловили в различных комбинациях то правой, то левой рукой. Популярна была среди них игра в мяч (*тўп*), сделанный из тряпок и вышитый цветными нитками. В городах Ферганы девочки при этой игре произносили вслух рифмованные поговорки.

Интересной и увлекательной у мальчиков была игра, напоминающая русского чижа,— *даста уйин* (Фергана), или *чиллик* (Ташкент, Самарканд, Хорезм). Весной мальчики запускали в воздух различных змеев (*варрак* и *парпарак*); нередко втягивались в эту игру и взрослые, которые часто помогали изготовлять змея.

Большой интерес представляют военные игры и игрушки. У мальчиков любимой игрой, особенно летом, была стрельба из обыкновенного или двухтетивного лука (*чувалак камон*), из которого стреляли специально изготовленными глиняными шариками, метание камней из различных видов пращей (*палаҳмон* или *сопқон*) и стрельба из духовых ружей.

Все эти игры воспитывали с детских лет ловкость, смелость, быстроту и находчивость. Многие из них бытуют с некоторой модернизацией и в настоящее время.

У юношей большой популярностью пользовалась борьба (*кураш*). Узбекская национальная борьба представлена двумя разновидностями — ферганской и бухарской. Ферганская отличалась от бухарской тем, что в ней не допускалось делать «подножку»; надо было силой оторвать противника от земли и затем повалить его на спину. На арену выходили одна или несколько пар борцов (*полвон*), которые схватывали друг друга за пояса, а в бухарском варианте — за ворот или за шею. Бороться выходили обычно босыми, с подвернутыми выше колен шароварами, обнаженные до пояса или в халатах, подпоясанных платком. Кураш был предметом увлечения не только профессионалов-палванов, но и широких слоев населения.

Наиболее увлекательными, азартными и требующими от участников силы, ловкости и находчивости, были конные состязания *пойга*, *кўпкари* (*кўкбури*, *улоқ*). Приведем описание купкари, происходившего в начале XX в. у древнего городища Афрасиаба, близ Самарканда. «В огромном рву, у подножия откоса, собрались десятки сотен всадников на рыжих, черных и белых конях. По данному знаку вся пестрая толпа скучивается у подножия откоса... Еще минута, и с вышины бросают в их середину зарезанного козла. Один из всадников подхватывает его, срывается вниз и, удачно прорвавшись сквозь сплоченные ряды наездников,

мчится с козлом по рву. Тысячная толпа летит за ним с целью отнять козла... Лошади встают на дыбы, всадники стремительно теснятся вперед; слышны крики, ругательства, смех, пронзительные взвизгивания, ржание разгоряченных коней... Падают лошади, падают и всадники и быстро снова поднимаются. Сверх ожидания, увечья сравнительно редки; только участвующие в байге (автор описания имеет в виду кункари.— *Ред.*) лошади остаются уже навсегда с испорченными задними ногами... Толпа преследующих джигитов не раз настигает победителя, и сотни рук простираются к козлу. Уже его тянут с седла и кажется всем, что он обессиленный готов уступить, но нет! Добрый конь выносит его на несколько шагов вперед, он взлетел на откос и победа за ним... Победителя осторожно снимают с лошади и под руки почтительно ведут к начальству. Полунагой, в одних шароварах, босой, одержавший победу джигит, с потным и пылью загрязненным лицом, с ярко горящими от возбуждения глазами, получает за свой подвиг от начальства халат, в который сейчас же облекается, а также козла...»[1]

Подобные состязания происходили главным образом во время весенних праздников, когда устраивались народные гуляния (*сайил*). В специально отведенные места в окрестностях больших городов собиралось население города и близлежащих кишлаков. На время праздника сюда переезжал почти весь городской базар. На сайль отправлялись целыми семьями. Женщины рассаживались в специально для них отведенных помещениях — в чайных и столовых, так как присутствовать на состязаниях они не имели права. На празднике выступали популярные в народе канатоходцы и шуты-акробаты, происходили бои животных и птиц — баранов, собак, петухов, перепелов.

Одним из развлечений богатых людей была охота; для трудовых людей она была и средством пропитания. Охотились с хищными птицами (сокол, ястреб и др.), дрессированной собакой — *тази* (среднеазиатская порода борзых) и ружьем. В тугаях охотились на диких кошек, барсов, иногда и тигров. В степных районах — на лисиц, сайгаков, зайцев, в горных местностях — на диких коз, архаров и др. Охотились и на различную пернатую дичь. Силками ловили перепелов, уток и фазанов. На перепелов охотились также с особым сачком (*матрап*). Били птиц и из духового ружья.

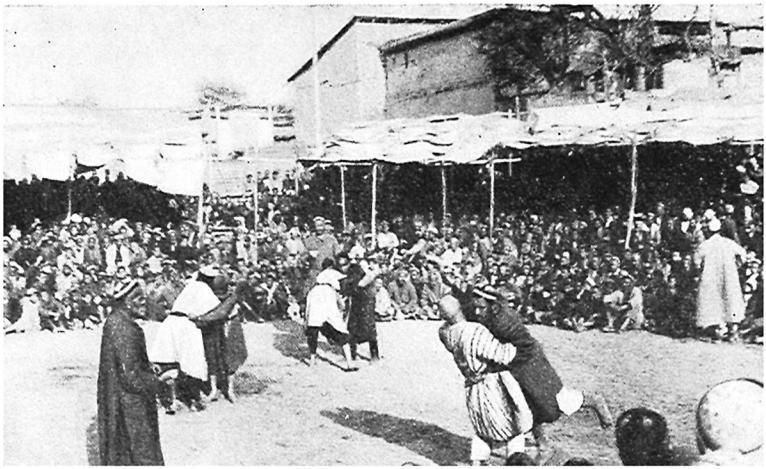
В начале XX в. на территории Узбекистана были организованы первые спортивные общества — одно в Ташкенте (1913 г.), другое — в Андижане (1915 г.), однако местному трудовому населению они были недоступны.

Только при Советской власти, благодаря постоянной заботе Партии и Правительства о здоровье трудящихся, спорт стал достоянием миллионов тружеников города и села. Преподавание физкультуры введено во всех школах и вузах республики.

Лучшие национальные физические упражнения и игры получили дальнейшее развитие. Отдельные виды их, противоречащие педагогическим требованиям, были изъяты или переработаны. Спортивные игры пополнились новыми: такими, как футбол, волейбол, баскетбол, получившими теперь очень широкое распространение.

Сейчас в Узбекистане имеются десятки стадионов, водных бассейнов, спортивных залов. На всех крупных предприятиях, в колхозах, совхозах и учебных заведениях есть свои спортивные базы и физкультурные коллективы. В Узбекистане славятся коллективы физкультурников Чирчикского электрохимического комбината, Ферганского гидролизного завода им. Ильича, многих колхозов и совхозов. Футбольная команда колхоза «Политотдел» Нижне-Чирчикского района Ташкентской области

[1] Газ. «Закаспийское обозрение», 1902, № 61.



Народный спорт (борьба «кураш»). Ташкент

Скачки на государственном ипподроме в Ташкенте

Народная конная игра «улак» во время праздника хлопка — «Пахта байрами». Ташкентская область

в 1962 г. успешно выступала в числе претендентов на чемпиона страны по классу «Б».

В республике в 1962 г. было свыше 300 спортсменов, имеющих звание мастера спорта СССР, больше 43 тыс. спортсменов-разрядников, десятки тысяч значкистов ГТО и БГТО. Узбекские спортсмены занимаются почти всеми видами современного спорта. Широко известны имена выдающихся узбекских спортсменов — неоднократного чемпиона Советского Союза акробата Мадамина Таджиева, штангиста Пулата Шарипова, борцов братьев Абласовых, боксера Х. Муминова, гимнаста И. Гиясова, велогонщика Х. Юлдашева, самбиста Алимова, парашютиста, мирового рекордсмена Л. Фатхутдинова и многих других.

Знаменательно активное участие женщин-узбечек в спортивной жизни страны. Далеко за пределами республики известны имена мастера спорта СССР гимнастки Халмурадовой, легкоатлетки Хасановой, волейболистки Гамерджановой, теннисистки Л. Мирзабаевой, пловца Л. Нурматовой и других спортсменок.

Проводимые в Ташкенте всеузбекские, сельские и юношеские спартакиады являются большим спортивным событием в жизни физкультурных организаций республики. В этих спортивных мероприятиях принимают участие широкие слои населения.

Во время всеузбекских спартакиад проходят соревнования по национальной борьбе — кураш, в которой принимают участие палваны. Многие борцы получили звание чемпионов по национальной борьбе.

По-прежнему популярен в Узбекистане конный спорт. Национальные праздники Пахта-байрами (Праздник хлопка) не обходятся без игр байга и улак, которые проходят по строгим спортивным правилам и охватывают сотни спортсменов-всадников.

Ежегодно проводятся соревнования на первенство республики по футболу и волейболу, в которых принимают участие десятки лучших спортивных коллективов. Узбекские спортсмены занимают одно из первых мест в СССР по альпинизму. Любимым видом спорта являются шахматы и

Международный шахматный турнир 1959 г. в Ташкенте.
Встреча Аровак Бахтиара (Индонезия) и Мамаджана Мухитдинова (Узбекистан)

Спартакиада школьников республик Средней Азии и Казахстана в Ташкенте, 1960 г.

шашки. Ими увлекаются все — и взрослые, и дети. Каждому любителю шахмат и шашек известны имена мастеров спорта СССР шахматиста М. Мухитдинова и шашиста Ш. Якубова.

Любители охоты и рыболовства объединяются в соответствующие общества.

Наиболее крупным из добровольных спортивных обществ в республике является общество сельских спортсменов «Пахтакор» («Хлопкороб»), организованное в 1951 г. Ему принадлежит стадион «Пахтакор» в Ташкенте, оборудованный и оснащенный по последнему слову техники, вмещающий более 50 тыс. зрителей. Футбольная команда «Пахтакор» одна из сильнейших команд нашей страны по классу «А».

Широкий размах физкультурного движения вызвал создание в республике специальных учебных заведений. В настоящее время подготовкой кадров по физкультуре и спорту занимаются Ташкентский институт физической культуры и многочисленные специальные факультеты педагогических институтов.

Важную роль в организации пропаганды физической культуры и спорта среди широких слоев населения играет выходящая на узбекском и русском языках газета «Физкультурник Узбекистана».

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Народное образование у узбеков до Октябрьской революции сохраняло черты, свойственные средневековью. Светское образование зародилось лишь в конце XIX — начале XX в., когда появились так называемые новометодные и русско-туземные школы, в которых преподавание основ религии сочеталось с преподаванием начатков «светских» наук. До появления этих школ единственным видом учебных заведений являлись различные конфессиональные школы. Основными учебными заведениями были мактабы (низшая школа) и представлявшие высшую ступень конфессионального образования — медресе.

Сеть мактабов исстари была очень значительна. При ханской власти начальное религиозное обучение мальчиков считалось обязательным. Мактабы имелись, как правило, при каждой сельской и городской мечети. В городах мактабы открывались, кроме того, в домах учителей-профессионалов (*мактаббдор*); были и домашние мактабы у знати. По статистике царских властей в Туркестанском крае (без ханств) в XX в. было не менее 5 тыс. мусульманских мактабов.

Несмотря на большое число мактабов, грамотность среди узбекского населения была очень низка. По переписи 1897 г. грамотных узбеков оказалось 1,6%; процент грамотных женщин был еще ниже. Около одной трети всех грамотных составляли учащиеся медресе. Грамотными были и духовенство, купечество, знать. Большинство грамотного населения сосредоточивалось в городах. В сельских местностях процент грамотных был так ничтожен, что, например, в 1893 г. в Дюрткульской волости Самаркандского уезда при обмере землевладений нельзя было найти 11 грамотных понятых[1] несмотря на то, что в этой волости было около 30 мактабов.

Было несколько причин несоответствия между числом школ и числом грамотного населения.

Арабский алфавит, принятый всеми мусульманами, был очень сложен, обучение чтению велось крайне отсталым, средневековым буквослагательным методом, не сопровождалось и не закреплялось письмом, которому обучались лишь отдельные старшие ученики. Сначала заучивался

[1] Н. М. Вирский. Дюрткульская волость Самаркандского уезда. Опыт исследования экономических и бытовых условий населения. Самарканд, 1895 г., стр. 80—83.

алфавит: учебным пособием служила специальная, изготовленная учителем дощечка (*тахта*), на которой были написаны буквы в разных вариантах. По дощечке зубрили слоги и лишь после этого приступали к обучению по книге. Язык двух первых книг обучения был непонятен для учеников-узбеков: первой книгой был Хафтъяк — сокращенный текст корана. Ученики заучивали арабские тексты наизусть, с голоса учителя, не понимая их значения и не зная всех букв. После Хафтъяка читался на таджикском языке Чар-китаб («Четверокнижье») — популярное изложение основ ислама, сделанное около тысячи лет назад для таджикских и персидских детей. Затем в узбекских мактабах читали книгу на одном из тюркских языков; чаще всего в XIX—XX вв. это был сборник религиозных стихов Суфи-Аллаяра, узбекского ишана конца XVII в. В Хорезме в сельских мактабах к Суфи-Аллаяру переходили после Хафтъяка, минуя таджикский Чар-китаб.

После заучивания сборника Суфи-Аллаяра большинство учащихся отсеивалось, так как родители считали образование законченным и спешили возвратить сыновей для работы в хозяйстве. Оставшиеся учащиеся переходили к чтению поэтических сборников, некоторые из них были написаны на тюркских языках; прочитывалось три-пять таких книжек. В мактабах Ферганской долины были популярны местные поэты — Машраб и Хувайдо; читали и какого-нибудь персидского поэта, обычно Хафиза.

Наиболее грамотные мактабдоры обучали старших учеников, по соглашению с родителями, каллиграфии и арифметике. Каллиграфы писали на бумаге тушью, пользуясь прописями. В арифметике изучали лишь действия с целыми числами, главным образом устно. Учащиеся запоминали ряды чисел, получающиеся при последовательном умножении или делении на простое число; как минимум усваивали «удвоение» (2, 4, 8..) до 64 и обратно. Чтобы пройти весь традиционный курс мактаба, требовалось 7—8 лет. На это шли лишь те, кого богатые родители готовили к ремеслу переписчика или в медресе, или хотели вооружить знанием грамоты и счета для торговли.

Наряду с мактабами для мальчиков существовали и женские мактабы, главным образом в городах. Девочек отдавали учиться лишь немногие, главным образом состоятельные семьи. Мактабы для девочек функционировали на дому у грамотных женщин (*отин-биби*); обычно это были жены мактабдоров или имамов. В XX в. количество школ отин-биби увеличилось, особенно в Восточной Фергане.

Мактабы помещались обычно в комнатушке при мечети или при доме учителя. В некоторых кварталах Бухары для мактаба имелось особое, нередко старинное, купольное здание, расположенное невдалеке от квартальной мечети. Ученики мактаба сидели на полу, прямо на циновке, перед ними лежала книга, иногда для книг были устроены узкие столики из досок, бревен, кирпичей или глинобитные. В некоторых мактабах для поддержания дисциплины мальчики сидели в ямках, вырытых в глинобитном полу, откуда виднелись только их головы.

В руках у учителя были три палки разной длины, которыми он мог достать ученика в любом месте. Так как все ученики громко твердили каждый свой урок, перекрикивая друг друга, в мактабе всегда стоял сильный шум, заглушавший голос учителя, который поэтому в случае нужды действовал палкой. В качестве дисциплинарной меры применялось битье ученика по пяткам гибкими прутьями. Ноги провинившегося привязывали к палке, пропущенной под коленки.

В медресе готовились кадры духовенства и шариатского суда, а при ханской власти — и чиновников. Кроме схоластического среднего, в некоторых медресе давались элементы «высшего» образования: изучались идеалистическая философия и правоведение. Носителями «высших» знаний были немногие мударрисы (преподаватели).

«Светские науки», в том числе и литературу, в медресе не проходили. Лишь немногие мударрисы могли обучать арифметике и астрономии, которая перемешивалась со средневековой астрологией.

Медресе помещались чаще всего в специальных зданиях, обычно выстроенных из жженого кирпича. По периметру двора были расположены передко в два этажа, кельи учащихся. Это были маленькие, полутемные комнаты; иногда в келье (*худжра*) помещалось два человека. Против входа в крупные медресе находилась аудитория (*дарсхона*), где проводились занятия мударриса с большой группой. Как правило, в медресе была своя мечеть, при которой имелось помещение для совершения омовений.

В крупных городах имелось множество медресе. Так, в г. Бухаре, который считался центром мусульманского образования и привлекал учащихся издалека, было около двух сотен медресе, но преподавание велось лишь в немногих. Большая часть медресе представляла собой общежития, проживание в которых было обязательным условием для всех учащихся. Кельи обычно покупались учащимися, а затем перепродавались ими другим.

Каждый, получивший келью в медресе, мог по своему желанию обучаться у любого мударриса, и многие из наиболее любознательных и усердных учащихся (*муллабачча*) занимались одновременно у мударрисов нескольких медресе.

В небольших медресе мударрис был обычно один, но и в крупнейших медресе бывало по одному-два мударриса. Так, в главном медресе Бухары — Кукальтош— был один мударрис, носивший высшее звание *охун*. В бухарском медресе Улугбек было всегда два мударриса. Число мударрисов в медресе определялось не столько нуждами обучения, сколько наличием завещанных мударрисам долей вакфа.

Мударрисы низшего ранга занимались с муллобачами в индивидуальном порядке, подготавливая их таким образом к слушанию лекций. Такие занятия происходили по кельям, где жили муллобачи. Мударрисы высшего ранга читали лекции целым группам учащихся, занимаясь толкованием текстов изучаемых книг.

Полный курс медресе включал в себя изучение до 130 учебников. Основные учебники были на арабском языке; изучались морфология, синтаксис, лексика арабского языка. Это было одним из путей проникновения арабизмов в языки народов Средней Азии. Пособия для овладения арабскими текстами были на персидско-таджикском языке, узбекским мударрисы пользовались лишь при устных пояснениях. С конца XIX в. появилась тенденция к переводу книг по шариату на узбекский язык. Эта тенденция больше проявлялась в Хиве, где в канцелярии применялся не персидско-таджикский, а узбекский язык.

Муллобачи — своеобразное студенчество медресе — в массе своей были носителями реакционных взглядов. Но в этой же среде вырастала и прогрессивная национальная узбекская интеллигенция. Муллобачи были главными читателями появлявшихся на узбекском языке художественных произведений, многие из которых и рождались в кельях медресе.

Экономической базой мактабов и медресе служили вакфы (см. стр. 176). Медресе владели в Узбекистане в конце XIX в. более чем половиной всех вакуфных земель. Мактабы имели свои вакфы очень редко (чаще в Восточной Фергане).

После присоединения Средней Азии к России в деле образования у узбеков наметились изменения. Основное место, правда, занимала попрежнему конфессиональная школа — мактаб и медресе— со своей выработанной еще в средние века системой и программой обучения.

Однако с конца 70-х годов XIX в. некоторые узбекские дети стали учиться вместе с русскими; число их в русских школах в XX в. не превышало сотни, но из их среды вышли первые узбеки, получившие

среднее образование на базе науки того времени. С 1885 г. начали появляться русско-туземные школы, в которых перед Октябрьской революцией обучалось около 2 тыс. узбеков. В так называемом русском классе этих школ узбекские дети изучали русский язык и получали элементарное образование. «Туземные» классы в русско-туземных училищах вначале не отличались от старинных мактабов, но под влиянием русских коллег учителя-узбеки этих классов переходили на звуковой метод обучения грамоте.

Появились и школы для взрослых. Были открыты вечерние курсы где обучали русскому языку и русской грамоте. С 1880 по 1916 г. через такие курсы прошли 2—3 тыс. учащихся. В 1915 г. начали открываться курсы изучения русского языка и для учащихся медресе в Ташкенте и Коканде.

Под влиянием русской школы и новых методов преподавания появились так называемые «новометодные» мактабы. Они возникли еще в конце XIX в. при хлопкоочистительных заводах в Ферганской долине и в торговых центрах. В этих мактабах буквослагательный метод обучения был заменен звуковым, по примеру русских школ были введены классно-урочная система, обучение письму параллельно с чтением, учащиеся были посажены за парты, стали применять наглядные пособия. Значение новометодных мактабов снижалось тем, что в них по-прежнему игнорировался народный узбекский язык, много времени отдавалось обучению основам ислама.

Количество новометодных мактабов, которых царские власти не поощряли, увеличилось после революции 1905—1907 гг. Под влиянием русско-туземных школ и новометодных мактабов примерно с 1910 г. началась модернизация и многих старых мактабов, особенно в Ташкенте и Ферганской долине. Вся система образования, бытовавшая среди узбекского народа до Октябрьской революции, имела своей целью укрепить религиозное мировоззрение. Поэтому даже крайне ограниченные реальные знания, получаемые учениками русско-туземных школ, знаменовали большой прогресс в деле народного образования узбеков до революции.

Великая Октябрьская революция послужила могучим толчком к быстрому росту культуры узбекского народа, в том числе и народного образования. Воссоединение в 1924 г. узбеков Туркестана, Бухары и Хивы в едином государстве— Узбекской ССР— благоприятствовало культурному росту узбекского народа. Даже отсталые районы Узбекистана, входившие до 1920 г. в Бухарский эмират и Хивинское ханство, постепенно поднимались до общего уровня.

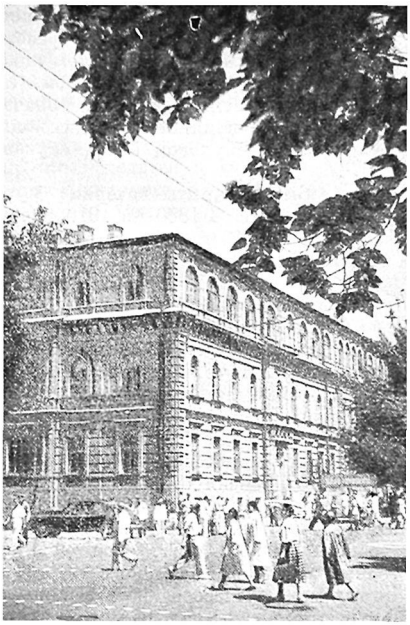
Октябрьская революция призвала тех, кому в старое время удалось стать грамотными, на службу народу. Из них сформировались первые кадры преподавателей советской школы.

Русско-туземные школы в 1918 г. были реорганизованы в советские школы, где обучение велось на родном языке. Часть старых мактабов некоторое время сохранялась, но с победой советской системы народного образования была ликвидирована окончательно[1].

В 1928 г. трудный арабский алфавит был заменен более легким латинским, что ускорило распространение грамоты; латинский алфавит в 1940 г сменился русской графикой, что облегчило узбекской молодежи изучение русского языка.

В 1930/31 учебном году в Узбекистане, как везде в СССР, было введено всеобщее обязательное четырехлетнее обучение молодого поколения; в городах и фабричных поселках с того же года приступили к обязательному семилетнему обучению. В послевоенные годы в городах и

[1] Согласно советскому закону 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», медресе сохранились (например, в г. Бухаре), но как узкоконфессиональные учебные заведения, где могут обучаться только взрослые.



Ташкентский государственный университет им. В. И. Ленина

многих кишлаках молодежь, как правило, получает среднее образование.

Резко вырос процент грамотных женщин. В первые годы много трудностей стояло на пути изживания порожденного исламом обычая затворничества женщин. В процессе социалистического строительства преодолевались эти вредные пережитки.

В середине 20-х годов были открыты учебные заведения для подготовки учительниц-узбечек. За 30 лет (1927—1956 гг.) контингент девочек-узбечек в школах возрос почти в 40 раз; особенно большой сдвиг произошел в послевоенные годы. Сейчас среди школьников девочки в городах и начальных классах сельских школ составляют почти 50%, однако некоторые девушки не заканчивают средней школы, особенно в сельских районах.

Осуществление в Узбекистане всеобщего начального образования и переход ко всеобщему восьмилетнему оказались возможными благодаря заботам Советской власти о подготовке национальных учительских кадров. Первые педагогические училища принимали на подготовительные отделения едва грамотных подростков; в старших классах в 20-х годах обучение велось большей частью на русском языке, иногда с помощью переводчика. Первый узбекский педагогический институт, куда удалось набрать 55 студентов, открылся в Самарканде в 1927 г. В 1930 г. был начат широкий прием узбеков в вузы, главным образом педагогического профиля. За прошедшее с тех пор время была подготовлена целая армия учителей-узбеков. В 1960/61 учебном году в начальных и средних школах Узбекистана работало около 50 тыс. учителей-узбеков, около трети которых составляли женщины-узбечки. Подавляющая масса учителей-узбеков имеет среднее или высшее педагогическое образование, полученное часто путем заочного обучения.

Развитие в кишлаках сети дошкольных учреждений дало возможность женщинам участвовать в общественной жизни и труде. Дошкольное воспитание после Октябрьской революции в городе и кишлаке осуществляется в постоянных яслях и детских садах, на детских площадках, открываемых на период напряженных сельскохозяйственных работ. Это обусловило рост женского образования, способствовало получению женщинами квалификации, выдвижению их на ответственную работу.

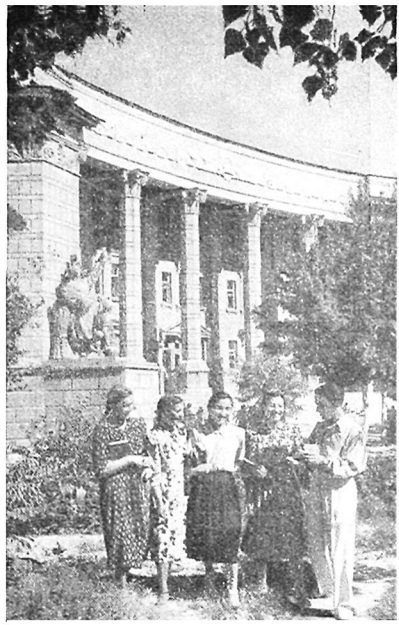
Рост национальных учительских кадров позволил вести обучение на родном языке не только в начальных школах, но с 1930 г. и в средних[1];

[1] До 1930 г. преподавание на узбекском языке в средних школах имело преимущественно опытный характер.

позже стало обычным преподавание на узбекском языке и в вузах.

Как и во всех школах Советского Союза, главной задачей узбекских школ является овладение основами современных наук; школьники-узбеки увлекаются радиотехникой, авиамоделированием, сельскохозяйственными и химическими опытами; немало среди них любителей математики, астрономии и т. д.

Родной язык в узбекской школе, как и во всех советских школах,— основа образования. Преподавание систематического курса узбекского языка было очень облегчено переводом письменности перед Великой Отечественной войной на современную графику и орфографию, выработкой единого узбекского литературного языка. Сокращение книгопечатания в годы войны задерживало распространение единых норм литературного языка, но в послевоенные годы в узбекских школах прочно закрепился курс родного языка в его современном виде; этому благоприятствовало широко развернувшееся издание разнообразной художественной и научно-популярной литературы, как узбекской, так и переводной. Узбекский читатель впервые ознакомился на родном языке со всем богатством русской и мировой литературы.



Студенты Ташкентского педагогического института им. Низами

Советская школа воспитывает узбекскую молодежь в духе интернационализма. Кроме идейной коммунистической направленности обучения, этому служит и живое общение узбекских школьников с детьми других народностей. Ученик-узбек учится в школе, где рядом с узбекскими классами имеются русские, таджикские, казахские и т. д. Некоторые узбекские школьники, по желанию родителей, учатся в русских классах или в русских школах, изучая свой родной язык как один из предметов. Везде в узбекских классах и узбекских школах изучают со второго года обучения русский язык и русскую литературу; позже изучают также иностранный язык, западный или какой-либо из восточных (арабский, персидский, китайский, хинди или урду). Художественная самодеятельность, экскурсии, радио, кино помогают живому знакомству узбекских школьников с культурой других народов.

Развитие сети советских школ обусловило распространение в узбекском народе новых форм культуры. Постройка школьного здания в кишлаке стала для многих узбеков первым опытом освоения современной строительной техники, современной архитектуры. Форменная одежда приучала школьников к новому покрою платья.

С 1920 г., по ленинскому декрету, началась ликвидация неграмотности среди взрослых. В результате к 1930 г. грамотным стало более четверти населения Узбекистана. В 1940 г. неграмотных среди взрослых остава-

Школа-интернат. Ферганская область

лось всего 2%. Коренные изменения в народном образовании, развитие библиотек и книготорговли, рост издательств, выпуск на узбекском языке книг, газет и журналов дали возможность грамотным людям в кишлаках пополнить запас своих знаний. В Узбекистане издается газет больше, чем в Пакистане, Иране и Афганистане вместе взятых. Растут и личные библиотеки. В домах, где есть учащиеся старших классов, нередко можно найти собрания книг, главным образом художественной литературы, в несколько сот томов. В семьях, где есть студенты, кроме того, много научной и политической литературы.

Большие сдвиги в развитии народного образования в Узбекистане происходят с конца 50-х годов в связи с решениями Партии и Правительства о школе.

В 1961 г. в республике насчитывалось 6605 школ, в которых обучалось свыше 1600 тыс. детей; более 30 тыс. детей обучалось в школах-интернатах[1]. При школах созданы тысячи различных кабинетов, учеб-

[1] См. Доклад первого секретаря ЦК КП Узбекистана Ш. Рашидова на XVI съезде Коммунистической партии Узбекистана. «Правда Востока», 28 сентября 1961 г.

ных мастерских, учебно-опытных участков.

Около половины узбекских юношей и девушек, получающих аттестаты зрелости, поступает сейчас на работу в колхозы и совхозы. Кишлак систематически получает большое пополнение грамотных тружеников сельского хозяйства, что очень важно для применения в нем достижений науки, идущей быстро вперед.

Политехническое обучение вызывает среди узбекских школьников стремление к агротехническим опытам, интерес к селекции, к изучению трактора, к электротехнике и т. д. В колхозе «Намуна» Термезского района учебные мастерские и теплицы при средней школе им. К. Маркса построены руками учащихся; в этой школе более 70% выпускников идут на работу в родной колхоз, становятся мастерами выращивания тонковолокнистого хлопка, механизаторами, животноводами.

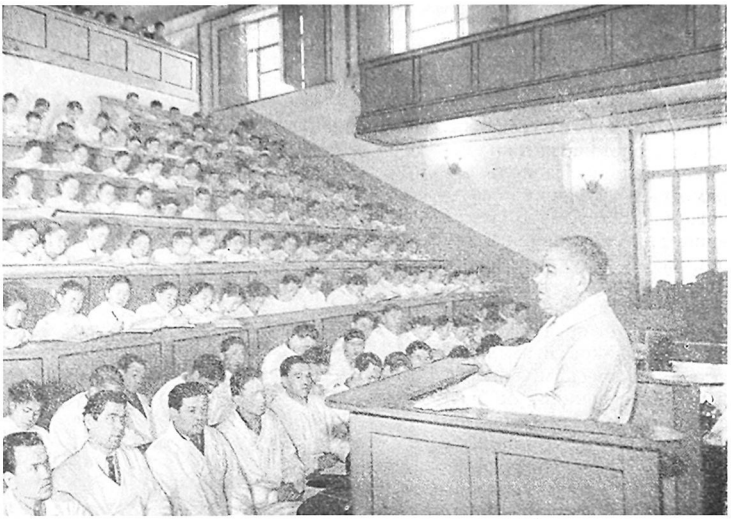
Публичная библиотека им. Алишера Навои. Ташкент

Пионерская организация в УзССР охватывает около полмиллиона школьников-узбеков. Для пионеров и школьников на узбекском языке издаются газета «Ленин учкуни» («Ленинская искра»), журнал «Гульхан» («Костер»), журнал «Гунча» («Бутон»). В республике действуют десятки домов и дворцов пионеров—центров многообразной внешкольной работы с детьми; имеются детские технические станции, станции юных натуралистов. Из года в год растет число узбекских школьников, отдыхающих в пионерских лагерях и совершающих на каникулах экскурсии и походы по Средней Азии и за ее пределами.

Узбекские школьники и пионеры любят музыку, танцы, художественное чтение, изобразительное искусство. Популярны среди школьников национальные танцы, музыка; старинное народное искусство — резьба по ганчу; многие девочки занимаются вышиванием.

Для узбекских школьников стала традицией многообразная забота об урожае хлопка. На пришкольных участках в республике выращиваются замечательные урожаи хлопка; школьники занимаются также выкормкой шелкопряда, ухаживают за молодняком скота, выращивают сады. Ширится круг их интересов и в разных областях техники. Овладевая строительными профессиями, старшие школьники Узбекистана помогают возведению новых школ, расширению старых. Участие школьников в постройке учебных мастерских, теплиц и других мероприятиях становится обычным явлением.

В 1960 г. основная масса школ республики перешла на занятия в одну смену, что повышает качество обучения. Во всех областях республики, в городах и колхозах растет сеть школ-интернатов.



На лекции в Ташкентском медицинском институте

С ростом общего уровня образования у населения узбекского кишлака появились новые культурные запросы. Возросла потребность в культработниках. Из местных выпускников школ комплектуются кадры библиотекарей, работников сельских клубов, колхозных радиоузлов.

Почти все колхозы Узбекистана имеют радиотрансляционные точки. Сейчас в кишлаке много не только читающих, но и пишущих. Везде имеются стенные газеты, выросли кадры сельских корреспондентов районных, областных и республиканских газет. Крупные колхозы и совхозы имеют свои газеты-многотиражки.

В Узбекистане в 1961 г. было 75 средних специальных учебных заведений разного профиля; узбеки составляли в них около 40% учащихся. Тысячи молодых узбеков обучаются в школах ФЗУ (фабрично-заводского ученичества). Они осваивают сложные профессии химиков, сталеваров прокатчиков, энергетиков, токарей, слесарей и др. В колхозах и совхозах работают курсы и кружки по агротехнике, животноводству и т. п. С 1958 г., в связи с получением колхозами техники из МТС, стали распространяться массовые школы механизации.

На базе среднего образования растет высшая школа. Первое в Узбекистане высшее учебное заведение — университет в Ташкенте — было открыто в 1920 г. по декрету, подписанному В. И. Лениным. Этот университет, носящий имя Ленина, подготовил преподавателей для многих десятков вузов в республиках Средней Азии. В 1922 г. в университет было впервые принято 22 узбека, подготовленных на специально организованном рабочем факультете, но уже в 1930 г. массовый прием в Университет студентов местных национальностей позволил организовать узбекские и другие национальные учебные группы. Сейчас узбеки среди студентов высших учебных заведений республики составляют больше половины, а в сельскохозяйственных и педагогических вузах их особенно много.

В 1961 г. в Узбекистане в 30 высших и 75 средних специальных учебных заведениях обучалось около 154 тыс. студентов. 600 юношей и девушек республики получали образование в центральных городах страны. Повысился удельный вес вечернего и заочного высшего образования. Ежегодный выпуск специалистов с высшим и средним специальным образованием достиг в Узбекистане почти 30 тыс. человек[1]. Высококвалифицированные специалисты, подготовленные в республиканских и центральных вузах страны, составляют ядро научных кадров республики.

НАУКА

Богато и своеобразно культурное наследие узбекского народа. Оно сочетает в себе самобытность и черты, появившиеся под влиянием культур народов Передней Азии и Средиземноморья, Сибири и Поволжья, Китая и Индии. В развитии прогрессивной научной мысли большую роль играла Россия.

Передовые мыслители узбекского и других народов Средней Азии в далеком прошлом делали важнейшие научные открытия и обогащали своими замечательными творениями сокровищницу общечеловеческой культуры и науки. Бухара и Самарканд славились во всем мире как крупнейшие культурные центры средневековья.

Застойный характер, который принял феодализм в XVI—XVIII вв., консерватизм, охраняемый реакционным духовенством, препятствовали дальнейшему развитию научной мысли.

В связи с установлением все более широких связей с Россией, особенно после присоединения к ней Средней Азии, в творчестве узбекских писателей и мыслителей Фурката, Мукими и других проявились новые демократические идеи, отражавшие веяния и изменения реальной исторической действительности, в частности большое влияние передовой русской культуры.

Однако и самые передовые узбекские мыслители еще не могли освободиться от средневековой идеологии, от влияния религии.

Большую роль в изучении природы, экономики, истории и культуры Узбекистана и всей Средней Азии в XIX — начале XX в. сыграли русские ученые. Плодотворной была деятельность различных научных обществ, созданных по инициативе виднейших русских ученых,— Туркестанского отдела Русского географического общества, Туркестанского кружка любителей археологии, Туркестанского общества сельского хозяйства, Ташкентского отделения Русского технического общества, Общества востоковедения и др. В Ташкенте была сооружена обсерватория и начались астрономические наблюдения. В научных исследованиях принимали участие и отдельные лица из местных национальностей.

Однако крупных сдвигов в области науки узбекский народ достиг лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Задачи социалистического строительства требовали планомерно поставленной научно-исследовательской работы по всестороннему изучению края.

Важной и успешно разрешенной проблемой была проблема создания кадров советской национальной интеллигенции, в том числе кадров научных работников.

Наряду с высшими учебными заведениями в республике была создана сеть научных учреждений, рост которых требовал согласованной деятельности и объединения их руководства. В связи с этим в 1932 г. был образован республиканский комитет по руководству научно-исследова-

[1] См. Доклад первого секретаря ЦК КП Узбекистана Ш. Рашидова на XVI съезде Коммунистической партии Узбекистана. «Правда Востока», 28 сентября 1961 г.

В институте ядерной физики Академии наук Узбекской ССР

тельскими учреждениями; в 1940 г. был создан Узбекский филиал АН СССР, преобразованный в 1943 г. в Академию наук Узбекской ССР с ее многочисленными научными учреждениями. За последние годы в ее системе созданы новые научные учреждения, среди которых особое место по своей значимости занимает Институт ядерной физики. Большим событием в жизни республики является пуск первого на Советском Востоке атомного реактора этого института. Этим был завершен важный этап по созданию в Узбекистане современной экспериментальной базы в области ядерной физики.

В 1961 г. в республике насчитывалось 120 различных научных учреждений.

Быстрые темпы развития науки в Узбекистане выражаются и в росте научных кадров, пополняемых за счет выпускников высших учебных заведений республики и крупных центров Союза. Научные кадры в республике составляли в 1940 г. 330 человек, а в 1950 г. — уже 4540. В 1961 г. число научных работников Узбекистана выросло до 15 тыс. человек. Среди ученых республики насчитывается около 190 докторов наук и свыше 2 тыс. кандидатов наук.

Вместе с ростом кадров и развитием научных учреждений из года в год расширяется научная деятельность Академии наук, растет печатная научная продукция. Результатами научной деятельности является также внедрение новых методов, машин и приборов в хозяйственную практику.

Создание в республике Академии наук позволило перейти к решению комплексных народнохозяйственных и научных проблем.

Развиты в Узбекистане различные отрасли математики, особенно исследования по теории вероятностей, математической статистике и математическому анализу. Создан узбекский математический язык и узбекская математическая литература, написаны исследования по истории математики и астрономии Средней Азии. Специальная монография акад. Т. Н. Кары-Ниязова посвящена астрономической школе Улугбека.

В Узбекистане создан вычислительный центр, располагающий современными электронными машинами.

Практические потребности в прогнозе погоды, в прогнозе уровня воды в реках, в климатических характеристиках отдельных экономических районов и другие вызвали развитие различных отраслей геофизики Узбекистана. Систематически ведутся аэрологические и метеорологические экспедиционные исследования в пустынных и горных районах Средней Азии.

Большое практическое значение имеет решение учеными Узбекистана важнейших теоретических вопросов в области хлопководства. Доказана возможность возделывания в условиях Средней Азии тонковолокнистых сортов хлопчатника. Важное значение для теории и практики селекционной работы имеет разработка метода повышения скороспелости и урожайности хлопчатника воздействием факторов внешней среды (член-корр. С. С. Садыков и др.). Ценным приемом управления природой хлопчатника является метод вегетативной гибридизации на основе мичуринского учения (проф. Е. Х. Узенбаев).

В лаборатории электрических систем Института энергетики и автоматики Академии наук Узбекской ССР

Значительна роль ученых Узбекистана в разработке теоретических вопросов современной химии. Важное практическое значение имеет работа по выявлению алкалоидов (акад. С. Ю. Юнусов и др.). Изучено 800 видов дикорастущих алкалоидоносов, значительная часть которых еще не описана в литературе. Научные достижения в области химических удобрений, в частности фосфатов (акад. М. Н. Набиев), имеют большое народнохозяйственное значение.

В системе АН Узбекской ССР создана первая в Советском Союзе лаборатория физико-химии и химии высокополимеров. Узбекские ученые внесли большой вклад в разработку актуальных проблем химии; они не раз выступали докладчиками на международных съездах в Чехословакии, Германии, Швейцарии, Франции и других странах.

Видное место заняли ученые Узбекистана и в решении некоторых вопросов современной геологической науки. Работами геологов полностью опровергнуты представления о безрудности Средней Азии, изучены закономерности образования и распределения рудных месторождений. Результаты этих исследований позволили выявить в Средней Азии крупные месторождения всесоюзного значения. За эти работы акад. Х. М. Абдуллаеву в 1959 г. была присуждена Ленинская премия.

Другой важной задачей, решенной геологами республики, является разработка методов раскрытия закономерностей образования и размещения в недрах горючих ископаемых (нефть, газ, уголь); создана карта прогнозов нефтегазоносности Западного Узбекистана. Результатом этих исследований, в частности, явилось открытие крупного месторождения газа в Бухарско-Хивинском районе.

Узбекские ученые разработали многие вопросы строительной науки. Сформулированы основные проблемы динамической теории сейсмостойкости (акад. М. Г. Уразбаев). Трудами большой группы сотрудников

Наблюдения за распространением радиоактивного фосфора в хлопчатнике на Центральной селекционной станции Союзного научно-исследовательского хлопководческого института

Института сооружений Академии наук Узбекской ССР разработаны принципы строительства сейсмоустойчивых конструкций и выработаны практические методы их расчетов. Изучены научные данные о сильных землетрясениях и выработано математическое выражение закона движения почвы при землетрясениях. Большое значение имеет изучение местных строительных материалов и широкое внедрение их в практику строительства.

Значительных успехов добились ученые Узбекской республики и в области общественных наук.

С самого начала установления Советской власти вопросы изучения экономики Узбекистана находились в центре внимания многих вузов республики и отраслевых научных учреждений. Большое место в работе экономистов занимают вопросы экономики хлопководства, экономического обоснования роста колхозного и совхозного производства, рентабельности и рационализации работы транспорта и др. Экономисты проделали значительную работу в области исследования производительных сил республики, комплексного развития ее экономических районов, улучшения планирования народного хозяйства. На основе этих исследований разработаны перспективные планы развития производительных сил отдельных районов республики (Кара-Калпакии, Голодной степи, центральной части Ферганской долины, Ангрена, Хорезма). Ведутся большие работы по изучению перспектив комплексного развития производительных сил низовий Аму-Дарьи и др.

В области исторических наук почетное место занимают работы узбекских археологов, работающих в составе многолетних археологических экспедиций. Археологические исследования проводятся почти во всех областях республики. Видным археологом является член-корр. АН Узбекской ССР Я. Г. Гулямов. Археологическими работами навсегда разбиты антинаучные построения буржуазной историографии, сводившей культуру Узбекистана к провинциальному варианту или ответвлению «иранской» или «ирано-арабской» культуры.

Большим коллективом ученых-историков вместе с археологами и этнографами на базе многочисленных монографических исследований, посвященных отдельным вопросам истории, создан обобщающий двухтомный труд «История Узбекской ССР». Ведутся исследования, связанные с обобщением опыта революционных преобразований и социалистического строительства в Узбекистане.

Лауреат Ленинской премии, академик Академии наук Узбекской ССР, член-корреспондент Академии наук СССР Хабиб Мухаммедович Абдуллаев

Этнографы Узбекистана, среди которых преобладают узбеки, изучают культуру и быт узбекского народа в прошлом и настоящем, в частности — современного рабочего класса и колхозного крестьянства. Составляется этнографическая карта Узбекистана, изучаются культура и быт различных этнографических групп, вошедших в состав узбекской нации, и др.

Искусствоведы изучают все виды искусства, созданного узбекским народом в прошлом и создаваемого в настоящее время. Это позволило подготовить к изданию ряд крупных монографических работ по истории искусства Узбекистана.

Коллектив философов, возглавляемый акад. И. М. Муминовым, изучает по произведениям виднейших мыслителей Средней Азии историю общественной мысли. Юристы работают над монографическим исследованием, посвященным истории сложения и развития советского узбекского государства и права (акад. АН Узбекской ССР Х. С. Сулайманова, член-корр. АН Узбекской ССР А. И. Ишанов и др.).

Большой размах в республике получили работы в области узбекского языкознания. В Институте языка и литературы проделана большая работа по созданию школьной научной грамматики, а также по изучению богатейшего языкового наследия узбекского народа. Языковеды подготовили и опубликовали пятитомный русско-узбекский словарь (свыше 70 тыс. слов), словари русско-узбекский (50 тыс. слов) и узбекско-русский (40 тыс. слов). Издан ценнейший «Тюркский словарь» средневекового филолога Махмуда Кашгарского.

Широкое развитие получили работы по изучению и популяризации богатейшего устного народного творчества узбекского народа. Записаны и изданы десятки дастанов, сказок, песен и т. п. Опубликованы специальные исследования по фольклору.

Созданы монографии о жизни и творчестве виднейших писателей, поэтов Узбекистана, написан ряд литературно-критических работ, изданы в четырех томах очерки по истории узбекской советской литературы.

Все более широкий размах принимает в республике востоковедческая работа. Ташкент стал одним из центров советского и мирового востоковедения. В Институте востоковедения АН УзССР хранится более 15 тыс. томов рукописей и литографированных изданий, в которых содержится более 50 тыс. отдельных произведений. Результатом их изучения и систематизации является издаваемый Институтом многотомный каталог восточных рукописей. Большим достижением является издание «Канона медицинской науки» Абу-Али ибн-Сины на русском и узбекском языках. Изданы капитальные произведения Бируни, «Бабур-Наме», переведены важнейшие, не переводившиеся ранее, исторические сочинения: «Абдулла Наме» Хафиза Таниша, «Убайдулла-Наме» Мир Мухаммеда Амина Бухари, «Тарихи Мукимхони» Мухаммеда Юсуфа Мунши, «Тарихи Абу-л-Фейзхана» Абдуррахмана Тали и др. В фондах Института востоковедом У. И. Каримовым обнаружена и опубликована рукопись не известного до сих пор сочинения знаменитого средневекового химика Ар-Рази «Тайны тайн».

В Узбекистане, ставшем крупным центром развития современной науки, проводятся многие международные, всесоюзные и межреспубликанские научные съезды и конференции.

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА

Многокрасочно, богато и самобытно устное творчество узбекского народа. Своими корнями оно уходит в глубокую древность, переплетаясь с устной поэзией других народов Советского Востока, с которыми узбекский народ был связан общими историческими судьбами в течение многих столетий.

Узбекский народ имеет древнюю письменность. Однако устная поэтическая традиция вплоть до установления Советской власти оставалась единственной формой художественного слова, доступной широким слоям трудящихся. Многие произведения узбекской классической литературы доходили до народа лишь в устной передаче и поэтому в зависимости от этнической и культурной специфики отдельных районов подвергались изменениям. В советское время народ развивает свое устное творчество под непосредственным влиянием советской литературы и искусства.

В устном творчестве узбеков встречаются различные жанры: меткие и остроумные пословицы и поговорки, чарующие сказки, полные юмора и сатиры анекдоты, задушевные лирические песни. Каждый из этих жанров имеет свои исторические традиции.

Многие жанры и отдельные произведения устного народного творчества, как отмечалось, имеют древние истоки. Особенно интересны с этой точки зрения обрядовые (свадебные, календарные и др.) песни и плачи по умершим (*марсия*), в которых заметны следы древнейших верований. Во многих сказках также встречаются отголоски древней мифологии.

Как свидетельствуют исторические источники, у народов, населявших территорию нынешнего Узбекистана, уже в IV—V веке до н. э. существовало богатое устное поэтическое творчество, отголоски которого сохранились в некоторых произведениях фольклора современных народов Средней Азии, в том числе и узбеков. Так, в узбекских эпических сказаниях—дастанах встречаются элементы, связанные с эпосом древних сако-массагетских племен; сюжет узбекского эпоса «Айсулу» очевидно восходит к событиям VI в. до н. э.—борьбе героини массагетов Томирис против персидского завоевателя царя Кира; отдельные эпизоды сказания о Томирис имеются также в узбекском дастане «Рахиа и Сухангуль», записанном в 1928 г. от известного народного сказителя Фазыла Юлдаш-оглы.

Сакский эпос, записанный еще в IV в. современником Александра Македонского Харесом Митиленским, о Зариандре—правителе стран, простиравшихся от Каспийского моря до Танаиса (Сыр-Дарьи), и о его любви к сакской царевне Одатиде также нашел отражение в некоторых узбекских дастанах, записанных за последние годы фольклористами. Вошедшие в древнюю часть Авесты эпизоды сражения героя с опустошающим страну чудовищем-драконом Ажи-дарханом встречаются во многих произведениях узбекского устного народного творчества. Из глубокой древности, вероятно, из цикла сакских преданий вошел в узбекский эпос образ положительного героя Рустама, воплотившего в сознании народа черты безграничной смелости и высокого благородства. Как показали изыскания В. В. Бартольда, автор бессмертного «Шахнаме» Фирдоуси сам ссылается на использование им эпических материалов, собранных для него одним дехканом из Чача (Ташкент), где обитали согды и саки. Истоки многих узбекских эпосов, в частности дастана «Ширин и Шакар» восходят к легендам о герое Сиявуше, авестийском Сияваршане, бежавшем от преследований своей мачехи, совершившем ряд подвигов и погибшем на чужбине. Как показали археологические исследования последних лет, этот образ ярко отражен также в памятниках изобразительного искусства Узбекистана. О бытовании песен, посвященных Сиявушу, в средневековой Бухаре пишет автор X века Наршахи.

Образ Сиявуша тесно связан с образом туранского легендарного героя Афрасиаба, имя которого до сих пор сохранилось в наименовании городища древнего Самарканда. Цикл преданий о популярном в фольклоре узбеков Афрасиабе, именовавшимся также Алп-Артунгом, зафиксирован в тюркоязычных письменных источниках XI в.; о нем имеются упоминания в словаре знаменитого филолога Махмуда Кашгарского «Диван лугат ат-тюрк» и в «Кутадгу билик» Юсуфа Баласагунского. До сих пор бытуют в узбекском фольклоре и некоторые пословицы и поговорки, записанные Махмудом Кашгарским в его «Словаре тюркских наречий».

Большой любовью пользуются в народе анекдоты о Насреддине Афанди, разоблачающем ханов, баев, представителей духовенства.

Во всех фольклорных жанрах ярко отражены быт и культура узбекского народа, его мысли и чаяния, идеи свободы, братства, борьбы добра со злом, идеи патриотизма и ненависть к врагу.

Наиболее популярным и любимым в народе жанром являются эпические произведения *достон*, дошедшие до наших дней благодаря устно-поэтической традиции, носителями которой являются народные сказители—*шоир* или *бахши*.

Узбекские сказители — выходцы из трудового народа. Они были простыми земледельцами или еще чаще пастухами; в их творчестве отражена идеология трудового народа. Современные узбекские сказители — не только хранители богатого эпического наследия прошлого, но и талантливые певцы-импровизаторы, живо откликающиеся своим искусством на темы нашей современности. Особенно широко распространены в народе произведения таких крупнейших узбекских сказителей, как Эргаш-Джуманбульбуль-оглы (1868—1936 гг.), Фазыл Юлдаш-оглы (1872—1955 гг.), Мухаммед Джамрад-оглы — Пулкан (1874—1941 гг.), Ислам Назар-оглы (1874—1953 гг.), Абдулла шаир Нурали-оглы (1870—1957 гг.), Курбан Исмаил-оглы (1869—1940 гг.) и др. Многие из них — потомственные шаиры. В Узбекистане издавна славились отдельные селения, выдвинувшие из числа своих жителей целую плеяду прекрасных сказителей. Одним из самых известных является небольшой кишлак Курган Нуратинского района Самаркандской области, где в середине XIX в. насчитывалось более 20 сказителей и сказительниц. К этой же школе сказителей

принадлежал Пулкан-шаир, знавший наизусть около 70 дастанов; один из них—дастан «Кирон-хон» насчитывал до 20 тыс. строк. Из сказительниц наиболее известна прабабушка Эргаша Джуманбульбуль-оглы—Тилляка-шаир. Другим центром эпического творчества был Булунгурский район той же области, особенно кишлак Лойка, откуда происходит крупнейший сказитель Фазыл Юлдаш-оглы из узбекского полукочевого племени кырк. Отец Фазыла, Юлдаш-шаир, знаменит и как певец и как учитель певцов, воспитавший 11 учеников. В репертуаре Фазыл-шаира насчитывается 43 дастана, большинство которых в советское время было записано с его слов и частично опубликовано.

В дореволюционный период положение народных сказителей, беспощадно разоблачавших в своих произведениях эксплуататоров, было тяжелым. Это ярко отразил в одном из своих произведений народный поэт из Хорезма Курбан-шаир:

Правителей спесивых я ругал,
И казиев плешивых я ругал,
И мулл велеречивых я ругал,
И чуть в тюрьму за это не попал.
Они судить задумали меня,
Они убить задумали меня,
И убежал я из родной Хивы,
Одежду и обличье изменя...

После победы Великой Октябрьской социалистической революции создались благоприятные условия для полного расцвета творческих способностей народных поэтов. В настоящее время они не только совершенствуют старые дастаны, но создают и новые произведения, связанные своим содержанием с советской эпохой. Из современных народных шаиров пользуются большой известностью Бала-бахши (Курбанназар Абдуллаев из Хорезмской области), Ярлакаб Бекназаров и Эгамберди Аллабергенов (Самаркандская область), Улер Сафаров и Ташманр Чаршанби оглы (Сурхандарьинская область) и др. Традиции старших шаиров продолжают молодые народные поэты Захар Кучнаров из Сурхандарьинской области, Рахматулла Юсупов из Самаркандской области и др.

Дастаны являются стихотворными поэмами; исполнение их обычно сопровождают прозаические пояснения рассказчика-певца; эти пояснения связывают отдельные части эпического произведения в единое целое. В дастанах тесно переплетается героическая и романтическая тематика. Большинство узбекских эпических произведений отражают историческое прошлое народа, но на протяжении веков бытования дастанов исторические факты, легшие в их основу, были обобщены, опоэтизированы народной фантазией, эпически типизированы. Характерным является то, что в них сказочная фантастика сохраняется лишь как элемент поэтической идеализации героев далекого прошлого. Показателен в этом смысле эпос «Алпамыш», идейное содержание которого обусловлено особенностями исторической жизни полукочевых групп узбекского народа в ранне-феодальный период, когда патриархально-феодальные отношения господствовали в общественной жизни и семейно-бытовом укладе. В основе сюжета этой народной героической поэмы лежит подвергшаяся суровым испытаниям любовь героя-богатыря Алпамыша и мужественной девушки Барчин. В бессмертных образах Алпамыша и Барчин воспеты любовь, мужество, братство, верность долгу и высокий патриотизм. О самоотверженной борьбе узбекского народа против иноземных захватчиков в далеком прошлом повествуют и такие замечательные героические и романтические дастаны, как «Юсуф и Ахмед», «Осада Чамбиля», «Малика Аияр», «Интизар», «Райхан-араб», «Арзигуль», «Ширин и Шакар», и целый цикл, посвя-

щенный Гор-оглы и его сыновьям (около 40 произведений), широко распространенный также среди других тюркских народов Средней Азии.

В эпических произведениях, относящихся к дореволюционному периоду, проявляется ненависть народа к социальному неравенству, несправедливости и угнетению.

Особенно ярко выражено это в другом, не менее популярном жанре устного народного творчества — в народных песнях. Среди них выделяются своим глубоким пессимизмом грустные песни угнетенной узбечки. Смысл этих песен сводился к распространеному в народе изречению: *еганим заққум, ичганим заҳар, кийганим кафан* («То, что я ем — горечь, то, что я пью — отрава, то, что я надеваю — саван»). Полны скорби и печали, возмущения и ненависти к несправедливому общественному строю многие узбекские народные песни («Батыр-хан», «Ханский гнет» и др.). В старинной народной песне «Кровавый тиран» не только едко высмеиваются представители господствующих классов и рисуется тяжелое положение труженика, который — «о черствой лепешке скорбя, собакам хозяйским завидовал...», но и передается уже предчувствие приближения революционной бури и социальных преобразований:

Слух бродит по базарам, таится в саду,
Что ханскую скоро потушат звезду...
Я жду революции, праздника жду.

Эти же чувства и мысли нашли отражение в поэме народного сказителя Фазыл-шаира «Джизакское восстание», изображавшей тяжелую жизнь мардикоров (чернорабочих), сосланных на тыловые работы во время первой мировой войны. В поэме говорится о том, как, установив братскую связь с русским пролетариатом, тыловики-мардикоры распространяют на родине идеи большевизма, революции. Поэма завершается эпилогом, в котором описывается свержение царизма и возвращение мардикоров в родные края.

Установлению Советской власти в Узбекистане, героической борьбе узбекского народа в годы гражданской войны и восстановлению народного хозяйства, а также земельно-водной реформе, сыгравшей огромную роль в социалистическом преобразовании узбекского кишлака, посвящены многочисленные песни и поэмы. Среди них особенно выделяется поэма шаира Пулкана «Хасан-батрак». В этом замечательном народном произведении правдиво отражено положение узбекского кишлака в первые годы после революции. Поэма рассказывает о любви бедного батрака Хасана и красавицы Айкиз — дочери бая Айвазбая. Чувства двух влюбленных показаны на широком социальном фоне борьбы трудящихся крестьян против угнетателей — баев.

Произведения устного народного творчества этих лет убедительно показывают коренные изменения идеологии узбекского народа. Современные произведения узбекского фольклора воспевают не сказочных богатырей, а реальных, живых людей, строящих новое бесклассовое общество. В песнях и дастанах, созданных в годы Советской власти, почетное место занимают строки, посвященные Коммунистической партии, Советской власти и великому основателю первого в мире государства рабочих и крестьян — В. И. Ленину.

В 30-х годах Эргаш Джуманбульбуль-оглы написал поэму «Товарищ Ленин» — о великом вожде, друге всех бедняков. В ней шаир рисует страдания узбекского народа в прошлом, его возрождение к новой жизни, путь к которой указан большевистской партией во главе с Лениным.

Большой подъем в творчестве узбекского народа вызвали экономические и культурные преобразования, происходившие в результате предвоенных пятилеток. Созданные в эти годы многочисленные частушки, трудовые и бытовые песни, отражавшие революционный пафос и мирный

созидательный труд народа, имели огромное воспитательное значение, вдохновляя массы на новые трудовые подвиги.

Великая Отечественная война пробудила в узбекском народе горячий патриотизм. С особой силой народные эпические произведения прославляли героизм, свободолюбие, бесстрашие, любовь к отчизне и ненависть к врагу. В эти суровые годы еще сильней, громче стал звучать голос народных шаиров. Боевым призывом служили узбекам-фронтовикам песни Ф. Юлдашева «Моя Армия», «Наставление отца», «Слушай, мир», «Отважные джигиты, в бой», песни Ислам-шаира на военно-патриотические темы из сборников «Книга войны», «Книга героев», «Книга побед» и другие. Народные песни призывали бойцов беспощадно уничтожать заклятых врагов-фашистов, а оставшихся в тылу — ковать оружие для победы.

После окончания Великой Отечественной войны устное поэтическое творчество узбекского народа обогащается новыми талантливыми произведениями, воспевающими благородный труд советских людей во имя торжества коммунизма. В современном репертуаре народных сказителей почетное место занимают произведения, посвященные борьбе за мир. Особенно примечательны в этом отношении стихи Ислам-шаира «Мы сторонники мира», выражающие мирные стремления советского народа.

* * *

Узбекская литература связана своими истоками с письменностью древнего ираноязычного и тюркоязычного населения Средней Азии— предков узбеков и с устным народным творчеством

Дошедшие до нас древнейшие памятники письменности на языках тюркских племен, участвовавших в этногенезе узбеков, относятся к VIII в., а литературные произведения — к XI в. (см. выше). В литературе этой эпохи отчетливо прослеживаются различные направления.

В основе таких религиозно-мистических произведений, как «Хикмат» Ахмада Яссави (умер в 1166 г.), «Ахир замон китоби» («Книга о конце мира») Сулеймана Бакиргани (умер в 1182 г.) и других лежит призыв к терпению, непротивлению злу насилием, аскетизму.

В древней узбекской литературе было и светское направление. Известный сюжет о двух любящих лег в основу поэм «Повесть о любви» Али (1230 г.) и «Юсуф и Зулейха» Дурбека (1409 г.). В 1330—1336 гг. поэт Кутб перевел с персидского на узбекский язык поэму «Хосров и Ширин» великого классика азербайджанской литературы Низами (1141—1211 гг.), Хайдар Хорезми перевел «Махзан-ул асрор» («Сокровищница тайн») Низами и другие, а поэт Сайфи Сарои сделал перевод с персидского знаменитого «Гулистона» Саади.

Дальнейшее развитие узбекская светская литература получила в XV в., когда творили прославленные лирики Атои, Сайди Ахмад, Хусейни, Амири, которые в своих газелях (двустишиях) воспевали земные человеческие чувства, любовь. Поэт Саккоки первым в истории узбекской литературы начал создавать *қасида* (оды), в которых он воспевал идею просвещенной монархии и прославлял одного из величайших ученых средневековья— Улугбека (1394—1449 гг.).

К первой половине XV в. относится оживление жанра *мунозара* (спор, диспут). В это время были созданы замечательные мунозары узбекских поэтов: «Танбур ва чанг» («Танбур и чанг») Ахмади, «Чогир ва банг» («Вино и банг») Юсуфа Амири и другие, в аллегорической форме отражавшие быт этой эпохи, в частности произвол, нравственное падение тимуридской верхушки.

Подлинным певцом жизни, непримиримым врагом деспотизма был тонкий лирик Лутфи, которого Навои справедливо назвал «царем поэзии» Лучшие свои газели Лутфи создал на узбекском языке.

Памятник Алишеру Навои. Ташкент

Наивысшего расцвета средневековая литература достигла в творчестве Алишера Навои (1441—1501 гг.). Глубиной и значительностью заключенных в его произведениях идей, влиянием на узбекскую литературу и литературы других народов, особенно на литературу стран Переднего и Среднего Востока, Алишер Навои завоевал место в ряду титанов мировой литературы. В лингвистическом исследовании«Мухокамат-у-лугатайн»(«Спор двух языков») Навои утверждает богатство и гибкость узбекского языка, ратует за развитие литературы на нем. Навои написал и ряд научных трактатов; имя его увековечили бессмертные поэтические произведения, вошедшие в золотой фонд мировой литературы. Алишер Навои создал четыре дивана на узбекском и один диван на персидском языках, в них около 60 тыс. стихотворных строк. Лирика Навои проникнута передовыми идеями того времени о правах и нравственности человека.

Навои написал шесть поэм, из которых пять — «Хайрат-ул-аброр» («Изумление праведных»), «Лейли и Меджнун», «Фархад и Ширин», «Сабъаи Сайёр»(«Семь странников»), «Садди Искандари» («Искандеров вал») составили знаменитую «Хамсу» («Пятерицу»), а также «Лисан-ут-Тайр» («Язык птиц»). В этих высокохудожественных поэмах создана целая галерея бессмертных литературных типов. Поэт поднимает актуальные социальные проблемы, выступает против феодальных междоусобиц; проникнутый гуманистическими идеями, он осуждал тиранию и несправедливость. Однако он полагал, что при благотворном воздействии на правителей можно «разумно» преобразовать общество на справедливых началах, что и в рамках феодального строя можно облегчить тяжелую участь народа.

Поэты последующих времен писали *мухаммас* (пятистишия) на газели Навои. Сотни газелей Навои переложены на музыку и весьма популярны в народе.

В конце XV — начале XVI в. жил и творил Захириддин Мухаммад Бабур. Творчество Бабура противоречиво. В одних своих произведениях он защищал и оправдывал феодальный строй, в других,— осуждая современные ему порядки, становился в оппозицию к господствовавшей тогда идеологии и высказывал передовые по тому времени идеи. Бабур оставил нам сборник лирики, куда включены и стихотворения, посвященные

родной стране, воспевающие благородные человеческие чувства. Всемирно известное его произведение «Бабур-наме» («Записки Бабура») представляет собой описание жизни автора, его походов в Афганистан и в Индию; в нем содержится характеристика быта и культуры народов, описание природы и некоторых событий политической истории этих стран. «Бабур-наме» представляет значительный интерес не только как исторический источник, но и как памятник узбекской мемуарной литературы. Книга «Бабур-наме» переведена на русский и некоторые иностранные языки.

В XVII—XVIII вв. в столицах ханств складываются литературные центры, работают узбекские и таджикские поэты; многие узбекские поэты, по давно сложившейся традиции, писали и на узбекском и на таджикском языках, которыми в большей или меньшей степени владели все, обучавшиеся в медресе. Свидетельством развития в этот период у узбеков литературы являются составленные в Бухаре, Коканде и Хиве антологии, куда были включены произведения местных поэтов. Эта поэзия нередко носила придворный характер, воспевая ханов и сановников. В антологии хивинской поэзии, составленной поэтом Табиби, содержатся материалы, характеризующие литературную среду при дворе хана Мухаммеда Рахима II (1865—1910 гг.).

Писателям-мистикам и придворным поэтам противостояли литераторы демократических взглядов, которые сатирически изображали ханов, беков и духовенство. Эти писатели жили в глубокой нужде и подвергались преследованиям. Один из них, поэт XVII в. Турды-Фараги, ставший на сторону восставшего народа, резко выступал против хана-деспота Субханкулихана (1680—1702 гг.), развращенного духовенства и против всех тех, кто угнетал и обирал трудовой народ.

Особое место в истории узбекской литературы занимает творчество поэта-вольнодумца Бабарахима Машраба (1657—1711 гг.). Он вел скитальческий образ жизни и был близок к народным массам. Его стихи, проникнутые народным юмором, направлены против феодалов, беков и их лицемерных приспешников.

Правдиво изображает бедственное положение народа поэт Махмур (умер около 1850—1860 гг.).

Современником Махмура был поэт и прозаик Гульхани. В аллегорических рассказах о жизни птиц и животных он разоблачал тиранию, власть имущих.

Сатирические произведения создавали и другие писатели конца XVIII — первой половины XIX в. Среди них выделяется поэт, переводчик и историк Мухаммед Риза Агахи (1809—1874 гг.). В своих стихотворениях поэт жалуется на тяжелое положение народа, резко осуждает действия имущих классов.

Особое место в узбекской литературе первой половины XIX в. занимает творчество замечательных поэтесс Махзуны, Увайси и особенно Надиры, которые говорили о бесправном положении женщин. Их стихи, написанные частично по-узбекски, частично по-таджикски, отличаются большой непосредственностью, отражают реальные переживания и чувства. Многие лирические стихи Увайси и Надиры положены на музыку и широко популярны в народе.

Огромное влияние на развитие узбекской литературы в конце XIX — начале XX в. оказала передовая русская культура. Это влияние особенно ощутимо в творчестве ее ведущих представителей: Мухаммада Аминходжи Мукими (1851—1903 гг.), Закирджана Фурката (1858—1909 гг.), Камила Хорезми (1825—1899 гг.), Мири (конец XIX в.), Убайдуллы Салиха Завки (1853—1921 гг.), Авваза Отара-оглы (1884—1919 гг.), Хамзы Хаким-заде Ниязи (1889—1929 гг.), Садриддина Айни (1878—1954 гг.) и др. В их произведениях резко осуждается социальное неравенство, даны яркие сатирические образы чиновников, баев, купцов, ростовщиков, фабрикантов и представи-

телей духовенства. Демократическая литература ратовала за приобщение узбеков к передовой русской культуре, за изучение русского языка. Некоторые поэты переводили на узбекский язык произведения классиков русской литературы — Пушкина, Крылова и др. Представители демократического направления, далекие от национальной ограниченности, с большим уважением относились к истории, традициям, обычаям и литературе других народов. Фуркат, совершивший поездку по Турции, Болгарии, Греции, Египту, Аравии, Индии и Китаю, в статьях и письмах, присланных друзьям в Туркестан, правдиво описывал жизнь народов Среднего и Ближнего Востока. Он выступал ярым противником колониализма, поддерживал борьбу афганского народа против английского империализма, радовался победе буров над колонизаторами. Узбекская демократическая литература отображала рост самосознания народа, его стремление к национальному и социальному освобождению.

В годы Советской власти литература превратилась в важное оружие борьбы за новый мир. Высокая идейность и подлинная народность стали основными принципами узбекской советской литературы. Она развивалась на основе освоения лучших образцов узбекского народного творчества и передовых традиций классической литературы: патриотизма, героизма и человечности. Огромное влияние на развитие узбекской советской литературы имела литература других народов Советского Союза и в первую очередь русская, на лучших образцах которой учились узбекские писатели.

Основоположником узбекской советской литературы является Хамза Хаким-заде Ниязи. В своем дореволюционном творчестве Хамза выступает как продолжатель лучших традиций классической литературы. Он беспощадно бичует общественное зло, ищет пути к освобождению народа от нищеты и невежества. Многие произведения Хамзы проникнуты просветительскими идеями. Октябрьскую революцию Хамза принял восторженно и всю свою энергию и дарование отдал делу революции. Он создал десятки стихотворений, в которых с большой поэтической силой воспевает революционную действительность.

Хамза был не только поэтом, но и драматургом, актером и одаренным композитором; он создал много популярных песен и написал первую узбекскую оперу. Во многих своих произведениях Хамза выступал против религии и духовенства. В 1929 г. Хамза был убит шейхами мазара Шахимардан.

С 1920 -х годов в узбекскую литературу вошла целая плеяда талантливых писателей и поэтов, многие из которых работают и поныне. Они создали новые жанры узбекской литературы и завоевали признание не только в Узбекистане, но и в других республиках Советского Союза и за границей.

В литературе 20-х годов выделяется Садриддин Айни, писавший как на узбекском, так и на таджикском языках и внесший большой вклад в развитие узбекской и таджикской литератур. С энтузиазмом принимает он Октябрьскую революцию и посвящает ей десятки стихотворений. С 1922 г. он переходит на прозу и становится впоследствии известным романистом. Произведения С. Айни, пережившего трех бухарских эмиров и испытавшего все ужасы эмирского господства, посвящены изображению прошлого узбекского и таджикского народов. Уже в первых своих повестях «Бухарские палачи» и «Одина» С. Айни с большой силой разоблачает порядки, существовавшие в «благородной» эмирской Бухаре. В романе «Дохунда» (1927 г.) Айни рассказывает о жизни обездоленных таджикских и узбекских крестьян в прошлом, об активном участии их в революционной борьбе. В 1930-х годах выходит его роман «Рабы», написанный на узбекском и таджикском языках и являющийся одним из лучших исторических романов в нашей литературе.

В 20-х годах начинает печататься Абдулла Кадыри. В его романе «Минувшие дни» (1926 г.) изображается жизнь узбекского народа в середине

Лауреат Государственной премии, академик Академии наук Узбекской ССР, поэт Гафур Гулям

XIX в. На фоне исторических событий, происходивших в Кокандском ханстве и Ташкентском бекстве, рисуется история трагической любви юноши Атабека и девушки Кумишбиби, судьба которых была исковеркана феодальными обычаями. Во втором романе писателя «Скорпион из алтаря» (1929 г.) герои показаны уже активными борцами против ханских порядков. Они опираются на народ и в конечном счете побеждают. Третий роман Абдулла Кадыри« Абидкетмень» (1930 г.) посвящен колхозному строительству.

Также в 1920-х годах выступили со своими произведениями Хамид Алимджан, Гафур Гулям, Айбек, А. Каххар, Яшен, Уйгун, Гайрати и другие; несколько позже— Зульфия, Шайх-заде, Туйгун, А. Пулат, А. Умари, С. Джура.

Большой след в узбекской литературе оставил Айбек. Выступив сначала как автор стихотворений и поэмы «Дильбар — дочь эпохи», которую он посвятил раскрепощению узбекской женщины, Айбек впоследствии перешел к созданию крупных прозаических произведений. Его романы «Священная кровь» (30-е годы) и «Навои» (40-е годы) приобрели широкую известность и переведены на многие языки. Роман «Навои», в котором писатель создал глубоко лиричный образ основоположника узбекской литературы, удостоен Государственной премии, переведен на десятки языков и экранизирован, как и роман «Священная кровь». В послевоенные годы он написал роман «Солнце не померкнет», который рассказывает об участии узбекского народа в Великой Отечественной войне.

Перу романиста Абдуллы Каххара принадлежат выдающиеся произведения «Мираж» и «Огни Кошчинара»; в последнем он изобразил коллективизацию кишлака. Жанр романа явился одним из ведущих в узбекской советской литературе. Сейчас в этом жанре работает ряд узбекских писателей, создавших много значительных произведений. Романы Х. Шамса («Враг»), П. Турсуна («Учитель»), А. Мухтара («Сестры»), И. Рахимова («Настоящая любовь») и другие, изображая жизнь различных слоев узбекского народа, продолжают дальнейшее развитие узбекского романа. Для творчества романистов-узбеков большое значение имело освоение богатого опыта русских прозаиков и прежде всего А. М. Горького.

Особое развитие в узбекской прозе получил жанр рассказа, большим мастером которого показал себя Абдулла Каххар. Он создал рассказы, вошедшие в золотой фонд узбекской литературы. В новеллах «Гранат», «Воры», «Увеселительный сад», «Больная» изображается судьба простого, забитого человека, униженного условиями дореволюционного общества.

Рассказы «Женщина, не евшая изюма», «Артист», «Учитель литературы» и другие посвящены темам современности. В них автор остро высмеивает бюрократов, подхалимов, склочников, невежд.

В послевоенные годы в узбекской литературе появилось много повестей на самые различные темы. Авторов преимущественно интересуют жизнь современной колхозной деревни, судьбы ее людей, их будничные и в то же время героические дела. Таковы повести «Победители» Ш. Рашидова, «Родные поля» С. Ахмада, «В пустыню пришла весна» Р. Файзи и др.

Развивается и узбекская драматургия. Особенно плодотворной была деятельность К. Яшена, создавшего около двадцати драматических произведений различных жанров. Он внес значительный вклад и в развитие национальной оперы. Особо следует отметить пьесу Н. Сафарова «Пробуждение», занимающую важное место в узбекской литературе. В пьесе показано национально-освободительное движение 1916 г., раскрыты судьбы узбекского крестьянства, братская помощь русских революционеров, формирование революционного самосознания узбекских трудящихся.

Много сделал для развития жанра комедии С. Абдулла. Его комедии «Урожай», «Колхозный праздник» и другие, написанные на материале колхозной жизни, бичуют пережитки прошлого.

Наиболее значительным произведением послевоенной узбекской драматургии является комедия Абдуллы Каххара «Шелковое сюзане» («Новая земля»), удостоенная Государственной премии. В ней рассказывается об освоении целинных земель Голодной степи под посевы хлопчатника. Комедия пронизана светлым настроением, насыщена веселыми, остроумными шутками. Она была поставлена на сцене почти двухсот театров страны. Комедия была переведена на десятки языков, в том числе и на китайский, на котором она шла в театрах Пекина.

Узбекские драматурги уделяли также большое внимание и разработке фольклорных сюжетов. Замечательные эпические творения народа «Алпамыш» и «Равшан» стали основой популярных музыкальных драм.

Большое развитие получает узбекская поэзия. В своих стихотворениях поэты воспевают трудовые подвиги народа, те громадные исторические изменения, которые произошли в его жизни.

В начале 1930-х годов в узбекской поэзии появляется новый жанр реалистической поэмы. В поэмах изображается судьба простых дехкан, пастухов, ремесленников, нашедших свое счастье в новой социалистической действительности. Многие страны облетела поэзия Гафура Гуляма — любимейшего поэта узбекского народа. Особенно большой отклик получили его стихи «Ты не сирота», «Время», «И на нашей улице будет праздник», созданные в годы Великой Отечественной войны. Они явились подлинным выражением чувств всего советского народа. Эти стихотворения наряду с другими произведениями Г. Гуляма, вошедшие в сборник «Иду с Востока», были удостоены Государственной премии.

В годы войны волнующие произведения создали многие узбекские поэты. Стихотворения Хамида Алимджана были переведены и стали достоянием всего советского народа. Священную борьбу советского народа на фронтах Отечественной войны ярко раскрывает в своих стихотворениях М. Шайх-заде (сборник «За что борьба?»). Глубокой уверенностью в победе дышат стихи Уйгуна (сборник «Мелодия победы»), написанные в первые дни войны. Воинам-узбекам, их патриотизму посвящает свое творчество поэтесса Зульфия. Особенно значительным ее произведением военного периода явилась небольшая поэма «Его звали Фархадом», повествующая о героической смерти на поле брани талантливого артиста.

Основными темами послевоенной узбекской поэзии являются самоотверженный труд советского народа на благо Родины, борьба за мир и укрепление дружественных связей со всеми народами. Этим темам посвящены стихотворения Гафура Гуляма «Гордость узбекского народа»,

«Канун праздника», «Ташкент», «Великий праздник казахского народа», «Моя золотая земля» и др.

В советское время зародилась узбекская детская литература. Гафур Гулям создал ряд стихотворений, в которых в простой и увлекательной форме показал жизнь советских детей. Хамид Алимджан по мотивам устного народного творчества написал чудесные поэмы «Айгуль и Бахтияр» и «Симург». Зафар Дияр и Куддус Мухаммади посвятили свое творчество детям младшего и среднего возраста.

Получила развитие в узбекской литературе и публицистика. В годы войны появились яркие публицистические статьи Хамида Алимджана, Гафура Гуляма, Айбека, Шайх-заде, пронизанные идеями патриотизма, страстно призывающие к борьбе против фашизма, утверждающие нерушимую дружбу народов СССР. Публицистика успешно развивается и в настоящее время. Замечательных успехов добился Ш. Рашидов. Его страстные произведения посвящены борьбе за мир, разоблачению колониальной политики империалистических держав.

Активизируют свою работу литературоведы. Создаются труды о жизни и творчестве крупных узбекских советских писателей. Наряду с литературоведением развивается и литературная критика.

Освоению узбекскими писателями сокровищ русской литературы способствовали переводы на узбекский язык произведений русских писателей и поэтов. Айбек талантливо перевел на узбекский язык роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин», ряд произведений Гоголя, Горького и др. На узбекский язык переведены лучшие произведения русской советской литературы, писателей других советских народов и зарубежных стран.

В годы Великой Отечественной войны еще больше укрепились братские связи между литературами народов СССР. В Узбекистане жила и работала большая группа русских, украинских, белорусских писателей и переводчиков. Среди них А. Толстой, К. Чуковский, Я. Колас и др. Они оказывали узбекским литераторам всемерную творческую помощь.

Большую творческую деятельность развивают русские писатели, живущие в Узбекистане. Известностью пользуются роман С. П. Бородина «Звезды над Самаркандом», рассказывающий о Тамерлане и жизни народа во второй половине XIV в., роман М. И. Шевердина «Санджар непобедимый», воссоздающий картины борьбы узбекских трудящихся против басмаческих банд в годы гражданской войны. Повесть А. А. Удалова «Первый снег» рассказывает о современной жизни узбеков, о борьбе за высокие урожаи хлопка. Популярны стихотворения В. Липко и В. Костыри, Р. Галимова и А. Иванова. Русские писатели, живущие в Узбекистане, переводят лучшие произведения узбекских писателей на русский язык.

В послевоенные годы значительно расширились международные связи узбекских писателей. Многие из них (Айбек, А. Каххар, Зульфия, И. Рахимов, А. Мухтар, Г. Гулям, С. Азимов и др.) побывали за границей, в частности в странах Востока. Многие зарубежные писатели в свою очередь приезжали в Узбекистан. Эти связи содействуют знакомству литераторов с творческим опытом писателей других стран.

В 1958 г. в Ташкенте происходила первая конференция писателей стран Азии и Африки; 204 литератора из 27 стран собрались на литературный форум двух континентов, призвавший писателей всего мира объединить свои творческие усилия для защиты свободы в афро-азиатских странах. Выражение «дух Ташкента» стало символом солидарности писателей в борьбе против империализма и колониализма, в служении делу национального освобождения и мира во всем мире.

В 1962 г. писатели Узбекистана участвовали во второй конференции писателей стран Азии и Африки, состоявшейся в сердце борющейся за свое освобождение Африки, — в Каире.

МУЗЫКА, ТЕАТР, КИНО

Узбекский народ обладает древними и богатыми музыкальными традициями. Об этом свидетельствуют трактаты всемирно-известных ученых Средней Азии (Аль-Фараби, Ибн-Сины, Абдурахмана Джами и др.) и археологические памятники первых веков нашей эры с изображениями музыкантов и музыкальных инструментов (флейт, рогов, лютен, арф, барабанов).

Большое разнообразие этнического состава населения Узбекистана нашло свое отражение и в области искусства. Черты локального своеобразия отличают музыку Ферганы и Ташкента от музыки Бухары, Хорезма или Сурхан-Дарьи. Некоторые особенности мелодики и ритмики народных песен различных областей, своеобразие бытующих музыкальных жанров обогащают узбекскую музыку большим разнообразием художественно-выразительных средств. Этому обогащению способствуют также тесные связи, существовавшие между узбеками и другими соседними народами. Особенно много общего в музыкальном наследии узбекского и таджикского народов. Не случайно знаменитый цикл шести бухарских макомов («Шашмаком») и таджикский и узбекский народы с равным правом считают своим национальным наследием.

Узбекская музыкальная культура в прошлом не знала нотной письменности. Первые нотные записи узбекских мелодий были сделаны русскими музыкантами в начале XIX столетия. Но если нотопись в узбекской музыке начинает применяться сравнительно недавно, то условные слоговые обозначения для записи музыкальных ладов встречаются еще в трактатах XIV—XV вв. В 80-х годах XIX в. хорезмским музыкантом Пахлавон Ниез Мирзабоши Камилом была изобретена система записи звуков (так называемая «хорезмская танбурная нотация»), при помощи которой были записаны макомы[1]. Несмотря на некоторое несовершенство нотации (в частности, невозможность зафиксировать вокальную партию), эта система помогла сохранить для последующей эпохи бухарские и хорезмские макомы в том виде, в каком они бытовали во второй половине XIX в.

Песня и инструментальная музыка с давних пор тесно связаны с бытом народа. Семейные праздники (свадьба, рождение ребенка и др.) неизменно сопровождались выступлениями музыкантов. Провожая невесту в дом жениха, пели обрядовые песни «*Ёр-ёр*». Музыканты сопровождали свадебный поезд. Во время свадебного пиршества на мужской половине дома выступали певцы, под звуки дойры танцевали мальчики.

Большую роль играла музыка в увеселениях, устраиваемых на ночных базарах во время рузы, или на городских площадях, в дни празднования Науруза. Содержатели чайхан стремились заполучить лучших певцов, привлекавших многочисленных поклонников их искусства. Под аккомпанемент бубнов и сурнаев проделывали свои головокружительные упражнения акробаты-канатоходцы; музыка сопровождала представления кукольного театра.

Содержание песен, бытовавших в народе, отражало самые различные стороны жизни трудящихся масс. Тематика трудовых песен была связана с полевыми работами, женскими трудовыми процессами (прядением, вышиванием и т. д.). В песнях сатирического содержания остро высмеивались алчные баи, корыстолюбивые и лицемерные казии, ишаны и другие притеснители народа. Во время национально-освободительного движения 1916 г. повсеместно распевались песни, связанные с борьбой народа против царизма и местной администрации.

---

[1] Хорезмские макомы Рост, Ново, Сегох, Духох, Бузрук, Ирок, Пиндигох, записанные танбурной нотацией Пахлавон Ниез Мирзабоши Камила. Рукописный список. Библиотека Ин-та искусствоведения АН УзССР, инв. 821.

В музыкальной культуре узбекского народа издавна сложились традиции профессионального исполнительства. Наряду с бытовой народной песней существовали сложные музыкальные произведения, требовавшие от исполнителей большого профессионального мастерства. При отсутствии в дореволюционном Узбекистане нотной грамоты и музыкальных учебных заведений обучение музыкантов происходило путем устной передачи от учителя к ученику большого количества мелодий, стихов, ритмов (отчего это искусство и получило название профессиональной музыки устной традиции).

Профессиональные музыканты были сосредоточены преимущественно в городах. Многие из них славились своим глубоким, вдумчивым исполнением музыкальных произведений, прекрасным голосом, виртуозной техникой игры на народных инструментах. Среди народных исполнителей конца XIX — начала XX в. особенно славились бухарские музыканты — певец Ата-Джалал Насыров и танбурист Ата Гияс Абдулгани, самаркандцы — певец и дутарист Ходжа Абдулазиз Расулаев и певец Леви Бабаханов, хорезмский танбурист Мадъюсуп Харратов, ферганский певец Беркинбай Файзиев, ташкентский певец Мулла Туйчи Ташмухамедов и др.

Наиболее характерным жанром профессиональной музыки устной традиции являются макомы — циклические вокально-инструментальные произведения крупной формы. По дошедшим до нас спискам песенных текстов видно, что еще в XVI в. бухарские макомы («Шашмаком») представляли собой вполне сложившийся цикл. Макомы отличаются большой развитостью мелодии, сложностью формы, тщательно разработанной системой ритмов — усуль. Текстами для макомов служили стихи известных поэтов: Омара Хайяма, Руми, Джами, Навои, Бедиля и др. Темы стихов любовно-лирические, а отчасти и дидактические. Встречались также стихи религиозно-мистического содержания.

Тяжело было положение музыкантов в дореволюционном Узбекистане. Лишь немногие из прославленных певцов и инструменталистов достигли сравнительной материальной обеспеченности. Большинство музыкантов бедствовало. Заработок их был сезонным, так как их выступления ограничивались тем временем года, когда устраивались семейные или общенародные праздники. Многие музыканты наряду со своей основной профессией занимались каким-нибудь ремеслом: ткачеством, каллиграфией, резьбой или росписью по ганчу или дереву и др.

Некоторые категории музыкантов (исполнители на карнае, сурнае, нагоре) вместе с актерами народного театра и цирка входили в одну общую корпорацию, имевшую, как и все средневековые цехи ремесленников, свой устав — рисоля[1]. Члены такой корпорации делили между собой территорию города на отдельные участки, за которыми закреплялись определенные музыканты.

Особенно тяжелым было положение военных музыкантов ханских дворов, обслуживавших военные учения, парады, публичные казни. Яркое описание их жизни, полной тяжелого безрадостного труда, нищеты и лишений, унизительных телесных наказаний, оставил в своих воспоминаниях Садриддин Айни[2].

Узбекская музыка в течение столетий развивалась как музыка устной традиции. Ее творили многочисленные народные музыканты. Такие жанры музыкального искусства, как опера, симфония, кантата и другие, узбекскому народу в прошлом не были известны.

Первые опыты по многоголосной обработке узбекских мелодий были сделаны в 80-х годах XIX в. капельмейстером русских военных оркестров

[1] А. Самойлович. Туркестанский устав-рисоля цеха артистов. «Материалы по этнографии», т. 3, вып. 2. Л., 1927, стр. 54.

[2] С. Айни. Бухара, ч. II. Сталинабад, 1949, стр. 113, 115, 136—138.

Туркестанского края В. В. Лейсеком. В эти же годы капельмейстер А. Ф. Эйхгорн начал работу по записи народных мелодий и описанию музыкальных инструментов. Собранная им коллекция была выставлена в Москве в 1872 г. на Всероссийской политехнической выставке, а через год послана на всемирную выставку в Вене. Ко второй своей коллекции, экспонировавшейся в Петербурге, А. Эйхгорн составил каталог[1].

Все работы, начинавшиеся в дореволюционном Туркестане в области изучения и обработки узбекской музыки, были делом частной инициативы отдельных музыкантов, прогрессивной интеллигенции, заинтересовавшейся своеобразием национальной культуры узбекского народа. Вплоть до 1917 г. в Узбекистане не было ни одного музыкального театра; не было в крае и профессиональных композиторов.

Подлинный расцвет узбекской музыки начался после установления в стране Советской власти. Рост музыкальной культуры выразился в появлении новых тем, нового содержания, в возникновении новых, ранее не известных, музыкальных жанров. Открытие музыкальных учебных заведений, музыкальных театров, научно-исследовательских учреждений по изучению узбекского искусства стимулировало рост профессионального музыкального искусства.

Исключительно важное значение для развития узбекской музыки имела деятельность Хамзы Хаким-заде Ниязи — поэта, драматурга, общественного деятеля, создателя первых узбекских революционных песен («Яша шуро» — «Да здравствуют советы», «Ишчилар уйгон» — «Проснитесь рабочие», «Хой, ишчилар» — «Эй, рабочие» и др.). Его произведения воодушевляли народ, призывали к борьбе за дело революции.

Социалистическое искусство Советского Узбекистана развивается на основе использования древних, самобытных художественных традиций народа. Огромное богатство мелодий, ритмов, тембров, своеобразие исполнительских приемов, исключительное разнообразие музыкального инструментария — вся эта веками собиравшаяся сокровищница народного творчества неотъемлемой частью вошла в узбекское советское искусство.

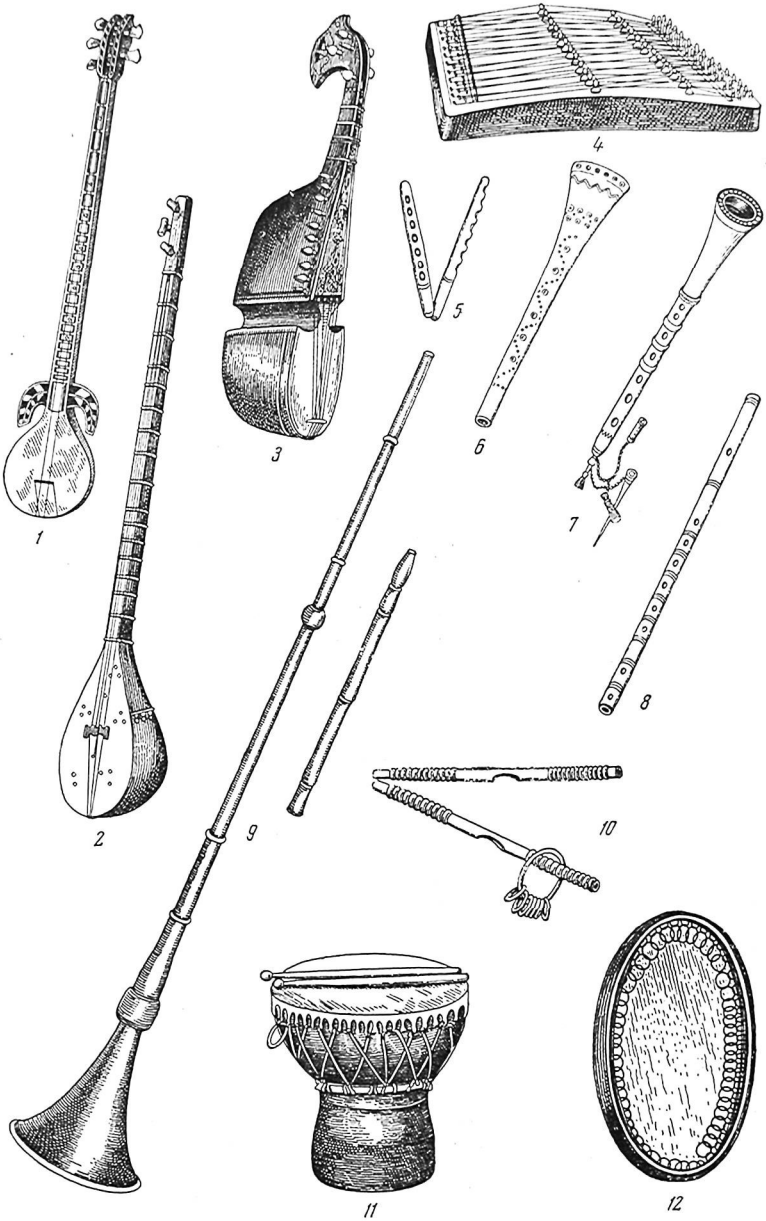
За годы Советской власти в народе сложилось много новых песен, отражающих строительство новой жизни. Тематика этих песен очень разнообразна: в них поется о Советской Родине, Коммунистической партии, о радостном труде советских людей, о грандиозных ирригационных стройках, ожививших бесплодные прежде земли, о белом золоте — хлопке, о колхозной жизни, новом быте, борьбе за раскрепощение узбекской женщины. Многие из этих песен распеваются на традиционные мелодии. Эти мелодии часто видоизменяются, да и самый характер исполнения становится другим — более активным и жизнерадостным, благодаря чему старая мелодия начинает звучать по-новому.

Важное место в современном народном песенном творчестве занимает тема труда. Новое, социалистическое отношение к труду воспевается в таких песнях, как «Хой, колхозчи уртоклар» («Эй, товарищи колхозники»), «Сен агар дехкон булсанг» («Если ты дехканин»), «Бизнинг колхоз» («Наш колхоз») и др. Немало песен сложено о героях социалистического труда.

Среди традиционных песенных жанров особенно популярен был *лапар*. Ляпар — своеобразный песенный жанр типа музыкального диалога, обычно сопровождаемый танцем. Ляпары, прежде бытовавшие только на женской половине дома, сейчас приобрели новое общественное значение. В них высмеиваются лодыри, прогульщики и люди, у которых еще сохранились отсталые взгляды на семейный быт. Теперь ляпары входят в программу колхозной самодеятельности, помимо двух основных исполнителей (чаще всего юноши и девушки), в исполнении ляпаров участвует хор.

---

[1] Полная коллекция музыкальных инструментов народов Центральной Азии А. Ф. Эйхгорна. Каталог. СПб., 1885.



Музыкальные инструменты узбеков и таджиков

1 — «рубоб»; *2* — «сетар»; *3* — «рубоб», *4* — «чанг»; *5* — «кошнай»; *6* — «балабан»; *7* — «сурнай»; *8* — «най»; *9* — «карнай»; *10* — «сафаил»; *11* — «танбур»; *12* — «дойра».

Обширную область музыкального наследия узбекского народа составляют лирические песни. Многие из них до сих пор живут в быту народа. Лирическая тематика находит отражение в различных народно-песенных жанрах: в простых куплетных песнях (*қўшиқ*), в развитых песнях крупной формы, характеризуемых широтой диапазона, распевностью, плавностью мелодического движения (*ашула*), в песнях жанра *катта ашула*, отличающихся мелодикой декламационного характера и своеобразной манерой исполнения — певцы держат в руках тарелки или подносы, регулируя ими направление звука. Катта ашуля исполняются без инструментального сопровождения, тогда как для большинства других песенных жанров характерно участие одного или нескольких народных инструментов.

Широкое распространение в быту имеет инструментальная музыка. Из глубокой древности до нас дошло большое количество разнообразных музыкальных инструментов. Современные музыкальные инструменты узбекского народа состоят из трех больших групп. Группа струнных инструментов состоит из струнно-смычковых (*гижжак, қўбиз, сато*), струннощипковых (*дутор, танбур, дўмбира, рубоб*) и струнноударных (*чанг*); группа духовых — из деревянных духовых (*най, сурнай, қўшнай, балабан*) и медных духовых (*карнай*); в группу ударных входит *доира* (бубен), *ногора* (литавры), *сафоил* (две палочки с металлическими кольцами), *қайроқ, қошиқ* (кастаньеты). Музыканты, играющие на разных инструментах, объединяются в ансамбли. Ансамбли, выступающие на улицах и площадях, включают инструменты с сильным звуком (духовые и ударные). Другие ансамбли сопровождают выступления певцов. В них преобладают инструменты с более тихим и мягким звуком (различные струнные инструменты, к которым присоединяются най - флейта и доира).

Традиции ансамблевого исполнительства получили большое развитие в современном Узбекистане. Народные инструментальные ансамбли становятся участниками революционных праздников, выступают в клубах и концертных залах. На базе реконструкции народных инструментов созданы народные многоголосые оркестры и многоголосые ансамбли однотипных инструментов: ансамбль дутаров, ансамбль чангов и др. На состоявшемся в Москве в 1957 г. Всесоюзном молодежном фестивале народный оркестр Узбекской филармонии был награжден премией 1-й степени.

Народные оркестры и ансамбли, как традиционные, так и нового типа, многоголосые, существуют сейчас повсеместно: в кружках самодеятельности, в музыкальных учебных заведениях, в составе коллективов концертных организаций (филармония, радио, эстрада и др.). Под аккомпанемент ансамбля народных инструментов выступают сейчас и народные певцы и знаменитые на весь мир артисты, например, Тамара Ханум.

Огромные изменения, происшедшие в музыкальной жизни узбекского народа за годы Советской власти,сказались в рождении новых форм исполнительства. Широкое развитие получила музыкальная самодеятельность, охватившая сотни тысяч трудящихся. В массовый музыкальный быт проникает многоголосая музыка других народов. Популярны в Узбекистане песни многих советских композиторов («Катюша» М. Блантера, «Москва — Пекин» В. Мурадели и др.). Широкое распространение получают народные песни братских республик (например, грузинская «Сулико»). Среди песен народов зарубежных стран особенно широкое распространение получают в Узбекистане индийские песни (из музыки к кинофильмам).

Народные музыканты приняли большое участие в культурном строительстве Узбекской ССР. Именно им — знатокам и хранителям национального музыкального наследия — принадлежит заслуга передачи богатейшей сокровищницы народного творчества новому молодому поколению

советских музыкантов. С открытием в Узбекской ССР музыкальных учебных заведений крупнейшие мастера народной музыки стали педагогами национальных классов. Многие талантливые народные исполнители организовали ансамбли народных музыкантов, которые выступали на фронтах гражданской войны, на ирригационных стройках и на колхозных полях. Велика роль народных музыкантов и в развитии музыкально-театральной культуры республики. Знаменитый дойрист Усто Алим Камилов в содружестве с танцовщицами Тамарой Ханум и Мукаррам Тургунбаевой создал узбекский сценический танец. Известные в Узбекистане народные музыканты стали авторами многих новых советских песен. Ю. Раджаби и Т. Джалилов принимают активное участие в создании и развитии жанра узбекской музыкальной драмы. Прекрасные певцы — Домулла Халим Ибадов и Мулла Туйчи Ташмухамедов, выдающиеся инструменталисты Абдукадыр Исмаилов и Ахмаджон Умурзаков пропагандировали узбекскую музыку с концертных эстрад и по радио.

Большое внимание в советском Узбекистане уделяется записи и изучению произведений народного музыкального творчества. В 1920 г. начинает свою работу музыкально-этнографическая комиссия, в состав которой вошли такие знатоки узбекского музыкального фольклора, как В. А. Успенский и Н. Н. Миронов. Крупной работой этой комиссии была запись полного цикла бухарских макомов. Планомерный характер приобрела работа по записи узбекского музыкального фольклора со времени организации в Самарканде Научно-исследовательского института музыки и хореографии (1928 г.). Сотрудники и аспиранты Института под руководством Н. Н. Миронова подготовили к изданию записи музыкального фольклора. Музыкальный раздел работы Института в течение ряда лет возглавляли известные фольклористы — В. А. Успенский и Е. Е. Романовская. Большое участие в разработке вопросов изучения узбекской народной музыки принял В. М. Беляев. Постепенно выдвинулись национальные кадры фольклористов: И. А. Акбаров, К. А. Алимбаева, Ф. М. Кароматов.

Материал, собранный фольклористами Узбекистана, относится к различным видам народного творчества. Часть его опубликована (свыше 30 сборников записей музыкального фольклора). Активными участниками этой работы явились народные музыканты: Т. Ташмухамедов, Х. Ибадов, А. Вахабов, Ш. Шоумаров и др. Среди них выделяется Ю. Раджаби, записавший и подготовивший к изданию многотомник народных песен.

Весь этот обширный материал, ставший в советскую эпоху достоянием широкой музыкальной общественности, имеет не только познавательный интерес, но и большое практическое применение. Народные песни и мелодии обрабатываются композиторами для многоголосных исполнительских коллективов (оркестра народных инструментов, хоровой капеллы), для голоса с аккомпанементом фортепиано или симфонического оркестра, используются для создания музыкальных произведений самых различных жанров (музыкально-театральных, симфонических, камерных и пр.). Так богатейшее традиционное наследие узбекского народа получает новую жизнь в условиях советской действительности.

Большое значение для развития узбекской советской профессиональной музыки имела помощь русских музыкальных деятелей. Они воспитывали национальные музыкальные кадры; им принадлежит заслуга организации первых симфонических концертов узбекской музыки, создание совместно с узбекскими композиторами ряда музыкальных драм, опер, балетов, симфонических и концертных произведений на мелодическом материале узбекской народной музыки.

За годы Советской власти в Узбекистане выросли талантливые композиторы; широкую известность получили многие современные музыкальные произведения: хоры без сопровождения М. Бурханова, кантата «Мирзачуль» С. Юдакова, поэма «Памяти поэта» И. Акбарова и др. Многие

симфонические произведения создали выпускники Ташкентской консерватории: С. Бабаев, Д. Закиров, Д. Сааткулов, Б. Кадыров, Ф. Назаров, И. Хамраев и др. В музыкальный быт народа вошли песни композиторов М. Левиева, А. Мухамедова, Х. Изамова, Х. Рахимова.

В Узбекском государственном театре оперы и балета им. Алишера Навои наряду с мировой классикой ставятся произведения советских композиторов. Значительное место в репертуаре театра занимают произведения композиторов Узбекистана — оперы «Буран» М. Ашрафи и С. Василенко, «Хамза» С. Бабаева, «Гюльсара» Р. Глиера и Т. Садыкова, «Улугбек» С. Козловского, «Проделки Майсары» М. Юдакова; балеты — «Балерина» Г. Мушеля, «Ойниса» Б. Гиенко и Д. Закирова, «Мечта» И. Акбарова. Для всех этих произведений характерна тесная связь с музыкальным народным творчеством.

Узбекские певцы — воспитанники музыкальных учебных заведений Ташкента, Москвы, Ленинграда (А. Азимов, С. Кабулова, А. Саиходжаева, С. Ходжаева, Н. Хашимов, К. Давыдова, Р. Юсупова, О. Кучликова, Р. Кучликова и др.) — выступают не только в национальных операх, но также и в русских и западноевропейских.

Выросли национальные кадры дирижеров — Н. Алимов, Ф. Шамсутдинов, Б. Иноятов, А. Абдукаюмов.

Большой популярностью пользуется в Узбекистане жанр музыкальной драмы. В республиканском театре им. Мукими, а также в областных театрах ставятся разнообразные музыкальные драмы, большая часть которых посвящена темам социалистической действительности. Среди них «Золотое озеро» и «Ташболта влюблен» (музыка М. Левиева), «Равшан и Зулхумор» (музыка Т. Джалилова и Г. Мушеля), «Сурмахон» (музыка Т. Джалилова и А. Степанова), «Повесть о сестрах» и «Победа» (музыка Х. и П. Рахимовых), «Родина зовет» (музыка С. Бабаева) и др.

Достижения узбекского искусства находят признание не только в республике, но и за ее пределами. Об этом свидетельствуют концертные поездки узбекских артистов по братским республикам и в зарубежные страны. Большой любовью советских зрителей пользуется замечательная певица Халима Насырова, известная исполнительница песен и танцев разных народов Тамара Ханум, выдающиеся танцовщицы Муккарам Тургунбаева, Галия Измайлова, Гульнара Маваева и др.

Всеобщее признание получают выступления узбекских артистов на всемирных фестивалях молодежи и студентов. Лауреатами всемирных фестивалей стали многие молодые артисты и весь коллектив хореографического ансамбля «Бахор».

* * *

Истоки узбекского театрального искусства лежат в народных играх, связанных с календарными празднествами (весенний праздник тюльпанов «Лола», праздник мусульманского Нового года), в семейно-бытовых обрядах (рождение ребенка, свадьба и т. д.). Сопровождаясь пением, танцами, игрой на музыкальных инструментах, празднества и обряды несли в себе и элементы театрализации.

Народный театр существует на территории современного Узбекистана издавна. Упоминания о нем можно найти в художественных произведениях, например в сочинениях великого поэта Навои (XV в.), в исторических хрониках. В XIX в. народный театр был представлен двумя основными видами: театром *масхарабоз* и *қизиқчи* (народных комиков, сходных с русскими скоморохами) и театром кукол.

Театр масхарабозов-кизикчи — искусство синтетическое. В этом театре выступали как собственно масхарабозы и кизикчи — исполнители небольших сатирических сценок фарсового характера, так и представи-

Выступление танцевального ансамбля колхозной художественной самодеятельности в полевой бригаде. Ташкентская область

тели цирковых жанров, чьи выступления были широко театрализованы: *аскиябоз* — острословы, *дорбоз* — канатоходцы, *муаллаққи* — акробаты, *найрангбоз* — фокусники, *ёғочоёқ* — ходулеходы, а также музыканты, танцоры.

Кукольный театр (*қўғирчоқ-ўйин*), в свою очередь делился, на театр ручных кукол типа Петрушки (*қул қўғирчоқ*) и театр с куклами-марионетками, управляемыми при помощи ниток (*чодирхаёл*).

Народный театр был распространен во всех областях нынешнего Узбекистана.

И масхарабозы, и кизикчи, и кукловоды объединялись, подобно всем ремесленникам, в особые профессиональные корпорации, носившие название *корхонаи соланда*, или *мехтарлик*. Возглавлял корпорацию *мехтарбоши* (старшина). Корпорация артистов имела писаный устав — рисоля, который содержал легендарные сведения о происхождении каждого вида искусства, правила поведения и различные профессиональные советы.

Представления актеров народного театра происходили во время народных праздников, тоев, семейных торжеств, в самых различных условиях. Они собирали вокруг себя массу зрителей, горячо и бурно реагировавших на все происходящее.

Пьесы театра кизикчи, которые разыгрывались актерами (импровизировались на основе заранее разработанной сюжетной схемы), содержали острую сатиру на духовенство, баев, на судей и других должностных лиц, а позднее, с присоединением Туркестана к России,— и на царских чиновников. Актеры подчеркивали в изображении эксплуататорских классов их стяжательство, скупость, цинизм, лицемерие, стремление нечестным путем нажить капитал. Таков, например, жадный бай в фарсе «Хасан-Хусан», торговец, стремящийся дважды продать один и тот же товар, в фарсе «Продажа тала» и другие персонажи. Страшную картину бедственного положения народа, его зависимость от произвола чиновников рисует фарс «Осел». В нем изображалась продажа бедняком осла. С продающего удерживают так много налогов (в пользу базарного аксакала, духовенства и т. д.), что он не только остается с пустыми руками, но вынужден еще доплатить из собственного кармана.

Встреча посланцев Узбекистана с индийским писателем Махони Рао на ВДНХ в 1957 г.

Многие пьесы народного театра имели ярко выраженный бунтарский характер и заканчивались сценой избиения представителей эксплуататорского класса. Эти же тенденции характерны и для драматургии кукольного театра. Каждый из видов последнего, по-видимому, располагал только одной пьесой, имевшей свои бесчисленные варианты: пьесы «Палван Качаль» (в театре ручных кукол) и пьеса «Начальники» (в театре марионеток). В первой показывались проделки Палван Качаля, во второй — съезд правителей разных мусульманских держав и придворные увеселения по этому поводу. Композиция этих пьес представляла широкие возможности для дополнения сюжета разными импровизационными вставными номерами, диалогами с острыми выпадами против власти имущих.

Господствующие классы, особенно мусульманское духовенство, жестоко преследовали актеров народного театра. Известны факты, когда актеры несли суровые наказания за свои сатирические выпады против представителей власти. Однако народ поддерживал и оберегал своих актеров, их ряды постоянно пополнялись новыми талантливыми исполнителями из народной среды.

Народный театр сохранился и в советское время. Часть его актеров работает сейчас в цирке в качестве клоунов, канатоходцев, другая часть — в театрах в качестве комиков, рассказчиков юмористических рассказов, исполнителей сатирических сценок в концертах. Сатира народного театра приобрела в советское время новое содержание. Она направлена на преодоление пережитков в сознании людей, против лодырей, бюрократов, расхитителей социалистической собственности.

Любимые народом театры масхарабозов-кизикчи и кукол сыграли значительную роль в создании и развитии профессионального советского

национального театра в Узбекистане, передав ему свой глубокий оптимизм, реалистическое восприятие жизни, подлинно народный язык, высокоразвитое профессиональное мастерство.

Для формирования профессионального национального театра большое значение имели гастроли в Туркестане татарских и азербайджанских трупп, а также деятельность русских антреприз.

Узбекский государственный профессиональный театр возник после Великой Октябрьской социалистической революции. Его организатором по праву считается основоположник узбекской советской драматургии, крупнейший поэт и общественный деятель Хамза Хаким-заде Ниязи.

Труппу театра, получившего позднее наименование «Краевой мусульманский политтруппы», составили одаренные ученики одной из школ г. Ферганы, в которой Хамза преподавал, и приглашенные им актеры, певцы и музыканты (Ходжи-Ситдик Исламов, Кари Якубов, Мария Кузнецова — дочь русского рабочего, в совершенстве владевшая узбекским языком, и др.).

Почти одновременно возник второй театр в Ташкенте — «Узбекская советская драматическая труппа им. Карла Маркса» во главе с имевшим уже некоторую известность актера и режиссера любительского театра Машпоном-Уйгуром Маджидовым (1897—1955). В этом театре начали свою деятельность впоследствии прославленные мастера узбекской сцены Аббар Хидоятов, Ятым Бабаджанов, Музафар Мухамедов, Сайфи Алимов, Абид Джалилов, Муксума Кариева и др.

Возникают театры в Коканде (1918 г.), Андижане (1919 г.), Хиве (1922 г.) и в других городах.

С 1919 г. советский узбекский театр переходит в ведение Политотдела штаба Туркестанских войск (позднее Туркфронта). Свыше трех лет разъезжали актеры нового театра по фронтам гражданской войны, показывая красноармейцам национальных частей и жителям городов и кишлаков революционные пьесы Хамзы из цикла «Ферганские трагедии», в которых раскрывали классовое лицо басмачей, его драму «Бай и батрак» — гневный обвинительный акт старому миру зла и насилия, агитационные политические произведения Хамзы и М. Уйгура и др. Работа на фронтах гражданской войны оказала большое влияние на политический и творческий рост театральных коллективов.

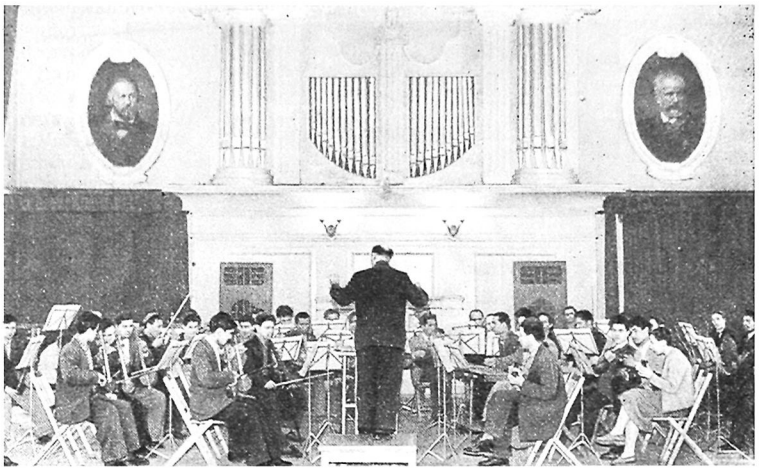
На развитие узбекского национального театра оказали благотворное влияние возникшие в Узбекистане русские советские театры, в частности организованный в 1918 г. в Ташкенте «Советский театр» (руководитель К. О. Шорштейн). Не без влияния спектаклей «Советского театра» М. Уйгур включает впервые в репертуар узбекского коллектива агитационные произведения русской советской драматургии — «Разруха», «Гимн труду» и произведения европейской классики («Разбойники» и «Коварство и любовь» Шиллера). Узбекский театр все более и более завоевывал горячие симпатии зрителя. «Массовые посещения спектаклей, устраиваемых в старом городе, постоянная нехватка билетов на эти спектакли, даже появление узбекских женщин среди зрителей на последних спектаклях являются ярким свидетельством того, насколько сильно стремление трудящихся из местного населения к культуре и просвещению»,— писала газета «Иштирокиюн» 12 ноября 1920 г.

Развитие театрального искусства проходило в борьбе с буржуазными националистами, стремившимися протащить на сцену чуждые народу пьесы, увести узбекский театр от русского реалистического искусства.

Заботясь о развитии советского национального искусства, партия и Советское правительство оказывали всемерную помощь узбекскому театру, приняли все меры для обеспечения его идейного и профессионального роста. В течение 1924—1927 гг. три группы узбекских актеров и талантливых участников художественной самодеятельности были направлены

Занятия по классу фортепьяно в Ферганском музыкальном училище

Музыковед В. А. Успенский с ашугом Шораимом Шоумаровым за записью узбекской народной музыки



Выступление оркестра народных инструментов Ташкентской государственной консерватории

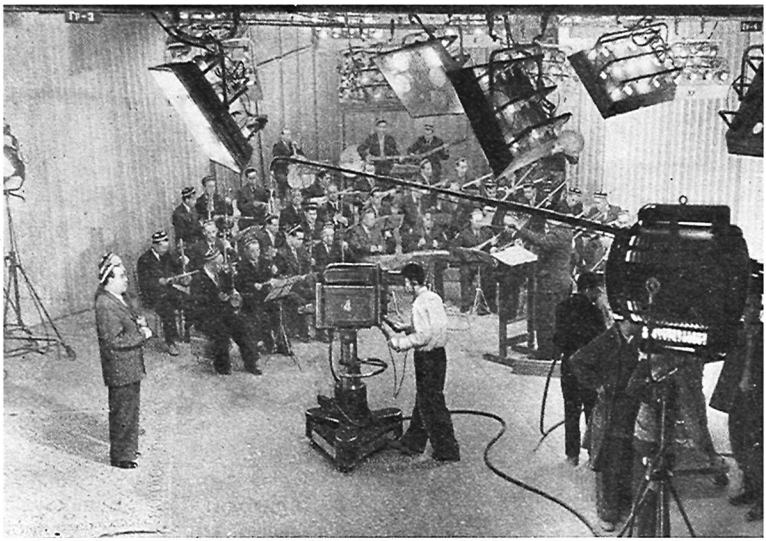
в театральные студии Москвы и Баку, где они учились под руководством опытных мастеров советского искусства.

Молодые актеры первого выпуска московской студии (1927 г.) составили основное ядро Государственного узбекского театра, которому в 1929 г. было присвоено имя погибшего от рук реакционеров Хамзы Хаким-заде Ниязи.

Приход в коллектив новых идейно и профессионально подготовленных актеров, получивших специальное образование, позволил значительно расширить репертуар театра и осуществить на его сцене постановки выдающихся произведений русской советской драматургии: «Шторм» В. Билль-Белоцерковского, «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, «Человек с портфелем» А. Файко, «Мятеж» Дм. Фурманова и С. Поливанова. Русская советская пьеса способствовала развитию реализма в искусстве коллектива и помогала актерам добиться успехов в создании образов положительных героев советской эпохи.

Вокруг талантливого актерского коллектива сплотилась группа начинающих драматургов, среди которых был Камиль Яшен, создавший пьесу «Два коммуниста», поставленную театром им. Хамзы в 1929 г. В этом спектакле впервые были ярко показаны люди новой эпохи — коммунист узбек Арслан (артист А. Хидоятов) и его подруга Дильбар (артистка С. Ишантураева). А. Хидоятову в исполнении роли Арслана удалось подняться до подлинной героики, раскрыть лучшие качества коммуниста-борца. Пьеса «Два коммуниста» обошла все сцены республики и положила начало новому этапу в истории узбекской драматургии.

Годы первых пятилеток явились годами развития и укрепления узбекского театра. Новые театры возникают в Бухаре (1930 г.), Самарканде (1930 г.), Фергане (1931 г.), Намангане (1931 г.), Карши (1932 г.), Ургенче (1934 г.) и других городах республики. Впервые появились колхозно-совхозные театральные коллективы. В 1929 г. при русском театре юного зрителя возник узбекский ТЮЗ (Ташкент). Тогда же начинает свою деятельность Государственный узбекский музыкальный театр, на базе которого



В Ташкентской телестудии

Сцена из оперы «Гюльсара». В центре народная артистка Союза ССР Муккарам Тургунбаева. Театр оперы и балета им. Навои, Ташкент

Халима Насырова, народная артистка Союза ССР, лауреат Государственной премии

в 1939 г. был создан Государственный театр оперы и балета им. Навои, открывший свой первый сезон национальной оперой «Буран» М. Ашрафи и С. Василенко, и республиканский театр музыкальной драмы и комедии им. Мукими, первой постановкой которого была комедия Хамзы «Проделки Майсары».

Интенсивно растет и развивается узбекская национальная драматургия. Ученик и последователь Хамзы К. Яшен создает пьесы: «Товарищи», «Ичкарида» («На женской половине дома»), «Сожжем», «Честь и любовь», «Гюльсара». В драматургию приходят У. Исмаилов с пьесой «Вредители хлопка», З. Фатхуллин, написавший драмы «Маска сорвана», «Независимость», «Предатели», З. Саид и Н. Сафаров, выступившие с драмой «История заговорила», и др. Эти произведения вошли в репертуар всех узбекских театров и помогли им сыграть большую роль в политическом и художественном воспитании трудящихся Узбекистана.

Лучшим сценическим произведением, отразившим коренные изменения, происшедшие в Узбекистане к середине 1930-х годов, был спектакль «Честь и любовь», поставленный впервые театром им. Хамзы в 1936 г. Правдиво и ярко рассказывал он о преобразовании узбекского кишлака, о роли освобожденной узбекской женщины в строительстве новой жизни. Глубоко человечный образ сильной и умной руководительницы — бригадира Онахон Ташматовой создала Сара Ишантураева. Актриса сумела выявить и правдиво передать сущность характера передового человека — органическое слияние в нем личных и общественных интересов.

Но особое место в репертуаре театра имени Хамзы 30-х годов занимает спектакль «Бай и батрак» Хамзы в литературной редакции К. Яшена. Взволнованно, исключительно правдиво воссоздана в спектакле тяжелая жизнь узбекского народа до революции, показано, как под влиянием революционных событий в России пробуждалось классовое сознание эксплуатируемых масс на ее окраинах, как поднимались они на борьбу со своими угнетателями. Поставленный Я. Бабаджановым, этот спектакль отличался замечательным ансамблем и глубиной раскрытия характеров действующих лиц. Образы, созданные в нем С. Ишантураевой (Джамиля), А. Хидоятовым и Ш. Бурхановым (Гафур), А. Джалиловым (Салихбай),— вошли в золотой фонд узбекского сценического искусства. «Бай и батрак» был тем спектаклем театра, в котором метод социалистического реализма одержал полную победу.

Сцена из спектакля «Бай и батрак» Хамзы Хаким-заде Ниязи. В роли Салихбая — народный артист УзССР А. Джалилов; в роли батрака Гафура — народный артист Союза ССР Ш. Бурханов; в роли Джамили — народная артистка Союза ССР С. Ишантураева

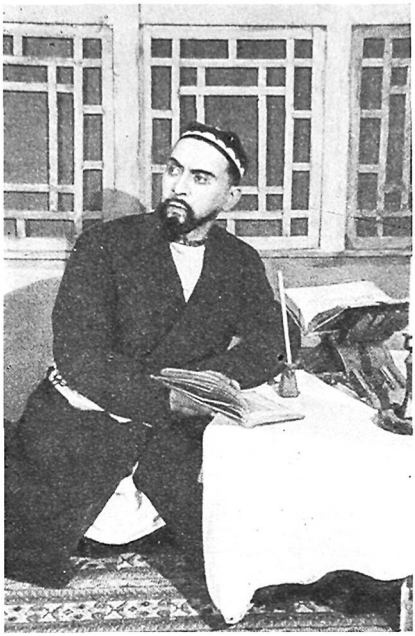
Значительных успехов достиг в эти годы узбекский музыкальный театр, поставивший спектакль «Гюльсара», в котором раскрылось незаурядное дарование певицы Халимы Насыровой.

В предвоенные годы узбекский театр продолжает работать над переводами лучших образцов русской советской драматургии, русской и зарубежной классики. Так, на сцене Самаркандского театра ставятся «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Пограничники» В. Билль-Белоцерковского, «Родина» Г. Мдивани, «Коварство и любовь» Шиллера. «Платон Кречет» Корнейчука с успехом идет и в Ферганском театре. В Андижанском театре была осуществлена постановка спектакля «Ревизор» Гоголя. Коллектив театра имени Хамзы в Ташкенте показал в это время пьесы «Мой друг» и «Человек с ружьем» Н. Погодина, «Интервенция» Л. Славина, «Любовь Яровая» К. Тренева, «Гроза» Островского, «Гамлет» и «Отелло» Шекспира.

Шекспировские постановки — это событие, выдвинувшее театр имени Хамзы в ряд лучших коллективов СССР. Образы шекспировских героев, созданные А. Хидоятовым (Гамлет, Отелло) и С. Ишантураевой (Офелия, Дездемона), отличались глубоким драматизмом и большим обаянием, в них раскрылось большое трагедийное дарование актеров.

В годы войны театры республики создали ряд ярких патриотических спектаклей узбекской и русской драматургии, воспевающих героизм и преданность советских людей родине и народу («Смерть оккупантам» К. Яшена, «Мать» А. Уйгуна, «Даврон-ата» К. Яшена, С. Абдуллы, Чусти, «Месть» Ш. Туйгуна и А. Умари, «Курбан Умаров» С. Абдуллы и др.). Актеры узбекских театров дали много концертов и спектаклей на фронте.

В послевоенные годы одной из самых крупных побед театра имени Хамзы явился спектакль «Алишер Навои» (пьеса А. Уйгуна и И. Султанова). Режиссеру М. Уйгуру удалось передать напряженную обстановку далекого исторического прошлого, в которой жил и творил великий узбекский поэт. Величественный облик Навои воссоздал в спектакле Алим



Сцена из спектакля «Мукими» С. Абдуллы. В роли Мукими — народный артист УзССР Р. Хамраев

Ходжаев. Актер сумел с большой полнотой донести до зрителя гуманизм Навои, прогрессивный характер его взглядов, близких думам и чаяниям народа. Постановка «Алишера Навои» получила высокую оценку общественности и была удостоена Государственной премии.

Чертой, характеризующей развитие узбекского театра после Отечественной войны, является утверждение современной актуальной тематики.

Решающее значение в этом имели партийные решения по вопросам литературы и искусства в 1946—1948 гг. Они помогли драматургам и актерам еще выше поднять свой идейный уровень, прочно утвердиться на позициях социалистического реализма. Репертуар театров республики обогащается новыми произведениями национальных драматургов. Разнообразные по содержанию и жанру, эти пьесы разносторонне отображают богатую, кипучую жизнь людей социалистического общества — строителей коммунизма. Одной из самых интересных пьес этого плана является уже упомянутая комедия «Шелковое сюзане» А. Каххара.

Широко представлена на узбекской сцене национальная драматургия на исторические и историко-революционные темы. Большинство коллективов ставит пьесу К. Яшена и А. Умари «Хамза» о выдающемся советском художнике и революционере Хамзе Хаким-заде Ниязи, а также историко-революционную драму Н. Сафарова «Заря Востока», рассказывающую о становлении советской власти в Ташкенте. Революционному историческому прошлому узбекского народа посвящены также пьесы «Священная кровь» по роману Айбека, «Любовь к Родине» З. Фатхуллина и Ш. Сагдуллы, «Флаг над регистаном» М. Юсуфи и «Путеводная звезда» К. Яшена, воссоздающая образ В. И. Ленина.

В послевоенный период репертуар узбекского театра значительно расширился и обогатился за счет переводной драматургии. Большое внимание узбекский театр уделяет осмыслению драматического наследия Горького («Мещане», «Васса Железнова», «Егор Булычев и другие»). Широко обращается узбекский театр к драматургии Назыма Хикмета («Рассказ о Турции», «Легенда о любви»).

На сцене оперного театра имени А. Навои с успехом ставились на узбекском языке оперы Чайковского «Пиковая дама» и «Евгений Онегин», опера Бизе «Искатели жемчуга», балеты «Красный цветок» Р. Глиера, «Юность» М. Чулаки и др.

В последнее время узбекский театр одержал новые большие художественные победы. Такие постановки коллектива театра имени Хамзы как

«Дочь Ганга» и «Алжир, родина моя» (инсценировки А. О. Гинзбурга по романам Р. Тагора «Крушение» и М. Диба «Большой дом»), выводят его в число лучших коллективов страны и свидетельствуют об активной борьбе узбекского искусства за мир, за великие гуманистические идеалы человечества.

Узбекский советский театр прошел сложный путь и достиг большого актерского и режиссерского мастерства. Многие его актеры и режиссеры удостоены высоких наград и званий. За большие заслуги перед народом в деле развития национального искусства и высокое мастерство коллективу театра имени Хамзы было присвоено звание Академического; он награжден орденом Ленина.

Достижения узбекских театров были высоко оценены советской общественностью во время показа их работ на Всесоюзной Олимпиаде народного творчества в Москве (1930 г.), гастролей по городам Советского Союза и на декадах узбекской литературы и искусства в Москве в 1937 и 1959 гг.

* * *

Первые кинематографические ленты демонстрировались в дореволюционном Узбекистане уже в 1897 г. Разумеется, строить в эти годы собственное кинопроизводство технически отсталому Туркестану было невозможно.

Зарождение национальной кинематографии произошло на базе учрежденного в 1924 г. русско-бухарского товарищества «Бухкино», сделавшего два фильма: «Минарет смерти» и «Мусульманка» (1924 г.). В то время в Средней Азии не было собственных кадров кинематографистов; фильмы эти создавались русскими режиссерами. Почти все главные роли в них исполняли русские актеры. После национального размежевания и образования Узбекской социалистической республики в 1925 г. был организован трест «Узбекгоскино» и открыта кинофабрика «Шарк Юлдузи».

Первым директором и актером этой студии становится молодой художник-узбек, впоследствии один из ведущих режиссеров узбекского кино, Наби Ганиев. Несмотря на несовершенство технической базы, отсутствие квалифицированных актерских, операторских и режиссерских кадров, узбекские художники, опираясь на братскую помощь русских кинематографистов, настойчиво овладевали новым искусством. Уже в 1926 г. из республиканской студии выходят один за другим ряд так называемых агитпропфильмов, сделанных на национальном материале и проникнутых революционным пафосом.

В эти годы утверждается основная тематика узбекских художественных немых фильмов, рассказывающих о земельно-водной реформе в Средней Азии («Бахт куяши» — 1926 г.), о положении в обществе и семье узбекской женщины («Вторая жена» — 1927 г., «Чадра» — 1927 г., «Ее право» — 1931 г.), о борьбе с контрреволюцией («Крытый фургон» — 1927 г., «Шакалы Рават» — 1927 г., «Последний бек» — 1930 г.), о борьбе молодой республики за создание колхозов («Американка из Багдада» — 1931 г., «Рамазан» — 1932 г.)

С фильмом «Подъем» (1931 г., режиссер Н. Ганиев) связана первая попытка узбекских кинематографистов поднять новую и актуальнейшую тему индустриализации республики. Фильмом «Египт», созданным в 1935 г. по сценарию Э. Хамраева, заканчивается первый, начальный, этап узбекского кино.

Накопленный за этот период творческий опыт узбекских кинематографистов, совершенствование съемочной техники подготавливает базу для перехода к звуковому кино.

За десятилетний период существования немого кино узбекские художники республики достигли больших успехов в совершенствовании своего мастерства. За это время выросли и окрепли национальные кадры

профессиональных киноработников, имена которых сегодня известны далеко за пределами республики: режиссеры Н. Ганиев, К. Ярматов, Ю. Агзамов, актеры Р. Пирмухамедов, Р. Туроходжаев, С. Ходжаев, А. Джалилов, актер и сценарист Э. Хамраев, режиссер-оператор М. Каюмов. Вместе с ростом национальных кадров постепенно преодолевался основной недостаток фильмов первых лет — экзотическая направленность сюжета, ложный ориентализм в обрисовке быта, характеров и обстановки. Этапной картиной в этом смысле явилась первая узбекская звуковая лента «Клятва» (1937 г.). Фильм повествовал о жизни узбекского кишлака, ставшего на путь коллективизации, о жестокой классовой борьбе, развернувшейся вокруг проводимой государством земельно-водной реформы. Авторам фильма удалось реалистически показать быт узбеков, атмосферу тех лет, живые и непосредственные характеры дехкан. Правдивый и психологически сложный образ узбекского дехканина создал в «Клятве» популярнейший артист узбекского кино А. Исматов.

Второй звуковой фильм «Азамат» был также посвящен жизни узбекского кишлака. В нем было много удачно найденных жизненных деталей, много песен и музыки, тонкого и искристого народного юмора.

Картина «Асаль», вышедшая в 1940 г., рассказывает о деятельности первого в республике Ташкентского текстильного комбината, о становлении новых производственных отношений. Сценарий фильма написан драматургом К. Яшеном — первым узбекским писателем, обратившимся к жанру кинодраматургии.

Главную женскую роль в картине «Асаль» играла выдающаяся узбекская певица и артистка Х. Насырова, создавшая яркий образ новой узбекской девушки.

Нерушимой дружбе русского и узбекского народов посвящен предвоенный фильм «Рубиновые звезды».

В трудные годы Отечественной войны в Узбекистан были эвакуированы некоторые центральные киностудии. В Ташкенте работали мастера кино из Москвы, Ленинграда, Киева. Тесное и непосредственное творческое общение с выдающимися деятелями кино обогащало национальных киноработников, сказывалось благотворно на их дальнейшем росте. В таком тесном художественном содружестве с русскими режиссерами, операторами и артистами работники Ташкентской студии создали ряд значительных картин: «Два бойца», «Пархоменко», «Человек 217», «Насреддин в Бухаре».

После Великой Отечественной войны наступает подлинный расцвет узбекского национального киноискусства. За 1945—1950 гг. на Ташкентской студии были поставлены фильмы «Тахир и Зухра», «Похождения Насреддина» Н. Ганиева, «Алишер Навои» К. Ярматова, которые принесли узбекскому киноискусству настоящую славу и признательность зрителя. Картины Н. Ганиева, созданные по мотивам народного эпоса, воплощали лучшие страницы национального фольклора, любимейших героев узбекских сказок и легенд.

Крупнейшей победой узбекского кино была постановка фильма «Алишер Навои», осуществленная режиссером К. Ярматовым. Решенная в строгой и монументальной форме картина правдиво и глубоко отобразила жизнь и деятельность великого узбекского поэта, быт и нравы той далекой эпохи, сложнейшие внутренние процессы общественной жизни, формировавшей взгляды Навои. Создание образа поэта — выдающаяся заслуга актера Р. Хамраева.

За участие в фильме режиссер К. Ярматов, актеры Р. Хамраев и А. Исматов были удостоены Государственной премии.

В 1948 г. на Ташкентской студии был поставлен фильм «Дочь Ферганы», в котором сделана попытка раскрыть на современном материале образ передовой узбекской девушки.

Кадр из фильма «Алишер Навои». В роли Навои — народный артист УзССР Раззак Хамраев

Параллельно с художественной кинематографией в Узбекистане успешно развивается документальное и научно-популярное кино. Еще в 1926 г. был выпущен документальный фильм «Путешествие по Средней Азии». Тогда же «Узбеккино» были сняты два фильма на документально-производственном материале: «Хлопководство в Голодной степи» и «Маслобойная промышленность». В 30-е годы вышли документальные фильмы, посвященные колхозному строительству («Далеко в Азии»), этнографии и географии республики («Оазис в песках»), спорту («Физкультура на производстве») и др. В те же годы в документальном кино нашли свое отражение народные стройки в республике («Могучий поток» и «Великая сила»). Во время войны узбекские кинематографисты поставили ряд картин-концертов, призывающих советских воинов к борьбе с врагами. Больших успехов достигла узбекская документальная кинематография в послевоенные годы. В конце 50-х годов вышло несколько документальных картин режиссера-оператора М. Каюмова — «Приезжайте к нам в Узбекистан», «Пять рук человечества» и других, выдвинувших этого узбекского художника в первые ряды кинодокументалистов СССР.

Наряду с документальными создаются и научно-популярные фильмы. По заказу отдельных министерств и ведомств выпускаются фильмы, посвященные различным вопросам культурного и хозяйственного строительства республики. Жизнь республики отражается в регулярно выходящих киножурналах «Советский Узбекистан». Большое внимание уделяется детскому кино.

В начале 50-х годов на Ташкентской студии выходит полюбившаяся детям картина К. Ярматова «Пахта-ой», в которой удачно применены многие приемы комбинированных съемок.

Новым этапом в истории узбекской кинематографии явился переход к цветному кино. Первым цветным художественным фильмом в республике стала картина «Крушение эмирата» (1955 г.), созданная совместно с Мосфильмом. С тех пор цветное кино прочно завоевало свое место в национальном киноискусстве Узбекистана.

Заслуженный успех принес узбекскому кино цветной фильм К. Ярматова «Авиценна» (1957 г.), посвященный жизни и деятельности знаменитого ученого средневековья. В этой работе блеснул своим мастерством старейший кинохудожник республики В. Еремян, воссоздавший в своих декорациях подлинную обстановку далекой эпохи. К. Ярматов и В. Еремян получили за этот фильм премию Всесоюзного кинофестиваля 1958 г.

Интересен фильм Л. Файзиева «По путевке Ленина», в котором впервые в узбекской кинематографии воссоздается образ В. И. Ленина.

Расширяются международные связи узбекского кино, в частности сотрудничество узбекских и индийских киноработников.

За свою сравнительно небольшую историю развития молодая узбекская кинематография воспитала большой отряд национальных киноработников, многие из которых широко известны за пределами республики.

Новый творческий подъем переживает узбекская кинематография в наши дни. Увеличивается производственная мощь студии «Узбекфильм». Так, в 1959—1960 гг. узбекские кинематографисты выпустили на экран шесть художественных фильмов. Среди них комедию «Очарован тобой» Ю. Агзамова, «Сыновья идут дальше» З. Сабитова, «Пламенные годы» братьев Алексеевых и др. Прочно завоевывает свое место в узбекском кино современная тематика.

Интересным фильмом 1960 г. можно считать новую работу К. Ярматова «Когда цветут розы», посвященную воспитанию советской молодежи и морально-этическим проблемам. Большие вопросы современной жизни решает первая широкоэкранная картина республиканской студии «Второе цветение» режиссера Л. Файзиева.

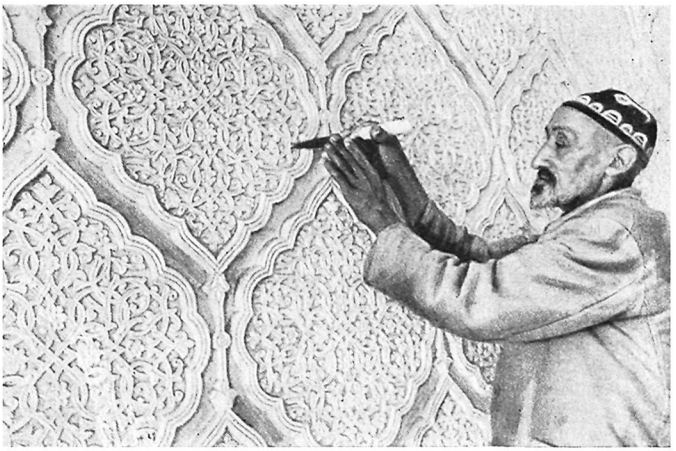
В последние годы ряды творческих работников студии пополнились молодыми силами. Из Всесоюзного государственного института кинематографии и режиссерских курсов пришли в узбекское кино режиссеры Ш. Аббасов, Д. Салимов, А. Акбарходжаев, операторы А. Каримов, Х. Файзиев, художник Э. Калантаров и др. Молодым режиссером Абассовым поставлена узбекская комедия «Об этом говорит вся махалля», рассказывающая о взаимоотношениях старых и новых традиций в узбекской семье. В 1961 году режиссером Л. Файзиевым был поставлен имевший большой успех фильм «Птичка-невеличка» (по одноименной повести Абдуллы Каххара). Тогда же, совместно с Центральной студией документальных фильмов, узбекская киностудия выпустила фильм «Люди голубого огня», посвященный строителям газовой промышленности Узбекистана и получивший высокую оценку в нашей стране и за рубежом.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Изобразительное искусство узбеков прошло долгий и сложный путь развития. Его истоки уходят в глубину тысячелетий, к искусству древних художников эпохи палеолита, оставивших в Южном Узбекистане многочисленные рисунки, высеченные и нарисованные на скалах.

Археологические работы, в широком масштабе развернувшиеся на территории Средней Азии в годы Советской власти, обнаружили огромное количество памятников искусства древности и средневековья, позволяющих проследить путь развития изобразительного искусства узбекского народа, непосредственно связанный с общим процессом формирования материальной и духовной культуры узбеков.

Узбекская художественная культура создавалась разнообразными племенами и народами, которые принимали участие на протяжении многих столетий в этногенезе узбеков. И если до революции художественные произведения узбеков и других народов Средней Азии рассматривались искусствоведами лишь как один из вариантов некоего безликого «мусуль-



Народный мастер резьбы по ганчу лауреат Государственной премии Усто Ширин. Ташкент

манского» искусства, возникший якобы лишь в средние века под влиянием цивилизаций стран Востока, объединенных Арабским халифатом, то теперь уже новый археологический материал неопровержимо доказывает самобытность и своеобразие искусства народов Средней Азии, в том числе и узбекского; определено место узбекской художественной культуры среди других культур народов Востока и выявлено взаимовлияние с этими культурами в разные исторические периоды.

Изобразительное искусство узбеков имеет как бы два основных истока: искусство кочевых и полукочевых племен, с древности населявших степные пространства, прилегающие к оазисам Средней Азии, и художественное наследие тех предков узбекского народа, которые населяли земледельческие области.

Процесс сложения таджикской и узбекской народностей, включивших в свой состав много общих этнических элементов, отразился на развитии их культуры. Духовное родство этих братских народов проявилось и в их изобразительном искусстве.

Если в далеком прошлом у предков узбекского народа были развиты жанровая живопись и объемная скульптура, то после распространения ислама единственно жизненным и успешно развивающимся видом изобразительного искусства стало орнаментальное искусство, так как под воздействием сурового запрета ислама изображать живые существа живопись и скульптура прекратили свое развитие. До нашего времени сохранились главным образом произведения, относящиеся к XIX в.

В Узбекистане в то время бытовали различные отрасли декоративного искусства: резьба и роспись по ганчу и дереву, резьба по мрамору, художественный текстиль (ткани, набойки, вышивки), художественная обработка металла, изготовление бытовой керамики. Декоративно-прикладное искусство составляло неотъемлемую часть народного быта. Оно развивалось в различных организационных формах, начиная от домашних промыслов до ремесленно-кустарных предприятий разного типа. Его отрасли имели общенациональные черты, но, сложившись в различных районах, в прошлом мало связанных между собой, характеризовались рядом локальных особенностей.

После Великой Октябрьской революции художественная кустарная промышленность Узбекистана подверглась коренной реконструкции. Мелкие кустарные предприятия были объединены в промысловые артели, позже преобразованные в фабрично-заводские предприятия. Лучшие мастера вошли в Союз советских художников; они работают над созданием нового современного стиля в прикладном искусстве, основываясь на лучших народных традициях. Естественно, что не все виды прикладного искусства в настоящее время развиваются равномерно, некоторые из них имеют особенно широкое применение в архитектуре и быту советского народа.

Среди отраслей прикладного искусства, связанных с архитектурой, большое развитие получила резьба по алебастру. В процессе развития этого вида искусства сформировались различные художественные стили, придававшие своеобразные черты художественному облику памятников различных исторических эпох. Если для древнего искусства резьбы по алебастру была характерна почти объемная трактовка реалистических сюжетов и орнаментальных мотивов, а для средних веков — техника глубокой резьбы с прямым срезом и пышное развитие растительного и геометрического орнаментов, то к XX в. резьба по алебастру приобрела характер мелкого рельефа с тонко разработанными поверхностями и широким применением раскраски фона и деталей узора, что сблизило этот вид искусства с декоративной росписью.

Лучшие традиции всего этого художественного наследия легли в основу советского искусства резьбы по алебастру.

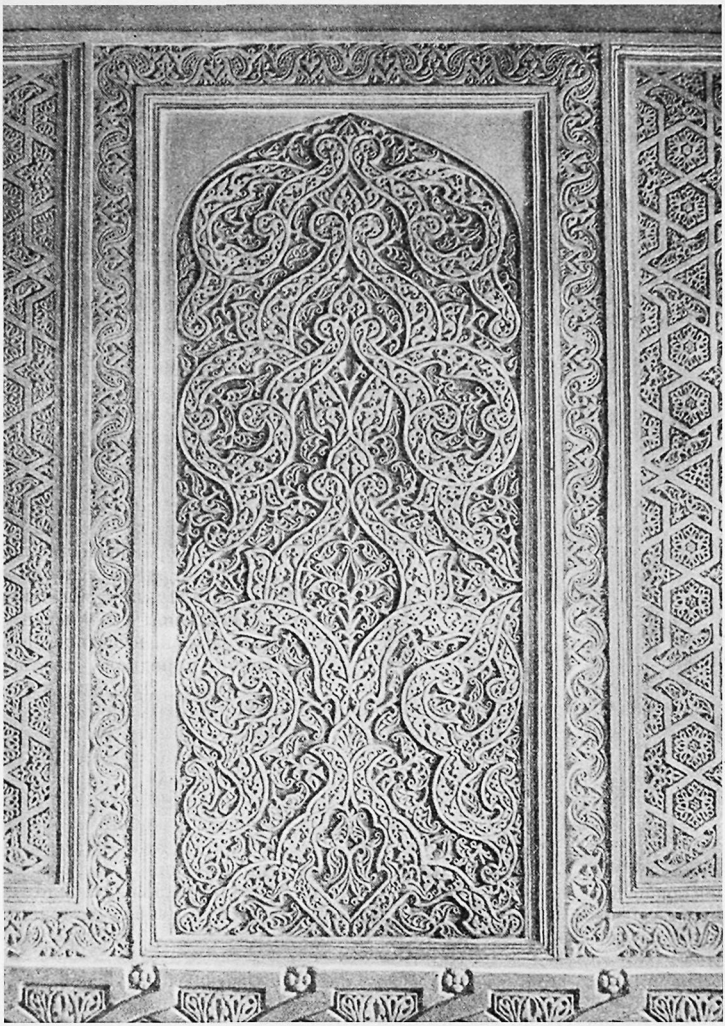
Современные узбекские мастера в совершенстве владеют также искусством пространственной резьбы, представленной сталактитовыми карнизами, капителями, базами, кронштейнами, решетками и т. д. Большинство мастеров является не только резчиками, но и авторами рисунков, по которым выполняется резьба.

Резьба производится по слою сырого ганча, орнамент наносится при помощи припороха.

Традиционный архитектурный орнамент Узбекистана делится на геометрический и растительный. Растительный, играющий ведущую роль во всех областях узбекского народного искусства, широко применяется резчиками по алебастру и как основной элемент орнаментальных композиций и в сочетании с геометрическим орнаментом.

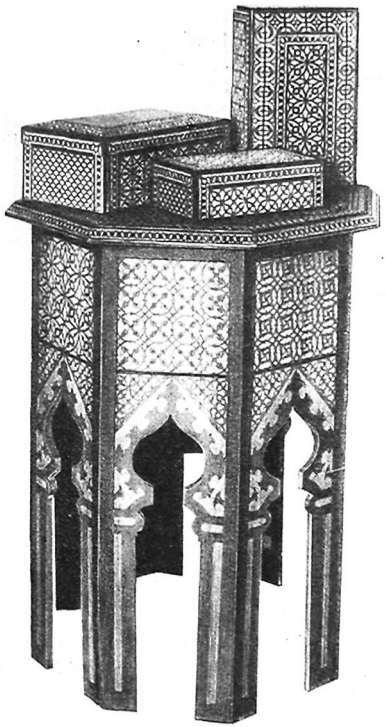
Узбекские мастера применяют пять видов резьбы: *замин-кори*, *чока-пардоз*, *пах-пардоз*, *лўла-пардоз и табақа-пардоз*. Иногда они применяются в сочетании друг с другом. Резьба замин-кори заключается в углублении фона. Рельеф оставляется гладким, без всякой обработки. Художественный эффект получается от игры светотени и отношений поверхности рельефа к фону. Техника чока-пардоз состоит в обработке рельефа косым срезом, направленным внутрь, вследствие чего образуется контрастная светотень. При технике пах-пардоз косые срезы направляются к внешним краям рельефа. При этом приеме светотень смягчается. Лула-пардоз дает округленный рельеф, доходящий в лентах и стеблях до полувалика. Техника табака-пардоз, появившаяся в конце XIX в. и особенно широко применяемая бухарскими мастерами, характеризуется эффективной разработкой поверхности орнамента при незначительной глубине резьбы. Этот вид отделки поверхности рельефа является наиболее сложным и требует особенно изощренной техники. Лучшим специалистом этой техники был почетный член Академии наук Узбекской ССР, заслуженный деятель искусств Узбекской ССР бухарский мастер Ширин Мурадов.

Искусство мастеров художественной резьбы по ганчу завоевало себе широкое признание. Имена лучших мастеров — Ташпулата Арсланкулова, Шамсутдина Гафурова, Кули Джалилова и других вошли в историю национального искусства узбекского народа. Многие мастера принимают непосредственное участие во всех крупных строительствах; по мотивам



Панно. Резьба по ганчу. Театр оперы и балета им. Навои, Термезский зал

национальных узоров готовятся модели для отливки декоративных деталей зданий, монументов и памятников. Резьба по ганчу нашла широкое применение в декорировке ташкентских театров имени Мукими и, особенно, театра оперы и балета им. Навои. В оформлении 6 фойе театра отразились локальные особенности этого вида искусства, издавна сложившиеся в различных районах Узбекистана; но наряду с традиционными мотивами и приемами резьбы здесь нашли место новые черты. Однотонная раскраска фойе светлыми мягкими красками, органическое сочетание орнаменталь-



Резные деревянные изделия работы ташкентских мастеров

ной традиционной резьбы с живописными панно придают интерьерам современный характер.

Резьба и отливка орнаментальных ганчевых деталей применяется сейчас на строительстве крупных жилых домов и в индивидуальных застройках.

Резьба по дереву была распространена во всех областях Узбекистана, особенным мастерством отличалась резьба по дереву в Хиве. Издавна резным орнаментом украшались различные архитектурные детали —колонны, деревянные консоли, сталактитовые карнизы, двери и ставни оконных проемов.

Сейчас резьбу по дереву применяют при оформлении общественных зданий. Лучшими ее образцами являются парадные двери театров им. Навои и Мукими в Ташкенте и павильона Узбекистана на Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства в Москве. Эти двери украшены богатыми орнаментальными композициями из сочетаний растительных и геометрических мотивов.

Большой интерес представляют деревянные наборные решетки (*панжара*), украшающие постройки и придающие им легкость и изящество. В этой технике весьма успешно работает в настоящее время Усто Максуд Касымов, ученик старейшего ташкентского резчика по дереву Сулеймана Ходжаева и мастера по решеткам (*панжарасоз*) Зия Кариева.

Традиционная техника наборных решеток и резьбы по дереву применяется в настоящее время также для украшения мебели и различных предметов быта: шкатулок, рамок, принадлежностей письменного стола и т. д. Особенно хороши работы кокандского мастера Кадырджана Хайдарова.

К числу наиболее развитых отраслей декоративно-прикладного искусства Узбекистана относится также декоративная роспись двух основных видов: стенная, выполняемая по алебастровой штукатурке, и роспись по дереву.

Стенная роспись по ганчу имеет большое распространение не только при оформлении общественных зданий (клубов, домов культуры, чайхан), но и в жилищном строительстве, где она служит наиболее распространенным средством внутренней отделки. Наряду с обычными в прежнее время изображениями вазы с цветами и орнаментальными панно, в настоящее время в росписи включаются новые сюжетные композиции — пейзажи,

Роспись деревянных колонн народным мастером Усто Абду-Вакилем. Ташкент

Мастер Муса Исмаилов за росписью керамической посуды. Риштан

сцены из колхозной жизни. Среди узоров орнаментального характера значительное место занимают изображения ковров и вышивок.

Из деревянных архитектурных деталей расписываются потолки и карнизы. Росписью украшаются и различные бытовые предметы: столики, шкатулки, рамки и т. п.

В современной художественной росписи по дереву сохраняется традиционная композиция орнамента. Чаще всего это растительный орнамент, заключенный в различно окрашенные медальоны, которые оконтурены белой линией, образующей своеобразную орнаментальную сетку, связывающую композицию воедино. При всей традиционности, в современных орнаментальных росписях появились новые элементы, отражающие новую жизнь.

Красочная гамма росписи очень богата, она состоит из десяти — двенадцати цветов; основной тон росписи — зеленый различных оттенков, контрастирующих с оранжево-красным, с обильным применением золотистых и желтых тонов и позолоты.

Среди советских мастеров росписи (*наққош*) широко известны заслуженный деятель искусств республики Якубджан Рауфов, кокандский мастер Саидмахмуд Наркузиев, хивинский мастер Абдулла Балтаев и народный художник УзССР Алимджан Касымджанов. Из молодых мастеров современного поколения следует назвать талантливых ташкентских мастеров Таира Тахтаходжаева, Джалила Хакимова и др.

В архитектурном декоре применяется также художественная керамика — майолика и мозаика, которой облицовываются детали зданий. Это искусство, достигшее большой высоты в средние века (медресе, мечети, мавзолеи Самарканда, Бухары и других городов), к концу XIX в. почти заглохло. В советское время оно вновь нашло применение в строительстве монументальных зданий и имеет перспективы развития в связи с широко развернувшимся монументальным строительством. Примером тому может служить керамическая облицовка портала здания Ташкентской гостиницы и вокзала. Облицовочные глазурованные кирпичи производятся сейчас в большом количестве и для реставрации средневековых архитектурных памятников.

Гораздо большее развитие имеет в наши дни производство бытовой керамики — художественной посуды, в которой ярче всего проявляется мастерство узбекских керамистов. Сейчас развитие этого древнего искусства узбеков стимулируется распространившимся в широких кругах не только узбеков, но и других народов интересом к художественной посуде местного производства. Среди любителей узбекская керамика получает высокую оценку за свой богатый сочный колорит, своеобразный национальный стиль.

Художественный стиль узбекской керамики складывался на протяжении веков. В различных районах выработались своеобразные черты орнамента и колорита посуды, сохраняемые местными керамистами и поныне. Основными приемами сейчас является подглазурная роспись (*қалами*) и процарапывание (*чизма* или *харрожи*). Иногда эти приемы сочетаются.

Гончарное дело распространено в Узбекистане почти повсеместно. Главнейшими центрами производства художественной керамики являются Риштан, Ташкент, Гиждуван, Шахрисябз, Самарканд, Хива, Ханки и др.

Изделия Риштана характеризуются тонким и сложным узором, колоритом, в котором сочетаются ярко-синий кобальт с тонами бирюзы самых различных оттенков. Орнамент современной риштанской керамики, выполненный техникой калями, довольно крупен и декоративен. Значительная часть фона остается свободной от узоров. В художественной отделке современных риштанских блюд борта четко отграничиваются от дна блю-

да, что подчеркивается различием помещаемых здесь узоров и иногда разными цветовыми сочетаниями.

Керамика Гиждувана поражает глубиной и насыщенностью цвета. Роспись производится способом калями по темно-коричневому и красно-коричневому фону, на котором ярко выделяется роспись, сделанная зеленой, темно-желтой, коричневой, темно-синей, кремовой и кирпично-красной красками. Излюбленным приемом росписи в Гиждуване является наложение краски в два-три слоя, что придает орнаменту некоторую рельефность. Большие площади рисунка покрываются одним тоном. Очень распространена окантовка всего рисунка рядами светлых точек («горох» — *нохот*). Сочность и особый блеск росписи достигаются нанесением на нее довольно толстого слоя свинцовой поливы. Наиболее характерной для Гиждувана является композиция, при которой разрабатывается один крупный декоративный мотив узора, занимающий часто все дно блюда. Художественные традиции гиждуванской керамики в настоящее время успешно развивают ведущие мастера Усман Умаров, представитель старшего поколения, и молодой мастер Ибаддулла Назруллаев.

Медный кумган работы кокандского мастера

Современные орнаменты шахрисябзских гончаров очень крупны и декоративны. Преобладающим тоном цветовой гаммы является красновато-коричневый, который служит фоном; роспись выполняется зеленой, желтой, кремовой и изредка синей красками. Ведущим шахрисябзским мастером является Абдукарим Хазраткулов.

Расписная керамика Самарканда украшается главным образом крупными декоративными узорами в виде шести- и восьмиконечных звезд, кругов с зубчатыми контурами и сильно стилизованным растительным орнаментом.

Посуду Хорезма отличают темно-зеленые и бирюзовые тона с незначительным вкраплением синего и белого цвета. Своеобразны большие глубокие чаши (*бадия*) с вертикальными бортами и высоким поддоном.

Для ташкентской керамики характерно сочетание многоцветной росписи по светлому фону с гравировкой. Здесь различаются два типа керамики; более старые образцы расписаны зеленой, желтой и коричневой красками в виде расплывчатых потеков; в настоящее время преобладает полихромная роспись, мелкий растительный орнамент при точном совпадении гравированных контуров с раскраской. В Ташкенте работает большой коллектив мастеров-керамистов, среди которых особенно известен народный художник Узбекской ССР М. Рахимов.

Медный кумган
работы хивинского мастера

Большой интерес представляют фигурные сосуды и глиняные неполивные игрушки — свистульки, производство которых известно с глубокой древности. Авторами такого рода изделий являются Хаира Рахимова, колхозница селения Уба Бухарской области, и народный художник Узбекской ССР самаркандский мастер Умаркул Джуракулов. Обладая большой творческой фантазией, они создают ярко раскрашенные игрушки в виде различных птиц и животных.

Фарфор в Средней Азии до революции не производился; считалось, что здесь для него нет сырья. Однако в Ташкентской области были обнаружены залежи глин необходимого качества, и с 1954 г. начал свою деятельность первый в республике фарфоровый завод. Здесь на основе национальных художественных традиций создается свой оригинальный стиль изделий. Помимо бытовой посуды, завод приступил к выпуску мелкой пластики.

Большого художественного мастерства достигли в свое время узбекские медники (*мискар*), изготовлявшие из желтой и красной листовой меди различного рода хозяйственную утварь, лучшие образцы которой тщательно отделывали тончайшим гравированным узором. Помимо орнаментальных композиций, на изделиях из меди встречались своеобразные композиции с изображением пейзажей, памятников архитектуры. Часто медные сосуды украшались бирюзой и имитацией драгоценных камней из цветного стекла. Основными центрами производства медных изделий были Бухара, Коканд, Карши, Самарканд, Шахрисябз, Хива.

В настоящее время в связи с широким проникновением в быт разнообразной фабричной посуды производство этих бытовых вещей почти прекратилось, изготовляются лишь художественные предметы, преимущественно декоративные подносы, орнаментированные чеканкой.

Придерживаясь национальных технических и художественных традиций, выработанных веками, народные мастера-чеканщики применяют сейчас и новые орнаментальные мотивы и композиции. Среди чеканщиков по меди немало талантливых художников, одним из которых является старейший бухарский мастер и педагог Мухтар Мухсинов, автор многочисленных художественных произведений.

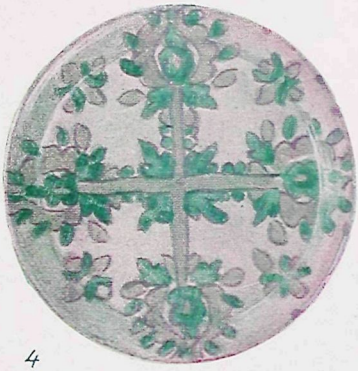
Одним из самых древних видов художественного народного творчества является ювелирное дело, что подтверждается многочисленными археологическими находками. Ассортимент ювелирных изделий, употреблявшихся в быту, был очень разнообразен, а по художественным достоинствам многие из них являлись подлинными шедеврами.

Для изготовления колец, браслетов, серег, нагрудных и головных украшений ювелиры употребляли золото, серебро, драгоценные и полудрагоценные камни, стекло.

1

2

3



4

5

6

Расписная керамическая посуда узбеков и таджиков. XIX — начало XX в.

1, 4 — блюдо «табак». Сел. Риштан; *2* — блюдо «табак». Бухарский оазис. Сел. Варданзе; *3* — блюдо «ляган». Ташкент; *5* — чашка «коса». Ура-Тюбе; *6* — сосуд для молока «хурма». Ура-Тюбе.

3

1

4

5

2

6

7

Образцы современного художественного керамического производства

1 — декоративное блюдо с изображением сборщиц хлопка. Работа худ. С. Ф. Раковой. Самарканд; *2* — блюдо работы мастера Ибадуллы Парауллаева. Гиждуван; *4, 5* — игрушки-свистульки работы мастера Умара Джумакулова. Самарканд; *3, 6, 7* — игрушки-свистульки работы мастерицы Хамро Рахимовой. Сел. Уба, Вабкентский район Бухарской области

Особенно развито было искусство ювелиров в Бухаре, где и сейчас работают такие мастера как Косимджон Мераков. Прекрасным ювелиром и орнаменталистом был Садриддин Пачаев, являвшийся одновременно и одаренным художником-миниатюристом.

В настоящее время больше всего ювелирных изделий производится в Ташкенте. Локальных центров ювелирного ремесла сейчас нет,— украшения, созданные в одном центре, быстро распространяются по всем районам республики. Старинные виды крупных тяжелых украшений сейчас вышли из моды и не производятся.

Среди различных отраслей декоративно-прикладного искусства в настоящее время наиболее значительное место занимает художественный текстиль. Основными центрами производства художественных тканей являются города: Маргелан, Бухара, Самарканд, Карши, Китаб, Хива и Ташкент. Узбекские ткачи вырабатывают два типа художественных тканей: бумажные и полушелковые ткани с полосатым рисунком и так называемые «абровые» ткани с пестрым узором с расплывчатыми контурами.

Из полосатых тканей в наши дни особенно популярен бекасаб—ткань с шелковой основой и бумажным утком. В основу его орнаментации легли старые ферганские (ходжентские) узоры и расцветки с их холодноватым колоритом, в котором сочетаются как основные тона фиолетовый и зеленый с белым, в небольших пропорциях входит также малиновый, а иногда и желтый. Синие и темно-зеленые бекасабы распространены в Фергане и Ташкенте.

Абровая ткань получается способом перевязки и последовательного окрашивания нитей основы. Среди пестрых абровых тканей в наши дни особенной любовью у узбекского населения пользуется хан-атлас. Его узоры многочисленны и постоянно обновляются. Они представляют собой сильно вытянутые кусты или ветки, раппорт которых так велик, что в одежде, разрезаясь на части, узор теряет определенность формы, производя впечатление мягких разводов, не разбивающих фигуры человека.

Наиболее любимым, отличающимся высокими художественными достоинствами, является атлас «вороний» (*қарға*), колорит которого построен на сочетании черного или исчерна-синего узора с белым. Чрезвычайно распространен также атлас желтого тона, сочетающегося с зеленым, малиновым и черным.

В районах Бухарской и Сурхандарьинской областей предпочитают атласы, выполненные в красных тонах с темно-зелеными, белыми и желтыми узорами. Очень хороши атласы зеленого тона, которые, сочетаясь с белым и нередко обогащаясь введением второго оттенка зеленого цвета, дают ткань, изумительную по богатству и вместе с тем строгости колорита. Кроме атласа из абровых тканей, сейчас производится шелк типа канауса.

Одной из интереснейших отраслей местной ткацкой промышленности Узбекистана является выработка орнаментированных узорами абр шелковых покрывал, которые стяжали себе широкую известность и признание далеко за пределами республики. С художественной стороны они представляют собой большой интерес как своеобразные декоративные тканые панно, композиционно законченные, необычайно богатые по своему орнаментальному убранству и по исключительным колористическим качествам.

Большой известностью пользовались в прошлом бумажные кустарные ткани с набивным узором, отличавшиеся высокими художественными качествами. Искусство набойки сохраняло столетиями в нетронутом виде орнамент и особенности стиля. Мастера-набойщики (*читгар*) из года в год пользовались одними и теми же *қолип* (деревянными резными штампами, при помощи которых наносился узор на ткань), обычно переходившими по наследству.

Производство набойки народным мастером Абдураимом Абдугафуровым. Ташкент

Узбекская набойка характеризуется строгой и в то же время теплой гаммой. Обычно применяются лишь два цвета — черный и красный, которые хорошо гармонируют с кремоватым тоном хлопчатобумажной ткани, активно участвующим в орнаментальной композиции. Производились также многоцветные набойки, в которые вводятся зеленый, желтый и синие цвета.

Орнаментальные мотивы, встречающиеся в набойке, носят растительный характер; большое место занимают круглые розетки и геометрические фигуры или стилизованные изображения птиц.

В советское время тематика узоров набойки обогатилась новыми мотивами. Появились изображения цветов, листьев и раскрытых коробочек хлопка. В период строительства Большого Ферганского канала была создана композиция, посвященная этой народной стройке.

Работы узбекских мастеров-набойщиков не раз экспонировались на различных выставках и получили там высокую оценку.

Художественная вышивка является едва ли не самой распространенной и многообразной отраслью народного декоративного искусства Узбекистана. Художественная вышивка производится, можно сказать, в каждом узбекском доме. Узбекские вышивальщицы употребляют разнообразные швы: обычную гладь, гладь с прихватом (*босма*, *кандахаёл*), полукрест (*ироқы*), тамбурный шов (*цурма*) и др. В настоящее время вышивальщицы-художницы (Фазилят Саидалиева и др.) овладели техникой художественной глади, позволяющей создавать сложные сюжетные панно.

Различная вышивальная техника и назначение производимых в настоящее время вышивок позволяют выделить несколько связанных друг с другом и вместе с тем своеобразных отраслей этого искусства: искусство тематической сюжетной вышивки, зародившееся в советскую эпоху; вышивание крупных декоративных панно-сюзани как ручных, так и машинных; производство разнообразных предметов нового быта — купонов для одежды, скатертей, дорожек, орнаментируемых в национальном стиле техникой басма; производство так называемых «ковровых» вышивок, выполняемых швом ироки, орнаментация тюбетеек, являющаяся в наши дни одним из наиболее развитых и массовых видов вышивального искусства; и наконец, золотое шитье.

Производство декоративных настенных вышивок имеет очень древние традиции, связанные с народным бытом. Ими украшали стены жилища, покрывали сложенную на день стопкой постель или завешивали стенные ниши. Во время свадебных обрядов комната и постель новобрачных сплошь убирались вышивками. Сюзани выполнялись ручным способом,

большей частью иглой; в некоторых местах(Бухара) применялся также тамбурный крючок. При тамбурном шитье ткань натягивали на пяльцы. Иглой вышивали без пялец.

В этом древнем искусстве сложились свои традиции, выработались локальные стили. Основными центрами производства декоративных вышивок были крупные города Узбекистана.

Узбекская вышивка характеризуется крупными сплошь зашитыми орнаментальными мотивами. В узорах ташкентских и самаркандских вышивок выступают большие красные круги в лиственном обрамлении. Бухарским вышивкам более свойствен цветочный орнамент, выполняемый тамбурным швом, который сообщает особую игру и переливы шелку.

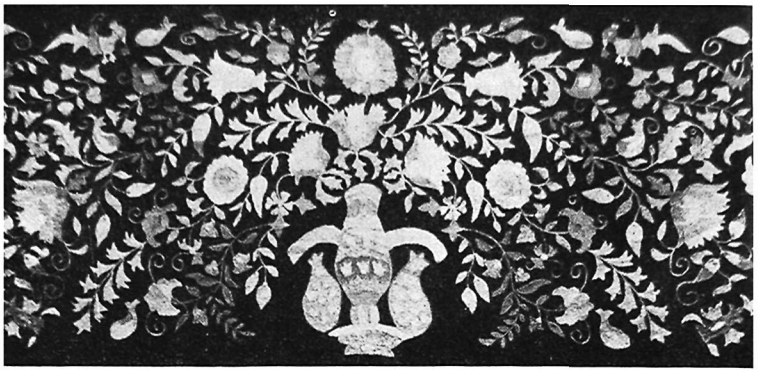
Машинная художественная вышивка сюзани. Фергана

В настоящее время широкое развитие получила в Узбекистане машинная декоративная вышивка. В вышивальное производство вовлечены многочисленные кадры узбечек. Свыше 2 тыс. вышивальщиц работают в цехах машинной тамбурной вышивки художественных предприятий Узбекистана. Народные мастера и художники работают над улучшением качества машинных вышивок, создаются новые узоры, улучшается цветовая гамма. Но широкое распространение машинной вышивки не означает полного прекращения ручного вышивания при изготовлении крупных декоративных вышивок. В настоящее время во всех областях республики предприятия художественной промышленности наряду с машинными вышивками изготавливают художественные изделия, выполненные ручным швом. Выпуском таких изделий занимается ташкентская мастерская «Шарк-гули», самаркандская — «Труд женщины», андижанская — «Михнат-гули».

Поиски новых путей в развитии узбекской художественной вышивки направлены и в сторону создания тематических вышитых панно.

Наиболее развитой отраслью вышивального искусства, переживающей в наши дни подлинный расцвет, является украшение тюбетеек. Как и в других видах прикладного декоративного искусства, в производстве тюбетеек выработались определенные типы, характерные для различных районов. В настоящее время они далеко перешагнули границы своих районов и распространились не только по всему Узбекистану, но и за его пределами. По всему Узбекистану распространилась чустская тюбетейка, известная под названием *тусдўппи*. Она характеризуется строгой графичностью, контрастным сочетанием черного фона с тонким белым орнаментом, основным элементом которого является «перец».

Тюбетейки *чакматўр* отличаются ярким многокрасочным орнаментом, обычно имеющим вид кустиков. Фон из темной ткани покрывается сеточкой, образованной мелкими, чуть удлиненными стежками белого шелка.



Ручная вышивка. Работа самаркандской мастерской «Труд женщины»

Мотивы узоров тюбетеек чакматур очень разнообразны. Они варьируют не только в различных районах, но и в индивидуальном творчестве мастериц.

В Шахрисябзе производится тюбетейка, сплошь заполненная богатым, ярким узором, выполненным крестом или полукрестом.

В ряде районов (Карши, Байсун, Челек и др.) изготовляют тюбетейку *пилтадузи*, орнамент которой шьется гладью по простеганной ребристой поверхности. Стиль орнаментации этой тюбетейки своеобразен. В нем преобладают прямые линии и некоторая угловатость, сообщающие ему архаический характер. В вышивке тюбетеек мастера быстро и умело отражают новые явления жизни. Существуют узоры «канал», «самолет», «парашют» и др., органически вошедшие в орнамент вышивки.

Ни об одной из отраслей вышивального искусства Узбекистана не имеется столь ранних и многочисленных сведений, как о пышном искусстве золотого шитья. В последние века искусство золотого шитья сохранялось в Бухаре, где до революции производство золотошвейных изделий было сосредоточено в специальных дворцовых мастерских. Искусство золотого шитья успешно продолжают современные мастера, работающие на предприятиях художественной промышленности.

Вышивка золотом бывает двух родов: *заминдузи* — со сплошной зашивкой узора и фона и *гулдузи* — шитье по рисунку, вырезанному из толстой бумаги или картона, который накладывается на ткань и сплошь застилается золотой нитью. Орнамент золотошвейных изделий в основном носит растительный характер. В настоящее время он обогатился новыми мотивами (пятиконечная звезда, коробочка хлопка и др.).

Наиболее массовым видом золотошвейных изделий являются тюбетейки; орнаменты и композиции их чрезвычайно разнообразны. Помимо бытовых изделий, мастера-золотошвеи создают большие декоративные панно. К числу наиболее выдающихся работ мастеров-золотошвеев принадлежит парадный занавес, выполненный для театра им. Навои, и ряд крупных панно: «Союз нерушимый», «Праздник урожая » и др. В осуществлении этих работ принимали непосредственное участие такие прославленные мастера-золотошвеи, как Нугман Аминов, Сайфиддин Сагдуллаев, Рахмат Мирзоев, Гулям Мухаммедов, Зульфия Халбаева и др.

Одной из областей широкого применения орнамента в быту узбеков является узорная тесьма, которая бывает нескольких видов. Некоторые виды орнаментируются при самом процессе их плетения или тканья, другие представляют собой гладкую полосочку, покрытую вышивкой.

Декоративная вышивка «сузани». Узбекистан

1

2

3

Современная вышивка

1, 2 — вышивка на вешевых сумках «мапрамач». Южный Узбекистан; *3* — современная машинная художественная вышивка. Ташкент

Исключительное богатство узоров, разнообразие композиционных приемов, применяемых при орнаментации, так же, как и разработанность сложной техники, свидетельствуют о глубоких древних традициях отделочного искусства, которое тесно связано с ткацким и вышивальным искусством Узбекистана.

Ковроделие республики, имевшее в прошлом довольно значительное распространение в отдельных районах (сельские районы Андижана, Самарканда, Кашка-Дарьи), в данное время среди сельского населения намного сократилось, но зато развивается в городах, в крупных ковровых цехах промышленных предприятий (Хива, Самарканд, Андижан), где изготовляются ворсовые ковры и безворсовые паласы. Раньше большой известностью пользовались узбекские высоковорсные ковры *жулхирс*, вырабатывавшиеся в Самаркандской области; они имели крупный очень декоративный рисунок на ярко-красном фоне.

Тканье ковра с орнаментом «кирки» в ковроткацкой мастерской «Родина». Термез

Цветовая гамма узбекских ковров включает в себя семь—девять цветов. Преобладает большей частью красный самых различных оттенков, что характерно для всех среднеазиатских ковров вообще.

Типичны ковровые композиции с рядами медальонов на центральном поле; иногда вместо медальонов в том же строго ритмичном порядке используются другие орнаментальные фигуры, которые свободно располагаются на центральном поле ковра.

В узбекском ковроделии используются как свои местные традиционные узоры, так и новые, созданные художниками; распространены и узоры ковров Туркмении, популярных у узбеков и русских. Их производство сейчас освоено многими ковроткацкими цехами предприятий местной художественной промышленности. Такие ковры изготовляются преимущественно крупного размера.

Помимо широкого освоения узбекским ковроделием сложных узоров и крайне трудоемкой техники туркменского ковра, новшеством является разработка новых мотивов и композиций, в том числе и сюжетных (узоры, изображающие хлопок, ковер с изображением голубя и т. п.).

В старых узбекских ковродельческих районах ковровые изделия и сейчас изготовляют в семьях, для себя. Обычно это мелкие сравнительно вещи, нужные в домашнем обиходе. Среди них художественными качествами обладают переметные сумы, в композиции и орнаментальном убранстве которых выявляются исключительное богатство форм и расцветок, многообразие технических приемов (например, сочетание ковровой и паласной техники). В традиционном стиле вырабатываются безворсные ковры-паласы

из шерстяной ткани, нередко прекрасной расцветки в полосатый узор красного, желтого, иногда синего цветов; используются и естественные цвета шерсти — черный, коричневый, серый и белый. Применялась и более сложная орнаментация, дающая тканый узор (*гажари* и *бешкашта*). Техникой гаджари хорошо владели ткачихи Хорезма, техника бешкашта была распространена у узбеков Самаркандской области.

Таким образом, в современном изобразительном искусстве узбеков древнее декоративно-прикладное искусство во многих его отраслях живет и развивается, составляя вклад узбекского народа в многонациональную советскую художественную культуру.

Это древнее искусство узбеков представлено рядом отраслей, которые развиваются на базе богатых традиций, выработанных в продолжении многих веков.

Важным вопросом дальнейшего развития этого национального искусства является подготовка новых кадров. Они готовятся в порядке личного ученичества у лучших мастеров старшего поколения в разнообразных отраслях художественной промышленности. Кроме того, художников-орнаменталистов готовят также специальные учебные заведения. В 1935 г. в Узбекистане был создан художественный учебно-производственный комбинат с восемью отделениями по основным ведущим отраслям декоративного искусства. Теперь подготовкой кадров занимается созданное в 1952 г. при Ташкентском художественном училище имени П. П. Бенькова отделение прикладного искусства с несколькими специальными мастерскими: резьбы и росписи по дереву, резьбы по ганчу, керамики, а также организованная в системе местной промышленности Узбекистана профтехшкола, обучающая резьбе и чеканки по металлу, ювелирному делу, шелкоткачеству и ковроткачеству.

* * *

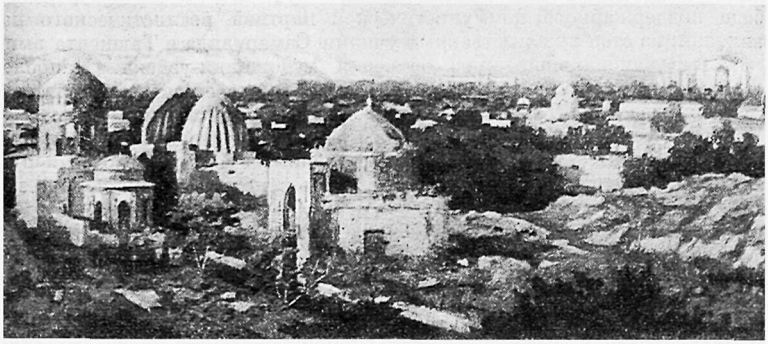
В недалеком прошлом все творчество узбеков-художников в области пластики ограничивалось народно-декоративным искусством. Сейчас развиваются новые виды изобразительного искусства — станковая живопись, графика, скульптура и др.

Впервые с этими видами искусства узбеки познакомились после присоединения Средней Азии к России, когда в Туркестане появились первые русские художники, отразившие в своих произведениях местную природу, архитектуру, быт и людей.

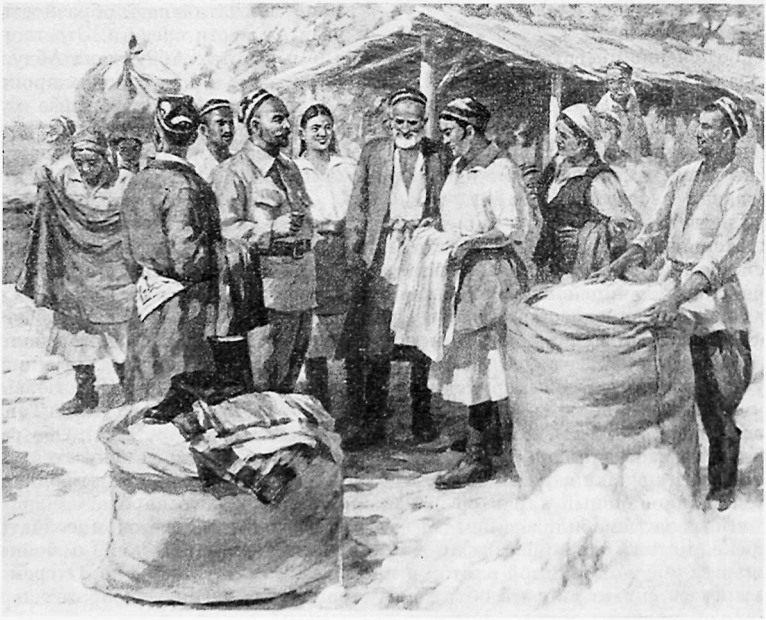
Творчество русских художников (В. Верещагина, Н. Каразина, О. Федченко, С. Юдина, а затем С. Светославского, А. Зоммера, С. Дудина, И. Казакова, Л. Буре и др.) было проводником прогрессивных идей. Русское демократическое искусство в целом сыграло в Туркестане важную роль, вызвав большой интерес среди населения. Но в силу запретов ислама изобразительные мотивы с трудом проникали в роспись жилищ и ремесло. Художников-узбеков, владеющих приемами современной живописи, не говоря уже о скульптуре, не было. Нужны были крупные социальные перемены для того, чтобы узбекское искусство вышло из круга традиционных образов.

Ныне в Узбекистане возрождена скульптура, создана станковая живопись, развиваются новые виды графики; разнообразные новые жанры (историко-революционная и бытовая картина, пейзаж).

Уже в первые дни культурной революции в Ташкенте была начата свободная запись в студии изобразительного искусства (1919 г.). Из сообщений печати того времени мы узнаем, что в эти студии пришли сотни узбеков с художественным дарованием— так велика была тяга к реалистическому изобразительному искусству. Однако дело осложнилось в связи с общим положением изобразительного искусства в первые годы



Худ. Рашид Тимуров. Самарканд



Худ. Лутфулла Абдуллаев. Премирование хлопкоробов

Советской власти. Реалистическое искусство подверглось ожесточенным нападкам со стороны приверженцев различных формалистических течений, проявившихся в Туркестанской республике в начале 1920-х годов.

Лишь в 30-х годах, когда в искусстве республики вполне определилась победа поддержанного коммунистической партией реалистического направления, из стен художественных училищ Самарканда и Ташкента вышли первые закончившие курс обучения художники-узбеки. Наиболее способные из них в дальнейшем совершенствовали свое мастерство в Москве и Ленинграде. В Ташкентском театрально-художественном институте и Педагогическом институте им. Низами преподавателями живописи и рисунка становятся узбеки. В числе их учеников сейчас имеются и русские и узбеки — это характерный показатель успехов интернационализма в области искусства.

В современной живописи художников-узбеков можно усмотреть несколько творческих течений, сливающихся в общем русле советского искусства. Одно из них можно назвать бытописанием. Это течение выросло из стремления части художников рассказать средствами реалистической живописи и рисунка о явлениях окружающей их жизни в их внешнем правдоподобии. В условиях культурной революции многие произведения этого рода—работы Сагдуллы Абдуллаева, Малика Набиева, Лутфуллы Абдуллаева и ранние работы Рахима Ахмедова — сыграли важную воспитательную роль.

Вместе с ростом художественной культуры масс и совершенствованием мастерства самих художников на первый план выдвинулось другое течение. Его творческая сущность—в яркой, впечатляющей образности, идейной глубине и художественной изобразительности средств. Это творческое течение представлено наиболее зримо в работах Абдулхака Абдуллаева, Манона Саидова, Закира Иногамова, а также в ряде лучших произведений Рахима Ахмедова и Лутфуллы Абдуллаева. Все они разные художники, творческая индивидуальность каждого своеобразна, но их объединяет активный взгляд на жизнь, творческий темперамент, поиски художественного выражения идей советской эпохи, правды, почерпнутой из жизни своего народа.

Третье творческое течение можно назвать романтическим. Его отличительная черта — поэтическая приподнятость, повышенная эмоциональность, а иногда и преобладание замысла, воображения над натурой. Представительницей этого течения была Шамсрой Хасанова.

Один из наиболее даровитых художников-узбеков — Лутфулла Абдуллаев, народный художник Узбекской ССР (род. в 1912 г.) — автор большого числа произведений живописи, плаката и книжной иллюстрации. Лучшие из его работ — картина «Встреча демобилизованных» (1947 г.), выполненная с большим чувством времени, и портрет народного певца Ташмухамедова (1938 г.), исполненный человечности и достоинства. Обе работы написаны в плане традиций русского реалистического искусства, но в типаже, сценах, в понимании художником действительности проявляются национальный характер и психология узбекского народа.

«Встреча демобилизованных» — это слово поэта о советском солдате-узбеке, мотив, близкий стихам Хамида Алимджана (1943 г.), о бойце, снявшем поясной цветной платок и надевшем походную шинель. Отгремела гроза и солдат снова в объятиях старика-отца. В ярких образах персонажей картины зритель видит приметы мира и счастья.

Абдулхак Абдуллаев, заслуженный деятель искусств Узбекской ССР (род. в 1918 г.),— признанный портретист, убежденный последователь школы Репина. Лучшее из его произведений — портрет узбекского писателя Айбека (1949 г.) — можно считать программным. Темперамент, страстность волевого характера, интеллект — для художника главное

в натуре. Таким видит он и актера А. Хидоятова в роли исступленного в своем чувстве Отелло. В портретах Абдулхака Абдуллаева напряженная деятельность мысли, динамика душевной жизни изображаемого лица, известный драматизм полны острого чувства современности. В последних работах художника больше уравновешенности, лиризма, поисков эффектов освещения на воздухе («Большая семья», «Девушка в саду»).

Худ. Абдулхак Абдуллаев. Портрет узбекского писателя Айбека

Рахим Ахмедов (род. в 1924 г.) получил высшее художественное образование в Институте им. И. Е. Репина (Ленинград). Он автор серии замечательных, отмеченных большой оригинальностью портретов людей из народа. Мастерски написаны им: «Чабан» (1953 г.), портреты народного музыканта А. Умурзакова (1957 г.) и старика-колхозника (1956 г.). Особенное впечатление производит его «Материнское раздумье». Этот как бы двойник прекрасных стихов Айбека военных лет о старухе-матери, проводившей на фронт пятерых сыновей («Хмурясь, в мрак она смотрит до боли в очах...»). В работах Р. Ахмедова последних лет рисунок обретает не свойственную ему ранее живописность.

Закир Иногамов (род. в 1919 г.) — художник разностороннего живописного дарования. Он любит сцены народной жизни и пишет больше всего то, что его окружает каждодневно в быту. Его манера письма простая и задушевная. Он предпочитает уравновешенность и гармонию. Особенно удаются ему народные типы: «Парикмахер на полевом стане» (1957 г.), «Керосинщик» (1958 г.), «Чайханщик» (1958 г.) написаны с юмором, но без утрировки. Это придает им жизненную убедительность и достоверность. Живописи Иногамова свойственна сдержанность; композиции у него строятся по принципу четкого, последовательного развертывания плана; этому соответствует в лучших его работах внутренняя стройность живописных образов.

Манон Саидов (род. в 1923 г.), как и Р. Ахмедов,— воспитанник Института им. Репина. Его картины «Норму не сдал» (1953 г.), «Приезд М. И. Калинина в Самарканд в 1924 г.» (1957 г.), «Подруги» (1958 г.) — вехи только начатого пути. Художник относится к натуре не безучастно, он пытлив и эмоционален.

Шамсрой Хасанова (1917—1956 гг.) — первая узбечка-живописец. Ей принадлежат оригинальные, стилизованные в традиции средневековой живописи, портреты внучки Бабура, поэтессы Зебуниссы Бегим, кокандской поэтессы Увайси (1944 г.), поэтессы Камили (1947 г.) и др. В них

романтика театрализованной старины, однако без свойственной романтизму мистики, скорее — лирическая газель, поэтическая метафора на стихи поэтессы:

На челе твоем прекрасном брови — два высоких небосвода
Будто бьются два дракона у таинственного входа.

Джахан Увайси (первая пол. XIX в.)

Рашид Тимуров (род. в 1912 г.) — живописец, мастер лирического пейзажа. Его небольшие по размеру картины «Медресе Улугбека», «Колхозное стадо», «Весна» — это «пейзажи настроений». Общий колорит Рашида Тимурова светлый, выдержан в приглушенных сочетаниях серого, лилового и желтого тонов. Художник любит гармонию серебристо-жемчужных и лазурно-перламутровых красок, соотношение однородных красочных пятен различной световой силы. Его пейзажи интимны, согреты теплотою чувства. Такое живописное восприятие окружающего мира нашло отражение и в современной узбекской поэзии, например, в стихах поэтессы Зульфии.

Здесь названы немногие широко известные живописцы. Но немало и других художников-узбеков совершенствует свое искусство. Среди них следует назвать Героя Советского Союза живописца Самыга Абдуллаева, живописцев Сафо Мухамедова(род. 1914 г.), Нигмата Кузыбаева (род. в 1929 г.), Хикмата Рахманова (род. в 1914 г.), Шогияса Исмаилова (род. в 1939 г.), Хакима Артыкова (род. в 1915 г.), Вахида Адылова (род. в 1916 г.), Кадыра Азизходжаева (род. в 1913 г.). Работы многих из них экспонировались на республиканских и союзных выставках.

Художников-скульпторов из числа узбеков в республике не столь много. Но успехи их ощутимы, особенно в творчестве Мухтара Мусабаева (род. в 1929 г.), Анвара Рахматуллаева (род. в 1936 г.), Кадыра Салахитдинова, Асульбека Таирова, Хаким-Ходжа Хуснуддинходжаева. Работы их в большинстве камерные.

В графике и художественном оформлении книги особенно значимо творчество народного художника Узбекской ССР Искандера Икрамова (род. в 1904 г.), из молодых иллюстраторов — Махмуда Джураева (род. в 1932 г.), в театрально-декоративном искусстве — народного художника УзССР Хамидуллы Икрамова (род. в 1909 г.), художников театра Мели Мусаева, Абдуллы Валиева (род. в 1918 г.), Хадичи Ибрагимовой (род. в 1935 г.) и др.

Не забыты имена ушедших художников — Акрама Ташкенбаева, увлекавшегося поисками «материальности» в живописи, и Бахрама Хамдами —очень одаренного живописца, графика и театрального художника.

Творчество художников-узбеков неотделимо от творчества художников других национальностей. Крупнейший живописец, народный художник Узбекской ССР, член-корр. Академии Художеств СССР Урал Тансыкбаев — казах, самаркандский пейзажист Шараф Разыков — таджик, мастер жанровой живописи В. И. Урманче, живописец Кязим Эминов и график Анвар Назыров — татары, народные художники Узбекской ССР О. К. Татевосьян и Н. Г. Карахан — армяне. Рядом с ними стоят имена местных русских художников, заслуженных деятелей искусства Узбекской ССР П. П. Бенькова (1879—1949 гг.), З. М. Ковалевской (род. в 1902 г.), Н. В. Кашиной (род. в 1896 г.), народных художников Узбекистана В. Е. Кайдалова (род. в 1907 г.), В. И. Уфимцева (род. в 1899 г.) и др. Все они внесли и вносят свой большой вклад в развитие современного узбекского искусства.

Изобразительное искусство художников-узбеков развивается целиком в русле реалистического направления. Оно верно традициям русского демократического искусства и следует его завоеваниям. В арсенале средств современного узбекского изобразительного искусства и собственное бо-

гатое художественное наследие, и опыт изучаемой мировой художественной культуры. Художники-узбеки глубоко увлечены современностью и в лучших своих произведениях не только отображают природу и внешний облик людей эпохи социализма, но и раскрывают бытие, чувства и ощущения современника языком волнующих зрителя образов.

Изобразительное искусство узбеков развивается стремительно. Оно черпает свое содержание из жизни всего советского народа, но имеет и свое неповторимое и характерное звучание. Своими мотивами оно во многом близко современной узбекской поэзии. И это верный показатель органического единства узбекской художественной культуры.

Современное узбекское изобразительное искусство — закономерное следствие социального и культурного раскрепощения узбекского народа, результат сравнительно короткого во времени, но плодотворного развития его на путях прогресса социалистической нации.

КАРАКАЛПАКИ

Каракалпаки — тюркоязычный народ, сформировавшийся в условиях советского общества в социалистическую нацию; называют себя *қарақалпақ*. Под этим названием они известны в исторических источниках и у соседних народов. В живой речи и фольклоре часто встречаются варианты самоназвания *қаралпақ* и *қалпақ*.

Кара-Калпакская Автономная Советская Социалистическая Республика входит в состав Узбекской ССР. Ее обширная территория (165,6 тыс. кв. км) охватывает восточную часть Хорезмского оазиса, дельту Аму-Дарьи, *южное побережье Аральского моря*, восточную половину плато Устюрт и прилегающую к Хорезмскому оазису часть пустыни Кызылкум.

Территория Кара-Калпакии представляет собой плоскую равнину, понижающуюся к Аральскому морю и пересекаемую в отдельных местах небольшими хребтами (Султан-Уиз-Даг) и возвышенностями (Бельтау, Кушканатау, Кубатау и др.). На северо-западных окраинах республики возвышаются крутые обрывистые склоны («чинки») плато Устюрт. Равнинная часть территории Кара-Калпакии в среднем возвышается на 150—220 м над уровнем моря, высота отдельных хребтов и возвышенностей достигает 485 м.

Общая численность каракалпаков в СССР, по данным переписи 1959 г., составляет 172,6 тыс. человек, из них 156 тыс. живет в Кара-Калпакской АССР; значительные группы их живут в разных областях Узбекской ССР: в Бухарской области (5950 человек), в Ферганской долине (4704 человека), в Хорезмской области (523 человека) и небольшое число в долине Зеравшана (Самаркандская область). За пределами Узбекистана каракалпаков более всего в Туркменской ССР (2548 человек, главным образом в Ташаузской области). Небольшие группы их имеются также в Казахстане и Киргизии.

В Ферганской долине и Самаркандской области каракалпаки все больше утрачивают свое национальное самосознание и постепенно сливаются с узбеками. Более устойчиво сохраняются национальные черты культуры и быта у каракалпаков Кенимехского района Бухарской области.

Вне пределов СССР около двух тыс. каракалпаков живет на территории Афганистана.

Кара-Калпакская АССР делится на 9 административных районов: на левом берегу Аму-Дарьи расположены (с юга на север) Аму-Дарьинский, Ходжейлинский и Кунградский районы; на правом — Турткульский, Бируниийский, Кегейлинский, Чимбайский и Тахта-Купырский районы; северная часть дельты Аму-Дарьи, приморская полоса и острова

Аральского моря, относящиеся к Кара-Калпакии, входят в состав Муйнакского района.

Столица Кара-Калпакской АССР—г. Нукус (39 тыс. жителей) расположен в 8 км от правого берега Аму-Дарьи, в месте начала ее дельты, на крупном магистральном канале Кыз-Кеткен.

Помимо Нукуса, в Кара-Калпакии есть старые города —Чимбай, Ходжейли, Кунград, и новые, созданные, как и Нукус, за годы Советской власти: новый Турткуль, Тахиа-Таш, новый город Ходжейли, строящийся близ железной дороги. Много также больших поселков городского типа. На севере республики, на полуострове Муйнак (б. Токмак-ата), расположен крупный рабочий поселок городского типа — Муйнак, центр рыбной промышленности южного побережья Аральского моря.

Обширные пространства Кара-Калпакии заселены слабо. Общая численность населения в республике — 510,1 тыс. человек, а средняя плотность его — три человека на 1 кв. км. Однако в наиболее густозаселенных южных районах плотность населения достигает 25—30 человек на 1 кв. км. В то же время в пустынной зоне она не везде достигает и 0,5 человека на 1 кв. км.

Каракалпакское население расселено по территории республики неравномерно. Основная масса каракалпаков занимает территорию северных правобережных районов республики и район дельты Аму-Дарьи. В этих районах сосредоточено свыше 87% каракалпаков, проживающих в Кара-Калпакской АССР, и 79% всех каракалпаков учтенных на территории Средней Азии.

В южных районах каракалпаки составляют меньшинство: здесь преобладают узбеки, казахи и имеется значительная группа туркмен. В западных и восточных, граничащих с пустынями районах живет также много казахов. В Кунградском районе по соседству с каракалпаками живет группа северо-хорезмских узбеков, называвшаяся раньше «аральцами», этнически и исторически близких каракалпакам. На левом берегу есть также несколько корейских селений. Русское и украинское население сконцентрировано преимущественно в городах; исключение составляют так называемые «уральцы» — потомки переселенных в низовья Аму-Дарьи в 1875 г. уральских казаков-староверов, поселки которых есть в пригородах Нукуса, Кунграда, Муйнака и в сельских местностях южных районов.

У каракалпаков до недавнего времени сохранялись пережитки их прежнего деления на племена и роды.

Родоплеменная система каракалпаков характеризовалась делением всей совокупности их племен и родов на два основных разветвления — *арыс* (буквально «оглобля»): арыс *он-төрт уруў* (14 родов) и арыс *коңырат*. Арыс он-торт-уру располагался на правом берегу Аму-Дарьи, в бассейне протока Кегейли на территории нынешних Чимбайского и Кегейлинского районов. Это — группа племен, издавна занимавшихся преимущественно земледелием, а также скотоводством. Племена и роды арыса конграт были сосредоточены в северной части дельты, на землях, прилегающих к Аральскому морю, в нынешних Муйнакском, Тахта-Купырском, Кунградском районах и на островах Арала. Традиционными занятиями их были скотоводство и рыболовство, сочетавшиеся, однако, с земледелием.

В состав объединения он-торт-уру входили племена *қтай*, *қыпшақ*, *кенегес* и *манғыт*. Арыс конграт делился на две части: *шуллуқ* и *жаўынғыр*. В шуллуке объединялось восемь племен: *ашамайлы*, *қолдаўлы*, *қостамғалы*, *балғалы*, *қапдекли*, *қарамойын*, *қыят* и *муўйтен*. Жаунгыр было не племенным, а родовым объединением, включавшим семь родов. Каждый из родов в свою очередь делился на более мелкие группы.

Названия многих каракалпакских родов отражают их этническую историю, совпадая с наименованиями давно исчезнувших племен и народов,

участвовавших на протяжении многих веков в формировании этнической общности каракалпаков.

До Октябрьской революции большинство таких родовых групп было обособлено, занимало определенные территории, имело свои оросительные каналы и пастбищные угодья. В быту их сохранялось множество древних пережитков общинно-родового строя. В условиях советского строя родовые пережитки постепенно исчезали и в настоящее время прежние родоплеменные группы приобрели характер этнографических групп каракалпакского народа, утративших былые традиции рода в своей хозяйственной и общественной жизни и сохранивших лишь некоторые этнографические особенности, все более стирающиеся в процессе развития каракалпакской социалистической нации.

В антропологическом отношении каракалпаки изучены недостаточно, поэтому характеристика их может быть дана только в самой общей форме.

В общем каракалпаки мало отличаются от казахов и от наиболее монголоидных групп узбеков, например от мангытов Хорезма или от кураминцев. Признаки монголоидной расы ясно выражены, но нет сомнения и в наличии значительной примеси европеоидных элементов. Территориально обособленная группа каракалпаков Ферганской долины выявляет примесь европеоидного элемента в несколько большей мере, чем основная масса каракалпакского народа. У группы ферганских каракалпаков лицо несколько менее широкое, но карие глаза встречаются нисколько не реже. Поэтому можно полагать, что европеоидные особенности связаны с участием типа Среднеазиатского междуречья. По всей вероятности, этот тип, хотя и в меньшем числе, имеется и в составе основной массы каракалпаков. Что касается южносибирского, т. е. монголоидного, типа, смешанного с древними андроновцами, то наличие его вполне вероятно.

Язык каракалпаков относится к кыпчакско-ногайской подгруппе кыпчакских языков, входящих в западную ветвь тюркских языков (см. стр. 126 сл).

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Процесс формирования каракалпакского народа из различных племен и народностей древности и средневековья происходил на территории Приаралья и был тесно связан с этногенезом других тюркоязычных народов Средней Азии, в первую очередь казахов и узбеков. Древнейшими из племен, принявших, по всей вероятности, участие в этногенезе каракалпаков, были жившие у южных берегов Аральского моря в первых веках до нашей эры апасиаки, аугасии, и некоторые другие, входившие в сако-массагетскую конфедерацию племена, упоминаемые древними авторами (см. стр. 84).

Археологические раскопки памятников культуры этих племен, проводившиеся в последние годы Хорезмской экспедицией Академии наук СССР, позволяют определить своеобразные черты их хозяйственной жизни, некоторые элементы материальной и духовной культуры. Апасиаки занимались земледелием, скотоводством, рыболовством и ремеслами (гончарство, кузнечное, ювелирное и др.). Под посевы использовались не только каирные влажные земли дельт Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, но и более засушливые территории, орошаемые при помощи каналов. Наряду с остатками временных кочевых жилищ археологи обнаружили полуоседлые сельские поселения апасиаков, укрепленные крепостными стенами городские поселения (Чирик-Рабат, Бабиш-Мулла, Баланды), курганы и величественные погребальные сооружения из сырцового кирпича и пахсы.

Некоторые произведения каракалпакского эпоса (эпическая поэма «Кырк кыз») до сих пор сохранили следы архаических традиций этой отдаленной эпохи — столь характерных для сако-массагетских племен пережитков матриархата, древних обычаев их семейно-бытового уклада и верований.

На этнической базе сако-массагетских племен, в результате частичного смешения их с нахлынувшими в приаральские степи с востока гуннами (конец II в. до н. э.—IV в. н. э.), а затем тюрками (VI—VIII вв.), формировались раннесредневековые народы Приаралья—печенеги и огузы. Доказано, что эти этнонимы имеют преемственную связь с именами древних апасиаков и аугасиев (см. стр. 78). Эта преемственность наблюдается в хозяйстве и культуре аугасиев и огузов при археологическом изучении их городищ, расположенных на побережье Аральского моря, между устьями Сыр-Дарьи и ныне пересохшей Кувандарьи. Подобно томукак сако-массагетские племена были связаны с населением и культурой могущественных государств, возникавших на территории древнего Хорезма (см. стр. 52), так и средневековые огузы и печенеги находились под сильным политическим влиянием Хорезма и воздействием хорезмской цивилизации, сохраняя вместе с тем своеобразие комплексной скотоводческо-рыболовно-земледельческой культуры и полуоседлого образа жизни.

В этногенезе печенегов, по сравнению с огузами, большую роль играли угорские элементы — племена Урала, вошедшие впоследствии в состав башкирского и других народов; язык печенегов был близок к булгарскому и суварскому — древним тюркским языкам и отличался от более развитого тюркского — огузского (см. стр. 116).

В X в. государство огузов было весьма обширным — на юго-востоке оно граничило с областями Тараза (Джамбул) и Чача (Ташкент), а на западе охватывало часть плато Устюрт и граничило с владениями хазар. Во главе Огузского союза стоял правитель — ябгу, резиденцией которого был г. Янгикент в низовьях Сыр-Дарьи (современные развалины Джанкент близ Казалинска).

Племена печенегов и огузов VIII—XI вв. были той этнической средой, в которой началось формирование собственно каракалпакской народности. Однако огузы, оказав значительное влияние на этногенез каракалпаков, в основном вошли в состав туркменского народа.

К государству огузов примыкали владения Печенежского племенного союза; восточные группы составлявших его племен были тесно связаны с огузами, входя даже частично в их государство; до конца IX в. территория печенегов простиралась от Урала, доходила до Волги и граничила с владениями мадьяров. В начале X в. огузы («узы» или «торки» русских летописей), объединившиеся с хазарами, вытеснили западную часть печенежских племен, хлынувших в южнорусские степи. Постепенно печенеги заняли обширные пространства юга Киевской Руси от Хазарского каганата до Византии. Оставшиеся на территории Приаралья восточные печенеги, называемые в исторических источниках «тюркскими» (в отличие от западных — «хазарских»), прочно объединились с огузами и в дальнейших исторических событиях неизменно выступали на политической арене совместно с «торками» на их стороне, даже в тех случаях, когда последние вступали в борьбу с родственным им западным ответвлением Печенежского союза племен.

Именно эта группа восточных печенегов, связавшая свои судьбы с огузами, по мнению современных исследователей (П. П. Иванова, С. П. Толстова и др.), стала основой формирования каракалпакской народности. Предания каракалпаков свидетельствуют о совместной с огузами жизни в областях Приаралья и об участии некоторых групп каракалпаков в грандиозном сельджукском движении XI в. из бассейна Сыр-Дарьи через Хорезм и Нуратинские горы на юго-запад, в нынешнюю Туркмению,

Хорасан и Малую Азию. В материальной культуре и искусстве потомков огузов — туркмен сохранилось много общих черт с каракалпакской культурой.

В XI в. государство огузов подверглось завоеванию многочисленного тюркоязычного народа, выделившегося из среды кимакских племен,— кыпчаков, пришедших из Сибири, с бассейна Иртыша; под натиском кыпчаков (половцев, команов) часть огузов и объединившихся с ними восточных печенегов продвинулась в пределы Киевской Руси и поселилась в бассейне р. Рось (приток Днепра). В XII в. впервые появляется в русских летописях в применении к этим поселенцам этноним «каракалпаки» в форме «черные клобуки» — так переводил летописец тюркские слова «каракалпак», буквально — «черная шапка». «Черные клобуки» вступили в договорные отношения с русскими князьями, получив от них пограничные земли для поселения под условием защиты границ Руси от половцев. «Черные клобуки» постоянно упоминаются в летописях; они активно участвовали в политической жизни Киевской Руси, и, входя в состав ее населения, по выражению летописца, становились «своими» на этой новой для них родине. В том же XII в. этнический термин «каракалпак» появляется и в Приаралье, где он применялся, очевидно, по отношению к оставшимся там восточнопеченежским племенам. В состав Кыпчакского союза, включавшего в свою территорию бывшие огузские владения, входило племя кара-бёркли; этот этноним идентичен названию «каракалпак».

Современные исследователи предполагают, что этноним «каракалпак» («черные клобуки», «кара-бёркли»)—кыпчакский термин, применявшийся пришельцами из Прииртышья к огузско-печенежским племенам завоеванного ими Приаралья и бассейна нижней Сыр-Дарьи и вызванный типом и цветом их головных уборов; от половцев заимствовало этот этноним, по всей вероятности, и население Киевской Руси.

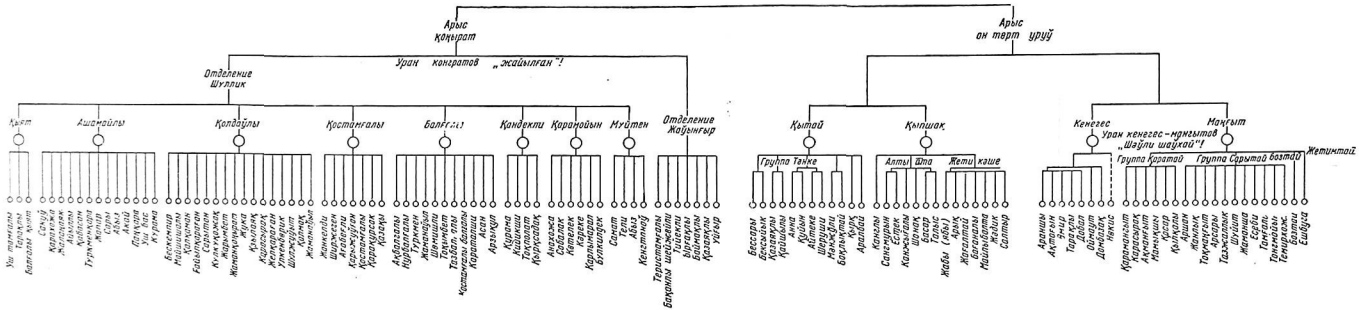
В составе Кыпчакского союза определился не только этноним каракалпаков, но и их язык; они восприняли язык завоевателей — кыпчаков.

Свидетельством связи каракалпакского этногенеза с родоплеменными союзами степей Приаралья XII—XIII вв. является тот факт, что одним из многочисленных каракалпакских племен в XIX — начале XX в. было племя кыпчак, с родом печенежского происхождения — канглы. Эти же этнонимы сохранились в родоплеменной структуре узбеков, казахов и других тюркоязычных народов, формирование которых было связано с одной эпохой, территорией и этнической средой.

В XIII в. консолидирующиеся племена каракалпаков были завоеваны монголами, разделив судьбы народов Средней Азии и Восточной Европы, в том числе своих собратьев «черных клобуков», жителей Руси.

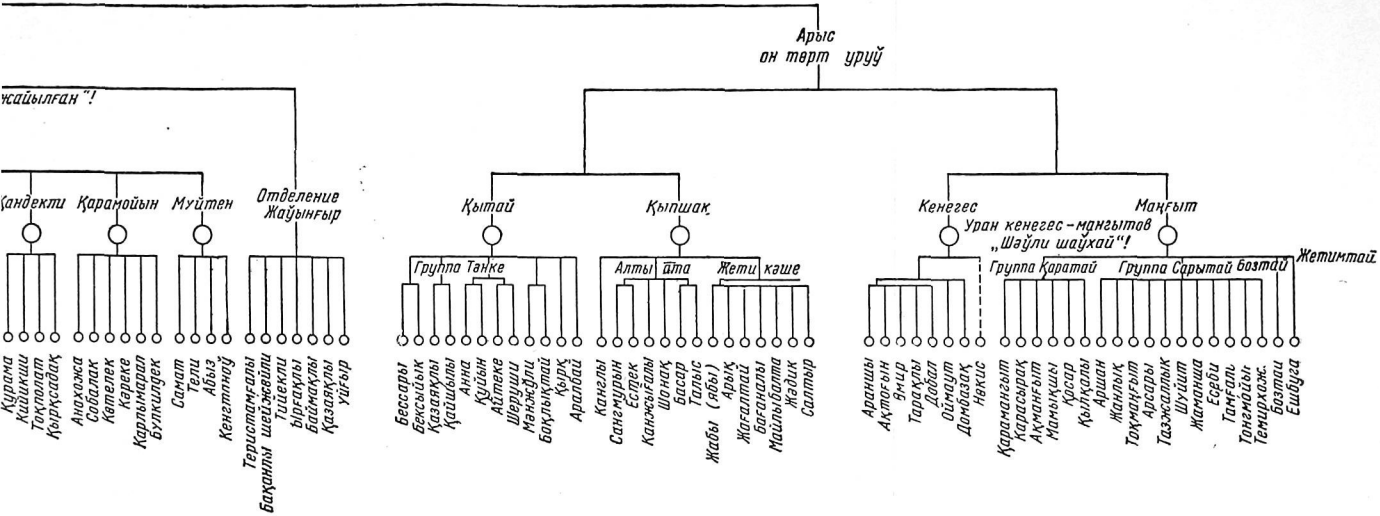
Пребывание каракалпаков в составе Монгольской империи отразилось на их родоплеменном составе, включающем множество племен и родов с названиями монгольского происхождения (кунграт, кият, мангыт и др.). Однако не всегда монгольское наименование свидетельствует о монгольском же происхождении. Известно, что население монгольских улусов, в особенности улуса Джучи, в который входили области Приаралья, было в основном тюркоязычным по своему составу; монголы представляли здесь лишь незначительную прослойку знати и войска. Остатками зависимых от монгольских нойонов тюркских племен с монгольскими названиями и были, вероятно, многие из каракалпакских и других тюркоязычных племен Средней Азии, сохранивших до XIX — начала XX в. монгольские этнонимы.

Скудость источников не дает возможности проследить исторические судьбы каракалпаков в послемонгольский период, когда разгромленная Тимуром (конец XIV в.) Золотая Орда распалась на несколько самостоятельных владений, в числе которых наиболее значительными были Ногайское и Узбекское ханства. Однако лингвистические данные и уже



Родоплеменная структура каракалпаков

Родоплеменная структура каракалпаков



Родоплеменная структура каракалпаков

освещенные источниками события более позднего периода (XVII в.) неоспоримо доказывают факт вхождения каракалпакских племен в состав Ногайского ханства.

Из всех тюркских языков каракалпакский язык наиболее близок ногайскому (см. стр. 127). Все предания каракалпаков упоминают в качестве районов их обитания в прошлом наряду с низовьями Сыр-Дарьи области, входившие в пределы Ногайского ханства,— «Едиль» (Волгу), «Жаик» (Яик — р. Урал), а иногда и Крым. В каракалпакском фольклоре чрезвычайно силен так называемый «ногайский пласт», связанный с именами известных ногайских ханов и мурз (Эдигей, Орус, Ормамбет и др.). Наконец, в русских документах XVIII в. имеются указания на совместные военные действия каракалпаков и ногайцев Алтыульского улуса (располагавшегося на Яике). Совокупность этих данных позволяет установить, что каракалпаки в XV—XVI вв. входили в состав ногайцев. В рамках их политического объединения завершился процесс этногенеза каракалпаков, окончательно сформировался язык и основные черты каракалпакской культуры, характерной своей связью как с древними центрами среднеазиатской цивилизации (Хорезм), так и со степями Дешти-Кыпчак и нижнесырдарьинскими районами (Казахстан) и, наконец, с культурой народов Восточной Европы — Приуралья, Поволжья и Северного Кавказа.

В среднеазиатских документах конца XVI в. каракалпаки впервые упоминаются как особая народность, живущая в бассейне средней Сыр-Дарьи, в окрестностях г. Сыгнака. Источники XVII в. дают возможность более точно определить территорию расселения каракалпаков: основная часть их занимала присырдарьинские районы между г. Туркестаном и горами Каратау и была подчинена Бухарскому ханству.

Другим центром расселения каракалпаков был район верховьев рек Урала и Эмбы; отсюда каракалпаки вместе с казахами совершали набеги на окраины русских владений в Сибири; во время колонизации Россией Закамского края они принимали участие в восстаниях башкир. Третья группа каракалпаков в конце XVII в. находилась в долине Зеравшана; источники сообщают о восстании этих каракалпаков в 1681 г. против бухарского Субхан-Кули-хана, которому они были подвластны. Каракалпакское войско участвовало в походах бухарских ханов и высоко ценилось; они считались «надежными людьми в бою»[1]. Каракалпаки принимали деятельное участие в политической жизни не только Бухарского, но и Хивинского ханства, участвуя в борьбе узбеков отложившегося от ханства Аральского владения (расположенного в дельте Аму-Дарьи) против центральной власти хивинских ханов. Отдельные группы каракалпаков, по-видимому, издавна жили и в Хорезме.

В низовьях Сыр-Дарьи в конце XVII и в XVIII в. каракалпаки, как и их далекие предки, вели комплексное хозяйство, сочетая занятие земледелием со скотоводством и оседлый быт с полукочевым.

Социальные отношения у каракалпаков, как и у других кочевых и полукочевых народов Средней Азии, в массе не вышедших еще из стадии натурального хозяйства, были патриархально-феодальными. Сохранялись еще пережитки древней патриархально-родовой организации. Во главе каждого племени или отдельного рода стоял знатный предводитель — бий. Власть бия была велика; ему обычно принадлежало предводительство во время военных действий, а также право разбирательства спорных дел между отдельными членами рода или племени, в том числе и вопросов, связанных с распределением пастбищ. Бий же представительствовал от своего рода или племени среди окружающих соседей. Многие бии передавали свою власть по наследству. Наряду с биями в пределах каждого племенного объединения известную роль играли прославившиеся военными

[1] «Статейный список посланников в Бухару, Балх, Хиву и Юргенчь Бориса Пазухина с товарищами». «Русская историческая библиотека», т. XV, 1894, ч. VI, стр. 61.

подвигами батыры, старшины-аксакалы, а также мусульманское духовное сословие, к которому относились шейхи, ишаны, ходжи и др. Эта господствующая часть общества существовала за счет угнетенного крестьянства. Низшую ступень социальной лестницы у каракалпаков занимали рабы. Труд рабов использовался не только в домашнем быту, но и в хозяйстве (выпас скота, отчасти земледелие).

Исторические документы конца XVIII в. свидетельствуют об отсутствии у каракалпаков, живших на Сыр-Дарье, института ханской власти. Каждое племя обычно управлялось своими биями. Длительное соседство с казахами хотя и оказывало значительное влияние на хозяйственно-политическую жизнь каракалпакского народа, однако не повлекло за собой ни распыления его среди массы окружающего казахского населения, ни окончательного подчинения его казахским ханам, несмотря на то, что номинально каракалпаки считались подданными ханов Младшего жуза.

Оспаривая у казахских феодалов господство над массами «своего» народа и стремясь укрепить свое положение установлением самостоятельных внешних связей, феодально-родовая знать каракалпаков пыталась в первые десятилетия XVIII в. перейти со своим народом в русское подданство. Из грамоты, направленной каракалпакскими правителями Петру I, видно, что в числе основных мотивов, побудивших каракалпакские господствующие слои искать союза с Россией, большое место занимали интересы торговли. Как ввиду отдаленности, так и вследствие ряда других причин переговоры о русском подданстве при Петре не были реализованы; это было осуществлено позже.

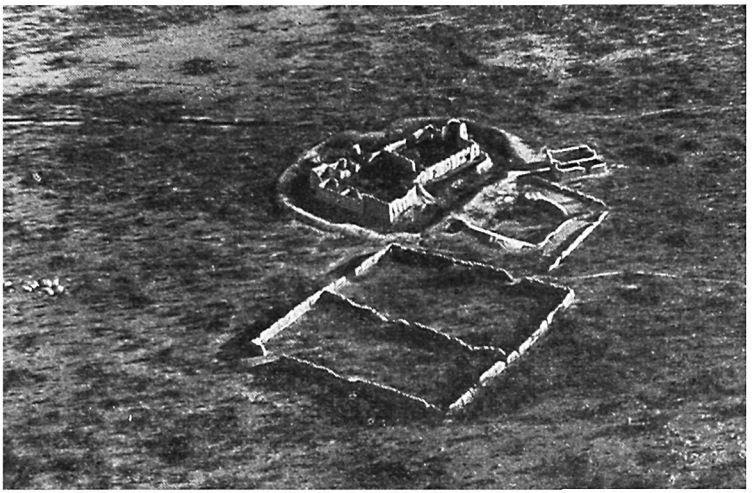
XVIII век был полон бурными и трагическими событиями в политической жизни каракалпаков. В 1723 г. среднее течение Сыр-Дарьи захватили джунгары, вторгшиеся во владения казахских ханов. Казахи и каракалпаки вынуждены были бежать от джунгарского нашествия в глубь Средней Азии и на северо-запад, к границам России.

В связи с этим движением каракалпаки вступили в борьбу с подданными России калмыками, стремясь вытеснить их из бассейна Урала и Эмбы, что им и удалось. По-видимому, эти сырдарьинские каракалпаки, переселившиеся в 20-х годах XVIII в. в верховья Урала и Эмбы, объединились с жившими здесь ранее группами каракалпакского народа.

Дальнейшая судьба этой части каракалпаков не исследована.

Оставшиеся на Сыр-Дарье каракалпаки разделились в результате джунгарского разгрома на две части — «нижних» и «верхних». Последние, передвинувшись к Ташкенту и далее вверх по Сыр-Дарье, оказались в подданстве у джунгар. «Нижние» каракалпаки, жившие в дельте Сыр-Дарьи, находились под властью казахского хана Младшего жуза, Абулхайр-хана. Ища помощи в борьбе с джунгарами у могущественной России, каракалпаки одновременно с казахами, возглавляемыми Абулхайр-ханом, приняли в 1731 г. русское подданство. Однако феодальные распри казахской знати не позволили реализовать это подданство. В 1733 г. вторично присягали России казахи и «нижние» каракалпаки, но и этот акт в связи с политическими смутами в казахских жузах не имел реальных последствий.

Между тем каракалпаки, находясь под гнетом казахских феодалов, притеснявших их и взимавших большие поборы (главным образом хлебом), были крайне заинтересованы в переходе из вассальной зависимости Абулхайр-хану в подданство России. В 1740—1741 гг., во время пребывания на нижней Сыр-Дарье у Абулхайр-хана русского посольства во главе с поручиком Гладышевым, каракалпакские старшины заявили ему о стремлениях своего народа; в 1742 г. каракалпаки направили с этой же целью свое посольство в Оренбург, а в 1743 г.— в Петербург. Просьба каракалпаков о принятии их в подданство России была удовлетворена.



Орунбай-кала на Жанадарье

Попытка каракалпаков освободиться таким образом от владычества казахских ханов вызвала решительное противодействие со стороны Абулхайр-хана. Когда в 1743 г. каракалпаки, после принесения присяги России, отказались платить подати Абулхайр-хану последний со своим войском напал врасплох на безоружный народ и совершенно разорил каракалпаков, отобрав у них скот и захватив множество людей в плен. Всякие сношения каракалпаков с Россией были им прекращены.

Спасаясь от притеснений со стороны казахских ханов, главная масса «нижних» каракалпаков стала отходить на юго-запад, приближаясь к Хивинскому ханству. Все более разрастался новый район их расселения, расположенный у восточных границ Хивинского ханства, в низовьях ныне пересохшей Жанадарьи; к концу XVIII в. здесь, в безлюдных пространствах северной части пустыни Кызылкум, образовался на освоенных каракалпаками землях крупный земледельческий оазис, испещренный ирригационными каналами.

Центр жанадарьинских владений каракалпаков — Орунбай-кала, резиденция управлявшего ими на рубеже XVIII и XIX вв. могущественного Орунбай-бия — сохранилась до настоящего времени. Это была феодальная усадьба, окруженная стеной, за которой скрывалось во время обороны от набегов казахов и хивинцев все каракалпакское население жанадарьинского оазиса.

Хорошо сохранились до настоящего времени и остатки каракалпакских поселений на берегах русла Кувандарьи. Здесь много крепостей, обнесенных мощными стенами и окруженных рвами, значительно превышающих по своим размерам жанадарьинские укрепления каракалпаков. Возле крепостей располагались поля и аулы; ирригационные сооружения отличались большой сложностью и разнообразием.

Значительная часть каракалпакских биев, возглавив подчиненные им племена, после событий 1743 г. добровольно перешла в подданство к хивинским ханам. Последние предоставили в их распоряжение пустынные заболоченные пространства дельты Аму-Дарьи и сразу же обложили

разоренный, обнищавший, ослабевший после тяжелого перехода через пустыню от Сыр-Дарьи в Хорезмский оазис каркалпакский народ высокими налогами.

В начале XIX в. хивинский хан Мухаммед-Рахим организовал завоевательный поход против жанадарьинских каракалпаков и, одержав над ними победу, насильно переселил их в пределы ханства, водворив в северной его части, на побережье моря и на землях дельты. Применяя свой многовековый опыт комплексного земледельческо-скотоводческого и рыболовного хозяйства, каракалпаки героически устояли против всех трудностей, возникших на новой территории их обитания; более того, они освоили на протяжении нескольких десятилетий и этот район, построив ирригационную сеть, превратив в цветущий оазис земли бассейна Кегейли и других крупных протоков Амударьинской дельты, осушив большие заболоченные пространства при помощи мелиоративных сооружений, используя озера, реку и море для рыболовства, а пустынные территории в качестве пастбищ для своего скота.

Каракалпаки не были в дельте Аму-Дарьи чужеземцами, поскольку древние предки их населяли бассейны низовий обеих великих рек Средней Азии; они поселились в районах, с которыми были связаны на протяжении всего периода своей истории. Жившие теперь рядом с ними аральские узбеки северного Хорезма этнически были им не менее близки, чем казахи.

Не заинтересованные в объединении каракалпакских племен в единое целое, хивинские ханы использовали для административного управления существовавшее у каракалпаков родоплеменное деление и племенной антагонизм, практикуя задаривание и всяческое поощрение преданных Хиве каракалпакских биев и преследуя становившуюся к ним в оппозицию знать. Следствием хивинской политики явилась дальнейшая консервация отсталых родовых институтов и пережитков патриархального быта.

Каракалпаки, как говорилось выше, делились на два крупных племенных объединения — арыса, каждое из которых делилось в свою очередь на ряд родов и более мелких подразделений.

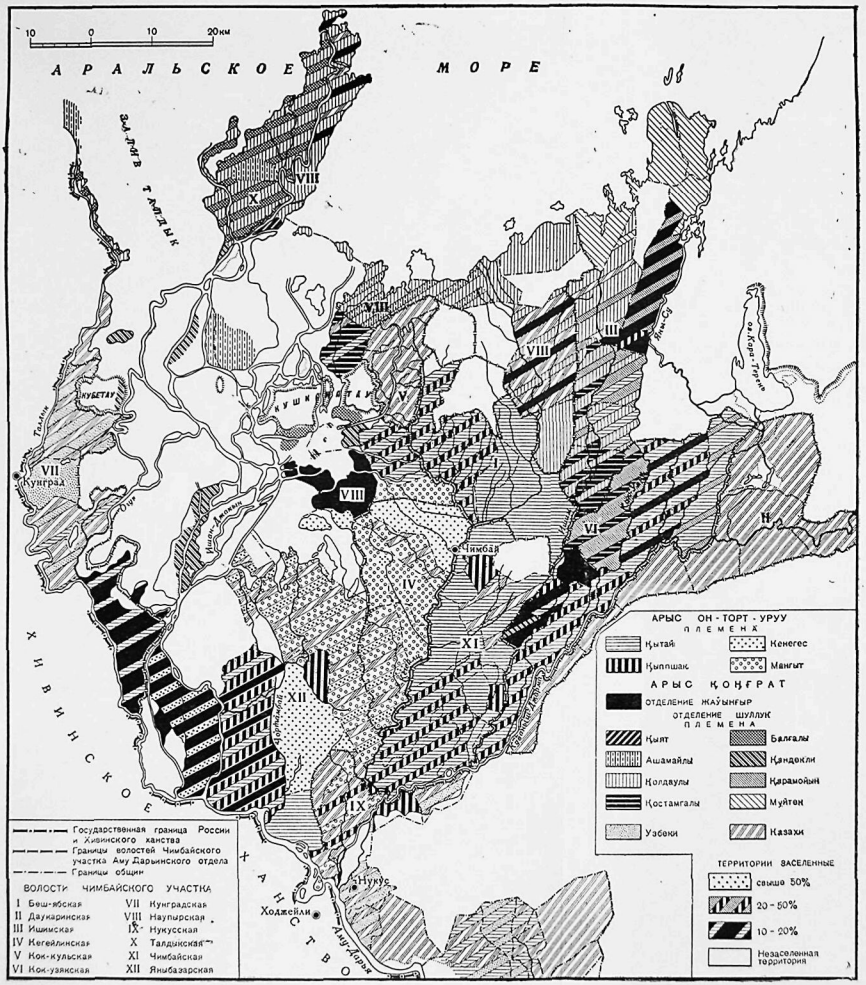
Общее количество каракалпакских племен было 12, а число родов (*уруў*) доходило до 100. Еще больше насчитывалось крупных (*тире*) и мелких (*кеше*) родовых подразделений. Племена и некоторые крупные роды имели свои тамги для клеймения скота и боевой клич — *уран*.

Каждое из племен занимало определенную территорию. В пределах данной территории роды имели свои оросительные каналы и расположенные близ них угодья (пашни, пастбища и др.), юридически принадлежавшие родовым земельно-водным общинам, фактически же находившиеся в распоряжении правящей верхушки — биев.

Бии, совместно с другими представителями имущего класса, были распорядителями водопользования, землепользования, общественных пастбищ, источников и колодцев и ставили, таким образом, в зависимость от себя основную массу каракалпакского населения.

Классовая дифференциация внутри каракалпакского общества была уже в первой половине XIX в. крайне велика, несмотря на видимость все еще сохранявшейся «родовой» оболочки.

Апеллируя к «родовой солидарности», ссылаясь на авторитет «старших», а иногда и опираясь на представителей государственной власти, господствующие верхи принуждали своих сородичей производить разного рода оросительные или иные мелиоративные работы, а вновь орошаемые земли часто полностью присваивали себе. Лишенная необходимого сельскохозяйственного инвентаря, рабочего скота и семян, масса беднейших членов рода принуждена была работать на землях знати в качестве испольщиков или наемных рабочих за самое ничтожное вознаграждение. Такие же отношения были и в скотоводческом хозяйстве: бедные сородичи выпасали



Расселение родоплеменных групп каракалпаков в XIX— начале XX в.

скот богачей, получая за это под видом родовой взаимопомощи небольшую долю молочных продуктов или часть приплода.

В первой половине XIX в. в районы с каракалпакским населением (в первую очередь в Чимбай) проникают из Хивы и отчасти из Бухары торговцы, деятельность которых способствовала расширению товарных отношений и возрастанию роли денег.

Уже около середины XIX в. в числе крупных землевладельцев в каракалпакских районах, помимо биев и военной служилой знати, хивинские документы называют некоторых баев, не принадлежавших к феодально-родовой знати и выдвинувшихся из рядовых членов сельских общин благодаря своему богатству, источником которого являлся труд эксплуатируемых безземельных дехкан и издольщиков, а иногда и торгово-ростовщические операции.

Не менее крупными землевладельцами и скотовладельцами, чем бии и баи, было духовенство, в особенности представители дервишских орденов — ишаны, имевшие иногда тысячные стада крупного рогатого скота и частновладельческие земли, помимо вакуфных, доходами с которых они также пользовались на правах распорядителей вакуфного имущества.

Подвергаясь патриархально-феодальной эксплуатации «своего» господствующего класса, крестьянство, кроме того, испытывало тяжелый гнет со стороны Хивинского ханства. Считая каракалпаков побежденным, неравноправным народом, хивинское правительство не только распространило на них всевозможные налоги и повинности, но и открыто вынуждало работать на землях, принадлежавших лично хану и его сановникам; отдельные группы каракалпаков насильственно переселяли в поместья и вынуждали вместе с рабами обрабатывать угодья знатных феодалов. Основными официальными видами налогов были: денежная земельная подать (*салгыт*); налог с урожая, собиравшийся натурой (*дэек*), и налог со скота (*зэкэт*). Налоги (например, денежная земельная подать) взыскивались со всего рода в целом, являвшегося административной единицей. Разверстка налогов между различными категориями плательщиков обычно зависела от подкупа ханской администрации и бия. К тому же многие из состоятельных лиц могли за деньги получить «ярлыки» о полном освобождении их от налогов. Беднейшая часть населения при таких условиях должна была нести всю тяжесть налогового бремени.

Помимо различного рода налогов и сборов, на каракалпакском населении лежали также многочисленные натуральные повинности и отработки, главнейшими из которых были работы по возведению и ремонту ирригационных сооружений, дорог, мостов, крепостей, содержание расквартированных в аулах хивинских войск и должностных лиц, а также поставка воинов-нукеров в хивинские войска. Значительная часть ирригационных каналов Хивинского ханства в XIX в. была построена каракалпаками. Весь ханский административно-налоговый аппарат не получал какого-либо содержания от хивинской казны и существовал исключительно за счет тех средств, какие удавалось выжать из населения сверх установленных налогов. Хивинским чиновникам усердно помогала каракалпакская правящая верхушка, оставлявшая себе часть собранных средств.

Тяжелые экономические и политические условия, в которые были поставлены каракалпаки в период хивинского господства, вызвали ряд восстаний.

Наиболее значительные восстания происходили в 1827 и 1855—1856 гг. Поводом к возникновению обоих восстаний явились массовые злоупотребления хивинских сборщиков налогов, переходивших в своих вымогательствах всякие мыслимые пределы.

Первое из этих восстаний возглавлял знатный бий Айдост, стремившийся использовать широкое народное движение в своих личных интересах против ущемлявшего его привилегии хивинского хана. Хивинским

карательным отрядом восстание было разгромлено, а сам Айдост убит. Второе из названных восстаний началось в период, когда в Хивинском ханстве происходила ожесточенная борьба между ханской властью и туркменами. Во главе восставших каракалпаков встал также бий (как и Айдост — из конгратов), по имени Ерназар. Восставшие избрали своего хана, по имени Зарлык, и совершили несколько нападений на хивинские крепости, стремясь продвинуться в глубь хивинской территории. Однако в среде каракалпакских предводителей начались разногласия, которые привели к тому, что знать многих племен отошла от восстания, а часть знати открыто перешла на сторону ханской власти. Зарлык-хан был предан и казнен в Хиве. Ерназар с небольшой группой родичей и со своими сторонниками оборонялся в выстроенной им на протоке Казахдарья, близ берега Аральского моря, крепости, где был убит. Вслед за сдачей крепости Ерназара летом 1856 г. восстание было ликвидировано.

В 1858—1859 гг. каракалпаки снова восстали против хивинского владычества, выступив в Кунграде совместно с узбеками и казахами. В события вмешались туркменские феодалы; руководивший повстанцами Мухаммед-Фена перешел на их сторону и район восстания был захвачен туркменами. Трагическим событиям 1858—1859 гг. посвящена поэма народного поэта Ажинияза «Боз атау», где описаны бедствия каракалпаков во время подавления восстания.

Восстания середины XIX в. были крупными историческими событиями. Приближение русских к границам Хивы (образование линии русских крепостей на Сыр-Дарье) вселяло в каракалпаков надежду на освобождение от хивинских ханов с помощью России. Русские власти неоднократно получали от каракалпаков, живших в устье Аму-Дарьи, письма с просьбой принять их в подданство России. В 1858—1859 гг. восставшие открыто стремились присоединиться к России. В то же время английские империалисты и Турция через хивинских ханов пытались развить антирусские движения в Казахстане, спровоцировать нападения на Сыр-Дарьинскую линию. В этих условиях каракалпакские восстания, ослаблявшие политическое влияние Хивы — форпоста английского империализма и Турции в их борьбе с Россией за Среднюю Азию, — имели большое историческое значение.

В 1873 г. Хивинское ханство было завоевано царской Россией, уже окончательно укрепившейся к этому времени в Средней Азии.

Между главнокомандующим Кауфманом и хивинским ханом был заключен мирный договор, по которому ханство было объявлено вассальным, под протекторатом России. Без разрешения России оно не могло иметь какие-либо связи даже с соседними среднеазиатскими государствами. Ханская армия была распущена.

К России отошли правобережные территории Хивинского оазиса, т. е. основные земли Кара-Калпакии с населением в 110 тыс. человек. Окончательному присоединению помешали происки Англии; стараясь избежать дипломатических осложнений, царское правительство было вынуждено оставить в Хиве хана и объявить ханство формально самостоятельным государством. По мирному договору с хивинским ханом было запрещено рабство и работорговля, крупным центром которой в Средней Азии издавна была Хива. Это явилось важным прогрессивным событием в жизни народов Хивинского ханства, в котором среди рабов были не только иноземные пленники — персы, афганцы, русские, но и местные жители бедняки (узбеки, казахи, каракалпаки), проданные в рабство за неуплату долгов.

15 августа 1873 г. русская армия перешла из Хивы на правый берег Аму-Дарьи для постройки укрепления и главного административного центра управления краем — Петро-Александровска.

Из отошедших к России правобережных земель ханства в 1873 г. был образован Аму-Дарьинский округ, впоследствии переименованный в Аму-Дарьинский отдел. Левобережные каракалпаки в Ходжейлинском, Шуманайском, Куня-Ургенчском и Кунградском бекствах остались в хивинских владениях. В 1887 г. Аму-Дарьинский отдел был включен в Сыр-Дарьинскую область Туркестанского генерал-губернаторства.

После присоединения правобережной Кара-Калпакии к России положение каракалпаков значительно изменилось по сравнению с временами хивинского владычества.

В 1875 г. для поземельно-податного устройства вновь присоединенного края в Аму-Дарьинский отдел была командирована специальная Организационная комиссия под руководством полковника Носовича. В задачу комиссии входило разрешение вопросов, связанных с землевладением, землепользованием и введением новой налоговой системы. Комиссия работала на территории Кара-Калпакии в 1875—1878 гг. и собрала материалы для организации волостей, для нового земельного и податного устройства отдела. В результате ее деятельности русской администрацией были приняты меры, которые явились важным прогрессивным шагом в упорядочении административного и налогового устройства каракалпаков, в экономическом развитии Кара-Калпакии. Вместо управления через родовых старшин и начальников (биев, аталыков и беглер-бегов) было введено территориальное управление. Так, весь Аму-Дарьинский отдел был разделен на два крупных участка — Шураханский и Чимбайский. Во главе участков стояли представители русских властей — русские приставы. Участки разделялись на волости, последние — на «сельские общества» (общины). Во главе волостей стояли «туземные» волостные управители, а во главе общин — старшины-аксакалы. Как волостные управители, так и аксакалы выбирались на должности открытым голосованием. Конечно, при выборах происходили всякие злоупотребления, подкупы и т. п., в результате чего на эти должности попадали в первую очередь местные богатеи, баи и знать. Избранные управители, несмотря на свое происхождение из различных сословий и социальных групп, являлись проводниками колонизаторской политики царского самодержавия. Тем не менее сама система выборности являлась шагом вперед по сравнению с феодальной системой управления периода хивинского владычества. Система выборности пробудила в широких народных массах интерес к общественным и политическим делам.

При разрешении земельно-водных вопросов русской администрацией, как и в других районах Туркестана, был проведен ряд важных мероприятий по упорядочению землепользования в Кара-Калпакии.

Были ликвидированы все прежние обязанности правобережного населения к мильк дарам и вакуфным учреждениям, находящимся в пределах Хивинского ханства. Орошенные земли на правом берегу Аму-Дарьи, принадлежавшие крупным хивинским феодалам, были признаны государственными и отданы пользующимся ими крестьянам. Так, из 3227 танапов земель, принадлежавших хивинскому сановнику диванбеги Мат-Ниязу, ему было оставлено только 132 танапа (сад Уллу-баг), остальные же были переданы в пользование арендаторам. Были также ликвидированы хивинские вакуфные владения, которые, по данным Организационной комиссии, принадлежали 40 различным учреждениям. Притязания хивинских мечетей и медресе были отклонены русской администрацией, а крестьяне, пользующиеся этими землями, были уравнены в правах с остальными земледельцами на государственных землях.

Однако изъятые у сановников и духовенства земли вскоре сосредоточились в руках богатых баев, торговцев и представителей «туземной» администрации, которым покровительствовали царские чиновники. Тем не менее эти землеустроительные мероприятия, подорвавшие экономи-

ческую и политическую силу крупных феодалов и духовенства, несколько облегчили и положение безземельных и малоземельных крестьян Кара-Калпакии.

Большую роль в ослаблении влияния феодальной знати сыграли также изменения в порядках эксплуатации водных систем. В период владычества хивинских ханов распределение воды находилось в руках феодальной верхушки, широко использовавшей это для закабаления крестьян.

В Аму-Дарьинском отделе управление крупными оросительными системами было централизовано русской администрацией. Все ирригационные системы поступили в ведение арык-аксакалов, назначаемых начальником Аму-Дарьинского отдела. Арык-аксакалы подчинялись специальному чиновнику — помощнику начальника отдела по ирригационным вопросам. В помощь арык-аксакалам население выбирало мирабов, которые следили за исправностью каналов и эксплуатацией мелкой оросительной сети.

Улучшение ирригационных систем и упорядочение пользования ими способствовало развитию поливного земледелия в Кара-Калпакии и переходу каракалпаков от кочевой и полукочевой жизни к полной оседлости.

Большие изменения были произведены также и в налоговой системе. Налоги с населения были в общем значительно сокращены и упорядочены, а местная феодальная знать отстранена от их сборов. Жители Шураханского участка платили поземельный налог в размере 72 коп. с каждого танапа возделываемой земли. В Чимбайском участке, где население было приравнено к «кочевому», по образцу других колониальных владений Российской империи, была введена покибиточная подать. Конечно, каракалпаки, населявшие северную Кара-Калпакию, не были кочевниками, они занимались главным образом земледелием, и введение здесь поземельного налога чрезвычайно облегчило бы положение малоземельных и безземельных бедняков. Но природные условия дельты Аму-Дарьи, с очень неустойчивым водным режимом, препятствовали занятию регулярным поливным земледелием. Частые наводнения заставляли изменять земледельческие территории. Это обстоятельство было учтено царской администрацией, которая вместо поземельного налога в северной Кара-Калпакии ввела покибиточную подать в чисто фискальных интересах, с целью обеспечить регулярное взимание налогов. Однако и покибиточная подать была все же несколько ниже тех феодальных поборов, которые платили каракалпаки, оставшиеся в Хивинском ханстве.

После присоединения к России Кара-Калпакия оказалась в сфере влияния русского капитализма, который способствовал развитию товарно-денежных отношений и подъему производительных сил края. В сельском хозяйстве все большее значение приобретал хлопок, как товарная культура, в которой очень нуждалась российская текстильная промышленность. Площадь посевов хлопка стала увеличиваться. Развитие хлопководства способствовало появлению первых, правда еще очень примитивных, хлопкоочистительных заводов. В 1892 г. купец Сазонов построил в г. Петро-Александровске первый в Кара-Калпакии хлопкоочистительный завод с паровым двигателем. В 1894 г. купцы Мануйловы построили завод с двумя двигателями, работающими на нефти. А в 1906 г. число заводов, принадлежащих Мануйловым[1], выросло до четырех. Кроме хлопкоочистительных заводов, в Петро-Александровске был выстроен завод по переработке на масло хлопковых семян. В начале XX в. на хлопкоочистительных предприятиях, наряду с русскими рабочими, начинают уже появляться и рабочие-каракалпаки. Так произошло зарождение национального рабочего класса, сыгравшего в дальнейшем большую роль в истории Кара-Калпакии.

[1] С. Р. Кононка. Туркестанский край. «Сельскохозяйственный и торгово-промышленный адрес-справочник и календарь». Ташкент, 1913, стр. 13.

Дальнейшему развитию хлопководства и торговли способствовала постройка в 1880—1888 гг. Закаспийской железной дороги. Важное транспортное значение имел также Аральско-Аму-Дарьинский водный путь и грунтовые дороги, связавшие внутренние районы Аму-Дарьинского отдела. Так, через горы Каратау (Султан-Уиз-Даг) прошла дорога из Петро-Александровска до Нукуса. Были проложены дороги от Кунграда до Чимбая (с переправой через Аму-Дарью), дорога от пароходной пристани на Аральском море через Тахта-Купыр в Чимбай — так называемая Ак-бугайская караванная дорога, а также дороги от Тахта-Купыра на Казалинск и Бухару. Товары Кара-Калпакии, главным образом хлопок, люцерна, скот, транспортировались или через Аральское море до Ташкентско-Оренбургской железной дороги, или вверх по Аму-Дарье до Закаспийской железной дороги.

Прогрессивное значение присоединения Кара-Калпакии к России проявилось не только в некотором улучшении политического и экономического положения каракалпакского народа, но и в тех изменениях, которые произошли в области культурного развития. В конце XIX и в начале XX в. в Аму-Дарьинском отделе было открыто три врачебных пункта (в Шаббазе, Нукусе и Чимбае) со стационарным лечением. Правда, этими лечебницами пользовались прежде всего представители русской администрации и наиболее зажиточная, близкая к русской администрации каракалпакская знать. Однако знакомство трудового каракалпакского народа, веками находившегося под влиянием невежественных шейхов, местных табибов, порханов (шаманов), «лечивших» население молитвами и всякими изуверскими, вредными для здоровья способами, с врачебной медицинской помощью, с элементарными правилами гигиены было важным культурным событием.

В 1901 г. в Петро-Александровске и в Чимбае были открыты первые ветеринарные пункты; они сыграли большую роль в борьбе с эпидемическими заболеваниями скота.

В 1874 г. в Петро-Александровске была открыта первая русская школа на территории Кара-Калпакии. Для привлечения учащихся из местных национальностей при школе в 1890 г. был открыт интернат. При школе имелись ремесленные классы, в которых ученики обучались сапожному, переплетному и столярному делу. Школа имела большую по тем временам библиотеку.

В 1885 г. в Петро-Александровске открылось женское приходское училище, а в 1900 г. в Шурахане и Чимбае были открыты русско-туземные училища с трехгодичным курсом обучения. Основная задача их заключалась в подготовке кадров переводчиков для ведения дел русской администрации. Несмотря на определенные узковедомственные задачи, стоявшие перед этими училищами, уровень обучения в них был несравненно выше, чем в консервативных мусульманских мектебах и медресе, где детей обучали в религиозно-схоластическом духе.

Изучение русского языка способствовало первому знакомству каракалпаков с русской литературой. Началось приобщение каракалпаков к культуре русского народа. Заметное влияние передовой русской общественной мысли проявилось в каракалпакской литературе, в произведениях прогрессивных поэтов Кара-Калпакии — Бердаха, Утеша и др. Некоторые их произведения отражают сильное влияние революционно-демократических идей, проникавших из России.

Знакомству каракалпаков с культурой русского народа способствовало переселение 4 тыс. семей русских уральских казаков, которые в 1875 г. поселились в дельте Аму-Дарьи и занялись рыболовным промыслом. Каракалпаки переняли у русских казаков ряд приемов рыбной ловли, заимствовали рыболовные снасти, познакомились с русскими орудиями труда. Впоследствии многие орудия у каракалпаков получили

названия с приставкой «русский»: *рус бел* (русская лопата), *рус қайық* (русская лодка) и др.

В быту у каракалпаков широко распространились предметы российского фабричного изготовления — чугунные котлы, фарфоровая посуда, стекло, железные орудия (топор, лопата и др.). В сельском хозяйстве появились новые культуры: капуста, картофель и др.

До 1873 г. в России почти ничего не было известно о каракалпакском народе, о его жизни и культуре. Лишь после присоединения каракалпакских земель к Российской империи началось изучение Кара-Калпакии. Проводятся топографические съемки, идут поиски судоходных путей в дельте, изучается природа края, обследуется население. Природу Аму-Дарьинского отдела изучали известные русские натуралисты — Н. А. Северцов, И. В. Мушкетов, А. В. Каульбарс и др. Народы Кара-Калпакии и их история стали объектом исследований крупнейших историков В. В. Бартольда, Н. И. Веселовского, В. В. Григорьева, В. В. Вельяминова-Зернова и др.

Прогрессивные последствия присоединения Кара-Калпакии к России не зависели от воли и намерений царского правительства, которое проводило в Средней Азии, как и на остальных окраинах империи, политику колониальной эксплуатации и порабощения местного «инородческого» населения.

После 1873 г. земли каракалпаков оказались разделенными на две части государственной границей, проходившей по Аму-Дарье, между Аму-Дарьинским отделом и Хивинским ханством. Это разделение препятствовало развитию народных движений широких масс и национальному сплочению каракалпакского народа.

Русские власти не стремились к коренным изменениям экономической и культурной жизни Кара-Калпакии. Экономическое развитие ее получило ярко выраженный колониальный характер. Политика царизма сводилась, с одной стороны, к борьбе с крупными феодалами, с другой — к сохранению патриархально-феодального быта, к использованию архаических общинно-родовых пережитков. Царизм не собирался посягать на родовые пережитки, на установившийся порядок эксплуатации аула феодально-родовой верхушкой.

По-прежнему в Кара-Калпакии наиболее распространены были различные патриархально-феодальные формы эксплуатации. Под видом помощи сородичу богатые давали малоземельным крестьянам землю в аренду на условиях испольщины — *жарымшы*; в других случаях землевладельцы вступали с крестьянином в отношения *егиншерик*. Крестьянин при этом считался равноправным пайщиком и компаньоном землевладельца, на деле же последний получал в лице бедняка-«компаньона» дарового работника, выполнявшего все земледельческие работы за ничтожную долю урожая. Кроме того, богатые баи принимали в дом работников, называемых *дийхан*, из числа совершенно разоренных, опутанных долгами крестьян, наиболее беспощадно эксплуатируемых и выполнявших не только полевые, но и все другие работы в хозяйстве бая за ничтожную плату, кормление и обноски одежды. В периоды горячих сезонных работ на богатых крестьян работал весь аул, созывавшийся на традиционный *көмек* — общественную помощь. *Көмекши*, работавшие бесплатно (за угощение), составляли постоянный резерв работников для феодально-байской верхушки аула. Однако к началу XX в. появились и другие формы эксплуатации, знаменующие проникновение капиталистических отношений в каракалпакский аул: выросла роль наемных сельскохозяйственных рабочих-поденщиков — *күпликши*, все более развивалось отходничество, многие обедневшие крестьяне стали рабочими-сезонниками; обострялись классовые противоречия в каракалпакском ауле, ухудшалось положение трудовых масс народа, увеличивалось число безземельных.

Колониальные власти оставили в полной неприкосновенности местные порядки, господство в быту шариата и адата. Ислам продолжал затуманивать сознание народа мертвыми догмами, суевериями и предрассудками, узаконивал рабское положение женщины в семье.

Но все же уровень политического строя Российской империи был выше, чем в отсталой феодальной деспотии, которую представляло Хивинское ханство; поэтому каракалпаки в пределах Аму-Дарьинского отдела находились в относительно лучших политических, экономических и культурных условиях, чем каракалпаки Хивинского ханства.

На хивинском берегу жизнь и имущество каждого каракалпака находились в полной зависимости от прихоти и произвола местных феодальных правителей; в пределах же Аму-Дарьинского отдела население подчинялось общим законам Российской империи, за выполнением которых следила русская администрация. Навсегда были прекращены феодальные усобицы и набеги, от которых раньше так страдало земледельческое население Хивинского оазиса — каракалпаки и узбеки.

Присоединение Кара-Калпакии к России, ставшей на рубеже XIX—XX вв. центром мирового революционного движения и родиной ленинизма, приобщило широкие трудовые массы каракалпаков к революционно-освободительному движению русского народа.

Вместе с другим населением Средней Азии каракалпаки участвовали в восстаниях, направленных против царизма и местных эксплуататоров — баев, волостных, управителей. Наибольшего обострения классовые противоречия достигли в Кара-Калпакии в период империалистической войны 1914—1918 гг. В эти годы нарушились хозяйственные связи с Россией вследствие ухудшения работы железных дорог и речного транспорта, уменьшился ввоз хлеба и другого продовольствия из России, росли цены, население облагалось новыми налогами на нужды войны.

Издание летом 1916 г. царского указа о мобилизации местного населения на так называемые тыловые работы в районе действующей армии и злоупотребления байства, откупавшегося от мобилизации взятками, стало поводом для активного выступления каракалпакского населения в Аму-Дарьинском отделе. В конце июля 1916 г. на территории Кара-Калпакии, как и в других районах Средней Азии, вспыхнуло массовое вооруженное восстание. Наиболее ожесточенные его вспышки произошли в Чимбае, где свыше тысячи восставших каракалпаков разгромили местное участковое управление. В Сары-бийской волости Шураханского участка были убиты волостной управитель и несколько старшин. В Даукаринской волости и в некоторых других районах население также учинило расправу над администрацией, после чего покинуло свои аулы и откочевало в глубь пустыни, где долгое время скрывалось от высылавшихся в районы восстания карательных отрядов. Широкое народное движение 1916 г. в Кара-Калпакии и Хивинском ханстве попытались использовать националисты во главе с туркменским феодалом Джунаид-ханом, поддерживавшим связи с Турцией. Турецкие эмиссары и реакционное мусульманское духовенство, в том числе ишаны Ходжейли и Чимбая, попытались увлечь за собой массы и задушить революционное движение. Однако это им не удалось.

* * *

Известие о февральской революции в России и о свержении царизма вызвало живейший отклик среди населения Аму-Дарьинского отдела и Хивинского ханства. 7 марта в г. Петро-Александровске власть перешла к Совету солдатских и рабочих депутатов и Исполнительному Комитету общественной безопасности. Вслед за Петро-Александровском Советы возникли также в Шурахане и Чимбае. Однако февральская революция

не изменила положения трудящихся каракалпаков. Меньшевики и эсеры, проникшие в первые Советы, вели предательскую политику, поддерживая прежние порядки. Возмущенные реакционной политикой Временного правительства и его органов на местах дехканство и городская беднота Аму-Дарьинского отдела стали изгонять из Советов ставленников буржуазии и феодально-байской верхушки и требовать революционных мероприятий. На одном из митингов близ Шурахана в апреле 1917 г. несколько тысяч *қазуўшы* (рабочих по очистке каналов) предъявили требования о разрешении в народных интересах земельного и водного вопросов.

После победы Октябрьской революции в центре России и в Туркестанском крае 11 декабря 1917 г. рабочие и дехкане, под руководством большевиков, свергли исполнительный комитет Петроалександровской Думы, и власть перешла в руки Петроалександровского Совета, ставшего руководящим центром Советской власти во всем Аму-Дарьинском отделе. В 1918 г. Аму-Дарьинский отдел вместе со всей территорией бывшего Туркестанского генерал-губернаторства вошел во вновь образованную Туркестанскую Советскую Республику.

В наступивший затем период гражданской войны и военной интервенции население Кара-Калпакии переживало тяжелые испытания. Борьба с внутренней контрреволюцией носила здесь упорный и длительный характер и завершилась окончательной победой несколько позже, чем в центральных районах Средней Азии. В борьбе против власти трудящихся выступал вместе с баями, ишанами и муллами, белогвардейцами и агентами Временного правительства уже упоминавшийся главарь белобандитских басмаческих шаек Джунаид-хан. Джунаид решил воспользоваться почти полной оторванностью Аму-Дарьинского отдела от Ташкента и других центральных городов Средней Азии, окруженных кольцом фронтов гражданской войны, и захватить власть в свои руки на правом берегу низовий Аму-Дарьи. Злейший враг и палач народов Хорезма и Кара-Калпакии, Джунаид-хан был наймитом иностранных интервентов и действовал при активном содействии империалистов Англии и США.

Вокруг Джунаид-хана группировались довольно значительные силы контрреволюции, его шайки были хорошо вооружены. В конце 1918 г. Джунаид-хан пытался захватить г. Турткуль (б. Петро-Александровск), население которого около двух недель героически выдерживало осаду, пока не прорвались на помощь из советского Туркестана два парохода с красноармейскими частями и оружием. Потерпев поражение в Турткуле, басмачи стали нападать на Шаббаз, а затем на Нукус. Большевики Кара-Калпакии начали формировать боевые коммунистические дружины для борьбы с джунаидовскими бандами. Во второй половине 1919 г. в Чимбае вспыхнул контрреволюционный мятеж, который возглавляли кулаки из казаков-уральцев, местные баи и ишаны, получавшие поддержку оружием и деньгами со стороны белоказачьего атамана Дутова и Джунаид-хана. Овладев Чимбаем, Муйнаком и Нукусом, чимбайские белоказаки пытались организовать наступление на революционный центр Кара-Калпакии — Турткуль. Осень и зима 1919 г. были самым тяжелым для трудящихся Кара-Калпакии периодом гражданской войны. Для оказания помощи Аму-Дарьинскому отделу из Чарджоу была направлена коммунистическая рота. В Турткуле был организован Ревком. Правительство Туркестана направило значительные силы для укрепления хивинской группы войск, перешедшей в наступление на контрреволюцию. Лишь после ликвидации кулацкого чимбайского мятежа и окончательного изгнания с правого берега банд Джунаид-хана, в первой половине 1920 г., население б. Аму-Дарьинского отдела получило возможность приступить к созданию органов Советской власти на местах, и в аулах началось планомерное вовлечение трудящихся в дело управления страной.

В Хивинском ханстве в это время узурпировал всю власть Джунаид-хан; последний хан Хивы, Сеид-Абдулла, был послушным орудием в его руках. В 1919 г. население Хивинского ханства обратилось к Советскому правительству с просьбой об оказании помощи в борьбе с деспотизмом и грабежами туркменского разбойника-феодала. Туркестанская Республика направила отряды Красной Армии на помощь трудящимся Хивы, и в феврале 1920 г. борьба закончилась изгнанием банд Джунаида и свержением хана; в апреле 1920 г. на территории б. Хивинского ханства образовалась Хорезмская Народная Советская Республика.

В декабре 1920 г. Аму-Дарьинский отдел был преобразован в Аму-Дарьинскую область Туркестанской Республики. 25 июня 1921 г. на первой областной партийной конференции оформилась областная партийная организация Кара-Калпакии, возглавившая борьбу за восстановление народного хозяйства и культурное строительство.

При национально-государственном размежевании Средней Азии в конце 1924 г. часть территории Туркестанской Республики с преобладающим каракалпакским населением была выделена в Кара-Калпакскую автономную область; в ее состав были включены также Ходжейлинский и Кунградский округа Хорезмской Народной Советской республики, где преобладали каракалпаки. В мае 1925 г. Кара-Калпакская автономная область вошла в состав Казахской АССР, а в 1930 г.— непосредственно в РСФСР. В 1932 г. успехи, достигнутые в социалистическом строительстве, дали возможность преобразовать Кара-Калпакскую автономную область в автономную республику. По Конституции СССР 1936 г. Кара-Калпакская АССР вошла в состав Узбекской ССР. Вхождение Кара-Калпакии в состав Узбекистана укрепило исторически сложившуюся дружбу узбеков и каракалпаков Хорезмского оазиса, близких по своему этническому происхождению и культуре.

Пример Кара-Калпакии особенно ярко отражает одно из основных положений ленинской национальной политики — что «с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»[1].

В годы борьбы за социалистическую индустриализацию и за коллективизацию сельского хозяйства, в период второй и третьей пятилеток, каракалпакский народ неизменно получал всестороннюю экономическую, организационную, политическую и культурную помощь от Союзного правительства, от своих старших братьев—русского, узбекского, казахского и других братских народов Советской страны; национальная политика Коммунистической партии обеспечила возрождение и переход к социализму ранее отсталого, обнищавшего, сплошь неграмотного и находившегося на грани физического вымирания каракалпакского народа.

Годы пятилеток были периодом великих преобразований и выдающихся успехов во всех областях социалистического строительства Кара-Калпакии. Еще в 1927—1929 гг. началось социалистическое преобразование ее сельского хозяйства. Была проведена земельно-водная реформа, в результате которой крестьяне-бедняки, батраки и издольщики получили землю, рабочий скот и инвентарь, отобранные у баев в порядке ликвидации нетрудового землепользования. В 1928 г. в Кара-Калпакии стали возникать первые ТОЗы и колхозы. Несмотря на бешеное сопротивление байства, сельское хозяйство Кара-Калпакии твердо встало на социалистический путь объединения мелких хозяйств; в 1936 г., когда в нашей стране народ принимал новую Конституцию, в республике было уже 969 колхозов; вместе с совхозами они объединяли около 87% посевной площади республики.

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 219.

С первых же лет Советской власти начались работы по строительству новых каналов, упорядочению старой ирригационной системы, во много раз расширились посевные площади, повысилось плодородие почвы. Союзное правительство снабжало Кара-Калпакию тракторами и сельскохозяйственным инвентарем, помогало внедрять механизацию и высокую агротехнику, обеспечивающую рост урожайности хлопка, люцерны, зерновых и других культур. Развивалось также животноводство, шелководство, рыболовство. За годы пятилеток каракалпакский народ заново построил свою социалистическую промышленность. Союзное правительство оказывало помощь Кара-Калпакии и в создании промышленных предприятий, вкладывая с этой целью значительные средства в ее бюджет и присылая инженерно-технический персонал, руководивший строительством и обучением местных кадров рабочих. Большие трудности были преодолены в первые годы Советской власти в деле ликвидации общей культурной отсталости населения; в результате Кара-Калпакия достигла больших успехов и в культурном строительстве. В школах было введено преподавание на родном языке. Наряду с сотнями общеобразовательных школ возникла сеть средних специальных учебных заведений, было создано первое в Кара-Калпакии высшее учебное заведение — Государственный педагогический институт, а также Комплексный научно-исследовательский институт, впоследствии преобразованный в филиал Академии наук Узбекистана, и другие культурные учреждения. Постепенно росло и развивалось национальное по форме, социалистическое по содержанию искусство каракалпакского народа — литература, музыка, театр; создавались кадры каракалпакской советской интеллигенции.

В годы Великой Отечественной войны трудящиеся Кара-Калпакии проявили высокий советский патриотизм, глубокую верность и преданность Советской родине; вместе со всеми народами Советского Союза они активно боролись против немецко-фашистских захватчиков. Тысячи сынов каракалпакского народа сражались в рядах доблестной Советской Армии за честь, свободу и независимость своего отечества. Многим каракалпакам-фронтовикам было присвоено звание Героя Советского Союза.

Не только на фронте, но и в тылу, самоотверженным трудом на колхозных полях и промышленных предприятиях каракалпакский народ участвовал в борьбе с врагом. В годы войны колхозы сдали государству сотни тысяч тонн хлопка-сырца, коконов, шерсти и продовольствия; рабочие Муйнакского комбината снабжали армию мясными и рыбными консервами. Кара-Калпакия расширила свою продовольственную базу, увеличив сев зерновых (в том числе и за счет вновь освоенных земель), что дало возможность значительно сократить ввоз в республику хлеба из центральных районов Союза.

В послевоенные годы рабочие, колхозники, интеллигенция Кара-Калпакии продолжали бороться за дальнейшее процветание республики, за укрепление могущества нашей социалистической Родины.

Лишенный в дореволюционное время политических прав и государственности, каракалпакский народ стал хозяином своей судьбы и, успешно управляя своей республикой, принимает участие также и в управлении всем Советским государством.

В Верховном Совете Союза ССР 15 депутатов Кара-Калпакии, в Верховном Совете Узбекской ССР — 33 депутата, в Верховном Совете Кара-Калпакской АССР — свыше ста депутатов. Более 4 тыс. избранных народом депутатов местных советов принимают активное участие в управлении различными отраслями народного хозяйства и культуры.

Коренным образом изменился весь облик каракалпакского народа; это уже не угнетенный народ глухой колониальной окраины: каракалпакский народ стал новой, советской социалистической нацией, проникнутой чувством животворного интернационализма и со всеми народами Советского Союза идущей к великой общей цели — коммунизму.

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Кара-Калпакская АССР занимает пространство между 41 и 45° с. ш. и 56 и 66° в. д. Вся территория республики лежит в зоне пустынь и делится на две совершенно различные части — низовье и дельту Аму-Дарьи и прилегающие к долине реки с востока и с северо-запада пустынные пространства Кызылкумов и Устюрта. На долю пустынных пространств, занятых бугристо-грядовыми и барханными песками, приходится около 70% всей территории республики. Около 14% занято водной поверхностью Аральского моря. Площадь земель, составляющих культурную полосу, расположенную по берегам и в дельте Аму-Дарьи, равняется 16% всей территории республики. Обширная дельта Аму-Дарьи, сложенная наносами реки, пересекается многими протоками; восточная часть ее освоена под земледелие, а центральная и западная части заняты преимущественно озерами, болотами, зарослями камыша и тугаями; впрочем, сейчас осваиваются под земледелие (главным образом под рисовые поля) и значительные пространства западной части дельты.

Произведенными в течение последнего двадцатилетия исследовательскими и разведочными работами в пустынно-горных районах Кара-Калпакии обнаружены многочисленные месторождения нефти, цветных и редких металлов, ценного минерального сырья и высококачественных строительных материалов.

Климат страны — резко континентальный. Лето сухое и жаркое, зима холодная. Средняя годовая температура центральной приамударьинской полосы +11,+13°; наибольшее понижение падает на январь, когда среднемесячная температура доходит до —6—7°; самая высокая температура приходится на июль — в среднем около +30°. Количество безморозных дней в году колеблется от 194 до 214. Среднегодовое количество осадков составляет около 110 мм.

Климат пустынных районов республики, особенно северо-восточных и северо-западных ее окраин, значительно отличается от климата долины большей сухостью в зимнее время и вообще более резкой континентальностью.

Почвы Кара-Калпакии в долине и дельте характеризуются преобладанием луговых и сероземов; в Кызылкумах — песчаные и супесчаные пустынные почвы, солончаки и такыры. Обширные пространства плато Устюрта покрыты серо-бурыми пустынными почвами; здесь также встречаются солончаки.

Единственной водной артерией Кара-Калпакии является р. Аму-Дарья. Непостоянство уровня воды (амплитуда колебания уровня доходит до 2,8 м), быстрота течения, доходящая до 1 м в секунду, неустойчивость составляющих ложе реки пород создают серьезные препятствия не только для орошения земель, но и для судоходства. Неблагоприятный режим реки держит под постоянной угрозой затопления или лишения воды население некоторых районов побережья и дельты. Но несмотря на это Аму-Дарья является основным и решающим фактором в развитии орошения и земледельческой культуры в Кара-Калпакии, так же как и во всем Хорезмском оазисе. Судоходное значение реки тоже велико, хотя ее нормальная эксплуатация из-за неустойчивости русла и множества мелей очень затруднена. Аму-Дарья в своих низовьях замерзает зимой на 2—2,5 месяца.

Большую роль в жизни каракалпакского населения играет и Аральское море, вместе с расположенными в южной его части островами и заливами. Аральское море имеет не только большое промысловое значение, но и является водным путем, связывающим низовья Аму-Дарьи, в том числе и Кара-Калпакию, с северным участком Ташкентской железной дороги (ст. Аральское море). Отрицательное действие Аральского моря

заключается в том, что в связи с периодическим поднятием его уровня морская вода вторгается в дельту Аму-Дарьи, поднимает уровень воды в реке и нередко затопляет приморские районы, заставляя рыболовецкие колхозы и промысловые поселки переселяться на новые места.

В дельте Аму-Дарьи много озер, часть которых в период разлива реки принимает обширные размеры.

Значительную часть дельты занимают камышовые заросли. Камыш используется местным населением в качестве топлива, зимнего корма для скота, а также служит хорошим строительным материалом. Камышовые заросли используются и как пастбища. Камыш, кроме того, ценное химическое сырье, которое будет перерабатывать бумажно-целлюлозный комбинат, строящийся в Кара-Калпакии (см. ниже). Среди кустарниковых растений следует отметить *жыңғыл* (гребенщик — Tamarix), употребляемый населением на топливо. Травяной покров жингиловых зарослей содержит разнообразные виды злаков, представляющих ценные корма. Почти повсеместно встречается *жантақ* (верблюжья колючка — Alhagi camelorum), идущий как на топливо, так и на корм скоту, особенно верблюдам.

Широко используется сейчас для выпаса скота растительный покров Кызылкумов (см. стр. 22). Рациональное использование богатейшего подножного корма связано здесь с развитием сети колодцев и артезианских скважин для водопоя скота.

* * *

Кара-Калпакская АССР — страна аграрно-индустриальная. Основными отраслями хозяйственной деятельности ее населения являются хлопководство, животноводство и рыболовство. Наряду с этим значительная часть населения занята в промышленности. Среди городского населения, кроме рабочих, много служащих государственных учреждений и организаций; с каждым годом растут кадры советской интеллигенции из каракалпаков и других местных национальностей.

Сельское население составляет 73%, городское — 27% от общего числа жителей республики.

Размещение различных отраслей хозяйства связано с природными условиями республики.

На узкой полосе побережья Аму-Дарьи и в южной части ее огромной дельты сконцентрированы оазисы с основными массивами поливных земель Кара-Калпакии, используемых для выращивания хлопка и других сельскохозяйственных культур. Главные пастбищные угодья республики располагаются в северо-западных Кызылкумах и в восточной части пустынного плато Устюрт. Здесь преобладает овцеводство, разведение же крупного рогатого скота более распространено близ тугаев и богатых сенокосов дельты.

Приморье, включающее огромную разветвленную дельту Аму-Дарьи, побережье Аральского моря и расположенные в его южной части острова, представляет собой один из крупнейших в СССР центров рыболовства и рыбной промышленности.

Промышленные предприятия Кара-Калпакской АССР размещены преимущественно в городах и в некоторых районных центрах.

Существующее размещение главных отраслей хозяйственной деятельности населения Кара-Калпакии, хотя и связано с географическими условиями, не может считаться вполне установившимся, так как здесь в настоящее время идет интенсивное преобразование природы человеком: осваиваются новые пастбищные угодья в Кызылкумах и на плато Устюрт; проводятся новые каналы в глубь песков, расширяющие культурную полосу земель оазиса; большие мелиоративные работы ведутся в дельте.

В ближайшей перспективе намечается создание новых центров промышленности, строительство новых городов и поселков.

Сельское хозяйство республики сконцентрировано в колхозах и совхозах. Около $^2/_3$ сельскохозяйственной продукции производится совхозами; им принадлежит преобладающая часть всех посевных площадей, большое поголовье крупного рогатого скота, овец и коз.

Земледелие и ирригация

В литературе до сих пор еще встречается ошибочное мнение о том, что каракалпаки были исконным кочевым скотоводческим народом, который лишь в XIX — начале XX в. стал переходить к оседлости и земледелию. Между тем для этого народа всегда было характерно комплексное скотоводческо-земледельческое и рыболовецкое хозяйство, сочетавшееся с полуоседлым образом жизни; это — одна из наиболее характерных этнографических особенностей каракалпакского народа, оказавшая существенное влияние на своеобразные черты его общественного строя и культуры. Такой же тип хозяйства был присущ не только древним племенам южного Приаралья, но и средневековым народам, которые участвовали в формировании каракалпакской народности: печенегам, огузам и части кыпчаков. Все они наряду со скотоводством знали земледелие и в зависимости от особенностей своих исторических судеб, от географических условий районов своего обитания в разные периоды истории, от частых стихийных бедствий—быстро переходили в случае необходимости от оседлости к кочевому образу жизни и обратно — от кочевничества к оседлости. Вместе с тем менялось и преобладание в их хозяйственной деятельности той или другой отрасли производства.

О том, что земледелие издавна было известно каракалпакам, свидетельствуют и письменные исторические источники, и фольклорно-этнографические, и археологические материалы. В русских архивах содержатся данные о каракалпакском земледелии у берегов Сыр-Дарьи, относящиеся еще к XVII в.[1] Источники XVIII в. дают уже более подробные сведения, которые помогают определить тип их земледелия и ирригации: «Из тех народов хлебопашество имеют каракалпаки: хлеб сеют около рек и озер, в низких местах, пшеницу, ячмень и просу... Кочуют на том острову (на Аральском море близ устья Сыр-Дарьи.— *Ред.*) и пашут каракалпаки, и хлеб родится, только более просо; воду на пашни напусчают каналами»[2]. Из этих сведений явствует, что каракалпаки издавна пользовались для посевов увлажненными каирными (песчаными с илом) землями островов и дельты, знали лиманное орошение, «напуская из рек и озер воду» на пашни, расположенные «в низких местах», а также освоили ирригацию более высокого технического уровня — каналы с разветвленной оросительной сетью.

Большое мастерство каракалпакского народа в области ирригационной техники наглядно доказывает и археологический материал; изыскания Хорезмской экспедиции Академии наук СССР в районах покинутых каракалпакских поселений XVIII в., в бассейне пересохшей Жанадарьи выявили, что каракалпаки умели не только проводить каналы, но и строить сложные головные сооружения, дамбы и высокие плотины, устраивать системы взаимосвязанных водоемов и чигирей; до сих пор сохранились следы разнообразных типов планировки поливных полей, бахчей, виноградников.

О многовековых ирригационно-земледельческих навыках каракалпаков еще более убедительно свидетельствует быстрое освоение ими бесплодных пустынных земель дельты Аму-Дарьи, «пожалованных» им

---

[1] Сыскное дело 1697 года о дороге в Хиву. «Русский архив», 1867, стр. 400.

[2] Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 годах Гладышевым и Муравиным. СПб., 1851, стр. 33, 34.

Хивинским ханством после насильственного переселения с Жанадарьи (в начале XIX в.).

Пребывая под властью хивинских ханов, в конце XVIII и в XIX в., каракалпаки, хотя и находились в положении завоеванного, угнетенного народа, играли очень большую прогрессивную роль в экономической жизни оазиса, деятельно участвуя в оросительных работах; помимо освоения района Даукаринских озер и бассейна Кегейли, они прорыли несколько крупных каналов и освоили ряд местностей на левом берегу Аму-Дарьи, а также земли верхней дельты до пределов Чильпыка и Кыпчака.

После присоединения правобережной части низовьев Аму-Дарьи к России территория Аму-Дарьинского отдела охранялась русскими войсками от набегов туркменских феодалов, что позволило местному населению уже спокойно возделывать свои поля, не опасаясь необходимости внезапных вынужденных перекочевок с семьями и скотом под натиском соседних племен. Результат сказался на общем росте земледелия.

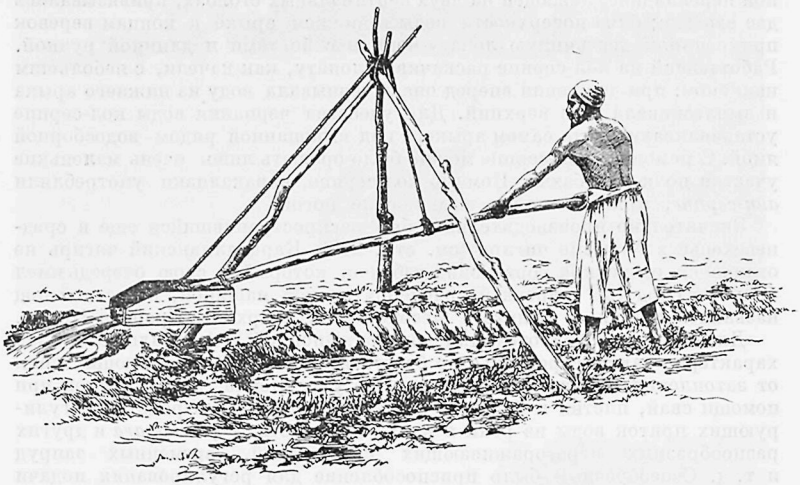
По данным Всероссийской переписи 1897 г., из общего числа 93 200 каракалпаков, зарегистрированных в Аму-Дарьинском отделе, земледелием занималось 80 700 человек, или около 87%. В качестве скотоводов было зарегистрировано только 9400 человек, или около 10%. Основные земельные фонды находились в собственности сельских обществ, имевших по закону право пользоваться ими как на основе общинного, так и подворно-наследственного владения.

Однако производившееся в 1912 г. статистическое обследование Аму-Дарьинского отдела показало, что подавляющее большинство членов сельских обществ владело своими пашнями на основе частновладельческого подворно-наследственного права и лишь незначительная часть (6,9%) — на началах общинных. Формы общинного землевладения сохранились главным образом в тех районах, где населению общими силами приходилось бороться с разрушительной силой реки. Переделы общинных земель производились лишь в те годы, когда воды для полива оказывалось недостаточно, что выяснялось уже в начале весны, до посева. Значительную роль при переделах земли играли пережитки родовых и племенных отношений; обычно земля разверстывалась сначала по родам и их подразделениям, а последние внутри себя производили распределение по отдельным хозяйствам. В годы, когда недостатка в воде не было, переделов не производилось.

Очень острым был вопрос водопользования, вызывавший нередко большие споры и даже кровавую вражду между отдельными родоплеменными группами и обществами. Один из основных общих принципов обычного права при распределении воды заключался в том, что право на воду принадлежало лишь тому, кто принимал активное участие в проведении того или иного магистрального канала. Это не мешало, однако, эксплуататорской верхушке использовать по своему усмотрению вновь орошенные земли; лишь небольшая часть их доставалась крестьянам среднего достатка и беднякам.

В водопользовании у каракалпаков (так же как, например, у туркмен) сохранялось особенно много общинно-родовых традиций. Вплоть до начала XX в. каракалпакские аулы располагались вдоль своих «родовых» каналов (*жап*), отведенных от магистрального канала (*арна*) или протока (*өзек*), часто называвшихся по имени копавшего их рода. Водой пользовались поочередно. Каждый из аулов, жители которого обычно представляли собой небольшую родственную группу — көше, имел свои отводы из канала — *салма*; количество воды, пускаемое в салму данного аула, было пропорционально числу рабочих землекопов, выставленных весной этим аулом на очистку канала — *қазуў*. За выполнением этого правила должен был следить мираб. Мерой воды был определенный

срок — *мезгил* (например, от восхода солнца до обеда), в течение которого вода пропускалась в арык. Этого количества обычно хватало для орошения двух танапов поля. В периоды маловодья иногда давали один мезгиль на два хозяйства. Кроме того, во время маловодья на многих каналах (в частности, в системе Кегейли) устраивался так называемый *эспек* — поочередное пользование водой путем сооружения в канале, близ отвода от него салмы, временной плотины для поднятия уровня воды и лучшего наполнения салмы. Первыми устраивали аспек аулы, расположенные близ



Старинное каракалпакское водоподъемное сооружение «кол-серпе»

истока канала, затем поочередно аулы, расположенные ниже по каналу. Но даже эта строгая, установленная веками общинная очередность водопользования постоянно нарушалась в пользу баев, должностных лиц, духовенства, интересы которых распределявшие воду мирабы учитывали в первую очередь.

Царское правительство не предпринимало в низовьях Аму-Дарьи никаких мер для радикального улучшения системы ирригации. По-прежнему земледельческое хозяйство в районах, занятых каракалпаками, находилось в полной зависимости от режима Аму-Дарьи. Вследствие постоянного перемещения главных рукавов и русел реки тот или иной район, расположенный близ водной артерии и вполне обеспеченный влагой, оказывался через некоторое время непригодным для земледелия, поскольку питающая его водная магистраль пересыхала или меняла направление. Одновременно с высыханием почвы в одних районах, в других возникало резкое увеличение количества воды — вплоть до затопления обширных местностей, что так же губительно действовало на земледелие, как и засуха.

Изменения режима орошения пагубно отражались на земледелии каракалпаков. Многие хозяйства разорялись, так как потерпевшим от стихийных бедствий государственной помощи не оказывалось; выдерживали только наиболее богатые из землевладельцев, а бедные крестьяне, как и в прежние времена, обычно вынуждены были, оказавшись без земли для посевов, переходить к скотоводству и рыболовству.

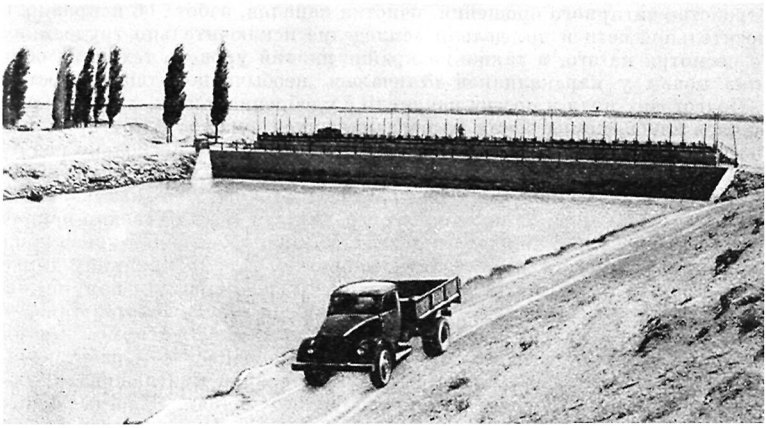
В районах каракалпакского земледелия, как и повсеместно в Хорезмском оазисе, русла магистральных каналов были глубокими и поле обычно располагалось выше уровня воды в канале; орошение приходилось производить посредством водоподъемных сооружений — примитивного *серппе* и чигиря.

Ручное водоподъемное сооружение — *қол-серппе* устраивалось для передачи воды из нижележащего арыка в арык, расположенный на более высоком уровне, откуда вода могла самотеком пойти на поле. Конструкция кол-серппе была очень проста: к высокой треноге или горизонтальной перекладине, лежащей на двух вертикальных столбах, привязывались две веревки; близ поверхности воды в нижнем арыке к концам веревок прикрепляли деревянную лопату-черпак с бортами и длинной ручкой. Работающий на кол-серппе раскачивал лопату, как качели, с небольшим наклоном: при движении вперед она зачерпывала воду из нижнего арыка и выплескивала ее в верхний. Для удобства черпания воды кол-серппе устанавливали не на самом арыке, а над выкопанной рядом водосборной ямой. С помощью кол-серппе можно было орошать лишь очень маленькие участки поля или бахчи. Помимо кол-серппе, каракалпаки употребляли *аяқ-серппе*, приводившийся в движение ногой.

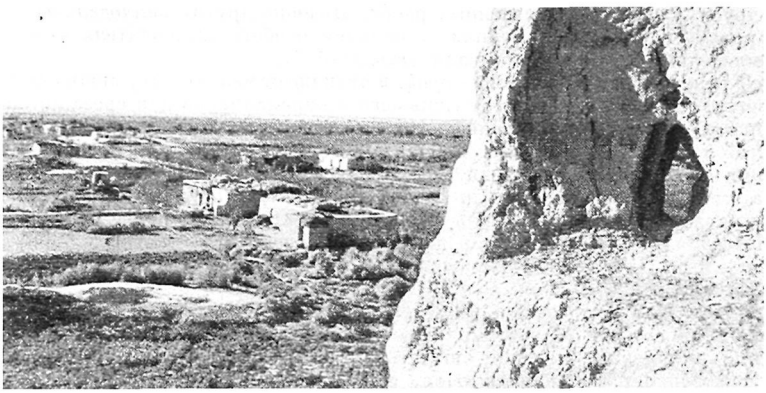
Значительно производительнее был распространившийся еще в средневековье в Хорезме чигирь (см. стр. 202). Каракалпакский чигирь не отличался от чигиря хорезмских узбеков, который в свою очередь имел большое сходство с древней водочерпательной машиной, известной под названием «сакия» в Египте и Месопотамии, «чарх» в Иране и Индии.

Для народной гидротехники дореволюционной Кара-Калпакии было характерно также строительство береговых дамб, предохраняющих поля от затопления при разливе, тщательное укрепление голов каналов при помощи свай, плетня и больших фашин—*қарабуўра*, устройство регулирующих приток воды из реки в канал полуплотин—*қысма-саға* и других разнообразных перегораживающих сооружений, временных запруд и т. д. Своеобразным было приспособление для регулирования подачи воды в мелкие арыки — так называемые *тоқуртқа* (*тоңғыртқа*). Это деревянная труба определенного диаметра, пропускающая положенную норму воды. Токуртку устанавливали на месте ответвления мелких арыков-салма, ведущих воду на поля. Большого уменья требовала планировка полей для полива, различная для разных культур, разбивка их на окруженные валиками хорошо нивелированные участки — *атыз*. Все земляные работы, связанные с ирригацией, выполнялись при помощи мотыги-кетменя и нескольких видов лопат, одни из которых были приспособлены для очистки каналов (с дужкой над верхней частью лезвия, позволяющей захватывать большой пласт влажной земли с илом), другие для рытья земли (с ушками для упора ноги) и т. д.

Наиболее распространенными культурами в каракалпакских районах до революции были пшеница, ячмень, рис, джугара и просо; имели немалое значение также маш, кунжут, кендырь, кормовая люцерна и огородно-бахчевые растения. Разведение бахчевых (дыня, тыква, арбуз) — традиционная особенность каракалпакского земледелия. Бахчи были в каждом хозяйстве, даже самом бедном, причем не только на поливных, но и на влажных каирных землях дельты. Хлопок, игравший уже в конце XIX в. довольно значительную роль в Шураханском участке Аму-Дарьинского отдела, не пользовался особым распространением в Чимбайском, менее экономически развитом участке. Здесь преобладали зерновые культуры. Пшеницу сеяли как озимую, так и яровую. Наряду с пшеницей большое значение в качестве продовольственной культуры имела джугара, отличавшаяся высокой урожайностью (до 180 пудов с дес.) и легкой приспособляемостью к местным засоленным почвам. Просо, как и джугара, представляло одну из основных продовольственных культур. Его



Головное сооружение канала Кыз-кеткен



Колхозное селение на освоенных землях древнего орошения по каналу Кырк-кыз (вид со стен древней крепости Беркут-кала)

разновидность — *қонақ* — имела обычно кормовое значение и лишь в неурожайные годы употреблялась в пищу. Славилась своим высоким качеством местная люцерна, ее семена вывозили даже за пределы России.

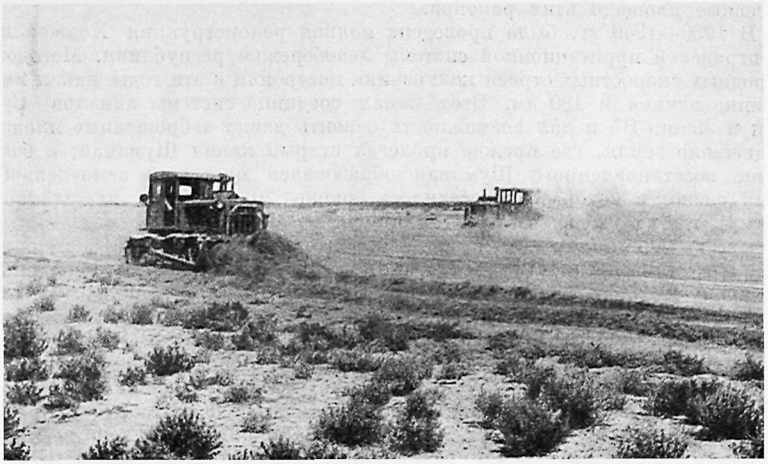
Необходимость борьбы с распространенным здесь засолонением почвы, устройство чигирного орошения, очистка каналов, забота об исправности оросительной сети и др. делали земледелие исключительно трудоемким. Но несмотря на это, а также на крайне низкий уровень техники, обработка почвы у каракалпаков отличалась необычайной тщательностью.

Подготовку поля к посеву начинали с удобрения почвы, для чего применялся навоз, комья земли из развалившихся дувалов или старых глинобитных построек, а также зола. Перед пахотой поле несколько раз поливали. Перепахивали землю не менее двух раз — вдоль и поперек. Пахотным орудием служил омач общесреднеазиатского типа, называвшийся у каракалпаков *гүнде-ағаш*; корпус его делался из естественно искривленного тутового или джидового дерева; на нижний рабочий конец гунде надевался чугунный или железный сошник — *пазна*. К длинному дышлу привязывалось сыромятным ремнем ярмо; в гунде впрягали пару быков. После пахоты участок обрабатывали при помощи *мала* — толстой тяжелой доски длиной в 2—2,5 м, к которой прикрепляли дышло с ярмом и впрягали быков. Чтоб утяжелить малу, на нее становился сам работающий крестьянин. Мала дробила крупные комья земли и приглаживала участок, что было необходимо для равномерного полива. Иногда применялась борона с железными зубьями — *дәндене*. При ее изготовлении в доску малы вставляли несколько рядов железных зубьев. После посева продолжался тщательный уход за полем, при этом наиболее ответственным делом было регулирование поливов. В полеводстве каракалпаков сложились традиционные способы возделывания каждой культуры. Как и у древних земледельческих народов, у них существовал особый аграрный календарь — *жүз*, в котором были учтены сроки начала сева, уборки и других сельскохозяйственных работ. Подобно другим земледельческим народам, каракалпаки верили в наличие особого покровителя — пира земледелия, которого называли *Дийхан-баба*.

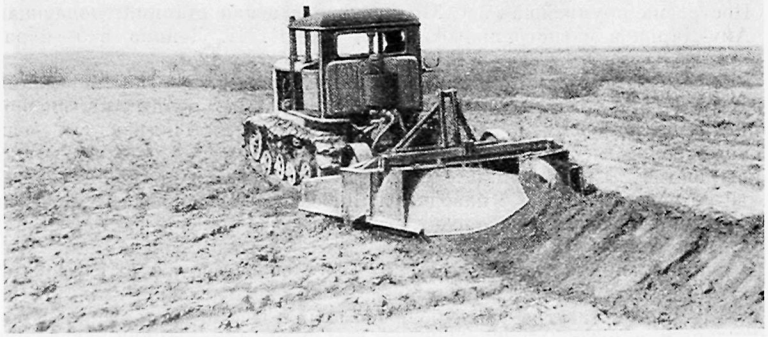
Урожай убирали серпом — *орақ*, в отличие от маленького, лишь слегка изогнутого серпа *кескирт*, служившего у каракалпаков для срезания дикорастущих трав; орак, предназначенный для жатвы хлебов, имел больший изгиб и зазубренное лезвие. Собранный хлеб складывали на поле небольшими кучками для просушки, а затем увозили на ток для молотьбы. На току колосья расстилали и начинали молотьбу; ее производили с помощью животных — быков, лошадей и др.; каракалпаки при этом не употребляли, как другие народы Средней Азии, для лучшего обмолота катки и др. По мере обмолачивания колосьев солому отгребали деревянными вилами, а мелкую солому и мякину отделяли от зерна веянием. Наконец, для окончательной очистки зерно пропускали через решето. Бедные крестьяне обычно молотили свой небольшой урожай вручную; это было занятием женщин; они брали в каждую руку по длинной палке и тщательно обмолачивали снопы, собирая хлеб до зернышка. Ручной способ молотьбы назывался *сабай*.

В годы Советской власти одной из первоочередных задач социалистического переустройства экономики Кара-Калпакии стало восстановление и реконструкция трех ирригационных систем, на которых базировалось все ее сельское хозяйство,— Чимбайской, Ходжейли-Кунградской и Турткуль-Бируниской.

С 30-х годов началось капитальное строительство ирригационных сооружений, проводившееся при помощи бюджетных ассигнований Союзного правительства. В 1935 г. завершилась стройка самого крупного в республике канала — Кыз-кеткен, с мощным железобетонным головным сооружением. Создание этого канала было важнейшим событием в жизни



Освоение земель в Кызылкумах



Механизация планировки целинных полей; палодеватель

Советской Кара-Калпакии: он обеспечил регулярное снабжение водой постоянно страдавшие от маловодья северные правобережные районы — Кегейлинский, Чимбайский и Тахта-Купырский. Сразу сильно выросли посевные площади этих районов.

В 1939—1940 гг. была проведена полная реконструкция Ходжейли-Кунградской ирригационной системы левобережья республики. Методом народных скоростных строек колхозники построили в эти годы канал им. Ленина длиной в 180 км. Этот канал соединил системы каналов Су-Эли и Ленин-Яб и дал возможность освоить давно заброшенные плодороднейшие земли, где прежде пролегал старый канал Шуманай; в бассейне восстановленного Шуманая образовался цветущий земледельческий оазис, в который переселилось около 20 колхозов из районов дельты, где их угодья часто затоплялись.

В годы войны началось крупное строительство в Турткульском районе, где было предпринято освоение части земель древнего орошения. По руслу древнего проложили новый канал Кырк-кыз; исчезли мертвые пески, засыпавшие оазис и многолюдные селения, двенадцать веков назад кипевшие жизнью и разрушенные войсками арабских завоевателей в VIII в. Теперь здесь на вновь оживших землях снова раскинуты поля, сады и бахчи, строятся колхозные селения и только живописные развалины древних замков напоминают о далеком прошлом. На отвоеванных у пустыни землях образован хлопководческий колхоз. Далеко в глубь Кызылкумов продвинулись и культурные земли соседнего с Турткульским Бируниского района.

За счет освоения обширных участков земель в пустыне должен быть достигнут значительный рост производства хлопка в Кара-Калпакии. Ирригационные и землеустроительные работы здесь сочетаются с созданием лесозащитных полос. Подъем тяжелой целины пустынных земель — барханов и такыров проводится с широким применением бульдозеров, скреперов и других планировочных машин.

Механизация очистки каналов освобождает население от труднейших, изнурительных работ. В республике созданы машинно-экскаваторные станции, все шире применяются на строительстве и очистке каналов экскаваторы, землесосы, канавокопатели и другие землеройные снаряды.

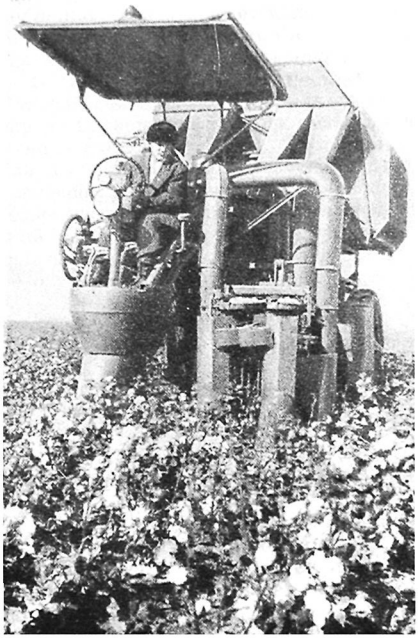
Построена крупнейшая в СССР электронасосная станция, подающая из Аму-Дарьи в магистральный канал им. В. И. Ленина в 5—6 раз больше воды, чем раньше поступало в него самотеком.

Впервые в истории принимаются действенные меры по обузданию разрушительной силы Аму-Дарьи. Под руководством опытных инженеров-ирригаторов по обоим берегам реки на сотни километров возведены прочные защитные дамбы. На участках, где река часто меняет русло, дамбы построены в две линии. В скором времени будут приняты радикальные меры по борьбе с наводками: проектные организации совместно с учеными разрабатывают проект строительства в низовьях Аму-Дарьи двух гидроузлов —Тахиаташского и Тюямуюнского. При помощи мощных плотин излишек наводковых вод будет сбрасываться в Кызылкумы и Каракумы и обводнять естественные пастбища и сенокосы; в то же время весной, когда требуется большое количество воды для промывных поливов, и в последующие периоды вегетации хлопчатника водонапорные плотины обеспечат плановое снабжение колхозов и совхозов оросительной водой и дадут возможность значительно расширить посевные площади за счет освоения новых земель.

Наряду с перестройкой ирригационной системы в Кара-Калпакии осуществлена полная реконструкция техники всего полеводства и, в частности, хлопководства. Это касается прежде всего механизации земледельческих работ.

Обработка посевов хлопчатника. Турткульский район

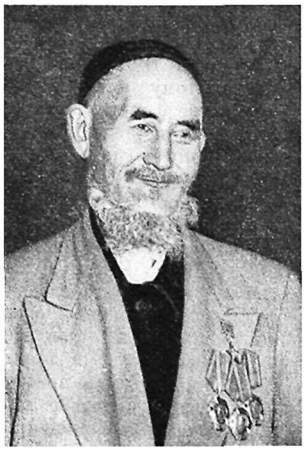
Сборщица хлопка. Кегейлинский район



Сбор хлопка хлопкоуборочной машиной. Ходжейлинский район

В республику поступает много экономичных дизельных тракторов разных марок. Разнообразные сельскохозяйственные машины — тракторные плуги, сеялки, культиваторы, опрыскиватели, опылители, хлопкоуборочные машины позволяют механизировать все земледельческие процессы. В совхозах и колхозах Кара-Калпакии теперь растет движение за обработку хлопчатника без кетменя, путем комплексной механизации.

Не меньшее значение, чем механизация, для развития сельского хозяйства имеет высокая агротехника хлопководства и других культур. Большую роль в развитии всех отраслей сельского хозяйства Кара-Калпакии играют научные учреждения: Научно-исследовательский институт сельского хозяйства в Чимбае, Каракалпакский филиал АН Узбекистана и др. Выводятся новые сорта хлопчатника, приспособленные к климатическим условиям и почвам различных местностей республики. Квалифицированные агрономы, ирригаторы, инженеры помогают колхозам и совхозам правильно проводить работы по промывке засоленных участков, по внесению минеральных и органических удобрений, организуют рациональное использование водных ресурсов, содействуют введению новых высокоурожайных сортов и главное — самых новых, прогрессивных методов хлопководства — квадратно-гнездового способа возделывания хлопчатника, машинной обработки полей в двух направлениях и др. В результате этих мер хлопкоробы Кара-Калпакии добились хорошей урожайности хлочатника несмотря на не вполне благоприятные для этой культуры географические условия в северных районах, где ниже, чем на юге, среднегодовая температура и короче безморозный период. Передовые колхозы республики собирают на больших площадях по 35—36 ц хлопка с гектара. Лучшие мастера-хлопкоробы — среди них Герой Социалистического Труда, прославленный старейший звеньевой Шамурат Мусаев из совхоза «Кенес» — из года в год добиваются на своих участках рекордных урожаев до 60—70 ц с гектара. Особенно важно значение механизации и высокого уровня агротехники на землях нового освоения; своеобразные природно-географические условия и связанные с ними трудности умело преодолеваются опытными, квалифицированными хлопкоробами каракалпакских колхозов и совхозов; возрожденные мертвые земли благодаря тщательному уходу за ними быстро становятся плодородными и начинают давать хорошие урожаи.



Знатные хлопкоробы, Герои Социалистического Труда
Шамурат Мусаев и Айымхан Камалова

Хлопок и люцерна — основные сельскохозяйственные культуры Кара-Калпакии; под ними занято около 60% ее посевной площади; на следующем месте стоят зерновые, в числе которых главными культурами являются рис, кукуруза, джугара, просо и др. Рис сеют главным образом в районах дельты, в низких местностях, изобилующих водой. Здесь создается крупный район рисоводства. Посевы проса теперь имеют значительно меньший удельный вес, чем в былые времена. Джугара и кукуруза успешно развиваются, как ценные кормовые культуры. Издавна развитое в Кара-Калпакии бахчеводство не теряет своего значения. За последние годы все большее развитие получают садоводство и виноградарство; организован первый в республике садово-виноградный совхоз.

В Кара-Калпакии, особенно в северной ее части, очень благоприятные условия для развития садоводства. По своим природным особенностям Кара-Калпакия может стать в будущем одной из баз высокого товарного абрикосоводства в Узбекистане и важным районом культуры нервосортных груш; здесь можно также получать устойчивые урожаи яблок, винограда и других плодово-ягодных культур. Сейчас большинство совхозов и колхозов имеет уже сады и виноградники. Саженцы поставляет Турткульский опорный пункт садоводства. Эта отрасль хозяйства приносит большие доходы.

Таким образом, в Кара-Калпакии в корне изменились по сравнению с дореволюционным временем не только техника и способы ведения земледелия, но и состав ведущих сельскохозяйственных культур: вместо малопродуктивных, нерентабельных зерновых культур теперь преобладают высокодоходные технические культуры, в том числе хлопок — основа сельского хозяйства республики и главный источник повышения материального благосостояния колхозников и рабочих совхозов.

Животноводство

Традиционной чертой скотоводства у каракалпаков, отмеченной уже в наиболее ранних свидетельствах путешественников и исследователей, было преобладание крупного рогатого скота и лошадей по сравнению с овцами и верблюдами. Такое соотношение пород скота характерно для полуоседлого хозяйства; при кочевом хозяйстве (например, у казахов) самую важную часть

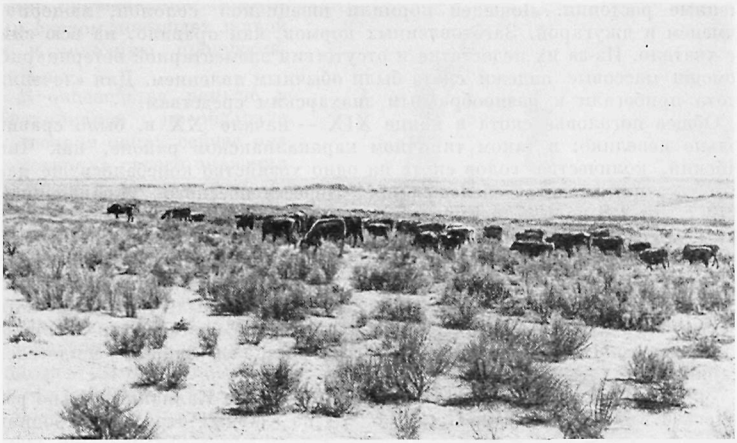
Доярка совхоза «Каракалпак» Айман Ондасынова

стада составляют овцы, верблюды и лошади, способные к переходам и на дальние пастбища. В противоположность этому в полуоседлом *хозяйстве, сочетающем скотоводство* с земледелием, главную роль играет рабочий скот: быки и в меньшей степени лошади. Русские путешественники, характеризуя особенности хозяйства каракалпаков, отмечают тесную связь их скотоводства с земледелием — использование тягловой силы быков и лошадей на пахоте, в ирригации — при подъеме воды чигирями, при молотьбе хлеба и, наконец, в качестве упряжных животных в арбе. Об этом же писал в 1874 г. Риза-Кули Мирза: «Скот у них (каракалпаков. — *Ред.*) следующий: лошади, рогатый скот, употребляемый как рабочая сила, и небольшое количество баранов»[1].

Коровье молоко и изготовляемые из него молочные продукты составляли важную часть пищи каракалпаков. Но небольшое число овец и коз все же имелось в каждом, даже бедном хозяйстве: они доставляли тоже предметы первой необходимости: шерсть, молоко, мясо. Богатые же — баи, торговавшие скотом и нанимавшие многочисленных батраков, имели *большие стада мелкого рогатого скота*, пасшегося круглый год далеко от аулов на обширных пространствах дельты и в Кызылкумах. Бараны часто служили обменной ценностью на базарах и на них выменивались мануфактура, металлические изделия и пр. В то же время платежной единицей, в которой исчислялся калым за невесту (см. стр. 497), был у каракалпаков крупный рогатый скот — *быки и коровы, что подтверждает первостепенное* значение для них этого вида скота.

Скотоводство у каракалпаков до революции было крайне экстенсивным. Организация выпаса скота зависела от степени зажиточности крестьян. Богатые весной оставляли в аулах для работы на своих полях бедных родственников или наемных работников, а сами откочевывали на летовку — *жазлаў* с рогатым скотом и лошадьми, иногда на довольно далекие расстояния — в пустынные пастбищные урочища, расположенные близ колодцев, или на *отар*, к озерам и протокам, где достаточно камышовых зарослей. Менее зажиточные и бедняки пасли скот невдалеке от своих зимних аулов *кыслаў*. Однако и эти расположенные поблизости от зимних аулов пастбища рассматривались как летовки и жители со своими юртами и домашним скарбом по всем правилам перекочевывали

[1] Риза-Кули Мирза. Краткий очерк Аму-Дарьинской области. СПб., 1875, стр. 21—22.



Стадо совхоза им. Ленина на пастбище у берегов оз. Кара-Терень

на лето за пределы аула на такие «жазлау», хотя расстояние до них в некоторых случаях, как это наблюдал А. В. Каульбарс, не превышало и 250 саженей[1]. В отличие от казахов, кочующих обычно на верблюдах и на лошадях, каракалпаки кочевали на арбах, запряженных быками, складывая на них в определенном порядке разобранные юрты и все имущество, а часто, перегоняя скот вдоль берегов озер и протоков, перевозили свои семьи и имущество на лодках. Хотя все пастбища считались общинными, богатые скотовладельцы захватывали лучшие из них; поэтому многие урочища, где выпасали свой скот баи и знатные представители родовых аулов, назывались по именам этих богачей. В то время как стада богачей обслуживались наемными пастухами и закабаленными под видом «родственной помощи» сородичами баев, рядовые жители аула придерживались общинных обычаев и либо выделяли пастухов поочередно от каждой семьи, либо сообща нанимали пастуха, который питался и ночевал во всех нанявших его семьях по очереди. Пастухи, пасшие крупный рогатый скот, назывались *падашы*, табунщики — *жылқышы*, мелкий рогатый скот пасли *қойшы* или *шопан*.

Каракалпаки верили, что у каждого вида скота, а соответственно и у его пастухов, есть святые покровители — пиры: Шопан-ата — у чабанов, Зенги-ата — у пастухов рогатого скота, Ойыл-баба — у пастухов верблюдов, Жылкышы-ата — у табунщиков.

Зимой скот обычно содержался в загонах, построенных из ветвей и камыша (*қора*), или закрытых помещениях (*бастырма*, *малхана*, *сейис-хана*), расположенных по соседству с жилищем хозяина. Для лошадей и коров устраивались также землянки — *жертөле*.

Заготовка кормов на зиму практиковалась для всех видов скота, кроме овец, которые были круглый год на подножном корму, добывая его зимой из-под снега (тебеневка). Кормами для рогатого скота в зимнее время являлись камышовое сено, солома риса, пшеницы, проса и других злаков; для верблюдов на зиму заготовляли джантак и некоторые другие

[1] А. В. Каульбарс. Низовья Аму-Дарьи. «Записки РГО по общей географии», т. IX. Спб., 1881, стр. 545.

степные растения. Лошадей кормили пшеничной соломой, люцерной, ячменем и джугарой. Заготовленных кормов, как правило, на всю зиму не хватало. Из-за их недостатка и отсутствия элементарной ветеринарной помощи массовые падежи скота были обычным явлением. Для «лечения» скота прибегали к разнообразным знахарским средствам.

Общее поголовье скота в конце XIX — начале XX в. было сравнительно невелико: в таком типичном каракалпакском районе, как Чимбайский, количество голов скота на одно хозяйство колебалось, по данным статистического обследования Переселенческого управления в 1912 г., от 1,8 до 12,7 единицы при средней величине стада в 4,9 единицы. В северных районах средняя цифра была несколько выше. Наряду с этим, однако, у некоторых каракалпакских баев были тысячные табуны лошадей, огромные стада крупного рогатого скота, и, как уже говорилось, большие отары овец. Эти факты, очевидно, не были учтены статистическим обследованием 1912—1913 гг., но хорошо известны по историко-этнографическим материалам — записям рассказов живых свидетелей-стариков.

За годы Советской власти животноводство Кара-Калпакии сильно развилось и в настоящее время стало одной из главных отраслей народного хозяйства республики. Изменилось и традиционное соотношение видов скота в животноводстве: ведущей и наиболее перспективной отраслью животноводства стало в настоящее время овцеводство (в частности, каракулеводство), в то время как разведение крупного рогатого скота, при сохранении его большого значения, стоит на втором месте. Базой растущего овцеводства становятся новые обширные пастбища в Кызылкумах и на Устюрте, ранее недоступные из-за отсутствия водопоев, суровых природных условий и невозможности для бедных хозяйств отрыва от своих земледельческих угодий для дальних кочевий.

Животноводство Кара-Калпакии сконцентрировано в ряде совхозов и колхозов, которые ведут большую работу не только по линии увеличения общего поголовья скота, но и по улучшению его породного состава, зооветеринарному обслуживанию; радикально перестраивают они систему кормления, что повышает продуктивность животноводства. В этом им оказывают повседневную высококвалифицированную помощь научные учреждения республики, а также многочисленные зоотехники и ветеринарные работники совхозов и животноводческих ферм колхозов. Лучше всех внедряют в животноводство достижения зоотехнической науки и механизацию животноводческие совхозы — «Устюрт», «Каракалпак», расположенный в степи, в центральной части дельты Аму-Дарьи, пригородный совхоз «Нукус» и др. Коровы в них переведены на стойловое содержание и благодаря правильному уходу дают очень высокие удои высококачественного молока. Здесь введены отъемный метод выращивания телят, кормление коров по рационам; все трудоемкие работы механизированы: применяются автопоилки, передвижные доильные установки для электродойки, механизирована и подача кормов, для которой используются транспортеры. Некоторые совхозы стали своеобразной практической школой передового опыта для животноводов Кара-Калпакии: сюда приезжают для ознакомления с новыми методами и механизмами заведующие колхозными фермами, пастухи, доярки, телятницы из разных районов. На стойлово-пастбищное содержание переведен еще не весь молочный скот колхозов и даже совхозов; часть его пасется на близлежащих и на отдаленных отгонных пастбищах. Рост поголовья крупного рогатого скота базируется в основном на местных, издавна разводимых каракалпаками породах, обладающих рядом ценных качеств, в первую очередь прекрасной приспособленностью к местным климатическим условиям. Для улучшения местных пород еще в 1930-х годах в республику стали завозить скот красностепной породы, который здесь хорошо акклиматизируется

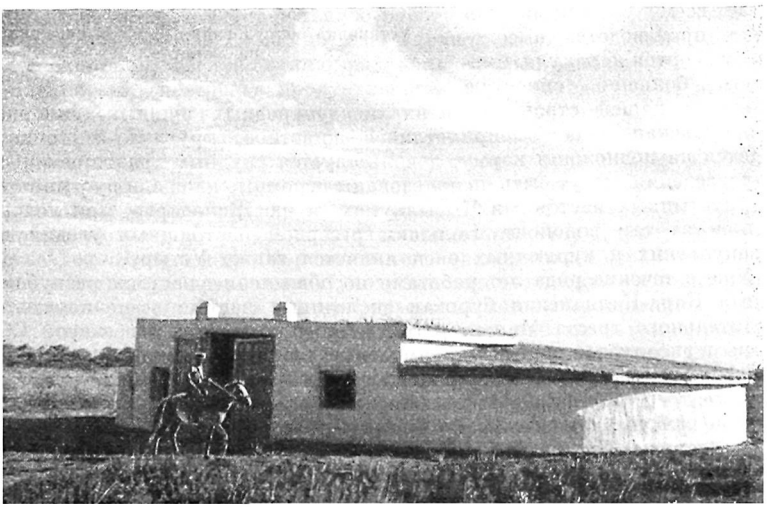
и при скрещивании с местным скотом повышает живой вес и молочную продуктивность.

В овцеводстве раньше у каракалпаков преобладала курдючная овца; сейчас она не потеряла своего значения как ценная мясная порода, но, как выше уже говорилось, особенно большие перспективы развития имеет каракулеводство. Кара-Калпакия известна высокосортным цветным каракулем — *сур* — красивейших расцветок и завитков. По цветовым оттенкам он имеет много сортов с местными названиями: *антик-сур*, напоминающий золотистый бархат, *гумис-сур* — серебристый, *ерик-гул-сур* — с оттенком цветов абрикоса, *полат-сур* — стального цвета и др. Лучшие цветные смушки вырабатываются в колхозах Турткульского и Бируниского районов. Кара-Калпакия располагает всеми условиями для роста производства высокоценных сортов каракуля, имеющего большой спрос не только в нашей стране, но и на международных пушных аукционах. Каракульская овца — неприхотливое животное, круглый год она находится на подножном корму, довольствуется скудным травостоем и для ее разведения могут быть использованы огромные площади пустынных и полупустынных пастбищ в Кызылкумах и на Жанадарье, при условии устройства там водопоев. Большим резервом пастбищных угодий для каракульских и курдючных овец является также Устюрт.

Установка оборудования буровой скважины на Устюрте

Уже в течение ряда лет работами по обводнению пастбищ республики занята Кара-Калпакская буровая экспедиция пастбищно-мелиоративно-строительного треста Министерства водного хозяйства Узбекской ССР. Сданы в эксплуатацию десятки самоизливающихся артезианских скважин в северных Кызылкумах; они снабжают прекрасной пресной водой стада, а кроме того дебет большинства из них настолько велик, что позволяет производить на больших участках посевы кормовых культур, разводить сады, огороды, бахчи. Так возникают в мертвых песках Кызылкум все новые и новые оазисы, дающие возможность выпасать тысячные стада высокопородных овец, лошадей и верблюдов. Около новых водных источников строятся поселки для животноводов колхозных ферм и совхозов, возводятся хорошо оборудованные жилые здания, культурно-бытовые учреждения, помещения для скота и хранения запасов концентрированных кормов для подкормки скота в ненастные зимние дни. Большие работы проводятся по освоению пастбищ обширного плоскогорья Устюрт, где гидрогеологи в составе экспедиций АН Узбекской ССР ряд лет вели изыскания. На Устюрте будет сосредоточено курдючное овцеводство.

Дойка овец. Совхоз «Кенимех» (каракалпаки Бухарской области)



Новый кутан на отгонном пастбище. Тахта-Купырский район

Большое значение в животноводстве Кара-Калпакии сохраняет и коневодство. Как и до революции, здесь, на стыке трех разных областей распространения конных пород, более всего встречаются три породы: узбекистанские карабаиры, туркменские (иомудские и ахал-текинские) и казахская породы лошадей. Каждая из этих пород обладает особыми достоинствами. Туркменские кони хороши для верховой езды; чрезвычайно работоспособные карабаиры пригодны для сельскохозяйственных работ; казахские лошади незаменимы в степях и пустыне благодаря своей выносливости и привычке к суровым природным условиям.

Во многих колхозах и совхозах успешно стало развиваться свиноводство, прежде вовсе отсутствовавшее в силу религиозных предубеждений мусульман. Создаются также птицефермы. В Нукусе работает инкубаторно-птицеводческая станция, которая снабжает колхозы и совхозы породистыми цыплятами леггорн.

Шелководством до революции каракалпаки почти не занимались, хотя оно было сильно распространено у их соседей, хорезмских узбеков. За годы Советской власти каракалпакский народ хорошо освоил эту высокодоходную отрасль сельского хозяйства. Урожай коконов, не превышавший в этих районах до революции 8 кг с одной коробки грены, достигает теперь 60 кг и более, а общий сбор коконов в республике превышает 500 т. Передовые мастера шелководства собирают до 160 кг коконов с коробки грены.

Работы по шелководству в колхозах производятся как в отдельных семьях колхозников, так и непосредственно в производственных бригадах и звеньях, сочетаясь с работами по выращиванию хлопка и других ведущих культур.

Организация колхозной выкормки червей повышает урожайность грены, дает возможность хорошо оборудовать червоводни и строго соблюдать агротехнические правила выкормки гусениц. Шелководы применяют скоростной метод выкормки шелкопряда, вводят новые, высокопродуктивные белококонные гибриды гусениц. Обеспечивается тщательный уход за насаждениями тутовника и расширяются его плантации.

Рыболовство

Каракалпаки — исконные рыболовы. Это занятие являлось основным в северных районах у каракалпаков родоплеменных групп мюйтен и колдаулы, живших на Аральском побережье и в урочище Даукара близ крупных озер Кара-Терень и Кунград, а также у ашамайлы и киятов, расселенных в западной части дельты Аму-Дарьи. У мюйтенов даже тамгой служило изображение орудия рыбной ловли — остроги. В народной литературе и фольклоре каракалпаков имеются произведения, посвященные рыболовству и быту рыбаков; у каракалпаков существовали представления о добрых и злых, вредных рыбах, о целебных свойствах некоторых рыб, о странствиях рыб вверх по Аму-Дарье «на богомолье» и ряд других верований, легенд и сказаний о рыбах.

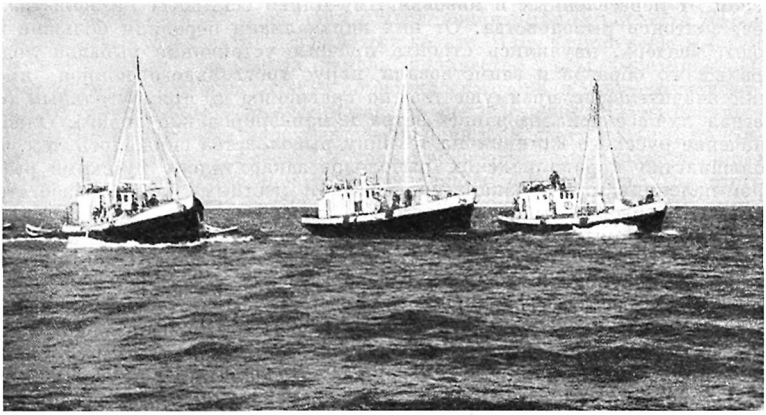
Каракалпаки знали много разнообразных снастей и орудий лова, приспособленных для рыболовства в реке и протоках, в море и озерах, но все они были довольно примитивны, соответствуя общему техническому уровню их отсталого хозяйства. *Для ловли крупной рыбы — шипа, усача* и других в протоках дельты каракалпаки устраивали так называемое *қаза* — сооружение из высоких стеблей камыша, которым перегораживали протоки. Посредине этой загородки оставлялось отверстие; через него рыба, шедшая против течения, попадала в большую окруженную камышовой изгородью западню, круглую в плане, откуда уже не могла выбраться; рыбаки доставали ее оттуда острогой или руками. Несколько более сложна снасть, называемая *керши*. Это большая треугольная рама из длинных жердей, на которой укреплялась сделанная в виде сачка сетка. При погружении в воду сачок располагался горизонтально. Отверстие

Старинный способ рыболовства с применением «каза»

рамы заплеталось бечевкой, но в нем оставляли широкий круглый проход. Этот вид сачка укрепляли близ берега на дне реки или протока, причем повыше его делали небольшую плотину, возле которой образовывался водоворот — излюбленное сомами место для лежки. От керши протягивали веревку, которую держал лежащий на берегу рыбак. По рывку веревки он узнавал, что в керши попала рыба, поднимал раму с сачком и доставал добычу. Для ловли рыбы в реках и на морском побережье применялась также острога — *шанышқы*, трехзубая, с более коротким средним зубом. С острогой иногда охотились по ночам, привлекая рыбу к лодке ярким светом от костра, разложенного на корме. Каракалпакские рыбаки отличались изумительной ловкостью в бое рыбы острогой. Ловили рыбу также удочкой *қармақ* с особым крючком для каждой рыбы — сома, леща, усача и др. На озерах применялась рыболовная сеть, сплетенная из волокна кендыря. Зимой на озерах рыбачили в прорубях, извлекая оттуда рыбу сетями и орудием, называемым *илме*, представлявшим собой длинную, как у остроги, рукоятку с железным круто загнутым острым наконечником, который осторожно подводили под проплывающую рыбу и быстро подсекали ее под брюхо, вытаскивая затем на лед. Сеть на круглом обруче, опускавшаяся в прорубь, называлась *жылым*. Употреблялись рыбаками также обычные сети — *аў*.

Во время рыболовного сезона каракалпаки, промышлявшие при помощи каза и других снастей, жили среди камышей в плавучих шалашах, устроенных на плотах — *сал*. Плоты вязали из снопов куги (*жекен*). Иногда вместо плотов шалаши устанавливали на искусственных островах, которые делали, срезав повыше уровня воды густой камыш; на образовавшуюся «щетку» клали вязанки камыша и получалась небольшая, но достаточно устойчивая площадка, на которой располагались рыбаки.

Рыбачьи лодки каракалпаков — *қайық* — были невелики и хрупки, на них нельзя было выходить в море. Лодки делали не из цельных длинных досок, а из множества коротких брусьев, соединяемых железными и камышовыми креплениями. Парус каракалпакам был известен только прямоугольный, руля они не знали.



Выход в море судов государственного лова

Возвращение с лова колхозника рыболовецкой артели

После присоединения к России каракалпакское рыболовство обогатилось новыми техническими приемами, заимствованными главным образом от переселенных в низовья Аму-Дарьи ссыльных казаков-уральцев, знатоков рыболовства. От них каракалпаки переняли большие неводы, вентерь, научились строить прочные устойчивые рыбачьи лодки уральского образца и заимствовали парус треугольного покроя, имевший значительные преимущества по сравнению с прямоугольным (облегчал лучшее использование ветра и маневрирование лодки). Однако значение русского влияния на технику рыболовства снижалось тем, что большинство каракалпакских рыболовов закабалялось русскими рыбопромышленниками, кулаками-уральцами и местными баями, разбогатевшими на торговле рыбой с Россией.

Рыбные промыслы, возникшие на Аральском побережье уже с 1876 г., стали расти после проведения в 1906 г. железной дороги, соединившей Ташкент с Оренбургом. Если раньше рыба использовалась населением главным образом как продукт питания и вывозилась преимущественно на местные базары Хивинского оазиса, то в колониальный период рыботорговцы стали отправлять ее большими караванами и по железной дороге в Оренбург, Бухару, Чарджоу и другие отдаленные города.

На промыслах работали беспощадно эксплуатируемые русскими фирмами рыбаки и рабочие, главным образом каракалпаки. Скудного заработка им не хватало даже на пропитание. Заниматься рыболовством самостоятельно становилось все труднее. Все лучшие, изобилующие рыбой водоемы захватили в свое пользование рыбопромышленники. Бедняки каракалпаки не имели возможности приобретать дорогие неводы, лодки и обычно, собираясь артелями, арендовали их у богатых владельцев, отдавая за это половину улова. Таким образом, и не нанимавшиеся к кулакам и рыбопромышленникам рыболовы оказывались у них в кабале.

Лишь после установления Советской власти каракалпаки-рыбаки освободились от кулацкой эксплуатации; с этого времени быстро стало улучшаться и рыболовецкое хозяйство.

В 1928 г. образовался Аралгосрыбтрест, кроме того многие рыбаки вступили в колхозы, в результате весь лов рыбы сосредоточился в руках государства и рыболовецких колхозов, объединяемых Рыбакколхозсоюзом. Государственный лов сразу же был оснащен целой флотилией моторных транспортных и рыболовных судов, на промыслах были построены крупные, хорошо оборудованные ледники. Рыбаков-колхозников стала обслуживать организованная на Муйнаке моторно-рыболовецкая станция со специально оснащенными судами.

Сейчас Муйнакский район Кара-Калпакии доставляет более половины всей добываемой на Аральском море рыбы и более 90% рыбы, добываемой в Узбекистане. Южная часть Арала и дельта Аму-Дарьи играют главную роль в добыче всех промысловых рыб: больше всего вылавливают здесь леща, сазана, воблы, сома, щуки, много также усача, судака; из наиболее ценных пород распространены шип и лосось.

Государственный лов ведут рыбозаводы, расположенные на побережье и островах, колхозный лов ведут рыболовецкие колхозы. Рыболовство все более механизируется и оснащается новыми орудиями. Используются сейнерные суда для глубинного лова, ставные капроновые сети, береговые морские неводы. Широко распространен и вентерный лов. Механизируется тяжелый труд вырубки в толстом льду прорубей для подледного зимнего лова рыбы; на многих судах имеются специальные устройства для спуска и подъема сетей; флот обогащается большими судами — рыбницами, рефрижераторными судами, обеспечивающими сохранность рыбы во время транспортировки.

Большую работу по исследованию рыболовства ведет Каракалпакский филиал АН УзССР и ряд научных учреждений. Делаются опыты

обогащения Аральского бассейна новыми породами рыб — кефалью, салакой, севрюгой и др. Проектируется строительство рыбоводного завода.

Особое значение для сохранения и увеличения рыбных богатств Кара-Калпакии имеют мелиоративные работы в дельте. В последние годы в связи с ростом площади орошаемых земель количество воды, поступающей для обводнения водоемов дельты, сократилось; озера и протоки мелеют, зарастают тростником и засоляются. В связи с этим начаты большие земляные мелиоративные работы в северо-западной части дельты, на Казахдарье и в других районах, сосредоточивающих рыбохозяйственные водоемы, по их дополнительному обводнению и опреснению. Для этого углубляют и расширяют русла протоков, проводят новые каналы, прорезают тропы в камышовых зарослях, создают благоприятные условия для захода рыбы из моря в прибрежные пресноводные нерестилища и выхода молоди в море. Наряду с развитием и реконструкцией рыбного хозяйства на юге Арала намечается устройство прудов близ городских центров республики: Нукуса, Ходжейли, Чимбая, Бируни; пруды обеспечат население свежей высококачественной рыбой.

Рыбаки Кара-Калпакии уже в первые годы Советской власти покончили с нищенским бытом в убогих, крытых циновками юртах и шалашах, затерянных среди камышей, болот и протоков. На побережье Арала выросли колхозные поселки с утепленными жилыми домами, школами, больницами и другими культурно-бытовыми учреждениями. Торговое обслуживание рыбаков ведется не только в поселках, но и во время ловли на море; к местам лова направляются специально оборудованные суда с продуктами питания и различными товарами.

Пушной промысел

Низовья Аму-Дарьи изобилуют пернатой дичью (утки, гуси, фазаны, лебеди и др.) и зверями; много дичи также в Кызылкумах (зайцы, сайгаки, джейраны и др.). Подсобным промыслом каракалпаков всегда была охота. Бедняки охотились преимущественно с капканами и ловушками; некоторые были вооружены фитильными ружьями. Богатые охотились верхом с ловчими птицами (ястреб, сокол, беркут) и собаками.В народных преданиях и легендах каракалпаков часто повествуется о приключениях местных охотников-стрелков *мергенов*, которые участвуют в ханских охотах. Каракалпакская знать, являясь на прием к ханам, преподносила им по обычаю в качестве подарка ловчих птиц.

После революции в дельте Аму-Дарьи, в районе Судочьего озера, был устроен на площади в 300 тыс. га комплексный государственный заповедник. Камышовые заросли, рассеченные протоками и озерами, служат убежищем для кабанов, лисиц, камышовых котов, шакалов и других зверей. Помимо местных пород птиц, здесь останавливаются для отдыха перелетные водоплавающие птицы. Водоемы изобилуют рыбой основных местных промысловых сортов.

В послевоенный период дельта Аму-Дарьи стала одним из крупных районов однатроловства. В 1944 г. сюда было завезено 335 ондатр. Попав в благоприятные условия, ондатра за короткое время акклиматизировалась, расселилась и размножилась. Уже с 1946 г. был открыт на нее охотничий промысел. Аму-Дарьинская ондатра теперь занимает первое место в Советском Союзе по величине шкурок и качеству меха. Охотников-ондатроловов объединяет Аму-Дарьинский звероводческий промхоз. Промхоз следит за состоянием угодий, закрепляет их за охотниками, проводит тщательный учет ондатры, сооружает для нее искусственные хатки, кормовые стойла и т. д. Охотники обеспечиваются боеприпасами и капканами. По непроходимым камышовым зарослям проложены сотни километров лодочных троп. Заботясь о бытовом устройстве охотников, промхоз организует постройку для них

домов, завоз продуктов питания и промышленных товаров. Из-за отсутствия дорог эти грузы, как и складные финские домики, доставляются в дельту на самолетах. В последние годы Аму-Дарьинский промхоз сдает государству больше 1 млн. шкурок ондатры в год. Ценная пушнина в значительной части идет на экспорт.

В 1956 г. Аму-Дарьинский ондатровый промхоз создал в поселке Кара-Джар небольшую звероферму серебристо-черных лисиц, завезенных из Ленинградской и Новосибирской областей. Лисицы здесь хорошо акклиматизировались. Сейчас созданы новые питомники на Муйнаке и др.

В 1957 г. промхоз построил также ферму для завезенной из Саратовской области норки. На корм питомцам зверофермы идут рыбные отходы и тушки ондатры. С 1960 г. промхоз стал разводить нутрию.

Ондатролов на промысле

Ремесла Большинство дореволюционных авторов преуменьшали роль ремесла у каракалпаков, утверждая, что при полунатуральном хозяйстве каждая семья изготовляла для себя сама все необходимые предметы обихода, причем эти изделия были будто бы низкого качества. Однако этому противоречат утверждения русских исследователей, еще в первой половине XVIII в. сообщавших, что каракалпаки — мирный и трудолюбивый народ, занимающийся земледелием и ремеслами[1].

Широкое развитие ремесла у каракалпаков подтверждается народной пословицей: «*Өнери жоқ кисиниң, мазасы жоқ исиниң*» — «Если человек не знает ремесла — от него нет пользы».

В каракалпакских аулах XIX — начала XX в. были ремесленники различных профессий: кузнецы, плотники, мастера, выделывавшие деревянные остовы юрт, мастера арб, гунде, чигирей, каюков, седельники, сапожники, шапочники, ювелиры. Ткачество, ковроделие, кошмоваляние, как правило, были домашними занятиями женщин в каждой семье, и на рынок эти изделия попадали лишь случайно. Чаще изготовляли для рынка циновки. Неразрывно связанное с ткачеством лощение алачи — ткани для халатов выделилось в особую профессию, и этим занимались специальные мастера лощильщики. Гончарство у каракалпаков отсутствовало, но были мастера по сооружению глиняных хлебных печей — *тандыр*.

Большинство ремесленников работало на заказ, обслуживая главным образом свой аул и получая от заказчика весь необходимый материал

[1] Проект обер-секретаря И. Кириллова об удержании в русском подданстве киргиз. 1733 г. «Полное собрание законов Российской империи», т. IX. СПб., 1830, стр. 309.

или определенную его часть. Аульные ремесленники не порывали с сельским хозяйством, но большинство из них были малоземельными или вовсе безземельными. Их труд оплачивался обычно натурой — зерном, иногда же предоставлением мастеру лошади, быков для вспашки поля, или же, если заказчик был беден, отработкой в хозяйстве ремесленника. Деньгами расплачивались редко, большей частью лишь приехавшие издалека заказчики.

Ремесло было занятием наследственным, оно передавалось из поколения в поколение. В годы Советской власти многие прежние аульные мастера-старики и их потомки стали работать в колхозных мастерских, обслуживая потребности артельного хозяйства и самих колхозников. Инструментарий и технические приемы у них сильно обновились и пополнились, но вместе с тем сохранился и ряд традиционных черт, издавна присущих каракалпакскому ремеслу.

По преданию, ремесло кузнецов (*темирши*) было известно каракалпакам еще со времени их жизни на Сыр-Дарье; старики повествуют, что покровитель кузнецов Хазрет Даут одновременно передал кузнечное мастерство и узбекам и каракалпакам. До сих пор встречаются мастера, у которых более 10 поколений предков были кузнецами. Каракалпакские кузнецы вырабатывали разнообразные изделия: кетмени, лопаты, серпы, остроги и рыболовные крючки, ножницы для стрижки овец, стремена и подковы, гвозди для арб, капканы и др. В оборудование кузницы помимо горна, мехов и наковальни, установленных не в яме, как у узбеков, а на поверхности земли, входит большой набор молотков, щипцов и других инструментов.

Как и у оседлых народов Средней Азии, у каракалпаков кузница и в особенности наковальни считались сакральными. Женщинам и детям раньше не разрешалось входить в кузницу и тем более брать оттуда какой-нибудь предмет. В кузнице оставляли ночевать «для исцеления» душевнобольных.

Старики-кузнецы рассказывают, что жители аула не расплачивались с ними отдельно за каждую вещь; кузнецы обслуживали всех сородичей по мере необходимости, а осенью при сборе урожая каждое хозяйство аула выделяло им определенную долю своего урожая зерном в качестве оплаты за труд.

В настоящее время некоторые вещи, вырабатываемые кузнецами, еще повсеместно бытуют и ассортимент изделий колхозных темирши почти не изменился.

Некоторые кузнецы совмещали свою работу с выделкой несложных ювелирных изделий, но были у каракалпаков и специалисты-ювелиры (*зергер*), делавшие браслеты, кольца, серьги, нагрудные украшения, футляры для талисманов. Теперь мастеров-ювелиров осталось очень мало.

Деревообделочники разделялись на ряд специализированных профессий, но бывали и мастера, умевшие вырабатывать разнообразные деревянные изделия — от омачей (гунде) до таких тонких предметов, как музыкальные инструменты. Многие деревообделочники были прекрасными резчиками по дереву и украшали художественной резьбой двери для юрт, шкафчики и др.

Специальное оборудование требовалось производившим юрты *үйши*; у мастеров были особые печи для распаривания жердей, из которых делались части остова юрт и станки (*тез*), такого же типа, как у казахов и киргизов, служившие для изгибания этих жердей. Техника изготовления арб имела сходство с местной узбекской, поскольку наиболее распространенным типом арбы была хорезмская — ободья колес выделывались из плотно соединенных закругленных с одной стороны брусьев. Эта работа требовала некоторых специальных инструментов.

Мастера седельники (*ершн*) также имели особое оборудование, так называемую *ат-арқа* (лошадиная спина) — колодку, сделанную по размерам и форме спины лошади; на ней собирался и склеивался из девяти частей ленчик седла. Более простой работой была выделка деревянных вил, лопат, ступок, маслобоек, а также громоздких чигирей и лодок. Считалось, что ремесло деревообделочников, как и кузнецов, — «пирли ис», т. е. что оно имеет своего особого покровителя — *пир*; покровитель плотников носил имя Садуакас.

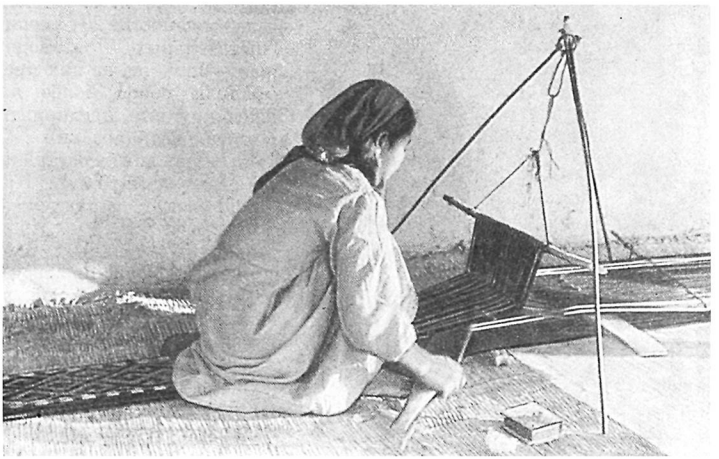
В настоящее время деревообделочники имеются почти в каждом колхозе; это тоже обычно потомственные мастера. Много ремесленников-деревообделочников работает также в промкомбинатах в городах Чимбае, Ходжейли и др. В Чимбайском горпромкомбинате есть, в частности, цеха по выделке арб и деревянных частей юрты.

Повсеместно среди каракалпаков было распространено ткачество. Им занимались исключительно женщины. Особенно искусными ткачихами считались кенегески и мангытки. Каракалпаки не знали шелкоткачества, они вырабатывали ткани из хлопковой пряжи, кендыря и шерсти. Ткацкие станки у них были двух типов. Для шерстяных тканей и ковровых изделий употреблялся обычный примитивный узко-навойный станок *өрмек*, распространенный у всех кочевых и полукочевых народов Средней Азии. Хлопчатобумажные ткани выделывали на станке *қозақ* — более совершенного устройства, той же формы, что у таджиков и узбеков. Остальной инструментарий, связанный с прядением и ткачеством,— веретено (*уршық*), самопрялка (*шарық*) — по своей форме не отличался от общесреднеазиатских. Из хлопчатобумажных тканей домашнего производства выделывали гладкую ткань — *бөз*, в мелкую полосочку для халатов — *алаша* и клетчатую для женских платьев — *шатыраш*. В старину вырабатывали ткань из кендыря — *торқа*. Эту ткань окрашивали в синий цвет для вышитых женских рубах. Хлопчатобумажную алашу, предназначенную для мужских халатов, подвергали длительной обработке; ее отдавали особым мастерам лощильщикам (*мөреши*), наводившим на нее глянец. Для этого ткань замачивали в растворе мучного клейстера, а затем раскладывали на доске и шлифовали лощилом, сделанным из стекла. Мореши жили в аулах и работали только на заказ. Теперь таких мастеров уже нет, поскольку нет спроса на их труд.

Шерстяные и полушерстяные ткани, вырабатывавшиеся на станке ормек, были разнообразны: сукно из тонкой верблюжьей шерсти (*шал*), шедшее на теплые халаты, грубая шерстяная ткань для мешков и различных хозяйственных сумок и, наконец, узорные паласные ткани (*алаша*), а также несколько видов ковровых изделий, украшавших юрту (см. стр. 523—524).

В настоящее время выработка хлопчатобумажных тканей совершенно прекратилась, исчез и станок козак, лишь отдельные части его (ремизки, челноки) можно иногда обнаружить среди домашней рухляди. Ткачество на станке ормек еще довольно широко бытует в домашнем хозяйстве каракалпаков; женщины и девушки ткут на нем из покупной пряжи, окрашенной в разные цвета, и шерсти красивые узорные паласные ткани, а также узорные дорожки и тесьму для юрт.

Кошмовалянье у каракалпаков было широко распространено, они вырабатывали войлоки как простые (*кийиз*), использовавшиеся для покрытия юрты, так и узорные (*текиймет*), употреблявшиеся на подстилку. Техника производства кошем была обычной среднеазиатской. Кошмовалянием, так же как и ткачеством, занимались у каракалпаков женщины. Узор на кошмах выкладывался из цветной шерсти, а затем вваливался. Каракалпакские кошмы, в том числе узорные, ближе к туркменским, чем к казахским; туркменские кошмы широко бытовали у каракалпаков прежде и часто приобретаются сейчас. В настоящее время кошмы выделы-



Тканье дорожки «кзыл-кур» для юрты на станке «ормек»

ваются главным образом промкомбинатами; домашняя выделка их сильно сократилась.

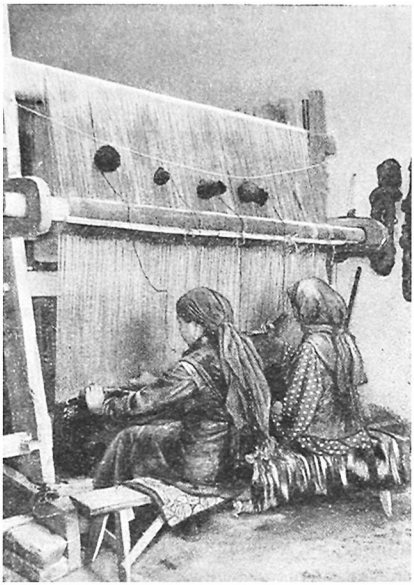
Производство циновок распространено во всех районах, но более всего в северном, где находятся огромные заросли тростника и жекена. Каракалпаки делают несколько видов циновок: *ший*, *бойра* (из тростника) и *шыпта* (из жекена). Ший и шыпта плетутся различно. Для выделки шия устраивается вертикальный станок, на котором длинные стебли тростника укладываются горизонтально и скрепляются путем перебрасывания крест накрест шерстяной бечевки с тяжелыми грузилами. Таким способом ший постепенно переплетается бечевкой по всей своей длине — сверху, снизу и посредине; плотно прилегающие друг к другу прямые стебли образуют тонкую легко сворачивающуюся в рулон ширму. Ший служит для покрытия снаружи стен юрты; каракалпаки не употребляют для этой цели войлока, как это принято у казахов. Бойра представляет собой плетеную циновку из расщепленных стеблей тростника. Шыпта выделывается из мягких стеблей жекена на горизонтальном станке, на который натягивается основа из бечевок, расположенных на расстоянии 20 см одна от другой. Стебли жекена пропускаются подобно нитке утка́ между бечевками и плотно прибиваются. Бойра и шыпта употребляются в качестве подстилки на полу юрты, на айванах и в домах.

Как и кошмы, циновки вырабатываются в настоящее время не только в домашнем хозяйстве, но и в промкомбинатах.

Однако все перечисленные традиционные каракалпакские ремесла и промыслы занимают в местной промышленности Кара-Калпакии сравнительно небольшое место. Главные ее предприятия заняты выработкой строительных материалов — кирпича (сырцового и жженого), извести, камышитовых плит, а также мебели и одежды. Некоторые вырабатывают кондитерские изделия, многие заняты бытовым обслуживанием населения (парикмахерские, швейные мастерские и др.).

Промышленность

Накануне первой мировой войны, в 1913 г., в колониальной Кара-Калпакии общая энергетическая мощность промышленных предприятий достигала всего 200 л. с., часть которых приходилась даже не на механические двигатели, а на конные



В ковровом цехе мастерской промкомбината в Ходжейли

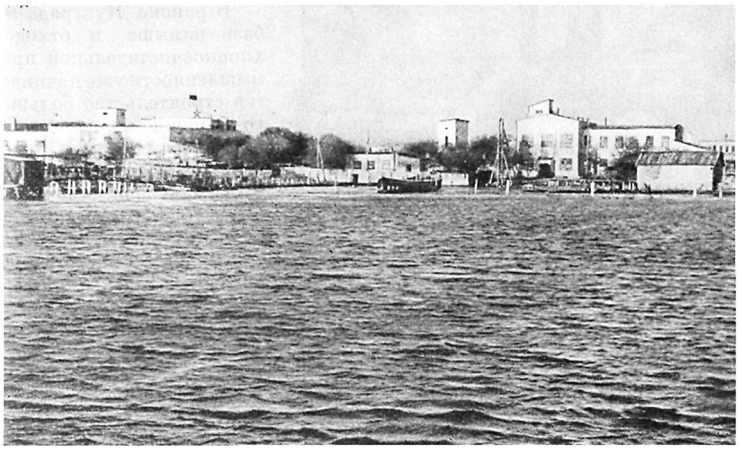
приводы. 160 л. с.— такова была мощность 20 хлопкоочистительных «заводов» края. Лишь два из них представляли собой более или менее крупные предприятия (Петроалександровский и Ходжейлинский), остальные были полукустарными. Продукция их составляла в 1913 г. всего 1016 т. Кроме хлопкоочистительных, работали маслобойный завод и небольшой кожевенный заводик. Основными кадрами рабочих были сезонники — разорившиеся, обнищавшие дехкане, искавшие заработка на зимний период и совершавшие с этой целью переходы пешком иногда за сотни километров из отдаленных районов края.

За годы империалистической, а затем и гражданской войны, сопровождавшейся разрушительными нападениями джунаидхановских банд, и эта небольшая колониальная промышленность пришла в полный упадок. С 1924 г., после образования Кара-Калпакской автономной области, начался период восстановления старой и строительства новой промышленности. Первым предприятием, построенным в Кара-Калпакии в советское время, была типография в Турткуле, вступившая в строй в 1926 г. В 1934 г. в столице республики, г. Нукусе, был введен в эксплуатацию люцерно-очистительный завод, в то время — единственный в СССР, со специальным техническим оснащением, предназначенным для очистки семян широко известной по своему качеству каракалпакской люцерны.

За годы пятилеток в Кара-Калпакии создана многоотраслевая промышленность. Растет в больших масштабах устойчивая база легкой и пищевой промышленности. Построены в разных городах (Чимбай, Ходжейли, Кунград, Тахта-Купыр, Бируни) большие, оснащенные новой техникой хлопкоочистительные заводы. Хлопкоочистительные заводы республики теперь обрабатывают весь хлопок, выращиваемый на ее полях.

Главным предприятием — первенцем пищевой промышленности стал построенный в 1940 г. мощный Муйнакский мясорыбоконсервный комбинат. Помимо крупного консервного завода, в этот комбинат входят пять рыбозаводов Аральского побережья. Муйнакский комбинат — предприятие всесоюзного значения. После Великой Отечественной войны вступили в строй четыре маслозавода, обрабатывающие хлопковые семена; среди них оборудованный по последнему слову техники Бирунинский маслоэкспеллерный завод. Кроме того, в республике построены молочно-маслодельный и пивоваренный заводы, мясохладобойня, механизированные мельницы, хлебокомбинат, макаронная фабрика и др.

В двух городах, где расположены важнейшие пристани Госпароходства,— в Ходжейли и Муйнаке — выросли хорошо оборудованные су-



Муйнакский рыбоконсервный комбинат

доремонтные мастерские, в Нукусе — ремонтный завод, в Тахиа-Таше — ремонтно-механический. В республике имеются два деревообделочных завода (в Тахиа-Таше и Нукусе) и швейно-обувная фабрика. Территорию северных левобережных районов Кара-Калпакии пересекает трасса строящегося газопровода Газли — Урал.

Заканчивается строительство Тахиаташской теплоэлектростанции, которая обеспечит электроэнергией не только Кара-Калпакию, но также Хорезмскую область Узбекской ССР и Ташаузскую область Туркменской ССР. Первая очередь ГРЭС уже вступила в строй.

Энергетическая проблема будет окончательно разрешена в недалеком будущем, когда Аму-Дарью преградит плотина и можно будет использовать для выработки электроэнергии неисчислимые энергетические ресурсы огромной реки.

Большие перспективы развития имеет промышленность стройматериалов. Еще недавно она располагала лишь кирпичными заводами и предприятиями по выработке извести, но уже в ближайшие годы будет завершено строительство многих новых предприятий по производству камышитовых плит, цемента, кровельных и облицовочных материалов, железобетонных конструкций и др.

В Нукусе успешно заканчивается строительство завода крупнопанельного домостроения мощностью 35 тыс. кв. метров. Недавно построенный силикальцитный завод производит блоки для сооружения жилых домов. Предусмотрено строительство завода сборного железобетона и нового большого деревообделочного комбината. В горах Султан-Уиз-Даг организуется крупный каменно-щебеночный карьер.

Богатые сырьевые ресурсы Кара-Калпакии, запасы минерального и органического сырья представляют широкую базу для развития новых отраслей промышленности.

Полезные ископаемые, обнаруженные геологами в районе хребта Султан-Уиз-Даг и в других местах на побережье Аму-Дарьи,— кварцы, талько-хлорат, кремний, минеральные краски, фосфориты и другие, а также использование в промышленных целях газа и освоение месторождений сульфатных солей открывают исключительно большие перспективы для развития в республике химической промышленности.

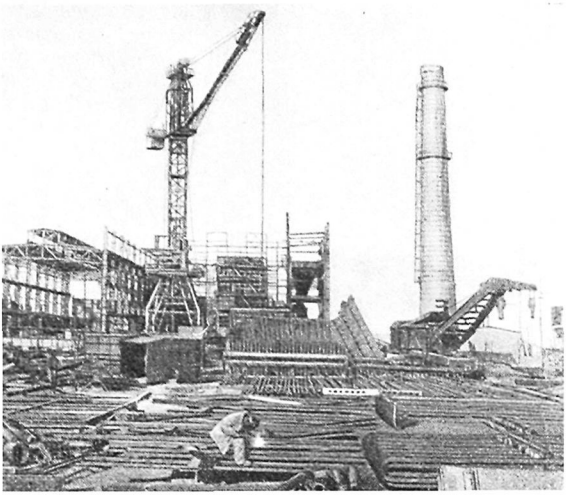
Подача транспортером рыбы на Муйнакском комбинате

В районе Кунграда на базе камыша и отходов хлопкоочистительной промышленности уже начинается строительство большого бумажно-целлюлозного комбината, который будет вырабатывать бумагу, картон, упаковочные материалы, фибролиты, различные смолы, этиловый спирт. По своей мощности комбинат сможет не только покрыть потребность в бумаге всех республик Средней Азии, но и поставлять целлюлозу для производства различных вискозных тканей.

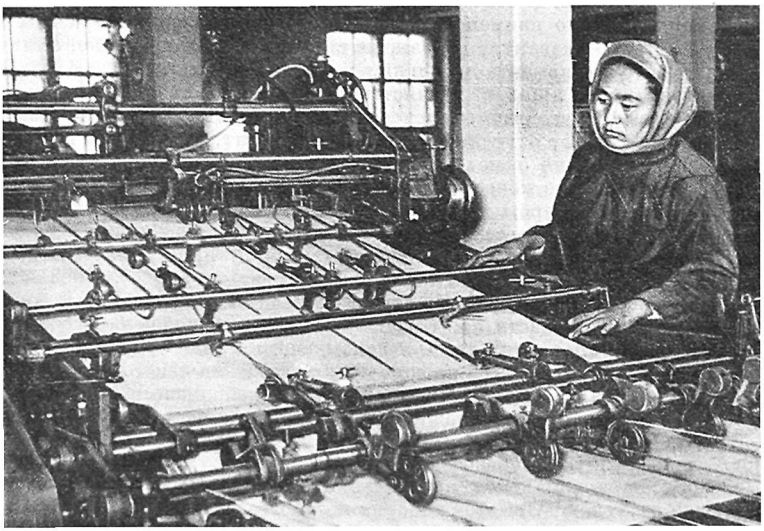
Целлюлозно-бумажный комбинат будет крупнейшим предприятием республики. Ежегодно он будет перерабатывать 800 тыс. тонн камыша. Кроме выпуска основной продукции, комбинат организует производство камышитовых и древесно-волокнистых твердых плит для нужд строительства.

При целлюлозно-бумажном комбинате планируется устройство нового благоустроенного социалистического города с населением более 12 тыс. человек.

За годы Советской власти количество промышленных рабочих Кара-Калпакии возросло с 50 человек в 1913 г. до 9500 человек в 1958 г. Это — рост не только количественный. Рабочих социалистической промышленности Кара-Калпакии нельзя уже и сравнивать с дореволюционными неграмотными и нищими сезонниками, которых использовали на самой тяжелой черной работе. Широкой механизации всех процессов производства на предприятиях, необходимости управлять новыми сложными машинами соответствуют квалификация и повышение культурного уровня молодого рабочего класса Кара-Калпакии. Успешно овладевая современной техникой, рабочие перевыполняют производственные планы; выдвинулась целая плеяда рабочих-каракалпаков, передовиков и новаторов производства. Много каракалпаков и среди инженерно-технического персонала. Если в первые годы Советской власти производственным обучением на заводах и в мастерских руководили преимущественно русские рабочие, то теперь и среди каракалпаков немало кадровиков с большим производственным стажем, которые также успели подготовить за время своей работы квалифицированную смену из молодежи. Особенно важно, что на всех предприятиях среди рабочих много женщин, в том числе каракалпачек. Больше всего их на Муйнакском консервном заводе — в цехах по обработке рыбы, среди расфасовщиц, рубщиц, упаковщиц и др.



Строительство Ташкентской ГРЭС



Рабочая-печатница в цехе Нукусского полиграфического комбината

Каракалпакская «огиз-арба». Турткульский район

Около всех новых промышленных предприятий построены рабочие поселки; при заводах и фабриках организованы клубы, библиотеки.

Транспорт

Основными, традиционными перевозочными средствами каракалпаков испокон веков были арба и лодка. Арба — очень древний элемент материальной культуры этого народа. Она фигурирует в его эпосе, исторических преданиях, в устной народной литературе. В этнонимике — названиях родов и родовых подразделений — немало наименований, аналогичных названиям разных частей арбы. Часты названия, связанные с арбой, и в топонимике, а также среди элементов орнамента вышивки, узорного тканья.

Большая роль арбы в хозяйственной жизни каракалпаков отмечается и первыми русскими исследователями их быта: Муравин в своем «Журнале описаний», относящемся к 1740—1741 гг., пишет, что каракалпаки «ездят больше на быках в телегах, а по их арбы, которые сделаны на двух колесах; оные колеса вышиною в $2\frac{1}{2}$ и в 3 аршина...»[1]. У каракалпаков бытовали арбы двух типов: собственно каракалпакская, распространенная преимущественно на севере в дельте, — так называемая *телеген-арба*, и *тат-арба*. Название старинной арбы «телеген», возможно, связано с монгольским термином «tergen»—повозка[2]. Ободья телеген-арбы гнули из двух-трех грубо обтесанных жердей ивы; короб плели из ветвей; все части арбы соединялись между собой без гвоздей и других железных креплений, не было даже железной (или чугунной) втулки в колесах — и потому телеген-арба во время движения неистово скрипела. В условиях дельты, на местности, пересеченной небольшими протоками и пересыхающими озерами с влажной заболоченной почвой, легкая телеген-арба была для постоянно передвигавшихся с места на место каракалпаков очень важным перевозочным средством.

Тат-арбу каракалпакское население считает заимствованной от узбеков южного Хорезма, об этом говорит и само ее наименование: этноним

[1] «Поездка из Орска в Хиву и обратно...», стр. 71.

[2] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 41—42.

«тат» применялся еще в средние века в приамударьинских районах для обозначения исконного местного земледельческого населения. Действительно, тат-арба не отличается от старинной узбекской арбы так называемого хорезмского или хивинского типа: массивные ободья ее колес составлены из довольно толстых, плотно пригнанных друг к другу планок-брусков, которых обычно девять. Вместо натяжки на колеса железных обручей в них вбивают по всей окружности ребра железные гвозди с большими шляпками; это предохраняет колеса от быстрого износа. Число спиц — 18. Очень массивные ступицы имеют внутри чугунные втулки. Кузов дощатый; арбакеш сидит не в самом кузове и не на лошади, как это практикуется в других районах Узбекистана, а на специальном сиденье *ал-тахта*, нависающем над крупом лошади или быка. Ал-тахта и столбики, которыми она упирается в оглобли арбы, часто украшают резьбой.

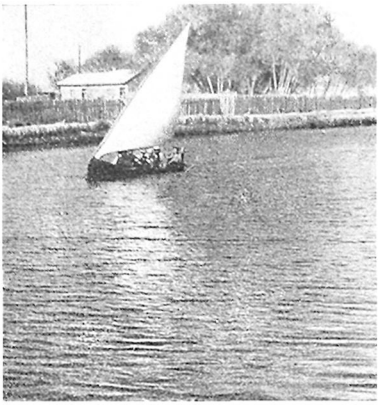
Старики каракалпаки едут на базар

Тат-арба широко бытует и в настоящее время; в зависимости от того, запрягают в нее лошадь, быка или осла, ее называют *ат-арба*, *өгиз-арба*, *ешек-арба*.

Помимо передвижения на арбе, у каракалпаков была распространена и верховая езда. Седло в северных районах Кара-Калпакии сходно с туркменским, а в южных — с седлами хорезмских узбеков. Своеобразны стремена — с длинными раздвоенными концами дужек. Очень богато украшали вышивкой по сукну и коже чепраки и подседельники, а узду верховых лошадей скрепляли пряжками ювелирной работы с цветными камнями.

Выше уже говорилось (см. стр. 446) об устройстве каракалпакской рыболовной лодки старого типа — кайык. Для транспортных целей служила лодка другой конструкции, называвшаяся *кеме*. На кеме перевозили грузы по Аму-Дарье на большие расстояния. Она была прочнее и больше кайыка. Делали ее из досок по образцу хивинских лодок. Расстояние от низовий Аму-Дарьи до Чарджоу (около 650 км) против течения можно было пройти на кеме не менее чем за 15 дней, причем приходилось тянуть ее с тяжелым грузом бурлацким способом на бечеве (*салдаў*), под знойным солнцем по пустынному песчанному берегу; это был очень тяжелый труд.

В дореволюционный период транспортная проблема, имеющая решающее значение для развития экономики в низовьях Аму-Дарьи из-за оторванности и замкнутости этого района, окруженного с трех сторон пустынями, а с четвертой — малоудобным для судоходства морем, не была решена. Правда, частные фирмы стали строить паровые суда для переброски товаров по Аралу и Аму-Дарье, но роль их была ничтожна и



Лодка под парусом в протоке Казах-Дарья

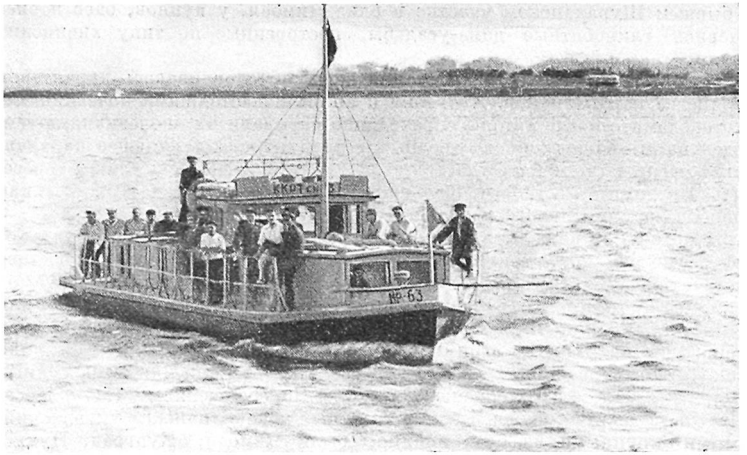
основным транспортным средством на Аму-Дарье оставались кеме. Непостоянство фарватера, неожиданно возникающие острова, мели и глубокие провалы дна, появляющиеся и исчезающие в течение нескольких часов, частые отклонения течения к правому или левому берегу затрудняли передвижение по единственной транспортной водной магистрали оазиса. Не более удобны были и сухопутные трассы через пустыню Кызылкум: они шли безводными песками к железной дороге на юг, мимо Тамды к Кермине и на север к Казалинску и Перовску (Кзыл-Орде). Когда закрывалась на зиму навигация на Аму-Дарье, путь по этим дальним пустынным трактам с верблюжьими караванами становился единственно возможным средством связи местного населения с внешним миром.

Вскоре после революции «каючный» флот стал вытесняться буксирным. Создание в Кара-Калпакской АССР собственного моторно-буксирного флота обеспечило быстрый рост перевозок речным транспортом. Однако уже с начала 30-х годов Аму-Дарья перестала быть основной транспортной артерией. В 1932 г. в Кара-Калпакии появились первые автомобили, а еще годом раньше установилось почтово-пассажирское авиасообщение между Чарджоу и Турткулем. Автотранспорт, вытесняя арбу и лодку, стал основным средством сообщения между районами и внутри районов республики.

В настоящее время Нукус уже соединен со многими городами и районными центрами асфальтированными шоссейными автострадами, по которым курсируют комфортабельные пассажирские автобусы. Все колхозы и совхозы имеют свои автопарки. Еще большее значение для связи Кара-Калпакии со всей страной имеет воздушный транспорт. Сообщение на самолетах стало обычным для населения республики, прямые авиалинии связывают ее теперь с Москвой, Ташкентом и многими другими городами. Авиация используется не только в транспортных целях, но и для медицинского обслуживания населения отдаленных районов, для уничтожения очагов малярии, а также в сельском хозяйстве для борьбы с сельскохозяйственными вредителями и др. Авиация широко применяется различными научными экспедициями, исследующими широкие просторы пустынь, степей и дельтовой области республики.

Большое значение для развития транспорта Кара-Калпакии имело строительство железной дороги Чарджоу — Кунград. Начатая в годы Великой Отечественной войны укладка полотна велась частично методом народной стройки. Железнодорожная линия Чарджоу — Кунград открыла большие возможности для дальнейшего развития хозяйства и культуры Кара-Калпакии.

На ближайшие годы запланировано продление железной дороги из Кунграда в Макат-Александров-гай, на расстояние 1268 км. Это создаст новый железнодорожный выход из Кара-Калпакии непосредственно в европейскую часть Союза ССР. Однако проведение железнодорожной линии по левому берегу Аму-Дарьи, в стороне от главных правобережных



Пассажирский катер на Аму-Дарье

центров республики, лишь отчасти решает транспортную проблему; в настоящее время разрабатывается вопрос о сооружении капитального моста через Аму-Дарью в районе Тахиа-Таша.

Поселения и жилища

Как и у других полуоседлых народов, у каракалпаков существовало много видов временных жилищ, отличавшихся строительным материалом, планировкой и способом устройства. В большой мере особенности их форм зависели от природно-хозяйственных условий.

Единственным устойчивым видом каракалпакского жилища, не зависящим от природных особенностей разных местностей, была юрта (*қара үй*) — традиционное народное жилище каракалпаков, до сих пор встречающееся почти в каждой колхозной усадьбе в дельте Аму-Дарьи.

Поселения и жилища каракалпаков периода XVIII в. изучаются Хорезмской археолого-этнографической экспедицией АН СССР в бассейне пересохшей Жанадарьи, населенном до XIX в. каракалпаками, где до сих пор сохранилось, наряду с остатками ирригационной сети, множество развалин построек и следов круговой обваловки юрт. Археологический материал свидетельствует о том, что, кроме юрт, в прошлом у каракалпаков существовали жилища полуоседлого типа — глиняные мазанки (*қоқра*), землянки и полуземлянки, а у крупных баев-феодалов были и большие замки-усадьбы, построенные из пахсы и обнесенные оборонительными стенами. Примерами таких укрепленных усадеб каракалпакской знати могут служить исследованные экспедицией Орунбай-кала на Жанадарье и Ораз-аталык-кала в Тахта-Купырском районе Кара-Калпакской АССР. Первые описания каракалпакского жилища относятся к середине и второй половине XIX в. и содержатся в записках и статьях участников экспедиции Бутакова (1858—1859 гг.), в работах Каульбарса и других русских исследователей периода похода России на Хиву (1873 г.), в трудах Аму-Дарьинской экспедиции 1874—1875 гг. и отчетах первых начальников Аму-Дарьинского отдела, знакомившихся с населением края, его хозяйством и бытом.

Из этих описаний явствует, что юрта еще в середине XIX в. оставалась основным видом жилища каракалпаков. Лишь на юге Кара-Калпакии,

в бывшем Шураханском участке и близ Чимбая, у купцов, баев и биев имелись глинобитные дома-усадьбы, построенные по типу хивинских хаули.

Несомненно, стойкость бытования юрты обусловливалась характером хозяйства каракалпаков. Хотя они и не были настоящими кочевниками-скотоводами, многие авторы справедливо называли их «кочевниками-земледельцами». Непостоянство водных источников, заставлявшее каракалпаков очень часто менять участки своих земледельческих угодий и переселяться в другие местности, обусловило сохранение в их быту юрты, как наиболее рационального и удобного переносного жилища.

В юрте жили не только летом, но и зимой. Однако в целях обороны от соседей-кочевников, туркмен и казахов, зимой, когда набеги становились систематическими (вследствие замерзания озер и болот в дельте и самой реки с ее протоками, служивших летом непреодолимым препятствием для конных аламанщиков), жители каракалпакских аулов дельты Аму-Дарьи собирались во главе со своими родовыми старшинами-биями и ставили свои юрты в укреплениях — *қала*, обнесенных стенами или огороженных земляным валом и окруженных рвом. По сообщениям Каульбарса, в 1873 г. в дельте имелись десятки подобных каракалпакских укреплений; самыми крупными из них, видимо, были Чимбай, Кунград, Нукус. В стенах Кунграда участник Хивинского похода подполковник М. Г. Черняев застал в 1873 г. до 3 тыс. кибиток. «Каракалпаки,— пишет он,— находятся постоянно как бы в осадном положении и для защиты себя противу туркмен собираются в большие аулы, которые ограждают глиняными стенами»[1].

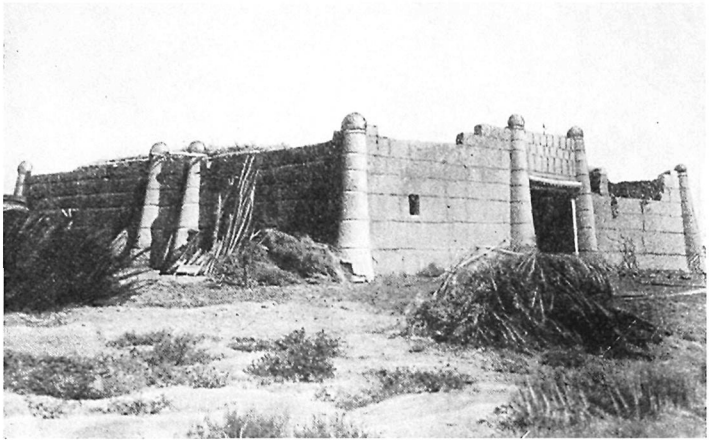
После прихода русских возможность мирной жизни, развитие прочного оседлого земледельческого хозяйства способствовали развитию в главном центре земледелия дельты — районе Чимбая — оседлых аулов и жилых построек постоянного типа; статистическое обследование Переселенческого управления, проведенное в 1912—1913 гг., зафиксировало в Чимбайском районе на 12 936 юрт 3995 жилых построек, а в других районах процент жилых построек был все еще ничтожен (например, в Даукаринском на 3251 юрту — 110, в Талдыкском на 5655 юрт — 680).

Таким образом, на севере, северо-западе и северо-востоке Кара-Калпакии до самой революции основным типом селения оставался полукочевой аул, а главным видом жилья — юрта.

* * *

Для каракалпакских селений земледельческой полосы издавна было характерно расселение аулами, обитатели которых принадлежали к одному роду или родовому подразделению; эти «родовые» аулы располагались вдоль оросительных каналов, считавшихся также «родовыми»,— проведенных данным родовым подразделением из реки, ее протока или магистрального канала на свои угодья. Внутри аула усадьбы располагались разбросанно. Так называемый хуторской тип расселения, характерный для всего Хорезмского оазиса, у местного населения восходит еще к раннему средневековью; он обусловливался устойчивыми пережитками большой семьи (древний и средневековый *кед*), располагавшейся со всеми своими многочисленными членами в укрепленной высокими глинобитными стенами усадьбе — *хэўли*. Хаули были построены на земельных участках отдельных семей, не составляя компактных кишлаков. У каракалпаков, сохранивших родоплеменное деление, пережитки большой семьи своеобразно переплетались с родовой структурой: у них были близкородствен-

[1] М. Черняев. Низовья Аму-Дарьи до Кунграда. «Туркестанские ведомости» 1873, № 3.



Каракалпакское хаули, 1929 г.

ные группы — коше, считавшиеся мельчайшими подразделениями рода (см. стр. 416). Члены одного коше селились рядом. Поэтому каракалпакский аул обычно четко подразделялся на разбросанные по местности вдоль мелких арыков поселения коше, представлявшие собой расположенные поблизости одна от другой группы юрт, жилых домов и хозяйственных построек. Семьи, возглавлявшиеся богатыми баями и прочими представителями привилегированного сословия, всегда лучше обеспеченные водой, окружали свои усадьбы рощами и садами, в тени которых живописно располагались дома и юрты. Бедняки обычно ограничивались устройством вокруг жилища ограды из ветвей жингила и других кустарников — воды им не хватало даже на поля и бахчи.

В северных районах, преимущественно скотоводческо-рыболовецких, характер расселения отличался от описанного выше. Аулы здесь были более компактными и часто юрты и дома располагались сплошной полосой вдоль берега протока дельты. Однако и здесь аул подразделялся на коше, и принадлежавшие к нему близкородственные семьи всегда селились рядом. В старых каракалпакских аулах не было никаких зданий общественного характера, за исключением мечетей, которые по своей архитектуре почти ничем не отличались от обычного глинобитного дома, кроме обязательных больших навесов — *шертек* и наличия в юго-западной стене внутри здания ниши—михраба.

В некоторых аулах имелись также здания медресе, чаще всего они являлись собственностью местных ишанов.

Поблизости от аула находилось родовое кладбище, часто с мазаром «святого», покровителя данного рода или племени.

После организации колхозов в типе расселения и в жилище каракалпаков стали происходить большие изменения. Среди беспорядочно разбросанных, изолированных один от другого дворов появляется колхозный центр — здание правления, школа, клуб, магазин и, наконец, новые жилые дома, в которых хозяйственные постройки и хлев отделены от жилища. Постепенно в Кара-Калпакии стали появляться и новые поселки, где дома и дворы строились по определенным типовым проектам.

Строительство новых колхозных социалистических поселков-аулов имеет огромное значение для развития хозяйства, культуры и быта кол-

Улица в г. Нукусе

хозников. Новые поселки дают возможность рационально использовать ирригацию, поскольку ликвидируется старый тип разбросанного расселения вдоль родовых каналов на традиционных, исконных угодьях. Упорядочивается сеть внутриколхозных дорог. Исчезают предпосылки устойчиво сохранявшихся вредных пережитков, влиявших на организацию труда в каракалпакских колхозах — например, близкородственный состав колхозных бригад. Компактность колхозных поселков упрощает бытовое обслуживание (электрификацию, радиофикацию), облегчает проведение политико-массовой и культурно-просветительной работы.

Главное же в том, что строительство новых колхозных поселков с обширными площадями, прямыми улицами, производственными помещениями, сетью культурно-бытовых учреждений, благоустроенными жилыми домами ускоряет предначертанный Коммунистической партией исторический процесс уничтожения существенного различия между городом и деревней, способствует поднятию культурного уровня колхозников, в корне меняет их образ жизни.

В совхозах этот процесс коренного изменения характера сельских поселений имеет более благоприятные условия для своего развития и происходит быстрее.

В республике появилось много городов и рабочих поселков. Это также новое явление в быту народа, прежде не имевшего крупных городов. Города Кара-Калпакии частью выросли из маленьких дореволюционных аулов и торговых центров — базаров, частью созданы заново, на месте, где прежде вовсе отсутствовали какие-либо поселения.

Город Турткуль (ранее Петро-Александровск) был построен русскими солдатами в 1873—1874 гг. Это был военно-административный центр, резиденция начальника Аму-Дарьинского отдела. Город делился на две части — офицерскую и крепостную. В офицерской части, более благоустроенной, находился городской сад, церковь, клуб военного собрания, лазарет, две школы, церковно-приходское училище. В крепости размещался гарнизон; солдаты жили в казармах. В Петро-Александровске была также слободка, где жили семьи солдат и ссыльные казаки-уральцы.

Школа-десятилетка в рабочем поселке Муйнак

Помимо казенных учреждений и домов военных, в городке было несколько сот частных домиков и базар. В годы революции этот город, расположенный в самом густонаселенном и экономически развитом районе оазиса, стал центром революционных сил, а затем был провозглашен столицей советской Кара-Калпакии. Однако Аму-Дарья постепенно подмывала правый берег в районе Турткуля и вскоре начала разрушать и самый город; в связи с этим столица республики была перенесена в Нукус, а Турткуль выстроили заново, вдали от берега Аму-Дарьи. Новый Турткуль растет очень быстро и уже стал многолюдным и благоустроенным городом.

Столица республики г. Нукус, выстроенный на пустынном месте, близ прежней небольшой крепости с русским гарнизоном, в первые годы своей жизни, несмотря на близость Аму-Дарьи, ощущал большие трудности в водоснабжении и страдал от постоянных ветров и пыли, но вскоре был построен водопровод и начались большие работы по озеленению города и его пригородов; разросся обширный парк,в скверах прекрасные цветники. Улицы асфальтированы и озеленены. Нукус стал подлинным центром экономической и культурной жизни Кара-Калпакии. Помимо правительственных и административных зданий, предприятий и магазинов, здесь находятся Филиал АН Узбекской ССР, Педагогический институт, две библиотеки, театр музыкальной драмы и комедии, филармония и много других культурных учреждений. Дома в большинстве своем двухэтажные, из сырцового кирпича, но много и глинобитных одноэтажных, которые, однако, не менее благоустроены, чем кирпичные. В последние годы появились целые кварталы домов, построенных из камышитовых плит. На окраине города расположено соленое озеро с оборудованным на нем пляжем, купальнями и рестораном. Невдалеке находится стадион. Многочисленные автомашины курсируют по улицам; автобусное сообщение организовано также от города до аэропорта, до пристани на Аму-Дарье, до Чимбая, Тахта-Купыра и других районных центров.

Город Чимбай, бывший до революции административным центром северной Кара-Калпакии, считался и главным торговым пунктом

в дельте. Застраивался он в прошлом стихийно, без плана; водоснабжение не было налажено, воду в арыки перекачивали чигирями. В городе находилась резиденция чимбайского пристава, было много мечетей, большой базар, но врачей не было, а школьная сеть ограничивалась несколькими мектебами. Теперь Чимбай приобрел облик современного города. Он занимает одно из ведущих мест в экономике республики. Здесь находится много крупных промышленных предприятий. В Чимбае имеются Научно-исследовательский сельскохозяйственный институт, Педагогическое училище, Народный театр, кинотеатры, библиотека. В городе строятся новые дома для рабочих и служащих, он благоустраивается и озеленяется.

Чимбай растет за счет возникших на его окраинах поселков рабочих хлопкоочистительного, маслобойного и других заводов.

Город Ходжейли, как и Чимбай, в прошлом был типичным среднеазиатским торговым поселком с узкими кривыми улицами, базаром, караван-сараем, пятью мечетями и медресе. Здесь было много духовенства и торговцев. Нынешний Ходжейли, наряду с промышленными предприятиями, имеет большую пристань, механические и судоремонтные мастерские; значительную часть его жителей составляют рабочие. Теперь Ходжейли стал не только важным речным портом, но и главным железнодорожным пунктом Кара-Калпакии. Около железнодорожной станции выстроен вокзал и разрастается новый Ходжейли — благоустроенный социалистический город с кирпичными домами, водопроводом, электричеством. Новый Ходжейли, строящийся в совершенно незаселенной местности, где еще несколько лет назад были голые пустыри, солончаки и заросли верблюжьей колючки, растет с поразительной быстротой.

В послевоенные годы также на пустом месте построен поселок Тахиа-Таш, сейчас уже город с несколькими промышленными предприятиями; здесь строится крупнейшая теплоэлектростанция.

Рабочий поселок Муйнак возник на полуострове Токмак-ата, на берегу Арала, там, где раньше были лишь рыбацкие селения уральских казаков. С 1940 г. после открытия на Муйнаке рыбоконсервного комбината стал расти и новый поселок. Теперь близ завода есть целая улица домов, построенных самими рабочими; кроме того, возводятся и большие многоквартирные дома со всеми удобствами — водопроводом, канализацией, паровым отоплением. Для жителей Муйнака в поселке построены средние школы, школа ФЗО рыбников, хороший клуб; улицы его быстро озеленяются. Благоустраиваются и рабочие поселки, расположенные на побережье и островах, вокруг рыбозаводов, а также поселки рыболовецких колхозов, разбросанные в дельте, на узких полосках земли между камышовыми зарослями и протоками. Эти колхозы не оторваны теперь от центра—Муйнака; у них есть быстроходные моторные лодки, а около многих из них устроены посадочные площадки для самолетов. Авиация прочно вошла в быт населения этого приморского района. Специально оборудованные суда ведут большую работу по культурному обслуживанию рыбаков отдаленных промыслов; на них приезжают лекторы и пропагандисты, демонстрируют кинофильмы, выступают артисты, музыканты.

* * *

В настоящее время в сельских местностях Кара-Калпакии распространены различные типы жилых домов, но большинство из них сохраняет черты традиционного каракалпакского жилища; в колхозных и совхозных поселках довольно широко еще бытуют юрта и глинобитный дом *там* старого типа.

Каракалпакская юрта отличается от юрт других народов Средней Азии как деталями конструкции деревянного каркаса, так и внешним и внутренним убранством. Решетки — *кереге* — у каракалпакской юрты

сделаны из слабо изогнутых жердей, тонких и легких, с овальным, а не с круглым, как у северных узбеков Хорезма, сечением; концы их заострены. Число жердей в каждой решетке — 12. Образующие кровлю жерди — уык(*уўық*)—согнуты не плавно, а круто, лишь на самом нижнем своем конце. При общей длине уыка в 2,05 м, он на расстоянии 1,7 м совершенно прямой и согнута лишь его часть длиной 35 см под углом 30—35°. Такой тип уыков обусловливает форму кровли каракалпакской юрты, характерной не плавным сферическим контуром, как у большинства казахских и туркменских юрт, а более конусовидным.

Шаңарақ — верхний круг диаметром около 170 см, увенчивающий кровлю юрты, у каракалпаков тоже имеет некоторые особенности. Обод его не одинарный, как у казахов, а двойной; внешний обод несколько толще внутреннего. В обод изнутри вставлены изогнутые тонкие жерди, образующие выпуклую верхушку шангарака; они расположены крестнакрест; в каждой дуге крестовины по семь-девять жердей, причем они укрепляются веерообразно, а не параллельно одна другой, как в казахском шангараке: около обода они лежат с интервалом в 3 см, а в центре жерди плотно пригнаны одна к другой, и верхняя дуга, образованная ими, крепко привязана к нижней. Высота шангарака у каракалпаков достигает 40—50 см. Его не украшают ни резьбой, ни окраской, но очень изящно выглядят на просвете шангарака обязательные стреловидные украшения, расположенные в ободе по три штуки между дугами крестовины. Во внешней стороне обода сделаны отверстия для уыков, число которых в шестиканатной юрте (состоящей из шести решеток) равно обычно 92. Дверь юрты (*ергенек*) — всегда двухстворчатая; она устанавливается в дверной раме, состоящей из порога, верхней притолоки и двух боковых стоек, привязанных к решеткам кереге. На створках дверей, составленных из двух-трех филенок, обычно имеется орнаментальная резьба; резьбой украшают также притолоку. Двери открываются внутрь юрты. Сама же юрта устанавливается всегда так, чтобы вход в нее был с юга.

У каракалпаков только кровля юрты покрывается кошмами, а боковые стенки цилиндрического остова — циновками *ший*. Передняя кошма (*алдынғы үзик*) прикрепляется к кровле при помощи пришитых к ней темно-красных орнаментированных, шириной в 15—20 см, дорожек (*қызылқур*), которые пропускаются внутрь юрты и перекрещиваются над почетным местом в юрте — *төр*. Задняя кошма (*кейинги үзик*) прикрепляется белыми орнаментированными дорожками (*аққур*), которые пропускаются наружу и красиво перекрещиваются на войлочной кровле над входом. Кошма, покрывающая шангарак (*туўырлық*), прикрепляется пришитыми у ее углов веревками к связывающей остов юрты шерстяной толстой веревке. Один конец этой кошмы обычно свободный, его откидывают шестом для освещения юрты и выхода дыма от находящихся в ней очагов. Решетчатый остов юрты, кроме веревки, плотно стягивают две широкие узорные дорожки — *қызылбасқур* и *аққасқур*. Дверь завешивается снаружи нашитой на кошму циновкой (*есик*), обычно украшенной внизу полосой орнамента. Когда дверь открыта, есик, свернутый в трубку, укрепляют над ней. На есик нашивают треугольник с кистями, к которому привязана веревка; спущенный есик укрепляют этой веревкой, чтоб его не развевал ветер. На покрывающих остов юрты снаружи циновках по сторонам двери вешают узкие вертикальные полосы орнаментированной кошмы (или ковровые), называемые *шийөқир*. По бокам юрту украшают двумя широкими ковровыми дорожками с цветной бахромой — *жамбау*. Очень нарядно традиционное оформление внутри каракалпакской юрты. Разнообразные ковровые дорожки, тесьма, вещевые сумки сочетают утилитарные функции с декоративными. Над дверьми висит коврик, от которого тянутся по верху стен узкие светлые дорожки

с бахромой и кистями. Искусно сделанные разноцветные кисти иногда привешивают для красоты к верхней части уыков и они спускаются над тором.

В центре юрты устраивается квадратный очаг с невысокими бортами (*этегитен*). Пространство между очагом и задней стенкой — почетное место тор — обрамляется двумя деревянными шкафчиками (*сандық*), на которых уложен так называемый *жүк* — одеяла, подушки и под ними — ковровая сумка (*қаршын*) с одеждой. Сандык всегда украшен резьбой или росписью. Налево от входа — мужская половина юрты — *қаптал*. Там на решетках кереге развешивают мужскую одежду, уздечки, кладут седла. Справа от входа — женская половина — *қазан аяқ*, здесь располагаются все предметы, связанные с приготовлением пищи, и устанавливается очаг с котлом. На стенку-кереге здесь вешают кожаные мешки с мукой, рисом, джугарой, тыквенные сосуды с маслом и другими продуктами. Раньше на левой стороне у входа в юрте помещали ручной жернов (*дигирман*).

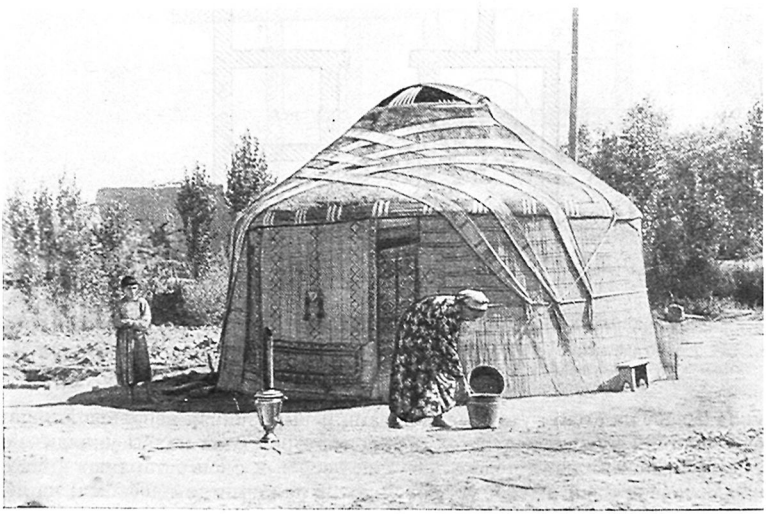
Несмотря на свои положительные качества (приспособленность к полукочевому быту, способность сохранять прохладу в условиях жаркого климата и др.), у юрты был существенный недостаток — она плохо защищала от зимних холодов. На зиму, для защиты от пронизывающих холодных ветров, юрты окружали изгородью из ветвей или плотно прилегающих один к другому вертикально поставленных снопов камыша, которые закапывали нижними концами в землю и укрепляли земляным валиком.

Юрты ставят обычно женщины. Раньше во время установки новой юрты (*отаў*) устраивали празднество с угощением. Когда поднимали шангарак, в середину юрты, по обычаю, клали мешки с пшеницей, камни и другие тяжелые грузы, чтобы юрта стояла прочно и в ней жили счастливо. Перед тем как покрывать новую юрту кошмами, к шангараку привешивали качели, на которых качалась молодежь. Юрту молодоженов полагалось покрывать белыми кошмами.

В настоящее время юрта продолжает бытовать, но распространена гораздо меньше; при этом изменились ее функции: она играет роль лишь летнего жилища, помимо которого всегда имеется благоустроенный утепленный зимний дом. В летний зной юрту ставят близ арыка, в тени деревьев, и она всегда сохраняет прохладу и имеет приток свежего воздуха, служа местом отдыха семьи и помещением для приема гостей. На отгонных пастбищах юрта не только служит жильем пастухов, но используется как хозяйственное помещение, где хранят молочные продукты.

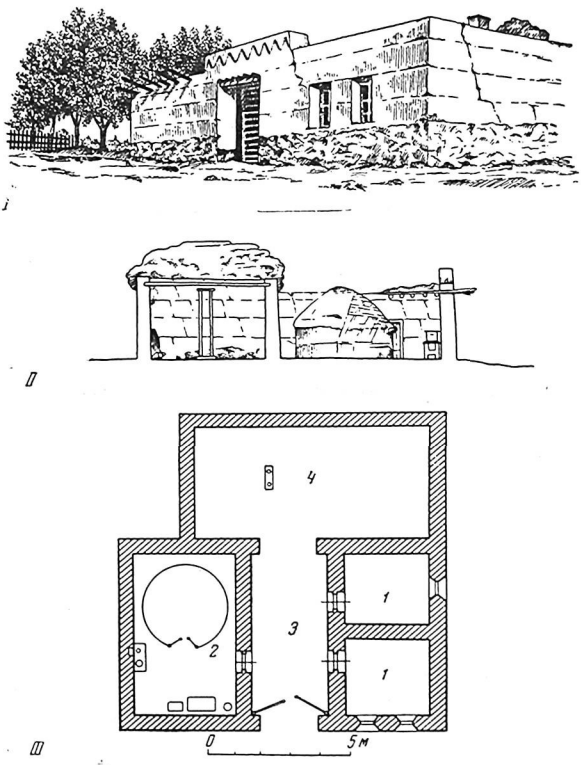
Помимо юрты у каракалпаков в прошлом были распространены постоянные жилища — там. Каракалпакский там старого типа был глинобитным — стены его клались из пахсы. Столь распространенная у узбеков левого берега техника возведения каркасных стен, заполненных сырцовым кирпичом или комьями глины, встречалась на правом берегу очень редко, и то лишь в таких городах, как Чимбай и Ходжейли, где было много узбеков. Но на севере, в пышном Муйнакском и частично Кунградском районах, была издавна распространена каркасная конструкция жилища с заполнением из камышовых снопов или с хворостным плетнем, обмазанным глиной. Прежние технические приемы кладки пахсы можно наблюдать и теперь. При постройке глинобитного дома поблизости от строительной площадки устраивается котлован для приготовления глины. На месте котлована почву перекапывают на глубину до 70—80 см и пускают в нее воду из арыка. Затем воду спускают и тщательно месят глину ногами. Из котлована глину подвозят к месту постройки на арбах, сваливают и снова месят ногами и выбивают большим деревянным молотом-колотушкой (*тоқпақ*). Затем мастер по указанию хозяина, измеряя расстояние шагами, размечает колышками с веревкой на площадке план

Остов каракалпакской юрты. Муйнакский район



Юрта в усадьбе колхозника

дома. По линии стен укладывают нижний низкий (до 15 см) слой пахсы, служащий фундаментом. Ширина этого основания глинобитных стен дома около 1 м. На фундамент кладут изолирующий от влаги толстый слой ветвей кустарника или камыша, поверх которого уже начинается кладка пахсы. Высота каждого слоя пахсы колеблется от 40 до 50 см. Глину подающий рабочий подбрасывает укладчику лопатой, тот ловит ее руками



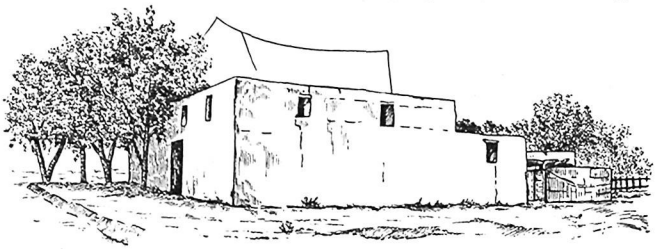
Каракалпакский дом «там» старого типа. Кегейлинский район

I — общий вид; *II* — разрез; *III* — план: *1* — жилые помещения — «ожире»; *2* — «уйжай» с юртой; *3* — «дализ»; *4* — хлев — «сейисхана»;

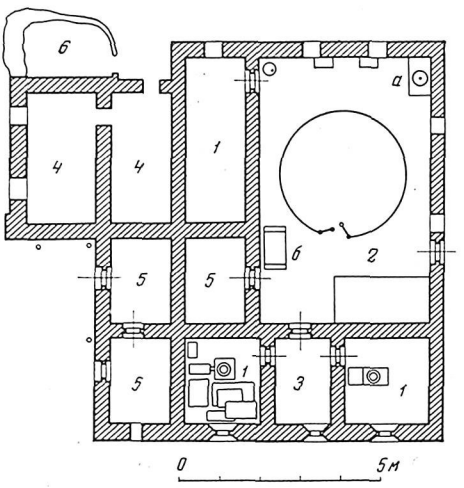
и укладывает на стену, утаптывая ногами и выравнивая небольшой лопаткой с длинной ручкой и дужкой (*кепше*). Второй слой пахсы укладывают после того, как нижний подсохнет. Для дверей и окон оставляют в пахсе проемы, перекрывая их сверху деревянными палками или досками; на последний (обычно четвертый) слой пахсы кладут балки перекрытия (*агаш*), которые сверху укрепляют, покрывая слоем глины. При устройстве кровли на основные толстые балки укладывают жерди (*қада*); на них кладут циновки, камыш, а затем слой земли. Эту плоскую кровлю обмазывают жидкой глиной.

По своей планировке и внутреннему устройству каракалпакский дом старого типа, лишь изредка встречающийся в колхозных аулах, представляет собой прямоугольное здание около 20 м длиной и 12—15 м шириной,

с единственным входом, закрытым воротами, створки которых состоят из грубо сколоченных деревянных рам с перекладинами. Прямо от ворот в глубь дома шел коридор — *дэлиз*, соединявший все внутренние помещения: жилые — *өжире* (обычно два), крытый двор с юртой — *уйжай*, кладовую и хлев, который занимал около $^1/_3$ дома и был расположен во всю ширину его задней стены, отделяясь от упирающегося в него дализа



I



II

Дом колхозного типа с помещением для юрты —«уйжай». Кегейлинский район

I — общий вид; *II* — план: *1* — жилые помещения —«ожире»; *2* — уйжай с юртой; *а*— ручная мельница; *б* — деревянная кровать — «кат»; *3* — «дализ»; *4* — хлев; *5* — кладовые и другие хозяйственные помещения; *6* — загон для скота — «корая»

легкой калиткой из палок и ветвей. Над зимним помещением для юрты уйжаем, крыша дома несколько возвышалась и в ней имелось большое прямоугольное дымоходное отверстие, приходящееся над шангараком, и следовательно, центральным очагом юрты. Имелись очаги и в ожире; печей не было, окна заменяли небольшие световые отверстия на крыше или в верхнем, четвертом слое пахсы. Старый там был темным, дымным, антигигиеничным жилищем, в котором человек жил вместе со скотом; однако он несомненно несколько улучшал бытовые условия каракалпакской крестьянской семьи в зимний период сравнительно с тесной юртой, плохо защищавшей от зимних холодных ветров и стужи. Но и такие дома во многих сельских местностях вовсе отсутствовали.

Бедняки-каракалпаки дельты ютились либо в убогих, крытых рваными кошмами и циновками юртах, либо в упоминавшихся выше примитивных кокра — хижинах из жердей и камыша, обмазанных глиной, либо, наконец, в землянках и полуземлянках — *жертөле*.

В настоящее время в Кара-Калпакии нет единого типа жилого дома, характерного для всех сельских местностей. Основным видом жилища в сельской местности стали новые благоустроенные современные дома; кое-где еще встречаются старые тамы.

В новой сельской архитектуре бытуют дома, построенные по типовым проектам, и дома, построенные самими жителями, при помощи народных мастеров-строителей. В связи с тем, что типовые дома часто еще проектируются без учета местных природно-географических условий и хозяйственно-бытовых нужд сельских жителей, они не всегда удовлетворяют колхозников, поэтому до сих пор еще довольно широко распространен в колхозах и даже в совхозах местный тип дома, в котором сочетаются национальные народные традиции и вкусы с возросшими культурными запросами населения. Однако наряду с положительными традициями народного зодчества этот тип домов сохраняет некоторые неприемлемые сейчас черты старого жилья. Для разрешения проблемы типового строительства в 1958 г. в Кара-Калпакии создан Нукусский филиал проектного института «Узгипрогорсельстрой».

Характерный для жилого комплекса современной колхозной усадьбы, построенной по проекту самих колхозников, глинобитный там нового типа имеет комнаты с большими окнами, удобными печами, приспособленными и для варки пищи и отопления, а также кладовую и большой, более высокий, чем остальные помещения, внутренний крытый двор для юрты. В самые холодные месяцы года юрта стоит здесь пустая, семья переселяется в ожире; весной и осенью колхозники живут и в комнатах и в юрте внутри тама, а на все лето юрту устанавливают поблизости от дома, ориентируя вход всегда на юг; около нее строят навес (*шертек*) с удобными для работы и отдыха возвышениями (*сыпа*) и очагами; здесь протекает летом жизнь семьи, а дом остается до осени лишь хозяйственным помещением. Таким образом, традиции полукочевого быта и привычка к национальному жилищу — юрте — еще сохраняются в быту сельских жителей.

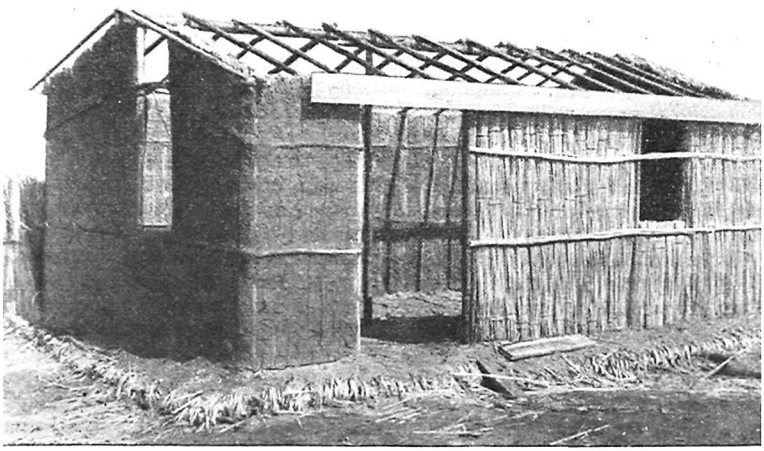
В современных жилых домах уже не строят хлев под одной крышей с домом.

Во внутренней обстановке дома очень много предметов новой утвари, свидетельствующих о развитии культурных навыков. Прочно вошла в обиход мебель — кровати, столы и стулья, шкафы для платья, этажерки для книг. Радиоприемник стал обыденным, повсеместно распространенным в домашнем обиходе предметом. Почти во всех домах колхозников можно встретить швейные машины, велосипеды. К сожалению, редки еще гигиеничные детские кроватки и продолжает бытовать вредно влияющая на физическое развитие ребенка колыбель старинного типа *бесик*.

Несмотря на широкое проникновение предметов городского быта, внутренняя обстановка жилых комнат сохраняет национальный облик. В парадной комнате рядом со столами и кроватями стоят перенесенные из юрты сандыки со сложенными одеялами, на стенах часто висят паласы из узорной кустарной ткани алаши и ковровые сумки; полы устланы циновками, узорными кошмами и коврами. В хозяйственной комнате очень много прежней домашней утвари и посуды, бытующей наряду с приобретенными в магазинах алюминиевыми тазами, кастрюлями, фаянсовыми изделиями, умывальниками и др.

Дома, построенные колхозными мастерами, имеют существенные локальные различия: в северных, правобережных районах преобладает дом с уйжаем; на юге, в Турткульском и Бирунийском районах очень

В рыбацком колхозном поселке Муйнакского района



Вид строящегося дома в Муйнакском районе

сильно влияние местной южноузбекской хорезмской архитектуры. Каракалпаки здесь редко имеют юрту и уйжай, живя в домах, по планировке сходных с хаули. На левом берегу, в Кунградском и Шуманайском районах, каракалпаки строят дома с высокими жилыми айванами хивинского типа. Наконец, на побережье, в Муйнакском районе, тип домов совершенно своеобразен — он развился из камышовой хижины кокра. Основным строительным материалом служит здесь камыш. Укрепленные на деревянном каркасе снопы камыша составляют заполнение стен; из них настилают и двускатную крышу, затем снаружи и внутри дом несколько раз промазывают глиной, стены белят известкой. Жилище такого типа, так же как и глинобитное, имеет большие окна, печи и прочее, отличаясь от глинобитного лишь строительным материалом и отсутствием крытых дворов для юрты, которую оставляют на зиму во дворе усадьбы.

Печь, являющаяся обязательной частью дома, разделяет его на две половины: хозяйственную и жилую. Все хозяйственные постройки, разнообразной величины и формы, от больших загонов для скота и сеновалов до крохотных курятников, в этом приморском районе также представляют собой сооружения из снопов камыша и циновок, а иногда просто шалашики; из камыша делают и изгороди. Весь тип архитектуры — дешевые, легкие, нетрудоемкие и крайне простые по своей конструкции постройки — связан с природно-хозяйственными условиями дельты; земли селений часто затопляются, колхозы, а иногда и целые группы их постоянно вынуждены переселяться на новые, сухие места; почти ежегодно меняется карта этого района. Разумеется, трудно ожидать здесь развития устойчивых, постоянных архитектурных форм, как это имеет место в верхней дельте и южнее. При отсутствии дерева население достигло виртуозности в разнообразном использовании растущего в изобилии камыша в качестве строительного материала.

Для осуществления намеченной партией и правительством большой программы жилищного строительства в городах и сельских местностях, в Кара-Калпакии, с ее транспортными трудностями, особое значение имеет использование местных строительных материалов. Строятся кирпичные заводы, расширяется добыча извести, гравия, камня, налаживается производство цемента, силикальцитных блоков. При всем этом большие перспективы имеет сейчас развитие и совершенствование традиционной народной технологии глинобитного и камышитового строительства. Признано, что глинобитные здания удовлетворяют всем техническим и санитарно-гигиеническим требованиям. Низкий коэффициент теплопроводности глинобитных стен в условиях жаркого климата, легкость их архитектурного оформления, антипожарные качества, дешевизна характеризуют этот материал очень положительно. При возведении глинобитных зданий фундамент и цоколь кладутся из водостойких материалов (камень, цемент, жженый кирпич), обеспечивающих хорошую гидроизоляцию, стены покрываются водоустойчивой штукатуркой; таким образом устраняется главный недостаток пахсовых стен — их малая водостойкость, капиллярность. В практике сельского строительства всемерно поощряется пахсовая техника — дешевая и прочная. Не меньше используется и камыш, запасы которого в Кара-Калпакии неиссякаемы. В практику строительства уже широко внедряются, помимо простых снопов камыша, вырабатываемые промкомбинатами прессованные камышитовые плиты, идущие на строительство жилых домов, скотных дворов, кутанов. Из камыша будут в широком масштабе изготовляться и другие стройматериалы — сухая штукатурка, камышебетон.

Одежда

Старинная национальная одежда каракалпаков отличается большим своеобразием — в ней прослеживается сходство с одеждой не только народов Средней Азии и Казахстана, но и народов Зауралья и некоторых народов Поволжья. Эти

Усадьба колхозника в Тахта-Купырском районе

обстоятельства делают народную каракалпакскую одежду важным источником при исследовании вопросов этногенеза.

К сожалению, коллекции одежды каракалпаков в музеях очень малочисленны и к тому же их начали собирать преимущественно после Октябрьской революции; многие виды старинной одежды уже не сохранились даже среди семейных реликвий, и их облик приходится восстанавливать по рассказам стариков.

В дореволюционный период формы народной одежды каракалпаков не изменялись, сказался лишь значительный наплыв российских фабричных тканей. После Октябрьской революции под влиянием русской культуры и в результате усиления связи деревни с городом, широкого снабжения сельских местностей промышленными товарами — разнообразным ассортиментом тканей и готового платья — в старом национальном костюме произошли существенные изменения. Национальный костюм почти полностью сохранился у старшего поколения, у среднего же и у молодежи он в ауле сочетается с элементами городской одежды (обувь, головной убор, верхняя одежда), а в городах у мужчин и у большинства женщин вообще заменяется фабричной городской одеждой.

У каракалпаков для одежды повсеместно применялись ткани домашнего производства: хлопчатобумажные, кендырная, шерстяные (см. стр. 452); кроме самодельных, в широком употреблении у них были шелковые и полушелковые кустарные ткани узбекского и таджикского производства, привозившиеся из Хивы и Бухары: полушелковые полосатые алача и бекасаб, шедшие на халаты, яркие канаусы — шайы для женских платьев, тонкие шелковые, малиновые с золотистым отливом шарфы турме и мадали для женских головных уборов, бухарский цветной бархат бахмал. Наконец, уже с середины XIX в., широко вошли в употребление английские, а затем русские сукна, ситцы и другие привозные фабричные ткани.

В настоящее время выбор фабричных тканей в торговой сети чрезвычайно богат, но среди них есть излюбленные, пользующиеся в аулах наибольшим спросом: бархат и плюш для женских камзолов, вельвет для

мужских камзолов; шотландка,напоминающая прежний местный клетчатый шатыраш и с удовольствием приобретаемая старухами на рубахи; шелковые и вискозные гладкие ткани, главным образом красные — для платьев и др. Из современных кустарных тканей продолжает пользоваться наибольшим спросом шайы, которую вырабатывают промкомбинаты Узбекистана в Бухаре и других городах.

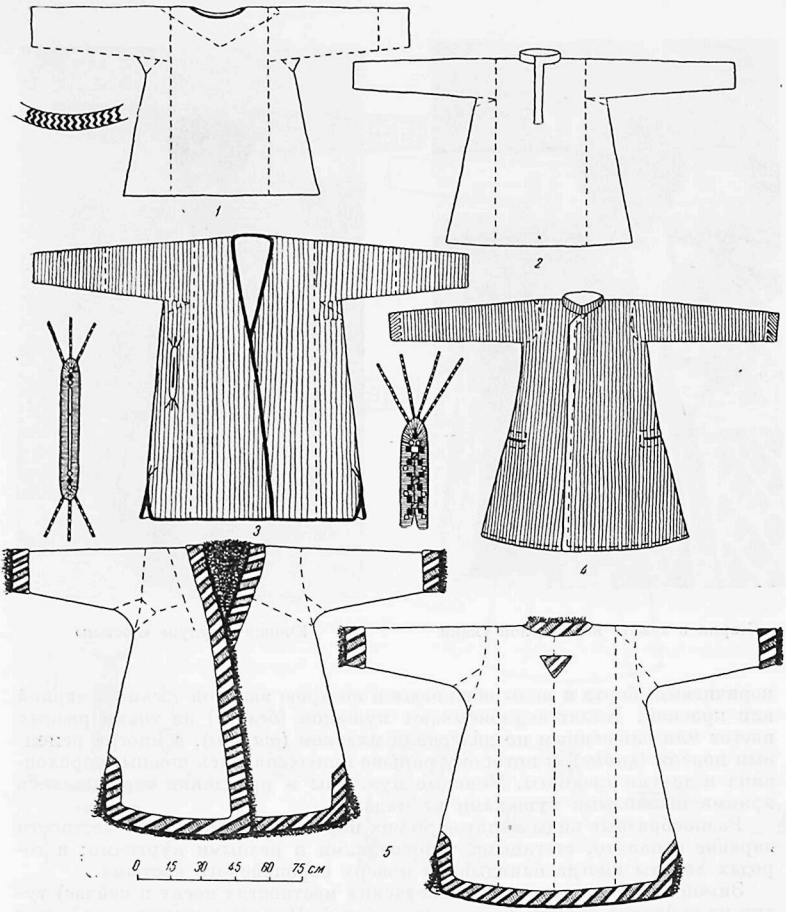
Кроме тканей, раньше в большом количестве шли на изготовление предметов национального костюма овчины, из которых шили тулупы и шапки, а также кожи, употреблявшиеся для изготовления обуви. Овчины и сейчас выделывают для тех же целей, что же касается кустарной обуви, то ее уже почти полностью вытеснила фабричная.

Шили одежду преимущественно дома, женщины, но были в некоторых аулах и профессионалы-портные; шили по определенным, издавна установившимся правилам и образцам; халаты и старинные рубахи были туникообразного покроя, для кройки их из прямых полотнищ в старину употребляли нож. Ткань измеряли мерами длины, связанными с рукой: так, расстояние между большим пальцем и мизинцем называлось *қарыс*, между большим пальцем и указательным — *сүйем*, ширина четырех плотно сжатых пальцев руки — *төрт бармақ*, расстояние от конца пальцев до плеча — *гез*. Раньше шили только на руках, но уже с конца XIX в. стала распространяться швейная машина; однако и до сих пор на машине прошивают лишь часть швов, а некоторые части одежды сшивают на руках, свободным швом через край или тугим и частым швом (*жорма тигис*). Теперь многие виды одежды шьют с круглой проймой рукава. В городах обычно одежду для пошива отдают в ателье.

Мужской костюм каракалпаков в XIX — начале XX в. по своему общему облику был очень похож на специфический костюм узбеков Хорезмского оазиса: подобно им каракалпаки носили халаты из лощеной ткани и черные овчинные шапки.

Нательной одеждой мужчин была белая широкая туникообразного покроя рубаха (*көйлек*) с прямыми рукавами и горизонтальным разрезом ворота, края которого оплетались красными или черными нитками. Рубаху надевали поверх штанов (*ыштан*, *дамбал*), заправлявшихся в сапоги. Обе эти части одежды шили раньше из кустарной хлопчатобумажной ткани боз; сейчас их шьют из разных белых фабричных тканей, причем старый покрой их еще часто встречается у стариков. Койлек и ыштан в жаркое время года использовались сельскими жителями в качестве домашней и рабочей одежды, причем в последнем случае рубашку подпоясывали. В холодное время года поверх ыштан надевали более теплые штаны (*сым*) из толстой темной хлопчатобумажной или шерстяной ткани, того же обычного общесреднеазиатского покроя, что и ыштан. Рубаха бывала и другого, более позднего по происхождению покроя,— с вертикальным разрезом и стоячим татарским воротником (*ногай жага*). Поздним, заимствованным у татар, а не традиционно каракалпакским считается прочно вошедший в быт камзол (*бешпент*), который шьют из темных бумажных или шерстяных тканей (а теперь иногда из вельвета) и надевают поверх рубахи, под халат. Бешпент с рукавами бывает длинный, а в виде безрукавки — более короткий. Камзол всегда кроили с круглыми проймами. Ворот стоячий, карманы прорезные. Бешпент шьют в талию (но довольно широкий), на подкладке, а иногда подбивают ватой; в этом случае его называют *гүпи*. Все виды бешпента сейчас широко бытуют.

Основной вид верхней одежды каракалпаков — халат (*шапан*); праздничный халат шился из лощеной до глянца, накрахмаленной алачи — местной хлопчатобумажной или хивинской полушелковой, темно-лилового или коричневато-малинового цвета в узкую полоску. Халат у каракалпаков — обычного среднеазиатского прямого покроя, с прямыми сужаю-



Мужская одежда каракалпаков

1 — рубаха «койлек» старинного покроя с горизонтальным воротом; слева — деталь оторочки ворота; *2* — рубаха более позднего покроя со стоячим воротником «ногай жага»; *3* — халат «шапан»; справа и слева—детали отделки карманов и разрезов полы; *4*—камзол «бешпент»; *5*—тулуп «постын» из выделанной овчины

щимися к кисти длинными рукавами; полагается, чтобы рукав закрывал всю кисть руки. Ворот прострочен, большой запáх достигается подшивкой к передней поле большого клина. Вместо ластовиц иногда под мышками оставляют горизонтальные прорезы, отороченные каймой. Красиво отделывают пестрой тесьмой и нижние боковые разрезы. Халаты не всегда делают на подкладке, но борта и полы непременно обшиваются изнутри полоской ткани (чаще всего алачи) в 10—12 см шириной. Шапан иногда, как и бешпент, делают стеганным на вате или верблюжьей шерсти. Другим видом каракалпакского халата является *шекпен* —шерстяной, из самодельного сукна; цвет его обычно естественный — светло-

Старик в халате из лощеной ткани

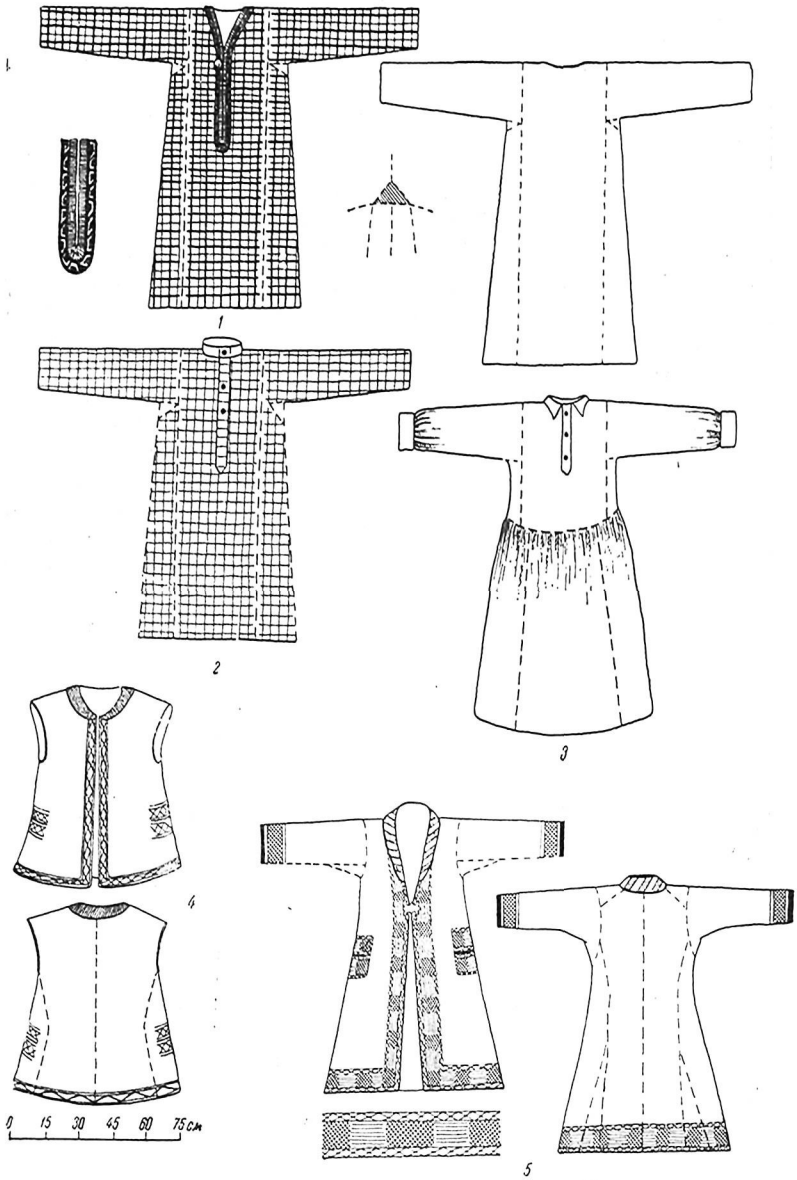
Юноша в тулупе «постын»

коричневый; борта и полы обшиваются по краю вязаной тесьмой, черной или красной. Халат подпоясывают кушаком (*белбеў*) из ткани разных цветов или сложенным по диагонали платком (*шаршы*), а иногда ременным поясом (*қайыс*), к которому раньше привешивались ножны, пороховница и другие предметы. Молодые мужчины в праздники опоясывались яркими шелковыми кушаками из мадали.

Разнообразные виды халатов до сих пор бытуют в сельской местности наравне с пальто, стеганными телогрейками и разными куртками; в городах халаты иногда накидывают поверх европейского костюма.

Зимой мужчины носили (а в сельских местностях носят и сейчас) тулуп из дубленой овчины (*тон* или *постын*). Покрой постына такой, как у халата, но гораздо шире. Рукава, полы, подол каракалпакского тулупа всегда отделаны по краям снаружи широкой (8—10 см) каймой из яркой полосатой алачи. Характерной особенностью его является обязательное украшение на спине в виде треугольника из той же яркой ткани, которой обшиваются края; треугольник расположен основанием кверху. Можно думать, что происхождение этого обычая связано с верованиями, ныне уже забытыми, что треугольник исполнял роль амулета.

Головным убором каракалпаков в давние времена, по рассказам стариков, была не овчинная, а войлочная конусообразная шапка, называвшаяся *қалпақ*. Судя по описаниям, она походила на скифский колпак. По другим рассказам, старинная шапка называлась *қалпақ-тақыя*, шилась из ткани, была продолговатой формы, верхушка ее загибалась. В середине XIX в. этот вид головного убора предков каракалпаков, вероятно, уже не бытовал и в комплекс мужского костюма входил *қураш* или *шөгирме*. Кураш шили из черной овчины, шерстью наружу, овчина нашивалась на шапочку из войлока. Эта большая, круглая, уплощенной



Одежда каракалпачек

1—«койлек» старого покроя из кустарной хлопчатобумажной ткани; по бокам—детали вышитого ворота «жага» и ластовица с отходящими от нее швами; *2* — «койлек» со стоячим воротом; *3* — «койлек» с отложным воротом; *4* — безрукавка — «женгсиз»; *5* — бархатный камзол; борта и карманы украшены орнаментом, выполненным строчкой на швейной машине

Каракалпачка в старинном костюме

формы меховая шапка достигала особенной величины у стариков. Она по форме отличалась от высокой туркменской шапки и была даже более низкой и плоской, чем у узбеков Хорезма. Пожилые предпочитали носить кураш коричневого цвета. Носили его и летом и зимой. Под кураш надевали простую одноцветную тюбетейку из мягкой ткани.

Сейчас этот громоздкий тяжелый головной убор носят довольно редко; на смену ему пришла ушанка (*қулақшын*), подбитая каракулем, и другие более легкие и удобные шапки, например *дегелей* с околышем из овчины или каракуля и верхом, сшитым из четырех треугольных клиньев какой-либо плотной ткани—вельвета и др. Кроме того, сейчас больше, чем прежде, носят тюбетейки, а также кепи, фуражки, фетровые и соломенные шляпы.

Чалма у каракалпаков не была распространена, ее носили лишь представители духовенства.

Обувь каракалпаки изготовляли из покупной яловой кожи хивинской выделки или местного сорта (*шерим*). Сапоги (*етик*) делали на высоком каблуке, с острыми, слегка загнутыми кверху носками. Носили также мягкие сапожки из бараньей или козлиной кожи (*мәси*) с кожаными калошами (*геўиш*). Зимой сапоги носили с войлочными чулками (*байпақ*).

Особых возрастных отличий в формах мужского костюма не было — они были заметны главным образом в манере носить одежду и, кроме того, у пожилых одежда была шире, длиннее; молодые джигиты туго подпоясывались, халаты у них были короче, шапки не такие большие и громоздкие, как у стариков.

В настоящее время молодежь редко носит национальную одежду; даже в аулах отдельные ее элементы всегда сочетаются в большей или меньшей степени с городской. Многие носят тюбетейки, причем преимущественно привозные, узбекские, так называемые чустские. В городах у молодежи большим спросом пользуются покупные вышитые украинские рубашки; белые костюмы из чесучи и шелка — обычная летняя одежда городского населения. Прочно вошла в быт и спортивная одежда — майки, свитеры, лыжные костюмы и т. д.

Более устойчиво сохраняются формы старинной женской одежды каракалпачек. Наиболее богат и красочен костюм молодой женщины. Обязательный комплект национального костюма входил в приданое: рубаха-платье — *көйлек*, штаны — ыштан, дамбал, *ишкийим*; камзол; безрукавка —*жеңсиз*; халат — шапан; шуба—*ишик*; головные уборы — *киймешек*, *сәўкеле*, тюбетейка, шелковая «турме» и платки (*орамал*); накидка на голову — *жегде*; комплект серебряных ювелирных украшений (см. стр. 525—526) и сапожки с кожаными галошами геуш или сапоги.

Девушкам и старухам некоторые из этих частей одежды по обычаю носить не полагалось. Женская рубаха старинного фасона у каракалпа-

чек была туникообразного покроя, длинная — по щиколотку, широкая, с прямыми немного суживающимися к кисти рукавами и вертикальным вырезом посредине груди. Под мышки вшивались ластовицы. Ворот (*жага*) тщательно отделывался — по краю оплетался, а впереди обшивался цветной тканью — сатином или сукном с вышивкой; застежкой служила большая яйцевидная серебряная пуговица (*түйме*). Ткань для рубашек девушек и молодых женщин выбиралась яркая, преимущественно красная разных оттенков. Праздничные рубахи шили из бухарского пестрого шайы. Девушки и молодухи носили оригинальную праздничную рубаху, сейчас у них не встречающуюся, — из окрашенной в синий кубовый цвет хлопчатобумажной или кендырной ткани с разноцветной вышивкой шелковыми нитками крестом. Вышивка располагалась широкой полосой на груди по обеим сторонам разреза ворота, на подоле и рукавах. Расшитые рубахи такого типа, называвшиеся *ҳалқалы көйлек* или *кестеле көйлек*, не встречаются у других народов Средней Азии. Ближайшие аналогии этого вида рубахи, с характерным расположением вышивки и композицией геометрического узора, ведут к одежде обских угров — хантов и манси. Пожилые женщины и старухи носили платья неяркой расцветки, преимущественно клетчатые или белые.

Каракалпачки в праздничном национальном костюме, 1929 г.

Траурной одеждой (*аза кийим*) была синяя рубаха (*көк көйлек*) — без вышивки.

Более новый фасон женской рубахи имеет стоячий ворот и считается заимствованным от татар (*ногай көйлек*). Наконец, современный койлек шьется на кокетке, с круглой проймой для рукава, с отложным воротником; это распространившийся сейчас по всей Средней Азии узбекский тип платья-рубахи. Старые женщины до сих пор носят койлек туникообразного покроя. Женские штаны ыштан не имели особых отличий от общесреднеазиатского покроя; их часто шили из полосатой ткани — тика и др. В настоящее время в городах их уже не носят, заменяя бельем и чулками; в сельской местности ыштан еще встречается, но преимущественно у пожилых женщин. Поверх платья надевали *кәмʷол*, сшитый в талию или безрукавку. Этот вид одежды повсеместно бытует и сейчас. Камзолы для молодых женщин шьют из шелка, бархата, плюша или вельвета, они бывают ярких расцветок (зеленые, малиновые и др.), а иногда полосатые или черные. По покрою они похожи на мужские (с круглой проймой для рукава, сшивной спинкой), но ворот у них открытый шалевый, со строчкой или обшит тканью другого цвета. Камзолы бывают длинные и более короткие — до колен, а безрукавки еще короче. Пожилые женщины носят

Колхозница в повседневном костюме. Кунградский район

темные, скромные камзолы; зимой их подбивают ватой. Камзолы принято украшать не вышивкой, а строчкой, которую делают на швейной машине. Узор строчки очень разнообразный: ею украшают рукава, полы, подол и карманы. Камзол шьют на подкладке из более дешевой ткани — ситца и др. Он не имеет пуговиц и застегивается ювелирной застежкой с крючком. Сейчас камзол шьют с бортами и отложным воротником; носят также жакеты. Модны стали длинные узкие камзолы из черного плюша, называемые *палтон*.

Женский халат по покрою одинаков с мужским, но не такой широкий; рукав доходит до половины кисти. У нарядных халатов из узбекской полушелковой алачи рукава раньше делались короче и на них нашивались вышитые нарукавники (*жеңсе*) или же узкие вышитые манжеты (*жеңиш*); зимние халаты шили на стеганой ватной подкладке (*пахталы шапан*).

Шубы — ишик носили женщины из богатых семей. Их подбивали мехом, а сверху покрывали чаще всего шелком шойы. По бортам и полам ишик обшивались мехом выдры. На рукава нашивались женгсе. Ишик носили и девушки, и женщины, и старухи, но женгсе на них нашивали только молодым — лет с 15 до 30; пожилым женщинам носить это украшение не полагалось. Ишик подпоясывали вязанным из крученых шерстяных ниток узким поясом с бахромой; такие пояса вязали сами каракалпачки на металлических или костяных спицах.

Женгсе — очень интересный элемент каракалпакской одежды. Это — отдельно изготовляемый нарукавник, до 40 см длины, у кисти отороченный мехом. Шили женгсе из красного сукна, нашивая на него две черные полосы, также суконные; таким образом женгсе содержит обычно пять перемежающихся красных и черных поперечных полос по 7—8 см ширины, каждая из которых украшена вышивкой. Следуя форме рукава, женгсе немного сужается у кисти. В некоторых семьях, очень редко, встречаются женгсе, вышитые крестом на хлопчатобумажной ткани: видимо, это более ранняя форма нарукавников, бытовавшая до введения в обиход русского сукна. Сейчас женгсе уже не носят, но они встречаются довольно часто среди старинных семейных реликвий. У других народов Средней Азии подобные нарукавники не носили, однако они имелись у ногайцев и у некоторых народов Поволжья, в частности у терюхан; таким образом, женгсе свидетельствует о древних этнических и культурных связях каракалпаков с Восточной Европой. В то же время С. П. Толстов склонен рассматривать этот элемент одежды как очень древний и близкий хорезмской культуре: он пишет, что «типичные для каракалпакского женского наряда приставные вышитые нарукавья жен-

гсе мы можем видеть на изображении четверорукой хорезмской богини афригидского времени» [1].

К оригинальным видам каракалпакской одежды следует отнести и кимешек — сложный головной убор, передняя часть которого представляет собой треугольник из красного сукна с отверстием для лица, а задняя — *қуйрықша* (хвост) — накидку из бухарского шелка, отороченную сукном с вышивкой и бахромой. Вышивка на передней части кимешека располагается параллельными рядами на красном фоне и на нашитых черных суконных полосах. Центральная широкая полоса орнамента носит название *орта қара* (среднее черное), бордюр — *шеттеги қара* (крайнее черное).

Каракалпачка в кимешеке. Муйнакский район

Кимешек — ритуальная одежда — вышивалась девушкой перед свадьбой в доме отца, а надевалась впервые в день приезда в аул будущего мужа, знаменуя этот переломный момент в ее жизни. Кимешек надевали на невесту женщины из аула жениха перед входом в его юрту.

Готовя приданое, невеста, кроме красного кимешека для себя, должна была вышить и второй — белый кимешек— для матери своего жениха. Белые кимешеки делали из хлопчатобумажной ткани и вышивали крестом, причем орнамент часто располагался на их нагрудной части не горизонтальными, а вертикальными полосами.

Белые кемешеки пожилых женщин среди семейных реликвий сейчас найти еще труднее, чем красные, которые хранятся с дней молодости у большинства пожилых женщин; еще в первые годы Советской власти они бытовали повсеместно.

Очень интересен каракалпакский женский головной убор *сәўкеле*. Он не похож на саукеле казашек, но так же, как и у последних, был принадлежностью невесты и молодухи.

Саукеле представляет собой плотную круглую с наушниками шапку, богато украшенную металлическими узорными бляхами и подвесками, цветными камнями и бусами, главным образом коралловыми. Верхняя часть шапки — *тумақ* — перекрещивается широким черным крестом из нашитых полосок ткани; на лоб опускается тяжелая бляха ювелирной работы, украшенная резьбой, камнями и бусами. Эта бляха носит специальное название — *жыға*, тогда как другие, мелкие бляхи на саукеле называют *кран*. Сзади к саукеле прикреплена длинная, украшенная вышивкой полоса ткани. Общая форма саукеле с его большими наушниками и налобным украшением жыға чрезвычайно напоминает шлем воина.

[1] С. П. Толстов. К вопросу о происхождении каракалпакского народа. «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. II, 1947, стр. 72—73.

Подобные шлемообразные женские головные уборы с наушниками бытовали у народов Поволжья: у чувашей, башкир и удмуртов.

Термин «саукеле» встречается в каракалпакском эпосе «Кырк кыз», сюжетом которого являются подвиги сорока девушек-амазонок. В нем есть описание сборов на битву этих девушек во главе с их предводительницей Сарьбиназ; перед тем как ринуться в бой, Сарьбиназ, вскочив на коня, надевает саукеле. Аналогию саукеле, представлявшему, видимо, некогда символ власти военачальника, мы видим на монете с изображением хорезмского царя, обнаруженной на развалинах замка Топрак-кала и датируемой С. П. Толстовым концом I в. до н. э. Головной убор этого царя представляет полусферическую шапку с наушниками и назатыльником; верх шапки и наушники покрыты рядами круглых бляшек.

Саукеле носили в сочетании с другим головным убором — *төбелек*, представлявшим собой цилиндрическую металлическую шапку, надевавшуюся как навершие саукеле на его мягкую часть — тумак. Тобелек был богато украшен резным по металлу орнаментом и имел множество выпуклых блях с вправленными в них цветными камнями. Этот головной убор полностью совпадает с описанием каракалпакского женского головного убора, сделанным геодезистом Муравиным в 1740 г.[1]

Саукеле и тобелек были очень дорогими предметами и имелись только в богатых семьях. Они входили в состав приданого и заказывал их мастерам-ювелирам отец невесты. В настоящее время этот комбинированный головной убор можно увидеть лишь в музеях.

Обычным головным убором девушек и женщин был орамал — длинный кусок ткани, повязываемый на тюбетейку в виде чалмы. Способ повязки орамала имел локальные различия в разных районах. Орамал у пожилых женщин всегда был белый в отличие от ярких (главным образом красных) повязок молодых женщин. Лячак, распространенный у многих народов Средней Азии, каракалпакские старухи не носили. Красная шелковая турме, надевавшаяся поверх орамала (тоже в виде чалмы), считалась праздничным головным убором. Сейчас турме уже совсем не носят, а орамал повязывают в виде чалмы только пожилые женщины. Молодежь носит обычные платки, косынки и тюбетейки.

Поверх турме, орамала или саукеле раньше надевали на голову и плечи жегде — халат-накидку, напоминающую по покрою узбекскую паранджу и туркменский халатик *чырпы*. Характерной чертой ее являются ложные рукава, очень длинные, закидываемые за спину, где они связываются специальными завязками. Для продевания кистей руки на уровне груди в полах жегде, как и в паранджи, делают вертикальные прорезы. Ворот жегде обычно украшается вышивкой и шелковыми кистями, при этом на красных алачевых жегде встречается вышивка, швом и орнаментом напоминающая вышивку кимешека. Красные в полоску шелковые жегде (*жипек жегде*) входили в состав приданого девушки. Носили жегде с 15-летнего возраста, но в 35—40 лет надевали уже не красное, а белое *аҡ жегде*, с особой вышивкой — крестом и гладью. Бывали очень нарядные, сплошь расшитые ак жегде. Старухи же носили ак жегде без вышивки. В отличие от узбекской паранджи, жегде не сочеталось у каракалпаков с чачваном или другим закрывающим лицо покрывалом — каракалпачки никогда не закрывали лица.

В настоящее время жегде не бытуют и лишь очень редко можно увидеть их на пожилой женщине или старухе. Однако в семьях их бережно хранят в качестве реликвий.

Обязательной частью народного костюма каракалпачек были серебряные ювелирные украшения. Главными из них, входившими в состав при-

[1] «Поездка из Орска в Хиву и обратно...», стр. 70.

Старинная женская одежда каракалпаков

1 — женщина в старинном национальном костюме; *2* — головной убор молодухи-«саукеле»; *3* — «кимешек» — часть головного убора; *4* — халат-накидка «жегде»; *5* — шуба «ишик» с нашивными нарукавниками «жеңгсе»

даного, считались: массивное нагрудное украшение с овальными цветными камнями и подвесками в виде ромбиков и колокольчиков — *ҳәйкел*; тяжелые литые браслеты (*билезик*); перстни (*жүзик*); серьги (*сырға*), в том числе и так называемые *ҳалқа*—серьги, соединенные проходящей под подбородком цепочкой с ромбовидными подвесками; *өңир моншақ* —украшение молодых женщин, полусферическое по своей форме, со множеством гремящих подвесок, укреплявшееся на койлеке впереди на нижней части нагрудной вышивки; пожилые и старухи там же пришивали фигурное кольцо с ключами — *гилтбаў*. Раньше важным украшением считался и совершенно уже не бытующий *әребек* — спиралевидное тонкое золотое кольцо, продевавшееся в ноздрю. К богатому набору женских украшений следует добавить уже упоминавшиеся дутые серебряные пуговицы (туйме) и другие застежки ювелирной работы, а также разнообразные амулеты (*тумар*) в оправах, в виде серебряных трубочек, крестовидных фигур, треугольников.

В настоящее время совсем вышли из употребления аребек, хайкель, халка, онгир моншак; остальные украшения еще бытуют, хотя также постепенно исчезают. Вместо них все более распространяются покупные ювелирные изделия — брошки, кольца, серьги и бусы.

Далеко не во всех семьях имелись все перечисленные виды одежды. Бедняки, помимо того, что шили одежду только из самых дешевых, преимущественно кустарных тканей, имели так мало вещей, что зимой им приходилось носить то же, что и летом. Существовала даже поговорка: «*Қыс кийимни жаз кийип, жарлы нағып байысын?*» («Как же может бедняк разбогатеть, если он вынужден надевать свою зимнюю одежду и летом?»). Не имея средств для приобретения новой одежды, бедняки покупали старую или получали обноски своих богатых хозяев, у которых служили батраками.

Таких бедняков в Кара-Калпакии давно уже нет. Не только городские жители, но и колхозники ходят нарядно одетые даже на работу. Особенно красиво выглядит современная народная одежда в массе на праздничных гуляньях, в парках, садах, театрах, на базарах; здесь можно наблюдать удивительно своеобразное сочетание яркой шелковой, бархатной и другой национальной одежды со строгими формами покроя городского костюма или с платьем молодежи, отвечающим требованиям последней моды и приобретенным в магазинах, либо сшитым по заказу в государственных ателье.

Девушки-колхозницы, многие из которых зарабатывают теперь не меньше мужчин, могут на собственные средства, независимо от родителей, готовить себе «приданое» по своему вкусу; в комплект его уже не входят старинные, вышедшие из моды предметы одежды (жегде, кимешек и др.). Традиционный подарок жениха невесте «бес кийим» (см. стр. 499), в зависимости от бытового уклада и вкусов каждой семьи, теперь также содержит вещи либо национального костюма, либо городского.

Пища

На особенностях народной пищи каракалпаков сказалось влияние специфики их комплексного хозяйства. У каракалпаков существовала поговорка: «*үш ай сауыным, үш ай қауыным, үш ай қабағым, үш ай шабағым*» («Три месяца [мое питание] молоко, три месяца дыня, три месяца тыква, три месяца рыба» (буквально — лещ). В питании народа занимали важное место продукты и земледелия, и скотоводства, и рыболовства; в зависимости от сезона те или другие преобладали.

Пословица отражает пищевой режим средней и бедняцкой семьи, не имевшей возможности питаться мясом. У богатых же мясо было существенной частью пищи.

Из продуктов земледелия главными были пшеница, просо, рис, джугара; они шли на приготовление лепешек, различных похлебок и каш.

Зерно обдиралось на крупу в ступах (*кели*), выдолбленных из ствола дерева, с большими тяжелыми пестами.

Зерно на муку мололи на ручной мельнице, установленной прямо на земле в юрте или около нее. Под жернова обычно клали подстилку из ткани или выделанную кожу. Женщины работали, сидя на корточках или стоя на коленях, вращая тяжелый жернов палкой с заостренным концом, воткнутым вертикально в отверстие, сделанное специально в верхнем жернове.

В усадьбах, где был, кроме юрты, и дом, мельницу устанавливали в углу дализа, уйжая или других хозяйственных помещений; для жерновов делалась тогда высокая треугольная подставка и можно было работать на мельнице, стоя около нее во весь рост. Помол зерна был очень непроизводительным и тяжелым для женщины трудом; богатые нанимали для этого женщин-батрачек или заставляли работать на дигирмане жен и дочерей своих дихан и бедных родственников. В некоторых богатых хозяйствах мололи зерно на мельнице *қараз*, приводимой в движение ишаком; жернова такой мельницы были значительно крупнее, чем у ручной. Ишаку, запряженному в привод караза, завязывали глаза: ему приходилось ходить по кругу со сравнительно небольшим диаметром. Жернова для дигирмана и караза можно и теперь встретить в селениях, однако сейчас все шире практикуется механический помол зерна на колхозных мельничных установках, а также покупка готовой муки.

Основная пища каракалпаков, хлеб (*нан*), приготовляется до сих пор в виде лепешек. У каракалпаков четыре главных вида лепешек: *шөрек* (из пшеничной муки), *жагара* (из джугаровой или просяной муки); эти лепешки выпекаются в хлебной печи — тандыре; *қатырма-нан*, выпекаемые в котле, и, наконец, маленькие *гүлше* или *көмеш*, которые пекут обычно прямо в горячей золе.

Каракалпакский тандыр, в отличие от южноузбекского хорезмского типа, устанавливают не наклонно, а отверстием кверху, как у северохорезмских (аральских) узбеков и хорезмских туркмен. Тандыры выделывают домашним и ремесленным способом. Самодельные тандыры лепят женщины; для этого они выкладывают на земле валик из глины, смешанной с саманом, диаметром около 1 м. На валик кладут слой комьев сухой раздробленной пахсы от старого дома или дувала. Поверх пахсы кладут снова валик из глины, и так ряд за рядом наращивают весь куполовидный остов тандыра, постепенно сужая круги. Готовый остов обмазывают жидким раствором глины с саманом. Этот примитивный способ лепки печки несколько усовершенствован гончарами, вырабатывающими тандыры из приготовленных отдельно полос глины; остов тандыра также постепенно наращивается из глиняных полос, края которых накладываются друг на друга и плотно сбиваются при помощи деревянной колотушки и специальной глиняной наковаленки, подкладываемой изнутри под шов. Изготовленные ремесленниками тандыры просушиваются на солнце и осторожно перевозятся на арбе к месту установки.

Тесто для лепешек приготовлялось раньше в глиняных мисках, а теперь в эмалированных или алюминиевых тазах; раскатывают тесто на низких столиках и на специально предназначенной для этого хорошо выделанной коже теленка или барана. Перед посадкой лепешек в тандыр их накалывают. Затем, обрызгав водой внутренность раскаленного тандыра (из которого предварительно выгребают дрова и головешки), сажают лепешки одну за другой в печь, налепляя их на горячие стенки. При посадке лепешек в тандыр на правую руку надевают толстую ватную рукавицу. Сейчас, несмотря на массовое распространение испеченного в пекарнях хлеба, лепешкам домашнего приготовления отдается предпочтение. Хлеб у каракалпаков, как и у других народов Средней Азии, считался священной пищей, существовал даже обычай клятвы хлебом.

Изготовление хлебной печи домашним способом. Кегейлинский район

Изготовление хлебной печи гончарами Чимбайского промкомбината

Помимо хлеба, из муки и круп приготовляется много блюд: *жарма* — жидкая похлебка из дробленых зерен ячменя, джугары, пшеницы; *гөже* — то же, но из цельных зерен джугары или из пшеницы, риса. Одним из излюбленных блюд является *сөк* — пшено, отваренное в воде и затем поджаренное в масле. Его едят в сухом виде, с молоком и маслом. Варят также заварухи из просяной или из джугаровой муки — *быламыҳ*; похлебки и заварухи заправляют кислым молоком или айраном, иногда маслом, а зимой — разведенным в воде сухим творогом. Из риса делают *сүт гүриш* — молочный суп с перцем, *шәўле* — кашу с мясом, *палаў* — плов. Блюда, приготовленные из проса, наиболее традиционны, каракалпаки называют их пищей своих предков. Из теста приготовляют несколько видов лапши (*кеспе*), клецок (*сыҳпап*) и печенье — *баурсаҳ*, поджаренное в казане на бараньем сале. Вообще в национальной пище каракалпаков кушаний, приготовляемых из муки и круп, очень много. Мука и крупы раньше хранились в кожаных мешках и сумках, которые вешали на стенах юрты; иногда их украшали аппликацией из кусочков ткани.

Значительная роль в пищевом режиме каракалпаков принадлежит, как выше уже указывалось, молочным продуктам — кислому молоку (*ҳатыҳ*), маслу (*сары май*), сливкам (*ҳаймаҳ*), а также айрану и сыру (*ҳурт*). Для приготовления катыка, кроме коровьего молока, употребляется также молоко овечье и козье. Его кипятят с небольшим количеством воды и по остывании заквашивают. Летом катык разбавляют холодной водой и употребляют как прохладительный напиток (*шалап*). Каракалпаки всегда в большом количестве приготовляли масло; часть его у них употреблялась в ежедневную пищу, а часть продавалась на базарах или сохранялась на зиму для собственного употребления. Масло сбивают в деревянных маслобойках — *губи*. Остающееся после сбивания масла пахтанье разбавляют почти равным количеством воды и употребляют в пищу — это так называемый *айран*. Если айран имеется в излишке, его сливают в особые шерстяные мешки и подвешивают, чтобы стекла жидкость. Оставшийся затем творог (*сүзбе*) кипятят в казане с добавлением некоторого количества ячменной муки и соли; после этого его снова подвешивают в мешке и затем освобожденную от жидкости твердую массу раскатывают на небольшие шарики и сушат на солнце в течение нескольких дней. Получается сыр, который идет в пищу в сухом виде или разводится зимой в воде и употребляется в качестве питья, для приправы к разным кушаньям. В некоторых случаях творог не сушат, а засаливают и сохраняют на зиму в виде брынзы. Тогда его называют *тораҳ*.

Излюбленные виды мяса у каракалпаков — баранина, говядина, козлятина, а также домашняя птица. Разделка туши считается важным делом и производится по определенным правилам. Каждый кусок имеет свое название и значение. Наиболее почетный гость получает голову, затем распределяются длинные кости и др. Мясные блюда менее разнообразны, чем мучные и молочные. Наиболее распространенным из них является бульон из баранины (*сорпа*). Когда мясо (*ет*) уже совсем готово, его вынимают, а в бульон в это время бросают тонко раскатанное и разрезанное на небольшие куски тесто. Эти сваренные в мясном бульоне кусочки теста кладут на блюдо, а сверху кладут большие куски вареного мяса вместе с костями; кто-нибудь тут же крошит мясо на мелкие кусочки, нарезает лук, помидоры, затем едят, запивая бульоном, разлитым в чашки. Это кушанье, очень типичное для каракалпакской кухни, имеет то же значение, что плов у узбеков. Им принято угощать гостей на торжественных приемах. К числу излюбленных мясных блюд относятся также *ҳуўырдаҳ* — куски мяса, зажаренные с кусками лепешки или с картофелем, *бөрек* — пирожки с мясом, шашлык, жаркое из почек и сердца и некоторые другие.

Приготовление пищи летом в саду на очаге. Кунградский район

Большую роль в питании у каракалпаков всегда играла рыба. Рыбные блюда считаются традиционной пищей каракалпаков арыса конграт. Обычно рыбу едят в жареном виде (*балық қуўырдақ*), но в местностях, особенно обильных рыбой, из нее приготовляют разные блюда. Распространенное национальное кушанье из рыбы — уха с клецками из джугаровой или просяной муки (*қарма*). Другим своеобразным рыбным кушаньем является хлеб из икры (*уўылдырық нан*), выпекающийся с очень небольшим добавлением муки. Повседневной пищей в районах дельты, в особенности у бедняков, была мелкая сушеная рыба — *қақпаш*.Отправляясь в дальний путь, каракалпаки на дорогу часто запасали какпаш.

Раньше исключительно большое место в пищевом рационе занимали дыни и тыквы, и сейчас они относятся к излюбленной пище; из многочисленных сортов дынь некоторые (*тәрнек*) поспевают уже в конце мая; после них поспевает *жамбылша*, затем *жаз қаўын* — летняя дыня и, наконец, *гүз қаўын* — осенняя, которую сохраняют почти до середины зимы. На зиму заготовляют сушеную дыню — *қақ*. Тыкву (*қабақ*) употребляют в вареном виде; ее хранят тоже до глубокой зимы.

Современное питание у каракалпаков очень отличается от прежнего. Пища стала не только разнообразнее, но и гораздо питательнее; мясо, жиры употребляются повседневно. Выросло и потребление круп, сахара, кондитерских изделий, растительного масла и другой разнообразной продукции пищевой промышленности республики. Увеличился ассортимент овощей, обычной пищей стал картофель, помидоры. Национальные блюда продолжают бытовать, но кроме них народ заимствует очень многие блюда русской, украинской кухни и др.

В кухонной утвари, несмотря на большое количество покупных кастрюль, сковородок и других предметов, на первом месте остается чугунный котел — казан. Летом в нем варят еду на небольших очагах, зимой — на специально приспособленных плитках, соединенных с дымоходом больших печей, отапливающих дом. В аулах сохраняется еще обычай еды на полу, застеленном кошмами и коврами, из общей большой глиняной миски, которую ставят на скатерть — *дастурқан*. Жидкую

пищу подают в фаянсовых чашках — *кесе*. Деревянные миски до сих пор характерны для утвари каракалпаков; но еще более типична посуда из тыквы — *суў қабақ*. Когда эта тыква поспевает, корка ее твердеет, из нее извлекают мякоть и, в зависимости от формы и величины тыквы, делают разнообразную посуду: для воды, молока, масла, соли, муки и т. д. Такая посуда необычайно легка и удобна при перевозках.

Самовар у каракалпаков распространен меньше, чем у казахов. Воду для чая кипятят в небольших чугунных кувшинчиках (*дүмше*), которые ставят внутрь очага на горячие угли; иногда же в очаге делают специальные небольшие отверстия, приспособленные для думше. У сельских и городских жителей встречаются, кроме фабричных, самовары местного производства, работы ургенческих и хивинских мастеров, из светлой меди, в виде высокого стройного кумгана; крышка и заглушка такого самовара тщательно украшены резьбой, иногда чрезвычайно изящной.

СЕМЕЙНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

Дореволюционный семейно-бытовой уклад и общественная жизнь каракалпаков отличались крайней отсталостью, устойчивостью древних традиций патриархально-родового быта, множеством косных обычаев, связанных с архаическими верованиями и представлениями; внутрисемейные отношения и домашняя жизнь были, кроме того, скованы догмами ислама в его наиболее реакционной оболочке суфизма, особенно распространенного в северных районах Кара-Калпакии.

Ишаны (см. стр. 96) играли едва ли не более значительную роль в духовной жизни каракалпаков, чем ортодоксальное мусульманское духовенство. О могуществе многих из них до сих пор свидетельствуют развалины обширных комплексов усадеб, медресе, мечетей, бывших некогда собственностью крупных ишанов. К таким «святым» местам прилегали кладбища, постоянно посещаемые родственниками похороненных здесь жителей, а вокруг располагались вакуфные земли, доход с которых шел в пользу ишанов. Особенной известностью в Кара-Калпакии пользовался живший в середине XIX в. Кара-Кум ишан, обосновавшийся на севере, в пустынной местности дельты Аму-Дарьи.[1] Ему наследовали пять сыновей-ишанов и их многочисленное потомство. Поместье этой ишанской династии представляло собой целый поселок с жилыми домами, хозяйственными постройками, гостиницами для паломников, помещениями для работников и обслуживающего персонала, с мечетью и двумя медресе. Площадь вакуфов достигала 1000 га, а число батраков было более трехсот [1].

Другим крупным центром ишанов была так называемая Ишан-кала, расположенная в центре Кара-Калпакии, близ Халкабада. Здесь также было обширное поместье с крепостью, обнесенной высокими глинобитными стенами. Богатые поместья духовных феодалов-ишанов стали в годы гражданской войны оплотом внутренних сил контрреволюции. На землях, являвшихся вакуфами Ишан-калы, после революции расположилось несколько колхозов.

Не мало было в Кара-Калпакии и других популярных «святых» местностей, например, крупные кладбища с мавзолеями Токмак-ата на Муйнакском полуострове, Султан-баба в горах Султан-Уиз-Даг, Шамунаби и Мазлумхан-слу в Ходжейлинском районе. Прогрессивные народные поэты Кара-Калпакии в своих произведениях нередко упоминали о стяжательстве, продажности и жадности мулл и ишанов, о их невежестве и бессовестном обмане народа. Однако население находилось под

[1] Архив Каафилиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 141, оп. 1—141, ед. хр. 2667, д. 3.

сильным влиянием духовенства. Помимо ислама, мировоззрение народа было проникнуто множеством суеверий и остатков древних верований. В культе мусульманских святых отражались остатки культа предков; сохранялась также вера в существование злых духов (*жин*), в злое женское божество (*албаслы*), в мифических фей (*пери*) и т. д. С этими верованиями тесно были связаны разнообразные обычаи и обряды, характерные для быта каракалпакской семьи. Лишь учитывая все бытовые черты прошлого, можно понять значение и глубину ломки старого семейного быта каракалпаков в условиях социалистического строительства и пути развития современной советской семьи.

* * *

Пережитки патриархальной большесемейной общины у каракалпаков были очень сильны, но они проявлялись в иной форме, чем у оседлого населения земледельческих областей Средней Азии — таджиков и узбеков. Там сохранились остатки большой патриархальной семьи в форме неразделенной семьи, жившей в одном доме-усадьбе и ведшей одно общее хозяйство, которым распоряжался глава этой большой семьи. У каракалпаков же лишь в очень редких случаях, у наиболее богатой и полностью перешедшей к земледелию прослойки населения, встречались в XIX—начале XX в. такого рода неразделенные семьи, жившие в больших хорезмского типа домах-усадьбах — хаули.

Что же касается основной массы народа, то выделы сыновей (кроме младшего) практиковались у каракалпаков повсеместно и очень давно. Малая семья у них преобладала, однако она существовала не обособленно, а в составе семейно-родственных групп — коше. Эти группы близких родственников можно считать своеобразной пережиточной формой патриархальной большесемейной общины [1]. Коше являлось у каракалпаков мельчайшим родовым подразделением их сложной, многоступенчатой родоплеменной структуры, и в нем сохранились традиционные черты прежнего патриархального рода уру, от которого в XIX—начале XX в. оставалась уже обычно лишь оболочка. В то время как реальные родственные связи в роде уже большей частью отсутствовали, в небольших коше объединялись действительно близкие кровные родственники, потомство одного человека, состоящее из трех-четырех поколений. По имени или прозвищу (*лақаб*) этого человека именовалось и коше; это имя присваивалось и всем входившим в коше сородичам, обозначая их родственное единство.

Коше имело территориальную общность. Члены одного коше селились компактно, в непосредственном соседстве друг с другом, их юрты и дома входили в один аул или занимали определенный участок большого аула, состоявшего из нескольких коше одного и того же рода.

Коше сохраняло и свою хозяйственную общность, являясь частью, а иногда и целой водо-земельной аульной общиной, со строго регулируемым водопользованием. Водопользование базировалось на особом арыке (салма), отведенном каждым коше от большого родового арыка (жап). Скот коше находился в частном владении каждой семьи, но пасся на общинных пастбищах, в определенных урочищах. По аналогии со старейшиной рода — бием, старшина коше назывался коше-бий; иногда же его называли распространенным в Хорезме с давних пор термином

[1] Подобные же семейно-родственные группы (патронимии) существовали и у других народов Средней Азии, характерной чертой общественного строя которых были патриархально-феодальные отношения и сохранение родоплеменного деления; эти группы назывались «дети одного отца» — «бир атанын балдары» у киргизов, «ата баласы» у казахов, «бир ата» у туркмен.

иранского происхождения—*кәтқуда*. Однако в условиях острого классового расслоения фактическим главой коше был наиболее богатый член каждой такой группы сородичей, часто державший в экономической зависимости весь аул. Коше-бий в таких условиях находился на положении приближенного бая и действовал в его интересах, используя для этого свое влияние и авторитет среди населения аула. Тесные хозяйственные связи, родственные и традиционные патриархально-общинные узы каждого коше были настолько сильны, что обусловливали и регулировали весь бытовой уклад каракалпаков, имевших по внешнему виду вполне самостоятельную, индивидуальную малую семью.

Общественное мнение родственников и соседей, жителей аула, выражавшееся чаще всего в суждениях стариков, имело огромное влияние на идеологию, мировоззрение всех поколений; обычаи и обряды, как религиозные, так и бытовые, никто не смел нарушить, опасаясь этого всесильного «общественного» мнения, осуждения родственников. Живучесть семейно-родственных групп, сохранявших свою целостность и в условиях первых лет советского строя, способствовала длительной консервации религиозно-бытовых предрассудков и обычаев в быту каракалпакской семьи, хотя, естественно, отсталые убеждения старшего поколения родственников все больше отступали перед новыми взглядами культурных, образованных людей, всей советской общественности колхоза, совхоза или предприятия, в коллективе которого трудятся взрослые члены семьи. Оправданно устойчивыми в советском быту остаются лишь положительные черты прежних аульных общин-коше — взаимопомощь, добрососедские отношения и дружба.

Современная семья каракалпаков очень часто, помимо родителей с детьми, включает стариков — отца и мать главы семьи. До сих пор бытует обычай, обязывавший младшего сына не выделяться, жить общим хозяйством со стариками-родителями. Бывает иногда, что с молодой четой живет и овдовевшая старая мать жены. Запрещенное советским законодательством многоженство у каракалпаков бытовало раньше преимущественно в виде двоеженства. Причину вторичной женитьбы часто объясняли отсутствием детей у первой жены.

Отголоском старых брачных обычаев, восходящих еще к древнейшим формам группового брака, являются случаи левирата и сорората. Особенно широко был распространен раньше левират. Вступление вдовы в брак с братом или другим близким родственником ее умершего мужа считалось правилом, обходить которое было предосудительно. Если вдова пыталась уйти в свой аул, к отцу и матери, это вызывало осуждение и препятствие материального характера — необходимость возврата калыма.

В семьях, где старшее поколение достигло преклонного возраста и имеет взрослых женатых сыновей или замужних дочерей, у совсем уже пожилой супружеской четы встречаются приемные дети, усыновленные по одному из двух старых обычаев. Первый из этих обычаев, распространенный особенно широко, заключался в том, что первенца своего молодые супруги отдавали на воспитание родителям мужа, которые его обычно усыновляли. Другой обычай назывался *етеке салыў* (буквально — «положение в полу») и практиковался не только по отношению к старикам-родителям, но и к другим бездетным родственникам молодых супругов. Младенца клали в полу халата и в торжественной обстановке передавали усыновлявшему его родственнику. В послевоенные годы обычай усыновления принял более современный облик; теперь усыновляют и чужих детей-сирот, а иногда и детей других национальностей. Приемные дети растут, окруженные заботой, на правах родных.

В составе современной семьи каракалпаков проявляется яркая черта нового быта — ликвидация прежней замкнутости родственной группы.

Многие из членов семьи теперь живут в разных городах страны, учатся, служат, работают на предприятиях и из сельских местностей переселяются в города, не теряя, однако, связи с родными аулами. Они часто приезжают туда, переписываются с родными, присылают домой деньги, подарки. Члены одной и той же семьи даже в дальних аулах нередко владеют разными профессиями и принадлежат к разным социальным категориям советского общества — колхозников, рабочих, служащих, интеллигенции и учащихся. Такой состав семей является важным и постоянно действующим фактором, разрушающим прежние патриархальные устои быта.

При комплексном хозяйстве в прежние времена в каракалпакской крестьянской семье среднего достатка существовало разделение труда: кто-либо из мужчин занимался земледелием, другой пас скот; в большинстве районов и рыболовство составляло важную отрасль трудовой деятельности, в особенности зимой. Во многих семьях в осенне-зимний сезон мужчины уходили на хлопкоочистительные заводы. Малоземельные летом нанимались на сельскохозяйственные работы к богатым баям или уходили на другие заработки.

На женщинах также лежал целый ряд сельскохозяйственных работ и, кроме того, все домашнее хозяйство, в том числе домашние промыслы (прядение, ткачество, кошмоваляние, плетение циновок и др.). Примитивные технические приемы делали домашний труд женщины чрезвычайно изнурительным; особенно много времени и сил отнимали толчение зерна в больших деревянных ступах и помол муки на ручных каменных жерновах. В противоположность обычаям таджиков и некоторых узбеков каракалпакские женщины не пасли скот на отгонных пастбищах, это считалось мужским делом. Но вся обработка молочных продуктов была женским занятием. У каракалпаков не было затворничества женщин, они участвовали в общественных сборищах и развлечениях и не закрывали лица, но так как в семье господствовали патриархальные отношения, женщины были угнетены и бесправны. В особенности тяжелым было положение невесток (снох). В одном из стихотворений каракалпакского народного поэта Бердаха, отличавшегося гуманными взглядами и сочувствовавшего тяжелой участи женщин-каракалпачек, названного им «Келин» («Невестка»), поэт с состраданием описывает судьбу красавицы-девушки, проданной в семью свекра за калым и обреченной на безрадостную жизнь: «Здесь не оценят красоты, здесь выбьют из тебя мечты, жалею я тебя, невестка... В попреках мужниной родни, пойдут безрадостные дни. Тебя, цветущую, они состарят в год, моя невестка»[1].

Работая не меньше, а подчас и больше своих родственников-мужчин, женщина, в соответствии с законами шариата и адата, не имела равных с ними имущественных прав. При разделе наследства отца дочь получала долю в два-три раза меньшую, чем сын, после смерти мужа на долю вдовы также доставалась ничтожная часть их общего имущества. При жизни мужа женщина не имела права без его разрешения что-либо из хозяйства продать или подарить. Муж считался полным владельцем всего имущества семьи.

В настоящее время в быт каракалпакской семьи вошло советское законодательство о полном равноправии женщин. Благодаря своему участию в производительном труде колхоза, совхоза, промышленного предприятия и в других отраслях народного хозяйства, женщина-каракалпачка вносит существенный вклад в общий доход семьи, и без ее совета и участия глава семьи редко расходует семейные деньги. Немало случаев, когда трудящиеся женщины играют ведущую роль в семье и,

[1] Бердах-шаир. Невестка. Пер. с каракалпакского А. Волкова. «Возрожденный народ». Альманах каракалпакской литературы. Турткуль, 1940, стр. 43.

учитывая их крайнюю занятость, мужчины берут на себя многие заботы о домашнем хозяйстве, не считая это унизительным для своего достоинства. Процент женщин, участвующих в общественном производстве, очень велик как в сельских местностях, так и в городах, в семьях рабочих, служащих и интеллигенции.

Новое положение, достигнутое женщиной в экономической жизни семьи, сказывается и на отношении к ней родни. Как говорилось выше, раньше эти взаимоотношения, помимо законов ислама, регламентировались многими архаическими обычаями. Устойчивости их бытования способствовало строгое соблюдение каракалпаками экзогамии. Женитьба на женщине того же рода, к которому принадлежал мужчина, категорически запрещалась обычаем, независимо от того, сколько поколений насчитывалось со времени жизни их «общего предка». Даже при явном отсутствии кровного родства и территориальной отдаленности сородичей принадлежность их к одному роду служила неотвратимым препятствием к браку. В связи с этим жена принадлежала всегда к другому роду и другой семейно-родственной группе и в отношениях к ней и ее родственникам — свойственникам или сватам (*құда*) — соблюдался определенный цикл обычаев, причем не только между вступившими в родство семьями, но и их семейно-родственными группами (аулами) и всеми сородичами. Девушка, живущая в родном ауле, у своего отца, чувствовала себя в родственной среде. Мужская и женская молодежь не чуждалась друг друга, устраивались совместные игры, вечеринки; даже не состоящие в кровном родстве называли друг друга братьями и сестрами. По отношению к девушкам из своего рода юноши не позволяли себе никаких вольностей — это считалось оскорблением и порицалось общественным мнением. Девушку в родном ауле опекала *жеңге* — жена ее старшего брата или другого старшего родственника. Женге была главной советчицей девушки, которую называла своей *бикеш*, вникала во все интимные стороны ее жизни и играла большую роль в период вступления девушки в брак и в свадебных обрядах.

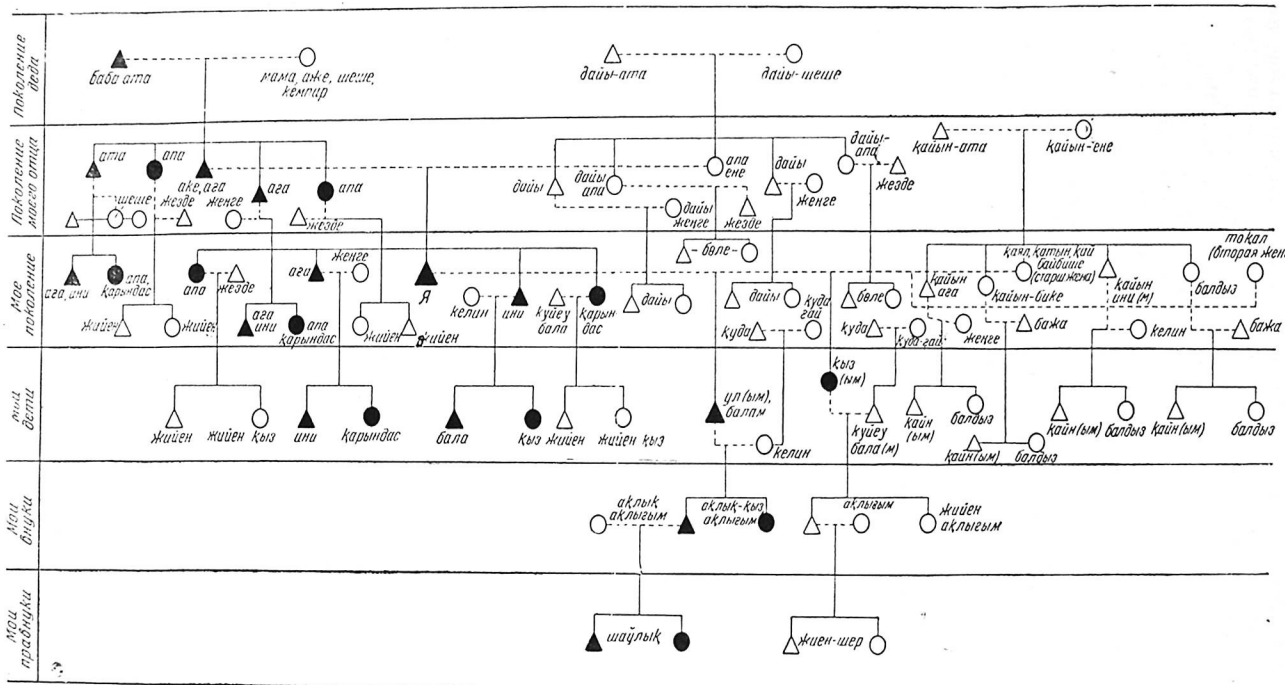
В обращении молодежи разных родов друг к другу употреблялись термины *құда бала* и *құдаша*. Наличие предиката свойства — куда — как бы обозначало допустимость между ними брачных отношений. На посиделках (*отырыспа*), устраивавшихся молодежью разных аулов, взаимоотношения уже были иными, чем с родней, отличались большей вольностью, молодежь состязалась в играх, шуточных диалогах и т. д.

Этот свободный, веселый образ жизни резко менялся со вступлением девушки в брак и переселением в аул мужа, где она чувствовала себя чужой и угнетенной зависимостью от родни мужа.

Характерный и тоже очень древний обычай авункулата сохранялся в отношениях между племянником (*жийен*) и дядей по матери (*дайы*). Жийен пользовался исключительными правами в ауле своего дайы. Он мог шутить со своим дядей и дразнить его, что строго запрещалось по отношению к другим старшим родственникам, мог брать себе в его ауле любую понравившуюся вещь, ему прощались даже мелкие преступления, сделанные по отношению к одноаульцам его дайы. Жийен часто вводил своего дайы в большие расходы.

Терминология родства у каракалпаков была строго различной по отношению к родственникам отца и матери, мужа и жены.

В номенклатуре родства, как и в экзогамии, сказались следы древней формы группового брака, существовавшей у далеких предков каракалпаков. Это — типичная классификационная система родства, в которой отсутствуют абстрактные термины для обозначения кровных брата и сестры, а родные и двоюродные братья и сестры делятся на младших и старших по отношению к говорящему со специальными терминами, обозначающими принадлежность к старшей или младшей группе



Терминология родства и свойства у каракалпаков

------брачные отношения; Δ -- лица мужского пола; ○ — лица женского пола; черные значки означают принадлежность к роду главы семьи («Я» настоящей схемы)

(*ага—ини*; *апа—қарындас*). Мужчина называет племянников по сестрам — жиен и жиен—кыз, а по братьям — ини и карындас. Для обозначения родственников по матери, как уже говорилось, есть особый термин дайы (дядя — дайы, тетка — дайы-апа и т. д.). Мужья сестер называют друг друга термином *бажа*; дети сестер, независимо от пола, употребляют в обращении друг к другу термин *боле*. Наличие классификационной системы родства не является присущей только каракалпакам этнографической чертой. Сходные по характеру и созвучию терминов системы были и у других тюркоязычных народов Средней Азии. Общей для них чертой были и остатки существовавшего в глубокой древности деления на возрастные группы детей, молодежи, зрелых людей и стариков; они проявлялись не только в описанной системе родства, но и в быту, в существовании обычая объединения сверстников, называемых *құрдас*, в особые общества *катар*, подобные узбекским, в тесной дружбе и взаимопощи сверстников, в употреблении слова *жорà* при их обращении друг к другу.

При переходе жены в семью мужа вступал в силу еще один архаический обычай — «избегание»; истоки его восходят также к первобытнообщинному строю. Женщины не имели права называть по имени своего мужа, его родителей, родственников и даже сородичей мужа. Вместо собственного имени прибегали при обращении к терминам свойства, к изобретенным прозвищам или называли мужа отцом такого-то (сына, дочери) и т. д. Обычай избегания неукоснительно соблюдался, хотя вызвал появление у каракалпаков, обладающих большим чувством юмора, немало веселых анекдотов на эту тему. Так, распространен рассказ о молодухе, имена родственников которой по мужу были созвучны или совпадали со словами «речка», «камыш», «волк», «козленок», «нож». Однажды муж ее увидел волка, схватившего козленка, и послал жену домой за ножом, чтобы спасти животное. Испуганная женщина, рассказывая в спешке домашним о происшедшем событии, не забыла правил избегания и впопыхах изложила его иносказательно: «За булькающим, среди шуршащего, рычащий собирается сожрать блеющего. Велено принести точащийся». Муж также не называл имени своей жены, заменяя его при обращении грубым возгласом «эй!» или «катын!» (женщина, жена). В некоторых семьях можно встретить еще и теперь остатки обычая избегания: вопросы об имени родственников мужа вызывают у женщин смех и шутки, и они зовут кого-нибудь из детей-мальчиков, для того чтоб тот назвал отца, дядю или братьев. В большинстве же семей как в городе, так и в сельских местностях, этот обычай уже изжит. Мужья нередко с особой гордостью называют имена своих прославившихся на трудовом поприще подруг; в повседневном быту супруги свободно при посторонних обращаются друг к другу по имени. Исчезают и другие оскорбительные для женщин старые нормы поведения: правила уступать дорогу мужчине, запрет есть вместе с мужчинами при посторонних и т. д. И все же в современном быту сохранились следы несправедливого и незаконного в условиях советского общества прежнего пренебрежительного отношения к женщине. До сих пор существующие в республике женотделы занимаются разбором многих семейных неурядиц, возникающих на этой почве. Часто позорные факты такого отношения к женщинам бывают спровоцированы духовенством, не полностью утратившим пока влияние на некоторые отсталые слои жителей аула; это — один из наиболее действенных и вредных пережитков старого быта. Особенно ярко он проявляется в калыме, продолжающем бытовать в Кара-Калпакии у некоторой части населения. К отрицательным бытовым явлениям относится и сохранение экзогамии как обычая, регулирующего брак. Он тормозит естественный процесс исчезновения потерявших значение родовых пережитков. Этот древний каракалпакский брачный закон, необоснованно огра-

ничивающий браки среди больших групп населения, фактически не имеющих родственных связей, находится в прямом противоречии с советским законодательством о браке и семье, со строительством новой жизни в ауле.

В Кара-Калпакии повсеместно господствуют современные принципы свободного брака, основанного на хорошем предварительном знакомстве, взаимной дружбе и любви молодежи, вступающей в брак. Но на пути к внедрению такой формы брака в быт каракалпакскому народу пришлось преодолеть многие неприемлемые в условиях советского строя традиции и пережитки. Это касается прежде всего права на самостоятельное решение молодежью своей судьбы. Прежде вопрос о браке детей всегда решали родители, причем иногда сговор о будущем браке совершался между двумя друзьями даже до рождения у них детей (*ақлай қуда түсиў*), иногда — когда дети находились в младенческом возрасте (*кишкентайынан атастырып қойған*). В остальных наиболее обычных случаях (*қуда түсиў*) отец подыскивал взрослому сыну невесту и, не спросивши его мнения, посылал сватов — *жаўшы* — к отцу невесты; сваты, получив согласие, договаривались о размере калыма. Лишь в редких случаях, в знатных семьях или у богачей, сын пользовался большей свободой, и отец уступал ему право самостоятельного выбора невесты. У бедняков широко был распространен брак, называемый *қарсы қуда*, заключавшийся в обмене девушками между семьями, в том случае если в обеих семьях были взрослые сыновья и дочери. В этих случаях брак обходился без обременительного калыма. В виде исключения, если сын не хотел вступить в брак с избранной родителями невестой, он прибегал к умыканию (*қыз алып қашыў*) той девушки, на которой хотел жениться. Договорившись с ней предварительно, юноша с друзьями приезжал ночью в аул и увозил ее или же договаривался с женгой девушки, и она приводила ее к нему. После умыкания приходилось все же платить калым. Как выше уже говорилось, существовал брак по обычаям левирата и сорората.

В годы Советской власти все разнообразные формы вынужденного брака постепенно изживались по мере роста культуры, сознательности молодежи и под воздействием большой воспитательной работы общественных организаций. Сравнительно легко стал исчезать и обычай брака несовершеннолетних (13—15-летних девушек, 15—16-летних юношей) под воздействием запрета таких браков советскими законами. Редкие случаи нарушения этого закона (например, уход девушек из школы в старших классах и выход замуж по настоянию родителей) осуждаются общественным мнением в колхозах, на предприятиях и в прессе.

Значительно сложнее оказалась борьба с калымом (*қалың*). Калым у каракалпаков был очень большим по сравнению с калымом соседних народов. Он исчислялся в основном количеством голов рогатого скота и лошадей. В зависимости от достатка калым устанавливался в 40, 60, 80 или 90 *туўар* (голов скота). Обязательной частью калыма было *алты жақсы* (буквально — шесть хороших), а именно: *қос мылтық* — охотничье ружье (его можно было заменить верховым конем); *бас ат* — хороший конь с седлом и всем конским набором; *тет ат*— молодой конь; *бас өгиз* — хороший рабочий бык; *тет өгиз* — недавно приученный к ярму рабочий бык; *сегиз жел баспақ* — восемь яловых коров. Общая стоимость алты жаксы приравнивалась к 28 коровам. Остальное количество голов скота (при калыме в 60 туар — 32, при калыме в 40 туар — 12) полагалось уплачивать непременно коровами; позднее он принял денежную форму. Сейчас в передовых семьях города и аула браки, разумеется, происходят без уплаты калыма; но этот разорительный для семьи и унижающий достоинство женщины обычай, несмотря на большую разъяснительную и воспитательную работу общественных организаций, еще не изжит. Во

многих случаях калым существует в завуалированной форме ценных «подарков», а среди некоторых слоев населения его тайно выплачивают деньгами. Обычай уплаты калыма поддерживается мусульманским духовенством — он, как и многоженство, предусмотрен религиозными законами шариата и кораном.

Свадьба в условиях дореволюционной Кара-Калпакии была длительной церемонией, в которой деятельно участвовали семейно-родственные группы (аулы) жениха и невесты и другие их сородичи. Все свадебные обряды сопровождались таким количеством ритуальных подарков с обеих сторон, что приводили семьи среднего достатка к огромным долгам. Многие семьи на долгие годы оказывались в кабале у баев. После сговора в доме невесты происходил первый из свадебных пиров-тоев. Приезжали родители, родственники жениха и он сам со своими друзьями-джигитами. Всем им приходилось выполнять ряд шуточных обрядов, сопровождающихся выкупами — *ҷәде* — по отношению к юношам, девушкам, старикам и другим родственникам и сородичам невесты; хорошие подарки получала и женге девушки. Той сопровождался угощением, на нем выступали певцы и сказители, часто бывали и конные игры — козлодрание (*ылақ*) и др. После тоя у невесты отец жениха готовил калым, показывал его отцу и родственникам невесты и наконец вручал главную его часть своим «куда». В это время в доме невесты с помощью родственниц и женге начинали готовить приданое: лошадь с арбой, оборудованную новую юрту, одежду, ювелирные украшения и т. д.

Затем наступала собственно свадьба, когда жених приезжал к невесте для совершения брачной церемонии. Он привозил с собой много скота для подарков и брачного пира. Встречали жениха целой системой шуточных препятствий, для обхода которых он снова должен был платить каде (*көпир ҷәде* — за проход через мост, *арҷан кәде* — за проход в юрту, вход в которую преграждали веревкой, *кемпир өлди ҷәде*— старухе, притворившейся мертвой у входа в юрту, и т. д.).

На этот раз происходило венчание молодых муллой. После первой брачной ночи юноша уезжал снова в свой аул; проходило иногда несколько лет до переезда женщины в дом мужа; она жила пока у отца, муж ее там навещал, хотя свадебная церемония еще не считалась законченной. В этот период ей разрешался обычаем свободный образ жизни, общение с мужской молодежью, участие в посиделках — отырыспа. Наконец, после окончательной выплаты калыма наступал день проводов молодой женщины в аул мужа — *ҷыз узатыў*. Она выполняла обряды прощания со своим аулом, исполняя при этом ритуальные прощальные песни *сыңсыў, ҳаўжар* и др. Приехавший за ней молодой со своими джигитами, забрав ее, возглавлял свадебный поезд на пути к своему аулу. Молодая ехала на арбе. По приезде в аул на нее впервые надевали кимешек и закрывали ей лицо покрывалом. Затем в торжественной обстановке в юрте мужа совершался обряд *бет ашар*—открывания лица невестки и ритуальное знакомство ее с родственниками мужа. Свадебная церемония завершалась последним тоем в доме мужа, после которого молодые считались уже законными супругами. Однако молодая женщина не теряла связи со своими родителями и родным аулом. Она часто приезжала к ним в гости с подарками, с ребенком или одна, и подолгу жила у них. Таким образом, и у каракалпаков, так же как у туркмен и у других народов, был распространен обычай «возвращения домой», уходящий своими корнями к матрилокальному браку.

Разумеется, в современных условиях вся эта громоздкая и длительная свадебная процедура не соблюдается каракалпаками. Свадьба сохраняет национальный облик, но она предельно упрощена; в ней остались лишь некоторые обряды, не идущие вразрез с новым образом жизни народа и вместе с тем вызывающие много веселья и придающие праздничность и яркую колоритность такому важному событию в жизни молодежи, как

Семья рабочего совхоза. Кегейлинский район.

брак. Вместо прежних старшин-аксакалов и духовенства главную роль в свадебном торжестве играют наиболее уважаемые лица колхозной деревни — председатели колхозов, секретари партийных и комсомольских организаций, члены совета урожайности, учителя и агрономы и т. д. Их обычно выбирают и сватами. Народные певцы и сказители по-прежнему приглашаются на свадьбы, но, кроме них, выступают часто и профессиональные артисты, приглашаемые из города. Не исчезли многие из веселых обрядовых выкупов. Расходы на свадьбу стали значительно меньше и не влияют разорительно на бюджет молодой четы и ее родных. Часть расходов обычно берут на себя близкие, родственники и соседи, товарищи по работе молодых и их родителей. Установился определенный, ставший обязательным комплект свадебного подарка жениха невесте, называемый *бес кийим* (пять одежд). В него входят: аяқ кийими — хорошие туфли, обычно городского фасона; большой нарядный выходной платок; шайы койлек — платье из бухарского шелка; камзол, обычно плюшевый, или «костюм» — жакет городского фасона; палтон—пальто, часто тоже плюшевое или бархатное. Вещи приобретаются по вкусу девушки.

Старая свадьба, таким образом трансформировалась за годы Советской власти и превратилась в большой и радостный семейный праздник, освобожденный от тягостной и громоздкой обрядности.

Произошли заметные изменения и в системе воспитания детей. Рождение ребенка и первые дни его жизни прежде сопровождались множеством обрядов, мало отличающихся от тех, которые бытовали у узбеков, казахов, туркмен. Смысл главных из этих обрядов также заключался в охране матери и ребенка от злых духов путем различных магических действий. Ныне с ростом культуры населения, естественно, вера в злых духов исчезает. Уже прочно вошли в быт врачебная помощь во время родов, детские консультации, воспитание детей в яслях и садах, а затем в школе. Из остатков старых обычаев следует отметить лишь *суннет-той* — праздник по случаю совершения обряда обрезания. Обычай обрезания с трудом изживается; его всячески поддерживает мусульманское духовенство, почитая за важный акт, символизирующий приобщение

ребенка к исламу. Борьба за изживание этого обычая ведется путем атеистической пропаганды и повышения общего культурного уровня народа.

Особенно сильно влияние ислама сказалось на похоронной обрядности каракалпаков. В отличие от таджиков и узбеков старых земледельческих районов, у каракалпаков не было профессии мурдашуй — обмывальщиков трупов. Для омовения тела умершего звали стариков или старух (если умерла женщина) из своего аула, вознаграждая их за труд предметами праздничной одежды покойника. Оплакивали умерших у каракалпаков не только женщины, но и мужчины. Хоронили по мусульманскому обычаю в саване; если на кладбище на носилках — *табыт*, которые обычно оставляли на могиле. В произведениях эпоса сохранилось старинное название этих носилок — *агаш ат* (деревянный конь); возможно, это пережиток, характерный для похорон тюркских кочевников средневековья, сопровождавшихся положением в могилу вместе с покойником его коня, убитого согласно погребальному ритуалу у могилы. Могильную яму каракалпаки перекрывают поперечными жердями, на которые кладут циновку, потом засыпают землей и делают надгробие — глинобитное или из ветвей жингила. Иногда возводят над могилой мавзолеи. На детские могилы принято было класть колыбель. Пережитком культа предков был обычай хоронить обязательно на родовом кладбище; в некоторых случаях для этого тело умершего приходилось везти очень далеко, на верблюдах, лошадях или лодках, но обычай этот неукоснительно соблюдался. Семья, потерявшая близкого человека, верила в возможность обеспечить ему легкость потустороннего существования и в связи с этим считалось необходимым устраивать в течение года после его смерти многократные поминки — *садақа*. Первые из них — *қара асы* — устраивались в день похорон, вторые —*жетиси* — на седьмой день после смерти, третьи — *қырқы* — на сороковой, *жүзи* — на сотый день, *жылы* — через год. На каждых поминках полагалось обильно угощать съезжавшихся многочисленных родственников мясными блюдами и резать для этого несколько голов скота. Обременительный для бюджета семьи обычай поминок, связанный с религиозными представлениями о загробной жизни, еще не изжит среди сельского населения.

Живучесть ряда старых обычаев во внутрисемейном быту каракалпаков на протяжении более сорока лет советского строя жизни объясняется известным законом отставания сознания от развития материальной жизни общества. Но хранителем бытовых пережитков является преимущественно старшее поколение, и то лишь часть его. Образованная молодежь вносит в жизнь семьи общий дух современности, материалистическое мировоззрение, новые запросы и культурные навыки.

Советская эпоха с ее техническим прогрессом, высоким уровнем материального благосостояния и культуры народа проявляется теперь во всем облике каракалпакской семьи. В среде сельской интеллигенции, состоящей из руководящих работников колхоза, учителей, агрономов, врачей, политико-просветительных и культработников, за последние годы усилилась прослойка технической интеллигенции — техников, механиков, инженеров. Это оказывает влияние и на бытовой уклад колхозников, способствуя проникновению технических усовершенствований и навыков в их домашнее хозяйство, постепенно приближая их быт к уровню городского. Механизация производственного процесса, широкое применение машин облегчает не только условия труда на колхозных полях; техника проникает и в быт. Каракалпачки теперь уже освобождены от отупляющей бесконечной работы на первобытном дигирмане для помола муки или от примитивной тяжелой ступы-крупорушки кели. В колхозах и совхозах появились механические движки, электростанции, строятся мельницы, пекарни, бани и другие культурно-бытовые учреждения. Облегчен уход за детьми благодаря сети детских учреждений. Высвободившийся досуг

Молодая каракалпачка-колхозница с сыном

хозяйки и других членов семьи занят культурными развлечениями — слушанием радио, чтением книг, посещением кино, частыми поездками в город, а у молодежи кроме того и спортом.

Население городов и сельских местностей принимает деятельное участие в общественной жизни. Участие населения в общественно-политической работе многообразно. Наиболее ярко оно проявляется в работе партийных и комсомольских организаций, играющих ведущую роль в производстве, общественной и духовной жизни народа. Значительная часть населения вовлечена в профсоюзную работу. Вместе с тем все большее развитие и углубление социалистической демократии чрезвычайно активизировало за последние годы деятельность Советов. В Кара-Калпакии более 4 тыс. депутатов местных советов, из них более 3 тыс. — депутаты сельских, поселковых и аульных советов, участвующих в руководстве хозяйственным и культурным строительством в совхозах и колхозах. Большинство из них работает в постоянных комиссиях местных советов — готовит материалы для обсуждения разных вопросов, контролирует работу бытовых, торговых, медицинских учреждений, вносит свои предложения по устранению недостатков. Депутатам помогают многочисленные общественники-активисты. Так, большую общественную работу ведут домовые и квартальные комитеты; они следят за чистотой и порядком во дворах и на улицах, заботятся об озеленении, о быте жильцов, организуют культурное обслуживание. Как и в других республиках Средней Азии, в Кара-Калпакии велико значение деятельности женсоветов, работающих под руководством местных советов. Они оказывают существенную помощь женщинам в их бытовых нуждах, борются за полное изживание остатков старых традиций неравноправия в семейной жизни. Важной формой общественного воздействия на правонарушителей стали в республике товарищеские суды. По инициативе комсомольцев и молодежи для охраны общественного порядка создано свыше трехсот добровольных народных дружин. С каждым годом расширяют свою деятельность и другие общественно-самодеятельные организации населения Кара-Калпакии — советы пенсионеров, родительские комитеты при школах и т. д. Они помогают изучать интересы разных слоев населения, его запросы и нужды.

Тысячи людей в общественном порядке, безвозмездно, выполняют важные поручения, имеющие государственное, народнохозяйственное, бытовое и культурное значение. Активисты-общественники все более деятельно включаются в управление социалистическим государством.

Народные праздники

В прошлом в Кара-Калпакии широко отмечались, кроме важных семейных событий (свадьба, рождение сына и др.), общемусульманские религиозные праздники (*ораза ҳайт ққурбан ҳайт*), день нового года (*наўрыз хайт*). В праздничные дни обычно устраивались народные гулянья, которые у каракалпаков всегда проходили при участии женщин. Нарядно одетые жители аула или города собирались на площади и размещались там в традиционном порядке: первые ряды зрителей прямо на земле (женщины отдельными группами вместе с ребятишками), за ними несколько рядов зрителей стояли; последние ряды составляли зрители на арбах и верховые. Во время гулянья устраивались разнообразные развлечения: скачки — *бәйге*, конная игра с тушей козла — *ылақ*, борьба — *гүрес*, выступления народных комиков — *масқарапаз*, канатоходцев — *дәрўаз* и др. Излюбленным развлечением молодежи было катание на качелях — *аткеншек*.

Современные народные гулянья сопровождаются не только традиционными развлечениями, музыкой и пением, но и выступлениями колхозной самодеятельности, артистов-профессионалов и демонстрацией кинофильмов. Повсеместно установилась новая традиция народных гуляний в дни 1Мая и 7 ноября.

Колхозная общественность принимает также участие и в семейных праздниках — свадьбах, угощениях-тоях по случаю рождения детей, приема почетных гостей, возвратившихся из армии или с учебы сыновей и других родственников и пр. Самыми почетными гостями считают теперь людей, прославившихся на трудовом поприще, общественных деятелей; создается новый, своеобразный национальный ритуал общественных и семейных празднеств советской эпохи.

Торжественно и весело проводится колхозный «Праздник урожая», которым отмечают выполнение плана сдачи государству хлопка, в это время устраивают концерты, общественные игры и состязания, в которых участвуют все колхозники или работники совхоза; лучшим производственникам вручают премии. Недавно вошли в быт новые весенние жизнерадостные «праздники песни», в которых участвуют тысячи трудящихся. С разнообразным репертуаром выступают на этих праздниках многочисленные коллективы художественной самодеятельности, люди самых различных профессий и возрастов — школьники, студенты, пожилые рабочие и др. Подготовку к концертам ведут районные дома культуры. Из самых отдаленных районов на смотр достижений художественной самодеятельности в столицу республики съезжаются участники праздника. С недавних пор стал праздноваться и «День молодежи», в котором большое место занимают спортивные выступления. Каракалпакская молодежь и ттуденты принимают также деятельное участие в республиканских и международных фестивалях.

Здравоохранение

Мрачную картину состояния народного здравоохранения в дореволюционной Кара-Калпакии нарисовал врач Аму-Дарьинского отдела И. Авдакушин[1]. Он видел одну из главных причин распространения болезней и высокой смертности местного населения в ужасающих санитарно-бытовых условиях: загрязненности водных источников — арыков, грязи в юртах и антигигиеничности глинобитных жилищ, непосредственно соприкасающихся с помещениями для скота, в большом количестве заболоченных

[1] И. Авдакушин. Санитарный обзор Аму-Дарьинского отдела с 1887 по 1891 г. «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», т. II. Ташкент, 1892.

мест — источников малярии и т. д. И действительно, вследствие крайней бедности и тяжелых жилищно-бытовых условий большинству каракалпакского населения трудно было соблюдать необходимую чистоту; отсутствовали бани, не осознавалась возможность заражения от больного, с которым нередко ели из одной посуды; дети воспитывались в антигигиенических условиях. Способствовали распространению болезней также изнуренность организма от вечного недоедания и недостаток в пище жиров и белковых веществ при тяжелой физической работе. Однако наиболее важной причиной низкого состояния здравоохранения было отсутствие медицинской помощи. На весь Аму-Дарьинский отдел, насчитывающий около 200 тыс. жителей, была лишь одна больница на 15 коек в Петро-Александровске; в сельских местностях не было не только больниц, но даже ни одного врача.

Наиболее распространены были среди каракалпаков глазные болезни: конъюнктивит, трахома и др. Причины широкого распространения этого рода заболеваний заключались отчасти в загрязненности воздуха ядовитой солончаковой пылью в сухое время года, отчасти — в антисанитарных условиях быта. Массовыми были заболевания малярией различных форм и видов. Из-за отсутствия хинина болезнь протекала в обостренных формах и сопровождалась тяжелыми осложнениями. Чесотка, как и малярия, носила местами почти массовый характер. Очень часты были желудочно-кишечные заболевания. К числу наиболее опасных социальных болезней принадлежал сифилис, носивший бытовой характер. Заболевания цингой особенно часто встречались среди бедноты в связи с неудовлетворительным качеством и однообразием пищи при недостатке овощей. Специфической местной болезнью следует считать проказу, которая была распространена преимущественно среди каракалпаков дельты Аму-Дарьи. Прокаженные находились на положении отверженных и предоставлялись на волю судьбы. Отдельных поселений для них, не говоря уже о каких-либо специальных лечебных заведениях, до революции не существовало.

В этих условиях процветало знахарство. По отзыву Авдакушина, с такими несложными операциями, как вырывание зубов, вправление вывихов, наложение неподвижных повязок, удаление некоторых опухолей, оспопрививание, знахари-табибы справлялись, пользуясь опытом народной медицины, более или менее успешно. Но в огромном большинстве случаев их деятельность приносила вред и зачастую больные погибали от изобретенных невежественными табибами методов «исцеления». Видную роль в знахарском «лечении» болезней играли распространявшиеся шейхами и ишанами различного рода амулеты, а также заклинания, заговоры и прочие магические действия, в основе которых лежало убеждение в том, что всякая болезнь связана с вмешательством или даже вселением в больного злого духа (джина). Существовали пережитки шаманства. Шаманы (*порхан*) практиковали устройство сеансов при большом скоплении народа, демонстрируя свои приемы «изгнания» из больного джинов. Каракалпакские порханы шаманили с бубном или с дутаром.

Тяжелое материально-бытовое положение масс, являвшееся постоянным источником различного рода заболеваний в дореволюционной Кара-Калпакии, и отсутствие медицинской помощи настолько увеличивали смертность населения, что каракалпакам грозило постепенное вымирание.

В первые же годы после установления Советской власти началась работа по созданию лечебной сети в Кара-Калпакии. Уже к концу 1924 г. здесь было шесть врачебных участков, фельдшерский пункт, восемь амбулаторий, три больницы, зубная амбулатория. В 1932 г. в медицинских учреждениях республики работало 39 врачей и около 200 средних медицинских работников. В 1936 г. в Нукусе было создано медицинское училище, готовящее медсестер и фельдшеров, главным образом из местных

Республиканская больница. Нукус

национальностей. По мере развития медицинской сети население переставало обращаться к табибам, ишанам и порханам.

Развитию здравоохранения в Советской Кара-Калпакии помогали общесоюзные медицинские научно-исследовательские учреждения: был проведен ряд экспедиций по изучению социальных болезней и организована помощь в борьбе с ними местным медицинским работникам; созданы венерологический диспансер, малярийная станция; в 1938 г. началось строительство лепрозория. Среди населения проводилась санитарно-просветительная работа.

К 1960 г. в республике было восемь городских больничных объединений, семь районных, 26 сельских больниц, 13 специализированных диспансеров (трахоматозный, онкологический и другие), 165 врачебных, фельдшерско-акушерских пунктов, 16 санитарно-эпидемиологических станций и много других лечебных учреждений. Во всех крупных населенных пунктах имеются аптеки. Построены также санатории (Чимбайский и др.), создаются курорты. Одним из главных курортных мест становится оз. Караумбет в Кунградском районе, где лечебные грязи не уступают по качеству знаменитым в СССР одесским лиманам, Тамбуканскому и другим лечебным озерам.

Растут кадры врачей; их число в республике к 1962 г. достигало 400, а среднего медперсонала — более 1800 человек. Среди врачей много каракалпаков, получивших образование в медицинских вузах Ташкента и других городов Советского Союза. Чрезвычайной популярностью и любовью народа пользуется первый каракалпакский врач Уразмет Халмуратов. В деле здравоохранения широко используется авиация; талантливый хирург Халмуратов оказывает квалифицированную медицинскую помощь в самых отдаленных и труднодоступных районах своей родины (рыбакам побережья и островов Арала, чабанам в песках Кызылкум и др.). Более миллиона километров налетал на трассах республики советский хирург, спасший тысячи человеческих жизней. По достоинству оценивая самоотверженную, неутомимую деятельность Халмуратова, каракалпак-

ский народ неоднократно избирал его депутатом Верховного Совета СССР. Широко известен и врач Файзулла Мадрахимов; он специализировался в области глазных болезней, прослыв в народе подлинным исцелителем слепых. Широкой известностью пользуется в Кара-Калпакии также главный врач республиканской объединенной больницы Серали Бекжанов; много труда вложил он в развитие здравоохранения и уже ряд лет заботливо и умело руководит крупнейшей в Кара-Калпакии больницей.

С. Бекжанов, главный врач республиканской больницы в Нукусе

Рост медицинских учреждений и числа врачей, огромные средства, расходуемые государством на здравоохранение в республике, общий подъем благосостояния и культуры благотворно влияют на быт и здоровье народа. Постепенно исчезают тяжелые последствия нищеты и социальных болезней, бывших прежде бичом каракалпаков и уносивших тысячи жизней; некоторые из этих болезней уже совершенно ликвидированы (малярия, цинга и др.). За годы Советской власти в Кара-Калпакии резко снизилась смертность и повысилась рождаемость населения.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. НАУКА

Почти сплошная неграмотность народа, отсутствие письменности, религиозные предрассудки и суеверия, распространяемые невежественным и реакционным духовенством,— таково было тяжелое наследие прошлого, доставшееся Советской Кара-Калпакии. Едва ли не самым отсталым уголком колониальной Средней Азии была Кара-Калпакия: в то время как в среднем по Туркестану грамотных людей было 1,8%, здесь эта мизерная цифра была еще ничтожнее — 0,2%. При этом в число «грамотных» входили главным образом окончившие конфессиональные школы — мактабы и медресе, с их схоластической системой мусульманского образования, не дававшего даже элементарных общеобразовательных познаний. Русско-туземных общеобразовательных школ насчитывалось всего три на весь край; в них обучались преимущественно дети местных баев, аксакалов и других влиятельных лиц; школы готовили кадры «туземной» царской администрации. Эти классово-политические цели организации русско-туземных школ не могли не уменьшить их прогрессивную роль. Что же касается городского училища в Петро-Александровске, то за все годы его существования из лиц местных национальностей окончили его только 17 человек, в том числе лишь два каракалпака, а в женском приходском училище не было ни одной девушки из местных национальностей.

В первые годы после революции развитие народного образования в Кара-Калпакии наталкивалось на большие трудности. Органам народного образования и учителям приходилось вести борьбу с влиянием духовенства, агитировавшего против советской школы. Были факты, когда представители духовенства, другие вражеские элементы и басмаческие банды уничтожали школы, убивали учителей. Все эти трудности были преодолены благодаря великой заботе Советской власти, помощи братских народов и поддержке самой народной массы республики. Несмотря на разруху и голод в годы военной интервенции и контрреволюционных действий, на большую нужду в средствах, необходимых для борьбы с врагами, Советская власть уже в то время осуществила ряд мероприятий, направленных на улучшение, точнее на создание заново, дела народного образования в крае: уже в 1918 г. был организован Аму-Дарьинский отдел народного образования; имевшиеся школы были переведены на государственный бюджет; открылись краткосрочные курсы для подготовки учителей; заработная плата их была повышена; Аму-Дарьинский отдел народного образования открыл новые начальные школы, интернаты и детдома. Большую помощь в обеспечении школ помещениями и постройке новых зданий оказало само население. Группа молодежи, направленная партийно-советскими и комсомольскими организациями на учебу, получила образование в средних и высших учебных заведениях Казахстана и Узбекистана. Вернувшись в Кара-Калпакию, молодежь активно включилась в культурную жизнь, в первую очередь в работу школ республики. Плодотворно работали и многие учителя, приехавшие из этих республик и из Российской федерации. Но в этот период было еще сильно влияние духовенства. Некоторые дети посещали одновременно и школу и мактаб; конфессиональные школы были окончательно упразднены лишь в 1929/30 учебном году.

С помощью русских ученых и научных работников братских народов каракалпакские педагоги стали создавать учебные пособия для школы. Первый букварь на каракалпакском языке был издан в 1925 г. на основе старого арабского алфавита, чуждого фонетике и морфологии языка каракалпакского народа; в 1928 г. письменность была переведена на латинский алфавит, сделавший ее более доступной трудящимся массам.

С 1930 г., в связи с решениями XVI съезда ВКП(б) о переходе к всеобщему начальному обучению, усилилась подготовка и переподготовка учителей в Кара-Калпакии. В годы второй пятилетки уже существовали Учительский институт, педтехникум в Чимбае, педучилище в Ходжейли, совпартшкола, Турткульский учебно-педагогический комбинат, в течение десяти лет игравший большую роль в подготовке и переподготовке педагогических кадров.

Создание сети учебных заведений, появление кадров каракалпакской советской интеллигенции оказало большое влияние на развитие всех отраслей культуры, науки и искусства. Учителя, студенты и учащиеся средних учебных заведений и учительского института провели огромную работу по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Они же были первыми агитаторами, организаторами культурно-просветительной работы в аулах, первыми пропагандистами научных и политических знаний, среди них рождались первые литературные кружки и кружки самодеятельности. В 1940 г. был совершен перевод каракалпакской письменности на новый алфавит, разработанный на основе русской графики, что облегчило учебу, а вместе с тем и помогало населению республики изучать литературный русский язык и овладевать достижениями русской культуры.

Для начальных, семилетних и средних школ были переведены с русского языка все необходимые учебники, созданы оригинальные учебники по каракалпакскому языку и литературе.

Кара-Калпакский государственный педагогический институт в Нукусе

В результате всех этих мероприятий Кара-Калпакия стала республикой сплошной грамотности, здесь осуществлено всеобщее семилетнее обучение. В 1961/62 учебном году в Кара-Калпакии работало 644 школы; в них обучалось более 100 тыс. учащихся. Численность учителей превышала 6 тыс. При многих школах построены хорошо оборудованные учебные мастерские, со слесарными и столярными цехами, классами по изучению автомобилей и др. В настоящее время перестраивается система преподавания в соответствии с законом об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования в СССР.

Кроме обычных общеобразовательных школ, работают десятки вечерних школ рабочей и сельской молодежи, в которых без отрыва от производства учится большое количество молодежи. Сотни специалистов каждый год готовятся в гидротехникуме, в сельскохозяйственном, финансово-экономическом техникумах, в торгово-кооперативных школах, в училищах механизации, в медицинском и музыкальном училищах и др.

Специалистов со средним образованием в народном хозяйстве республики уже несколько тысяч: свыше тысячи медицинских работников, примерно столько же техников, сотни агрономов, зоотехников и др.

В 1944 г. Кара-Калпакский государственный учительский институт был преобразован в объединенный педагогический и учительский институт; при нем было открыто и заочное отделение. Этот институт — первое высшее учебное заведение в Кара-Калпакии. В 1961/62 г. в Кара-Калпакском государственном педагогическом институте количество студентов достигало 1470 чел., в основном, местных национальностей; работало 17 кафедр. Кроме того, в заочном отделении института обучалось

свыше 1600 человек. Этот институт ежегодно выпускает 300—350 высококвалифицированных педагогов по каракалпакскому, казахскому, русскому языкам и литературе, иностранным языкам, физике и математике, химии и биологии, истории, географии и другим предметам. За годы своего существования до 1961 г. институт выпустил около 3,5 тыс. специалистов, а с заочниками — свыше 5 тыс. Многие из выпускников института стали заслуженными учителями, директорами школ, руководителями отделов народного образования, партийно-советскими работниками, известными учеными и писателями. Много каракалпакской молодежи учится в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Ташкента, Самарканда, Алма-Аты и других городов Советского Союза.

Об уровне развития высшего образования в Советской Кара-Калпакии говорит тот факт, что здесь на каждые 10 тыс. человек в 1961 г. приходилось около 70 студентов, обучающихся в высших учебных заведениях, а в Иране лишь три студента, в Турции — 12, в Италии —32, во Франции — 35.

Дальнейшему росту культурного уровня народа способствует также широкая сеть культурно-просветительных учреждений, заново созданных за годы Советской власти и ведущих большую воспитательную работу.

В 1961 г. в республике работали две республиканских, 15 районных и городских, 99 колхозных и аульных, 20 детских библиотек, 106 изб-читален, 18 городских и районных домов культуры, три университета культуры, 103 клуба. Кроме того, на предприятиях есть клубы, красные уголки.

Тысячи лекций среди населения ежегодно читают члены Кара-Калпакского общества по распространению политических и научных знаний, имеющего во всех районах республики свои отделения и объединяющего большое количество специалистов.

Радио проникло во все уголки Кара-Калпакии. В республике к 1960 году было более 7,5 тыс. радиоприемников и 45 тыс радиоточек, в том числе 4,5 тыс. радиоприемников и 32 тыс. радиоточек в сельской местности. Во многих совхозах и колхозах республики имеются собственные радиоузлы.

* * *

За годы Советской власти в Кара-Калпакской АССР впервые появились научные учреждения. В 1931 г. был создан комплексный научно-исследовательский институт, в состав которого вошли: научно-терминологическая секция областного отдела народного образования, Центральный краеведческий музей, областная метеорологическая сеть, научный отдел областной библиотеки и другие научные учреждения.

В 1933 г. была проведена созванная Академией наук СССР первая конференция по изучению производительных сил Кара-Калпакской АССР, имевшая большое научное значение. Она разрешила ряд вопросов в области развития экономики и культуры Кара-Калпакии и определила задачи научно-исследовательской работы. В последующие годы научно-исследовательский институт с помощью ученых Москвы и Ленинграда занимался изучением недр республики, проблемами развития промышленности и транспорта, хлопководства, животноводства, рыболовства, а также собиранием архивных материалов по истории Кара-Калпакии, проведением этнографических экспедиций, разработкой грамматики каракалпакского языка, составлением терминологического словаря, собиранием и изданием фольклорных памятников и произведений дореволюционной каракалпакской литературы.

Научно-исследовательский институт в дальнейшем был преобразован в институт экономики и культуры, а с 1957 г. — в Комплексный научно-исследовательский институт АН Узбекской ССР. В 1960 г. он преобразован в Кара-Калпакский филиал АН Узбекской ССР. В составе филиала имеются институт языка и литературы, лаборатории паразито-

логии, ихтиологии, гидробиологии, лаборатории химии и строительных материалов, сектор ботаники и ботанический сад; в ведении филиала находится также республиканский краеведческий музей. Научные сотрудники филиала ежегодно направляются в экспедиции в разные районы республики для сбора материалов по своим темам. Экономисты, химики, ихтиологи и другие исследуют актуальные проблемы, связанные с перспективами развития народного хозяйства республики,— рационального размещения и специализации сельского хозяйства, развития рыбного хозяйства, производства строительных материалов, использования камыша в качестве химического сырья и т. д. Известны ученые Кара-Калпакии: биолог С. О. Османов, физик Е. Жаксымов и др. Член-корр. АН Узбекской ССР Я. М. Досумов и молодые ученые—историки и этнографы, кандидаты исторических наук С. Камалов, Р. Косбергенов, У. Шалекенов и другие работают над созданием обобщающего труда по истории Кара-Калпакии; лингвисты Д. Насыров, К. Убайдуллаев и другие занимаются исследованием современного каракалпакского языка, его грамматики, диалектов, составлением словарей. Советскую литературу родного народа — поэзию и прозу — изучает талантливый молодой литературовед М. Нурмухамедов. Историей каракалпакской литературы и вопросами фольклора занят коллектив сотрудников во главе с К. Максетовым. Группой искусствоведов руководит Т. Алланазаров.

Разведка недр в Кара-Калпакии. Работа геофизической экспедиции в пустыне

Каракалпакское литературоведение, языкознание, историческая наука зарождались и развивались при непосредственном участии русских советских исследователей и воспитателей местных научных кадров. Еще с середины 1920-х годов русские ученые проф. П. П. Иванов, Н. А. Баскаков, член-корр. АН СССР С. Е. Малов и другие организовали ряд фольклорных, историко-этнографических и лингвистических экспедиций на территории Кара-Калпакии, участвуя в которых первые научные работники Кара-Калпакии получили навыки научно-исследовательской работы.

Первый марксистский труд, посвященный истории каракалпакского народа,— «Материалы по истории каракалпаков» — был подготовлен и издан в 1935 г. Институтом востоковедения АН СССР. Большой вклад в изучение этногенеза каракалпаков, древней и раннесредневековой истории Кара-Калпакии внесли исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, начатые на территории Кара-Калпакии еще в 1937 г.

Многие ученые: историки, языковеды, востоковеды, этнографы, работающие в Академии наук СССР, и в настоящее время не прерывают своих многолетних научных связей с каракалпакскими учеными и руководят разработкой некоторых проблем, ведут крупные экспедиционные работы, руководят подготовкой высококвалифицированных каракалпакских национальных научных кадров через аспирантуру институтов АН СССР и АН Узбекской ССР.

Геологические учреждения Узбекистана проводят изыскания на нефть, газ и другие полезные ископаемые на территории Кара-Калпакии.

В настоящее время в республике, помимо Кара-Калпакского филиала АН Узбекской ССР, имеется Научно-исследовательский институт сельского хозяйства.

Научно-исследовательские работы ведутся и в Кара-Калпакском объединенном педагогическом и учительском институте, где работает около 150 преподавателей, в том числе кандидаты и доктора наук. В республике имеются теперь сотни научных работников, специалистов в области филологии, истории, биологии, экономики, физики и математики, химии, педагогики, по сельскохозяйственным наукам и др.

В своих изысканиях каракалпакские ученые поддерживают творческий контакт с учеными других среднеазиатских республик. Так, с каждым годом крепнут научные связи каракалпакских и казахских литературоведов, совместно разрабатывающих некоторые проблемы тюркоязычных литератур.

Каракалпакские научные работники активно участвуют во всесоюзной научной жизни, выступая с докладами на научных сессиях и конференциях в Ленинграде, Москве, Душанбе, Алма-Ате, Ташкенте, Фрунзе и других городах.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Ценным памятником духовной культуры каракалпакского народа, его богатым наследием являются фольклор и народная литература.

Фольклор

На протяжении многих веков, вопреки стремлениям духовенства и ханских правительственных кругов, пытавшихся ограничить рамками ислама и подчинить своему влиянию все стороны духовной жизни народа, народное поэтическое творчество каракалпаков развивалось самобытными путями. Каракалпакский фольклор в очень разнообразных формах отражает все стороны жизни народа. В нем большое место занимают темы, связанные с хозяйственной жизнью, трудом (с земледелием, скотоводством, рыболовством), с семейным бытом, с традициями общественной жизни; в поэтической форме отражены многие исторические события, борьба с внешними врагами, народные восстания, патриотические чувства народа, его стремления, чаяния, суждения, мировоззрение. При отсутствии письменных данных по истории каракалпакского народа устное поэтическое творчество получает особенно важное значение для историков и этнографов, извлекающих из этого драгоценного источника ценные материалы о жизни народа, сведения о его исчезнувших бытовых устоях и о процессе развития его общественно-философской мысли. Большинство произведений устно-поэтического творчества каракалпаков отличается высоким художественным уровнем. Недаром побывавший в 40-х годах XIX в. среди каракалпаков казахский историк и этнограф Чокан Валиханов писал: «Каракалпаки почитаются в степях первыми поэтами и песенниками»[1]. В то же время эти произведения глубоко народны; лишь на некоторых

[1] Ч. Валиханов. Сочинения. Под ред. Н. И. Веселовского. «Записки РГО по отд. этногр.», СПб., 1904, XXIX, стр. 223.

сказалось влияние феодальной идеологии господствующих классов и мусульманского духовенства.

Многообразию тематики каракалпакского фольклора соответствует богатство его жанров — лирического и эпического. Среди произведений фольклора — многочисленные пословицы, поговорки, которыми и сейчас пересыпает свою речь народ, поэтические и прозаические загадки, скороговорки, разнообразные виды песен, сказки, произведения народного эпоса (*жыр*, *дәстан*) и т. д.

Жыраў — сказители каракалпакского эпоса, героических поэм, исторических песен (*толғаў*) — выступали под аккомпанемент смычкового музыкального инструмента *қобыз*. *Бақсы* исполняли лирические песни, лирико-любовные поэмы и дастаны, выступая в сопровождении двухструнного инструмента *дуўтар*. Существовали также сказочники (*ертекши*) и исполнители других фольклорных произведений.

Без выступления жырау и баксы в Кара-Калпакии не обходилось ни одного праздничного гулянья и тоя.

В Кара-Калпакии было несколько школ жырау, отличавшихся характером репертуара и традиционным стилем, манерой исполнения. В последние годы прошлого века, в связи с появлением книг, напечатанных в Казани, Ташкенте и других местах, среди каракалпаков появились в роли распространителей и исполнителей фольклора *катиб* и *қыссахан*. Катибы переписывали эпосы, стихотворения поэтов, кыссаханы читали без музыкального аккомпанемента, но с установленной традиционной интонацией эти переписанные произведения.

Каракалпаки — народ с большим юмором — умели ценить остроумных людей — *лаққы*. Лакки — остряк-импровизатор — был желанным гостем на всех тоях и других народных сборищах, где он развлекал публику наряду с баксы и жырау. Рассказывают бессчисленные анекдоты об Омирбеке-лакки (каракалпакский Ходжа Насретдин). Популярны также рассказы о девушке-лакки (Хиуалы кыз), с которой не всякий джигит рисковал состязаться в остроумии.

Типична для каракалпакского фольклора форма насмешливых песен диалогов, так называемых *айтыс* или *жуўап*, создававшихся экспромтом на вечеринках молодежи, во время словесных состязаний между джигитами и девушками. Жуап строился на уменье задавать в сжатой, отточенной, образной и рифмованной форме вопросы и быстро, не теряясь, сочинять остроумные ответы. Он исполнялся без музыки, но речитативом, с ритмическими переходами. Иногда устраивались соревнования в айтысах между народными поэтами.

Среди песен каракалпаков наибольшую группу составляют лирические, воспевающие красоту, достоинства, любовь девушек и джигитов, трудовые песни крестьян-земледельцев, пастухов, рыбаков и других и многочисленные бытовые. Среди последних много песен колыбельных — *ҳайя*, в которых мать выражает свою любовь к ребенку и мечты о его будущем, пожелания, чтоб он стал мужественным, справедливым, добрым человеком и т. д.; каждый куплет сопровождается припевом «хайя-хайя». Особый цикл составляют песни *қошласу*, которые поют уезжающие с родины, из родного аула.

Много песен обрядовых; к ним относятся прежде всего свадебные: начинающая свадьбу ритуальная песня *той баслау*, которую пели на первом тое — у отца невесты; *ҳаўжар* — горестная песня невесты о ее прошлой и будущей жизни, которую она пела в сопровождении подруг, причем джигиты — родственники жениха, включаясь в исполнение хаужара, уговаривали ее подчиниться судьбе, давали советы, наставления. Теперь хаужар уже не поют. Не меньше грусти и жалоб на предстоящую тяжелую долю невестки было в лирической свадебной песне-плаче — *сыңсыў*, которую пела молодая также еще в своем ауле, перед переездом в дом

своего мужа. Песня *бет ашар* исполнялась уже после приезда молодой в аул мужа и связана с обрядом «открывания лица невестки», приезжающей в аул с накинутым на голову покрывалом. Перед входом в юрту покрывало снималось, и родственники мужа пели бет ашар, содержавший советы (подчас юмористического характера) о том, как она должна вести себя в новой семье, указания на ее обязанности; в бет ашаре перечислялись также обычаи и традиции, которые она должна соблюдать. Затем исполнители бет ашара знакомили невестку с родителями мужа, его ближайшими родственниками и сородичами — жителями своего аула. При исполнении традиционных песен бет ашара допускалась и импровизация. К обрядовым песням относятся также похоронные плачи — *жоқлаў*, которые исполнялись женщинами из семьи умершего и профессионалками-плакальщицами на похоронах и во время всех поминок,песни заклинания— например, *бәдик* или *гүлəпсан* — исполнявшиеся во время процедуры изгнания из больного злых духов-джинов.

Немало также детских песен, связанных с разными играми. Пословицы, поговорки, нравоучительные изречения объединяются у каракалпаков под общим названием *аталар сөзи* — слово отцов или заветы предков. В них как бы сконцентрирован многовековой жизненный опыт народа.

В каракалпакских сказках преобладают реалистические сюжеты. Обычный герой сказок — плешивый юноша — Тазши, бедный, неказистый сирота, который, однако, водит за нос скупых и жадных баев, надменных и глупых ханов. Другой герой сказок — сметливый, находчивый и остроумный Алдаркосе, которого никто не может обмануть. В сказках о животных большую роль играет хитрая лиса; она обманывает не только барана, верблюда, но даже волка, тигра, а иногда и бога. Немало и сказок фантастического характера, в которых главную роль играют ведьмы, великаны-дэвы, добрые и злые феи — пери, драконы и др.

Значительным богатством произведений отличается каракалпакский эпос, главными жанрами которого являются богатырские поэмы и лирико-романтические дастаны.

Наибольшей популярностью пользуется богатырский эпос: «Алпамыс», «Кырк кыз», «Коблан», «Ер-Шора», «Маспатша» и ряд других. Эпическая поэма «Кырк кыз», состоящая более чем из 20 тыс. строк, неоднократно публиковалась на каракалпакском, узбекском и русском языках. Героиня поэмы Гулаим, предводительница 40 девушек-амазонок, отважно сражается с напавшими на ее родину калмыками. При анализе этого высокохудожественного произведения выявляются чрезвычайно архаические пласты, очевидно связанные еще с массагетской эпохой первых веков до нашей эры. Смелая, гордая, прекрасная Гулаим — олицетворение сильного характера и высокогуманных черт: любви к своей родине, самоотверженности, способности жертвовать личным счастьем для блага своего народа. Об этом эпосе тепло отозвался французский писатель и общественный деятель коммунист Луи Арагон; в своей книге «Советская литература», вышедшей в Париже в 1955 г., он сравнивает образы эпоса с героями знаменитой «Песни о Роланде», в которой французский народ воплотил свои идеалы.

В поэме «Маспатша» в числе главных героев выступает девушка Айпаршин, подобно Гулаим наделенная красотой и необыкновенным мужеством. В этой поэме также описывается героическая борьба каракалпаков за свою независимость. Действие происходит на территории, часть которой входит в состав современной Кара-Калпакии. На территории Приаралья и Хорезма выступает большинство героев и других исторических поэм. События, описываемые в поэме «Кырк кыз», происходят, вероятно, в низовьях Сыр-Дарьи; Гулаим живет на острове, среди камышей и озер, окруженных степями. Герой эпоса «Ер-Шора», Шора-батыр владеет райо-

ном современного Бируни (б. селение Шейх-Аббас-Вали), откуда совершает свой легендарный поход на Казань, и т. д.

За исключением нескольких произведений, проникнутых феодальной идеологией (например «Эдиге»), каракалпакский богатырский эпос отличается своей народностью; в нем широко показан трудовой народ, его общественная жизнь, семейный быт, любовь к родине, ради которой герой жертвует личным счастьем и даже жизнью. Батыры, возглавляющие в эпосе борьбу народа с внешними врагами, обрисованы всегда в положительных чертах — как люди необыкновенной силы и мужества, великодушные и справедливые, пользующиеся доверием и поддержкой народа.

Героини эпоса — любимые батырами девушки — всегда не только красивы, но и на редкость умны, верны своему слову; это подруги и советницы батыров, а часто и боевые соратницы.

Сказитель эпоса «Кырк кыз» Курбанбай жырау Тажибаев

Дастаны несколько отличаются от эпических произведений по своим традиционным сюжетам и характеру исполнения. Они отражают другую социальную среду, их действующие лица — властители феодальных государств ханы, визири, духовенство, купечество; действие происходит обычно в городах; отрицательные персонажи дастанов не иноземные поработители, а соотечественники положительных героев; последние становятся жертвами преследования деспотов и вынуждены переносить тяжелые страдания. В дастанах проза чередуется с лирическими стихами, поэтическая речь разнообразится множеством стихотворных размеров, богатством рифмы и ритма. Наиболее популярные дастаны — «Юсуп-Ахмет», «Гарип-Ашик» и некоторые другие, пользующиеся большой известностью также среди других народов Средней Азии. Жырау и баксы, бережно сохранившие до наших дней произведения дореволюционного устного народного творчества, и в настоящее время пользуются большой любовью и популярностью у народа. Известному исполнителю эпоса «Кырк кыз» Курбанбай-жырау Тажибаеву было присвоено звание народного певца Узбекской ССР; Жапак-баксы Шамуратов, известный певец-композитор, имеет почетное звание народного артиста Узбекской ССР и Кара-Калпакской АССР; Кияс-жырау Хайритдинову присвоено звание народного жырау Кара-Калпакской АССР.

Литература

Письменная литература у каракалпаков до Октябрьской революции существовала лишь в зачаточной форме. Только некоторые произведения народного творчества распространялись в рукописных записях, основная же часть их дошла до

наших дней в устной передаче. В годы Советской власти началась систематическая работа по записи фольклора и литературных произведений каракалпакских народных поэтов XVIII, XIX и начала XX вв. Наиболее известны из поэтов Жиен-жырау, Кун-ходжа, Ажинияз, Бердах-шаир. Поэты писали о тяжелой доле каракалпакского народа, призывали к борьбе с угнетателями, воспевали светлое будущее народа, в которое твердо верили.

Одним из основоположников каракалпакской классической литературы был Жиен-жырау, живший в середине XVIII в. В своей замечательной поэме «Поскан ел» («Разоренный народ») он повествовал о трагедии 1756 г., когда каракалпаки, разоренные набегами бухарских и казахских феодалов, вынуждены были откочевать с Сыр-Дарьи через пустыню Кызылкум в Хорезм и перейти в подданство к хивинским ханам. Поэт был современником и участником этого перехода, очевидцем гибели тысяч соплеменников в песках во время тяжелого пути; скорбная картина этого бедствия талантливо изображена поэтом. Народным горем проникнуты также стихи другого поэта — Кун-ходжи (1799—1880). В стихотворениях «Жнецы», «Чабаны», «С народом» он рисует печальную участь каракалпакской бедноты, задавленной тяжелым гнетом, разоблачает кровавый режим хивинских ханов. Наибольшей популярностью пользуется его стихотворение «Не забуду», представляющее собой необычайно острую сатиру на хивинского хана. Кун-ходже принадлежат замечательные слова, свидетельствующие о народно-демократическом характере его творчества:

В небо взмоешь, если есть крылья,
Будешь счастлив, если народ твой в радости живет,
Если едины твои и народа стремленья;
Надо делать все вместе с народом [1].

К классикам каракалпакской литературы относится также Ажинияз Косыбай улы (1824—1878 гг.). Это был высокообразованный человек, знакомый с творчеством поэтов Востока — Навои, Фирдоуси, Саади, Махтум-Кули и др.; он внес много нового в устную каракалпакскую литературу, приобщая свой народ к культуре соседних народов. Широкую известность доставила Ажинязу его встреча с казахской поэтессой Менгеш, побежденной им на поэтическом состязании. Особенной популярностью до сих пор пользуется историческая поэма Ажинияза «Боз-атау», написанная, по мнению исследователей, в 60-х годах XIX в. Содержание поэмы — описание событий 1859 г., когда по подстрекательству хивинских властей туркменские феодалы напали на мирных каракалпаков-конгратов, поселившихся в местности Боз-атау; они истязали невинных людей, угоняли их в рабство. Ажинияз с большим чувством описывает прощание пленных с родным Боз-атау. Поэма содержит чрезвычайно ценный исторический и этнографический материал; она переложена на музыку. «Боз-атау» отличается особой мелодией, не похожей на мелодии произведений подобного рода. Ажинияз ярко отразил в своем творчестве гнев народа, его ненависть к угнетателям и мечты о лучшем будущем (стихотворение «Нужно»). Известен он также как лирик. Стихотворения Ажинияза дошли до нас в записях других лиц, по-видимому современников поэта.

Выдающимся каракалпакским поэтом-демократом был Бердах Каргабай улы, или Бердымурат Бердах-шаир (1827—1900 гг.). Многочисленные его произведения широко распространены среди населения. В результате проведенной в последние годы исследовательской работы собран большой материал и написаны литературоведческие труды, освещающие биографию и творчество Бердах-шаира. В произведениях Бердах-шаира отражена жизнь каракалпакского народа в XIX в., политический гнет, социальные

[1] См. Наджим Давкараев. Очерки по истории дореволюционной каракалпакской литературы. Ташкент, 1959, стр. 157.

Народный певец, внук Бердаха, Каражан-бахсы

противоречия, борьба против ханов («Налог», «Царь-самодур», «Для народа» и др.). Творчество Бердаха отличается широтой тематики, глубиной содержания, совершенством формы; оно проникнуто народно-демократическими идеями и гуманизмом; поэт воспевает высокие чувства, человеколюбие.

Во многих стихотворениях Бердаха бичуются темные стороны быта, высказывается сочувствие угнетенной женщине, в них звучит призыв разорвать цепи рабства (стихотворение «Невестка», «Не размышляй»). Бердах глубоко верил в счастливое будущее каракалпакского народа; в стихотворении «Весна придет» он говорит:

Бросая в будущее взгляд,
Я вижу, как вокруг горят
Лучи весны, они звенят,
И тает вечной стужи лед.
Весна идет, хоть далека,
Весна-красавица легка,
Она согреет бедняка;
Весна спасения придет [1]

Пользуется известностью также поэт Кулмурат-шаир; его стихотворение на историческую тему «Он тогыз» («Девятнадцать») посвящено 19 арестованным властями в 1898г. повстанцам, протестовавшим против установленной царизмом системы выборов должностных лиц (волостных управителей), в результате которой у власти становились, вопреки воле народа, недостойные люди только потому, что они не скупились на взятки и подкупы. «Он тогыз» представляет собою чрезвычайно острое поэтическое произведение, направленное против царской администрации.

Из других дореволюционных народных поэтов второй половины XIX в. широко известны Отеш-шаир, Омар, Сарыбай-шаир.

[1] «Возрожденный народ».Альманах каракалпакской литературы. Турткуль, 1940, стр. 49.

Развитие каракалпакской советской литературы начинается после образования Кара-Калпакской АССР, с 1924—1925 гг. В этот период выдвигаются талантливые молодые поэты и писатели, продолжающие традиции дореволюционных каракалпакских поэтов-демократов. Таким был первый советский поэт-каракалпак Аяпберген Мусаев (1880—1936 гг.). Ему принадлежит честь создания первого образа великого Ленина в каракалпакской советской литературе. Поэт, живший до конца жизни в своем родном ауле, воспринявший идеи Ленина в основном через великие преобразования в своем родном краю, написал замечательное стихотворение «Ленин», которое еще в 1932 г. было опубликовано на страницах газеты «Правда».

Ныне широкоизвестные представители каракалпакской советской литературы народные поэты республики Садык Нурумбетов (1900 г. рожд.) и Аббаз Дабылов (1898 г. рожд.) так же, как Аяпберген, пришли в литературу от фольклора и народной поэзии. В популярных стихотворениях этих авторов, в произведении Садыка Нурумбетова «Бахтияр» и в большой поэме Аббаза Дабылова «Бахадыр» использованы лучшие традиции устного народного творчества каракалпаков.

С поэзии начали свое творчество и другие зачинатели каракалпакской советской литературы, первые каракалпакские писатели-профессионалы, воспитанные в советских школах и высших учебных заведениях, Жолмурза Аймурзаев (1910 г. рожд.), Асан Бегимов (1907 г. рожд.), Айтбай Матьякубов (1909—1932 гг.), Хожахмет Ахметов (1908—1932 гг.) и др . Каракалпакская советская поэзия получила дальнейшее развитие в поэтических произведениях Мирзагали Дарибаева (1909—1942 гг.), Дали Назбергенова (1913—1942 гг.), Навруза Жапакова (1914 г. рожд.) и многих других поэтов, начавших свое творчество в конце 1920-х и в начале 1930-х годов. Поэзия и сейчас занимает ведущее место в каракалпакской советской литературе.

Первым каракалпакским драматургом был Абдираман Утепов (1904—1934 гг.). С именем этого талантливого писателя связано зарождение каракалпакского театрального искусства. А. Утепов в годы установления Советской власти в Кара-Калпакии работал в отряде ЧОН (Часть особого назначения) в своем родном г. Кунграде. В то время здесь находились части Красной Армии, прибывшие для оказания помощи каракалпакскому народу. Бойцы этих частей — русская, украинская, татарская, казахская молодежь — организовали кружки самодеятельности, показывали спектакли местным жителям. Утепов был активным участником этих кружков, исполнял роли и сам руководил кружками при школах и детских домах нынешнего Кунградского района Кара-Калпакской АССР. Именно в этих кружках у него появился глубокий интерес к драматургии и театру, и он начал писать маленькие пьесы, резко высмеивающие бюрократизм, мошенничество, многоженство, калым, подхалимство. Организацией кружков самодеятельности А. Утепов занимался будучи секретарем волостного партийного комитета. Позднее он работал в областном исполнительном комитете в г. Турткуле — тогдашнем центре Кара-Калпакии — и принял активное участие в организации драматической группы «Танг нуры» («Луч зари»), где был и драматургом, и режиссером, и одним из ведущих актеров. Большую часть репертуара первых кружков самодеятельности, позднее труппы «Танг нуры» и государственного театра составляли тогда пьесы, написанные А. Утеповым, в том числе ряд маленьких сатирических пьес: «Уполномоченный-очковтиратель», «Лентяй Сейтмурат», «Одеколон» (о мещанах), «Двухголовая тыква» (об обманщиках, двурушниках на работе и в быту) и др. Наряду с этим он писал и большие серьезные пьесы на актуальные темы современности: «Сомнение» (о пережитках прошлого в семейном быту), «Девушка, нашедшая равного себе» (о раскрепощении женщины-каракалпачки). Эта последняя пьеса,

созданная в 1925—1926 гг., как любимое зрителями произведение и по сей день остается в репертуаре театров республики.

В дальнейшее развитие драматургии внесли большой вклад и другие писатели. Заслуженной популярностью пользовались пьесы «Айгуль и Абат» Ж. Аймурзаева, «Гариб Ашык» А. Бегимова и Т. Алланазарова, «Насильно мил не будешь» С. Ходжаниязова и ряд других.

Проза, которая лишь зарождалась в конце 1920-х и в начале 1930-х годов и до послевоенного периода оставалась отстающим жанром каракалпакской литературы, сейчас уже занимает в ней видное место. Большое значение в истории развития каракалпакской советской прозы имеет незаконченная повесть «Одна из тысячи» писателя М. Дарибаева (1909—1942 гг.), написанная еще в довоенный период. В этой повести писатель ставил перед собой задачу показать в широком плане дореволюционную жизнь каракалпакского народа, его быт, нравы, его борьбу после революции за укрепление Советской власти. Это произведение свидетельствует о зрелом мастерстве писателя, о его глубоком понимании метода социалистического реализма. Кроме многочисленных рассказов и очерков, написаны и опубликованы уже десятки повестей и первые каракалпакские романы: «На берегах Аму-Дарьи» Ж. Аймурзаева, «Дочь рыбака» А. Бегимова, «Боевые друзья» молодого писателя Ж. Ташенова и др. Роман «На берегах Аму-Дарьи» посвящен жизни каракалпакских колхозников; в романе «Дочь рыбака» показан быт аральских рыбаков, а повесть «Боевые друзья» отражает участие каракалпакского народа в Великой Отечественной войне против фашистских оккупантов. Образы наших современников отражены и в произведениях Т. Каипбергенова «Последнее наступление», «Дочь Кара-Калпакии». Герой повести К. Досанова «Шамурат-ата» — старейший каракалпакский мастер хлопководства Шамурат Мусаев. Цикл стихотворений поэта И. Юсупова посвящен Украине, идее дружбы народов.

В настоящее время каракалпакская литература представлена различными жанрами: поэзией, прозой, драматургией, литературоведением и критикой. Детская литература в прозе, поэзии и драматургии, перевод художественных произведений всех жанров и видов тоже являются самостоятельными отраслями каракалпакской советской литературы. В 1959 г. в республике было более 40 членов Союза писателей.

Писательская организация Кара-Калпакии издает ежемесячный литературно-художественный журнал «Аму-Дарья»; республиканские газеты систематически публикуют «Литературные страницы», «Литературные приложения», в которых печатаются произведения каракалпакских, узбекских писателей, а также писателей зарубежных стран Востока.

Все больше книг каракалпакских авторов в переводе на русский и другие языки выходит в издательствах художественной литературы Москвы, Ленинграда, среднеазиатских республик. На русском языке изданы труды каракалпакских литературоведов — Н. Давкараева, И. Сагитова, М. Нурмухамедова. Литература Кара-Калпакии развивается в тесном общении с литературой братских народов нашей страны, писатели и поэты республики участвуют в писательских съездах, выносят свои произведения на широкое обсуждение читателей, литераторов и критиков во время декад, организуемых в Ташкенте, Москве. На нынешнем этапе своего развития каракалпакская художественная литература выходит уже не только на общесоюзную, но и на международную арену. Писатели и поэты республики принимали, в частности, участие в проходившей в Ташкенте осенью 1958 г. конференции писателей стран Азии и Африки.

Печать

История каракалпакской печати начинается с 1924 г., со времени выхода первой газеты — «Еркин каракалпак» («Свободный каракалпак»). Вначале это была маленькая газета, выходившая всего один-два раза в месяц. Но уже с 1933 г.

газета, переименованная в «Кзыл Каракалпакстан», а затем в «Совет Каракалпакстан», стала выходить ежедневно.

С октября 1931 г. выходит газета «Советская Кара-Калпакия» на русском языке.

Очень большую помощь в укреплении полиграфической базы оказала республике Москва, где в начале 1930-х годов был организован отдел Каракалпакского издательства. Московский отдел Каракалпакского издательства выпустил большое количество учебников, оригинальной и переводной литературы для Кара-Калпакии.

Сейчас в республике выходят четыре республиканские газеты — «Совет Каракалпакстан», «Советская Кара-Калпакия» (на русском языке), «Жас ленинши» и пионерская «Жеткиншек»; литературно-художественный и общественно-политический журнал «Аму-Дарья»; с 1960 г. стал выходить научный журнал «Вестник Кара-Калпакского филиала Академии наук Узбекской ССР», освещающий важнейшие проблемы народного хозяйства и культуры. В каждом колхозе, совхозе, предприятии, учреждении, в школах и учебных заведениях имеются свои стенные газеты.

Каракалпакское государственное издательство, созданное в 1932 г., ежегодно выпускает сотни печатных листов учебников, общественно-политической, художественной, сельскохозяйственной и другой литературы. Широко переводятся на каракалпакский язык произведения классиков марксизма-ленинизма, писателей братских народов. Произведения В. И. Ленина выпускаются на каракалпакском языке тиражом в сотни тысяч экземпляров. Каракалпаки сейчас читают на родном языке все основные произведения русской, украинской, узбекской, казахской классической литературы. Появились уже переводы на каракалпакский язык Гёте и некоторых других западноевропейских классиков, а также великих писателей и поэтов стран Востока.

Театр

В Советской Кара-Калпакии впервые стало развиваться профессиональное театральное искусство. В дореволюционной Кара-Калпакии значительной популярностью пользовался народный театр, дававший свои представления на традиционных празднествах — *сейил*. Нередко в Чимбае во время праздников устраивались народные представления на темы народного эпоса, выступления артистов-комедиантов — *масқарапаз*. Видное место в репертуаре народного театра занимали небольшие сатиры-комедии, высмеивавшие взяточничество казиев (судей), продажность духовенства и несправедливость царской и ханской администрации. Элементы народной драмы содержались также в отдельных каракалпакских обрядах и играх.

После Октябрьской революции возникают первые драматические кружки; в 1922—1926 гг. в школах и техникумах Кунграда, Чимбая, Ходжейли, Турткуля ставились пьесы на русском, узбекском, казахском и татарском языках. В 1922 г. драматическим кружком в Ходжейли руководил узбекский драматург Хамза Хаким-заде Ниязи. В 1927 г. в Турткуле из участников драмкружков организовалась театральная труппа «Танг нуры» («Луч зари»); артистами были студенты каракалпакского педагогического и сельскохозяйственного техникумов, руководителем — А. Утепов. В 1930 г. на базе труппы был образован Каракалпакский государственный театр, с 1937 г. получивший наименование Каракалпакского государственного театра им. Станиславского. Театр ставил пьесы молодых тогда драматургов А. Утепова, А. Бегимова, Ж. Аймурзаева, которые пропагандировали советские законы, политику коммунистической партии.

В 1934 г. при Государственном институте театрального искусства им. Луначарского в Москве была создана каракалпакская студия, где готовили актеров и режиссеров для национального театра. Каракалпакской студией руководила заслуженная артистка РСФСР О. И. Пыжова. В ху-

дожественном воспитании молодежи принимали участие и другие ведущие советские актеры — В. И. Качалов, И. М. Москвин, М. М. Тарханов.

Каракалпакский государственный театр с самого начала своего существования выступал не только в столице республики — Турткуле, Нукусе, но и выезжал на гастроли в районные театры и в колхозы, в самые отдаленные местности — к рыбакам Аральского моря, животноводам Кызылкумов, Устюрта. На его сцене ставились в ту пору не только пьесы каракалпакских драматургов, но и переведенные на каракалпакский язык пьесы Островского, Гоголя, «Первая конная» Вишневского и др. Каракалпакскому зрителю полюбились комедии Мольера; еще в 1937 г. с большим успехом была поставлена пьеса «Проделки Скапена», в 1956 г. на каракалпакской сцене впервые шел «Тартюф».

Театр пользуется популярностью и любовью народа.

С 1955 г. состав Каракалпакского театра им. К. С. Станиславского стал регулярно пополняться талантливой молодежью — выпускниками Ташкентского государственного института театрального искусства. Репертуар театра стал богаче и разнообразнее. Некоторые пьесы, ставящиеся в театре, посвящены историческим сюжетам: так, по мотивам героического эпоса создан спектакль «Алпамыс» (автор Н. Давкараев); пьеса «Бердах» Ж. Аймурзаева отражает борьбу каракалпаков против хивинских ханов, баев, ишанов и мулл; в ней показан яркий образ поэта — борца за счастье своего народа. Действие музыкальной драмы «Айгуль и Абат» этого же драматурга происходит в годы Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Кара-Калпакии. Наряду с этим на сцене театра идет немало пьес о современной жизни каракалпакского народа: спектакль «Трудные тропы» Т. Сейджанова и М. Калимбетова из жизни современной каракалпакской интеллигенции; популярна пьеса из колхозной жизни «Раушан» Ж. Аймурзаева и Т. Алланазарова, героиня которой — каракалпачка агроном. Пьеса получила высокую оценку во время декады каракалпакского искусства и литературы в Ташкенте. Чрезвычайно интересна поставленная театром в 1959 г. пьеса «Белый лотос», написанная по мотивам древнеиндийской драмы «Глиняная повозка», классика индийской драматургии Шудрака. В успехе этой постановки велика роль молодого художника театра Кадырбая Саипова; использовав при работе над декорациями светящиеся краски, художник достиг большого эффекта. Глубокое, поэтическое проникновение его в природу и быт Индии помогло каракалпакскому зрителю полнее представить себе жизнь дружественной страны. В современном репертуаре театра немало также пьес узбекских, русских и других драматургов.

В республике в 1961 г. работало 194 коллектива художественной самодеятельности; в них участвовало около 5 тыс. любителей искусства — колхозников, рабочих, учащихся, служащих и др. Эти кружки выступают с концертами и с постановками, они служат одной из основных баз подготовки театральных кадров. Некоторые из кружков работают над сложными спектаклями. Так, в Муйнаке члены кружка самодеятельности показывают рыбакам «Бесприданницу» А. Островского, «Егора Булычева» М. Горького, «Макара Дубраву» А. Корнейчука, «Девушку, нашедшую себе равного» А. Утепова; кроме того, в этом же районном центре при рыбоконсервном комбинате есть кружок хора и танца. Пьесу «Девушка, нашедшая себе равного» ставят и некоторые колхозные коллективы самодеятельности. Большую помощь кружкам самодеятельности оказывают Республиканский дом народного творчества и два народных театра. Неоднократно проводились олимпиады самодеятельного искусства, имеющие значение для выявления и развития народных талантов; лучшие кружки участвовали в республиканских и международных фестивалях молодежи и студентов, выезжали в Ташкент и Москву на декады каракалпакского и узбекского искусства.

Музыка

В советский период начала быстро развиваться каракалпакская музыка. С древних времен каракалпакскому народу свойственна проникновенная любовь к песне и музыке. Народная музыка каракалпаков существенно отличается от музыки соседних народов и вместе с тем имеет некоторые черты, сближающие ее с туркменской, казахской, узбекской. Для нее типичны семиступенные диатонические лады с полутоном в основании. Манера исполнения народных вокальных произведений характеризуется вибрирующим гортанным звуком, создающим впечатление непрерывного мелодического журчания.

Раньше национальные мелодии передавались из поколения в поколение только устно. Поэзия у каракалпаков, как и у большинства других среднеазиатских народов, тесно связана с музыкой и пением. Существуют особые мелодии и ритмы для эпических произведений, для любовно-героических новелл-романов и для лирических стихотворений-песен. В сопровождении музыки исполнялись и некоторые бытовые обрядовые песни, а также детские и юношеские игры.

Наиболее популярными из музыкальных инструментов у каракалпаков являются двухструнный щипковый инструмент — дутар и смычковые — *қобыз* и *гыржек*. Дутар наиболее полно раскрывает своеобразие каракалпакской музыки — ее характерные мелодические, ритмические и гармонические особенности. Струны в смычковых инструментах делают из конского волоса. Музыканты ставят кобыз у ног и играют смычком из шелковых нитей. Смычок кобыза может быть ослаблен или натянут крепче, в зависимости от исполняемой мелодии (иногда во время исполнения одной вещи музыкант перетягивает смычок несколько раз). Звук кобыза глухой и своеобразный. Кроме смычковых инструментов, у каракалпаков распространены духовые — деревянные *баламан* (типа свирели), *най* и *сырнай* (род флейты и зурны), а также ударный — бубен *дайра*, заимствованный у узбеков Хорезма.

Среди женской части населения распространен варган *шың-қобыз*, который известен и у соседних народов под тем же названием.

До революции запись и систематизация произведений музыкального творчества каракалпакского народа не производились. Этому не уделяла внимания ни хивинская (ханская), ни царская администрация. Огромное богатство музыкальной культуры сохраняли и развивали народные певцы и поэты, песня была по своему характеру исполнения и распространения самым массовым видом каракалпакского народного творчества.

В годы Советской власти музыкальное творчество каракалпакского народа стало постепенно приобретать облик профессионального музыкального искусства. Развитие его было связано с зарождением и развитием театра. В 1935 г. национальный театр занялся собиранием и записью народных песен и мелодий, обработкой их. Появились и профессиональные композиторы, которым помогали в овладении музыкальной культурой русские и узбекские композиторы. В 1936 г. впервые бригада каракалпакских певцов и музыкантов выступала в Москве.

В 1937—1938 гг. в Турткуле открылось трехлетнее музыкальное училище с классами скрипки, рояля, пения, танца. Проводилась работа по усовершенствованию народных музыкальных инструментов — дутара, гиржека и кобыза. В оркестр народных инструментов введены скрипка, виолончель, рояль. Большую роль сыграло созданное в 1932 г. Каракалпакское управление радиоинформации, при котором был оркестр народных инструментов, а также организованная в послевоенные годы на базе районных колхозных театров Государственная филармония.

В развитии общей музыкальной культуры большое значение имеют массовые песни. Большинство каракалпакских композиторов начало свой творческий путь с создания массовых песен, многие из которых прочно вошли в быт народа. Так, композитор Жапак Шамуратов создал насы-

щенную юмором и ставшую широко популярной песню на слова известного поэта и драматурга Ж. Аймурзаева «Смеялся от души». Стихи этого поэта — «Хлопок», «Бибигуль», воспевающие трудовой пафос советского народа , также положены на музыку. Широко известны в республике глубоко поэтичные песни «Аму-Дарья» Амета Шамуратова, «Алма» и «Цветок» Науруза Жапакова и др. В последние годы многие молодые поэты в содружестве с композиторами успешно работают над развитием массовой каракалпакской песни.

Среди вокалистов-исполнителей каракалпакских песен наибольшей популярностью пользуется народная артистка Кара-Калпакской АССР Аимхан Шамуратова; репертуар певицы очень богат, помимо каракалпакских, она исполняет узбекские, туркменские, казахские, русские, польские, азербайджанские и многие другие песни. Много талантливых солистов и среди молодых певцов.

До недавнего времени для каракалпаков было характерно лишь одноголосое пение. В настоящее время уже существуют хоры, в репертуаре которых такие произведения, как «Каракалпакстан» (музыка Ж. Шамуратова и М. Насымова, слова Х. Сеитова), «Уатаным» («Моя родина»,— музыка А. Султанова, слова Шамуратова) и др. Получивший образование в Ташкентской консерватории талантливый композитор Абдираим Султанов, уроженец Чимбая, помимо произведений для хора, создал несколько сюит, песен для детского хора, музыкальных пьес и рапсодию на каракалпакские темы. Сделаны первые шаги в области симфонизации народной музыки. Заслуженный деятель искусств Узбекской ССР, дирижер и руководитель симфонического оркестра Узбекской Государственной филармонии А. Ф. Козловский создал симфоническую сюиту на каракалпакские народные мелодии, симфонизировал народные мелодии «Нигарым» («Мой любимый») и «Текке налыш» («Напрасная печаль»).

Появление значительного числа местных композиторов и мелодистов привело к возникновению Каракалпакского оргкомитета Союза композиторов Узбекистана.

Значительно выросла и усилилась Государственная филармония им. Бердаха; ее ансамбль песни и танца насчитывает уже 40 человек, а в оркестре народных инструментов занято более 30 человек.

Под руководством заслуженного деятеля искусств Узбекской ССР А. И. Петросянца в Узбекском научно-исследовательском институте искусствознания реконструированы народные инструменты для каракалпакского оркестра. Они сохранили особенности старых народных инструментов и вместе с тем обрели большую силу звука, получили темперированный звукоряд, что дало возможность оркестру народных инструментов исполнять многоголосую музыку современных советских композиторов и произведения классиков.

Подготовкой местных музыкальных кадров уже свыше 20 лет успешно занята музыкальная школа в Нукусе. Из числа ее питомцев многие стали музыкантами-профессионалами — скрипачами, пианистами, кларнетистами, дирижерами и др.— и ныне работают в музыкальных учреждениях республики.

Имеются музыкальные школы и в других городах республики; ведется подготовка профессионалов-музыкантов для Кара-Калпакии в Ташкентской и Московской консерваториях.

Как и некоторые другие народы Средней Азии (например, туркмены), каракалпаки раньше не знали искусства танца. В годы Советской власти они стали постепенно овладевать им. Много сделал для организации балета народный артист Кара-Калпакской АССР Али Артобус.

В 1956 г. в Кара-Калпакии был создан большой балетный коллектив под руководством заслуженной артистки Узбекской ССР балетмейстера Е. А. Петросовой.

Танец «Аму-Дарья» на сцене Каракалпакского драматического театра им. Станиславского

Выступления молодого коллектива каракалпакских танцоров вызвали всеобщее одобрение в Ташкенте во время декады каракалпакского искусства и литературы (1957 г.), в Москве — на Всемирном шестом фестивале молодежи и студентов (1957 г.), где исполнители завоевали серебряную медаль фестиваля, и на декаде узбекского искусства и литературы в Москве (1959 г.). Наибольшим успехом пользуется женский лирический танец «Аму-Дарья», как бы переносящий зрителя на берега великой среднеазиатской реки, о которой сложено столько легенд и песен у каракалпакского народа. Большой интерес вызывают каракалпакская свадебная пляска, танец «Выделка кошмы», массовый танец, изображающий хорезмский праздник «Сеиль», а также энергичный и своеобразный мужской танец «Рыбаки», отображающий жизнь рыбацкого населения берегов южного Арала. Помимо каракалпакских, ансамбль исполняет танцы многих народов братских республик (украинские, белорусские, казахские, узбекские), стран народной демократии и зарубежных стран Востока (например, индийский танец «Арзи хамари»). Лучшие исполнители танцев — заслуженная артистка республики Рейма Адикова, Ханым Сапарова и др.

* * *

Кинематография Кара-Калпакии еще только зарождается. Создана первая кинокартина из жизни каракалпакского народа—«Рыбаки Арала», по сценарию Н. Жапакова и М. Мелкумова. В Нукусе открылся пункт кинохроники. Вдвое вырастет в течение семилетки число киноустановок, которых в 1960 г. насчитывалось в республике около 120. Уже в годы семилетки в Нукусе начнет работать телевизионная установка.

Изобразительное искусство

Как и у других народов Средней Азии, изобразительное искусство у каракалпаков в дореволюционный период существовало в форме прикладного искусства. Однако плохая осведомленность о состоянии художественного творчества каракалпаков породила мнение, будто этот народ вовсе не обладает художественным даром. Между тем прикладное искусство глубоко

проникало в быт каракалпаков и всегда находилось на высоком уровне. Художественные изделия украшали юрту; разнообразным орнаментом покрывали каракалпакские мастера стены глинобитных построек, домашнюю утварь, одежду, ювелирные, кожаные и деревянные изделия. Многообразие художественного изобразительного творчества каракалпаков показывает, насколько этот народ, несмотря на нищенское существование и тяжелые бедствия, которые ему приходилось претерпевать на протяжении своей истории, был проникнут стремлением к искусству, к декоративному оформлению всей своей бытовой обстановки.

Наибольшее число предметов прикладного искусства входит в комплекс убранства юрты. Главные из них — ковровые изделия, паласы и узорчатые кошмы (см. стр. 467).

У каракалпаков распространены как ворсовые, так и гладкие ковры, но преобладают изделия, в которых комбинируются обе эти техники. На фон из гладкой безворсовой ткани в процессе тканья наносится ворсовый рельефный орнамент. Этой техникой всегда выполняется опоясывающая и скрепляющая весь остов юрты широкая дорожка — ак-баскур, обращенная лицевой, орнаментированной стороной внутрь юрты, и отделанные бахромой дорожки — жамбау, имеющие декоративное значение и прикрепляемые снаружи юрты. К ковровым изделиям с рельефным орнаментом относятся и так называемые *ийинбаў*, сходные с жамбау, но гораздо меньших размеров; их пришивают одним концом к висящему над дверью юрты небольшому коврику *есик-қас*; образуются две нарядные гирлянды, обрамляющие изнутри вход. Узор выполняют разноцветной шерстяной пряжей. Тона шерсти — мягкие, и мастерицы-каракалпачки достигают удивительно приятного и гармоничного сочетания их в узорах. Сами узоры чрезвычайно разнообразны. Старые мастерицы-каракалпачки насчитывали более 60 видов и соответственно наименований этих узоров. Преобладают в орнаменте так называемые *мүйиз* — рога, встречающиеся в самых различных комбинациях: *қос мүйиз* (пара рогов); *сегиз мүйиз* (восемь рогов); *тоқалақ мүйиз* (обрубленный рог); *жумалақ мүйиз* (закрученные, круглые рога) и др. Наряду с ними часто встречаются другие орнаменты, названия которых связаны с животным и растительным миром, с домашней утварью, одеждой, хозяйственными предметами: *тай туяқ* (копыто жеребенка); *газ мойын* (шея гуся); *қарга тырнақ* (коготь вороны); *қаўаша гүл* (цветок хлопка); *ырғақ* (крючок); *тарақ* (гребень); *сырға* (серьга); *тумар* (амулет) и др. Композиция орнамента на дорожках характерна и весьма своеобразна. Каждый узор, всегда построенный в горизонтальном направлении, самостоятелен — он отделяется от следующего за ним узким разделительным вертикальным узором (например, газ мойын).

Столь характерные для каракалпаков ковровые изделия типа ак-баскуров и жамбау имеют ближайшие аналогии у туркмен-йомутов и у казахов-алим.

Из безворсовых ковровых изделий, наряду с дорожками и тесьмой, скрепляющими остов и войлочные покрышки юрты—кызыл баскур, кызыл кур, ак кур и др.; для внутреннего убранства ее характерны также паласы — *алаша*, производство которых сохранилось до настоящего времени, но встречаются они довольно редко. Паласы сшивают из узких дорожек узорной ткани, которую вырабатывают на узконавойном простейшем станке — ормек. Эта техника, более древняя, чем выделка цельнотканных широких паласов, издавна известна и некоторым группам узбекского населения, живущего в районах с преобладанием животноводства и богарного земледелия. Паласы вешают на решетчатую стену юрты, позади тора (почетного места), против двери.

Своеобразны формы и орнаментация каракалпакских ворсовых ковров каршын и есик-кас. Каршын служит лицевой стороной продолго-

ватой сумки, в которой хранят одежду, шерсть и прочие мягкие вещи. Сумку кладут на деревянный сандык, стоящий возле тора; на нее укладываются сложенные горкой одеяла и подушки, так что неорнаментированная часть сумки не видна; из-под одеял виднеется только узорчатый каршын. Размер его в среднем 30 × 120 см. Вязка каршына не очень плотная, ворс ровный. Орнамент этого коврика довольно устойчив — встречаются всего три-четыре варианта. Чаще всего на центральном поле расположено в ряд пять-шесть восьмиугольных медальонов с ромбами внутри.

Другой вариант узора каршына носит название родовой группы каракалпакского племени мангыт — *шуйыт нагыс* (узор шуйитов). Можно полагать, что в прошлом орнамент каршынов был отличным у каждой родоплеменной группы, подобно тому как это было и у туркмен. Второй вид ворсового ковра каракалпаков — есик-кас — по размерам почти такой же, как и каршын. Его назначение — украшать вход в юрту изнутри. Есик-кас имеет еще меньше вариантов узора, чем каршын.

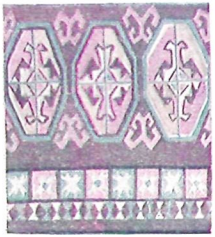
Обязательными в жилище каракалпаков являются узорные кошмы — текимет. Кроме кошм, служащих подстилкой, делаются также орнаментированные войлочные потники для лошадей — *терлик*. Техника орнаментации кошм — вваливание узора. Ни войлочная «инкрустация», ни аппликация, столь характерные для казахского прикладного искусства, у каракалпаков не распространены. Отметим некоторые особенности каракалпакских текиметов, отличающие их от казахских и киргизских. Главная из них — орнамент каймы: как на текиметах, так и на войлочных потниках этот орнамент изображает завитки в виде волн с чередующейся расцветкой. Орнамент волны очень древний, в Хорезме он встречается на памятниках античного времени. Наиболее сходны с каракалпакскими по орнаменту туркменские кошмы; об этом говорят и сами мастерицы. В казахских же кошмах всегда преобладает мотив рогов и на центральном поле, и в кайме; киргизские изделия этого типа ближе к казахским по характеру орнамента.

Резьба по дереву у каракалпаков очень распространена и имеет черты, присущие полукочевому народу. В ней заметно отражается то, что каракалпаки находились на стыке культурного влияния кочевников-казахов, известных мастеров резьбы по дереву и камню, и исконных земледельцев — южных узбеков Хорезма, давших шедевры художественной резьбы по дереву в среднеазиатской архитектуре. Резьбой каракалпаки украшают деревянные двери юрты, шкафчики для посуды. Встречается она и на арбах, седелках и разных предметах утвари.

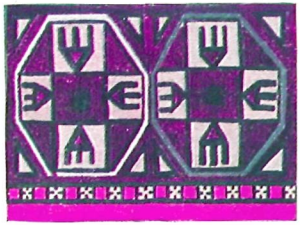
Каракалпакская резьба плоско-рельефная, контур прорезается перпендикулярно плоскости, фон углублен, а рисунок орнамента располагается на нем свободно, четкими рельефными фигурами. От сложного, изощренного орнамента узбекских мастеров Хивы резьба каракалпаков отличается большей простотой. В каракалпакском орнаменте нет такого обилия и разнообразия растительных мотивов — виртуозных композиций цветов, листьев, многочисленных взаимно пересекающихся спиралевидных завитков — растительных побегов и характерных для хивинской резьбы фигурных плетенок. В растительных элементах орнамента каракалпаков преобладает мотив цветка ириса — одинарного или двойного, причем он часто сочетается с геометрическими фигурами и с кочевническим узором. В кайме резного орнамента каракалпаков преобладает геометрический узор из перекрестных заштрихованных треугольников, ромбов и других фигур;

Образцы ковровых изделий каракалпаков

1—4—коврики «каршын»; типы орнамента и общий вид. Кегейлинский район; *5*—коврик «есик-кас». Муйнакский район



1



2

3

4

5

этот же узор характерен для старинных каракалпакских резных шкафчиков. Такого же типа узор широко применяется до сих пор в резьбе по сырой глине при декорации глинобитных стен хорезмских усадеб хаули — узбекских, туркменских и каракалпакских.

Интересна роспись деревянных шкафчиков для посуды и мелкой утвари, называемых сандык. Фон рисунков обычно темно-красный. Узор наносится желтой, зеленой, черной красками, располагаясь симметрично на соответствующих створках и бордюрах шкафчика. Геометрические фигуры и простейшие розетки, заключенные в круг, ромбили прямоугольник, составляют обязательный мотив узора, расположенного по сторонам центральной створки. Кроме того, с одной стороны этой створки всегда изображается медный кувшин (*мыс қуман*), а с другой — пара ножей (*пышақ*) и гребень (*тарақ*). Значение этих узоров, сейчас уже забытое, очевидно, связано с магическими представлениями.

Фрагмент резной двери юрты. Поселок Кызыл-аскер на Казах-Дарье

Вышивкой у каракалпаков украшают главным образом одежду и лишь изредка некоторую мелкую утварь, например мешочки для чая — *шайқалта*. Вышивки встречаются двух типов — петельно-тамбурным швом (*илме*) и крестом (*шырыш нагыс тигиў*). Вышивку крестом население считает более древней и исконно каракалпакской, но встречается она в быту гораздо реже тамбурной. В комплексе старинной народной женской одежды наиболее богато украшены вышивкой головной убор кимешек, накидной халат жегде, нарукавники женгсе, рубаха старинного типа койлек и назатыльники головного убора саукеле. Семантика узора вышивки так же, как и коврового орнамента ак-баскура и жамбау, связана преимущественно с животным и растительным миром и хозяйственной деятельностью, но значительно разнообразнее. На вышивках изображаются чаще всего такие предметы, как *солақ* (часть арбы), *ырғақ* (крючок), *пискекше* (мутовка маслобойки), *тырнақ* (коготь), *қумырысқа бел* (поясница муравья), *шаян қуйрық* (хвост скорпиона), *гүл* (различные варианты цветка). Целая серия элементов орнамента носит общее название *түркмен нагыс* (туркменский узор); аналогию с ними действительно легко заметить в узоре туркменской вышивки.

Предметы старинной народной одежды, особенно некоторые виды белых жегде (ак жегде), всегда украшены вышивкой крестом. Для этой вышивки характерен совершенно другой, строго геометрический орнамент из треугольников, ступенчатых ромбов и прямоугольных завитков. Некоторое однообразие его скрадывается расцветкой: вышивки этого рода отличаются приятной гаммой мягких тонов — розовато-красного, коричневого, фисташково-зеленого, золотисто-желтого. В чередовании одинаковых элементов орнамента, очень простых по своей форме, но

вышитых шелком разных цветов, проявляется хороший вкус, чувство цвета и художественного ритма у вышивальщиц.

Ювелирные украшения каракалпаков имеют больше всего сходства с туркменскими и казахскими; по сравнению с узбекскими они более крупны, декоративны. Кольца, перстни, серьги с ромбовидными подвесками, литые массивные браслеты просты по форме и красивы. Вышедшие из употребления носовые кольца аребек украшались спиралевидными завитками из золотой проволоки; аналогичные кольца носили туркменки приамударьинских районов. Большим разнообразием отличаются характерные крупные яйцевидные серебряные пуговицы с рельефным пояском из рядов зерни и с узором растительного характера. Богато орнаментированы, тоже преимущественно растительным узором, типично каракалпакские крупные украшения — нагрудная бляха хайкель с цветными камнями (обычно сердолик) и бахромой из подвесок, а также онгир-моншак — украшение в виде полого полушария с шумящими подвесками из цепочек, бубенцов и ромбиков.

В настоящее время прикладное искусство каракалпаков в значительной степени сохраняется. Бытование юрты способствует сохранению мастерства домашнего ковроткачества — выделки ковровых дорожек, тесьмы и пр. В Ходжейли существует мастерская ковроткачества; там начата выработка ковров с каракалпакским орнаментом, рисунки для которых подготовлены народными мастерами с участием научных сотрудников Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР. Во многих районах колхозницы продолжают ткать прекрасные узорчатые паласные ткани; сшитые из них паласы украшают уже не только юрты, но и парадные комнаты новых благоустроенных домов. Бытует и кошмовалянье — выделка узорных текиметов. К сожалению, местная промышленность не освоила еще ткачества паласов, что же касается производства цветных кошм, то их до 1947 г. вырабатывала артель «Бытовик» в Турткуле. Сейчас это производство восстанавливается. Все еще мало внимания уделяется восстановлению таких художественных производств, как ювелирное дело, резьба по дереву, вышивка.

Изучением народного прикладного искусства каракалпаков занимаются с целью его восстановления и развития этнографы и искусствоведы Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР. Многие образцы прикладного искусства каракалпаков уже опубликованы. Традиционный народный орнамент широко проникает в современное искусство; его можно встретить в оформлении театральных постановок, в многочисленных изданиях Каракалпакского государственного издательства и т. д.

Современное профессиональное изобразительное искусство Кара-Калпакии еще очень молодо. Большинство художников является выпускниками Ташкентского художественного училища им. П. П. Бенькова. Художники стремятся отразить в своем творчестве особенности суровой и полной контрастов природы родного края, его города и селения, труд рабочих, колхозников, рыбаков, красоту нового духовного облика своего современника — советского человека.

Среди художников есть мастера разных жанров. Живописец Д. Микулицкий известен портретами народного певца Курбанбая Таджибаева, писателя Аббаза Дабылова, старого большевика Ф. Д. Комарова и многих других знатных людей республики. Пейзажисты Ф. Мадгазин и Г. Лазько большую часть своих живописных работ посвятили Аму-Дарье и Аралу; Ф. Мадгазин совместно с Б. Каменевым написал также большую картину «Подледный лов рыбы», дающую представление о тяжелом труде рыбаков Арала в суровых зимних условиях. Многие из этюдов Мадгазина изображают быт рыбаков, ондатроловов, рабочих Муйнакского комбината, рыбацкие поселки в Урге, Муйнаке и т. д. Г. Лазько известен своим лирическим пейзажем «Амударьинские дали», где изображена величественная

река с движущимися по ней судами, просторы прилегающих к реке степей, древняя крепость на пустынном берегу, хлопковые поля на дальних планах. Хороши и другие его пейзажи — «Вечер на причале», «Закат на море», а также картина «На рисовых полях». Пользуются известностью работы художника И. В. Савицкого, живописца и искусствоведа, знатока народного изобразительного творчества каракалпаков.

На смену старшему поколению, преимущественно русским художникам, приходит молодежь из местных национальностей. Уроженец Чимбая талантливый художник Кадырбай Саипов, окончивший ташкентское училище, в настоящее время работает художником-декоратором в музыкально-драматическом театре им. Станиславского в Нукусе; он создал удачное оформление к поставленным на сцене этого театра спектаклю Ж. Аймурзаева «Айгуль и Абат» и индийской пьесе «Белый лотос». Кауендер Бердымуратов, ученик того же училища, избрал другой жанр изобразительного искусства: он известен главным образом как график, иллюстратор книг каракалпакских писателей и поэтов. Из выпускников ташкентского училища в Кара-Калпакии работают также пейзажист А. Ли и график Л. Кирюшин, создавший серию зарисовок г. Нукуса.

Широко известно имя художника-скульптора, одаренного самоучки М. В. Гринева, бывшего рабочим-строителем — лепщиком. Им выполнены скульптурные портреты народного поэта Бердаха, героя социалистического труда Амангул Сапарбаевой и др.

Молодой коллектив художников Кара-Калпакии постепенно все более овладевает мастерством изобразительного искусства и повышает идейно-художественный уровень своего творчества. Этому способствует организованное в Нукусе отделение союза советских художников Узбекистана. Работы местных художников демонстрировались на выставках в Ташкенте и Москве. В последние годы неоднократно устраивались республиканские художественные выставки в Нукусе. Приезжают в Нукус со своими произведениями и художники Узбекистана. Каракалпакский народ, еще недавно совершенно не знавший профессионального изобразительного искусства, ныне приобщается к художественной жизни всей советской страны.

ТАДЖИКИ

Таджики (самоназвание *тоҷик*) являются одним из многочисленных народов Средней Азии. В Советском Союзе таджики образуют социалистическую нацию и имеют свое национальное государство —Таджикскую Советскую Социалистическую Республику (площадь ее—142,5тыс. кв. км).

Население ее, по данным переписи 1959 г., составляет 1 980 000 человек, в том числе таджиков — 53,1%, узбеков — 23,0%, русских — 13,3%.

В состав Таджикской ССР входят Горно-Бадахшанская автономная область (состоящая из 6 районов) и 25 районов республиканского подчинения [1].

Столица республики — г. Душанбе. В республике имеется 16 городов (из них крупных лишь два: Душанбе — 227 тыс. чел. и Ленинабад — 77,5 тыс. чел.) и 31 поселок городского типа; все городское население составляет 646 тыс. чел.

Общая численность таджиков в СССР определялась переписью 1926 г. в 978 242 человека (мужчин — 516 876, женщин — 461 556). Данные переписи 1959 г. говорят о росте и консолидации таджикской нации в СССР за последние десятилетия. Согласно этим данным, численность таджиков в СССР составляет 1 396 900 человек, из них в Таджикской ССР живет 1 051 200 человек.

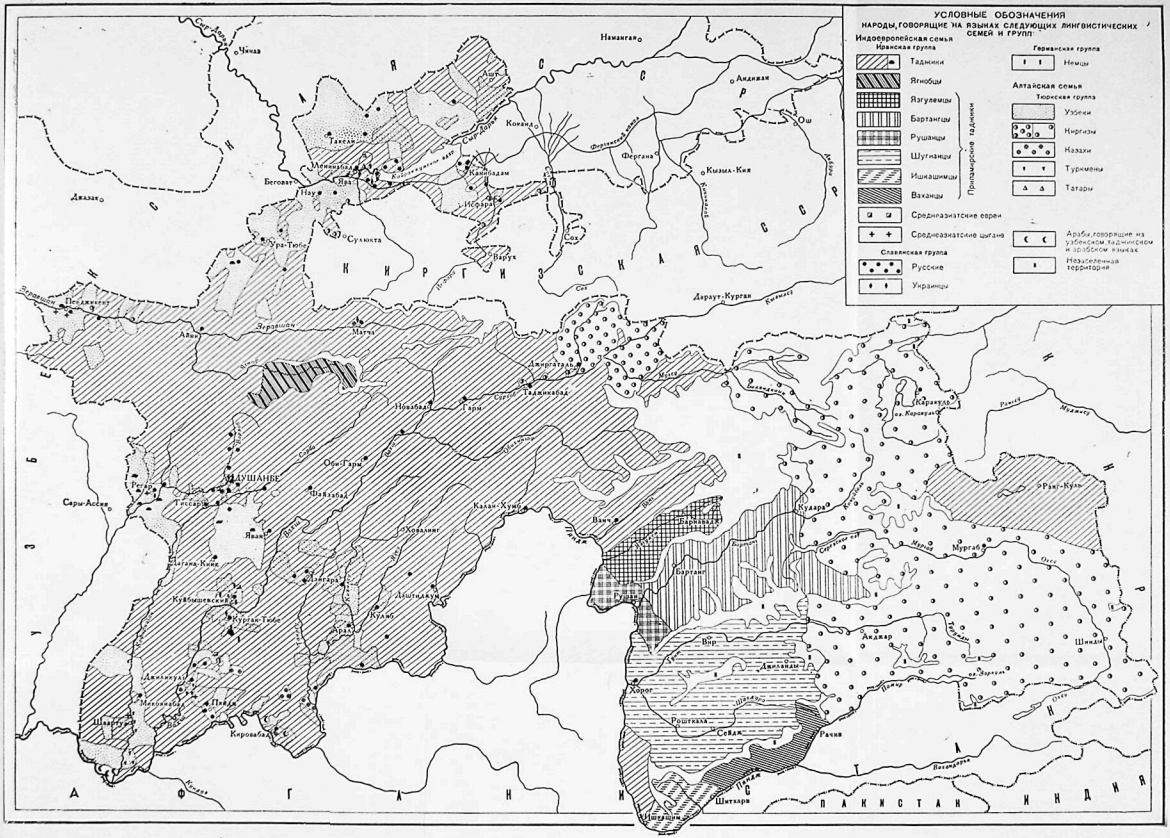
Значительная часть территории Таджикистана — высокогорная страна. Горные хребты (Туркестанский, Алайский, Зеравшанский, Гиссарский, Петра первого и Дарвазский), имеющие в основном широтное направление, постепенно повышаются к востоку, где примыкают к обширному Памирскому плоскогорью. Между этими хребтами расположены горные долины, плодородные и в большей своей части хорошо освоенные; долины эти, находящиеся на высоте 1000—2000 м над уровнем моря, имеют прохладный климат и получают значительное количество осадков. В юго-западной части Таджикистана, а также в его северных районах расположены невысокие горы и предгорья или равнины с сухим и жарким климатом, позволяющим возделывать субтропические культуры, в частности, хлопок.

Областью сплошного таджикского населения в СССР являются главным образом горные районы среднего Таджикистана и верхнего течения

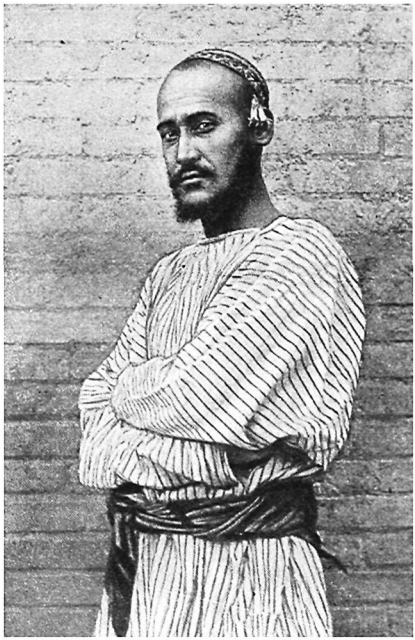
[1] См. «Народное хозяйство Таджикской ССР в 1961 г.». Краткий статистический справочник. Душанбе, 1962 г., стр. 9—12.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА ТАДЖИКСКОЙ ССР

(ПО ДАННЫМ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1959 г.)



р. Зеравшана. Сюда относятся Дарваз[1] с долиной р. Ванч, Вахио (долина р. Хингоу), Каратегин[2] (исключая его восточную часть) и лежащие к юго-западу от них горные местности по верховьям рек кулябской Кизыл-су, Ях-су и Оби-ниоу, а также бассейн верхнего Зеравшана до устья р. Кштут. На всей остальной территории Таджикистана таджики живут чересполосно с другими народами (узбеками, киргизами, туркменами, казахами), причем в ряде мест они составляют все же большинство населения; к таким районам относятся восточная и северная часть Гиссарской долины, окрестности Куляба, а в северном Таджикистане — часть долины Зеравшана ниже устья р. Кштут, сел. Шахристан и города Ленинабад, Канибадам и Исфара с прилегающей к ним местностью. На равнинах и в предгорьях юго-западной части республики, в восточном Каратегине, а также на севере страны иноплеменное население получает численный перевес над таджиками. В долинах и ущельях западного Памира, в верховьях Пянджа вплоть до устья Язгулема проживают припамирские таджики, говорящие на особых языках.



Таджик с равнины

Вне пределов Таджикской ССР таджики проживают в ряде районов Узбекистана, где их всего 311,4 тыс. человек. Так, несколько десятков тысяч таджиков живут в горах по правым притокам р. Сурхан-Дарьи (селения Сари-асия, Байсун и др.), в долине р. Ширабад-Дарья, в горных долинах рек Катта-Урадарья и Кчи-Урадарья, в верховьях Кашка-Дарьи и в Каршинском оазисе. В долине Зеравшана значительное количество таджиков (во всяком случае, не менее 60 тыс.) проживает в Бухаре, а также в Самарканде и в сел. Ургут с прилегающими к ним районами. Несколько тысяч таджиков живет изолированно среди иноплеменного населения к северо-западу от г. Джизака, в Нуратинских горах. В Ферганской долине таджики сплошь заселяют несколько районов среди окружающего их тюркоязычного населения: сюда относятся долина р. Сох к югу от г. Коканда, местность к югу от г. Ферганы, а также к юго-западу, западу и северу от г. Намангана, по южным склонам Наманганских гор (отроги Таласского Алатау). В сопредельных с Таджикистаном районах Киргизии живет 15,2 тыс. таджиков. Ряд таджикских поселений имеется

[1] Горная местность по правому берегу р. Пянджа в принимаемых условно границах между устьями рек Ванча на востоке и Оби-ниоу на западе.

[2] Горная местность по долине р. Сурхоб и ее притокам, в принимаемых условно границах между урочищем Катта-Карамук на востоке и устьем р. Оби-гарм на западе.

Таджик-горец. Долина р. Зеравшан

в пределах Казахской ССР, к востоку от Ташкента, по горным рекам Пскему и Чаткалу (8,1 тыс. человек). Из них селение Бискан является самым крайним северным пунктом таджикской оседлости (42° с. ш.).

Значительная масса таджиков проживает в Афганистане, где количество таджикского населения превышает 2 млн. человек[1]. Группы таджиков проживают также в Иране (Хорасан) и Северном Пакистане, однако сколько-нибудь точных сведений о них нет. В Китае (на восточных склонах Памира) проживают небольшие группы припамирских таджиков —сарыкольцы и ваханцы.

До недавнего времени принято было из общей массы таджиков выделять горных таджиков, в отличие от равнинных. Это деление связано с некоторыми различиями как в их языке, так и в быту (особенно в материальной культуре). К горным таджикам относятся также и припамирские таджики, однако в то время как основная масса таджиков говорит на таджикском языке, относящемся к западной группе иранских языков, припамирские таджики говорят на языках восточноиранской группы. В прежнее время припамирские таджики отличались от остальных таджиков своей принадлежностью к особой религиозной секте (см. стр. 662).

Особо следует отметить также небольшую этнографическую группу ягнобцев, численностью свыше 3 тыс. чел., из которых около 2,5 тыс. говорят на родном языке, относящемся к восточноиранской группе. Ягнобцев считают потомками согдийцев. Живут они в долине р. Ягноб, одного из притоков Фан-Дарьи, впадающей в Зеравшан, занимая среднюю часть указанной долины. Отдельные ягнобские селения имеются также в верховьях р. Варзоб на южных склонах Гиссарского хребта.

В настоящее время припамирские таджики и ягнобцы двуязычны, говорят на своих местных языках и на таджикском, что свидетельствует о весьма интенсивном процессе консолидации их с таджиками.

Существуют небольшие группы таджиков, называющих себя, а также называемых соседними народами особыми терминами. Так, в Сурхан-Дарьинской области Узбекистана и в ряде районов южного Таджикистана для некоторых групп таджиков употребляется термин *чагатай*. Комиссией по районированию Средней Азии в 1924—1925 гг. было зарегистрировано 63,5 тыс. таджиков-чагатай. В Сурхан-Дарьинской области, в местности между Байсуном и Гузаром, живет группа таджиков, известная под именем *хардури*, в некоторой своей части сохранявшая до недавнего времени пережитки полукочевого быта; той же комиссией их

[1] Народы Передней Азии. Под редакцией Н. А. Кислякова, А. И. Першица. Серия «Народы мира. Этнографические очерки». Под общей редакцией С. П. Толстова. М., 1957, стр. 149.

зарегистрировано 8,4 тыс. человек. О происхождении этих групп и об их отношении к остальной массе таджиков пока мало что известно[1].

Следует отметить, что в недалеком прошлом во многих местах Средней Азии, особенно там, где оседлое население жило по соседству с полукочевым узбекским населением, термин «таджик» применялся к оседлым жителям вообще, даже к таким, которые говорили на узбекском языке. В этом факте можно видеть старую традицию, по которой таджиками называлось в Средней Азии, Иране и на Кавказе издревле оседлое население вообще в отличие от кочевого; с другой стороны, вполне возможно, что многие группы населения, называемого «таджик» и говорящего на узбекском языке, являются обузбечившимися таджиками.

В антропологическом отношении таджики в общем довольно однородны. Для них, как и для узбеков, наиболее характерен памиро-ферганский тип, иначе называемый типом Среднеазиатского междуречья. Этот тип сложился на основе европеоидного памирского типа с небольшой примесью центральноазиатских монголоидных элементов. При тщательном статистическом сопоставлении средних величин и процентного распределения отдельных признаков антропологические особенности таджиков могут быть распределены по трем зонам, различия между которыми невелики, но все же ощутимы.

Различия между этими тремя зонами сводятся к неодинаковой примеси монголоидного элемента. У ягнобцев и у припамирских таджиков эта примесь близка к нулю, у горных таджиков она несколько больше и, наконец, в равнинных районах к северу от Туркестанского хребта еще больше, хотя и здесь признаки европеоидного памирского типа решительно преобладают.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Судьба таджиков, проживающих в оазисах, на равнинах и в предгорьях Средней Азии, в течение многих столетий теснейшим образом была связана с судьбой других народов; именно здесь, на равнинах, разыгрывались основные события, в той или иной степени освещенные историческими свидетельствами. Напротив, история горных областей, составляющих значительную часть территории Таджикистана, вследствие многовековой их изолированности гораздо менее освещена.

Сложению таджикского народа предшествовали длительные этногенетические процессы, начавшиеся еще в I тысячелетии до н. э.

По поводу происхождения этнонима «таджик» есть несколько гипотез. Наиболее обоснованным является предположение В. В. Бартольда, подкрепляемое письменными источниками, в том числе недавно исследованными документами с горы Муг. Бартольд полагает, что это название появилось в раннем средневековье, во время господства в Средней Азии арабов. Имя одного из арабских племен, *тай*, постепенно было перенесено местным населением на всех арабов, а затем на всех мусульман, по отношению к которым в X в. применялся термин *тази*. В XI в. тюркские племена, ставшие к этому времени значительной этнической прослойкой в составе населения Средней Азии, все оседлое мусульманское население Средней Азии называли таджиками; впоследствии же этот термин стал этнонимом именно ираноязычного аборигенного населения.

Территорией сложения таджикской народности являлась область древней Бактрии — бассейн верхней Аму-Дарьи как по правому, так и по левом берегу; Согдиана, занимавшая бассейн Зеравшана и долину Кашка-Дарьи; Ферганская долина. Как известно из древних источников,

[1] Материалы по районированию Средней Азии, кн. I, ч. 1. Бухара. Ташкент, 1926, стр. 231—234.

здесь обитали оседлые земледельческие народы: в Фергане — парканы, в центральной части Среднеазиатского междуречья — в Усрушане, долине Зеравшана и Кашка-Дарьинском оазисе — согдийцы; в равнинной части современного южного Таджикистана и северного Афганистана — бактрийцы; в горах Памиро-Алая и в Ферганских горах—сакские племена. Все эти древние народы, вероятно, участвовали в этногенезе таджиков.

Перечисленные области вошли в VI в. до н. э. в состав персидской империи Ахеменидов, а в IV в. до н. э. были завоеваны армией Александра, Македонского. Вскоре после смерти Александра его владения на Востоке распались на ряд самостоятельных государств, а в III в. до н. э. на территории Бактрии и Согдианы образовалось Греко-бактрийское царство.

Оказавшиеся в составе основного населения Греко-Бактрийского царства бактрийцы, согдийцы и другие жители земледельческих оазисов постоянно восставали против своих поработителей — греков и македонян; их борьбу поддерживали и степные племена. Из античных (Страбон, Юстин) и китайских источников известно, что в середине II в до н. э. в борьбу согдийцев и бактрийцев против чужеземных правителей вмешались племена северных степных районов Средней Азии, называемые в китайских источниках Большими юэчжами, и это привело к падению Греко-Бактрийского царства. Многие исследователи отождествляют юэчжей с массагетами. Входившие в состав массагетско-юэчжийского союза тохары (см. стр. 48) первоначально жившие на нижней Сыр-Дарье, сыграли особенно важную роль в завоевании Бактрии, в связи с чем позднейшие источники уже на рубеже нашей эры стали называть страну их именем — Тохаристан.

Тохары, постепенно сливавшиеся с бактрийцами, несомненно также участвовали в этногенезе таджикского народа.

В IV—V вв. н. э. на территорию Средней Азии, в том числе Согдианы и Тохаристана, проникает с севера много новых этнических элементов: это так называемые «белые гунны»— хионthird, кидариты и эфталиты (см. стр. 68); в VI—VII вв., в период Тюркского каганата, сюда приходят группы тюркских племен. Все они деятельно участвовали в борьбе местного оседлого населения против упорных попыток царей сасанидского Ирана подчинить эти области. Часть пришельцев оставалась здесь и постепенно включилась в состав местного населения. Ко времени арабского завоевания (VIII в.) на территории современного Таджикистана можно выделить три основные этнические области: согдийскую — на севере, в бассейне Зеравшана, Тохаристанскую — на юге, в бассейне верхней Аму-Дарьи, и Ферганскую — на северо-востоке. Границей между Согдом и Тохаристаном являлся Гиссарский хребет. Китайский путешественник Сюань-Цзян, посетивший Среднюю Азию в 630 г. н. э., упоминает «Железные ворота» близ Байсуна (в горах, носящих в настоящее время название Байсунтау), отделяющие страну согдийцев (сули) от страны тохаров (ту-хо-ло).

Население каждой из этих областей было очень сложным по этническому составу. В компактную массу местного праноязычного населения постоянно просачивались различные пришлые этнические группы, в том числе и тюркоязычные; последние также сыграли некоторую роль в этногенезе таджикского народа.

Письменные источники, равно как и археологические раскопки на территории древнего Согда, Тохаристана и Ферганы, говорят о существовании отличий в культуре этих областей. Упомянутый Сюань Цзян, так же как и другие китайские путешественники VII и начала VIII в. (Пэй-цзюй, Хой-чао), с достаточной определенностью говорят об этих отличиях (в письменности, типе монет, религии и др.).

Культура согдийцев довольно хорошо известна по письменным источникам и многочисленным археологическим находкам как на территории самого Согда, так и в тех районах Средней и Центральной Азии, где существовали согдийские колонии.

Выше (см. стр. 74 сл.) уже говорилось об основных памятниках согдийской культуры, в числе которых особый интерес для исторической этнографии представляют такие выдающиеся раннесредневековые археологические комплексы, как Варахша, древний Пенджикент, развалины замка на горе Муг и др. Не менее интересны в этом отношении памятники территории древней Бактрии-Тохаристана, исследование которых свидетельствует о бытовании здесь своеобразных культурных традиций. Здесь большее распространение, чем в Согде и Фергане, получил буддизм, сохранявшийся довольно стойко еще в начале VIII в. Памятники Бактрии-Тохаристана в то же время отражают сильное влияние более южных областей и имеют некоторые общие черты с памятниками Гандхары (северо-западная Индия); они устойчиво сохраняют следы греко-бактрийской культуры, в них ярче проявляется и традиция культуры кушанского времени.

Значительная группа разнообразных археологических памятников древней Бактрии сосредоточена в Кобадианском оазисе, на самом юге Таджикистана, по нижнему течению р. Кафирниган. Здесь еще в 70-х годах XIX в. был приобретен у местного населения так называемый «Аму-Дарьинский клад», состоящий из золотых предметов, среди которых одним из наиболее древних является изображение воина-сака, выбитое на золотой пластинке, относящееся к VI—V вв. до н. э.; интересна также миниатюрная золотая колесница с упряжкой из четырех лошадей и с сидящими в ней фигурками людей. Вопреки выводам опубликовавшего «Аму-Дарьинский клад» английского искусствоведа Дальтона, который приписывает большинство вещей из клада искусству персов, мидян и других народов Передней Азии, сейчас можно с достоверностью сказать, что эти замечательные изделия были выполнены руками жителей Средней Азии — бактрийцев.

Уже в советский период археологами обнаружены в Кобадианском оазисе памятники VII—VI вв. до н. э. (нижние слои городища Калаи-Мир) — дом из сырцового кирпича с характерной для этого древнейшего периода рабовладельческой эпохи бытовой утварью. На этом же городище и в ранних слоях кушанской крепости Кейкобад-шах, расположенной в том же районе, найдены жилища, предметы быта и культуры III—II вв. до н. э., времени Греко-Бактрийского царства. Крепость Кейкобад-шах — прекрасный памятник II—IV вв. н. э. с характерной для фортификационных сооружений Средней Азии кушанского периода прямоугольной планировкой, с высокими стенами, укрепленными 36 прямоугольными башнями и сложным предвратным сооружением. Внутри крепости раскопаны жилые дома.

Другим археологическим комплексом, насыщенным памятниками разных исторических периодов, начиная с первых веков нашей эры, является Термез с его округой, ныне находящийся на юге Узбекистана близ границ Таджикской ССР. В древности Термез был одним из главных центров бактрийской культуры, расположенным на важнейших путях из Передней Азии и Индии в Среднюю Азию и Китай. Вблизи Термеза, как упоминалось выше, были найдены остатки буддийского храма кушанского времени и знаменитый Айртамский фриз (см. стр. 68 и 69) с горельефными изображениями человеческих фигур. Между типичными для греческого искусства орнаментальными листьями аканфа расположены фигуры музыкантов, играющих на среднеазиатских инструментах. Создатели этого художественного произведения, хотя и были знакомы с греческим искусством, являлись, по всем данным, местными, бактрийскими мастерами.

Чрезвычайно большой интерес для восстановления этнической истории населения южного Таджикистана представляет раскопанный археологами могильник в урочище Туп-хона около Гиссара, с четырьмя типами погребений, относящихся к разным эпохам; самые ранние из них, со скорченными костяками и каменными орудиями, найденными в одной из могил, относятся к наиболее древним из археологических памятников Бактрии; самые поздние датируются примерно VIII в. н. э.; черепа с Туп-хона были подвергнуты антропологическому исследованию, установившему принадлежность основного населения древней Бактрии-Тохаристана к европеоидному антропологическому типу Среднеазиатского междуречья, совершенно сходному с населением Согда.

С глубокой древности до раннего средневековья на территорию южного Таджикистана приходили многие племена и народы, как среднеазиатские, родственные местному населению, так и завоеватели из дальних стран; однако, судя по археологическим данным, в течение этого длительного периода здесь не произошло полной смены населения; менялись религии (зороастризм, буддизм, ислам), подвергался некоторым изменениям язык, но неизменно тянулась нить культурной традиции и столь же устойчивым оказался основной массив населения. Бактрийцев, также как и согдийцев, можно с полным основанием отнести к числу прямых предков таджикской народности; тем и другим принадлежит основная роль в формировании таджиков.

Деление территории, на которой происходило сложение таджикского народа, в древности на северные культурные области (Согд, Фергана) и южную (Бактрию-Тохаристан) сохранялось весьма стойко и впоследствии; пережитки этого деления дошли до наших дней. Так, например, Гиссарский хребет до самого последнего времени являлся границей двух видов жилища таджиков: в долине Зеравшана, в Фергане и в Кашкадарьинском оазисе преобладает жилище с камином, для южного же Таджикистана характерен совсем другой вид жилища, который прослеживается за пределами Таджикистана — в Афганистане, в северном Пакистане и в северной Индии, а также в Китае (Синьцзян); он характеризуется массивностью постройки, системой глинобитных возвышений вдоль стен и особой конструкции массивным дымоходом в крыше, служащим также для освещения.

На территории южного Таджикистана и далее до пригиндукушских областей до самого последнего времени был распространен календарный счет по частям человеческого тела. Отметим еще один любопытный факт, являющийся отголоском различных культурных традиций в северном и в южном Таджикистане: в сохранившемся до недавнего времени свадебном обряде у таджиков, живущих на территории древнего Согда, переход новобрачной в дом мужа совершается только ночью, обычно при свете факелов, в то время как в южном Таджикистане, на территории древнего Тохаристана, этот переезд совершается всегда днем. Существуют и другие факты, свидетельствующие о различных традициях этих культурных областей древности.

Арабское вторжение в Среднюю Азию и ассимиляторская политика арабов первоначально несколько затормозили процесс формирования таджиков, но в дальнейшем борьба народных масс против завоевателей, сопротивление чужеземному игу стали способствовать быстрейшему его ходу. С образованием государства Саманидов в IX—X вв. завершился и процесс образования таджикского народа.

Формирование таджикского народа было связано с образованием и распространением общего языка — таджикского, ставшего в эпоху Саманидов господствующим и преобладающим, несмотря на сохранение еще в отдельных местах других языков. Вопрос о путях сложения таджикского языка, месте и времени его возникновения до сих пор недостаточно ясен.

Ранние памятники согдийского языка, одного из предшествовавших таджикскому, были найдены в развалинах башни на территории Синьцзяна, близ Дунь-Хана; они сохранились со времен согдийских колонистов IV в.н. э. К V—VI вв. относится короткая надпись на сосуде, найденном уже на территории Средней Азии в раскопках Тали-Барзу. Наконец, в 1933 г. в упомянутой выше крепости Муг было найдено большое число памятников согдийской письменности, однако относящихся уже к более позднему времени, а именно к началу VIII в.

На основании этих находок фактически и стал известен согдийский язык, который лингвисты относят к восточноиранской группе языков; согдийский язык в районе Бухары существовал еще в конце X в., на нем говорили жители бухарских рустаков (т. е. сельских местностей); восточнее, в долине р. Чу, где были согдийские колонии, согдийский язык сохранялся до XI в. Реликтом согдийского языка принято считать ягнобский язык.

Вопрос о языке тохаров оказался объектом широкой научной дискуссии в связи с открытием в Восточном Туркестане (в Куче, Хотане и Мараль-баши) раннесредневековых буддийских документов, написанных на двух неизвестных языках. Ряд ученых сопоставил один из них — «язык I», или кучарско-хорашарский, с часто упоминающимся в текстах на уйгурском языке «языком тохри», т. е. тохарским. Исследователи отмечали, что этот язык по своим фонетическим особенностям занимает промежуточное место между славянскими, фракийскими и армянским языками. Одновременно в нем обнаружены некоторые черты сходства с западными индоевропейскими языками.

В последнее время появилась новая точка зрения, отрицавшая связь «языка I» с тохарами и утверждавшая, что ближе к языку этого народа стоит «язык II», называемый «хотано-сакским»,— один из восточноиранских по типу языков найденных документов; последователи этой точки зрения полагают, что тохары принадлежали к сакскому кругу племен, говоривших на восточноиранских языках.

Наконец, существует и третья гипотеза, согласующаяся с изложенным выше (см. стр. 48) предположением о фрако-киммерийских связях массагетов; по мнению приверженцев этой гипотезы, язык тохри — кучано-хорашарский первоначально был языком массагетского племени тохаров, жившего в Приаралье, а затем принявшего участие в завоевании Бактрии. Оттуда впоследствии вместе с бактрийской колонизацией и буддийской пропагандой этот язык мог попасть в города Восточного Туркестана, где и были обнаружены его памятники. Однако уже в Приаралье он стал подвергаться влиянию языков сакских племен, а на территории Тохаристана постепенно приобрел черты значительной близости с этими восточноиранскими языками.

К восточноиранским сакским языкам относятся современные языки припамирских таджиков — рушанцев, шугнанцев, ваханцев и др. (см. стр. 152).

Таджикский язык, вытеснивший в конце I тысячелетия н. э. на территории сложения таджикской народности языки восточноиранской группы (согдийский, бактрийский, сако-тохарский), принадлежит, как и персидский, к другой группе иранских языков, к западноиранской.

Нам известно, что в период арабского завоевания и в эпоху Саманидов происходил процесс утраты согдийским населением своего языка и совершалась замена его таджикским, о чем сообщают письменные источники, в частности свидетельства арабоязычных авторов. Процесс вытеснения согдийского языка таджикским длился более двух столетий. Вероятно, в это же время на территории Тохаристана также был распространен таджикский язык. К 725 г. относится свидетельство арабского историка Табари, в котором указывается, что жители Тохаристана по поводу одного из

поражений арабов распевали на таджикском языке позорящую последних песенку.

Аз Хатлон омадия
Ба рӯ табоҳ омадия
Обор боз омадия
Хашанг низор омадия
(Из Хутталяна ты (он?) пришел,
С опозоренным лицом пришел,
Сокрушенным обратно пришел,
Израненным, измученным пришел)[1].

Таким образом, таджикский язык в тех областях, где шло сложение таджикской народности, постепенно вытеснил другие иранские (восточноиранские) языки, а также частично и тюркские и в IX—X вв. стал общим языком тех этнических групп, которые вошли в состав таджиков.

Завершению этногенеза таджиков способствовало объединение в Саманидском государстве ранее раздробленных феодальных владений.

С местной феодализирующейся аристократией боролись как арабы, так впоследствии и саманиды, сломившие ее могущество. Но отдельные владетели небольших горных областей на территории современного Таджикистана сохранили свою фактическую самостоятельность и позднее, хотя временами номинально признавали себя зависимыми от тех или других завоевателей. Таковыми в X в. являлись владетели Шугнана, Вахана и Керрана (современные Рушан и Дарваз), Хутталя (современный Куляб), Ахаруна и Шумана (современный Гиссар), Рашта (современный Каратегин).

В конце X в. политическое преобладание в Средней Азии переходит к тюркоязычным народам. Начиная с XI столетия все новые и новые волны тюркских и тюркско-монгольских степных племен проникают в области с оседлым таджикским населением.

На развалинах Саманидского государства основали свое могущество две тюркские династии — Караханиды на севере и Газневиды на юге, которых затем сменили тюрки-сельджуки. С установлением господства этих тюркских династий все большие массы тюрок-кочевников стали проникать в среднеазиатские оазисы. Усиление имущественного неравенства среди кочевников приводило к тому, что беднейшая часть населения вынуждена была переходить к оседлости. Расселяясь среди таджикского населения Ферганы, долин Зеравшана, Кашка-Дарьи и Сурхан-Дарьи, тюрки вступали в общение с местным населением. Можно полагать, что это общение в значительной степени имело мирный характер, тюркские пришельцы воспринимали у своих соседей навыки земледелия и традиции оседлой культуры; с другой стороны, большие группы местного таджикского населения в языковом отношении подвергались ассимиляции, постепенно утрачивая свой язык. В то же время и некоторые тюркские группы воспринимали язык таджиков. Однако в периоды бурных политических событий, завоеваний и нашествий кочевников, как, например, в эпоху нашествия монголов, имело место и массовое уничтожение местного населения, насильственный захват пришельцами пахотных земель и пастбищ и вытеснение таджиков в неудобные для земледелия горные районы.

В эпоху Чагатаидов и Тимуридов происходило интенсивное расселение монголов и тюрков в западных районах современного Таджикистана. Здесь было образовано несколько уделов чагатайских царевичей. При тимуридах монголы и тюрки составляли уже значительную часть населения Гиссара, Хутталя, Саганиана и некоторых других областей.

[1] Таърих-ар-русул в-ал-мулӯк, изд. M. I. De Goeje, Lugduni Batavorum, 1879—1901, II, стр. 1492, 1494 и 1603 арабского текста.

Все эти процессы получили еще большее развитие с приходом в оседлые оазисы Средней Азии в начале XVI в. крупных масс степных узбекских племен. На первых порах они заняли в завоеванной стране привилегированное положение. Получая так называемые «юрты», более или менее значительные районы для «кормления», узбекские султаны-феодалы старались занять лучшие земли, не считаясь с интересами местного населения. Наибольшее число переселившихся в этот период из Дешти-Кыпчака узбеков расположилось около Ташкента, в долинах Зеравшана, на территории нынешнего южного Узбекистана, в дельте Аму-Дарьи, в современном северном Афганистане.

Нахлынувшие в оазисы большой массой кочевые и полукочевые степные племена нарушили на время установившуюся здесь экономическую жизнь. Часть пашен была превращена в пастбища, издавна жившие в Мавераннахре скотоводческие племена были вытеснены со своих традиционных пастбищных угодий, в отдельных районах произошло переселение и оседлого населения. Однако основная масса земледельческого населения осталась на своих местах и ирригация не потерпела в этот период столь существенного урона, как, например, во время монгольского завоевания.

В течение последующих столетий происходит массовое оседание узбеков, переход их к земледелию и смешение с коренным таджикским населением. В этот период значительно усилился начавшийся с древних времен процесс тюркизации оседлого населения оазисов Средней Азии.

Более стойко сохраняло свой язык таджикское население больших городов и крупных селений (Бухара, Самарканд, Ходжент, Риштан). В Бухаре, по-видимому, имел место обратный процесс — ассимиляция таджиками жителей других народностей, в том числе отчасти и узбеков.

* * *

В период господства в Средней Азии узбекских династий в пределах современного Таджикистана существовало несколько отдельных мелких феодальных владений — ханств или княжеств, как узбекских (Куляб, Гиссар), так и имевших еще свои местные таджикские династии (Каратегин, Дарваз, области по верховьям Зеравшана, Бадахшан и припамирские области). Их судьба зависела в каждый данный момент от силы или слабости их соседей. Некоторые бухарские ханы иногда силой оружия подчиняли себе эти владения, которые затем при слабых их преемниках снова приобретали самостоятельность. В связи с происшедшим в 60-х годах XIX в. присоединением Средней Азии к России часть областей с таджикским населением (в 70-х годах) отошла к России (Ура-Тюбе, Ходжент, Матча, Фальгар), а другая часть (Куляб, Гиссар, Каратегин, Дарваз) при содействии царского правительства была покорена бухарским эмиром и составила особую провинцию Бухарского ханства, так называемую Восточную Бухару, просуществовавшую до 1921 г.

Остановимся вкратце на судьбе каждой из перечисленных выше областей. Ходжент и Ура-Тюбе входили в состав Кокандского ханства, причем на Ура-Тюбе постоянно притязали также и бухарские эмиры; оба города с прилегающими сельскими районами были присоединены к России в 1866 г.

Область по верхнему течению р. Зеравшан делилась на ряд мелких владений со своими местными таджикскими правителями (Матча, Фальгар, Магиан, Кштут), находившихся большей частью под номинальной зависимостью Бухары. Они были присоединены к России в 1870 г. Несколько ранее (в 1868 г.) к России был присоединен и Самарканд, в значительной степени населенный таджиками.

Гиссар имел своих особых правителей из узбекских родов, то признававших власть Бухары, то отпадавших от нее. К середине XIX в., в союзе с сильным кулябским правителем, Гиссар отказался признавать власть Бухары, но в 1862 г. вновь был покорен бухарским эмиром, и после неудачных попыток в 1863 и 1865 гг. вернуть свою независимость вошел окончательно в состав Бухарского ханства.

Куляб и зависимый от него Бальджуан на рубеже XVII и XVIII вв. находились под властью правителей Кундуза [1]; после отпадения от Кундуза в Кулябе правила династия узбеков каттаган. В 50-х и 60-х годах XIX в. правитель Куляба Сарыбек боролся против Бухары, но в 1869 г. Куляб, так же как и Гиссар, вошел в состав бухарских владений.

Каратегин и Дарваз имели местных независимых таджикских правителей, причем в некоторые периоды Каратегин находился в зависимости от Дарваза. В 30-х годах XIX в. Каратегин подчинился кокандскому хану, но вскоре, по-видимому, власть последнего стала номинальной; в 1877—1878 гг. Каратегин и Дарваз были присоединены к Бухаре.

Несколько иное положение в политическом отношении занимали припамирские районы (см. стр. 660).

Таким образом, все области, населенные таджиками, можно разделить на две группы: а) северные области (Ходжент, районы Ферганской долины и бассейна Зеравшана с таджикским населением), входившие ранее в состав Кокандского и Бухарского ханств, а затем (в течение десятилетия 1867—1876 гг.) присоединенные к Российской империи, и б) области по преимуществу горного Таджикистана (Куляб, Гиссар, Каратегин, Дарваз, Бальджуан и др.), первоначально составлявшие независимые княжества, а затем (примерно, в те же годы) присоединенные к Бухарскому ханству.

Основным занятием таджиков в прошлом было земледелие со скотоводством в виде подсобной отрасли хозяйства. В горных районах, где преобладало еще натуральное хозяйство, сохранялись различные домашние промыслы и невыделившиеся еще из сельского хозяйства ремесла; на равнинах и в предгорьях, где господствовали товарно-денежные отношения, были развиты торговля и ремесла, отделившиеся от земледелия (см. стр. 576).

Революция застала в Восточной Бухаре феодальные отношения. Еще до присоединения этого края к Бухаре здесь существовало два противостоящих класса: трудящиеся земледельцы — *фуқаро* и земельно-феодальная знать, группировавшаяся вокруг местного правителя, называвшегося *шоҳ*; эта знать пополняла ряды его военной дружины и штат его советников и была известна первоначально под именами *саркарда* или *навкар*. После присоединения в 70-х годах XIX в. независимых ранее владений к бухарскому эмирату в крае появились представители бухарского военнослужилого сословия, так называемые *сипоҳ*, или *амалдор*, имевшие различные бухарские чины; эти же чины бухарское правительство стало раздавать и местной знати, стремясь таким путем упрочить в завоеванной стране свое влияние.

Трудовые крестьяне, или фукаро, владели небольшими участками облагаемой налогами земли, номинальным собственником которой был верховный правитель страны; поэтому все взимаемые с крестьян налоги являлись по существу земельной рентой. Феодальная знать еще со времени ша сосредоточила в своих руках сравнительно крупные земельные владения; первоначально они приобретались в качестве пожалований — *ҷилду* со стороны правителя за военные доблести и гражданские заслуги, путем насильственного захвата новых участков земли, распаханных крестья-

[1] Кундуз — узбекское княжество в северном Афганистане. Во второй половине XIX в. было ликвидировано афганцами.

нами, а впоследствии, особенно в период господства эмирата, путем кабальных сделок и скупки земли у бедноты. Земли знати, военнослужилого сословия освобождались от налогов.

Кроме указанных двух категорий земель, были еще сравнительно небольшие участки земли, находившиеся в распоряжении местных властей и обрабатывавшиеся барщинным трудом окрестных крестьян; были и так называемые вакуфные земли, т. е. земли, завещанные кем-либо мечети, медресе, и, наконец, земли общинно-крестьянские, пустоши или выпасы, принадлежавшие на правах совместного пользования целым сельским обществам.

Восточная Бухара была разделена на провинции — *вилоят*, в значительной степени сохранявшие те границы, которые имели прежние независимые владения, а также соответствующие названия (Каратегинский, Дарвазский, Кулябский, Гиссарский вилояты). Русские называли эти вилояты бекствами, поскольку стоявшие во главе их эмирские чиновники назывались беками (также *мир*, *ҳоким*). Каждое бекство делилось на несколько административно-податных единиц — *амлок*, во главе которых находились подчиненные беку чиновники — *амлокдор*. Нередко амлякдоры были родственниками бека и сменялись вместе с назначением нового бека. Низовая кишлачная администрация состояла из сельских старост (*арбоб*, *оқсоқол*), которые в свою очередь подчинялись административным лицам, ведавшим несколькими кишлаками (*амин*, *мирҳазор*). К числу низовой администрации относились также *мироб* — лицо, наблюдавшее за распределением воды и поддержанием порядка в оросительной сети, *мушриф* и *дорғо*, являвшиеся помощниками амлякдора при сборе налогов с урожая. Низовая кишлачная администрация, в частности арбобы, формально избиралась населением, фактически же для замещения этой должности требовалось согласие высшей администрации, и арбобами всегда становились более зажиточные и влиятельные люди.

В бекствах обычно, кроме самого бека, были еще *қозӣ* — судья и *раис* — лицо, наблюдавшее за благочестием. Они в известной степени были независимыми от бека и подчинялись непосредственно Бухаре. В амляках и в крупных кишлаках они имели собственный административный аппарат в лице своих помощников. При беке находился *девонбегӣ* — лицо, ведавшее хозяйством и финансами бекства, а также *ясовулбошӣ* — начальник стражи и личной охраны бека, выполнявший различные поручения последнего; в распоряжении есаулбаши находились стражники — *ясовул*. Помимо перечисленных должностных лиц, при беке и в крупных амлякдорствах обычно находилось еще по несколько сипо в различных бухарских чинах, не имевших определенных обязанностей и выполнявших отдельные поручения администрации.

Формой присвоения прибавочного продукта эксплуатирующим классом (во главе с правителем страны — эмиром бухарским) являлось взимание феодальной ренты натурой (оброк) и отработочной ренты (барщина), к которой впоследствии прибавилась и денежная рента. Эмирское государство через беков и амлякдоров с их многочисленным административным аппаратом осенью собирало с крестьянских хозяйств налог зерном, для чего собранное на току в кучу зерно предварительно опечатывалось (на кучу в нескольких местах накладывалась сырая земля, на которой ставились печати), а затем должностными лицами во главе с амлякдором определялось количество зерна в куче. После этого причитавшуюся казне долю урожая крестьянин должен был свезти в казенные амбары или же уплатить соответствующую сумму деньгами. Размеры сбора варьировались по районам, а также в зависимости от культуры и от того, поливная или неполивная была земля, с которой собран урожай. Доля урожая, взимавшаяся в пользу государства, колебалась от $^1/_{10}$ до $^1/_3$. Помимо этой доли, крестьянин вынужден был давать некоторое

количество зерна лично амлякдору, муширифу, раису, арбобу, имаму — настоятелю мечети и другим должностным лицам.

В бекствах Восточной Бухары существовали и другие сборы с крестьянских хозяйств. Брали так называемый *амал* — по одной овце или барану, подымную подать — некоторое количество денег с каждого хозяйства, коровье масло, а также другие продукты крестьянского хозяйства — шерсть, кустарную ткань, веревки и многое другое. Существовали и специальные сборы за раздел имущества, свадьбу, похороны, которые шли казию или имаму; взимались также различные штрафы, «добровольные» приношения с вернувшихся из отходничества и т. п.

Ежегодно осенью бек отправлял эмиру установленную подать, частично деньгами, а частично различными местными изделиями, собранными с крестьян. Чем больше отправлялось эмиру, тем больших милостей со стороны Бухары мог ожидать бек. Значительные суммы и большое количество местных изделий оставалось самому беку и его приближенным, поэтому последние были заинтересованы в том, чтобы как можно больше получить с трудящихся крестьян.

Тяжелой была и отработочная рента. Крестьян сгоняли на так называемые *ҳашар* — коллективные работы на полях, принадлежавших беку или отдельным феодалам, а также на *бегорӣ* — безвозмездные принудительные работы по постройке и ремонту зданий, очистке снега — у домов и на крышах, работы в садах; сюда же следует отнести и различные гужевые повинности.

Следует отметить, что ренту-налог с земли уплачивали лишь крестьянские хозяйства, местная знать была освобождена от уплаты налогов; формально освобождение от налогов давалось всем лицам, получившим один из бухарских чинов и таким путем попадавшим в сословие сипо; помимо местной знати, освобождались от налогов со своей земли и лица из крестьян, которые зачислялись в разряд так называемых *навкари қишлоқ* и исполняли обязанности курьеров, посыльных и т. п. Однако местная знать, в отличие от наукари кишлак, пользовавшихся только тем, что их земля освобождалась от уплаты налога, получая бухарские чины, вместе с тем получала и ленные пожалования, так называемые *танхоҳ*. В танхо сипо давалось определенное количество крестьянских хозяйств, при этом чем выше был чин у сипо, тем большее количество хозяйств он получал. При передаче хозяйства в танхо какому-либо феодалу крестьянин должен был уплачивать ему все те налоги, которые платил раньше государству. В связи с этим в бекствах Восточной Бухары все крестьянские хозяйства подразделялись на две группы: фукаро — платившие ренту государству, и *буна* — платившие ее своему феодалу — *танхоҳҳӯр*. Особенно тяжелым было положение тех трудящихся, которые попадали в буна или ленное владение к какому-либо крупному чиновнику. Последний, пользуясь своим положением, мог безнаказанно увеличивать размеры податей и барщинных повинностей, не считаясь с существовавшей регламентацией, а также посягать и на личную свободу находящихся в зависимости от него крестьян; известны многочисленные случаи, когда танхохур вмешивался в частную, семейную жизнь крестьянина, брал для себя красивых девушек или мальчиков, устраивал по своему усмотрению браки, чинил суд и расправу, а иногда отбирал у крестьянина дом и землю. Положение такого крестьянина мало чем отличалось от положения крепостного человека.

Ко всему сказанному выше следует еще прибавить эксплуатацию крестьянства байством, выросшим в последние десятилетия перед Октябрьской революцией. Баи энергично скупали крестьянские земли и отдавали их затем в аренду *шарикӣ* бедноте. Представители духовенства, ишаны и муллы владели крупной земельной собственностью и наравне с феодалами получали крестьянские хозяйства в ленное владение.

К тяжелому экономическому гнету присоединялось и полное бесправие беднейшей части населения. Закон, естественно, был на стороне эксплуатирующего класса, где процветали подкуп и взяточничество. В стране царил полный произвол; представитель власти мог безнаказанно притеснять бедняка, подвергать его побоям на допросе и в суде, держать в колодках в зловонной бухарской тюрьме — яме, наполненной клещами, где люди часто погибали, не выдерживая ужасной обстановки.

В конце XIX и в начале XX в. происходит ряд волнений и крестьянских восстаний против бухарских и местных феодалов и чиновников. Таковы известное восстание под руководством Восе в районе Бальджуана в 1885 г., ряд восстаний в южных таджикских районах в начале XX в. и, наконец, восстание Исмона в Каратегине в 1920 г., происшедшее незадолго до установления там Советской власти (см. стр. 544). Все эти восстания, обычно стихийные и плохо организованные, бухарские правители беспощадно подавляли.

Общественно-политическое устройство северных районов расселения таджиков, входивших до прихода русских в состав Бухарского и Кокандского ханств, мало отличалось от описанного выше. Однако присоединение большинства северных таджикских районов к областям, в которых было установлено русское управление, внесло изменения в застойные социальные отношения. Положительным фактором присоединения к России было установление в крае порядка и спокойствия, прекращение ужасных кровопролитий, междоусобиц, военных набегов, от которых жестоко страдало население, ликвидация рабства, жестоких казней. Присоединение к России вело к постепенному подрыву феодальных отношений и способствовало проникновению более прогрессивных капиталистических отношений.

Местное население пришло в соприкосновение с более передовой русской культурой, стало перенимать у русских различные культурные навыки, приемы ведения хозяйства.

Северные таджикские районы составляли лишь небольшую часть новых русских владений в Средней Азии. Большинство таджикских районов входило в состав Ходжентского и Самаркандского уездов Самаркандской области. Уезд состоял из нескольких волостей, последние делились на аксакальства. Низшее управление было оставлено в руках коренного населения, низшая администрация состояла из волостных управителей *мингбоши*, аксакалов, ведавших отдельными кишлаками или же группой кишлаков, а также *элликбоши* (буквально пятидесятских), выбиравшихся по одному на 50 хозяйств. Все эти должности были выборными — население выбирало аксакалов и иликбаши, а последние выбирали мингбаши, одновременно с ним также и казия. Однако практически дело не обходилось без вмешательства русской администрации и без взяток, передававшихся претендентами на административные должности высшему начальству. Фактически все эти должности занимали всегда люди состоятельные, самое же исправление этих должностей сулило значительные доходы (законные и незаконные), поступавшие от населения.

В области землепользования царским правительством был проведен ряд мероприятий. В частности все орошаемые земли были переданы оседлому населению в наследственное общинноподворное владение. Были обложены налогом все те земли, которые во времена ханского владычества считались освобожденными от них. Таким образом земли крупных феодалов оказались фактически закрепленными за теми арендаторами-издольщиками, которые на этих землях работали. Однако это мероприятие коснулось лишь крупнейших земельных магнатов, осталось еще довольно много крупных и средних землепользователей, сдававших принадлежавшую им землю в аренду малоземельным крестьянам и безземельной бедноте.

При русском управлении все существовавшие ранее налоги были заменены единым государственным поземельным налогом, составлявшим $^1/_{10}$ валового дохода. Были произведены реформы и в отношении вакуфных земель: положением 1886 г. от государственного поземельного налога освобождались лишь ненаселенные вакуфные земли, населенные же земли были оставлены во владении тех сельских обществ, которые фактически ими пользовались, а в пользу вакуфного учреждения выделялась лишь часть дохода.

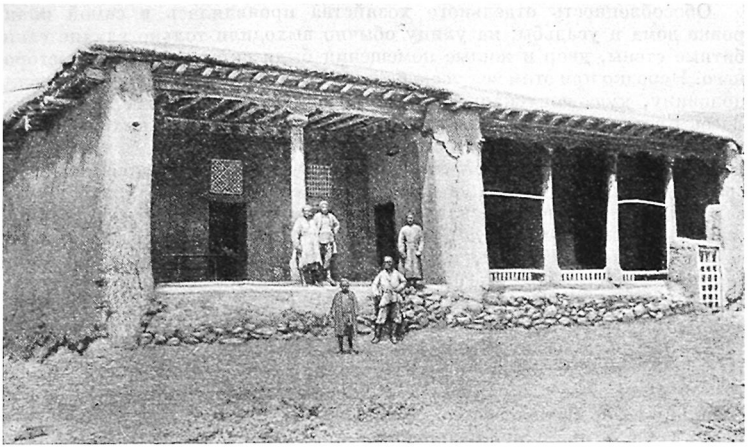
Подрыв основ феодального строя, ликвидация власти и значения феодальной аристократии способствовали быстрому развитию капиталистических отношений в крае. Области, присоединенные к России, в частности и районы с таджикским населением, постепенно превращались в сырьевую, в первую очередь хлопковую базу России. Спрос на хлопок повышался, хлопок вытеснял другие культуры, вместе с тем росли и цены на землю, которая все в больших количествах скупалась нарождающимся кулачеством — байством, в то время как основная масса крестьянства разорялась, лишалась земли. Появился довольно многочисленный слой посредников — *чистачӣ*, наживавшихся на скупке хлопка. В таджикском кишлаке, так же как среди узбеков и других народов, типичной фигурой стал издольщик — *чорьяккор*, получавший с арендуемого участка в зависимости от условий от половины до одной пятой урожая и меньше, а также батрак — *ҷапорӣ*, нанимавшийся для работы в байском хозяйстве на определенный срок и получавший в виде вознаграждения лишь ночлег, питание и одежду. Для производства срочных работ — жатвы, сбора хлопка и т. п.— зажиточные хозяйства нанимали поденщиков — *мардикор*.

Проведение в крае железных дорог, организация предприятий по добыче полезных ископаемых, устройство хлопкоочистительных и маслобойных заводов — все это привело к появлению пролетариата, в состав которого входили как русские, так и представители коренных национальностей. Вместе с тем многие таджики из пределов Бухарского ханства, особенно из горных малоземельных районов, уходили на заработки на равнину и, возвращаясь затем домой, знакомили односельчан с новыми взглядами, распространенными в среде нарождавшегося рабочего класса.

* * *

Наряду с феодальными и капиталистическими отношениями Октябрьская революция застала в Таджикистане пережитки более ранней социальной формации, первобытнообщинной, часто использовавшиеся господствующим классом в своих интересах. Пережитки эти сохранялись главным образом в глухих изолированных горных углах, однако они не совсем исчезли и в более развитых районах.

Таджикский кишлак в горных районах с отсталым натуральным хозяйством являлся по существу сельской общиной, в которой покосы, пустоши, летние пастбища, участки для сбора топлива и другие угодья были общинной собственностью; самый дом-усадьба, с принадлежащей ему пахотной землей, хотя и находился в частной собственности, но право распоряжения этой собственностью в случае смерти владельца и в некоторых других случаях принадлежало общине в лице ее старейшин. Общинный характер в кишлаке носило также обслуживание оросительной системы, починка дорог и мостов в пределах данного селения. Подобно классической сельской общине Индии, в таджикских кишлаках дореволюционного времени имелись ремесленники — кузнецы, шорники, лекари, цирюльники и другие,— обслуживавшие односельчан, за что они получали от последних вознаграждение продуктами или отработкой. Иногда одно лицо одновременно занималось несколькими из указанных ремесел.



Мечеть и алоухона в кишлаке Хазор-Чашма близ Гарма, 1932 г.

В качестве пережитка общинных отношений следует отметить также навыки совместной коллективной работы и коллективного потребления. Сюда относится обычай общественной взаимопомощи—хашар — коллективной работы на родственника или односельчанина, а также обычай совместной товарищеской обработки земли — шарики; эти обычаи, как мы видели выше, в классовом обществе часто вырождались в особую форму эксплуатации. Так, первый из них превратился в феодальную барщину, а второй — в кабальную аренду, когда одна сторона давала землю или семена, а другая была обязана выполнить все полевые работы.

Характерным для сельской общины являлось наличие в горных кишлаках особого общинного «дома огня» — *аловхона*, помещавшегося в одном здании с мечетью. В алоухона собиралось зимой все мужское население кишлака или квартала. Здесь же останавливались путники, гости, должностные лица. Обычно ко времени вечернего огня, разводимого при наступлении сумерек, в алоухона приносили из домов пищу — похлебку, хлеб, кислое молоко и пр. В алоухона происходили также угощения, приуроченные к различным выдающимся событиям в жизни общины и отдельных ее членов. Мясо горного козла, убитого на охоте, также приносилось в алоухона. Алоухона служила в горах своеобразным клубом, местом общения со всеми односельчанами и внешним миром. Местами среди таджиков сохранялись и следы когда-то господствовавших родовых отношений; для обозначения кровнородственной группы употреблялись термины *қавм*, *кунда*, или *тоифа*. Такая родственная группа сплошь да рядом составляла население целого кишлака, а при наличии в кишлаке нескольких родственных групп каждая из них часто селилась особым кварталом, создавая тем самым характерный многоквартальный тип поселения. Такие кварталы, населенные кровными родственниками, имели свои особые кладбища, мечети, а иногда и отдельные от других кварталов выпасы и другие угодья. Общинный характер носили и различные праздники, на которые собирались не только все жители данного селения, но нередко и гости из соседних селений. Для равнинных районов, а также для городов вплоть до революции было характерно своеобразное переплетение обособленности отдельного хозяйства, с одной стороны, и общественной жизни кишлака или городского квартала — с другой.

Обособленность отдельного хозяйства проявлялась в самой планировке дома и усадьбы; на улицу обычно выходили только глухие глинобитные стены, двор и жилые помещения были скрыты от глаз постороннего. Нередко при этом вся усадьба подразделялась на внешнюю, мужскую половину, куда допускались чужие мужчины, и внутреннюю, женскую. Здесь протекала жизнь семьи и отсюда женщина могла выходить, лишь надев на себя покрывало и закрыв лицо.

Общественной единицей являлся квартал. Общественная жизнь сосредоточивалась в мечети, в чайхане, на базаре, однако в ней участвовала исключительно мужская половина населения. Мечети содержались за счет жителей или же на средства учрежденного для ее содержания вакфа; обычно само население выполняло и различные обязанности по содержанию мечети. Местом сборищ, где обменивались новостями, обсуждались всевозможные общественные дела, служил также базар и расположенные на его территории, а иногда и в других людных местах чайные — чайханы. Одним из видов общественного времяпрепровождения мужской части населения в городах и в селениях на равнине были вечерние и ночные сборища, так называемые *чўра*, *тукма* или *гап*. Организовывалась компания в 10—15 человек, обычно людей одного возраста, которые с осени вскладчину покупали необходимые продукты, а также подбирали подходящее помещение. Здесь они зимой собирались каждый вечер и просиживали часто за полночь за общей трапезой, развлекаясь пением, танцами, играми и беседой. Гап отличался от джура или тугма тем, что складчины не делали, а угощение устраивал каждый из членов компании за свой счет поочередно. Сборища напоминали обычай горных таджиков собираться в алоухона. Оживленно и многолюдно справлялись семейные и общественные праздники.

Большое значение в повседневной жизни играли еще родственные связи, выступавшие всякий раз при устройстве различных празднеств или при возникновении различных споров, тяжб и недоразумений. Местами существовали подразделения населения на группы по принципу происхождения, по местожительству или профессии. В хозяйственной практике таджиков как равнинных, так и горных сохранялись и другие пережитки общинных отношений.

* * *

Советская власть в Ташкенте, Самарканде, в городах Ферганской долины и в других местах была установлена уже в начале ноября 1917 г. В апреле 1918 г. северные таджикские районы вошли в состав Туркестанской АССР. В центре и на местах были созданы органы Советской власти, национализированы земля и вода, банки, промышленные предприятия, железные дороги.

Однако значительная масса таджикского народа, проживавшая в пределах Бухарского ханства, продолжала еще около трех лет оставаться под гнетом бухарского эмира. Поддерживаемый белогвардейцами и иностранными империалистами, эмир сделал Бухару оплотом контрреволюции, сосредоточив в ней для борьбы с Советской властью все реакционные силы Средней Азии. Особенно энергичную помощь эмиру оказали английские интервенты, направившие через Афганистан в Бухару денежные средства, военных инструкторов и вооружение.

Лишь 1 сентября 1920 г. трудящиеся Бухары, при активной поддержке Красной Армии во главе с тт. Фрунзе и Куйбышевым, свергли ненавистную власть бухарского эмира и провозгласили Бухарскую Народную Советскую Республику. Эмир Алимхан с остатком своей армии бежал в горы и укрепился в кишлаке Дюшамбе, летней резиденции наместника эмира в Восточной Бухаре; здесь он стал лихорадочно готовиться к борьбе

Первые колхозы. Коллективная вспашка хлопкового поля колхоза «Иджтимоият», 1932 г.

Первые колхозы. Культивация хлопкового поля колхоза «Иджтимоият», 1932 г.

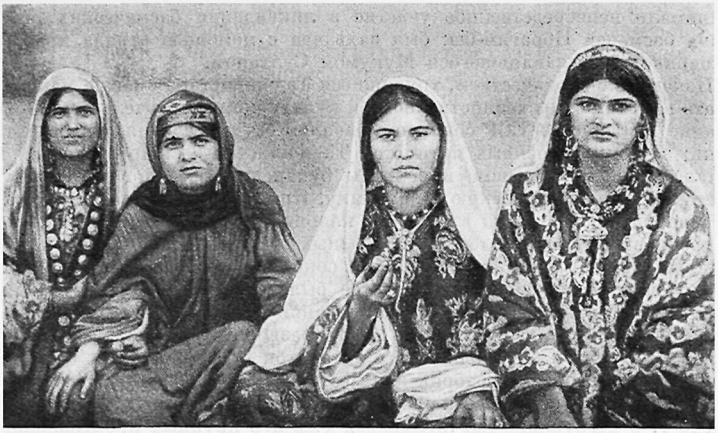
с продвигавшимися по его следам отрядами Красной Армии и с поднимавшимся на свержение его власти населением Восточной Бухары. Эмир собрал в Дюшамбе крупнейших представителей феодальной знати и духовенства Восточной Бухары, вместе с ними выработал военные планы и при поддержке иностранных империалистов стал организовывать басмаческие отряды; усиленной раздачей подарков и чинов он вербовал себе сторонников для борьбы с «неверными».

Насильственная мобилизация эмиром трудящегося населения вызвала в декабре 1920 г. в Каратегине восстание крестьянских масс; инициаторами восстания были рабочие-отходники, возвратившиеся из Ферганской долины к себе на родину в кишлак Хаит. Восстание охватило весь верхний Каратегин; восставшим удалось захватить центр Каратегинского бекства — Гарм и арестовать самого бека и его чиновников. Но вследствие колебаний, проявленных главой движения Исмоном, вместо решительных действий вступившим в переговоры с чиновниками и духовенством, последним удалось организовать свои силы в нижнем Каратегине и в сражении под Гармом разбить восставших. Исмон и его ближайшие сподвижники были вероломно захвачены и подвергнуты жестокой казни.

В начале 1921 г. в Восточную Бухару начали продвигаться части Красной Армии, которые, преодолевая сопротивление банд эмира, 21 февраля достигли Дюшамбе. Эмир вынужден был бежать в Афганистан. Но после бегства эмира гражданская война на территории Таджикистана фактически только началась. Все контрреволюционные элементы: феодалы, эмирские чиновники, духовенство, баи, узбекские племенные вожди — объединились для борьбы с Советской властью. В то время как значительная часть трудящихся активно поддерживала с самого начала Красную Армию, помогая ей в борьбе с контрреволюцией, бесчисленные агитаторы, агенты и шпионы, посылавшиеся империалистическими кругами и эмиром из-за рубежа, сумели привлечь на свою сторону другую, наименее сознательную, неграмотную и темную массу трудящегося населения и втянуть ее в басмаческие банды; в своей агитации эмирские агенты использовали религиозные предрассудки, выставляя борьбу за восстановление эмирского трона в качестве священного долга каждого мусульманина. Под давлением басмаческих отрядов, насчитывавших десятки тысяч человек, малочисленные отряды Красной Армии вынуждены были в феврале 1922 г. оставить Дюшамбе, а затем отойти на линию Байсун — Термез. К этому времени во главе басмаческого движения становится авантюрист Энвер-паша, бывший военный министр Турции, изгнанный из своей страны в 1920 г. Однако к лету 1922 г. в военных действиях был достигнут перелом, в результате чего в Дюшамбе, Курган-Тюбе и Кулябе была восстановлена Советская власть. Летом 1923 г. красноармейские отряды, поддерживаемые значительной частью трудящихся, очистили от басмаческих шаек последние оплоты басмачества. Однако бывший глава узбекского племени локай, Ибрагим-бек, продолжал держаться в Локайской долине до 1925 г., а затем вынужден был уйти в Афганистан.

После ликвидации басмачества партия и правительство приступили к восстановлению народного хозяйства, понесшего большой ущерб в результате гражданской войны и иностранной интервенции. Были проведены мероприятия по улучшению положения трудящихся. Советская власть освободила население от налогов, пострадавшим от войны предоставила кредиты, были завезены промышленные товары, ремонтировались дороги, восстанавливалась ирригация, дехкане снабжались сельскохозяйственным инвентарем. Была проведена чистка советского аппарата от пробравшихся туда баев и эмирских чиновников и развернута большая работа по вовлечению трудового дехканства в советское строительство.

В конце 1924 г., в результате национально-государственного размежевания Средней Азии, была образована Узбекская ССР, а в составе ее



Первые женщины учительницы и активистки. Гарм

выделена Таджикская Автономная ССР; она включала в себя территорию всех бывших бекств Восточной Бухары (за исключением части Денауского), Памир, долину верхнего Зеравшана и район Ура-Тюбе. В северных таджикских районах в 1925/26 г. была проведена земельно-водная реформа; в это же время были созданы и первые колхозы.

В декабре 1926 г. состоялся I Учредительный съезд Советов Таджикистана; на смену действовавшим до того времени ревкомам были избраны постоянные высшие органы власти — ЦИК и СНК Таджикской АССР, а на местах образованы Советы рабочих и крестьянских депутатов. Позднее, в октябре 1929 г., постановлением Чрезвычайного съезда Советов Таджикской АССР последняя была преобразована в союзную республику, с выделением в ее составе Горно-Бадахшанской автономной области (Памир). Одновременно Таджикской ССР был передан Ходжентский округ, входивший ранее в Узбекскую ССР.

Несмотря на ряд мероприятий по советизации Таджикистана, проводившихся из года в год, сопротивление антисоветских элементов, пытавшихся кое-где организовывать басмаческие шайки, было окончательно сломлено лишь в процессе коллективизации сельского хозяйства и ликвидации байства как класса. До 1930—1931 гг. сильно сказывалось то обстоятельство, что в южных районах Таджикистана задержалось проведение земельно-водной реформы, в результате чего значительные массивы земли оставались в руках эксплуататоров — бывших чиновников и баев; этому способствовала слабость в то время советского аппарата, а также засоренность его классово чуждыми элементами. Следствием этого был налет в 1929 г. из-за рубежа басмаческой шайки Фузайла Максума, в течение нескольких дней прошедшего от афганской границы до г. Гарма, но затем вынужденного бежать обратно за границу, спасаясь от преследований частей Красной Армии и отрядов красных партизан. Последний, происшедший в 1931 г., налет из Афганистана на территорию Таджикистана банды Ибрагим-бека, вооруженной на средства английской разведки, показал, что басмачи вызывают в среде трудящегося населения, начавшего организовываться к тому времени в колхозы, лишь ненависть и презрение. Несмотря на попустительство и прямую помощь Ибрагим-беку со стороны буржуазных националистов, колхозники, образовавшие

добровольческие отряды, получившие название «красных палочников», принимали непосредственное участие в ликвидации басмаческих шаек. Глава басмачей Ибрагим-бек был захвачен с помощью отряда красных палочников, возглавлявшегося Мукумом Султаном.

Покончив с басмачеством, трудящиеся Таджикистана смогли, наконец, отдать все свои силы хозяйственному и культурному строительству. Образование Таджикской ССР совпало с началом осуществления первой пятилетки; за годы довоенных пятилеток Таджикистан был преобразован из отсталой колонии царизма и вотчины бухарских феодалов в цветущую советскую социалистическую республику. При Советской власти таджикский народ, не успевший в условиях колониального режима, феодальной раздробленности и незрелости буржуазных отношений оформиться в буржуазную нацию, консолидировался в социалистическую нацию. Одним из важнейших факторов в этом процессе было создание социалистической экономики и прежде всего индустриализация Таджикистана. Фактически промышленность в Таджикистане стала развиваться только в годы довоенных пятилеток. В течение трех пятилеток в Таджикистане было выстроено много заводов и фабрик как местного, так и общесоюзного значения и разведано большое число месторождений полезных ископаемых. В 1940 г. в республике насчитывалось уже 273 крупных промышленных предприятия.

Велики достижения республики и в области сельского хозяйства. Коллективизация сельского хозяйства изменила социальное лицо кишлака. Еще перед началом коллективизации, в 1929 г., огромнейшие земельные массивы в Таджикистане находились в руках байства. Так, например, в Каратагском районе 3172 хозяйства, имевшие посев до 1 десятины, обладали всего 403 десятинами (из них 298 десятин богарной земли), тогда как только 19 зажиточных хозяйств имели 677 десятин одной лишь поливной земли[1].

Сильно выросла за годы довоенных пятилеток посевная площадь республики, причем значительный прирост посевной площади произошел в результате орошения новых земель. От обработки примитивным пахотным орудием колхозники перешли к обработке полей тракторами и сельскохозяйственными машинами. Хлопкоробы Таджикистана внесли большой вклад в завоевание хлопковой независимости Советского Союза. Значительных успехов в довоенные годы достигло также зерновое хозяйство, колхозное животноводство и другие отрасли сельского хозяйства.

Большую роль в развитии всего народного хозяйства сыграло широкое развитие транспорта. В годы первых пятилеток исчезло былое бездорожье, республику во всех направлениях прорезали широкие автомобильные дороги и воздушные трассы.

В соответствии с ростом хозяйства республики росла и культура таджикского народа. В Таджикистане было осуществлено всеобщее начальное обучение, появилось много средних учебных заведений и техникумов, впервые были созданы высшие учебные заведения. Была организована Таджикская база Академии наук СССР, реорганизованная в 1941 г. в филиал Академии наук СССР. Значительно разрослась сеть культурно-просветительных учреждений, в быт рабочего и колхозника прочно вошли библиотека, клуб, красная чайхана, кино, радио, в республике было создано свыше 20 театров. В 1941 г. лучшие артисты Таджикистана демонстрировали свои достижения в Москве на декаде таджикского искусства.

В годы Великой Отечественной войны таджикский народ, вместе со всеми другими народами Советского Союза, отдавал все свои силы и энергию борьбе с врагами на фронтах и самоотверженному труду в тылу. Таджики воевали на фронтах Отечественной войны, более 30 бойцов

[1] Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане. Ташкент, 1930, стр. 63.

и командиров таджиков были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Трудящиеся Таджикистана оказывали всестороннюю помощь фронту. Перестроилось на военный лад народное хозяйство Таджикистана. В Таджикистане в годы войны сооружались новые предприятия. В 1943 г. была успешно решена задача обеспечения республики собственным хлебом. Женщины и молодежь, овладевая новыми профессиями, заменили на фабриках и заводах ушедших на фронт отцов, мужей и братьев. Самоотверженно трудились на полях колхозники и колхозницы, преодолевая трудности военного времени, стремясь дать стране больше хлопка и различных продуктов. Трудящиеся Таджикистана изготовили и собрали для фронта сотни тысяч теплых вещей, послали большое количество подарков воинам Советской Армии, внесли несколько десятков миллионов рублей в фонд обороны, на строительство танков и самолетов.

Окончание Великой Отечественной войны и победа над фашизмом дали возможность таджикам, как и другим народам Советского Союза, добиваться дальнейшего подъема народного хозяйства и культуры. Уже в первые два послевоенные года народное хозяйство республики достигло довоенного уровня, в том числе и важнейшая и наиболее пострадавшая во время войны отрасль сельского хозяйства — хлопководство. В последующие годы четвертой пятилетки, а затем и в годы пятой пятилетки народное хозяйство Таджикистана вступило в полосу крутого подъема. Была произведена реконструкция существовавших предприятий, наряду с этим создавалось большое количество новых предприятий, что в свою очередь повело к росту числа рабочих, повышению производительности труда и увеличению выпуска продукции. Значительно выросла энергетическая база, обслуживающая народное хозяйство и бытовые нужды населения. Помимо увеличения сети электростанций местного значения, введены в строй крупные гидростанции.

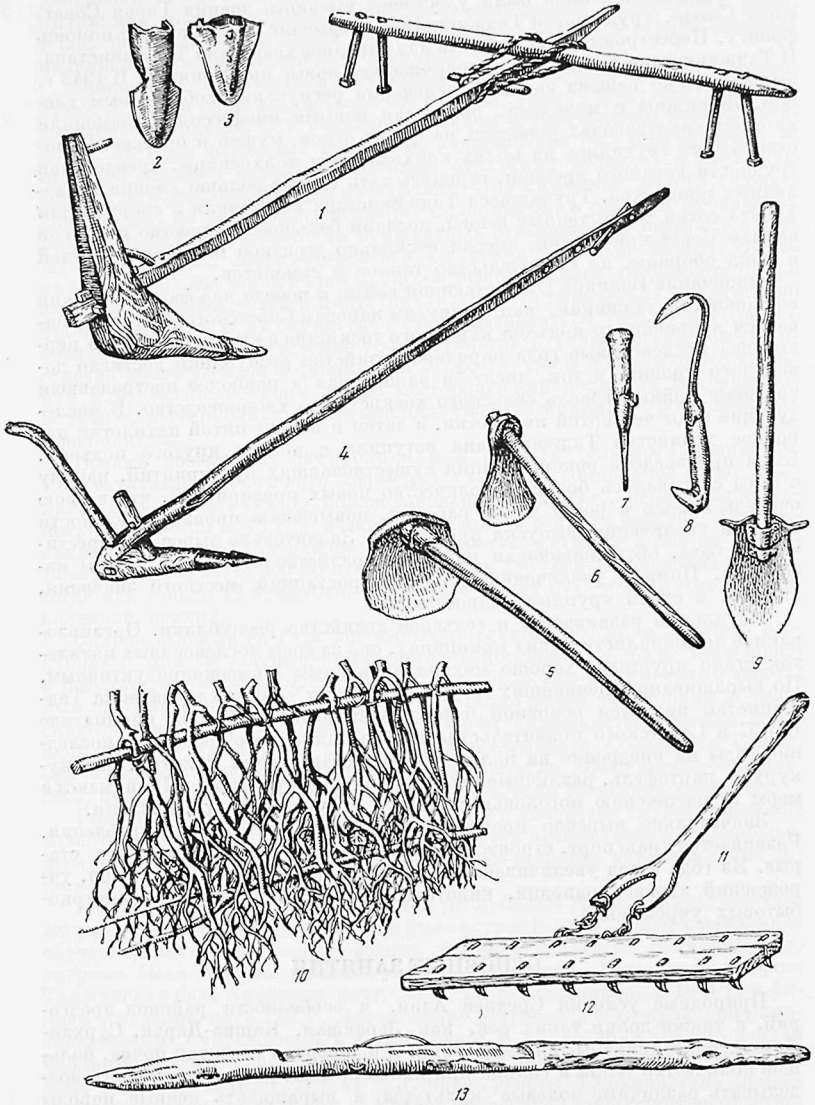
Неуклонно развивается и сельское хозяйство республики. Организованное на социалистических принципах, оно за годы послевоенных пятилеток стало крупным, хорошо механизированным и высокопродуктивным. По выращиванию ценнейших тонковолокнистых сортов хлопчатника Таджикистан является основной базой Советского Союза. По инициативе КПСС и Советского правительства особое внимание обращено в последние годы на внедрение на полях Таджикистана таких культур, как кукуруза, картофель, различные овощи, кормовые культуры. Принимаются меры к увеличению поголовья скота и улучшению его содержания.

Значительно выросло производство товаров широкого потребления. Развивается транспорт, строятся новые дороги и совершенствуются старые. Из года в год увеличивается строительство жилых домов, школ, учреждений здравоохранения, кинотеатров, клубов и прочих культурно-бытовых учреждений.

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ

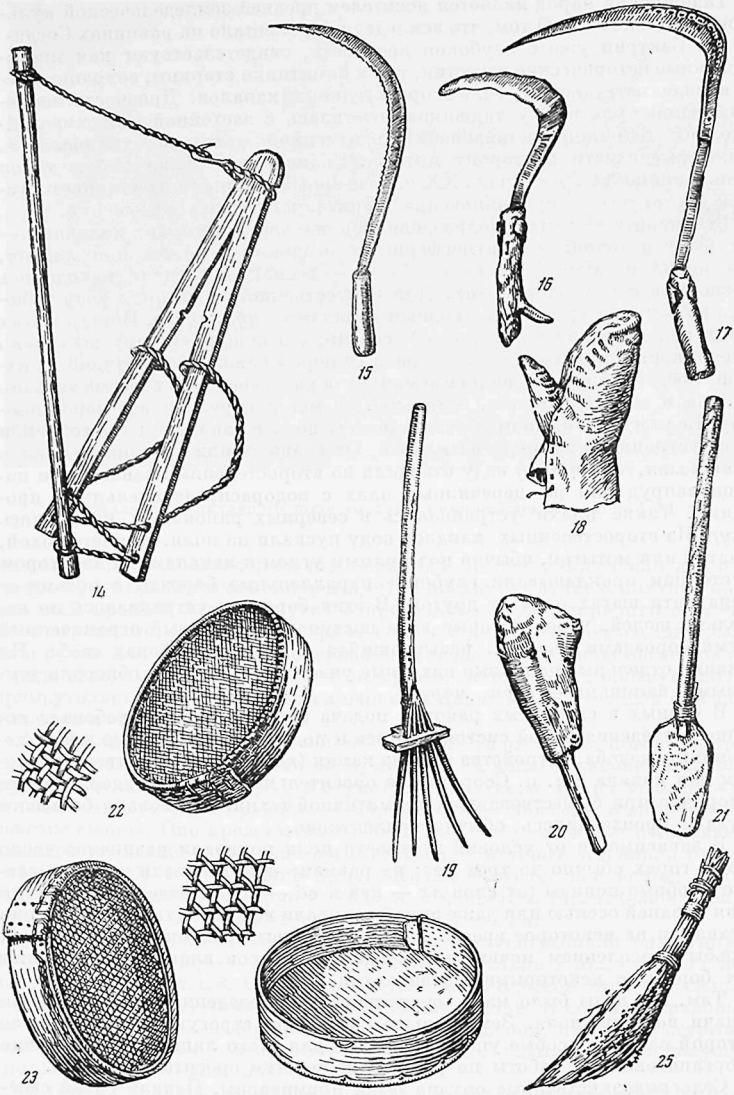
Сельское хозяйство

Природные условия Средней Азии, в особенности районов предгорий, а также долин таких рек, как Зеравшан, Кашка-Дарья, Сурхан-Дарья, благоприятны для земледелия. Плодородная лёссовая почва, большое количество тепла и солнца при наличии воды дают возможность возделывать различные полевые культуры и выращивать ценные породы плодовых деревьев. Поэтому в тех местах, куда доходит вода текущих с гор рек и ручьев, возникли цветущие земледельческие оазисы. Земледелие распространено также и в горах — в горных долинах и на склонах гор, на абсолютных высотах от 1000 до 2500 м. Однако здесь условия для земледелия иные: при изобилии воды и атмосферных осадков, земледелию препятствуют более суровый климат и каменистая почва.



Сельскохозяйственные орудия народов Средней Азии

1 — омач и ярмо «буйинтурук», узбеки и таджики. Самаркандский район Узбекской ССР; *2* — чугунный лемех для омача «тиш», узбеки и таджики. Самаркандский район Узбекской ССР; *3* — железный лемех для омача «йер-демир», туркмены (гоклен). Кара-Калинский район Туркменской ССР; *4* — пахотное орудие «озал», туркмены. Окрестности Ашхабада; *5* — кетмень, узбеки и таджики. Самаркандский район Узбекской ССР; *6* — мотыга «калан» для огородных работ, таджики. Верхний Зеравшан, сел. Шурмашк; *7* — инструмент для прополки посевов, припамирские таджики. Сел. Калаи Вамар на Пяндже; *8* — копалка для прополки посевов, припамирские таджики. Сел. Калаи Вамар на Пяндже; *9* — лопата «бель», каракалпаки. Чимбайский район Кара-Калпакской АССР; *10* — борона «шахмала» из веток карагача, узбеки и таджики. Самаркандский район Узбекской ССР; *11* — дышло к бороне «малапайя», узбеки и таджики. Самаркандский район Узбекской ССР; *12* — борона «мала», «дандона» с железными зубьями, узбеки и таджики. Самаркандский район Узбекской ССР; *13* — борона «мала», таджики. Верхний Зеравшан, сел. Шурмашк; *14* — приспособление для



переноски снопов на спине — «чухт», припамирские таджики. Долина Хуф; *15* — серп «орок» для жатвы пшеницы, туркмены (гоклен). Кара-Калинский район Туркменской ССР; *16* — серп «досдля жатвы зерновых, припамирские таджики. Бартанг; *17* — серп «урак» для жатвы зерновых, узбеки и таджики. Самаркандский район Узбекской ССР; *18* — рукавица из кожи козы, надевается на левую руку при жатве серпом, припамирские таджики. Сел. Орошор на Бартанге; *19* — деревянные вилы «пайджихоха» для веяния зерна, таджики. Верхний Зеравшан, сел. Шурмашк; *20* — деревянная колотушка «чуша кубак» для обмолота зерновых, таджики. Верхний Зеравшан, Фальгар; *21* — деревянная лопата «бель» для веяния зерна, узбеки и таджики. Самаркандский район Узбекской ССР; *22* — сито «гальбири чош» с крупными ячейками из сыромятных ремешков для провеивания зерна, таджики. Верхний Зеравшан, сел. Шурмашк; *23*—сито «гальбири югра» с мелкими ячейками для просеивания зерна, таджики. Верхний Зеравшан, сел. Шурмашк; *24* — сосуд для просеивания зерна с дном из телячьей кожи, каракалпаки. Чимбайский район Кара-Калпакской АССР; *25*— веник «джоруб» из веток тала для подметания тока, таджики. Верхний Зеравшан, сел. Шурмашк

Таджикский народ является носителем древней земледельческой культуры Средней Азии. О том, что земледелие процветало на равнинах Согдианы и Бактрии уже с глубокой древности, свидетельствуют как многочисленные исторические известия, так и памятники старины, сохранившиеся в виде остатков огромных оросительных каналов. Древность земледельческой культуры у таджиков сочеталась с застойной сельскохозяйственной техникой, остававшейся неизменной в течение тысячелетий. Некоторые сдвиги в сторону интенсификации земледелия наблюдаются лишь в конце XIX — начале XX в. в северных районах под влиянием русской культуры и проникновения капиталистических отношений.

Все пахотные земли подразделялись на две категории: поливные — *обӣ* (*овӣ*) и орошаемые атмосферными осадками — *лалмӣ* или *ҳайроҳ*, или иначе богарные (от слова *баҳор* — весна); последние находились в основном в горных районах. Для искусственного орошения воду выводили из рек и речек по водоотводным каналам — *ҷӯй*, *ҷӯбор*. Иногда в этих целях использовали воды ключей, соединяя в общую систему несколько источников. Для отвода воды из реки ее перегораживали плотиной из камней, бревен, хвороста, дерна и земли; из образовавшегося водоема вода поступала в головной канал, остальная ее масса переливалась через плотину. Если нужно было прекратить подачу воды в канал, то в его головной части устраивали запруду из камней. От главных или головных каналов (*ҷӯйи калон*, *сари ҷӯбор*) воду отводили во второстепенные каналы при помощи запруд или же деревянных плах с водораспределительными прорезями. Такие плахи устраивались в северных районах и назывались *кухур*. Из второстепенных каналов воду пускали на поля, для чего сохой, лопатой или мотыгой, обычно под прямым углом к каналам, на некотором расстоянии прокладывали глубокие параллельные борозды в восьми — двенадцати шагах одну от другой. В этих бороздах устраивалось по нескольку щелей, через которые вода поступала на каждый ограниченный двумя бороздами участок, называвшийся в горных районах *тоба*. На равнине отдельные поливные пахотные участки — *марза* — обносили земляными валиками — *сари марза*.

В горных и скалистых районах подача воды на пашню требовала нередко возведения целой системы устоев и подпорок, на которые клали деревянные желоба, устройства стен из камня (*пайрам*) с искусственным ложем для канала и т. п. Сооружение оросительной сети и поддержание ее в порядке при существовавшей примитивной технике требовало большого труда и производилось обычно коллективно.

В зависимости от условий местности поля поливали различное число раз, в горах обычно до трех раз; на равнине практиковали так называемые яхобные поливы (от слов *як* — лед и *об* — вода): отдельные участки поля поздней осенью или даже зимой заливали водой и в таком положении оставляли на некоторое время. Яхобные поливы практиковались в целях борьбы с засолением почвы, для создания запасов влаги в почве, также для борьбы с некоторыми вредителями.

Там, где воды было мало, существовала определенная регламентация подачи воды на поля. Земледельцы соблюдали строгую очередность, за которой следили особые уполномоченные для этого лица; они же обычно и организовывали работы по ремонту и очистке оросительной сети.

Сельскохозяйственные орудия были примитивны. Пахали сохой своеобразной формы, носившей в южных горных районах название *сипор*, а в северных — *омоч*. На передний конец остова сохи надевали железный наконечник — *оҳан*, *нӯги сипор*, в средней части остова имелось отверстие, в котором закреплялось при помощи клина или деревянного гвоздя длинное дышло — *тири сипор*; в верхней части остова была вставлена рукоятка — *мушта*, *даста* — для направления орудия во время пахоты; в передней части дышла имелось несколько отверстий, в одно из которых

Сглаживание вспаханного поля «малой». Самаркандский район, 1931 г.

вставлялась небольшая палочка — *пешклӣ*, на нее накидывали две петли тяжа, прикреплявшего сипор к ярму. Описанное орудие было типичным для всей Средней Азии и других сопредельных стран; варианты его, еще мало изученные, отличаются формой самого остова, высотой насадки дышла и ручки для управления, большей или меньшей степенью массивности; в ряде северных районов, где в этом орудии остов иногда образует почти прямоугольный сгиб, вставляется наискось планка, соединяющая нижнюю и верхнюю части остова.

Тягловой силой при пахоте обычно служила пара волов, которых впрягали при помощи деревянного же ярма (*юг* — в южных районах и *бӯйинтуруқ* — в северных). Ярмо это употребляли также и при всех прочих сельскохозяйственных работах — заравнивании посева, молотьбе, перевозке снопов. Оно представляло собой бревно с утончением посередине, имеющее на каждом конце по два отверстия, в которые вставляли палочки — *юголчӯб*, не дававшие ярму соскальзывать с шеи волов; внизу эти палочки связывали. Ярмо с дышлом соединялось тяжем (*отанг*, *тиркиш*), свитым из ветвей или сделанным из веревки.

Для боронования и обмолачивания снопов употребляли сплетенную из прутьев волокушу — *чапар*, которую прикрепляли к ярму также с помощью дышла и тяжей. Однако волокуша для молотьбы была массивнее и основанием ей служили довольно крупные бревна. В северных районах плетень-волокушу для боронования заменяли доской, нередко с острыми железными зубьями — *вал*, этим же термином называли и волокушу, употреблявшуюся для молотьбы.

В горных долинах, особенно в местах с пологими склонами, были распространены своеобразные сани-волокуши — *чигина*, служившие для перевозки хлеба, травы, хвороста, соломы и т. п. Основой саней служили полозья — *қошқорақ*, скрепленные двумя поперечными короткими брусками — *болиштак*; крепление производили при помощи четырех жердей, вставлявшихся вертикально в отверстия болиштака и в пазы кошкорака; сверху устраивали настил из продольных жердей — *равчӯб*. В сани впрягали пару волов, для запряжки служили описанные выше оглобля

и ярмо. При перевозке сыпучих предметов на санях укрепляли плетеную корзину или ящик. В высокогорных, скалистых местах, там,где не могла пройти чигина, пользовались особыми приспособлениями для переноски снопов, хвороста и других грузов на спине. Обычно это был *сих* — палка с веревкой, между которыми закреплялась неподвижно ноша.

Для веяния зерна и разгребания снега употребляли деревянную лопату — *кирчак*, составную или же вырезанную из одного куска дерева, для работ по прокладыванию оросительной сети — железную лопату — *бел*; жали железным изогнутым серпом — *дос*, насаженным на деревянную рукоятку. Для веяния измельченных на гумне пшеницы и ячменя, а также для подачи снопов и для других работ пользовались различными деревянными вилами — обычно двузубыми — *душох*, трехзубыми — *сешоха* и пятизубыми — *панҷшох*, при этом двузубые и трехзубые вилы изготовляли из дерева с естественной развилкой, а пятизубые делали составными. В качестве ручного копательного орудия в горах широко применяли мотыгу — *каланд*, насаженную на деревянную ручку под прямым углом, а на равнинах *кетман* (узб.), разновидность мотыги, но более широкую, лопатообразной формы; орудие это было, буквально, универсальным. Им вскапывали землю, рыли каналы, его употребляли при постройке домов и т. п. Применялись и некоторые другие орудия, такие как кирка — *зогнӯл*, тесло — *теша*, топор — *табар*, бревно-рычаг — *орам*, при помощи которого поднимали и удаляли камни с полей и из каналов.

Удобряли поля навозом, золой, а на равнине также опавшим листом, илом из арыков. В некоторых местах на равнинах использовали в качестве удобрения землю от глинобитных старых стен и со старых городищ, богатую селитрой. Унаваживали в первую очередь поливные земли, на богарные удобрения большей частью не вывозились. Следует отметить, что удобрение полей в старое время находилось в прямой зависимости от зажиточности хозяйства, так как только в хозяйствах, имевших много скота, могло накопиться необходимое количество навоза; кроме того, самый вывоз удобрений на поля требовал затраты значительного труда и средств на транспорт.

Наличие севооборота и оставление земли под паром зависело от множества местных причин — размеров земельных участков, климатических условий, практики посева тех или других культур и т. п. Так, в высокогорных областях поля на северных склонах гор вследствие малого количества получаемого тепла можно было использовать только под посевы ячменя, так как никакие другие культуры здесь не вызревали. В некоторых местах на равнине посевы хлопчатника чередовали с зерновыми и бобовыми культурами, а также с люцерной, иногда люцерну высевали в смеси с зерновыми. Оставление земли под паром также обычно ограничивалось малоземельем. В горных районах для ускорения сроков пахоты и посева находившиеся под снегом поля посыпали землей, для чего на полях копали ямы, а землю из них разбрасывали. Посыпанный землей снег скорее стаивал.

В большинстве таджикских районов преобладали яровые посевы, озимых было гораздо меньше. Основными культурами в горных районах были пшеница — *гандум* и ячмень — *ҷав*; кроме них, культивировали еще просо — *арзан*, итальянское просо — *қуноҳ*, сорго — *ҷуворӣ*; бобовые: бобы — *бокле*, чина — *мулкак*, горох — *нахӯд*, чечевицу — *наск*, фасоль— *лӯбиё*, *мош*; сеяли также лен — *загир*, люцерну — *ришқа*, кунжут — *кинҷит*; из огородных и бахчевых культур сажали свеклу— *лаблабу*, лук — *пиёз*, морковь — *зардак*, *сабзӣ*, перец — *қаламфур*, тыкву — *каду*, дыни — *харбуза*, арбузы — *тарбуз* и некоторые другие. Помидоры, капуста, картофель появились в горах позднее, уже в первые годы Советской

власти. Существовало две разновидности пшеницы — *сурхак* (красная) и *сафедак* (белая) и две разновидности ячменя — *кишнак* (с пленчатыми зернами) и *луччак* (с голыми зернами). Помимо перечисленных культур, на равнинах, в предгорьях и в более низко расположенных горных долинах выращивали рис — *шолӣ*, хлопок — *ғӯза*, мак — *кӯкнор* и др. Естественно, чем выше в горы, тем суровее становились природные условия и тем беднее был ассортимент земледельческих культур. Помимо полевых и огородных культур на равнинах, в предгорьях и горных долинах разводили садовые культуры и виноград.

Цикл земледельческих работ начинался ранней весной и кончался поздней осенью; лишь зимние месяцы были более или менее свободны от них. Зимой старались получше откормить рабочий скот, вывозили навоз на поля, ремонтировали орудия. Время пахоты и посева зависело от природных условий данной местности. Сеяли различными способами, иногда сначала разбрасывали семена, а затем их запахивали; в других местах сначала пахали, потом разбрасывали зерно и бороновали; бывало и так, что пахали два раза — раз до высева и раз после него. По мере произрастания злаков производили полив (если посевы были поливные), наиболее интенсивный в период восковой спелости, прополку — *хишова*, принимали меры к охране урожая от птиц и потравы скотом.

Жали описанным выше серпом, сжатые колосья связывали в снопы завязкой из тех же колосьев; снопы — *дарза*, *банд* — затем сносили или свозили на гумно — *хирман*. В горных районах их перевозили на упомянутой чигине или переносили на спине, на равнине урожай обычно свозили на гумно на ослах, прикрепляя веревкой по нескольку снопов по бокам животного, а в некоторых местах — на арбе. Так же примерно жали и доставляли в кишлак дикорастущие травы. Способы хранения сена были различны: его складывали в стога во дворе усадьбы или же где-либо за селением, огораживая каменной стенкой, складывали в развилки больших деревьев или на крыши хозяйственных построек.

Злаки и бобовые складывали у гумна, а затем разбрасывали на нем для обмолота. Гумно обычно представляло собой круглую, хорошо утрамбованную площадку, которую нередко покрывали слоем глины с мелко изрубленной соломой. Таджикам были известны два способа молотьбы. Один из них заключался в том, что по развязанным и разбросанным на гумне снопам пара волов (реже лошадей или ослов) таскала по кругу чапар: этот способ назывался в горах *чапар*, на равнине — *вал*. Другой способ состоял в том, что по снопам, также вкруговую, гоняли несколько связанных друг с другом за шеи волов, которые вымолачивали зерно своими копытами; этот способ в горах назывался *галагов*, а на равнине — *хӯп*. Иногда применяли оба эти способа последовательно или даже одновременно — впереди двигалась группа волов, а за ней — упряжка с чапаром.

Для веяния обмолоченное зерно складывали в продолговатую кучу — *харра*, внизу кучи с подветренной стороны втыкали в землю ряд прутиков или колышков, которые в процессе веяния отграничивали солому от зерна. Веяние производили сначала вилами с пятью зубьями, а затем лопатой. По окончании веяния зерно очищали и просеивали при помощи решета.

Будучи исконными земледельцами, таджики в течение многих столетий накопили значительный запас эмпирических знаний и навыков, помогающих им в земледельческих работах, в выращивании урожая и обеспечении своего хозяйства необходимыми продуктами. Создававшийся веками земледельческий календарь, которым пользовались крестьяне, учитывал местные фенологические особенности и изобиловал большим числом различных примет, по которым судили о предстоящей погоде, перспективах урожая и т. п. В отличие от принятого на Востоке мусульманского

лунного календаря, сельскохозяйственный календарь, которым пользовались таджики, имеет солнечное исчисление. Этот календарь содержит 12 месяцев, носящих арабские названия знаков зодиака. Таджики-земледельцы в исчислении годового цикла выделяли такие переломные моменты, как весеннее и осеннее равноденствие — *офтоб дар Тарозу*, летнее и зимнее солнцестояние — *хонаи тобистон* и *хонаи зимистон*; в горных районах годовое движение солнца отмечали специальными знаками внутри дома по движению солнечного луча. Два первых зимних месяца обычно назывались большая и малая *чилла* (большая — 40 дней, а малая — 20 дней). Кое-где в глухих горных углах, особенно в припамирских районах, сохранился до недавнего времени своеобразный счет времени по частям человеческого тела (см. стр. 666). Местами также сохранились архаические названия месяцев, характеризовавшие состояние природы, растительности, например *сабзмоҳ* — зеленый месяц, *бурмоҳ* — бурый месяц и т. п. Знатоками и хранителями земледельческого календаря, а также различных эмпирических навыков и наблюдений были наиболее опытные крестьяне, обычно уже пожилые, так называемые *ҳисобгар* (знающие счет). Патроном и покровителем земледелия и земледельцев считался мифический *Бобс-деҳқон* (дед-земледелец). Бобо-дехкон по представлению населения как бы воплощался в одном из наиболее опытных и знающих крестьян селения, который по установившейся традиции первым в селении начинал сельскохозяйственные работы — посыпание полей землей, пахоту, молотьбу и т. п. Начало, а часто и окончание всех работ обставлялось различными обрядами. Для начала работы старики селения определяли «счастливый» день, к которому готовились: пекли лепешки, имевшие ритуальное значение, которые приносили в мечеть и там съедали. При начале пахоты волам смазывали рога коровьим маслом и давали съесть испеченные маленькие хлебцы. В первый день на поле обычно выходил только крестьянин, олицетворявший Бобо-дехкона. При посыпке снега землей он выкапывал две-три ямы и посыпал снег вокруг них, при начале пахоты проводил две-три борозды, при начале жатвы — сжинал несколько снопов, а затем возвращался домой.

С жатвой у таджиков, как равнинных, так и горных, было связано любопытное представление о душе поля, умирающей с окончанием жатвы. Когда жатва подходила к концу, жнецы начинали быстро и беспорядочно жать, чтобы не затягивать агонии души поля, при этом произносили молитвенную формулу, употребляющуюся обычно при приближении смерти человека. При коллективной жатве жнецы пели особые ритуальные песни. Много запретов и обрядов было связано также с молотьбой и уборкой зерна. Гумно считалось ритуально чистым местом. На него не допускали женщин, особенно молодых, так как они могли прийти в период ежемесячного нездоровья, когда женщина считалась «нечистой»; не допускали на ток и «нечистых» животных, например собак; на ток не рекомендовалось приносить воду, чтобы магически не вызвать дождя в период молотьбы; не разрешалось перешагивать через кучу обмолоченного зерна, что рассматривалось как неуважение к деду-земледельцу. Существовал обычай «опоясывания» кучи отвеянного зерна — *чош*: кто-либо из почтенных людей после предварительного омовения и чтения молитвы брал деревянное блюдо, наполнял его зерном и обсыпал им кругом кучу, а остатки высыпал на верх чоша. Из готовой кучи зерна выделяли так называемую «божью долю», отдаваемую духовному лицу или страннику. В районах распространения богарного земледелия широко практиковали обряды для вызывания дождя: устраивали ритуальное угощение, обливали друг друга водой или старались окунуть в реку или ручей; сооружали чучело старухи, носили его по домам с песнями, обливали водой; крестьяне давали участникам процессии продукты для устройства ритуального угощения. Особые обряды выполняли для прекращения дождя:

Молотьба способом «галягоу»

повязывали на ручку веника синюю тряпку, которую поджигали, и ею «обжигали» место в доме, на которое обычно падают лучи солнца; собирали в сосуд дождевую воду и брызгали ею на раскаленные стенки очага и др. Все указанные обряды и поверья были направлены на то, чтобы вырастить и собрать хороший урожай, от которого зависело благосостояние и самое существование таджика-земледельца.

На равнинах скотоводство вследствие недостатка пастбищ было мало развито. Первое место здесь занимал крупный рогатый скот — рабочие быки, а также коровы. Земледельцы нередко осенью продавали рабочий скот из-за трудностей зимнего содержания, а весной вновь его покупали. Коров выпасали на скудных выгонах, пустошах и незасеянных полях. Овец держали лишь зажиточные хозяйства, поручая их пастухам, угонявшим скот на горные пастбища.

Горные таджики наряду с земледелием занимались и скотоводством. При господствовавшем до Октябрьской революции в горных районах натуральном хозяйстве скот давал таджику-горцу значительную часть продуктов питания (молоко, мясо), а также материал для одежды (шерсть, кожа). В крестьянском хозяйстве имелись коровы, овцы и козы, реже лошади и ослы. Скот не отличался хорошим качеством, был маловынослив, низкорослый. Коровы давали мало молока, доились с подпуском теленка. Зимой скот держали в хлевах, весной и осенью выпасали вблизи селения на сжатых полях и горных склонах. Обычно собирали два стада — отдельно крупный и отдельно мелкий скот всего селения, для присмотра за которым выделяли пастухов по очереди из числа жителей селения. Лошадей выпускали пастись без присмотра. Быки и ослы на пастьбу весной не выгонялись, так как они были нужны в кишлаке для земледельческих работ.

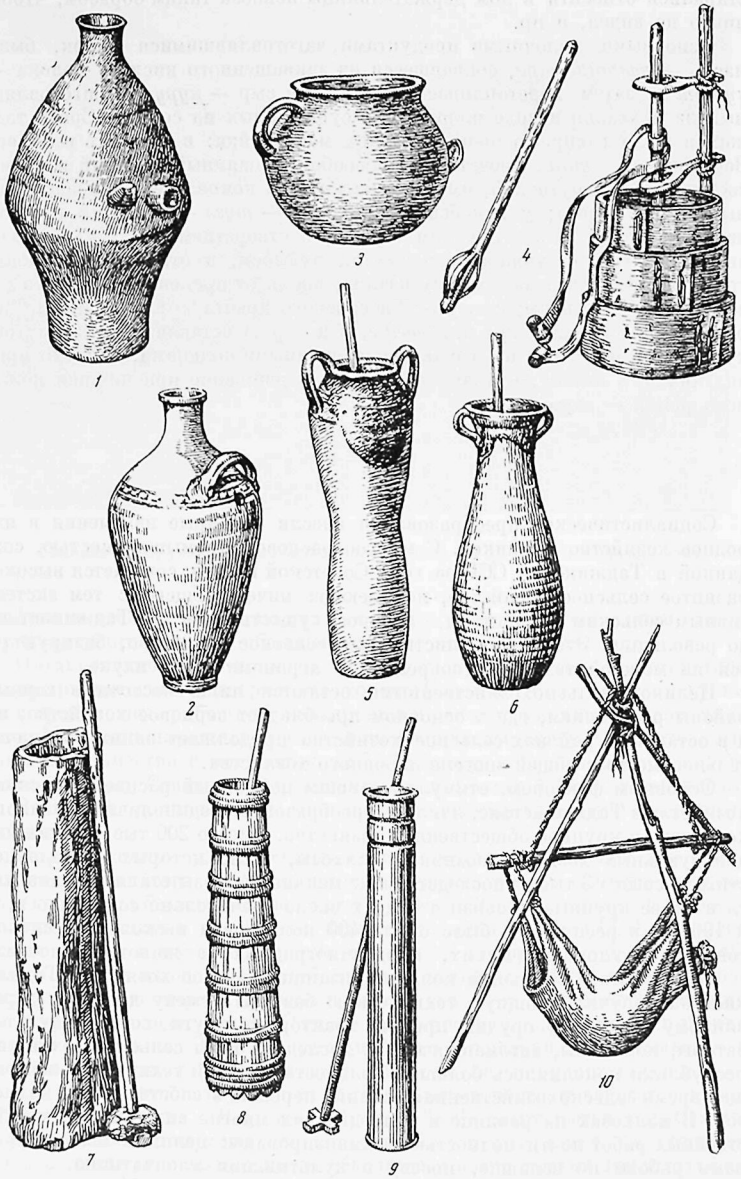
Когда на полях появлялись первые зеленые побеги, крестьяне начинали готовиться к перегону скота на летние пастбища. В горах почти каждое селение имело летние пастбища, которые иногда подразделялись на несколько участков в соответствии с числом кварталов или частей селения. Жилища на летовках были разнообразны и варьировали в разных

Летовка сел. Урмитан в горном Таджикистане

местностях, чаще всего складывали небольшие хижины из неотесанного камня, с крышей из древесных ветвей; иногда устраивали из прутьев нечто вроде шатра, покрывавшегося кошмами. Для скота делали загоны, обносившиеся колючим кустарником.

На летовки обычно выходили всем селением или кварталом. Выход на летовки — *девлох*, *айлоқ* — сопровождался различными церемониями и обрядами. К этому дню готовились заранее — приготовляли различные лакомые блюда, шили новую одежду, стирали, совершали омовение; скот, который перегоняли на летовку, окуривали дымом пахучих горных трав. Если по дороге встречались мазары, почитаемые населением камни или деревья, то там совершалось обычное жертвоприношение: подвязывали к ветвям дерева пестрые лоскутки ткани или выливали на камни немного масла. По приходе на летовку скот снова окуривали, затем устраивали коллективное угощение. Существовал обычай, согласно которому мужчины, пришедшие с женщинами на летовку, затем должны были покинуть их и не появляться здесь в течение семи дней; этот запрет соблюдался и в соседних горных странах — в Припамирье и Гиндукуше. Обычай этот, по-видимому, стоял в связи с приоритетом женщины в молочном хозяйстве, существовавшем в этих горных районах.

На летовках заготовляли молочные продукты. Сравнительно малое количество скота в каждом индивидуальном хозяйстве и малое количество молока, получаемого зараз, являлись причиной организации своеобразных женских товариществ по сливу молока — *пейвоз* или *навбати шир*. Каждая из женщин, входившая в такую артель, получала несколько дней (пропорционально количеству молока, даваемого ее собственным скотом) удой от всех коров, принадлежавших членам артели. Это давало возможность сразу заквасить большое количество молока и приготовить из него масло. Организация пейвоза была связана с многочисленными поверьями и обрядами; при начале пейвоза женщины устраивали в своем интимном кругу угощение, произнося при этом специальные ритуальные молитвы, украшали кувшины с молоком цветами, рассаживались около проточной воды, чтобы «молоко текло так же обильно», молоко



Типы маслобоек

1 — у ягнобцев. Верховье р. Ягноб; *2* — у узбеков. Каракуль; *3* —у горных таджиков. Каратегин; *4* — у таджиков. Долина р. Ванч (сбоку мутовка); *5* — у таджиков и узбеков. Бухарская область; *6* — у южнохорезмских узбеков; *7* — у горных таджиков (сбоку мутовка); *8* — у казахов, Южно-Казахстанская область; *9* — у таджиков и киргизов. Район Исфары Таджикской ССР: *10* —у узбеков (каттаганов, мугулов). Район Пархара Таджикской ССР

старались относить в дом держательницы пейвоза таким образом, чтобы никто не видел, и пр.

Основными молочными продуктами, заготовлявшимися впрок, было масло — *равғани зард*, сбивавшееся из заквашенного кислого молока — *чурғот* и затем перетапливаемое, а также сыр — *қурут*, приготовляемый из пахтанья в виде шариков, высушиваемых на солнце. Среди таджиков было распространено три типа маслобойки: в районах верхнего Зеравшана — *гуппӣ*, представлявшая собой деревянный высокий и узкий сосуд с палкой-мутовкой, имевшей на нижнем конце крест или насаженный кусок дерева; у ягнобских таджиков — *тугл* — высокий кувшин из обожженной глины с узким горлом, с отверстием сбоку и боковым выступом; горло кувшина завязывали пузырем, а отверстие затыкали тряпкой, после чего маслобойку катали, время от времени подливая в отверстие немного воды; к югу от Гиссарского хребта — глиняная или деревянная маслобойка *кул* или *чағдег*, в которую вставляли палку-мутовку *чағчӯб* с надетыми на нее двумя деревянными кольцами, наглухо привязанными к столбу; мутовку приводили в движение при помощи кожаного ремня — *тасма*.

* * *

Социалистические преобразования внесли огромные изменения в народное хозяйство таджиков. С многоотраслевой промышленностью, созданной в Таджикской ССР за годы Советской власти, сочетается высокоразвитое сельское хозяйство, не имеющее ничего общего с тем экстенсивным сельским хозяйством, которое существовало в Таджикистане до революции. Это — социалистическое сельское хозяйство, базирующееся на мощной технике и современной агрономической науке.

Целиком сельскохозяйственными остаются лишь восточные горные районы республики, где в основном преобладает зерновое хозяйство; но и в остальных районах сельское хозяйство продолжает занимать значительное место в общей системе народного хозяйства.

Основным фактором, стимулировавшим небывалый расцвет сельского хозяйства в Таджикистане, явилось преобразование единоличного мелкого хозяйства в крупное общественное хозяйство. Вместо 200 тыс. мелких индивидуальных хозяйств возникли колхозы, число которых сначала достигало свыше 3 тыс.; впоследствии же мелкие колхозы стали объединяться в более крупные, в связи с чем их число значительно сократилось, и к 1960 г. в республике было около 400 колхозов и несколько десятков совхозов — хлопководческих, плодовиноградных и животноводческих.

В результате сплошной коллективизации сельское хозяйство Таджикистана получило мощную техническую базу. На смену древнему деревянному пахотному орудию пришли тракторные плуги, сеялки, культиваторы, комбайны, автомашины. За последние годы сельское хозяйство республики пополнилось большим количеством новой техники. В настоящее время сельскохозяйственная техника перешла в собственность колхозов. В колхозах на равнине и в предгорьях многие виды сельскохозяйственных работ почти полностью механизированы; целиком механизированы работы по вспашке, посеву и культивации хлопчатника.

Хлеб и лен теперь обычно убираются комбайнами. На колхозных фермах крупного рогатого скота внедряется комплексная механизация всех работ, включая и заготовку корма для скота. Колхозы располагают большим числом тракторных и конных сенокосилок, тракторных волокуш, грабель, стогометателей, силосорезок.

Механизация сельского хозяйства растет из года в год. Наибольшие трудности представляет механизация таких работ, как сбор хлопка, где

Головное сооружение магистрального канала на р. Вахш. Курган-Тюбе

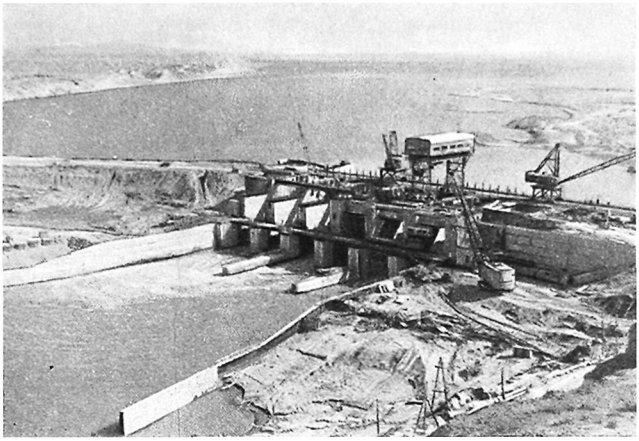
требуются особо сложные машины, а также работ в горной, сильно пересеченной местности, где обычные машины почти неприменимы.

Организованному в колхозы трудовому крестьянству Таджикистана стали при помощи и поддержке со стороны Советского государства посильны и грандиозные работы по расширению и реконструкции ирригационной сети. Методами народных строек были сооружены мощные оросительные каналы. Совместно с колхозниками Узбекистана построен Большой Ферганский канал, Северный Ферганский канал, Большой Гиссарский канал. В Вахшской долине были произведены грандиозные ирригационные работы.

Ирригационные работы имели своим следствием освоение для нужд сельского хозяйства огромных площадей новых земель, раньше представлявших собой безжизненную голую пустыню. Так, например, Вахшская долина превращена в одну из важных хлопковых баз СССР. Освоение новых земель в настоящее время позволило значительно увеличить обрабатываемую площадь в республике по сравнению с 1913 г. Это обстоятельство в свою очередь привело к значительному перемещению населения на территории республики. Однако возможности орошения в республике еще не исчерпаны. Земель, пригодных для орошения, насчитывается в ней более 600 тыс. га, т. е. в полтора раза больше, чем орошено сейчас.

На Вахше реконструируется магистральный канал и создается новая ирригационная сеть. В 15 км от Курган-Тюбе сооружается гидроэлектростанция большой мощности «Головная», которая вместе со станцией «Перепадная» даст возможность обводнить многие тысячи гектаров плодородных земель.

В 1961 г. началась постройка крупнейшей Нурекской гидроэлектростанции, которая сооружается в теснине р. Вахш. Здесь будет воздвигнута гигантская трехсотметровая плотина, самая высокая насыпная плотина в мире, воду будут забирать два туннеля. Мощность Нурекской ГЭС будет выше мощности Волжской и Волгоградской гидростанций. Образование Нурекского водохранилища окажет благоприятное вли-



Строительство Кайраккумской ГЭС

яние на режим Аму-Дарьи, расходы воды которой станут более равномерными, снизятся паводковые горизонты в низовьях и уменьшится опасность затопления культурных земель. От Нурека на Ташкент и в Ферганскую долину пойдут две линии электропередачи напряжением 500 киловольт. Строительство Нурекской ГЭС создает благоприятные условия для организации в Таджикистане и других республиках Средней Азии многих промышленных предприятий. С окончанием строительства Нурекской ГЭС представляется возможность освоить в Таджикистане и Узбекистане 1,2 млн. га орошаемых земель под наиболее ценные длинноволокнистые сорта хлопка, рис и другие культуры[1].

Много тысяч гектаров целины в ближайшие годы будет освоено в Пархарском районе, где проложен Чубекский канал и значительная территория, ранее поросшая камышом, очищена и перепахана. Будет орошена водами Кафирнигана также Бишкентская долина. Орошается и Маргузарская степь восточнее Пенджикента. Наиболее грандиозные работы развернулись на берегах Сыр-Дарьи. Построена и вошла в строй Кайраккумская ГЭС «Дружба народов»; здесь находится самое крупное в Средней Азии водохранилище, названное Таджикским морем, по которому ходят пароходы. Оно снабжает водой хлопковые и рисовые поля ряда районов Таджикистана, Узбекистана и Казахстана.

Проводится и орошение огромных Голодной и Дальверзинской степей, для этого воды Сыр-Дарьи поднимают на высоту в 50—70 м с помощью насосных станций.

С 1950 г. колхозы республики стали переходить на новую систему орошения, начались работы по объединению сравнительно мелких участков в крупные земельные массивы. В связи с этим производятся большие работы по выравниванию мелкой оросительной сети, пересадке древесных насаждений, усовершенствованию каналов. Для механизации планировочных и оросительных работ колхозы снабжены бульдозерами, скреперами, канавокопателями.

---

[1] См. Н. С. Хрущев. О Программе Коммунистической партии Советского Союза. Материалы XXII съезда КПСС. Госполитиздат, 1961, стр. 164.

В Таджикистане электрифицировано большое число колхозов, строятся мощные межколхозные станции.

Внедрение в сельское хозяйство Таджикистана передовых методов агротехники и рациональная организация колхозного труда привели к огромному росту урожайности сельскохозяйственных культур и количественному увеличению продукции сельского хозяйства в целом.

Еще одной отличительной чертой социалистического сельского хозяйства Таджикистана по сравнению с дореволюционным является иная его направленность. Если в прошлом основное место в сельском хозяйстве занимали зерновые культуры, то теперь ведущая роль принадлежит высокодоходным техническим культурам, в первую очередь культуре хлопка. Площадь, занятая под хлопчатником, по сравнению с 1913 г. возросла в 6 раз.

Изыскательские работы на месте строительства Нурекской ГЭС

Раньше в Таджикистане возделывались местные низкоурожайные сорта хлопчатника — *гўза* с нераскрывающейся, а лишь трескающейся при созревании коробочкой и с грубым, коротким и трудно отделяющимся волокном. С 90-х годов XIX в. стали сеять американские сорта, дававшие несколько больший урожай. Несмотря на заинтересованность в хлопковом сырье русских промышленников и царского правительства, усиленно внедрявших эту культуру в Средней Азии вообще, а в северных таджикских районах в частности, хлопководство в условиях существования мелких раздробленных хозяйств и при наличии примитивной техники не могло в то время получить значительного развития.

В настоящее время Таджикистан превратился в передовую хлопковую республику, хлопок составляет основу богатства его населения, национальное достояние и национальную гордость таджиков. Таджикистан является пионером в области внедрения наиболее прогрессивных методов выращивания хлопка и в течение ряда лет занимает в Советском Союзе первое место по урожайности хлопчатника.

За годы социалистического строительства советские селекционеры вывели новые высокоурожайные коротковолокнистые, средневолокнистые и длинноволокнистые (тонковолокнистые) сорта хлопка. Эти урожайные сорта обладают волокном высокого качества, они более устойчивы в отношении различных заболеваний.

Чтобы получить высокий урожай хлопка, колхозы и совхозы проводят на своих полях сложную работу, которой руководит Республиканский научно-исследовательский институт земледелия. Работа по выращиванию

хлопка начинается осенью освобождением полей от старых хлопковых кустов, подъемом зяби и внесением в почву органических и минеральных удобрений; признано, что преобладание фосфорных удобрений в подкормках способствует получению лучшего урожая. Весной производится вторичная вспашка, затем боронование и сев, при этом семена предварительно отбирают и протравливают. В дальнейшем в течение всего лета проводят многократные работы по культивации, подкормке всходов удобрением, поливам. За последние годы сроки внесения удобрений и поливов подвергались тщательному изучению, и в них произведены некоторые изменения, способствующие лучшему созреванию хлопка; стали применять повторную культивацию до начала массового сбора. Широко применяется так называемая чеканка хлопка, заключающаяся в удалении верхушки растения и выламывании ростовых побегов и ростовых почек, что усиливает мощность плодовых веток и способствует образованию на них большого числа бутонов. Таджикистан является инициатором сева хлопчатника квадратно-гнездовым способом по суженным междурядьям при оставлении между рядами и между растениями в ряду примерно по 45 см. Это увеличивает густоту стояния хлопчатника до 120 тыс. кустов на гектар и значительно увеличивает урожай. Такой способ дает возможность полностью механизировать возделывание хлопчатника. Схема посевов зависит от местных условий. Опыт показал, что основной шириной междурядий должна быть 60-сантиметровая, с размещением растений по схемам 60 × 45, в отдельных случаях 60 × 50 и как исключение на бедных галечных почвах 45 × 45[1].

Механизируется и одна из самых трудоемких работ хлопководства — сбор хлопка.

Проведение всех указанных мероприятий, основанных на механизации, а также самоотверженный труд колхозников позволяют получать высокие урожаи, достигающие в ряде колхозов 40—50 ц хлопка-сырца с гектара, а на отдельных участках 70 и более центнеров.

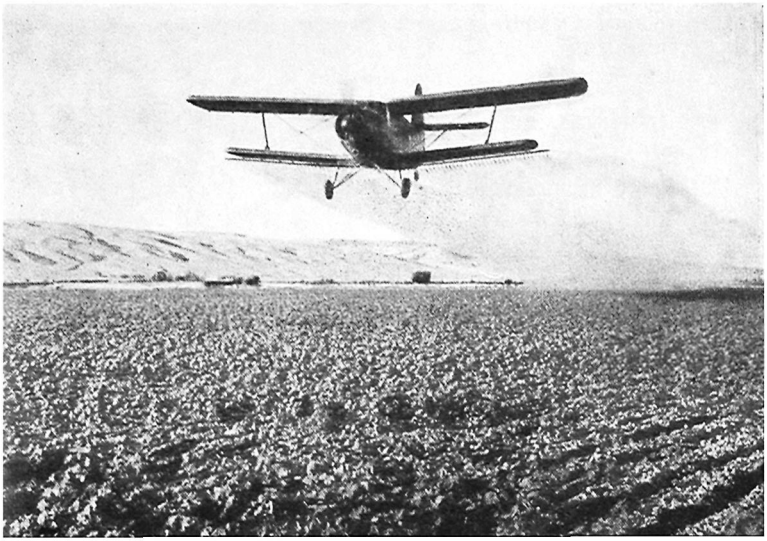
Сдавая хлопок государству по установленным ценам, колхозы получают огромные доходы. Крупные хлопководческие колхозы сдают ежегодно хлопка на сотни тысяч рублей. Высокая доходность хлопкового хозяйства привлекает в долины Таджикистана, на вновь орошенные и отвоеванные у пустыни земли, огромное количество переселенцев. Наиболее характерной в этом отношении является Вахшская долина, в которой на месте выжженной солнцем бесплодной степи выросли цветущие колхозы. Из северных районов Таджикистана — Ленинабада, Канибадама, а также из высокогорных восточных районов движется в Вахшскую долину поток переселенцев. Переселение на Вахш носит организованный и массовый характер; ежегодно переселяется несколько тысяч хозяйств, которые покидают малоплодородные, суровые горные долины и ущелья, где человеческий труд очень скупо вознаграждается природой. В результате оседания новых переселенцев в Вахшской долине возникло несколько новых районов, в частности, Пянджский. Выросли новые красивые и благоустроенные колхозные поселки. Государство оказывает переселенцам большую помощь.

Из года в год повышается урожайность хлопчатника и растет валовой сбор хлопка. В 1960 г. республика сдала государству около полумиллиона тонн хлопка-сырца. Среднегодовое производство хлопка за 1956 — 1960 гг. в сравнении с пятилетием 1949—1953 гг. возросло в Таджикистане на 33%[2].

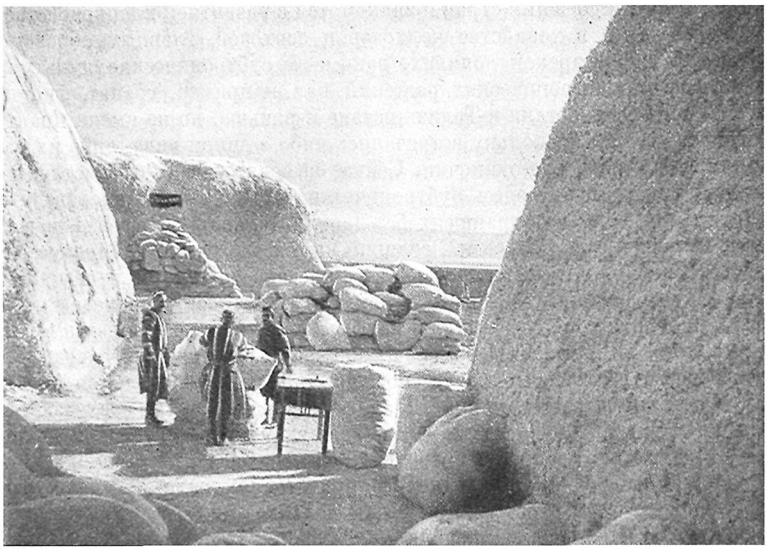
---

[1] См. Отчетный доклад ЦК КП Таджикистана на XIV съезде КП Таджикистана 22 сентября 1961 г. «Коммунист Таджикистана», 23 сентября 1961 г.

[2] См. речь Н. С. Хрущева на совещании работников сельского хозяйства Узбекистана, южных областей Казахстана, Таджикистана, Туркменистана, Киргизии и Азербайджана в городе Ташкенте 16 ноября 1961 г. Н. С. Хрущев. Современный этап коммунистического строительства и задачи партии по улучшению руководства сельским хозяйством. М., 1962, стр. 52.



Обработка химикатами посевов хлопчатника с самолета. Северный Таджикистан



Сдача хлопка на заготовительном пункте. Северный Таджикистан

Производственное совещание тракторной бригады. Северный Таджикистан

Успехи Таджикистана в области хлопководства и передовые методы, применяемые таджиками-колхозниками, широко известны не только в других республиках Советского Союза, но и за рубежом. Таджикистан посещают многочисленные делегации хлопкоробов других советских республик, а также зарубежных стран и знакомятся с развитием хлопководства.

Особое место в хозяйстве колхозов и совхозов, главным образом в Вахшской и Гиссарской долинах, занимают субтропические культуры. Некоторые из субтропических растений, как, например, гранат, фисташка, инжир, произрастали в Таджикистане и раньше, но не имели практического значения, поскольку встречались либо в диком виде, либо их разводили лишь любители-одиночки. Сейчас выводятся в Таджикистане новые ранее неизвестные здесь субтропические культуры. К ним относятся цитрусы, разводимые в траншеях без дополнительного обогрева, гваюла, джут, китайский орех (арахис), сладкий картофель (батат). Широкое распространение в южных районах Таджикистана получили ценные эфиромасличные растения — герань и казанлыкская роза. Гераневое масло является ценнейшим сырьем для парфюмерной промышленности СССР. В Регарском и Пянджском районах сооружены специальные заводы для производства гераниевого масла; посадки герани увеличиваются с каждым годом, для выращивания черенков герани в колхозах и совхозах устраиваются теплицы и парники. Осваивается культура китайской крапивы — многолетнего теплолюбивого растения, дающего необычайно крепкое и длинное волокно, из которого приготовляются высококачественные ткани. Ведутся работы по освоению чая, кофейного дерева, маслины и эвкалипта. Постепенно внедряемые в хозяйство передовых колхозов субтропические культуры значительно повышают доходы колхозников.

Несмотря на ведущую роль хлопка, зерновое хозяйство продолжает играть в Таджикистане значительную роль. В то время как хлопок распространен в теплых орошаемых долинах — Ферганской, Гиссарской и Вахшской, зерновые культуры распространены по всему Таджикистану, а в восточной его части составляют основу сельского хозяйства. Зерновыми культурами занято более половины всей посевной площади колхозов ре-

спублики, в том числе и богарной. Из зерновых культур в Таджикистане первое место занимает пшеница, затем следуют ячмень, кукуруза, рис.

В настоящее время особое внимание уделено посевам кукурузы, как на зерно, так и на силос и на зеленый корм. Опыт показал, что в Таджикистане кукурузу можно возделывать повсеместно, и в жарких низинных районах, и в холодных высокогорных, в частности на Памире; в долинах на поливных землях можно получать по два урожая кукурузы в год.

Зерновое хозяйство за годы существования Советской власти сделало огромные успехи. Различные агротехнические мероприятия, проводимые в зерновых колхозах, увеличили урожай, что, вместе с увеличением посевных площадей под зерновыми, способствовало превращению Таджикистана из страны, потребляющей хлеб, в страну, производящую его. В Таджикистане выведены новые сорта зерновых, зимостойкие и засухоустойчивые, дающие большой урожай, а главное — гарантирующие его от всевозможных случайностей. Так, наряду с разновидностями местного сорта озимой и яровой пшеницы сурхак, имеющего хорошие качества, внедрен новый высокоурожайный сорт пшеницы «таджикская 16». Из года в год увеличивается количество озимых посевов, дающих в условиях Таджикистана лучшие урожаи. Зерновое хозяйство в долинах в значительной степени механизировано; в горных же районах восточной части республики, где вследствие крайне пересеченного рельефа местности использование тракторов и сельскохозяйственных машин существующих конструкций затруднено, еще применяется старый сельскохозяйственный инвентарь и тягловая сила животных, в основном волов. Конструкторы и научно-исследовательские организации работают над созданием обрабатывающих и уборочных машин, приспособленных для горной местности. Для борьбы с сорняками применяется вспашка под пар, более широко применяются удобрения. В ряде колхозов производятся опыты по получению двух урожаев риса в год без повторной вспашки путем отращивания новых побегов от оставшейся после уборки первого урожая стерни.

Помимо зерновых культур, расширяются также посевы бобовых (маш, горох) и масличных (лен-кудряш, кунжут, сафлор). По валовому сбору семян льна республика занимает в СССР одно из первых мест. Это наиболее доходная культура для многих колхозов горных районов.

Развивается также возделывание овощно-бахчевых культур. До революции такие культуры, как картофель, капуста, помидоры, местным населением почти не выращивались, а в горных районах Восточной Бухары местами и вовсе были неизвестны. В настоящее время культуры эти получили всеобщее распространение и признание; за последние годы обращено особое внимание на внедрение овощно-бахчевых культур в пригородных зонах, а также в таких районах, где природные условия особенно благоприятны для их произрастания; так, например, картофель особенно привился в Каратегине, откуда он вывозится в Душанбе и другие районы. В республике организована сеть семенных рассадников по картофелю и овощным культурам.

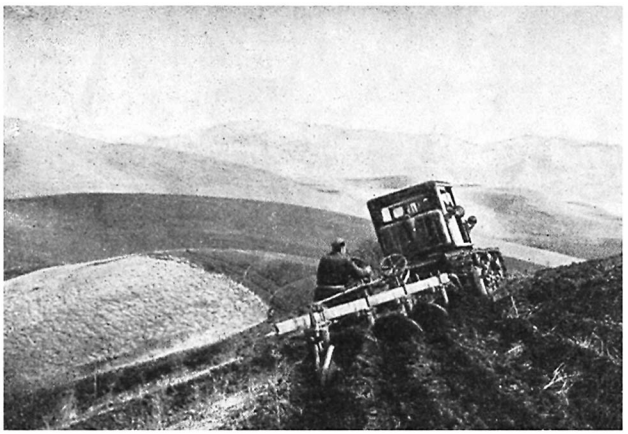
Природные условия Таджикистана чрезвычайно благоприятны для садовых и виноградной культур. В Таджикистане выращиваются абрикос — *зардолу*, персик — *шафтолу*, слива — *олу*, вишня — *олуболу*, алыча — *олуча*, черешня — *гелос*, яблоки — *себ*, груша — *нок*, грецкий орех — *чормагз*, миндаль — *бодом*, гранат — *анор*, инжир — *анчир*, виноград — *ангур*. Основной базой садоводства и виноградарства являются северные районы, а именно Ленинабадский, Уратюбинский, Исфаринский, Канибадамский районы, а также районы Зеравшанской долины. На долю этих районов приходится около двух третей площади всех насаждений плодовых культур республики. Виноград культивируется главным образом в предгорных районах, половина всех виноградников республики сосредоточена в Уратюбинском районе.

До революции фрукты частично шли на продажу как в сыром, так и в сушеном виде, а в горах их главным образом заготовляли для собственных потребностей на зиму впрок в сушеном виде или обменивали на хлеб. В настоящее время садоводство и виноградарство все в большей степени приобретают промышленное значение, фрукты и виноград в значительной своей массе служат сырьем для консервных и винных заводов Таджикистана; фруктовые консервы республики обладают высокими качествами и весьма ценятся не только в Советском Союзе, но и на мировом рынке; таджикские вина в настоящее время успешно соревнуются с винами других советских республик, в частности с кавказскими. Садоводство и виноградарство широко развиваются сейчас также в Гиссарской и Вахшской долинах и районах бывшей Кулябской области. Помимо плодовых колхозов, в республике имеется семь плодовиноградных совхозов. Большой известностью пользуется совхоз «Шахринау», самое высокоурожайное виноградарское хозяйство Таджикистана, где имеется 200 га виноградников и 200 га плодовых садов.

Разведение садов и виноградников и уход за ними было и остается излюбленным занятием населения. И в прежнее время даже горожане при малейшей возможности обзаводились в пригороде клочком земли, разводили на нем плодовый сад и переезжали туда с семьей на лето. Сейчас сады и виноградники имеют не только колхозы и совхозы, но и колхозники, рабочие и служащие. Устройство садов до сих пор сохраняет традиционный характер. По краям сада рядами сажается пирамидальный тополь; в середине сада устраивается пруд, который обсаживают дающими хорошую тень ивами и карагачами; в одном или нескольких местах устраивают виноградники, а на свободной площади размещают деревья, главным образом абрикос, персик и черешню, другие деревья в садах встречаются реже. Наиболее распространенная садовая культура — абрикос, который разводят здесь нескольких сортов. Абрикосовые деревья разводят посадкой косточек; на второй год осенью сеянцы рассаживают на постоянное место и через два года на них прививают желаемые сорта абрикоса. На четвертый год после прививки деревья дают первый урожай. При сборе урожая плоды либо снимают, либо стряхивают на большие полотнища. Чтобы падающие на землю плоды не разбивались, почву под деревьями перед созреванием плодов поливают и перепахивают. Полив, внесение удобрения и перепахивание земли под деревьями производят несколько раз в год. Абрикосы, идущие на сушку, предварительно окуривают серой в специальных помещениях с глинобитными стенами и плоской крышей, в одном из углов которого ставится сковорода или глиняная посуда с насыпанной в нее серой. После окуривания абрикосы раскладывают для сушки на камышовые циновки — *бӯрьё*. Иногда вместо окуривания для предохранения от вредителей абрикосы после сушки перекладывают пахучими листьями мяты. Сушеные абрикосы приготовляют в виде цельной ягоды с косточкой — *қоқ*, половинки ягод без косточки — *баргак* и ягоды с выдавленной косточкой — *кайса*. Иногда в ягоду с вынутой косточкой вкладывают очищенное ядрышко — *аштақ*. Таджикский сушеный абрикос отличается большой сахаристостью и высокими вкусовыми качествами. Значительная часть урожая идет на приготовление консервов.

Таджики издавна разводили и виноград, веками выработанные приемы и навыки его разведения передаются из поколения в поколение. Существует большое число сортов винограда, каждый из которых имеет по нескольку разновидностей.

Виноградную лозу содержат в расстил или же поднимают на шпалеры — горизонтальные навесы из жердей, поддерживаемые столбами. Размножают виноградную лозу в основном черенками, а также отводками и прививками, иногда,— семенами, при этом считают, что лоза не теряет качеств материнского сорта. Черенки подвергают стратификации — осенью



Механизированная пахота на богарных землях в Таджикистане

их связывают пучками, кладут на дно ямы и засыпают, оставляя так зимовать. Весной их рассаживают, на каждом черенке оставляют один-два побега, остальные выламывают. На следующий год каждому кусту, если виноград должен быть на шпалерах, ставят подставки — сошки. В дальнейшем уход за вновь посаженными виноградниками состоит в удалении лишних побегов, поддержании почвы во влажном и рыхлом состоянии, унавоживании ее, удалении сорняков и борьбе с вредителями. Все эти мероприятия тщательно разработаны и приурочены к определенным срокам. Нормальное плодоношение лозы начинается в основном с четвертого года. Не менее подробно разработана система поливов уже плодоносящих виноградников и ухода за ними.

Значительная часть свежего винограда сдается государственным предприятиям консервной и винодельческой промышленности, а также потребляется самим населением. Свежий виноград для собственного потребления сохраняется в течение многих месяцев в подвешенном состоянии на жердях в неотапливаемом помещении. Часть винограда идет на приготовление изюма — *мавиз*. Сушат виноград несколькими способами. Черные сорта сушат на солнце, раскладывая на крышах или на земле; такой способ называется *офтобӣ* — «солнечный». Способ *соягӣ* — «теневой» — заключается в подвешивании на жердях виноградных кистей в тени. Перед сушкой крупного винограда его гроздья на короткое время погружают в кипящий раствор поташа и негашеной извести; кожица ягод лопается, в результате чего ускоряется процесс высыхания ягод и не происходит их закисание.

Широкое развитие в настоящее время в Таджикистане получило шелководство, что связано в первую очередь с расширением в республике тутовых насаждений. Тутовые деревья рассаживают повсеместно, в том числе вдоль дорог, оросительных каналов, по краям посевных участков. Государство, заключая с колхозами контракты на выкормку червей шелкопряда и сдачу коконов, снабжает шелководов высококачественной греной.

Шелководством таджики занимались и до революции, однако оно не имело столь массового распространения и было весьма примитивным.

Сбор шелковичных коконов. Северный Таджикистан

Грену покупали на местных рынках и оживляли человеческим теплом, для чего женщины в мешочке хранили ее под одеждой. Готовые коконы разматывали женщины-мастерицы, в городах это делали в особых мастерских. Часто грена и шелкопряд заболевали и весь труд пропадал даром.

Сейчас шелководство — весьма доходная отрасль хозяйства. Грену оживляют в специальных колхозных инкубаториях под наблюдением специалистов.

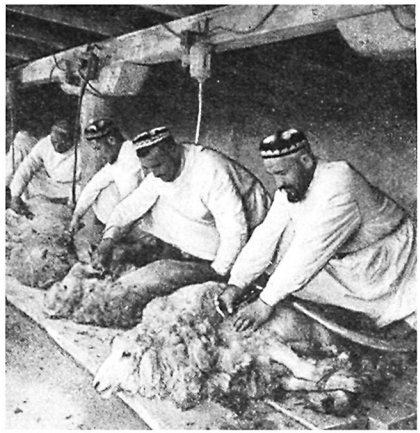
Готовые коконы колхозы сдают государственным организациям, которые размотку коконов и обработку шелковой пряжи производят современными способами. Это повышает качество и выход шелкового волокна, а вместе с тем и доходы колхозников.

Большое место в народном хозяйстве республики занимает животноводство и особенно овцеводство. Гиссарская курдючная овца, разводимая в долинах Гиссара, Куляба и Вахша,— одна из самых крупных овец в мире и дает большое количество мяса и сала; живой вес гиссарского барана составляет 160—180 кг, матки — 120—130 кг. В низовьях Вахша и Кафирнигана разводят также каракульскую овцу, дающую ценную шкурку. Наконец, в высокогорных районах разводят дарвазскую овцу *гадик*, небольшую, но весьма выносливую. В настоящее время успешно проводится скрещивание дарвазских овец с баранами тонкорунной породы — помесная овца весит вдвое больше и дает высококачественную шерсть. Ведется также работа по внутрипородному отбору гиссарских овец. Распространены также и козы. В 1936 г. в Таджикистан было завезено несколько коз ангорской породы. В настоящее время их разводят в республике повсеместно.

Крупный рогатый скот Таджикистана хорошо приспособлен к условиям жизни в горных районах. В ряде равнинных колхозов, например в Пянджском районе, проводится работа по скрещиванию коров местных пород с производителями швицкой породы. Новая породная группа дает значительно более высокий удой.

Лучшими местными породами лошадей являются карабаир и локайская лошадь. Карабаир произошел в результате скрещивания местной

породы с арабскими и монгольскими лошадьми. Это красивая и рослая лошадь, используется она в качестве упряжного и верхового животного. Локайская лошадь уступает карабаиру по внешним качествам, но зато более выносliва и неприхотлива. Широко распространен в качестве верхового, вьючного и упряжного животного осел. На равнине имеются и верблюды.



Электростpижка овец. Совхоз «Кобадиан». Джиликульский район

Пересеченный рельеф республики, сочетание высокогорных площадей с низменностями позволяют использовать в Таджикистане пастбищные угодья в течение круглого года. Многие колхозы, обладающие значительным поголовьем скота, перегоняют свои стада зимой в низины, весной и осенью в предгорья, а летом на высокогорные пастбища, обеспечивая таким образом скот постоянным подножным кормом. В Таджикистане особенно велики и обильны травой летние пастбища по хребтам Гиссарскому, Зеравшанскому, Каратегинскому, Петра I и Дарвазскому. Наряду с пастбищной формой животноводства все большее значение получает заготовка кормов на зиму. Применяется травосеяние и заготовка сена, производится силосование, используются в качестве корма отходы пищевой промышленности и сельскохозяйственного производства. Заготовка сена широко механизируется, применяются тракторы с косилками, самоходные косилки, широкозахватные грабли, автоматические прессы, стогометатели, силосорезки и другие машины. Для обеспечения скота кормами в республике значительно расширен клин посева кормовых культур — джугары, ячменя, овса, суданки, земляной груши, кормовой свеклы, тыквы, люцерны, озимой ржи в смеси с бобовыми, кукурузы; в последние годы стали закладывать на силос много зеленой массы и початков кукурузы молочно-восковой спелости.

Колхозы проводят большую работу по улучшению пород скота и увеличению его поголовья. Фермы стали теперь неотъемлемой составной частью хозяйства каждого колхоза. На колхозных фермах развертывается строительство благоустроенных и утепленных помещений для скота; многие фермы снабжены автоматическими поилками и узкоколейными путями для подвоза кормов из силосных ям. На фермах проводится скрещивание местных пород скота с привозными.

По-новому складывается и производственный быт колхозников. В крупных хлопководческих колхозах участки отдельных бригад нередко отстоят довольно далеко от селения. Поэтому колхоз заботится о том, чтобы обеспечить членов бригад, отправляющихся утром на работу, транспортом — чаще всего автомашинами; иногда колхозники едут на работу на лошадях или ослах. За последние годы многие стали приобретать велосипеды. Колхозники выезжают на поля обычно большими группами.

Полевые станы колхозники всячески стараются благоустроить. Строят помещения для отдыха, устраивают пруды, обсаживают их деревьями.

В наиболее жаркое время дня колхозники отдыхают в тени, устраивают совместную трапезу из принесенных с собой продуктов, пьют чай. На стане устраиваются и временные ясли, в которых колхозницы на день оставляют детей. В страдную пору, во время сбора хлопка, когда многие колхозники неделями живут на полевых станах, организуется общественное питание. Правление колхоза заботится об организации на полевых станах культурного отдыха. Подбираются небольшие библиотечки, бригады снабжаются газетами и журналами. Колхозники проводят совместное чтение газет, беседы на политические и общеобразовательные темы, часто на станы приезжают кинопередвижки.

Изменился к лучшему и быт животноводов на отгонных пастбищах. Для пастухов сооружаются благоустроенные постоянные дома, заменившие распространенные прежде шалаши и землянки. На пастбища регулярно завозятся продукты. Пастухи, питавшиеся раньше хлебом и молоком, теперь обеспечиваются горячей пищей. На фермах, расположенных далеко в горах, также организуется культурное обслуживание работников.

В летнее время жизнь колхозников в целом и каждой отдельной семьи приспосабливается к условиям труда. Семья встает очень рано, и хозяйка дома готовит более сытный завтрак, второй раз горячую пищу обычно едят вечером, после работы.

Культурная работа летом и осенью сосредоточивается в основном по месту труда. После окончания основных полевых работ, когда у колхозников больше досуга, начинают функционировать колхозные клубы, дворцы и дома культуры, кино. Колхозники посещают родных, соседей и знакомых, по вечерам собираются большие компании. В это время обычно устраиваются и свадьбы. Многие колхозы осенью устраивают у себя общественные праздники, называемые «праздниками урожая». Колхозники являются в праздничных нарядах. Вслед за официальной частью праздника происходят выступления танцоров, певцов и музыкантов, нередко приглашаются и актеры-профессионалы. Устраивается общее угощение.

Общий труд на поле, в саду или на виноградниках, на молочной ферме или в подсобных предприятиях колхоза воспитал у колхозников чувство общественности, солидарности, желание не отстать в работе от других, а с другой стороны,— чувство соревнования, стремления к тому, чтобы свой колхоз, своя бригада были впереди. Вполне понятно, что в колхозах Таджикистана, особенно в хлопководческих, пользуются большой популярностью различные кружки, курсы и лекции по агротехнике, позволяющие колхозникам повышать свою производственную квалификацию, выполнять и перевыполнять производственные планы.

Социалистическое соревнование, труд передовиков стали предметом внимания и заботы каждого колхозника. Каждый бригадир борется за лучшие производственные показатели, стремится вывести свою бригаду на первое место в колхозе. Повсеместно между бригадами и отдельными колхозами заключаются договоры социалистического соревнования, идет борьба за обладание переходящим знаменем. Сами колхозники горячо относятся к вопросам соревнования. Нередко в колхозах во время напряженной летней работы можно видеть людей, обходящих поля в часы отдыха. Это колхозники-активисты, которые обходят поля, чтобы сравнить «свое» поле с полем другой бригады и чтобы вовремя перенять передовой опыт соседей. Нередки случаи, когда кто-нибудь из бригадиров отправляется за 10—15 км, чтобы осмотреть поля соседних колхозов, особенно если станет известно, что в них успешно культивируется новый сорт хлопка или какой-нибудь другой культуры.

Ведущая роль в организации производства в колхозах и совхозах принадлежит коммунистам и комсомольцам. Успехи в борьбе за высокий урожай, за поднятие животноводства в немалой степени определяются правильно поставленной массово-политической работой партийной орга-

Высокопородные козы на водопое. Аштский район

низации. Большое число партийных и комсомольских агитаторов ежедневно ведут работу в бригадах, на полевых станах, на фермах, они являются проводниками новых прогрессивных методов в различных областях сельского хозяйства, организаторами коллективного труда, социалистического соревнования. Огромное значение для производственных успехов в сельском хозяйстве имеет печать. Наряду с центральными, республиканскими, районными газетами и журналами большое значение имеют колхозные стенные газеты и многотиражки, а также выпускаемые в бригадах и на полевых станах боевые листки, в которых находят отражение наиболее актуальные задачи производства.

Сельское хозяйство Таджикистана неуклонно развивается; перспективы его дальнейшего роста рассматривались как на XIV съезде КП Таджикистана в сентябре 1961 г., так и на XXII съезде КПСС.

Внедрение севооборотов, расширение посевов люцерны, кукурузы и бобовых культур на орошаемых землях позволит колхозам и совхозам, производящим хлопок, гармонически сочетать развитие хлопководства с животноводством. Об этом свидетельствует опыт и практика передовых совхозов и колхозов республики. Так, например, в совхозе им. Куйбышева умелое сочетание указанных двух отраслей сельского хозяйства позволило за последнее семилетие увеличить производство мяса в 4,5 раза и молока более чем в 3 раза, при этом достигнуты устойчивые удои молока в 3500 кг на корову; в этом совхозе на 100 га сельскохозяйственных угодий в настоящее время производится 48 ц мяса. В колхозе им. Ленина Пянджского района на 100 га сельскохозяйственных угодий получают 74 ц мяса и 384 ц молока.

Предполагается, что к концу семилетки колхозы и совхозы Таджикистана по сравнению с 1958 г. увеличат производство хлопка сырца в 1,3 раза, коконов тутового шелкопряда примерно в 1,5, мяса — в 2, молока — в 2,3 и шерсти в 1,4 раза. Будет заложено около 43 тыс. га новых виноградников и садов.

Ремесла

Слабое проникновение в прошлом товарно-денежных отношений в глухие горные районы (Восточная Бухара) способствовало сохранению здесь домашних промыслов и ряда ремесел, обслуживавших своей продукцией узкий внутренний рынок.

Традиционный способ промывки золотоносного песка. Долина р. Хингоу

Обряд посвящения в мастера ремесленного цеха. Самарканд, 1871 г.

Гончар за работой. Кишлак Каратаг. Гиссар

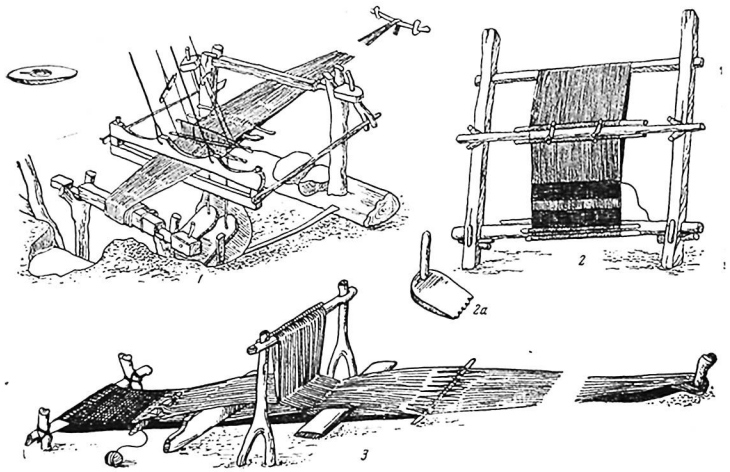
К числу первых следует отнести прядение и ткачество, вязание и вышивание. Материалом для изготовления тканей служили как овечья шерсть, так и выращиваемый для своих непосредственных нужд хлопок. Пряли в каждом доме при помощи особой прялки — *чарха* и при помощи веретена, в то время как ткачеством, требовавшим применения ткацкого станка, занимались лишь отдельные хозяйства, снабжавшие своими изделиями в порядке натурального обмена соседей. В большинстве районов ткачество находилось в руках мужчин. Вязанием чулок и вышиванием цветными нитками рубах, тюбетеек, платков и прочего женщины занимались почти в каждом доме. К числу домашних промыслов относится и примитивное гончарство, развитое в прошлом в Ягнобе, Каратегине, Дарвазе, Кулябе, Гиссаре, Шугнане, Вахане. Сосуды изготовлялись без гончарного круга; ремесло находилось в руках женщин. Следует упомянуть об изготовлении металлических изделий (Ванч, Дарваз, кишлак Бодравак в Каратегине, славившийся изготовлением ножей и клинков) и о деревообделочном производстве (изготовление деревянной посуды на водяном токарном станке, деревянных галош *кафш*), добыче асбеста (Вахио), соли (Каратегин, Вахио), нашатыря, серы, квасцов (бассейн Зеравшана).

Особый интерес представляет процесс выплавки железа в долине р. Ванча. Железную руду добывали в горах. Плавка производилась в домницах, представлявших собой крытую яму в земле, выложенную изнутри камнями. Рядом устраивалась землянка, соединенная с ямой отверстием, через которое производилось поддувание мехами. Топоры, наконечники для плугов, мотыги, ножи, ножницы, серпы, подковы и другие металлические предметы изготовлялись особо приглашенными на время кузнецами. Свою продукцию жители долины Ванча не вывозили. Население соседних районов само приезжало за ней, привозя в обмен бумажную ткань домашней выделки — *карбос*, соль, обувь, кожи и другие предметы.

Во многих горных районах из речного песка промывкой с помощью примитивных орудий добывалось золото. Разными путями золото уходило из рук старателя: оно входило составной частью в налог и другими способами попадало в руки байской верхушки, наживавшейся на его продаже.

Большое значение в горном Таджикистане имели отхожие промыслы, участие в которых вызывалось нуждой, малоземельем, тяжестью налогов. Отходники работали на хлопкоочистительных заводах, постоялых дворах, в чайханах и т. п. Отхожие промыслы сыграли важную роль в ломке натурального хозяйства в глухих горных районах.

Тем не менее Восточная Бухара оставалась еще страной с преобладанием натурального хозяйства. Отдельные торговцы, привозившие из Самарканда, Бухары, Ферганы фабрично-заводские товары, главным образом мануфактуру и обменивавшие их на скот и пушнину, не оказывали



Основные типы ткацких станков народов Средней Азии

1 — горизонтальный ткацкий стан таджиков и узбеков, сбоку челнок; *2* — вертикальный ткацкий стан припамирских таджиков; *2а* — бердо; *3* — узконавойный ткацкий стан, типичный для полуоседлых и кочевых в прошлом народов Средней Азии и Казахстана

еще большого влияния на общий характер хозяйства. Лишь в предреволюционный период среди местных жителей выделилась байская прослойка, занимавшаяся скупкой местных продуктов и перепродажей их на рынках Ферганской долины. Население различных горных районов практиковало натуральный обмен продуктов своего производства: зерна, соли, местной кустарной ткани, вязаных цветных чулок, гончарных и железных изделий и других предметов. До недавнего времени в горах существовал обычай покупать глиняную посуду за такое количество зерна, которое помещается в данном сосуде. Купля-продажа земли встречалась еще весьма редко. Деньги в стране также имели малое хождение. Несколько более развитый товарный характер имело хозяйство в Гиссаре, Кулябе, Курган-Тюбе, т. е. в менее изолированной части Восточной Бухары.

Ремесло у таджиков равнины, особенно горожан, уже давно отделилось от земледелия, составляя специальное занятие значительной части населения и имея свою многовековую историю в жизни среднеазиатских городов. В основе организации ремесел у таджиков Средней Азии лежало цеховое устройство; в каждом цехе были старшины, мастера и ученики. Ремеслам приписывалось божественное происхождение, о котором рассказывалось обычно в преданиях.

Из ремесел равнинных таджиков большого развития и совершенства достигло гончарство, которым занималась значительная часть населения

городов, а иногда целые селения (особенно славились своими гончарными изделиями ремесленники Ферганской долины, города Ходжента, Гиждувана и других мест). Гончарное мастерство передавалось из поколения в поколение, причем, в отличие от горных районов, оно являлось ремеслом мужским. Лучшие мастера, обычно известные далеко за пределами своего селения или города, изготовляли высокохудожественные образцы посуды.

Производство тканей, которыми Средняя Азия славилась уже с отдаленных времен, носило характер развитого ремесла; ткани изготовлялись не только кустарями-одиночками, но и в особых мастерских. Отдельные города и селения были известны производством того или другого сорта тканей: Каратаг — шелковой и бумажной *алоча*, Ходжент — шелком, Ура-Тюбе — сукном *рагза*.

Отливка чугунных изделий. 1872 г.

Существовали и многие другие ремесла: выделка кожи и обуви, производство седел, свечей, мыла, ювелирных изделий, выделка различных металлических предметов и т. п.

В городах представители одного и того же ремесла обычно сосредоточивались в особых кварталах, отдельно от ремесленников других профессий. На базарах также существовали ряды, особые для каждого ремесла. Здесь наряду с продажей готовых изделий практиковалось и производство их. Ремесленные изделия таджиков, живших на равнинах, занимали большое место в жизни кочевого населения прилегающих к районам оседлости степей, с которыми население городов и селений вело оживленную торговлю. Вполне естественно, что в настоящее время, в связи с развитием социалистической промышленности, в том числе и промышленности, изготовляющей предметы широкого потребления, описанные выше домашние промыслы и ремесла потеряли свое значение; сейчас развиваются преимущественно те из них, которые связаны с народным изобразительным искусством (см. стр. 654).

Промышленность

До революции промышленность на территории современного Таджикистана была очень слабо развита; на незначительных мелких предприятиях горнодобывающего типа, хлопкоочистительных заводах, принадлежавших русским или местным предпринимателям, количество рабочих-таджиков исчислялось несколькими сотнями человек.

Начиная с 1930-х годов в годы первых пятилеток закладывается основа промышленного развития Таджикистана. Год за годом создаются все новые и новые промышленные предприятия. Уже в годы первой пятилетки вступили в строй Ленинабадский шелковый комбинат — одно из крупнейших предприятий этого рода в Союзе, шелкомотальная фабрика, полиграфкомбинат и деревообделочный завод в Душанбе, винные заводы в Ура-Тюбе,

Автоматчица за работой на Ленинабадском шелкокомбинате

Ленинабаде и Пенджикенте, кирпичные заводы в Душанбе и Пролетарске, хлопкоочистительные заводы в Кулябе, Курган-Тюбе, Пархаре, Кировабаде и Шаартузе, консервные комбинаты в Ленинабаде и Канибадаме, маслобойные заводы в Кулябе и Курган-Тюбе. Во второй пятилетке были введены в эксплуатацию новые рудники, алебастровые и известковые заводы в Душанбе и Исфаре, первая швейная фабрика, кожевенный завод и механизированный хлебный завод в Душанбе, авторемонтные заводы в Душанбе и Курган-Тюбе, мукомольный комбинат в Орджоникидзеабаде, вступила в строй Варзобская гидроэлектростанция, ставшая для промышленности Душанбе мощной энергетической базой. За годы третьей пятилетки были заново отстроены нефтяные промыслы «КИМ», механизированы шахты в Шурабе, в Душанбе созданы черепичный завод, мясокомбинат и обувная фабрика, в Канибадаме и Гиссаре — хлопкоочистительные заводы.

В годы послевоенных пятилеток — четвертой и пятой — промышленность Таджикистана продолжала бурно развиваться. Многие из существовавших до войны промышленных предприятий были перестроены и расширены, увеличена их мощность, улучшено качество выпускаемой продукции, снижена ее себестоимость. Создано большое число новых предприятий в области горнодобывающей промышленности, пищевой, текстильной и др.

В итоге создания и мощного развития промышленности многие таджики перешли от занятий сельским хозяйством к работе в промышленности и в связанных с ней отраслях труда. Большое число таджиков трудится на рудниках и в угольных шахтах, на крупных электростанциях, а также на предприятиях по обработке металлов, на полиметаллических комбинатах. Много рабочих-таджиков занято и в отраслях промышленности, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье. Таковы в первую очередь хлопкоочистительные и маслобойные заводы, расположенные в хлопковых районах, главным образом на юге страны, в Гиссарской долине, в долине Вахша, а отчасти на севере (Канибадам). Винодельческие и консервные заводы по переработке фруктов расположены в садоводческих и винодельческих районах на севере страны, в Ленинабаде, Ура-Тюбе, Пенджикенте, Канибадаме, Костакозе, в Гиссарской долине и на юге страны, где перерабатываются также субтропические культуры, в частности инжир и гранат.

Большое развитие после Октябрьской революции в Таджикистане получила текстильная и другие виды промышленности, работающие на местном сырье. До революции в Средней Азии, представлявшей собой сырьевую базу для русской промышленности, создание местной промышленности искусственно тормозилось. Было создано мнение, будто сухой климат Средней Азии не благоприятствует развитию текстильной промышленности. В настоящее время в Таджикистане построено около полутора десятков хлопкоочистительных заводов, созданы крупнейшие текстильные предприятия — Ленинабадский шелковый комбинат, текстильный и шелковый комбинаты в Душанбе, Канибадамская прядильная фабрика, джутовые

заводы на юге республики и др. Эти отрасли промышленности заняли огромное количество рабочих рук, в особенности женских.

Следует упомянуть также и другие виды промышленности Таджикистана, в частности различные ремонтно-механические заводы, кожевенные, мыловаренные, пивоваренные, заводы по выработке строительных материалов, обувные и швейные фабрики, мясокомбинаты.

Большое число трудящихся республики занято на железнодорожном и автомобильном транспорте, в сельскохозяйственных предприятиях, на строительстве и в прочих отраслях народного хозяйства.

Среди рабочих республики значительный процент составляют таджики. Многие пришли на фабрики и заводы, на стройки, на транспорт и в РТС из кишлаков и были в недавнем прошлом крестьянами; некоторое количество современных рабочих раньше были кустарями-ремесленниками. Таким образом, весьма значительную часть таджикского населения республики развитие промышленности привело к перемене профессии, к освоению новых отраслей промышленного труда.

Создание промышленности, главным образом текстильной, привело к коренной ломке веками остававшегося неизменным женского быта. Закрепощенная ранее женщина, отстраненная от участия в производстве и в общественной жизни, стала наравне с мужчиной трудиться у станков и машин. Этот коренной перелом в судьбе женщины-таджички был бы немыслим без огромной культурной и воспитательной работы, которую проделали Коммунистическая партия и Советская власть для раскрепощения женщин. В промышленности женщины составляют около половины численности рабочих и служащих.

В процессе роста республиканской промышленности таджики осваивают не только разнообразные специальности рабочих. Среди них имеется в настоящее время и значительное число технических специалистов — мастеров, техников, инженеров, администраторов-хозяйственников, руководителей предприятий.

В настоящее время на промышленных предприятиях Таджикистана значительно увеличилось число рабочих со средним образованием. По линии трудовых резервов республики подготовлено много молодых квалифицированных рабочих для фабрик, горной промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Они обладают как специальными знаниями, так и необходимым общим образованием.

На текстильном комбинате в Душанбе, на шелкоткацкой фабрике, Ленинабадском шелкокомбинате, на ряде шахт и рудников создана целая система курсов и школ, открыты библиотеки.

Среди таджиков рабочих, техников и инженеров немало передовиков производства, показывающих образцы самоотверженного труда и служащих примером для остальных, рационализаторов и новаторов производства, способствующих перестройке технологического процесса, повышению производительности труда, выпуску продукции более высокого качества.

В виде примера можно привести текстильный комбинат в Душанбе, который за 10—12 лет превратился в крупнейшее предприятие республики. Комбинат, оборудованный новейшими машинами, ежегодно увеличивает выпуск продукции высокого качества и стремится к досрочному выполнению плана. Своими успехами комбинат обязан в значительной части самоотверженному труду его работников и работниц. Рабочие и работницы комбината, в свое время активно участвовавшие в его строительстве, овладели сейчас сложной техникой производства и работают, систематически перевыполняя норму и давая отличную продукцию.

За время, прошедшее между XX и XXII съездами КПСС, объем капиталовложений в народное хозяйство по сравнению с предшествовавшим шестилетием увеличился в 2,2 раза, а объем валовой продукции почти в

2 раза. Возникли такие новые отрасли промышленности, как машиностроительная и электротехническая. Дальнейшее развитие получила энергетическая база (главным образом за счет сооружения новых гидроэлектростанций), производство электроэнергии возросло в 4 раза. За указанный период сооружено и введено в строй свыше 100 промышленных предприятий и цехов, в том числе Душанбинский цементно-шиферный комбинат, ковровый комбинат, ряд тепловых и гидроэнергетических электростанций и много других крупных предприятий. Освоен выпуск новых видов продукции, в том числе автоматических ткацких станков, силовых трансформаторов, торгового оборудования.

Дальнейшее развитие экономики республики связано с постройкой новых гидростанций (в первую очередь Нурекской), а также с развертыванием крупных геологоразведочных работ на нефть и газ, цветные и редкие металлы и освоением добычи этих полезных ископаемых.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Материальная культура таджиков богата, самобытна и многообразна. Она выработалась и сложилась исторически в процессе многовековой жизни народа, в результате развития его творческого гения, использования природной среды, наконец, в результате сложного процесса слияния культурных навыков и традиций, принесенных теми племенами и народностями, которые участвовали в этногенезе таджиков.

Как уже отмечалось выше, в течение последних четырех столетий таджики и тюркское население Ферганской долины и Зеравшанского оазиса вступили в тесное взаимодействие с большими массами пришедших из дешти-кыпчакских степей узбеков. Но и до этого времени, на протяжении всего средневековья, связи таджиков со степными народами были постоянными. Такое взаимодействие и взаимовлияние значительно обогатило культуру обоих народов — таджиков и узбеков, живших в ближайшем соседстве и завязывавших друг с другом родственные связи.

В силу этого в материальной культуре, а до известной степени также в хозяйстве и в духовной культуре таджиков Ферганы, долины Зеравшана и некоторых других мест периферии таджикской оседлости, с одной стороны, и узбеков — с другой, мы находим много общих черт, особенно в типах жилища, в костюмах, пище, отчасти в старинных приемах земледелия и в других областях культуры. Внешним выражением этой близости является наблюдающаяся смешанная терминология в названиях частей жилища, принадлежностей одежды, кушаний, сельскохозяйственных орудий. Так, во многих случаях таджики употребляют узбекские термины, а узбеки — таджикские или же в одном и том же культурном комплексе встречаются параллельно таджикские и узбекские термины.

Поселения и жилища

Бурный рост социалистического строительства в Таджикистане проявился в коренном переустройстве городов, селений и жилищ таджиков, в течение многих веков сохранявших почти неизменный облик. Старые города и селения несли на себе печать глубокого средневековья; и сейчас в Таджикистане наряду с новыми городами и селениями, наряду с новым типом жилища можно встретить еще и старые типы поселения и жилища, которые постепенно подвергаются перепланировке, перестраиваются, заменяются новыми.

Планировка старых городов отражала историю их развития и роста. Наиболее древней их частью, обычно находившейся в середине города, была цитадель — *арк*, *ӯрда*, часто расположенная на холме и обнесенная глинобитными стенами; вокруг цитадели располагалась основная часть города, часто имевшая более позднее происхождение — *шаҳристон*, также обнесенная стеной с несколькими воротами, с тесно расположенными

Ходжент. 70-е годы XIX в.

домами, с узкими кривыми улицами и переулками, на которые выходили лишь глухие стены домов и заборы, имевшие ворота или калитки; за городскими стенами вокруг шахристана располагались предместья — *работ*, где дома были менее скучены, а пространство между ними занято садами, огородами и полями. Постепенно, по мере роста города, строили новые стены, которые охватывали и предместья, а старые стены теряли свое прежнее значение и постепенно разрушались.

От городов, которых на территории современного Таджикистана было немного, мало отличались по внешнему облику и планировке крупные селения равнины, также в старые времена обносившиеся стенами и нередко имевшие цитадель, обычно на возвышенном месте. Следует отметить, что основой селений на равнинах являлись именно такие укрепления на возвышенном месте, называвшиеся *қалъа*, где в смутные времена жители могли найти защиту от всевозможных набегов; позднее вокруг этого первоначального поселения разрастался большой населенный пункт, а укрепление на холме становилось резиденцией местного правителя или административного лица.

С 1860—1870 гг. на территории Туркестанского генерал-губернаторства (куда входили и северные районы обитания таджиков) близ городов стали создаваться русские поселки, впоследствии превратившиеся в русскую часть города; они отличались от старого города более правильной планировкой, широкими улицами, домами европейского типа с окнами и дверями, выходившими на улицу.

За годы Советской власти, в процессе социалистического строительства, старые таджикские города стали благоустраивать и подвергать перепланировке: сносили старые дома и строили новые, выпрямляли, расширяли и мостили улицы, разбивали парки и скверы, благоустраивали площади, базары; при этом бывшая русская часть сливалась со старым городом. В некоторых случаях, в связи с развитием местной промышленности, рядом с дореволюционной частью города создавался и новый рабочий городок, построенный по современным планам. Ярким примером такого переустройства является старинный таджикский г. Ходжент, ныне Ленинабад.

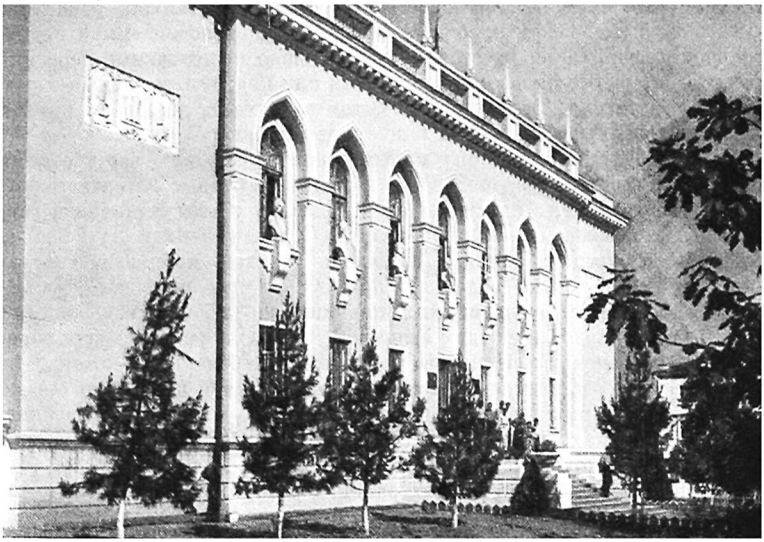
Душанбе

старый город в значительной степени перепланирован и благоустроен, а рядом со старым городом, к югу от него, вырос новый, социалистический город, в котором сосредоточены промышленные предприятия и современные благоустроенные дома для рабочих и служащих, построены школы, больницы, здания кино, клубов и пр.

На территории Таджикистана за последние десятилетия выросли и новые города, на месте которых в прежнее время либо вовсе не было населенных пунктов, либо существовали небольшие поселения, которые не могли оказать какого-либо влияния на планировку этих городов. Так, г. Душанбе целиком построен в советскую эпоху на месте небольшого селения и имеет вполне современный вид. Широкие и прямые асфальтированные улицы со стройными рядами деревьев по обеим их сторонам, арыками, отделяющими мостовую от широких, удобных тротуаров, просторные площади, современные городского типа дома, часто двухэтажные или многоэтажные, нередко с примыкающими к ним садами — таков городской пейзаж столицы Таджикистана. Некоторые из новых правительственных и общественных зданий являются шедеврами современной архитектуры. Среди них выделяется Дом правительства, законченный в 1949 г., здание театра оперы и балета с расположенной перед ним красивой площадью и бассейном, фонтанами и цветниками, здание публичной библиотеки. В городе много новых зданий: промышленные предприятия вполне современного типа, университет, педагогический, медицинский и сельскохозяйственный институты, кино, театры. Душанбе полностью электрифицирован (электроэнергию город получает от трех гидростанций на р. Варзоб) и снабжен водопроводом. В городе много автомашин, такси, имеется несколько автобусных линий, в 1955 г. был пущен троллейбус. Столица Таджикистана продолжает расти и благоустраиваться, появляются новые дома и общественные здания, асфальтированные улицы на окраинах, расширяется сеть водопровода, все дальше от центра протягиваются электрические провода, линии автобуса и троллейбуса.

Курган-Тюбе, Новабад, Хорог, выросшие на месте старых кишлаков, также превратились в красивые города и поселки городского типа. От новых населенных пунктов, которым присвоено официальное название города, не отстают в развитии и многие районные центры, такие, например, как Гиссар, Шахринау, Орджоникидзеабад, не включенные в списки городов, но имеющие облик современного небольшого города.

Несмотря на современную планировку и архитектуру городов, они в значительной своей части сохраняют специфический местный колорит. Наряду с современными большими домами сейчас строят и дома местного



Здание библиотеки им. Фирдоуси. Душанбе

Горный кишлак Канти. Долина р. Зеравшан

типа, стоящие обычно в глубине небольшого двора, засаженного фруктовыми и декоративными деревьями. Характерной особенностью городов Таджикистана является большое число столовых, чайхан, расположенных на открытом воздухе; нередко над проточной водой арыка рядом со столовой или чайханой расставляются большие передвижные деревянные помосты, покрытые паласами, циновками или коврами, на которых размещаются посетители. Тут же на открытом воздухе на жаровнях приготовляют излюбленные населением национальные блюда.

Вообще благодаря теплому климату жизнь большую часть года проходит на открытом воздухе. Днем обычно на улицах встречается мало народа, вечером же, с наступлением прохлады, улицы и площади города становятся необычайно оживленными. С наступлением сумерек владельцы домов или дворники, служащие чайхан поливают тротуары, а иногда и мостовую водой из арыка. Улицы, площади, бульвары и сады заполняются горожанами, окончившими работу и спешащими насладиться прохладой и свежим воздухом. Большую роль в жизни городов играют всегда очень многолюдные и оживленные базары, на которых можно встретить представителей различных народностей из ближних и дальних селений в ярких национальных костюмах, услышать разговоры на различных языках, увидеть красочные ряды всевозможных кустарных изделий и сельскохозяйственных продуктов.

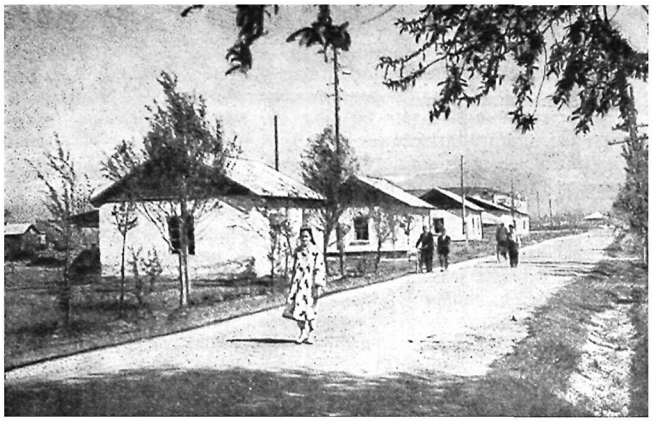
Таджикские селения в разных районах республики значительно отличаются по характеру планировки и по величине.

Во многих местах на равнине крупные селения еще сохраняют прежнюю планировку, напоминающую планировку старых среднеазиатских городов. Это компактные, тесно застроенные селения с лабиринтом кривых узких улиц и тупиков, с выходящими на них стенами домов и глинобитных оград-дувалов; такие тупики преграждаются кое-где и теперь сохранившимися воротами и калитками, которые раньше на ночь обязательно запирались. Такой тип поселения отражал историческое развитие кишлака и расселение жителей компактными родственными группами с последующим наследственным дроблением участков. Тип компактной застройки характерен для старых кишлаков равнинных районов севера Таджикистана. Однако здесь встречается и другой тип поселения — дома кишлака разбросаны в виде дворов-усадеб среди окружающих их полей; такое расселение появилось лишь в конце XIX— начале XX в. после присоединения края к России и установления в нем спокойствия.

В то время как планировка поселения на равнине была связана в первую очередь с политической историей края, планировка кишлаков в горных районах зависела также в значительной степени от географических условий.

Горные кишлаки сравнительно невелики, расположены обычно в долинах рек, на речных террасах и на конусах выноса горных речек, или по склонам гор, иногда на довольно значительной высоте. Планировка селения здесь зависела от рельефа местности, причем жилища строились на негодных для посева местах. В горных узких долинах с крутыми склонами при выборе места для устройства жилья учитывалась степень его безопасности, возможность снежных и каменных лавин. На тип поселения в прошлом значительно влияли также и родственные связи. Часто встречаются группы домов, непосредственно примыкающих один к другому и образующих особый квартал, населенный родственными семьями, отстоящий на известном расстоянии от другого такого же квартала. В горах еще кое-где можно видеть стоящие особняком хутора-выселки.

Новые колхозные поселки по своему облику и планировке резко отличаются от старых кишлаков. Строительство здесь ведется по определенному плану. Характерным примером могут служить поселки переселенцев в Вахшской долине и в других южных районах Таджикистана. Вдоль пря-

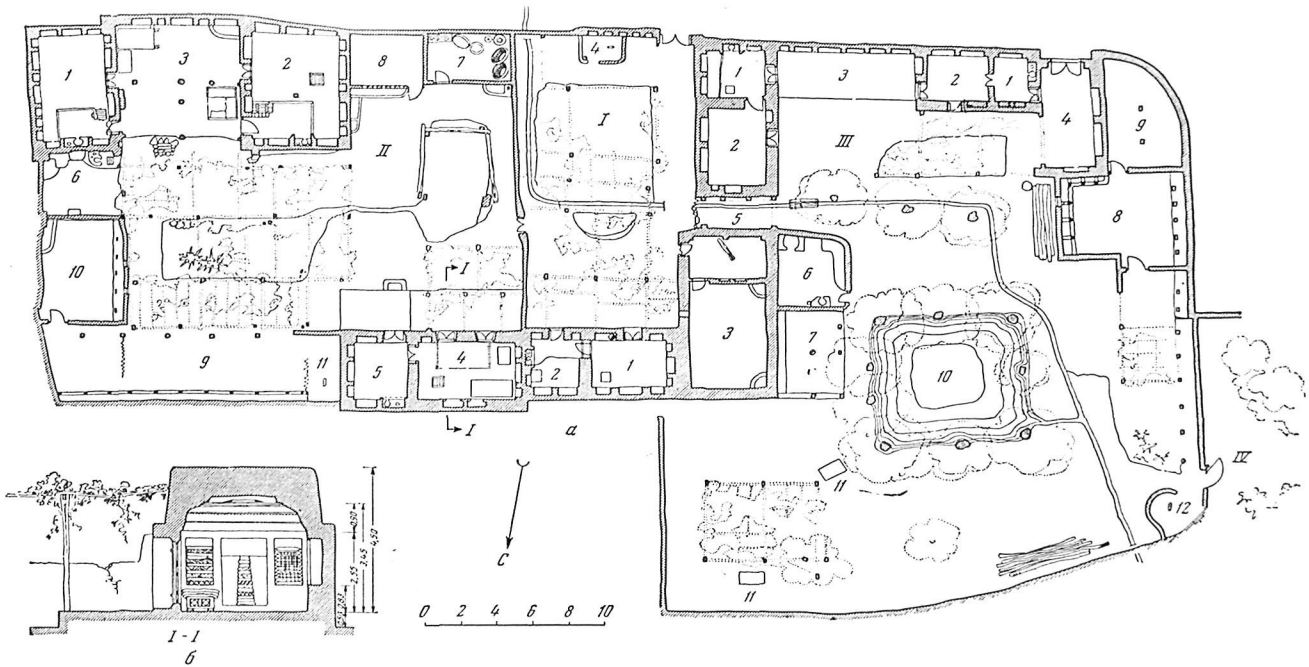


Колхозный поселок близ Душанбе

мых, широких улиц (обычно особо выделяется главная улица) возводятся небольшие дома городского типа, а также различные общественные постройки. Улицы обсажены рядами деревьев, на индивидуальных участках при домах разбиты сады с фруктовыми и декоративными деревьями, орошаемые многочисленными арыками. Нередко в колхозных поселках общественные здания сосредоточены на площади, расположенной в центре поселка. С каждым годом колхозные поселки все больше благоустраиваются. Площади, улицы и тротуары покрываются гравием, сооружаются водопроводы, проводится электрическое освещение, радио и телефонная сеть. Многие колхозы строят свои электростанции или сооружают межколхозные электростанции. Так, например, в Кургантюбинском районе выстроена крупная колхозная электростанция, которая дала свет 11 колхозам.

В колхозных поселках по типовым проектам строятся школы, больницы, клубы, здания правлений колхозов, чайханы. Почти во всех колхозах имеются помещения, отведенные для приема гостей — *меҳмонхона*, а во многих есть гостиницы; вместо небольших клубов строят дома культуры с вместительным зрительным залом, чайханой, комнатами для кружковой работы; в ряде колхозных поселков есть собственные стадионы, кинотеатры, парки культуры и отдыха, бассейны для плавания, сельские дома культуры, ясли, столовые и магазины; в новых колхозных поселках сооружаются бани, пекарни, различные мастерские бытового обслуживания, не говоря уже о новых постройках хозяйственного значения — помещениях для сельскохозяйственного инвентаря и машин, гаражах, складах, животноводческих и птицеводческих фермах, теплицах и парниках. При строительстве и благоустройстве колхозных поселков проявляется большая забота об архитектурном оформлении общественных зданий, которое часто выполняется народными мастерами. На прилегающей к зданию территории разбиваются цветники, устраиваются бассейны с фонтанами. При въезде в колхозный поселок сейчас вошло в традицию устраивать большие арки, на которых крупными буквами написано название колхоза, а по бокам на столбах обычно помещаются плакаты.

На территории Таджикистана отмечается большое разнообразие типов жилища, что объясняется своеобразием местных географических и культурно-исторических условий. Таджикские жилища различаются не



Тип старой таджикской усадьбы в Костакозе. Ферганская долина

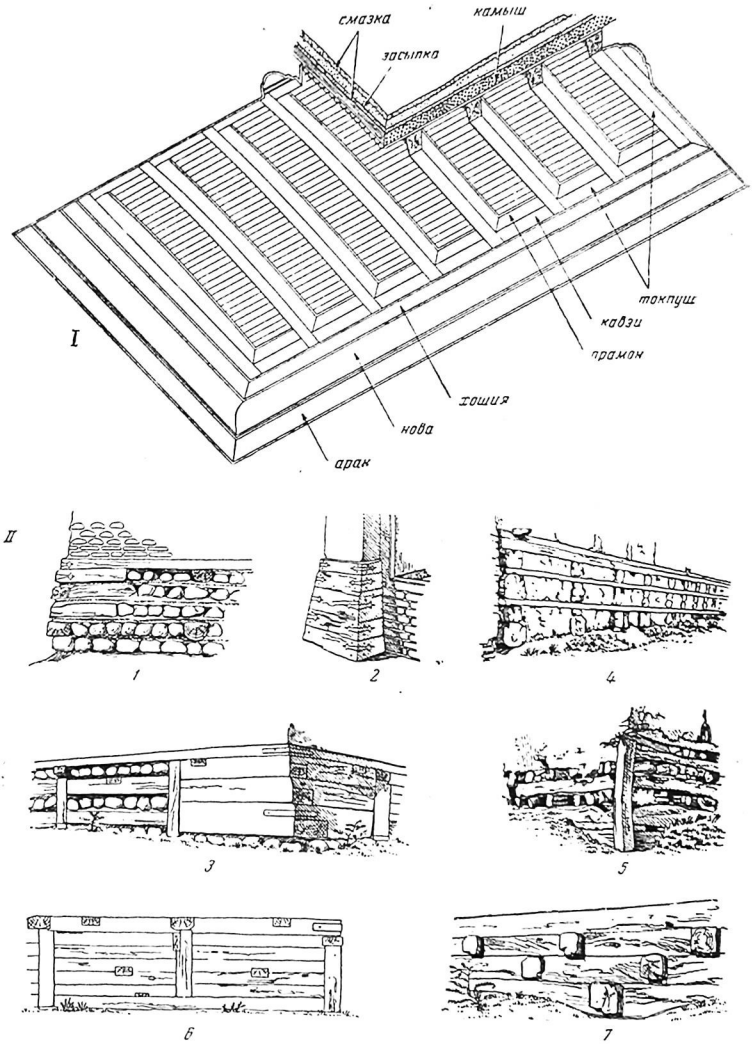
а — план усадьбы: *I* — внешний двор — «беруи»: *1* — «мехмонхона»; *2* — передняя «дахлиз»; *3* — маслодельня — «дакувохона»; *4* — уборная; *II* — внутренний двор «дарун»: *1* — комната, построенная в первой половине XIX в.; *2* — комната, построенная в конце XIX в.; *3* — «айвон»; *4* — комната дочери хозяина, построенная в 1928 г.; *5* — «дахлиз»; *6* — кухня летняя — «ошхона»; *7* — кладовая «казнок»; *8* — овчарня — «гусфандхона»; *9* — летний хлев; *10* — хлев-землянка —«заминкан»; *11* — уборная; *III* — внутренний двор — «дарун» — сына хозяина; *1* — передние — «дахлиз»; *2* — жилые комнаты «хона»; *3* — «суфа»; *4* — крытые ворота — «дарвоза»; *5* — крытый проход между дворами «рахрав»; *6* — зимняя «ошхона» и пекарня; *7* — «айвон»; *8* — хлев — «огулхона»; *9* — склад фуража — «кахдон»; *10* — «хавз»; *11* — ульи; *12* — уборная; IV — сад; *б* — разрез комнаты дочери хозяина

только в деталях конструкций, но и в планировке и устройстве помещений.

Выделяется жилище северных равнинных и предгорных районов, расположенных в западной части Ферганской долины и частично к западу от нее. Здесь на усадьбе имеется нередко несколько жилых помещений. Раньше практиковалось деление усадьбы на две половины: внешнюю (*берун*) и женскую внутреннюю (*дарун*); следы такой планировки усадьбы еще кое-где сохраняются, но обычно стенки, отделявшие прежде наружный двор от внутреннего, сняты или же развалились от времени. Двор, как правило, является обязательной принадлежностью усадьбы. Кроме жилых помещений и особого помещения для гостей на усадьбе возводили также и хозяйственные постройки. Здания было принято строить на границе участка фасадом во двор: таким образом тыльные глухие стены построек служили и стенами двора-усадьбы; если же помещения не прилегали плотно одно к другому, то в промежутках между ними ставили стену.

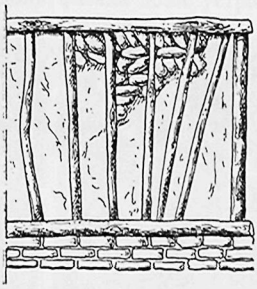
В большинстве случаев дома строятся на цоколе, состоящем из рядов булыжника, прокладываемых циновками. Цоколь делается тем выше, чем ближе к поверхности грунтовые воды. На цоколь укладывается *курсā* — рама из толстых бревен. Затем возводят стены. В ряде районов, например под Самаркандом, в высокогорных районах Исфары и долины р. Сох, применяются деревянные каркасы, одинарные — *синч* и двойные — *кӯш-синч*; балки или жерди, составляющие каркас, ставят вертикально, а также вкось — веером; пространство между ними закладывают глиной, часто в виде комков овальной формы — *гувала*, или сырцовым кирпичом — *хишт*. Однако каркасная конструкция применяется не везде, часто стены возводят из гуаля или кирпича без каркаса, а иногда применяют кладку стен из битой глины — *пахса*. Ниши в стенах, оконные и дверные проемы перекрываются брусьями. Поверх стен вдоль них укладывают балки — *арақ*, которые служат опорой для потолочных поперечных балок — *чӯб*, укладываемых параллельно торцовой стене. Таких балок обычно бывает нечетное число, и в зависимости от их количества помещение называется *ҳафтчӯбā* и *нуҳчӯбā* — «семибалочное» и «девятибалочное». Поверх потолочных балок укладывают плотно одну к другой очищенные от коры расколотые вдоль пополам жерди — *васса*, так что их выпуклые стороны создают своеобразный ребристый рисунок потолка. Поверх васса кладут тростник или траву, которые засыпают толстым слоем земли; затем верх крыши обмазывают глиной, смешанной с мелкой соломой. Ежегодно осенью крышу обмазывают, так как иначе при обильных зимних и весенних осадках она сильно протекает. Стены дома и снаружи и изнутри обмазывают толстым слоем глины, смешанной с соломой, а в комнатах и на террасах иногда покрывают алебастром — *ганч*. Если помещение велико, внутри для опоры крыши ставят столбы. Двери и ставни делают дощатыми или филенчатыми, они вращаются на шипах в гнездах порога и перемычки, пол — глинобитный.

Дом наиболее старого типа состоит из одного помещения прямоугольного в плане — *хона*; входная дверь — *дар* располагается в продольной стене, близко к углу; световые проемы представляют собой небольшие отверстия в стене, расположенные почти под самым потолком, или же низко расположенные дверцы со ставнями — *дарича*. В части помещения, ближайшей к дверям, пол делается несколько ниже; это как бы сени — *даҳлиз*. Здесь устраивают яму для стока воды — *обрез*, перекрывая ее досками, между которыми оставляют щели; при входе в дом здесь снимают обувь. Дахлиз иногда отгораживают от остального помещения горизонтально положенным толстым брусом или невысокой деревянной перегородкой. По стенам помещения устраиваются ниши, большие — для сундука и постельных принадлежностей и маленькие — для посуды и хозяйственных вещей.

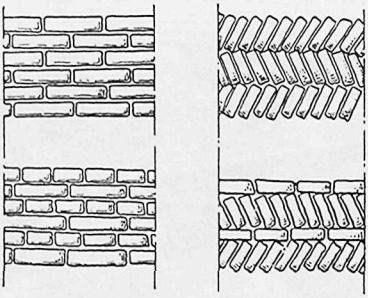


Строительные приемы. Таджики

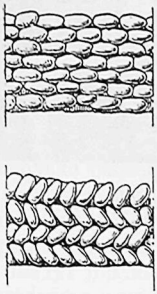
I — конструкция покрытия: «арак», «нова», «хошия» — части карниза; «прамон», «кавзи», «токпуш» — части обвязки потолка; *II* — конструкция цоколя: *1* — цоколь дома в Костакозе; кладка из крупного булыжника, на глине с прослойкой «буйро» (камышовой циновки) и поперечными деревянными связями; угол закреплен брусьями в перевязку (два верхних соединены «в ус» и связаны железными скобами); *2* — цоколь айвана дома в Костакозе; сложен из жженого кирпича на глине, антовые стены обшиты брусьями, соединенными «в ус» и связанными скобами; *3* — цоколь мечети в Канибадаме; каменная кладка с буйро укреплена деревянным ростверком, состоящим из продольных брусьев и поперечных связей со стойками; угол целиком обшит массивными брусьями; *4* — цоколь дома в Ура-Тюбе; ростверк состоит из продольных брусьев и поперечных бревен с глиняным заполнением; *5* — цоколь дома в Ура-Тюбе; угол закреплен стойкой и положенными на угол коротышами-кругляками; глиняное заполнение выветрилось; *6* — цоколь дома в Исфаре; сплошная обшивка из брусьев с поперечными связями и стойками; *7* — цоколь дома в Ура-Тюбе; сплошная обшивка из толстых брусьев с поперечными креплениями



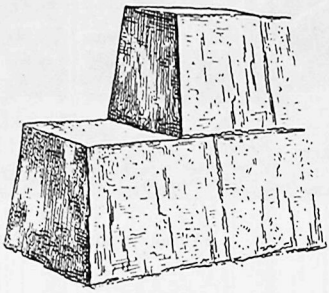
1



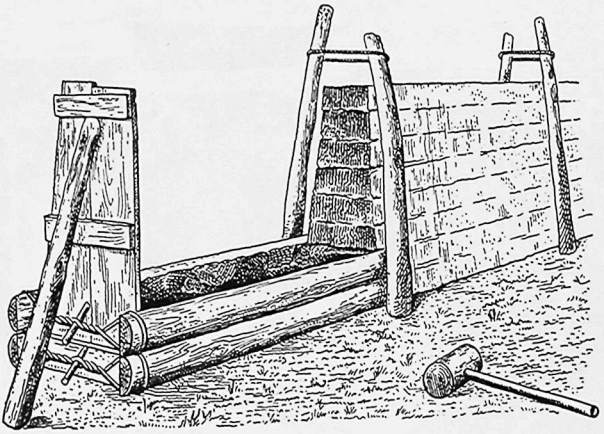
2



3



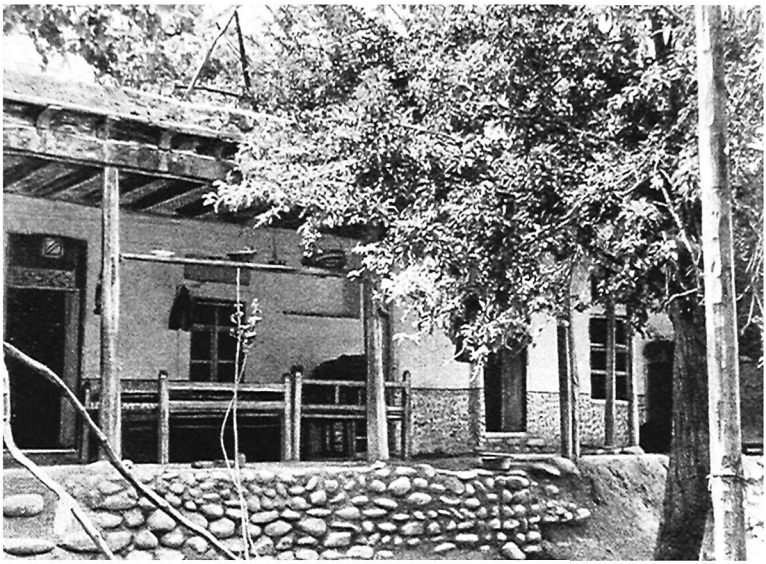
4



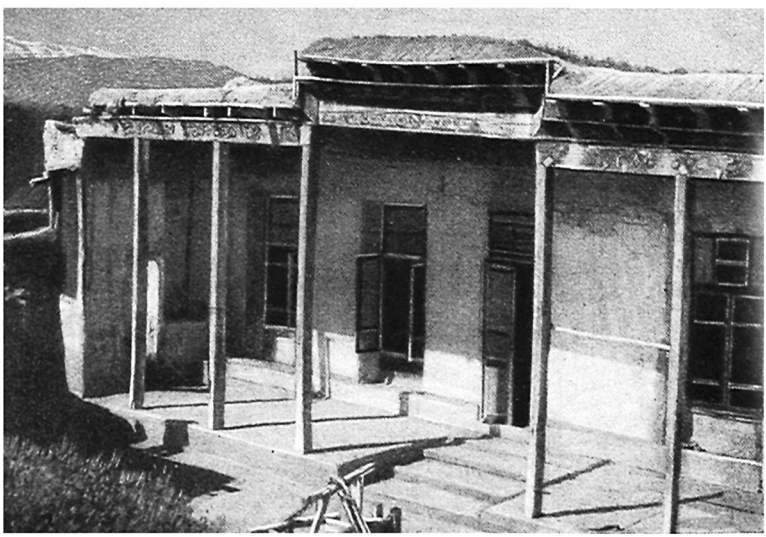
5

Приемы кладки стен. Узбеки, таджики

1 — каркасная стена; *2* — кладка из сырцового кирпича; *3* — кладка из гуаля; *4* — пахсовая кладка; *5* — кладка земляных стен с трамбовкой



«Айван» в доме колхозника. Исфаринский район



Дом с «пеш-айваном» в Ура-Тюбе

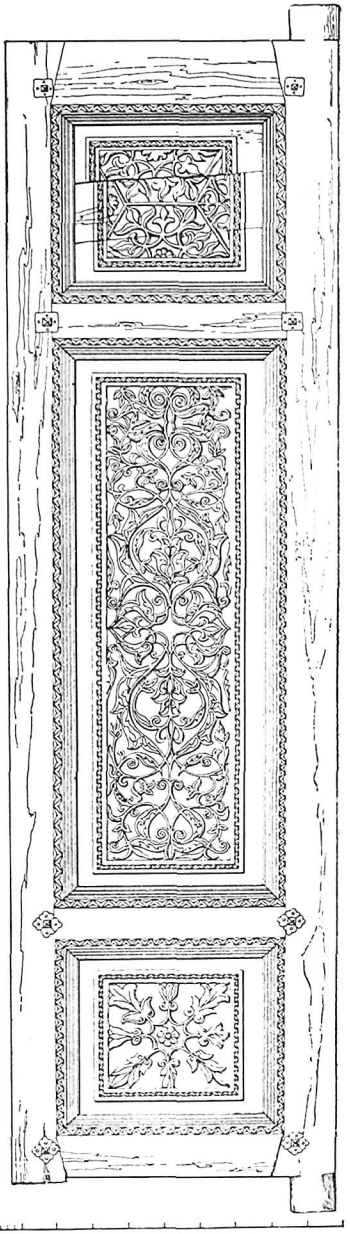
Вдоль фасада дома устраивают террасу — *айвон*.

Для обогревания служит *сандалӣ* — невысокий покрытый толстым одеялом квадратный столик, расположенный над ямой в полу, в которую кладут горячие угли; люди рассаживаются вокруг, просовывая ноги под одеяло. Наряду с сандали в домах устраивают камин —*мӯрӣ*, *касаба*. Камин — с дымоходом в стене, с прямой незакрывающейся трубой и несколько выступающим коробом — помещается обычно в задней стене дома напротив двери или у ближайшей к ней торцовой; под коробом камина находится очаг *ошдон*, а иногда и два — для котла и для кипячения чая. Очаг имеет широко распространенную в Средней Азии форму: он представляет собой круглое углубление в глинобитном возвышении, несколько расширяющееся книзу и имеющее отверстие не только сверху, но и сбоку; сверху на очаг ставят котел, а в боковое отверстие кладут топливо.

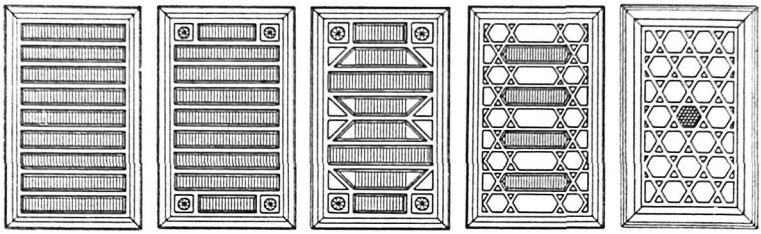
Сравнительно позднее нововведение — превращение бруса или невысокой перегородки, отделяющих дахлиз от комнаты, в настоящую глухую стену с дверью; таким образом получается два помещения: дахлиз, играющий роль кухни, и хона — жилая комната. Дальнейшим развитием является дом из двух жилых комнат, между которыми находится третье помещение, также называемое дахлиз; по всему фасаду дома сооружается айван. Иногда дахлиз забирается спереди решетчатой стенкой с дверью; такое сооружение называется *қашқарча* (т. е. кашгарский, заимствованный из Кашгара).

В некоторых усадьбах айван пристраивают под прямым углом к фасаду дома.

К трехкамерному дому иногда пристраивают позади айвана небольшое помещение для кухни — *ошпазхона* и устраивают в нем камин. Из других хозяйственных помещений, непосредственно при-



Створка резной двери дома в Ленинабаде



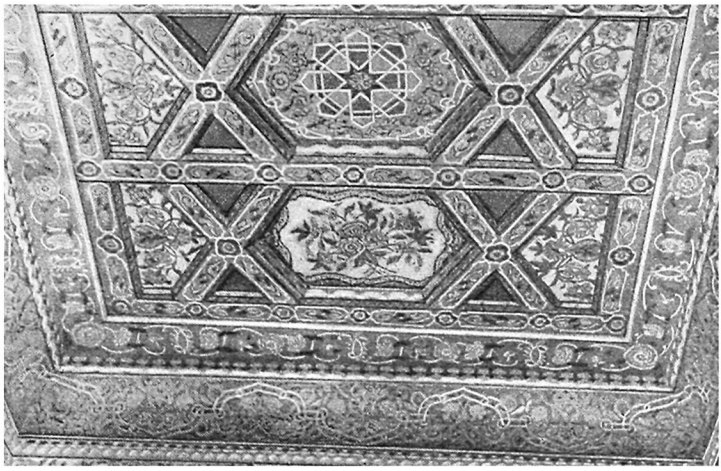
Варианты форм потолка в старых домах Ура-Тюбе и Ленинабада

мыкающих к этому дому или расположенных во дворе, назовем помещение, имеющее функцию кладовой, — *ҳазноҳ*, помещение для дров — *ҳезумхона*, помещение для омовения и мытья — *обхона*, хлев —*оғил*, уборную. Неподалеку от дома устраивается также *танӯр*— печь для выпечки хлеба.

Жилище этих районов богато украшают резным по дереву и ганчу орнаментом и росписью. Резным орнаментом покрывают двери, ставни и в некоторой степени ворота; изящны резные решетки — *тобадон*. Особенно тщательна внутренняя отделка комнат. Художественно оформлены ниши с полочками и арки каминов, которые декорируются фестончатым обрамлением; в глубине ниши расписывают букетами цветов, стилизованными изображениями деревьев и кустов граната. Большое внимание уделяется украшению потолков; балки делают прямоугольными у концов и граненными посередине, немного выгнутыми кверху наподобие коромысла; резьбой украшаются подбалки, которые опираются на столбы. Особенно нарядно отделывают карнизы, которые, как васса и балки, покрывают красочной росписью.

Теплый климат равнинных и предгорных районов Куляба и Гиссара отразился на местном жилище. Жилые постройки отличаются легкой конструкцией, простой архитектурой, отсутствием многих деталей, свойственных жилищу других таджикских районов. В планировке жилища встречаются два основных варианта: двухкомнатный дом с террасой — *долон* — посередине и более простой дом, состоящий из одного помещения; в обоих вариантах перед домом иногда устраиваются крытый айван или же просто глинобитное возвышение — *суфа*. Стены возводят главным образом из пахсы, с глиносаманной штукатуркой. Характерным отличием жилища Гиссара и особенно Куляба является двускатная крыша, крытая соломой или камышом (в долине р. Варзоб также корой), полого спускающаяся на расположенную перед домом террасу. На равнине жилище не имеет потолка, а потому торцовые стены обычно выложены вверху треугольником и подходят под самую крышу. В предгорьях двускатная крыша является надстройкой — *чӯбтора* над обычной плоской среднеазиатской крышей, образуя таким образом чердачное помещение, открытое с торцовых сторон дома. Такое помещение используется для сна в теплое время года и для хранения сена и дров. Такие же двускатные крыши возводятся и над хозяйственными постройками. Пол в домах этого типа глинобитный. Около двери он несколько ниже, чем в остальной части помещения: это *пояи дар*, где оставляют обувь; посередине помещения в полу делают углубление — *чоҳдон*, в котором разводят огонь, оно снабжено поддувалом — подземным каналом, идущим от чахдона под углом и выходящим на поверхность пола к двери; в более высоких местах встречаются и чахдоны без поддувала. Помещение отапливается по черному, для выхода

Фрагмент росписи потолка айвана мехмонхоны. Ура-Тюбе
Работа мастера Усто Рауфа. 20-е годы XX в.



Роспись потолка (общая композиция)

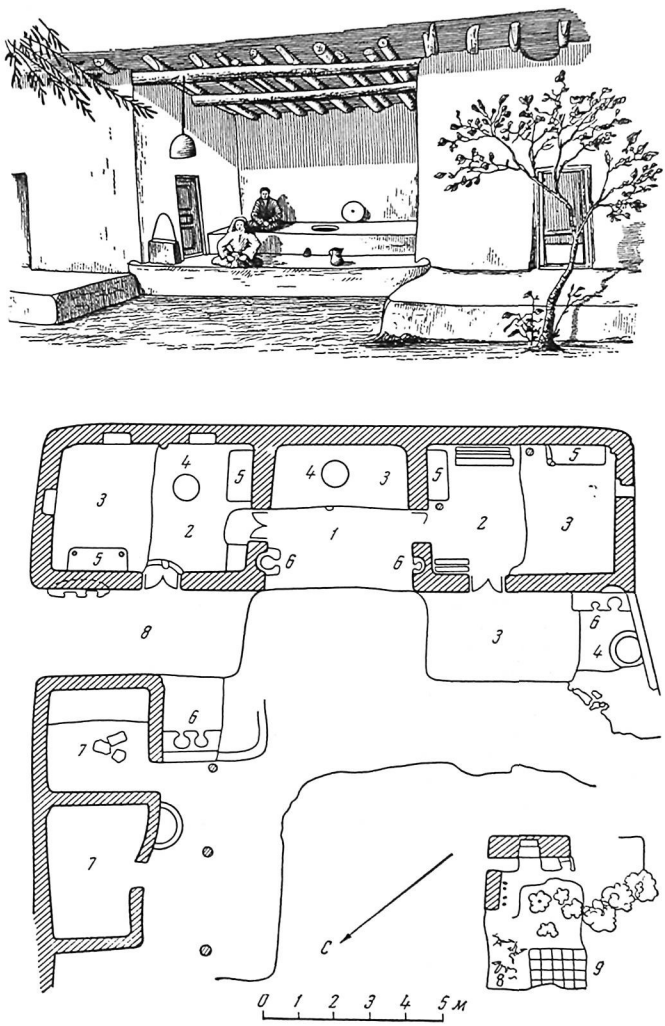
дыма устраивается небольшое отверстие в потолке или в стене под самым потолком. Иногда над чахдоном устраиваются сандали.

Жилище таджика-горца в значительной степени отличается от дома жителя равнины. Здесь отсутствует двор и самый дом не скрыт за высокой стеной. Хозяйственные постройки разбросаны вблизи или в некотором отдалении от него. Жилище делается более массивным, с толстыми стенами и солидной конструкции крышей, чтобы оно могло противостоять снегопадам и защитить его обитателей от морозов и ветров.

В основание дома, особенно если грунт слабый, кладут фундамент из камня; затем возводят стены из необтесанных камней, скрепляемых глиной, или глинобитные, реже из крупных сырцовых кирпичей; стены делают шире в основании и у́же в верхней части. Внутри дома по углам и вдоль стен ставят столбы, основные балки крыши кладут на столбы и на брусья, укрепленные поверх стен; на основные балки укладывают еще ряд поперечных. В больших домах обязательно ставят один или несколько столбов внутри помещения для поддерживания крыши. Потолок делают из хвороста или небольших жердей. Поверх насыпается толстый слой земли и затем крыша обмазывается глиной, смешанной с мелкой соломой. Пол жилища, как и на равнине, делается глинобитный. Прежде окон в домах не устраивали. Высоко в стенах делали небольшие отверстия, прикрываемые деревянными ставенками, которые, как и отверстие в крыше, больше служили дымоходом, чем давали свет.

В горах Таджикистана различается три типа такого жилища.

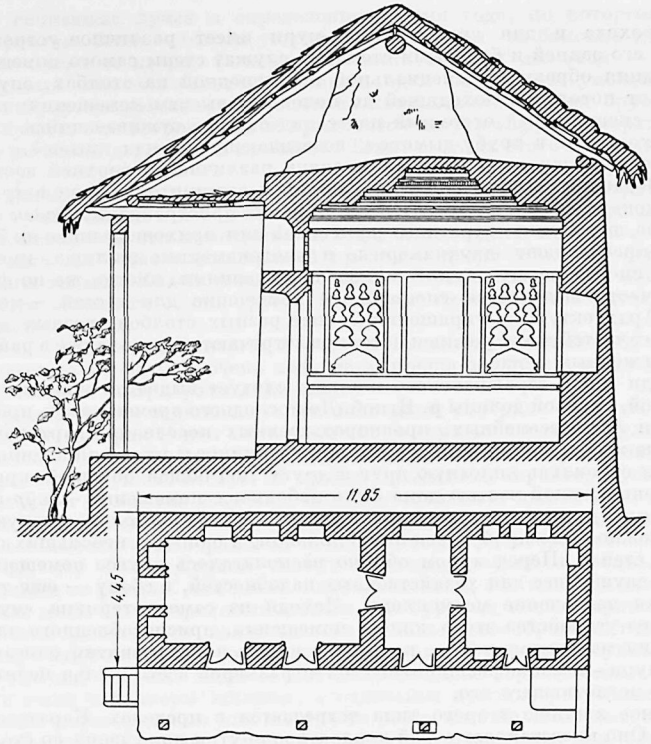
Жилище первого типа распространено в верхней части долины Зеравшана (к востоку от Пенджикента) и на его притоках. Его характерной особенностью следует считать мури — своеобразной конструкции вытяжной колпак над очагом, выводящийся на крышу в виде трубы. В ферганском равнинном жилище термин «мури» употребляют для обозначения камина. Наблюдая формы и размеры мури в различных местах бассейна верхнего Зеравшана, можно установить прямую связь мури-камина с мури-вытяжным колпаком горного жилища. В то время как в более низких районах бассейна Зеравшана встречаются мури-камины, в более



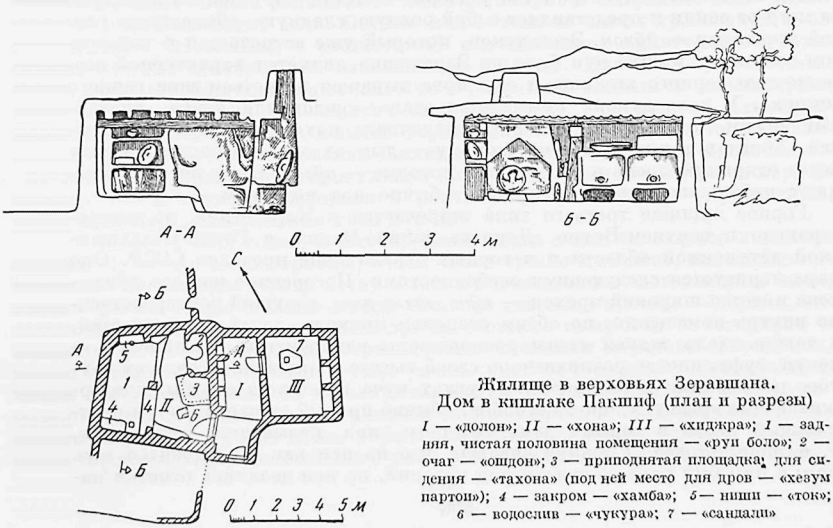
Дом в сел. Лянгар близ Куляба (план и внешний вид)

1 — «долон»; *2* — комнаты; *3* — «суфа»; *4* — «чахдон»; *5* — закрома — «кули»; *6* — очаги; *7* — службы; *8* — огород; *9* — виноградник

высоких мури увеличивается в размерах и превращается в огромный колпак, занимающий значительную часть жилого помещения. Так, например, в Матче однокамерный дом подразделяется на две почти равные части; одна из них — *рӯи боло* имеет несколько приподнятый пол и представляет собой чистую половину дома; другая же, хозяйственная половина почти вся занята очагом с сооруженным над ним вытяжным колпаком и глинобитными зернохранилищами, так что остается небольшое пространство



Дом в Гиссаре (план в разрез)



Жилище в верховьях Зеравшана.
Дом в кишлаке Пакшиф (план и разрезы)

I — «долон»; *II* — «хона»; *III* — «хиджра»; *1* — задняя, чистая половина помещения — «руи боло»; *2* — очаг — «ошдон»; *3* — приподнятая площадка для сидения — «тахона» (под ней место для дров — «хезаум партон»); *4* — закром — «хамба»; *5* — ниши — «токи»; *6* — водослив — «чукура»; *7* — «сандали»

для прохода и для дров. Колпак-мури имеет различное устройство: иногда его задней и боковыми стенками служат стены самого помещения, а передняя образуется специальной перегородкой на столбах, спускающейся от потолка и доходящей до половины высоты помещения; иногда же это специальный огромный навес над очагом, суживающийся кверху и переходящий в трубу-дымоход, возвышающуюся над крышей.

В зеравшанском жилище планировка различна. В верхней части долины Зеравшана и в высокогорных долинах его притоков чаще встречается однокамерное жилище; иногда к нему пристраивается *долон* — небольшое помещение, играющее роль сеней или прихожей; ниже по Зеравшану преобладают двухкамерные и многокамерные жилища, имеющие айван, иногда между двумя жилыми помещениями, иногда же по фасаду дома; часто выделяется специальное помещение для гостей — мехмонхона. Архитектурные украшения в виде резных столбов, резных дверей и других частей дома, росписи потолков встречаются чаще также в районах, расположенных ниже.

Среди типов зеравшанского жилища следует выделить жилище высокогорной, суровой долины р. Ягноб. До последнего времени здесь преобладал тип большесемейных, кровнородственных поселений-кварталов; небольшие жилые помещения группы родственников и их хозяйственные постройки строились вплотную друг к другу под общей большой крышей. Собственно жилой частью дома было небольшое помещение — *мӯр* с очагом — *инкир*; мур имел маленькую дверь, иногда настолько низкую, что в нее можно было пробраться лишь ползком, и одно-два небольших отверстия в стенах. Перед муром обычно располагалось другое помещение — *канна*, служившее для хозяйственных надобностей, а сбоку — еще *ҳуҷра*, имевшая назначение мехмонхоны. Исходя из самого термина «мур», а также из устройства этого жилого помещения, приспособленного для сохранения максимума тепла, нельзя не видеть в нем развития описанного выше мури—камина, расширившегося до размеров всего жилья целиком и как бы поглотившего его.

Горное жилище второго типа встречается в пределах Каратегина и Вахио. Оно представляет собой квадратное внутри помещение со столбом, поддерживающим крышу в центре. Почти весь пол помещения, за исключением небольшого пространства у двери — *аҡиби дар*, поднят примерно на метр от земли и представляет собой ровную, гладкую, обмазанную глиной площадку — *дӯкон*. Этот дукон, который уже встречается в зачаточном состоянии в виде руи боло на Зеравшане, является характерной особенностью горного жилища и еще ярче выражен в третьем типе горного жилища. У края дукона помещается очаг — ошдон или *дегдон*, вделанный внутрь возвышения; отверстие поддувала находится наравне с землей. Топят в таких домах по-черному — дым от очага выходит наружу через открытую дверь и отверстие в потолке — *рӯзан*. Окон нет, их заменяют небольшие проемы в стенах, обычно под потолком — *дарича*.

Горное жилище третьего типа встречается в Каратегине, но распространено в верхнем Вахио, Дарвазе, долине Ванча, в Горно-Бадахшанской автономной области и в горных странах вне пределов СССР. Оно характеризуется следующими особенностями. Посередине жилого дома— *хона* имеется широкий проход — *кӯча*, *таги пога*, ведущий непосредственно внутрь помещения; по обеим сторонам прохода, вдоль боковых стен, а также вдоль задней стены расположены глинобитные возвышения — декун, суфа, иногда различные по своей высоте и отделенные одно от другого невысокими переборками. В углах куча находятся столбы, поддерживающие крышу. Один из столбов, обычно правый от входа, как и центральный столб в горных домах второго типа, называется *шоҳ сутун*, т. е. «царь-столб». Таджики считают, что на нем как бы держится весь дом; с ним был раньше связан ряд поверий, на нем делались отметки па-

дения солнечных лучей в определенное время года, по которым велся счет времени. Очаг — дегдон устраивается в одном из боковых декунов, обычно ближе к двери. В центре потолка имеется дымоход — рузан, образуемый несколькими наложенными одна на другую уменьшающимися кверху квадратными венцами из квадратного сечения брусьев таким образом, что стороны одной приходятся на углы другой; верхняя рама закрывается деревянной крышкой. Топят в домах этого типа также по-черному.

В домах второго и третьего типов к передней части пристраивается долун — тип сеней, а перед ним еще одно помещение типа террасы — айвон, *пештоқ*; оба эти помещения находятся под одной крышей с домом, в середине их оставляется прямой проход к двери дома, по бокам же устроены декуны. Хозяйственные постройки примыкают к дому или группируются вблизи него, они грубы, массивны, их стены возводятся из неотесанного камня.

Дома в Вахио, на Ванче и в горном Бадахшане отличаются своими большими размерами. В очень недалеком прошлом они служили жильем неразделенных патриархальных семей.

Изучение типов таджикского жилища дает материал для его классификации, которая может быть намечена в двух аспектах. С культурно-исторической точки зрения перед нами два вида жилища; границей их распространения служит Гиссарский хребет. Один из них характеризуется развитием мури — камина или надочажного колпака с дымоходом, другой топкой по-черному и наличием рузана — дымохода в крыше, развивающегося в высокогорных районах в массивное колодцеобразное сооружение (см. стр. 534). Другой аспект — географический и социальный: чем дальше от равнин, чем выше и глубже в горы, тем жилище становится более массивным, приспособленным для суровых высокогорных условий, в нем развивается целая система дуконов, своеобразных глинобитных нар-лежанок, высоко поднятых над полом. В труднодоступных горных районах, где еще недавно бытовали большие неразделенные семьи, велики были и размеры жилища, а отдельные дуконы, разделенные небольшими перегородками или же просто различные по своей высоте и отделенные один от другого уступами, были предназначены для обитания отдельных супружеских пар большой семьи вместе с их малолетними детьми.

Описанное нами таджикское жилище бытует и сохраняет свою специфику до настоящих дней. Однако под влиянием новых требований и запросов колхозников, в соответствии с повышением культурного уровня населения, претерпевает изменение и жилище. Наиболее существенные преобразования жилища связаны со стремлением создать те элементарные удобства, которых было лишено старое жилище. Повсеместно, как в равнинных, так и в горных и высокогорных районах, население стало отказываться от системы отопления жилища по-черному и старых способов освещения и проветривания жилища, которые были не только очень неудобны, но и служили источником различных заболеваний — простудных, ревматизма, заболевания глаз и т. п.

Уже с 1930-х годов, с того времени, когда стали завозиться в кишлаки строительные материалы, в том числе стекло и железо, население начало переходить к устройству в жилых помещениях застекленных окон; на равнине, где жилища имели большие световые проемы — дарича, застекляли их, а в горах расширяли световые отверстия и вставляли в них застекленные рамы. Первоначально стеклили парадные помещения, в частности мехмонхона, но постепенно окна со стеклами стали делать и в жилых комнатах. От нераскрывающихся застекленных рам начали переходить к распашным; на равнине оконные проемы, находившиеся раньше почти на уровне пола, переделывали и поднимали повыше. Помимо открывающихся застекленных рам, устраивали еще деревянные ставни,

которые во многих местах окрашивали масляной краской, преимущественно в голубой или зеленый цвет.

Большое распространение еще в 1930-х годах получили в домах железные печи-времянки с трубами, выводившимися в отверстие в стене; при этом часто заслонок в трубах не было и тепло держалось в помещении лишь во время топки. Широкое распространение таких времянок объяснялось простотой их устройства и установки. Во многих домах, особенно в горных районах, этими времянками пользуются и сейчас, всячески их усовершенствуя (устраивают заслонки, времянку обкладывают кирпичом и т. п.). На равнине в настоящее время широкое распространение получают и печи-голландки; иногда при этом существовавшие ранее камины снимают и переносят в пристроенную к дому небольшую кухню. Все это способствует созданию необходимых санитарно-гигиенических условий в жилище. К мероприятиям такого рода относится и настилка деревянных полов, все чаще заменяющих прежние глинобитные.

Большое внимание обращают колхозники и на отделку жилого помещения. Если раньше, особенно в домах, где топили по-черному, потолок и стены жилого помещения обычно были закопченными, то теперь тщательно следят за чистотой, периодически возобновляют штукатурку и побелку стен, а нередко окрашивают их масляной краской и украшают художественной росписью. Расписывают также и потолки, нередко теперь их обшивают фанерой.

По-новому стали обставлять жилые помещения. Раньше большинство домов крестьян отличалось примитивностью и беднотой убранства. Теперь здесь появились новые, красивые и удобные предметы убранства и обстановка, что создает уют и комфорт, жилые комнаты хозяйки стараются прибрать понаряднее и содержать в порядке. Колхозники приобретают ковры и паласы и застилают ими полы, ковры вешают также на стены. Ниши и двери декорируются тюлевыми или бархатными занавесками. Приобретают никелированные кровати, при этом стараются убрать их красивыми одеялами и подушками; постельные принадлежности хранят так же, как и раньше, в нишах, но теперь эти ниши снабжают застекленными дверцами. Во многих домах появляются и шкафы с застекленными дверками, в них аккуратно укладывают красивые носильные вещи. Стены украшают картинами и фотографиями, чего раньше обычно не делали. Покупая фабричную посуду — стеклянную, алюминиевую и эмалированную, ее стараются расставить на полках и в нишах красиво и аккуратно.

Для настоящего времени весьма характерно, что вместе с появлением мебели, в частности столов, стульев и кроватей, нередко еще по старой привычке в доме сидят на коврах и паласах, считая это более удобным; в то время как молодежь, особенно молодые пары, для которых отводится часто лучшее помещение, спят уже на кроватях, пожилые люди, оставаясь верны старым привычкам, стелят себе постель на полу. В теплое время года, когда живут главным образом на открытых айванах, все обитатели дома едят и спят на коврах или паласах, кроватях-помостах, называемых *кат*. Приобретаемые столы во многих домах употребляются для установки на них таких вещей, как патефоны, радиоприемники, для книг, письменных принадлежностей; столами также пользуются школьники для приготовления уроков. В домах появились и другие нововведения; при доме строят небольшие бани, пол в них цементируют и делают водосток, устраивают топку с вмазанным котлом и плиту с конфорками.

Из года в год все большее число колхозников переселяется в современного типа дома, покидая свое старое жилище. Новые дома таджиков, как и дома других среднеазиатских народов, сохраняют некоторые местные особенности. В зависимости от района их возводят из жженого кирпича, сырцового кирпича, камня или же из глины — пахсы; дома обычно белят изнутри и снаружи. Крышу устраивают плоскую — среднеазиатскую,

хотя весьма часто теперь эта вековая традиция нарушается и сооружают двускатные крыши, покрываемые железом, шифером или черепицей. По фасаду дома пристраивают открытую террасу с кровлей. На участке при доме разбивают сад, часто фруктовый, устраивают водоем, питаемый водой из оросительной сети.

Одежда

Несмотря на то, что известная часть таджиков, особенно в городах и рабочих поселках, теперь носит общераспространенные городское платье и обувь, национальный таджикский костюм продолжает бытовать, главным образом среди сельского женского населения. В наибольшей степени он сохранился в отдаленных горных районах.

Женский костюм в горных районах (Каратегин и Дарваз) состоит из платья-рубахи—*курта*, шаровар — *эзор* или *пойчома*, стеганого халата — *чома*, головного платка— *рӯмол* (*нумол*), *соба*, *дока*. За последние годы в районных центрах стали носить также *камзӯл* — верхнюю одежду в виде узкого в талии пальто, заимствованную у жителей равнинных районов. Рубахи шьют обычно из бумажных и шелковых фабричных тканей, однотонной белой, цветной, или из набивных ситца и сатина с ярким орнаментом; местами встречаются еще курта из кустарных бумажных и шелковых тканей. Туникообразного покроя курта служит одновременно и нательной и верхней одеждой; шьют ее из одного куска ткани, сложенного пополам на плечах; в бока вставляют скошенные клинья, рукава делают длинными и прямыми по всей длине и пришивают к основному полотнищу. Больше всего рубахи отличаются одна от другой покроем ворота, с которым связано и название их: рубахи с клинообразным глубоким вырезом на груди— *пешчокак*, со стоячим воротником с плиссированной сборкой — *парпарӣ*, со стоячим воротником без сборки — *ҳазоҳӣ*, платье с отрезной кокеткой и отложным воротником — *ӯзбакӣ*; раньше девичью рубаху в отличие от женской шили не с вертикальным разрезом спереди, а горизонтальным на плече, теперь это различие уже исчезло. Рубахи для девушек и молодых женщин украшались вышивкой вдоль воротника, на концах рукавов, на подоле.

Женские шаровары обычно широкого покроя и доходят до щиколотки, низ штанин подгибают и подшивают; иногда его обшивают узорной тесьмой — *шероза*; шаровары нередко шьют из ткани двух сортов; верхнюю часть — *лифа* делают из кустарной хлопчатобумажной ткани — карбос, верх подгибают и подшивают, пропуская тесемку. Нижнюю часть (штанины и клинья в шагу) делают из цветного ситца, сатина, шелка, полушелковой материи бекасаб или адраса.

Женский халат почти не отличается по покрою от мужского. В старое время женщины в горных районах халатов вообще не носили, считалось, что женщина не нуждается в верхней одежде.

Головные платки делают из белой кисеи, носят также фабричные белые вязаные платки, шелковые или полушерстяные; платок обычно большого размера (до 2 м по каждой стороне), его складывают по диагонали и набрасывают на голову концами за спину; молодые женщины часто повязывают платок, закрывая лоб и завязывая концы на затылке. В последнее время женщины стали носить тюбетейки — *тоқӣ*, что раньше не было в обычае. Женщины расчесывают волосы на прямой пробор, затем плетут тоненькие косички впереди — *печа*, оплетая лоб, а также с боков, над ушами — *торак*; основные две косы, плетущиеся за ушами, называют *гусӣ*; к ним приплетают косички торак. К собственным косам обычно приплетаются искусственные из простых или шерстяных ниток черного цвета — *чура*, *кокул*, заканчивающиеся кистями из разноцветных ниток и бисера.

Обувь теперь носят главным образом фабричную, в основном туфли или резиновые галоши в острыми носками. Иногда еще носят *маҳсӣ* —

Пожилой таджик в национальном костюме

мягкую обувь с высокими голенищами, надеваемую с галошами, которая в свое время была заимствована у татар. Иногда встречается еще старинная местная деревянная обувь *кауш* на трех шипах. В теплое время года обувь надевают на босую ногу, а в холодное—на шерстяные орнаментированные чулки *ҷуроб*; такие чулки местные женщины вяжут из разноцветных шерстяных ниток.

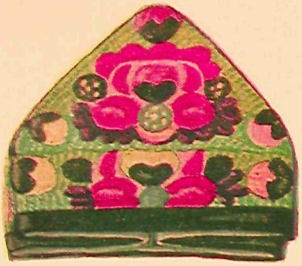
Постоянным украшением для женщин служат бисерные повязки на шею — *гулӯбандак* и ожерелье — *мӯҳра*, которые делают из монет и коралловых бус. Употребляют также браслеты — металлические и из бус, некоторым бусинам придают магическое значение; носят также кольца, иногда с глазком из цветного стекла.

Мужской костюм состоит из рубахи, шаровар, халата, поясного платка и тюбетейки. Рубахи и штаны сейчас шьют из светлых фабричных тканей. Мужская рубаха — *куртаи китфак* имеет тот же покрой, что и женская курта, только делают ее короче, с несколько более узкими короткими рукавами, иногда немного скошенными, с полукруглым вырезом на шее и горизонтальным разрезом вдоль одного из плеч (встречаются рубахи и с вертикальным вырезом по левой стороне груди). Широкое распространение получил другой тип рубахи — *куртаи яктагӣ*, заимствованный, возможно у населения Ферганской долины. Штаны — *эзор* делают, как и женские, на вздержке, широкими сверху и суживающимися книзу, но более короткими, чем женские. Рубаху носят навыпуск, поверх штанов и подпоясывают сложенным по диагонали большим платком — *лоқӣ* или вышитым по краям *чорсӯ* (буквально — четыре стороны). Поверх рубахи и штанов надевают халат. Летний халат без подкладки раньше делали из особой кустарной хлопчатобумажной ткани — *сатранҷӣ* (по своей фактуре напоминавшей вафельное полотенце), а теперь — из фабричной ткани, которая называется *яктагӣ*. Зимой носят стеганые на вате халаты из цветных фабричных тканей, на подкладке. Однако наиболее характерной верхней мужской одеждой для горных районов в холодное время являются широкие шаровары — *шорагза* и широкий же запахивающийся халат с очень длинными рукавами — *чакман*; то и другое шьют из кустарной узкой шерстяной ткани — *равза*, весьма плотной и добротной выделки; ворот чакмана украшают орнаментом из цветных шерстяных ниток; чакманы и шорагза имеют естественный цвет шерсти — белый, черный или коричневый. Шорагза и чакман надевают обычно в стужу или в дальнюю дорогу, при этом в шорагза заправляют и надетый под чакманом халат. Зимой обычно поясной платок надевают поверх стеганого халата или чакмана.

Молодуха «келинчак». Куляб

Женская одежда и украшения горных таджиков

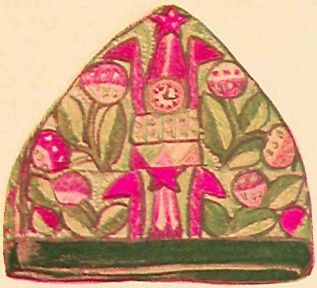
1 — девичья рубаха — «куртаи китфак». Дарваз; *1а* — деталь вышивки на рубахе; *2* — тюбетейка «токы». Прикаширье; *3* — серьга «гушвор»; *4* — шейное украшение «гулюбанд»; *5* — образцы вышитой тесьмы «зи»; *6* — штаны «изори занона»; *7* — рубаха молодой женщины «пешчокак». Каратаг; *8* — деталь вышивки на рукавах белой рубахи, надеваемой под цветную шелковую. Куляб



1

4

2



5

3

6

Основные типы современных тюбетеек таджиков и узбеков

1 — Ташкент; *2* — Китаб; *3* — Самаркандская область; *4* — Ура-Тюбе; *5* — Ленинабад; *6* — Дарваз

Головным убором мужчин всех возрастов служит тюбетейка. Типичной для горных районов является конусообразная тюбетейка с круглым околышем; такая тюбетейка простра́чивается, а в расходящиеся от ее вершины стежки, между верхом тюбетейки и подкладкой, вставляется для прочности свернутая в тугой валик вата — *пилта*; по околышу строчка идет вокруг горизонтальными рядами. Тюбетейки в большинстве случаев вышивают растительным или геометрическим орнаментом; околыш обшивают орнаментированной тесьмой шероза, *зӣ*, вышитой тамбурным швом. За последние годы в горные районы проникла тюбетейка *чустӣ* (см. ниже). Чалму, распространенную в других районах, в горах почти не носят. В холодную погоду голову обматывают поверх тюбетейки шерстяным платком или же надевают меховые шапки. Мужчины, как правило, бреют голову, оставляя усы; бороду отращивают уже в более старшем возрасте.

Таджик в национальной одежде. Северный Таджикистан

Горные таджики носят цветные шерстяные чулки джураб. Икры ног, особенно в дальнюю дорогу, крепко бинтуют широкой тесьмой — *пойтоба*, что по существующему представлению придает ноге крепость при ходьбе. Башмаки из сыромятной кожи — *чорухӣ*, или же *муккӣ*, из более тщательно выделанной кожи, шьют из двух половин, со швом посередине, на мягкой подошве; местами еще употребляют деревянные башмаки — кауш.

У равнинных таджиков северных районов (Ленинабадский и смежные с ним районы) уже совершенно не употребляется частично еще бытующая в горах кустарная ткань (за исключением некоторых видов шелковых тканей, изготовляемых ткацкими мастерскими). Женская одежда у таджиков северных районов также состоит из рубахи курта и штанов эзор. Начиная с детского возраста и лет до 40—45 женщины сейчас носят рубахи *камзӯлбуриш* (рубахи покроя камзола). Это длинная рубаха, доходящая до щиколоток, с отрезной кокеткой, швами на плечах и длинными вшивными прямыми рукавами; стан рубахи кроят прямым и собирают у кокетки в сборки или складки, спереди кокетку разрезают по вертикали и края разреза подшивают, воротник делают отложной. Пожилые женщины носят рубахи туникообразного покроя, по фасону напоминающие рубахи горных таджичек, но со стоячим воротником, застегивающимся спереди, эти рубахи называют *иттико*. Рубахи делают ситцевые или шелковые, из тканей с рисунком, более яркие для девушек и молодых женщин, более темные для женщин постарше, для старух светлые или белые. Штаны делают широкими вверху, узкими и отороченными расшитой шелковой тесьмой (*чияк*) внизу.

В качестве верхней одежды как домашней, так и выходной употребляется короткий жакет — *кастум*; его носят все, исключая маленьких девочек и очень старых женщин. Молодые девушки и девочки носят короткий жилет. Наряду с жакетами женщины носят также халаты — *чапон*. Халаты делают всегда на вате (летние на тонкой ватной стежке). Эти халаты имеют вид прилегающего в талии пальто с отложным воротником и широкими лацканами, с хлястиком на талии. Верхнюю одежду шьют главным образом из плюша, вельвета, бархата.

Голову покрывают платком — *қарс*, теперь главным образом шелковым, цветным, более светлым и ярким — молодые женщины и более темным — пожилые. Существует много способов повязывания платка; чаще всего платок складывают по диагонали и, накидывая на голову, повязывают простым узлом на затылке, оставляя открытыми уши; иногда, например во время работы, платок, перекрещивая концы на затылке, завязывают узлом спереди; зимой поверх обычного платка надевают шерстяной или пуховый. Сейчас все шире входит в быт в качестве летнего женского головного убора тюбетейка; ее носят в основном девушки и молодые женщины, часто и без платка, укладывая иногда вокруг нее косы. Тюбетейка как женский головной убор появилась лишь после революции, так же как и в горных районах; до революции тюбетейку под платком носили лишь женщины долины нижнего Зеравшана (таджики Самарканда и Бухары). Девочки, а также девушки и молодые женщины волосы заплетают во множество косичек как спереди, так и сзади; с возрастом женщины перестают заплетать волосы спереди. В последнее время многие женщины стали укладывать косы вокруг головы, что вызвано удобством такой прически во время работы.

Украшений сейчас носят мало, из них наиболее распространены серьги.

Махси с галошами теперь носят обычно пожилые женщины, а остальные надевают их только в холодную и грязную погоду; в основном же женщины перешли к фабричной обуви — открытым туфлям или полуботинкам, которые вне дома носят с чулками.

Мужской костюм состоит из рубахи навыпуск, обычно белой, заправленных в сапоги штанов, пояса и тюбетейки; в холодное время носят халаты.

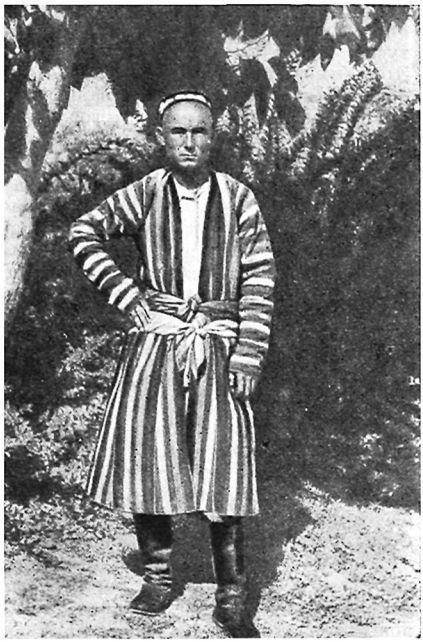
Мальчики и молодые мужчины носят рубахи прямого русского покроя с высоким воротником. Мужчины постарше носят типичную для Ферганской долины рубаху куртаи яхтак. Она имеет туникообразный покрой, скошенные, расширяющиеся книзу бока и суживающиеся книзу рукава; спереди делается глубокий вырез, пришивной, стоящий сзади воротник сходит спереди на нет. Рубаха эта ведет свое происхождение от нательного халата яктаги, носившегося еще в XIX в. Штаны местного покроя, широкие, вверху на вздержке, постепенно выходят из употребления, их носят теперь лишь пожилые люди. Рубаху носят поверх штанов, подпоясывая поясом-платком карс из шелковой или бумажной ткани, вышитым по четырем сторонам; концы платка завязываются узлом на талии или бедрах, слегка на бок. В некоторых местах принято повязывать сразу два платка, один из них служит своеобразным карманом (в него заворачивают хлеб и различные мелочи, к нему подвешивают ножик в ножнах). Халаты, так же как и женские, делают на вате; они имеют туникообразный покрой; шьют их главным образом из сатина или из полушелковых тканей, вырабатываемых местными предприятиями.

Из тюбетеек, которые носят, буквально, все, от детей до стариков, наиболее распространена тюбетейка чусти (буквально «чустская» — обычно черная, квадратная, с вышитыми белыми нитками четырьмя изображениями «огурца» или «перца»). В холодное время года мужчины, как и в горных районах, поверх тюбетейки повязывают головные платки или же надевают меховую шапку. Голову раньше обычно брили, теперь волосы чаще стригут, молодежь нередко оставляет длинные волосы. Теперь

большинство молодых мужчин бреет также бороду и усы или же оставляет усы. Бороду носят только пожилые люди.

Обувь носят фабричную — высокие сапоги, летом иногда парусиновые туфли и ботинки.

Как видно из изложенного выше, в национальном костюме таджиков имеются различия, наиболее существенные в одежде горных и равнинных таджиков. Но некоторые различия можно наблюдать и по отдельным районам. Так, ферганским таджикам свойствен более короткий, облегающий фигуру халат, с узкими и сравнительно короткими рукавами, в то время как таджики других мест, в частности Гиссара и Зеравшанской долины, носят более просторные халаты с широкими рукавами; халаты ферганских таджиков шьются из ткани темных тонов — черной, синей или зеленой, халаты гиссарцев, самаркандцев и кулябцев — более ярких цветов, а излюбленная расцветка у бухарцев — полосатая, розовая с черным. Варьируют по отдельным районам также и типы тюбетеек и их орнамент (своеобразны тюбетейки Исфары, Канибадама, Ленинабада и некоторых других мест), а также женские прически и манера заплетать волосы.



Молодой колхозник в праздничной одежде. Ленинабадский район

Однако таджикский костюм даже в прежнее время, при значительной изолированности отдельных районов, в частности горных, не оставался неизменным. Выше было сказано о проникновении в горные районы таких элементов одежды, как махси, перенятых с равнины, где они в свою очередь были заимствованы от татар, или как рубаха типа яхтак. Вновь проникавшие в тот или другой район элементы костюма, новые моды, естественно, воспринимались молодым, менее консервативным поколением, в то время как старшее поколение продолжало держаться старины.

Вполне естественно, что с ликвидацией после революции былой изолированности и в связи с распространением одежды фабричного производства, использующего национальные мотивы, проникновение отдельных элементов национальной одежды из одного района в другой стало еще более широким; ярким примером этого является распространение почти повсеместно среди таджиков и узбеков тюбетейки чусти.

Наряду с национальным костюмом с каждым годом все более входит в быт общераспространенное городское платье и обувь. В результате этого в настоящее время костюм таджика и таджички, особенно в городах и промышленных районах (у рабочих, служащих, интеллигенции), в районных центрах, является уже целиком городским или же смешанным, в котором национальные принадлежности одежды сочетаются с городскими.

Характерно, что быстрее всего исчезают различные виды местной обуви; у мужчин их заменяют сапоги и ботинки с галошами, у женщин — туфли (чаще на низком каблуке), надеваемые поверх чулок и носков. Это объясняется гораздо большим удобством и прочностью фабричной обуви. Наиболее стойко сохраняются национальные головные уборы — тюбетейки (которые, как уже говорилось, не только не исчезают, но вошли в обиход и у женщин), а также яркие и красочные головные платки, которые теперь выпускают с учетом национальных вкусов народов Средней Азии, в том числе и таджиков.

Пиджак и брюки получают все более широкое распространение; они сочетаются часто с такими принадлежностями национального костюма, как поясной платок и тюбетейка, а также нередко и халатом в качестве верхней одежды. После войны привились гимнастерки и брюки военного покроя, которые не стесняют движения и удобны. Интеллигенция как в городах, так и в районных центрах в теплое время носит белые костюмы — белый китель и брюки навыпуск. Женщины, хотя и сохраняют в основном в своей одежде местный национальный покрой, для платьев и верхней одежды употребляют фабричные ткани, обычно сообразно с национальным вкусом яркие и богато орнаментированные.

Мужское белье, верхнюю одежду местных фасонов и женскую одежду шьют дома. Сейчас во многих домах имеются швейные машины. Мужские костюмы шьют в государственных пошивочных мастерских. Многие принадлежности одежды покупают готовыми в магазине, особенно верхнюю одежду и костюмы. Постепенно входит в обиход и готовое покупное белье, в частности майки и трусы, рубахи, а также чулки и носки.

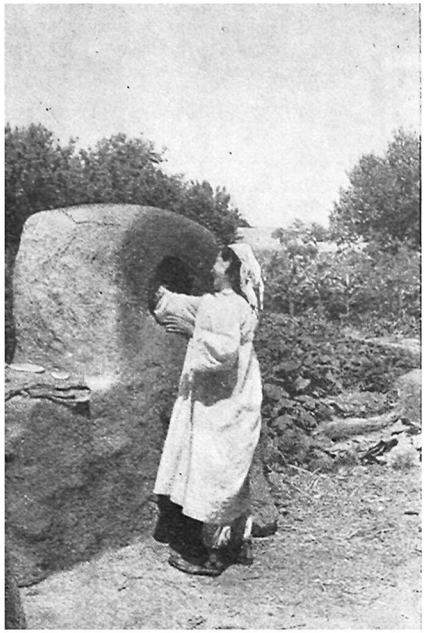
Таким образом из принадлежностей национального костюма сохраняются в основном такие, которые наиболее красочны, нарядны и в то же время удобны: тюбетейки, женские головные платки, женские платья, поясные платки и характерный для народов Средней Азии халат.

Пища

Пища у таджиков в старое время, при натуральном хозяйстве, в значительной степени варьировала по отдельным районам в зависимости от преобладания тех или других продуктов сельского хозяйства. Так, например, в горных районах, где преобладали посевы пшеницы и ячменя, а также было развито скотоводство, основными продуктами питания служили хлеб и молоко; на равнине и в предгорьях, помимо хлеба, в большом ходу был рис, разнообразные фрукты и виноград; молока употребляли мало; мясо как в горах, так и на равнине для большинства населения не было повседневным продуктом питания; жителю равнины, в силу несколько большей зажиточности и наличия базаров, оно все же было больше доступно, чем горцу, который ел мясо лишь во время семейных и общественных праздников или в том случае, когда приходилось из каких-либо соображений заколоть козу или овцу. В связи с этим можно отметить и известную специфику в приготовлении пищи: в то время как в горах наиболее употребительными были блюда из мучных и молочных продуктов, главным образом масла, на равнине более характерным являлось сочетание мучных продуктов с мясом и овощами, причем для печения и жарения употребляли в основном растительное масло, в частности хлопковое. Эта специфика, закрепленная определенными вкусами и традициями, сохраняется и в настоящее время, несмотря на то, что теперь состав пищи значительно меньше зависит от продуктов собственного хозяйства и в быт широко вошли продукты питания, приобретаемые на базарах и в магазинах.

Таджики, как и другие народы Средней Азии, выпекают хлеб в виде лепешки — *нон*. В равнинных районах хлеб пекут в особых глиняных печах тануp, представляющих собой по форме верхнюю половину большой корчаги, установленной на постаменте боком, широким отверстием к стене, а горловиной наружу; сверху тануp оштукатуривается глиной,

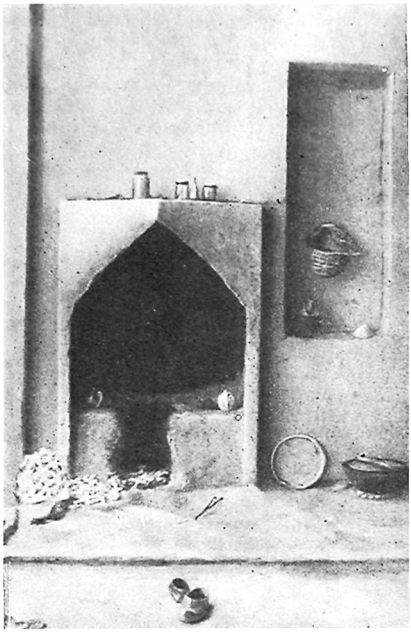
смешанной с соломой, делается лишь небольшое отверстие для выхода дыма. В горных районах для выпечки хлеба служит очаг ошдон или дегдон, устраиваемый на краю глинобитного возвышения; он служит также и для приготовления пищи (см. стр. 591). В тануре или ошдоне разводят огонь и, когда стенки достаточно накалятся, на них налепляют лепешки из теста. Тесто для хлеба бывает пресное и заквашенное; в качестве закваски употребляют кусок теста, оставленный от предыдущей выпечки. Хлеб пекут ежедневно, так как лепешки быстро черствеют; черствые лепешки едят, размачивая в жидкой пище или в чае.



Выпечка лепешек в тануре. Канибадамский район

Лепешки пекут различной величины и толщины. В горных районах, например, из кислого теста приготовляют тонкие лепешки — *чаппоти*, напоминающие большие блины; их употребляют для приготовления различных кушаний; во время еды прежде они служили и в качестве тарелок, на них выкладывали куски мяса, овощи; чапоти являются и ритуальным хлебом, их пекут, например, во время поминок, когда режут в память о покойном барана или быка; куски мяса раскладывают на чапоти, оделяя им всех присутствующих, а отсутствующим посылают один или два куска мяса, завернутые в чапоти. Из пресного теста и на равнине и в горах пекут также более толстые лепешки — *фатир*; в некоторых горных районах (например, в Каратегине) из кислого теста пекут очень большие лепешки, диаметром до полуметра, называемые *гирдача*; маленькие лепешечки, часто сдобные, на масле,— *кулча*, делают обычно для праздничного угощения, в дорогу; сдобными пекут и слоеные лепешки — *қатлама*. Кроме хлеба, из теста в горах приготовляют только лапшу — *оши бурида*, *оши орд* (буквально — резаное кушанье, мучное кушанье), а на равнине тесто широко употребляется для приготовления различных пирожков — *самбӯса* (с мясом, морковью, тыквой), пельменей вареных — *тушбера* и на пару — *манту*. В настоящее время почти повсеместно употребляется только пшеничная мука, в то время как раньше, особенно в горных районах, употребляли также ячменную муку, выпекая из нее хлеб — *нони чавин* или мешая ее с пшеничной. В семьях бедняков муку приготовляли также из проса и сорго.

Зерно размалывают в муку на водяных мельницах — *осиё*, устраиваемых в горах на маленьких речках, а на равнине главным образом на каналах; крупу обдирают на крупорушках — *обҷувоз*, которые также приводят в действие силой падающей воды. Сейчас мельницы и крупорушки обычно являются собственностью колхозов.



Камин ферганского типа в одном из домов Ленинабадского района

Заготовка впрок молочных продуктов в горных районах производится в основном летом (см. стр. 558), во время пребывания на пастбище. Для переработки молока употребляют чугунный котел, которым пользуются и для приготовления пищи. Все имеющееся молоко сливают в котел через небольшое сито — *элакча*, а затем кипятят; когда молоко остынет, в него вливают немного пахтанья, в таком виде молоко стоит несколько часов и закисает, превращаясь в кислое молоко *чургот*, из которого сбивают в маслобойке масло. Оставшееся пахтанье — *дӯг* — переливают в особый мешок, добавляют немного соли и подвешивают; сыворотка стекает, а дуг принимает более плотную консистенцию и в таком виде называется *чакка*. Масло в сыром виде (*маска*) содержит различные примеси и долго не сохраняется; для заготовки впрок его перетапливают в котле, бросая в котел муку и брызгая водой, после чего вся примесь осаждается; перетопленное масло (раугани зард) сливают в кувшины и в таком виде хранят. Из чака приготовляют сыр — *қурут*, для чего чака, посолив, скатывают в шарики, которые потом высушивают. В качестве лакомства, потребляемого сразу же, иногда приготовляют творожный сыр — *панир*, для чего во время кипячения молока в него подливают немного пахтанья, и молоко створаживается.

Сырое и кипяченое молоко дают главным образом детям. Скисшее само по себе молоко в пищу не употребляется. Излюбленным является джургот, который заправляют различными пахучими травами (лук, кориандр) и едят с хлебом; пахтанье тоже едят с хлебом или употребляют в качестве приправы к другим кушаньям; сушеный сыр, курут, употребляют в пищу в дороге, на поле, а зимой для заправки различных кушаний, для чего его распускают в горячей воде; свежее масло едят с хлебом и чаем; топленое масло используют лишь при готовке пищи.

Таджики выращивают различные овощи. В прошлом в равнинных районах, а теперь повсеместно сажают много моркови, необходимой для приготовления излюбленного национального блюда — плова; зеленый лук служит существенной приправой для различных кушаний, а репчатый лук употребляют главным образом для плова и различных жарких; широко употребляется в пищу тыква, которую едят вареной в виде каши, а на равнине употребляют в качестве начинки для пирожков; свекла в некоторых горных районах служит необходимой составной частью для овощной похлебки — *атола*. С 1930-х годов прочно вошли в быт таджиков помидоры и картофель, которых раньше, особенно в горах, почти не зна-

ли. В качестве приправы употребляют красный перец, тмин — *зира*, кориандр — *гашнич* и др. Следует упомянуть еще различные бобовые, которые кладут в супы и похлебки или приготовляют в виде каши.

Выше отмечалось, что в равнинных районах в качестве жира употребляют главным образом растительное масло,чаще всего хлопковое — *равгани семечка*, льняное — *равгани загир* и масло из дынных семян, грецких орехов, абрикосовых и персиковых ядрышек. Перед употреблением растительное масло очень сильно прокаливают. Льняным маслом пользуются и в горных районах. Из животных жиров употребляется баранье и говяжье сало — *равгани дунба*, а в горах также и топленое масло. Мясо предпочитается баранье; говядина занимает второе место; куриное мясо употребляется не везде, например у ферганских таджиков его почти не едят, а среди таджиков бухарского оазиса и в горах, напротив, его очень любят. Яйца едят главным образом сваренными вкрутую, в горных районах приготовляют и яичницу с мукой. Из дичи едят мясо перепелов и фазанов, считающееся лакомым блюдом; едят мясо горных козлов, считающееся целебным. Рыбы едят сравнительно мало.

Большое место в питании занимают фрукты, особенно летом, осенью и в начале зимы. Фрукты едят как в сыром, так и в сушеном виде; сухие фрукты, особенно изюм, *мавиз*, и абрикосы — курага, *баргак* подают к чаю, употребляют для компотов, а изюм добавляют в плов.

Самым любимым национальным кушаньем является плов — *оши палав*, приготовляемый на сале или на растительном масле. В настоящее время плов распространен и в горных районах, где раньше, за отсутствием своего риса, его не делали. Существует много видов плова в зависимости от его составных частей (сорта мяса, употребляемых овощей, приправ), а также способа приготовления, что является своеобразным искусством. Помимо плова, лакомыми блюдами считают вареные пельмени — манту, тушеное мясо с картофелем — *қаурдақ*, тушеное мясо с лапшой — *лагман*, мясной суп — *шӯрбо*; повседневными блюдами являются лапша, различные каши и похлебки, в частности рисовая каша — *шавла*. Одно из излюбленных блюд жителей горных районов — так называемое *қурутоб*: в глубокую посуду кладут стопку лепешек чапоти и заливают их вскипяченным пахтаньем, смешанным с топленым коровьим маслом; в большом употреблении различные овощные похлебки с лапшой и кислым молоком — аталя, а также другие блюда из муки или хлеба, кислого молока и масла (например, *чанголӣ* или *фатирмаска* —размельченная толстая лепешка, обильно политая маслом). В настоящее время в горных районах наряду с пловом входят в быт и другие блюда, ранее здесь неизвестные, например пельмени.

Пищу обычно готовят в чугунном котле — *дег*, устанавливаемом на очаге в доме, а летом на открытом воздухе; котел всегда содержат в чистоте, его закрывают деревянной крышкой. Почти повсеместно теперь имеются примусы, керосинки и электроплитки, но ими пользуются главным образом для того, чтобы быстро что-либо приготовить или вскипятить воду, употребляют при этом алюминиевую или эмалированную посуду. Из старой утвари еще употребляются (особенно в отдаленных районах) деревянные блюда и чашки — *табақ*, большие деревянные разливательные ложки — *кафлез*, маленькие деревянные ложки с поперечной к ложке ручкой — *қошуқ*, деревянные доски — *тахта* со скалкой — *чӯб*, кожаные скатерти — *сурфа* — для приготовления теста и различная глиняная посуда. Однако старая утварь очень быстро уступает место новой посуде — фарфоровой и металлической, более удобной в обиходе.

Перед едой на покрытый ковром или войлоком пол расстилают *дастархон* — скатерть, на которую кладут хлеб, ставят посуду и блюда с пищей; термин «дастархан» имеет более широкое значение: им обозначается также и все угощение, находящееся на скатерти. Сохраняется старая традиция,

Семья колхозника за чаем. Канибадамский район

особенно в случае прихода гостей, перед едой пить чай, для чего на дастархан ставят небольшие пиалы, а также подносы со сластями, сушеными фруктами, лепешками. Обычай пить чай поочередно из одной пиалы, передаваемой по кругу, теперь уже исчез; подают несколько пиал и чайников. Чай употребляют черный и зеленый, последний предпочитается. Жидкую пищу подают каждому в отдельной чашке, густую — на одном или двух больших блюдах. Привычка брать пищу руками, а жидкую есть с помощью размоченного хлеба или одной общей ложки сохраняется лишь в самых отдаленных местах; сейчас почти везде пользуются вилками и ложками; даже при подаче плова обычай есть руками, что было особенно принято и считалось местной традицией, теперь соблюдается редко.

Специальной ритуальной пищи у таджиков не было. В религиозные и семейные праздники, а также в дни траура резали барана или козу и устраивали для собравшихся угощение — *худой*, являвшееся как бы жертвенным: обычно мясо варили и присутствовавшим раздавали похлебку с мясом и специально выпеченный хлеб (см. стр. 605); на равнине в дни мусульманского поста покупали *нишалло* — кремообразную массу из сбитых с сахаром и мыльным корнем яичных белков; в новый год красили яйца, которые затем раздавали главным образом детям.

Следует отметить почтительное, бережное отношение к пище, особенно к хлебу; хлеб нельзя бросать и ронять на землю или на пол, его не принято класть на дастархан нижней стороной вверх, ломать его следует осторожно, остатки хлеба или хлебные крошки тщательно собирают и кидают в огонь или в проточную воду. В некоторых районах (например, среди кулябских таджиков) наблюдалось почтительное отношение к тыкве, такое же отношение существовало к соли; хлебом, тыквой, солью клялись.

Среди таджиков, как и среди других народов Востока, было широко распространено представление о том, что вся пища делится на два разряда: горячую — *гарм* и холодную — *хунук*; это представление является отголоском древних воззрений, заимствованных затем мусульманской средневековой медициной, о делении всех болезней на «горячие» и «холодные» и о необходимости соблюдения больным в зависимости от этого соответствующей пищевой диеты.

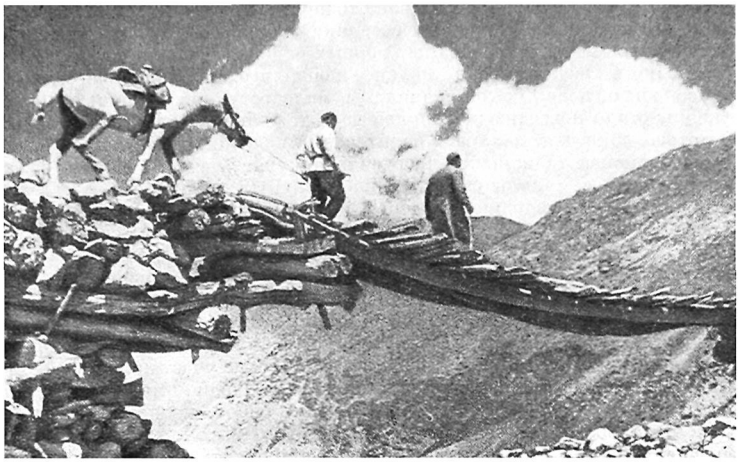
Прямым результатом роста зажиточности населения является улучшение его питания. Недороды и весенние голодовки, случавшиеся до революции весьма часто, особенно в горных районах, отошли в область преданий. Пища населения стала вкуснее и обильнее. Мясо, являвшееся раньше роскошью, недоступной беднякам и малодоступной средним слоям населения, стало повседневной пищей всех таджиков. Значительно возросло потребление чая, сахара, кондитерских изделий. В городах и пригородных районах таджикское население покупает печеный хлеб и булки. Большим спросом пользуются такие продукты, как макароны, вермишель, колбасные изделия, консервы и пр.

Транспорт и связь

Горный характер края наряду с его экономической отсталостью в прошлом предопределяло и отсутствие сколько-нибудь удобных путей сообщения. В большинстве районов Таджикистана до Октябрьской революции и в первые годы после нее совершенно отсутствовали колесные дороги. Единственными путями сообщения здесь служили тропы, которые местами были широки и по ним могла пройти телега или арба, однако эти широкие участки перемежались с такими, где долина суживалась или скалы подходили вплотную к реке и где расширение дороги требовало больших работ, осуществление которых в отсталой феодальной стране было невозможно. Для прохода по крутым скалам, там, где невозможно было проложить обычную тропу, сооружали так называемый *овринг*, представлявший собой искусственный карниз из жердей и бревен, опирающихся на колья, укрепленные в расщелинах скалы; поверх жердей или бревен клали хворост, подсыпали немного земли или гравия; если над таким карнизом нависали скалы, перед тем как вступить на него с лошадей снимали вьюки и переносили их на руках; но в некоторых местах такие карнизы было трудно сооружать и их заменяли подвешенными на веревках бревнами, по которым путники должны были продвигаться ползком. Тропы прокладывались не только по долинам, вдоль рек, но и через высокие горные хребты, служа путями сообщения между соседними долинами. На перевалах зимой тропы приходилось расчищать от снега, некоторые же перевалы в это время были вовсе непроходимы, а весной также небезопасны из-за снежных лавин — *тарма*.

Немалым препятствием для передвижения были также бурные горные реки. При существовавшей в Бухарском ханстве примитивной технике, не знавшей строительства мостов на опорах, сооружение мостов было возможно лишь на небольших реках, а на более крупных только там, где берега, обычно скалистые, сходились близко и было возможно сделать перекидной мост. Устройство мостов повсеместно было одинаково. По сторонам реки сооружали устои из нескольких рядов бревен, накладываемых один на другой перпендикулярно течению реки; каждый следующий ряд бревен несколько выступал над нижним в сторону реки, таким образом постепенно сокращалось расстояние между обоими устоями; для прочности ряды бревен скрепляли жгутами, свитыми из ветвей, привалили тяжелыми камнями. Когда расстояние между крайними выступами обоих устоев сокращалось до нескольких метров, над рекой на устоях укрепляли два бревна, а на них делали настил из коротких поперечных жердей, на которые укладывали хворост, насыпали гравий и землю. Такой мост, при переходе через него, особенно же при переводе тяжело нагруженных животных, слегка качался.

Помимо мостов, пользовались и другими способами переправы, в частности своеобразным плотом — *сал*; он состоял из нескольких надутых воздухом целых шкур животных, поверх которых укладывался легкий помост из жердей, прикреплявшийся к бурдюкам и скреплявший весь плот; на середину помоста складывали вещи, а если переправа происходила с лошадьми, то и седла. Сверху садились люди, которые во время переправы

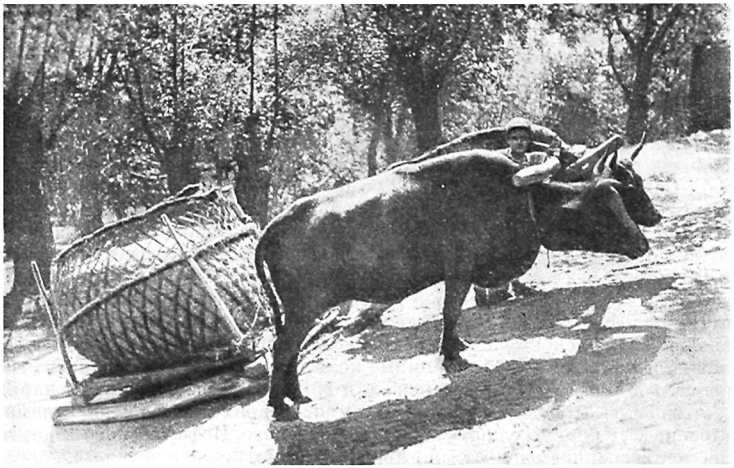


Мост через горную реку

подгребали небольшими веслами, направляя плот к противоположному берегу; лошадей привязывали к плоту, и они переправлялись вплавь. Нередко местные жители переправлялись и вплавь с помощью надутого воздухом небольшого бурдюка, обхватив его левой рукой, а правой гребя. Зимой и ранней весной там, где уровень воды в реках был невысокий, обычно переправлялись вброд. При переправе верхом лошадь обычно направляли несколько наискось вверх по течению. При пешей переправе обычно раздевались, оставляя на себе лишь штаны, а всю одежду несли на голове, чтобы она не вымокла; таким образом переправлялись даже в морозные дни, когда по берегам реки образовывались кромки льда; высокую воду старались переходить не в одиночку, а группами, поддерживая друг друга.

По горным тропам передвигались пешком или верхом, грузы несли на спине или навьючивали на лошадей и ослов. Таджики-горцы являются хорошими и неутомимыми пешеходами и легко преодолевают не только большие расстояния, но и высокие перевалы. В дорогу раньше надевали на ноги мукки — род легкой и мягкой обуви, а икры ног крепко бинтовали обмотками пайтова (см. стр. 601). В путь брали длинный, в человеческий рост, посох, который, если на плечах не было груза, нередко закладывали горизонтально за спину, пропуская впереди локтевых сгибов отодвинутых назад рук; если несли груз, то его прикрепляли за спиной с помощью перекинутых через плечи веревок.

Для верховой езды на лошади применяли и применяют деревянное седло — *зин*, приподнятое сзади, с довольно высокой лукой. Сверху седло обивают кожей или тканью, иногда поверх него кладут кожаные подушки. Внизу по обеим сторонам седла имеются прорези, в которые пропускаются ремни для стремян, ремни снабжены застегивающимися пряжками; стремена — *узангу* — обычно прикрепляются коротко, так что у всадника ноги в колене согнуты почти что под прямым углом. При седловке на спину лошади кладут небольшой потник — *чиргӣ*, обычно войлочный. На него под ленчик седла кладут две продолговатые подушки, подшитые снизу войлоком, а на них — седло и все это прикрепляется широкой под-



Перевозка соломы на санях-волокуше «чигина». Долина р. Хингоу

пругой — *аил*, обычно сотканной из шерстяных ниток. Поверх седла с кожаной подушкой затягивается вторая подпруга. Обе подпруги имеют на концах по металлическому кольцу, при седлании они приходятся на левый бок лошади и стягиваются тонким ремнем, накрепко затягивая подпругу. Иногда к седлу сзади прикрепляется шлея, пропускаемая под хвост лошади. На голову лошади надевают недоуздок — *нӯхта* — с веревкой для привязывания, а поверх него узду с поводьями и железными удилами. Перевозимый на лошадях груз прежде навьючивали на седло или прямо на потник без седла, при этом тщательно старались уравновесить груз; груз укрепляли длинной шерстяной веревкой с деревянным крючком на конце. Для перевозки дорожных вещей употребляли переметные сумы — *хӯрҷин*.

Самым доступным транспортным животным, особенно для беднейшей части населения, был осел. На осле ездили верхом и возили грузы. Седло для осла — *тӯқум* — представляет собой нечто вроде подушки из нескольких кусков войлока, наложенных один на другой и сшитых вместе; оно укрепляется при помощи подпруги. На этом седле ездят верхом без стремян, на него же навьючивают грузы. При езде верхом осла погоняют небольшой заостренной палочкой, тыча ею в шею животного; эта же палочка служит и для управления: осла слегка ударяют по голове со стороны, противоположной той, куда хотят повернуть. Осел очень вынослив и хорошо ходит по горным тропам, даже там, где не может пройти лошадь.

В северных таджикских районах была распространена двухколесная повозка — *ароба*, в которую запрягали лошадь.

За годы Советской власти Таджикистан покрылся сетью удобных шоссейных и гудронированных дорог, на строительство которых были отпущены большие средства; многие дороги сооружены методом народных строек, самоотверженным трудом населения с помощью новейшей техники; через реки проложены удобные и прочные мосты. От Душанбе тянется прямой автомобильный тракт на север, пересекающий два горных хребта. Большой Памирский тракт соединил Душанбе и западные равнинные

районы республики с наиболее отдаленными восточными горными районами; проложена удобная дорога через Памирское плоскогорье и через хребты Заалайский и Алайский в Ферганскую долину. Ликвидирована былая изолированность отдельных районов, положен конец бездорожью.

На смену вьючному транспорту сейчас пришли автомобиль, самолет и вертолет. Характерно, что во многих отдаленных горных районах первым появился самолет, и лишь потом, с проведением дороги, пришел автомобиль. Самолеты перевозят не только пассажиров, но и большое количество грузов. Теперь, с установлением регулярного автомобильного и самолетного сообщения, все районы республики связаны между собой, со столицей Таджикистана и с другими среднеазиатскими республиками.

Колхозы имеют свои грузовые машины, которыми колхозники пользуются не только для перевозки грузов, но и для поездок на базар и для других надобностей. В результате улучшения дорог во многих равнинных районах Таджикской ССР четырехколесная легкая бричка вытеснила старинную неуклюжую арбу, огромные колеса которой были предназначены специально для езды по бездорожью и грязи. За последние годы наряду с автомобилем прочное место в быту многих колхозников стал занимать велосипед. В крупных колхозах Ленинабадского, Исфаринского и других районов велосипеды имеют многие колхозники.

Широкое распространение получили и современные средства связи. Радио имеется теперь не только в общественных зданиях районных центров и колхозов, но и во многих домах колхозников. Почтово-телеграфной связью с центром обеспечены все районы республики. Почти во всех сельсоветах есть телефоны.

СЕМЕЙНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

Семья

Перед Октябрьской революцией у таджиков господствующей была моногамная семья и лишь в некоторых наиболее глухих районах бытовала еще патриархальная семья. Еще в 1930-х годах в долине р. Ванча и в припамирских районах были зарегистрированы отдельные семьи, насчитывавшие свыше 50 человек, проживавших совместно. Во главе такой семьи стоял стареЙшина — *калонтари хона*, руководивший всей хозяйственной деятельностью, в частности распределением работ между отдельными членами семьи. Дом и вся пахотная земля являлись общей собственностью семьи, в то время как скот обычно принадлежал отдельным малым семьям. Последнее обстоятельство свидетельствует о разложении большой семьи. Жилищем патриархальной семьи были большие дома, описанные выше, в которых каждая супружеская пара занимала отдельный дукон. Большие семьи бытовали и в других горных районах Таджикистана, например в долине р. Ягноб. Среди равнинного населения также долго сохранялся обычай жить неделенными семьями, но здесь под влиянием развития товарно-денежных отношений, особенно с приходом в край русских, он очень быстро стал исчезать; на равнине малые семьи, входившие в состав большой семьи, обычно жили в отдельных помещениях, расположенных в пределах одной усадьбы.

Пришедшая на смену большой патриархальной семье малая семья, отличаясь от первой меньшими размерами (обычно это была брачная пара с детьми), сохраняла в то же время черты патриархальности — главенство мужа и отца, подчиненное положение женщины. Среди зажиточных классов не только в большой неделенной семье, но и в малой семье нередко ее глава имел двух, а иногда и трех жен. Положение женщины в семье в значительной степени зависело от степени ее участия в производительном

труде; так, например, в горах, где в руках женщины был домашний скот и молочное хозяйство, ее положение в семье было более независимое; на равнине и в городах, где женщина мало участвовала в производительном труде, особенно в зажиточных семьях, она была более зависимой и вела фактически затворнический образ жизни: женщины жили во внутренней половине дома, куда посторонние мужчины не допускались, горожанка выходила из дома, скрытая под паранджей — *фаранҷӣ* и черной сеткой из конского волоса — *чашмбанд*. Неравноправна с мужчиной была женщина и перед законом: право на развод принадлежало мужу, один свидетель мужчина приравнивался к двум свидетелям женщинам, сын наследовал в два раза большую долю, чем дочь. Браки детей обычно устраивались родителями, согласия молодых людей не спрашивали. За невесту семья жениха выплачивала ее отцу калым.

Дореволюционный выходной костюм горожанки

Современная семья в своем развитии испытала на себе благотворное влияние революционных преобразований. Развитие социалистической промышленности и коллективизация сельского хозяйства привели к массовому вовлечению женщины в общественно-производительный труд, что сыграло решающую роль в изменении ее положения в семье. Старые традиции и воззрения, старый взгляд на женщину как на существо, занимающее более низкое положение по сравнению с мужчиной, еще сохраняются в качестве пережитков, носителями которых являются люди старшего поколения, а также некоторая часть отсталых мужчин; эти так называемые феодально-байские пережитки в известной степени еще оказывают влияние и на психологию женщины, но несмотря на сохранение этих пережитков, современная семья в корне отличается от старой дореволюционной семьи. В настоящее время женатая молодежь ни в экономическом, ни в правовом отношении не зависит от родителей, в частности от отца. В большинстве случаев молодые выделяются и начинают жить и вести хозяйство самостоятельно. Разделы обычно происходят полюбовно и родители часто в течение некоторого времени помогают молодым в обзаведении хозяйством. Старые патриархальные отношения исчезают и в тех семьях, где молодые продолжают жить вместе с родителями; как правило, дети считаются с родителями, слушаются их, нередко отец продолжает распоряжаться общим

хозяйством, однако и работающие дети и их жены или мужья, имея право на свой заработок, часть средств семьи тратят по своему усмотрению, вследствие чего и лицо, ведущее общее хозяйство, будь то отец или кто-нибудь другой, является не полновластным хозяином, а своего рода семейным казначеем.

Наряду с общей тенденцией выделения женатых детей сохраняются еще и теперь сложные семьи, довольно многочисленные по своему составу. Занятия членов отдельной сложной семьи нередко характеризуются значительным разнообразием: в одной и той же семье можно встретить колхозника, рабочего, интеллигента; каждый из них вносит свой вклад в общий бюджет семьи, расходуя часть получаемых денег на личные нужды. До известной степени изменилось и распределение различных хозяйственных обязанностей в семье. Это связано в первую очередь с тем, что женщина теперь, так же как и мужчина, занята вне дома. В больших семьях, где имеются пожилые женщины, ряд домашних работ — приготовление пищи, уход за маленькими детьми и др.— обычно лежит на них. Однако уход за домашним скотом, обработка приусадебного участка и другие работы, требующие физического труда, выполняются мужчинами и женщинами молодого поколения. В малочисленных семьях теперь муж нередко разделяет вместе с женой домашние обязанности, которые раньше всецело лежали на женщине. В периоды особо напряженной работы в колхозе, например во время уборки урожая, членов семьи, занятых колхозным трудом, стараются освободить от домашних обязанностей и создать им условия, позволяющие дома хорошо отдохнуть и набраться сил. Это же относится и к членам семьи, работающим на производстве. В настоящее время взрослые члены семьи следят за тем, чтобы помощь по домашнему хозяйству не мешала учебе детей. Семья всячески поддерживает и молодежь, которая уезжает учиться. Впоследствии, сделавшись специалистами, молодые люди, как правило, помогают своей семье.

Существенные изменения произошли в положении женщин. Повысился авторитет матери, которая в прежнее время руководила главным образом дочерьми, в то время как сыновья слушались в основном только отца; с матерью, которая теперь нередко, работая на производстве или в колхозе, несет и общественные обязанности, в семьях считаются не только ее дети, но и другие взрослые мужчины. Больше стали считаться в семье с дочерьми, а также с невестками, положение которых в прежнее время было очень приниженным и стесненным многими запретами. Теперь молодые женщины чувствуют себя в семье более свободно, не зависят во всем от старших, имеют больше самостоятельности, а если живут вместе со своими родителями или родителями мужа и ведут общее с ними хозяйство, то открыто заявляют о своих желаниях и нуждах, что раньше было совершенно не принято. Отошло в область преданий и такое положение, когда молодая женщина не могла без спросу выйти из дома; молодежь свободно посещает кино, театр, общественные собрания, ходит в гости, а также принимает у себя своих знакомых и друзей.

Не следует думать, однако, что все указанные изменения прочно укоренились во всех решительно семьях и что старые пережитки, о которых было сказано выше, не играют уже никакой роли. В некоторых случаях они еще сильны и с ними ведется решительная борьба. Сказываются они в том, что в отдельных семьях еще пытаются ограничить свободу женщины, особенно молодой, а также в том, что, поощряя получение образования юношами, не считают это обязательным для девушек и молодых женщин. Эти отсталые взгляды встречают иногда недостаточный отпор со стороны общественности. В этой области требуется еще большая повседневная разъяснительная работа.

Среди таджиков в прошлом в большинстве случаев браки заключались в родственной среде. Предпочтение родственных браков объяснялось су-

ществовавшей изолированностью и обособленностью отдельных групп населения, а также наличием пережитков патриархальной семейной общины, в которой, в силу экономических соображений, нередко практиковались родственные браки. Очень распространены были кузенные браки всех видов; брачные запреты были ограничены самыми ближайшими родственниками, в том числе тетками и племянницами. В качестве довольно распространенного обычая практиковались левират и сорорат.

В настоящее время, в связи с ликвидацией былой изолированности, большей миграцией населения, частыми отлучками молодежи из родных мест на учебу, по служебным и общественным делам, создающими более обширный круг знакомств, браки в родственной среде встречаются все реже; это связано и с тем обстоятельством, что теперь молодежь женится в основном по собственному выбору, хотя еще кое-где родители и пытаются воздействовать на детей и добиться женитьбы сына на намеченной ими девушке, происходящей из семьи соседей или родственников. Наряду с более широким кругом брачных связей сейчас встречаются случаи женитьбы на девушках другой национальности — русских, татарках, киргизках и других, что в прежнее время встречалось очень редко.

В прошлом общение молодых людей разного пола друг с другом обставлялось различными запретами и фактически было невозможно. Теперь, когда молодые люди учатся вместе в школе, встречаются на работе, на собраниях, в общественных местах и просто на улице, от былой изолированности не осталось и следа. Это дает возможность молодым людям хорошо узнать друг друга, что нередко ведет к возникновению прочных привязанностей, а затем и к браку. Складывающиеся новые отношения между полами, независимые от экономических расчетов, способствовали также изживанию неравных по возрасту браков, в частности браков стариков и молодых девушек и выдачи замуж малолетних. Браки молодых людей, из которых юноша немного старше девушки, вполне одобряются общественным мнением и в настоящее время преобладают.

Любопытно, что несмотря на заключение браков в настоящее время по обоюдному согласию молодых людей и в результате предварительного знакомства и возникшей привязанности, нередко еще сохраняется обычай формального сватовства, оставшийся от старого брачного обряда; помимо известной дани старым традициям здесь, по-видимому, играет роль и застенчивость молодых людей.

Несмотря на установление новых отношений в семье и заключение брака по преимуществу на основе взаимного влечения молодых людей, несмотря на новое содержание семейно-брачных отношений, часто еще сохраняется старая форма, что особенно наглядно сказывается на бытовании до сих пор во многих местах старого свадебного обряда. Этот обряд в значительной степени уже исчез в городах среди рабочих, служащих, интеллигенции, однако он бытует еще в кишлаке, особенно в наиболее отдаленных районах. Таджикский свадебный обряд в деталях значительно варьирует по отдельным районам. Свадебные церемонии начинаются обычно со сватовства или сговора между родственниками молодых. Из дома юноши в дом девушки посылаются сваты — *завчӣ*, два-три почтенных человека, которые несут с собой хлеб и какие-нибудь сласти; разговор с семьей девушки обычно начинается издалека и только затем пришедшие говорят о цели своего прихода. В случае достижения согласия переламывают и едят хлеб; пришедшие оставляют принесенные с собой небольшие подарки, их отдаривают; бывает и так, что до достижения согласия сваты ходят в дом девушки несколько раз. Следующим этапом свадебных церемоний является помолвка — *тӯи фотиҳа*. Это как бы малый, предварительный праздник бракосочетания. К нему заранее готовятся, родственники юноши заготавливают продукты для угощения и подарки для девушки и ее родных; со своей стороны родные девушки также заготовляют

угощение, подарки для жениха и его близких. Помолвка происходит в доме девушки.

В прежнее время, особенно в горном Таджикистане, где существовал обычай уплаты калыма за девушку, во время помолвки (а иногда еще раньше, при сватовстве и сговоре) договаривались о величине калыма, его составе и сроках уплаты. Во время помолвки читали молитву о благополучии молодых, затем ломали хлеб и приступали к угощению. Начиная с помолвки, а иногда и со сговора, практиковался обычай избегания женихом родителей невесты и невестой родителей жениха, что продолжалось в течение всего периода брачных церемоний. В период между помолвкой и свадьбой, который часто растягивался на целый год и больше, семья жениха готовила калым, а семья невесты — приданое; в это время во многих местах, особенно в горных районах, устраивались тайные свидания юноши с невестой. Теперь уже редко оттягивают свадьбу и период между помолвкой и свадьбой значительно сократился. Но и сейчас часто юноша приготовляет для своей невесты значительные подарки, состоящие из отрезов тканей, одежды, обуви, одеял, платков и пр.; родители девушки также стараются заготовить для дочери необходимое приданое. Хотя по традиции все расходы по свадьбе должен нести жених, этот обычай сейчас нарушается, и нередко девушки, работающие в колхозе или на производстве, сами покупают вещи, необходимые для дальнейшей семейной жизни.

День свадьбы назначается по согласованию между обеими сторонами. Прежде, когда широко распространены были различные суеверия, старались определить «счастливый» день и час, для чего советовались со стариками и «образованными» людьми, которые «умели» определять наиболее благоприятное время для совершения тех или других церемоний. Накануне свадьбы обычно устраивается веселье как в доме жениха, так и в доме невесты; у жениха собираются его товарищи, а у невесты — ее подруги. В день свадьбы молодые люди надевают праздничные платья, жениху бреют голову, невесте убирают волосы; в это время поют специальные песни. Цирюльник требует с жениха за свой труд плату, обматывая его шею платком и грозя не отпустить его. Жених направляется в дом невесты в сопровождении своих товарищей; он встречает различные препятствия: ему преграждают путь ребятишки, требуя какое-либо вознаграждение, при приближении к дому, если он едет верхом, кто-либо из родных невесты хватает за узду лошадь и требует выкупа, иногда у порога дома ложится старуха и освобождает путь только за выкуп; жениха осыпают орехами, изюмом, сушеным тутом; в северных районах, где жених приходит поздно вечером, он старается пробраться к дому невесты незаметно, окруженный товарищами и с накинутым на голову халатом.

По прибытии жениха прежде в доме совершалась церемония бракосочетания — *хутбаи никоҳ*. Мулла спрашивал согласия жениха на брак, от имени невесты выступали уполномоченные ею доверенные лица, которые должны были дать перед муллой согласие от ее имени. После произнесения брачной формулы, мулла отпивал немного воды из стоящей перед ним чашки, затем чашку несли поочередно молодым и они также отпивали немного воды.

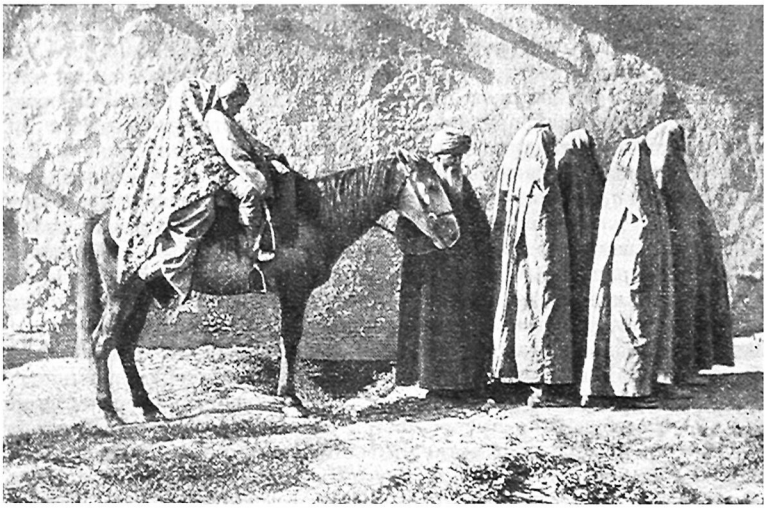
После бракосочетания молодого ненадолго приводили к жене, их ставили или сажали рядом, при этом совершались также различные церемонии: молодые должны были поесть вместе что-либо сладкое, они одновременно смотрелись в зеркало, их окуривали дымом зажженой травы *испанд*, имеющей значение оберега; существовало поверье, что кто из молодых при усаживании сядет последним, тот и будет главенствовать в доме; выполнялись и другие церемонии, связанные с поверьями, например из-под ног жениха рвали постеленный кусок ткани — *пойандоз*, лоскутки

которой будто бы принесут счастье их обладателю; то же делали и с тканью, которую стелили в доме молодого при приезде новобрачной.

Вскоре после обряда бракосочетания молодой отправлялся к себе домой (исключение представляет исфаринская свадьба, где молодой оставался трое суток с женой в ее доме), а вслед за ним везли и новобрачную. Ее приезд в дом мужа также обставляли различными церемониями, в частности и ей чинили различные препятствия для входа в дом, и она должна была откупаться; перед новобрачной в дом мужа везли свадебную занавеску — *чимилиқ*, за которой она сидела во время бракосочетания и за которой новобрачные находились некоторое время в доме мужа. Обычно молодые оставались вместе в течение нескольких дней; в этот период совершались различные церемонии: *рӯбинон* — смотрение лица новобрачной, *дастбеша* — приобщение молодой к хозяйству, ее приходили поздравить родные мужа и делали ей подарки, ей давали замесить тесто для лепешек и др. В северных районах совершалась особая церемония — *домодбаророн* — выход зятя: молодой после трехдневного пребывания с женой впервые показывался своим друзьям и выходил на улицу, по этому случаю устраивалось угощение. К этому же времени относился праздник *чогундарон* — снятие постели, когда женщины, после угощения, разбирали брачную постель. Заключительной брачной церемонией является *домодталбон* — приглашение зятя с новобрачной в дом ее родителей; с этого посещения прекращается избегание между зятем и тестем, молодых одаривают и дочь остается гостить некоторое время в доме родителей. Этот обычай, распространенный у многих народов, исследователи рассматривают как пережиток былой матрилокальности брака.

Следует отметить, что традиционный свадебный обряд, до сих пор бытующий среди широких масс населения, в значительной степени уже нарушается. Отдельные церемонии и обряды сокращаются, выполняются чисто формально или же вовсе пропускаются, многие из них принимают шуточный характер, присутствующие над выполнением их смеются, а молодежь, хорошо понимающая всю их нелепость, особенно в тех случаях, когда жених или невеста попадают в смешное положение, просто их стыдится. Такие церемонии, как туи фатиха, домодбаророн, домодталбон, о которых упоминалось выше, все чаще начинают носить характер приема гостей с соответствующим угощением и подарками. Организация пышных и многолюдных свадеб требует значительных расходов, и потому многие предпочитают за счет сокращения свадебных расходов лучше устроить хозяйство молодых. Нередко еще родители, особенно матери, стремятся сделать своей дочери «настоящую» свадьбу, причем важнейшей церемонией считают заключение мусульманского брачного договора. Заключению брачного договора теперь предшествует, как правило, запись молодых в ЗАГСе; следует отметить, что даже среди наиболее отсталых людей и в самых консервативных семьях регистрации в ЗАГСе, как акту, которым брак узаконивает само государство, придают очень большое значение.

Рождение ребенка, особенно первенца-мальчика, было самым радостным событием в жизни семьи. Напротив, отсутствие детей рассматривалось как большое несчастье, а женщина в таких случаях прибегала к советам различных опытных женщин и знахарок и применяла всевозможные средства, которые якобы могли способствовать наступлению беременности. До революции, вследствие нищеты широких народных масс, неграмотности и бескультурья, отсутствия среди населения элементарных навыков санитарии и гигиены, процент детской смертности был чрезвычайно велик; особенно много умирало детей в раннем возрасте. Немудрено поэтому, что население склонно было видеть во всех опасностях, которым подвергался новорожденный и роженица, действие различных сверхъестественных сил, злых духов, спешивших воспользоваться



Переезд невесты из родительского дома к жениху

Свадебный обряд «чимилик». Молодая за свадебной занавеской

Угощение в честь покровительницы женщин — Биби-Сешамбе

Похороны

слабостью и беспомощностью матери и ребенка. Поэтому период беременности, роды и первые недели жизни ребенка у таджиков были обставлены многочисленными обрядами, оберегами и магическими действиями, якобы призванными защитить мать и ребенка от злого влияния сверхъестественных сил.

При приближении родов к беременной приглашали повитуху— *дой* или *момо*; по существовавшим поверьям повитухи пользовались покровительством особых мифических существ женского пола, поэтому считалось, что присутствие повитухи обеспечивает их покровительство. Чтобы «облегчить» роды открывали все имеющиеся в доме замки, развязывали все завязки на одежде роженицы, расплетали ее косы, над роженицей произносили различные заклинания и молитвы, окуривали ее дымом растения испанд, мазали лоб, виски и живот кровью специально зарезанного в качестве жертвы животного, заставляли ее обнимать плодовое дерево и применяли некоторые другие магические средства. Повитуха принимала новорожденного, перерезала и перевязывала пуповину, затем заворачивала ребенка в старое белье или ветошь (считалось, что заворачивание во что-либо новое может дать ребенку «короткую жизнь»). В некоторых местах на ребенка надевали *куртаи сагак* — «собачью рубашку», сшитую без рукавов из рубахи матери или многодетной женщины; первоначально эту рубашку надевали на собаку, приговаривая при этом, чтобы все несчастья перешли на нее. Послед выбрасывали собакам или же зарывали вблизи порога, а в семьях. где умирало много детей, его клали в глиняный кувшин и вешали на плодовое дерево. Кто-либо из женщин спешил сообщить отцу радостную весть, за что отец обычно одаривал вестницу.

Наиболее опасными для матери и ребенка считались первые сорок дней — чилля (сорокодневие), когда злые силы якобы особенно активно стараются принести им вред; особенно опасными считали злое существо *алмастӣ* (*албастӣ*), а также оборотня — *ачина* (см. стр. 625). В этот период мать и новорожденного старались не оставлять одних, в помещении поддерживали огонь, у изголовья роженицы клали острые предметы — бритву, нож, над постелью вешали в качестве оберега стручки красного перца, головки лука и чеснока. В некоторых местах, особенно если у женщины умирали дети, существовал обряд иммитативной продажи ребенка другой женщине, которая уносила его к себе в дом, а затем через некоторое время возвращала его необычным путем (через световой проем в стене или крыше, завернув в халат); здесь видно явное желание обмануть злых духов, показав им, что ребенок не принадлежит матери, которую они преследуют. В период чилля выделялись особые дни, к которым приурочивались те или другие события в жизни новорожденного, например надевание рубашки, первое купание, наречение имени, положение в колыбель. Такими днями в большинстве случаев были третий, пятый, седьмой, девятый и двадцатый.

Наречение имени сопровождалось угощением в доме новорожденного. Обряд наречения имени совершался почтенным старым родственником, который произносил в ухо ребенка *азон* — мусульманский призыв к молитве, а затем называл имя, предназначенное ребенку; иногда право наречения имени предоставлялось бабке-повитухе. После наречения имени за трапезой произносились различные благопожелания ребенку. В прежнее время детям давали по преимуществу мусульманские имена — пророка Мухаммеда, его потомков, первых халифов, а также эпитеты Аллаха, обычно с приставкой абд — раб (например, Абдурахман, Абдурахим, Абдукадыр); близнецам мальчикам давали имена Хасан и Хусейн, а девочкам — Фатима и Зугра; давали также и другие арабские, таджикские и узбекские имена, часто являвшиеся именами прилагательными: Хабиба — любимая, Калон — большая или имена, являющиеся пожеланием, например Монад, Истад — пусть останется, дававшиеся

в том случае, если в семье умирали дети; такое имя должно было служить оберегом; если в семье рождались лишь одни девочки и желали, чтобы следующий ребенок был мальчик, девочке давали имя Бас-биби — «довольно девочек», а иногда Угуль — сын. Иногда сыновьям давали имена, похожие на имя отца, например, если отца звали Али, то сыновьям давали имена Гуломали, Курбанали, Сайфали; если отец Раиб, то сыновья Толиб и Голиб; было в обычае давать имена в честь умерших родственников, в таких случаях при обращении к ребенку его называли по термину родства, в зависимости от того, чьим именем он назван: *оча* — мать, *додо* — отец, *амак* — дядя. Упоминать настоящее имя ребенка не было принято.

Одним из крупных событий в период чилля было положение ребенка в колыбель. Употреблялась обычная среднеазиатская колыбель *гаҳвора* или *бешик*. Созывались гости, устраивалось угощение. Впервые в колыбель ребенка клала почтенная старуха, имеющая много детей; положение в колыбель также обставлялось различными обрядами : в колыбель клали предметы, имеющие магическое значение, ребенка окуривали испандом, мазали ему виски и лоб сажей от котла, на перекладине колыбели разбивали несколько грецких орехов, якобы для того, чтобы ребенок не боялся шума, и т. п. После окончания чилля мать с новорожденным обычно уже начинала выходить из дома, посещала своих родителей, а затем знакомых и соседей. В колыбели ребенок находился довольно долго, грудью его кормили тоже долго, иногда до трех лет. Кормление прекращалось лишь в случае новой беременности. Прорезание первого зуба, стрижка первых волос также сопровождались торжеством и угощением. Но особенно торжественно обставлялось обрезание мальчиков — *тӯи писар*, *хатна*, *тӯи чукбурӣ*. Обрезание совершалось обычно тогда, когда ребенок достигал пяти-шести лет, иногда и раньше; однако в бедных семьях, которые не могли устроить праздника из-за недостатка средств, обрезание откладывалось до более позднего времени. На обрезание съезжались гости, часто из отдаленных мест, у богатых при обрезании сына устраивали скачки, козлодрание и другие развлечения.

В возрасте пяти-шести лет дети были уже почти целиком предоставлены самим себе. При характерной для таджикских семей многодетности, к тому времени, когда ребенок несколько подрастал, имелся уже новый грудной ребенок и мать всецело была поглощена заботами о нем. Дети пяти-шести лет обычно уже становились помощниками в хозяйстве, выполняя посильные работы.

Как по шариату, так и по обычному праву дети принадлежали отцу, а не матери. В случае развода и ухода жены из дома она обычно уносила с собой только детей грудного возраста, остальные дети должны были остаться при отце; унесенные матерью дети выросши также должны были вернуться к отцу. Даже в случае смерти отца и ухода матери из дома она могла забрать с собой детей только с согласия родных мужа.

После революции, особенно же за последние годы, в воспитании детей и уходе за ними произошли большие изменения. Советским и партийным органам пришлось провести поистине колоссальную работу по преодолению вековых предрассудков, согласно которым женщине показываться врачу, не только мужчине, но даже и женщине, считалось позорным и греховным, тем более врачам-гинекологам. Лишь постепенно женщины убедились, что своевременное обращение к врачам способствует благополучным родам, здоровью новорожденного, а нередко приносит счастливое материнство ранее бездетным женщинам. Во многих местах преодолению старых традиций способствовали быстро становившиеся достоянием гласности случаи эффективной врачебной помощи роженице или матери тогда, когда все домашние средства и знахарские методы оказывались исчерпаными и создавалось угрожающее положение. В настоящее время женщины в подавляющей своей массе обращаются к врачебной помощи,

а беременные женщины становятся на учет в женские консультации. Таким образом новорожденные дети берутся на учет детскими консультациями и в дальнейшем обслуживаются патронажными сестрами, которые регулярно посещают подопечные семьи и ведут наблюдение за детьми. Привыкнув доверять медицинской помощи, женщина слушается советов медицинских работников, детям своевременно делаются профилактические прививки.

Все эти мероприятия, значительно снижая детские заболевания и детскую смертность, одновременно способствуют уменьшению влияния знахарей и повитух; резко сократились различные знахарские эксперименты над детьми, которые нередко вели к тяжелым осложнениям у ребенка и его гибели. Однако еще не во всех семьях отказались от услуг знахарей и повитух, которые находят себе сторонников в лице старших родственников, особенно пожилых женщин. Иногда в семье происходит настоящая борьба между более культурной молодежью, например молодым отцом, настаивающим на том, чтобы показать больного ребенка врачу и следовать его предписаниям, и стариками, предпочитающими старинные знахарские методы. Тем не менее многие обряды, связанные с рождением и первыми днями жизни ребенка, основанные на суеверии и бессилии человека перед опасностями, уже исчезают, а местами и совсем исчезли. Различные события в жизни новорожденного теперь отмечаются приходом родственников и соседей и небольшим угощением, но без соблюдения описанных выше обрядов или же их выполняет наспех и потихоньку какая-либо пожилая женщина, зная, что большинство собравшихся, особенно молодежь, скептически и насмешливо относится к этому. Одним из наибольших зол является обрезание, которое до настоящего времени еще не изжито, несмотря на резкое осуждение со стороны общественности. Иногда родители тратят огромные средства, устраивая пышное празднество по этому поводу. Следует отметить, что даже многие передовые люди, особенно в колхозах, относятся к обрезанию примирительно и склонны рассматривать его как большой семейный праздник перехода мальчика из детского возраста в юношеский.

Изменения домашней обстановки и условий жизни благотворно отразились и на условиях быта детей. Во многих семьях уже вполне осознали вред неподвижного пребывания ребенка в колыбели, которая заменяется теперь детской кроватью. Наблюдение за санитарно-гигиенической обстановкой в родильных домах, а также в яслях привело к тому, что и дома для детей стараются создать необходимые гигиенические условия, вопреки старым традициям; приобретается или изготовляется все необходимое для детского обихода — пеленки, постельные принадлежности и т. п., в помещении стараются поддерживать ровную температуру, для детей выделяется специальная посуда.

Полностью отошло в прошлое такое положение, при котором дети с раннего возраста должны были выполнять различные, часто почти непосильные для них, работы. Тем не менее и сейчас детей обычно приучают к выполнению небольших заданий по дому или по хозяйству, что постепенно развивает у них привычку участвовать в работе домашнего коллектива и чувство ответственности за порученное им дело.

Старшее поколение, испытавшее на себе всю тяжесть неграмотности, отсутствие возможности получить образование, с большим уважением относится к советской школе. Все члены семьи внимательно следят за успехами школьников, всячески поощряя их к занятиям, стараются создать детям все необходимые условия для успешной учебы, освобождая их от обременительных домашних обязанностей и отводя для приготовления уроков особое место в доме. Различные школьные мероприятия всегда находят поддержку в семье.

Прием гостей на семейном празднике «домодталабон» — приглашение зятя в дом тестя. Ленинабадский район

Религиозные пережитки

На примере свадебных обычаев, а также обычаев, связанных с рождением ребенка и уходом за ним, становится очевидным, что многие из этих обычаев объясняются различными суевериями и магическими представлениями.

Естественно, что особенно большое число различных пережитков связано со смертью и похоронами. Анимистические представления, представления о душе, отделяющейся от тела, и о загробном существовании до сего времени еще живут в сознании некоторой части населения, особенно старшего поколения. С другой стороны, и молодежь, которая скептически и с иронией относится к различным свадебным и другим семейным обрядам, основанным на суеверии, при столкновении с фактом смерти близкого человека, хотя и не верит в связанные с этим печальным событием представления, все же не решается их осуждать и в большинстве случаев предоставляет старым людям выполнять положенный ритуал. Этим и объясняется особая живучесть мусульманского похоронного обряда и связанных с ним церемоний. Представление о том, что душа покойника нуждается в особой заботе родных и близких людей, что ее ожидает суд, который должны вершить ангелы-допросчики Мункар и Накир, что шайтан делает все для того, чтобы погубить эту душу, лежит в основе большинства обрядов и церемоний.

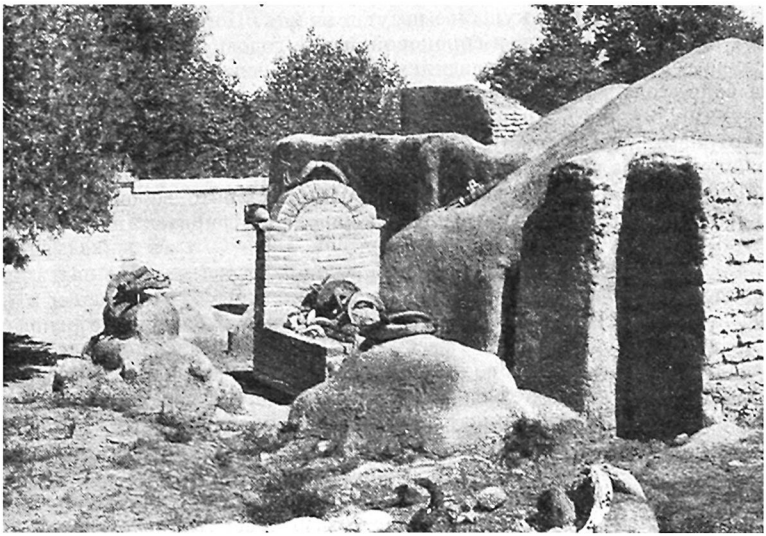
Над умирающим читают молитву, в рот ему капают воду (считалось, что иначе дьявол может напоить его своей мочей). Умершему закрывают глаза (из опасения, чтобы он не позвал кого-либо за собой), руки и ноги выпрямляют, а большие пальцы обеих ног связывают, затем кладут покойника на кошму или ковер и покрывают легкой тканью. Лицо закрывают марлей. Родственники и соседи плачут и причитают, особенно женщины, которые согласно обычаю должны выражать свою скорбь и другими способами — бить себя по голове, рвать на себе волосы, царапать лицо, разрывать на себе платье. Следует отметить, что такой обычай оплакивания является очень древним и находит себе параллели в археологических материалах — в изображениях сцены оплакивания на фресках

из раскопок древнего Пенджикента. В ряде мест раньше приглашали специальных плакальщиц, которые нараспев исполняли особые заплачки, подхватываемые всеми присутствующими. В знак траура женщины распускают волосы, надевают темные рубахи, подпоясываются платками, надевают халаты наизнанку; мужчины надевают темные тюбетейки, синие или черные, накидывают на шею платки. В горных районах верховий Пянджа оплакивание покойника сопровождалось танцами жены или матери умершего, коллективные ритуальные танцы устраиваются при исполнении траурного обряда в Ура-Тюбе.

Покойника обмывают, положив труп на доску или на снятую дверь. Лица, производящие обмывание, надевают на кисти рук мешочки; мужчину обмывают мужчины, женщину — женщины. По окончании обмывания тело вытирают куском ткани. В большинстве таджикских районов для обмывания приглашают кого-нибудь из соседей или родственников. Однако в долинах Зеравшана и Кашка-Дарьи как среди таджиков, так и среди узбеков стойко сохранялись до самого последнего времени запреты соприкосновения с покойником и там существовали особые группы людей — обмывальщиков и могильщиков, остальное население избегало их до такой степени, что им еда подавалась отдельно, а посуду, из которой ели эти лица, они уносили с собой, так как в дальнейшем все равно ею никто не стал бы пользоваться.

Похороны совершаются обычно в день смерти, а если человек умер вечером — то на следующее утро. Если покойник лежит в доме ночь, то около него обычно горит огонь и бодрствуют близкие люди, из опасения, что иначе могут явиться в дом Мункар и Накир. Перед погребением совершается обряд «выкупа грехов» покойника. Для этого в большое деревянное блюдо насыпают пшеницу или другое зерно, сверху кладут один или два отреза хлопчатобумажной ткани и деньги. Затем кто-либо из ближайших родственников покойного передает блюдо мулле со словами: «Я это отдал вам». Мулла, обращаясь к кому-либо из присутствующих, произносит столько раз, сколько лет покойник грешил (считается, что первые 12 лет ребенок не грешит), слова: «Взамен годичного выполнения покойником молитв я эти вещи отдал вам»,на что тот всякий раз отвечает: «Я принял и вернул вам». Затем мулла говорит кому-либо из родственников покойного: «Мы отдали вам, вы возьмите и израсходуйте ради покойника». В конце мулла берет пшеницу себе, а деньги и ткани после похорон раздают всем присутствующим.

Перед похоронами покойника обряжают в саван — *кафан*, состоящий из трех частей — рубахи без рукавов и двух полотнищ ткани, в которые обертывают тело; для женщины, кроме того, нужен еще платок. Тело кладут на *тобут* — деревянные носилки на ножках, затем поднимают и несут куда-либо на открытое место, где и читают молитву по покойном — *ҷаноза*. После этого тело несут на кладбище — *гӯристон* или *қабристон*. Женщины в похоронах не участвуют, а лишь смотрят вслед уносимому телу. Могилы — *гӯр* — делают двух родов: простую, в виде прямоугольной ямы,— *гӯри чӯбин* (деревянная могила) и с нишей, которую выкапывают у дна с одной стороны по длине могилы; такую могилу называют *гӯри лаҳад*. В случае захоронения в гури лахад труп кладут в нишу, которую закладывают камнями, дерном, а яму засыпают, сооружая над ней небольшой холмик; в могиле без ниши над телом укрепляют бревна или доски (отсюда и название чубин — деревянная), сверху кладут солому и лишь затем засыпают землей. На могиле в первую ночь разжигают костер. В прежнее время хоронили обычно на родовом кладбище, иногда в могиле, в которой раньше были похоронены родственники покойного. Женщину нередко относили на кладбище рода ее отца. Через три дня совершают обряд очищения дома, все моют, белье и одежду стирают. Первые три дня пищу в доме не готовят, а приносят из других домов.



Мазар на кладбище. Сел. Костакоз Ленинабадского района

Мазар Хазрати Бурх (верховья р. Хингоу)

По покойнику устраивается ряд поминальных угощений — в третий, шестой, седьмой дни, затем на протяжении сорока дней в канун каждой пятницы в память покойника готовят какое-либо кушанье и приглашают гостей, иногда это кушанье несут в мечеть. Поминальные угощения делают также в двадцатый и сороковой дни, в годовщину смерти, а также в течение года в большие праздники. Родные носят траур разные сроки, но не более года. Даже небольшое число обрядов, перечисленных в связи с событиями семейной жизни, особенно же обряды, связанные со смертью и похоронами, свидетельствуют о синкретическом характере верований у таджиков, переплетении воззрений ислама, распространенного в прошлом среди большинства таджиков в качестве официального вероисповедания, и других более ранних религиозных верований, примитивных анимистических и магических представлений.

У таджиков бытовали также некоторые представления, не связанные непосредственно с семейной жизнью; частично они сохранились и в настоящее время. Наблюдалось особо почтительное отношение к огню, которое исследователи обычно рассматривают в качестве пережитка зороастризма, но, возможно, оно имеет еще более древние корни. Существовало поверье, что огонь нельзя тушить дыханием, что в золу нельзя лить ничего нечистого; в праздники было принято разводить костры, через которые обычно прыгали, что рассматривалось как очищение, вокруг костра обводили и новобрачную. Следы древних религиозных верований усматриваются и в некоторых космогонических представлениях таджиков. Сюда относится представление о громе, как о божестве *тундур*, которое выступает в образе старика или же старухи, выколачивающих свою шубу; представление о тучах — коровах, о радуге — луке героя древнего иранского эпоса Рустема (с приходом мусульманства заменившееся представлением о луке мусульманских святых Хасана и Хусейна); представление о зиме, как о старухе Оджуз, и др.

К анимистическим представлениям относилась вера в сверхъестественные существа, которыми таджик населял горы, долины, реки, леса и пещеры, а также собственное жилище. Наиболее известные из этих существ: *парӣ* — прекрасные горные духи-феи, распоряжающиеся горными козлами и покровительствующие заслужившим их любовь охотникам; страшные *ғӯл* — гигантские чудовища, населяющие леса и пещеры и без жалости убивающие встреченного ими человека; джины или аджина — оборотни, пугающие людей и являющиеся виновниками паралича, сумасшествия и других болезней; альмасты — женщина с вывороченными пятками и закинутыми за плечи грудями, которая стремится пробраться к новорожденному и дать ему свою грудь, отчего ребенок болеет и умирает.

Особенно крепко держалась среди широких масс вера в магические действия, вера в колдовство — *ҷоду*, в заговоры и заклинания, материальным выражением которых являлись амулеты — *тӯмор* (заклинание или молитву, написанные на бумаге, зашивали в тряпочку и пришивали к рубашке, тюбетейке или носили на шнурке на шее), в охранное действие некоторых камней, пестрых бус и т. д. По существовавшим представлениям всевозможные рисунки на скалах и стенах домов (изображение козлов, подков и т. п.) способствовали удаче и благополучию.

Широко распространено было почитание «святых» мест — мазаров. Чаще всего это отдельные чем-либо замечательные деревья, камни, скалы, расположенные близ дороги или, наоборот, в уединенном, труднодоступном месте, реже — так называемые *ғузаргоҳ*, места, связанные с преданиями об остановке и кратковременном пребывании около них какого-либо мусульманского «святого». Мазарами считаются гробницы-усыпальницы мусульманских «святых», лиц, иногда действительно здесь похороненных, а иногда легендарных. Хранители мазаров — шейхи — извлекали доходы из приношений паломников.

Мусульманский религиозный фанатизм, разжигавшийся в прошлом высшими классами в широких слоях населения, использовался ими для достижения определенных целей (пропаганда отказа от лучшей жизни на земле ради загробных благ, пропаганда войны с «неверными» как благочестивого дела и т. п.). В то же время низкий культурный уровень народных масс, бессилие человека в борьбе с природой, голодом и болезнями приводили к тому, что каждый шаг человека был обставлен различными обрядами, связанными с теми или другими поверьями, причем часто самое поверье забывалось и для оправдания обряда создавалось новое объяснение.

Праздники

В прежнее время из мусульманских праздников особенной торжественностью и многолюдностью отличались празднования Курбана и Рамазана, а также ночные гулянья, устраивавшиеся в течение поста Руза в месяце Рамазан. В настоящее время эти праздники еще справляются верующей частью населения, но уже без той пышности, которую придавали им раньше феодальные правящие круги и духовенство. Праздники эти приурочены к мусульманскому лунному календарю, поэтому они переходящие и приходятся на различное время года. В продолжение всего поста по вечерам устраивались моления, после чего население отправлялось на базары, на площади и в чайханы для гулянья и развлечения; на ночных сборищах на базарах— *бозори шаб* (ночной базар) — устраивались различные представления, играла музыка, происходили пляски. Группы подростков ходили в дома соседей, главным образом зажиточных, и пели песни в честь хозяев, за что их одаривали деньгами и сластями. Перед рассветом все отправлялись домой подкрепиться, так как днем есть и пить было нельзя. Вечером перед самым праздником Рамазана ночные гулянья достигали своего апогея; в эту ночь в домах готовилось угощение, а на рассвете все отправлялись на могилы близких, где устраивалось поминание умерших и раздача угощения муллам и нищим.

В первый день праздника в мечетях устраивали праздничные моления, а затем угощения при мечетях в складчину, которыми распоряжались старики. Нередко праздник организовывали беки или другие представители власти; так, например, в Кулябе перед бекской крепостью по вечерам во время поста устраивали большой костер — *чавкӣ* — со всевозможными развлечениями. В дни Курбана и Рамазана организовывали различные состязания, скачки с козлом, борьбу, выступления артистов, при этом представители власти раздавали призы. Женщины, державшиеся особняком, ходили в гости друг к другу (*идгардак*). Курбан был связан с обычаем принесения в жертву животного, в зависимости от достатка семьи— барана или козла, быка или верблюда, мясо которого шло на праздничное угощение.

Массовый, глубоко народный характер носили весенние праздники, связанные с пробуждением природы и началом сельскохозяйственных работ. Все они концентрировались вокруг старинного иранского Нового года,— *Наврӯз*, приходившегося на день весеннего равноденствия, т. е. на 21 марта. О весенних празднествах в Бухаре, связанных с Наврузом, рассказывает автор X в. Мухаммед Наршахи[1]; очевидно, традиции этого праздника пронесены таджиками через многие столетия. Весенние праздники захватывали довольно широкий период и зависели главным образом от более раннего или более позднего наступления весны и в тех или других местах справлялись раньше или позже.

В горном Таджикистане, в низовьях р. Хингоу еще недавно отмечали особыми церемониями наступление последнего месяца зимы — *хут* (18—20 февраля). К этому празднику хозяйки доставали специально припрятанные с осени горшочки с топленым маслом, из каждого дома в

[1] Мухаммад Наршахи. История Бухары, пер. И. Лыкошина. Ташкент, 1897, стр. 27.

мечети или в алоухона мужчины приносили по 50—100 тонких лепешек и коллективно приготовляли особое ритуальное блюдо *равганчӯшӣ* (мелко накрошенные в молоко или пахтанье лепешки, залитые кипящим маслом); часть его съедали собравшиеся в мечети мужчины, а остальное посылали по домам для женщин. По вечерам разводили большой костер и устраивали различные увеселения: пели, играли на музыкальных инструментах, танцевали; в числе прочих пели специальную песню, посвященную воспеванию весны, сочиненную неким Охуном Мулло-Наимом, почитавшимся местными жителями в качестве отдаленного предка. Во время празднования хута не было принято ходить в гости в чужие селения. Кто нарушал этот запрет, того после хорошего приема и угощения клали в середину круга, образованного группой ложившихся на землю на спину людей, и в течение долгого времени подкидывали ногами, не обращая внимания на крики гостя. Затем, опустив его, уговаривали не обижаться и вновь угощали самыми отборными кушаньями. Считалось, что приход гостя в этот праздник может навлечь на селение чужую беду или унести его счастье.

У таджиков Бухары, Самарканда, Ходжента и Ура-Тюбе, где в конце февраля — начале марта уже становится тепло и появляется первая трава, в месяце хут устраивались весенние гулянья — *сайл*. Для этого за городом или селением, обычно на возвышенности, выбиралось удобное место — *сайлгоҳ*, где перед началом сайлей устанавливались временные лавки или чайханы. В сайлях принимали участие не только мужчины, но и женщины с детьми, которые, однако, держались отдельно от мужчин. На сайлях угощались, гуляли, развлекались пением и танцами, иногда смотрели представления комиков — *масхарабоз*. Сайли продолжались несколько дней подряд или же периодически повторялись, в некоторых местах сайли устраивались каждую пятницу в течение всего месяца хут.

Незадолго до Навруза устраивались так называемые *гулгардонӣ* — хождение с цветами. Собирались подростки, обычно ученики; один из них нес длинную жердь, на конце которой был прикреплен букет из весенних цветов; если таковых еще не было, то делали бумажные цветы; цветы были также у каждого в руках и за ушами. Подростки ходили по домам и пели специальные песни, посвященные весне, Наврузу. Хозяева дома целовали букет цветов на шесте, пригибая его к себе, а затем делали подросткам какое-либо подношение — давали пшеницу, яйца, сушеные фрукты, иногда деньги. За несколько дней до Навруза справляли праздник *тӯи суманак*. Заранее высевали в глиняных тазах немного пшеницы или складывали ее где-либо в общественном месте в кучу на чистую циновку и слегка поливали водой. Проросшую пшеницу толкли в ступе, а затем из сока, к которому добавляли немного муки, варили нечто вроде киселя — *суманак*. Варить суманак должна была хорошая хозяйка — *кайвонӣ*, которая перед этим совершала омовение, надевала белое платье и произносила соответствующие ритуальные формулы. Иногда суманак обносили вокруг мазара. На угощение суманаком обычно созывали много народа, часть кушанья распределяли по домам.

Перед наступлением Навруза во всех домах наводили чистоту и порядок, обметали стены и потолки, на стенах белой или красной глиной делали стилизованные изображения цветов, козлов и т. п.; стирали белье, по возможности заготовляли новую одежду; приготовляли различные лакомые блюда. В ночь на Новый год хозяйка окуривала дом — на глиняные черепки клали горячие угли, а сверху насыпали мелко нарезанные благовонные травы; зажигали также светильники. Считалось, что окуривание дома и зажигание светильников, как и запах от готовящейся пищи, приятны духам предков.

В день Нового года жители селения или квартала надевали праздничные

ную одежду и собирались где-либо в селении или вне его, мужчины и женщины отдельно. Угощение перемежалось различными развлечениями. Мужчины устраивали игру с козлом, борьбу, слушали певцов, музыкантов. Женщины пели песни, устраивали качели — *хой*, для чего на толстый сук дерева закидывалась веревка, которую связывали на небольшой высоте от земли петлей; при качании на качелях состязались, кто выше взлетит и большее число раз ударит по определенному месту на дереве; победительницам давали приз. Молодежь развлекалась различными играми, играли в «битки» крашеными яйцами и катали их.

Во многих бывших бухарских бекствах через несколько дней после Навруза местные власти, нередко сам бек или амлякдор, организовывали официальные празднества с развлечениями, состязаниями, раздачей призов и т. п. На эти праздники съезжались и сходились люди из ближайшей, а иногда и дальней округи, собирались лучшие борцы, наездники, музыканты, фокусники, масхарабозы, многие в расчете на получение призов и подарков, а также на угощение. Эти официальные праздники были для местной знати и чиновников средством снискать себе популярность в народе, а для многих зажиточных людей, обладавших хорошими скаковыми лошадьми, случаем удовлетворить свое честолюбие и прославиться.

Сайли продолжались и после Навруза, обычно в апреле и начале мая, когда распускались маки и тюльпаны. Есть основание считать, что эти гулянья восходят к далекой древности, что они были связаны с культом умирающей и воскресающей растительности, в частности с культом Сиявуша, засвидетельствованным в древних местных и китайских источниках; по словам китайских путешественников начала VII в. в Самарканде население выходило на поиски тела небесного отрока. Можно полагать, что маки и тюльпаны, собираемые во время весенних сайлей, должны были олицетворять тело и кровь Сиявуша. В этой связи следует отметить и специальные празднования, посвященные тюльпану — *лола*; особенно торжественно эти празднования отмечались в Исфаре. Заранее выбирали несколько больших тополей, которые затем срубали и привозили в селение; специальная группа людей отправлялась за тюльпанами. Срубленные деревья украшали цветами так, что они превращались в огромные сплошные букеты. Деревья вкапывали в землю в заранее выбранном месте, вокруг них собиралась праздничная толпа, устраивались различные развлечения и угощение; при этом пели специальные песни, называемые *наҳш*. На второй день праздника мужчины и женщины отдельно отправлялись на находившиеся вблизи селения почитаемые мазары, где устраивалось угощение; женщины при этом гадали по разным приметам, а затем купались в речке близ мазара и возвращались, распевая песни и танцуя. Мужчины возвращались поздно вечером с факелами, затем расходились по чайханам и снова пели накши. На этом празднество заканчивалось.

Кроме всех описанных праздников, связанных с весной, были и другие, приуроченные к различным событиям; так, например, среди таджиков сел. Костакоз (расположенного близ Ленинабада) богатые люди по случаю обрезания сына устраивали праздник, называвшийся *тӯи гулдор* — праздник с цветком; сооружали декоративные богато разукрашенные деревья — *гул* — с проволочными ветвями, на которых укреплялись сделанные из шелка цветы и птицы. Эти деревья несли во главе карнавальной процессии, для которой приготовляли также фигуры слонов, драконов, кукол, изображавших Рустема, и различные другие фигуры. На такие празднества созывалось много гостей, устраивались обильные угощения, фейерверки, иллюминация и другие развлечения. Праздник продолжался несколько дней и обходился его устроителю в огромную сумму.

В наши дни, в результате социалистического переустройства быта, роста общей культуры, появившихся у населения новых интересов, старые праздники стали или вовсе забываться, или же, сохраняя подчас внешне

прежнюю форму, изменили свое содержание: они принимают характер народных гуляний, увеселений. Весенние гулянья связываются теперь с празднованием 1 Мая; жители городов и селений собираются большими компаниями и на машинах выезжают далеко от населенных пунктов, здесь в тени деревьев, на берегу реки они проводят время — устраивают различные развлечения, готовят из привезенных продуктов еду, собирают весенние цветы; тут же нередко организуются спортивные игры и состязания. Борьба, конные состязания, игра с козлом остаются излюбленными развлечениями населения. Многолюдными бывают демонстрации в дни праздников 1 Мая и Октябрьской революции; обычно в эти праздники в Таджикистане стоит теплая, солнечная погода. Множество цветов, особенно роз, яркие нарядные платья девушек и женщин, белые костюмы мужчин — все это придает первомайской демонстрации в Душанбе и других городах республики особенно праздничный вид.

За последние годы все более оживленными становятся «праздники урожая», устраиваемые отдельными колхозами и районами по окончании сельскохозяйственных работ, главным образом после окончания сбора хлопка и сдачи его государству.

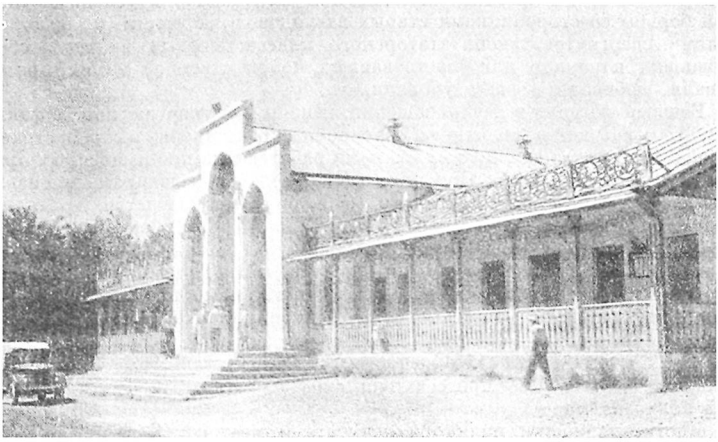
Общественная жизнь

Средоточием общественной жизни таджиков до революции, как уже было сказано, были алоухона, мечети, чайханы, где собирались жители не только для того, чтобы провести время (а в мечети для ежедневных молитв — намазов), но и для того, чтобы обсудить различные дела, касающиеся всего селения или квартала, определить день начала тех или иных сельскохозяйственных работ и т. п. Там же собирались во время праздничных угощений и развлечений. Женщины не участвовали в этих собраниях; они собирались для обсуждения своих хозяйственных, а также семейных дел в каком-нибудь частном доме. Даже на празднествах они держались обособленно.

В общественно-политической и административной жизни население принимало самое незначительное участие. Хотя выборы низовой администрации как в русских, так и в бухарских владениях были будто бы предоставлены самому населению, фактически на сходе утверждался аксакал или арбоб, заранее намеченный и предложенный властями; для выборов волостного управителя — мингбаши — в русских владениях раз в три года созывали лишь представителей от каждых 50 хозяйств (иликбаши), которым обычно и предлагался уже заранее определенный кандидат. Поэтому не будет преувеличением сказать, что только после Октябрьской революции широкие массы таджикского населения по-настоящему приобщились к общественной жизни и стали активно в ней участвовать.

Формы участия населения Советского Таджикистана в общественной жизни общие для всех советских людей, для всех советских республик. Основная масса населения Таджикистана, колхозное крестьянство, принимает непосредственное участие как в работе советских органов, начиная от кишлачных Советов, так и в обсуждении и решении производственных вопросов в родном колхозе; точно так же рабочие участвуют в общественно-производственной жизни своего предприятия. Многие колхозники и рабочие являются депутатами кишлачных, поселковых, районных и областных советов и участвуют в работе различных постоянных комиссий этих советов. На общих колхозных собраниях и на производственных совещаниях своих предприятий они обсуждают производственные вопросы и принимают участие в их решении.

По-новому, культурно проводят рабочие и колхозники свой досуг. В городах к услугам рабочих и служащих театры и кино, библиотеки, клубы, парки отдыха, стадионы, различные кружки самодеятельности, в которых охотно участвует молодежь, вечерние курсы для повышения общего и специального образования. В распоряжении колхозников на-



Дом культуры колхоза им. Ленина, Курбан-Тюбинский район

ходятся светлые и просторные, являющиеся нередко шедевром народной архитектуры здания красных чайхан, дворцов культуры, клубов, кино, библиотек. Здания эти обычно строятся на средства колхоза; часто для художественной отделки приглашают старых народных мастеров-строителей и художников — резчиков по дереву и алебастру. Таков, например, дворец культуры в колхозе «Москва» Ленинабадского района; его центральную часть занимает театральный зал на тысячу мест, с балконом, боковыми ложами и галереями; от центрального здания отходят два боковых двухэтажных корпуса. Во дворце культуры 140 помещений, в которых размещаются правление колхоза, парткабинет, концертный зал, зал для танцев, библиотека, читальня, агрохимическая лаборатория, радиоузел, телефонная станция, чайханы, комнаты для приезжающих, комнаты для занятий различных кружков и т. п. Дворец культуры украшен резьбой по ганчу, лепкой, росписями, над которыми работали лучшие народные мастера Таджикистана.

Вечерами и в праздничные дни колхозники идут в кино или собираются в чайханах и клубах послушать лекцию, патефон или радио, посмотреть выступления местной художественной самодеятельности. Многие колхозники участвуют в драматических или вокальных кружках. В некоторых колхозах есть музыканты и певцы, которые обучают колхозную молодежь музыке и пению, а в часы отдыха играют и поют в колхозных чайханах. Следует отметить, что красная чайхана в колхозе является средоточием общественной жизни, куда приходит большинство населения не только в дни и часы культурных мероприятий, но и просто для того, чтобы провести здесь свой досуг — выпить чаю, обменяться новостями и просто потолковать с односельчанами.

Совершенно новым фактом, невиданным до установления Советской власти, является участие в общественной жизни женщины-таджички. Советская власть и Коммунистическая партия обеспечили полное раскрепощение женщин Средней Азии, в том числе и таджичек. Одной из основных форм общественно-массовой работы среди женщин в первые годы Советской власти были делегатские собрания; женский актив, группировавшийся вокруг делегаток, устраивал лекции, проводил собрания,

участвовал в работе Советов, в организации яслей, детских домов, женских консультаций. Раскрепощение таджички происходило в условиях упорной борьбы со сторонниками старых взглядов, в частности, с представителями свергнутого эксплуататорского класса; первых женщин, сбрасывавших паранджу или участвовавших в общественной работе, преследовали, избивали и даже убивали.

Решающую роль в раскрепощении женщины и уничтожении ее фактического неравенства сыграло вовлечение ее в хозяйственную жизнь страны. Сейчас женщины наравне с мужчинами работают на промышленных предприятиях и в колхозах. Они являются нередко передовиками производства и мастерами высоких урожаев, особенно в хлопководстве. Всего в народном хозяйстве Таджикистана занято более 357 тыс. женщин, т. е. 43% к общему числу работающих. Многие таджички работают учительницами, врачами, инженерами, научными работниками. Таджички работают и в советских учреждениях, занимают общественные посты и участвуют в управлении государством. В 1961 г. 24 женщины работали секретарями горкомов и райкомов партии, 12 — председателями исполкомов городских и районных Советов, 131 женщина — председателями кишлачных и поселковых Советов, 11 — председателями и 319 — заместителями председателей колхозов[1].

Многие таджички являются депутатами местных Советов, а также Верховного Совета республики.

Советское государство и Коммунистическая партия, проявляя заботу о матери и ребенке, создают условия для того, чтобы женщина могла спокойно работать на производстве и участвовать в общественной жизни. В Таджикистане в настоящее время имеется огромная сеть детских учреждений. В республике функционируют сотни детских домов, яслей, домов ребенка и детских кухонь; помимо того, в сезонных колхозных яслях и на детских площадках ежегодно находится много тысяч детей. Создано большое количество женских и детских консультаций, детских поликлиник. Для отдыха детей строятся пионерские лагери и санатории.

Культурное строительство

До Октябрьской революции в Таджикистане существовало лишь небольшое число духовных школ: начальных — мактаб и высших — медресе. В мактабе детей заставляли бессмысленно заучивать наизусть книги религиозного содержания, учение в медресе преследовало цель подготовить религиозно-грамотных людей, а также судей — казиев и *муфтӣ* и писцов — *мирзо*. Мактабы обычно организовывали грамотные люди — муллы, которые были одновременно и учителями; определенной платы они не получали, а жили за счет приношений родителей учеников: еженедельно перед выходным днем ученики приносили учителю по блюду плова и несколько лепешек; по окончании чтения той или другой книги в школе родители делали учителю более солидные подарки — халат, чалму, отрез ткани и т. п. Девочки учились в особых школах, под руководством грамотных женщин — *хотун*.

Медресе обычно содержались за счет вакуфа, завещанного каким-либо богатым человеком. Из завещанных сумм, а также из доходов, которые приносило имущество вакуфа (например, пахотная земля, сдававшаяся крестьянам в аренду), производились расходы на медресе, платилось жалованье преподавателям, содержание сторожам и др. Студенты медресе, обычно люди состоятельные, покупали себе в медресе келью у ее прежнего владельца, тоже студента медресе, но уже окончившего курс или по тем или иным причинам покидавшего медресе. Владение кельей давало право числиться студентом медресе и заниматься в нем; лица, не имевшие воз-

[1] См. Отчет ЦК КП Таджикистана XIV съезду КП Таджикистана. «Коммунист Таджикистана», 22 сентября 1961 г.

На уроке в школе. Колхоз «Коммунизм». Пянджский район

можности купить келью, снимали у владельца угол, обслуживая богатых учеников медресе. Обучение в медресе продолжалось неопределенное число лет. Получившие неполное образование часто покидали медресе, чтобы стать муллой где-либо в кишлаке, получившие необходимые богословские и литературные знания становились преподавателями медресе — *мударрис*, иногда даже занимали высшие духовные должности в Бухарском ханстве.

Основная масса населения оставалась неграмотной и находилась под влиянием духовенства, которое внушало народу, что светское обучение является делом нечистым, запрещенным религией, а потому и греховным.

Народное образование стало развиваться в Таджикистане лишь после установления Советской власти. Первоначально старое бухарское чиновничество и духовенство путем агитации, а иногда и прямых угроз пыталось воспрепятствовать детям и молодежи посещать советские школы, однако это не остановило молодежь, стремящуюся к знаниям. К развитию народного образования, а также к строительству школьных зданий, широко привлекалось само городское и сельское население. За годы, прошедшие после национального размежевания Средней Азии, народное образование достигло огромных результатов. Одним из важнейших мероприятий, способствовавших росту всеобщей грамотности, явился переход таджикской письменности со сложного арабского алфавита на новый алфавит, составленный на основе русской графики.

Введение всеобщего школьного обучения потребовало проведения многих мероприятий, без которых такое обучение не могло быть осуществлено. Необходимы были издание большого количества учебников в огромных тиражах, постройка школьных зданий, подготовка многочисленных кадров учителей. Так как в Таджикистане во многих районах кишлаки по своим размерам невелики, потребовалось создание целой сети школ-интернатов, в которых учились, проживали и содержались за счет государства школьники из ближних и отдаленных кишлаков. В городах была создана также сеть школ-интернатов для учащихся VIII—X классов, в них переводились и учащиеся, получившие семилетнее образование в сельских местностях. В настоящее время в республике насчитывается

около 3 тыс. общеобразовательных школ. Для обучения детей из тех пунктов, где нет семилетних и средних школ, при многих школах открыты интернаты.

В школах из года в год увеличивается число выпускников таджиков и представителей других местных национальностей, поступающих затем в высшие учебные заведения страны.

В республике также создана сеть школ рабочей и сельской молодежи. Большая работа проведена по ликвидации неграмотности среди взрослого населения.

Для подготовки учительских кадров республика в настоящее время располагает педагогическими институтами, учительскими институтами и педагогическими училищами. Большую роль в подготовке педагогических кадров играли многочисленные курсы переподготовки учителей.

Ежегодно в городах, районных центрах и в колхозах строятся десятки и сотни прекрасных, хорошо оборудованных школ. Большое число школ строится по инициативе колхозов и за их счет, при деятельном участии колхозников.

В Таджикистане создана сеть высших учебных заведений: университет в Душанбе, два педагогических института, политехнический, сельскохозяйственный и медицинский институты. В этих шести высших учебных заведениях в 1961 г. обучалось 22 тыс. юношей и девушек; в 1960/61 г. в них подготовлено 5 тыс. специалистов. В 1961 г. состоялся первый выпуск политехнического института, 132 молодых специалиста получили диплом инженера. В республике имеется 23 специальных средних учебных заведения и 35 профессионально-технических училищ, в которых обучается более 20 тыс. человек. Этими учебными заведениями подготовлено в 1960—1961 гг. 6072 специалиста средней квалификации и 7613 квалифицированных рабочих[1].

В 1948 г. в Душанбе был открыт Таджикский государственный университет, имеющий сейчас пять факультетов: историко-филологический, юридический, экономический, физико-математический и естественный. Университет готовит аспирантов и издает свои труды, в частности «Ученые записки».

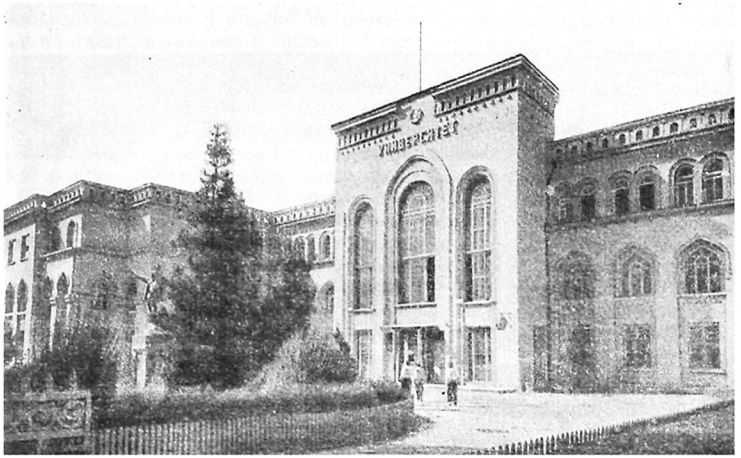
Следует отметить ту огромную помощь, которую оказывает русский народ таджикскому народу в создании учебных заведений; множество русских ученых, специалистов и педагогов отдает свои силы для того, чтобы в кратчайший срок создать кадры таджикской интеллигенции и поднять культуру народа.

В 1932 г. в столице республики была создана Таджикская база АН СССР, преобразованная затем в Таджикский филиал АН СССР. В 1951 г. была основана Академия наук Таджикской ССР. В настоящее время академия объединяет более 20 научно-исследовательских учреждений, которые проводят большую научную работу по изучению природных богатств республики, созданию новых сельскохозяйственных культур, а также по изучению и разработке вопросов языка, истории, литературы и этнографии таджиков. Академия наук, а также вузы республики готовят молодые научные кадры. В 1960 г. в Таджикистане работало свыше 400 кандидатов и докторов наук.

За последние годы академия выпустила много научных трудов в «Сообщениях», «Докладах», «Трудах» и «Известиях», а также в виде специальных монографий.

Большое научное значение имеют и другие институты, не входящие в систему Академии наук СССР, в частности, институты сельскохозяйственного профиля с опытными станциями.

[1] Отчет ЦК КП Таджикистана XIV съезду КП Таджикистана. «Коммунист Таджикистана», 23 сентября 1961 г.



Здание Государственного университета. Душанбе

В республике развернулась деятельность лекторского бюро Министерства культуры и республиканского общества по распространению политических и научных знаний, объединяющего несколько тысяч человек.

В Таджикистане, являвшемся в прошлом страной почти поголовной неграмотности, в настоящее время книга занимает почетное место и спрос на нее огромен как в городах, так и в сельских местностях. За годы Советской власти в Таджикистане изданы десятки миллионов книг; издаются десятки журналов и газет.

Таджикское государственное издательство ежегодно выпускает большое количество научной, политической, художественной и детской литературы.

В республике работает много квалифицированных переводчиков, переводящих на таджикский язык произведения классиков марксизма-ленинизма, русских классиков, а также советских писателей и поэтов, приобщая широкие народные массы к русской культуре.

Большое развитие получила сеть библиотек. В Душанбе работает Государственная публичная библиотека им. Фирдоуси с фондом около миллиона книг; в республике функционирует более 900 библиотек. В настоящее время в Таджикистане насчитывается огромное число массово-культурных учреждений — домов культуры, клубов, красных чайхан; одних только клубных учреждений существует около тысячи. Все культурные учреждения и мероприятия, а также печать и радио служат мощным средством борьбы за передовые методы труда, за организацию социалистического производства, за повышение культурного уровня трудящихся. Дома колхозников, полевые станы, животноводческие фермы радиофицированы. Даже в самые отдаленные колхозы и бригады регулярно приезжают кинопередвижки.

На рост культурных запросов городского и колхозного населения указывает массовая подписка на газеты и журналы, посещение библиотек и читален; десятки и сотни колхозников являются постоянными читателями колхозных библиотек и агитаторами за продвижение книги в массы; многие колхозники и рабочие, не довольствуясь абонированием в библиотеке,

Больничный городок в поселке шахтеров Шурабского рудоуправления «Таджик-уголь»

В колхозной амбулатории.

комплектуют у себя дома личные библиотеки. Городские и районные книжные магазины и киоски не успевают удовлетворять спроса населения на книги, журналы, брошюры. Книготорговая организация «Таджикитоб» ежегодно открывает все новые и новые книжные торговые точки в городах, районных центрах и в колхозах.

Среди населения Таджикистана в дореволюционное время была очень высока смертность; в крае свирепствовали различные бытовые и инфекционные болезни, которые уносили большое количество жизней. Медицинская помощь почти полностью отсутствовала.

Сейчас республика обладает густой сетью больниц, родильных домов, поликлиник, амбулаторий и других лечебных и лечебно-профилактических учреждений, в которых работают более 9 тыс. медицинских работников с высшим и средним образованием.

Научную работу в области медицины проводит Медицинский научно-исследовательский институт в Душанбе, имеющий ряд отделов. Медицинские кадры подготовляют Медицинский институт в Душанбе и четыре медицинских училища.

В Таджикистане функционируют санатории и дома отдыха; ведущими в республике являются курорты Ходжи-Оби-Гарм и Оби-Гарм. В первом из них — бальнеоклиматическом курорте в 50 км к северу от Душанбе, расположенном на высоте около 1800 м над уровнем моря,— лечение ведется термальными минеральными водами и радиоактивным паром. Оби-Гарм — бальнеоклиматический курорт, расположенный в 100 км к востоку от Душанбе, на высоте около 1200 м над уровнем моря.

Давно уже канули в вечность случаи заболевания чумой и холерой, полностью ликвидирована заболеваемость оспой и паразитарными тифами. В результате проведения противомалярийных мероприятий малярия уже в 1956 г. была ликвидирована как массовое заболевание, принимаются меры для полной ликвидации этой болезни в республике. Ведутся широкие мероприятия по борьбе с туберкулезом, трахомой, грибковыми заболеваниями кожи и волос, острыми желудочно-кишечными заболеваниями.

Значительно выросла в Таджикистане и спортивная культура среди юношества, способствующая всестороннему физическому развитию и воспитанию выносливости и физической закалке. В республике сооружено большое число стадионов, спортивных площадок, футбольных полей, баскетбольных и волейбольных площадок, бассейнов для плавания, стрелковых тиров, спортивных залов и др. Здесь представлены почти все виды спорта. Среди них и специфические национальные виды спорта, такие как таджикская борьба, конные состязания и другие.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Устное народное творчество таджиков богато и разнообразно. Многочисленные предания повествуют о борьбе таджикского народа с легендарным племенем «муг» и огнепоклонниками — *оташпараст*, описывают подвиги любимых народом легендарных богатырей; в них отражены ненависть ко всякому злу, материализующемуся в образах Зоххака и Афросиаба, идеи патриотизма, гуманизма, прославляются искренность и любовь.

Фольклор

Важнейшими жанрами таджикского дореволюционного фольклора являются песни *сурud*, четверостишия *рубой*, героический эпос, а также сказки.

Песни делятся на трудовые, обрядово-календарные, обрядово-праздничные и траурные. Среди таджикского населения южного Таджикистана были известны трудовые песни «Ман дог» («Я скорблю»), которая исполнялась во время жатвы, особенно во время коллективной жатвы, и

«Майдо», которую пели при молотьбе хлеба. В этих песнях выражены мысли и чувства трудового дехканства. Жалобы на злосчастную судьбу, горькую долю, на несчастное и униженное положение труженика, протест против притеснений составляют основное содержание этих песен.

Во многих районах республики существовавшие до недавнего времени календарные обряды сопровождались песнями. Один из этих обрядов — гульгардони был приурочен к появлению первых цветов (см. стр. 628). В исполнявшихся при этом традиционных весенних песнях — «Гули сиях-гуш», «Бойчечак»— выражаются чувства радости по поводу наступления весны и связанные с ней надежды крестьян. Те же чувства высказывались и в песнях, которые исполнялись во время Навруза. В песнях, связанных с обрядом вызывания дождя (см. стр. 557), выражалась просьба к предкам ниспослать дождь.

Свадебный обряд у таджиков был тесно связан с устным народным творчеством. Обычно на свадьбу приглашались мастера народного искусства: певцы, сказители, музыканты, танцоры, масхарабозы. Существовали особые традиционные свадебные песни, исполняемые в важнейшие моменты свадьбы: так, во время мытья головы и облачения невесты в свадебные одежды ее подруги пели песню под названием «Байти саршуён» («Песня мытья головы»); в ней выражается печаль невесты и добрые пожелания ее подруг. Во время бритья головы жениха и облачения его в свадебные одежды группа певцов-профессионалов (*хофиз*) вместе с друзьями жениха исполняли песню «Байти сартарошун» («Песня бритья головы»). Во время шествия свадебного поезда к дому невесты и возвращения оттуда певцы-профессионалы, друзья жениха и другие участники свадьбы исполняли песню, славящую новобрачного.

У таджиков широко был распространен обычай оплакивания покойника. Траурные песни часто не имели определенного текста, а импровизировались матерью, сестрой, женой или другими родственницами умершего в день погребения и после этого, в дни траура. Каждая из близких родственниц старалась в ярких и впечатляющих словах обрисовать жизнь покойного, его положительные качества, мечты и устремления, а также свою скорбь и горе. В доме умершего собирались и другие жительницы кишлака, прежде всего недавно потерявшие кого-либо из близких, и по очереди исполняли свои песни-импровизации. В них они выражали не только свою скорбь по умершему, но рассказывали о других страданиях и горестях, являвшихся следствием тяжелого положения трудящихся до революции; в них часто выражался протест против такой жизни.

Трудовые и обрядовые песни обычно исполняет хор мужчин или женщин с солистом. Отсюда и их специфическое построение — после каждой строки или строфы следует припев.

Четверостишия среди поэтических форм устного народного творчества таджиков занимают первое место, содержание их очень богато и разнообразно. Их поют во время работы, в пути, на отдыхе, при исполнении различных обрядов.

В рубои и других лирических песнях находили отражение многие стороны жизни населения, и поэтому рубои очень разнообразны по тематике. Одной из основных тем песенной лирики у таджиков (главным образом горных районов) являлась тема чужбины, нахождения вдали от родного дома (*гариби*). Уход из родных мест был связан с вынужденными поисками работы вдали от дома. Поэтому лирический герой такого рода песен — странник (*гариб*)—жалуется на трудность своей жизни вдали от родины и горечь разлуки с близкими и со своим родным краем. В основной массе дореволюционных лирических песен отчетливо слышится недовольство существующей социальной системой и протест против нее. Это выражается то в жалобах на любовные страдания, на вынужденный брак, то в жало-

бах на бедность, жизненные тяготы, на непостоянство этого мира. В некоторых рубои женщина сетует на то, что ее продают, как рабыню, на те мучения, которые она вынуждена переносить в чужой семье. Юноша же, насильно разлученный с возлюбленной, проклинает тех, кто разлучил его с ней.

В центральных и южных районах республики особой популярностью пользуется эпос «Гуруглы». «Гуруглы» — цикл эпических песен о царе гор. Чамбила — Гургули и его богатыре Авазе с сыновьями Шер-Али и Нур-Али, совершающими различные подвиги. Каждый, желающий овладеть искусством исполнения «Гуруглы», раньше обычно проходил длительный период ученичества (10—15 лет). Исполнитель «Гуруглы» должен иметь хорошую память, чтобы хорошо помнить многочисленные эпизоды эпоса, должен хорошо играть на дутаре, так как эпос исполняется под аккомпанемент этого инструмента, и, наконец, должен обладать поэтическим талантом, так как «Гуруглы» обычно импровизируется. Поэтому исполнители эпоса «Гуруглы» пользуются большим уважением в народе. Лучшие из них получают приглашения на различные празднества и торжества не только от своих соседей по кишлаку, но и от жителей отдаленных кишлаков.

В длинные зимние вечера таджики рассказывают сказки, на долгие часы привлекающие слушателей и занимающие их внимание. Сказки рассказывают многие, но существуют сказочники, пользующиеся большой известностью среди населения. Сказку принято рассказывать тогда, когда все дневные дела уже закончены и присутствующие приготовляются ко сну. Время от времени сказочник прерывает себя и спрашивает присутствующих: «Спите?». Получив отрицательный ответ, он продолжает сказку и лишь тогда, когда, наконец, на его вопрос не последует ответа, замолкает, оборвав сказку на полуслове. Часто сказка рассказывается особым речитативом, причем к глаголам прибавляется окончание «ак», вследствие чего создается впечатление рифмованной прозы; стихотворные диалоги в сказках поют.

Таджикские сказки по своему содержанию делятся на волшебные, сказки о животных, сатирические сказки и анекдоты.

В волшебных сказках одним из основных героев является пастух, или сын бедняка, или плешивый, или царевич; им предстоит выполнить ряд тяжелых задач: освободить красавицу от дэва, дракона, злого царя и других злых сил и уничтожить их, овладеть разными удивительными предметами или существами (волшебной палкой, говорящей птицей, золотой лисой, крылатым конем и др.); герой бродит по чужим городам и странам, по горам и пустыням, поднимается в заоблачный мир и спускается под землю. Иногда он чудесным образом из младенца превращается в сильного и ловкого богатыря, иногда же, ничем не отличаясь от всех иных людей в начале сказки, начинает совершать подвиги и дела, повергающие всех в изумление. Положительный герой волшебной сказки бывает верен и благороден. Основными чертами героини волшебной сказки — бедной девушки, пастушки, иногда младшей дочери царя, или же пэри — являются ее стойкость и верность в любви. Во многих сказках девушка проявляет верность своему возлюбленному (супругу). Часто она нисколько не уступает герою в уме, прозорливости, в знании ремесла, иногда и в физической силе.

В сказках о животных действуют различные птицы и животные, чаще всего лиса, волк, медведь. В образе лисы обычно изображаются лжецы и обманщики, в образе волка — глупые и жестокие люди, а в образе медведя — сильный в драке, но ленивый и избегающий работы человек. В этих отрицательных образах обличаются в конечном итоге дурные дела и поступки представителей класса угнетателей. В образе птицы изображается невинный человек, попавший в сети обманщика и притеснителя.

В сатирических сказках и анекдотах изображаются реальные общественные отношения. Положительные герои этих сказок — бедняк, его сын, жена или дочь, плешивый, безбородый пастух; эти люди — мастера на все руки, которые благодаря своей проницательности, уму и расторопности преодолевают все трудности и побеждают своих врагов. Обычно врагами их являются представители правящего класса: бай, судья — казий, мулла, иногда падишах; все они изображаются людьми несправедливыми, безжалостными, лишенными стыда и совести, обманщиками и бездельниками. В этих сказках положительный и отрицательный герои резко противопоставляются друг другу.

Широкое распространение в народе имеют пословицы, поговорки и загадки.

В советский период таджикский фольклор подвергается значительным изменениям. Вместе с обрядами, имевшими религиозный или магический характер, исчезают и связанные с ними песни; появилось много новых советских песен.

Советские песни и рубои включают в себя разнообразные темы: любовь и новые семейные отношения, счастливая и радостная жизнь, плодотворный труд, развитие науки и культуры, защита родины, образ Ленина. Авторы этих песен — колхозники, служащие, учителя — выражают в них свои мысли и чувства. В песнях отражаются те изменения в жизни кишлака, которые произошли в наше время. В них говорится о девушках, идущих в школу, об учителе, о ребятах, которые читают книгу и извлекают из нее пользу и др. Много песен было создано в период Великой Отечественной войны; в них выражены любовь народа к своим сынам-воинам и забота о них, ненависть к врагу и уверенность в победе над ним.

В советский период связи фольклора с литературой стали значительно прочнее. Население получило возможность познакомиться с таджикской советской литературой и советской литературой вообще, а также с лучшими произведениями таджикской классики. Многие стихотворные произведения таджикской классической литературы, а также произведения советских поэтов приобрели широкую популярность в народе.

В советский период ярко расцвело творчество народных поэтов. Поэмы и песни таких выдающихся народных поэтов и певцов, как Бобоюнус Худойдод-заде, Юсуф Вафо, Саидали Вали-заде, Хикмат Ризо получили широкую популярность в народе.

Сохраняется и такой жанр фольклора, как сказки, которые привлекают своей занимательностью. В некоторых сказках наряду со старыми традиционными образами и мотивами появляются новые понятия, связанные с предметами, свойственными современности.

Литература

В конце рабовладельческой эпохи и в начале развития феодализма — в первой половине I тысячелетия н. э.— народы Средней Азии создали ряд героических сказаний о Рустеме, Исфандияре, Барзу, Сиявуше, в которых воспевали защитников своей земли. Позднее, в IX—X вв. н. э., в период национальной консолидации таджиков, эти народные легенды привлекали к себе внимание многих поэтов, в том числе Фирдоуси. Фольклорные сюжеты, назидательные и эпические сказания содержатся и в памятниках согдийской письменности и манихейской литературы, относящихся также к первой половине I тысячелетия. Все эти произведения составляют древнюю таджикскую литературу.

Появление художественной литературы на таджикско-персидском языке, относится к IX в.

Общность литературного языка, многовековые политические, экономические и культурные связи, близкое этническое родство персов и таджиков привели к тому, что на протяжении IX—XV вв. у этих двух народов развивалась общая литература. Литературу этого периода сейчас принято называть таджикско-персидской.

Классическая таджикско-персидская литература зародилась в то время, когда народы Средней Азии, поднявшись на борьбу против арабских завоевателей, отстояли национальную независимость и организовали централизованное феодальное государство Саманидов, в котором сложились благоприятные условия для экономического развития страны. Литература этого периода, сравнительно близкая народу как по своему содержанию, так и по стилю и языку, относительно свободна от влияния ислама.

Основоположником классической таджикско-персидской литературы является Абуабдулло Рудаки (IX—X вв.), уроженец сел. Пенджруд нынешнего Пенджикентского района Таджикской ССР.

Рудаки разработал почти все основные жанры таджикско-персидской литературы. Существует предание, что Рудаки создал 1 млн. 300 тыс. стихов, но до нас дошло только около 2 тыс. Литературное наследие поэта включает и любовную лирику, и философские стихи, и дидактические поэмы (в отрывках), и торжественные панегирические оды — касыды. Его большие поэмы имели главным образом дидактический характер. Так, ему принадлежит поэтическая обработка индийского цикла назидательных новелл «Калила и Димна».

В основе общественно-политических взглядов Рудаки лежат высокие идеи гуманизма, свободолюбия и патриотизма, защиты независимого централизованного государства от иноземного рабства.

Идеи Рудаки развивал и великий Фирдоуси в своей бессмертной «Шахнаме» — «Книге царей», которая является одним из величайших шедевров мировой литературы. Это произведение насчитывает 60 тыс. бейтов — двустиший.

«Шахнаме» — эпическая поэма, написанная на основе древней мифологии и героического эпоса восточных иранцев. Главный герой ее — любимый народный богатырь Рустем. Поэт воспевает героические подвиги защитников родной земли. С горячим сочувствием описывает он народные восстания. В поэтических сказах о кузнеце Кове, о восстании Маздака Фирдоуси отразил ненависть народа к угнетателям и чужеземным захватчикам (в том числе к арабским). Автор «Шахнаме» призывал иранские народы к единению.

После Фирдоуси развитие персидско-таджикской литературы пошло по нескольким направлениям.

В творчестве таких поэтов, как Унсури и Фаррухи (XI в.), Анвари и Муиззи (XI—XII вв.), достигает высокого развития касыда. Своими стихами Анвари и Муиззи положили начало сложному и запутанному стилю, который нашел своих продолжателей в последующие века, особенно в XV в.

Философская поэзия получила свое развитие в касыдах и поэмах Насира Хисрава (XI в.), в неподражаемых рубои — четверостишиях Омара Хайяма (XI—XII в.), а в период монгольского нашествия — в лирических газелях Хафиза Ширази и Камола Худжанди (XIV в.).

В философских произведениях Насира Хисрава из-под религиозно-мистической завесы звучит голос поэта — мыслителя, ищущего правды и справедливости. Обращаясь к богу, он говорит:

К чему различие меж существами мира,
Когда ты создал все и для всего судья?
Но доля богача — бескрайна, словно море,
А доля бедняка — лишь утлая ладья [1].

Протест против религиозного фанатизма и невежества звучит в стихах Омара Хайяма; в некоторых своих рубаи поэт подходит близко к материализму.

[1] Пер. В. Левика.

Тягостные последствия монгольского завоевания, породившие пессимистические и гедонические мотивы в лирике Хафиза и Камола Худжанди, вместе с тем усилили в их поэзии темы протеста. В творчестве этих поэтов в любовную лирику вплетается философское и общественное содержание.

Жанр любовно-романтической поэмы представлен произведениями «Вис и Рамин» Фахриддина Гургани (XI в.), «Хамсе» («Пятерица») великого азербайджанского поэта Низами Ганджави (XII в.), произведениями персидско-таджикского поэта Индии Хисрава Дехлави (XIII в.) и Абдурахмана Джами (XV в.). В любовно-романтических сюжетах этих произведений, взятых из фольклора или из истории, выражены идея защиты свободы личности, ненависть и протест против общественной несправедливости.

Выдающимся представителем дидактической поэзии и прозы был Саади Ширази (XIII в.), который своими знаменитыми произведениями «Бустон» и «Гулистон» снискал славу великого учителя жизни. Его этические воззрения основаны на высоких идеях гуманизма, живших и в смутное время монгольского нашествия. Саади был активным и воинствующим гуманистом. Он писал: «Когда ты видишь в ком-то намеренье притеснять народ, острым мечом снеси ему голову».

Дидактические произведения создавали также некоторые из упомянутых выше поэтов.

После монгольского завоевания особенно большое развитие получила суфийская поэзия, основанная на философии пантеизма и проповедовавшая пассивность, аскетизм, отшельничество (Аттор — XII в., Джалолиддин Руми — XIII в.).

В произведениях суфийских поэтов порою можно встретить отзвуки древних материалистических учений, атеистических воззрений, протеста против господствующей феодальной системы. Влияние суфизма проникает в мировоззрение многих писателей, упомянутых выше. Особенно сильно оно ощущается в произведениях величайшего поэта XV в. Абдурахмана Джами.

С XVI в. по ряду исторических причин таджикская литература стала развиваться своим путем, отдельно от персидской.

Любовная лирика поэта XVI в. Хилоли отличается простотой, плавностью и мелодичностью, свойственной устной народной поэзии. Поэтому многие его газели вошли в фольклор.

В творчестве Мушфики нашли свое продолжение традиции сатиры Сузани Самарканди (XII в.), и сам Мушфики, подобно Мулло Насриддину (Афанди), превратился в героя фольклорных сатирических рассказов.

В XV в. в связи с ростом и развитием городов все большее место в литературе занимают средние слои городского населения. Особенно ярко это обнаруживается в «Бадое ул-вакое» — «Удивительных событиях» Васифи (XVI в.). Это произведение, представляющее собой образец классической мемуарной литературы, воссоздает картины городской жизни и образы простых жителей города. Описываемые события происходят в торговых рядах, в лавках и мастерских ремесленников и умельцев.

Настроения и идеология средних слоев городского населения, прежде всего ремесленников, нашли особенно яркое выражение в поэзии Сайидо Насафи (XVII в.). В защиту интересов городских тружеников выступают в своей лирике и поэмах Мулхам и Фитрат Зардуз (1664 — 1721 гг.).

Огромное влияние на все дальнейшее развитие таджикской классической литературы вплоть до Октябрьской революции оказало творчество Абдулкадира Бедиля (1664—1721 гг.), своеобразного поэта и мыслителя, маскировавшего свои передовые общественно-политические и философские взгляды усложненным «индийским стилем».

Во второй половине XIX в. в среде таджикской интеллигенции, главным образом в Бухарском ханстве, появляется целая плеяда так называемых просветителей, испытавших на себе влияние передовой русской культуры. Первым из них был Ахмад Дониш (1827—1897 гг.), образованнейший человек своего времени, трижды посетивший Петербург. Дониш резко выступал против мракобесия и жалкого эпигонства, в том числе против формального подражания Бедилю. В своем крупнейшем произведении «Наводирул-вакое» («Редкостные события») Дониш резко критикует средневековую отсталость Бухары, предлагает обширную программу реорганизации государственной системы, призывает к усвоению русской культуры. Его ученики и последователи в начале XX в. продолжали борьбу с отсталостью, за приобщение к русской культуре. Некоторые из них (Садриддин Айни, Хамди, Мунзим и др.) с большим энтузиазмом приняли Октябрьскую революцию.

В советский период таджикская литература приобрела качественно новые революционные черты. Принципиально новое в ней — социалистическое содержание. Вместе с тем в своем развитии таджикская советская литература опирается на фольклор и богатейшее классическое наследие.

Обмениваясь творческим опытом со всеми национальными литературами Советского Союза, таджикская литература наиболее широко и прочно опирается на достижения русской литературы. Особенно большую роль в становлении социалистического реализма в таджикской литературе сыграло творчество М. Горького и В. Маяковского.

Под влиянием русской литературы в таджикской советской литературе появились и стали успешно развиваться различные жанры реалистической художественной прозы (рассказ, очерк, повесть, роман), драматургии (драма, трагедия, комедия, водевиль и др.), а также марксистская критика и литературоведение.

Впервые таджикская советская литература заявила о своем существовании революционными стихами Садриддина Айни (1878—1954 гг.) «Марш свободы» (1918 г.), певшимися на мотив «Марсельезы»:

О рабы! Поднимайтесь из праха,
Красным знаменем мир озаря!
Сбросьте иго покорности, страха —
Засияла свободы заря [1].

Революционная поэзия и публицистика С. Айни в первые годы революции сыграла огромную роль в закреплении победы народа, в сплочении трудящихся масс вокруг Советской власти, в вовлечении их в общественную деятельность.

После революции С. Айни обратился к прозе и создал свои первые повести «Бухарские палачи» (1920 г.), «Одина» (1924 г.) и первый таджикский роман «Дохунда» (1929 г.). В «Бухарских палачах» с огромной силой разоблачающих зверскую жестокость эмира, чиновников и духовенства, еще не определен положительный герой писателя. В «Одине», как и в «Дохунде», основным героем выступает представитель беднейшей части населения Горного Таджикистана, подвергавшегося самой жестокой эксплуатации. В этих произведениях показаны не только притеснения и страдания, пережитые героем, но и постепенное пробуждение его классового сознания, его вступление на путь борьбы за свободу.

Произведения С. Айни «Одина», «Дохунда», «Рабы» (1934 г.), его статьи, написанные в 1920-е годы во время дискуссии по вопросам развития таджикского языка, сыграли решающую роль в окончательной

[1] Пер. И. Сельвинского.

демократизации таджикского языка. Демократизация таджикского языка завершалась в процессе создания реалистической прозы. С. Айни приблизил литературный таджикский язык к разговорному народному языку, обогатив его за счет говоров и диалектов.

Важнейшее место в таджикской литературе 1920-х годов занимали темы борьбы за укрепление Советской власти, за раскрепощение женщин, за ликвидацию неграмотности, тема разоблачения остатков эксплуататорских классов. В творчестве Пайрава Сулаймони (1899—1933 гг.), Абдулвохида Мунзима (1877—1934 гг.), Бадриддина Азизи (1894—1944 гг.), Мухаммеджана Рахими (род в. 1901 г.) отражен облик народа, строящего новую жизнь.

В 1924 г. в Таджикистан приехал революционный поэт Ирана Абдулкасым Лахути (1887—1957 гг.). Здесь он нашел свою вторую родину. Его революционные песни быстро распространились по всем уголкам республики; их пели пионеры и комсомольцы, дехкане, краснопалочники, дравшиеся с басмачами.

В 1930-е годы Лахути создал свои крупнейшие поэтические произведения. Все они были посвящены важнейшим темам времени. В поэме «Мы победим» он ярко выразил твердую веру советского народа в свое дело, в торжество социализма. Самоотверженную борьбу трудящихся таджиков на трудовом фронте поэт противопоставляет кровавым войнам царей за трон и венец (поэма «Венец и знамя»). Ужасам капитализма он противопоставляет гордость советских людей великими достижениями своей Родины в области экономического и культурного строительства («Путешествие по Европе»). Проявляя удивительную творческую смелость, Лахути ищет новые пути для разработки важных тем, выдвинутых социалистической действительностью, и новаторски использует традиции классической персидско-таджикской литературы.

1930-е годы были годами окончательного становления социалистического реализма в таджикской литературе.

В этот период основоположник таджикской советской литературы С. Айни создал свои классические произведения — роман «Рабы» и повесть «Смерть ростовщика». Главный герой «Рабов» — народ, жизнь которого писатель рисует на протяжении более чем ста лет. В судьбе героев романа, представляющих три поколения, отображены три этапа борьбы трудящихся, переход крестьян Бухары от стихийного бессознательного бунта к организованной революционной борьбе и, наконец, завоевание ими свободной счастливой жизни.

Писатель не только рассматривает прошлое своего народа глазами советских людей, он доводит события романа до коллективизации сельского хозяйства и в последней части воссоздает облик тружеников колхозных полей.

Образ Кори Ишкамба — героя повести Айни «Смерть ростовщика» — стоит в ряду самых ярких и сильных образов эксплуататоров, созданных многонациональной советской литературой. С помощью острой беспощадной сатиры, изобразительные средства которой глубоко национальны, С. Айни раскрывает омерзительный облик скупца, сосущего кровь трудового населения. Произведение Айни «Смерть ростовщика» завоевало заслуженную славу не только в Советском Союзе, но и во многих странах Востока и Запада.

В 30-е годы широко развернулась и научная деятельность С. Айни. Его большой труд «Образцы таджикской литературы», опубликованный в 1926 г., а также работы о Фирдоуси, ибн-Сина, Саади, Навои, Васифи и Бедиле положили основу таджикского марксистского литературоведения.

В начале 30-х годов на литературную арену выступила группа писательской молодежи, которую называют писателями комсомольского поколения. Это писатели, прошедшие школу комсомола и социалисти-

С. Айни среди писателей Таджикистана

ческого строительства, — М. Турсун-заде, А. Дехоти, Дж. Икрами, С. Улуг-заде, Р. Джалил, М. Миршакар, Х. Карим и др. К концу 30-х годов каждый из них нашел свой самостоятельный творческий путь. Писатели С. Улуг-заде, Дж. Икрами, М. Турсун-заде и А. Дехоти были первыми таджикскими драматургами.

Таким образом, в 30-е годы таджикская литература уже в полный голос заявила о своем существовании. В дни первой декады таджикского искусства, состоявшейся в апреле 1941 г. в Москве, она отчитывалась о своих достижениях.

Великая Отечественная война, показавшая силу и стойкость советского народа, укрепила реализм и народность таджикской литературы. Тема защиты родины и самоотверженного героизма народа заняла в ней, как и во всей советской литературе, центральное место.

В этот период С. Айни создал свои лучшие публицистические статьи. Проникнутые чувством горячего патриотизма и гуманизма, они будили ненависть к гитлеровским палачам. В обрисовке современных событий, в показе отталкивающего лица врага писатель широко пользуется фольклорными образами и фактами исторического прошлого. В эти же годы Айни написал подробное исследование о вожде восстания против арабских завоевателей Муканне и литературный очерк о борце против монгольских завоевателей Тимурмалике.

Обращение к историческому прошлому и к фольклорным образам является характерной особенностью таджикской литературы этого периода. Хотя использование фольклора и исторических параллелей иногда вело к отрыву изображаемого от реальной жизни, но во многих произведениях, в том числе в поэмах А. Лахути «Богатырь — мир», «Сказание о стране мужества», в произведении М. Миршакара «Золотой кишлак», оно отлично служило выявлению чувств и мыслей советских людей.

Появилось много произведений, созданных на материале действительности тех лет и отражавших героизм советских людей на фронте и в тылу. К ним относятся «Победа Тани» А. Лахути, «Сын Родины» М. Турсун-заде, «Люди с Крыши Мира» М. Миршакара и др. На материалах реальной жизни построены пьесы Дж. Икрами «Сердце матери» и «Дом Надира»

(в соавторстве с А. Файко), драма С. Улуг-заде «В огне» — произведения, рассказывающие об участии таджикского народа в борьбе против фашизма.

Наибольшее развитие в литературе военных лет получили малые жанры. Большую роль в поэзии сыграла лирика Х. Юсуфи, М. Рахими, А. Дехоти, А. Назарова; в прозе — рассказы, очерки и публицистические статьи Дж. Икрами, Р. Джалила, Ф. Ниязи.

После окончания Отечественной войны литература продолжает разрабатывать тему героизма советского народа на фронте и в тылу (первая часть романа Ф. Ниязи «Вафо», повесть С. Улуг-заде «Благородные друзья» или «Возвращение», повесть П. Толиса «Лето»), однако большее место занимает в ней тема хозяйственного строительства и залечивания ран, нанесенных войной. Многие стихотворения, очерки, рассказы, а также романы «Шоди» Дж. Икрами и «Обновленная земля» С. Улуг-заде рисуют жизнь тружеников села в первые послевоенные годы.

Созидательный труд строителей коммунизма в 50-е годы отражен в очерках Дж. Икрами, Ф. Мухаммадиева, в рассказах Р. Джалила, П. Толиса и др.

Продолжая работу в историческом жанре, С. Айни пишет свое последнее замечательное творение — «Воспоминания». В центре этого произведения, развивающего традиции мемуарной литературы прошлого (Васифи, Ахмада Дониша), а также основные идейно-художественные принципы М. Горького, писатель поставил не историю собственной жизни, а широкое отображение действительности конца XIX в. Айни не успел закончить «Воспоминания» (им было написано только четыре тома), но несмотря на это их заслуженно называют энциклопедией жизни Бухары конца XIX в.

Если «Воспоминания» воссоздают историческую обстановку, в которой происходило формирование передовой интеллигенции начала XX в., то С. Улуг-заде в своем автобиографическом романе «Утро нашей жизни» рисует канун Октября и первые годы революции, выдвинувшие и воспитавшие первых представителей таджикской советской интеллигенции.

Становление Советской власти, гражданская война, земельная реформа нашли отражение в романе Рахима Джалила «Пулат и Гульру» («Бессмертные люди»). Первая книга романа Р. Джалила «Шуроб» и большой роман Дж. Икрами «Дочь огня», во многом продолжающий традиции С. Айни, также посвящены важнейшему периоду в истории таджикского народа — второй половине XIX — началу XX в.

Большое место в послевоенной таджикской поэзии принадлежит теме борьбы за мир.

Защите мира и освобождению народов посвятил свое творчество и общественную деятельность М. Турсун-заде (род в 1911 г.). Начиная с 1947 г. тема Азии и Африки стала основной в поэзии М. Турсун-заде. Не только активным участием во многих международных конгрессах и конференциях, но и своими лирико-публицистическими произведениями «Индийская баллада», «Я с Востока свободного», «Голос Азии» и другими, поэт выражает силу и уверенность советских людей, борющихся за дружбу между народами, против империализма.

Крупнейшая поэма М. Турсун-заде «Хасан-арбакеш», отчасти автобиографического характера, посвящена изображению тех великих перемен, которые принесла на таджикскую землю революция. Главный герой поэмы — простой труженик, в сознании которого еще крепки пережитки мелкособственничества и индивидуализма. В его образе поэт создал живой и цельный характер человека, чье сознание меняется вместе с обликом страны и постепенно поднимается до уровня социалистического сознания.

В 1960 г. «Голос Азии» и «Хасан-арбакеш» были удостоены Ленинской премии.

Главное направление творчества всех таджикских поэтов сейчас определяет тема современности. Поэма М. Миршакара «Беспокойный Пяндж», состоящая из ряда поэтических очерков, автобиографическая поэма Гафара Мирзо «Асрор» и его лирическая поэма «Венец счастья», поэмы Ф. Ансори, посвященные жизни молодежи, «Аллея влюбленных» А. Шукухи и другие — все они свидетельствуют о настойчивых поисках в области создания образа нашего современника.

Серьезный шаг вперед за последние годы сделала и таджикская драматургия — как в тематике, так и в разработке различных драматических жанров. Созданы новые жанры революционно-исторической драмы («Дохунда» Дж. Икрами, «Ураган» Г. Абдулло и Ш. Киямова), историко-биографической драмы («Рудаки» С. Улуг-заде), комедии («Подарок за радостную весть» М. Закирова, «Тарифходжаев» А. Дехоти и Б. Рахим-заде, «Ситора» и «Двадцать восьмая ночь» Дж. Икрами), водевиля («Сердце сердцу весть подает» М. Киямова и А. Мороз, «Свадьба» С. Гани), музыкальной драмы («Экзамен», «Жизнь и любовь» Ф. Ансори).

Однако и количественно, и качественно таджикская драматургия до сих пор отстает от других литературных жанров.

Вторая половина 1940-х и 1950-ые годы были периодом развития таджикского литературоведения, повышения его научно-теоретического уровня. Основное внимание уделялось изучению литературы XV—XIX вв., поскольку этот период был совершенно неисследован западными и русскими востоковедами. Созданы подробные монографии о многих ведущих представителях литературы этого периода. С. Айни, А. Мирзоев, А. Н. Болдырев, Х. Мирзо-заде в своих литературоведческих трудах опровергли точку зрения некоторых востоковедов Запада о том, что история персидско-таджикской литературы кончается XV в., творчеством Джами, и показали, что в последующие века таджикская литература выдвинула таких больших мастеров и мыслителей, как Сайидо, Бедиль, Ахмад Дониш.

Главное внимание литературной критики было обращено на определение пути развития таджикской советской литературы и изучение творчества отдельных писателей. Уже созданы работы об основных представителях современной литературы. Особенно большое значение придается изучению литературного наследия Айни. В этой области работают И. С. Брагинский, Ш. Хусейн-заде, Н. Масуми, С. Табаров и др. «Очерк истории таджикской советской литературы», опубликованный на таджикском и русском языках и являющийся результатом коллективного труда критиков и литературоведов республики, обобщает достижения таджикской литературной критики.

Таджикская советская литература представляет сейчас один из передовых отрядов многонациональной советской литературы.

Музыка

Богатейшая самобытная таджикская музыкальная культура формировалась в течение многих веков, а на протяжении последнего тысячелетия музыка была тесно связана с поэзией. Рудаки был крупнейшим музыкантом своего времени и обладал изумительным даром импровизации; большим музыкантом был и Фирдоуси; Абу-Али ибн-Сина изложил основы музыкальной теории в своих сочинениях «Донишнома» («Книга знаний») и «Китоб-уш-шифо» («Книга исцеления»), в частности он исследовал акустическую природу музыки, изучал музыкальные инструменты. Труды ибн-Сина, как и более поздние музыкальные трактаты Джами (XV в.) и Дервиша Али (XVII в.), свидетельствуют о наличии у таджиков уже в давние времена разработанной музыкальной теории, системы ученичества для передачи теоретических и практических музыкальных знаний и высокого исполнительского мастерства.

Ценным музыкальным наследием таджиков являются с давних времен распространенные и сохранившиеся до наших дней макомы — большие, сложные циклические вокально-инструментальные поэмы. Они известны под названием «Шашмаком» («Шесть макомов») и объединяют в себе 252 классических мелодии, которые до революции передавались от музыканта к музыканту без нотной фиксации. В настоящее время при участии композиторов Ф. Шахобова, Ш. Сахибова и народного певца Б. Файзуллаева сделана нотная запись шести бытующих в Таджикистане макомов: Бузрук, Рост, Наво, Дугох, Сегох, Ирок. Три из них уже изданы.

Богатый таджикский музыкальный инструментарий (более 20 наименований) имеет древнее происхождение; ряд инструментов (*чанг*, *най* и др.) упоминается в сведениях, относящихся к первым векам нашей эры. До настоящего времени употребляются следующие инструменты: струнные — *дутор*, *думбурак*, *рубоб*, *панҷтор*, *танбӯр*; смычковые — *гиҷҷак*, скрипка; духовые — *най*, *карнай*, *сурнай*, *қӯшнай*; цимбальный — *чанг*; ударные — *тавлак* (глиняные литавры), *доира*, *қайроқ* (каменные кастаньеты).

В народном музыкальном искусстве ведущая роль принадлежит песне. жанры ее многообразны по содержанию и средствам выразительности. Наряду с протяжными, распевными песнями существуют песни повествовательного характера с речитативными построениями в начале стиха. Многие песни имеют две части — собственно песня и песня-танец (*уфар*). обычно в шести или семидольном размере. Наиболее распространенной песенной формой является куплетная. Таджикская песня одноголосна: хор, имеющий традиции унисона, чаще всего сопровождает танец. Ладовая основа песни диатонична. Специфической чертой таджикской музыки является чрезвычайное разнообразие, сложность, красота и изящество ритмов, что связано с развитым танцевальным искусством. Преобладают шестидольный размер и нечетные метрические построения (пяти и семидольные). Некоторым песням свойственно повторение определенной ритмоформулы. Распространенными по всему Таджикистану являются дуэты—*лапар*, исполняющиеся в виде диалога любовного или чаще комедийно-сатирического содержания. Песни долинной части Таджикистана, больше связанной с городской и профессиональной музыкальной культурой, обладают более сложной по форме структурой, обилием мелизматики, большим диапазоном, ярко выраженным мелодическим построением в высшем вокальном регистре — *авҷ*. В песнях горных районов мелизматика почти не встречается, авджи менее ярко выражены, либо отсутствуют. Диапазон обычно не превышает октавы. Движение мелодии поступенное, без больших скачков.

Результатом большой творческой работы в области музыки в Таджикистане явилось развитие многоголосья, создание подлинно народных произведений крупных форм. С конца 1930-х годов таджикское искусство начинает обогащаться произведениями совершенно новых для него жанров (оперы, балета, симфонической и камерной музыки), развивающихся на национальной основе. Таковы симфонические произведения Ф. Солиева «Торжественный марш» и «Таджикская рапсодия», «Лирический танец для симфонического оркестра», кантата А. Ленского, «Слава родине мира», «Концерт для фортепьяно и оркестра» Я. Сабзанова, кантата «Цвети, Таджикистан» Ш. Сайфиддинова и др. Создателями жанра советской таджикской песни были национальные композиторы Зиядулло Шахиди, Фазлиддин Шахобов, Шохназар Сахибов и Фазил Солиев, которым принадлежат и лучшие произведения романсовой лирики. Из наиболее популярных песен и романсов следует назвать «Москваджон» (музыка З. Шахиди на слова М. Рахими), «Дарвоз» (музыка З. Шахиди на слова А. Дехоти), «Наш тост» (музыка З. Шахиди на слова М. Турсун-заде), «Дар хаваси руи ту» (музыка Ш. Сахибова на слова Хилоли) и др.

В 1937 г. в столице республики организовался музыкальный ансамбль (национальный оркестр и несколько певцов), вскоре получивший наименование оркестра народных инструментов Таджикской государственной филармонии. В 1939 г. в состав филармонии вошли ансамбль песни и танца, ансамбль рубабистов, Памирский ансамбль народной музыки, песни и танца.

В развитии музыкального искусства республики большую роль сыграла деятельность представителей русского и других братских народов СССР: композитора С. Баласаняна, Е. Прокофьева, впервые в Таджикистане начавшего внедрять методы европейской вокальной школы; педагога и композитора А. Ленского, создавшего, кроме крупных форм, репертуар для оркестра народных инструментов. Большие заслуги в области организации подготовки музыкальных кадров принадлежат Н. Миронову, А. Листопадову (в то же время собирателю национального музыкального фольклора). С 1937 г. собиранием образцов музыкального фольклора занимается кабинет народной музыки, издавший и подготовивший к печати ряд сборников.

Таджикский национальный танец в исполнении Памирского ансамбля

Театр

С давних пор таджики знали и любили музыку, пение, танцы и народное театральное искусство. Танцы являются наиболее излюбленным видом народных развлечений. Они связаны со всеми семейными и общественными праздниками. Таджикские народные танцы, как и песни, отображают быт народа, его характер, мысли, чувства, его отношение к окружающей действительности. Танцы у таджиков очень разнообразны. С незапамятных времен существуют танцы-пантомимы, подражающие движениям животных и птиц, танцы, воспроизводящие процессы труда, воинственные танцы (с шашками и палками), танцы, сопровождающиеся собственным аккомпанементом на музыкальных инструментах, шуточные танцы на ходулях, на деревянной лошадке, танец в маске старика и др.

Особое место среди народных зрелищ занимали театрализованные представления—пантомимы, комические пьесы и сценки. Центральным исполнителем в народных представлениях являлись народные комики—масхарабозы. Масхарабозы выступали на свадьбах, больших сборищах, празднествах. Обычная их программа, кроме пения и танцев, состояла из разыгрывания четырех-пяти комических пьесок или двух-трех коротеньких сатирических сценок.

Специфика представлений масхарабозов прежде всего заключалась в тесной связи со зрителями.

Другим наиболее развитым и излюбленным жанром народного театра был кукольный театр — *зочабозӣ*, *лӯхтакбозӣ* (игра с куклами). Он был широко распространен только в северных районах Таджикистана, а также среди таджиков Бухары и Самарканда. Существовало два вида народного кукольного театра: *чодирхаёл* — типа театра марионеток и *чодири дастӣ* — типа русского «петрушки». В Бухаре был распространен и третий вид кукольного театра: *зочаи дастӣ*, *зочаи бе чодир* («ручная кукла», «кукла без палатки»).Основу репертуара ручных кукол составляли пьесы «Полвон качал» («Хромой богатырь») и «Офтобхон и Махтобхон». Артисты кукольного театра объединялись в труппы по четыре-пять человек; во главе всех кукольников одной местности или города стоял старшина — опытный музыкант-кукловод; он имел чайхану, в которой собирались артисты всех кукольных трупп.

В условиях феодального строя представители народного искусства занимали очень низкое общественное положение. В обстановке реакционного феодально-теократического режима при полном пренебрежении представителей эксплуататорского класса к духовным запросам народа и враждебном отношении духовенства к различным зрелищам и увеселениям народный театр не имел необходимых условий для своего развития.

Под непосредственным влиянием советского общественного строя, идейно-воспитательной работы Коммунистической партии, под воздействием русского театра, а также азербайджанских и татарских театральных трупп, которые зародились раньше, чем таджикский театр, и на базе освоения опыта близкого ему узбекского театра, возник современный таджикский профессиональный театр. Источником для него послужило народное таджикское музыкальное, танцевальное и театральное искусство.

В 20-х годах появились первые музыкально-драматические кружки как одна из форм культурно-просветительной работы среди населения. Эти кружки своим злободневным репертуаром — «агитками», оказали значительное идеологическое воздействие на массы трудящихся.

В 1929 г. из небольшого любительского кружка в городе Душанбе возник первый профессиональный театр, впоследствии получивший наименование Государственного ордена Трудового Красного Знамени таджикского академического театра драмы им. Лахути. Первоначально театр ставил лишь переводные пьесы. «Борьба» А. Усманова была первая многоактная таджикская советская драма. С середины 30-х годов в таджикской драматургии и в таджикском драматическом театре появились первые ценные в идейном и художественном отношениях пьесы и спектакли из жизни таджикского народа: «Клевета» С. Саидмурадова и И. Исмаилова, «Шодмон», «Краснопалочники» С. Улуг-заде и др. Эти пьесы связали театр с жизнью советского общества. Росту таджикского драматического театра способствовала постановка на таджикской сцене русских советских пьес, стремление его коллектива освоить достижения русской театральной культуры.

В 1934 г. при драматическом театре им Лахути организовался небольшой музыкальный коллектив, который впоследствии начал самостоятельное существование и успешно осуществил на своей сцене музыкальные постановки «Аршин мал алан» У. Гаджибекова, «Гулсара» К. Яшена и Мухаммедова. В 1939 г. был показан первый таджикский музыкальный спектакль «Лола» (либретто С. Саидмурадова, музыка А. С. Баласаняна и Урбах). Спектакль был почти целиком построен на материалах народного творчества и шел в сопровождении симфонического оркестра.

Таджикское искусство, обогащенное русской и мировой музыкой, сделало за короткий срок большие успехи. Ярким свидетельством этого может служить поставленная в 1939 г. на сцене музыкального театра первая таджикская национальная опера «Восстание Восе» С. А. Баласаняна (либретто написано по мотивам народной поэмы о легендарном герое

Восе). Несмотря на новую, непривычную для таджикского зрителя форму, спектакль этот получился близким и понятным народу. В 1940 г. музыкальный театр был реорганизован в театр оперы и балета.

В 1932 г. был основан музыкально-драматический театр в г. Ленинабаде. В 1936 г. были созданы областные музыкально-драматические театры на высокогорном Памире—в Хороге, затем в Кулябе, несколько позже—в Гарме. Все районные и областные театры создавались на базе художественной самодеятельности, в которой проявляли себя одаренные народные исполнители: певцы, танцоры, музыканты, народные комики и др. Творческий путь всех районных и областных театров начался с концертных программ, в которых значительное место занимали произведения народного творчества: народные песни, мелодии, дуэты, разнообразные танцы, злободневные сатирические сценки. Периферийные театры приобщали народные массы к развивающейся новой советской многонациональной культуре, боролись с пережитками прошлого. Вскоре от одноактных пьес областные, а также некоторые районные театры перешли к постановке многоактных, что говорит о творческом росте периферийных театров.

В 1941 г. в Москве состоялась первая декада таджикского искусства, в которой участвовали ведущие театральные коллективы республики Государственный таджикский театр оперы и балета показал оперы «Восстание Восе», «Кузнец Кова» С. А. Баласаняна и Ш. Бобокалонова, первый таджикский балет «Две розы» А. С. Ленского, музыкальное представление «Лола»; Таджикский государственный академический театр им. Лахути поставил народную героическую драму «Краснопалочники» С. Улугзаде, трагедию «Рустам и Сухроб» А. Пирмухаммед-заде и В. Фолькенштейна, «Отелло» В. Шекспира; таджикская государственная филармония показала на декаде большую разнообразную программу, в которой успешно выступали организованные в 1940—1941 гг. ансамбль песни и пляски, ансамбль рубабисток, детский ансамбль.

В годы Великой Отечественной войны патриотические чувства советского народа, его ненависть к врагам родины нашли свое отражение в спектаклях «Сердце матери» и «Дом Надира» Дж. Икрами, «Розия» С. Саидмурадова, «В огне» С. Улуг-заде.

В 1943 г. на сцене таджикского театра оперы и балета успешно был осуществлен первый классический балет «Тщетная предосторожность» Гертеля. Молодые таджикские солисты балета в этом спектакле показали, что они успешно осваивают замечательную технику русской классической школы, воспринимают лучшие традиции советского реалистического балета. Совершенствовали свое искусство на материалах русской классической оперы и таджикские певцы. Летом 1947 г. впервые зазвучала на таджикской сцене в исполнении таджикских артистов опера П. И. Чайковского «Евгений Онегин».

Во многих пьесах таджикских советских драматургов отражена послевоенная жизнь социалистического Таджикистана, рост культуры и благосостояния народа, а также показана борьба с пережитками прошлого. Таджикские театры ставят на своей сцене и лучшие пьесы советских драматургов других братских республик.

Значительной вехой в развитии таджикского театрального и музыкального искусства явилась декада таджикской литературы и искусства в Москве в апреле 1957 г., в которой участвовали государственный театр оперы и балета, таджикский и русский драматические театры, коллективы таджикской государственной филармонии, коллективы художественной самодеятельности Таджикского государственного университета, Ленинабадского шелкового комбината, женского пединститута в Душанбе, ансамбль песни и пляски пограничных войск. На экранах столицы в дни декады демонстрировались новые фильмы, выпущенные таджикской киностудией. Борьбе таджикского народа за укрепление Советской власти,

Сцена из эпилога оперы «Пулат и Гильру». Таджикский государственный театр оперы и балета им. С. Айни

а также теме современной жизни Таджикистана и его новым людям были посвящены спектакли в таджикском академическом театре драмы—«Дохунда» Дж. Икрами, «Саодат» С. Саидмурадова и М. Рабиева и «Дил дили Зайнаб» Ш. Киямова и А. Мороз; в русском драматическом театре —«Добрая слава» М. Рабиева и «Трагедия Усманова» М. Миршакара; в оперном театре—опера «Пулат и Гильру» Ш. Сайфиддинова и балет «Дильбар» А. Ленского. Была представлена и классика: таджикский театр драмы осуществил постановку трагедии Шекспира «Король Лир», оперу «Мазепа» Чайковского ставил театр оперы и балета, с постановкой «Дети солнца» Горького выступал русский театр. Большой успех имел балет «Лейли и Меджнун» С. Баласаняна.

Вместе с общим ростом таджикского театрального искусства росли и его актеры — крупные мастера, занявшие по праву ведущее положение в театрах Таджикистана. Это народные артисты СССР М. Касымов, Л. Захидова, Т. Фазылова, Г. Гуломалиев, народные артисты республики С. Туйбаева, Г. Бакаева, А. Бурханов, Х. Мавлянова, А. Азимова, Р. Галибова, Г. Валамат-заде, А. Насырова, С. Бандишаева, Т. Султанова, Х. Рахматуллаев, М. Халилов и др.

В конце 50-х и в начале 60-х годов в репертуаре таджикских театров нашла широкое отражение современная жизнь Таджикистана. Его новым людям, выросшим за годы Советской власти, их грандиозным успехам в хозяйственном и культурном строительстве, борьбе с пережитками старого быта были посвящены спектакли «Экзамен» и «Жизнь и любовь» Ф. Ансори, «Свадьба» С. Гани, «Я — Фахриддинов» Дж. Икрами, «Обвал» К. Насырова и др. Художественное воспитание и подготовка работников искусства ведется в Душанбинском и Ленинабадском музыкальных училищах, в Ташкентском театральном институте, в ГИТИСе им. Луначарского, в консерваториях Москвы, Ленинграда, Ташкента, в Ленинградском хореографическом училище.

Начиная с 1950 г. ежегодно, в конце августа или начале сентября в Душанбе проводятся республиканские смотры художественной самодеятельности, показывающие большой культурный рост колхозного кре-

стьянства. Республиканскому смотру обычно предшествуют районные и областные смотры. Систематическое проведение смотров объединяет и пополняет самодеятельные коллективы новыми людьми, в особенности из среды колхозной молодежи.

Кино

В 1929 г. группа любителей кино организовала при Главполитпросвете Наркомпроса республики съемку киножурналов. Систематический выпуск киножурналов «Советский Таджикистан» начался с 1930 г., со времени организации «Таджикино». 20 сентября 1932 г. состоялась премьера первого таджикского художественного фильма «Когда умирают эмиры» (автор сценария Эль-Регистан, режиссер Л. Печерина), в котором была показана классовая борьба в таджикской деревне в период организации первых колхозов.

Значительным событием в художественной жизни республики был выпуск на экраны фильма «Эмигрант» (режиссер К. Ярматов); в нем раскрывается проблема советского патриотизма. Помимо художественных фильмов «Таджикфильм» создает много документальных и хроникальных картин («Большой Памирский тракт», «Солнечный Таджикистан» и др.).

В Душанбинскую киностудию пришла большая группа таджикской молодежи. Квалифицированными работниками национальной кинематографии стали режиссеры К. Алими, С. Рахимов, операторы Н. Тилляев, Ш. Султанов и др.

В 1938 г. зрителям был показан первый таджикский звуковой художественный фильм «Сад». Он рассказывал о росте социалистического сознания советских людей, о подчинении личных интересов общественным.

Один из лучших фильмов конца 30-х годов — «Друзья встречаются вновь» по сценарию А. Спешнева и А. Филимонова (режиссер К. Ярматов).

В годы Великой Отечественной войны Таджикская киностудия, объединившись с Московской киностудией «Союздетфильм», выпускала боевые киносборники и художественные фильмы, среди которых особо следует отметить фильм «Сын Таджикистана», повествующий о боевой дружбе народов нашей страны, о героическом подвиге таджиков на фронтах Отечественной войны. Этот фильм был поставлен режиссером В. Прониным и оператором И. Барамыковым по сценарию таджикского писателя М. Рахими.

В послевоенный период Душанбинская киностудия долгое время ограничивалась выпуском киножурналов и документальных фильмов: «Долина реки Вахш», «Земля молодости», «Советский Таджикистан», «Праздник таджикского народа» и др. С 1955 г. на киностудии возобновилось производство художественных фильмов. На экраны Советского Союза вышло несколько кинокартин: фильм «Дохунда», рассказывающий о тяжелой жизни в недавнем прошлом таджикского дехканина-бедняка, цветная музыкальная лирическая комедия «Я встретил девушку», посвященная теме борьбы с пережитками прошлого в сознании людей, цветной историко-биографический фильм «Судьба поэта» (о М. Ю. Лермонтове), кинокартина «Высокая должность», повествующая о современной таджикской интеллигенции, и др.

Таджикская кинематография получила международное признание. В марте 1960 г. на втором кинофестивале стран Азии и Африки первая премия «Золотой Орел» за лучший представленный фильм была присуждена советскому фильму производства Душанбинской киностудии «Судьба поэта». Постановщик фильма народный артист Таджикской ССР Б. Кимягаров и исполнители главных ролей заслуженные артисты Таджикской ССР М. Арипов и Д. Касымова были отмечены Почетными дипломами фестиваля.

Вместе с развитием киноискусства Советского Таджикистана растет киносеть республики, расширяется кинообслуживание населения.

Изобразительное искусство

Народное искусство Таджикистана обладает чрезвычайно богатым наследием. Оно создавалось в течение ряда веков и достигло необычайно высокого уровня. От прошлого до нас дошли замечательные архитектурные памятники, украшенные узорчатой кирпичной декорацией, резьбой по ганчу, терракотой, часто покрытой глазурью изразцовой мозаикой и майоликой, росписью, резьбой по дереву. В Таджикистане издавна создавались яркие декоративные вышитые ткани, расписная посуда, чеканные изделия из металла.

Характерной чертой дореволюционного местного искусства является необычайное развитие в нем орнаментализма и почти полное отсутствие сюжетных жанровых мотивов, богато представленных на территории Средней Азии в древности, выраженных в высокохудожественных памятниках скульптуры, а также в богатой разнообразной настенной сюжетной росписи (классическим памятником является древний Пенджикент). С появлением ислама, категорически запрещавшего изображать живые существа, народы Средней Азии лишились наиболее совершенных по силе эмоционального воздействия видов изобразительного искусства. Профессиональные живопись и скульптура в позднем средневековье не получили развития. Хотя в средневековый период создавалась миниатюрная живопись, иллюстрирующая рукописи, но распространение ее, связанное с книгами, немногочисленными в ту эпоху, было крайне ограничено.

В таджикском национальном узоре, при всем многообразии его местных мотивов, ясно прослеживаются два художественных приема. В одном случае художественный эффект достигается чередованием крупных ярких красочных пятен, ритмически повторяющихся в различных вариантах. Таковы композиции орнаментации тканей, набоек, росписей керамики, иногда архитектурных росписей. Другой принцип украшения — выдвижение на первый план фактуры материала, его светотеневое, в основном, графическое оформление. Этот прием прослеживается в резьбе по дереву, ганчу, в украшении металлической посуды. Здесь узор образует гибкая линия геометрического или растительного орнамента, причем сложность его достигает порою необычайной степени.

В каждой области художественного творчества Таджикистан имеет богатую традицию. Так, например, древнейшие художественные традиции имеет текстиль. Лучше всего весь комплекс орнаментики тканей сохранился в набойке, которая в XIX в. была развита в районах северного Таджикистана, особенно в г. Ура-Тюбе, но в предреволюционные годы почти совершенно исчезла. В столичном краеведческом музее сохранилась богатая коллекция *қолӣб* — деревянных штампов для набойки, это преимущественно образцы растительного орнамента, исполненные чрезвычайно лаконично и обобщенно. Эти штампы позволяли умелому мастеру набирать при помощи сравнительно немногочисленных орнаментальных форм чрезвычайно разнообразные художественные узоры для различного вида тканей. Узоры наносились растительными красками, в основном в два цвета — красным и черным. В 1940 г. мастер Рахим Юлдашев из Ура-Тюбе вновь стал применять этот старинный вид орнаментации тканей, используя старые набоечные штампы. Узорные ткани его работы с успехом применялись для оформления театральных постановок театра оперы и балета в Душанбе.

Вышивка в Таджикистане — искусство чрезвычайно древнее и повсеместно распространенное, имеющее, однако, локальные особенности. Следует отметить, что вышивка — наиболее массовый вид народного искусства, которым владеет большинство женщин. Многие мотивы орнамента являются очень архаичными. Среди таджиков старинных центров художественной культуры — в Самарканде и Бухаре — искусство вышивки еще в начале XIX в. достигало чрезвычайно высокого уровня. В Бухаре

при дворе эмира распространено было золотое шитье *зардўзӣ* по бархату (*бахмал*). Исполнение высоких образцов искусства — золотошвейных узоров на халатах и тюбетейках — было привилегией особого цеха золотошвеев — мастеров, которые сравнительно высоко оплачивались. Право ношения золотошвейных изделий имели лишь представители местной знати. В настоящее время золотое шитье тюбетеек выполняется вышивальщицами в художественных мастерских. Очень распространены были декоративные вышивки — *сӯзанӣ*, достигавшие больших размеров. Вышивки выполнялись на заказ, лучшие из них принадлежали богатым семьям. Сюзани представляли собой вышитые большей частью на цветном фоне крупные узоры растительного характера, с весьма ограниченной гаммой тонов.

Народный мастер Нуретдинов Бадреддин с дочерью

Наряду с изображениями цветов ириса, гранатового куста с плодами мы встречаем в узорах луну или солнце в виде розеток, архаический мотив меча, сабли, имевший в прошлом значение оберега. На более поздних вышивках встречается мотив «сундука», обросшего цветами, или «поезда» в виде цепи соединенных розеток. Особенно разнообразны ленинабадские и ура-тюбинские вышивки.

Широко распространена в Таджикистане вышивка на одежде и предметах быта. Передняя часть женских платьев и концы их рукавов вышиваются цветной гладью шелковыми нитками. Такие вышивки очень распространены в горных районах республики — Кулябе и Гарме. Орнаментация вышивок весьма характерна — это крупные многорядные розетки — *пиёла*, растительные побеги — *ислимӣ*, цветные ломаные линии, полоски, «огурцы». Подобные же вышивки делаются на одеялах *кӯрпа*, на мешочках для зеркала — *оинахалта*, на мужских поясных платках, чалмах и других предметах одежды и быта. Огромным разнообразием орнаментальных мотивов, большой красочностью отличаются наиболее распространенные головные уборы Таджикистана — тюбетейки. В орнаментации тесьмы, которой обшивают тюбетейки, встречаются как древние архаические очень устойчивые мотивы узоров, так и новые, изображающие предметы домашнего быта и растительного мира, трактованные в условно-декоративной форме.

В настоящее время в Ура-Тюбе работает мастерская «Красный труд», производящая сюзани. Мастерицы используют старые традиции в приемах орнаментики, хотя следует отметить, что зачастую их работы страдают излишней яркостью и пестротой тонов. Наряду с традиционными вышивками с орнаментом растительного характера, вышивальщицы освои-

В колхозном клубе, расписанном народными мастерами. Северный Таджикистан

вают новый вид, возникший уже после революции,—объемную вышивку тенями. Создаются большие сюзани, обрамленные национальным орнаментом, в центре которых вышиваются портреты ученых, писателей, вождей, иногда целые жанровые сцены. Не всегда еще эти опыты удачны, но творческие поиски в этом направлении, несомненно, дадут интересные результаты. На декаде таджикской литературы и искусства в Москве в 1957 г. были представлены необычайно искусно выполненные сюзани работы Зульфии Бадреддиновой с бригадой вышивальщиц, по эскизам талантливого народного мастера Бадреддина Нуретдинова и другие произведения.

В горных районах распространено вязанье узорных шерстяных длинных чулок — джураб. Колорит этих чулок и их узоры крайне разнообразны. Семантика узоров отражает как образы окружающей природы и растительного мира, так и магические обереги, корни которых уходят в глубокую древность. Архаические черты носит и орнамент чрезвычайно редких в настоящее время свадебных лицевых занавесок — *рӯбанд*. Они встречаются в припамирских районах, в Дарвазе. Лицевые занавески имеют сетку для глаз в своей верхней части и сплошь зашиты узорами, основные из которых— изображение птиц и треугольники *тӯморча* — носят магический характер. Вышиты они большей частью крестом нитками красного оттенка и имели в свое время значение оберега.

Северный Таджикистан с городами Ходжентом, Исфарой, Ура-Тюбе, Пенджикентом и другими издревле считается районом высокоразвитого изобразительного искусства. Помимо вышивки и набойки, в этих старинных художественных центрах была развита чеканка по металлу, гончарное ремесло — изготовление поливной расписной посуды, художественное оформление архитектурных памятников. Ура-Тюбе славится живописной росписью жилых домов, резьбой по дереву, украшением резьбой дверей, столиков, колонн и др. В тончайшей детализации и изощренности орнамента проступает высокое искусство. Мастера — знатоки древнего орнамента — передавали секреты своего мастерства от отца к сыну.

В настоящее время народные мастера пользуются широким признанием. Звания заслуженного деятеля искусств удостоен уратюбинец Ю. Баратбеков, прославленный мастер орнаментальной росписи. Он превосходно владеет линией и цветом. Его мягкие по красочной гамме золотистые росписи и безупречные рисунки узоров чрезвычайно поэтичны. Им выполнены многочисленные столики с чрезвычайно богатой

росписью и резьбой, орнаментальные панно, орнаментальные рамы для портретов. Другой известный мастер росписи — Ю. Раупов, автор панно «25 лет Таджикистана» и панно с портретом С. Айни.

В современной архитектурной росписи и резьбе применяются традиционные виды орнаментов: геометрический орнамент — *гирех* (узел) и растительный — ислими. Возрождается также встречающаяся в старых памятниках архитектуры техника *кундал* — особый род рельефной живописи.

Как правило, мастера архитектурной росписи пользуются трафаретными припорохами, передававшимися прежде от отца к сыну. Известный мастер росписи Гафур Мансуров — старый потомственный художник, обучавшийся тонкостям искусства еще у своего отца; работы Гафура, выполненные им в молодости по заказу представителей местной знати, можно найти во многих городах Средней Азии. В настоящее время мастер расписал многие чайханы Ленинабадского района, колхозный Дворец культуры (см. стр. 631) — замечательное произведение народных мастеров наших дней. Обладающий неистощимой фантазией, позволяющей ему компановать орнамент на месте работы, мастер почти не пользуется трафаретами. Крупным мастером резьбы по ганчу в Ленинабаде является М. Бабаджанов, который выполнил декоративное оформление большого числа зданий Ленинабада, в том числе архитектурный орнамент кинотеатра «Родина», орнамент новой гостиницы и чайханы Ленинабада.

Художественная обработка металла имеет в Таджикистане весьма древнюю традицию. В основном она связана с предметами домашнего обихода. Чеканкой и гравировкой украшались металлические кувшины, блюда, умывальники, а также ювелирные изделия. Обычно такие художественно оформленные предметы имели очень тонкий геометрический орнамент, часто с включением надписей, выполненных арабскими буквами. В послереволюционный период в этой области работали мастера Т. Юнусов и И. Юсупов. Ими выполнены блюда с традиционным растительным гравированным орнаментом, с включением советских эмблем, мотивов хлопка.

Современное народное искусство Таджикистана богато талантами. В системе местной промышленности имеется ряд художественных мастерских, объединяющих мастеров и мастериц различных городов республики, главным образом вышивальщиц. Многие талантливые мастера являются членами Союза художников.

Следует отметить, что в Таджикистане, особенно за последние годы, созданы новые жанры изобразительного искусства — живопись, графика и скульптура, не известные здесь в дореволюционное время. Эти жанры изобразительного искусства сейчас уже имеют определенные достижения; растут и местные национальные кадры художников и скульпторов.

ПРИПАМИРСКИЕ ТАДЖИКИ

Основное население Горно-Бадахшанской автономной области, входящей в Таджикскую ССР, составляют припамирские таджики, ранее известные под названием припамирских народностей: ваханцы (самоназвание *хик*), ишкашимцы (*шикошуми*), язгулемцы, или язгулямцы (*згамиг*), а также относящиеся к шугнано-рушанской группе: шугнанцы (*хуцуни*), рушанцы (*рыхен*), бартангцы (*бартангич*), хуфцы (*хуфич*) и баджуйцы (*баджуевеч*). Все они живут в высокогорных долинах правых притоков верховьев р. Пянджа, т. е. в области, называемой Горным Бадахшаном, Западным Памиром или Припамирьем.

Общее самоназвание «тоджик», применялось для противопоставления таджикам соседних районов ниже по Пяндже, которых припамирские

таджики называли *форсиғӯ*, *порсиғӯ* (говорящие по-персидски), а также *шаари* — городские. Теперь термин «тоджик» употребляется припамирцами и как самоназвание, и для обозначения прочих таджиков республики, отражая осознаваемое ими национальное единство со всем таджикским народом. Термином «тоджик» называют припамирцев и киргизы Восточного Памира. Равнинные и горные таджики в настоящее время называют припамирцев *помирӣ* — памирцы или иногда *шугнӣ* — шугнанцы, по имени наиболее многочисленной их группы.

В этнографической литературе припамирские таджики встречаются также под названиями припамирских иранцев, горных таджиков Памира, таджиков верховьев Пянджа и др.

В настоящее время происходит активный процесс слияния припамирских таджиков с таджикской нацией; с горными таджиками их роднят общие исторические судьбы, сходные природные и экономические условия, многие общие элементы культуры и быта. В прошлом между припамирскими таджиками и горными и равнинными таджиками имелись значительные различия: припамирцы говорили на своих особых языках, придерживались иного вероисповедания (были исмаилитами), в их культуре и быту отмечались многие своеобразные очень древние черты. В процессе слияния с таджиками и приобщения к общей советской культуре припамирцы быстро утрачивают все специфические черты, вплоть до языков. Современный быт и культура припамирских таджиков в общем такие же, как у горных таджиков — их ближайших соседей.

Припамирские таджики живут в юго-западной части Горно-Бадахшанской автономной области [1]. Они населяют территорию Хорогского горсовета и районы Ишкашимский, Рошткалинский, Рушанский и часть Ванчского (Язгулемский сельсовет). Областной центр, г. Хорог, насчитывающий свыше 8 тыс. жителей, расположен у слияния р. Гунт с р. Пянджем на высоте 2176 м. над уровнем моря. Это очень живописный город, раскинувшийся вдоль правого берега Гунта, с массой деревьев, красивыми зданиями.

Область расселения припамирцев — одна из самых сложных по рельефу областей СССР. Это западный край Памирского нагорья; он состоит из ряда высочайших круто вздымающихся хребтов (Ваханский, Шугнанский, Рушанский, Язгулемский, Ванчский, Дарвазский), между которыми расположены долины-ущелья. Только небольшие площади речных террас по долинам рек и площади конусов выноса, образовавшихся в устьях боковых притоков, удобны для земледелия.

Припамирье богато полезными ископаемыми. В горах имеются месторождения золота, встречаются серные источники, россыпи драгоценных камней (в Гороне), разрабатываемые с глубокой древности, единственные в Средней Азии залежи лянис-лазури (в Рошткалинском районе).

Климат Припамирья — континентальный.

В Горно-Бадахшанской автономной области припамирцы расселены следующим образом: в долине р. Язгулем живут язгулемцы; выше, по Пянджу, между устьями рек Язгулем и Бартанг,— рушанцы; в долине р. Бартанг — бартангцы; выше по Пянджу, между устьем р. Бартанг и сел. Сохчарв, в двух небольших, очень высоко расположенных долинах Хуф и Баджу,— хуфцы и баджуйцы; выше сел. Сохчарв по Пянджу до р. Гармчашма [2], а также в долинах рек Гунт и Шах-Дара — шугнанцы; выше Гарм-чашма в сел. Рын — ишкашимцы и в верховьях Пянджа, выше притоков Даршай и Бойбар, а также в долине р. Памир — ваханцы.

---

[1] В восточной части Горно-Бадахшанской автономной области в (Мургабском районе) живут киргизы, в северо-западной (в Калаихумбском районе и части Ванчского района) — таджики.

[2] Бассейн р. Гарм-чашма, называемой местными жителями Горон, заселен небольшой группой таджиков, говорящих на бадахшанском диалекте таджикского языка.

Немногочисленные группы шугнанцев живут на Восточном Памире в Аличурской долине, в центре совхоза на Булункуле, у моста через р. Аличур, в Тагаркаты и некоторых других местах.

Небольшое число припамирцев (рушанцев и язгулемцев) переселилось в годы Советской власти на земли нового орошения в Вахшскую долину.

Численность всех групп припамирских таджиков, по данным переписи 1939 г., была 37 960 человек. При переписи 1959 г. все они назвали себя таджиками по национальности, но шугнанцы, рушанцы, ваханцы, бартангцы, язгулемцы, баджуйцы, ишкашимцы на вопрос о родном языке называли свои языки, а не таджикский. В общем (по данным родного языка) припамирских таджиков оказалось 42 400 чел. — больше, чем в 1939 г., что, очевидно, помимо прироста населения, вызвано бо́льшей тщательностью этой переписи.

Некоторое число припамирских таджиков проживает и за пределами СССР. На территории Афганистана, на левом берегу р. Пянджа, расселены те же ваханцы, ишкашимцы, шугнанцы и рушанцы, отторгнутые от своих правобережных собратьев англо-русским договором 1895 г. (см. стр. 660). Численность левобережных рушанцев определяется исследователями ориентировочно в 2—3 тыс. человек, шугнанцев—около 6 тыс., ишкашимцев — около 2 тыс. и ваханцев — около 3,5 человек.

Несколько изолированно от этого сплошного массива припамирских таджиков, к востоку от Памирского плато, на территории Китайской Народной Республики живут небольшие группы сарыкольцев, относящихся к шугнано-рушанской группе, и ваханцев. Немногочисленные колонии ваханцев имеются и в Пакистане.

Языки припамирских таджиков относятся к восточной группе иранских языков (см. стр. 152). Языки различных групп припамирских таджиков настолько отличаются один от другого, что, например, ишкашимец не понимает язгулемца, ваханец — шугнанца, поэтому основным средством взаимного общения издавна был таджикский язык.

Историческая справка

Памир впервые упоминается в памятнике санскритской литературы, в индийской эпической поэме «Махабхарата» (VI в. до н. э.) под названием Меру. Согласно этому памятнику, к северу от центральной Индии, по-видимому, в области Припамирья, обитали саки (скифы), т. е. народы иранского происхождения.

Припамирские страны Рушан, Шугнан и Вахан впервые упоминаются в китайских источниках, относящихся ко II в. н. э.

История припамирских стран на всем ее протяжении характеризуется последовательными завоеваниями и постоянной зависимостью населяющих ее народов от тех или иных могущественных соседей. В первые века нашей эры Памир захватывали жужани, белые гунны, или эфталиты, тюрки и др. В конце VII в. на Памире и в Припамирье утверждаются тибетцы, удерживавшие эти области под своим влиянием более 200 лет. С X в. владетели Шугнана, Вахана, Рушана фактически были самостоятельными, хотя иногда номинально признавали себя зависимыми от того или иного завоевателя, часто правителя Бадахшана.

В XVIII в. политические отношения на Западном Памире характеризуются постоянной борьбой мелких княжеств (в то время Рушан был вассалом Шугнана) против политической зависимости от более сильных соседей — Бадахшана, Кундуза, Дарваза. Имели место также постоянные столкновения с киргизами Восточного Памира, совершавшими набеги на припамирские селения с целью грабежа и захвата людей в рабство. Для защиты от таких внезапных набегов в пограничных с киргизами селениях (в долине р. Гунт, в Язгулеме) сооружались высокие башни — *тӯпхона*, где в случае набега отсиживалось население.

Во второй четверти XIX в. княжества Западного Памира присоединил к своим владениям кокандский хан Мадали, но вскоре Бадахшан вновь подчинил их себе и стал брать с них дань.

После завоевания Бадахшана афганцами в середине XIX в. Шугнан и Вахан платили дань Дарвазу вплоть до покорения последнего в 1878 г. Бухарой.

К концу XIX в. Западный Памир был раздроблен на полузависимые княжества: Вахан, Шахдара, Шугнан, Рушан и Ванч (в состав которого входил Язгулем). Правители этих княжеств — *шоҳ* были неограниченными властителями страны и подданных, которых они даже продавали в рабство или отдавали в дань своему сюзерену. Правители жили в крепостях *қалъа* вместе с представителями феодальнородовой знати, находившимися с ними в родстве; они владели лучшими землями в стране. К классу феодалов относились сословные группы родовой знати — *ша-хел* или *шаана*, *мир*, *мир-хел*, *акобир*, высшее духовенство — *эшон*. К ним примыкало служилое сословие *навкар*; все эти сословия освобождались от всяких налогов и платежей.

Податное сословие — *райат*, *фақир*, *фуқаро* — состояло из трудового крестьянства. Во время правления ша взимался поземельный налог; кроме того, взимался подымный налог и налог в пользу служилого сословия. Податное сословие должно было нести большое количество натуральных и трудовых повинностей: поставлять различные продукты, обрабатывать земли феодалов, знати и духовенства, пасти их скот и т. п. Помимо этих налогов, принадлежащие к секте исмаилитов должны были отдавать десятую часть всех своих доходов — *закот* — своим духовным наставникам — ишанам (см. стр. 663).

Каждое шахство делилось на административные единицы — *сада* (сотня) или *панча* (пятидесятня), во главе которых стоял *оқсоқол*; менее значительными административными лицами в кишлаке были *арбоб* и *мирдеҳ*.

В 1883 г. Рушаном, Шугнаном, Ваханом и частью Памира овладели афганцы: время афганского владычества было тяжелым периодом в истории припамирских таджиков. Непосильные налоги и притеснения афганских феодалов заставляли обитателей целых кишлаков, захватив имущество и скот, бежать в горы и укрываться там в пещерах, переселяться в другие места.

После упорной борьбы за Памир, закончившейся утверждением владычества России, последовали длительные переговоры между Россией и Англией, во время которых Англия приложила большие усилия к тому, чтобы отодвинуть Россию от Гиндукуша — естественной границы между владениями России и Афганистана.

В 1895 г. был заключен русско-английский договор о разграничении Афганистана и России на Памире, согласно которому граница на большом протяжении прошла по р. Пянджу. При этом к Афганистану отошли бухарские владения на левом берегу Пянджа (часть Дарваза), взамен чего к Бухаре были присоединены правобережные части Рушана, Шугнана и Вахана. Левобережные части Рушана и Шугнана, а также часть Вахана, лежащая выше впадения р. Памир в Пяндж, осталась за Афганистаном. Таким образом многие близкие родственники очутились в разных государствах.

После утверждения России на Памире этот край был выделен в особый административный район — Памирский, под управлением начальника Памирского отряда на правах уездного начальника. Памирский район входил в состав Ферганской области и делился на волости Мургабскую, Лянгарскую и Орошорскую. Правобережный Вахан, Ишкашим, Шугнан, Рушан и Язгулем перешли под управление наместника бухарского эмира — бека. На Припамирье были распространены все налоги, подати и

повинности, которые взимались в других бекствах бухарского эмирата. При этом не были приняты во внимание ни крайнее малоземелье, ни низкие урожаи в этих суровых горных районах, ни разоренность хозяйств за время афганского владычества. Бухарские чиновники, чувствуя себя совершенно бесконтрольными на этой далекой окраине, совершали вопиющие беззакония, взимали бесконечные поборы, налагали по любому поводу громадные штрафы. Все это привело население к страшной нищете, а религиозные преследования суннитами-бухарцами исмаилитов-припамирцев — к рождению неприязни местного населения по отношению к бухарцам; население опять начало покидать родные места, в стране вспыхивали волнения. Обеспокоенное таким положением на своей границе царское правительство направило на Памир секретаря политического агентства в Бухаре барона Черкасова для обследования создавшегося положения и в конце 1904 г. приняло решение о фактическом присоединении Вахана, Шугнана и Рушана к России (Язгулем остался в составе Дарвазского бекства). Против это не возражал и бухарский эмир, так как разоренный его чиновниками за девять лет хищнического управления район не приносил уже никакого дохода. Из политических соображений номинально Припамирье продолжало числиться под управлением представителя Бухары.

После присоединения к России большинство податей и повинностей в Припамирье было отменено; оставлен был только налог на скот и на посевы зерновых и бобовых, который стали взимать не натурой, а деньгами. Облегчение налогового бремени и ограничение произвола вызвало вначале некоторый рост населения и подъем экономики края: возросла посевная площадь, увеличился валовой сбор зерна, выросло поголовье скота. В некоторых хозяйствах (особенно в более богатых Шугнане и Вахане) начали производить товарную продукцию.

В результате замены натурального налога денежным и развития товарно-денежных отношений, роста эксплуатации со стороны местной феодальной знати и духовенства, активизации деятельности торговцев и ростовщиков резко усилился имевший место и в XIX в. процесс социального расслоения крестьянства и обезземеливания бедняцких хозяйств. Поэтому облегчение налогов сказалось положительно на более сильных хозяйствах и мало что изменило в бедняцких хозяйствах. Беднота нуждалась в деньгах для уплаты государственного налога и особенно религиозного налога, который тоже взимался деньгами. Баи-ростовщики давали деньги, скупая у бедноты по очень низким ценам сырье; привозимые товары продавали по невероятно вздутым ценам (за аршин ситца, например, брали барана или 2—3 пуда зерна). Баи стали скупать землю и привлекать для обработки ее бедняков, платя им натурой или предоставляя батраку на время работы $^1/_{10}$ — $^1/_{12}$ обрабатываемой им площади (батраки с наделами).

Очень скоро процесс разорения бедняцких хозяйств сказался отрицательно на общем развитии экономики. Сравнение данных 1908 и 1917 гг. показывает рост населения на 18,3%, но сокращение посевной площади на 8,3% и уменьшение поголовья крупного рогатого скота на 5,6%. Большая часть земли и скота находилась в руках небольшой группы баев и духовенства. В 1917 г. хозяйства, имеющие меньше 2 десятин земли, составляли 67%[1]. Около половины их не имели никакого скота, а, следовательно, и удобрения, что еще более снижало возможность вести хозяйство рентабельно.

При несомненном прогрессивном значении присоединения Припамирья к России следует подчеркнуть, что представители царской власти на

[1] При оценке размеров земельных наделов нужно иметь в виду очень низкий уровень урожайности земель в Припамирье.

Памире сделали очень мало для освоения природных богатств края, для культурного и экономического его подъема. Осуществлялись только мероприятия, имевшие военное значение. Так, в 1915 г. вдоль Пянджа до Калаи-Хумба вместо прежних овринговв (см. стр. 609) была проложена вьючная тропа.

В целом в Припамирье господствовали нищета, невежество, социальное бесправие.

О февральской революции на Памире и в Припамирье стало известно в апреле 1917 г. Но еще в течение трех лет на Памире и в Припамирье хозяйничали сначала белогвардейские офицеры, а затем чиновники эмира бухарского. Лишь 27 июня 1920 г. вооруженной шугнанской молодежи, при широкой поддержке трудящихся, удалось захватить военный пост в г. Хороге, разоружить бухарский отряд и провозгласить переход власти на Памире к Советам. Однако внутренняя контрреволюция в лице оставшейся феодальной знати и духовенства объявила Советскую власть властью неверных, «кафиров», и с помощью басмаческих банд организовала вооруженное сопротивление. На Памир проникали посланцы Ага-хана — шпионы британской контрразведки; они вели среди населения антисоветскую агитацию.

По решению народного собрания, созванного в июле 1920 г. в Хороге, в Ташкент была направлена делегация с просьбой прислать на Памир красную воинскую часть. С приходом в конце 1921 г. революционного отряда население получило возможность перейти к мирному труду.

2 января 1925 г. постановлением ЦИК СССР была образована Особая Припамирская область, в декабре 1925 г. переименованная в Горно-Бадахшанскую автономную область, с центром в Хороге, вошедшая в Таджикскую ССР. С этого времени исторические судьбы припамирцев неотделимы от таджикского народа, хотя в силу специфических условий прошлого на отдельных исторических этапах здесь имелись и некоторые особенности процесса социалистического преобразования экономики, культуры и быта.

* * *

Почти все припамирские таджики принадлежали в прошлом к секте исмаилитов. Только язгулемцы за время пребывания в Бухарском ханстве в значительной степени были приобщены к суннизму.

Секта исмаилизма возникла в исламе и откололась от шиитской в VIII в.

Главным распространителем исмаилизма в верховьях Пянджа считается известный проповедник, мистик и поэт XI в. Насир Хисрав. С XIX в., после переселения из Персии в Индию, исмаилитские имамы стали носить титул Ага-хана.

Для исмаилизма характерен культ Али (зятя Мухаммеда), доходящий до обожествления его.

Исмаилиты утверждают, что бог является существом, природа которого недоступна пониманию людей. Доступны пониманию людей только внешние проявления бога — мировой разум и мировая душа. Главным качеством мирового разума является знание, главным качеством мировой души — жизнь. Мировая душа, несовершенная в отношении знания, постоянно стремится к совершенству, каковым и является мировой разум. Человек, являющийся частицей мировой души, распространяющейся на земле в виде отдельных индивидуальных душ, стремится приобрести совершенное знание и воспроизвести его в себе. Для того чтобы указать людям путь к спасению, мировой разум и мировая душа воплощаются в отдельных людей — пророков. Каждому из пророков соответствовал человек — *асос*, в котором целиком воплощалась мировая душа и который был истолкователем учения пророка. Закончив свое земное существо-

Группа рушанских таджиков-бедняков. Сел. Пасбадж на р. Пяндж, 1914 г.

вание, асос воплощался вновь в имама. Все люди обязаны слепо повиноваться имаму: души тех, кто не желает подчиняться имаму, останутся невежественными, их никогда не примет мировая душа и они обрекаются на вечное мучение. Среди исмаилитов распространена вера в переселение душ: души людей, выполняющих предписания своих духовных руководителей, переходят якобы в более совершенные существа, души людей, не повинующихся своим руководителям, переходят в животных, в растения, в камни.

Местными духовными руководителями исмаилитов являются представители имама — ишан и их помощники — *халифа*. Этих своих религиозных руководителей население называло *пир* («старец»). Пиры руководили своей паствой и собирали от нее в пользу Ага-хана подать (закот), часто в натуре. Потом, уже в золоте, она переправлялась ишанами в Бомбей. Организационные основы исмаилизма разработаны очень тщательно. Лишь пройдя девять ступеней посвящения, исмаилит становится вполне посвященным. В основе всей структуры лежит слепое повиновение своим духовным наставникам и хранение тайн веры от непосвященных. На высших ступенях большое место занимало учение о тайном смысле чисел и сокровенном значении слов корана, придающем ему совсем иной, новый смысл. Даже общеупотребительные термины мусульманства истолковывались исмаилитами по-иному. Например, предписание держания поста истолковывалось как предписание охранять от непосвященных тайны веры, предписание совершения намазов, как предписание полного повиновения своему учителю, чтобы без его приказания «не выпить чашки воды, не съесть куска хлеба» и т. п. Поэтому припамирские исмаилиты не соблюдали постов и не совершали пятикратных общественных молитв. Как следствие этого, отсутствовали и мечети. Взамен этого исмаилиты должны были регулярно посещать своих духовных руководителей для соответствующих бесед и чтения религиозных книг. Беседы проходили обычно вечером и сопровождались пением под аккомпанемент музыкальных инструментов. Ишаны оказывали на жизнь своих мюридов большое влияние и имели над ними огромную власть.

Среди припамирских таджиков так же, как и среди горных и равнинных таджиков, было развито почитание мазаров — *остон*. Некоторые из них пользовались большой популярностью.

За годы социалистического строительства среди припамирских таджиков все шире распространяется атеистическое мировоззрение. Это связано с социальными преобразованиями, развитием народного образования, распространением научных знаний. Как и всюду, активной силой в борьбе с религиозными предрассудками является молодежь.

Занятия

Основными занятиями припамирцев, как и таджиков, было земледелие и скотоводство. Основу земледелия из-за малого количества осадков составляли поливные посевы. Трудности по сооружению оросительных каналов в горных местностях (см. стр. 552) усугублялись здесь еще и сложностью горного рельефа. На проведение небольшого канала затрачивались годы труда многих людей. Огромного труда требовала также расчистка полей от камней, ежегодно наносимых снежными лавинами и камнепадами, и выравнивание полей, для чего в нижнем конце поля сооружали каменную стену, к которой потом подкидывали или наносили землю. Местами на особенно крутых склонах бывало до нескольких десятков искусственных террас и они были настолько узки, что обрабатывать их можно было только вручную.

Основным сельскохозяйственным орудием служила соха *сипорн*[1] того же типа, что и у соседних горных таджиков, в которую впрягали волов. В некоторых высокогорных районах (например, на Бартанге, в Басидской и Сагнобской группах кишлаков) в качестве тягловой силы до революции в бедняцких хозяйствах иногда использовался человек. Наконечник сохи делался только кованый, железный, так как литые чугунные сошники, употребляемые на равнинах и в части горных районов, для здешней каменистой почвы были слишком хрупки. Прочие сельскохозяйственные орудия были сходны с орудиями горных таджиков (см. стр. 552). В припамирских районах еще в XIX в. и даже местами в начале XX в. очень остро ощущался недостаток железа. Многие орудия, изготовляемые у равнинных и горных таджиков из железа, здесь делали из дерева, рога, кости, камня, а форма железных орудий свидетельствовала о близости к каменному прототипу и о стремлении при их изготовлении экономить металл. Очень характерна в этом отношении форма кельтообразной припамирской мотыги — *чок*, *чанау*, небольшой прямой наконечник которой насаживался на изогнутую деревянную ручку. Таковы же по форме были всевозможные тесла и топорики *торх*. Ножи имели характерное короткое лезвие. Пилы не было, очень мало имелось железных лопат (в сел. Нушор на Бартанге, например, до самой революции их совсем не было). В некоторых местах на Бартанге до революции для обработки земли применяли рога животных.

Тяжести переносили на спине, применяя при этом особое деревянное приспособление—*чухт*, *чохт*. В большом ходу были сплетенные из ивовых прутьев заплечные корзины разной величины, с двумя петлями из скрученных ветвей.

Поливные земли всегда удобряли. На удобрение шел навоз крупного рогатого скота; навоз мелкого скота во многих местах, где не хватало древесной растительности, использовался в качестве топлива. Ввиду большой трудности доставки удобрения на поля последние должны были находиться сравнительно близко от хлевов. Это определяло небольшой размер горных селений, хуторской тип поселения в высокогорье, а также наличие своеобразных «двудомных» селений, жители которых строили дома в двух местах поблизости от своих полей; часть года они проживали, перегоняя скот, в одном, а часть — в другом доме, накопляя в хлевах навоз для

[1] Здесь и ниже приводятся термины шугнано-рушанской группы языков.

удобрения. Такие селения встречались, в частности, на Бартанге (селения Рид и Девлох).

На полях возделывались пшеница, ячмень, рожь, горох, бобы, масличные (лен, горчица), кукуруза, а в долине Пянджа, ниже шугнанского сел. Дарморахт и особенно в Рушане, в небольших количествах хлопок. Из бахчевых в долине Пянджа выращивали дыни и арбузы. Характерной чертой дореволюционного земледелия припамирцев были комбинированные посевы; на поле высевались семена двух культур, чаще всего горох с ячменем или рожью. Они давали немного больший урожай, чем посев каждой культуры в отдельности. Урожай обеих культур обмолачивали и мололи вместе, так как припамирцы любят комбинированную муку. Иногда бобовые выращивали комбинированно с хлопком — горох высевали на грядках, а влаголюбивый хлопок — в канавках между грядками.

Там, где позволял климат, главным образом в долине Пянджа, культивировали плодовые деревья.

Сады, если это было возможно, располагали на склонах, и нередко деревья росли среди огромных каменных глыб, скатившихся сверху. Наибольшее значение здесь, как и в Дарвазе, имели тутовые деревья различных сортов. Сладкие плоды тутовника играли в хозяйстве припамирцев роль не лакомства, а насущного продукта питания, заменявшего хлеб, тем более, что ягоды эти начинали поспевать в самое голодное время — в конце июня, задолго до сбора урожая хлебов. Вторыми по значимости были абрикосы, затем яблоки, груши, вишня, персики, а также виноград (в Рушане). Орехи имели большое значение и широко использовались в хозяйстве, использовалась и древесина (на деревянную посуду и пр.). Ореховая житница долины Пянджа — Ванч — снабжала орехами районы, где их не было, вплоть до Вахана. В Вахане, Ишкашиме и высокогорных селениях Шугнана и Рушана фруктов было мало, а местами (Хуф, Баджу, верховья Бартанга, верховья Гунта) их не было совсем.

Обработка земли была несложной. Осенью, после сбора урожая, поле оставалось невспаханным. Зимой и в начале весны на него выносили навоз. Для ускорения таяния снега в высокогорных селениях, как и у таджиков, снег на полях несколько раз посыпали землей. После таяния снега по невспаханному полю поверх удобрения разбрасывали семена, а затем поле пропахивали два раза: первый раз проводили борозды на расстоянии около 20 см одна от другой, второй раз — перпендикулярно первым на расстоянии около 40 см. Последние борозды служили оросительными канавками. Только под просо поле перед посевом вспахивали по нескольку раз. Обработка земли усложнялась чрезвычайной дробностью участков (среди них встречались площадью всего в 2—3 сажени) и чересполосицей. При характерном для припамирцев малоземелье каждое хозяйство имело землю в пяти-шести и более местах. Озимые посевы до коллективизации почти не практиковали. Только в Рушане, где особенно остро ощущался недостаток земли, изредка высевали озимые, после которых удавалось сделать на этом же поле второй посев и собрать второй урожай. Иногда рушанцы практиковали также посев ячменя под тутовыми деревьями.

Хлеба до нового урожая почти никогда не хватало даже в наиболее обеспеченном Вахане, и весенние голодовки были обычны. Нередко весной от голодной смерти население спасали только дикорастущие травы; поэтому бедняки, стремившиеся возможно скорее получить хоть немного нового хлеба, до окончания общей пахоты, иногда за месяц до общего сева, засевали ячменем небольшой участок, урожай с которого должен был поддержать семью.

Поливы посевов производили в зависимости от высоты местности, расположения участков в отношении солнца и качества почвы от 4 до 12 раз. Пропалывали только посевы пшеницы и проса, в прочих культурах сорняки оставляли; это увеличивало количество соломы для корма скота.

Перенос снопов с поля. Вахан

В период созревания хлебов много сил уходило на охрану урожая от воробьев. Их отпугивали криком и дымом от сжигаемой соломы, отстреливали из лука-пращи, эту работу охотно выполняли подростки. Злаки и травы жали серпом. Обмолот всего урожая производили, гоняя по разложенным снопам волов, которые вытаптывали зерна из колосьев (см. стр. 555). Небольшое количество хлеба обмолачивали деревянной колотушкой. В некоторых местах (долина Бартанга) в старину это делалось еще более архаическим способом — ударами камня по колосьям или опаливанием колосьев на огне с последующим протиранием их через плетенку корзины.

Помол производили на водяных мельницах обычного среднеазиатского типа. В старину в Припамирье были и ветряные мельницы, о чем свидетельствуют остатки построек, топонимика и предания.

Для счета времени в Припамирье, помимо лунного и солнечного официальных календарей, известных только муллам, был широко распространен очень своеобразный солнечный счет периодами, называемыми по частям тела человека; этот счет применялся только в Припамирье и некоторых горных районах, прилегающих к нему с юга (Нуристан) и севера (Дарваз, Верхний Каратегин). По этому счету зимнее солнцестояние считается пребыванием солнца в «зимнем доме». Далее идет 40-дневный период *биёбон* («пустыня») или *чилла* («сорокадневие»). Считается, что после этого солнце входит в период «человека» — *мард*, «охотника» — *марди шикорӣ*. Один за другим следуют небольшие, по нескольку дней, периоды, общим количеством около 100 дней, носящие название частей тела мужчины. Весной счет начинается снизу вверх: период «ногтя ноги», «подъема ноги», «щиколотки», «голени», «колена». В день весеннего равноденствия солнце находится в периоде «сердце», затем следуют периоды верхней половины тела, кончая «головой» (в некоторых вариантах — эгретом на головном уборе), после чего солнце выходит из счета мард и находится сорок дней в периоде биабон; в период летнего солнцестояния оно пребывает в «летнем доме»; потом опять 40 дней солнце находится в периоде биабон, затем опять входит в счет мард, на этот раз начиная с головы; в день осеннего равноденствия солнце пребывает в «сердце», затем выходит из счета мард, входит в период биабон и опять задерживается в «зимнем доме» во время зимнего солнцестояния.

В Вахане, Ишкашиме, Шугнане и Рушане периоды, называемые по частям тела человека, были невелики — по 3 дня (только для периодов «кишки» и «ребра» отводилось по 9, а для «сердца» — 9 или 15 дней), начиная же с Язгулема (а также ниже, в Ванче, Дарвазе, долине Хингоу) счет мард велся более крупными отрезками — по 7 дней, причем число периодов было соответственно меньше. При этом счете получался год, почти совпадающий с естественным годом — 365— 366 дней.

Для определения наступления того или иного периода специалисты (*ҳисобгар*), имевшиеся почти в каждом селении, наблюдали место заката или восхода солнца на окружающих горах или движение тени одного из горных пиков по долине, где имелись определенные приметные места. В домах делали заметки на местах, куда падали через дымовое отверстие в крыше солнечные лучи в важнейшие периоды. Счет мард был основным календарным счетом припамирских земледельцев до самой коллективизации. Общеизвестными были весенние периоды от начала счета до «сердца», так называемые *панҷои мард* — «50 дней человека». Остальные периоды мало кто знал твердо.

Для определения времени дня наблюдали за положением солнца на небе, за движением тени горных пиков по долине от урочища к урочищу, от селения к селению, за длиной собственной тени и, сделав иногда десятки таких заметок в сутки, могли таким образом определять время с большой точностью.

Всевозможные обряды, суеверия и запреты—*кех, киш*, связанные в прошлом с земледелием, у припамирских таджиков были более многочисленны и строго соблюдались. Каждое дело (посев и запашка, полив, жатва, обмолот помол и пр.) начинали не раньше, чем местный халифа (представитель ишана) определял для этого «счастливый» день и час, и только после ритуального совершения этого дела наследственным представителем патрона земледелия в данном селении. Начало важнейших работ сопровождалось общественными обрядовыми трапезами, во время которых ели мясо убиваемого в этот день жертвенного животного, и гуляньем; начало пахоты, начало поливов (принесение жертвы водному потоку) торжественно праздновали всем селением; эти праздники сопровождались различными развлечениями (мужчины играли в поло, женщины качались на качелях, устраивались бои животных, катание вареных яиц и пр.). И хотя это происходило в трудную весеннюю пору, когда продукты были на исходе, каждый хозяин должен был внести свою долю в жертвенное угощение. Формы совершаемых при этом обрядов были разнообразны, однако повсюду идущий впервые на поле земледелец (часто этот выход совершался ночью, чтобы избежать «дурных» встреч, «сглаза» и т. п.) нес с собой ритуальный хлеб, часто в форме «воловьего языка», а также мучной кисель — *кочи*, которым мазали морды волов, а иногда и лица пахарей. Ритуальную запашку совершали не сохой, а чаще более древней мотыгой, сопровождали посев молитвой, обращенной к деду-земледельцу, а окончание сева — обращением к земле с призывом дать урожай.

В этом обращении к земле, как и в обрядах, связанных с окончанием жатвы (см. стр. 556), нашли отражение древние представления о душе земли, душе поля.

В сел. Басид (среднее течение Бартанга) для общественной трапезы в день первой запашки в каждом из 30 домов селения изготовляли огромный хлеб, до 120 см в диаметре. Выпекали такие хлебы архаическим способом — на больших плоских камнях, предварительно раскаленных разведенным на них огнем, очищенных и смазанных салом. Наибольшие из этих хлебов доставляли к мазару, около которого происходила трапеза, на носилках. Собравшиеся съедали три-четыре хлеба, остальные же делили каждый на 30 частей (по числу домов в селении), и эти доли уносили по домам.

Много обрядов и запретов было связано у памирцев, как и у таджиков, с гумном (см. стр. 556); очень торжественно производилось освящение кучи обмолоченного зерна и переноска урожая. На собранную кучу отвеянного зерна помещали комок сухого воловьего помета; кучу зерна осыпали сластями, окуривали дымом от сжигаемых священных трав. В ряде мест по окончании уборки зерна на гумне изготовляли из метлы и халата чучело «старухи» (*кампирак*), очевидно олицетворявшей какое-то древнее божество. Ее приносили в дом и усаживали на главных нарах; ей подносили воду для мытья рук перед едой, ставили перед ней пищу. Такое же чучело «старухи» приносили в дом с мельницы по окончании помола. Первый хлеб из нового зерна замешивали на воде, взятой из-под мельничного желоба, которому перед началом помола каждый хозяин приносил жертву, сжигая на раскаленном камне немного муки с маслом. Первым хлебом хозяйка должна была накормить каждого члена семьи досыта, пока он не скажет: *бас* — «довольно» (отсюда название этого хлеба — *басык*). Домашними угощениями отмечали окончание жатвы — «бросание серпа»: жнецы на поле с силой бросали серпы, так что концы их вонзались в землю; хозяин, придя домой, брал два серпа и, поднеся их с двух сторон к шее хозяйки, требовал угощения. Угощением отмечали и окончание переноски хлеба и сена.

Скотоводство занимало в хозяйстве припамирцев не менее важное место, чем земледелие. В Вахане и верховьях Шах-Дары, где выпадало меньше снега и скот частично был на подножном корму и зимой, скота разводили больше, чем в Рушане, страдавшем от недостатка пастбищ даже летом, или чем в высокогорных долинах (как, например, Хуф) с долгой зимой, где скот до 7—8 месяцев находился на стойловом содержании. В Припамирье разводили хвостатых овец породы «гидик» очень неприхотливых и выносящих долгое стойловое содержание, которого не выносит курдючная овца. Последнюю разводили только в Вахане и на Шах-Даре.

Крупного рогатого скота зебувидной породы до революции в хозяйствах припамирцев было очень мало. Как указывалось выше, значительный процент бедняцких хозяйств совсем не имел рабочего скота. Недостаток скота, а также разные географические условия в различных долинах порождали своеобразные формы кооперативного содержания и использования скота. Так, например, жители малообеспеченного пастбищами, но теплого припянджского Рушана после пахоты передавали своих волов за известное вознаграждение (обычно зерном) какому-нибудь жителю высокогорной долины, например Хуфа, где пахоту производили примерно на месяц позже; здесь же волов оставляли на летнюю пастьбу. Бывало, что хуфцы передавали принадлежавших им волов на зиму на прокорм и использование весной для пахоты рушанцу, который имел участок земли и, следовательно, фуражную солому, но не имел скота.

Народные методы скотоводства в Припамирье, так же как и молочное хозяйство, где практиковалась организация молочных артелей, сходны с таковыми у горных таджиков.

Из обрядов, связанных с скотоводством и свидетельствующих о его древности, отметим прежде всего почитание овцы. Овца считалась спустившейся на землю на облаке с неба; в ряде мест имелись мазары святой овцы; помет овец считался ритуально чистым, в сделанных из него сосудах хранили зерно (в отличие от овцы коза считалась связанной с дьяволом). Расставаясь со скотом (при продаже, передаче в составе калыма), хозяин обращался к нему с прощальной речью и, вырвав клочок шерсти, бросал обратно в хлев как заклинание, чтобы утрата скота была возмещена. Павшей корове в Хуфе женщины совершали обряд оплакивания. Выход на летовки, сопровождавшийся полной изоляцией от мужчин на несколько дней всех ушедших туда женщин, был вторым по значению, после первой запашки, празднеством. Изоляция женщин, вышедших на летовки, и

выполняемые при этом многочисленные обряды по поверью должны были охранить стада от нападений диких зверей (волков, снежных барсов). В Шугнане при первом выгоне скота на пастбище выпекали из теста изображения пастуха, овец, волка и собаки и выполняли ряд обрядов. С молочным хозяйством тоже был связан ряд запретов и обрядов: почитание молочной закваски, запрет на употребление молока отелившейся коровы, пока не съедено всей семьей сбитое из первого молока масло, коллективное поедание у мазара на летовках первого полученного масла, запреты, связанные с выдачей молока из дома, закрывание переносимого ночью молока, чтобы его не «увидели звезды», и т. д.

Хозяйство припамирцев вплоть до революции оставалось в основном натуральным, население производило почти все необходимое, и домашние промыслы, не отделившиеся от сельского хозяйства, имели большое значение. Основными промыслами были: прядение, тканье шерстяных (а в Язгулеме и бумажных) тканей, вязание узорных шерстяных чулок, перчаток, вышивание, гончарство, деревообделочный промысел, точение по дереву (в Язгулеме и Рушане), добыча железа (в Рушане) и кузнечное дело, охота, добыча поташа и варка мыла, скорняжный промысел, валяние кошем и др.

Как и всюду, за годы Советской власти, в связи с притоком в кишлаки дешевых фабричных изделий, большая часть домашних промыслов (за исключением художественных) отмерла. Промыслы припамирских таджиков мало отличались от аналогичных промыслов горных таджиков (см. стр. 573), но все же имели некоторые характерные черты.

У припамирцев обработку овечьей шерсти (взбивание ее и прядение) производили женщины, а козьей — мужчины; веретена при этом были разной формы. Овечью шерсть пряли женщины на прялке обычного среднеазиатского типа—*чарх*, либо на ручном веретене—*чалак* с круглым пряслицем или крестовинкой на нижнем конце; козью шерсть мужчины пряли при помощи простой палочки с расщепом на конце, в который вставляли конец будущей нити и свивали ее, вертя палочку-веретено в пальцах и описывая ею в то же время круги. Это мужское веретено — *ликирдз* было распространено в Припамирье от Вахана до Рушана включительно (наличие его в Язгулеме не установлено)[1].

Ткали на различных станках мужчины. Сукно из овечьей шерсти ткали на горизонтальном станке того же типа, что и у горных таджиков (см. стр. 576); для тканья безворсовых паласов из козьей шерсти применяли особого устройства вертикальный станок, сходный со станком для тканья ковров, распространенным у казахов и у кавказских народов.

Железо в старину выплавляли в Припамирье только в Рушане. К кузнецу, его орудиям и месту его работы припамирцы относились с почтением. Кузнец почитался больше, чем грамотный человек, а кузница — наравне с мазаром; в местах, где не было мазара, кузница была местом общественных трапез, жертвоприношений. К некоторым металлическим предметам (например, к котлу) относились как к священным. В Припамирье, как и у таджиков, в оплате труда кузнеца частично оставались пережитки первобытнообщинного строя (см. стр. 542).

Гончарство было распространено в Вахане, Ишкашиме, Шугнане, Хуфе и некоторых селениях Бартанга — везде, где имелись залежи пригодной глины. Как и у горных таджиков, глиняные сосуды лепили женщины без гончарного круга, накладывая один на другой валики глины. В Хуфе на некоторые сосуды наносили рельефный орнамент антропоморфного характера. Здесь долго сохранялись пережитки очень древних представлений о разделении сосудов на сосуды мужского и женского рода.

[1] У таджиков в Дарвазе козью шерсть пряли главным образом пастухи, но там веретено употребляли несколько иной формы и процесс прядения был несколько отличным.

Деревянная долбленая посуда выделывалась везде, где имелся подходящий древесный материал. Характерной припамирской формой деревянной посуды были выдолбленные корыта, сходные с русскими. Они бывали разного размера и назначения: для стирки белья, поения скота, мытья головы, для молочного хозяйства. Особенно распространена была деревянная посуда в Шугнане. Кое-где в преданиях сохранились воспоминания о древнем способе варки пищи в деревянном (Бартанг) или кожаном (Язгулем) сосуде с водой, в которые опускали раскаленные камни.

В некоторых районах население занималось добычей золота. Часть золота шла на уплату налога Ага-хану (см. стр. 663), а часть скупалась или обменивалась купцами на различные товары, в частности на опиум.

Торговля в Припамирье велась в прошлом преимущественно разъездными торговцами; при этом осуществлялся чаще всего непосредственный натуральный обмен сельскохозяйственной продукции — скота, шерсти, шерстяных тканей и др. — на привозимые товары — хлопчатобумажные ткани, металлические изделия, оружие, чай, опиум, а также некоторые предметы домашней утвари, обувь и одежду. Наряду с торговлей привозными товарами, имевшей, впрочем, довольно ограниченные размеры, существовал постоянный обмен продуктами между отдельными селениями и районами.

Социалистические преобразования хозяйства в Припамирье шли в основном теми же путями, что и в горном Таджикистане, но проведение их здесь было связано с большими трудностями. Одной из самых сложных задач было превращение Горно-Бадахшанской автономной области из области, потребляющей сельскохозяйственные продукты, в область, производящую их в количестве, обеспечивающем потребности населения, без завоза их из сопредельных районов и республик.

Припамирье было страной классического малоземелья, где менее 1% площади было пригодно к обработке. В 1925 г. здесь имелось всего 3300 га поливных земель и 100 га посевов под дождь. До 1922 г. около 80% пахотной земли продолжало оставаться в руках немногочисленной бывшей феодальной знати — чиновников, баев, ишанов и только около 20% — во владении крестьянской массы, составлявшей 75% всего населения. Суровые природные условия, низкий уровен производительных сил, нищета населения, сопротивление, оказываемое всем мероприятиям Советской власти со стороны бывших феодалов и духовенства, громадное влияние исмаилитских ишанов и халифа на своих мюридов — все это очень затрудняло социалистическое преобразование. Первые колхозы, доказавшие преимущества обобществленного хозяйства, появились только в 1934 г. В 1938 г. колхозы объединяли уже 85% всех крестьянских хозяйств, владевших 95% пахотных земель. Первым и самым важным следствием коллективизации был переход от обработки мелких и разобщенных чересполосицей индивидуальных полей к обработке больших площадей на основе единого хозяйственного плана. После окончания гражданской войны развернулось строительство новых каналов, в связи с чем ежегодно возрастает посевная площадь.

Для повышения урожайности осуществляется большой комплекс агрикультурных мероприятий. Всюду введена предпосевная, а во многих местах и озимая вспашка, обязательное пропалывание посевов; широко практикуются озимые посевы, обеспечивающие более верный и высокий урожай и сокращающие вегетационный период. Благодаря этому граница высевания пшеницы поднялась в горах значительно выше, а в более теплой долине Пянджа стало возможным после уборки урожая производить на том же участке второй посев; высевают обычно культуры с коротким вегетационным периодом (ячмень) и получают таким образом около 6 ц дополнительного урожая с гектара. Применяется очистка семян, вводятся посевы сортовых семян. С 1936 г. в Ишкашиме работает селекционная

станция, во многих колхозах созданы семенные участки. В результате средний урожай зерновых, составлявший в 1925 г., как и в дореволюционное время, около 3 ц с гектара, уже в 1958 г. увеличился до 14,7 ц, а в отдельных колхозах (Шугнан) до 40 ц и выше.

Производится замена низкоурожайных культур высокоурожайными, например, ячмень заменяют бобовыми и кукурузой; кукуруза в небольших количествах высевалась и до революции, но сейчас посевы ее значительно возросли. Теперь ее высевают не только для получения початков, но и для заготовки зеленой массы на силос. Вводятся новые культуры: капуста, помидоры и, главное, картофель, который начали выращивать в Припамирье только с 1934 г. В том году под картофель было отведено всего 14 га и урожай с гектара составил 45 ц. Картофель получил быстрое распространение. В настоящее время в Припамирье собирают по 180 ц картофеля с гектара. Проводится освоение альпийской и субальпийской зоны под морозоустойчивые сорта сельскохозяйственных культур. В верховьях р. Шах-Дары в колхозе «Большевик» на высоте 3550 м над уровнем моря за последние годы производятся с хорошими результатами посадки картофеля, сев ячменя и пшеницы.

Имеются достижения и в области механизации сельского хозяйства. Первый трактор был доставлен на Памир в 1926 г. в разобранном виде на верблюдах. В настоящее время в тех селениях, где позволяет рельеф, на пахоте и силосовании применяются плуги и тракторы, широко используется современный мелкий сельскохозяйственный инвентарь.

Помимо отсутствия специальных сельскохозяйственных машин, приспособленных к работе в горных условиях, широкой механизации препятствует также дробность поливных участков.

Первые годы после революции были годами резкого снижения поголовья скота. Большая часть скота находилась в руках баев, бывших чиновников и духовенства, которые угоняли его за границу или убивали. В результате этого поголовье скота снизилось почти вдвое, и колхозы должны были приложить много усилий для его восстановления. Ряд мероприятий, осуществленных для поднятия животноводства в Припамирье, как и в других республиках Союза, дал значительный эффект, и уже к 1938 г. поголовье всех видов скота выросло здесь в сравнении с 1925 г. в четыре с лишним раза, а к 1958 г.— более чем в 7 раз. В настоящее время в каждом колхозе есть фермы крупного и мелкого рогатого скота, молочные фермы, в некоторых колхозах свиноводческие, а также фермы транспортных животных. Проводится ряд мероприятий по улучшению пород скота и ветеринарному обслуживанию колхозов. В каждом колхозе функционируют агрозоотехнические курсы для колхозников. Правильный уход за скотом, обеспечение его кормами на зиму (в добавление к старым видам фуража, теперь высевают кукурузу, кормовые овощи, заготовляют силос) значительно повысили продуктивность животноводства. В колхозах имеются птицеводческие фермы (в Рушане, помимо кур, разводят также горных индеек).

Из новых отраслей сельского хозяйства большое значение имеет шелководство. Основа его была заложена в 1928 г., когда в Припамирье были привезены и розданы крестьянам бесплатно первые 250 коробок грены. Тогда же был заложен первый тутовый питомник. Припамирские таджики овладели мастерством получения высоких урожаев коконов (до 80—100 кг с коробки грены).

Самая новая отрасль хозяйства — пчеловодство. Оно начало развиваться в Припамирье лишь с 1956 г. В 1958 г. в 26 колхозах имелось уже 400 ульев, причем в Шугнане в колхозе им. Карла Маркса пчеловоды получили по 53 кг меда с улья.

Припамирские колхозы достигли значительных успехов в развитии сельского хозяйства. С первого же года работы Всесоюзной сельскохозяй-

Очистка колхозниками семян на триере. Шугнанский район, Горно-Бадахшанская автономная область

ственной выставки в Москве припамирские колхозы экспонируют свои достижения в павильоне Таджикской ССР. Число колхозов и передовиков сельского хозяйства — участников ВДНХ с каждым годом увеличивается. Многим колхозам и отдельным колхозникам были присуждены медали и дипломы выставки. За выдающиеся успехи в сельском хозяйстве сотни колхозников Горно-Бадахшанской автономной области награждены орденами и медалями Союза ССР и почетными грамотами Верховного Совета Таджикской ССР.

Только в советское время появились первые рабочие из среды припамирских таджиков. Припамирцы участвуют в широко развернувшемся в Горно-Бадахшанской автономной области дорожном и ирригационном строительстве, работают в качестве строительных рабочих и на автотранспорте, на золотых приисках, на разработках месторождений различных полезных ископаемых, в Хорогском промкомбинате, в котором производятся предметы широкого потребления.

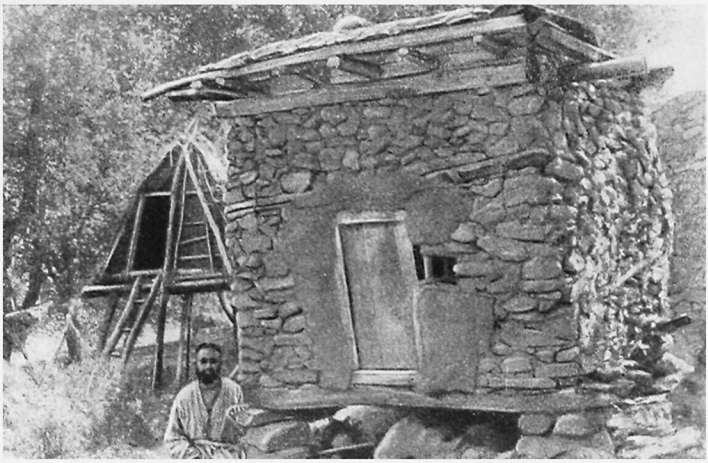
После революции в Хороге, в районных и сельских населенных пунктах открылись государственные магазины, через которые в кишлаки Припамирья широким потоком хлынули продукты и промышленные товары.

Средства сообщения и способы передвижения

Сильнейшим тормозом для экономического развития края являлись крайне ограниченные средства сообщения. Для связи с внешним миром и внутри — между отдельными долинами и местностями еще в недавнем прошлом служили вьючные и пешеходные тропы. Эти обычно узкие тропы шли по крутым, часто отвесным берегам горных рек. Во многих местах их прерывали особого рода карнизы — овринги. Жители Припамирья славятся, как неутомимые и искусные пешеходы по горным тропам и перевалам.

Ездовыми животными были лошади и ослы, вьючными, где это позволяли тропы,— ослы.

После революции прежние труднопроходимые и опасные для жизни тропы и овринги заменили автомобильные шоссейные и значительно улучшенные вьючные дороги. Большое значение для развития народного



Традиционные постройки — кладовая на камнях и шалаш на жердях для сна летом. Ванч

хозяйства Горно-Бадахшанской автономной области имеет шоссе Ош—Хорог протяжением в 730 км. В 1934 г. на Памире впервые появился автомобиль, а сейчас в перевозке грузов ведущая роль принадлежит автотранспорту. В последнее время растет народное движение за полную ликвидацию бездорожья. В 1938 г. колхозники с помощью государства построили автомобильные дороги Хорог—Рушан и Тузкуль—Вахан (последняя длиною в 215 км). В 1940 г. закончено строительство большого Памирского тракта, соединяющего Хорог со столицей республики — Душанбе. Первый самолет прилетел в Хорог в 1929 г., а в настоящее время совершаются регулярные рейсы самолетов гражданского воздушного флота между Хорогом и Душанбе, Хорогом и Ишкашимом. Авиалиния Душанбе—Хорог имеет исключительное значение для Горно-Бадахшанской автономной области. Самолеты перевозят почту, литературу, газеты, учебники для школ и другие грузы, а также многочисленных пассажиров.

Селения и жилища

Селения у припамирских таджиков расположены обычно в долинах рек, а в некоторых местах из-за недостатка пахотной земли — на крутых каменистых склонах. В прошлом преобладали мелкие поселения хуторского типа. Почти в половине всех населенных пунктов припамирцев насчитывалось до десяти дворов на одно селение. Хуторской тип поселения преобладал в Вахане и Ишкашиме, где сохранялась патриархальная семья. В Шугнане и Рушане более половины населения проживало в селениях, насчитывавших менее 50 дворов. Наиболее крупными, насчитывающими до 100 дворов, были селения Поршнив (Шугнан) и Барушан (Рушан). Большие селения делились на кварталы. Селения с кварталами растягивались в долине на большое расстояние, иногда до 1—2 км; каждый квартал имел свое название.

В Шугнане, Рушане, по побережью Пянджа, в низовьях рек Гунта и Бартанга жилища окружают сады из абрикосовых и тутовых деревьев, тополя и другие деревья, дающие тень. В высокогорьях древесных насаждений в селениях почти нет. В большей части селений, особенно малых, дворы не огораживаются.

Старик-язгулемец в повседневной одежде

Жилище припамирских таджиков во всех районах их расселения однотипно. Оно сходно с описанным выше жилищем дарвазских таджиков (см. стр. 596) и имеет лишь некоторые вариации в зависимости от климатических и топографических условий и применяемого строительного материала. Классовые различия среди населения в прошлом отражались в размерах постройки, в количестве жилых и разнообразии хозяйственных помещений, в величине прилегающего двора и сада.

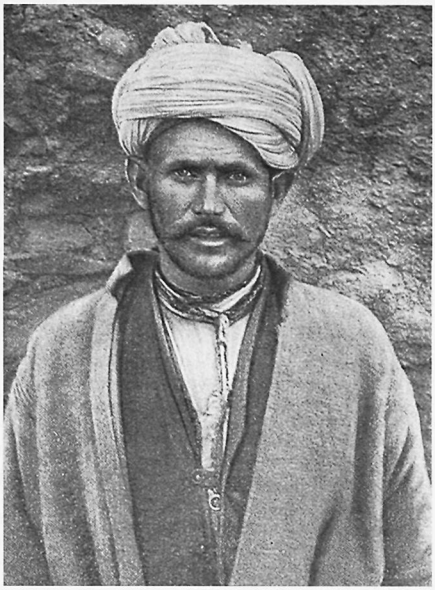
Для жилища старого типа характерными были деревянный ступенчатый потолок в виде свода и высокие нары, окружающие небольшую площадку пола в середине комнаты. Так же как и у горных и равнинных таджиков, в советское время в жилище припамирских таджиков произошли значительные изменения. При постройке домов старого типа нары стали делать ниже, а потолок выше, что вместе с устройством окон и изменением отопления сильно изменило весь облик жилища. Жилища нового типа у припамирских таджиков ничем не отличаются от описанных выше новых домов таджиков (см. стр. 598). Летом все население Припамирья живет на открытом воздухе. В Шугнане в садах среди деревьев строят глинобитные площадки, окруженные с трех сторон стенкой, от 0,5 до 1,5 м высотой, без крыши; их аккуратно оштукатуривают глиной, иногда цветной, отчего они выглядят очень живописными. Во многих местах для спасения от комаров спят на высоких помостах из жердей или у берега реки.

Одежда

Главным материалом для одежды у припамирцев до революции служило домотканное сукно и в небольшой степени привозная хлопчатобумажная ткань карбос. Фабричные ткани, а для женской одежды белый шелк употребляли только наиболее богатые.

Мужской костюм состоял из шерстяной или бумажной рубахи — *курта яктаги* или *яктайе* (последняя со стоячим воротником и вертикальным разрезом, немного сдвинутым к плечу), штанов — *тамбун* и надеваемого поверх них шерстяного халата — *гилим*. Халат был главной принадлежностью мужского костюма, а у бедняков нередко и единственной. Молодые люди иногда носили поверх рубахи на афганский манер жилетку-безрукавку — *воскат* (таков был, в частности, костюм жениха в Вахане и Шугнане). В Вахане и Ишкашиме воскат носили и пожилые мужчины. Поверх гилима повязывали пояс *миенд*, представлявший собой длинную полоску ткани.

Головной убор составляла тюбетейка — *токӣ*, *токай*, в старину высокая бадахшанская — *тавилбегӣ*, иногда обматываемая два-три раза шерстяной чалмой (у духовенства кисейной или из пуха горных козлов). В старину были очень распространены сшитые из сукна или вязаные шапочки — *пакол* — в виде надеваемого на голову мешочка, края которого вывертывались наружу. На ноги поверх вязаных узорных шерстяных чулок надевали мягкие сапоги в виде кожаного чулка — *пех*. Почти везде, кроме Вахана и Ишкашима, зимой на пех надевали деревянные калоши. В некоторых местах припамирцы носили также деревянные сандалии—*палинг*, *попух* (типа римских), прикрепляемые к ноге ремешком, проходящим между большим и вторым пальцем ноги.



Таджик из Шугнана

Женская одежда состояла из шерстяной рубахи-платья— *гилимин курта* или, реже, бумажной — *курта*, туникообразного покроя, с вертикальным разрезом на груди, и с очень длинными и узкими у кисти рукавами, собиравшимися в многочисленные сборки. В 20—25 см от конца на рукаве делали поперечный разрез — *ҳуроб* — большего размера, чем отверстие на конце рукава. При выполнении домашних работ в эти отверстия просовывали руки и рукава вместе с подвернутой их нижней частью засучивали. Поверх бумажной рубахи курта носили шерстяной халат, также туникообразного покроя. По краям халат оторачивали черной тесьмой. Женские шаровары делали гораздо длиннее мужских штанов, на концах они были очень узкими, отчего над ступней собирались в складки.

Головным убором у женщин служило покрывало-платок, набрасываемый на голову и спину, поверх которого повязывали узкую налобную вышитую полоску. Старые женщины иногда носили шерстяные шапочки паколь. Тюбетейки в прошлом женщины носили только в Вахане и Ишкашиме. Женская обувь не отличалась от мужской; летом женщины часто ходили босыми.

Следует отметить, что перечисленной одежды полностью не было почти ни у кого. Народ был настолько беден, что нередко в семье на десяток человек имелось всего два-три комплекта одежды. Дети очень часто бегали совсем голыми или в одном стареньком халатике. У женщин теплой верхней одежды вообще не было.

Из украшений женщины носили сделанные из рогов животных или из металла кольца, широкие, большей частью медные браслеты, серьги с подвесками, ожерелья из разноцветных бусин. В настоящие косы вплетали искусственные, сделанные из шерстяных ниток, с кистями на концах. Девушки и молодые женщины вплетали искусственные красные косы,

спуская их на грудь, а женщины после рождения двух-трех детей — черные, откинутые на спину.

После революции в костюме припамирцев постепенно происходят изменения. Больше всего изменился мужской костюм, особенно среди служащих в районных центрах и представителей колхозного актива. Женский костюм меняется медленнее, но очень радикально. Вместо старых гилимов стали носить платья с отрезной талией, имеющие рукава с узкими манжетами, обшитыми темным кантом, стоячий, облегающий шею воротник, тоже обшитый кантом, разрез с приполком, складки на груди (Рушан) и под мышками (Ишкашим). Такие же манжеты и воротники делают сейчас и у мужских рубах, сшитых из бумажной ткани. В Хороге и районных центрах женщины часто носят шелковые платья на кокетке, такие же, как и равнинные таджички.

В настоящее время наиболее распространенным головным убором мужчин и молодых женщины служит тюбетейка нового покроя, невысокая, с вертикально стоящим околышем и почти плоским верхом, надеваемая не глубоко на голову, как в старину, а так, чтобы видны были волосы; многие мужчины имеют городские прически. В Вахане, Шугнане и Рушане тюбетейки часто вышивают. Тюбетейки обычно делают из красной ткани, выстрачивая на швейной машине узоры.

Пища

Основные продукты питания население получало в прошлом главным образом от занятия земледелием и скотоводством. Недостаток земли, низкая урожайность, многочисленные налоги и поборы — все это служило причиной того, что даже в более обеспеченных землей районах, например в Вахане, хлеба не хватало на весь год, и последние два-три месяца перед новым урожаем население вынуждено было обходиться без него.

Обычной едой бедняков была лапша из гороховой муки, часто смешанной с ячменной, ржаной или еще какой-нибудь мукой, и ячменные или просяные лепешки. Пшеничные лепешки употреблялись в пищу в очень ограниченном количестве. Многие семьи нередко вынуждены были ограничиваться приготовлением похлебки из нескольких горстей гороховой или ячменной муки. Такие похлебки и лапшу чаще всего заправляли разведенным в воде сушеным сыром, заготовленным впрок на летовках. Масло, сбиваемое из кислого молока, имелось в таком ограниченном количестве, что употреблялось как большое лакомство — на праздники или в случаях какого-либо семейного торжества. Мясная пища также была недоступна большей части населения и употреблялась в исключительных случаях: во время праздников или во время каких-либо больших семейных событий — свадьбы, обрезания и т. п. Почти единственным способом приготовления мяса было отваривание его в соленой воде, без всяких приправ. Суп подавался с накрошенными в него лепешками, а мясо потом отдельно.

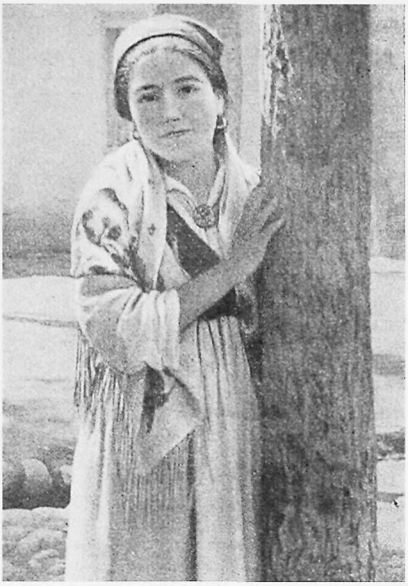
Собственной соли в Припамирье не было, а привозная бадахшанская была настолько дорога, что в таких бедных долинах, как Бартанг, население обычно готовило пищу без соли.

Чай тоже был недоступен большинству населения и употреблялся только наиболее состоятельными. Как раньше, так и теперь чай пьют, прокипятив его и добавив в него молока и соли, а иногда — сливок или масла. Питание припамирцев сейчас стало значительно разнообразнее, большое место в нем занимают продукты, покупаемые в магазинах.

Семья

В настоящее время у припамирцев основной формой семьи является моногамная семья, состоящая из мужа, жены и детей. До революции бытовала и большая патриархальная семья, в наиболее характерных своих формах в Вахане, где, как и у таджиков долины Ванча, семьи в несколько десятков человек были обычным явлением, а в сел. Вранг в 1902 г. жила семья, состоявшая из 116 человек.

Большие семьи встречались в Вахане еще в середине 1930-х годов. В других долинах таких больших семей не было, но и там часто встречались семьи, где женатые сыновья продолжали жить с отцом и делились только после его смерти, а иногда братья и после этого продолжали жить вместе. Организация быта в больших семьях была в основном такая же, как и у таджиков (см. стр. 612). Семья жила в одном большом доме, владела общей неделимой собственностью: земельными участками и угодьями, рабочим скотом, сельскохозяйственным инвентарем. Отдельные большие неразделенные семьи встречаются и до последнего времени. Однако уклад их сильно отличается от старых больших семей. Каждая брачная пара имеет свое отдельное помещение. Колхозный труд, школа заполнили жизнь новым содержанием, внесли большие изменения во взаимоотношения между членами семьи. Неизмененной осталась общая организация хозяйственного быта, забота старшего о всех членах семьи.



Девушка-ишкашимка, студентка педагогического училища

Своеобразными чертами отличалось до революции и наследственное право припамирских таджиков. Земля обычно переходила от отца к сыновьям. Дочери (если в семье были сыновья) земли не получали; они получали только свою долю скота. Между сыновьями одной матери земля распределялась поровну. Если умерший имел потомство от двух или нескольких жен, то земля делилась прежде всего поровну на столько частей, сколько умерший имел жен, оставивших потомство, а затем каждая доля распределялась между потомками одной жены. Если у одной из жен сыновей не было, а была только дочь, то такая дочь — единственная наследница — получала всю землю, приходящуюся на одну долю наследства. Такая дочь, наследница земли, называлась особым термином — *духтари сулб* (родная, законная дочь). Обычно принимались самые энергичные меры к тому, чтобы она вышла замуж за одного из своих агнатных родственников (т. е. родственников со стороны отца) и чтобы полученная в наследство земля не ушла в чужой род. Если сыновей было несколько, то жилой дом, по действовавшему в наследственном праве припамирцев обычаю минората, получал младший сын. Это компенсировалось другим братьям большей долей какого-либо другого имущества.

До революции в условия суровой бытовой обстановки, в связи с ранними браками, частыми беременностями, при которых не было возможности питаться сколько-нибудь удовлетворительно, а нередко приходилось голодать, с тяжелыми переживаниями, связанными со смертью детей (почти не было матерей, не знавших этого горя), женщины быстро старились, теряя здоровье и красоту.

В настоящее время неизмеримо выросла материальная обеспеченность и обогатилась духовная жизнь припамирцев.

Женщина в семье припамирцев пользуется сейчас всеми правами и участвует в общественном труде, в общественной жизни. Процесс раскрепощения женщины проходил в Припамирье легче, чем в некоторых других горных районах и особенно на равнинах. В Припамирье женщины и до революции не закрывались от мужчин, свободно общались с ними, принимали участие в общественных празднествах, увеселениях, обрядах, обычно находясь в одном помещении с мужчинами, хотя и держались отдельной группой, занимая одно из отделений нар (нары с очагом). Однако перемены, происшедшие в положении женщины у припамирцев, не менее значительны, чем, например, у равнинных и горных таджиков. Несмотря на отсутствие затворничества, браки до революции обычно заключались не по склонности вступающих в брак, а по выбору родителей. В случае неудачного брака развод по инициативе мужа осуществлялся легко. Женщине же добиться развода было очень трудно; развод по ее инициативе обусловливался оставлением мужу всего приданого, в том числе скота, и вдобавок внесением крупного выкупа (например, двух волов и лошади). Дети в таких случаях всегда оставались в доме мужа. Невозможность уйти от нелюбимого мужа нередко бывала причиной самоубийства женщины.

В настоящее время большинство браков заключается по склонности молодых людей друг к другу. Совместный труд в колхозах способствует сближению и дает возможность лучше узнать друг друга до брака.

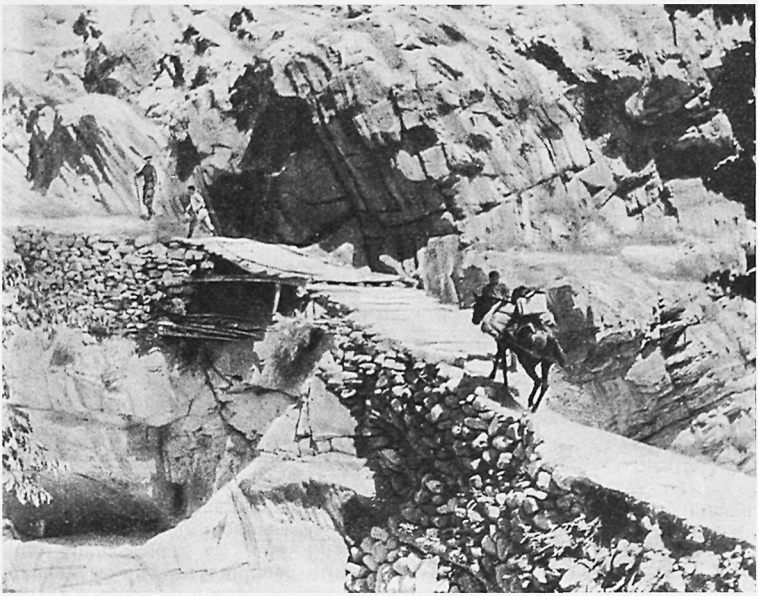
В отношении расторжения брака женщина по закону имеет те же права, что и мужчина. При этом она в своем решении не связана в такой степени, как прежде, боязнью расстаться с детьми, так как ее материнские права охраняются законом; хотя в ряде случаев и сейчас при уходе женщины по той или иной причине из дома мужа дети, за исключением совсем маленьких, остаются с ним.

Многоженство, хотя и считалось дозволенным (как у всех мусульман) по религиозным нормам, не было распространено в Припамирье. По две и более жены имели только ишаны и крупные баи.

Как и у горных и равнинных таджиков, у припамирских таджиков браки между родственниками, чаще всего между двоюродными братьями и сестрами, считались богоугодными, радующими общих предков мужа и жены; таких браков было много. Родители иногда устраивали браки между малолетними детьми, даже между младенцами; считалось, что эти браки предохраняют детей от преждевременной смерти; такой брак имел целью обмануть злых духов, убедить их в том, что это не дети, а уже взрослые, поскольку они вступили в брак.

В свадебных обрядах у припамирцев сильнее, чем у других таджиков, сохранились пережитки авункулата: дядя по матери получал значительную часть вена, внесенного за девушку в качестве платы за молоко, которым она была вскормлена (в Язгулеме, например, он получал лошадь). Более близкие отношения с дядей по матери, чем с дядей по отцу, нашли отражение во многих старых пословицах и поговорках («Там, где есть дядя по матери, нет нужды в дяде по отцу»).

Интересны пережитки древних обычаев и форм в семейном быту у припамирцев. Так, в Язгулеме сохранились воспоминания об обязательной выдаче замуж овдовевшей женщины, способной к деторождению, через три дня после смерти мужа. Осмыслялся этот обычай как необходимость увеличения рождений («нужны люди»). В Язгулеме, Шугнане и Рушане вдова первые три ночи после смерти мужа совершала обрядовый траурный танец с оплакиванием, как это принято было и у таджиков-исмаилитов Дарваза. Местами сохранились намеки на следы былой полиандрии (претензии братьев на жену одного из них). По-видимому, пережитком древ-



Мост через р. Язгулем близ кишлака Матраун

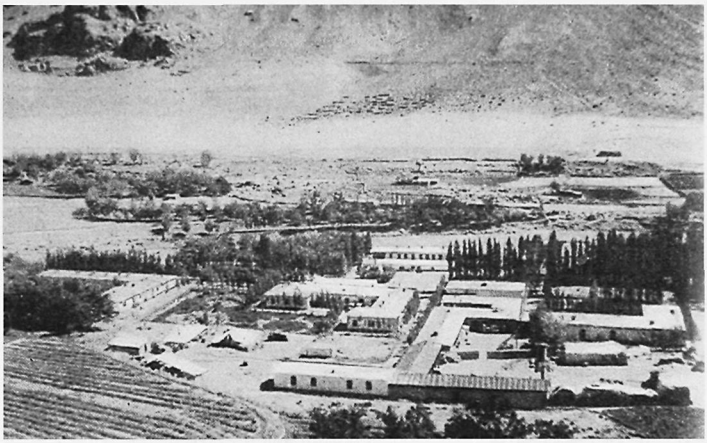
них семейных отношений может считаться и относительная свобода нравов. Супружеская измена не сопровождалась здесь обычно ни убийством жены и ее любовника, ни даже разводом. Муж имел право избить застигнутого на месте любовника жены, тот же не имел права защищаться. Муж, чтобы опозорить любовника жены, старался сорвать с него верхнюю одежду, изрубить ее топором и сжечь.

Следует отметить также наличие в прошлом у припамирцев старой, мало дифференцированной, классификационной терминологии родства, сохранявшейся у ваханцев, ишкаши щев и особенно отчетливо у язгулемцев. В то время как все таджики для обозначения теток и дядей по отцу и матери употребляют четыре различных термина, язгулемцы до сих пор употребляют для обозначения всех четырех категорий родственников один общий термин — *вац*[1]. Один общий термин — *паташ* — употребляют припамирцы для обозначения двоюродных сестер и братьев как со стороны отца, так и со стороны матери; один общий термин — *хир* — для обозначения всех племянников.

Здравоохранение

Тяжелые бытовые условия приводили в прошлом к распространению различных социальных болезней и эпидемий: желудочных заболеваний, брюшного тифа, проказы, сифилиса (Рушан), трахомы. Смертность среди населения была очень большой, особенно среди грудных и малолетних детей и среди женщин. В Язгулеме и Рушане была распространена Базедова болезнь (зоб). Никаких средств борьбы с ней население не знало.

[1] В языках шугнано-рушанской группы, ваханском и ишкашимском известно бытование в прошлом соответственно двух терминов — одного для обозначения дядей, другого для обозначения теток.



Вид города Хорога

К социальным болезням следует отнести распространенное в прошлом среди верхнепянджских таджиков как мужчин, так и женщин, употребление наркотиков, в частности курение опиума, особенно процветавшего во время афганского владычества. Курение опиума, разрушительно действовавшее на организм человека, приводившее к снижению работоспособности и даже к полной ее потере, было подлинным бичом населения Памира. Опиум покупали или выменивали у торговцев. Систематическое курение его приводило многие крестьянские хозяйства к полному разорению.

Квалифицированная врачебная помощь и профилактика до прихода русских совершенно отсутствовала. Русские власти на Памире открыли первый медицинский пункт в Хороге. В случаях эпидемии в отдаленных пунктах туда посылали фельдшера.

После революции в Горно-Бадахшанской автономной области началась энергичная работа по внедрению достижений современной медицины. В настоящее время в области имеются десятки сельских врачебных участков, ряд больниц с необходимым оборудованием. В Хороге работает поликлиника с восемью специализированными кабинетами. В Хороге и Рушане оборудованы рентгеноустановки. Фельдшерские пункты имеются во всех, даже самых отдаленных кишлаках. Имеются уже врачи из среды припамирских таджиков. В Хороге открыто медицинское училище, готовящее для области квалифицированные кадры медицинских работников.

Народное творчество

Народное творчество припамирских таджиков богато по содержанию и разнообразно по форме. Особенно развито устное поэтическое творчество: сказки, легенды, пословицы, поговорки. Большое распространение имеют различные виды песен — *лалаик*, *дудувик*, *даргилмодик*. За последние десятилетия большое распространение в Шугнане получил новый вид шутливой любовной песенки — *журни*.

Припамирские таджики любят музыку, песни, танцы. Песни и танцы припамирцев очень разнообразны; их исполняют обычно под аккомпанемент описанных выше (см. стр. 648) музыкальных инструментов. Особенно ха-

рактерны и очень талантливо исполняются танцы-пантомимы, изображающие повадки животных, а также разные комические танцы-пьески (*бобопирак*, *бопирак*). Любимыми массовыми развлечениями являлись также борьба, игра в поло, козлодрание, бег взапуски, стрельба в цель из лука, метание камня из пращи. В поло играли всегда группой в 20—40 человек, если позволяло место, то верхом на лошадях. Игроки делились на две партии. Каждая из партий при помощи длинных деревянных клюшек старалась отбить от своих противников небольшой деревянный мяч. Проигравшие устраивали в пользу выигравших какое-нибудь угощение.

Женским развлечением была игра на бубне, в некоторых районах — танцы. В настоящее время женщины играют на многих инструментах; большой известностью пользуется ансамбль рубабисток. Очень распространенной женской игрой является игра в мяч, сделанный из шерстяных ниток.

Припамирские таджики достигли большого искусства в изготовлении различных предметов домашнего быта. Широкую известность далеко за пределами Припамирья получили вязаные узорные чулки и другие изделия женщин из цветных ниток. За последние десятилетия в Вахане, Шугнане и Рушане развилось искусство вышивания тюбетеек. Широко распространены деревянные предметы домашнего обихода (сундуки, подсвечники и т. п.), украшенные резным орнаментом преимущественно геометрического характера.

Расцвет национальной по форме, социалистической по содержанию культуры припамирских таджиков ярко выражен в современном народном творчестве.

Помимо старых народных певцов, сказителей, музыкантов, в настоящее время выявляются все новые молодые таланты. Большую роль в развитии современного творчества играют имеющиеся во всех районах клубы и самодеятельные кружки при них. Особой популярностью в области пользуется кружок при клубе в сел. Рушан, организованный местным комсомольцем Бандишаевым. Этот кружок широко использует в своих выступлениях местный фольклор, переводит и записывает на ноты песни, прослушанные по радио. Сам Бандишаев усовершенствовал национальный музыкальный инструмент рубоб, придав ему форму европейской гитары и добившись хорошего звучания.

С 1936 г. работает в Хороге национальный государственный театр, возникший на базе местного самодеятельного кружка. Сейчас в нем играют артисты, получившие образование в Театральном училище им. Щепкина в Москве и в Театральном институте в Ташкенте.

Большая роль в культурном строительстве принадлежит кино. В Хороге, Рушане, Ишкашиме и других местах имеются звуковые кинотеатры; население отдаленных от Хорога селений и колхозов обслуживают кинопередвижки.

Народное образование

До революции грамотными среди припамирских таджиков были очень немногие — главным образом духовные лица и чиновники. В существовавшей в Хороге русско-туземной школе учились лишь дети местных чиновников. Кроме этой школы, было только несколько мактабов.

Развитие народного образования, организация всеобщего обязательного обучения детей школьного возраста и ликвидация неграмотности среди взрослых явились центральными задачами культурного строительства в Горно-Бадахшанской автономной области. В настоящее время все дети, в том числе и девочки, учатся. Во всех кишлаках имеются семилетние и десятилетние школы.

Тяга к образованию у припамирцев очень велика. Почти в каждом кишлаке есть семьи, в которых кто-нибудь из молодежи учится в высших учебных заведениях Душанбе, Ленинабада, Самарканда и других городов.

Припамирцы составляют значительный отряд таджикской интеллигенции. Среди них имеются выдающиеся писатели и поэты (например, лауреат Государственной премии Миршакар), ученые самых различных специальностей. Среди получивших высшее образование и работающих в различных областях насчитывается немало женщин — припамирских таджичек — биологов, медиков, филологов, историков.

В Хороге выходит газета на таджикском языке — «Бадахшон-и-совети» («Советский Бадахшан»); имеется историко-краеведческий музей. Немного выше Хорога, у впадения р. Шах-дары в Гунт, находится Ботанический сад.

Историческое и международное значение достижений социалистического строительства на Памире, расположенном на стыке границ СССР, Китая, Индии и Афганистана, чрезвычайно велико.

Из экономически и культурно отсталой колонии российского империализма верхнепянджские страны превратились в форпост великой страны социализма на Востоке. Громадная по своей значимости работа, проделанная советскими и партийными органами в этом отдаленном уголке нашей Родины, позволила народам, населяющим суровые долины Западного Памира, сделать гигантский скачок в историческом развитии.

Сейчас припамирские народы вместе со всеми народами Советского Союза перешли к развернутому строительству коммунистического общества.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Маркс К. Британское владычество в Индии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, стр. 130—136.

Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, стр. 224—230.

Маркс К. Письмо Энгельсу 2 июня 1853 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXI, стр. 487—491.

Маркс К. Конспект книги Люиса Г. Моргана «Древнее общество». Архив Маркса-Энгельса, т. IX, стр. 1—192.

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Госполитиздат, М., 1940.

Маркс К. *Черновые наброски письма Маркса—В. И. Засулич, 8 марта 1881 г.* К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, стр. 677—697.

Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 3—40.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 343—437.

Энгельс Ф. Письмо Марксу 6 июня 1853 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXI, стр. 491—496.

Энгельс Ф. Продвижение России в Средней Азии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 614—619.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 23—178.

Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. Сочинения, т. 13, стр. 195—396.

Ленин В. И. II конгресс Коммунистического Интернационала 19 июля — 7 августа 1920 г. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля. Сочинения, т. 31, стр. 215—220.

Ленин В. И. Декларация прав народов России. Сборник документов «Декреты Советской власти». Госполитиздат, М., 1957, т. 1, стр. 39—41.

Ленин В. И. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Сочинения, т. 26, стр. 385—387.

Ленин В. И. Декрет об ассигновании 50 миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ. 17 мая 1918 г. В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1960, стр. 387—392.

Ленин В. И. Декрет Совета Народных Комиссаров о восстановлении хлопковой культуры в Туркестанской и Азербайджанской советских социалистических республиках 2 ноября 1920 г. В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане, Ташкент, 1960, стр. 532—534.

Ленин В. И. Декрет Совета Народных Комиссаров о мерах к восстановлению хлопководства в Туркестанской и Азербайджанской социалистических советских республиках 27 ноября 1920 г. В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане, Ташкент, 1960, стр. 535—536.

Ленин В. И. Декрет Совета Народных Комиссаров об учреждении Туркестанского государственного Университета 7 сентября 1920 г. В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане, Ташкент, 1960, стр. 525.

Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Сочинения, т. 31, стр. 1—97.

Ленин В. И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. Сочинения, т. 30, стр. 130—141

Ленин В. И. Доклад о революции 1905 года. Сочинения, т. 23, стр. 228—246.
Ленин В. И. Замечания на проекте Туркестанской комиссии. 13 июня 1920 г. Ленинский сборник, т. XXXIV, 1942, стр. 323.
Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении. Сочинения, т. 22, стр. 306—344.
Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации». Сочинения, т. 36, стр. 553—559.
Ленин В. И. Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока. Сборник документов «Декреты Советской власти». т. 1. Госполитиздат. М., 1957, стр. 113—115.
Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. Сочинения, т. 20, стр. 1—34
Ленин В. И. Национальный вопрос в нашей программе.Сочинения, т.6,стр.412—420.
Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. Сочинения, т. 20, стр. 365—424.
Ленин В. И. О продовольственном налоге. Сочинения, т. 32, стр. 308—343.
Ленин В. И. Ответ на вопросы корреспондента американской газеты «New York Evening Journal». Сочинения, т. 30, стр. 340—342.
Ленин В. И. Отсталая Европа и передовая Азия. Сочинения, т. 19, стр. 77—78.
Ленин В. И. Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного комитета и Совета Народных Комиссаров. 8 октября 1919 г. В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане, Ташкент, 1960, стр. 455—456.
Ленин В. И. Постановление Совета Труда и Обороны. 10 мая 1920 г. В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане, Ташкент, 1960, стр. 493.
Ленин В. И. Приветствие Совещанию представительниц женотделов народов Востока советских областей и республик. Сочинения, т. 32, стр. 277.
Ленин В. И. Пробуждение Азии. Сочинения, т. 19, стр. 65—66.
Ленин В. И. Рабочий класс и национальный вопрос. Сочинения, т. 19, стр. 71—72.
Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Сочинения, т. 3, стр. 1—535.
Ленин В. И. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение. Сочинения, т. 21, стр. 371—377.
Ленин В. И. Речь на Первом Всероссийском съезде Военного флота 22 ноября (5 декабря) 1917 г. Сочинения, т. 26, стр. 306—311.
Ленин В. И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение (Тезисы). Сочинения, т. 22, стр. 132—145.
Ленин В. И. Ташкентскому съезду Советов Туркестанского края, Совнаркому Туркестанского края, Ибрагимову и Клевлееву. 22 апреля 1918 г. Сочинения, т. 36, стр. 445.
Ленин В. И. Тезисы по национальному вопросу. Сочинения, т. 19, стр. 213—221.
Ленин В. И. Телеграмма самаркандским коммунистам 27 июня 1921 г. Ленинский сборник, т. XX, стр. 117—118.
Ленин В. И. Товарищам-коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики. Сочинения, т. 32, стр. 295—297.
Ленин В. И. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам (Для Второго съезда Коммунистического Интернационала). Сочинения, т. 31, стр. 122—128.
Ленин В. И. Товарищам коммунистам Туркестана. Сочинения, т. 30, стр. 117.
Ленин В. И. Уроки кризиса. Сочинения, т. 5, стр. 73—77.
Хрущев Н. С. Выступление в общей дискуссии на XV сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 23 октября 1960 г. Хрущев Н. С. О внешней политике Советского Союза, т. 2. Госполитиздат, М., 1961, стр. 285—333.
Хрущев Н. С. Новый этап освоения целины и задачи сельского хозяйства Казахстана. Речь на Совещании передовиков сельского хозяйства Казахской ССР в городе Алма-Ате 21 марта 1961 г. Хрущев Н. С. Повышение благосостояния народа и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов. Сборник речей. Госполитиздат. М., 1961, стр. 458—512.
Хрущев Н. С. Освоение целины — большая победа ленинской политики партии. Речь на совещании передовиков сельского хозяйства Целинного края 14 марта 1961 г. Хрущев Н. С. Повышение благосостояния народа и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов. Сборник речей. Госполитиздат, М., 1961, стр. 399—457.
Хрущев Н. С. Речь на девятой Общегерманской рабочей конференции в Лейпциге 7 марта 1959 г. Хрущев Н. С. Мир без оружия—мир без войн, т. 1. Госполитиздат, М., 1960, стр. 160—189.
XX съезд Коммунистической партии Советского Союза 14—25 февраля 1956 года. Стенографический отчет, т. I—II, М., 1956.
Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. Госполитиздат, М., 1959.
Материалы XXII съезда КПСС. Госполитиздат. М., 1961.
История Советской Конституции. Сборник документов. 1917—1957. М., 1957.
Образование СССР. Сборник документов. 1917—1924. Под ред. Э. Б. Генкиной. М.— Л., АН СССР, 1949.
Резолюция X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе». Сборник «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, изд. 7, 1954, стр. 553—563.

Библиографические указатели

Авшарова М. П. Русская периодическая печать в Туркестане (1870—1917). Библиографический указатель литературы. Ташкент, 1960.

Алекторов А. Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. Казань, 1900.

Амитин-Шапиро З. Л. Аннотированный указатель литературы по истории, археологии и этнографии Киргизии (1750—1917). Фрунзе, 1958.

Амитин-Шапиро З. Л. Краткий библиографический указатель советской литературы по истории, археологии и этнографии Киргизии. «Труды Киргизского гос. пед. ин-та им. Фрунзе», т. II, вып. 2. Фрунзе, 1948.

Бетгер Е. К. Роспись статьям и заметкам по истории и археологии Средней Азии, помещенным в газете «Туркестанские ведомости» за время ее существования (1870—1917 гг.). Сб. «В. В. Бартольду — туркестанские друзья, ученики и почитатели». Ташкент, 1927.

Библиографический указатель (1933—1957 гг.). История Узбекистана. Сост. В. Г. Бек-Назарова. Ташкент, 1960.

Библиографический указатель литературы по Каракалпакии. СОПС АН СССР, сер. каракалпакская, вып. 8, М.— Л., 1935.

Библиография. В кн.: «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I. «Труды Историко-археологического ин-та востоковедения. Материалы по истории народов СССР», вып. 3. Л., 1932.

Библиография книг и статей по археологии, нумизматике и этнографии, изданных Таджикской Базой, Таджикским филиалом АН СССР и АН Таджикской ССР (1934—1956). Составитель А. Е. Павлова. АН Тадж. ССР, 1956.

Библиография Таджикистана, ч. I. Ташкент, 1926.

Бисниек А. Г., Зельдович Н. М. Этнография народов Памира. Список литературы на русском языке. Сб. «Советская этнография», т. III. М.— Л., 1940.

Бисниек А. Г. и Шафрановский К. И. Библиография библиографии Средней Азии. М.— Л., 1936.

Буров Н. А. и Гаррицкий А. А. Краткий библиографический указатель литературы по Туркестану. Ташкент, 1924.

Виткинд Н. Я. Библиография по Средней Азии. Указатель литературы по колониальной политике царизма в Средней Азии. «Труды научно-исследовательской ассоциации при коммунистическом университете трудящихся Востока», вып. IV. М., 1929.

Городецкий В. Д. Библиография Туркестана, т. I. Ташкент, 1913.

Дмитровский Н. В. Библиографический указатель сочинений о Средней Азии, напечатанных в России на русском языке с 1692 г. «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. III. СПб., 1874.

Дриккер Х. Н. Новые книги по гуманитарным наукам в республиках Советского Востока (Библиографические заметки). «Проблемы востоковедения». М., 1960, № 6.

Кисляков Н. А. Издания сектора этнографии Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР (1951—1956) «Советская этнография» 1957, № 1.

Косвен М. О. Указатель библиографических указателей и обзоров литературы по этнографии народов СССР. «Советская этнография», 1947, № 1.

Лунин Б. В. Библиографический, именной и географический указатель к Протоколам и сообщениям Туркестанского кружка любителей археологии (1895—1917). В кн.: «История материальной культуры Узбекистана», вып. I. Ташкент, 1959.

Масальский В. И. Указатель главнейших источников и пособий по Туркестанскому краю. В кн.: «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». Под ред. П. П. Семенова-Тян-Шанского, т. XIX. Туркестанский край. СПб., 1913, стр. 780—803.

Материалы для библиографии по антропологии и этнографии Казахстана и Среднеазиатских республик. Составлены Е. А. Вознесенской и А. Б. Пиотровским. Л., 1927.

Межов В. И. Библиография Азии. Указатель книг и статей об Азии на русском языке и одних только книг на иностранных языках, касающихся отношений России к азиатским государствам, т. 1—3. СПб., 1891—1894.

Межов В. И. Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности. Систематический и азбучный указатели сочинений и статей на русском и иностранном языках к «Туркестанскому сборнику», т. 1—3. СПб., 1878—1888.

Морозова А. С. Библиографический указатель о Кара-Калпакской АССР. «Труды Комплексного научно-исследовательского ин-та КК АССР», секция историческая, разряд библиографии, вып. 1. Турткуль, 1932.

Панков А. В. Библиографический указатель книг и статей по туркестановедению. «Известия Туркестанского отдела РГО», т. X, вып. 1. Ташкент, 1914, стр. 257—279.
Пенкина З. М. 1865—1885. Закаспийский край. Систематический сборник библиографических указаний книг и статей о Закаспийском крае и сопредельных странах. СПб., 1888.
Пономарев А. И. Библиографические материалы на русском языке о каракалпаках. В кн.: «Материалы по истории каракалпаков». «Труды Ин-та востоковедения АН СССР», вып. VII. М.— Л., 1935.
Пульнер И., Добрин Я. Материалы для библиографии Средней Азии (библиографические указатели историко-этнографической литературы и смежных дисциплин). «Советская этнография», 1935, № 6.
Список изданий Оренбургского отдела РГО. Сост. П. А. Воронцовский. «Известия Оренбургского отдела РГО», 23, 1912, Приложение.
Указатель главнейших источников и пособий по Азиатской России. В кн.: «Азиатская Россия», т. 3. СПб., 1914.
Харузин А. Библиографический указатель статей, касающихся этнографии киргизов и кара-киргизов с 1734 по 1891 г. «Этнографическое обозрение», 1891, кн. 9, №2

Общие работы по этническому составу и этнографии населения Средней Азии и Казахстана

Абрамзон С. М. К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXVIII. М., 1958.
Абрамзон С. М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. Сб. «Родовое общество». Материалы и исследования. «Труды Ин-та этнографии АН СССР»,н. с., т. XIV. М., 1951.
Андрианов Б. В. Карта народов Средней Азии и Казахстана (по данным переписи 1926 г.). Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», н. с., т. XLVIII. М.— Л., 1961.
Арандаренко Г. Досуги в Туркестане (1874—1889). СПб., 1889.
Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. «Живая старина», вып. III—IV, СПб., 1896.
Бурдуков Н. Ф. Гончарные изделия Средней Азии. СПб., 1905.
Вамбери А. Путешествие по Средней Азии ... М., 1867. Изд. 2— М., 1874.
Виников Я. Р. Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине. «Среднеазиатский этнографический сборник», II. «Труды Института этнографии АН СССР», н. с., т. XLVII. М., 1959.
Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1869.
Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. I и IV. СПб., 1799.
Гребенкин А. Этнографический очерк Зеравшанского округа. «Туркестанские ведомости», 1871, № 44; 1872, № 45.
Дудин С. М. Ковровые изделия Средней Азии. «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. VII. Л., 1928.
Ефремов Ф. С. Десятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию. СПб., 1786.
Жданко Т. А. Демагогические измышления и историческая правда (По поводу статьи американского историка Ричарда Пайпса «Мусульмане Средней Азии. Тенденции и перспективы»). «Советская этнография», 1958, № 4.
Жданко Т. А. Патриархально-феодальные отношения у полуоседлого населения Средней Азии. Материалы первой всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте 4—11 июля 1957 г. Ташкент, 1958.
Жданко Т. А. Проблема полуоседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана. «Советская этнография», 1961, № 2.
Задыхина К. Л. Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии. Сб. «Родовое общество». Материалы и исследования. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», н. с., т. XIV, М., 1951.
Зарубин И. И. Население Самаркандской области. Его численность, этнографический состав и территориальное распределение. «Труды Комиссии по изучению численного состава населения СССР и сопредельных стран», вып. 10. Л., 1926.
Зарубин И. И. Список народностей Туркестанского края. Л., 1925.
Иногамов Ш. И. Этнический состав населения и этнографическая карта Ферганской долины в границах Узбекской ССР. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1955.
Катанов Н. О погребальных обычаях тюркских племен с древнейших времен до наших дней. «Известия об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», XII, 2. Казань, 1894.
Катанов Н. Этнографический обзор турецко-татарских племен. Казань, 1894.
Кисляков Н. А. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», н. с., т. LXXIV, М. — Л., 1962.

Кисляков Н. А. Пережитки матриархата в брачных обрядах народов Средней Азии. «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XXVIII, 1958.
Лыкошин Н. С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения, вып. 1. Пг., 1916.
Масальский В. И. Туркестанский край. «Россия». Под ред. П. П. Семенова-Тян-Шанского, т. XIX. СПб., 1913.
Маслова О. В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию, ч. I. Ташкент, 1955—1956.
Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», н. с., т. XLVIII. М.— Л., 1961.
Материалы по районированию Средней Азии. Территория и население Бухары и Хорезма, кн. 1, ч. 1. Бухара; кн. 2, ч. 2. Хорезм. Ташкент, 1926.
Мошкова В. Г. Некоторые общие элементы в родоплеменном составе узбеков, каракалпаков и туркмен. «Труды Ин-та истории и археологии АН Уз. ССР», т. 2. Ташкент, 1950.
Наливкин В. П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913.
Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР. М., 1960. (Глава: «Народы Средней Азии и Казахстана»).
Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», н. с., т. XLII. М.— Л., 1959.
Потапов Л. П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. «Вопросы истории». М., 1954, № 6.
Радлов В. В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. Иркутск, 1929.
Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география, т. 6. СПб., 1883.
Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.
Семенов А. А. Ковры русского Туркестана. «Этнографическое обозрение». М., 1911, № 1—2.
Среднеазиатский этнографический сборник, I. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», н. с., т. XXI. М., 1954.
Среднеазиатский этнографический сборник. II. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», н. с., т. XLVII. М., 1959.
Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии. «Среднеазиатский этнографический сборник», вып. 1. «Труды Института этнографии АН СССР», н. с., т. XXI, М., 1954.
Сухарева О. А. К вопросу о культе мусульманских святых в Средней Азии. «Труды Ин-та истории и археологии АН Уз. ССР», т. II. Ташкент, 1950.
СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 апреля 1960 г. М., 1960 (Информационно-статистический отдел Президиума Верховного Совета СССР).
СССР в цифрах в 1960 г. Краткий статистический сборник. М., 1961.
Токарев С. А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958. Глава V. Народы Средней Азии.
Толстов С. П. Религия народов Средней Азии. В кн.: «Религиозные верования народов СССР. Сборник этнографических материалов», т. I. М.— Л., 1931.
Толстов С. П. Очерки первоначального ислама. «Советская этнография», 1932, № 2.
Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. (Экскурс. III. Путь карибантов). М., 1948.
Уровень образования, национальный состав, возрастная структура и размещение населения СССР по республикам, краям и областям по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. М., 1960.
Фелькерзам А. Старинные ковры Средней Азии. «Старые годы», 1914, октябрь — декабрь; 1915, июнь.
Фиельструп Ф. А. Свадебные жилища турецких народностей. Материалы по этнографии. Этнографический отдел Гос. Русского музея, т. III, вып. 1. Л., 1926.
Фиельструп Ф. А. Молочные продукты турков-кочевников. «Казахи». Материалы Комиссии экспедиционных исследований, вып. 12, сер. казахстанская. Л., 1930.
Ханыков Н. В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.
Харузин Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. «Этнографическое обозрение». М., 1896, № 1—2; отд. изд. М., 1896.
Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876.
Хорошхин А. П. Народы Средней Азии (историко-этнографические этюды). «Туркестанские ведомости», 1871, № 9, 10; то же. «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. III. СПб., 1874.
Эйхгорн А. Ф. Полная коллекция музыкальных инструментов народов Центральной Азии. Каталог. СПб., 1885.

ЛИТЕРАТУРА К ОТДЕЛЬНЫМ ГЛАВАМ

Географический очерк Средней Азии и Казахстана

Азиатская Россия, т. 1—3. СПб., 1914.

Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914.

Берг Л. С. Аральское море. Опыт физико-географической монографии. «Известия Туркестанского отделения РГО», т. V, вып. IX. СПб., 1908.

Берг Л. С. Географические зоны Советского Союза. Изд. 3, т. II. М., 1952.

Бугаев В. А. Климат Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1946.

Казахская ССР. Экономико-географическая характеристика. М., 1957.

Казахстан. Общая физико-географическая характеристика. М.—Л., 1950.

Каракалпакия (Сборники). СОПС АН СССР, сер. каракалпакская, вып. 2—5. Л., 1934—1936.

Кесь А. С. Русло Узбой и его генезис. М.— Л., 1937.

Ковалевский Г. В. Проблемы высокогорного земледелия и вертикальные границы культурных растений в СССР. «Природа». М., 1936, № 11.

Корженевский Н. Л. Средняя Азия. Краткий физико-географический очерк. Ташкент, 1941.

Коровин Е. П. Растительность Средней Азии и Южного Казахстана. Москва—Ташкент, 1934.

Маллицкий Н. Г. Учебное пособие по географии Таджикистана, ч. 1, 2. Ташкент-Самарканд, 1929—1930.

Марков К. К. и Шульц С. С. Горы Средней Азии и Южного Казахстана. «Геоморфологическое районирование СССР. Труды комиссии по естественно-историческому районированию СССР», т. II, вып. 1. М.— Л., 1947.

Миддендорф А. Ф. Очерки Ферганской долины. СПб., 1882.

Мурзаев Э. М. Средняя Азия. М., 1957.

Мушкетов И. В. Туркестан, т. 1, 2. СПб., 1886—1906; изд. 2, т. 1. Пг., 1915.

Очерки по физической географии Казахстана. Под ред. И. П. Герасимова. Алма-Ата, 1952.

Очерки природы Кара-Кумов. Под ред. В. Н. Кунина. М., 1955.

Рязанцев С. Н. и Павленко В. Р. Киргизская ССР. Эконом-географическая характеристика. М., 1960.

Семенов-Тян-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань, 1856—1857. М., 1958.

Средняя Азия. Физико-географическая характеристика. М., 1958.

Суслов С. П. Физическая география СССР. Азиатская часть СССР. Изд. 2. М., Учпедгиз, 1954.

Таджикская ССР. М., 1956.

Узбекская ССР. М., 1956.

Федорович Б. А. Вопросы палеогеографии равнин Средней Азии. «Труды Ин-та географии АН СССР», вып. 37. М. — Л., 1946.

Федорович Б. А. Лик пустыни. Изд. 3, М., 1954.

Фрейкин З. Г. Туркменская ССР. Эконом-географическая характеристика. М., Географгиз, 1957.

Цинзерлинг В. В. Орошение на Аму-Дарье. М., 1927.

Четыркин В. М. Средняя Азия. Опыт комплексной географической характеристики и районирования. Ташкент, 1960.

Щукин И. С. и Гиляров М. А. Таджикистан (физико-географический очерк). «Материалы Таджикско-Памирской экспедиции АН СССР», вып. XXIII. Л., 1936.

Шульц В. Л. Реки Средней Азии. «Записки Всесоюзного географического об-ва», н. с., т. 8. М., 1949.

Хозяйственно-культурные типы Средней Азии и Казахстана

Аболин Р. И. Основы естественно-исторического районирования Советской Средней Азии. «Труды Среднеазиатского Государственного университета», серия 12а. География, вып. 2. Ташкент, 1929.

Атлас Азиатской России. СПб., 1914, карты 34, 35, 41, 45.

Березин Л. Естественные районы Копет-Дага и их сельскохозяйственное значение. «Туркменоведение», Ашхабад, 1929, № 5, 6.

Букинич Д. Д. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. «Хлопковое дело», М., 1924, № 3-4.

Вопросы использования водных ресурсов Средней Азии. «Труды Арало-Каспийской комплексной экспедиции», вып. 3. М., 1954.

Вопросы освоения земель Средней Азии (Туркменская ССР и Кара-Калпакская АССР). Сборник. М., 1955.

Зозуля М. Ш. Устройство лиманного орошения. Алма-Ата, 1952.

Ковалев С. А. Географическое изучение сельского расселения. М. 1960.
Кондрашов С. К. Орошаемое хозяйство и водопользование Хивинского оазиса. М., 1916.
Левин М. Г. и Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. «Советская этнография», 1955, № 4.
Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области. Ташкент, 1915.
Материалы по землепользованию туземного кочевого населения района Голодной степи и прилегающих местностей Ходжентского и Джизакского уездов Самаркандской области. Ташкент, 1914.
Материалы по изучению хозяйства оседлого туземного населения в Туркестанском крае. Сартовское хозяйство в Чимкентском уезде Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1912.
Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область, Казалинский уезд.Ташкент, 1913.
Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Аму-Дарьинском отделе и Сыр-Дарьинской области, вып. 1-2. Ташкент, 1915.
Миронова О. В. Хозяйство зерново-богарного типа. Ташкент, 1924.
Рябов Д. О богарном земледелии в Закаспийской области. «Сельское хозяйство и лесоводство», 1916, № 2.
Саушкин Ю. Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. М., 1947.

Основные этапы этнической истории народов Средней Азии и Казахстана

Абул-Гази. Родословное древо тюрков. Сочинения Абул-Гази, хивинского хана. Пер. и предисловие Саблукова Г. С. «Известия Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XXI, вып. 5-6, 1905; т. XXII, вып. 6, 1906; отдельн. изд. — Казань, 1906.
Акишев К. А. Эпоха бронзы Центрального Казахстана. Автореф. канд. дисс. Л., 1953.
Алымсбаев Х. А. Находки нижнего палеолита в Южном Казахстане. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР», т. 7. Алма-Ата, 1959.
Альбаум Л. И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960.
Арциховский А. В. Основы археологии. М., 1955, стр. 169—184.
«Бабур-наме». Записки Бабура. Ташкент, 1958.
Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и в России. Лекции, читанные в Университете и в Ленинградском институте живых восточных языков. Изд. 2. Л., 1925 (ЦИК СССР. Ленинградский ин-т живых восточных языков).
Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.
Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов. Конспект лекций, читанных студентам Казахского высшего педагогического института в 1926—27 гг. Ташкент, 1928.
Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I. СПб., 1898; ч. II. СПб., 1900.
Батраков В. С. О разделении труда между кочевыми и оседлыми районами. «Труды Среднеазиатского гос. ун-та», н. с., вып. 75, кн. I. Ташкент, 1955.
Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 26. М.— Л., 1952.
Бернштам А. Н. Древняя Фергана. Ташкент, 1951.
Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М.— Л., 1946.
Бируни Абу-Рейхан Мухаммед ибн-Ахмет. Избранные произведения, т. I. Ташкент, 1957.
Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, II, М.— Л., 1950; т. III, М.— Л., 1953.
Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего времени. СПб., 1877.
Всемирная история в десяти томах, т. I. М., 1955, гл. III, 3, гл. XXIV; т. II. М., 1956, гл. I, 2, гл. VI, 5, гл. VIII, 2, гл. XIII, 5, 6, гл. XXII, 1—5, гл. XXV, 1; т. III. М., 1957, гл. VII, гл. VIII, 1; гл. XXXIII, 1, гл. XXXIV, 1—3, гл. XXXVII, 1; т. IV. М., 1958, гл. XXIII, 2; т. V. М., 1958, гл. XI; т. VI. М., 1959, гл. XXIV, 5.
Греков Б. Д. и Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.— Л., 1950.
Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.
Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию 1558—1560 гг. В кн.: «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.». Пер. Ю. В. Готье. Л., 1937.

Древние авторы о Средней Азии. Под ред. Л. В. Баженова. Ташкент, 1958.
Дьяконов М. М. У истоков древней культуры Таджикистана. Душанбе, 1956.
Живопись древнего Пянджикента М., 1954.
Задneпровский Ю. А. Археологические памятники Южной Киргизии. Фрунзе, 1960.
Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М., 1958.
Иностранцев К. А. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках. «Журнал министерства народного просвещения», н. с., XX, № 3. СПб., 1909.
Кастанье П. А. Надгробные сооружения киргизских степей. «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», в. XXVI. Оренбург, 1911.
Киселев С. В. Древняя история южной Сибири. М., 1951.
Клавихо Рюи-Гонзалес де. Жизнь и деяния великого Тамерлана, сочинение Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Под ред. И. И. Срезневского. Сборник Отделения русского языка и словесности. Академия наук, т. XXVIII, № 1. СПб., 1881.
Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.
Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник. В кн.: «Археологический сборник». «Труды Гос. исторического музея», вып. XVII. М., 1948, стр. 59—172.
Лившиц В. А. Согдийский брачный контракт начала VIII в. н. э. «Советская этнография», 1960, № 5.
Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский сборник кружка любителей археологии (1895—1917). Ташкент, 1958.
Лунин Б. В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX — начало XX в. Ташкент, 1962.
Максимова А. Г. Эпоха бронзы Восточного Казахстана. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР», т. 7, Алма-Ата, 1959, стр. 86—161.
Массон В. М. Древние земледельцы на юге Туркменистана. Краткий путеводитель по памятникам древнеземледельческой культуры. Ашхабад, 1959.
Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии (29 октября — 4 ноября 1956 г.). М.— Л., 1959.
Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.
Материалы первой всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте 4—11 июня 1957 г. Ташкент, 1958.
Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. 1. «Труды АН Таджикской ССР», т. XII, 1954.
Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 1—5. М., 1959—1961.
Монгайт А. Л. Археология в СССР. М., 1955, стр. 258—300.
Наршахи М. История Бухары. Пер. с персидск. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897.
Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Доклады. Ташкент, 1959.
Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР», т. 5. Алма-Ата, 1958, стр. 216—294.
Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956, гл. II, 2; гл. III, 2,6; гл. VI; гл. XII. Период феодализма IX—XV вв., ч. 1. М., 1953, гл. IV, 1; гл. V, 5. Период феодализма IX—XV вв., ч. 2. М., 1953, гл. VI, 1. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в. М., 1955, гл. V, 12. Период феодализма XVII в. М., 1955, гл. XII, 1, 2.
Поло Марко. Книга Марко Поло. Пер. И. П. Минаева. М., 1956.
По следам древних культур. М., 1951 (статьи С. П. Толстова и А. Ю. Якубовского).
По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954. (Статьи А. Н. Бернштама и М. М. Дьяконова).
Пугаченкова Г. А. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV—первой половины XVI в. по данным миниатюр. «Труды САГУ», н. с., вып. LXXXI. Ташкент, 1956.
Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
Раджабов С. Присоединение Средней Азии к России. Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Доклады. Ташкент, 1959.
Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Пер. с персидского Л. А. Хетагурова, т. I, книга первая. М.— Л., 1952; пер. с персидского Ю. П. Верховского, т. II. М.— Л., 1960; пер. с персидского А. К. Арендса, т. III. М.— Л., 1946.
Рогинская А. Зараут-сай. М.— Л., 1950.
Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959.
Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884; т. II. М.— Л., 1941.

Толстов С. П. Аральский узел этногонического процесса (тезисы доклада). Сб. «Советская этнография», VI—VII. М.— Л., 1947.
Толстов С. П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. «Известия Гос. академии истории материальной культуры», вып. 103. Л., 1934.
Толстов С. П. Города гузов (Историко-этнографические этюды). «Советская этнография», 1947, № 3.
Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.
Толстов С. П. Огузы, печенеги, море Даукара (заметки по исторической этнонимике восточного Приаралья). «Советская этнография», 1950, № 4.
Толстов С. П. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии. Сб. «Советская этнография», VI—VII. М.— Л., 1947.
Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.— Л., 1948.
Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
Толстов С. П. Приаральские скифы и Хорезм. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.
Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.— Л., 1940.
Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина», «Материалы и исследования по археологии СССР», 1950, № 14.
Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I—IV. М., 1952—1959.
Труды Южно-Туркменистанской комплексной археологической экспедиции, т. I—X. Ашхабад, 1949—1960.

* * *

Абдуллаев Х. М., Аминов А. М., Муминов И. М. Подъем промышленности, сельского хозяйства и народного благосостояния в национальных республиках Средней Азии в результате победы социализма в СССР. Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Доклады. Ташкент, 1959.
Абрамзон С. М. Отражение процесса сближения наций на семейно-бытовом укладе народов Средней Азии и Казахстана. «Советская этнография», 1962, № 3.
Батыров Ш. В. Формирование и развитие социалистических наций в СССР. М., 1962.
Гарданов В. К., Долгих Б. О., Жданко Т. А. Основные направления этнических процессов у народов СССР. «Советская этнография», 1961, № 4.
Гафуров Б. Г. Строительство коммунизма и национальный вопрос. «Вопросы строительства коммунизма в СССР». М., 1959.
Жданко Т. А. Ленинская национальная политика на новом историческом этапе (К проблеме развития социалистических наций Средней Азии на пути к коммунизму). «Советская этнография», 1960, № 2.
Златопольский Д. Л. Ленинская национальная политика и дальнейшее расширение прав союзных республик. М., 1957.
Козлов В. К. Торжество ленинской национальной политики КПСС. М., 1960.
Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана (эпоха социализма). Алма-Ата, 1958.
Мординов А. О социалистическом содержании и национальной форме советской культуры. М., 1959.
Новоселов К. Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии. Ашхабад, 1962.
Новоселов К., Мелькумов В. К вопросу о национально-государственном размежевании Средней Азии. «Коммунист Туркменистана». Ашхабад, 1957, № 6.
Рашидов Ш. Р. Дальнейшее сближение и всесторонний расцвет советских социалистических наций. «Вопросы философии». М., 1960, № 6.
Социалистические нации в СССР. Под ред. М. Д. Камари. М., 1955.
Толстов С. П. К двадцатипятилетию национального размежевания Средней Азии. «Советская этнография», 1950, № 1.
Турсунов Х. Т. О национально-государственном размежевании Средней Азии. Ташкент, 1957.
Цамерян И. Советское многонациональное государство, его особенности и пути развития. М., 1958.

Тюркские языки народов Средней Азии и Казахстана

Общие работы

Баскаков Н. А. Тюркские языки. М., 1960.
Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Изд. 2. Казань, 1953.
Кримський А. Е. Тюрки, їх мови та літератури, І. Тюркські мови, вып. 2, Київ, 1930.
Benzing J. Einführung in der Studium der altaischen Philologie und der Turkologie. Wiesbaden, 1953.
Philologiae Turcicae Fundamenta, I. Wiesbaden, 1959.

Туркменский язык

Азимов П. Туркменский язык (словообразование). Ашхабад, 1960 (на туркм. яз.).
Байлиев Х. М. и Каррыев Б. Туркменско-русский словарь. Ашхабад, 1940.
Поцелуевский А. П. Фонетика туркменского языка. Ашхабад, 1936.
Поцелуевский А. П. Диалекты туркменского языка. Ашхабад, 1936.
Поцелуевский А. П. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. Ашхабад, 1943.
Русско-туркменский словарь. Под ред. Н. А. Баскакова и М. Я. Хамзаева. М., 1956
Benzing J. Über die Verbformen im Türkmenischen, Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin, Berlin, 1939.

Киргизский язык

Батманов И. А. Грамматика киргизского языка. Фрунзе-Казань, 1939—1940.
Батманов И. А. Краткое введение в изучение киргизского языка. Фрунзе, 1947.
Батманов И. А. Современный киргизский язык, ч. I. Фрунзе, 1953.
Русско-киргизский словарь. Под ред. К. К. Юдахина. М., 1957.
Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1940.

Казахский язык

Казахско-русский словарь. Под ред. Г. Г. Мусабаева. Алма-Ата, 1954.
Казіргі казак тілі. Алма-Ата, 1954.
Кенесбаев С. К. Грамматика казахского языка. Алма-Ата, 1941.
Мелиоранский П. М. Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. I. СПб., 1894; ч. II. СПб., 1897.
Русско-казахский словарь. Под ред. Н. Т. Саурамбаева. М., 1954.

Каракалпакский язык

Баскаков Н. А. Каракалпакский язык, т. 1, 2. М.— Л., 1951—1952.
Каракалпакско-русский словарь. Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1958.
Малов С. Е. Каракалпакский язык и его изучение. Сб. «Каракалпакия». СОПС АН СССР. сер. каракалпакская, вып. 2. Л., 1934.
Русско-каракалпакский словарь. Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1947.
Menges K. Qaraqalpaq Grammar, Part 1. Phonology, New York, 1947.
Wurm S. The Karakalpak Language. «Anthropos», Bd. 46, Hft. 3-4, 1951.

Узбекский язык

Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.— Л., 1960.
Решетов В. В. Узбекский язык, ч. I. Ташкент, 1959.
Русско-узбекский словарь. Под ред. А. К. Боровкова, I—V. Ташкент, 1950—1955.
Узбекско-русский словарь. Под ред. А. К. Боровкова. М., 1959.
Хозирги замон узбек тили. Под ред. Ф. Камола. Ташкент, 1957.
Gabain A. von. Özbekische Grammatik. Leipzig, 1945.

Уйгурский язык

Баскаков Н. А., Насилов В. М. Уйгурско-русский словарь. М., 1939.
Боровков А. К. Учебник уйгурского языка. Л., 1935.
Малов С. Е. Изучение живых турецких наречий Западного Китая. «Восточные записки», т. I. Л., 1927.
Насилов В. М. Грамматика уйгурского языка. М., 1940.
Русско-уйгурский словарь. Под ред. Т. Р. Рахимова. М., 1956.
Уйгурско-русский словарь. Под ред. Ш. Кибирова и Ю. Цунвазо. Алма-Ата, 1961.
Jarring G. Studien zu einer osttürkischen Lautlehre. Lund-Leipzig, 1933.
Raquette G. Eastern Turki Grammar, Practical and theoretical with Vocabulary. Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin. II Abt., Westasiatische Studien. Berlin, 1913.
Raquette G. English-Turki Dictionary based on the dialects of Kashgar and Jarkand. Lund, 1927.

Иранские языки народов Средней Азии

Общие работы

Grundriss der iranischen Philologie, Hrsg. von Geiger W. und Kuhn E. Strassburg, Bd. I, 1895—1901; Bd. II, 1896—1904.
Handbuch der Orientalistik. Erste Abteilung, Bd. IV, Abschnitt I, Leiden-Köln, 1958.

Язык Авесты

Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904.
Keichelt H. Awesltisches Elementarbuch. Heidelberg, 1911.

Согдийский язык

Согдийский сборник. Под ред. А. А. Фреймана. Л., 1934.
Benveniste E. Essai de grammaire sogdienne. 2-me partie. Paris, 1929.
Gershevitch J. A Grammar of Manichean Sogdian. Oxford, 1954.

Хорезмийский язык

Толстов С. П. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит. «Вестник древней истории», М., 1938, № 4.
Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. «Труды Хорезмской экспедиции», т. II. М., 1958.
Фрейман А. А. Хорезмский язык. М. — Л., 1951.
Henning W. B. The Structure of the Khworezmian Verb. «Asia Major», new ser., vol. V, part I, 1955.

Сакские языки

Bailey H.W. Languages of the Saka. «Handbuch der Orientalistik». Abt. 1, Bd. IV, Abschnitt I.
Konow S. Saka Studies. Oslo, 1932 (Oslo Etnografis. Museum. Bulletin 5).

Бактрийский язык

Marieq A. La grande inscription de Kaniska et l'etéo-tokharien l'ancienne langue de la Bactriane. «Journal Asiatique», m. CCXLVI, fasc. 4, 1958.
Henning W. B. The Bactrian Inscription. «Bulletin of the School of Oriental and African Studies University of London», vol. XXIII, part I, London, 1960.

Парфянский язык

Дьяконов И. М., Лившиц В. А. Документы из Нисы I в. до н. э. М., 1960.
Ghilain A. Essai de grammaire parthe. Essai sur la langue parthe (son systeme verbal d'après les textes manicheens du Turkestan Oriental). Louvain, 1939.
Herzfeld E. Paikuli. Monument and inscription of the early of the Sasanian Empire, vol. I, II. Berlin, 1924.

Таджикский язык

Зарубин И. И. Очерк разговорного языка самаркандских евреев. Сб. «Иран». Л., 1928.
Кисляков Н. А. Описание говора таджиков Вахио-боло. «Труды Таджикистанской базы АН СССР», т. III. М.— Л., 1936.
Расторгуева В. С. Очерки по таджикской диалектологии. М., 1952—1956.
Расторгуева В. С. Опыт классификации таджикских говоров. М., 1960. (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР)
Соколова В. С. Фонетика таджикского языка. М.— Л., 1949.

Ягнобский язык

Андреев М. С. и Пещерева Е. М. Ягнобские тексты с приложением ягнобско-русского словаря, составленного М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчик. М.— Л., 1957.

Памирские языки

Зарубин И. И. Орошорские тексты и словарь. «Труды Памирской экспедиции 1928 г.», вып. VI. Л., 1930.
Зарубин И. И. Бартангские и рушанские тексты и словарь. М.— Л., 1937.
Зарубин И. И. Шугнанские тексты и словарь. М.— Л., 1960.
Климачицкий С. И. Ваханские тексты. «Труды Таджикистанской базы АН СССР», т. III. М.— Л., 1936.
Пахалина Т. Н. Ишкашимский язык. Очерк фонетики и грамматики, тексты и словарь. М., 1959.
Соколова В. С. Памирские языки. В кн.: «Очерки по фонетике иранских языков», вып. 1-2. М.— Л., 1953.
Соколова В. С. Рушанские и хуфские тексты и словарь. М.— Л., 1959.
Соколова В. С. Бартангские тексты и словарь. М.— Л., 1960.
Lentz W. Pamir-Dialekte. Gottingen, 1933.
Sköld H. Materialien zu den iranischen Pamirsprachen; Lund, 1936. Skrifter Utgivna av Kungl. Humanistiska Vetenskapssamfundet v hund XXI. Acta Reg. Societatis Humaniorum Litterarum Lundensis, XXI.

Белуджский язык

Зарубин И. И. К изучению белуджского языка и фольклора. «Записки Коллегии востоковедения», т. V. Л., 1930.
Соколов С. Н. Грамматический очерк языка белуджей Советского Союза. «Труды Ин-та языкознания», т. IV. М., 1956.

Антропологический состав населения Средней Азии и Казахстана

Герасимов М. М. Основы восстановления лица по черепу. М., 1949.
Гинзбург В. В. Горные таджики. М.— Л., 1937.
Гинзбург В. В. Древние и современные антропологические типы Средней Азии. В кн.: «Происхождение человека и древнее расселение человечества». «Труды Ин-та этнографии АН СССР», н. с., т. XVI. М., 1951.
Гинзбург В. В. Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным (I тысячелетие до н. э. — I тысячелетие н. э.). «Среднеазиатский этнографический сборник», I. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», н. с., т. XXI. М., 1954.
Гинзбург В. В. Антропологическая характеристика населения Казахстана в эпоху бронзы. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР», т. I. Археология. Алма-Ата, 1956.
Гинзбург В. В. Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР. «Антропологический сборник», I. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», н. с., т. XXXIII. М., 1956.
Гинзбург В. В. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья. «Материалы и исследования по археологии СССР». М., 1959, № 60.
Гинзбург В. В., Дебец Г. Ф., Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Очерки по антропологии Казахстана. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XVI, 1952.
Гинзбург В. В. и Жиров Е. В. Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас Киргизской ССР. «Сборник музея антропологии и этнографии», т. X. М.— Л., 1949.
Гинзбург В. В. и Трофимова Т. А. Черепа эпохи энеолита и бронзы из южной Туркмении. «Советская этнография», 1959, № 1.
Гремяцкий М. А. Череп ребенка-неандертальца из грота Тешик-Таш. Сб. «Тешик-Таш». «Труды научно-исследовательского Ин-та антропологии МГУ». М., 1949.
Дебец Г. Ф. Об антропологических особенностях человеческого скелета из пещеры Тешик-Таш. «Труды Узбекского филиала АН СССР», сер. I, вып. I. Ташкент, 1940.
Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», н. с., т. IV. М.— Л., 1948.
Дебец Г. Ф. Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I. М., 1956.
Зезенкова В. Я. Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении. Сб. «Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии». Ташкент, 1953.
Золотарева И. М. Соматологические исследования в Ферганской долине. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I. М., 1956.
Исмагулов О. Антропологический состав тюркских народов, «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР», т. 12., 1961.

Левин М. Г. Деформация головы у туркмен. Сб. «Советская этнография», VI—VII. 1947.
Левин М. Г. К вопросу о южносибирском антропологическом типе. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXI, 1954.
Миклашевская Н. Н. Соматологические исследования в Киргизии. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I. М., 1956.
Миклашевская Н. Н. Результаты палеоантропологических исследований в Киргизии. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. II. М., 1959.
Миклашевская Н. Н. К вопросу об удельном весе центральноазиатского элемента в образовании антропологического типа киргизов. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. II. М., 1959.
Наджимов К. Антропологический состав населения Сурхан-Дарьинской области (в связи с некоторыми вопросами этногенеза). «Труды Среднеазиатского гос. ун-та им. В. И. Ленина», н. с., вып. 143. Биологические науки, кн. 35. Ташкент, 1958.
Ошанин Л. В. Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен и возможные пути ее происхождения. «Известия Средазкоммстариса», вып. I, Ташкент, 1926.
Ошанин Л. В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. 1—3. «Труды Среднеазиатского гос. ун-та им. В. И. Ленина», н. с., вып. 96—98. Исторические науки, кн. 16—18. Ереван, 1957—1959.
Ошанин Л. В. Антропологический состав туркменских племен и этногенез туркменского народа. «Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции», IX. Ашхабад. 1959.
Ошанин Л. В. и Зезенкова В. Я. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953.
Трофимова Т. А. Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии. «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 2. М., 1959.
Трофимова Т. А. Основные итоги и задачи палеоантропологического изучения Средней Азии. «Советская этнография», 1960, № 2.
Ярхо А. И. Антропологический состав турецких народностей Средней Азии. «Антропологический журнал». М., 1933, № 3.

Узбеки

Абдурашимов М. Пережитки сельской общины в узбекском кишлаке Хумсан. «Советская этнография», 1959, № 4.
Абдурррахман-и Тали. История Абулфейз-хана. Пер. А. А. Семенова. Ташкент, 1959.
Аминов А. М. Экономическое развитие Средней Азии (Колониальный период). Со второй половины XIX столетия до первой мировой войны. Ташкент, 1959.
Арипов Ф. А. Из истории формирования узбекских рабочих кадров. По историко-этнографическим материалам заводов сельскохозяйственного машиностроения Уз. ССР. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1961.
Арипов Ф. Изучение быта и культуры рабочих-узбеков в 1958—1959 гг. «Советская этнография», 1960, № 5.
Ахмедов Б. Государство кочевых узбеков при Абу-л-Хайр-хане. Автореф. канд. дисс. Л., 1961.
Бендриков К. Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865—1924). М., 1960.
Бикжанова М. А. Семья в колхозах Узбекистана. На материалах колхозов Наманганской области. Ташкент, 1959.
Бируни. Сборник статей. Под ред. С. П. Толстова. М.— Л., 1950.
Вахабов М. Г. Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент, 1961.
Вейцарн Б. В., Черкасова Н. В. Искусство Советского Узбекистана. Очерки. Живопись. Графика. Скульптура. М., 1960.
Векслер С. М. Очерк по истории узбекской музыки. «Ученые записки Ташкентской гос. консерватории», вып. I. Ташкент, 1960.
Вопросы музыкальной культуры Узбекистана. Сборник статей. Ташкент. 1961.
Воронина В. Л. Материалы по народной архитектуре Кашка-Дарьинской области Узбекской ССР. В кн.: «Среднеазиатский этнографический сборник». II. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», н. с., т. XLVII. М., 1959.
Воронина В. Л. Народные традиции архитектуры Узбекистана. М., 1951.
Гаврилов М. Ткацкое искусство узбекской женщины. «Народное хозяйство Средней Азии». Ташкент, 1927, № 1-2.
Гребенкин А. Д. Узбеки. Сб. «Русский Туркестан», вып. II. М., 1872.
Джаббаров И. Из истории изучения ремесла в дореволюционном Узбекистане. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXXII, М., 1959.
Диваев А. А. Промыслы и занятия туземцев азиатского города Ташкента. «Туркестанские ведомости», 1901, № 33.

З а д ы х и н а К. Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи. «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», вып. I. М., 1952.
З а д ы х и н а К. Л. Культура и быт узбеков Кипчакского района Кара-Калпакской АССР. «Труды Хорезмской экспедиции», т. II. М., 1958.
З а д ы х и н а К. Л. Этнографические материалы о быте рабочих-узбеков Ташкента и Андижана. В кн.: «Среднеазиатский этнографический сборник», II. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», н. с., т. XLVII. М., 1959.
З а р и ф о в Х. Т. К изучению узбекского народного эпоса. Сб. «Вопросы изучения эпоса народов СССР». М., 1958.
З а х и д о в П. Ферганская роспись. Из альбома народного мастера С. Наркузиева. Ташкент, 1960.
З и я е в Х. К истории бухарцев и ташкентцев в Сибири (XVII — первая половина XIX в.). «Известия АН Уз. ССР», сер. обществ. наук, 1956, № 10.
З и я е в Х. К истории экономических связей Узбекистана с Россией через Сибирь. «Известия АН Уз. ССР», сер. обществ. наук, № 3, 1957.
И в а н о в П. П. Архив хивинских ханов XIX в. Новые источники для истории Средней Азии. «Записки Ин-та востоковедения АН СССР», т. VII. М.— Л., 1939.
И в а н о в П. П. Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг. «Труды Ин-та востоковедения АН СССР», т. 28. М.— Л., 1937.
И в а н о в П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв. (Исследования, тексты и переводы документов.) М.— Л., 1954.
Изобразительное искусство советского Узбекистана (очерк истории живописи, графики, скульптуры), ч. I, II. Ташкент, 1957.
История Узбекской ССР, т. I, кн. 1. Ташкент, 1955; т. I, кн. 2. Ташкент, 1956; т. II. Ташкент, 1957.
К а д ы р о в И. К. Успехи народного образования в Узбекской ССР за 40 лет. Ташкент, 1959.
К а р м ы ш е в а Б. Х. Жилище узбеков племени карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана. «Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР», вып. 10-11., 1956.
К а р м ы ш е в а Б. Х. Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», т. XXVII. М., 1957.
К а р м ы ш е в а Б. Х. О некоторых древних тюркских племенах в составе узбеков (по этнографическим данным). (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР.) М., 1960.
К а р м ы ш е в а Б. Х. Узбеки-локайцы южного Таджикистана, вып. I. Историко-этнографический очерк животноводства в дорево́люционный период. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР», т. XXVIII, 1954.
К а р м ы ш е в а Б. Х. Этнические и территориальные группы населения северо-восточной части Кашка-Дарьинской области Уз. ССР. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», т. XXXIII. М., 1960.
К а р м ы ш е в а Б. Х. Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков. «Советская этнография», 1960, № 1.
К а р ы - Н и я з о в Т. Н. Очерки истории культуры Советского Узбекистана. М., 1955.
К а р ы - Н и я з о в Т. Н. О культурном наследии узбекского народа. Ташкент, 1960.
К а с ы м о в С., Ш а р и ф у т д и н о в О. Узбекская литература (краткая справка). Ташкент, 1958.
Л о б а ч е в а Н. П. Свадебный обряд хорезмских узбеков. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXXIV. М., 1960.
Л о г о ф е т Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом, I, II. СПб., 1911.
М и р М у х а м м е д А м и н - и Б у х а р и. Убайдулла-наме. Пер. А. А. Семенова. Ташкент, 1957.
М о р о з о в а А. Машинная декоративная вышивка Узбекистана. Ташкент, 1960.
М о р о з о в а А. Узорное ткачество Узбекистана. «Декоративное искусство СССР», 1959, № 2.
М у к м и н о в а Р. Г. К вопросу о переселении кочевых узбеков в начале XVI века. «Известия АН Уз. ССР». Ташкент, 1954, № 1.
М у м и н о в И. Из истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане в конце XIX и начале XX в. Ташкент, 1955.
М у с а е в М. Ленинская национальная политика в действии. «Коммунист», 1961, № 6.
М у х а м м е д Ю с у ф М у н ш и. Муким-ханская история. Пер. А. А. Семенова. Ташкент, 1956.
Н а б и е в Р. Н. Из истории феодального землевладения в Фергане в XVI—XVII веках. «Известия АН Уз. ССР», сер. обществ. наук. Ташкент, 1960, № 3.

Набиев Р. Н. Новые документальные материалы к изучению феодального института «сююргал» в Фергане XVI—XVII вв. «Известия АН Уз. ССР», сер. обществ. наук. Ташкент. 1959, № 3.
Наливкин В. П. и Наливкина М. В. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886.
Народная поэзия Узбекистана. Под ред. М. Афзалова и Л. Пеньковского. Ташкент, 1951.
Народное декоративное искусство Советского Узбекистана. Текстиль. Ташкент, 1954.
Народное декоративное искусство Советского Узбекистана. М., 1955.
Нечкина М. В. Исторический опыт строительства социализма в Узбекистане (1917—1936). Ташкент, 1960.
Остроумов Н. П. Сарты. Этнографические материалы, вып. I. Ташкент, 1890.
Писарчик А. К. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX—XX вв. В кн.: «Среднеазиатский этнографический сборник», I. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», н. с., т. XXI. М., 1954.
Прица И. М. Ташкентская резьба по ганчу (О народном художнике Уз. ССР Т. Арсланкулове). Ташкент, 1960.
Пугаченкова Г. А. К истории «паранджи». «Советская этнография», 1952, № 3.
Радлов В. В. Средняя Зеравшанская долина. «Записки РГО по отделению этнографии», т. VI, СПб., 1880.
Развитие экономики и культуры Советского Узбекистана. Ташкент, 1957.
Рассудова Р. Узбекский художественный шов. Ташкент, 1961.
Сазонова М. В. К этнографии узбеков южного Хорезма. «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», вып. I. М., 1952.
Семенов А. А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана. В кн.: «Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии», вып. I. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж.ССР», т. XII., 1954.
Сергеев Б. Чеканка по меди. Ташкент, Гослитиздат, 1960.
Снесарев Г. П. О некоторых причинах сохранения религиозно-бытовых пережитков у узбеков Хорезма. «Советская этнография», 1957, № 2.
Снесарев Г. П. Материалы о первобытнообщинных пережитках в обычаях и обрядах узбеков Хорезма. «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 4. М., 1960.
Сухарева О. А. Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960.
Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки). Ташкент, 1958.
Сухарева О. А. Традиционное соперничество между частями городов в Узбекистане (конец XIX — начало XX в.). «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXX. М., 1958.
Сухарева О. А. Художественные ремесла Узбекистана. «Звезда Востока». Ташкент, 1948, № 9.
Сухарева О. А. и Бикжанова М. А. Прошлое и настоящее селения Айкырач. Ташкент, 1955.
Троицкая А. Л. Из истории народного театра и цирка в Узбекистане. «Советская этнография», 1948, № 3.
Узбекистан за 40 лет Советской власти. Статистический сборник. Ташкент, 1958.
Узбекские народные сказки. Ташкент, 1951.
Фазылов Х. Ф. и Садовский А. И. Развитие науки в Узбекской ССР. Ташкент, 1959.
Художники Советского Узбекистана. Сборник. Ташкент, 1959.
Чепелевецкая Г. Л. Сузани Узбекистана. Ташкент, 1961.
Чехович О. Д. Бухарские поземельные акты XVI—XIX вв. «Проблемы источниковедения», IV. М., 1955.
Чехович О. Д. Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве, вып. 1. Ташкент, 1954.
Шаниязов К. Историко-этнографический очерк карлуков южных и западных районов Узбекистана. Автореф. канд. дисс. Л., 1960.
Шаниязов К. Общинное землепользование в селении Каллык. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXXIV. 1960.
Шишов А. Сарты, ч. 1. Этнография. «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», XI—XII. Ташкент, 1960.
Юлдашев М. Ю. Феодальное землевладение в Хиве XIX в. до присоединения ханства к России. «Известия АН Уз. ССР», сер. обществ. наук. Ташкент, 1959, № 3.
Якубовский А. Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент, 1941.

Аимбетов К. О каракалпакских народных сказителях. «Известия АН Казах. ССР», сер. филологии и искусствоведения, вып. 2 (15), Алма-Ата. 1960.
Андрианов Б. В. Изучение каракалпакской ирригации в бассейне Жаны-Дарьи в 1956—1957 гг. Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1957 г. «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 4. М., 1960.
Андрианов Б. В. Социально-экономический строй каракалпаков по данным статистико-экономического обследования Аму-Дарьинского отдела 1912—1913 гг. «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.— Л., 1959.
Андрианов Б. В. Этническая территория каракалпаков в северном Хорезме (XVIII—XIX вв.). Материалы и исследования по этнографии каракалпаков. «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. III. М., 1958.
Андрианов Б. В. и Мелков А. С. Образцы каракалпакского народного орнамента. Материалы и исследования по этнографии каракалпаков. «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. III. М., 1958.
Бердах. Избранное. Пер. с каракалпакского Н. Гребнева. Нукус, 1958.
Бирзе А. К истории каракалпаков XVIII века. «Красный архив», 1938, № 6; 1939, № 1 (92).
Валитова А. А. Расцвет литературы каракалпакского народа (обзор литературоведческих изданий). «Советское востоковедение», М., 1957, № 5.
Гиршфельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч. I, II. Ташкент, 1902—1903.
Гладышев Д. и Муравин. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. Гладышевым и Муравиным. СПб., 1851.
Гулямов Я. К истории ирригации в Кара-Калпакии. «Бюллетень АН Уз. ССР». Ташкент, 1945, № 9—10.
Давкараев Н. Очерки по истории дореволюционной каракалпакской литературы. Ташкент, 1959.
Досумов Я. М. Очерки истории Кара-Калпакской АССР, 1917—1927. Ташкент. 1960.
Жданко Т. А. Быт колхозников рыболовецких артелей на островах южного Арала. «Советская этнография», 1961, № 5.
Жданко Т. А. Каракалпаки Хорезмского оазиса. Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг. «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I. М., 1952.
Жданко Т. А. Каракалпакская эпическая поэма «Кырк-Кыз» как историко-этнографический источник. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXX. М., 1958.
Жданко Т. А. Народное орнаментальное искусство каракалпаков. Материалы и исследования по этнографии каракалпаков. «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. III. М., 1958.
Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родо-племенная структура и расселение в XIX — начале XX века. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», н. с., т. IX. М.— Л., 1950.
Жданко Т. А. Этногенез каракалпаков. «Вестник Каракалпакского филиала АН Уз. ССР». Нукус, 1961, № 1.
Иванов П. П. Архив хивинских ханов XIX века. Л., 1940 (гл. «Каракалпаки и казахи»).
Иванов П. П. Каракалпаки. Сб. «Сов. этнография», т. IV. М., 1940.
Иванов П. П. Новые данные о каракалпаках. «Советское востоковедение», т. III. М.— Л., 1945.
Иванов П. П. Очерк истории каракалпаков. Сб. «Материалы по истории каракалпаков». «Труды Ин-та востоковедения АН СССР», т. VII. М.— Л., 1935.
Камалов С. Завоевание каракалпаков хивинскими ханами в конце XVIII — начале XIX в. Нукус, 1958.
Камалов С. Народно-освободительная борьба каракалпаков против хивинских ханов в XIX в. Материалы и исследования по этнографии каракалпаков. «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. III. М., 1958.
Камалов С. К. Пережитки ислама и традиции старого быта у каракалпаков. Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.— Л., 1959.
Каракалпакский ансамбль песни и пляски и его состав. Сост. В. Шафраников. М., 1959.
Каракалпакские народные сказки. Пер. А. А. Волкова и И. С. Майорова. Нукус, 1959.
Каульбарс А. В. Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям 1873 г. «Записки РГО по общей географии», т. IX. СПб., 1881.
Косбергенов Р. Положение каракалпакского населения в Хивинском ханстве в конце XIX — начале XX в. Материалы и исследования по этнографии каракал-

паков. «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. III, М., 1958.
Косбергенов Р. Развитие науки в Кара-Калпакии за годы Советской власти. Нукус, 1957 (на каракалпакском яз.).
Материалы по истории каракалпаков. «Труды Ин-та востоковедения», т. VII. М.— Л., 1935.
Морозова А. С. Культура домашнего быта каракалпаков начала XX в. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1955.
Морозова А. С. Следы древних форм семьи у каракалпаков. «Труды Ташкентского Государственного университета», н. с., вып. 172. Исторические науки, кн. 37, Ташкент, 1960.
Нурмухамедов М. Довоенная каракалпакская проза. Нукус, 1959.
Нурмухамедов М. Каракалпакская проза периода Великой Отечественной войны (1941—1945). Нукус, 1961.
Нурмухамедов М. Состояние науки в Кара-Калпакии и задачи Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР. «Вестник Каракалпакского филиала АН Уз. ССР». Нукус, 1960, № 1.
Решетов В. В. Некоторые замечания о каракалпаках Ташкентского оазиса и их языке. «Бюллетень АН Уз. ССР». Ташкент, 1947, № 3.
Сорок девушек (Кырк кыз). Каракалпакский народный эпос. В переложении Арсения Тарковского. М., 1951.
Таджимуратов А. Т. Развитие экономики и культуры Кара-Калпакской АССР за годы Советской власти. К 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Нукус, 1958.
Татыбаев С. У. Образование и развитие Кара-Калпакской Автономной Советской Социалистической Республики (1932—1937 гг.). Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1959.
Толстов С. П. Новейшие исследования Хорезмской экспедиции АН СССР в бассейне Жаны-Дарьи. «Вестник Каракалпакского филиала Академии наук Уз. ССР». Нукус, 1961, № 2.
Толстов С. П. К вопросу о происхождении каракалпакского народа. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. II. М.— Л., 1947.
Толстова Л. С. Каракалпаки Бухарской области Узбекской ССР. «Советская этнография», 1961, № 5.
Толстова Л. С. Каракалпаки Ферганской долины. Историко-этнографический очерк. Нукус, 1959.
Толстова Л. С. Материалы этнографического обследования группы «каракалпак» Самаркандской области Уз. ССР. «Советская этнография», 1961, № 3.
Умрумбаев Ж. Очерки по истории народного образования и школы в Кара-Калпакии. Нукус, 1958.
Цапенко Н. и Таджимов Т. Кара-Калпакская АССР (Краткий справочник). Ташкент, 1960.
Шалекенов У. Быт каракалпакского крестьянства Чимбайского района в прошлом и настоящем. Материалы и исследования по этнографии каракалпаков. «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. III. М., 1958.
Шалекенов У. Х. Из истории некоторых «святых» мест Кара-Калпакии. «Вестник Каракалпакского филиала АН Уз. ССР». Нукус, 1960, № 2.
Шалекенов У. Х. К вопросу о формировании каракалпакской социалистической нации. Нукус, 1959.
Шалекенов У. Х. Очерки по истории культуры Советской Кара-Калпакии (1917—1940 гг.). Нукус, 1960.

Таджики

Андреев М. С. По поводу процесса образования примитивных среднеазиатских древних цехов и цеховых сказаний (рисоля). «Этнография», 1927, № 2.
Андреев М. С. По Таджикистану. Краткий отчет о работах этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 г., вып. I. Ташкент, 1927.
Андреев М. С. По этнографии таджиков. Некоторые сведения. Сб. «Таджикистан». Ташкент, 1925.
Андреев М. С. Поездка летом 1928 г. в Касанский район (север Ферганы). «Известия об-ва для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами», т. I. Ташкент, 1928.
Андреев М. С. Экспедиция в Ягноб в 1927 г. «Бюллетень Среднеазиатского гос. ун-та», вып. 17. Ташкент, 1928.
Баранов П. А. и Райкова И. А. Дарваз и его культурная растительность. «Известия об-ва для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами», т. I. Ташкент, 1928.
Бартольд В. В. Таджики. Исторический очерк. Сб. «Таджикистан». Ташкент, 1925.

Бобринский А. А. Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара). М., 1900.
Болдырев А. Н. К фольклору Таджикистана (Предварительные данные об эпической традиции у таджиков). «Труды Таджикистанской Базы АН СССР», т. III. М.— Л., 1936.
Брагинский И. С. Очерки по истории таджикской литературы. Душанбе, 1956.
Вопросы истории таджикской советской драматургии и театра. Душанбе, 1957.
Воронина В. Л. Заметки о народной архитектуре южного Таджикистана. «Советская этнография», 1957, № 1.
Воронина В. Л. Заметки по народному зодчеству таджиков бассейна Зеравшана. «Советская этнография», 1953, № 3.
Воронина В. Л. Народная архитектура северного Таджикистана. М., 1959.
Гафуров Б. Г. История таджикского народа. Изд. 2, т. I. М., 1952.
Гребенкин А. Таджики. Сб. «Русский Туркестан», вып. II. М., 1872.
Долгоносова Е. М. Мирзо Рахмат Алимов (Мастер орнамента, народный художник Таджикской ССР). Душанбе, 1960.
Ершов Н. Н. Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией. «Труды АН Тадж. ССР»,т. XXVIII, 1960.
Ершов Н. Н. «Туи гулдор» у кыстакозских таджиков. «Труды АН Тадж. ССР», т. XVII, 1953.
Ершов Н. Н., Кисляков Н. А., Пещерева Е. М., Русяйкина С. П. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», н. с., т. XXIV. М.— Л., 1954.
Ркаев М. И. Очерк по истории советского Таджикистана (1917—1957 гг.). Душанбе, 1957.
Искусство таджикского народа. Сборник, вып. 2, «Труды ин-та истории АН Тадж. ССР, т. XXIX, 1960.
Кантор В. Дворец в таджикском колхозе (Таджикский народный орнамент в декоративной отделке Дворца культуры колхоза «Москва», Ленинабадской области). «Декоративное искусство СССР». М., 1960, № 1.
Кисляков Н. А. Жилище горных таджиков бассейна реки Хингоу. Сб. «Советская этнография», II, 1939 .
Кисляков Н. А. К вопросу об этногенезе таджиков. Сб. «Советская этнография». VI—VII, 1947.
Кисляков Н. А. Охота таджиков долины реки Хингоу — в быту и в фольклоре. «Советская этнография», 1937, № 4.
Кисляков Н. А. Очерки по истории Каратегина. К истории Таджикистана. Изд. 2.Душанбе, 1954.
Кисляков Н. А. Свадебные лицевые занавески горных таджичек. «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XV. М.— Л., 1953.
Кисляков Н. А. Семья и брак у таджиков. Труды института этнографии АН СССР, н. с., т. XLIII, М.—Л., 1959.
Кисляков Н. А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахиоболо. «Труды Ин-та антропологии, этнографии и археологии АН СССР», т. X, этнографическая сер., № 2. М.— Л., 1936.
Кондауров А. Н. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. III, вып. I. М.— Л., 1940.
Лукницкий П. Таджикистан. Географическая научно-художественная серия «Наша родина». Изд. 2. М., 1957.
Мандельштам А. М. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречье. «Советская археология», XX, 1954.
Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане. Под ред. Б. Карна. Ташкент, 1930 (Среднеазиатская государственная плановая комиссия).
Нурджанов Н. Таджикский народный театр. По материалам Кулябской области. М., 1956.
Очерк истории таджикской советской литературы, ч. I. Душанбе, 1955.
Пещерева Е. М. Игрушка и детские игры у таджиков и узбеков (по материалам 1924—1935 гг.). «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XVII. М.— Л., 1957.
Пещерева Е. М. Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи. Сб. «По Таджикистану», вып. I. Ташкент, 1927.
Пещерева Е. М. Праздник тюльпана (лола) в сел. Исфара Кокандского уезда. Сб. «В. В. Бартольду—туркестанские друзья, ученики и почитатели». Ташкент, 1927.
Писарчик А. К. О некоторых терминах родства таджиков. «Труды АН Тадж. ССР», т. XVII, 1953.

Писарчик А. К. и Кармышева Б. Х. Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области. «Известия отделения общественных наук АН Тадж. ССР», вып. 3, 1953.
Раджабов З. Ш. Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX в. Душанбе, 1957.
Рахимов М. Р. Земледелие таджиков бассейна реки Хингоу в дореволюционный период (историко-этнографический очерк). «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР», т. XLIII, 1957.
Рахимов М. Р. Обычаи и обряды, связанные со смертью и похоронами у таджиков Кулябской области. «Известия отделения общественных наук АН Тадж. ССР». вып. 3., 1953.
Резник Д. Г. Материалы к терминологии родства таджиков. «Ученые записки Кулябского гос. пед. ин-та», вып. III. Куляб, 1957.
Розенфельд А. З. Материалы по этнографии и топонимике Ванча. «Известия Всесоюзного географического об-ва», т. 85, вып. 4. Л., 1953.
Розенфельд А. З. О некоторых пережитках древних верований у припамирских народов (в связи с легендой о «снежном человеке»). «Советская этнография», 1959, № 4.
Розенфельд А. З. Qalá (kala) — тип укрепленного иранского поселения. «Советская этнография», 1951, № 1.
Русяйкина С. П. Народная одежда таджиков Гармской области Таджикской ССР. «Среднеазиатский этнографический сборник», II. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», н. с., т. XLVII. М.— Л., 1959.
Садриддин А. Воспоминания. Пер. с тадж. А. Розенфельд, сер. «Литературные памятники», М.— Л., 1960.
Сборник статей, посвященных искусству таджикского народа. «Труды АН Тадж. ССР», т. XLII, 1956.
Семенов А. А. Этнографические очерки Зеравшанских гор Каратегина и Дарваза. М., 1903.
Сухарева О. А. Мать и ребенок у таджиков. Сб. «Иран», т. III. Л., 1929.
Таджикистан. Сборник. Ташкент, 1925.
Троицкая А. Л. Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана. «Советская этнография», 1935, № 6.

Припамирские таджики

Аманулдаев Ф. Ф., Полярош Е. И. Развитие сельского хозяйства ГБАО В кн.: «Некоторые вопросы экономики промышленности и сельского хозяйства в Таджикистане». «Труды АН Тадж. ССР», Отдел экономики, т. XCII, 1958.
Андреев М. С. и Половцов А. А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан. «Сборник Музея по антропологии и этнографии при Академии наук», IX. СПб., 1911.
Андреев М. С. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира. Ташкент, 1928.
Андреев М. С. К характеристике древних таджикских семейных отношений «Известия Таджикского филиала АН СССР», 1949, № 15.
Андреев М. С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи), вып. 1-2, 1953—1958.
Аристов Н. А. Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским, историческим известиям. «Русский антропологический журнал». М., 1900, № 3, 4, кн. 3-4; 1901, № 2, 3-4, кн. 6, 7-8; 1902, № 1, 2, 3, кн. 9, 10, 11; 1903, № 1, кн. 13; 1904, № 1-2, 3-4, кн. 17-18, 19-20.
Бахрамов З. Земельные отношения в Шугнане в конце XIX — начале XX в. (1895—1920 гг.). «Очерки по истории Таджикистана», т. 1, 1957.
Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа (Ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам гр. А. А. Бобринского. М., 1908.
Бобринский А. А. Секта исмаильяя в русских и бухарских пределах Средней Азии. «Этнографическое обозрение». М., 1902, № 2.
Бурхан-уд-дин-хан Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. Под ред. А. А. Семенова. Ташкент, 1926.
Джавов Г. Блестящая победа ленинской национальной политики на Памире. «Сельское хозяйство Таджикистана», 1959, № 10.
Зарубин И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. «Сборник музея антропологии и этнографии», V. Пг., 1915; отд. оттиск.— Пг., 1917.
Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. Душанбе, 1960.
Коржинский С. И. Очерк Рошана и Шугнана с сельскохозяйственной точки зрения. СПб., 1898.

Мандельштам А. М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э. «Труды Ин-та истории АН Тадж. ССР», т. LIII, 1957.
Минаев И. Сведения о странах и народах по верховьям Аму-Дарьи. СПб., 1879.
Моногарова Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев. В кн.: «Среднеазиатский этнографический сборник», II. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XLVII. М., 1959.
Набиев А. Установление и упрочение Советской власти на Памире. «Труды АН Тадж. ССР», т. LXXX, 1957.
Ошанин Л. В. Иранские племена Западного Памира. Ташкент, 1937.
Семенов А. А. История Шугнана. «Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии», XXI. Ташкент, 1917.
Та'рих-и-Бадахшан. «История Бадахшана». Фотографическая репродукция рукописного текста, введение, указатели. Подготовил к изданию А. Н. Болдырев. М., 1959.
Curzon G. The Pamirs and the source of the Oxus. London, 1896.
Lentz W. Auf das Dach der Welt. Berlin, 1831.
Schultz Arved. Die Pamirtadschik. Veröffentlichungen der Oberhessischen Museums und der Gailschen Sammlungen zu Gissen, Abteilung für Völkerkunde, Hft. I. Gissen 1914.

ГЛОССАРИЙ

*(словарь местных терминов)**

Принятые сокращения названий языков, на которых данный термин встречается в настоящем издании:

каз.— казахский
кар.— каракалпакский
кир.— киргизский
пам.— памирские
тадж.— таджикский
турк.—туркменский
узб.— узбекский

Абр (узб. абр) — ткань, орнаментированная способом перевязки
Абрез (узб., тадж. обрез, ташнав)— водослив в помещении в виде крытой ямы
Авдж (тадж. авч) — мелодическое построение в песне
Ага (кар. аға) — старший брат; обращение к отцу и мужчине старше себя
Агаш (кар. ағаш) — балка перекрытия в доме
Агаш ат (кар. ағаш ат) — носилки для покойника (букв. «деревянный конь»)
Адан (узб. адан) — см. Абрез
Адат (узб. адат) — обычное право
Аджина (тадж. ачина) — оборотень
Адрас (узб. адрас) — ткань с шелковой основой и бумажным, более толстым утком, орнаментированная способом перевязки и сильно лощеная
Адыр (узб. адир) — холмистые предгорья
Аза кийим (кар. аза кийим) — траурная одежда
Азал — см. Омач
Азан (тадж. азон) — призыв к молитве у мусульман
Азанчи (узб. азончи, муаззин)—служитель при мечети, провозглашающий азан (см.)
Аил (тадж. аил) — подпруга
Айван (узб., тадж. айвон; кар. айўан)— веранда, терраса; навес
Айлок — см. Джайляу
Айран (кар. айран) — пахтанье, разбавленное водой
Айтыс (кар. айтыс) — состязание на лучшие поэтические и музыкальные импровизации; см. также Жуан
Ак баскур (кар. ақ баскур) — широкая тканая узорная полоса, стягивающая остов юрты (белым фоном)
Ак жегде (кар. ақ жегде) — белая джегда (см.)
Ак кишмиш (узб. оқ кишмиш) — сорт винограда
Ак кур (кар. ақ қур) — тканая узорная полоса для закрепления кошм на юрте
Ака (узб. ака) — старший брат; обращение к мужчине старше себя
Акиби дар (тадж. ақиби дар) — часть жилого помещения у входной двери (букв. «за дверью»)
Акобир (пам. акобир)— группа родовой знати
Аксакал (узб., тадж., пам. оқсоқол) — сельский староста; староста ремесленной корпорации.
Аксу (узб. оқсу) — река ледникового питания
Акчай — см. Ширчай
Аламан (кар. аламан) — толпа; набег с целью грабежа
Алача (узб. алача, тадж. алоча) — кустарная бумажная или полушелковая ткань
Алаша (кар. алаша) — узорная шерстяная или полушерстяная ткань для паласов; палас, сшитый из алаши; алача (см.)
Албасты (тадж. албасти, кар. албаслы) — одно из демонических существ
Алгоу (узб. олгов) — обработка земли упряжкой из двух волов, принадлежащих разным хозяевам (супряга)

---

* Местные термины, имеющие несколько значений, даны только в тех значениях, в которых они встречаются в тексте настоящего издания.

Алдынғы узик (кар. алдынғы Узик) — кошма, покрывающая верх передней части юрты
Алоухана (тадж. аловхона) — сельский общинный дом (букв. «дом огня»)
Алтакта (кар. алтақта) — сидение для арбакеша (см.) на передней части арбы (см.)
Алты жаксы (кар. алты жақсы)— одна из частей калыма (см.), состоящая из шести ценных предметов
Амаки (узб. амаки; тадж. амак)—брат отца
Амакибачча (узб. амакивачча) — сын (дочь) брата отца
Амаль (тадж. амал) — вид налога
Амальдар (тадж. амалдор) — представитель военно-служилого сословия
Амин (узб., тадж. амин)— административное лицо в сельской местности
Амляк (узб., тадж. амлок, мамлок)— государственная земля, находившаяся во владении населения, с которой выплачивался налог; административно-податная единица
Амлякдар (тадж. амлокдор) — правитель амляка (см.)
Амма (узб. амма) — сестра отца
Ангур (тадж. ангур) — виноград
Анджир (тадж. анчир) — инжир
Анджуман (узб. анжуман) — собрание у ремесленников
Анор (тадж. анор) — гранат
Апа (узб. опа, кар. апа) — старшая сестра; обращение к женщине
Арак (тадж. арақ) — балка над оконным или дверным проемом
Арба (узб. арава, тадж. ароба, кар. арба) — двухколесная повозка
Арбакеш (узб. аравакаш) —возчик; скупщик, выступавший посредником между хлопкоробом и промышленником
Арбоб (тадж., пам. арбоб)— административное лицо в кишлаке
Арвох (узб., пам. арвоҳ)— душа умершего; дух предков
Арвохи пир (узб. арвоҳи пир) — цеховое собрание ремесленников, связанное с поминовением духов-покровителей данного вида ремесла
Аргимчак (узб. аргимчоқ, ҳайинчак, кар. аткеншек) — качели
Аребек (кар. әребек) — золотое кольцо, продевавшееся в крыло носа
Арзан — см. Тарык
Арк (тадж. арк) — цитадель внутри города; укрепленная часть ханского дворца
Аркан каде (кар. арқан қәде) — обрядовый выкуп, даваемый женихом за право входа в юрту невесты
Арна (кар. арна) — магистральный канал, отведенный от реки
Арпа (узб. арпа, тадж. чав) — ячмень
Арча (узб. арча) — древовидный можжевельник (Juniperus L.)
Арык (узб. ариқ) — оросительный канал
Арык-аксакал (узб. ариқ-оқсоқол) — см. Мираббаши
Арыс (кар. арыс) — одно из двух основных разветвлений каракалпакской родоплеменной системы (букв. «оглобля»)
Аскиябаз (узб. аскиябоз) — острослов
Асос (пам. асос) — человек, в котором, по поверью, воплотилась душа пророка
Аспек (кар. эспек) — поаульная очередь пользования водой общего канала
Аталар сози (кар. аталар сози) — пословицы, поговорки, нравоучительные изречения (букв. «слово отцов»)
Аталик (узб. оталиқ) — одно из высших должностных лиц в среднеазиатских ханствах
Ат-арба (кар. ат-арба) — арба (см.), в которую впрягают лошадь
Ат-арка (кар. ат-арқа) — колодка, употребляемая при изготовлении ленчика седла
Атештен (кар. әтештен) — обрамление очага внутри юрты
Атин-биби (узб. отин-биби, тадж. хотун)— учительница в дореволюционной женской школе
Аткеншек — см. Аргимчак
Атоля (тадж. атола) — овощная похлебка
Аттар (узб. аттор)— торговец парфюмерно-галантерейными изделиями и различными снадобьями
Атыз (кар. атыз) — участок поливного поля, окруженный земляным валиком
Ау (кар. аў) — рыболовная сеть
Аул (кар. аўыл) — селение
Ахунд (узб. охун) — высшее звание для преподавателя медресе
Ашик уйин (узб. ошиқ ўйин) — игра в «бабки»
Аштак (тадж. аштақ) — сушеный абрикос с выдавленной косточкой и вложенным очищенным ядрышком
Ашуля (узб. ашула) — песня
Ашур (узб. ашур) — траурные религиозные церемонии, посвященные Хасану и Хусейну
Ашхана (узб., тадж. ошхона)— столовая: кухня
Аяк кийим (кар. аяқ кийим) — обувь
Аяк серппе (кар. аяқ серппе) — серпие (см.), приводимое в движение ногой

Бадик (кар. бәдик) — заговор от крапивницы и кори
Бадия (узб. бадия) — глиняный сосуд в виде глубокой чаши
Бажа (кар. бажа) — муж сестры жены (свояк)
Базари шаб (тадж. бозори шаб) — ночной базар
Бай (узб. бой) — богач
Байга (узб. пойга, кар. бәйге) — скачки
Байпак (кар. байпақ) — войлочные чулки
Балабан (узб. балабан, кар. баламан) — музыкальный инструмент типа свирели
Балга (узб. болға) — молот; молоток
Балдыз (узб. болдиз) — младшая сестра жены

Балор (узб. болор) — поперечная балка потолка

Балык куурдак (кар. балық қуўырдақ) — жареная рыба

Банд — см. Дарза

Баргак (тадж. баргак) — абрикосы сушеные без косточек, половинками (курага)

Бас ат (кар. бас ат) — традиционная часть калыма (см.) — конь с седлом и всем конским набором

Бас огиз (кар. бас огиз) — традиционная часть калыма (см.) — рабочий бык

Басма (узб. босма) — штамп для нанесения узора на гончарную посуду; вышивание гладью

Басмач (узб. босмачи) — участник контрреволюционного кулацко-националистического движения в Средней Азии в первые годы Советской власти (букв. «бандит, разбойник, грабитель»)

Бастырма (кар. бастырма) — навес; крытое помещение для скота

Басык (нам. басык) — первый хлеб из зерна нового урожая

Батыр (кар. батыр) — военачальник, возглавлявший родоплеменное ополчение

Бау (узб. боу) — тканые узорные шерстяные полосы для скрепления остова и укрепления войлока юрты

Бахмал (тадж., кар. бахмал) — бархат

Бахши (узб. бахши, кар. бақсы) — сказитель; народный певец; знахарь

Бачча (узб. бачча) — мальчик-танцор, имевший обычно покровителей и содержателей

Башкур (узб. бошқур) — широкая тканая узорная полоса для стягивания остова юрты

Бегар (узб. бегар, тадж. бегорӣ) — феодальная повинность по сооружению и ремонту ирригационной сети

Беда (узб. беда, йўнғичка, тадж. ришқа) — люцерна

Бек (узб., нам. бек) — правитель района или города

Бекасам (узб. беқасам, беқасаб) — двухсторонняя полосатая ткань с шелковой основой и бумажным, более толстым утком

Бель (тадж., кар. бел) — железная лопата

Бельбеу (кар. белбеў) — кушак из ткани

Бельча (узб., тадж. белча) — лопаточка

Беруи — см. Ташкари

Бес кийим (кар. бес кийим) — комплект одежды — свадебный подарок жениха невесте (букв. «пять одежд»)

Бет ашар (кар. бет ашар) — обряд открывания лица новобрачной в доме мужа; песня, сопровождающая этот обряд

Бешик (узб. бешик, кар. бесик, тадж. гаҳвора) — колыбель

Бешик той (узб. бешик тўй) — праздник положения ребенка в колыбель

Бешкашта (узб. бешкашта) — тип безворсового узорного тканья со светлой одноцветной основой, имеющий вид вышивки

Бешпант (кар. бешпент) — верхняя мужская одежда типа камзола

Бидъат (узб. бидъат) — ересь; нововведение

Биёбон (нам. биёбон) — один из периодов счета времени по частям тела человека (букв. «пустыня»)

Бий (узб., кар. бий) — глава племени, родового подразделения

Бикеш (кар. бикеш) — обращение женге (см.) к опекаемой ею девушке

Билезик (кар. билезик) — браслет

Бинокар (узб. бинокор) — мастер-строитель

Бир казан (узб. бир қозон) — общее, «из одного котла», питание всех членов патриархальной семьи

Бобо (узб. бобо, калонтар) — выборный старшина в некоторых ремесленных корпорациях

Бобо дехкан (тадж. бобо деҳқон, кар. дийхан-баба) — «дед-земледелец» — мифический покровитель земледельцев

Бобопирак (нам. бобопирак, бопирак) — шуточный танец-пьеска (букв. «старик»)

Богара (узб., тадж., баҳори, лалми, қайроқ) — посевы неполивные

Богет (кар. богет) — плотина, запруда в канале

Бодом (тадж. бодом) — миндаль

Бозынген (каз. бозынген) — гипсовая кора выветривания на Устюрте

Бокле (тадж. бокле) — бобы

Боле (кар. боле) — сын (дочь) сестры

Болиштак (тадж. болиштак) — поперечные брусья, скрепляющие полозья саней-волокуш

Борек (кар. борек) — пирожки с мясом

Бугдай (узб. буғдой, тадж. гандум) — пшеница

Бугырсак (узб. бўғирсоқ, кар. баўырсақ) — кусочки пресного теста, жаренные в масле или сале

Буйинтурук (тадж. бўйинтуруқ, юг) — ярмо

Буйра (узб. бўйра, тадж. бўрьё, кар. бойра) — циновка, плетенная из камыша

Булак (узб. булоқ) — родник

Булгари (узб. булғори) — юфть

Буна (тадж. буна) — крестьянское хозяйство, находившееся в танхо (см.)

Бунак (узб. бўнақ) — ссуда, дававшаяся ремесленнику при найме; аванс, выдававшийся землевладельцем крестьянину-издольщику

Бурмох (тадж. бурмоҳ) — название одного из месяцев старинного календаря

Буякчи (узб. бўёқчи) — красильщик

Быламык (кар. быламық) — мучной кисель

Бязь (узб. бўз, мато, кар. боз) — грубая хлопчатобумажная ткань белого или коричневато-рыжего цвета

Вакуф (узб. вақф) — имущество, завещанное или переданное мусульманскому духовному учреждению с правом пользоваться доходами с этого имущества но без права продажи

Вақфи-дахъяк (узб. вақфи-даҳяк) — вакуфные земли, облагаемые налогом в пользу казны
Вақфи-холис (узб. вақфи-холис) — вакуфные земли, освобожденные от налогов
Вал (тадж. вал) — доска-волокуша; молотьба при помощи волокуши
Варрак (узб. варрак, парпарак) — бумажный змей
Васса (узб.,тадж. васса) — половинки брусков, укладываемые горбылькими вниз поперек основных балок потолочного перекрытия
Вац (пам. вац) — термин, употребляемый для обозначения дядей и теток
Вилоят (тадж. вилоят) — область
Воскат (пам. воскат) — мужская безрукавка

Ғавора — см. Бешик
Ғаджари (узб. ғажари) — тип узорного безворсового тканья с разноцветной основой и одноцветным утком
Ғадик (тадж. ғадик) — дарвазская порода овец
Ғаз (кар. гез) — мера длины: расстояние от конца пальцев до плеча (русск. аршин)
Ғаз мойын (кар. ғаз мойын) — название орнамента (букв. «шея гуся»)
Ғальбери чош (тадж. ғалбери чош) — вид решета для чистки зерна
Ғальбери югра (тадж. ғалбери югра) — вид решета для чистки зерна
Ғалягоу (тадж. ғалагов, ҳӯй) — молотьба с помощью быков
Ғандум — см. Бугдай
Ганч ((узб., тадж. ганч) — алебастр
Ганчкор (узб. ганчкор) — резчик по алебастру
Ғап (узб. ғап, жӯра, тадж. ғап, чӯра, кар. жора) — мужские зимние сборища с угощением, устраиваемые по очереди или вскладчину (см. также Тукма)
Ғариб (тадж. ғариб) — странник
Ғариби (тадж. ғарибӣ) — тема «чужбины» в песенной лирике
Гарм (тадж. гарм, узб. иссиқлик)— «горячительная» пища (по народным представлениям, делящим пищу на «горячительную» и «охладительную»)
Гашнич (тадж. гашнич, гашниҷ, кашнич) — кориандр (Coryandrum sativum)
Гелос (тадж. гелос) — черешня
Геуиш — см. Кауш
Гиджак (узб. ғижжак, тадж. ғиҷҷак, кар. ғыржек) — струнносмычковый музыкальный инструмент
Гилим (пам. гилим) — мужской халат
Гилимин курта (пам. гилимин курта) — женская рубаха
Гилькор (узб. гилкор) — мастер-штукатур; резчик по алебастру
Гильтбау (кар. гилтбаў) — кольцо для ключей, носившееся женщинами на платье
Гирдача (тадж. гирдача) — вид хлебной лепешки
Гирех (тадж. гирех) — геометрический орнамент
Гишт (узб. ғишт) — кирпич
Гоже (кар. гөже) — похлебка из зерен джугары, пшеницы, риса
Губи — см. Гушпи
Гуваля (узб.,тадж. гувала) — глиняные комья овальной формы, употребляемые для кладки стен
Гуваляк камон (узб. гувалак камон) — двухтетивный лук для стрельбы глиняными шариками
Гуз кауын (кар. гүз қаўын) — осенний сорт дыни
Гуза (узб. ғуза, жойдори ғуза, тадж. ғӯза) — местный сорт хлопчатника
Гузар — см. Махалля
Гузарго (тадж. гузаргоҳ) — место пребывания (прохождения) «святого»
Гул (тадж. ғул) — одно из демонических существ
Гулубандак (тадж. гулӯбандак) — женская нашейная бисерная повязка
Гуль (тадж. гул) — дерево, разукрашенное для праздничного шествия (букв. «цветок»)
Гуль (кар. гүл) — название орнамента (букв. «цветок»)
Гульапсан (кар. гүләпсан) — заговор от болезней, сопровождающихся сыпью
Гульгардони (тадж. гулгардонӣ) — праздничное шествие с цветами
Гульдузи (узб. гулдузи) — вышитые предметы; в золотошвейном искусстве — шитье по рисунку, без заполнения фона
Гульше (кар. гүлше, көмеш)— лепешка, испеченная в золе
Гунде-агаш — см. Омач
Гупи (кар. гүпи) — вид верхней мужской одежды
Гушпи (тадж. гушпӣ, кар. гүби) — маслобойка
Гур (тадж. гӯр) — могила
Гурес — см. Кураш
Гури лахад (тадж. гӯри лаҳад) — тип могилы с боковой нишой, куда кладут покойника
Гури чубин (тадж. гӯри чӯбин) — тип могилы в виде прямоугольной ямы, перекрытой досками или жердями
Гуристан (тадж. гӯристон, қабристон)— кладбище
Гуси (тадж. гусӣ) — косы, заплетаемые за ушами
Гусфандхона (тадж. гӯсфандхона) — овчарня
Гушакубак (тадж. гушакӯбак) — деревянная колотушка

Давра (узб. давра) — обряд очищения умершего от грехов
Даек (кар. дөйек) — натуральный налог
Дайы (кар. дайы) — дядя — брат матери
Дализ (тадж. даҳлиз, кар. дәлиз) — сени; коридор
Даллол (узб. даллол) — маклер; посредник
Дам (узб.,тадж. дам) — кузнечный мех
Дамбал (кар. дамбал) — штаны
Дандана (узб. дандона, кар. дәндене) — борона в виде доски с зубьями
Дар (тадж. дар) — дверь

Дарваз (узб. дорвоз, кар. дәрўаз) — канатоходец
Дарвоза (тадж. дарвоза) — ворота
Дарга (узб. дарға) — судоводитель; главное лицо на каюке
Дарга (тадж. дорғо) — чиновник, ведавший сбором налогов с урожая
Даргильмодик (тадж. даргилмодик) — вид песни
Дарза (тадж. дарза, банд) — сноп
Дарсхана (узб. дарсхона)—аудитория в медресе
Даруи — см. Ичкари
Дарча (узб. дарча, тадж. дарича) — дверь, заменявшая окно в старинных домах
Даста (тадж. даста, мушта) — рукоятка пахотного орудия
Даста уйин — см. Чиллик
Дастан (узб. достон, кар. дәстан, жыр) — эпическая поэма
Дастархан (тадж. дастархон, кар. дастурқан) — скатерть; угощение на ней
Дастбеша (тадж. дастбеша) — обряд приобщения новобрачной к хозяйству
Дастхонск (тадж. дастхонск) — молоток кузнеца, ручник
Даха (узб. даҳа, китэ) — часть, район феодального города
Девлох — см. Джайляу
Девонбеги (тадж. девонбегӣ) — чиновник, ведавший хозяйством, финансами
Девчарх (узб. девчарх) — колесо для кручения шелка
Дег (тадж. дег) — котел
Дегдон (тадж. дегдон) — очаг
Дегелей (кар. дегелей) — круглая мужская шапка с меховым околышем
Дегрезлик (узб. дегрезлик) — ремесло литейщика
Дейгиш (турк. дейгиш) — размыв берега рекой
Депма (узб. депма) — примитивный способ подъема воды для орошения
Дехканин (узб. деҳқон, кар. дийхан) — крестьянин; земледелец
Джайдари (узб. жойдори) — местная порода овец
Джайляу (узб. яйлов, тадж. айлоқ, девлох, кар. жазлаў) — летнее пастбище
Джамаа (узб. жамоа) — сельское общество; община
Джаноза (тадж. ҷаноза) — заупокойная молитва
Джантак (кар. жантақ) — верблюжья колючка (Alhagi camelorum)
Джау — см. Арпа
Джахр (узб. жаҳр) — громкий зикр (см.)
Джегда (узб. жегда, кар. жегде) — женская накидка типа паранджи (см.)
Джеляк (узб. желак) — женское покрывало в виде короткого халата
Джида (узб. жийда) — лох восточный (Elaeagnus orientalis)
Джизья (узб. жиз'я) — подушная подать
Джильду (тадж. ҷилду) — пожалования знати (землей, одеждой и пр.)
Джингиль (кар. жынғыл) — гребенщик (Tamarix)
Джияк (тадж. ҷияк) — узорная тесьма
Джиян (узб. жияк, кар. жийен) — термин для обозначения племянников и племянниц
Джогундарон (тадж. ҷогундорон) — послесвадебная церемония «снятие постели»
Джоду (тадж. ҷоду) — колдовство
Джома (тадж. ҷома) — халат
Джоруб (тадж. ҷорӯб) — веник
Джубор (тадж. ҷӯбор) — канал; большой ручей
Джувозхона (тадж. ҷувозхона) — маслодельня
Джугара (узб. жўхари, тадж. ҷуворӣ)— сорго
Джуй (тадж. ҷӯй) — оросительный канал
Джуи калон (тадж. ҷӯйи калон) — головной канал
Джулхирс (узб. жулхирс) — высоковорсный ковер
Джура (букв. «друг», «товарищ»)— см. Ган
Джураб (тадж. ҷуроб) — чулки
Джуралар баши (узб. жўралар боши) — глава компании для зимних пирушек
Джургот (тадж. ҷургот) — заквашенное молоко
Дигир (узб. дигир) — кувшин для чигиря (см.)
Дигирман (кар. дигирман) — мельница
Дизбе (кар. дизбе) — тесьма для скрепления деревянных частей купола юрты
Дийхан (кар. дийхан) — одна из форм феодальной эксплуатации крестьян; см. также Дехканин
Дийхан-баба — см. Бобо дехкан
Додо (тадж. додо) — отец
Дойра (узб., тадж. доира, кар. дайра)— бубен, ударный музыкальный инструмент
Дока (узб.,тадж. дока) — белая кисея; головной платок из кисеи
Долон (тадж. долон) — терраса; сени
Домбра (узб. дўмбира) — струнно-щипковый музыкальный инструмент
Домодбаророн (тадж. домодбаророн) — обряд первого выхода новобрачного из дома через три дня после свадьбы
Домодталабон (тадж. домодталабон) — первое приглашение затя в дом тестя
Дос — см. Орак
Доя (тадж. доя) — повитуха
Дувал (узб. девор, девол) — стена; ограда; забор
Дуг (тадж. дӯғ) — пахтанье
Дудувик (пам. дудувик) — вид песни
Дукон (тадж. дӯкон) — глинобитное возвышение в доме
Дукондар (узб. дўкондор) — владелец лавки, магазина
Думбурак (тадж. думбурак) — щипковый музыкальный инструмент
Думше (кар. дүмше) — чугунный кувшинчик для кипячения воды к чаю
Дунби (узб. дўнби, тадж., пам. тоқӣ, пам. токай, кар. тақыя)— тюбетейка
Дурадгар (узб. дурадгор) — столяр; плотник

Дурадгарлик (узб. дурадгорлик) — столярное, плотничье ремесло
Дутар (узб. тадж. дутор, кар. дуўтар) — двухструнный щипковый музыкальный инструмент
Духтари сульб (пам. духтари сулб) — дочь-наследница (букв. «родная, законная дочь»)
Душох (тадж. душох) — двузубые вилы

Егиншерик (кар. егиншерик) — одна из форм феодальной эксплуатации крестьян
Ер демир (турк. ер демир) — железный сошник
Ергенек (кар. ергенек) — двустворчатая дверь юрты
Ергучок — см. Яргучак
Ертекши (кар. ертекши) — исполнитель сказок
Ерши (кар. ерши) — мастер-седельщик
Есик (кар. есик) — циновка с нашитой на нее кошмой—навесная дверь юрты
Есик-кас (кар. есик-қас) — ворсовый коврик, висящий над дверью в юрте
Ет (кар. ет) — мясо; кушанье из сваренных в бульоне кусков тонко раскатанного теста с положенными сверху кусками вареного мяса
Етекке салу (кар. етекке салыў) — обряд усыновления младенца (букв. «положение в полу»)
Етик — см. Этик
Етим (узб. етим) — см. Карол
Ешек-арба (кар. ешек-арба) — небольшая арба (см.), в которую впрягают осла
Ёгочоёк — см. Ягачаяк
Ём — см. Ям
Ёр-ёр — см. Яр-яр

Жага (кар. жаға) — ворот; воротник
Жаз кауын (кар. жаз қаўын) — летний сорт дыни
Жазлау — см. Джайляу
Жамбау (кар. жамбау) — широкая ковровая полоса с цветной бахромой, украшающая юрту снаружи
Жамбылша (кар. жамбылша) — сорт скороспелой дыни
Жап (кар. жап)— распределительный канал, отведенный от магистрального
Жарма (кар. жарма) — жидкая похлебка из дробленых зерен джугары, пшеницы или ячменя
Жарымшы (кар. жарымшы) — крестьянин-испольщик
Жаушы (кар. жаўшы, тадж. завчӣ) — сват, посылаемый к отцу девушки
Жегде — см. Джегда
Жекен (кар. жекен) — рогоз, куга (болотное растение Typha latifolia)
Женге (кар. жеңге) — опекающая девушку замужняя женщина — обычно жена ее старшего брата или другого старшего родственника
Женгсе (кар. жеңсе) — вышитый отороченный мехом нарукавник, нашивавшийся на рукава женской верхней одежды
Женгсиз (кар. жеңсиз) — женская верхняя одежда-безрукавка
Женгуш (кар. жеңуш) — вышитые манжеты, пришивавшиеся к рукавам женской одежды
Жертоле (кар. жертоле) — землянка; полуземлянка
Жетиси (кар. жетиси) — поминки, устраиваемые семьей покойного на седьмой день после его смерти
Жийен — см. Джиян
Жин (кар. жин) — джинн; злой дух
Жипек жегде (кар. жипек жегде) — шелковая джегда (см.)
Жойдори — см. Джайдари
Жоклау (кар. жоқлаў) — похоронный плач, исполняемый при оплакивании покойника
Жора — см. Джура
Жорма тигис (кар. жорма тигис) — тугой и частый шов
Жуап (кар. жуўап) — словесные состязания между девушками и юношами в форме насмешливых песен-диалогов, исполняемых на отырыспа (см.)
Жуз (кар. жуз) — земледельческий календарь
Жузи (кар. жузи) — поминки, устраиваемые семьей покойного на сотый день после его смерти
Жузик (кар. жузик) — перстень
Жук (кар. жук) — уложенные стопкой на шкафчиках в юрте или доме кошмы, ковровые сумки с одеждой, одеяла и подушки
Жулхирс — см. Джульхирс
Жумалак муйиз (кар. жумалақ муйиз) — название орнамента (букв. «круглый рог»)
Журни (пам. журни) — вид песни
Жыга (кар. жыға) — налобная серебряная бляха на головном уборе саукеле (см.)
Жылкышы (кар. жылқышы) — табунщик
Жылы (кар. жылы) — поминки, устраиваемые семьей покойного через год после его смерти
Жылым (кар. жылым) — сеть; невод
Жынгыл — см. Джингиль
Жыр — см. Дастан
Жырау (кар. жыраў) — сказитель и певец; исполнитель эпоса под аккомпанимент кобыза (см.)

Завчи — см. Жаушы
Загара (кар. зағара) — лепешка из джугаровой или просяной муки
Закот (узб.,пам. закот, кар. зәкөт) — налог со скота и товаров
Закотчи (узб. закотчи) — сборщик закота (см.)
Заминдузи (узб. заминдузи) — вышивка золотом со сплошной зашивкой узора и фона
Заминкан (тадж. заминкон) — землянка
Замин-кори (узб. замин-кори) — вид рельефной резьбы
Заргар (узб. заргар, кар. зергер) — ювелир
Заргарлик (узб. заргарлик) — ювелирное ремесло
Зардак — см. Сабзи

Зардолу (тадж. зардолу) — абрикос
Зардузи (тадж. зардӯзӣ) — золотошвейное ремесло
Заур (узб. зовур захкаш) — дренажная канава
Захкаш. — см. Заур
Зерча (тадж. зерча) — подставка, употребляемая при пробивании отверстия в кузнечных изделиях
Зи (тадж. зи) — узорная тесьма
Зигир (узб. зиғир, тадж. зағир) — лен
Зикр (узб. зикр) — радение суфиев (см.)
Зин (тадж. зин) — седло
Зиндан (узб. зиндон) — тюрьма
Зира (тадж. зира) — тмин
Зогнуль (тадж. зоғнӯл) — кирка
Зочабози (тадж. зочабозӣ, узб. қуғирчоқ ўйин) — кукольный театр
Зочаи бе чодыр (тадж. зочаи бе чодир) — кукольный театр без палатки
Зочаи дасти (тадж. зочаи дастӣ) — кукла кукольного театра, надеваемая на руку

Идгардак (тадж. идгардак) — хождение в гости (в праздник)
Ийинбау (кар. ийинбаў) — ковровая полоса для украшения юрты
Илак (турк. йылак) — вид осоки (Carex physodes)
Ильме (кар. илме) — орудие для лова рыбы зимой в проруби; тамбурный вышивальный шов
Илят (узб. илот) — квартал г. Хивы; сельская община в Хорезме
Имам (узб., тадж. имом)—духовное лицо, руководящее молением в мечети; духовный глава мусульман-шиитов
Ини (кар. ини) — младший брат
Инкир (тадж. инкир) — очаг в Ягнобе
Ираки (узб. ироқи) — вышивание крестом и полукрестом
Ис чикармак (узб. ис чиқармоқ) — ритуальное угощение в виде жареной пищи (по поверью, ее запахом питаются души умерших)
Ислими (тадж. ислимӣ) — название орнамента в виде гибкого побега
Испанд (тадж. испанд) — растение рута (Peganum harmala)
Иссиклик — см. Гарм
Истарчин (узб. истарчин) — староста (от русск. «старшина»)
Иттико (тадж. иттико) — рубаха с высоким воротом
Йунгичка — см. Беда
Йурма — см. Юрма
Ичкари (узб.ичкари, тадж. дарун)—внутренняя часть дома, внутренний двор усадьбы, служивший в дореволюционное время женской половиной
Ишан (узб.,тадж. эшон) — духовный наставник у последователей суфизма
Ишик (кар. ишик) — женская шуба, подбитая мехом
Ишкийим (кар. ишкийим) — штаны (букв. «нижняя одежда»)
Иштан (кар. ыштан) — штаны

Кабак (қар. қабақ, тадж. каду) — тыква
Кабристан — см. Гуристан
Кавзи (тадж. кавзи) — часть обвязки потолка
Кавм (тадж. қавм) — кровнородственная группа; родовая группа
Када (кар. қада) — длинные поперечные жерди в кровле дома
Каде (кар. қоде) — подарки-«выкупы» жениха в свадебной церемонии
Кадон (тадж. каҳдон) — сарай для соломы и мякины
Каду — см. Кабак
Каза (кар. қаза) — западня; загородка из камыша для ловли крупной рыбы
Казан (кар. қазан) — котел
Казан-аяк (кар. қазан-аяқ) — женская, хозяйственная часть юрты (букв. «посуда»)
Казий (узб. қози, тадж. қозӣ) — судья, судивший по шариату
Казнок (тадж. қазноқ) — кладовая
Казоки (тадж. қазоқӣ) — женская рубаха со стоячим воротником (букв. «казахская»)
Казу (узб. қазув, кар. қазуў) — повинность по очистке ирригационной сети
Казуши (кар. қазуўшы) — участник казу (см.)
Кайвани (узб. кайвони, ходим, тадж. кайвонӣ) — женщина, приглашаемая во время семейных праздников для наблюдения за распорядком праздника; хорошая хозяйка
Каймак (кар. қаймақ) — сливки
Кайрак (узб.,тадж. қайроқ) — кастаньеты или заменяющие их плоские камешки; см. также Богара
Кайса (тадж. кайса) — сушеный абрикос с выдавленной косточкой
Кайыс (кар. қайыс) — ременный пояс
Как (узб., тадж. қоқ, кар. қақ) — водосборное сооружение; сушеные фрукты
Какпаш (кар. қақпаш) — сушеная мелкая рыба
Какра (кар. қақра) — примитивная жилая постройка из камыша с глиняной обмазкой
Кала (тадж.,пам. қалъа, кар. қала) — крепость
Каламфур (тадж. қаламфур) — перец
Каланд (тадж. каланд) — мотыга
Калгай (узб. қалғай) — тонкая шелковая ткань, вырабатывавшаяся из неотваренной грежи и подвергавшаяся отварке в сотканном виде
Калонтар — см. Бобо
Калонтари хона (тадж. калонтари хона) — старшина большой патриархальной семьи
Калпак (узб. қалпоқ, кар. қалпақ) — войлочная шапка
Калпак-такыя (кар. қалпақ-тақыя) — старинный мужской головной убор
Калыб (узб. қолип, тадж. қолиб) — деревянный штамп для нанесения узора на ткань; форма; штамп
Калым (узб. қалин, кар. қалың, қалың мал) — калым; выкуп за невесту
Калям (узб. қалам) — перо для письма; кисть для росписи; инструмент для резьбы
Калями (узб. қалами) — прием подглазурной росписи керамической посуды;

толстая полосатая ткань грубой работы с белым утком

Каляндар (узб. қаландар) — нищенствующий дервиш

Каляндархона (узб. қаландархона) — дом для дервишей; место жительства главы дервишского ордена; помещение для молитвенных собраний дервишей

Камарбаста (узб. камарбаста, миёнбаста) — обряд посвящения ученика в мастера

Камзол (узб. камзул, камзур, тадж. камзӯл, кар. кәмзол) — женская одежда типа камзола

Камзолбуриш (тадж. камзӯлбуриш) — тип рубахи с отрезной кокеткой

Кампирак (пам. кампирак) — чучело из метлы, изготовляемое на гумне после уборки урожая (букв. «старуха»)

Кандахаёл (узб. кандахаёл) — один из способов вышивания гладью

Канна (тадж. канна) — хозяйственное помещение в Ягнобе

Капа (узб. капа) — шалаш

Каппан (узб. каппон) — склад, где производилась торговля мукой, зерном, сушеными фруктами и хлопком

Каптал (кар. қаптал) — мужская половина юрты

Кара асы (кар. қара асы) — поминки, устраиваемые в день похорон

Кара кишмиш (узб. қора кишмиш) — сорт винограда

Кара уй (узб. қора уй, кар. қара үй) — юрта

Карабаир (узб. қорабаир) — порода лошадей

Карабура (узб. қорабура, кар. қарабуўра) — фашина из хвороста, камыша, дерна, камней и земли, применяемая для сооружения дамб и плотин

Караванбаши (узб. карвонбоши) — начальник каравана; лицо, ведущее караван

Карагач (узб. қайрагоч) — вяз (Ulmus densa Litw.)

Караз — см. Харас

Карасу (узб. қорасу) — река подземного питания

Карбос (тадж. карбос) — грубая кустарная бумажная ткань

Карга (узб. қарға) — название орнамента шелковых тканей: по черному фону белые разводы (букв. «ворона»)

Карга тырнак (кар. қарға тырнақ) — название орнамента (букв. «вороний коготь»)

Карма (кар. қарма) — уха с клецками из джугаровой или просяной муки

Кармак (кар. қармақ) — удочка

Карнай (узб., тадж. карнай) — духовой музыкальный инструмент в виде длинной медной трубы

Карол (узб. қарол, етим, тиллякор, тадж. қароӣ) — различные сельскохозяйственные наемные работники; батрак; см. также Науча

Карс — см. Румал

Карсы куда (кар. қарсы қуда) — «перекрестная» форма брака — обмен девушками между двумя семьями

Каршын (кар. қаршын) — ворсовый коврик, составляющий лицевую сторону сумки для одежды

Карындас (кар. қарындас) — младшая родная или двоюродная сестра (по отношению к брату); племянница (дочь брата по отношению к дяде)

Карыс (кар. қарыс) — мера длины (соответствующая русской четверти)

Каса (узб. коса, кар. кесе) — пиала (см.) большого размера

Касаба (узб., тадж. касаба) — корпорация ремесленников; нижняя выступающая часть камина

Касамон — см. Майда такча

Кассаб (узб. қассоб) — мясник

Кастим (узб. кастим, тадж. кастум) — одежда типа жакета, распространившаяся за годы Советской власти

Касыда (узб. қасида) — ода

Кат (тадж. кат) — кровать-помост

Катар — см. Тенгкур

Катиб (кар. катиб) — переписчик эпоса и произведений поэтов (букв. «писец»)

Катлама (узб., тадж. қатлама) — слоеная лепешка

Катта ашуля (узб. катта ашула) — жанр народной песни

Катта балга (узб. катта болға) — молот молотобойца

Катта-курган (узб. катта-қўрғон) — сорт винограда

Катык (узб. қатиқ, кар. қатық) — кислое молоко

Катын (кар. қатын) — женщина; жена

Катырма нан (кар. қатырма нан) — сдобная лепешка, выпекаемая в котле

Каурдак (тадж. қаурдақ, кар. қуўырдақ) — жаркое; куски мяса и картофеля, зажаренные с луком

Кауш (узб. кавуш, тадж. кафш, кауш, кар. геўши) — старинные кожаные галоши; деревянные галоши

Кауаша гуль (кар. қаўаша гүл) — название орнамента (букв. «цветок хлопчатника»)

Кафан (тадж. кафан) — саван

Кафлез (тадж. кафлез) — деревянная разливательная ложка

Качи (узб. качи) — повинность по сооружению дамб на каналах и реках

Кашик (узб. қошиқ, тадж. қошуқ) — ложка; кастаньеты

Кашкарча (тадж. қашқарча) — тип двухкамерного дома с сенями по середине

Каюк (узб. қайиқ, кар. қайық) — лодка; плоскодонное беспалубное судно

Кейинги узик (кар. кейинги үзик) — кошма, покрывающая заднюю часть верха юрты

Кели (кар. кели) — большая деревянная ступа

Келин (узб. келин) — новобрачная, молодуха; невестка, сноха; обращение к жене младшего брата

Кема (узб. кема, қар. кеме) — судно; большая лодка

Кепше (кар. кепше) — небольшая лопата

Керага (узб. керага, кар. кереге) — раздвижной решетчатый каркас, образующий стенки юрты

Керши (кар. керши) – рыболовная снасть; большой сачок для ловли рыбы
Кескан-аш (узб. кескан-ош, суюқ-ош, кар. кеспас, кесбас) — суп с лапшой
Кескирт (кар. кескирт) — маленький серп для травы
Кеспас — см. Кескан-аш
Кестеле койлек (кар. кестеле көйлек, ҳалқалы көйлек) — женская старинная рубаха-платье с вышивкой
Кетмень (узб. кетмон) — род мотыги с широким лезвием
Кетхуда (кар. кәтқуда) — старшина коше (см.)
Кех (пам. кех, киш)— различные суеверия, запреты
Кизикчи — см. Масхарабаз
Кийгич — см. Кулюта
Кийиз (кар. кийиз) — кошма, войлок
Кимешек (кар. киймешек) — старинный головной убор замужней женщины
Кинджит (тадж. кинчит) — кунжут
Кирчак (тадж. қирчак)–деревянная лопата
Киш — см. Кех
Кишнак (тадж. кишнак) — ячмень с пленчатым зерном
Кобыз (узб. қўбиз. кар. қобыз) — струнно-смычковый музыкальный инструмент
Козак (кар. қозақ) — станок для выделки хлопчатобумажных тканей
Койляк (узб. кўйлак, кўйнак, кар. көйлек) — рубаха
Койшы — см. Чопан
Коқуль (тадж. коқул) — прядь волос; искусственные косы
Кол серпне (кар. қол серпне) — серпне (см.), приводимое в движение рукой
Комек — см. Хашар
Комекши (кар. көмекши) — участник хашара (см.)
Комеш — см. Гульше
Конак (кар. қонақ) — гость
Копир каде (кар. көпір қәде) — обрядовый выкуп, даваемый женихом «за проход через мост» к дому невесты
Кора (кар. қора) — загон для скота из камыша и ветвей
Коранда (узб. коранда, науча, сеяк)— крестьянин-издольщик
Корханаи созанда — см. Мехтарлик
Кос муйиз (кар. қос мүйиз) — название орнамента (букв. «парные рога»)
Кос ауз мылтык (қар. қос аўыз мылтык) — охотничье ружье; двустволка
Кочи (пам. кочи) — мучной кисель
Кош (узб. қўш) — пара волов, составляющих одну упряжку при пахоте; объединение двумя хозяйствами своих волов для составления парной упряжки
Коше (кар. коше) — мелкое родовое подразделение (патронимия)
Коше-бий (кар. коше-бий) — старшина коше (см.)
Кошкарак (тадж. қошқорақ) — полозья саней-волокуш
Кошласу (кар. қошласу) — прощальная песня
Кошнай (узб. қўшнай, тадж. қўшнай) — деревянный духовой музыкальный инструмент, сдвоенный, типа флейты
Кошсинч (узб. қўш синч, тадж. қўшсинч) — двухрядный каркас здания
Кубур (узб. қувур) — глиняная водопроводная труба
Кугирчак уйин — см. Зочабози
Куда (кар. қуда) — сват; свояк; свойственник
Куда бала (кар. қуда бала) — младшие родственники (мужчины) жениха и невесты по отношению друг к другу
Кудаша (кар. қудаша) — сватья — молодая родственница жениха или невесты; обращение к девушке из другого рода (аула)
Куёу (узб. куёв, кар. күйеу) — зять, жених
Куз хаки (узб. кўз ҳақи) — доля, на которую имел право претендовать каждый, на чьих глазах приготовлялась пища или закалывалось животное
Куйдирги (узб. кўйдирги) — сибирская язва
Куйрыкша (кар. қуйрықша) — часть кимешека (см.), спускающаяся на спину
Кук койлек (кар. көк көйлек) — траурная синяя рубаха
Кукбури — см. Улак
Куknар (узб. кўкнор, тадж. кўкнор) — опийный мак; опий
Кукчи (узб. кўкчи) — мастер, окрашивающий пряжу в синий цвет
Кул кугирчак (узб. қўл қўғирчоқ) — театр ручных кукол (типа «петрушки»)
Кулакшын (кар. қулақшын) — шапка-ушанка
Кулаллик (узб. кулаллик) — гончарное производство
Кули (тадж. кўлп) — закром
Куль (тадж. кул) — тип маслобойки
Кульча (тадж. кулча) — маленькая сдобная лепешка
Кулюта (узб. култа, кулюта, кийгич)— головной убор пожилых женщин в виде круглой шапочки с накосником
Кулях (узб. кулох) — старинный мужской головной убор в виде конусообразной шапки без околыша; высокая конусообразная шапка дервиша
Кумырыска бель (кар. қумырыска бел) — название орнамента (букв. «муравьиная талия»)
Кунак (узб. қўноқ, тадж. қуноқ, кар. қонақ) — просо итальянское
Кунда (узб.-тадж. кунда) — основание для наковальни в виде высокого пня (букв. «пень»)
Кунда (тадж. кунда) — кровнородственная группа; см. также Тоифа
Кундаль (тадж. кундал) — вид рельефной живописи
Кунликши (кар. күнликши) — поденщик
Кунчи (узб. кўнчи, чармгар) — кожевник
Купкари — см. Улак
Курак (узб. кўрак) — нераскрывшаяся после заморозков коробочка хлопчатника
Кураш (узб. кураш, кар. күрес) — спортивная борьба
Кураш — см. Чугурма

Курбан хаит (узб. қўрбон ҳайит, кар. курбан хайт) — мусульманский праздник жертвоприношения
Курганча — см. Хаули
Курдас (кар. қурдас) — сверстник
Куроб (пам. қуроб) — поперечный разрез на рукаве женской рубахи
Курпа (тадж. кўрпа) — одеяло
Курпача (узб. кўрпача) — узкое ватное одеяло для сидения
Курси (тадж. курсӣ) — рама из толстых бревен в основании дома
Курта (тадж.,пам. курта) — рубаха; платье
Куртаи китфак (тадж. куртаи китфак) — тип рубахи с горизонтальным разрезом ворота
Куртаи сагак (тадж. куртаи сагак) — первая рубашка новорожденного, сшитая из старой рубахи пожилого человека (букв. «собачья рубашка»)
Куртаи яктаги (тадж. куртаи яктагӣ, яктаӣ) — тип нательного халата
Курта яктайе (пам. курта яктайе, яктагӣ) — мужская рубаха
Курултай (узб. қўрўлтой) — съезд
Курут (тадж. қурут, кар. қурт)—вид сыра
Курутоб (тадж. қўрутоб) — стопка чапати (см.), залитая вскипяченным пахтаньем с маслом и луком
Кутан (узб. қутон) — загон для овец
Кухур (тадж. кухур) — деревянный шлюз, плотина на канале
Куча (тадж. кўча, таги пога) — широкий проход в доме между дуконами (см.) (букв. «улица»)
Куча-аш (узб. кўча-ош) — жидкая каша из дробленого ячменя или джугары, заправленная кислым молоком
Кушик (узб. қўшиқ) — песня
Кыз алып кашу (кар. қыз алып қашў) — умыкание девушки
Кыз узату (кар. қыз узатыў) — проводы новобрачной в аул мужа
Кызыл баскур (кар. қызыл басқур) — тканая узорная полоса, стягивающая остов юрты (с красным фоном)
Кызыл кур (кар. қызыл қур) — красные узорные тканые полосы, пришитые к покрывающей юрту передней кошме
Кыркы (кар. қырқы) — поминки, устраиваемые семьей покойного на сороковой день после его смерти
Кыслау (кар. қыслаў) — зимнее пастбище
Кысма-сага (кар. қысма-сага) — устройство, регулирующее приток воды в канал
Кыссахан (кар. қыссахан) — рассказчик
Кяриз (узб. кариз) — система подземных галерей и колодцев для выведения грунтовых вод на поверхность земли

Лаблабу (тадж. лаблабу) — свекла
Лакап (кар. лақап) — прозвище
Лаккы (кар. лаққы) — остряк-импровизатор; шутник
Лаланк (пам. лаланк) — вид песни
Лачиг (узб. лочиғ) — полусферический шалаш, деревянный остов которого покрыт кошмой или буйра (см.)
Ликирдз (пам. ликирдз) — веретено
Лифа (тадж. лифа) — верхняя часть шаровар
Лобия (тадж. лӯбиё) — фасоль
Локи (тадж. локӣ) — поясной платок
Ляля (тадж. лола) — тюльпан
Луля-пардоз (узб. лўла-пардоз) — вид рельефной резьбы
Лухтакбози (тадж. лӯхтакбозӣ) — кукольный театр, спектакль
Люччак (тадж. луччак) — голозерный ячмень; гималайское жито
Лягман (узб., тадж. лагмон) — откинутая лапша с приправой из мяса и овощей
Ляльми — см. Богара
Ляпар (узб.,тадж. лапар) — песенный жанр типа музыкального диалога, обычно сопровождаемый танцем
Ляхад (узб.-тадж. лаҳад) — боковое углубление в могиле, куда помещают покойника
Лячак (узб. лачак) — часть женского головного убора, представляющая собой кусок ткани, обрамляющей лицо и прикрывающей грудь

Мавиз (тадж. мавиз) — изюм
Мавлюд (узб. мавлуд) — день рождения Мухаммеда
Мадали— вид шелковой ткани
Мазар (узб. мозор, пам. остон)— место религиозного паломничества (главным образом могилы «святых»)
Майда такча (узб. майда токча, косамон, реза токча)— маленькие отделения в нишах, предназначенные для различной посуды
Макам (узб. мақом) — мелодия; название каждой из частей шашмакама (см.)
Маккаджугари (узб. маккажўхори) — кукуруза
Мактаб (узб. мактаб, кар. мектеп)— школа; в дореволюционное время — начальная мусульманская школа
Мактабдар (узб. мактабдор) — учитель, содержавший в дореволюционное время мактаб (см.)
Макпал (кар. мақпал)— бухарский цветной и узорный бархат
Мала (узб. мола, кар. мала) — борона в виде толстой доски
Малхана (кар. малхана) — хлев
Мамляка — см. Амляк
Манты (узб. манти, тадж. манту) — крупные пельмени, приготовленные на пару
Мард (пам. мард) — местный календарь со счетом времени периодами, называемыми по частям тела человека
Марди шикори (пам. марди шикорӣ) — название одного из вариантов местного календаря мард (см.)
Мардикар (узб.,тадж. мардикор) — поденщик, чернорабочий
Мардикар базари (узб. мардикор бозори) — «рынок поденщиков», место в городе, где происходил наем чернорабочих
Марза (тадж. марза, тоба) — пахотный участок
Марсия (узб. марсия) — стихотворение, посвященное чьей-либо памяти; поминальная песня

Маска (тадж. маска) — сливочное масло
Мастава (узб. мастава) — рисовый суп с мясом, заправленный кислым молоком
Масхарабаз (узб.,тадж. масхарабоз, узб. қизиқчи, кар. масқараиаз) — скоморох, комик
Мата — см. Бязь
Матрап (узб. матрап) — сачок для ловли перепелов
Махалля (узб. махалла, гузар)— квартал в городах и крупных селениях
Махсар (узб. махсар) — масличное и красильное растение сафлор (Carthamus tinctorius L.)
Махси (узб. маҳси, тадж. маҳсӣ, кар. мэси) — сапоги с мягкой подошвой
Маш (узб.,тадж. мош) — растение из семейства бобовых (Phaseolus aureus)
Машкичири (узб. мошкичири) — крутая каша из маша (см.) и риса
Машхурда (узб. мошхўрда) — похлебка из маша (см.) с прибавлением рисовой сечки
Медресе (узб. медресе)— высшая мусульманская школа
Мезгиль (кар. мезгил, мезгил-су) — мера воды для полива; срок, на который вода пропускалась на каждый участок
Мерген (кар. мерген) — охотник
Мереке (кар. мереке, айт-мереке) — празднество, торжество, пир, трапеза
Мехманхана (узб.,тадж. меҳмонхона) — помещение для гостей
Мехтарбаши (узб. меҳтарбоши) — старшина корпорации актеров
Мехтарлик (узб. меҳтарлик, корхонаи созанда)— корпорация актеров кукольного театра,а также других актеров
Мечеть (узб. мачит, масжит) — мусульманский храм
Мечит-кавм (узб. мачит-қавм) — в Хорезме объединение жителей нескольких соседних усадеб в один приход
Миенд (пам. миенд) — мужской пояс
Мизадж (узб. мизож) — темперамент, характер, нрав
Миёнбаста — см. Камарбаста
Мингбаши (узб. мингбоши, тадж. мингбошӣ) — тысяцкий; волостной управитель
Мир (тадж.,пам. мир) — правитель, бек, наместник ша (см.)
Мираб (узб.,тадж. мироб) — лицо, ведающее распределением воды в оросительной сети
Мираббаши (узб. мироббоши) — старший мираб (см.)
Мирдех (пам. мирдех) — административное лицо в кишлаке
Мирзо (тадж. мирзо) — писарь
Мирхазар (тадж. мирҳазор) — сельский старшина
Мир-хель (пам. мир-хел) — группа знати в Рушане— потомки миров (см.)
Мискар (узб. мискар) — мастер медник
Михраб (узб. меҳроб, кар.михраб) — ниша во внутренней стене мечети, указывающая сторону Мекки
Михсандан (узб.,тадж. михсандон) — малая наковальня для мелких поковок
Момо (тадж. момо) — повитуха
Мореши (кар. мореши) — мастер - лощильщик тканей
Муаззин — см. Азанчи
Муаллакчи (узб. муаллақчи) — акробат
Муг (тадж. муғ) — легендарное племя огнепоклонников; маг; зороастрийский жрец
Мударрис (узб.,тадж. мударрис) — преподаватель медресе (см.)
Муйиз (кар. муйиз)— название орнамента (букв. «рог»)
Муйсафид (тадж. муйсафид) — старейший, старец (букв. «седобородый»)
Мукки (узб. мукки, тадж. муккӣ) — обувь из сыромятной кожи на мягкой подошве
Мулкак (тадж. мулкак) — бобовое растение чина — (Lathyrus sativus L.)
Муллабачча (узб. муллавачча) — учащийся медресе (см.)
Мульк (узб. мулк) — частнособственнические земли; имение; владение
Мульки-ушр (узб. мулки-ушр) — земли, облагавшиеся налогом ушр (см.)
Мульки-харадж (узб. мулки-хирож) — земли, облагавшиеся налогом харадж (см.)
Мульки-хурри-холис (узб. мулки-ҳурри-холис) — земли, освобожденные от налога; обеленные земли
Муназара (узб. мунозара) — спор, диспут; литературный жанр
Мур (тадж. мӯр) — жилое помещение в домах Ягноба
Мури (тадж. мӯрӣ, мӯрӣн) — камин
Мурсак (узб. мурсак) — женский халат старинного типа
Мурундук-ене (узб. мурундук-ене, она)— посаженная мать
Муршид (узб. муршид) — духовный наставник
Мусаллас (узб. мусаллас) — виноградное вино домашнего приготовления
Мутавалли (узб. мутавалли) — распорядитель имущества благотворительного или религиозно-просветительного учреждения
Муфтий (узб. муфти, тадж. муфтӣ) — законовед
Мухаммас (узб. мухаммас) — стихотворная строфа, состоящая из пяти полустиший
Мухра (тадж. мӯхра) — ожерелье из монет и коралловых бус
Мушриф (тадж. мушриф) — чиновник, ведавший сбором налогов с урожая
Мушта — см. Даста
Мюрид (узб. мурид) — последователь, ученик ишана (см.)
Мыс кумган (кар. мыс қуман) — медный кувшин

Навайхана (узб. новвойхона) — хлебопекарня
Нават (узб. новвот) — вареный кристаллический сахар
Навбати шир — см. Пейвоз
Навкар (тадж.,пам. навкар) — представитель служилого сословия
Навкари кишлак (тадж. навкари қишлоқ)

— слуга феодала или бека; курьер, посыльный
Навча (узб. новча) — работник, батрак
Нагора (узб. ноғора) — ударный музыкальный инструмент типа литавр
Най (узб.,тадж.,кар. най) — деревянный духовой музыкальный инструмент типа свирели
Найрангбаз (узб. найранғбоз)—фокусник
Наккаш (узб. наққош) — мастер, расписывающий стены в домах
Накш (тадж. накш) — песня, исполняемая мужчинами в праздники
Налинг (пам. налинг, пошух) — деревянные сандалии
Намаз (тадж. намоз) — совершаемые пять раз в день обязательные молитвы у мусульман
Намазгох (узб. намозгоҳ) — специальная мечеть для совершения молитвы в годовые праздники — курбан хаит (см.) и руза хаит (см.)
Нан (узб.,тадж. нон, кар. нан) — хлеб
Нарете (кар. нәрете) — рыболовная снасть — вентерь
Нарын (узб. норин) — откинутая лапша с мелконарезанным мясом и крепким бульоном
Нас (узб. нос) — особо приготовленный табак, закладываемый под язык
Наск (тадж. наск) — чечевица
Науруз (узб. наврӯз, тадж. наврӯз, кар. наўрыз) — день Нового года, отмечаемый в день весеннего равноденствия
Науча (узб. навча)— батрак, наемный работник; см. также Карол; Коранда
Нана́ (узб. нана́) — анана́, гашиш
Никох (узб. никоҳ, тадж. хутбаи никоҳ) —мусульманский обряд бракосочетания
Нимкора (узб. нимкора) — ученик мастера-ремесленника, полностью освоивший ремесло, но еще не прошедший обряда фатиха (см.)
Нимранг (узб. нимранг)— сорт винограда
Ниналда (узб. ниналда, тадж. ниналло) — сладкое блюдо в виде пенистой массы из сахара и яичных белков, сбиваемых с отваром мыльного корня
Нова (узб.,тадж. нова) — деревянный желоб для переброски воды
Ногай яка (узб. ноғой ёка, кар. ноғай жага) — высокий стоячий воротник женской рубахи с вертикальным разрезом ворота (букв. «татарский воротник»)
Нок (тадж. нок) — груша
Нони джавин (тадж. нони ҷавин) — хлеб из ячменной муки
Нохат (узб. нохот, тадж. нахӯд) — бобовое растение нут (Cicer arietinum L.); название орнамента
Нуги сипор — см. Тиш
Нумоль — см. Румал
Нухта (тадж. нӯхта) — недоуздок
Нухчуби (тадж. нухчубӣ) — девятибалочное помещение (перекрытие которого имеет девять балок)

Оби (тадж. обӣ, овӣ)—поливная земля
Обджуваз (тадж. обҷувоз) — крупорушка
Обрез — см. Абрез
Обхона (тадж. обхона) — помещение для мытья, омовения
Овринг (тадж. овринг) — горная тропа в виде искусственного карниза из жердей и бревен
Огиз-арба (кар. өгиз-арба) — арба (см.), в которую впрягают быка
Огил (тадж. оғил) — хлев
Ожире — см. Худжра
Озек (кар. озек) — проток реки в ее дельте
Оинахальта (тадж. оинахалта) — мешочек для зеркала
Ойтак (каз. ой) — впадина в пустыне, используемая для посева бахчевых культур
Ок кишмиш — см. Ак кишмиш
Оксокол — см. Аксакал
Олу (тадж. олу) — слива
Олуболу (тадж. олуболу) — вишня
Олуча (тадж. олуча) — алыча
Омач (узб.,тадж. омоч, кар. гунде аҕаш, турк. азал)—деревянное пахотное орудие с чугунным или железным лемехом без отвала
Омбур (узб. омбур) — щипцы, клещи
Она (букв. «мать») — см. Мурундук ене
Онгир моншак (кар. оңир моншақ) — крупное серебряное украшение типа колокольчика, носимое молодыми женщинами
Ораза хайт — см. Руза хаит
Орак (узб. ўроқ, тадж. дос, кар. орақ)— серп
Орам (тадж. орам) — бревно, употребляемое в качестве рычага
Орамал — см. Румал
Орда (тадж. ӯрда) — ханская ставка
Ормек (кар. ормек) — простейшего типа узконавойный ткацкий станок
Орта кара (қар. орта қара) — полоса вышивки на черном сукне, располагаемая на нагрудной части кимешека (см.)
Осио (тадж. осиё, осиёб, узб. сувтегирмон) — водяная мельница
Остон — см. Мазар
Оталик — см. Аталик
Отанг (тадж. отанг, тиркиш)— тяж, соединяющий ярмо с дышлом
Отар (кар. отар) — отгонный участок; хутор; заимка
Отау (кар. отаў) — новая юрта; юрта молодоженов
Оташпараст (тадж. оташпараст) — огнепоклонник
Отин-биби — см. Атин-биби
Отырысна (кар. отырысна) — посиделки
Офтоби (тадж. офтобӣ) — способ сушки винограда (букв. «солнечный»)
Охан — см. Тиш
Охун — см. Ахунд
Оча (тадж. оча) — мать
Очак (узб. ўчоқ) — очаг
Ошдон (тадж. ошдон) — очаг
Оши бурида (тадж. оши бурида) — похлебка из лапши, сваренной в воде, заправленная нахтаньем и травами
Оши орд (тадж. оши орд) — похлебка из лапши или затирки (букв. «мучная похлебка»)
Оши палав — см. Палау

Ошик уйин — см. Ашик уйин
Ошпазхона (тадж. ошпазхона) — кухня
Ошхона — см. Ашхана

Падашы (кар. падашы) — пастух крупного рогатого скота
Падшалык (узб. подшолик) — государственные земли
Пазна — см. Тиш
Пайга — см.Байга
Пайкар (узб. пойкор) — человек, выполняющий поручения населения квартала; помощник аксакала (см.)
Пайрам (тадж. пайрам) — стенка из камня, служащая основанием водоотводного желоба
Пайтоба (тадж. пайтоба) — широкая тесьма, которой обматывают ноги от щиколотки до икр
Паколь (пам. пакол) — суконная или вязаная шапочка в виде мешочка
Пал (узб. пол) — земляной валик, разделяющий участки поливного поля
Палау (узб. палов, тадж. оши палав, кар. палаў) — плов
Палахман (узб. палахмон) — праща
Палван (узб. полвон) — борец, силач
Панджа (пам. панча) — административная единица (букв. «пятидесятня»)
Панджара (узб. панжара) — решетка; деревянные наборные решетки, украшающие постройки
Панджарасоз (узб. панжарасоз) — мастер по изготовлению панджара (см.)
Панджои мард (пам. панҷои мард) — название весеннего периода в местном календаре мард (см.)
Панджтор (тадж. панҷтор) — пятиструнный музыкальный инструмент
Панджшох (тадж. панҷшох) — пятизубые вилы
Панир (тадж. панир) — творожный сыр
Паранджа (узб. паранжи, тадж. фаранҷӣ)— женская накидка в виде длинного халата с ложными рукавами, набрасываемая на голову
Пари (узб., тадж. пари, кар. перы)— фея
Парпарак — см. Варрак
Парпари (тадж. парпарӣ) — тип женской рубахи, ворот которой отделан плиссированной сборкой
Паташ (пам. паташ) — термин, употребляемый для обозначения двоюродных братьев и сестер
Патир (узб. патир, тадж. фатир) — лепешки из пресного, обычно сдобного теста
Пах-пардоз (узб. пах-пардоз) — особый вид резьбы
Пахса (узб.,тадж. пахса) — глинобитная кладка стены; битая глина
Пахта байрами (узб. пахта байрами) — праздник окончания уборки хлопка — традиция, возникшая после коллективизации
Пахталы шапан (кар. пахталы шапан) — зимний халат, стеганный на вате
Пейвоз (тадж. пейвоз, навбати шир)— женское товарищество по сливу молока
Петтэ — тополь сизолистный (Populus pruinosa)
Пех (пам. пех) — мягкие сапоги
Печа (тадж. печа) — косички, заплетаемые надо лбом и висками
Пешайван (тадж. пешайвон) — навес перед домом; веранда
Пешкли (тадж. пешклӣ) — палочка, вставлявшаяся в отверстие в дышле омача (см.)
Пештак (тадж. пештоқ) — тип террасы; портал
Пешчокак (тадж. пешчокак) — тип рубахи с клинообразным вырезом на груди
Пиаз (тадж. пиёз) — лук
Пиала (узб., тадж. пиёла) — фарфоровая или фаянсовая чашка для чаепития полусферической или усеченно-конической формы, на низком поддоне и без ручки, название орнамента
Пиллякашлик (узб. пиллакашлик) — шелкомотание; профессия кокономотальщика
Пильта (тадж. пилта) — тугой валик ваты, вставляемый в стежку между верхом тюбетейки и подкладкой
Пильтадузи (узб. пилтадузи) — вышитая тюбетейка, орнамент которой шьется гладью по простеганой ребристой поверхности
Пир (узб.,кар. пир) — мифический основатель ремесла и покровитель его; патрон; духовный наставник
Пир (пам. пир) — представитель имама (см.) у исмаилитов (букв. «старец»)
Пирли ис (кар. пирли ис) — ремесло, имеющее пира (см.)
Пискекше (кар. пискекше) — небольшая мутовка для сбивания масла
Погаи дар (тадж. погаи дар, узб. пойгак)— место у дверей, где оставляют обувь
Пойгак — см. Погаи дар
Пойджома (тадж. пойҷома) — штаны, шаровары
Полвон качал (тадж. полвон качал) — театр «петрушки»
Попух —см. Налинг
Порхан (кар. порхан) — шаман
Постын (кар. постын) — тулуп из дубленой овчины; шуба
Почча (узб. почча) — муж старшей сестры; старший брат мужа
Пояндоз (тадж. пойандоз) — кусок ткани, который стелили под ноги жениха (невесты)
Прамон (тадж. прамон) — часть обвязки потолка
Пустак (узб. пустак) — подстилка из шкур
Пышак (кар. пышак) — традиционный рисунок на сундуке (букв. «нож»)

Рабат (тадж. работ) — окраина, предместье города
Равганджуши (тадж. равғанҷӯшӣ) — ритуальное блюдо
Равгани дунба (тадж. равғани дунба) — баранье курдючное сало
Равгани зағир (тадж. равғани зағир) — льняное масло
Равгани зард (тадж. равғани зард) — топленое масло

Равгани семечка (тадж. равгани семечка) — хлопковое масло
Равчуб (тадж. равчӯб) — настил из жердей на санях-волокушах
Ралза (тадж. ралза) — узкая шерстяная ткань домашнего производства
Раис (узб.,тадж. раис) — чиновник, наблюдавший за выполнением религиозных обрядов и нравственностью мусульман, а также за правильностью мер и весов
Рамазан (узб. рамазон) — название девятого месяца мусульманского лунного календаря, в течение которого мусульмане соблюдают пост
Рамазан хаит — см. Руза хаит
Рангрез (узб. рангрез) — красильщик
Рахрау (тадж. роҳрав) — крытый проход между воротами и двором
Раят (пам. райат) — податное сословие
Реза такча — см. Майда такча
Ривоят (узб. ривоят) — заключение, дававшееся муфтием (см.) по какому-нибудь правовому вопросу на основе законов шариата (см).
Рисоля (узб. рисола) — устав ремесленной корпорации
Ришка — см. Беда
Рубаб (узб, тадж. рубоб) — струнно-щипковый музыкальный инструмент типа лютни
Рубанд (тадж. рӯбанд) — свадебная лицевая занавеска невесты
Рубинон (тадж. рӯбинон) — обряд «смотрения лица» новобрачной
Рубои (тадж. рубоӣ) — четверостишие
Руза (узб. рӯза) — мусульманский пост, соблюдаемый в течение месяца рамазана (см.)
Руза хаит (узб. рӯза ҳаит, рамазон ҳаит, кар. ораза ҳайт) — праздник окончания рузы (см.)
Рузан (тадж. рӯзан) — отверстие в потолке для освещения и выхода дыма
Руи боло (тадж. рӯи боло) — часть помещения с приподнятым полом
Румал (тадж. рӯмол, нумол, соба, карс, кар. орамал) — платок; кусок ткани, повязываемый женщинами на голову

Сабау (кар. сабаў) — ручной способ молотьбы; обмолачивание снопа длинными палками
Сабзи (тадж. сабзӣ, зардак) — морковь
Сабзмох (тадж. сабзмоҳ) — название одного из весенних месяцев старинного календаря
Саваб (узб. савоб) — воздаяние, награда за добрые дела; богоугодное дело
Савдагар (узб. савдогар) — купец, коммерсант
Сада (пам. сада) — административная единица (букв. «сотня»)
Садака (кар. садака) — поминки по умершему; милостыня
Садр (узб. садр.)— траурное радение
Сай (узб. сой) — горный поток
Сайиль (узб.,тадж. сайил, кар. сейил) — народное гулянье
Сайльгох (тадж. сайилгоҳ) — место, где происходят народные гулянья
Сал (тадж., кар. сал) — плот
Салгыт (кар. салғыт) — денежный поземельный налог в Хивинском ханстве
Салдау (кар. салдаў) — бечева; способ тянуть лодку против течения на бечеве
Салла (узб. салла) — чалма, тюрбан.
Салма (кар. салма) — небольшой канал, отведенный от распределителя жан (см.)
Саман (узб. сомон) — размельченная солома
Самса (узб.,тадж. сомса, сомбӯса) — пирожки
Сангтараш (узб. сангтарош) — каменотес; камнерез
Сандал (узб. сандал, тадж. сандалӣ) — обогревательное приспособление в виде низенького столика, покрытого большим ватным одеялом и установленного над углублением в полу, куда насыпаются горячие угли
Сандан (узб.,тадж. сандон) — наковальня
Сандык (кар. сандық) — деревянный шкафчик, украшенный резьбой или росписью
Сапкан (узб. сопкон) — праща
Сардаба (узб. сардоба) — водохранилище; сооружение из жженого кирпича над водохранилищем
Сари джубор (тадж. сари чӯбор) — голова канала
Сари марза (тадж. сари марза) — земляной валик, ограничивающий пахотный участок
Саркарда (тадж. саркарда) — феодальная знать
Сары май (кар. сары май) — масло; сливочное масло
Сато (узб. сато, сетор) — струнно-смычковый музыкальный инструмент
Сатранджи (тадж. сатранчӣ) — вид кустарной ткани
Саукеле (кар. саўкеле) — старинный женский головной убор
Сафаил (узб. сафаил) — музыкальный инструмент в виде двух палочек с нанизанными на них металлическими кольцами
Сафедак (тадж. сафедак) — сорт местной белой пшеницы
Сафра (узб. сафро) — желчь
Себ (тадж. себ) — яблоко
Сегиз жел баспак (кар. сегиз жел баспақ) — традиционная часть калыма (букв. «восемь яловых телок»)
Сегиз муйиз (кар. сегиз мүйиз) — название орнамента (букв. «восемь рогов»)
Сеисхана (кар. сейисхана) — конюшня
Сепма (узб. сепма, кар. серппе) — примитивное приспособление для подъема воды деревянным черпаком
Сепоя (узб. сепоя) — опоры для устройства дамб или плотин на реках и каналах
Серппе — см. Сепма
Сетор (узб. сетор) — трехструнный щипковый музыкальный инструмент
Сешоха (тадж. сешоха) — трехзубые вилы

Сеяк — см. Коранда
Силакчи (узб. силақчи) — массажист
Сингил (узб. сингил, сингли) — младшая сестра
Синдж (тадж. синч) — каркасная стена дома
Сыпо (тадж. сипоҳ) — представитель военно-служилого сословия
Сипор (тадж. сипор, пам. сипорн) — пахотное орудие
Сих (тадж. сих) — палка, употреблявшаяся при переноске снопов на спине
Соба — см. Румал
Совуклик (узб. совуқлик, тадж. хунук)— в народной медицине определенный разряд пищи, главным образом низкокалорийной (см. Гарм)
Сок (кар. сөк.) — пшено, отваренное в воде и поджаренное в масле
Солак (кар. солак)—название орнамента
Сорпа — см. Шурбо
Сояги (тадж. соягӣ) — способ сушки винограда (букв. «теневой»)
Су кабак (кар. суў қабақ) — тыква горлянка, из которой изготовляют сосуды
Су тегирман — см. Осио
Сувакчи (узб. сувоқчи) — штукатур
Сузани (узб. сўзани, тадж. сӯзанӣ) — декоративная вышивка
Сузбе (кар. сүзбе) — творог
Суем (кар. сүйем) — мера длины, соответствующая русской пяди
Султани (узб. сўлтони) — сорт винограда
Сумалак (узб. сумалак, тадж. суманак)— мучной кисель с солодом (соком пророщенной пшеницы), являющийся ритуальным блюдом
Сунна (узб. сунна) — предания о Мухаммеде
Суннат (узб. суннат) — обряд обрезания
Суннет-той (кар. сүннет-той) — праздник по случаю обряда обрезания
Супра (узб. супра, тадж. сурфа) — круглая скатерть из овечьей кожи, на которой просеивают муку и разделывают тесто
Сур (кар. сур) — цветной каракуль (смушка)
Сури (узб. сўри) — широкая деревянная кровать; виноградные шпалеры (опоры для виноградных лоз)
Сурнай (узб.,тадж. сурнай, кар. сырнай) — деревянный духовой музыкальный инструмент типа флейты
Суруд (тадж. суруд) — песня
Сурхак (тадж. сурхак) — красная пшеница
Сус-хотин (узб. сус-хотин) — обряд вызывания дождя
Сут гуриш (кар. сүт гүриш) — молочный суп с рисом
Суфа (узб. супа, тадж. суфа, кар. сыпа)— глиняное возвышение для сидения и лежания во дворе, в саду или перед домом
Суфий (узб. сўфи) — служка при мечети; последователь мистического течения в исламе
Сучи (узб. сувчи) — поливальщик; человек, поливающий посевы
Суюк-ош — см. Кескан-ош
Сыкпан (кар. сықпан) — клецки; суп с клецками
Сым (кар. сым) — теплые штаны; брюки
Сынгсу (кар. сың сыў) — прощальная песня; плач молодой в день ее проводов в аул мужа
Сырга (кар. сырға) — название орнамента (букв. «серьга»)
Сырт (кир. сырт) — высокогорные степи и полупустыни на Тянь-Шане, используемые как пастбища

Табак (тадж. табақ) — деревянное блюдо, чашка
Табака-пардоз (узб. табақа-пардоз) — один из видов рельефной резьбы
Табар (тадж. табар) — топор
Табиб (узб. табиб) — лекарь
Табут (тадж. табут, кар. табыт) — носилки для переноски покойника
Тавильбеги (пам. тавилбегӣ) — высокая тюбетейка
Тавляк (тадж. тавлак) — глиняные литавры
Тага (узб. тоға) — брат матери
Таги нога — см. Куча
Тагора (узб. тоғора) — большая глиняная миска для замешивания теста; таз
Тази (узб. този) — местная порода борзых собак
Тай туяк (кар. тай туяқ) — название орнамента (букв. «копыто жеребенка»)
Тайфи (узб. тойфи) — сорт винограда
Такча (узб. токча) — ниша; полочка, вделанная в стену
Такыр (узб. тақир) — ровное пространство с твердой глинистой поверхностью, обычно лишенное растительности, в пустынях и полупустынях Средней Азии
Такыя — см. Дуппи
Тальбон (тадж. талбон) — приглашение зятя и новобрачной в дом ее родителей
Там (кар. там) — дом
Тамбун (пам. тамбун) — мужские штаны
Танап (узб. танап, таноб) — мера площади, различная в разных районах: от $^1/_6$ до $^1/_2$ га
Танбур (узб. танбур, тадж. танбӯр) — струнно-щипковый музыкальный инструмент
Тандыр (узб. тандир, тадж. танӯр, кар. тандыр) — печь для выпечки хлеба
Тандырча (узб. тандирча) — прямоугольная или овальная площадка перед очагом, куда выгребается уголь
Танхо (узб. танҳо, тадж. танхоҳ) — в Бухарском ханстве ленное пожалование в форме временной передачи частному лицу — феодалу права на получение налогов с крестьян
Танхохур (тадж. танхоҳхӯр) — владелец танхо (см.)
Танга (узб. танга) — серебряная монета
Тарак (кар. тарақ) — название орнамента (букв. «гребень»)
Тарбуз (тадж. тарбуз) — арбуз

Тарма (тадж. тарма) — снежная лавина
Тарнек (кар. тәрнек) — скороспелый сорт дыни
Тарык (узб. тариқ, тадж. арзан) — просо
Тасма (тадж. тасма) — кожаный ремень, приводящий в движение мутовку при сбивании масла
Тат-арба (кар. тат-арба) — арба (см.) хивинского типа
Тахмон (узб. тахмон) — большая ниша в стене комнаты для складывания домашних вещей
Тахта (узб. тахта) — учебное пособие для обучения письму в старой школе в виде дощечки, на которой учителем были написаны буквы (букв. «доска»)
Тахта чуб (тадж. тахта чӯб) — деревянная доска со скалкой
Ташкари (узб. ташқари, тадж. берун) — передняя (внешняя) часть жилой усадьбы (в дореволюционный период — мужская половина, где принимали гостей— мужчин)
Ташнав — см. Абрез
Теги джай (узб. таги жой) — сбор с ремесленников за право торговать своими изделиями в определенном месте
Тез (кар. тез) — станок для сгибания жердей ук (см.)
Текимет (кар. текиймет) — узорная кошма
Телеген-арба (кар. телеген-арба) — старинный тип арбы (см.)
Тельпак (узб. телпак) — зимняя меховая шапка
Темирчилик (узб. темирчилик) — кузнечное ремесло
Темирши (кар. темирши) — кузнец
Тенг уртак (узб. тенг ўртоқ, шерик)—половинщик; аренда земли на половинных началах
Тенгкур (узб. тенгқур, тенгу, қатор, кар. қатар) — сверстники; группа сверстников
Терлик (кар. терлик) — потник
Тет ат (кар. тет ат) — традиционная часть калыма (букв. «молодой конь»)
Тет огиз (кар. тет өгиз) — традиционная часть калыма (букв. «молодой вол»)
Теша (узб.,тадж. теша) — тесло
Тиллякор — см. Карол
Тим (узб. тим) — крытый базарный ряд
Тире (кар. тире) — родовое подразделение
Тири сипор (тадж. тири сипор) — дышло пахотного орудия
Тиркиш — см. Отанг
Тиш (узб. тиш, тадж. оҳан, нӯги сипор, кар. пазна) — сошник
Тоба — см. Марза
Тобадан (узб., тадж. тобадон)— фрамуга над оконным проемом, закрытая деревянной или алебастровой решеткой
Тобелек (кар. тобелек) — старинный женский головной убор
Тоифа (тадж. тоифа, кунда) — кровнородственная группа
Той (узб. тӯй) — пиршество или празднество по случаю семейного события; празднество; торжество
Той баслау (кар. той баслаў) — традиционная песня, начинающая свадебную церемонию
Ток (тадж. тоқ) — ниша в стене
Токалак муйиз (кар. тоқалақ муйиз) — название орнамента (букв. «обрубленный рог»)
Токи — см. Дуппи
Токи заргарон (узб. тоқи заргарон) — пассаж ювелиров в дореволюционной Бухаре
Токи саррафон (узб. тоқи саррофон) — пассаж менял в дореволюционной Бухаре
Токимачилик (узб. тўқимачилик) — ткачество, ткацкое дело
Токпак (кар. тоқпақ) — деревянная колотушка
Токпуш (тадж. токпуш) — часть обвязки потолка
Токыртка (кар. тоғыртқа) — приспособление для регулирования тока воды в мелких арыках
Толгау (кар. толғаў) — историческая поэма; историческая песня
Тон (кар. тон) — тулуп из дубленой овчины; шуба
Соп (узб. тӯп) — мяч
Тор (кар. төр) — почетное место в юрте
Торак (тадж. торак) — косички над ушами в женской прическе
Торак (кар. торақ) — творог, засоленный и заготовленный на зиму, род брынзы
Торка (кар. торқа) — ткань домашнего производства из волокна кендыря
Торт бармак (кар. төрт бармақ) — мера длины (ширина четырех пальцев руки)
Торх (нам. торх) — топор; тесло
Туар (кар. туўар) — единица исчисления калыма (см.) (букв. «голова» при счете скота)
Тугай (каз. тоғай) — лес; заросли кустарников и тростников в речных поймах и дельтах
Туганчи (узб. туғончи) — надзиратель за плотиной на оросительных каналах
Тугилган куни (узб. туғулган куни) — день рождения, новый обычай празднования дня рождения детей
Тугл (тадж. тугл) — тип маслобойки в Ягнобе
Туи гульдор (тадж. тӯй гулдор) — туи писар (см.), сопровождавшийся театрализованными процессиями гульгардони (см.)
Туи писар (тадж. тӯи писар,туи чукбурй, хатна)— торжества по поводу обрезания
Туи суманак (тадж. тӯи суманак) — праздник перед Наурузом (см.), к которому приурочено приготовление сумалака (см.)
Туи фотиха (тадж. тӯи фотиҳа)—помолвка
Туи чукбури — см. Туи писар
Туйме (кар. түйме) — пуговица; крупная серебряная пуговица ювелирной работы
Тукма (узб. тўқма, тадж. тукма)— ган (см.), устраиваемый вскладчину
Тукум (тадж. тӯқум) — седло для осла
Тумак (кар. тумақ) — верхняя часть головного убора саукеле (см.)

Тумар (тадж. тӯмор, кар. тумар) — оберег; амулет
Тумарча (тадж. тӯморча) — название орнамента (букв. «амулетик»)
Тундур (тадж. тундур) — гром
Тупа (узб. тӯпа) — одна из четырех частей, на которые делились узбекские племена в Хорезме
Тупхона (пам. тӯпхона) — высокие башни в пограничных селениях
Тураига (каз. тораңғы) — тополь разнолистный (Populus diversifolia schrenk)
Туркмен нагыс (кар. тӯркмен нағыс) — название орнамента (букв. «туркменский узор»)
Турме (кар. тӯрме — тонкая шелковая золотисто-малиновая шаль, которую женщины повязывают на голову, а мужчины используют в качестве пояса
Тусдупши (узб. тусдӯпши, тадж. чусти) — тюбетейка, черная с белыми вышитыми узорами в виде перца
Тут (узб. тут)— шелковица (Morus alba и M. nigra)
Тушбера (тадж. тушбера) — пельмени
Тыырлык (кар. тыўырлық) — кошма, покрывающая верхнюю часть юрты
Тырнак (кар. тырнақ) — название орнамента (букв. «коготь»)

Узангу (тадж. узангу) — стремена
Узбаки (тадж. ӯзбакӣ) — женское платье с отрезной кокеткой и отложным воротником (букв. «узбекское»)
Уй (узб. уй) — дом; жилище; юрта; жилая комната
Уйжай (кар. үйжай) — особое помещение или крытый дворик, где устанавливают на зиму юрту
Уйши (кар. үйши) — мастер по выделке частей деревянного остова юрты
Ук (узб. ӯқ, кар. уўық) — жерди, составляющие купольную часть юрты
Ука (узб. ука) — младший брат; обращение к младшему по возрасту
Улак (узб. улоқ, кӯпкари, кӯкбури, кар. ылақ) — конно-спортивное состязание, на котором участники вырывают друг у друга козлиную тушу
Улпагар (узб. улфагар) — цеховая корпорация ремесленников в Хорезме
Улус (узб. улус) —название феодального владения, распространившееся в Средней Азии со времени монгольского нашествия
Умач-ош (узб. умоч-ош) — похлебка с мелкими кусочками теста — затирка
Урак — см. Орак
Уран (кар. уран) — боевой клич родовых или племенных ополчений
Урда — см. Орда
Уру (кар. уруў) — род
Уршык (кар. уршық) — веретено
Устакор (узб. устакор) — мастер-предприниматель; мастер; знаток
Устун (узб. устун) — столб; колонна; балор (см.)
Усуль (узб. усул) — ритмический прием, многократно повторяемый на протяжении одного музыкального произведения
Уфар (тадж. уфар) — песня-танец
Ушр (узб. ушр) — налог в размере одной десятой всего урожая в пользу государства
Уык — см. Ук
Уылдырык нан (кар. уўылдырық нан) — лепешки из рыбьей икры

Факир — см. Фукара
Фаранджи — см. Паранджа
Фарз (узб. фарз) — пять основных предписаний ислама, обязательных для каждого мусульманина
Фатир — см. Патир
Фатирмаска — см. Чанголи
Фатиха (узб. фотиҳа) — краткая молитва, приуроченная к какому-либо случаю; благословение; обряд принятия нового члена в ремесленную корпорацию
Фукара (тадж. фуқаро, ед. ч. фақир) — крестьяне, сидевшие на государственных землях; народ; подданные

Хадж (узб. ҳаж) — паломничество к святым местам в Мекку
Хайкель (кар. ҳәйкел) — массивное нагрудное женское украшение ювелирной работы
Ханчак — см. Аргимчак
Хайя (кар. ҳайя) — колыбельная песня
Хаким (узб., тадж. ҳоким) — правитель; бек (см.)
Халифа (узб., пам. халифа) — представитель ишана (см.)
Халка (узб. ҳалқа) — скоба; петля; серьга в форме полумесяца
Халка (кар. ҳалқа) — серьги, соединенные проходящей под подбородком цепочкой
Халкалы койлек — см. Кестеле көйлек
Хальвагар (узб. ҳалвогар) — кондитер
Хальвайтар (узб. ҳалвойтар) — сладкий мучной кисель на сале или коровьем масле
Хальфа (узб. ҳалфа) — мастер, работавший по найму
Хамба (тадж. хамба, хамма) — закром
Ханака (узб. хонақоҳ) — странноприимный дом; внутренняя часть мечети; молельня
Харадж (узб. хирож) — поземельный налог
Харас (узб. харос, кар. қараз) — мельница, приводимая в движение силой животных
Харбуза (тадж. харбуза) — дыня
Хароши (узб. хароши, чизма) — прием нанесения орнамента на керамической посуде путем процарапывания
Харра (тадж. харра) — куча обмолоченного зерна
Хатми куръон (узб. хатми қуръон) — чтение корана; прочитывание корана полностью, с начала до конца
Хатна — см. Туи писар
Хаужар (кар. ҳаўжар) — свадебная печальная песня невесты
Хауз (узб. ҳовуз, тадж. ҳавз) — искусственный водоем; пруд
Хаули (узб. ҳовли, кӯргонча, кар. хәў-

ли) — хутор, представлявший собой усадьбу, обнесенную высокой стеной

Хафтчуби (тадж. ҳафтчубӣ)— семибалочное помещение (помещение, перекрытие которого имеет семь балок)

Хашар (узб.,тадж. ҳашар, кар. комек)— пóмочь; работа миром для кого-нибудь за угощение; общественная работа по проведению, ремонту и очистке ирригационной сети

Хезумхона (тадж. ҳезумхона)— помещение для дров

Хир (пам. хир)— племянник

Хирман (узб. хирмон, тадж. хирман)— место, где складывают убранный с поля урожай, молотят и провеивают его; ток

Хисобгар (тадж., пам. ҳисобгар)— опытный крестьянин, знающий местный земледельческий календарь

Хишова (тадж. хишова)— прополка

Хишт (тадж. хишт) — сырцовый кирпич

Ходжа (кар. хожа)— группа населения среди народов Средней Азии, считающая себя потомками первых четырех халифов

Ходим — см. Кайвани

Хола (узб. хола)— сестра матери

Холиса (узб. холиса)— жидкая пшеничная каша с мясом, которое должно совершенно развариться

Хона (тадж. хона)— дом; комната; помещение

Хонаи зимистон (тадж. хонаи зимистон)— зимнее солнцестояние

Хонаи тобистон (тадж. хонаи тобистон)— летнее солнцестояние

Хоса (узб. хоса)— тонкая и редкая хлопчатобумажная ткань, шедшая на саваны

Хотун — см. Атин-биби

Хофиз (тадж. ҳофиз)— певец-профессионал

Хошия (тадж. ҳошия)— часть карниза покрытия здания

Худжра (узб. ҳужра, тадж. ҳучра, кар. ожире)— келья в медресе; комната для гостей; комната нового типа при старом доме

Худои (узб. худойи, тадж. худоӣ)— жертвоприношение; угощение по случаю поминок; угощение с богоугодной целью, в качестве умилостивительной жертвы

Хум (узб. хум)— большой глиняный кувшин для воды, масла, зерна

Хумдон (узб. хумдон)— печь для обжига кирпича; гончарная печь

Хунук — см. Совуклик

Хуп (тадж. ҳӯп)— см. Галягоу

Хурджин (узб. хуржун, тадж, хӯрчин)— перемётная сума

Хусайни (узб. ҳусайни)— сорт винограда

Хут (тадж. ҳут)— последний месяц зимы

Хутбаи никох — см. Никох

Хуфия (узб. хуфия)— молчаливый зикр (см.)

Чавки (тадж. чавкӣ)— праздничный костер

Чагдег (тадж. чегдег)— тип маслобойки

Чагчуб (тадж. чагчӯб)— мутовка для сбивания масла в чагдеге (см.)

Чайрикёр (узб. чоракор, тадж. чорьякор) — издольщик, обрабатывавший чужую землю за четверть или другую долю урожая

Чайрикёрство (узб. чоракорлик, чоракорчилик)— занятие или положение чайрикёра (см.)

Чайхана (узб., тадж. чойхона)—чайная.

Чакау (пам. чақау, чок)— мотыга

Чакка (тадж. чакка)— густое пахтанье

Чекман (тадж. чакман, кар. шекпен)— широкий халат из кустарной шерстяной ткани

Чакматур (узб. чакматўр)— тюбетейка с многокрасочным орнаментом, имеющим вид кустика

Чалак (пам. чалак)— женское веретено

Чанг (узб.,тадж. чанг)— струнно-ударный музыкальный инструмент типа цимбал

Чанголи (тадж. чанголӣ, фатирмаска)— разкрошенная толстая хлебная лепешка, обильно политая маслом

Чапан (тадж. чапон, кар. шапан)— халат

Чапар (тадж. чапар)— волокуша, сплетенная из прутьев; молотьба при помощи волокуши

Чаппоти (тадж. чаппотӣ)— тонкие хлебные лепешки

Чарак (узб. чорак, чойрак)— одна четверть

Чарас (узб. чарос)— сорт винограда

Чармгар — см. Кунчи

Чарх (узб. чарх)— гончарный станок; точило

Чарх (узб., пам. чарх, тадж. чарха, кар. шарык)— прялка

Чарчи (узб. чорчи)— покрывало, набрасываемое женщинами поверх тюрбана

Чачван (узб. чачвон, тадж. чашмбанд)— покрывало для лица, сплетенное из черного конского волоса

Чевар (узб. чевар)— портниха

Чигина (тадж. чигина)— сани-волокуша

Чигирик (узб. чиғирик)— деревянный ручной станок для очистки хлопка от семян

Чигирь (узб. чиғир, кар. шығыр)— водоподъемное сооружение

Чизма — см. Хароши

Чий (узб. чий, чиғ, кар. ший)— плетенка из камыша или чия (крупный злак Lasiagrastis splendens), уложенного в один ряд и скрепленного шерстяными шнурками

Чилим (узб. чилим)— род кальяна

Чиллик (узб. чиллик, даста ўйин)— игра в чижа

Чилля (тадж.,пам. чилла)— первые 40 дней после родов, в течение которых новорожденного и мать оберегают от злых духов и сглаза; сорокодневие

Чильтан (узб. чилтон)— сорок праведников, которые якобы скрытно живут

среди людей и влияют на ход событий, отвращают от людей несчастья

Чимилик (тадж. чимилиқ)— свадебная занавеска

Чинар (узб. чинор)— платан (Platanus Orientalis)

Чирги (тадж. чиргӣ)— потник

Чистачи (узб. чистачи, тадж. чистачӣ)— хлопкозаводчик, скупавший хлопок-сырец и перепродававший его после очистки промышленнику

Читгар (узб. читгар)— мастер набойщик

Читгарлик (узб. читгарлик)— производство набивных бумажных тканей

Чодири дасти (тадж. чодири дастӣ)— кукольный театр

Чодирхаёл (узб., тадж. чодирхаёл)— театр марионеток

Чок — см. Чакау

Чока-пардоз (узб. чока-пардоз)— вид рельефной резьбы

Чопан (узб. чўпон, кар. шопан, қойшы)— чабан; пастух, пасущий овец

Чормагз (тадж. чормағз)— грецкий орех (Juglans fallax)

Чорсу (тадж. чорсӯ)— поясной платок

Чорук (тадж. чоруқ)— тип обуви из сыромятной кожи

Чохдон (тадж. чоҳдон)— углубление в полу для разведения огня

Чохт (пам. чохт, чухт) — деревянное приспособление для переноски тяжести

Чош (тадж. чош)— обряд «опоясывания» кучи отвеянного зерна

Чуб (тадж. чӯб)— потолочная балка

Чубтара (узб. чўбтора) — дом с двухскатной крышей из жердей, камыша и травы (без потолка)

Чубтора (тадж. чӯбтора)— двухскатная надстройка над плоской крышей дома

Чуваляк камон (узб. чувалак камон)— двухстетивный лук

Чугурма (узб. чугурма, кар. шоғирме, қураш)— большая мужская меховая шапка кругло-уплощенной формы из шкуры барашка

Чукура (тадж. чуқура)— водослив в доме

Чумич (узб. чўмич)— половник

Чура (тадж. чура)— искусственные косы черного цвета

Чусти — см. Тусдупни

Чухт — см. Чохт

Чучвара (узб. чучвара)— пельмени

Чырны (турк. чырпы) — женский халат-накидка

Ша (тадж., пам. шоҳ, пам. ша)— правитель княжества; шах

Ша сутун (тадж. шаҳ сутун)— главный столб в доме

Шаана — см. Ша-хель

Шавля (узб.,тадж. шавла, кар. шәўле)— каша из риса с мясом

Шаи (узб. шоҳи, кар. шайы)— шелковая ткань типа канауса

Шаир (узб. шоир)— поэт; народный сказитель

Шайкалта (кар. шайқалта)— мешочек для чая

Шал (кар. шал)— сукно из верблюжьей шерсти

Шалап (кар. шалап)— прохладительный напиток из катыка (см.), разбавленного водой

Шали (узб. шоли, тадж. шолӣ)— рис посевной; рис неочищенный

Шангарак (кар. шаңарақ)— деревянный круг, увенчивающий купол юрты

Шанышкы (кар. шанышқы)— орудие рыболовства — острога

Шапан — см. Чапан

Шариат (узб., тадж. шариат)— свод мусульманских законов и правил, основанных на коране

Шарики (тадж шарикӣ)—обработка земли на условиях товарищеской взаимопомощи; аренда

Шаршы (кар. шаршы)— платок, служащий мужчинам для подпоясывания; небольшой головной платок

Шарык — см. Чарх

Шатыраш (кар. шатыраш)— клетчатая хлопчато-бумажная ткань домашнего производства

Шафтолу (тадж. шафтолу)— персик

Шах — см. Ша

Ша-хель (пам. ша-хел, шаана)— группа знати в Шугнане, потомки ша (см.)

Шахмала (узб. шохмола)— борона-волокуша в виде деревянной рамы, переплетенной хворостом

Шахристан (тадж. шаҳристон)— город; большой укрепленный город

Шашмаком (узб. шашмақом)— классическое народное музыкально-вокальное произведение, состоящее из шести больших основных частей

Шаян куйрык (кар. шаян қуйрық)— название орнамента (букв. «хвост скорпиона»)

Шейх (узб. шайх)—хранитель мазара (см.)

Шекпен — см. Чакман

Шерик — см. Теңг уртак

Шерим (кар. шерим)— кожа, выделанная ручным способом

Шероза (тадж. шероза)— вышитая тесьма

Шертек (кар. шертек) — навес в усадьбе

Шеттеги кара (кар. шеттеги қара)— полоски вышивки на черном сукне по краям нагрудной части кимешека (см.)

Ший — см. Чий

Ший оңгир (кар. ший оңир)— две узкие узорные кошмы или ковровые полосы на дверях юрты

Шипанг (узб. шипанг, шийпон)— беседка во дворе, в саду; полевой стан

Ширазаз (узб. ширазаз)— кондитер

Ширгуруч (узб. ширгуруч)— рисовая молочная каша

Ширчай (узб. ширчой, оқчой)— чай с молоком, маслом, солью и пряностями

Шогирме — см. Чугурма

Шопан — см. Чопан

Шораға (тадж. шораға)— широкие шаровары из домотканного сукна

Шорек (кар. шорек)— лепешка из пшеничной муки

Шудгар (узб. шудгор)— поле под черным паром; черный пар

Шуйит нагыс (кар. шуйыт нағыс)— название орнамента (букв. «узор каракалпакского рода Шуйит»)
Шурбо (тадж. шӯрбо, кар. сорпа)— бульон; суп
Шыгыр — см. Чигирь
Шыңг-кобыз (кар. шың-қобыз)— варган
Шыпта (кар. шыпта)— циновка из мягких стеблей жекена (см.)
Шырыш нагыс тигу (кар. шырыш нағыс тигиў)— вышивка крестом

Ылак — см. Улак
Ыргак (кар. ырғақ)— название орнамента (букв. «крючок»)
Ыштан (кар. ыштан)— штаны

Эзор (тадж. эзор)— штаны
Элакча (тадж. элакча)— небольшое сито
Элликбаши (узб. элликбоши, тадж. элликбошӣ)— старшина общины (букв. «пятидесятник»)
Эль (узб. эл)— народ; люди; племя; род; страна; народ, населяющий определенную территорию
Эльбаши (узб. элбоши)— старшина каждой из четырех соперничавших частей дореволюционной Бухары
Эски той (узб. эски тўй)— старый традиционный свадебный ритуал
Эспек (кар. эспек)— поаульная очередь пользования водой общего канала
Этик (узб. этик, кар. етик)— сапоги
Эшик (узб. эшик)— дверь
Эшон (пам. эшон)— высшее духовенство; см. Ишан

Юг — см. Буйичтурук
Юглолчуб (тадж. юғлолчӯб)— палочки, не дававшие ярму соскальзывать с шеи быка
Юрма (узб. йурма)— тамбурный шов (петельный шов «цепочкой»)
Юрт (узб. юрт)— феодальный удел; страна; край; родина; народ; население

Ягачаяк (узб. ёғочоёқ)— ходулеход
Яйлау — см. Джайляу
Якка синч (узб. якка синч)— однорядный каркас здания
Яктак (узб. яктак, тадж. яктагӣ)— легкий халат, нередко без подкладки; вид белой фабричной ткани
Янга (узб. янга)— жена старшего брата по отношению к его младшему брату или младшей сестре
Янги той (узб. янги тўй)— новый, возникший в Советское время, свадебный ритуал
Ям (узб. ём) — чан для дубления кож
Яргучак (узб. ёрғучоқ)— ручная мельница
Яр-яр (узб. ёр-ёр)— обрядовая песня, исполняемая при проводах невесты в дом жениха
Ясаул (тадж. ясовул)— стражник
Ясаулбоши (тадж. ясовулбошӣ)— начальник стражи
Яхоб (тадж. яхоб)— зимний полив поля (букв. «ледяная вода»)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Принятые сокращения:

ВДНХ — Выставка достижений народного хозяйства СССР (Москва)
ГМЭ — Государственный музей этнографии народов СССР (Ленинград)
ИА — Институт археологии АН СССР (Москва — Ленинград)
ИЭ — Институт этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР (Москва — Ленинград)
Каз. Таг — Телеграфное Агентство Казахской ССР (Алма-Ата)
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого при Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР (Ленинград)
ТАСС — Телеграфное Агентство Советского Союза (Москва)
Уз. ТАГ — Телеграфное Агентство Узбекской ССР (Ташкент)
ЦМН — Центральный музей народов СССР (фонды, переданные в ГМЭ и МАЭ, Ленинград)

Верблюды на пастбище в песках Каракум (фото Ин-та географии АН СССР) . 18
Пески Матайкум в Приаралье (фотохроника Каз. ТАГ № 16333) 21
Заросли саксаула на центральном Устюрте (фото Ин-та географии АН СССР) 21
Водоем на такырах подгорной равнины Копет-Дага (фото Ин-та географии АН СССР) 22
На Аму-Дарье (фото Ин-та географии АН СССР) 24
Берег Аму-Дарьи, разрушаемый дейгишем (Б. В. Андрианов. Этническая территория каракалпаков в северном Хорезме (XVIII—XIX вв.). Труды Хорезмской экспедиции, т. III, М., 1958, стр. 21, рис. 2) . . 25
«Тропа» в амударьинских плавнях (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1958 г.) 26
Долина р. Чу перед входом в Боомское ущелье. Тянь-Шань (фото Ин-та географии АН СССР) 27
Верховья р. Зеравшан (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1960 г.) 27
Селение в долине р. Магион в Таджикистане (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1960 г.) 29
Селение в горном Таджикистане (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1960 г.) 29
Стадо яков на высокогорном пастбище Памира (фото Ин-та географии АН СССР) 31
Дорога на Хорог в горах (фото Ин-та географии АН СССР) 31
Шоссе Душанбе-Самарканд (фото МАЭ № И 1758—523) 33
Горное озеро Иссык. Казахская ССР (фото МАЭ, из собраний ЦМН) . . . 33
Кельтеминарская культура. Сводная таблица керамики и изделий из камня (С. П. Толстов. Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937—1957 гг.). «Советская этнография», 1957, № 4, стр. 38—39, рис. 7) 39
Кельтеминарская стоянка Джанбас-кала 4. Шалаш (реконструкция) (С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 60, рис. 2) . . . 40
Керамика неолита, энеолита и бронзового века южной Туркмении (В. М. Массон. Первобытнообщинный строй на территории Туркмении. Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 236—237, рис. 2) 41
Могильник Кокча 3. Парное захоронение (Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш и Узбой. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 3, М., 1960, стр. 99, рис. 51) 43

Могильник Кокча 3. Реконструкция по черепу (Могильник бронзового века Кокча 3. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 5, М., 1961, стр. 101) 44
Археологические культуры эпохи бронзы в южном Приаралье (М. А. Итина. Первобытная керамика Хорезма. Труды Хорезмской экспедиции, т. IV, М., 1960, стр. 62—63, табл. I) 45
Рельефы ахеменидского дворца в Персеполе. V в. до н. э. Изображение среднеазиатских данников. Бактриец (A Survey of Persian art from Phrehistoric Times to the Present. Ed. by Pope. V. IV, t. 93—94) 48
Рельефы ахеменидского дворца в Персеполе. V в. до н. э. Изображение среднеазиатских данников. Саки (A Survey of Persian art from Phrehistoric Times to the Present. Ed. by Pope. V. IV, t. 93—94) 49
Изображение сака на золотой пластинке из Амударьинского клада. IV—III вв. до н. э. (The treasure of the Oxus; by O. M. Dalton, Oxford, plate XIII) 50
Скульптура из Гяур-калы. Хорезм, II в. н. э. (С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции 1949—1953 гг. Труды Хорезмской экспедиции, т. II, М., 1958, стр. 194, рис. 88) 51
Памятник анасиакской культуры Бабиш-мулла (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1959 г.) 52
Памятник анасиакской культуры Баланды 2. Погребальное сооружение с купольным перекрытием (разрез) (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1959 г.) 53
Барак-там (общий вид). IV—V вв. н. э. (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1956 г.) 54
План городища Афрасиаб (А. Л. Монгайт. Археология в СССР. М., 1955, стр. 278) 61
Изображения богини Анахиты. Городище Афрасиаб (А. Л. Монгайт. Археология в СССР. М., 1955, стр. 279) 62
Ритон из Старой Нисы (М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Парфянские ритоны. Альбом иллюстраций,М., 1956, табл. XXXV, ритон № 37) 63
Статуя II в. н. э. Старая Ниса (А. Л. Монгайт. Археология в СССР. М., 1955, стр. 296—297) 64
Женский портрет. Настенная роспись из дворца Топрак-кала (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1948 г.) . . . . . вкл. 64—65
Настенная роспись замка Балалык-тепе (Л. П. Альбаум. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960, рис. 102) . . . . . вкл. 64—65
Кой-Крылган-кала: *1* — общий вид, *2* — памятник после раскопок (аэрофото) (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1958 г.) 65
Горло кувшина с львиноголовой ручкой. Кой-Крылган-кала (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1952) 66
Терракоты с Кой-Крылган-калы и крепости Кырк-кыз (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1952—1954 гг.) 67
Фигура арфистки. Фрагмент Айртамского фриза (фото из фондов научного архива Государственного Эрмитажа. Ленинград) 68
Женщина с лютневым инструментом. Фрагмент Айртамского фриза (фото из фондов научного архива Государственного Эрмитажа. Ленинград) 69
Оссуарий из окрестностей Кой-Крылган-калы. (С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции 1949—1953 гг. Труды Хорезмской экспедиции, т. II., М., 1958, стр. 185, рис. 80) 70
Раскопки дворца Топрак-кала (С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции в 1949—1953 гг. Труды Хорезмской экспедиции, т. II, М., 1958, стр. 197, рис. 89, *2*) 71
Скульптура из дворца Топрак-кала (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1949 г) 72
Варахша. Цветная роспись на стенах дворца бухархудата (копия с подлинника, хранящегося в Государственном Эрмитаже) . . . . . вкл. 72—73
Живопись Пенджикента: деталь росписи на стене в одной из комнат жилого комплекса (Живопись древнего Пенджикента, М., 1954, табл. XXXVII, XXXIX) . . . . . вкл. 72—73
Замок Якке-Парсан в пустыне Кызылкум (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1959 г.) 75
Деревянный щит, обтянутый кожей, с изображением согдийского всадника. Замок на горе Муг (Живопись древнего Пенджикента, М., 1954, табл. V) 77
Памятники Самарканда XIV в.: *1* — мавзолей Тимура Гур-Эмир; *2* — группа мавзолеев Шах-и Зинда (фото Института искусствознания АН Узб. ССР) 89
Памятники XIV в. в Куня-Ургенче: *1* — мавзолей Текеша и минарет; *2* — мавзолей Тюрабек-ханум (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1952 г.) 90

Встреча делегатов Первой советской конференции солидарности народов Азии и Африки со студентами вузов Таджикистана. 1960 г. Душанбе (фотохроника ТАСС № 463175) 109
Старинное водоподъемное сооружение чигирь. Хорезм (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1956 г) 201
Большой Ферганский канал. Ферганская область (фототека ВДНХ № Г-34655) 203
Плотина на р. Чирчик. Ташкентская область (фототека ВДНХ № 114572) 203
Торжественный пуск первой очереди Южного Голодностепского канала, 1960 г. (фотохроника ТАСС № 470059) 205
Освоение заболоченных земель в Ташкентской области (фототека ВДНХ № 76416) 207
Полив хлопчатника: *1* — традиционный способ полива хлопчатника с помощью кетменя; *2* — новый способ полива хлопчатника при помощи гибких шлангов в совхозе им. Пятилетия Узбекской ССР. Ташкентская область (*1* — фото МАЭ № И-1133-17; *2* — фотохроника ТАСС № 305016) 207
Полив хлопчатника при помощи дождевального агрегата в совхозе «Малек». Ташкентская область (фотохроника ТАСС № 413986) 208
Водонапорное сооружение на р. Маргелан-Сай. Ферганская область (фототека ВДНХ № 67737а) 209
Колхозный водомер-водовыпуск на Маргеланской оросительной системе. Участковый гидротехник распределяет воду между колхозами (фототека ВДНХ № 67753) 210
Старинный способ сева пшеницы из полы одежды. Район Самарканда, 1894 г. (фото МАЭ № 255-142) 211
Молотьба пшеницы способом прогона скота по уложенным на току снопам. Район Самарканда, 1931 г. (фото МАЭ № И-71-385) 211
Кукурузное поле колхоза «Политотдел». Ташкентская область (фотохроника ТАСС № 417831) 214
Прокладка временных оросителей на хлопковых полях с помощью канавокопателей. Андижанская область (фотохроника Уз ТАГ № 1443) . . . 216
Междурядная обработка посевов хлопчатника в Хорезмской области (фотохроника Уз ТАГ № 1588) 217
Уборка хлопка в колхозе им. Карла Маркса. Сурхан-Дарьинская область (фотохроника ТАСС № 461597) 218
Сборщицы хлопка из совхоза «Талли-Маран». Сурхан-Дарьинская область (фотохроника УзТАГ № 3490) 219
Механизированная укладка сырца в бунты на Шахрисябзском хлопкозаготовительном пункте (фотохроника УзТАГ № 3842) 219
Уборка помидоров в колхозе Ташкентской области (фототека ВДНХ № 34777) 220
Сбор дынь в колхозе (фототека ВДНХ № И-8641) 220
Колхозный садовод. Бухарская область (фотохроника Уз ТАГ № 2559) . . 221
Колхозная животноводческая ферма на летнем пастбище. Узбеки-кунград. Сурхан-Дарьинская область (фото МАЭ № И-1758-455) 223
Ветеринарный осмотр колхозной отары овец. Ташкентская область (фототека ВДНХ № 90761) 223
Автомобиль-лавка сельской потребительской кооперации, обслуживающая животноводов на горных пастбищах (фототека ВДНХ № Г-1326021) . . 224
Обработка коконов на Андижанском гренажном заводе (фототека ВДНХ № 558747) 227
Колхозная звеньевая шелковод Кунайсин Базарова. Ферганская область (фотохроника Уз ТАГ № 1901) 228
На колхозной птицеферме. Ташкентская область (фотохроника Уз ТАГ № 379) 230
Почтальон раздает в поле газеты подписчикам. Бухарская область (фотохроника УзТАГ № 3394) 232
Летняя красная чайхана. Совхоз «Кзыл-Рабат» Андижанская область (фототека ВДНХ № Г-66845) 232
Орудия кузнечного ремесла. Самарканд, 1931 г. (МАЭ, коллекция № 4384, 1, 8, 9, 10—17, 57, *4*—5, 65, 90, 89, 27, 26, 18—21, 105—106, 24—25) 234—235
Гравировка медного блюда. Самарканд, начало XX в. (фото МАЭ № И-1860-404) 236
Обматывание неокрашиваемых частей основы для изготовления ткани с рисунком «абр». Маргелан, 1938 г. (фото МАЭ № И-873-12) 239
Образцы тканей узбеков и таджиков (из коллекций МАЭ, *1* — № 2918-64; *2* — № 2917-8; *3*—2919-11; *4*—2919-16; *5*—2935-21; *6*—5112-33) вкл. 240—241
Мастерская деревообделочника. Бухара, 1894 г. (фото МАЭ № 255-172) 241
Кустарное производство бумаги. Коканд, 1900 г. (фото ГМЭ № 46-78) . . . 243
Конвейер общей сборки хлопкоуборочных машин. Завод «Ташсельмаш» (фототека ВДНХ № Г-58057) 247

Готовые хлопкоуборочные машины, изготовленные заводом «Ташсельмаш» (фотохроника Уз ТАГ № 886) 249
Общий вид прядильного цеха Текстильного комбината в Ташкенте (фототека ВДНХ № 106421) 249
Кокономотальный автомат. Маргеланская шелкомотальная фабрика (фототека ВДНХ № Г 114176) 251
Делегаты Узбекской ССР на XII съезде профсоюзов СССР в Кремле (фотохроника ТАСС № 401417, 1959) 252
Ангренская ГРЭС. (фотохроника Уз ТАГ № 577) 253
Прокладка газопровода из Бухары в Ташкент, 1960 г. (фотохроника Уз ТАГ № 2343) 254
Автоматическая газораспределительная станция в Самарканде (фотохроника УзТАГ № 3676) 254
Клуб горняков в Ангрене (фотохроника УзТАГ № 2950). 257
Рабочий поселок Алтын-Топканского рудоуправления (фотохроника Уз ТАГ № 721) 257
Основные типы арб у народов Средней Азии (*1* — архив ИА, фото из альбома К. П. Кауфмана «Туркестанский край»; *2*, *3* — архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1954—1955 гг.) 258
Камышовый плот для перевозки грузов. Ферганская область, 1894 г. (фото МАЭ № 255-146) 259
Автомобильная дорога Ташкент-Коканд (фотохроника УзТАГ № 185) 260
Отправка фруктов самолетом ТУ-104 с Ташкентского аэропорта (фотохроника УзТАГ № 91) 261
Самарканд. Вид города близ мечети Биби-Ханум (фототека ВДНХ № 5550) 265
Улица в старой Бухаре (фото МАЭ № И-1758-346) 267
Базар в Гиждуване (фото МАЭ № И-1758-118) 268
Водонос, наполняющий бурдюк водой. Бухара, 1907 г. (фото МАЭ № И-4516-95) 269
Город Чирчик, построенный в годы Советской власти (фотохроника УзТАГ № 115) 270
Ташкент. Улица Алишера Навои (фототека ВДНХ № 126359) 271
Ташкент. Театральная площадь (фототека ВДНХ № 46214) 271
На книжном базаре в Самарканде во время Всесоюзного месячника детской книги, 1960 г. (фотохроника УзТАГ № 1249) 273
Общий вид кишлака Тосмачи. Самаркандская область (фото МАЭ № И-1758-305) 275
Улица горного кишлака Кутчи в верховьях Кашка-Дарьи (фото МАЭ № И-1758-446) 275
Колхозный клуб. Андижанская область (фототека ВДНХ № 126583) . . . 277
Новые дома в колхозном поселке (фототека ВДНХ № 123029) 277
Здание правления колхоза. Андижанская область. (фототека ВДНХ № Г-133469) 279
Планировка узбекской усадьбы и дома в сел. Вуадиль. Ферганская долина (Архитектор В. Л. Воронина) 281
Деревянный каркас дома в кишлаке Сохтари. Гиждуванский район, Бухарская область (фото МАЭ № И-1758-299) 283
Дом в кишлаке Муминабад. Шахрисябзский район, Сурхан-Дарьинская область (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1957 г.) 283
Уголок двора в кишлаке Сохтари. Гиждуванский район, Бухарская область (фото МАЭ № И-1758-338) 285
Дом хивинского узбека—«хаули». Окрестности Хивы, 1922 г. (фото МАЭ № 2863-28) 285
Дом в кишлаке Гус. Ургутский район, Самаркандская область (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1959 г.) 286
На летовке узбеков-карлуков. Касанский район, Сурхан-Дарьинская область (фото МАЭ № И-1758-421) 287
Юрта узбеков-кунград. Камашинский район, Сурхан-Дарьинская область (фото МАЭ № И-1776-337) 287
Внутренний вид дома узбеков-карлуков. Шурчинский район, Сурхан-Дарьинская область (фото МАЭ № И-1758-556б) 289
В семье колхозника. Колхоз «Октябрь», Бухарская область (фототека ВДНХ № Г-141553) 291
Национальная мужская одежда узбеков XIX — начала XX в. (*1*, *5*, *6* — архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция 1954 и 1958 гг.; *4* — архив ИЭ, Памиро-ферганская экспедиция 1951 г.; *7*, *9*— *11* — коллекции ГМЭ, № 5642-35а, 5642-20б; *2*, *3*, *8* — архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1946 г.) 293
Узбек из Ферганской области в национальной одежде, 1907 г. (фото МАЭ № 4516-61) 294
Пожилой узбек в национальной одежде. Ташкент (фото МАЭ № 3231-3) . . 295

Колхозник из Гузарского района Сурхан-Дарьинской области (фото МАЭ № И-1691-148, 1955 г.) 296
Хивинские узбеки. 1873 г. (фото МАЭ № И-673-31) 297
Девушка из кишлака Карлук. Сурхан-Дарьинская область (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1957 г.) 299
Женщина в национальном головном уборе. Узбеки-кунград. Ширабадский район, Сурхан-Дарьинская область (фото МАЭ № И-1710-395) . . . 299
Женщина в повседневном костюме. Узбеки-сарай. Камашинский район, Сурхан-Дарьинская область (фото МАЭ № И-1776-347) 299
Головной убор невесты у узбеков-карлуков. Касанский район, Сурхан-Дарьинская область (МАЭ № И-1758-483б) 299
Мальчик из кишлака Карлук. Сурхан-Дарьинская область (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1957 г.) 300
Мальчик из кишлака Ташкалак. Китабский район, Сурхан-Дарьинская область (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1957 г.) 300
Девочка из кишлака Беш-кана. Шахрисябзский район, Сурхан-Дарьинская область (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1957 г.) 301
Молодежь в современной одежде. Камашинский район, Сурхан-Дарьинская область (фото МАЭ № И-1710-359) 303
Молодежь в семье колхозника. Октябрьский район, Ташкентская область (фототека ВДНХ № 115089) 304
Типы хлебных печей у народов Средней Азии (*1*, *5* — архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция; *2*, *3* — архив ИЭ, Хорезмская экспедиция; *4* — архив ИЭ, Киргизская экспедиция; *6* — М. С. Андреев. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира. Ташкент, 1928, стр. 14; *7* — коллекция МАЭ № 3489-11) 306
Завтрак в летнее время в семье колхозника. Калининский район, Ташкентская область (фототека ВДНХ № Ц-1655) 309
Обед хлопководческой бригады в поле. Андижанская область (фототека ВДНХ № 132600) 311
Чайхана. Колхоз им. Нариманова. Пахтаабадский район, Андижанская область (фототека ВДНХ № Г-78748) 313
Невеста в свадебном наряде. Паст-Даргомский район, Самаркандская область (фото МАЭ № И-1776-11) 326
Старинный городской костюм невесты. Самарканд, начало XX в. (фото МАЭ № И-1776-558) 327
Колхозный детский сад. Колхоз им. Нариманова. Пахтаабадский район, Андижанская область (фототека ВДНХ № Г-78749) 330
Бригадный полевой стан во время обеденного перерыва. Колхоз им. Свердлова. Мархаматский район, Андижанская область (фототека ВДНХ № 78765) 331
Здание поликлиники в Ташкенте (фототека ВДНХ № Г 126587, 1957) . . 334
В хирургической клинике Ташкентского медицинского института (фотохроника УзТАГ № 140) 335
Колхозный дом отдыха. Наманганский район, Андижанская область (фотохроника УзТАГ № 2708) 336
Колхозная гостиница и комбинат бытового обслуживания. Андижанская область (фототека ВДНХ № 126606) 336
Магазин в кишлаке Заркент. Андижанская область (фототека ВДНХ № Г-132594) 337
Торговля без продавца в магазине кишлака Заркент (фототека ВДНХ № Г-132529) 337
В доме отдыха колхозных пенсионеров. Колхоз им. Ленина. Андижанская область (фотохроника УзТАГ № 2838) 338
Народный спорт (борьба «кураш»). Ташкент (фото МАЭ № И-1860-729) . . . 341
Скачки на государственном ипподроме в Ташкенте (фотохроника УзТАГ № 3071) 341
Народная конная игра «улак» во время праздника хлопка — «Пахта байрами». Ташкентская область (фотохроника УзТАГ № 14) 342
Международный шахматный турнир 1959 г. в Ташкенте. Встреча Арован Бахтиара (Индонезия) и Мамаджана Мухитдинова (Узбекистан) (фотохроника УзТАГ № 4481) 343
Спартакиада школьников республик Средней Азии и Казахстана в Ташкенте, 1960 г. (фотохроника УзТАГ № 2935) 343
Ташкентский государственный университет им. В. И. Ленина (фототека ВДНХ № 78718) 348
Студенты Ташкентского педагогического института им. Низами (фототека ВДНХ № 787115) 349
Школа-интернат. Ферганская область (фотохроника УзТАГ № 3152) . . 350
Публичная библиотека им. Алишера Навои. Ташкент (фототека ВДНХ № 34789) 351

На лекции в Ташкентском медицинском институте (фотохроника УзТАГ № 1141) 352
В институте ядерной физики Академии наук Узбекской ССР (фототека ВДНХ № 144090) 354
В лаборатории электрических систем Ин-та энергетики и автоматики Академии наук Узбекской ССР (фотохроника УзТАГ № 4755) 355
Наблюдения за распространением радиоактивного фосфора в хлопчатнике на Центральной селекционной станции Союзного научно-исследовательского хлопководческого института (фотохроника УзТАГ № 2997) . . 356
Лауреат Ленинской премии, академик Академии наук Узбекской ССР, член-корреспондент Академии наук СССР Хабиб Мухаммедович Абдуллаев (1912—1962) (фотохроника УзТАГ № 1738) 357
Памятник Алишеру Навои. Ташкент (фототека ВДНХ № Г-34786) 363
Лауреат Государственной премии, академик Академии наук Узбекской ССР, поэт Гафур Гулям (фототека ВДНХ № Г-60146) 366
Музыкальные инструменты узбеков и таджиков: *1, 3, 4, 9, 11, 12* — с экспонатов ВДНХ, 1959 г.; *2, 5, 7, 10* — из коллекций Музея при Научно-исследовательском ин-те театра и музыки, № 578, 786, 270, 263; *6, 8* — из коллекций ГМЭ №16-168, 16-169) 372
Выступление танцевального ансамбля колхозной художественной самодеятельности в полевой бригаде. Ташкентская область (фототека ВДНХ № Г-123028) 376
Встреча посланцев Узбекистана с индийским писателем Мохани Рао на ВДНХ в 1957 г. (фотохроника ТАСС № 339571) 377
Занятия по классу фортепьяно в Ферганском музыкальном училище (фотохроника УзТАГ № 3736) 379
Музыковед В. А. Успенский с шаиром Шораимом Шоумаровым за записью узбекской народной музыки (фото Ин-та искусствознания АН УзССР) 379
Выступление оркестра народных инструментов Ташкентской государственной консерватории (фотохроника УзТАГ № 1149) 380
В Ташкентской телестудии (фотохроника УзТАГ № 189) 381
Сцена из оперы «Гюльсара». Театр оперы и балета им. Навои, Ташкент (фото Ин-та искусствознания АН УзССР) 381
Халима Насырова, народная артистка Союза ССР, лауреат Государственной премии (фототека ВДНХ № Г-60148) 382
Сцена из спектакля «Бай и батрак» Хамзы Хаким-заде Ниязи (фото Ин-та искусствознания АН УзССР) 383
Сцена из спектакля «Мукими» С. Абдуллы (фото Ин-та искусствознания АН УзССР) 384
Кадр из фильма «Алишер Навои». В роли Навои — народный артист Уз ССР Раззак Хамраев (фото Ин-та искусствознания АН УзССР) 387
Народный мастер резьбы по ганчу лауреат Государственной премии Усто Ширин. Ташкент (фототека ВДНХ № Г-34782) 389
Панно. Резьба по ганчу. Театр оперы и балета им. Навои, Термезский зал (фото Ин-та искусствознания УзССР) 391
Резные деревянные изделия работы ташкентских мастеров (фото Ин-та искусствознания АН УзССР) 392
Роспись деревянных колонн народным мастером Усто Абду-Вакилем. Ташкент (фото МАЭ № И-1860-908) 393
Мастер Муса Исмаилов за росписью керамической посуды. Риштан (фото Ин-та искусствознания АН УзССР) 393
Медный кумган работы кокандского мастера (из коллекций Таджикского республиканского историко-краеведческого музея, № 1914-1527) . . . 395
Медный кумган работы хивинского мастера (фото Ин-та искусствознания АН УзССР) 396
Расписная керамическая посуда узбеков и таджиков. XIX — начало XX в. (из коллекций МАЭ: *1* — № 1248-46; *2* — № 2542-60; *3* — № 5696-5; *4* — № 5696-3; *5* — № 3026-3; *6* — № 2971-47.) . . . . . вкл. 396—397
Образцы современного художественного керамического производства. Ташкент (по материалам выставки изобразительного и народного декоративного искусства Узбекской ССР в Москве, 1958 г.) . . . . вкл 396—397
Производство набойки народным мастером Абдураимом Абдугафуровым. Ташкент (фото МАЭ № И-875-4) 398
Машинная художественная вышивка сузани. Фергана (фотохроника Уз ТАГ № 1054) 399
Ручная вышивка. Работа самаркандской мастерской «Труд женщины» (фото Ин-та искусствознания АН УзССР) 400
Бухарское сузани (с экспоната Музея истории культуры и искусства Узбекистана в г. Самарканде) . . . . . вкл. 400—401

Современная вышивка (*1* — по материалам выставки изобразительного и народного декоративного искусства Узбекской ССР в Москве, 1958 г.; *2* — архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1961 г.) . . . . . вкл. 400—401
Тканье ковра с орнаментом «кирки» в ковроткацкой мастерской «Родина». Термез (фотохроника УзТАГ № 1724) 401
Худ. Рашид Тимуров. Самарканд (фото Ин-та искусствознания АН УзССР) 403
Худ. Лутфулла Абдуллаев. Премирование хлопкоробов (фото Ин-та искусствознания АН УзССР) 403
Худ. Абдулхак Абдуллаев. Портрет узбекского писателя Айбека (фото Ин-та искусствознания АН УзССР) 405
Родоплеменная структура каракалпаков (Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков. «Труды Ин-та этнографии», н. с., т. IX, М.— Л., 1950, стр. 522, рис. 6) . . . . . вкл. 412—413
Орунбай-кала на Жана-Дарье (вид с самолета) (Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. Труды Хорезмской экспедиции, т. I., М., 1952, стр. 522, рис. 6) 415
Старинное каракалпакское водоподъемное сооружение «кол-серпе» (по фото А. С. Мелкова, 1929 г.) 431
Головное сооружение канала Кыз-кеткен (фототека ВДНХ № 26393) . . 433
Колхозное селение на освоенных землях древнего орошения по каналу Кырккыз (вид со стен древней крепости Беркут-кала) (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1954 г.) 433
Освоение земель в Кызылкумах (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1954 г.) 435
Механизация планировки целинных полей; палоделатель (фото Каракалпакского филиала АН УзССР) 435
Обработка посевов хлопчатника. Турткульский район (фото Каракалпакского филиала АН УзССР) 437
Сборщица хлопка. Кегейлинский район (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1954 г.) 437
Сбор хлопка хлопкоуборочной машиной. Ходжейлинский район (фото Каракалпакского филиала АН УзССР) 438
Знатные хлопкоробы Герои Социалистического Труда Шамурат Мусаев и Айымхан Камалова (фото Каракалпакского филиала АН УзССР) 439
Доярка совхоза «Каракалпак» Айман Ондасынова (материалы Каракалпакского филиала АН УзССР) 440
Стадо совхоза им. Ленина на пастбище у берегов оз. Кара-Терень (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1959 г.) 441
Установка оборудования буровой скважины на Устюрте (фото Каракалпакского филиала АН УзССР) 443
Дойка овец. Совхоз «Кешимех» (каракалпаки Бухарской области) (фототека ВДНХ № 37837) 444
Новый кутан на отгонном пастбище. Тахта-купырский район (фототека ВДНХ № 26406) 444
Старинный способ рыболовства с применением «каза» (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1956 г.) 446
Выход в море судов государственного лова (фото Каракалпакского филиала АН УзССР) 447
Возвращение с лова колхозника рыболовецкой артели (фото Каракалпакского филиала АН УзССР) 447
Ондатролов на промысле (фото Каракалпакского филиала АН УзССР) . . 450
Тканье дорожки «кзыл-кур» для юрты на станке «ормек» (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1957 г.) 453
В ковровом цехе мастерской промкомбината в Ходжейли (фото Каракалпакского филиала АН УзССР) 454
Муйнакский рыбоконсервный комбинат (фото Каракалпакского филиала АН УзССР) 455
Подача транспортером рыбы на Муйнакском комбинате (фото Каракалпакского филиала АН УзССР) 456
Строительство Тахиаташской ГРЭС (фотохроника ТАСС № 434939) 457
Рабочая-печатница в цехе Нукусского полиграфического комбината (фото Каракалпакского филиала АН УзССР) 457
Каракалпакская «огиз-арба». Турткульский район (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1953 г.) 458
Старики каракалпаки едут на базар (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1959 г.) 459
Лодка под парусом в протоке Казах-Дарья (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1957 г.) 460
Пассажирский катер на Аму-Дарье (фото Каракалпакского филиала АН УзССР) 461
Каракалпакское хаули, 1929 г. (фото МАЭ № И-1381-204) 463
Улица в г. Нукусе (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1956 г.) 464

Школа-десятилетка в рабочем поселке Муйнак (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1958 г.) 465
Остов каракалпакской юрты. Муйнакский район (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1958 г.) 469
Юрта в усадьбе колхозника (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1956 г.) . 469
Каракалпакский дом «там» старого типа. Кегейлинский район (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1954 г.) 470
Дом колхозного типа с помещением для юрты — «уйжай». Кегейлинский район (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1954 г.) 471
В рыбацком колхозном поселке Муйнакского района (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1956 г.) 473
Вид строящегося дома в Муйнакском районе (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1957 г.) 473
Усадьба колхозника в Тахта-Купырском районе (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1959 г.) 475
Мужская одежда каракалпаков (Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. Труды Хорезмской экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 555, рис. 29) 477
Старик в халате из лощеной ткани (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1958 г.) 478
Юноша в тулупе «постын» (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1956 г.) . . 478
Одежда каракалпачек (Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. Труды Хорезмской экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 558, рис. 32) . . 479
Каракалпачка в старинном костюме (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1959 г.) 480
Каракалпачки в праздничном национальном костюме, 1929 г. (фото МАЭ № И-1381-33) 481
Колхозница в повседневном костюме. Кунградский район (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1959 г.) 482
Каракалпачка в кимешеке. Муйнакский район (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1958 г.) 483
Старинная женская одежда каракалпаков (*1, 5* по материалам Хорезмской экспедиции 1945—1946 гг.; *2 — 4*: Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. Труды Хорезмской экспедиции, т. I, М., 1952, рис. 25, 27, 28) . . . . . вкл. 484—485
Изготовление хлебной печи домашним способом. Кегейлинский район (Т. А. Жданко. Работы Каракалпакского этнографического отряда Хорезмской экспедиции в 1957 г. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. IV, М., 1960, стр. 157, рис. 8.) 487
Изготовление хлебной печи гончарами Чимбайского промкомбината (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1954 г.) 487
Приготовление пищи летом в саду на очаге. Кунградский район (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1959 г.) 489
Терминология родства и свойства у каракалпаков (Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. Труды Хорезмской экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 516—517, рис. 5) 495
Семья рабочего совхоза. Кегейлинский район (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1954 г.) 499
Молодая каракалпачка-колхозница с сыном (Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. Труды Хорезмской экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 560, рис. 35) 501
Республиканская больница. Нукус (фото Каракалпакского филиала АН Уз ССР) 504
С. Бекжанов — главный врач республиканской больницы в Нукусе (фото Каракалпакского филиала АН УзССР) 505
Каракалпакский государственный педагогический институт в Нукусе (фото Каракалпакского филиала АН УзССР) 507
Разведка недр в Кара-Калпакии. Работа геофизической экспедиции в пустыне (фото Каракалпакского филиала АН УзССР) 509
Сказитель эпоса «Кырк-кыз» Курбанбай-жырау Тажибаев (фото Каракалпакского филиала АН УзССР) 513
Народный певец, внук Бердаха, Каражан-бахсы (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1956 г.) 515
Танец «Аму-Дарья» на сцене Каракалпакского драматического театра им. Станиславского (фото Каракалпакского филиала АН УзССР) 522
Образцы ковровых изделий каракалпаков (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1946—1949 гг.) . . . . . вкл. 524—525
Фрагмент резной двери юрты. Поселок Кызыл-аскер на Казах-Дарье (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1956 г.) 525
Таджик с равнины (H. Krafft. A travers le Turkestan Russe. Paris,1902, стр. 146) 529

Таджик-горец. Долина р. Зеравшан (фото МАЭ № 3557-102) 530
Мечеть и алоухона в кишлаке Хазор-Чашма близ Гарма, 1932 г. (фото МАЭ № И-58-193) 543
Первые колхозы. Коллективная вспашка хлопкового поля колхоза «Иджтимоият», 1932 г. (фото МАЭ № И-1862-43) 545
Первые колхозы. Культивация хлопкового поля колхоза «Иджтимоият», 1932 г. (фото МАЭ № И-1862-42) 545
Первые женщины учительницы и активистки. Гарм (фото МАЭ № И-58-175) 547
Сельскохозяйственные орудия народов Средней Азии (*1—3, 5—9, 13, 15—25* — коллекции МАЭ № 4384-149, 150, 1931 г; 4384-148, 1931 г.; 4020-33, 1930 г.; 3633-215, 1927 г.; 4384-182, 1931, г.; 3780-19, 1928 г.; 2352-77, 1914 г.; 2352-82, 1914 г.; 4020-39, 1930 г.; 2352-83, 1914 г.; 4384-152, 1931 г.; 2352-84, 1914 г.; 3424-20, 1926 г.; 3633-206, 1927 г.; 4384-155; 3633-206, 1927 г.; 3633-207, 1927 г.; 3780-6, 1928 г.; 3633-214; *4* — фототека ГМЭ № 40-143, 1901 г.; *10, 11, 12* — коллекции Музея истории культуры и искусства Узбекистана в Самарканде, № Э-114-6, 1932 г.; Э-114-4, 1932 г.; Э-114-6, 1932 г.; *14* — М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2, Сталинабад, 1958, стр. 52) . . . . . 550—551
Сглаживание вспаханного поля «малой». Самаркандский район, 1931 г. (фото МАЭ № И-71-358) 553
Молотьба способом «галягоу» (фото МАЭ № И-87 / 11) 557
Летовка с. Урмитан в горном Таджикистане (фото МАЭ № 3489-123) . . . 558
Типы маслобоек (*1, 2, 7* —из коллекций МАЭ № 3809-199, 1927 г.; 3800-36, 1928 г.; 3655-96а, б, 1927 г.; *3, 5* — полевые зарисовки Е. М. Пещеревой; *4* — из коллекций Музея им. М. С. Андреева при Ин-те истории АН Тадж. ССР; *6* — архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1954 г.; *8* — из материалов Р. Ходжаевой; *9* — архив ИЭ, Памиро-Ферганская комплексная археолого-этнографическая экспедиция, 1951 г.; *10* — из материалов Б. Х. Кармышевой) 559
Головное сооружение магистрального канала на р. Вахш. Курган-Тюбе (фототека ВДНХ № 4577) 561
Строительство Кайраккумской ГЭС (фототека ВДНХ № 119089) 562
Изыскательские работы на месте строительства Нурекской ГЭС (фотохроника ТАСС № 445012) 563
Обработка химикатами посевов хлопчатника с самолета. Северный Таджикистан (фотохроника ТАСС № 412646) 565
Сдача хлопка на заготовительном пункте. Северный Таджикистан (фототека ВДНХ № 17739) 565
Производственное совещание тракторной бригады. Северный Таджикистан (фототека ВДНХ № 48354, 1952) 566
Механизированная пахота на богарных землях в Таджикистане (фототека ВДНХ № Г-130563) 569
Сбор шелковичных коконов. Северный Таджикистан (фототека ВДНХ № 4604) 570
Электростижка овец. Совхоз «Кобадиан», Джиликульский район (фототека ВДНХ № Г-71350) 571
Высокопородные козы на водопое. Аштский район (фототека ВДНХ № Г-109091, 1956 г.) 573
Традиционный способ промывки золотоносного песка. Долина р. Хингоу (фото МАЭ № И-58-138) 574
Обряд посвящения в мастера ремесленного цеха. 1871 г. (фото МАЭ № И-1718-236) 574
Гончар за работой. Кишлак Каратаг. Гиссар (фото МАЭ № И-1758-689) . . 575
Основные типы ткацких станков народов Средней Азии (*1* — С. П. Русяйкина. Народная одежда таджиков Гармской области Тадж. ССР. Среднеазиатский этнографический сборник, II. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», н. с., т. XLVII, М.— Л., 1959, стр. 143, рис. 1, *в*; *2* — коллекции Музея им. М. С. Андреева при Ин-те истории АН Тадж, ССР. Душанбе; *3* — М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2. стр. 367 576
Отливка чугунных изделий. 1872 г. (фото МАЭ № И-1718-165) 577
Автоматчица за работой на Ленинабадском шелкокомбинате (фототека ВДНХ № Г-143833) 578
Ходжент. 70-е годы XIX в. (фото МАЭ № И-1718-330) 581
Душанбе (фототека ВДНХ № Г-143863) 582
Здание библиотеки им. Фирдоуси. Душанбе (фототека ВДНХ № 71357) . . 583
Горный кишлак Канти. Долина р. Зеравшан (фото МАЭ № 3557-189) . . 583
Колхозный поселок близ Душанбе. 585
Тип старой таджикской усадьбы в Костакозе. Ферганская долина (материалы архитектора В. Л. Ворониной) 586
Строительные приемы. Таджики (материалы В. Л. Ворониной) 588

Приемы кладки стен. Узбеки, таджики (материалы В. Л. Ворониной) . . 589
Айван» в доме колхозника. Исфаринский район. (фото МАЭ № И-1503-392) 590
«Дом с «пеш-айваном» в Ура-Тюбе (материалы архитектора В. Л. Ворониной) 590
Створка резной двери дома в Ленинабаде (материалы архитектора В. Л. Ворониной) 591
Варианты форм потолка в старых домах Ура-Тюбе и Ленинабада (материалы архитектора В. Л. Ворониной) 592
Роспись потолка (общая композиция) (материалы архитектора В. Л. Ворониной) 593
Фрагмент росписи потолка айвана мехмонхоны. Ура-Тюбе (рис. архитектора В. Л. Ворониной) . . . . . .вкл. 592—593
Дом в сел. Лянгар близ Куляба (план и внешний вид) (материалы В. Л. Ворониной) 594
Дом в Гиссаре (план и разрез) (материалы В. Л. Ворониной) 595
Жилище в верховьях Зеравшана. Дом в кишлаке Пакшиф (план и разрезы) (материалы архитектора В. Л. Ворониной) 595
Молодуха «келинчак». Куляб (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1956 г.) . . . . . .вкл. 600—601
Пожилой таджик в национальном костюме (фото МАЭ № И-1758-6366) . 600
Таджик в национальной одежде. Северный Таджикистан (Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева, С. П. Русяйкина. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. «Труды ин-та этнографии», н. с., т. XXIV, М.— Л., 1954, стр. 139, рис. 57) 601
Молодой колхозник в праздничной одежде. Ленинабадский район (фото МАЭ № И-1618-127) 603
Женская одежда и украшения горных таджиков (*1* — из коллекции Музея им. М. С. Андреева при Ин-те истории АН Тадж. ССР, Душанбе; *2—6* — архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1948 и 1958 гг.) . . . .вкл. 604—605
Основные типы современных тюбетеек таджиков и узбеков (*1, 3—6* — фото МАЭ № 5222-2; 5112-10; 5939-3; 4778-8; *2* — из материалов Р. Я. Рассудовой) . . . . . .вкл. 604—605
Вышечка лепешек в тануре. Канибадамский район (фото МАЭ № И-1503-252) 605
Камин ферганского типа в одном из домов Ленинабадского района (фото МАЭ № И-1503-145) 606
Семья колхозника за чаем. Канибадамский район (фототека ВДНХ № 24752) 608
Мост через горную реку (фото МАЭ № И-1721-80) 610
Перевозка соломы на санях-волокуше «чигине». Долина р. Хингоу (фото МАЭ № И-58-110) 611
Дореволюционный выходной костюм горожанки (фото МАЭ № И-1618-142) 613
Переезд невесты из родительского дома к жениху (фото МАЭ № И-1718-247) 618
Свадебный обряд «чимилик». Молодая за свадебной занавеской (фото МАЭ № И-1718-249) 618
Угощение в честь покровительницы женщин Биби-Сешамбе (фото МАЭ № И-1718-252) 619
Похороны (фото МАЭ № И-1718-254) 619
Прием гостей на семейном празднике «домодталабон» — приглашение зятя в дом тестя. Сел. Чкаловск Ленинабадского района (фото МАЭ № И-1503-200) 623
Мазар на кладбище. Сел. Костакоз Ленинабадского района (фото МАЭ № 1618-490) 625
Мазар Хазрати Бурх (верховья р. Хингоу) (фото МАЭ № И-58-204) 625
Дом культуры колхоза им. Ленина. Курбан-Тюбинский район (фототека ВДНХ № 119067) 631
На уроке в школе. Колхоз «Коммунизм». Пянджский район (фототека ВДНХ № Г-136897) 633
Здание Государственного университета. Душанбе (фототека ВДНХ № 119319) 635
Больничный городок в поселке шахтеров Шурабского рудоуправления «Таджикуголь» (фотохроника ТАСС № 384566) 636
В колхозной амбулатории (фототека ВДНХ № 17740) 636
С. Айни среди писателей Таджикистана (фототека ВДНХ № Г-62080) 645
Таджикский национальный танец в исполнении Памирского ансамбля (фотохроника ТАСС № 465348) 649
Сцена из эпилога оперы «Пулат и Гильру». Таджикский Государственный театр оперы и балета им. С. Айни (фотохроника ТАСС № 331023) 652
Народный мастер Нуретдинов Бадреддин с дочерью (фототека ВДНХ № 4535) 655
В колхозном клубе, расписанном народными мастерами. Северный Таджикистан (фототека ВДНХ № 17761) 656

Группа рушанских таджиков-бедняков. Сел. Пасбадж на р. Пяндж, 1914 г. (фото МАЭ № 2371-62) 663
Перенос снопов с поля. Вахан (М. С. Андреев и А. А. Половцев. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Сб. МАЭ, 1911, стр. 41) 666
Очистка колхозниками семян на триере. Шугнанский район. Горно-Бадахшанская автономная область (фототека ВДНХ № 20469) 672
Традиционные постройки — кладовая на камнях и шалаш на жердях для сна летом. Ванч (из материалов А. К. Писарчик) 673
Старик-язгулемец в повседневной одежде (из материалов Л. Ф. Моногаровой) 674
Таджик из Шугнана (фото МАЭ, № 2621—477) 675
Девушка-ишкашимка, студентка педагогического училища (из материалов Л. Ф. Моногаровой) 677
Мост через р. Язгулем близ кишлака Матраун (из материалов Л. Ф. Моногаровой) 679
Город Хорог (фотохроника ТАСС № А-31283) 680

СПИСОК КАРТ

Этнографическая карта Средней Азии и Казахстана . . . . . вкл. 8—9
Карта плотности населения Средней Азии и Казахстана . . . . вкл. 12—13
Хозяйственные типы Средней Азии и Казахстана . . . . . вкл. 36—37
Распространение культур эпохи бронзы в Средней Азии и Казахстане[1] 42
Средняя Азия в середине I тысячелетия до н. э. 47
Средняя Азия во II—I вв. до н. э. 55
Средняя Азия во II в. н. э. 57
Средняя Азия в XI в. 83
Средняя Азия в XII — начале XIII в. 86
Средняя Азия под властью монголов в XIII в.[2] 87
Политическая карта Средней Азии во второй половине XIX и начале XX вв[3] 101
Среднеазиатские республики после национального размежевания[4] . . . 105
Этнографическая карта Узбекской ССР. . . . . вкл. 164—165
Расселение родоплеменных групп каракалпаков в XIX—начале XX в.[5] вкл. 416—417
Этнографическая карта Таджикской ССР . . . . . вкл. 528—529

---

[1] При составлении схематических карт к главе «Основные этапы этнической истории народов Средней Азии и Казахстана» (стр. 42, 47, 55, 57, 83, 86) использованы в качестве основ карты многотомных изданий: «Всемирная история» (т. I—III. М., 1955—1957), «Очерки истории СССР» (Первобытно-общинный строй и древнейшие государства. М., 1956; Период феодализма. IX—XV вв. М., 1953).

[2] Из книги «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1. Ташкент, 1955, стр. 284—285.

[3] По карте из книги «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2. Ташкент, 1956, стр. 208—209.

[4] По карте из книги «История Узбекской ССР», т. II. Ташкент, 1957, стр. 232—233.

[5] Из книги Т. А. Ждан ко. Очерки исторической этнографии каракалпаков. «Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», н. с., т. IX, М.—Л., 1950, стр. 28—29.

СПИСОК ЗАСТАВОК И КОНЦОВОК

Глава	*Заставка*	*Концовка*
Предисловие	Элемент узора на золотошвейной тюбетейке. Бухара (Материалы выставки изобразительного и народного декоративного искусства Узбекской ССР. Москва, 1959 г.)	Вышивка на таджикском сузани. «Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР». М., 1960, стр. 216
Введение	Узор с расписного каракалпакского шкафчика «сандык» (Б. В. Андрианов и А. С. Мелков. Образцы каракалпакского народного орнамента. «Труды Хорезмской экспедиции», т. III. М., 1958, табл. X, *3*)	Элемент узора узбекского сузани. Самаркандская область УзССР (ИЭ. Полевые материалы Среднеазиатской экспедиции, 1960 г.)
Географический очерк Средней Азии и Казахстана	Орнамент вышивки на каракалпакском женском головном уборе «кимешек» (Альбом «Народный орнамент каракалпаков». По материалам каракалпакского отряда Хорезмской экспедиции АН СССР; Библиотека Каракалпакского филиала АН УзССР, № 4170/49, табл. XXV)	Орнамент резьбы по дереву на каракалпакском шкафчике «сандык» (Б. В. Андрианов и А. С. Мелков. Образцы каракалпакского народного орнамента. «Труды Хорезмской экспедиции», т. III, М., 1958, табл. IX, *4*)
Основные этапы этнической истории Средней Азии и Казахстана	Орнамент на резном терракотовом надгробии в средневековом мавзолее Нариджанбаба. Кара-Калпакская АССР (Б. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М., 1939, стр. 105, рис. 101)	Элемент орнамента настенных росписей дворца Топраккала (С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.) «Труды Хорезмской экспедиции», т. I. М., 1952, стр. 14, рис. 2,*б*)
Тюркские языки народов Средней Азии и Казахстана	Элемент узора узбекского ковра. Самаркандская область УзССР (ИЭ. Полевые материалы Среднеазиатской экспедиции, 1960 г.)	Элемент узора узбекского ковра. Самаркандская область УзССР (ИЭ. Полевые материалы Среднеазиатской экспедиции, 1960 г.)
Иранские языки народов Средней Азии	Узор вышитой тесьмы «зи» на околышке таджикской тюбетейки (С. П. Русяйкина. Народная одежда таджиков	Узор вышивки на таджикской тюбетейке (С. П. Русяйкина. Народная одежда таджиков Гармской области.

(Окончание)

Глава	*Заставка*	*Концовка*
	Гармской области. «Среднеазиатский этнографический сборник, вып. II. «Труды Ин-та этнографии», н. с.,т. XLVII,М., 1959, стр. 168—169, рис. 10)	«Среднеазиатский этнографический сборник», вып. II. «Труды Ин-та этнографии», н. с., т. XLVII, М., 1959, стр. 168—169, рис. 10)
Антропологический состав населения Средней Азии и Казахстана	Орнамент на дворце термезских правителей. (Б. Денике. Архитектурный орнамент *Средней Азии*. М., 1939, стр. 68, рис. 64)	Серебряная хорезмийская монета с изображением царя Вазамара (С. П. Толстов. *Древний Хорезм*. М., 1948, табл. 84,*4*)
Узбеки	Вышивка на узбекском сузани. Самаркандская область УзССР (ИЭ. Полевые материалы Среднеазиатской экспедиции, 1960 г.)	Вышивка на узбекском сузани. Самаркандская область УзССР (ИЭ. Полевые материалы Среднеазиатской экспедиции, 1960 г.)
Каракалпаки	Орнамент каракалпакской тканой дорожки «кызыл-кур» (Б. В. Андрианов и А. С. Мелков. Образцы каракалпакского народного орнамента. «Труды Хорезмской экспедиции», т. III, М., 1958, табл. III,*2*)	Узор вышивки на каракалпакском женском головном уборе «кимешек» (Т. А. Жданко. Народное орнаментальное искусство каракалпаков. «Труды Хорезмской экспедиции», т. III, М., 1958, стр. 401, рис. 15,*2*)
Таджики	Узор таджикских вязаных чулок «джураб» (С. П. Русяйкина. Народная одежда таджиков Гармской области Таджикской ССР. «Среднеазиатский этнографический сборник», вып. II. «Труды Ин-та этнографии», н. с., т. XLVII, М., 1959, стр. 177, рис. 12, *в*)	Узор вышивки на рукаве таджикской женской рубахи (ИЭ. Полевые материалы экспедиции в Гармскую область Таджикской ССР, 1946—1947 гг.)
Приложения	Орнамент вязаных чулок «джураб» припамирских таджиков. Язгулем (Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев. «Среднеазиатский этнографический сборник», вып. II. «Труды Ин-та этнографии,» н. с., т. XLVII, М., 1959, стр. 32—33, рис. 17, *г*)	Узор с каракалпакской ковровой дорожки «ак-баскур», укрепляющей остов юрты (ИЭ. Полевые материалы Хорезмской экспедиции. 1948 г.)

УКАЗАТЕЛЬ

Сокращения, принятые в указателе

ам-во — амлякдарство
а. о.— автономная область
арх.— археологический термин
арх. пам.— археологический памятник
АССР — автономная советская социалистическая республика
басс.— бассейн
бек.— бекство
возв.— возвышенность
г.— гора, горы
геогр. обл.— географическая область
гов.— говор, говоры
гор.— город
гос-во — государство
губ.— губерния
диал.— диалект, диалекты
дин.— династия
дол.— долина
дор.— дорога
др. рус.— древнее русло
ж. д.— железная дорога
зал.— залив
им.— имя собственное
им. рел.— имя религиозное, мифическое
им. эп.— имя героя эпоса (фольклора)
ист.— исторический термин, историко-географическая область, понятие
кн.— канал
кол.— колодец
котл.— котловина
кр.— край
кур.— курорт
нас. п.— населенный пункт
низм.— низменность
о.— остров
оаз.— оазис
обл.— область
оз.— озеро
окр.— округ
пам. архит.— памятник архитектуры
пер.— перевал
поб.— побережье
п-ов — полуостров
прол.— пролив
пуст.— пустыня
р.— река
равн.— равнина
рел.— религия, религиозный термин
р-н — район
стп.— степь
у.— уезд
ур.— урочище
ущ.— ущелье
хан.— ханство
хр.— хребет
этн.— этнические, племенные названия
яз.— язык, языки

Абай Кунанбаев, им. 103, 125, 126
Абаршахр, геогр. обл. 147
Аббасиды, ист., дин. 78, 79
Аббасов Ш., им. 388
Абдугафуров Абдураим, им. 398
Абдукаюмов А., им. 375
Абдулкадыр Гиляни, им. 96
Абдулла Кадыри, им. 365, 366
Абдулла Каххар, им. 366—368, 384, 388
Абдулла С., им. 367, 383, 384
Абдулла-хан, им. 173
Абдулла шаир Нурали-оглы, им. 359
Абдуллаев Абдулхак, им. 404, 405
Абдуллаев Бала-бахши Курбанназар, им. 360
Абдуллаев Лутфулла, им. 403, 404
Абдуллаев Сагдулла, им. 404
Абдуллаев Самыг, им. 406
Абдуллаев Х. М., им. 355, 357
Абдулло Г., им. 647
Абдурахман Джами, им. см. Джами Абдурахман
Абдурразак Самарканди, им. 89
Абдуррахман Тали, им. 358
Абиверд, гор., ист. 147
Абласовы, им. 342

Або, им. см. Абруй
Абруй, им. 73, 168
Абу-Абдаллах Рудаки, им. 79, 147, 641, 647
Абу-Али ибн-Сина (Авиценна), им. 79—81, 331, 358, 369, 644, 647
Абулгази, им. 174
Абулхайр-хан, им. 172, 414, 415
Абу-Муслим, им. 78
Абу-Наср ал-Фараби, им. 79, 369
Абу-Рейхан Мухаммед ибн-Ахмед ал-Бируни, им. 76, 80, 81, 138, 139, 143, 358
Аваз, им. эп. 639
Аваз Отар-оглы, им. 103, 190, 364
Авары, этн. 70
Авдакушин И., им. 502, 503
Авеста, рел. 49, 50, 57, 59, 64, 133—135, 140, 359
Авестийский яз. 133—135, 140, 152
Авиценна, им. см. Абу-Али ибн-Сина
Авроман, ист. 144
Автомобильный транспорт см. Транспорт
Авункулат см. Семья и семейно-брачные отношения
Ага-хан, им. 662, 663, 670
Агзамов Ю., им. 386, 388
Адам, им. рел. 321
Адикова Рейма, им. 522
Адылов Вахид, им. 406
Ажи-дархан, им. эп. 359
Ажинияз Косыбай улы, им. 418, 514
Азербайджан 69, 87, 172, 216
Азербайджанский яз. 115, 118, 122
Азербайджанцы, этн. 11, 111, 118, 161, 378
Азизи Бадриддин, им. 644
Азизходжаев Кадыр, им. 406
Азимов А., им. 375
Азимов С., им. 368
Азимова А., им. 652
Азия 55, 91, 109, 117, 368, 646—653
— Восточная 16;
— Западная 119;
— Малая 412;
— Передняя 10, 11, 55, 84, 159, 353, 533;
— Центральная 16, 68, 72, 73, 78, 85, 135, 141, 168, 170, 533;
— Южная 38
Азовское море 60
Айбек, им. 366, 368, 384, 404, 405
Айдост, им. 417, 418
Айкыран, нас. п. 276
Аймурзаев Ж., им. 516—519, 521, 527
Айни, нас. п. 149
Айни Садриддин, им. 148, 190, 364, 365, 370, 643—647, 657
Айпаршин, им. эп. 512
Айртамский фриз, арх. пам. 64, 68, 69, 533
Академии наук:
— Советского Союза 353, 357, 508—510, 548, 634;
— Таджикской ССР 548, 634;
— Узбекской ССР 338, 353—358, 390, 426, 438, 443, 465, 508—510, 518, 526;
Акбаров И., им. 374, 375
Акбарходжаев А., им. 388
Акбура, р. 23
Аксуйский диал. см. Уйгурский яз., диал.
Ак-тепе, арх. пам. 74
Акча-Дарья, др. рус. 41, 48
Акшунвар, им. 69
Алайская дол. 30, 159
Алайский хр. 23, 528, 612
Аламышик Южный, нас. п. 248
Аланские диал. 140
Аланы, этн. 60
Алдаркосе, им. эп. 512
Александер К. А., им. 187, 246
Александр Македонский, им. 47—49, 58, 59, 359, 532
Александров-Гай, нас. п. 460
Алексеевы, им. 388
Алжир 198
Али, им. 362
Али (Алий), им. рел. 319, 321, 662
Али-Кушчи, им. 88
Алили, этн. 97
Алимбаева К. А., им. 374
Алимджан Хамид, им. 367, 368, 404
Алими К., им. 653
Алимов, им. 342
Алимов Н., им. 375
Алимов Сайфи, им. 378
Алимхан, им. 544
Аличур, р. 659
Аличурская дол. 659
Алишер Навои, им. 88, 89, 128, 271, 272, 331, 351, 362, 363, 370, 375, 383, 386, 387, 391, 392, 400, 514, 644
Аллабергенов Эгамберди, им. 360
Алланазаров Т., им. 509, 517, 519
Аллах, рел. 322 620
Алма-Ата, гор. 256, 262, 508, 510
Алмаатинка, р. 25
Алмалык, гор. 248, 250, 270
Ал-Мамун, им. 79
Алп Артунг (Афрасиаб), им. 359
Алп-тегин, им. 82
Алпамыш, им. эп. 360
Алтай 16, 17, 28, 72, 85
Алтайская семья языков 12
Алтайский яз., диал. 120, 121, 124, 125
Алтайцы, этн. 73, 74, 121, 159, 160
Алтынсарин Ибрагим (Ибрай), им. 103, 125, 126
Алтын-Топкан, нас. п. 257
Алтыульский улус, ист. 413
Алшынский племенной союз 125
Аманжолов С., им. 125
Аман-Кутан, арх. пам. 38
Америка 99
Аминов Нугман, им. 400
Амирабадская культура, арх. 45
Амири Юсуф, им. 362
Аму-Дарьинская обл. 425
Аму-Дарьинский клад, арх. пам. 50, 256, 533
Аму-Дарьинский окр. см. Аму-Дарьинский отдел
Аму-Дарьинский отдел 100, 104, 419—425, 430, 432, 461, 464, 502, 503, 506
Аму-Дарьинский р-н 165, 408
Аму-Дарья, р., дол. 16, 23—25, 34—36, 40, 41, 43, 44, 48—50, 53, 56, 61, 68, 70, 74, 80, 82, 94, 112, 132, 138, 142, 168—170, 175, 200, 202, 205, 206, 259—262, 302, 356, 408, 409, 413, 415, 416, 418—422, 424, 427—431, 436, 442, 445, 448—450, 455, 459—462,

465, 490, 503, 526, 531, 532, 537, 562
Аму-Каракульский кн. 206
Анау, арх. пам. 42
Анахита, им. рел. 60—63
Анвари, им. 641
Ангка 5, арх. пам. 43
Англия 99, 100, 198, 335, 365, 418, 424, 660
Ангрен, гор. 165, 248, 251, 257, 270
Ангрен, р., дол. 166, 170, 200, 205
Андижан, гор. 128, 165, 190, 227, 236, 248, 251, 261, 264, 268, 293, 340, 378, 383
Андижанская обл. 9, 165, 216, 232, 277, 279, 299, 302, 311, 313, 330, 336, 337
Андижанский у. 191
Андроновская культура, арх. 43, 44
Андроновский тип см. Антропологические типы
Ансари, им. 148
Ансори Ф, им. 647, 652
Антиох, им. 66
Антропологические расы:
— европеоидная 159—164, 166—168, 410;
— монголоидная 159—162, 164, 166—168, 410, 531;
— экваториальная 162
Антропологические сведения 38, 43, 44, 72, 159—164, 166, 410, 531, 534
Антропологические типы:
— андроновский 162—164, 410;
— европеоидный 68, 160—163, 531, 534;
— закаспийский 161, 166;
— индодравидоидный 44;
— монголоидный 68, 72, 160—164, 410;
— неандертальский 38;
— памиро-ферганский см. Среднеазиатского междуречья;
— Среднеазиатского междуречья (памиро-ферганский) 160—164, 166, 410, 531, 534;
— туранский (южносибирский) 162, 410;
— хорасанский 161, 162, 164;
— центральноазиатский 160, 162, 164;
— южносибирский см. туранский
Апасиаки, этн. 48, 50—53, 59, 73, 78, 84, 410, 411
Аполлон, им. рел. 61
Арабский халифат, ист. 76—79, 132, 147, 168, 169
Арабский яз. 13, 75, 77, 79, 84, 117, 125, 132, 137—139, 147, 169, 346, 349
Арабское завоевание 46, 60, 74, 76—78, 132, 136—138, 143, 146, 168, 436, 532, 534, 535, 641
Арабы, этн. 11, 76, 77, 79, 80, 94, 132, 237, 320, 436, 531, 534;
— среднеазиатские 7, 13, 146
Аравия 365
Арагон Луи, им. 512
Арал см. Аральское море
Аральского моря острова 408, 409, 504
Аральское владение, ист. 413
Аральское море (Арал) 16, 24, 25, 48, 52, 60, 70, 408—411, 418, 421, 427—429, 445, 448, 449, 459, 466, 519, 522, 526
Аральское море, нас. п. 427
Арамейский яз. 60, 135
Аргу, этн. см. Тюргеши
Аргын, этн. 125
Арии, этн. 56
Ариана, ист. 55, 59
Арипов М, им. 653
Аристов Н. А., им. 170
Аристотель, им. 79
Арктика 80
Армения 158
Армяне, этн. 11, 13, 165, 406
Армянский яз. (группа) 13, 131, 144, 535
Арован Бахтиар, им. 343
Арпа, ур., арх. пам. 44
Ар-Рази, им. 358
Арриан, им. 51, 58
Арсланкулов Ташпулат, им. 390
Артаксеркс (Бесс), им. 56, 58
Артемида, им. рел. 61
Артобус Али, им. 521
Артыков Хаким, им. 406
Археологические сведения 36, 38—47, 49—55, 58, 60—78, 133, 162, 163, 168, 200, 233, 256, 388, 389, 410, 411, 415, 429, 461, 533—535
Архитектура и архитектурные памятники 88—90, 270, 271, 277—286, 288, 290, 334, 336, 337, 348, 350, 390, 490, 580—583, 598, 599, 657
Аршак, им. 59
Аршакиды, ист., дин. 59, 66, 144
Аса, р. 35
Асии, этн. см. Усуни
Ассаке, нас. п. 270; см. также Ленинск
Ассирия 55
Астраханская губ. 98
Астраханское хан. 119
Астрахань, гор. 256
Ата Гияс Абдулгани, им. 370
Атои, им. 362
Атрек, р. 16, 44
Аттор, им. 642
Аугасии, этн. 48, 50—53, 78, 410, 411
Афанди, им. эп. см. Мулло Насреддин
Афганистан 9, 11, 12, 15, 16, 69, 71, 79, 82, 87, 100, 142, 146, 149, 153, 161, 165, 166, 256, 262, 350, 364, 408, 530, 532, 534, 537, 544, 546, 659, 660, 682
Афганский коридор 9
Афганский яз. 140—143
Афганцы, этн. 365, 418, 538, 660
Афрасиаб, арх. пам. 58, 61, 62, 74, 339, 359
Афрасиаб, им. см. Алп Артунг
Афригиды, ист., дин. 74
Афригидская культура, арх. 70, 72, 74, 76; см. также Археологические сведения
Африка 109, 368, 517, 646, 653
Ахавайни, им. 137
Ахарун, ист. 536
Ахемениды, ист., дин. 46, 47, 55—58, 135, 140, 532
Ахмад Дониш, им. 103, 643, 646, 647
Ахмад С., им. 367
Ахмад Яссави, им. см. Ходжа Ахмед Ясави
Ахмади, им. 362
Ахмедов Рахим, им. 404, 405
Ахметов Хожахмет, им. 516
Ахунова Турсуной, им. 216
Ахурамазда, им. рел. 50, 60
Ахчакай, впад. 15

Ашамайлы, этн. 409—445
Ашельско-мустьерская культура, арх. 38; см. также Археологические сведения
Ашик Гариб, им. эп. 513
Ашрафи М., им. 375, 382
Аштарханиды, ист., дин. 173
Аштский р-н 573
Ашхабад, гор. 62, 144, 158, 256, 550
Ашхабадская обл. 12
Аэран-вэж, ист. 50
Аюб (Иов), им. рел. 319

Бабаджанов М, им. 657
Бабаджанов Ятым, им. 378, 382
Бабаев С., им. 375
Бабаханов Леви, им. 370
Бабиш Мулла, арх. пам. 51, 52, 410
Бабур Захириддин Мухаммад, им. 171, 240, 363, 364, 405
Багдад, гор. 147, 385
Баглан, геогр. обл. 142
Багрин, этн. 88
Бадам, р., дол. 200
Бадахшан, геогр. обл. 32, 142, 152, 171, 597
Бадахшан, ист. 69, 154, 537, 659, 660
Бадахшанский диал. см. таджикский яз., диал. 658
Бадгис, геогр. обл. 69
Баджу, р., дол. 658, 665
Баджуйский яз. 12
Баджуйцы, этн. 12, 657—659
Бадреддинова Зульфия, им. 656
Базар-кала, арх. пам. 62
Базарова Кунайсин, им. 227
Байкара Хусейн, им. 171
Байрам-Али, гор. 19, 122
Байсун, нас. п. 400, 529, 530, 532, 546
Байсун-Тау (Байсунские) г. 36, 38, 532
Бакаева Г., им. 652
Бактрийский яз. 116, 131—133, 135, 141, 142—144, 535
Бактрийцы, этн. 48, 49, 56, 82, 116, 132, 167, 532—534
Бактрия, ист. 46, 49, 53—56, 58—61, 68, 74, 135, 141—143, 531—535, 552
Баку, гор. 110, 246, 380
Балалык-тепе, арх. пам. 71
Баланды, арх. пам. 51—53, 410
Баласагун, гор., ист. 84, 138
Баласанян С. А., им. 649—652
Балгалы, этн. 409
Балкарцы, этн. 11
Балтаев Абдулла, им. 394
Балтийские яз. 131
Балх, ист. 69, 74, 76, 143, 147
Балхан, хр. 15
Балханский зал. 25
Балхаш, оз. 16, 25
Бальджуан, геогр. обл. 541
Бальджуан, ист. 538
Бандишаев, им. 681
Бандишаева С., им. 652
Барак-там, арх. пам. 53, 54, 70
Барамыков И., им. 653
Баратбеков Ю., им. 656
Бардия, им. 56
Барзу, им. эп. 640
Барлас, этн. 88, 166, 171, 284
Бартанг, р., дол. 153, 551, 658, 664, 665, 667, 669, 670, 673, 676
Бартанги, этноним 657
Бартангский яз., диал. 12, 152—154; см. также Памирские яз.
Бартангцы, этн. 12, 657—659
Бартольд В. В., им. 79, 170, 359, 422, 531
Барушан, нас. п. 673
Барчин, им. эп. 360
Басид, нас. п. 153, 667
Баскаков Н. А., им. 509
Басмачество 104, 546—548
Бахауддин Накшбанд, им. 96
Бахчеводство 36, 37, 212, 217, 220, 432, 439, 443, 554, 665, см также Сельское хозяйство
Башкирия 98
Башкирский яз. 119, 123
Башкиры, этн. 11, 78, 85, 119, 411, 413, 484
Баяндер, этн. 78
Баят, этн. 78
Баяут, этн. 88
Бегимов А., им. 516—518
Беговат, гор. 23, 248, 250, 270
Бедиль Абдулкадир, им. 370, 642—644, 647
Бейхаки, им. 138
Бекжанов Серали, им. 505
Бекназаров Ярлакаб, им. 360
Белая Орда, ист. 91
Белорусский яз. 12
Белорусы, этн. 11, 248
Белуджи, этн. 5, 7, 11, 12, 146, 158
Белуджский яз. 12, 133, 146, 157, 158
Бельтау, возв. 408
Беляев В. М., им. 374
Бенарес, гор. 63
Беньков П. П., им. 402, 406, 526
Бердах Каргабай улы (Бердымурат Бердах-шанр), им. 421, 493, 514, 521, 527
Бердымуратов Кауендер, им. 527
Берке-султан, им. 174
Беркут-калинский оаз. 74
Бесс, им. см. Артаксеркс
Беш-Булак, кол. 42
Беш-капа, нас. п. 301
Биби - Мушкилькушо, им. рел. 321
Биби - Сешанбе, им. рел. 313, 321, 619
Биби - ханым, пам. архит. 88
Бидив, нас. п. 149, 151
Бизе Ж., им. 384
Билбарс, им. 174
Билль-Белоцерковский В., им. 380, 382, 383
Бирджанд, геогр. обл. 144
Бирма 262
Бируни, гор. 449, 454, 513; см. также Шаббаз
Бируни, им. см. Абу-Рейхан Мухаммед ибн-Ахмед ал-Бируни
Бируний ский р-н 127, 165, 408, 436, 443, 472
Бискан, нас. п. 530
Бишкентская, дол. 562
Блантер М., им. 373
Бобо-дехкон (Бобо-и-Дехкан, Дийханбаба), им. рел. 321, 434
Бобокалонов Ш., им. 651
Боголюбов М. Н., им. 152
Богра-хан, им. 82

Бодравак, нас. п. 575
Боз-атау, геогр. обл. 514
Бойбар, р. 658
Болгария 365
Болгары волжские эти. см. Булгары
Болдырев А. Н., им. 647
Болотные городища, арх. пам. 70, 71
Большая Ногайская орда, ист. 116, 119, 126, 127, 129
Большая семья см. Семья и семейно-брачные отношения
Большие юэчжи, этн. см. Юэчжи
Большой Гиссарский кн. 111, 561
Большой Кавказский хр. 162
Большой Памирский тракт 611
Большой Узбекский тракт 261
Большой Ферганский кн. 111, 203, 204, 398, 561
Бомбей, гор. 663
Боомское ущ. 27
Боровков А. К., им. 128
Боровое, кур. 17
Бородин С. П., им. 368
Боспор, ист. 66
Бостандыкский р-н 113
Босы (Персия), ист. 76
Брагинский И. С., им. 647
Брак см. Семья и семейно-брачные отношения
Бронзовый век, арх. 36, 40—46, 73, 162, 163, 200; см. также Археологические сведения
Будда, им. рел. 64
Буддизм см. Религии и религиозные верования.
Булачное земледелие см. Земледелие.
Булгарский яз. (группа) 78, 116—119, 127, 411
Булгары, этн. 116, 117, 119, 120
Булунгурский, р-н 360
Булункул, геогр. обл. 659
Буре Л. Л., им. 402
Буришкский яз. см. Вершикский яз.
Бурсук, им. 171
Бурханеддин Маргинани, им. 319
Бурханов А., им. 652
Бурханов М., им. 374
Бурханов Ш., им. 382, 383
Буры, этн. 365
Буряты, этн. 159, 160, 162
Бутаков А. П., им. 461
Буттам, ист. 74
Бухара, гор. 12, 70, 73, 79, 128, 132, 137, 146 — 148, 165, 173, 178 — 190, 193, 195, 205, 213, 236—241, 248, 250, 254, 257, 261, 263—268, 272, 274, 278—282, 284, 294, 296, 297, 301, 308, 310, 311, 315, 316, 319, 323, 332, 334, 339, 345, 346, 353, 359, 364, 369, 380, 394, 396, 397, 399, 400, 417, 421, 448, 475, 476, 481, 529, 535, 537, 576, 602, 627, 628, 643, 650, 654
Бухара, ист. 59, 66, 73, 74, 84, 110, 114, 168, 169, 171, 347, 365, 538—540, 544
Бухара Восточная, геогр. обл. 222, 224, 537—540, 544, 546, 547, 567, 573, 576
Бухарская Народная Советская Республика 104, 195, 544
Бухарская обл. 12, 22, 23, 42, 84, 165, 200, 206, 221, 224, 225, 231, 274, 276, 283, 285, 291, 396, 397, 408, 444, 559
Бухарская Советская Социалистическая Республика 104, 106
Бухарский оаз. 23, 35, 36, 73, 74, 76
Бухарский р-н 168, 355
Бухарский яз. (согдийский диал. Бухары) 137
Бухарское хан. 92—95, 97, 99, 100, 103, 104, 106, 173—176, 179—182, 184, 189, 192, 194, 205, 242, 246, 262, 267, 318, 347, 413, 537, 538, 541, 542, 544, 609, 633, 643, 644, 646, 660, 661
Бухарцы сибирские, этн. 98
Бухтарма, р. 38

Вавилов Н. И., им. 161
Вавилония, ист. 59
Вазир, ист. 174
Вакуфы 95, 176, 182, 346, 417, 539, 542; см. также Землевладение и землепользование
Валамат-заде Г., им. 652
Валиев Абдулла, им. 406
Вали-заде Саидали, им. 640
Валиханов Ч. Ч., им. 103, 510
Валкаш I, им. 134
Ванч, геогр. обл. 665, 667, 673, 676
Ванч, ист. 660
Ванч, р., дол. 141, 142, 529, 559, 575, 596, 597, 612
Ванчский р-н 153, 658
Ванчский хр. 658
Ванчский яз. 141
Варахран V, им. 69
Варахша, арх. пам. 74, 533
Вардана, ист. 74
Вардудж, р. 153
Варзоб, р. 149, 530, 582, 592
Варяги-норманны, этн. 80
Василенко С. Н., им. 375, 382
Васифи, им. 642, 644, 646
Вафо Юсуф, им. 640
Вахабов А., им. 374
Вахан, ист. 74, 536, 659, 660
Вахан, геогр. обл. 575, 661, 665, 666, 668, 669, 673—677, 681
Вахан-Дарья, р. 153
Ваханский хр. 658
Ваханский яз. 12, 140, 141, 153, 157, 679
Ваханцы, этн. 12, 530, 535, 657, 658, 659, 679
Вахио, геогр. обл. 529, 575, 596, 597
Вахш, р. 58, 74, 111, 561, 564, 570
Вахшская дол. 153, 561, 564, 566, 568, 570, 578, 584, 659
Вашгирд, ист. 74, 142
Веды, рел. 134
Великая Октябрьская социалистическая революция 85, 103, 108, 122, 123, 126, 129, 148, 169, 172, 180, 182, 183, 188, 190, 192—194, 208, 229, 244, 246, 255, 259, 270, 276, 288, 322, 326, 329, 334, 344, 347, 348, 353, 360, 365, 378, 390, 410, 424, 475, 506, 513, 518—520, 520, 538, 540, 542, 557, 577, 578, 609, 612, 630, 632, 642, 643, 646

Великая Отечественная война 11, 218, 247, 349, 362, 366—368, 383, 384, 386, 426, 454, 460, 517, 548, 549, 640, 645, 646, 651, 653
Вельяминов-Зернов В. В., им. 422
Вена, гор. 371
Верблюдоводство см. Животноводство
Верещагин В. В., им. 402
Верный, гор. см. Алма-Ата
Вершикский яз. 131
Веселовский Н. И., им. 422
Византия, ист. 73, 411
Виноградарство 9, 19, 28, 32, 91, 199, 200, 218, 221, 233, 291, 309, 439, 567, 568, 569, 665; см. также Сельское хозяйство
Вишневский, В. В. им. 519
Внутреннее убранство жилища см. Жилище
Вобкент, нас. п. 274
Водные саки, этн. см. Апасиаки
Водные скифы, этн. см. Апасиаки
Водный транспорт см. Транспорт
Водопользование 42, 46, 93, 94, 111, 112, 202, 204, 208, 314, 420, 425, 430—432, 491, 539, 552, 561, 562, 564; см. также Ирригация
Воздушный транспорт см. Транспорт
Возрастные группы 316, 317; см. также Социальный строй, первобытнообщинный строй
Волга, р. 15, 88, 91, 411, 413
Вологез I, им. 64
Волхов, р. 25
Восе, им. 541, 651
Воспитание детей см. Семья и семейно-брачные отношения
Восток Ближний 16, 365
— Дальний 87, 252
— Передний 135, 363
— Средний 363, 365
Восток зарубежный 11, 108, 335
Восточная ветвь тюркских языков 116, 119, 120, 124, 125, 133, 134, 138
Восточно-иранские племена 53
Восточнотюркский каганат, ист. 120
Вранг, нас. п. 676
Вуадиль, нас. п. 281
Вуадильский могильник, арх. пам. 44
Вышивание, вышивка см. Ремесла и домашние промыслы; Изобразительное искусство
Вьючный транспорт см. Транспорт.
Вязание см. Ремесла и домашние промыслы; Изобразительное искусство

Гава, р. 23
Гавгамелы, ист. 58
Гавхорэ, кн. 66
Гагаузский яз. 117, 118
Гагаузы, этн. 118
Гаджибеков У., им. 650
Газават, нас. п. 174
Газли, гор. 272
Газна, ист. 82
Газневиды, ист., дин. 82—84, 536
Гайрати, им. 366
Галибова Р., им. 652
Галимов Р., им. 368
Гамерджанова, им. 342
Гандхара, ист. 533
Гандхарское искусство 64, 66; см. также Археологические сведения
Гани С., им. 647, 652
Ганиев Наби, им. 385
Гао Сянь-чжи, им. 77
Гарджистан, ист. 69
Гарм, гор. 543, 546, 547, 651, 655
Гарм-чашма, р. 658
Гасан-Кули, нас. п. 9
Гаты см. Авеста
Гау-Китфар, кн. 66
Гафур Гулям, им. 366—368
Гафуров Шамсутдин, им. 390
Гекатей Милетский, им. 48
Гелиос, им. рел. 64
Географические сведения 17—32, 165—166, 408—409, 528—530, 657—659
Геоксюрский оаз. 42
Геракл, им. рел. 61
Герат, ист. 69, 76, 88, 146—148, 171, 331
Германия 355
Германская группа яз. 13
Геродот, им. 48, 56, 78
Гертель, им. 651
Гете, им. 518
Геты фракийские, этн. 48
Гиенко Б., им. 375
Гиждуван, нас. п. 242, 268, 394, 395, 57
Гиждуванский р-н 283, 285
Гиндукуш, г. 49, 142, 558, 660
Гинзбург А. О., им. 385
Гирканния, ист. 55
Гирканцы, этн. 49
Гиссар, геогр. обл. 537, 538, 575, 576, 592, 603
Гиссар, ист. 93, 536, 538
Гиссар, нас. п. 534, 578, 582
Гиссарская дол. 166, 529, 566, 568, 570, 578
Гиссарский вилоят, ист. 539
Гиссарский хр. 49, 142, 149, 528, 530, 532, 534, 560, 571, 597
Гияситдин Мухаммед, им. 332
Гиясов И., им. 342
Гиясуддин Джемшид, им. 88
Гладышев, им. 414
Глиер Р. М., им. 375, 384
Гоголь Н. В., им. 368, 383, 519
Гоклен, этн. 97, 550, 551
Гокленский диал. см. Туркменский яз., диал.
Головные уборы см. Одежда
Голодная степь, геогр. обл. 19, 28, 111—113, 199, 200, 204—206, 270, 290, 356, 367, 562
Гончарство см. Ремесла и домашние промыслы, а также Изобразительное искусство, керамика
Города 248, 259, 261, 262—273, 315—318, 409, 428, 448, 449, 452, 454—457, 460, 462, 464—466, 472, 487, 504—507, 518—522, 526, 527, 580—584
Горно-Бадахшанская а. о. 9, 10, 106, 152, 153, 154, 528, 547, 596, 657, 658, 662, 670, 672, 673, 680, 681
Горные таджики см. Таджики
Горный Бадахшан, геогр. обл. 657
Гор-оглы (Гуруглы), им. эп. 361, 639
Горон, геогр. обл. 658
Горький А. М., им. 366, 368, 384, 519, 643, 646, 652

Гражданская война 104, 192, 193, 424, 425, 544, 546
Графика см. Изобразительное искусство.
Греки, этн. 13, 59, 532
Греко-бактрийская культура, арх. 533; см. также Археологические сведения
Греко-Бактрийское царство, ист. 53, 55, 59, 60, 63, 142, 532, 533
Греция 57, 365
Греческая группа яз. 13
Греческий яз. 131
Греческое искусство 66, 533
Григорьев В. В., им. 422
Гринев М. В., им. 527
Гудара, нас. п. 153
Гужевой транспорт см. Транспорт
Гузар (Гузор), нас. п. 236, 280, 530
Гузарский р-н 296
Гулаим, им. эп. 512
Гулистан, см. Мирзачуль
Гуломалиев Г., им. 652
Гульхани, им. 364
Гулямов Я. Г., им. 356
Гуннский восточный племенной союз 120
Гунны, этн. 54, 57, 63, 68—71, 73, 78, 116—117, 163, 168, 411
Гунны белые, этн. 68, 69, 532, 659; см. также Эфталиты
Гунт, р. 153, 658, 659, 665, 673, 682
Гурлен, нас. п. 174
Гур-Эмир, пам. архит. 88, 89
Гус, нас. п. 286
Гюрген, р. 49, 69
Гяур-кала (мервская), арх. пам. 54
Гяур-кала (хорезмская), арх. пам. 51

Дабылов Аббаз, им. 516, 526
Давань, ист. см. Фергана
Давкараев Н., им. 517, 519
Давыдова К., им. 375
Дап, этн. 59
Дальварзинская стп. 562
Дальтон, им. 533
Данияр (Даниил), им. рел. 319
Дарваз, геогр. обл. 140, 141, 161, 529, 536, 537—539, 575, 596, 599, 656, 659, 660, 665, 666, 667, 669, 678
Дарвазский хр. 528, 571, 658
Дарвазское бек. 661
Даргом, кн. 66
Дарибаев Мирза Гали, им. 516, 517
Дарий I, им. 56, 57
Дарий III, им. 58
Дарморахт, нас. п. 153, 665
Даршай, р. 658
Дауд (Давид), им. рел. 243, 319, 321
Даукара, ур. 445
Даукаринская вол. 423
Даукаринские оз. 430
Даукаринский р-н 462
Дахи, этн. 84, 140, 144
Дахи-тохары, этн. 48, 68
Дахские диал. 140
Дахя, ист. см. Тохаристан.
Дашт, нас. п. 153
Дашти Кавир, геогр. обл. 131, 132
Дашти-кыпчак (Дешти-Кипчак), стп. 85, 91, 170—172, 413, 537, 580
Двуречье, ист. 46, 58
Дебалан, нас. п. 149
Девашгич, им. 60, 75, 136
Девлох, нас. п. 665
Денауское бек. 547
Дербики, этн. 48
Дервиш Али, им., 647
Дервишизм см. Религия и религиозные верования, суфизм
Детская одежда см. Одежда
Дехлави Хисрав, им. 642
Дехоти А., им. 645—648
Джалил Рахим, им. 645, 646
Джалилов Абид, им. 378, 382—383, 386
Джалилов Т., им. 374, 375
Джалял-ад-дин, им. 171
Джамбул, гор. 411; см. также Тараз
Джамбулская обл. 38, 166
Джами Абдурахман, им. 147, 369, 370, 642, 647
Джанбас-кала 4, арх. пам. 40, 41
Джаркак, нас. п. 250
Джаркент (Панфилов) гор. 411
Джебел (пещера) арх. пам. 38, 40, 41
Джейтун, арх. пам. 40
Джемшиды, этн. 146
Дженд, гор ист. 83
Джеты Асар, арх. пам. 52, 70, 72
Джизак, гор. 93, 128, 256, 265, 276, 290, 334, 529
Джизакский у. 192
Джиликульский р-н 571
Джунаид-хан, им. 423—425
Джунгария, геогр. обл. 85
Джунгары, этн. 92, 175, 414
Джура С., им. 366
Джураев Махмуд, им. 406
Джуракулов Умаркул, им. 396
Джучи, им. 87
Диб М., им. 385
Дийхан-баба, им. рел. см. Бобо-дехкон
Диодот, им. 59
Дионис, им. рел. 61
Днепр, р. 85, 162, 163, 412
Доиндоевропейские яз. 131
Доисламские верования см. Религии и религиозные верования
Донбасс 110
Дониш Ахмад, им. см. Ахмад Дониш
Дороги 31—33, 255, 256, 260, 261, 421, 427, 460, 464—466, 542, 609—612, 662, 672, 673; см. также Транспорт
Досанов К., им. 517
Досумов Я. М. им. 509
Дравидийские яз. 131
Древнеиндийские диал. 134
Древнеуйгурский яз. 120, 121, 128
Древние языки народов Средней Азии 131, 133—146
Дудин С. М., им. 402
Дулат, этн. 125
Дунбэй, геогр. обл. 166
Дунгане, этн. 7, 11—13
Дунь-Хуан, ист. 136, 535
Дура-Эвропос, арх. пам. 144
Дурбек, им. 362
Дургадык, нас. п. 274
Дурмен (дурман), этн. 95, 172, 315
Душанбе, гор. 7, 33, 109, 510, 528, 544, 546, 567, 577—580, 582, 583, 585, 611, 630, 634, 635, 637, 650—654, 673, 681

Дюкер эти. см. Огузы.
Дюрткульская вол., 344

Евразия 16
Евреи, этн. 80, 268;—среднеазиатские 5, 7, 12, 94, 146
Европа 51, 52, 91, 117, 178;
— Восточная 16, 48, 80, 83, 91, 115, 119, 121;
— Западная 178;
— Центральная 161;
— Юго-восточная 52
Европейская часть СССР 43
Европеоидная раса см. Антропологические расы
Европеоидный тип см. Антропологические типы
Евфрат, р. 144
Египет 46, 58, 365, 432
Едиль (Волга), р. 413
Ездегерд II, им. 69
Ездегерд III, им. 76
Енисей, р., дол. 72, 85, 124, 162, 163
Енисейские кыргызы, эти. 85
Енисейские надписи, арх. пам. 116, 121
Енисейских киргизов древние диал. 116
Енисейских киргизов яз. 116
Енисейско-орхонский яз. 120
Еремян В., им. 388
Ерназар, им. 418

Жаик (Яик, Урал), р. 91, 413
Жалаир, этн. 125, 171
Жанадарьинский оаз. 415
Жанадарья, др. рус. 51, 53, 415, 429, 430, 443, 461
Жапаков Навруз, им. 516, 521, 522
Жаунгыр, этн. 409
Железнодорожный транспорт см. Транспорт
Железные ворота, ущ. 532
Женская одежда см. Одежда
Живопись станковая см. Изобразительное искусство
Животноводство 9, 10, 18, 37, 199, 200, 221—226, 426, 428, 439—445, 570—573;
— верблюдоводство 18, 21, 22, 23, 36, 37, 224, 428, 439—441;
— каракулеводство 22, 200, 221—223, 225, 443, 570;
— коневодство 23, 36, 37, 83, 91, 224, 226, 439—443, 445, 557, 570, 571;
— овцеводство 22, 23, 36, 83, 221—223, 225, 428, 429, 439—444, 570, 668;
— разведение крупного рогатого скота 23, 30, 31, 37, 83, 222, 224—226, 429, 439—442, 557, 558, 560, 570, 664, 666, 668, 669, 671;
— птицеводство 214, 228, 230, 445, 671;
— свиноводство 445, 671; см. также Скотоводческое хозяйство
Жиен-жырау, им. 514
Жилище 40, 42, 43, 46, 52, 54, 70, 278—292, 461—463, 465—475, 534, 544, 557, 580—599, 673, 674;
— переносного типа 284, 286—288, 410, 440, 441, 451, 461—463, 466—469, 471, 472, 475, 486, 523—525, 558;
— стационарного типа 278—292, 410, 461, 462, 466, 468, 470—474, 558, 585—599, 673—674;
— внутреннее убранство 281, 282, 286, 288, 289, 291, 292, 467, 468, 523—525, 598
Жуань-жуани (жужани), эти. 69, 659
Жуань—Жуанский Каганат, ист. 72
Жылкыш-ата, им. рел. 441

Заалайский хр. 612
Заамин, нас. п. 268, 276
Завки, им. 103, 190
Зайсан, оз. 16
Закавказье 135, 163
Закамский край 413
Закаспийская ж. д. 100, 181, 189, 259, 421; см. также Дороги.
Закаспийская обл. 104, 180
Закаспийский тип. см. Антропологические типы
Закиров Д., им. 375
Закиров М., им. 647
Заман-баба I, могильник, арх. пам. 42
Замахшари Махмуд, им. 139
Заорская В. В., им. 187, 246
Западная ветвь тюркских яз. 117, 120, 123, 166, 410
Западногуннский племенной союз 117
Западно-Сибирская низм. 17
Западнотюркский каганат, ист. 73, 117, 168
Западные тюркские племенные союзы 116
Запорожье 110
Заратуштра, им. рел. см. Зороастр
Зардуз Фитрат, им. 642
Заречные саки, эти. см. Апасиаки
Зариадр, им. эп. 359
Зарина, им. 56, 140
Зарлык-хан, им. 418
Зауралье, 474
Зафар Дияр, им. 368
Зах-арык, кн. 204
Захидова Л., им. 652
Захиди см. Мухтар ал-Захиди
Згамиг, эти. 657; см. также Язгулемцы
Здравоохранение 17, 273, 331—338, 421, 499, 502—505, 597, 617, 621—622, 636, 637, 679, 680
Зебак, геогр. обл. 153
Зебуниссa Бегим, им. 405
Зевс, им. рел. 61
Земельно-водная реформа 107, 196, 229, 322, 425, 547
Землевладение и землепользование 77, 93, 95, 107, 175—177, 182, 183, 184, 346, 416, 417—419, 425, 430, 441, 538, 539, 540—542, 547, 548, 576
Земледелие 10, 16—20, 24, 28, 30, 32, 34—37, 40, 42—44, 46, 50, 53, 54, 60, 83, 85, 94, 95, 199—221, 225, 273, 274, 314, 409, 410, 413, 415, 416, 429—439, 462, 537—539, 549—557, 560, 561, 566, 567, 658, 664—668, 670, 671, 676;
— булачное 37;
— каирное 34—36, 429;
— кяризное 35, 200;
— лиманное 35—37, 40, 429;
— неполивное 18, 34—36, 199, 200, 209—

213, 225, 273, 274, 552, 554, 555, 556, 560, 567;
— поливное 10, 16, 24, 34, 35, 37, 42, 46, 50, 94, 95, 199, 200, 205—210, 212—218, 225, 273, 274, 314, 430, 431—432, 434, 436—439, 552, 554, 561, 566, 664, 670;
— террасное 35, 664; см. также Сельское хозяйство
Земледельческие обряды см. Обряды
Зенги-ата, им. рел. 441
Зеравшан, р., дол. 16, 23, 27, 35, 48, 49, 58, 74, 82, 93, 132, 135, 137, 138, 149, 167, 168, 170, 171, 173, 200, 204, 206, 222, 265, 294, 296, 315, 408, 413, 529, 530—532, 534, 538, 547—551, 560, 568, 575, 580, 583, 593, 595, 596, 602, 603, 624
Зеравшанская обл. 196
Зеравшанский кн. 204
Зеравшанский оаз. 23, 199, 580
Зеравшанский тракт 261; см. также Дороги
Зеравшанский хр. 222, 528, 571
Зияд ибн-Салих, им. 77
Золотая Орда, ист. 87, 91, 119, 126, 127, 167, 172, 412
Золотодобыча см. Ремесла и домашние промыслы
Зоммер А., им. 402
Зороастр, им. рел. 50, 133, 134, 135
Зороастризм см. Религии и религиозные верования
Зоххак, им. эп. 637
Зугра, им. 620
Зульфия, им. 366, 367, 368, 406

Ибн-Сина Абу Али, им. см. Абу Али Ибн-Сина
Ибрагим-бек, им. 546—548
Ибрагимова Хадича, им. 406
Иванов А., им. 368
Иванов Вс., им. 380
Иванов П. П., им. 411, 509
Игды-кала, арх. пам. 70
Игры и состязания 315, 316, 320, 338—342, 375, 627, 629, 681; см. также Народные праздники
Изамов Х., им. 375
Избегание см. Семья и семейно-брачные отношения
Измаилова Галия, им. 375
Изобразительное искусство 48—51, 62—64, 66—72, 74, 75, 77, 236, 237, 241, 388—407, 522—527, 577, 654—657, 681;
— вышивка 398—401, 479, 481—484, 525, 526, 575, 599—602, 654—657, 669—681;
— графика 406, 527, 654, 657;
— живопись станковая 402—407, 526, 527, 657;
— керамика 241, 242, 393—396, 576, 577, 656,
— ковроделие 240, 401, 402, 450, 454, 523, 524, 526;
— набойка 240, 274, 397, 398, 654;
— резьба по ганчу 284, 390—392, 654, 657;
— резьба по дереву 284, 392—394, 524, 525, 575, 592, 656, 681;
— резьба по камню 389;
— роспись 66, 71, 74, 75, 77, 392—394, 525, 592, 593, 598, 656, 657;
— скульптура 48, 49, 51, 62—64, 66—70, 72, 402, 406, 527, 654, 657;
— узорное вязание 576, 656, 669, 681;
— художественная обработка металла 236, 237, 396, 397, 410, 451, 484, 485, 526, 656, 657;
— художественный текстиль 239, 240, 397, 452, 577;
— ювелирное дело 237, 396, 397, 410, 451, 484, 485, 526, 577, 657; см. также Одежда, украшения
Икрами Дж., им. 645—647, 651, 652
Икрамов Искандер, им. 406
Икрамов Хамидулла, им. 406
Йирки, этн. 78
Или, р. 16, 25
Ильбарс, им. 174
Ильханы, ист., дин. см. Хулагиды
Инд, р. 73, 88
Индийские языки 131, 141
Индийцы, этн. 268
Индия 9, 16, 53, 63, 69, 74, 80, 82, 88, 91, 131, 135, 141, 147, 198, 262, 353, 364, 365, 432, 519, 533, 534, 542, 642, 659, 662, 682
Индодравидоидный тип см. Антропологические типы
Индоевропейская семья яз. 12, 131
Индоевропейские племена 44
Индоевропейские яз. 13, 134, 535
Индоиранские племена 44
Индоиранские яз., диал. 131
Индонезия 343
Индустриализация см. Промышленность и рабочий класс
Индусы, этн. 268
Инкар-Дарья, др. рус. 52
Иногамов Закир, им. 404, 405
Иноятов Б., им. 375
Йолотанский р-н, 122
Йом, нас. п. 268
Йомут, этн. 97
Йомутский диалект туркменского яз. см. Туркменский яз., диал.
Ирак 11, 81, 158
Иран 9, 11, 12, 15, 16, 42, 47, 49, 55, 60, 66, 68, 69, 73, 74, 76, 77, 79, 82, 87, 88, 91, 92, 100, 108, 122, 131—136, 140, 146—148, 157, 158, 171, 175, 198, 256, 335, 350, 432, 508, 530—532, 644
Ирани, этн. 5, 11, 12, 268
Иранские племена 44, 115, 131, 133, 134, 138
Иранские яз. (группа) 6, 7, 12, 48, 49, 56, 60, 73, 76, 77, 82, 92, 116, 117, 121, 125, 126, 129, 131—158, 167, 168, 170, 531, 532, 535, 536;
— восточная группа (ветвь) иранских языков 12, 48, 49, 131—134, 136, 138—140, 142, 143, 147, 149, 152, 167, 530, 535, 536, 659;
— западная группа (ветвь) иранских яз. 12, 131, 144, 145, 530, 535
Иранское нагорье 42
Иргиз, р. 36, 256
Ирригация 10, 16, 18, 23—25, 28, 32, 34, 35, 37, 42—44, 46, 50, 51, 66, 87, 94, 174, 177, 200—210, 216, 410, 411,

415—417, 420, 426—435, 462, 537, 552, 561, 562, 569, 664; см. также Водопользование; Земледелие
Иртыш, р. 16, 25, 84, 85, 163, 169, 412
Ирх, нас. п. 153
Ислам см. Религии и религиозные верования
Ислам Назар-оглы, им. 359
Исламов Ходжи Ситдик, им. 378
Исмаил Самани, им. см. Самани Исмаил
Исмаилизм см. Религии и религиозные верования
Исмаилов Абдукадыр, им. 374
Исмаилов И., им. 650
Исмаилов Муса, им. 393
Исмаилов У., им. 382
Исмаилов Шогияс, им. 406
Исматов А., им. 386
Исмон, им. 541, 546
Испания 250
Иссык, оз. 33
Иссык-Куль, оз. 16, 82, 83
Иссыккульская котл. 36
Иссыккульская обл. 306
Исфайрам, р. 23, 200
Исфандияр, им. эп. 640
Исфара, гор., ист. 529, 578, 588, 603, 629, 656
Исфара, р., 23, 200
Исфаринский р-н 559, 567, 587, 590, 612
Исфиджаб, ист. 73
Италия 108, 250, 508
Иудаизм см. Религии и религиозные верования
Ишан-кала, нас. п. 490
Ишанов А. И., им. 357
Ишантураева Сара, им. 380, 382, 383
Ишаны см. Религии и религиозные верования, суфизм
Ишим, р., 16, 85
Ишкашим, геогр. обл. 153, 660, 665, 667, 669, 670, 673—676, 681
Ишкашимский р-н 153, 658
Ишкашимский яз. 140, 141, 153, 154, 156, 157, 679
Ишкашимцы, этн. 12, 657, 658, 659, 677, 679
Ишкуман, р. 153
Иштихан, ист. 74

Кабе- и Зардушт, арх. пам. 144
Кабул, р. 63
Кабулов С., им. 375
Кават 3, арх. пам. 43
Кават 7, арх. пам. 41
Кавказ 11, 118, 159, 172, 262, 413, 531
Кавказская семья языков 13
Каган, гор. 181, 190, 246, 251, 259
Кадырия орден, рел. см. Религии и религиозные верования, суфизм
Кадыров Б., им. 375
Казаки уральские, этн. 409, 421, 424, 448, 464, 466
Казаков И. С., им. 402
Казалинск, гор. 256, 421, 460
Казанское хан., ист. 119
Казань, гор. 511, 513
Казах-Дарья, р. 418, 449, 460, 525
Казахи, этн. 7, 10—12, 36, 54, 84, 85, 87, 88, 91—94, 103, 126, 160—162, 165, 166, 170, 175, 177, 180, 224, 302, 308, 315, 406, 409, 410, 412—416, 418, 439, 441, 453, 462, 467, 483, 490, 491, 499, 523, 529, 559
Казахская АССР 104, 106, 425
Казахская ССР 5, 9—11, 13, 17, 18, 23, 32—37, 105, 112, 113, 115, 121, 125, 130, 165, 166, 225, 530, 562, 576; см. также Казахстан
Казахские жузы, ист. 92, 98; см. также Младший жуз; Средний жуз; Старший жуз
Казахский союз, ист. 119, 126, 127
Казахский яз. 13, 115, 116, 119, 125, 126, 127, 128
Казахское хан. 91
Казахстан 5—13, 15—18, 23—38, 41, 43, 44, 47, 52, 77, 78, 82, 85, 91, 92, 94, 96, 98, 100, 102—108, 111—115, 162, 163, 167, 168, 172, 216, 248, 309, 310, 343, 413, 418, 474, 506; см. также Казахская ССР
— Восточный 38, 41
— Западный 40, 41, 85
— Центральный 18, 44, 85
Казвини Хамдаллах, им. см. Хамдаллах Казвини
Казы-Задэ-Руми, им. 88
Каипбергенов Т., им. 517
Каир, гор. 368
Каирное земледелие см. Земледелие
Кайдалов В. Е., им. 406
Кайраккумы, геогр. обл. 44
Кайы, этн. 78
Калаи Вамар, нас. п. 550
Калаи-Мир, арх. пам. 54, 533
Калаи-Хумб, нас. п. 662
Калаихумбский р-н 658
Калалы-гыр, арх. пам. 58
Калантаров Э., им. 388
Калимбетов М., им. 519
Калинин М. И., им. 405
Калининский р-н 309
Калмыки, этн. 98, 414, 512
Калпак, этноним см. Самоназвания этнические
Калым, см. Семья и семейно-брачные отношения
Кальтатай, этн. 166, 171
Каляндаров рел. орден см. Религии и религиозные верования, суфизм
Кама, р. 91
Камалов С., им. 509
Камалова Айымхан, им. 439
Камашинский р-н 287, 299, 303
Камбиз, им. 56
Каменев Б., им. 526
Камил Хорезми, им. 364
Камилов Усто Алим им. 374
Камиля, им. 405
Каналы см. Ирригация
Канга-кала, арх. пам. 70, 72
Канглы, этн. 125, 170, 172, 174, 315, 412
Кангха, ист. 59
Кангюй, ист. 55, 59, 60, 63
Кангюйская культура, арх. 62; см. также Археологические сведения
Кандекли, этн. 409
Канджигалы, этн. 315
Канибадам, гор. 529, 564, 578, 588, 603
Канибадамский р-н 567, 605, 608
Канишка, им. 57, 63, 64
Канти, нас. п. 583

Капиталистические отношения см. Социальный строй
Кара-боркли, нас. п. 412
Кара-Булак, нас. п. 128
Караганда, гор. 25
Карагасский (тофаларский) яз. 120
Карагие, впад. 15
Кара-Дарья, р. 170, 200
Кара-Джар, нас. п. 450
Каражан-бахсы, им. 515
Каразин Н. Н., им. 402
Караимы, нас. п. 119
Караимский яз. 119
Кара-кала, нас. п. 19—20
Каракалинский р-н 122, 550, 551
Каракалпак, этноним 408
Каракалпаки, этн. 6, 7, 10—12, 35, 36, 54, 72, 84, 85, 87, 88, 91—94, 103, 104, 126, 160, 161, 165, 166, 175—178, 180, 258, 276, 294, 301, 302, 315, 408—527, 550, 551;
— бухарские 408;
— жана-дарьинские 416;
— самаркандские 408, 515;
— ферганские 5
Кара-Калпакия см. Кара-Калпакская АССР
Кара-Калпакская АО 104
Кара-Калпакская АССР (Кара-Калпакия) 9, 10, 41, 80, 106, 115, 126, 127, 165, 200, 204, 246, 293, 356, 408, 409, 418—428, 432, 434, 436, 438, 439, 442—443, 445, 448, 449, 453—456, 458—461 464—466, 472, 479, 490, 496, 501—509, 513, 516, 550, 551
Каракалпакская стп. 204
Каракалпакский племенной союз 119, 127
Каракалпакский филиал Узбекской Академии наук 508
Каракалпакский яз., диал., гов. 115, 116, 119, 126—128, 410, 413
Кара-Киргизская АО 104
Кара-китаи, этн. 87
Каракулеводство см. Животноводство
Кара-куль (Каракуль), геогр. обл. 256, 559
Кара-Кум (Каракумы) пуст. 18, 19, 22, 24, 37, 47, 48, 111, 205, 206, 436
Кара-Кум ишан, им. 490
Каракумский кн. 28, 112
Карамойын, этн. 409
Карасукская культура, арх. 73
Каратаг, нас. п. 577
Каратагский р-н 548
Каратау (Султан-Уиз-даг), г. 413, 421
Каратау Малый, хр. 38
Каратегин, геогр. обл. 74, 140, 141, 161, 306, 529, 536—537, 541, 546, 559, 567, 575, 596, 599, 605
Каратегин, ист. 537, 538, 539, 546
Каратегинский хр. 571
Каратегинское бек 546
Кара-тепе, арх. пам. 42
Кара-Терень, оз. 441, 445
Караумбет, оз. 504
Карахан Н. Г., им. 406
Караханидского государства, яз. 116, 118, 122, 128, 129; см. также Уйгуро - карлукский яз.
Караханиды, ист., дин. 82—84, 116, 118, 122, 128, 129, 132, 168—170, 536
Карачаево - балкарский яз. 119
Кара - Чурин, им. 73
Карашар, гор. 130
Карнев Зия, им. 392
Карим Х., им. 645
Каримов А., им. 388
Каримов У. И., им. 358
Карлук, нас. п. 299, 300
Карлуки, этн. 76, 78, 82, 83, 85, 117, 118, 120, 128, 166, 169—171, 221, 284, 287, 289, 299, 306; см. также Узбеки
Карлукская группа тюркских языков 117, 118, 120, 122, 128, 129, 130, 166, 169
Карлукское племенное объединение 118, 120
Карлукско-чагатайские яз. 119
Кароматов Ф. М., им. 374
Карши, гор. 128, 181, 236, 239, 256, 265 266, 274, 294, 315, 316, 380, 396, 397, 400
Каршинская стп. 206, 224
Каршинский оаз. 529
Кары-Ниязов Т. Н., им. 354
Касанский р-н 287, 299
Каспии, этн. 56
Каспий см. Каспийское море
Каспийское море 9, 15, 20, 25, 41, 47, 82, 256, 259, 359
Кассан, р. 23
Кассансай, р. 200
Касымджанов Алимджан, им. 394
Касымов М., им. 652
Касымов Усто, Максуд, им. 392
Касымова Д., им. 653
Катаган, этн. 315, 559; см. также Узбеки
Катагано-Бадахшанская провинция 166
Катта-Карамук, ур. 529
Катта-Курган, гор. 59, 128, 265, 334
Катта-Курганский у. 191
Катта-Курганское водохранилище (Узбекское море) 23, 24, 111, 204
Катта-Урадарья, р. 529
Каульбарс А. В., им. 441, 461, 462
Кауфман К. П. им. 418
Каучин, этн. 171
Кафирниган, р. 54, 533, 562, 570
Качалов В. И., им. 519
Кашгар, геогр. обл. 70, 82, 83, 591
Кашгаро-яркендский диал. см. Уйгурский яз., диал.
Кашина Н. В., им. 406
Кашка-Дарья, р., дол. 49, 74, 128, 132, 135, 167, 170, 171, 176, 199, 208, 265, 275, 280, 294, 296, 297, 529, 531, 536, 624
Кашка-Дарьинский басс. 206
Кашка-Дарьинская обл. 196
Кашка-Дарьинский оаз. 532, 534
Кашмир, геогр. обл. 63, 131, 153
Каюмов М., им. 386, 387
Кварталы 266—268, 272—274, 276, 288, 308, 314—317, 332, 543, 544, 673; см. также Города; Поселения
Кегейли, р. 409, 416, 430, 431,
Кегейлинский р-н 408, 409, 436, 437, 470, 471, 487, 499
Кейкобад-шах, арх. пам., 61, 533
Кельтеминарская культура, арх. 39, 40, 41

Кельтеминарские племена 42, 44
Кенегес, этн. 172, 315, 409, 452
Кенимехский р-н 408
Керамика, арх. 39—43, 46, 52, 54, 55, 62, 63, 66; см. также Изобразительное искусство, Ремесла и домашние промыслы, гончарство
Кербела, гор. 321
Кердер, ист. 68, 74
Керей, этн. см. Кирей
Керкинский р-н 122
Керман, геогр. обл. 158
Кермине, гор. 256, 460
Керран, ист. 74, 536
Кеш, ист. 74
Кзыл-Орда, гор. 256, 460
Кидани, этн. 86, 87
Кидар, им. 69
Кидариты, этн. 68, 69, 532
Киев, гор. 108, 386
Киевская Русь 411, 412
Кизыл-су, р. 529
Кимаки, этн. 84, 412
Киммерийцы, этн. 535
Кимягаров Б., им., 653
Кино 385—388, 522, 548, 549, 572, 653, 681
Кипчаки, этн. см. Кыпчаки
Кипчакский р-н 127
Кир, им. 56, 140, 358
Киргизия 15, 30, 85, 105, 107, 108, 112, 163, 166, 222, 408, 529; см. также Киргизия ССР
Киргизская АССР 104, 105
Киргизская ССР 5, 9—11, 13, 25, 30, 106, 112, 115, 123, 130, 146, 165, 166, 225; см. также Киргизия
Киргизские племена 85, 121, 124
Киргизский яз., диал. 115, 116, 121, 123—125
Киргизско-кыпчакская группа языков 120, 121, 124
Киргизы, этн. 7, 10—12, 35, 36, 85, 93, 94, 103, 111, 116, 120, 159—163, 165, 166, 175, 180, 222, 224, 226, 276, 306, 315, 491, 524, 559, 615, 658, 659
Кирей (Керей), этн. 125
Кировабад, гор. 578
Кирюшин Л., им. 527
Кисляков Н. А., им. 530
Китаб, гор. 181, 397
Китабский р-н 300
Китай 9, 15, 16, 57, 60, 63, 64, 66, 68, 69, 72, 73, 76, 77, 88, 91, 199, 257, 353, 365, 530, 533, 534, 682
Китай, этн. см. Ктай
Китайская Народная Республика 9, 11, 12, 115, 130, 166, 199, 659
Китайская языковая группа 13
Китайский Туркестан, геогр. обл. см. Туркестан Восточный
Китайский яз. 75, 120, 349, 367
Китайско-тибетская языковая семья 13
Китайцы, этн. 73, 75
Киямов Ш., им. 647, 652
Кият (кыят) этн. 88, 172, 174, 315, 409, 412, 445
Климчицкий С. И., им. 152
Кобадианский оаз. 54, 533
Кова, им. эп. 641, 651
Ковалевская З. М., им. 406
Ковроделие см. Ремесла и домашние промыслы, Изобразительное искусство
Кожевенное производство см. Ремесла и домашние промыслы
Козловский А. Ф., им. 521
Козловский С., им. 375
Кой-Крылган-кала, арх. пам. 60, 62, 63, 65, 66, 67, 138
Койнэ, яз. 146, 147
Коканд, гор. 98, 128, 165, 179, 190, 191, 194, 195, 237, 243, 251, 258, 261, 263, 265, 282, 347, 364, 378, 396, 529
Кокандское хан. 92—95, 98, 99, 175, 177, 366, 537, 538, 541, 660
Кокча 3, арх. пам. 43
Кокча, р. 142
Кокчатенгизская культура, арх. 50
Кокчетау, г. 17
Колас Якуб им. 368
Колдаулы, этн. 409, 445
Коллективизация сельского хозяйства 107, 108, 196, 425, 545, 547, 548, 560, 670, 671
Колхозы и совхозы 107, 196, 197, 205—208, 213—216, 219, 226, 228—233, 278, 290, 291, 330, 331, 351, 352, 425, 429, 436, 438, 439, 442—445, 463, 464, 470—474, 499—502, 545, 547, 548, 562—566, 571—573, 670—672
Колчак, им. 193
Команы (куманы), этн. см. Кыпчаки
Коммунистическая партия Советского Союза 103, 104, 106—111, 114, 188, 191, 192, 194—198, 206, 245, 247, 253, 318, 361, 371, 378, 384, 404, 464, 549, 573, 579, 631, 632, 650, 682
Комул, геогр. обл. 130
Коневодство см. Животноводство
Коперник, им. 80
Копет-Даг, хр. 15, 20, 22, 30, 35, 40, 42
Коран см. Религии и религиозные верования, ислам
Корейцы, этн. 7, 11—13, 165, 409
Корнейчук А., им. 383, 519
Косбергенов Р., им. 509
Костакоз, нас. п., 578, 586, 588, 625, 629
Кос-тамгалы, этн. 409
Костыря В., им. 368
Кошмоваляние см. Ремесла и домашние промыслы
Кошчи — союзы дехкан 194, 229
Красная Армия 104, 193, 425, 516, 544, 546, 547, 662
Красноводск, гор. 181, 259
Красные палочники 548
Крашенной керамики культура, арх. 42; см. также Археологические сведения
Кривошеин А. В., им. 183
Кроссетте Тамбиаха, им. 198
Крылов И. А., им. 365
Крым 172, 413
Крымское хан., 119
Ксеркс, им. 56, 57
Ктай (китай), этн. 87, 172, 315, 409
Кубатау, возв. 408
Кубравия орден, рел. см. Религии и религиозные верования, суфизм
Кувадиан, ист. 74, 142
Кувандарья, др. рус. 48, 52, 411, 415
Кувасай, гор. 248, 251, 270

Кугистанские г. 36
Куддус Мухаммади, им. 368
Кузбасс 110
Кузнецова Мария, им. 378
Кузнечество см. Ремесла и домашние промыслы
Кузыбаев Нигмат, им. 406
Куйбышев В. В., им. 104, 193, 544
Кукча р. 171
Кулан, гор. 82
Кули-Джалилов, им. 390
Кулмурат-шаир, им. 515
Кульджинский (таранчинский) диал. см. Уйгурский яз., диал.
Культурно-просветительная работа 107—109, 113, 190, 197, 198, 231, 232, 252—255, 257, 270, 272, 273, 277, 278, 317, 347—353, 426, 438, 449, 458, 463, 464, 466, 497, 499, 500, 501, 503, 509, 548, 549, 572, 573, 579, 582, 583, 585, 621, 622, 630, 631, 632—637, 681
Куляб, геогр. обл. 143, 536—538, 575, 576, 592, 655
Куляб, гор. 143, 529, 546, 578, 594, 627, 651
Куляб, ист. 537—539, 568
Кулябская дол. 570
Кумандинский диал. см. Алтайский яз, диал.
Кумаиы, этн. см. Кыпчаки
Кумед, ист. 74
Кумыкский яз. 119
Кунанбаев Абай, им. см. Абай Кунанбаев
Кунград, гор. 111, 261, 409, 418, 421, 454, 456, 457, 460, 462, 516, 518
Кунгард, оз. 445
Кунград (конграт), этн. 88, 95, 125, 166, 172, 174, 175, 221, 223, 287, 288, 298, 315, 409, 412, 418; см. также Каракалпаки
Кунградский окр. 425
Кунградский р-н 127, 165, 293, 408, 409, 468, 474, 489, 504, 516
Кунградское бек. 419
Кундуз, ист. 538, 659
Кун-ходжа, им. 514
Кунядарья, др. рус. 25
Куня-Уаз, арх. пам. 70, 72
Куня-Ургенч, гор. 90
Куня-Ургенчское бек., 419
Курама, этн. 95, 166, 276, 410
Курбан Исмаил-оглы, им. 359
Курбан-шаир, им. 360
Курган, нас. п. 359
Курган-тюбе, гор. 546, 561, 576, 578, 582
Кургантюбинский р-н 585
Курди, наречие см. Курдский яз. наречия
Курдистан, геогр. обл. 144
Курдский яз., наречия 12, 133, 158
Курды, этн. 7, 11, 12, 158
Курманджи, наречие см. Курдский яз., наречие
Куссам-ибн-Аббас, им. 319
Кутб, им. 362
Кутейба-ибн-Муслим, им. 76
Кутчи, нас. п. 275
Кухна-кала, арх. пам. 58
Куча, геогр. обл. 130, 535
Куча-турфанский диал. см. Уйгурский яз., диал.
Кучано (кучарско)-хорашарский язык 535; см. также Тохарский яз.
Кучликова О., им. 375
Кучликова Р., им. 375
Кучнаров Захар, им. 360
Кушаны, ист.,дин. 57, 59, 63, 64, 66, 69, 70, 74, 142, 533
Кушканатау, возв. 70, 408
Кушчи, этн. 172
Куюк-кала, арх. пам. 70
Кую-Мазар, водохранилище 205
Кчи-Урадарья, р. 529
Кштут, р. 529
Кштут, ист. 537
Кыз-кеткен, кн. 409, 433, 434
Кызыл-Арват, гор. 122
Кызыл-Аскер, нас. п. 525
Кызылкум, пуст. 17, 22, 37, 47, 48, 50, 70, 74, 111, 205, 206, 408, 415, 427, 428, 435, 436, 440, 442, 443, 449, 460, 504, 514, 519
Кыпчак, гор. 430
Кыпчаки, этн. 83—85, 88, 92, 94, 116, 117, 119, 120, 121, 125, 128, 129, 130, 166, 169, 170, 172, 240, 276, 315, 409, 412, 429; см. также Половцы
Кыпчакская (северо-западная) группа тюркских языков 115, 117—119, 121, 122, 124—128, 410
Кыпчакский союз, 84, 85, 412
Кыпчакский яз. 85, 116, 128, 412
Кырк, этн. 172, 360
Кырк-кыз, кн. 433, 436
Кырк-кыз, арх. пам. 67
Кыят, этн. см. Кият
Кюзели-тыр, арх. пам. 54, 58
Кяризное земледелие см. Земледелие
Кят, гор. 74, 80

Лазько Г., им. 526
Лангар Кишн, нас. п. 153
Латинский яз. 80
Лахути Абдулкасым, им. 644, 645, 650, 651
Левиев М., им. 375
Левик В., им. 641
Левират см. Семья и Семейно-брачные отношения
Лейпциг, гор. 112
Лейсек В. В., им. 371
Ленин В. И., им. 98—100, 103, 104, 106, 107, 181, 182, 186, 188, 191, 193, 352, 361, 384, 388, 516, 518, 640
Ленинабад, гор. 23, 239, 528, 529, 564, 577, 578, 579, 581, 591, 592, 603, 629, 651, 655, 657, 681
Ленинабадский р-н 567, 601, 603, 606, 612, 623, 625, 631, 657
Ленинград, гор. 108, 375, 386, 404, 405, 508, 510, 517, 652
Ленинградская обл. 450
Ленинск, гор. 270
Ленин-яб, кн. 436
Ленский А. С., им. 648, 649, 651, 652
Леонардо да-Винчи, им. 80
Лермонтов М. Ю., им. 653
Лерх П. И., им. 169
Ли А., им. 527
Лиманное земледелие см. Земледелие
Липко В., им. 368
Листопадов А., им. 649

Литвинский Б. А., им. 58
Литература художественная 77, 82, 84, 88, 119, 145, 362—368, 513—517, 640—647, 659
Лобнорский диал. см. Уйгурский яз. диал.
Лойка, нас. п. 360
Локай, этн. 172, 221, 224, 288, 309, 546
Локайская дол. 546
Луговая, нас. п. 82
Луначарский А. В., им. 518, 652
Луткух, р. 142
Лутфи, им. 362
Лыкошин Н., им. 627
Лявлякан, оз. 42
Ляган, кн. 204
Лянгар, нас. п. 594

Маваева Гульнара, им. 375
Мавераннахр, ист. 71, 77, 79, 81—83, 87, 147, 168, 169, 171, 173, 221, 537
Мавлянова Х., им. 652
Магиан, ист. 537
Магиан, р. 29
Мадали, им. 660
Мадали-ишан, им. 191
Мадгазин Ф., им. 526
Мадир, нас. п. 242
Мадрахимов Ф., им. 505
Мадьяры, этн. 411
Мазари-Шерифская провинция 166
Мазары см. Религии и религиозные верования, ислам
Маздак, им. 641
Маздеизм, рел. см. Религии и религиозные верования, зороастризм
Мазлум-хан-слу, арх. пам. 490
Маймург, ист. 74
Макат, нас. п. 460
Македоняне, этн. 58, 59, 532
Максетов К., им. 509
Малов С. Е., им. 509
Малый Каратау, хр. см. Каратау малый
Мангыт, этн. 166, 172, 174 175, 409, 410, 412, 452, 524; см. также Узбеки, Каракалпаки
Мангышлак, п-ов 174
Манихейство, рел. см. Религии и религиозные верования
Манкент, нас. п. 128
Манси, этн. 481
Мансуров Гафур, им. 657
Мануиловы, им. 420
Маньчжурские племена 124
Маньчжурские яз. 124
Маньчжуры, этн. 91, 136
Мараканда, гор., ист. 58
Марал-баши, геогр. обл. 535
Маргелан, гор. 128, 165, 185, 190, 239, 240, 245, 247, 252, 263, 264, 273, 282, 397
Маргелан-Сай, р. 209
Маргеланская оросительная система 210
Маргеланский у. 191
Маргиана, ист. 56, 59, 138
Маргианцы, этн. 49
Маргузарская сп. 562
Марик А., им. 142
Марка, этн. 224, 309
Маркс К., им. 186, 191
Мархаматский р-н 331
Мары, гор. 84
Марыйская обл. 12
Массагетская конфедерация племен 48, 56
Массагетские диал. 140
Массагетско-юэчжийский союз 532
Массагеты, этн. 48, 49, 54, 56, 59, 60, 68, 69, 71, 73, 78, 82, 84, 92, 140, 168, 358,512, 532, 535
Массагеты болот и островов, этн. см. Апасиаки
Масуми Н., им. 647
Матайкум, пуст. 21
Материнский род см. Социальный строй, первобытнообщинный строй
Мат-Нияз, им. 419
Матраун, нас. п. 679
Матча, р., дол. 149, 537, 594
Матьякубов Айтбай, им. 516
Махзуна, им. 364
Махмуд Газневи, им. 82, 138
Махмуд Кашгарский, им. 78, 84, 118, 138, 169, 170, 357, 359
Махмур, им. 364
Махтум-кули, им. 97, 514
Мачайская пещера, арх. пам. 38
Машраб Бабарахим, им. 345, 364
Маяковский В. В., им. 643
Мдивани Г., им. 383
Мезолит, арх. 38; см. также Археологические сведения
Мейменинская обл. 166
Мекка, гор. 319
Мелкумов М., им. 522
Менандр, им. 71
Менгеш, им. 514
Мераков Косимджон, им. 397
Мерв, ист., гор. 54, 56, 66, 69, 73, 76, 93 144, 145, 147, 256
Мерверуд, р. 69
Мервский оаз. 66, 138
Мерке, гор. 82
Меру, ист. 659
Металлообработка см. Ремесла и домашние промыслы, Изобразительное искусство, художественная обработка металла
Месопотамия 88, 91, 132, 432
Механизация сельского хозяйства 204—208, 210, 214—219, 231, 261, 435—438, 442, 443, 500, 548, 549, 560—565, 567,569, 571, 671; см. также Сельское хозяйство
Мидийский яз., диал. 158
Мидия, ист. 46, 55, 56, 59
Мидяне, этн. 533
Микулицкий Д., им. 526
Минг, этн. 172, 175
Мирза Мухаммед Тарагай (Улугбек), им. 88, 346, 354, 362, 406
Мирзабаева Л., им. 342
Мирзачуль, гор. 204, 248
Мирзо Гафар, им. 647
Мирзоев А., им. 647
Мирзоев Рахмат, им. 400
Мирзо-заде Х, им. 647
Мир Мухаммед Амин Бухари, им. 358
Мири, им. 364
Миронов Н. Н., им. 374, 649
Мирхонд, им. 89
Миршакар Мирсаид, им. 645, 647, 652, 682

Митра, им. рел. 61, 64
Митридат I, им. 59
Михрдаткирта, ист. 144
Младший жуз, ист. 92, 93, 414
Многоженство см. Семья и семейно-брачные отношения
Могул, этн. см. Мугулы
Молдаване, этн. 13
Мольер, им. 519
Момо-Кульдурок, им. рел. 321
Монголия 54, 64, 72, 85
Монголоидная раса см. Антропологические расы
Монголоидный тип см. Антропологические типы
Монголы, этн. 71— 87, 88, 91, 136, 160, 162, 171, 412, 536
Монгольская империя, ист. 121, 412
Монгольские племена 115, 116, 121, 124, 171
Монгольские яз. 73, 120, 121, 124
Монгольский яз. 117, 124
Монгольское завоевание 78, 85—88, 93, 163, 170, 171, 174, 412, 536, 537, 641, 642, 645
Мордва, этн. 11
Мороз А., им. 647, 652
Москва, гор. 215, 262, 371, 375, 380, 385, 386, 392, 404, 460, 508, 510, 517—520, 522, 527, 548, 631, 645, 651—653, 656, 672, 681
Москвин И. М., им. 519
Московская обл. 107
Московское гос-во, ист. 173, 174
Мосты и другие переправы 461, 609, 610, 662, 672
Мосул, ист. 171
Мохани Рао, им. 377
Муг, этн. 636
Муг, г., арх. пам. 60, 75—77, 136, 137, 168, 531, 533, 535
Муголони-кари, нас. п. 274
Мугулы, этн. 171, 559
Мужская одежда см. Одежда
Мужские товарищества 316, 317, 544;см. также Общественная жизнь
Музыка и музыкальные инструменты 369—375, 511, 513—515, 520—522, 647—649, 663, 680, 681
Муиззи, им. 641
Муйнак, нас. п. 409, 424, 426, 448, 450, 454—456, 465, 466, 519
Муйнак (Токмак-ата), п-ов 409, 450, 466, 490
Муйнакский р-н 126, 409, 448, 468, 469, 473, 474, 483
Мукаддаси, им. 137, 147
Муканна, им. 78, 645
Мукими, им. 103, 190, 353, 364, 384
Мукум Султан, им. 548
Мулло Насреддин (Афанди), им. эп. 359, 642
Мулхам, им. 642
Муминабад, нас. п. 283
Муминов И. М., им. 357
Муминов Х., им. 342
Муниджан, геогр. обл. 142
Муниджанский яз. 142
Мунзим Абдулвохид, им. 643, 644
Мункар, им. рел. 623, 624
Муравин, им. 484, 458
Мурадели В., им. 373
Мурадов Ширин, им. 390
Мургаб, р. 16, 34, 43, 44, 46, 49
Мургабская вол. 660
Мургабский оаз. 20, 23, 35, 46
Мургабский р-н 658
Муртук, оаз. 141
Мусабаев Мухтар, им. 406
Муса-базари, этн. 171, 284
Мусаев Аяпберген, им. 516
Мусаев Мели, им. 406
Мусаев Шамурат, им. 438, 439, 517
Мустьерская культура, арх. 38;см. также Археологические сведения
Мусульманство см. Религии и религиозные верования, ислам
Мухамедов А., им. 375
Мухамедов Сафо, им. 406
Мухаммад Аминходжа, им. см. Мукими
Мухаммадиев Ф., им. 646
Мухаммед, им. рел. 95, 319—321, 620, 662
Мухаммед Газоли, им. 319
Мухаммед Джамрад-оглы (Пулкан-шаир), им. 359—361
Мухаммед ибн-Муса ал-Хорезми, им. 79
Мухаммед ибн-Фадль, им. 137
Мухаммед Наршахи, им. см. Наршахи Мухаммед
Мухаммед Рахим П., им. 364
Мухаммед Риза Агахи, им. 364
Мухаммед Юсуф Мунши, им. 358
Мухаммедов, им. 650
Мухаммедов Гулям, им. 400
Мухаммедов Музафар, им. 378
Мухаммед-Рахим хан, им. 416
Мухаммед-Фена, им. 418
Мухитдинов Мамаджан, им. 343, 344
Мухсинов Мухтар, им. 396
Мухтар А., им. 366, 368
Мухтар ал-Захиди, им. 139, 140
Мушель Г. А., им. 375
Мушкетов И. В., им. 422
Мушфики, им. 642
Мюйтен, этн. 409, 445

Набиев Малик, им. 404
Набиев М. Н., им. 355
Набоечное производство, набойка см. Ремесла и домашние промыслы; Изобразительное искусство
Навои Алишер, им. см. Алишер Навои
Навои, гор. 251
Наджмеддин Кубра, им. 96
Надира, им. 364
Надир-шах, им. 97, 175
Назаров А., им. 646
Назаров Ф., им. 375
Назберген Дали, им. 516
Назруллаев Ибаддулла, им. 395
Назым Хикмет, им. 384
Назыров Анвар, им. 406
Найманы, этн. 86, 125
Накир, им. рел. 623, 624
Накшбандия, рел. орден см. Религии и религиозные верования, суфизм
Наливкин В. П., им. 170
Намазга-тепе, арх. пам. 42
Наманган, гор. 128, 165, 236, 245 261, 265, 380, 529

Наманганская обл. 296
Наманганские, г. 529
Наманганский р-н 336
Наматгут, нас. п. 153
Нанайя, им. рел. 64
Народная медицина 332—334, 421, 442, 503, 608, 620, 621
Народное образование 108, 198, 278, 327, 344—353, 421, 505—508, 548, 633—635, 681
Народные праздники 320, 330, 331, 339—343, 502, 627—630; см. также Игры и состязания
Народный календарь 434, 534, 555, 556, 666, 667
Нарсе, им. 144
Наршахи Мухаммед, им. 137, 168, 359, 627
Нарын, р. 25, III, 170, 200
Насафи Сайидо, им. 642
Насир Хисрав, им. 641, 662
Наср, им. 82
Насреддин Мулло (Афанди), им. эп. см. Мулло Насреддин
Насымов М., им. 521
Насыров Ата-Джалал, им. 370
Насыров Д., им. 509
Насыров К., им. 652
Насырова А., им. 652
Насырова Х., им. 375, 382, 383, 386
Наука 79—81, 88, 91, 198, 272, 331—335, 338, 353—358, 508—510, 548, 634, 635, 682
Национально-государственное размежевание 104—106, 195, 385, 425, 546—547
Национально-освободительное движение 102, 103, 191, 192, 369, 417, 418, 423, 541, 546
Неандертальский тип см. Антропологические типы
Немцы, этн. 13
Неолит, арх. 38, 40—42, 162; см. также Археологические сведения
Неполивное земледелие см. Земледелие
Нерезим, диал. см. Туркменский яз., диал.
Нижне-Чирчикский р-н 340
Нижний Узбой, геогр. обл. 41
Нижний Хуф, нас. п. 153
Низами Ганджави, им. 362, 642
Низамуддин Шами, им. 172
Никулин М., им. 185
Никэ, им. рел. 66
Ниса, арх. пам. 60, 62—64, 144
Нишапур, ист. гор. 147
Ниязи Ф., им. 646
Новабад, нас. п. 582
Новосибирск, гор. 108
Новосибирская обл. 450
Новоуйгурский (классический) яз. 115, 116; см. также Чагатайский язык
Новоуйгурский (современный) яз. см. Уйгурский яз., диал.
Новоургенчская, обл. 106
Новый Ургенч, гор. 174
Ногаи, этн. 413
Ногайский яз. 119, 126—128, 413
Ногайское хан. 91, 412, 413
Ногайцы, этн. 85, 91, 166, 413, 482
Ной (Нух), им. рел. 243, 321
Носович, им. 419
Нохурли, диал. 122
Нукбист, нас. п. 153
Нукус гор. 24, 165, 409, 421, 424, 445, 449, 454, 455, 457, 460, 462, 464 465, 472, 503, 504, 507, 519, 522, 527
Нур-Али, им. эп. 639
Нурата, нас. п. 240
Нуратинские г. 35, 48, 84, 200, 411, 529
Нуратинский р-н 359
Нуратинский хр. 202
Нуратинское междуречье 240
Нурекское водохранилище 561
Нуретдинов Бадреддин, им. 655, 656
Нуристан, геогр. обл. 666
Нурматова Л., им. 342
Нурмухамедов М., им. 509, 517
Нурумбетов Садык, им. 516
Нушор, нас. п. 664

Оби Гарм, р. 529, 637
Оби-ниоу, р. 529
Обработка дерева см. Ремесла и домашние промыслы; Изобразительное искусство.
Обработка камня см. Ремесла и домашние промыслы; Изобразительное искусство.
Обработка шерсти см. Ремесла и домашние промыслы
Обряды 308, 310, 316, 313—327, 333, 334, 499, 512, 608, 617, 619, 623—629, 663;
— земледельческие 202, 210, 434, 556, 557, 667, 668;
— погребальные 51—53, 62, 72, 75, 312—320, 322, 323, 330, 481, 500, 534, 623—626, 638, 678;
— ремесленные 243, 244, 321, 451, 574;
— свадебные 322, 325, 326, 328, 369, 498, 499, 511, 512, 534, 615—618, 638, 678;
— связанные с рождением и воспитанием детей 320, 329, 330, 333, 492, 499, 512, 617, 620, 621, 622;
— скотоводческие 221, 441, 558, 668, 669
Обряды, связанные с рождением и воспитанием детей см. Обряды
Обувь см. Одежда
Общественная жизнь 314—323, 490—492, 501, 502, 543, 544, 571—573, 630—632
Община 176, 233, 276, 314—316, 417, 430, 431, 491, 492, 542—544, 630, 667, 673, 676
Обычное право 324, 325, 491—493, 612, 613, 621, 677
Овцеводство см. Животноводство
Огородничество 217, 220, 233, 274, 307, 443, 567, 606, 607, 671; см. также Сельское хозяйство
Огузо-кыпчаки, этн. 118
Огузо-кыпчакский яз. 128, 129
Огузо-сельджукские диал. 122
Огузская (юго-западная) группа тюркских яз. 115, 117, 118, 122, 123, 132; см. также Тюркские яз.
Огузские племенные яз. 119, 122, 127 128, 411
Огузский племенной союз 120, 411
Огузское гос-во, ист. 83, 411, 412
Огузско-печенежские племена 412

Огузы, эти. 78, 84, 116—118, 120, 122, 128, 169, 411, 412, 429
Одатида, им. эп. 359
Одежда 49, 50, 62, 67—69, 72, 292—304, 474—485, 599—604, 674—676;
— детская 295, 300, 301, 303, 316;
— женская 67, 294—304, 326—328, 475, 479, 480—485, 525, 599, 601—604, 613, 674—676;
— мужская 293—304, 475—478, 480, 600—604, 674—676;
— головные уборы и прически 49, 239, 293—297, 299—304, 326, 327, 599, 601—604, 655, 675, 676;
— обувь 293, 303, 304, 476, 480, 599—604, 610, 675;
— украшения 237, 303, 478, 482—485, 525, 526, 600, 602, 675, 676
Оджуз, им. рел. 626
Ойраты, эти. 85
Ойыл-баба, им. рел. 441
Окладников А. П., им. 38
Октябрьский р-н 304
Омар, им. 515
Омар Хайям, им. 147, 370, 641
Омейяды, ист. дин. 78
Омирбеке-лакки, им. эп. 511
Он-торт-уру, эти. 409
Ондасынова Айман им. 440
Ораз-аталык-кала, арх. пам. 461
Организация Объединенных наций 108, 109
Орджоникидзеабад, нас. п. 578, 582
Оренбург, гор. 175, 181, 256, 259, 414, 448
Оренбургская губ. 98
Оренбургские стп. 43
Орлат, эти. 171
Орнамент 39—41, 43, 45, 236, 237, 239—242, 256, 282, 286, 292, 294, 300, 301, 304, 306, 326, 327, 389—402, 452, 458, 467, 481—484, 523—526, 591—593, 600, 602, 603, 654—657, 669, 681; см. также Изобразительное искусство
Орошор, нас. п. 551
Орошорская вол. 660
Орошорский яз., диал. 152—154; см. также Памирские яз.
Орудия, арх. 38—42. 46; см. также Археологические сведения
Орунбай-бий, им. 415
Орунбай-кала, арх. пам. 415, 461
Орус, им. 413
Орхон, р. 72
Орхоно-тюркский яз. 116, 120
Орхонские надписи, арх. пам. 72, 116, 120
Орхонские тюрки, этн. 91, 117, 120
Освоение целинных земель 112, 206, 207, 433, 435, 436, 561, 562, 564
Осетинский яз. 139—141
Особая Припамирская обл. 662
Островский А. Н., им. 383, 519
Отгонно-пастбищное скотоводство см. Скотоводство
Отеш-Шанр. им. 515
Отходничество 186, 241, 422, 540, 576
Охота 38, 40. 41, 83, 340, 449, 450, 543, 669
Охун Мулло-Наим, им. 628
Очаги и печи 241, 280, 282, 288, 291, 306, 486, 487, 489, 591—598, 604, 605, 667
Ошанин Л. В., им. 160, 161
Ошская обл. 166

Пайпс Ричард, им. 105
Пайрав Сулаймони, им. 644
Пакистан 9, 12, 108, 146, 153, 157, 197, 198, 335, 350, 530, 534, 659
Пакшиф, нас. п. 595
Палванташ, нас. п. 248
Палец, им. 187, 246
Палеоазиатские племена 124
Палеоазиатские яз. 124
Палеолит, арх. 38; см. также Археологические сведения
Памир 7, 15, 16, 30, 31, 47, 50, 141, 152, 159, 160, 163, 528—530, 547, 558, 567, 612, 651, 658—662, 671, 673, 680, 682;
— Восточный 658, 659;
— Западный 657, 659, 660, 682
Памир, р. 658, 660
Памиро-Алай, геогр. обл. 35, 37, 200, 532
Памиро-ферганский (Среднеазиатского междуречья) тип см. Антропологические типы
Памирская горная система см. Памир
Памирские яз. 12, 140—142, 152—157
Памирский административный р-н 660
Памирский тракт 673
Париж, гор. 512
Паркан, ист. 68, 167
Парканы, этн. 49, 532
Парны, этн. 59, 144
Парфия, ист. 55, 59, 60, 62, 64, 66, 142, 144,
Парфяне, этн. 49, 56, 132, 144,
Парфянский яз., диал. 131—133, 135, 142—146,
Пархар, нас. п. 578
Пархарский р-н 559, 562
Пасбадж, нас. п. 663
Пасианы, этн. см. Апасианки
Пасики, этн. см. Анасианки
Пастбища см. Скотоводство
Паст-Даргомский р-н 326
Патриархальная семья см. Семья и семейно-брачные отношения, большая семья
Патриархально-феодальные отношения см. Социальный строй
Пахалина Т. Н., им. 154
Пахлавон Ниез Мирзабоши Камил, им. 369
Пахтаабадский р-н 313, 330
Пачаев Садриддин, им. 397
Пейкенд (Пайкенд), гор. 70, 73, 168
Пекин, гор. 367
Пенджикент, гор., арх. пам. 74, 132, 136, 276, 306, 533, 562, 578, 593, 624, 654, 656
Пенджикентский р-н 641
Пенджруд, нас. п., 641
Первобытнообщинный строй см. Социальный строй
Перовск, гор. см. Кзыл-Орда
Пероз, им. 76
Пероз (Сасанид), им. 69
Персеполь, гор. 46, 48, 49
Персидская империя, ист. см. Персия

Персидский яз., диал., гов.12, 137, 144—149, 349, 535
Персидско-таджикский яз. см. Таджикско-персидский яз.
Персия, ист. 46, 56, 58, 66, 76, 662
Персы, этн. 55—57, 80, 94, 132, 147, 161, 305, 345, 418, 533
Персы-прани; этн. см. Фарси
Першиц А. И., им. 530
Петербург, гор. 371, 414, 643
Петр I, им. 414
Петра Первого хр. 528, 571
Петро-Александровск, гор. 190, 418, 420, 421, 423, 424, 454, 464, 503, 505; см. также Турткуль, гор.
Петропавловск, гор. 175
Петросова Е. А., им. 521
Петросянц А. И., им. 521
Печенеги, этн. 411, 412, 429
Печенежский яз. 78, 116, 118, 411
Печенежский племенной союз 127, 411
Печенежско-огузская конфедерация племен 83
Печерина Л., им. 653
Пешавер, гор. 63
Пирмухаммед-заде А., им. 651
Пирмухамедов Р., им. 386
Письменность 58, 60, 72, 75, 76, 91, 116, 120, 121, 123, 125, 126, 129, 130, 134—139, 142, 144, 145, 148, 358, 362, 506, 535, 640
Пища 222, 304—313, 329, 333, 440, 485, 486, 488—490, 543, 558, 560, 604—609, 628, 667—669, 676
Плано Карпини, им. 140
Племя см. Социальный строй, первобытнообщинный строй
Поволжье, геогр. обл. 43, 117, 172, 262, 353, 413, 474, 482, 484
Погодин Н., им. 383
Погребальные обряды см. Обряды
Позднеашельская культура, арх. 38; см. также Археологические сведения
Поливанов С., им. 380
Поливное земледелие см. Земледелие
Половецкий племенной союз 126, 127
Половецкий яз. 119
Половцы, этн. 84, 119, 412; см. также Кыпчаки
Положение женщины см. Семья и семейно-брачные отношения
Поршнив, нас. п. см. Шугнан, нас. п.
Посейдон, им. рел. 61
Поселения 29, 35, 43, 51—54, 66, 70, 74, 78, 273—278, 288, 410, 415, 461—464, 580—585, 664, 673
Поцелуевский А. П., им. 122
Приаралье, геогр. обл. 17, 21, 41, 43, 45, 50, 53, 54, 68, 70, 72, 78, 84, 122, 169, 170, 174, 410—412, 429, 512, 535
Приртышье, геогр. обл. 85, 412
Прикаспийская низм. 17
Прикаспийские стп. 56
Прикладное искусство см. Изобразительное искусство
Припамирские р-ны 537, 538, 556, 612, 656, 659
Припамирские таджики, этн. см. Таджики припамирские
Припамирье, геогр. обл. 556, 558, 612, 656—659, 661, 662, 666, 668—672, 674, 676, 678, 681
Присоединение Средней Азии к России 98—103, 178—182, 184—185, 189, 190, 240, 243, 259, 265, 288, 292, 298, 323, 334, 346, 347, 353, 376, 418—423, 430, 448, 537, 541, 542, 660, 661
Приуралье, геогр. обл. 43, 60, 78, 413
Прически см. Одежда, головные уборы и прически
Производство циновок см. Ремесла и домашние промыслы
Прокопий Кесарийский, им. 71
Прокофьев Е., им. 649
Пролетарск, гор. 578
Промышленность и рабочий класс 10, 11, 16, 17, 100, 102, 103, 107, 108, 111, 112, 186, 187, 191, 192, 194—197, 228, 244—255, 257, 270, 272, 288, 289, 297, 425, 426, 428, 448, 453—457, 466, 475, 542, 548, 549, 577—580, 672
Пронин В., им. 653
Процесс сближения наций 6, 12—14, 112, 113, 197, 198, 233, 248, 253, 255, 292, 305, 318, 327, 330, 331, 347, 349, 364—368, 373—375, 378, 380, 383, 385—388, 401, 402, 404, 406, 425, 426, 480, 481, 506, 509, 510, 516, 517—519, 521, 580, 658, 662
Прядение см. Ремесла и домашние промыслы
Пскем, р. 530
Птицеводство см. Животноводство
Птолемей, им. 53, 78, 79, 88, 170
Пулат Х., им. 366
Пулкан-шаир, им. см. Мухаммед Джамрад-оглы
Пушкин А. С., им. 365, 368
Пчеловодство 228, 671
Пыжова О. И., им. 518
Пэй цзюй, им. 532
Пяндж, р., дол., р-н 74, 153, 529, 550, 564, 566, 570, 573, 624, 657—660, 662, 663, 665, 670, 673
Пянджшир, дол. 146

Рабиев М., им. 652
Рабовладельческий строй см. Социальный строй
Раджаби Ю., им. 374
Разведение крупного рогатого скота см. *Животноводство*
Разыков Шараф, им. 406
Расторгуева В. С., им. 149
Расулаев Ходжа Абдулазиз, им. 370
Раупов Ю., им. 657
Рауфов Якубджан, им. 394
Рахим-заде Боки, им. 647
Рахими Мухаммеджан, им. 644, 646, 648, 653
Рахимов И., им. 366, 368
Рахимов М., им. 395
Рахимов С., им. 653
Рахимов Х., им. 375
Рахимова Ханра, им. 396
Рахманов Хикмат, им. 406
Рахматуллаев Анвар, им. 406
Рахматуллаев Х., им. 652
Рашид-ад-дин, им. 171
Рашидов Ш., им. 367, 368
Рашт, ист. 74, 536
Революционное движение 103, 188,

191—193, 417, 418, 423, 424, 541, 544, 546, 662
Регарский р-н 566
Резьба по ганчу см. Изобразительное искусство; Ремесла и домашние промыслы
Резьба по дереву см. Изобразительное искусство; Ремесла и домашние промыслы, обработка дерева
Резьба по камню см. Изобразительное искусство; Ремесла и домашние промыслы, обработка камня
Религии и религиозные верования 49, 50, 60—64, 66, 71, 75—77, 80, 81, 95—97. 176, 202, 210, 243, 244, 266, 267, 297, 313, 314, 318—323, 325, 330, 333, 344—348, 358—360, 362, 414, 417, 419, 421, 423, 441, 445, 451, 452, 463, 478, 485, 490—492, 496, 498—500, 502, 503, 530, 532—534, 544, 556—558, 608, 616, 619—630, 632, 638, 658, 660—664, 667—669;
— буддизм 61, 63, 64, 66, 71, 76, 136, 533, 534, 535
— доисламские верования 221, 243—244, 303, 312, 313, 319—322, 325, 333, 334, 451, 452, 491, 499, 500, 503, 556—558, 617, 619—621, 624, 625, 627, 628, 629, 667—669;
— зороастризм 49, 50, 53, 57,60,61, 63, 64, 77, 133, 320, 534;
— ислам 77, 81, 88, 95—97, 104, 122, 176, 243, 244, 276, 314, 318—323, 330, 344, 347, 414, 498, 499, 500, 502, 503, 530, 534, 539, 540, 543, 544, 616, 619, 620—628, 630, 632, 641, 654, 660—663, 678;
— исмаилизм 321, 658, 660, 661, 662, 663, 670, 678;
— иудаизм 64, 320;
— манихейство 61, 76, 136, 640;
— суфизм 81, 88, 96, 173, 319, 323, 490, 642;
— христианство 64, 76, 80, 136, 320
Ремесла и домашние промыслы 43, 50, 51, 66, 79, 91, 178, 185, 233—245, 263, 273, 274, 282, 284, 304, 307, 410, 450, 451—453, 475, 476, 493, 538, 542, 573—577, 669, 670, 681;
— вышивание 398—400, 525, 526, 575, 654—656, 669, 681;
— вязание 575, 656, 669, 681;
— гончарство 66, 79, 241, 242,274, 393—396, 410, 450, 575—577, 669; гончарство женское 575, 669;
— золотодобыча 575, 670;
— ковроделие 240, 401, 402, 450 454, 523, 524, 526;
— кожевенное производство 242, 243, 669;
— кошмоваляние 240, 450, 452, 453, 467, 523, 524, 526, 669;
— кузнечество 233—236, 410, 450, 451, 575, 669;
— металлообработка 233—237, 396, 397, 410, 450, 451, 484, 485, 526, 575, 577, 656, 657, 669;
— набоечное производство 240, 274, 397, 398, 654;
— обработка дерева 240, 241, 450—452, 524—526, 575, 592, 656, 669, 681
— обработка камня 243, 389;
— обработка шерсти 240, 450, 452, 453, 467, 523, 524, 526, 575, 669, 681;
— производство циновок 286, 450, 453, 467, 493;
— прядение 238, 240, 452, 493, 575, 669;
— резьба по ганчу 284, 390—392, 592, 654, 657;
— ткачество 237—240, 244, 245, 274, 397, 400,401,450,452, 493, 575—577, 669;
— цеховые организации 178, 185, 243, 244, 263, 574, 576;
— ювелирное дело 237, 396, 397, 410, 451, 484, 485, 526, 577, 657; см. также Изобразительное искусство
Ремесленные обряды см. Обряды
Репин И. Е., им. 405
Ривдад, ист. 74
Рид, нас. п. 665
Риза-Кули-Мирза, им. 440
Ризо Хикмат, им. 640
Рим, ист. 59, 63, 64
Римляне, этн. 80
Римская империя см. Рим
Рисоводство 199, 212, 427, 432, 439, 555, 567; см. также Сельское хозяйство
Риштан, нас. п., 149, 178, 242, 274. 393, 394, 537
Род, родовое общество см. Социальный строй, первобытнообщинный строй
Романовская Е. Е., им. 374
Романская группа яз. 13
Роспись см. Изобразительное искусство
Россия 92—94, 97—104, 107—110, 114, 175, 178—182, 184—193, 197, 217, 233, 236, 240, 243, 245, 256, 259, 263, 265, 268, 288, 292, 298, 322, 323, 334, 346, 353, 376, 382, 402, 413—415, 418—424, 430, 434, 448, 461, 537, 538, 541, 542, 660, 661
Рось, р. 412
Рошткалинский р-н 153, 658
РСДРП 191, 424
РСФСР 9, 103, 104, 106, 192, 425, 506, 518
Рудаки Абу Абдаллах, им. см. Абу Абдаллах Рудаки
Рудный Алтай, геогр. обл. 17
Руми Джалалиддин, им. 370, 642
Русские, этн. 7, 11, 85, 95, 98—104, 110, 122, 123, 125, 165, 180, 184, 186, 187, 191, 198, 248, 253, 269, 301, 305, 308, 334, 346, 347, 349, 364, 367—369, 378, 380, 386, 409, 412—414, 418—423, 425, 440, 448, 456, 458, 462, 528, 539, 541, 542, 563, 577, 581, 615, 630, 634, 635, 643, 649, 660, 669, 680, 681
Русский Туркестан см. Туркестанский край
Русский яз. 12, 13, 122, 123, 126, 149, 347—349, 358, 364, 365, 368
Рустем, им. эп. 75, 76, 136, 140, 359, 626, 629, 640, 641
Русь, ист. 80, 85, 87, 412
Рушан, ист. 536, 659, 660, 661, 665, 666, 667—669, 671, 673, 679
Рушан, нас. п. 673, 676, 678, 680, 681
Рушанский р-н 658
Рушанский хр. 658

Рушанский яз., диал. 12, 152—154; см. также Памирские яз.
Рушанцы, этн. 12, 535, 657—659, 663, 665, 668
Рыболовство 32, 34, 35, 38, 40, 50, 409, 410, 416, 421, 426, 428, 429, 431, 445—449, 454—456
Рын. нас. п. 153, 658
Рыскулов, им. 106
Рыхен, этн. 657

Саади Ширази, им. 147, 362, 515, 642, 644
Сааткулов Д., им. 375
Сабзанов Я., им. 648
Сабитов З., им. 388
Савдо, им. 103
Сагдулла Ш., им. 384
Сагдуллаев Сайфеддин, им. 400
Садоводство 9, 19, 23, 28, 32, 199, 212, 217, 218, 221, 225, 233, 274, 291, 436, 439, 443, 463, 567, 568, 665, 673; см. также Сельское хозяйство
Садриддин Айни, им. см. Айни Садриддин
Садуакас, им. рел. 452
Садыков С. С., им. 355
Садыков Т., им. 375
Сазонов, им. 420
Саид З., им. 382
Саидалиева Фазилят, им. 398
Саидмурадов С., им. 650—652
Саидов Маннон, им. 404, 405
Саипов Кадырбай, им. 519, 527
Саидходжаева А., им. 375
Сайди Ахмад, им. 362
Сайидо, им. 647
Сайфи Сарои, им. 362
Сайфиддинов Ш., им. 648, 652
Сакараваки, этн. 48, 50, 52, 53, 59
Сакастан, ист. см. Сеистан
Саки, этн. 47—54, 56—59, 62, 63, 116, 140, 141, 143, 144, 163, 168, 359, 532, 535, 659; см. также Скифы
Саки хаумаварга, этн. см. Сакараваки
Саккоки, им. 362
Сако-массагетская конфедерация племен 59, 68, 410
Сако-массагетские племена 54, 68, 73, 78, 122, 168, 358, 411
Сако-массагетский яз. 122
Сако-тохарский яз. 535
Саксаульская стоянка, арх. пам. 41
Сакские племена 50, 53, 56, 140, 141, 143, 144
Сакские яз., диал. 48, 140, 141, 144, 535
Сакский яз. 131, 133, 135, 139, 140
Саларский диал. Новоуйгурского яз. см. Уйгурский яз., диал.
Салахитдинов Кадыр, им. 406
Салимов Д., им. 388
Салихов Маджит, им. 284
Салырский диал. см. Туркменский яз., диал.
Самани Исмаил, им. 142, 319
Саманидское гос-во, ист. 168, 169, 331
Саманиды, ист. дин. 79, 82, 147, 169, 534—536, 641
Самарканд, гор. 12, 38, 58, 66, 73, 74, 79, 88, 89, 128, 132, 135—137, 146—148, 150, 152, 165, 171, 173, 181, 190, 191, 195, 211, 224, 234, 236, 239—241, 244—246, 250, 251, 254, 256, 261, 265—268, 273, 274, 276, 281, 282, 284, 297, 300—302, 308, 319, 320, 394, 395—397, 399, 401, 403—406, 508, 529, 537, 544, 574, 576, 587, 602, 628, 629, 650, 654
Самарканди Сузани, им. 642
Самаркандская обл. 12, 23, 84, 128, 146, 165, 180, 181, 183, 184, 188, 196, 200, 202, 204, 218, 225, 240, 265, 275, 286, 293, 298, 326, 359, 360, 401, 402, 408, 541
Самаркандский оаз. 23, 76
Самаркандский р-н 550, 551, 553
Самаркандский у. 344, 541
Самоназвания этнические 91, 103, 165, 167, 170—172, 408, 409, 412, 528—531, 657, 658
Санглич, геогр. обл. 153
Санскритский яз. 120, 131, 134, 170
Сапарбаев Амангул, им. 527
Сапарова Ханым, им. 522
Сарай, этн. 172, 288, 299
Саратов, гор. 108
Саратовская обл. 450
Саргулямский яз. 142
Сари-асия, нас. п. 529
Сармато-аланы, этн. 71, 78
Сартовский яз. 170
Сарты, этн. 94, 95, 98, 160, 166, 169, 170, 179, 315
Сарыбай-шапр, им. 515
Сарыбек, им. 538
Сары-бийская вол. 423
Сары-Ишик отрау, пуст. 22
Сарыкамыш, геогр. обл. 15, 24, 25
Сарыкамышские оз. 24, 25
Сарыкол, геогр. обл. 153
Сарыкольский яз., диал. 12, 144, 152—155
Сарыкольцы, этн. 530, 659
Сарыкский диал. см. Туркменский яз., диал.
Сары-су, р. 85
Сары-уйгурский яз., диал. см. Уйгурский яз., диал.
Сарыбиноз, им. эп. 484
Сасаниды, ист. дин. 66, 68—70, 76, 134, 144, 532
Сатылганов Токтогул, им. 103
Сафаров Н., им. 367, 382, 384
Сафаров Улер, им. 360
Саффариды, ист., дин. 79
Сахибов Шахназар, им. 648
Свадебные обряды см. Обряды
Свердловск, гор. 250
Светославский С. И., им. 402
Свиноводство см. Животноводство
Свирь, р. 25
Себук-тегин, им. 82
Северный Ташкентский кн. 204
Северный Ферганский кн. 204, 561
Северо-западная группа тюркских языков см. Кыпчакская группа тюркских языков
Северо-Индийская низм. 80
Северцов Н. А., им. 422
Сеид-Абдулла, им. 425
Сеистан, ист. 53, 59, 140, 141

Сеитов Х., им. 521
Сейджанов Т., им. 519
Селевк, им. 59
Селевкиды, ист. дин. 59
Селена, им. рел. 64
Сельвинский И., им. 643
Сельджуки, этн. 83, 84, 87, 118, 169, 411
Сельджукиды, ист. дин. 84, 118, 132, 171
Сельджукский союз племен 116
Сельское хозяйство 10, 18, 19, 35, 37, 91, 112, 197—199, 209—233, 240, 251, 274, 429, 445, 548, 549, 573, 670—672; см. также Животноводство; Земледелие; Скотоводческое хозяйство
Сельскохозяйственные культуры 16, 17, 19, 20, 28, 32, 36, 37, 91, 198—214, 217, 218, 221, 274, 426, 429, 432, 434, 438, 439, 549, 554, 555, 560, 563, 566, 567, 665, 670, 671
Сельскохозяйственные орудия 46, 207, 209—212, 215, 236, 431, 432, 434, 547, 550—555, 560, 664, 666, 671, 672; см. также Механизация сельского хозяйства
Семипалатинск, гор. 256
Семиреченская обл. 180
Семиречье, геогр. обл. 28, 50, 53, 68, 72, 73, 76, 78, 82, 83, 87, 93, 132, 135, 138, 168—170, 175, 184
Семиты, этн. 64
Семья и семейно-брачные отношения 279, 315, 317, 323—331, 490—501, 597, 612—622, 676—679
— авункулат 317, 494, 678;
— большая семья 72, 276, 323—325, 329, 491, 492, 597, 612, 614, 615, 673, 676, 677;
— брак 71, 315, 324—328, 492—494, 496—499, 614—617, 677, 678;
— воспитание детей 328—330, 338, 339, 348—351, 499, 500, 614, 617, 620—622;
— избегание 325, 496, 616, 617;
— калым 325—327, 496, 498, 613, 616;
— левират 325, 329, 492, 615;
— многоженство 323, 492, 498, 612, 677, 678;
— положение женщины 196, 197, 219, 220, 227, 228, 231, 232, 248, 251, 252, 297, 298, 304, 316—318, 323—330, 335, 342, 343, 345, 348, 349, 351, 353, 366, 375—383, 386, 399—401, 421, 439, 492—494, 496, 497, 501, 505, 579, 612—614, 622, 630—632, 678, 682;
— сорорат 325, 492, 615;
— экзогамия 315, 494, 496
Серахс, ист., гор. 147
Серахский р-н 122
Сибирь 15, 43, 85, 98, 111, 252, 353, 412, 413;
Синцзян, геогр. обл. 11, 85, 115, 118, 129, 130, 141, 152, 153, 534, 535
Синьцзян-уйгурский автономный р-н 166; см. также Туркестан Восточный
Сират, рел. см. Религии и религиозные верования, ислам
Сирия 58, 88, 132, 158
Сияваршан, им. рел. 359
Сиявуш, им. эп., 61, 359, 640
Скифо-сарматские диал. 140
Скифские племена 53
Скифские яз. 48; см. также Сакские яз.
Скифы, этн. 47, 50, 51, 56, 66, 71, 659; см. также Саки
Скифы-абии, этн. см. Апасиаки
Скотоводство 18, 22, 30—32, 34—37, 40, 41, 43, 46, 49—51, 53, 54, 71, 82, 83, 199, 200, 221—226, 288, 409, 410, 411, 413, 416, 417, 428, 429, 431, 439—443, 445, 538, 557—560, 570, 571, 604, 668, 671, 676;
— отгонно-пастбищное 18, 30, 34—37, 221—223, 225, 226, 410, 413, 416, 428, 440—444, 557, 558, 560, 571;
— стойловое 35, 224—226, 441, 442, 557, 668; см. также Животноводство
Скотоводческие обряды см. Обряды
Скульптура см. Изобразительное искусство
Славин Л., им. 383
Славянские племена 115
Славянские яз. (группа) 12, 131, 535
Советский Союз см. СССР
Согд, ист. 48, 55, 59, 62, 66, 68, 73, 74, 82, 132, 135, 136, 140, 142, 150, 168, 169, 237, 531, 532, 534, 552
Согдиана, ист. см. Согд
Согдийский яз., диал. 75, 76, 83, 116, 131—143, 147, 149, 151, 152, 154, 169, 535
Согдийцы (согды), этн. 7, 49, 56, 58, 60, 73—75, 77, 80, 82, 91, 92, 116, 132, 136, 167, 169, 359, 530, 532—535
Соколова В. С., им. 158
Солиев Фазил, им. 648
Сорорат см. Семья и семейно-брачные отношения
Сох, нас. п. 149
Сох, р. 23, 200, 529, 587
Сохтари, нас. п. 283, 285
Сохчарв, нас. п. 658
Социалистические нации, их формирование и развитие 6, 10, 13, 106, 109—113, 146, 165, 193, 195—197, 318, 408, 528, 548, 658, 659
Социальный строй 43, 46, 50, 55, 56, 59, 63, 66, 70—74, 77, 78, 81, 82, 87, 91—95, 98—100, 102, 103, 106, 107, 172—182, 184, 185, 190, 202, 204, 213, 233, 243—246, 263—270, 273, 314—319, 321, 323—326, 329, 363, 365, 366, 409—414, 416—420, 422—425, 430, 431, 445, 448, 450, 451, 462, 463, 491, 492, 494, 496, 497, 513, 514, 519, 538—544, 552, 558, 630, 637, 669, 673—678;
— капиталистические отношения 98—103, 179—192, 243, 246, 265, 269, 314, 323, 420—423, 448, 541, 542
— патриархально-феодальные отношения 81, 94, 103, 174, 177, 181, 190, 315, 413, 416, 417, 419, 422, 540, 542, 543, 576;
— первобытнообщинный строй 38—46, 50, 71, 81, 94, 172, 174, 177, 314—317, 409—412, 416, 430, 431, 445, 450, 451, 462, 463, 491, 492, 494, 496, 497, 538, 542—544, 558, 669
— рабовладельческий строй 46—72, 81, 94;
— феодальный строй 46, 72—98, 100, 172—180, 182—185, 190, 202, 204, 213, 243, 263, 264, 314, 315, 319, 323, 414—418, 420, 422—425, 513, 514, 519, 536—542, 659—661, 670;

Спаретра, им. 56
Спешнев А., им. 653
Спитамен, им. 58, 59
Спорт, физкультура 338—344, 480, 502, 585, 630, 637
Средиземное море 135
Средиземноморье 16, 38, 58, 159, 353
Среднеазиатского междуречья тип см. Антропологические типы
Среднеазиатское междуречье, геогр. обл. 78, 82, 83, 94, 132, 147, 160, 161, 163, 164, 166, 168—173, 233, 410, 531, 532, 534
Среднеперсидский яз. 134, 144, 145
Средний жуз, ист. 92, 98
Срубная культура, арх. 43; см. также Археологические сведения
СССР (Советский Союз) 6, 8—13, 15—17, 19, 24, 32, 43, 104, 106, 107, 108, 111—113, 122, 130, 162, 163, 165, 166, 196, 198, 199, 227, 231, 250—252, 262, 322, 338, 344, 347, 349, 365, 368, 381—383, 406, 408, 425, 426, 428, 449, 454, 460, 504, 505, 507, 508, 528, 561, 563, 566—568, 577, 596, 643, 644, 649, 653, 658, 659, 662, 671, 672, 682
Станиславский К. С., им. 518, 519, 522
Станковая живопись см. Изобразительное искусство, живопись станковая
Староузбекский (чагатайский) яз. 88, 115, 116, 118, 122, 123, 128, 129
Старший жуз, ист. 92
Степанов А., им. 375
Степи и бронзы культура, арх. 43, 44; см. также Археологические сведения
Стойловое скотоводство см. Скотоводство
Страбон, им. 48, 49, 51, 532
Субхан-кулихан, (Субхан-кули-хан), им. 97, 332, 364, 413
Суварский яз. 78, 411
Судэ, ист. см. Яньцай
Судочье оз. 449
Сузы, арх. пам. 144
Сулайманов Х. С., им. 357
Сулейман (Соломон), им. рел. 319
Сулаймони Пайрав, им. 644
Сулейман-Бакиргани, им. 362
Сули, этн. 532
Султан-баба, рел., пам. архит. 490
Султан-Уиз-Даг, г. 408, 421, 455, 490
Султанов А., им. 521
Султанов И., им. 383
Султанов Ш., им. 653
Султанова Т., им. 652
Сумбар р. 20
Суннизм см. Религии и религиозные верования, ислам
Сурхан-Дарьинская обл. 38, 71, 165, 196, 200, 218, 219, 223, 225, 240, 248, 252, 283, 287, 289, 296, 298—301, 303, 360, 530
Сурхан-Дарья, дол. 167, 171, 294, 296, 369
Сурхан-Дарья, басс. 170, 206, 218
Сурхан-Дарья, р. 49, 170, 200, 294, 296, 369, 529, 536, 549
Сурханский тракт 261
Сурхан-Ширабадская дол. 199
Сурх-Котал, арх. пам. 142
Сурхоб, р. 529
Сусамыр, дол. 30
Суфи-Аллаяр, им. 345
Суфизм см. Религии и религиозные верования
Су-Эли, кн. 436
Суяб, гор., ист. 73
Суярганская культура, арх. 42, 43, 44; см. также Археологические сведения
США 99, 199, 335, 424
Сыгнак, гор. 413
Сыр-Дарьинская обл. 100, 180, 184, 265, 419
Сыр-Дарья, р. 44, 47, 48, 50, 52, 56, 58, 59, 68, 78, 82, 84, 93, 112, 132, 163, 169, 200, 202, 259, 261, 410—414, 416—418, 429, 451, 512, 514, 532, 562
Сюань-Цзян, им. 75, 142, 532

Табари, им. 143, 535
Табаров С., им. 647
Табиби, им. 364
Тагаркаты, пер. 659
Тагор Р., им. 385
Таджиев Мадамин, им. 342
Таджик, этноним 531
Таджики, этн. 6—8, 10—13, 34—36, 75, 81, 82, 92, 94, 100—102, 104, 111, 113, 133, 146, 147, 159—162, 165, 166, 168, 170, 178, 180, 267, 268, 274, 294, 315, 320, 345, 369, 372, 389, 406, 452, 475, 491, 493, 500, 528—659, 664, 669, 678, 679, 682;
— горные 159—161, 170, 306, 530, 531, 542—544, 552, 553, 556—559, 575, 576, 584, 593—597, 599—601, 603, 604, 610, 612, 616, 627, 628, 655, 656, 669;
— припамирские (памирцы, припамирцы) 6—8, 12, 529—531, 535, 550, 551, 556, 559, 576, 657—682
Таджикистан см. Таджикская ССР
Таджикская Автономная ССР 104, 106, 547
Таджикская ССР (Таджикистан) 5, 9—13, 15, 20, 21, 25, 29, 30, 32, 34, 49, 58, 61, 106, 107—109, 111, 112, 132, 142, 146, 152, 165, 166, 168, 221, 225, 250, 284, 305, 306, 528, 529, 531—534, 536, 542, 546—549, 558—571, 573, 576—582, 584, 585, 593, 609, 611, 612, 616, 627, 630—637, 641, 644, 645, 648—650, 652—657, 662, 670, 672
Таджикский яз., диал., гов. 12, 13, 82, 84, 133, 137, 138, 141, 143, 146—151, 154, 169, 171, 345, 364, 365, 530, 534—536, 643, 658, 659
Таджикско-персидский яз. 79, 132, 137, 144—146, 346
Таджикское море 562
Тажибаев Курбанбай-жырау, им. 513
Тазабагьябская культура, арх. 43—45
Тази, этн. 531
Тазши, им. эп. 512
Таиров Асульбек, им. 406
Таиров М., им. 375
Тай, этн. 531
Таймани, этн. 146
Талакан, ист. 69
Талас, гор. см. Тараз
Талас, р., дол., 35, 76, 77, 82

Таласский Алатау, г. 529
Таласский р-н 38
Талдыкский р-н 462
Тали-Барзу, арх. пам. 74, 535
Тамара Ханум, им. 374, 375
Тамбуканское оз. 504
Тамды, нас. п. 460
Тамерлан, им. см. Тимур
Танаис, р. 359
Тансыкбаев Урал, им. 406
Танцы 318, 320, 321, 369, 371, 373—376, 381, 382, 522, 544, 627—629, 649, 678, 680, 681
Тара, гор. 98
Тараз (Джамбул), гор. 82, 411
Таранчинский диал. см. Уйгурский яз., диал.
Тарим, р. 82
Тарханов М. М., им. 519
Тархун, им. 77
Тат, этн. 170
Татарский яз. 119
Татары, этн. 11, 12, 119, 165, 378, 406, 481, 516, 600, 603, 615, 650
Татевосьян О. К., им. 406
Тахна-Таш, гор. 409, 455, 457, 461, 466
Тахир Мервези, им. 84
Тахириды, ист., дин. 79
Тахтабазарский р-н 122
Тахта-Купыр, нас. п. 421, 454, 465
Тахтакупырский (Тахта-Купырский) р-н 126, 408, 409, 436, 444, 461, 475
Тахтаходжаев Таир, им. 394
Ташаузская обл. 106, 122, 166, 261, 306, 408, 455
Ташенов Ж., им. 517
Ташкалак, нас. п. 300
Ташкенбаев Акрам, им. 406
Ташкент, гор. 38, 59, 68, 74, 76, 94, 95, 98, 99, 107, 113, 128, 135, 147, 165, 167, 169, 173, 175, 179, 181, 188, 190—192, 194, 195, 204, 216, 241, 242, 246—252, 254, 256, 259—268, 270—272, 279, 281, 282, 284, 294, 298, 300—303, 308, 309, 314, 315, 320, 323, 334, 335, 338, 340—344, 347—349, 351—353, 358, 359, 363, 368—370, 375, 378, 380, 381, 383, 386, 387, 389, 392—395, 397—399, 402, 404, 414, 424, 448, 460, 504, 508, 510, 511, 517, 519, 521, 522, 527, 530, 537, 544, 548, 562, 564, 627, 652, 662, 681
Ташкентская обл. 165, 181, 196, 203, 204, 207—208, 214, 218, 220, 223, 229 250, 252, 301, 304, 309, 315, 325 340, 342, 376, 396
Ташкентский оаз. 35, 167, 176, 200
Ташкентский у. 180, 184
Ташкентское бек. 366
Ташкентцы сибирские, этн. 98
Ташкурган, нас. п., р. 153
Ташмаир Чаршанби оглы, им. 360
Ташминводы, кур. 338
Ташмухамедов Мулла Туйчи, им. 370, 374, 404
Театр, 375—385, 518—519, 548, 630, 649—653, 681
Теджен, р. 16, 42, 44, 59
Теджензкий оаз. 35
Теймури, этн. 146
Текс, эти. 97
Текеша мавзолей, пам. архит. 90
Текинский диал.см. Туркменский яз., диал.
Текстиль художественный см. Изобразительное искусство
Термез, гор. 16, 19, 64, 142, 143, 165, 181, 259, 261, 401, 533, 546
Термезский р-н 351
Термезское владение, ист. 74
Терминология родства 317, 494—496, 621, 679
Террасное земледелие см. Земледелие
Терюхане, эти. 482
Тешик-Таш, арх. пам. 38
Тибет 64
Тибетцы, этн. 659
Тиллакамир, им. 360
Тилляев Н., им. 653
Тимур (Тамерлан), им. 77, 88, 89, 171 172, 205, 331, 368, 412
Тимуриды, ист. дин. 88, 91, 118, 171, 173, 331, 362, 536
Тимурмалик, им. 645
Тимуров Рашид, им. 403, 406
Тиридат, им. 59
Ткачество см. Ремесла и домашние промыслы; Изобразительное искусство, художественный текстиль
Тобол, р. 16
Тобольск, гор. 98
Тоджик, этноним 528
Ток-кала, арх. пам. 70
Токмак-ата (Муйнак), п-ов 409, 466, 490
Толис П., им. 646
Толстов С. П., им. 138, 411, 482, 484, 530
Толстой А. Н., им. 368
Томирис, им. 56, 140, 358
Томск, гор. 108
Топрак-кала, арх. пам. 60, 64, 71, 138, 484
Торговля 73, 99, 100, 102, 173, 174, 179, 181, 182, 185, 189, 213, 222, 224, 233, 262—265, 268, 274, 276, 420, 421, 422, 440, 538, 573, 576, 612, 670, 672
Торки, этн. 84, 411; см. также Огузы
Тосмачи, нас. п. 275, 293
Тофаларский яз. см. Карагасский яз.
Тохаристан, ист. 59, 68, 69, 74, 76, 132, 141—144, 147, 532—535
Тохарский яз. 60, 535
Тохары, этн. 50, 52, 53, 59, 78, 140, 141, 532, 535
Транспорт 16, 36, 111, 181, 189, 224, 225, 241, 255—262, 409, 421, 423, 427, 441, 446—448, 451, 452, 458—461, 464—466, 548, 549, 571, 579, 609—612, 671—673;
— автомобильный—260, 261, 460, 464, 465, 548, 571, 579, 611, 612, 672, 673;
— водный —250, 256, 259, 261, 262, 409, 421,423, 427, 446—448, 459—461, 466;
— воздушный — 16, 262, 460, 465, 466, 548, 612, 673;
— вьючный — 36, 224, 225, 241, 255, 256, 610, 611, 671;
— гужевой — 256, 258, 441, 451, 452, 458, 459, 609, 611
— железнодорожный —100, 111, 181, 189 191, 259—261, 409, 421, 423, 427, 460, 466, 579

Тренев К., им. 383
Троицк, гор. 175
Трофимова Т. А., им. 162
Туба, диал. см. Алтайский яз., диал.
Тува, геогр. обл. 163
Тувинская АССР 85
Тувинский яз. 120, 123, 124
Тувинцы, эти. 85, 159, 160
Туйбаева С., им. 652
Туйгун Ш., им. 383
Тумшук, оаз. 141
Тунгусо-маньчжурские племена 115
Тунгусо-маньчжурские яз. 73
Тунгусские племена 124
Тунгусские яз. 124
Туп-хона, арх. пам. 534
Туранский (южно-сибирский) тип см. Антропологические типы
Тургай, р. 36
Тургунбаева Муккарам, им. 374, 375, 381
Турды-Фараги (Турды Фароги), им. 97, 364
Турецкий яз. 118, 122
Турк, эти. 171
Туркестан геогр. обл. 99—102, 104, 106, 107, 114, 168, 180—195, 213, 227, 246, 259, 260 334, 347, 365, 371, 376, 378, 385, 402, 419, 424, 505
— восточный, 63, 69, 72, 73, 76, 78, 82, 83, 135, 136, 138, 144, 147, 535
Туркестан, гор. 128, 175, 413
Туркестанская АССР 103—107, 192, 193, 195, 404, 424, 425, 544
Туркестанский край 99, 100, 103, 104 179, 180, 182—184, 186, 224, 246, 265, 268, 269, 276, 294, 318, 344, 371, 419, 424, 581
Туркестанский хр. 23, 222, 528, 531
Туркестанское генерал-губернаторство см. Туркестанский край
Турки, эти. 118
Туркмения см. Туркменская ССР
Туркменская область (в Бухарской республике и в Туркестанской АССР) 106
Туркменская ССР 5, 9—13, 15, 19, 20, 34, 37, 38, 40—42, 79, 84, 90, 104, 106, 108, 112, 115, 122, 132, 144—146, 157, 158, 162—166, 174, 401, 408, 411, 455, 550, 551, 564
Туркменские племена 54, 93, 97, 174
Туркменский яз., диал. 115, 116, 118, 122, 123, 127
Туркмены, эти. 7, 10—12, 34—36, 54, 72, 84, 92, 94, 100, 104, 106, 118, 123, 132, 161, 165, 166, 170, 177, 178, 180, 294, 306, 315, 400, 411, 418, 423, 425, 430, 452, 459, 432, 437, 480, 484, 486, 491, 498, 499, 520, 521, 523, 524—526, 529, 550, 551;
— йомуды — 523
Туроходжаев Р., им. 386
Турсун П., им. 366
Турсун-заде Мирзо, им. 645, 646, 648
Турткуль, гор. 190, 400, 418, 420, 421, 423, 424, 439, 454, 460, 443, 444, 435, 493,503, 505, 506, 516, 518—520, 526
Турткуль-Бируниийская ирригационная система 434
Турткульский р-н 127, 165, 408, 436, 437, 438, 443, 458, 472
Туфан, геогр. обл. 130, 144
Турция 108, 158, 191, 198, 227, 250, 335, 365, 418, 423, 508, 546
Тус, ист. 147
Тухоло, ист. обл. см. Тохаристан
Ту-хо-ло эти. см. Тохары
Тухси, эти. 83, 169 см. также Тюргеши
Тюмень, гор. 98
Тюргеши, эти. 76, 78, 83, 85, 118, 128
Тюргешские диал. 117, 122
Тюргешские племена 128, 412
Тюргешское племенное объединение 118
Тюрк, эти. 72, 95, 160, 166, 171, 221, 284 см. также Узбеки
Тюрки, эти. 70—76, 82, 84, 85, 91, 115, 116, 118, 132, 133, 166, 168, 171, 172, 179, 411, 536, 659;
— карлуки — 76, 78;
— огузы — 78, 84;
— орхонские — 117, 120;
— сельджуки — 536;
— тюргеши — 76, 78;
— чагатайские — 171
Тюркоязычное население 12, 72, 76, 78, 82—84, 92, 115—117, 121, 122, 132, 165, 167—171, 362, 529, 532, 536, 580
Тюркские племена 53, 72, 78, 81—85, 87, 88, 91, 92, 115—119, 121, 124, 132, 167—172, 362, 412, 531, 532, 536
Тюркские племенные союзы 116
Тюркские языки (группы) 6, 12, 72—75, 77, 83, 84, 88, 115—130, 132, 137, 138, 140, 141, 166—170, 345, 359, 362, 410, 411, 413, 536
Тюркский каганат, ист. 72—74, 85, 116, 120, 132, 532
Тюябугутское водохранилище 205
Тянь-Шань, геогр. обл. 15, 16, 27, 28, 35—37, 44, 47, 48, 50, 53, 85, 175

Уба, нас. п. 396
Убайдулаев К., им. 509
Убайдулла Салих Завки, им. 364
Увайси, им. 364, 405
Угро-финские племена, эти. 115, 116
Угры обские, эти. 481
Удалов А. А., им. 368
Удмурты, эти. 484
Узбек, им. 167
Узбек, этноним 167, 171, 172
Узбеки, эти. 6—8, 10—13, 24, 34—36, 54, 72, 82, 84, 85, 87, 88, 91, 92, 94, 95, 97, 98, 100, 102, 103, 106, 110, 113, 118, 132, 146, 160—162, 165—167, 169, 170, 173, 192, 221, 240, 408—410, 412, 413, 418, 423, 425, 451, 452, 433, 475, 480, 481, 482, 484, 486, 488, 491, 493, 495, 499, 500, 519, 520, 524—526, 528, 529, 531, 537, 538, 542, 550, 551, 559, 576, 580, 589, 603, 624,
— аральцы (аралы) 36, 93, 416;
— дешти-кыпчакские (полукочевые) 91, 160, 166, 167, 172 173, 221, 273, 284, 283, 288, 295, 299, 307, 309, 580
— северо-хорезмские 35, 36, 306, 409, 432, 445 451, 458, 459, 487, 474, 476, 480, 488, 520, 524, 559;
— южно-хорезмские (хивинские) 459, 524
Узбекистан см. Узбекская ССР
Узбекия, ист. 106

Узбекская республика см. Узбекская ССР
Узбекская ССР 5, 7—11, 13, 15, 20, 24, 34, 36, 38, 49, 71, 84, 104, 107, 108, 110—113, 115, 118, 122, 128, 130, 132, 146, 165—167, 169—171, 178, 179, 181, 182, 184, 186, 193—202, 204, 206, 207, 212—214, 216—218, 221, 225, 228, 232, 233, 236, 237, 239, 240—248, 250—253, 255, 257, 259, 262, 264—266, 270, 273, 274, 276, 278, 280, 282, 284, 288, 290, 295, 299, 300—302, 304, 305, 308, 310, 314, 317, 318, 320, 322, 323, 326, 327, 331, 333, 334, 335, 337, 340, 342, 343, 346—361, 365, 368—371, 373—378, 382—385, 529—533, 546, 547, 550, 561, 562
Узбекский племенной союз 91, 119, 127, 167
Узбекский яз., диал., гов. 12, 13, 84, 115, 116, 118, 119, 126—130, 149, 169, 170, 190, 346, 347, 349, 350, 351, 358, 364, 365, 368, 531
Узбекских племен конфедерация 167
Узбекское море см. Катта-Курганское водохранилище
Узбекское хан. 412
Узбек-хан 167, 171
Узбой др. рус. 25, 40, 41, 42, 44, 70
Узенбаев Е. Х., им. 355
Узорное вязание см. Изобразительное искусство
Узы см. Огузы
Уилер, им. 105
Уйгун А., им. 366, 367, 383
Уйгур Маннон, им. см. Маннон Уйгур Маджидов
Уйгуро-карлукский язык (язык Караханидского государства) 129
Уйгурские племена, этн. 118, 128
Уйгурский яз., диал., гов. 115, 116, 118, 120, 128, 129, 130, 535
Уйгуры, этн. 7, 94, 95, 115, 116, 118, 120, 129, 130, 136, 162, 165, 305, 308; — найман 174
Уйсун, этн., 125
Украина 9, 110, 163, 517
Украинский язык 12
Украинцы, этн. 7, 11, 110, 248, 409, 480, 516
Украшения см. Одежда
Улугбек, им. см. Мирза Мухаммед Тарагай
Улуг-заде С., им. 645—647, 650, 651
Улус Джучи, ист. 87, 412
Улутау, г. 28, 85
Умари А., им. 366, 383, 384
Умаров Усман, им. 395
Умурзаков А., им. 374, 405
Унсури, им. 641
Уразбаев М. Г., им. 355
Урал, геогр. обл. 17, 110, 250, 252, 262
Урал, р. 16, 25, 91, 411, 413, 414
Уральцы, этн. 409
Уральская семья яз. 13
Ура-тюбе, гор. 74, 93, 224, 537, 547, 577, 578, 588, 590, 592, 624, 628, 654—656
Уратюбинский р-н 567
Урбах, им. 650
Урга, нас. п. 526
Ургенч, гор. 59, 74, 88, 165, 246, 261, 265, 380
Ургут, нас. п. 178, 240, 245, 274, 276, 529
Ургутский р-н 286
Урду, яз. 349
Урманче В. И., им. 406
Урмитан, нас. п. 558
Урсатьевская, нас. п. 261
Усадьба 276, 278, 280, 281, 285, 288, 290, 291, 324, 441, 461 — 463, 470—472, 475, 486, 544, 584, 586, 587, 590—593, 612, 673, 674; см. также Жилище; Поселения
Усам-иби-Мункыз, им. 171
Усманов А., им. 650
Усто Абду-Вакиль, им. 393
Усто Азим Камилов, им. 374
Успенский В. А., им. 374, 379
Уструшана (Устушана), ист. 74, 135, 152, 532
Усть-Нарым, арх. нам. 41
Устюрт, геогр. обл. 19—21, 408, 411, 427, 428, 442, 443, 519
Усуни, этн. 48, 53, 85, 163
Утварь 236, 237, 241, 282, 286, 292, 311, 489, 490, 524, 525, 551, 559, 560, 598, 606—608, 669, 670, 681
Утепов А., им. 516, 518, 519
Утеш, им. 421
Уфимцев В. И., им. 406
Уч-Курганская ГЭС 112

Фазыл Юлдаш-оглы (Фазыл-шаир) им. 358—362
Фазылова Т., им. 652
Файзи Р., им. 367
Файзиев Беркинбай, им. 370
Файзиев Л., им. 388
Файзиев Х., им. 388
Файзуллаев Б., им. 648
Файко А., им. 380, 646
Фальгар, геогр. обл. 149, 537, 551
Фан-Дарья, р. 149, 530
Фараби, им. см. Абу-Наср ал-Фараби
Фарасман, им. 59
Фаришский р-н 202
Фароги, им. см. Турды Фараги
Фаррухи, им. 641
Фарс, геогр. обл. 146
Фарс, ист. 59
Фарси (персы-прани), этн. 12
Фарси, яз. 137, 144, 147; см. также Таджикско-персидский язык
Фатима (Биби-Фатима) им. рел. 321
Фатхуллин З., им. 382, 384
Фатхутдинов Л., им. 342
Фахраддин Гургани, им. 145, 642
Федченко О. А., им. 402
Феодальный строй см. Социальный строй
Фергана, геогр. обл. 28, 138, 163, 165—171, 173, 178, 179, 200, 204, 208, 224, 225, 238, 240, 250—252, 278, 280, 282, 284, 290, 295, 297, 301, 304, 310, 319, 339, 345, 346, 369, 370, 379
Фергана, гор. 340, 378, 380, 383, 399, 529, 576, 580
Ферганская долина 12, 23, 32, 35, 36, 60, 74, 94, 96, 102, 104, 110, 112, 135, 146, 148, 167, 170, 171, 175, 176, 184, 193, 199, 200, 204—206, 218, 222, 225, 226, 236, 239, 240, 242, 245, 246, 252, 256, 259, 263, 265, 266, 270, 274, 276, 278, 281,

290, 291, 294, 296, 300, 301, 325, 345, 408, 410, 529, 531, 534, 538, 544, 546, 562, 566, 576, 577, 580, 586, 587, 600, 602, 612
Фергана, ист. 42, 44, 53, 54, 59, 63, 66, 68, 76, 110, 132, 310, 345, 346
Ферганская обл. 9, 23, 28, 100, 104, 165, 180, 181, 183, 188, 196, 203, 209, 228, 259, 265, 293, 294, 350, 532—534, 536, 576, 580, 660
Ферганский хр. 23, 30, 532
Филимонов А., им. 653
Фирдоуси Абуль Касым, им. 61, 79, 359, 514, 640, 641, 644, 647
Фирюза, кур. 158
Фирюзкухи, эти. 146
Фолькенштейн В., им. 651
Фольклор 358—362, 411, 445, 484, 496, 510—513, 637—640, 680, 681
Форсигу (порсигу), этн. 658
Фрада, им. 56
Фракийские геты, этн. 48
Фракийский яз. 131, 535
Фрако-киммерийские племена 48
Франция 108, 198, 355, 508
ФРГ 198
Фрейман А. А., им. 136, 139
Фригийский яз. 131
Фрунзе, гор. 510
Фрунзе М. В., им. 104, 193, 544
Фуркат Закирджан, им. 103, 190, 353, 364, 365
Фурманов Д., им. 380

Хавалинг, геогр. обл. 306
Хаджибадская надпись, арх. 144
Хазария, ист. 79
Хазарский каганат, ист. 411
Хазарский яз. 117
Хазары, этн. 73, 116, 117, 411
Хазор-Чашма, нас. п. 543
Хазрати-Бурх, им. рел. 625
Хазраткулов Абдукарим, им. 395
Хазрет Даут, им. рел. 451
Хазудж, нас. п. 153
Хаит, нас. п. 546
Хайдар им. рел. 321
Хайдаров Кадырджан, им. 392
Хайритдинов Кияс-жырау, им. 513
Хайям Омар, им. см. Омар Хайям
Хакасская А. О., 85
Хакасский яз. 120, 121, 124
Хакасы, этн. 85
Хакимов Джалил, им. 394
Халбаева Зульфия, им. 400
Халилов М., им. 652
Халкабад, нас. п. 490
Халмурадова, им. 342
Халмуратов Уразмет, им. 504
Хамадан, ист. 171
Хамдаллах Казвини, им. 171, 172
Хамдами Бахрам, им. 406
Хамди, им. 643
Хамза Хаким-заде Ниязи, им. 103, 190, 364, 365, 371, 378, 382—384, 518
Хами (Комул), гор. 130
Хамид Алимджан, им. 366, 367
Хамраев И., им. 375
Хамраев Р., им. 386
Хамраев Э., им. 385, 386
Хамун, оз. 140
Ханки, нас. п. 394
Хан-Тенгри, г. 9
Ханты, эти. 481
Ханыков Н., им. 95
Хардури, эти. 530
Харес Митиленский, им. 359
Харьков, гор. 108
Хасан, им. рел. 321, 620, 626
Хасанова, им. 342
Хасанова Шамсрой, им. 404, 405
Хасарли, диал. см. Туркменский яз., диал.
Хафиз Ширази, им. 641, 642
Хафизи Абру, им. 89
Хашимов Н., им. 375
Хезарейцы (хазара), этн. 146
Хеннинг В. Б., им. 139, 140, 142, 144
Хива, гор., геогр. обл. 236, 245, 267, 278, 280, 281, 285, 297, 346, 347, 360, 364, 378, 392, 394, 396, 397, 401, 417, 418, 425, 475, 524
Хивинский оаз. 132, 418, 423
Хивинский р-н 106
Хивинское хан. 92—95, 99, 100, 104, 105, 114, 174—177, 179, 180—182, 184, 189, 191, 192—194, 213, 246, 274, 346, 347, 413, 415—420, 422—425, 430, 461, 462, 484
Хидоятов Абрар, им. 378, 380, 382, 383, 405
Хик, этн. 657
Хилоли, им. 642, 648
Хингоу, р. дол. 529, 574, 611, 625, 627, 667
Хинди, яз. 349
Хионниты, этн. 68—72, 78, 532
Хисрав Насир, им. см. Насир Хисрав
Хлопководство 9, 19, 20, 28, 32, 37, 107, 112, 181, 182, 198, 199, 207, 208, 212—219, 250, 420, 421, 426, 428, 432, 436, 437—439, 445, 542, 548, 549, 554, 560, 562—566, 665; см. также Сельское хозяйство
Ходжа Ахмед Ясави, им. 123, 129, 362
Ходжа Ахрор, им. 319
Ходжаев А., им. 383, 384
Ходжаев С., им. 386
Ходжаев Сулейман, им. 392
Ходжаева С., им. 375
Ходжаниязов С., им. 517
Ходжейли, гор. 409, 423, 449, 452, 454, 466, 468, 506, 518, 526
Ходжейли-Кунградская ирригационная система 434, 436
Ходжейлинский окр. 425
Ходжейлинский р-н 408, 438, 490
Ходжейлинское бек. 419
Ходжент, гор. 135, 171, 239, 577, 581, 628, 656
Ходжент, геогр. обл. 74, 93, 537, 538
Ходжентский окр. 547
Ходжентский у. 541
Ходжикабад, нас. п. 248
Ходжи-Оби-Гарм, нас. п. 637
Хозяйственно-культурные типы 16, 32, 34—37
Хой-чао, им. 532
Хондемир, им. 89
Хорасан, геогр. обл., 12, 146, 530
Хорасан, ист. 69, 76, 132, 137, 144—148, 158, 174, 412
Хорасанский диал. белуджского яз. 12

Хорасанский тип см. Антропологические типы
Хорасмии, этн. 48
Хорезм, ист. 25, 35, 40, 42—44, 46, 47, 50—56, 58—60, 62—64, 66, 68, 69, 71, 72, 74, 76, 79, 80, 82—85, 87, 94—96, 110, 116, 118, 133, 138, 140, 162, 163, 166, 168—171, 174, 178, 237, 395, 402, 411
Хорезм, геогр. обл. 195, 200—202, 204, 241, 242, 251, 258, 263, 273, 276, 279, 282, 288, 294, 296, 297, 298, 301, 315, 316, 317, 324, 326, 339, 345, 356, 360, 369, 370, 410, 413, 416, 424, 432, 458, 467, 480, 482, 491,512, 520, 524
Хорезми, им. см. Мухаммед ибн-Муса ал-Хорезми
Хорезми Хайдар, им. 362
Хорезмийский яз. 74, 116, 118, 122, 127, 131—135, 138—143, 147, 152
Хорезмийцы, этн. 49, 56, 58, 59, 79, 80, 82, 116, 122, 127, 132, 133, 138
Хорезмская Народная Советская Республика 104—106, 195, 425
Хорезмская низм. 24
Хорезмская обл. 165, 196, 217, 225, 261, 293, 306, 360, 408, 455
Хорезмский оаз. 24, 35, 48, 167, 174, 199, 200, 206, 256, 265, 408, 416, 425, 427, 432, 462, 476
Хорезмшахи, ист. 86, 87, 93, 118, 138, 169, 170, 174
Хорог, гор. 31, 153, 582, 651, 658, 662, 672, 673, 676, 680—682
Хотан, геогр. обл. 70, 141, 535
Хотано-керийский диал. см. Уйгурский яз., диал.
Хотано-сакский яз. 141, 143, 152, 535
Христианство см. Религии и религиозные верования
Хрущев Н. С., им. 6, 108, 109, 112, 562, 564
Хувайдо, им. 345
Худжанди Камол, им. 641, 642
Худойдод-заде Бобоюнус, им. 640
Художественная обработка металла см. Изобразительное искусство
Художественный текстиль см. Изобразительное искусство
Хулагиды (Ильханы), ист., дин. 87
Хунза, р. 153
Хусейн, им. рел. 321, 620, 626
Хусейн-заде Ш., им. 647
Хусейни, им, 362
Хуссейн Байкара, им. 171
Хутталян (Хуталь), ист. 74, 143, 536
Хуф, дол.р. 153, 551, 658, 665, 668, 669
Хуфский диал., гов. 152—154
Хуфцы, этн. 657, 658, 668

Целинный край 10, 17, 112
Центральноазиатский тип см. Антропологические типы
Цеховые организации см. Ремесла и домашние промыслы
Цукерман И. И., им. 158
Цыгане среднеазиатские, этн. 5, 7, 12, 146, 165
Чаганиан, ист. 69, 74
Чагатаи, этн. 171; см. также Узбеки
Чагатаиды, ист. дин. 170, 536
Чагатай, этн. 530
Чагатайская (юго-восточная) группа тюркских яз. 115
Чагатайский улус, ист. 87, 88, 129, 171
Чагатайский яз. см. Староузбекский яз.
Чайковский П. И., им. 384, 651, 652
Чалканский диал. см. Алтайский яз. диал.
Чарвакское водохранилище 206
Чардаринское водохранилище 112
Чарджоу, гор. 23, 73, 111, 261, 424, 448, 459, 460
Чарджоуская обл. 122, 166
Чарджоуский р-н 122
Чартак, нас. п. 276, 337
Чаткал, р. 530
Чаткальский хр. 23, 30
Чач, ист. 68, 73, 74, 76, 82, 132, 135 147, 167—169, 359, 411
Челек р-н 400
Челябинск, гор. 250
Черкасов, им. 661
Чермен-яб, древний кн. 66
Черное море 59
Черные клобуки, этн. 412
Черняев М. Г., им. 462
Чехословакия 355
Чеченцы, этн. 11
Чжан цянь, им. 59
Чигильские племена 118, 123, 169
Чигильский яз., диал. 122, 123, 169
Чигильское племенное объединение 118
Чильпык, *возв.* 430
Чимбай, гор. 409, 417, 421, 423, 424, 438, 449, 452, 454, 462, 465, 466, 468, 487, 504, 506, 518, 521, 527
Чимбайская ирригационная система 434
Чимбайский р-н 408, 409, 436, 462, 550, 551
Чимган, кур. 338
Чимкент, гор. 128
Чимкентский у. 180
Чин см. Китай
Чиназский р-н 315
Чингистау, г. 28
Чингис-хан, им. 86, 87, 92, 170
Чирик-Рабат, арх. пам. 51, 58, 410
Чирчик, гор. 165, 170, 247—252, 255 270, 340
Чирчик, р. дол. 170, 203, 204, 206, 250, 264
Чирчик-Ангренская долина 199, 206,
Читгарон, нас. п. 274
Читрал, геогр. обл. 153
Чор-аймак, этн. 146
Чу, р. 16, 27, 76, 91, 535
Чубекский кн. 562
Чуваши, этн. 117, 120, 484
Чувашский яз. 117
Чуйская дол. 50, 163, 175
Чуковский К., им. 368
Чулаки М., им. 384
Чуст, нас. п. 293, 300
Чусти, им. 383
Чустское поселение, арх. пам. 44
Чыкин Чур Бильга, им. 132

Шаартуз, нас. п. 578
Шаббаз, гор. 421, 424, 513; см. также Бируни, гор.
Шайх-заде М., им. 366—368

Шалекенов У., им. 509
Шамса Х., им. 366
Шамсутдинов Ф., им. 375
Шамуннаби, рел. 490
Шамуратов Амет, им. 521
Шамуратов Жапак-баксы, им. 513, 521
Шамуратова Аимхан, им. 521
Шапур I, им. 144
Шарафуддин Йезди, им. 172
Шарипов Пулат, им. 342
Шаумаров Шораим, им. 379
Шахдара, ист. 660
Шах-Дара (Шахдара), р. 153, 658, 668, 671, 682
Шахиди Зиядулло, им. 648
Шахимардан, р. 23
Шахинам, ист. см. Шугнан
Шах-Мурад, им. 268
Шахобов Фазлиддин, им. 648
Шахринау, нас. п. 568, 582
Шахристан, нас. п.. 529
Шахрисябз, гор. 59, 88, 93, 179, 265—267, 294, 299, 300, 315, 394, 396, 400
Шахрисябзский р-н 283, 301
Швейцария 355
Шевердин М. И., им. 368
Шейбаниды, ист. дин. 172, 173
Шейбани-хан, им. 91, 167, 171, 172
Шекспир В., им. 383, 651, 652
Шер-Али, им. эп. 639
Шери худо, им. рел. 321
Шива, им. рел. 64
Шиллер Ф., им. 378, 383
Шипат, нас. п. 153
Ширабад-Дарья, р. 529
Ширабадский р-н 200, 299
Ширабадское бек. 176
Ширак, им. эп-56
Шопан-ата, им. рел. 441
Шора-батыр, им. эп. 512
Шорский яз. 121, 124
Шорштейн К. О., им. 378
Шоумаров Ш., им. 374
Шохин, им. 103
Шугнан, геогр. обл. 142, 575, 659, 673
Шугнан, ист. 74, 536, 659—661, 665, 667, 669—671
Шугнан, нас. п. 674—676, 678, 680, 681
Шугнано-рушанские яз. (группа) 12, 140, 152—155, 664, 679
Шугнанский р-н 153, 154, 672
Шугнанский яз., диал. 12, 141, 142, 152, 153
Шугнанцы, эти. 12, 535, 657—659, 662
Шугни, этн. 658
Шудрак, им. 519
Шукухи А., им. 647
Шуллук, этн. 409
Шуман (Гиссар), ист. 534
Шуманай, кн. 436
Шуманайский р-н 474
Шуманайское бек. 419
Шураб, нас. п. 578, 636
Шурахан, нас. п. 421, 423, 424
Шурмашк, нас. п. 550, 551
Шурчинский р-н 289

Эглы, этн. 56
Эдигей, им. 413
Эйлатанское городище, арх. пам. 54
Эйнаули, диал. см. Туркменский яз. диал.
Эйхгорн А. Ф., им. 371
Экваториальная раса см. Антропологические расы
Экзогамия см. Семья и семейно-брачные отношения
Электрификация 25, 107, 108, 111, 112, 199, 206, 226, 248, 250, 253, 273, 289, 436, 455, 457, 466, 561—563, 578, 580, 582
Элефантина, о. 58
Эль-Регистан, им. 653
Эмба, р. 36, 110, 413, 414
Эминов Кязим, им. 406
Энгельс Ф., им. 191
Энвер-паша, им. 546
Энеолит, арх. 40—42; см. также Археологические сведения
Эра Шака, ист. 63
Эргаш Джаманбульбуль-оглы, им. 359, 360
Эрсаринский диал. см. Туркменский яз., диал.
Этногенез, этническая история 38—92, 129, 167—172, 410—413, 429, 482, 483, 484, 531—537
Эфталитская империя, ист. 69, 72, 168
Эфталитский яз. 73, 143
Эфталиты, этн. 68—73, 75, 78, 142, 168, 532, 659

Ювелирное дело см. Ремесла и домашние промыслы, а также Изобразительное искусство
Юдаков С., им. 374, 375
Юдин С. П., им. 402
Южно-Казахстанская обл. 166, 559
Южнорусские стп. 85
Южносибирский тип см. Антропологические типы
Южный Голодностепский кн. 205
Южный Ташкентский кн. 204
Южный Ферганский кн. 204
Юз (юзы), этн. 172
Юлдашев Рахим, им. 654
Юлдашев Ф., им. см. Фазыл Юлдаш-оглы
Юлдашев Х., им. 342
Юлдаш-шаир, им. 360
Юнусов С. Ю., им. 355
Юнусов Т., им. 657
Юстин, им. 532
Юсупов И., им. 517, 657
Юсупов Рахматулла, им. 360
Юсупова Р., им. 375
Юсуф Амири, им. 362
Юсуф хас-хаджиб Баласагуни (Юсуф Баласагунский), им. 84, 170, 359
Юсуфи М., им. 384
Юсуфи Х., им. 646
Юэчжи, этн. 59, 532

Яванский р-н 306
Ягма, этн. 83, 169
Ягноб, р., дол. 137, 149, 151, 530, 559. 575, 596, 612
Ягнобский яз., гов. 12, 133, 140, 149—152, 154, 535; секретный яз. ягнобцев 151, 152
Ягнобцы, этн. 12, 146, 530, 531, 559

Язгулем ист. 660, 661, 667, 669, 670, 678, 679
Язгулемский хр. 658
Язгулям, р. 153, 529, 658, 679
Язгулямский (язгулемский) яз. 12, 140, 153—156
Язгулямцы (язгулемцы), этн. 12, 657—659, 662, 674, 679
Языр (язгыр), этн. 78, 97
Яик, р. см. Жаик (Урал)
Якке-Парсан, арх. пам. 75, 76
Янке-Парсан 2, арх. пам. 46
Як-Сарт, р. см. Сыр-Дарья, р.
Яксарты, этн. 170
Якуб Дженди, им. 138
Якубов Кари, им. 378
Якубов Ш., им. 344
Якутский яз. 120, 121, 123, 124
Янги-Ер, гор. 204, 270,
Янгикент, гор. 78, 411
Янги-хисарский гов. см. Уйгурский яз., диал.
Янги-Юль, нас. п. 248, 251, 270
Яньцай, ист. 68
Япония 199
Ярматов К., им. 386—388, 653
Ярхун, р. 153
Ясевия рел. орден см. Религии и религиозные верования, суфизм
Ясы-аланы, этн. 78
Ях-су, р. 529
Яшен К., им. 366, 367, 380, 382—384, 386, 650
Яшты см. Авеста

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
Введение 9
Географический очерк Средней Азии и Казахстана 15
Основные этапы этнической истории народов Средней Азии и Казахстана . . . 38
Тюркские языки народов Средней Азии и Казахстана 115
Иранские языки народов Средней Азии 131
Антропологический состав населения Средней Азии и Казахстана 159
Узбеки 165
Каракалпаки 408
Таджики 528

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список литературы 685
Глоссарий 705
Список иллюстраций 725
Список карт 736
Список заставок и концовок 737
Указатель 739

Народы Средней Азии и Казахстана
Том I

Утверждено к печати Институтом этнографии Академии наук СССР

Редакторы издательства *А. П. Кусургашева, Е. М. Фонберг*
Технический редактор *С. Г. Тихомирова*
Корректор *Н. Я. Маркович*

*

РИСО АН СССР № 148—90В. Сдано в набор 3/IV 1962 г. Подписано к печати 22/VIII 1962 г. Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 48 +16 вклеек. Усл. печ. л. 65,76+16 вкл. Уч. изд. л. 73,0 (68,8+4,2 вкл.) Тираж 3750 экз. Т-099613. Изд. № 5143. Тип. заказ № 651

Цена 4 руб. 83 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., д. 21
2-я типография Издательства АН СССР. Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 10

СПИСОК ОПЕЧАТОК И ИСПРАВЛЕНИЙ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
7	8 св.	«Русское и украинское население...	«Русское, украинское и белорусское население...
13	9 сн.	в Таджикской ССР — с 33% до 46%	в Таджикской ССР — с 17% до 33%, в Туркменской ССР с 33% до 46%
16	24 сн.	Или, Тобол	Или,
36	14 сн.	обуовилелеы	обусловлены
85	6 сн.	Хакасской и Тувинской автономных областей	Хакасской АО и Тувинской АССР
115	11 св.	четыре группы	три группы
131	16 св.	(бурнинскому)	(бурнинскому)
154	9 сн.	*хӧш*	*хіш*
156	14 сн.	носов	основ
166	15 св.	Синцзян-уйгурской автономной области	Синцзян-уйгурского автономного района
170	15 сн.	*кангли*	*кангли*
329	13 сн.	бешик-тый	бешик-той
359	2 св.	Зариндре	Зариндре
369	3 сн.	Духох	Дугох
372	подпись в таблице	11 — «танбур»	11 — «нагора»
377	подпись к рис.	Махони Рао	Мохани Рао
652	подпись к рис.	Гильру	Гульру
657	6—7 сн.	(*хунуни*)	(*хугиуни*)
657	5 и 6 сн.	буква ч	буква ҷ
664	21 сн.	*чаңау*	*чаҷау*
749	Указат.	Каранмы, нас. п.	Каранмы, этн.
767	»	Янке-Парсан	Якке-Парсан

Зак. 651

Внимание!

Этнографическая карта Средней Азии и Казахстана и карта «Хозяйственные типы Средней Азии и Казахстана» будут помещены во втором томе